ОБЗОРЪ

ИСТОРІИ РУССКАГО ПРАВА

Проф. М. Ф. Владимірскаго-Буданова.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

СЪ ДОПОЛНЕНІЯМИ.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА Н. Я. ОГЛОБЛИНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
Малая Садовая, № 4.

КІЕВЪ,
Крещатикъ, № 33

1888.

ДК

Печатать дозволяется 1887 г. Октября 3-го дня.

Ректоръ **Н. Рененкампфъ.**

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ.
711
30

КІЕВЪ,
Типографія И. Н. Кушнерева и К°, Елисаветинская ул., д. Михельсона.
1888.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемый „Обзоръ“ отнюдь не есть изложеніе науки въ полномъ учебномъ ея объемѣ: онъ долженъ служить только *пособіемъ при слушаніи лекцій*. Содержа въ себѣ указаніе вопросовъ науки въ ихъ систематическомъ порядкѣ. „Обзоръ“ предполагаетъ изложеніе дѣйствительнаго содержанія ея посредствомъ устнаго изложенія.

Приводимыя цитаты изъ лѣтописныхъ источниковъ въ подлинномъ текстѣ назначаются для тѣхъ слушателей, которые сами не могутъ ознакомиться съ лѣтописнымъ матеріаломъ. Изъ законодательныхъ памятниковъ тексты не приводятся, потому что самые памятники должны быть извѣстны каждому студенту: для послѣдней цѣли существуетъ отдѣльное пособіе: „Христоматія по исторіи русскаго права“.

„Обзоръ“ раздѣленъ на двѣ части, изъ которыхъ въ первой заключается исторія русскаго государственнаго права, а вторая содержитъ въ себѣ, такъ сказать, особенную часть курса этой науки. Авторъ принужденъ былъ выдѣлить ее изъ общаго хронологическаго состава науки обстоятельствами чисто-внѣшними, а именно необходимостію (по его мнѣнію) отнести преподаваніе исторіи русскаго уголовнаго и гражданскаго права, а равно и процесса, къ тѣмъ семестрамъ, когда слушатели уже усвоили

основныя юридическія понятія и когда они могутъ пройти названныя части нашей науки съ большею основательностію и пользою для себя.

Въ настоящемъ второмъ изданіи „Обзора“ сдѣланы по мѣстамъ дополненія и поправки, которыя авторъ призналъ необходимыми.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

стр.

Понятіе о наукѣ 1
Предметъ ея . . . . . —
Методъ 2
Объемъ науки 4
Періоды исторіи русскаго права 5
Литература исторіи русскаго права 6

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ИСТОРІЯ РУССКАГО ГОСУДАРСТВЕННАГО ПРАВА

ПЕРІОДЪ I—ЗЕМСКІЙ (IX—XIII).

Литература 10

А. Территорія.

1. **Элементы,** изъ которыхъ составилось русское государство (теоріи родовая, общинная, задружнаго быта, волостная) 11
2 **Понятіе** о древне-русскомъ государствѣ и термины, обозначающіе это понятіе 12
3. **Время образованія** государства—Земли. 13
а) до-историческое происхожденіе русскихъ земель . . . . . —
б) значеніе прибытія династіи Рюриковичей 14
в) значеніе удѣльной системы 15
г) отношеніе земской единицы къ дробности княженій . . . . —
д) начало группировки нѣсколькихъ земель въ одно государство 16

стр.

4 **Число** и внѣшній составъ древне русскихъ земель . . . . . —

5. **Внутренній составъ земли:** понятіе о городѣ и о городѣ старшемъ, пригороды и волости 7

Отношеніе стараго города къ пригородамъ и волостямъ . . 8

Б. Населеніе.

1. **Этнографическій составъ** населенія русскаго государства (время образованія русской націи) 25

Этнографическіе элементы, вошедшіе въ составъ русской національности (инородческіе) 26

2. **Соціальный составъ** населенія (классы общества) . . . . . —

а) **Бояре** земскіе 27

Дружинники 28

Вопросъ о корпоративномъ единствѣ и правахъ боярскаго класса 31

б) **Горожане**: разряды ихъ, гости, купцы, черные люди . . . 33

Права городскихъ людей . . . . . —

в) **Смерды** (сельское населеніе) 34

Свободные сельскіе обыватели . . . . . —

Изорники Псковскіе . . . . . —

Прикрѣпленіе экономическое (закупничество) 35

Несвободное сельское состояніе . . . . . —

В. Власть.

Общія черты государственнаго устройства всѣхъ русскихъ земель:

1. Происхожденіе и первоначальный характеръ государств. власти . . 35

2. Формы верховной власти 36

а) **Княжеская власть:** происхожденіе ея, родовой составъ княжеской власти . . . . . —

Пріобрѣтеніе и передача княжеской власти. наслѣдованіе по закону и по завѣщанію 37

Избраніе 38

Взаимное отношеніе наслѣдованія и избранія . . . . . —

Добываніе столовъ 39

Символы пріобрѣтенія власти . . . . . —

Потеря княжеской власти 40

Первоначальная неограниченность 41

Власть князей по отношенію къ религіи . . . . . —

Власть управленія, суда и законодательства 42

Ограниченія власти: рядъ народа съ княземъ 43

стр.

б) **Боярская дума:** понятіе о ней и наименованіе 43
Составъ боярской думы: бояре, старцы, епископы 44
Засѣданія думы 46
Права ея по отношенію къ князю и вѣчу . . . . . –
Фактическій объемъ вѣдомства думы 47
в) **Вѣче:** понятіе о немъ 48
Происхожденіе и первая эпоха въ развитіи народныхъ собраній 49
Вторая эпоха (IX—X) 49
Третья эпоха (XI—XIII) 50
Составъ вѣча . . . . . —
Участіе пригорожанъ на вѣчѣ . . . . . —
Всесословность вѣча 51
Кто могъ собирать вѣче 52
Способы созыва . . . . . —
Мѣсто собраній . . . . . —
Способъ обсужденія дѣлъ и постановка рѣшеній 53
Права вѣча: всеобщность вѣчевой формы 54
Вѣдомство вѣча: законодательство, дѣла внѣшнія, внутреннее управленіе и судъ 55

Особенныя черты государственнаго устройства нѣкоторыхъ русскихъ земель.

1. Особенности **Галицко-Волынскаго** государственнаго устройства . . . 56
Права бояръ въ отношеніи къ княжеской власти 57
Въ отношеніи къ вѣчу 58
2. **Новгородско-Псковское** государственное устройство: происхожденіе его отличій 59
Существенныя особенности Новгорода: по избранію князя, по участію вѣча во внѣшней политикѣ, по ограниченію административной и судебной власти князя 61
Выборный посадникъ 62
Новгородская боярская дума 63
Отличія Псковскаго устройства . . . . . —
3. Особенности государственнаго устройства **сѣверо-восточныхъ земель** и источникъ ихъ . . . . . —

Начала государственнаго объединенія всѣхъ русскихъ земель:

1. Національное единство 64
2. Объединеніе территоріи 65
3. Начала единства государственной власти: теорія Карамзина о власти „великаго князя“ . . . . . —

стр.

Теорія Соловьева о коллективной власти всего княж. рода . . 66

Союзъ князей: составъ союза, дѣйствія его во внѣшнихъ и внутреннихъ государственныхъ отношеніяхъ 67

Княжескіе съѣзды 70

Г. Управленіе.

1. **Органы управленія: центральные** княжескіе 71

Земскіе (тысяцкіе. сотскіе) 72

Мѣстное управленіе: составныя части земли: пригороды, тысячи, погосты (верви, губы), волости, пограничныя провинціи . 74

Органы мѣстнаго управленія. посадники и органы самоуправленія 75

2. **Предметы управленія:** полиція 76

Экономическое управленіе 77

Народное просвѣщеніе 78

Финансовое управленіе 79

Дань и урокъ. происхожденіе дани . . . . . —

Способъ взиманія . . . . . —

Единицы обложенія 80

Предметы, которыми взималась дань . . . . . —

Пошлины 81

Новшества . . . . . —

Государственныя имущества . . . . . —

Военное управленіе: дружины и земское ополченіе 82

Д. Законодательство.

(источники права).

1. **Обычное право:** происхожденіе его 83

Выраженіе обычнаго права 84

Свойства его 86

2. **Вліяніе и рецепція чужаго права:** а) **договоры русскихъ съ греками:** число, содержаніе, подлинность и отношеніе къ исторіи русскаго права . . . . . —

Договоры съ нѣмцами 88

б) Рецепція византійскаго права 89

Рецепированные кодексы 90

3. **Уставы церковные:** вопросъ о ихъ подлинности . . . . . —

4. **Русская Правда:** понятіе о ней; происхожденіе ея; составъ ея . . . 91

Русская правда Ярослава 92

Русская правда Ярославичей . . . . . —

стр
Правда пространная 93
Источники Русской правды . . . . . —
5 **Псковская и Новгородская судныя грамоты** 94
Составъ и источники Псковской судной грамоты . . . . . —
Новгородская судная грамота 95

ПЕРІОДЪ II. МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО.

Литература 97
Отношеніе къ предыдущему періоду 98
Исходные моменты втораго періода. движеніе нѣмцевъ на востокъ 99
Татарское нашествіе 101
Вопросъ о татарскомъ вліяніи на Московское государственное право 102

А. Территорія Московскаго государства.

1. **Элементы**, изъ которыхъ составилась территорія Московскаго государства 104
2. **Начало единодержавія:** государственный строй сѣверной Руси въ XIV вѣкѣ . . . . . —
Объединеніе Суздальской земли 105
3. Отношеніе вел. княж. Московскаго къ прочимъ сѣверно-русскимъ землямъ: **сѣверно-русскій союзъ** 108
Признаки дѣйствительнаго существованія этого союза . . . . —
Объемъ его 109
Основанія союза . . . . . —
4. **Установленіе единодержавія** въ XV вѣкѣ 110
5. **Расширеніе территоріи** Московскаго государства на востокъ 112
6 Неполнота принципа единодержавія 113

Б. Населеніе.

1. **Этнографическій составъ** населенія: а) національное начало въ основѣ Московскаго государства . . . . . —
б) Стремленіе его къ общерусскому значенію . . . . . —
в) Примѣсь инородческаго начала 114
2. **Соціальный составъ** населенія (классы общества) 115
а) **Служилые люди:** элементы, изъ которыхъ составился служилый классъ: бояре и слуги (дворяне) 116
Способъ образованія служилаго класса: приниженіе правъ бояръ 117

стр.

Возвышеніе правъ дворянъ 118
Составляетъ-ли служилый классъ сословіе? (разряды служилыхъ людей) 119
Способы вступленія въ высшій классъ (верстаніе) 120
Служилые иноземцы 121
Выходъ изъ состоянія служилыхъ людей . . . . . —
Права и преимущества лицъ служилаго класса: личныя, имущественныя и государственныя 122
Мѣстничество 123
б) **Тяглые люди: посадскіе люди** (городское населеніе); разряды ихъ: гости 125
Торговые люди 126
Посадскіе черные люди 127
Образованіе отдѣльнаго класса городскихъ обывателей чрезъ прикрѣпленіе 128
Крестьяне (сельское населеніе): состояніе крестьянъ въ XIV—XVI вв.: населеніе черныхъ волостей (члены общины и нечлены ея) . . 129
Населеніе частныхъ вотчинъ 132
Отношеніе перехожихъ поселенцевъ къ землевладѣльцу. рядныя записи; неустойка, срокъ договора 133
Пожилое; льгота; размѣръ участковъ; величина оброка; издѣльныя повинности 134
Подмога или ссуда (серебренники) 137
Прикрѣпленіе: партикулярныя мѣры законодательства 138
Мѣры Бориса Годунова 139
Общій законъ о прикрѣпленіи (Улож. ц. А. М. гл. XI) . . . 141
Значеніе прикрѣпленія и положеніе крестьянъ послѣ прикрѣпленія 142

B. Власть.

Литература 143
Формы власти . . . . . —
а) **Великій князь и царь:** титулъ (государь, Божіею милостію, царь) . . 144
Способы усвоенія и передачи власти: наслѣдованіе по закону 146
По завѣщанію 147
Моментъ начала власти преемника . . . . . —
Избраніе 148
Утвержденіе и религіозное освященіе власти (вѣнчаніе) . . . 149
Права власти великаго князя и царя 150

стр.

По отношенію къ церкви (теократическій характеръ государства) 151
По отношенію къ территоріи (вотчинный характеръ государства) 153
По отношенію къ населенію (патріархальн. характеръ власти) 154
По отношенію къ самой власти . . . . . —
б) **Боярская дума:** главнѣйшіе моменты въ исторіи ея. 1-я эпоха . . 155
2-я эпоха (XVI в.) 156
3-я эпоха (XVII в.) 158
Составъ боярской думы: бояре (введенные), князья . . . . . —
Окольничіе, думные дворяне и думные дьяки 159
Полученіе званія думнаго человѣка 160
Число членовъ думы . . . . . .
Засѣданія ея . . . . . .
Права боярской думы по отношенію къ законодательству . . 161
Относительно рѣшенія вопросовъ внѣшней политики . . 162
Относительно суда и управленія 164
в) **Земскіе соборы:** возникновеніе и исторія ихъ 1-я эпоха соборовъ (соборы XVI в.) . . . . . —
2 я эпоха (соборы XVII в.), при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ . . 165
Соборы при Алексѣѣ Михайловичѣ 167
Упадокъ и прекращеніе созыва соборовъ 168
Составъ и засѣданія земскаго собора . . . . . —
Сословное и территоріальное начало въ составѣ зем. собора . 169
Право созыва соборовъ, способъ созыва, избирательные округи, избиратели, цензъ, число выборныхъ, способъ выбора 170
Засѣданіе собора: открытіе собора, обсужденіе, рѣшеніе . . 171
Права и значеніе земскихъ соборовъ, основанія правъ ихъ . 172
Права по отношенію къ избранію царя 173
По дѣламъ внѣшней политики . . . . . —
По вопросу о наложеніи новыхъ податей . . . . . —
Въ дѣлѣ законодательства 174
Право петицій . . . . . —

Г. Управленіе.

Литература 175
1. **Центральное управленіе:** исторія его 176
Система органовъ центральнаго управленія (приказы) . . 177
а) Органы дворцово-финансоваго управленія 178
б) Органы военнаго управленія . . . . . —
в) Органы судебно-административные . . . . . —

стр.

г) Органы центрально-областнаго управленія 179
д) Органы спеціальныхъ вѣтвей управленія 180
е) Органы государственно-церковнаго управленія . . . . . —
Внутренняя организація приказовъ 181
2. **Мѣстное управленіе:** исторія московской провинціи (уѣзда) . . . . —
Исторія мѣстнаго управленія:
а) Система кормленій. намѣстники и волостели 182
Выборная система органовъ самоуправленія при намѣстникахъ 184
б) Земское самоуправленіе XVI в.. губныя учрежденія . . . —
Земскія учрежденія 185
в) Приказно-воеводское управленіе XVII в.: воеводы и дьяки 186
Отношеніе власти воеводъ къ самоуправленію 187
Городское самоуправленіе . . . . . —
Общинное самоуправленіе 188
3. **Финансовое управленіе:** а) прямые налоги—**дань:** основаніе обложенія, единицы обложенія (посошная подать) . . . . . —
Величина и роды податей; лица, подлежащія обложенію; способъ взиманія 190
б) Косвенные налоги и пошлины . . . . . —
в) Регаліи 191
Количество государственныхъ доходовъ . . . . . —
4. **Военное управленіе:** а) народное ополченіе и посошная служба . . . —
б) Дворянскіе полки 192
в) Постоянныя войска . . . . . —
5. **Ямское и почтовое управленіе** 193
6. Мѣры государства относительно **народнаго просвѣщенія** 194

Д. Законодательство.

1. **Жалованныя и уставныя грамоты:** а) жалованныя грамоты (привилегіи): въ тѣсномъ смыслѣ, грамоты льготныя, охранительныя 195
б) Уставныя грамоты намѣстничьяго управленія 198
Губныя грамоты 199
Уставныя земскія 200
2. **Судебники и указныя книги:** судебникъ вел. кн. Іоанна Васильевича 1497 г.: его источники . . . . . —
Содержаніе и система 202
Судебникъ царскій 1550 г . . . . . —
Его источники 203
Сила дѣйствія закона и его отношеніе къ обычному праву въ эпоху судебниковъ 204
Стоглавъ . . . . . —

стр.

Указныя книги приказовъ: способъ образованія ихъ . . 205
Число и содержаніе ихъ 206
Практическая рецепція чужаго права въ эпоху судебниковъ 207
3 **Уложеніе ц. Алексѣя Михайловича и новоуказныя статьи:** исторія составленія уложенія . . . . . —
Источники его 208
Система и содержаніе уложенія 210
Новоуказныя статьи 211
Уставы . . . . . —

ПЕРІОДЪ III ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО ИМПЕРІИ.

Литература 213
Отношеніе къ предыдущему періоду 215

А. Территорія.

Движеніе на западъ (образованіе общерусскаго государства), движеніе на югъ, на востокъ . . . . . —

Б. Населеніе.

Образованіе сословій:
1. **Шляхетство или дворянство:** наименованіе 217
Время и способъ образованія его 218
Элементы, изъ которыхъ создано шляхетство . . . . . —
Способы пріобрѣтенія дворянства 219
Права и преимущества дворянства 220
2. **Мѣщанское сословіе:** наименованіе; элементы, вошедшіе въ него; права и обязанности . . . . . —
3. **Состояніе сельскихъ обывателей и крѣпостное право:** образованіе крѣпостнаго права 222
Элементы, вошедшіе въ него . . . . . —
Источники крѣпостнаго состоянія 223
Юридическое положеніе крѣпостныхъ 224
Выходъ изъ крѣпостнаго состоянія 225
Ограниченія его 226
Эманципаторскія идеи и уничтоженіе крѣпостнаго сотоянія . —

В. Власть.

1. **Титулъ;** новыя основанія власти 227
Переворотъ въ порядкѣ **преемства** . . . . . —

стр.

2. **Права власти** верховной: опредѣленіе ихъ; попытка верховниковъ 1730 г.; Екатерининская коммиссія для сочиненія проэкта новаго Уложенія, образованіе государственнаго совѣта 228

Г. Управленіе.

1. **Центральное управленіе:** а) **сенатъ** и другія высшія учрежденія: Ближняя канцелярія; учрежденіе сената, сенатъ при Петрѣ Великомъ 231

Фискалы и прокуратура 233

Сенатъ при существованіи верховнаго тайнаго совѣта . . —

Елизаветинскій сенатъ 234

Сенатъ Екатерининскій . . . . . —

Сенатъ Александровскій 235

б) **Св. Синодъ:** учрежденіе его . . . . . —

в) **Коллегіи:** учрежденіе ихъ . . . . . —

Система коллегій 236

Вѣдомство ихъ . . . . . —

Внутренняя организація . . . . . —

Уничтоженіе коллегій и учрежденіе министерствъ . . . 237

2. **Мѣстное управленіе:** а) учрежденія Петра I (раздѣленіе на губерніи, реформа 1718—1720 гг., реакція 1722) 237

б) Учрежденія Екатерины II 1775 г 239

3. **Муниципальное управленіе:** а) при Петрѣ I—бурмистерская палата; магистраты 240

б) при Екатеринѣ 241

Сельское управленіе . . . . . —

4. **Предметы управленія:** полиція, народное просвѣщеніе . . . . . —

Финансовыя мѣры 242

Рекрутская повинность 243

Д. Законодательство.

1. Отношеніе закона къ **обычному праву** 244

2. **Понятіе о законѣ** . . . . . —

Словесные указы . . . . . —

Публикація законовъ . . . . . —

Сила дѣйствія закона 245

Толкованіе закона . . . . . —

3. **Формы закона** . . . . . —

а) Уставы: воинскій, морской, вексельный 246

б) Регламенты 247

г) Кодификація . . . . . —

стр.
Кодификація при Петрѣ I 248
Кодификація при преемникахъ его . . . . . –
Кодификація при Екатеринѣ II (Наказъ) 249
Кодификація въ XIX вѣкѣ и изданіе Свода Законовъ . .

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ИСТОРІЯ РУССКАГО УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Литература 253
Понятіе объ уголовномъ правѣ и его отличительныя черты 254
Періоды исторіи уголовнаго права 255

ПЕРІОДЪ I.

Уголовное право временъ Русской Правды

Общая характеристика періода . . . . . —
Уголовное право **договоровъ съ греками:** убійство; нападеніе на здоровье; преступленія имущественныя 256
Уголовное право **Русской Правды** 260
а) **Преступленіе:** термины; понятіе о преступленіи . . . . . —
Субъектъ преступленія воля и сознаніе, какъ необходимые элементы преступнаго дѣянія . . . . . —
Состояніе аффекта 262
Необходимая оборона . . . . . —
Совокупность воли нѣсколькихъ дѣятелей 263
Пособничество и прикосновенность 264
Преступное **дѣйствіе:** покушеніе . . . . . –
Объектъ преступленія: 265
холопы, закупы; иностранцы; различіе уголовной защиты по общественному состоянію лицъ потерпѣвшихъ . . . . . —
по полу 266
Классификація преступленій 267
Преступленія противъ личныхъ правъ: убійство непредумышленное и предумышленное . . . . . —
Увѣчье . . . . . —
Преступленія противъ здоровья 268
„ противъ чести . . . . . —
„ противъ свободы . . . . . —
„ противъ правъ имущественныхъ 269
Разбой . . . . . —

стр.

Татьба. кража вещей охраняемыхъ; рецидива при татьбѣ, святотатство . . . . . —
Истребленіе чужихъ вещей 270
Поджогъ . . . . . —
Незаконное пользованіе . . . . . —
Преступленія противъ правъ государства верховная измѣна. . . .
Преступленія по службѣ 271
Преступленія гражданъ противъ порядка управленія . . . . . —
Преступленія противъ вѣры: зелейничество, вѣдьство, чародѣяніе . . 272
Преступленія противъ семейнаго права и нравственности . . . . . —
б) **Наказаніе:** термины и общее понятіе 273
Виды наказаній:
Месть общественный характеръ ея 274
Обязательность мести; отношеніе ея къ суду; кто имѣетъ право мстить; за какія преступленія полагается месть; въ чемъ состояла месть; отмѣна мести . . . . . —
Денежные штрафы:
Вира и головничество, дикая вира; круговая порука 275
Продажа и урокъ . . . . . —
Потокъ и разграбленіе 277
Наказанія, возникшія изъ потока: изгнаніе, ссылка, заключеніе, наказанія болѣзненныя и членовредительныя, смертная казнь —
Смѣшанная система уголовнаго права Псковской и Новгородской грамотъ 279

ПЕРІОДЪ II.

Уголовное право московскаго государства.

Общая характеристика . . . . . —
Уголовное право уставныхъ грамотъ (XIV и XV в.) 280
Уголовное право Судебниковъ 281
Уголовное право Уложенія 282

а) Преступленіе.

Субъектъ преступнаго дѣйствія:. . . . . —
Уголовная отвѣтственность холоповъ; возрастъ въ уголовномъ правѣ; психическія болѣзни. 283
Степень участія въ дѣяніи сознанія и воли (умышленное и непредумышленное дѣяніе) . . . . . —
Неосторожность 284
Необходимая оборона. . . . . —
Соотношеніе воли нѣсколькихъ дѣятелей: приказаніе, сообщество —
Пособничество и прикосновенность. 285

стр.

Преступное дѣйствіе: умыселъ, угроза, покушеніе 286
Объектъ и классификація преступныхъ дѣяній 287
Преступленія противъ религіи и церкви богохульство . . . . —
Совращеніе . . . . . —
Насильственное обращеніе въ православіе 288
Волхвованіе и чародѣяніе . . . . . —
Ереси и расколы . . . . . —
Умышленный перерывъ богослуженія 289
Преступленія противъ нравственности . . . . . —
Преступленія государственныя . . . . . —
Оскорбленіе величества 290
Верховная измѣна . . . . . —
Земская измѣна . . . . . —
Преступленія по службѣ . . . . . —
Лихоимство . . . . . —
Отказъ въ правосудіи 291
Волокита . . . . . —
Преступленія гражданъ противъ порядка управленія:
Корчемство . . . . . —
Контрабанда . . . . . —
Карантинныя преступленія . . . . . —
Поддѣлка монеты 292
Преступленія противъ судебной власти.
Лжеприсяга 293
Лжесвидѣтельство . . . . . —
Ябедничество . . . . . —
Преступленія гражданскія 294
Противъ жизни: душегубство (отцеубійство, дѣтоубійство, мужеубійство, убійство господина) . . . . . —
Противъ здоровья: увѣчье . . . . . —
Противъ чести; квалифицированные виды; клевета . . . 295
Противъ правъ имущественныхъ: разбой 296
Грабежъ . . . . . —
Татьба (поличное; повтореніе татьбы; головная татьба; церковная татьба) 297
Мошенничество 298
Поджогъ . . . . . —

б) Наказаніе.

Несовершенства опредѣленій Московскаго уголовнаго закона о наказаніяхъ 299

стр.

Принципъ и цѣль наказанія.

Истребленіе преступниковъ 299

Возмездіе . . . . . —

Устрашеніе 300

Охрана общества 301

Виды наказаній:

Имущественныя наказанія: продажа, пеня, заповѣдь, конфискація —

Личныя наказанія. изгнаніе; ссылка; тюремное заключеніе . . 302

Батоги и кнутъ 303

Наказанія членовредительныя . . . . . —

Смертная казнь . . . . . —

ПЕРІОДЪ III.

Уголовное право имперіи.

Преступленіе 305

Субъектъ преступленія: возрастъ; умопомѣшательство 306

Состояніе аффекта 307

Умыселъ и непредумышленность . . . . . —

Необходимая оборона . . . . . —

Состояніе крайней необходимости . . . . . —

Стеченіе многихъ дѣятелей въ одномъ преступленіи 308

Преступное дѣйствіе: голый умыселъ и покушеніе . . . . . —

Объектъ и классификація преступленій.

Преступленія противъ вѣры . . . . . —

„ противъ нравственности 309

Преступленія государственныя 310

„ гражданскія: убійство; наказуемость самоубійства и поединковъ . . . . . —

Имущественныя преступленія 311

Наказаніе: цѣль наказанія—возмездіе по воинскимъ артикуламъ и охрана общества по наказу Екатерины 312

Виды наказаній: смертная казнь 313

Членовредительныя наказанія . . . . . —

Частичная отмѣна тѣлесныхъ наказаній 314

Каторжныя работы . . . . . —

Лишеніе правъ . . . . . —

Конфискація . . . . . —

ИСТОРІЯ РУССКАГО ГРАЖДАНСКАГО ПРАВА.

А. Лице (субъектъ частнаго права).

стр.

Понятіе о лицѣ и общіе моменты развитія этого понятія 315
Термины; неясность понятія о лицѣ физическомъ въ древнемъ правѣ —
Условія **правоспособности** 316
Полъ . . . . . —
Возрастъ 318
Физическое и умственное здоровье 321
Общественное состояніе 322
Ограниченія правоспособности
Иноземцы и чужеземцы въ періодъ первый . . . . . —
Иностранные дворы и ихъ факторіи 324
Иностранцы осѣдлые и натурализація ихъ 325
Права иностранцевъ въ Московскомъ государствѣ . . . . . —
Права ихъ въ періодъ имперіи 326
Права евреевъ . . . . . —
Изгои: источники изгойства и права изгоевъ 328
Холопы:
Происхожденіе холопства 329
Источники холопства.
Плѣнъ 330
Семейныя отношенія: женитьба на рабѣ; рожденіе отъ рабыни 331
Обязательственныя отношенія: личный наемъ 333
Договоръ займа: закупничество 334
Преступленія 336
Производные источники холопства . . . . . —
Виды холопства: полное и кабальное холопство . . . . . —
Укрѣпленіе холоповъ 337
Юридическое положеніе холоповъ и права господина на холопа по Русской Правдѣ и договорамъ съ нѣмцами . . . . . —
Ограниченія правъ господина въ московскій періодъ и причины этого 339
Освобожденіе холоповъ: по волѣ господина 340
По закону (по винѣ господина и по заслугамъ холопа государству) 341
Конецъ рабства и новое его возникновеніе; указы Годунова и Шуйскаго; истощеніе источниковъ холопства . . . . . —

Б. Исторія русскаго семейственнаго права.

стр.

Литература 344
Понятіе о семьѣ 345
Происхожденіе семьи общеплеменные браки, материнское право . . . 346

I. Союзъ супружескій.

Бракъ.

Формы брака въ **языческую эпоху:** похищеніе (двоякое значеніе его) 348
Покупка: дѣйствительность существованія ея и формы совершенія 349
Приведеніе 350
Бракъ въ **христіанскую эпоху:**
Обрученіе: ученіе о немъ церковнаго, византійскаго и русскаго права 351
Реформа обрученія при Петрѣ I 352
Условія совершенія брака:
а) Возрастъ: ученіе византійскаго и русскаго права о брачномъ возрастѣ 353
Крайній старческій возрастъ 354
Пропорціональность лѣтъ брачущихся 355
б) Умственное здоровье 356
в) Свободная воля и согласіе родителей, ученіе византійскаго права и русскаго обычнаго 357
Узаконенія о томъ Петра I 358
г) Дозволеніе начальства: историческія основанія; выводная куница и новоженый убрусъ. отмѣна Екатериною II 359
Дозволеніе на бракъ военнымъ и гражданскимъ чиновникамъ 350
д) Единоженство. ограниченія многоженства въ языческую эпоху; слѣды многоженства въ христіанскую эпоху 361
Какой бракъ расторгался при двоеженствѣ? 362
Судьба супруговъ при возстановленіи перваго брака . . . . —
Судьба дѣтей, рожденныхъ отъ втораго брака 364
Предполагаемое двоеженство или двоемужіе . . . . . —
е) Условія, возникающія изъ послѣдовательности браковъ одного за другимъ траурный годъ 365
Повтореніе брака. борьба церковнаго права съ русскимъ обычаемъ въ опредѣленіи числа дозволенныхъ браковъ . . . . —
ж) Отсутствіе извѣстныхъ степеней родства или свойства . . . 366
Формы совершенія брака:
Церковное вѣнчаніе—постепенное введеніе его въ древне-русскую практику 367

стр.

Вѣнечная память, оглашеніе и обыскъ 368
Требованіе личнаго присутствія брачущихся при бракѣ . . 369
Требованіе совершенія браковъ только въ церкви . . . . . —
Совершеніе смѣшанныхъ браковъ и вопросъ о законности брака у раскольниковъ . . . . . —
Браки лицъ нехристіанскихъ вѣроисповѣданій 370

Прекращеніе и расторженіе брака:

Причины расторженія брака по византійскому праву 371
Прекращеніе брака по русскому праву:
Смерть физическая; смерть политическая 372
Поступленіе въ монашество 373
Безвѣстное отсутствіе одного супруга изъ мѣстожительства . 374
Безплодіе . . . . . —
Болѣзнь . . . . . —
Нравственныя причины расторженія брака прелюбодѣяніе . . 375
Несогласная жизнь супруговъ 376
Порядокъ совершенія развода 377
Сепарація 378

Взаимныя отношенія супруговъ. Личныя отношенія: . . . . . —
Времена древнѣйшія. вопросъ о рабствѣ жены 479
Власть мужа надъ женою въ Московскомъ государствѣ. . . . 380
Установленіе общаго мѣстожительства супруговъ 381
Право наказанія жены . . . . . —
Время послѣ Петра I (опредѣленіе личныхъ отношеній супруговъ въ уставѣ благочинія) 383

Имущественныя отношенія супруговъ. а) Древнѣйшая эпоха—подчиненіе имущества жены власти мужа· 384
б) Семейная общность имущества (XIV—XVII в.) 386
Приданое и вѣно . . . . . —
Права обоихъ супруговъ на приданое 388
Общность правъ супруговъ на купленныя вотчины 389
Общность обязательственныхъ правъ супруговъ 390
в) Раздѣльность имущества супруговъ (XVIII—XIX в.) . . . . —
Право супруговъ заключать обязательства между собою . . . 392

II. Союзъ родителей и дѣтей.

Двоякственный составъ семейной власти 393
Лица, подчиненныя родительской власти: дѣти . . . . . —
Незаконнорожденныя дѣти 394
Усыновленіе . . . . . —
Основаніе и сущность семейной власти 395

стр.

Личныя отношенія родителей къ дѣтямъ 395
Право родителей на свободу дѣтей . . . . . —
Право родителей на жизнь дѣтей 396
Право наказанія дѣтей 397
Имущественныя отношенія родителей и дѣтей:
Общность имущественныхъ правъ родителей и дѣтей въ древней Россіи 398
Общность обязательственныхъ правъ 399
Прекращеніе родительской власти:
Совершеннолѣтіе дѣтей 400
Преступленія родителей . . . . . —
Поступленіе ихъ въ монашество или холопство 401

III. Опека.

Опека по Русской Правдѣ . . . . . —
Опека въ періодъ имперіи 403

B. Право наслѣдства.

Литература 405
Происхожденіе права наслѣдства и періоды его развитія 406

ПЕРІОДЪ РУССКОЙ ПРАВДЫ.

Наслѣдованіе по завѣщанію (рядъ) 407
Сущность его . . . . . —
Форма завѣщанія 408
Наслѣдованіе по закону (по обычаю) 409
Кругъ лицъ, призываемыхъ къ наслѣдству 410
Наслѣдованіе сыновей 411
Наслѣдованіе дочерей 413
Исключеніе незаконнорожденныхъ . . . . . —
Наслѣдованіе дѣтей послѣ матери 414
Наслѣдованіе восходящихъ 415
Наслѣдованіе супруговъ: наслѣдованіе жены . . . . . —
Ненаслѣдованіе мужа 416
Юридическая сущность наслѣдованія по Русской Правдѣ . . . —

ПЕРІОДЪ II.

Право наслѣдства въ Новгородѣ и Псковѣ.

Наслѣдованіе по завѣщанію 418

стр.
Формы и содержаніе завѣщаній 420
Наслѣдованіе по закону 422
Наслѣдованіе нисходящихъ и его отличительныя черты 423
Наслѣдованіе восходящихъ . . . . . —
„ боковыхъ 424
„ супруговъ . . . . . —

Право наслѣдства въ Московскомъ государствѣ

Отношеніе завѣщательной воли къ закону 425
Особенности наслѣдованія дочерей . . . . . —
Право представленія 426
Право наслѣдованія жены 427
Наслѣдованіе боковыхъ и предѣлы его 429

ПЕРІОДЪ III.

Право наслѣдства въ періодъ имперіи.

Узаконеніе Петра о завѣщаніяхъ 430
Единонаслѣдіе (по закону и по завѣщанію) 431
Время послѣ отмѣны единонаслѣдія 433

Г. Вещное право.

Литература 435
Понятіе о вещи и о правѣ на вещь 436

ПЕРІОДЪ I.

Движимыя вещи . . . . . —
Недвижимыя вещи: домъ, земля 437
Способы пріобрѣтенія права собственности: окупація . . . 439
Давность 140
Находка и кладъ 442
Виды вещныхъ правъ 443

ПЕРІОДЪ II.

Способы пріобрѣтенія: пожалованіе 446
Виды вещныхъ правъ 447
1. Дворцовыя вотчины (государственныя имущества) . . . . . —
2. Церковныя имущества: способы пріобрѣтенія ихъ и начало секуляризаціи 448
Начало неотчуждаемости 451
3. Тяглыя имущества, или черныя (общинныя) земли. происхожденіе и виды общинъ . . . . . —

стр.

Черныя волостныя земли 452
Городскія тяглыя имущества 455
Отношеніе имущественныхъ правъ городскихъ общинъ и волостей къ правамъ государства 457
4. Вотчины частныхъ лицъ:
а) Родовыя имущества: понятіе о родѣ 460
Родовыя имущественныя права . . . . . —
Право родоваго выкупа происхожденіе, сущность, условія выкупа, цѣна 461
Отношеніе правъ родовыхъ вотчинниковъ къ правамъ государства 464
б) Купленныя вотчины . . . . . —
в) Жалованныя вотчины 466
5. Помѣстья. понятіе о помѣстномъ правѣ; происхожденіе его и періоды развитія 469
Лица, обладающія помѣстьями 470
Объектъ помѣстнаго права 471
Возрастаніе вещныхъ правъ лица на помѣстья: мѣна, наслѣдованіе, справка, сдача и продажа 473
6. Древне-русское право залога 474
Формы залога (недвижимости) . . . . . —
Закладъ движимыхъ вещей 476
Закладъ личный . . . . . —
Прекращеніе залоговыхъ отношеній . . . . . —

ПЕРІОДЪ III.

1. **Время отъ Петра I до Екатерины II:** Способы пріобрѣтенія, дальнѣйшее утвержденіе правъ лица на вещи 478
Уясненіе правъ казны 479
Секуляризація церковныхъ имуществъ 480
Новыя ограниченія вещныхъ правъ частныхъ лицъ по отношенію къ ископаемымъ 481
По отношенію къ лѣсамъ . . . . . —
По отношенію къ правамъ угодій и охоты 482
2. **Время отъ Екатерины II до свода законовъ:** общее утвержденіе права собственности частныхъ лицъ 483
Снятіе ограниченій, наложенныхъ Петромъ I 485
Общій обзоръ исторіи права собственности на Руси 487

Д. Обязательственное право.

Общее ученіе объ обязательствахъ:
Понятіе объ обязательствѣ въ древне-русскомъ правѣ 488

стр.

Лица, участвующія въ обязательствѣ 490
Необходимое участіе въ обязательствѣ третьихъ лицъ 490
Необходимое вступленіе въ обязательство третьяго лица . . . 491
Возникновеніе обязательства 492
Совершеніе договоровъ: словесная форма 494
Письменная форма . . . . . —
Крѣпостная форма 495
Предметъ обязательства 497
Неустойка . . . . . —
Прекращеніе обязательства. исполненіемъ 498
Полѣтныя грамоты . . . . . —
Несостоятельность 499
Давность . . . . . —
Система договоровъ 500
1. Мѣна . . . . . —
2. Купля-продажа 501
3. Заемъ; ростъ 502
4 Поклажа 505
5. Личный наемъ . . . . . —
6. Наемъ имущества 506

ИСТОРІЯ РУССКАГО ПРОЦЕССА.

ПЕРІОДЪ ЗЕМСКІЙ.

Литература 508
Судебныя власти: вотчинный судъ 509
Государственные суды 511
Новгородское судоустройство . . . . . —
Псковское „ 512

Судопроизводство.

1. **Стороны:** отсутствіе различій слѣдственнаго процесса отъ обвинительнаго 513
Участіе семьи и рода въ процессѣ . . . . . —
Юридическія лица 514
Представители . . . . . —
Установленіе отношеній сторонъ до суда: договоръ; значеніе сроковъ 515
Участіе дѣтскихъ и приставовъ въ вызовѣ къ суду 516
Арестъ 517
Сводъ . . . . . —
Гоненіе слѣда 519

стр.

2. **Судъ: послухи** и видоки; число ихъ 519
Кто обязанъ выставлять послуховъ? 520
Качества ихъ 521
Роль послуховъ на судѣ . . . . . —
Суды Божіи: а) жребій 522
б) Рота и примѣненіе ея . . . . . —
в) Ордалій. форма; примѣненіе 524
г) Поле (судебный поединокъ) происхожденіе. условія поединка; сфера примѣненія 526
Акты: доски и записи 527
3. **Приговоръ и его исполненіе** 528

ПЕРІОДЪ МОСКОВСКІЙ

Судебныя власти: государственные суды . . . . . —
Сословные суды 529
Вотчинный судъ 530
Участіе населенія въ судѣ: судные мужи и цѣловальники . . 531
Инстанціи 532
Подсудность . . . . . —
Судопроизводство:
I. **Судъ** (обвинительный процессъ). Стороны: взаимное отношеніе ихъ до суда; представители; ставочныя челобитныя 534
Судебныя доказательства 1) послушество, ссылка изъ виноватыхъ . 535
Общая ссылка, повальный обыскъ 536
2) Суды Божіи поле, крестное цѣлованіе и жребій . . . . —
3) Письменные акты 537
Судебное рѣшеніе: сила судебныхъ рѣшеній . . . . . —
Способы исполненія: правежъ, выдача головою . . . . . —
II. **Розыскъ:** стороны, положеніе сторонъ на судѣ; средства розыска:
Поличное 538
Повальный обыскъ . . . . . —
Собственное признаніе и пытка 539
Приговоръ и его исполненіе 540

ПЕРІОДЪ ИМПЕРІИ.

Процессъ по „Краткому изображенію“: инквизиціонное начало, формальная теорія уликъ; судебныя доказательства . . . . . —
„Форма суда“ 1723 г.: примѣненіе ея; искаженіе ея 541

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Введение. Исторія русскаго государственнаго права.

ВВЕДЕНІЕ.

1. Понятіе о наукѣ.

Понятіе о наукѣ исторіи русскаго права выводится изъ трехъ отдѣльныхъ признаковъ, входящихъ въ него, а именно изъ понятій: а) *о правѣ*, какъ совокупности обязательныхъ нормъ, опредѣляющихъ отношеніе *лица* къ *обществу* и другимъ лицамъ, б) *объ исторіи*, какъ прогрессивномъ движеніи явленій отъ формъ простыхъ къ болѣе сложнымъ и совершеннымъ, в) *и о націи*, какъ части человѣческаго рода, повторяющей въ себѣ общечеловѣческіе законы развитія въ формахъ особенныхъ (оригинальныхъ).

Итакъ *Исторія русскаго права есть наука, изучающая прогрессивное развитіе юридическихъ нормъ въ жизни русскаго народа.*

2. Предметъ науки.

Предметъ исторіи русскаго права опредѣляется первымъ изъ указанныхъ признаковъ понятія ея, т. е. понятіемъ о правѣ. Прежде эта наука именовалась исторіею *законодательства* и сообразно съ этимъ излагала лишь свѣдѣнія о законодательныхъ памятникахъ прошлыхъ временъ. Затѣмъ, по усвоеніи ей теперешняго названія, въ содержаніе ея входитъ изложеніе не только нормъ, установленныхъ въ законѣ, но и существовавшихъ помимо закона (въ обычномъ правѣ). Тогда установилось раздѣленіе ея какъ-бы на двѣ науки *внѣшнюю исторію* права (исторію законодательныхъ памятниковъ) и *внутреннюю* исторію права, т. е. исторію самыхъ юридическихъ нормъ. Такое раздѣленіе не имѣетъ за себя никакихъ резонныхъ основаній: если подъ внѣшнею исторіею разумѣть исторію законодательной дѣятельности, то установленіе закономъ новыхъ юридическихъ нормъ есть одна изъ важнѣйшихъ частей внутренней дѣятельности права (именно законодательная дѣятельность есть одна изъ главныхъ функцій государственной власти). Если подъ внѣшнею исторіею разумѣть изложеніе содержанія законодательныхъ памятниковъ, то предметъ ея сольется съ содержаніемъ внутренней исторіи, ибо законъ стремится опредѣлить всѣ юридическія нормы. Наконецъ, если подъ внѣшнею исторіею разумѣть литературную исторію самыхъ па-

мятниковъ (ихъ языкъ, особенности рукописей, редакціи ихъ и пр.), то такой предметъ вовсе не входитъ въ задачи юридическихъ знаній.

Изъ понятій объ *обществѣ* и *лицѣ* (единственныхъ предметахъ правовѣдѣнія) возникаютъ право государственное и частное. *Государственное право* заключаетъ въ себѣ понятія *территоріи* государства, *населенія* его и *власти*, обладающей территоріею и управляющей населеніемъ, исторія права должна, обнимая всѣ эти три элемента государства, слѣдить за развитіемъ внѣшняго состава и объема государства, за общественными и сословными союзами въ средѣ населенія и за измѣненіями формъ государственной власти и правъ ея. Права государ власти простираются на *управленіе, законодательство* и *судъ;* исторіи права предлежитъ въ каждую эпоху указать какъ органы управленія (центральные и мѣстные), такъ и важнѣйшіе предметы управленія (благоустройство, финансы, войско); какъ органы законодательства, такъ и результаты ихъ дѣятельности (источники права вообще и законы въ частности, т. е. способы ихъ составленія и публикаціи; это и есть т. н. внѣшняя исторія права); наконецъ какъ органы суда (судоустройство), такъ и ихъ дѣятельность (судопроизводство). Судъ имѣетъ въ виду возстановленіе нарушенныхъ нормъ права; но къ этой же цѣли ведетъ и уголовное право, опредѣляющее за нарушеніе права (преступленія) возмездія (наказанія); постепенное измѣненіе понятій о преступленіи и наказаніи есть важнѣйшій предметъ исторіи права.

Частное право обнимаетъ право семейное, наслѣдственное, вещное и обязательственное; по этимъ сторонамъ должна быть распредѣлена и исторія русскаго гражданскаго права.

3. Методъ.

Методъ науки опредѣляется вторымъ изъ указанныхъ выше признаковъ понятія ея, т. е. понятіемъ объ исторіи. Право можетъ быть изучаемо (и изучается) тремя методами: *догматическимъ*, *философскимъ* и *историческимъ*. До XVIII в. (приблизительно) господствовалъ догматическій методъ изученія преимущественно римскаго права (какъ дѣйствующаго) въ западной Европѣ; въ Россіи до XVIII в. это было практическое изученіе въ приказахъ существующихъ указовъ и уложенія ц. А. М.; сюда присоединялось иногда нѣкоторое знакомство съ иноземными кодексами (литовскимъ статутомъ); и въ XVIII в. почти такое же изученіе права продолжалось у насъ въ институтѣ коллежскихъ юнкеровъ и въ школѣ при сенатѣ.— Разнообразіе и несовершенства дѣйствующихъ кодексовъ привели къ мысли о возможности установить правовыя нормы à priori (путемъ философскихъ построеній), что̀ и выразилось въ попыткахъ обосновать т. н. „естественное право“, общее для всѣхъ временъ и народовъ. Это направленіе принесло большую долю пользы (подвинуло право къ улучшеніямъ), но и значительную долю вреда (вну-

шивъ мысль о возможности произвольно устроить правовую жизнь посредствомъ новыхъ законовъ). У насъ философское изученіе права велось въ академіи наукъ и въ московскомъ университетѣ; практически европейское философское направленіе отразилось въ реформахъ Екатерины II и Александра I. Послѣ переворота XVIII в. и разочарованія, постигшаго европейское общество въ 1-й четв. XIX в., нельзя уже было признать истиннымъ выраженіемъ права ни законы дѣйствующіе, ни право философски-построенное: оставалось признать таковымъ право исторически данное (т. е. выразившееся въ ходѣ исторіи какого либо народа). Тогда въ Германіи возникла т. н. *историческая школа правовѣденія* (Савиньи и др.), утверждавшая, что единственно-истинный методъ изученія права есть историческій. Это подвинуло науку права, превративъ ее въ фактическое изученіе права, какъ предмета реальнаго, и вмѣстѣ благопріятно отразилось на движеніи законодательства. Но крайности исторической школы привели къ реакціонному направленію, т. е. къ стремленію возвратить формы права, уже прожитыя исторически, и къ предпочтенію національныхъ, хотя-бы и несовершенныхъ, формъ права всякимъ другимъ.

Современное изученіе права старается дать надлежащее мѣсто всѣмъ тремъ указаннымъ методамъ какъ въ отдѣльныхъ наукахъ (догматикѣ, философіи и исторіи права), такъ и въ пріемахъ изученія каждой науки.— Въ частности въ сферѣ исторіи права наука должна сообразоваться съ слѣдующими законами исторической жизни (вытекающими изъ самаго понятія исторіи)

а) Закономъ *послѣдовательности* явленій, новое явленіе возникаетъ изъ предыдущихъ, какъ своей причины; искусственное установленіе новыхъ нормъ невозможно. Этому, повидимому, противорѣчитъ явленіе *реформъ* въ правѣ; но здѣсь противорѣчіе—мнимое: формы права консервативны и сохраняются долго послѣ того, какъ исчезло ихъ содержаніе, задерживая дальнѣйшее развитіе права, реформа устраняетъ ихъ и тѣмъ содѣйствуетъ дальнѣйшему *естественному* росту права.

б) Закономъ *усовершенствованія* (прогресса), послѣдующія явленія превосходятъ предыдущія своимъ достоинствомъ. Лишь въ обществахъ одряхлѣвшихъ является мысль о минувшемъ золотомъ вѣкѣ и преимуществахъ состоянія дикарей (Тацитъ, Руссо).—Но мнѣніе о *безпрерывности* прогресса не можетъ быть принято, возможны болѣе или менѣе продолжительныя болѣзненныя остановки въ развитіи общества. Безпрерывное усовершенствованіе (которое, однако, не вполнѣ уловимо для нынѣшней науки) можетъ быть приписано лишь всемірному историческому развитію.

в) Закономъ *неповторяемости* явленій, который естественно вытекаетъ изъ предыдущихъ двухъ: возстановленіе минувшихъ формъ невозможно (ибо нельзя возстановить всю массу условій, которыя ихъ произвели въ свое

время). Хотя въ исторіи и бываютъ кажущіяся повторенія, но это изъясняется т. н. *антиципаціею* явленій, когда сходная форма иногда задолго предупреждаетъ дѣйствительное осуществленіе ея (напр. у насъ мнимое единодержавіе Олега и Владиміра св.).

г) Закономъ *сходства явленій* у разныхъ народовъ,— сходства, объясняемаго единствомъ психологическихъ и физическихъ законовъ природы человѣка. Этимъ опредѣляется *возможность заимствованій* правовыхъ нормъ однимъ народомъ у другаго, для заимствованія, впрочемъ, существуютъ очень тѣсныя условія, именно требованіе *уподобляемости* заимствуемыхъ нормъ (т. е. непротиворѣчія ихъ другимъ существеннымъ чертамъ дѣйствующаго права).—Изъ закона сходства явленій возникаетъ необходимость *историко-сравнительнаго метода* въ изученіи права. При изученіи всеобщей исторіи права главная цѣль такого изученія есть выводъ сходныхъ чертъ, при изученіи права національнаго—выводъ не только сходствъ, но и различій (составляющихъ національныя особенности).

4. Объемъ науки.

Объемъ нашей науки опредѣляется третьимъ изъ указанныхъ признаковъ понятія ея. Она есть исторія *національнаго права* русскаго (а не исторія права русскаго государства). Хотя русское государство—по преимуществу національное, но оно не обнимаетъ всей русской націи и включаетъ въ себя нерусскія національности. Отсюда:

а) Исторія русскаго права должна включать въ себя исторію права такихъ русскихъ странъ, которыя не входили или не входятъ въ составъ русскаго государства (такова одна изъ важнѣйшихъ древне-русскихъ Земель—Галиція). Необходимо включить въ составъ нашей науки исторію права Литовско-русскаго, какъ связующее звено между древнимъ правомъ (1-го періода) и періодомъ имперіи.

б) Исторія права нерусскихъ народовъ, входящихъ въ составъ русскаго государства, не входитъ въ исторію русскаго права; таковы: право остзейское, финляндское (шведское), польское, право армянъ, грузинъ, права мусульманскихъ народовъ и др.

в) Бытъ до-національный (доисторическій) не долженъ входить въ исторію національнаго права; таковы: бытъ скиѳовъ, сарматовъ и др. народовъ, населявшихъ восточную Европу до образованія русской націи, или по крайней мѣрѣ непосредственныхъ ея элементовъ (славянскихъ племенъ).

г) Въ какомъ отношеніи стоитъ исторія національнаго русскаго права къ исторіи права славянскаго? Существованіе славянскаго права, какъ цѣлаго (а не только какъ группы законодательствъ отдѣльныхъ славянскихъ народовъ) не можетъ подлежать сомнѣнію, подобно тому, какъ не подвергается

сомнѣнію бытіе права нѣмецкаго, не смотря на постоянную государственную разъединенность нѣмецкаго племени. Дѣйствительно, въ началѣ исторіи общность языка, быта и юридическихъ нормъ у всѣхъ славянъ извѣстна и отмѣчена уже нашимъ первымъ лѣтописцемъ: „бѣ единъ языкъ словѣнескъ" говоритъ онъ, при чемъ слово „языкъ" употребляетъ въ смыслѣ націи. Въ частности отношеніе русской націи къ славянской народности опредѣляется у него такъ „а словѣнескъ языкъ и рускыи—одинъ...; аще и Поляне звахуся, но словѣньская рѣчь бѣ...; языкъ словѣньскыи бѣ имъ единъ".—Въ силу этого въ начальный періодъ исторіи русскаго права, нужно признать его тождественнымъ съ правомъ обще-славянскимъ; факты, сообщаемые источниками о правѣ другихъ славянскихъ народовъ въ ту эпоху, могутъ быть безопасно приписаны русскому. Но затѣмъ (съ XII и XIII вв.) славянскія племена, въ слѣдствіе своей исторической судьбы, надолго разошлись и обособились въ отдѣльныя народныя группы, такъ что во 2-й періодъ единство права между ними уже ослабляется и тогда приведеніе фактовъ изъ исторіи права другихъ славянскихъ народовъ будетъ для русскаго права уже только аналогіею, хотя и ближайшею. Въ новѣйшія времена (съ XVIII в.) начинается вторичное (сознательное) стремленіе къ единству славянскаго права, возсозданію котораго всего больше можетъ помочь именно наука (Maciejowski „Historya prawodawstw słowiańskich")

5) Періоды исторіи русскаго права.

Исторія русскаго права дѣлится естественно на три періода. 1) періодъ *земскій* (или т. н. княжескій) IX—XIII в.; 2) періодъ *московскій* (правильнѣе—двухъ государствъ Московскаго и Литовскаго) XIV—XVII вв.; 3) періодъ *имперіи* XVIII—XIX вв.—Въ 1-мъ находимъ отдѣльныя Земли—княженія; во второмъ два большихъ государства; въ 3-мъ—одну имперію. Въ 1-мъ господствуетъ обычное право; во второмъ—обычай и законъ въ равной силѣ; въ 3-мъ господствуетъ законъ.

Въ частности: *въ первомъ періодѣ начало государственное и частное слиты, какъ равносильныя.* Первоначальное общество строится по типу кровному, а въ семьѣ власть домовладыки есть въ одно и то же время и общественная и частная; въ понятіи „володенья" государственная власть—imperium, и частная—dominium не разграничены; власть княжеская пріобрѣтается въ одно и то же время и частнымъ наслѣдованіемъ и завѣщаніемъ —и избраніемъ народа; данъ собирается князьями, какъ ихъ личный доходъ, но этотъ доходъ употребляется ими (изъ личныхъ цѣлей) на содержаніе дружины и другія общественныя надобности.—При господствѣ обычнаго права общія правовыя нормы разпознаются въ частныхъ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ лицъ. Въ уголовной защитѣ права месть есть и удовлетвореніе

частному чувству оскорбленнаго и общественное возмездіе руками мстителя. Въ сферѣ частнаго права лицо физическое еще не выдѣлилось: оно покрыто правами союзовъ семейныхъ, родовыхъ и общинныхъ, внѣ этихъ союзовъ оно теряетъ правоспособность (изгои); въ правѣ наслѣдства сливается вполнѣ завѣщательное право съ законнымъ, т. е. личная воля съ волею общественной.

Во второмъ періодѣ право государственное и частное постепенно обособляются, но прежнее смѣшеніе ихъ обнаруживается въ томъ, что въ Московскомъ государствѣ *государственное право строится по типу частному* (территорія государства приравнивается вотчинѣ; населеніе прикрѣпляется къ городу, посаду и землѣ; управленіе имѣетъ характеръ кормленія). Въ государствѣ Литовско-русскомъ *частное право строится по типу государственному*: частные вотчинники обладаютъ полными государственными правами суда и управленія въ своихъ имѣніяхъ; права политическія зависятъ отъ частныхъ: только землевладѣльцамъ принадлежитъ право на государственную службу и дѣятельность.

Въ третьемъ періодѣ *государственное право стремится къ полному очищенію отъ примѣси часто-провныхъ началъ*: въ законахъ опредѣляется существо верховной власти, какъ государственной (при Петрѣ I), издается законъ о порядкѣ престолонаслѣдія (при Павлѣ I); сословія разкрѣпощаются (дворяне и мѣщане при Екатеринѣ II; крестьяне при Александрѣ II), права семейныя и права собственности утверждаются (при Екатеринѣ II).

6) Литература исторіи русскаго права.

а) *Источники* исторіи русскаго права суть тѣ же, какъ и источники самаго права, т. е. обычай и законъ. Памятниками обычнаго права служатъ всѣ памятники русской исторіи (лѣтописи, записки, акты, отчасти вещественные памятники), а равно живое обычное право и юридическія пословицы Памятниками законовъ служатъ: договоры (международные и внутренніе), уставы и указы (отдѣльные законы) и кодексы. Важность каждаго изъ этихъ источниковъ опредѣлится ниже при изложеніи исторіи законодательства.

б) *Научная обработка исторіи русскаго права.* Исторія русскаго права есть наука новая: ея содержаніе долго не выдѣлялось изъ состава другихъ наукъ въ самобытную доктрину; а именно:

а) Въ XVIII и нач. XIX в. она входила въ общій составъ курсовъ русской исторіи (*Татищевъ*: „Исторія Россійская“, *Шлецеръ*: „Nestor. Russische Annalen“, *Щербатовъ*: „Исторіи Россіи“; *Болтинъ*: „Примѣчанія на Леклерка“, въ особенности же *Карамзинъ*: „Исторія государства Россійскаго“). Въ то же время тѣ же писатели и другіе занимались изданіемъ памятниковъ древне-русскаго законодательства, большею частію взирая на нихъ, какъ на курьезъ, достойный любопытства.

б) Въ первой четверти текущаго столѣтія содержаніе нашей науки стало *входить въ курсы наукъ юридическихъ*, именно гражданскаго права (Терлапча, Горюшкина и др.) Тогда же возникла внѣшняя исторія русскаго права (въ краткихъ обзорахъ исторіи древне-русскаго законодательства Васильева, Михаиловскаго, Смирнова, Успенскаго и митр. Евгенія).

в) Со второй четверти XIX в. появляется наука исторіи русскаго права, *какъ самостоятельная*, подъ вліяніемъ исторической школы правовѣдѣнія въ Германіи, въ трудахъ слѣдующихъ ученыхъ нѣмецкаго (или западнаго) направленія.

Ewers: „Das alteste Recht der Russen". Dorp. 1826 (русскій переводъ *Платонова* „Древнее русское право въ историческомъ его раскрытіи". Спб. 1835). Это сочиненіе обнимаетъ время отъ основанія русскаго государства до Ярослава и состоитъ въ историко-юридическомъ анализѣ лѣтописныхъ сказаній, договоровъ русскихъ съ Греками и Правды Ярослава. Эверсъ положилъ начало родовой теоріи въ исторіи русскаго государства.

Reutz: „Versuch uber die geschichtliche Ausbildung der Russischen Staats-und Rechtsverfassung". Mittau. 1829. Русскій переводъ проф. Морошкина. Это—первый опытъ полнаго и систематическаго курса исторіи русскаго права, написанный подъ вліяніемъ выводовъ Эверса.

Tobien занялся изданіемъ и истолкованіемъ памятниковъ древне-русскаго права; а именно издалъ: „Sammlung kritisch-bearbeiteten Quellen der Geschichte des Russischen Rechtes (здѣсь Русская Правда и договоры). Dorp. 1844. Die altesten Gerichsordnungen Russlands" (уставныя грамоты и судебники).

К. А. Неволинъ—истинный основатель ученаго правовѣдѣнія въ Россіи оставилъ обзоръ внѣшней исторіи русскаго права (во 2-й части своей „Энциклопедіи"), нѣсколько монографій по исторіи государственнаго права. „О преемствѣ великокняжескаго Кіевскаго престола", „Образованіе управленія въ Россіи отъ Іоанна III до Петра В.", „О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ" и капитальный трудъ: „Исторія Россійскихъ гражданскихъ законовъ",—трудъ замѣчательный по полнотѣ изслѣдованія, богатству матеріаловъ и основательности выводовъ, хотя страдающій недостаткомъ въ планѣ.

К. Д. Кавелинъ: „Взглядъ на юридическій бытъ древней Руси". 1847. „Взглядъ на историческое развитіе русскаго порядка законнаго наслѣдованія", 1860. „Устройство гражданскихъ судовъ отъ уложенія ц. А. М. до Петра В." 1859. Въ противуположность трудамъ Неволина, взгляды Кавелина отличаются оригинальностію, широтою и примѣненіемъ сравнительнаго метода.

Б. Н. Чичеринъ—болѣе публицистъ, чѣмъ историкъ, кромѣ капитальнаго труда по исторіи мѣстныхъ учрежденій: „Областныя учрежденія Россіи въ XVII в." 1856 г., издалъ нѣсколько монографій (по исторіи сельской общины, крестьянъ и о духовныхъ и договорныхъ грамотахъ князей), собранныхъ въ его книгѣ. „Опыты по исторіи русскаго права", 1858 г.

Н. В. Калачовъ извѣстенъ и какъ изслѣдователь, но болѣе какъ издатель. „О значеніи кормчей въ системѣ древне-русскаго права“. 1850. „Уголовное право по судебнику ц. Ивана Вас.“ 1842. „Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Рус. Правды“, 1846. „Акты, относящіеся до юридич. быта“.

Содержаніе нашей науки съ точки зрѣнія Эверса вошло въ „Исторію Россіи“ *С. М. Соловьева*.

Съ точки зрѣнія славянской школы отдѣльныя части исторіи русскаго права излагаемы были въ трудахъ:

Н. Д. Иванишева: „О платѣ за убійство въ древнемъ русскомъ и другихъ словенскихъ законодательствахъ въ сравненіи съ германскою вирою“. 1840. „О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Россіи“. 1857.

И. Д. Бѣляева, представителя московскаго славянофильства: онъ, кромѣ множества монографій, оставилъ слѣд. капитальные труды. „О наслѣдствѣ безъ завѣщанія по древн. русск. законамъ до Уложенія ц. А. М.“ 1858-, „Крестьяне на Руси“. 1860. „Разсказы изъ русск. исторіи“, т. I, II, III и IV. 1865—72. По смерти автора изданы его „Лекціи по исторіи русск. законодательства“.

В. Н Лешкова: „Русскій народъ и государство. Исторія русскаго общественнаго права до XVIII в.“ 1858.

Ѳ. И. Леонтовича, который преимущественно посвящаетъ свои труды литовско-русскому и хорватскому праву „Русская Правда и Литовскій статутъ“, „Крестьяне юго-западной Россіи по литовскому праву XV и XVI ст.“ 1863, „Историческое изслѣдованіе о правахъ литовско-русскихъ евреевъ“. 1864; сравнительное изученіе хорватскаго и русскаго права привело его къ созданію т. н. задружной теоріи· „О значеніи верви сравнительно съ задругою юго-западныхъ славянъ“. 1867. „Задружно-общинный характеръ политическаго быта древней Россіи. 1874. Начатый имъ общій курсъ исторіи русскаго права остановился на первомъ вып. (1869 г.).

Отдѣльные предметы исторіи русскаго права съ точки зрѣнія славянской школы излагаемы были въ обще-историческихъ трудахъ П. А. Иванова. Д. А. Валуева, К. С. Аксакова и Н. И. Костомарова.

Обѣ школы, повидимому, противуположны, какъ по своей исходной точкѣ (общечеловѣческія начала права и національность), такъ и по своимъ главнымъ выводамъ (относительно рода или общины, какъ основныхъ формъ древне-русскаго государства и относительно роли участія общества въ созданіи государства и права). Но обѣ школы разсматривали лишь двѣ стороны одного и того-же предмета.

Изъ соприкосновенія результатовъ дѣятельности обѣихъ школъ, съ 60-хъ годовъ текущаго столѣтія образовалось нынѣшнее научное направленіе исторіи русскаго права; изъ представителей его отмѣтимъ. *Ѳ. М. Дмитріева:* „Исторія судебныхъ инстанцій и гражданскаго апелляціоннаго

судопр.", 1859 г. сочиненіе, въ которомъ кромѣ главнаго его предмета, излагается почти полная исторія администраціи въ московскомъ государствѣ. Здѣсь основной взглядъ современнаго научнаго направленія выраженъ такъ „Не смотря на исключительно-національный характеръ, или *лучше сказать—вслѣдствіе его* исторіи русскаго права должна современемъ занять важное мѣсто въ юридической исторіи Европейскихъ народовъ".

С. В. Пахмана, который въ своей „Исторіи кодификаціи" представилъ опытъ изложенія всемірно-историческаго движенія законодательства.

А. Д. Градовскаго, который въ своей „Исторіи мѣстнаго управленія въ Россіи", 1868 г., сознательно выразилъ стремленіе слить національныя начала науки съ общечеловѣческими.

В. И. Сергѣевича, оказавшаго наибольшую услугу уясненіемъ древняго государственнаго права Россіи, въ соч. „Вѣче и князь" 1867 г. и затѣмъ въ „Лекціяхъ и изслѣдованіяхъ по исторіи русскаго права, 1883 г. (куда вошло и предыдущее его сочиненіе, а равно и изслѣдованія о земскихъ соборахъ и Екатерининской комиссіи уложенія). Основная задача его указать общеевропейскія начала въ русскомъ правѣ.

Н. П. Загоскина, который изложилъ государственное право московскаго періода въ своей „Исторіи права Московскаго государства", т. I, 1877 и т. II, вып. I, 1879., а также въ нѣсколькихъ монографіяхъ („Очерки организаціи и происхожденія служилаго сословія въ до-петровской Руси". 1876 и др.).

Д. Я. Самоквасова, который занялся уясненіемъ древнѣйшаго (до-историческаго) быта древнихъ славянъ, при помощи вещественныхъ памятниковъ, сначала въ сочиненіи: „Древніе города Россіи", 1873., а потомъ въ предпринятой имъ полной „Исторіи русскаго права" (т. I, вып. 1. 1878 и вып. 2-й 1884 года).

Отмѣтимъ также полное изложеніе до-петровскаго государственнаго права въ соч. *Н. И. Хлѣбникова* („Общество и государство въ до-монгольскій періодъ русской исторіи", 1872 г. и „О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ русской исторіи", 1869) и общій курсъ „Исторіи русскаго права" *М. М. Михайлова*, 1872,—очень неудовлетворительный.—Изъ новыхъ общихъ курсовъ Русской исторіи для исторіи Русскаго права важны „Русская исторія" К. Н. Бестужева-Рюмина и „Исторія Россіи" *Д. И. Иловайскаго*.

Исторія русскаго государственнаго права.

ПЕРІОДЪ I ЗЕМСКІЙ (IX—XIII).

Литература. См. вышеуказанныя соч. Эверса, Рейца, Неволина, Кавелина, Бѣляева, Леонтовича, Сергѣевича и Самоквасова.

Тюринъ. «Общественная жизнь и земкія отношенія въ древней Россіи». 1850.

Погодинъ: «Изслѣдованія...», т. VII.

И. Д. Бѣляевъ: «Русская Земля предъ прибытіемъ Рюрика» (Временникъ, кн. VIII). «Кн. Рюрикъ съ братьями и дружиною» (ibid XIV). «Русь въ первыя сто лѣтъ отъ прибытія Рюрика» (ibid. XV).

Пассекъ: «Княжеская и докняжеская Русь». 1870. (Чтенія въ Общ. Ист. и древн. Россійскихъ).

С. М. Шпилевскій: «Объ участіи земщины въ дѣлахъ правленія до Ивана IV». (Юрид. Журн. 1861).

С. М. Соловьевъ: «Истор. отношеній между рус. князьями Рюрикова дома». 1847 года.

Н. И. Костомаровъ: «Мысли о федеративномъ началѣ древней Руси» (Истор. Моногр., т. I).

Д. Я. Самоквасовъ: «Замѣтки по исторіи русскаго государственнаго устройства и управленія» (Ж. М. Н. Пр. 1869, нояб. и дек.).

Онъ-же: «Главнѣйшіе моменты въ государственномъ развитіи древней Руси и происхожденіе Московскаго государства». 1886

А. Д. Градовскій: «Государственный строи древней Россіи». 1868 (въ его сборн. «Политика, ист. и администр.»).

Затырквичъ: «О вліяніи борьбы между народами и сословіями на образованіе русскаго государства въ домонгольское время». 1873. (Чтенія въ общ. ист.).

С. М. Соловьевъ: «Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ». 1845.

Н. И. Костомаровъ: «Сѣверно-русскія народоправства». т. I—II. 1863.

А. И. Никитскій: «Очеркъ внутренней исторіи Пскова». 1873

«Verfasung und Verwaltung Nowgor.» (въ «Studien zur grundliche Kenntnis der Vorzeit Russlands», herausg. v. E w e r s.). 1830.

Зубрицкій. «Повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Галицкой Руси», пер. Бодянскаго М. 1845.

Корсаковъ: «Меря и Ростовское княжество».

Д. И. Иловайскій «Исторія Рязанскаго княжества». 1858.

И. Голубовскій: «Исторія Сѣверской Земли». 1881 г. Тоже *Д. Багалѣя.*

И. А. Линниченко: «Вѣче въ Кіевской области».

А. Андріяшевъ «Очеркъ исторіи Волынской Земли». Кіевъ 1887 г.

Гагемейстеръ: «Разысканія о финансахъ древней Россіи». 1830.

Гр. Д. А. Толстой «Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи со времени основанія государства до кончины Екатерины II». 1848.

И. Я. Аристовъ «Промышленность древней Руси». 1867.

По исторіи источниковъ права см. указатели въ нашей «Христоматіи по исторіи рус. права», вып I.

Общее понятіе о государствѣ. Государство есть союзъ лицъ, занимающихъ опредѣленную территорію и управляемыхъ одною верховною властію.

А. Территорія.

1. **Элементы, изъ которыхъ составилось русское государство,** суть тѣ первобытныя общества, которыя ему предшествовали. Такія общества могутъ быть основаны или на кровной (родственной) связи членовъ, или на сожительствѣ ихъ на одной территоріи, или на томъ и другомъ вмѣстѣ.

Нѣмецкая школа (Эверсъ, Соловьевъ) историковъ русскаго государства выставила *родовую теорію*, по которой государственному быту предшествовало отдѣльное жительство родами, по образованіи государства родовой строй вошелъ въ государственныя учрежденія (удѣльная система: родовой порядокъ престолонаслѣдія). Основаніемъ теоріи служатъ мѣста первоначальной лѣтописи о древнемъ бытѣ славянъ: „Поляномъ живущемъ особѣ и володѣющемъ роды свои... и живяху кождо съ своимъ родомъ“... „Кій княжаше въ родѣ своемъ“... „Почаша сами въ себѣ володѣти; и не бѣ въ нихъ правды; и въста родъ на родъ“. Противники этой теоріи опровергаютъ ее (относительно первоначальнаго быта славянъ) инымъ толкованіемъ лѣтописнаго слова „родъ“ въ смыслѣ народъ, или племя, и въ смыслѣ общины: „азъ бѣхъ сего города, азъ сея вси; тако... родъ свой повѣдающе“ говорится о русскихъ плѣнникахъ въ землѣ Половецкой (лѣт. подъ 1093 г.).

Теорія общинная (славянофильской школы) признаетъ основнымъ элементомъ русскаго государства не родъ, а *общину*, т. е. общество совладѣльцевъ земли подъ выборною властью. Эта теорія, не имѣя основанія въ первоначальной лѣтописи, опирается главнымъ образомъ на фактахъ послѣ-

дующихъ временъ (преимущественно изъ сферы мѣстнаго управленія). Впрочемъ писатели этой школы употребляютъ терминъ—община въ весьма неопредѣленномъ значеніи, иногда разширяя его до значенія цѣлаго государства.

Теорія задружнаго быта (Ѳ. И. Леонтовича) соединяетъ обѣ предшествующія, такъ какъ задругою называется общество, связанное столько же родствомъ членовъ, сколько и единствомъ правъ на имущества, съ властію выборною. Эта теорія основана преимущественно на аналогіи съ хорватскимъ правомъ. Задруга есть не что иное, какъ *дворъ* (союзъ нѣсколькихъ жилищъ), общество болѣе тѣсное и примитивное, чѣмъ община, и составляетъ одну изъ переходныхъ формъ отъ общества кровнаго къ территоріальному.

Теорія волостная (Соколовскаго и др.), предполагаетъ въ основѣ государства *волость*, т. е. союзъ нѣсколькихъ общинъ подъ властію главной или старшей общины.

Кровныя и территоріальныя общества, не смотря на кажущуюся противоположность другъ другу, стоятъ *въ генетической связи* между собою: чистыя родовыя формы возможны лишь въ кочевомъ быту; осѣвшійся родъ составляетъ сначала задругу, въ которой кровныя начала еще преобладаютъ надъ территоріальными; задруга, разложившаяся на отдѣльныя жилища, составляетъ общину. Родовой характеръ первобытныхъ общинъ замѣченъ повсюду, у славянъ на это указываютъ родовыя окончанія названій общинъ (Увѣтичи, Дѣдогостичи, Дѣдичи и пр.). Однако съ переходомъ рода въ общину родственныя (естественныя) связи общества слабѣютъ; усвоеніе чужеродцевъ (возможное и въ родовомъ быту) облегчается и совершается чрезъ простое вселеніе; власть родоначальника замѣняется выборною. Община, изъ которой вышли колоніи—меньшія общины, составляетъ съ ними новый болѣе обширный союзъ—волость.

Въ исторіи, какъ и въ природѣ, ничто вполнѣ не изчезаетъ: болѣе примитивныя формы, переходя въ другія новыя, остаются замѣтными и въ послѣдующемъ быту. Всѣ названные элементы государства (въ послѣдовательномъ порядкѣ) несомнѣнно пережиты древними восточными славянами до образованія государства, такъ какъ присутствіе ихъ ясно въ послѣдующемъ государственномъ быту, съ замѣтнымъ преобладаніемъ территоріальныхъ началъ надъ кровными.

2. Понятіе о древне-русскомъ государствѣ и термины, обозначающіе это понятіе. Но форма общества, замѣнявшая государство во весь первый періодъ, есть форма высшая всѣхъ упомянутыхъ,—именно *Земля*, какъ союзъ волостей и пригородовъ подъ властію старшаго города; терминомъ „Земля“ обозначается въ памятникахъ древнѣйшихъ, какъ территорія, такъ и населеніе государства: въ 1145 г. „ходиша вся Руськa Земля (Кіевская)

на Галичь"; въ 1187 умирающій Ярославъ говоритъ: „Се азъ одиною своею худою головою ходя, удержалъ всю Галичкую землю". въ 1097 Олегъ „перея всю Землю Муромскую и Ростовскую"; въ 1205 „бѣда бо въ Землѣ Володимеретѣ отъ воеванья Литовскаго"; въ 1142 Изяславъ „ѣха не Переяславля вборзѣ въ Землю Черниговскую"; въ 1069 кіевляне говорятъ „се ведетъ (Изяславъ Яросл.) на ны Землю Лядьскую". Даже государственная власть обозначается тѣмъ же терминомъ „Поеха ны Деревская Земля". Но по титулу верховной власти государство – Земля именуется и *княженіемъ*. Обратно первоначательное имя власти—*волость* перешло на территорію

Основаніемъ древне-русскаго государства служатъ не княжескія (теорія Соловьева). и не племенныя отношенія (теорія Костомарова). а территоріальныя.

3. **Время образованія государства—Земли и дальнѣйшее развитіе государственной территоріи въ 1-мъ періодѣ.** а) Время происхожденія земскаго государства должно быть отнесено къ эпохѣ доисторической. Племена. перечисляемыя въ начальной лѣтописи, суть *Земли*--княженія (б. ч. тѣ же. какія мы находимъ въ XI и XII вв.). Они уже тогда (до нач лѣтописныхъ сказаній) перешли отъ чисто-племеннаго быта въ бытъ государственный земскій, т. е. образовали княженія –земли. предѣлы которыхъ не всегда совпадали съ границами племени. Лѣтописецъ, разсказавъ о мифическихъ грехъ братьяхъ—Кіевскихъ князьяхъ, продолжаетъ: „И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ (потомство) *княженье въ Полянѣхъ*: въ Деревлянѣхъ (было) *свое* (княженіе), а Дреговичи—*свое*, а Словени—*свое въ Новѣгородѣ*. а *другое* (княженіе) *на Полотѣ*, иже Полочане". Нѣсколько менѣе ясно выражается лѣтопись о Кривичахъ Смоленскихъ и Сѣверянахъ; о первыхъ она говоритъ что ихъ общественная жизнь сосредоточивалась въ „градѣ Смоленьскѣ". Въ доисторическое время существовали уже старшіе города каждой Земли: Кіевъ. Новгородъ, Полоцкъ, Смоленскъ, Черниговъ, Ростовъ. Лѣтописный разсказъ о призваніи варяжскихъ князей можетъ имѣть историческій смыслъ только при томъ предположеніи, что это было обычный призывъ князей В. Новгородомъ съ его владѣніями въ сѣверной части Кривичей (гдѣ Изборскъ. впослѣдствіи—Псковъ) и съ его колоніями среди Веси (Бѣлоозеро) и Мери (Ростовъ); въ этихъ предѣлахъ размѣстились потомъ братья Рюрика и его мужи. Отдѣльное упоминаніе объ участіи (въ призваніи) этихъ пригородовъ и колоній изъясняется тѣмъ, что уже тогда они начали отлагаться отъ В. Новгорода и были полунезависимы.—Дальнѣйшія завоеванія варяжскихъ князей совершаются посредствомъ покоренія одного центральнаго города каждой Земли: „Олегъ прія градъ Смоленьскъ и посади въ немъ мужь свой" (882), между тѣмъ покорялась вся страна Кривичей Древлянская Земля съ ея княжескою властію, вѣчевымъ устройствомъ и городами (какъ подробно описываетъ ее лѣтопись по поводу разсказа о мести Ольги подъ 946 г.), конечно,

не могла образоваться послѣ пришествія Олега въ Кіевъ, когда этотъ князь и его преемникъ Игорь „примучивали“ Древлянъ. Князья-варяги застали вездѣ готовый государственный строй.

б) *Прибытіе* и распространеніе власти *династіи Рюриковичей* въ IX и X в. не измѣнило вполнѣ прежняго быта (отдѣльнаго существованія Земель—княженій) при Олегѣ въ каждой землѣ остаются „подъ рукою его князья свѣтлые“ Договоръ Олега съ Греками 911 г. заключенъ „по волѣ и повелѣнію нашихъ князей“, Олегъ ручается въ договорѣ, что миръ не будетъ нарушенъ по винѣ „сущихъ подъ рукою нашихъ князь свѣтлыхъ“ Греки обязываются хранить любовь „къ княземъ свѣтлымъ нашимъ Русьскымъ“. Дань, которую успѣвшіе платить греки, дѣлится между Кіевомъ. Черниговомъ. Переяславлемъ, Полоцкомъ, Ростовомъ, Любечемъ и прочими городами, ибо „по тѣмъ городомъ сѣдяху князья подъ Ольгомъ суще“. Зависимость мѣстныхъ князей отъ Кіевскаго состояла только въ уплатѣ дани (военные походы совершались добровольно, ради добычи). Князья русскихъ Земель были или племенные славянскіе (ки Малъ въ Землѣ Древлянской). или иноземные — пришлые (Рогвольдъ Полоцкій). Лишь нѣкоторыя земли вскорѣ потеряли вполнѣ свою самобытность (Земля Древлянская въ пол. X в.); другія же и при потерѣ мѣстной княжеской власти сохраняли свою отдѣльность: въ 970 г пришли въ Кіевъ „люди Новгородскіе, прося князя себѣ и говоря. если не пойдете къ намъ, то найдемъ князя себѣ. И сказалъ имъ Святославъ: да пойдетъ ли кто къ вамъ“? Они взяли себѣ Владиміра.

в) Однако династія Рюриковичей положила первое основаніе къ *сближенію между* раздѣльными *Землями*, на что указываетъ уже дань, платимая мѣстными князьями въ Кіевъ и вообще нахожденіе ихъ „подъ рукою“ кн. Кіевскаго. Съ конца X в., т. е. со временъ Владиміра Св., и въ продолженіи XI в. связь эта усиливается тѣмъ, что мѣстные князья замѣняются младшими членами рода Рюриковичей (началу этого положено упомянутымъ призваніемъ Владиміра въ Новгородъ). сыновья Владиміра размѣстились не по провинціямъ, искусственно выдѣленнымъ изъ состава единаго государства, а по готовымъ государствамъ—Землямъ (самъ Владиміръ—въ Кіевѣ, Ярославъ—въ Новгородѣ, Станиславъ—въ Смоленскѣ, Изяславъ—въ Полоцкѣ, Святополкъ—въ Туровѣ, Святославъ—въ Землѣ Древлянской, Всеволодъ—въ Землѣ Волынской, Борисъ—въ Ростовѣ, Глѣбъ—въ Муромѣ).—Так. обр. *удѣльная система* повела не къ раздробленію мнимаго единства государства, а къ большему слитію прежнихъ раздѣльныхъ Земель.

г) Въ XII в. отъ мѣстныхъ князей Рюриковичей образовались въ каждой Землѣ особыя линіи княж. рода, претендовавшія на исключительное обладаніе своею Землею, какъ наслѣдственнымъ достояніемъ; отъ этого произошло *кажущееся усиленіе дробности государственной территоріи*. Въ дѣйствительности же замѣтно усиливаются начала будущаго государственнаго един-

ства (которыя будутъ указаны ниже въ своемъ мѣстѣ). Каждая Земля дѣлится въ свою очередь на множество княженій (по числу членовъ своей линіи княжескаго рода): но эти княженія отнюдь не новыя государственныя единицы: князья пригородовъ замѣняютъ лишь посадниковъ. внутреннее единство Земли не разрушается: во внѣшней политической дѣятельности выступаютъ не отдѣльныя княженія, а цѣльныя земли. Такъ послы въ чужія государства отправляются не отъ каждаго изъ князей въ отдѣльности. а отъ каждой изъ русскихъ земель когда въ 1164 г. Суздальскій епископъ „Леонъ вель пренія о постѣ въ Греціи предъ императ. Мануиломъ. то это происходило въ присутствіи всѣхъ бывшихъ у царя (русскихъ) пословъ „Кіевскій соль. и Суждальскій Илья. и Переяславьскій и Черниговьскій“ (Лавр. л.). между тѣмъ въ то время быть не одинъ князь кіевскій. черниговскій и пр.. а въ каждой изъ этихъ земель было множество князей. Внутреннія войны того времени возникаютъ не только изъ вражды князей между собою (ихъ родовыхъ счетовъ). но главнымъ образомъ изъ соперничества одной Земли въ отношеніи къ другимъ: при этомъ войны ведутся отъ лица цѣлыхъ земель по интересамъ этихъ послѣднихъ. Приведемъ слѣд примѣры со времени древнѣйшаго (м. б. съ отторженія Ростова—колоніи В. Новгорода отъ своей метрополіи) идетъ постоянная вражда *Новгородцевъ* съ *Ростовцами*: въ XII в. ея отголоски выражаются такъ: подъ 1135 г. лѣтопись разсказываетъ: „тоеже зимы бишася Новгородци и Ростовци, и побѣдиша Ростовци Новгородцѣ, и побѣдиша множество ихъ, и воротишася Ростовци съ побѣдою великою“ (Лавр. л.). Въ нижеприводимыхъ фактахъ борьбы Новгорода съ Суздалемъ при Андреѣ Б.. Всеволодѣ III и Юрьѣ. особенно же въ исторіи похода 1216 г. (окончившагося Липицкою битвою) совершенно ясно. что борьба идетъ не между князьями, а между Землями. Подобные же земскіе счеты имѣли *Полоцкая* и *Смоленская* земли съ *Новгородскою*: въ 1137 г. „не бѣ (у Новгородцевъ) мира съ ними (Псковичами), ни съ Суждальци. ни съ Смоляны, ни съ Полоцяны, ни съ Кыяны“ (Нов. 1-я л.). Междуземскія отношенія обрисовываются весьма яснымъ образомъ въ слѣд. фактѣ. въ 1180 г. Мстиславъ (Храбрый) пошелъ съ Новгородцами на Полоцкъ на зятя своего Всеслава, „ибо дѣдъ его (Всеслава) ходилъ на Новгородъ и взялъ іерусалимъ церковный и сосуды богослужебные, и погостъ одинъ (Новгородскій) завелъ за Полоцкъ. Мстиславъ хотѣлъ оправить все это—новгородскую волость (территоріальный ущербъ) и обиду“; но братъ его Романъ Смоленскій помирилъ воюющихъ безъ битвы (Новг. 4-я л.). Здѣсь князь, связанный съ другимъ близкими узами свойства, идетъ на него войною не по княжескимъ счетамъ, а за отторженіе одного погоста управляемой имъ земли, что совершено было болѣе столѣтія тому назадъ (Всеславъ Полоцкій напалъ на Новгородъ въ 1066 г. Погодинъ относитъ фактъ обиды Новгородцевъ ко временамъ Полоцкаго князя Брячислава, т. е. къ началу XI в.,

что едвали вѣрно). Вообще В. Новгородъ съ давнихъ временъ враждовалъ съ Полоцкомъ (походъ Брячислава Полоцкаго 1021 г.), чѣмъ и пользовались сосѣдніе князья, которые никогда не нашли бы средствъ для своихъ усобицъ, если бы не было готоваго матеріала въ соперничествѣ управляемыхъ ими земель. Особенно этимъ средствомъ пользовался знаменитый Андрей Боголюбскій въ 1167 г. „сложился на Новгородъ Андрей Боголюбскій съ Смольнянами и съ Полочанами". Въ 1169 г. пришли подъ Новгородъ Суждальцы съ Андреевичемъ (сыномъ кн. Андрея Б.) и Мьстиславъ съ Смольнянами и съ Торопчанами, Муромцы и Рязанцы съ двумя *князьями*, Полоцкій князь съ Полочанами и вся земля просторусская. Новгородцы противостали гвердо съ княземъ своимъ Романомъ" (Новг. 1-я лѣт.). Въ 1186 г. мы застаемъ опять Новгородъ въ войнѣ съ Полоцкою Землею, причемъ, впрочемъ, Новгородцы были лишь союзниками Смольнянъ. *Двѣ Кривскія Земли* (Смоленская и Полоцкая) также враждовали между собою издавна, вслѣдствіе пограничныхъ счетовъ (главн. обр. за Витебскъ и Дрютскъ). Въ 1186 г. Смоленскій князь Давидъ Ростиславичъ, воспользовавшись тѣмъ, что сынъ его Мстиславъ княжилъ въ В. Новгородѣ, составилъ союзъ Смоленской и Новгородской земель противъ Полоцкой; союзники двинулись въ походъ; „слышаша Полочане, и сдумаше рекуще: не можемъ мы стати противу Новгороддемъ и Смолняномъ"; если мы впустимъ ихъ въ свою землю то хотя бы и заключили съ ними миръ, много зла намъ сотворятъ, опустошатъ нашу землю идучи на насъ, пойдемъ къ нимъ *на сумежье*. „И собрашася вси и идоша къ нимъ, и срѣтоша я на межахъ съ поклономъ и съ честью... и разидошася въ страны своя кождо ихъ" (Лавр. лѣт. подъ 1186 г.). Этотъ фактъ показываетъ, что границы между Землями были постоянны и устойчивы, не смотря на измѣнчивость состава княженій. Отношеніе Новгородской и Полоцкой Земель не всегда были, однако, враждебны; иногда между ними установлялся союзъ противъ общихъ враговъ, какими были Литва и Чудь: въ 1191 г. князь Новгородскій Ярославъ ѣздилъ въ Луки (Новгородскій пригородъ), будучи вызванъ туда Полоцкою „княжьею" (князьями) и *Полочанами*; съ нимъ была и Новгородская передняя дружина; Новгородцы и Полочане „снялись на рубежѣ, положили между *собою любовь*, и условились, чтобы на зиму сойтись въ общій походъ либо на Литву, либо на Чудь" (Новг. 1-я лѣт.). Но этотъ миръ между сосѣдними землями длился недолго. въ 1198 г. „на осень придоша *Полочане* съ Литвою на Лукы"; зимою того же года князь Новгородскій „съ Новгородцами, Псковичами, Новоторжцами, Ладожанами и со всею областью Новгородской ходилъ къ Полоцку, и усрѣтоша *Полочане* съ поклономъ на озерѣ на Касъплѣ, и възьмъше миръ, възвратишася Новугороду" (Новг. 1-я лѣт.). Такой же земскій характеръ (а не характеръ княжескихъ усобицъ) имѣютъ отношенія Смоленской земли къ Черниговской: въ 1195 г. „бишася *Смолняне* съ *Чер-*

ниовци и поможе Богъ Цьрниговьцемъ и яша князя Бориса Романовиця и не бяше мира межи ими" (ibid.). Тоже видно и въ отношеніяхъ Кіевской земли къ Черниговской, Галицкой Полоцкой и друг. сосѣдимъ въ 1135 г. новгородскій посадникъ Мирославъ „ходилъ мирить *Кіянъ съ Черниговцами* и возвратился безъ всякаго успѣха" (Новг. 1-я лѣт.); тогда же зимою „пошелъ въ Русь (южную) новгородскій архіепископъ Нифонтъ съ лучшими мужами и засталъ Кіянъ и Черниговцевъ, стоящими другъ противъ друга, но Божіею волею помирились" (ibid.). Въ 1145 г. „ходила вся Русьска земія (кіевская) на Галичь и много пощустила область ихъ: ходила же и изъ Новгорода помочье Кыяномъ" (ibid.).

Въ началѣ XIII в., когда дробленіе княжествъ достигло крайней степени, въ сознаніи современниковъ Русь представлялась, однако, не какъ пестрая сѣть этихъ княженій, а какъ союзъ тѣхъ-же Земель, которыя существовали съ IX в. въ 1216 г., предъ знаменитою Липицкою битвою, одинъ изъ бояръ кн. Юрія говорилъ князьямъ: „не было того ни при прадѣдахъ, ни при дѣдѣ, ни при отцѣ вашемъ, чтобы кто-нибудь вошелъ ратью въ сильную *Землю Суздальскую*, и вышелъ-бы цѣлъ; и вся Русская Земля и *Галицкая*, и *Кіевская*, и *Смоленская*, и *Черниговская*, и *Новгородская* и *Рязанская*—никакъ противъ такой силы не успѣютъ" (Троицк. лѣт.). Тогда-же князья Суздальской земли, вполнѣ надѣясь на побѣду, заключили между собою письменный договоръ о раздѣлѣ Русской земли; грамота, послѣ пораженія ихъ Новгородцами и Смолянянами, была найдена въ лагерѣ кн. Ярослава Твер.; въ ней между прочимъ стояло „мнѣ (кн. Юрію) Володимірская земля и Ростовская, а тебѣ (Ярославу) Новгородъ, а Смоленскъ брату нашему Святославу, а Кіевъ дай Черниговскимъ князьямъ, а Галичъ—намъ-же".

Сохраненіе внутренней цѣлостности земель въ концѣ XII в. засвидѣтельствовано лѣтописцемъ въ знаменитой формулѣ: „Изначала Новгородцы, Смольняне, Кіяне, Полочане и всѣ *власти* на вѣча сходятся и на чемъ старѣйшіе порѣшатъ, тому слѣдуютъ и пригороды". Изъ этого мѣста слѣдуетъ, что и въ концѣ XII в., по сознанію тогдашняго населенія, государственное устройство состоитъ не въ княжескихъ отношеніяхъ, а въ земскихъ (старшихъ городовъ къ пригородамъ (о чемъ ниже) и самое понятіе государства пріурочивается не къ княженіямъ, а къ тѣмъ землямъ, которыя здѣсь перечислены и къ подобнымъ же, о которыхъ лѣтописецъ не договорилъ (Черниговской, Галицкой, Волынской). Вообще смыслъ исторіи т. наз. удѣльнаго періода заключается не въ между-княжескихъ, а въ между-земскихъ отношеніяхъ; если княжескія отношенія вліяли на отношенія Земель между собою, то въ бо́льшей степени замѣчается и обратное вліяніе.

д) Съ конца XII и въ нач. XIII в. *сосѣднія земли начинаютъ группироваться* въ болѣе крупныя государственныя единицы, именно: сѣверовос-

точную нейтральнымъ зерномъ которой стояла земля Суздальская, и юго-западную, въ центрѣ которой стоитъ Галицкая Земля, что и послужило переходомъ къ образованію въ слѣдующемъ періодѣ двухъ большихъ государствъ, Московскаго и Литовско-Русскаго.

На сѣверѣ начались попытки къ сліянію въ одно политическое тѣло земель Суздальской, Рязанской, Новгородской и отчасти Черниговской. Такая попытка принадлежитъ Андрею Юрьевичу и знаменитому брату его Всеволоду III—Суздальскому. Побѣдивъ Рязанцевъ (1177) и плѣнивъ князей ихъ, Всеволодъ обратилъ этихъ послѣднихъ въ своихъ подручниковъ, они титулуютъ Всеволода своимъ „господиномъ и отцомъ“ (1180 и 1186 г. Лавр. л.), призываютъ его сами къ установленію „порядка“ въ ихъ землѣ „порядъ створивъ всей братьи, раздавъ имъ волость комуждо по старѣйшиньству, възвратися въ Володимерь“ (1180 г. Лавр.). Суздальскій князь забираетъ непослушныхъ Рязанскихъ князей и отсылаетъ въ заключеніе въ Владиміръ (ibid.). Онъ самъ безъ вызова усмиряетъ распри между Рязанскими князьями (1186). Рязанскіе князья слѣдуютъ за Всеволодомъ въ военные походы, напр. на Болгаръ (1184 г.), на Черниговскую землю (1196 г.). Въ тѣсной связи съ Суздалемъ стоитъ и Смоленская земля; князья ея также послушно идутъ по приказанію Всеволода на Черниговъ (ibid.).

Новгородъ В., послѣ нѣсколькихъ пораженій отъ Суздальскихъ войскъ, наконецъ покорился князю Суздальскому, прося у него сына себѣ въ князья въ такихъ выраженіяхъ. „ты господинъ князь великый Всеволодъ Гюргевичь; просимъ у тобе сына княжить Новугороду, зане тобѣ отчина и дѣдина Новъгородъ“ (Лавр. 1200). Когда въ 1206 г. Всеволодъ послалъ на княженіе въ Новгородъ другаго своего сына—Константина, то Суздальскій лѣтописецъ увидѣлъ и привѣтствовалъ въ этомъ явные признаки наступленія единодержавія въ цѣлой русской землѣ: „не токмо Богъ положилъ на тебѣ старѣйшиньство во всей братьи твоей (говорилъ отецъ Константину), но и въ всей Русской земли“ (Лавр. л.). По этому поводу Суздальскій лѣтописецъ излагаетъ цѣлую теорію самодержавной власти, ясно предвидя будущую тѣсную связь между единодержавіемъ (т. е. образованіемъ цѣльной территоріи большаго государства) и неограниченностію самодержавной власти.

Во всемъ этомъ движеніи одной земли къ преобладанію надъ другими дѣйствуетъ не только личное властолюбіе Всеволода но и стремленіе самого народа Суздальской Земли къ утвержденію своей гегемоніи надъ сосѣдями; въ 1178 г. во время похода на Новгородъ, Суздальская дружина, видя нерѣшительность своего князя, говоритъ ему: „мы не цѣловать ихъ пріѣхали, они, князь, Богу лгутъ и тебѣ; и сказавши это, ударили по конямъ и взяли городъ (Торжокъ), мужей повязали, а женъ, дѣтей и товары взяли на щитъ и городъ сожгли весь за Новгородскую неправду“ (Лавр. л.). Въ 1181 г. когда Черниговцы въ союзѣ съ Новгородцами пришли ратью на Суздаль-

скую Землю, то „дружина Всеволода хотѣла крѣпко ѣхать на нихъ: но Всеволодъ, будучи благосердъ, не желая крови проливать, не ѣхалъ на нихъ" (Лавр. л.).

Не довольствуясь разширеніемъ своей власти надъ Сѣверною Русью Всеволодъ сдѣлалъ (преждевременную) попытку *къ утвержденію обще-русскаго единодержавія*: въ 1195 г. онъ возобновилъ старый опорный пунктъ Суздальскихъ князей на югѣ, гор. Городецъ на Острѣ: „послалъ тіуна своего Юрія съ людьми въ Русь и создалъ градъ на Городцѣ, обновилъ свою отчину". Въ томъ-же году, когда умеръ Кіевскій кн. Святославъ Ольговичъ, „послалъ великій князь Всеволодъ мужей своихъ въ Кіевъ и посадилъ въ Кіевѣ Рюрика Ростиславича" (Лавр. л.). Въ 1201 г. „послалъ князь великій Всеволодъ Юрьевичъ сына своего Ярослава въ Переяславль Русскій (южный) княжить" (ibid.). Такое распоряженіе князь столами въ чужихъ земляхъ составляетъ рѣшительную новость: прежде ни Кіевскіе князья, ни другіе не распоряжались столами въ Черниговской, Полоцкой или иныхъ земляхъ.

Мы назвали такое стремленіе преждевременнымъ. Дѣйствительно, одновременно съ образованіемъ перваго зерна будущаго сѣверно-русскаго единодержавія, на крайнемъ *юго—западѣ закладываются основы другаго русскаго государства*. Современникъ Всеволода, Романъ Волынскій имѣетъ здѣсь точно такое-же значеніе, какъ Всеволодъ на сѣверѣ. Романъ соединилъ подъ своею властію двѣ большія и сильныя Земли—*Волынь и Галицію*. Центромъ этого новаго государства могла сдѣлаться именно Волынь, какъ по положенію своему, такъ и по могуществу; но Романъ сдѣлалъ ошибку, перенеся центръ въ пограничную Галицію, что повело ко вмѣшательству въ судьбу этого государства иноземцевъ—мадьяръ и ляховъ. Во всякомъ случаѣ при Романѣ государство его было настолько могущественно, что южно-русскій лѣтописецъ титулуетъ его такъ-же, какъ сѣверно-русскій Всеволода, т. е. самодержцемъ и царемъ. Образованіе сильнаго государства повело и здѣсь къ стремленію разширить его вліяніе на сосѣдей, именно на *Кіевскую и Черниговскую* Земли. Около двухъ большихъ политическихъ тѣлъ, прочія начинаютъ вращаться, какъ спутники ихъ, впрочемъ судьба ихъ еще колеблется, факты недостаточно рѣшительны, чтобы опредѣлить, въ сферу какого изъ двухъ названныхъ свѣтилъ попадутъ эти спутники. Такое неопредѣленное положеніе занимаютъ Кіевская и Черниговская земли. Мы упомянули, что въ 1195 г. Всеволодъ посадилъ своего подручника на Кіевскій столъ, именно Рюрика. Хотя Рюрикъ заявилъ попытку соединить силы *Черниговской Земли* съ *Кіевскими* и так. обр. *удержать самостоятельную роль между двумя самодержцами*, но дѣло кончилось для него печально; „Романъ, скопя полки Галицкіе и Владимірскіе, въѣхалъ въ Русскую Землю"; одно прибытіе его произвело здѣсь полный переворотъ: мѣстные князья, подчиненные князю Кіевскому, тотчасъ отъѣхали къ Роману, изо всѣхъ городовъ русскихъ (Кіевскихъ) люди поѣхали

къ нему-же: когда онъ прибылъ къ Кіеву, то отворили ему Кіяне ворота подольскія: онъ въѣхалъ въ Подолье и послалъ на Гору (въ старый Кіевъ) къ Рюрику и къ Ольговичамъ, которые и принуждены были исполнить его волю. Фактъ, доказывающій, что и на югѣ населеніе принимаетъ жизненное участіе въ процессѣ образованія новаго единодержавнаго государства, но въ иномъ смыслѣ, чѣмъ на сѣверѣ. Рюрикъ отправился княжить въ пригородъ Овручь, а Ольговичи во свояси — въ Черниговъ (Лавр. л.) Суздальскій лѣтописецъ разсказываетъ, что послѣ этого въ Кіевѣ посаженъ княжить Ингварь Ярославичъ отъ руки вел. кн. Всеволода и Романа. Очень можетъ быть, что въ отношеніи къ Кіевской Землѣ оба русскихъ самодержца пришли къ компромиссу, т. е. установили обоюдное вліяніе на эту страну. Когда Рюрикъ снова овладѣлъ Кіевомъ, то Романъ, явившись опять для возстановленія своей единичной власти надъ Кіевомъ и Черниговскою Землею, принужденъ былъ снова подѣлить ее со Всеволодомъ; по словамъ Сузд. лѣтописца, онъ предложилъ послать ко Всеволоду своихъ пословъ вмѣстѣ съ послами Рюрика, „абы ти далъ Кіевъ опять“. Черниговскіе Ольговичи цѣловали крестъ „в кн. Всеволоду и Роману“. Но такой компромиссъ, очевидно, удержаться не могъ, въ 1205 г. Романъ, во время общаго похода на Половцевъ, схватилъ Рюрика и постригъ его въ Кіевѣ въ черницы и захватилъ въ плѣнъ сына и брата его. „И услышавъ то вел. кн. Всеволодъ, печаленъ бысть очень. ... и вложилъ ему Богъ въ сердце опечалитися рускою землею, онъ могъ за это мстить, на ради христіянъ отложилъ месть“, говоритъ Суздальскій лѣтописецъ; на самомъ же дѣлѣ, онъ очень желалъ мстить, но не могъ; онъ удовольствовался соглашеніемъ съ Романомъ, по которому сынъ Рюрика былъ выпущенъ, и сдѣланъ Кіевскимъ княземъ съ очевидною зависимостью отъ Романа. Это очевидно изъ того, что когда въ томъ же году Романъ погибъ въ сраженіи съ Ляхами, то „Рюрикъ, услышавъ о томъ, сбросилъ съ себя чернеческія одежды и сѣлъ на столѣ въ Кіевѣ“. Такъ Роману не удалось окончательно слить подъ своею властію Кіевскую землю съ Волынью и Галиціею, и одною изъ главныхъ причинъ этой неудачи было соперничество Всеволода Суздальскаго. Послѣ Романа дѣло его взялись было продолжать въ свою пользу Ольговичи Черниговскіе именно Всеволодъ Чермный. Ольговичи успѣли было овладѣть, кромѣ своей наслѣдственной—Черниговской земли, Кіевомъ, Галичемъ и Волынью (1207). Даже Рязань склонилась на сторону этого союза. Но противъ нихъ явился тотъ-же Всеволодъ Суздальскій, ибо его многолѣтнимъ успѣхамъ угрожала окончательная гибель даже на сѣверѣ. Его побѣдоносный походъ на Рязань, когда онъ захватилъ въ плѣнъ и отвезъ во Владиміръ всѣхъ Рязанскихъ князей, произвелъ реакцію и въ Кіевѣ; его подручникъ Рюрикъ опять явился въ Кіевѣ и выгналъ оттуда Всеволода Чермнаго. Так. обр. Кіевъ остался въ

сферѣ вліянія Суздальскаго князя: послѣ нашествія татаръ Кіевомъ управлялъ намѣстникъ этого князя.

Но со 2-й пол. XIII в. сынъ и преемникъ Романа, знаменитый *Данилъ Галицкій* распространилъ свою власть и на Кіевскую землю, создавъ изъ южно-русскихъ земель могущественное и *обширное королевство* На сѣверѣ продолжателемъ дѣлъ Всеволода явился Александръ Невскій, современникъ Даніила.

Так. обр. дѣло основанія единодержавія, начатое задолго до татаръ, продолжалось и въ татарскую эпоху, хотя уже не съ такою быстротою.

Вообще развитіе государств. русской территоріи въ 1-мъ періодѣ идетъ отъ меньшихъ единицъ къ болѣе крупнымъ (а не наоборотъ).

4. **Число и внѣшній составъ** древне-русскихъ Земель не могли оставаться вполнѣ неизмѣнными въ теченіи долгаго періода, при постоянныхъ б. ч. враждебныхъ столкновеніяхъ между ними и съ сосѣдями-кочевниками. выше указано слитіе Древлянской Земли съ Кіевскою. Къ той же Кіевской Землѣ присоединилась часть Земли Дреговичей (Турово-Пинской), другая часть ея вошла въ составъ Земли Полоцкой.—Ростовско-Суздальская Земля, несомнѣнно составлявшая въ началѣ колонію В. Новгорода, наконецъ достигла полной самостоятельности.—Новгородская Земля, лишившись так. обр. владѣній на средней Волгѣ, вознаградила себя громаднымъ протяженіемъ въ бассейнѣ Сѣвернаго Ледов. океана до Уральскаго хребта.—Изъ колоній слав. племени Вятичей среди финскаго племени Муромы, въ правой половинѣ бассейна Оки, образовалась новая Земля Муромо-Рязанская.—Сѣверская Земля, выдвинувшая въ древности свои колоніи черезъ Донъ до Кубани (Тмутаракань), приведена обратными движеніями степныхъ варваровъ въ сравнительно тѣсные предѣлы бассейна р. Десны и Сулы; но и эта центральная часть Сѣверской Земли была еще слишкомъ велика и потому наклонялась къ раздвоенію по двумъ главнымъ системамъ названныхъ рѣкъ: страна по р. Сулѣ образовала особую Землю—Переяславскую; но эта Земля никогда не достигала совершенной самобытности и играла межеумочную роль среди Сѣверской и Кіевской Земель. Сѣверская Земля владѣла весьма долго и землею Вятичей.—Самая обособленная въ этнографическомъ и географическомъ отношеніяхъ Земля Полоцкая или Кривская (между Припетью и Западною Двиною) была въ доисторическое время въ нѣкоторой связи съ Землею Новгородскою (Рюрикъ посадилъ тамъ мужа своего); но уже въ началѣ X вѣка она является самостоятельною и ведетъ постоянную борьбу съ Новгородскою и Смоленскою Землею. Начальная лѣтопись въ числѣ первобытныхъ княженій не упоминаетъ Волыни и Галиціи (называя Дулѣбовъ или Волынянъ и Бужанъ лишь въ числѣ *племенъ*); но относительно Волыни не можетъ быть сомнѣнія въ ея доисторическомъ бытіи, въ качествѣ Земли: новый центръ ея—княжескій городъ Владиміръ возникъ близъ древняго города Волыни.

5 **Внутренній составъ Земли.** Каждая Земля состоитъ изъ стар-шаго города, пригородовъ и волостей (другія подраздѣленія Земли будутъ указаны въ исторіи мѣстнаго управленія).

Городомъ („градъ") называется въ обширнѣйшемъ смыслѣ всякое укрѣпленное мѣсто (населенное и ненаселенное, временное или постоянное), въ болѣе тѣсномъ смыслѣ—всякое укрѣпленное поселеніе; въ тѣснѣйшемъ и собственномъ смыслѣ—центральная община, владѣющая Землею (и, конечно, наиболѣе укрѣпленная). Были-ли города-общины въ началѣ русской исторіи (IX и X вв.)? Споръ объ этомъ между Д. Я. Самоквасовымъ и Ѳ. И. Леонтовичемъ приводитъ къ утвердительному отвѣту. Конечно, могли быть и пустые острожки и укрѣпленныя „села", но свидѣтельства о населенности нѣкоторыхъ городовъ (иногда очень значительной) начинаются съ первыхъ временъ исторической жизни (послѣ прибытія Варяговъ), таковы свидѣтельство договора Олега 907 г. о купцахъ изъ Кіева, Чернигова, Переяславля и другихъ городовъ; сказаніе первоначальной лѣтописи о соборной церкви въ Кіевѣ при Игорѣ, сказаніе о посольствѣ Древлянъ въ Кіевъ, при чемъ замѣчено, „на Подолы не сѣдяху людье, но на горѣ", сказаніе о мести Ольги, которая сожгла Искоростень: „и не бѣ двора, идѣже не горяше, и не бѣ льзѣ гасити, вси бо двори възгорѣшася"; сказаніе объ осадѣ Кіева Печенѣгами (968), когда „нельзя было ни войти въ Кіевъ ни выити изъ него", а между тѣмъ въ городѣ томились голодомъ осажденные люди, свидѣтельство о томъ, что союзники Владиміра—Варяги, взявши Кіевъ (980), требовали окупа съ жителей города по 2 гривны отъ человѣка, сказаніе объ убіеніи въ жертву богамъ толпою гражданъ сына варяга, у котораго „бѣ дворъ, идѣже есть церьви Св. Богородица"; сказаніе Дитмара о Кіевѣ. „Кіевъ чрезвычайно великъ;..... въ этомъ большомъ городѣ, который служитъ столицею того царства, 8 рынковъ и народа безчисленное множество" (Chron. XVI); разсказъ лѣтописи о томъ, что Владиміръ велѣлъ развозить по городу для больныхъ съѣстные припасы; исторія крещенія народа, состоявшагося на другой день послѣ приказа о томъ Владиміра. „и сънидеся безъ числа людей", сказаніе Іоакимовской лѣтописи о крещеніи Новгорода, когда Новгородскій тысяцкій ѣздилъ по городу и убѣждалъ гражданъ стоять за старыхъ боговъ. Такая населенность городовъ не могла образоваться въ первые 50 или сто лѣтъ по прибытіи Варяжскихъ князей.

Городъ старшій въ каждой Землѣ есть община управляющая. „Новгородцы бо изначала, и Смоляне, и Кыяне, и Полочане и вся власти, якоже на думу на вѣча сходятся; на чтоже старѣйшіи сдумають, на томъ же пригороди стануть" (лѣт подъ 1176 г.). Когда лѣтопись говоритъ „Кривичи..., ихъ же градъ есть Смоленьскъ", то это не означаетъ, что у Кривичей былъ одинъ только городъ, а указываетъ на ихъ политическое средоточіе. Племенныя названія Земель (Поляне, Словене, Кривичи) весьма

рано замѣнились названіями по имени старшаго города (Кіане. Новгородцы. Смольняне). „Се буди маги градомъ русскимъ", говоритъ Олегъ о Кіевѣ Позднѣйшій бытъ Новгорода и Пскова есть болѣе ясное выраженіе общерусскаго быта

Пригороды (младшіе города) существуютъ въ каждой Землѣ съ древнѣйшихъ временъ, такъ въ Новгородской Землѣ старшій князь Рюрикъ сѣлъ въ Новгородѣ. младшіе (подручные) -въ Изборскѣ и Бѣлоозерѣ. Въ Древлянской Землѣ. кромѣ стариаго города—Искоростеня, было нѣсколько другихъ „вси гради вашн предашася мнѣ". говоритъ Ольга осажденнымъ Искоростенцамъ. Въ XII в. лѣтописи указываютъ по нѣсколько пригородовъ въ каждой Землѣ (напр въ Черниговo-Сѣверской до 70. въ Кіевской. Волынской и Галицкой. въ каждой около 40. въ Суздальской около 20. въ Полоцкой около 16. въ Новгородской около 15. въ Рязанской столько же. въ Смоленской до 8, нѣтъ сомнѣнія. что въ томъ числѣ слѣдуетъ разумѣть и отдѣльные острожки—укрѣпленія. не имѣющіе значенія пригородовъ)

Волость есть округъ, подчиненный каждому пригороду въ отдѣльности, она заключаетъ въ себѣ укрѣпленныя и неукрѣпленныя сельскія общины.

Отношеніе старшаго города къ пригородамъ и волостямъ основано частію на *колонизаціи*, исходившей изъ центра къ окружностямъ Земли. на что указываютъ термины „старшій". „младшій". и „мать городовъ", а также и то. что населеніе старшихъ городовъ считается лучшимъ-боярскимъ: „то суть наши холопѣ", говорятъ Ростовцы о Владимирцахъ, жители Ростова именуются „старшею дружиною" („боярами"). — Второе основаніе власти старшаго города есть бо́льшая *сила* центральной общины. которая и покоряетъ себѣ пригороды воиною (города Древлянской Земли обращены въ пригороды Кіевскіе) и даетъ имъ у себя защиту во время военной опасности. когда въ 1147 г. городъ Черниговской Земли Всеволожъ былъ взятъ Кіевскимъ княземъ Изяславомъ, то, услышавши объ этомъ, другіе города: „Унѣвежъ, Бѣловѣжа, Бохмачь побѣжали, и иныи грады многіе бѣжали" въ Черниговъ (Ипат. лѣт.).—Третье основаніе власти старшаго города *религозное*: въ языческую эпоху въ стѣнахъ старшаго города заключалась обыкновенно природная святыня цѣлаго племени (священный холмъ или роща), а потомъ и искусственная—капище. „Quot regiones sunt in his partibus, tot templa habentur", говоритъ Дитмаръ о Балтійскихъ славянахъ, въ христіанскую эпоху языческія капища замѣняются центральными общеземскими храмами, новгородцы, желая утвердить свою власть надъ пригородомъ Торжкомъ, говорили: „не будетъ Новыи Торгъ Новымъ Городомъ, ни Новгородъ Торжкомъ, но гдѣ св. Софья. тамъ и Великіи Новгородъ".—Иногда отдѣльныя части территоріи дѣлились между

концами (частями) старшаго города и отдавались въ непосредственное управленіе этихъ послѣднихъ: „Весь Псковъ подѣлиша по два пригорода на всѣ концы, коему же концу къ старымъ пригородамъ новые жеребьемъ дѣлили, а ималъ жеребей князь Василій князя Ѳеодора Юрьевича сынъ съ престола“ (подъ 1468 г. Слич. уставъ о мостовыхъ въ Русской Правдѣ).

Отношенія старшаго города къ пригородамъ были *весьма устойчивы*, и б. ч. сохранились неизмѣнно со временъ доисторическихъ до XV в., когда древне-русскія Земли въ прежнемъ своемъ составѣ вошли въ государства Московское и Литовское въ качествѣ провинцій. Однако иногда власть старшаго города надъ пригородами терпѣла измѣненія, при равенствѣ силы старшаго города и пригорода одна Земля дѣлилась на двѣ самостоятельныхъ (примѣръ—выдѣленіе Псковской Земли). Если сила пригорода перевѣшивала, то онъ становился главнымъ городомъ, а старшій—пригородомъ (примѣръ—перенесеніе власти изъ Ростова въ Суздаль и наконецъ во Владиміръ). Къ такому результату вела не столько потеря матеріальной силы старшимъ городомъ, но преимущественно потеря имъ *права старшинства*; онъ терялъ это право, если отказывался защищать пригороды, такъ владимірцы считаютъ себя *въ правѣ* не подчиняться Ростову, когда этотъ послѣдній не хотѣлъ защитить Землю отъ насилія князей Ростиславичей; тогда ростовцы, по мнѣнію владимірцевъ, сдѣлались „мнимыми старѣйшинами“. Къ такому же результату вело и то обстоятельство, если въ пригородѣ возникала религіозная святыня, превосходившая своимъ значеніемъ святыню старшаго города (побѣду владимірцевъ надъ ростовцами лѣтописецъ объясняетъ вліяніемъ „чюдной Матери Божіей Володимерской“, т. е. знаменитаго храма, основаннаго Андреемъ Боголюбскимъ). Лѣтописецъ такъ заключаетъ свой разсказъ о борьбѣ пригорода Владиміра съ старшимъ городомъ Ростовомъ. „Извѣка повелось правило: на чемъ старшіе города положатъ, тому должны повиноваться и пригороды, но здѣсь старый городъ Ростовъ и Суздаль, и всѣ бояре, стремясь свою правду поставить, не хотѣли сотворить правды Божіей, и сказали. какъ намъ любо, такъ и сдѣлаемъ. Владиміръ нашъ пригородъ. Какъ въ евангеліи сказано, что Господь утаилъ (откровеніе) отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ его младенцамъ; такъ и здѣсь: не умѣли исправить правду Божію Ростовцы и Суздальцы, давніе, выдающіе себя за старѣйшинъ, а новые люди, меньшіе —Володимерцы, уразумѣвши, взялись за правду крѣпко“. Такимъ образомъ лѣтописецъ, стоящій за интересы пригорода, не отрицаетъ нимало въ принципѣ власти старшихъ городовъ, а только полагаетъ, что въ данномъ случаѣ своими проступками старшіе города потеряли свое достоинство старѣйшинства. Мнѣніе о томъ, что отношенія старшаго города къ пригородамъ опредѣлялись только пропорціею силъ того и другихъ (безъ всякихъ правомѣрныхъ основаній) не можетъ быть принято. На отношеніяхъ старшаго

города къ пригородамъ и пригородовъ къ волостямъ основывается весь древній изначальный госуд. строй, который, не завися отъ междукняжескихъ отношеній, во многомъ опредѣляетъ эти послѣдніе.

Б. Населеніе.

Населеніе извѣстнаго государства можетъ состоять или изъ различныхъ этнографическихъ группъ, или изъ одной націи, и во всякомъ случаѣ состоитъ изъ разныхъ союзовъ общественныхъ (классовъ, сословій).

1. **Этнографическій составъ населенія русскаго государства.** Русская нація не есть явленіе доисторическое. исторія. въ своемъ началѣ. застаетъ разрозненныя славянскія (и финскія) *племена*, еще не состоявшія между собою ни въ какомъ національномъ единствѣ. Каждая изъ древне-русскихъ земель заключала въ себѣ или цѣлое племя, или часть его. Племя Кривичей раздѣлилось на двѣ самостоятельныя (и враждебныя) земли. Полоцкую и Смоленскую и сверхъ того значительная часть этого племени вошла въ составъ Новгородской земли. Племя Вятичей не выработалось ни въ какую самостоятельную политическую форму, которая едва зарождалась было въ эпоху Владимира Мономаха (когда у нихъ былъ князь Ходота), но тотчасъ же изчезла, и племя Вятичей поглощено Черниговскою Землею. Племя Дреговичей подѣлено между Кіевскою, Черниговскою и Полоцкою землями (см Ипат. л. подъ 1116, 1149, Лавр. подъ 1097 г.). Нѣчто подобное случилось и съ Древлянами, имя которыхъ удержалось въ смыслѣ географическомъ, какъ часть Кіевской земли; а племенная группа Древлянъ слилась съ населеніемъ Кіевской земли, чрезъ что не образовалось такъ сказать кіевской націи.

Сознаніе о единствѣ русской націи образуется въ X и XI вѣкахъ и выражается въ XI и XII вв. въ памятникахъ законодательныхъ (*Русская Правда*) и литературныхъ: первоначальная лѣтопись имѣетъ цѣлію разъяснить „откуду есть пошла Русская Земля и откуду Русская Земля стала есть“; Слово о полку Игоревѣ противопоставляетъ ясное сознаніе единства русской націи государственной раздробленности княженій и междоусобной борьбѣ ихъ (см. ниже отдѣлъ: „начала государ. объединенія всѣхъ русскихъ земель“).

Главнѣйшими основаніями національной связи были: сходство языка восточныхъ славянъ, единство религіи (со времени принятія христіанства греческаго исповѣданія) и общность политической судьбы (единство княж. рода; общія военныя предпріятія противъ Византіи и восточныхъ варваровъ).

Но сознаніе національнаго единства и въ XII в. не было полнымъ и всеобщимъ. Русскою Землею спеціально называлась южная Русь въ противоположность сѣверной и западной.

Этнографическіе элементы, вошедшіе въ составъ русской національности. Главнѣйшій (по численности и значенію) есть элементъ *славянскій. Инородческіе* и *иноземные* элементы вошли въ русскую націю двоякимъ образомъ. а) посредствомъ *имміграціи* иноземцевъ въ русскія земли съ двухъ сторонъ. съ запада—варяговъ. съ востока—тюрковъ. Тѣ и другіе являлись или въ качествѣ вспомогательныхъ военныхъ отрядовъ, или въ качествѣ гостей (торговцевъ): затѣмъ они частію оставались при дворѣ князей (дружинниками), или правителями областей, или частными обывателями городовъ. „И по тѣмъ городомъ (въ Новгородѣ, Изборскѣ, Бѣлѣозерѣ Полоцкѣ и Ростовѣ) суть находници Варязи; а перьвіи насельници въ Новѣгородѣ Словѣне, Полотьскѣ—Кривичи“ и т. д. (первон. лѣтопись; слич. о варягахъ и колбягахъ Рус. прав. Ак. сп., ст. 9 и 10)..—Варяжскій элементъ ассимилировался уже въ XI в. Замиренныя тюркскія племена (Черные Клобуки) составили сплошное военное населеніе степныхъ окраинъ Кіевской и Черниговской земель (съ Переяславскою).

б) Посредствомъ *колонизаціи* славянъ въ странахъ инородческихъ, начавшейся съ древнѣйшихъ временъ: Новгородская Земля выдвинула свои колоніи въ доисторическое время въ чудскія (сѣверно-финскія) страны (Бѣлозерскъ—среди Веси, Ростовъ—среди Мери). Полоцкая-Кривская Земля по Зап. Двинѣ и Нѣману имѣла колоніи среди латышей и литвы; Сѣверская-Черниговская и Кіевская Земли—въ степяхъ тюрко-татарскихъ чрезъ Донъ до Кубани (Тмутараканъ). Особенная способность русскаго народа къ ассимиляціи инородцевъ общепризнана.

2. **Соціальный составъ населенія (классы общества).** *Связь этнографическаго состава населенія съ соціальнымъ.* Разноплеменное происхожденіе классовъ общества замѣчается и въ русской націи, но лишь въ слабой степени. варяжскія дружины составили служилый классъ: гости, т. е. западные и восточные чужеземцы,—городской классъ. „Ти суть людье Ноугородьци отъ роди Варяжьска, преже бо бѣша Словѣни“ говоритъ первон. лѣтоп., о населеніи городовъ. Въ Русской Правдѣ замѣняется слово „горожанинъ“ словомъ „Русинъ“, слово „селянинъ“—словомъ „Славянинъ“ (см. прим. 4 къ Кар. сп. Рус. Правды). Однако восточные славяне имѣли и своихъ старѣйшинъ и свое городское населеніе уже со временъ доисторическихъ.

Три класса (но не сословія) древней Руси Общество каждой изъ древнерусскихъ земель состоитъ изъ трехъ классовъ, которые: отнюдь не могутъ быть названы сословіями въ западно-европейскомъ средневѣковомъ смыслѣ. Классы эти суть: бояре, горожане и смерды. „Бояринъ боярина плѣниша

смердъ смерда, градъ - града". говоритъ лѣтопись объ одномъ случаѣ военнаго похода.

а) **Бояре**. Классъ бояръ *образуется* изъ двухъ элементовъ, во-первыхъ изъ *лучшихъ людей* среди жителей каждой земли, и во-вторыхъ высшихъ членовъ княжескаго двора - *дружинниковъ*.

Лучшіе люди правильно (хотя и искусственно) называются *земскими боярами* (въ противоположность боярамъ княжескимъ). Лѣтопись именуетъ ихъ и другими терминами, а именно: „нарочиты люди", „старѣйшины градскіе" или „людскіе". Ольга говоритъ Древлянамъ „если вы просите меня дѣйствительно (замужъ за своего князя), то пришлите мужи нарочитыхъ. Древляне избрали лучшихъ мужей, которые держали (управляли) Деревскую землю" (первонач. лѣт.). По взятіи главнаго города Древлянъ, Ольга „старѣйшинъ града взяла въ плѣнъ, а прочихъ людей однихъ перебила, а другихъ отдала въ рабство своимъ мужамъ". Что здѣсь, и въ послѣдствіи при Владимірѣ Св., „старцами" или „старѣйшинами" называются лучшіе земскіе люди (бояре) доказывается тѣмъ, что лѣтописецъ словомъ „старцы" переводитъ латинскій терминъ – „senatores": „взоренъ бываетъ во вратѣхъ мужь ея (доброи жены), внегда аще сядетъ на сонмищи съ старцы и съ жители земли", что въ латинскомъ текстѣ Библіи выражается такъ: „nobilis in portis vir ejus, quando sederit cum senatoribus terrae". Тоже самое ясно открывается и изъ того, что лѣтописецъ иногда означаетъ словомъ „старцы" всѣхъ членовъ княжеской думы (т. е. бояръ по преимуществу), когда Владиміръ ввелъ смертную казнь вмѣсто виры, то противъ этого нововведенія стали говорить ему епископы и старцы (лѣт. подъ 996 г.): равнымъ обр. словомъ бояре означаются какъ бояре-дружинники, такъ и старцы, но возвращеніи посланныхъ для ознакомленія съ разными религіями, Владиміръ созвалъ „боляры своя и старцы"; выслушавъ донесеніе пословъ, „отвѣщавше бояре, рекше: аще бы лихъ законъ гречьскій, то не бы баба твоя пріяла Ольга". Никакого не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что восточные славяне издревле (независимо отъ пришлыхъ княжескихъ дворянъ) имѣли среди себя такой же классъ лучшихъ людей, который у западныхъ славянъ именуется majores natu, seniores, кметы и др. терминами. Этотъ классъ вездѣ образуется изъ людей высшихъ по родовому старшинству (происхожденію, отчего члены его и называются старѣйшинами), по власти въ своемъ обществѣ (члены его „держатъ землю"), и наконецъ по высшей экономической состоятельности (терминъ „лучшіе люди" въ слѣд. періодѣ означаетъ людей болѣе богатыхъ).

Этотъ классъ до XI в. ясно отличается отъ бояръ княжескихъ, т. е. высшихъ членовъ княж. двора. Владиміръ св. созывалъ на пиры „боляръ *своихъ*, посадниковъ *и старѣйшинъ* по всѣмъ городамъ" (лѣт. подъ 996); въ своемъ Кіевскомъ дворцѣ онъ угощалъ „боляръ, гриди, сотскихъ, де-

сятскихъ и нарочитыхъ мужей." (Ibid.). Когда въ В. Новгородѣ при Ярославѣ Новгородцы перебили варяговъ княжескихъ, то князь отомстилъ имъ избіеніемъ ихъ „нарочитыхъ мужей" (лѣт. подъ 1015 г.). Затѣмъ когда послѣ пораженія Ярослава, этотъ князь опять прибѣжалъ въ Новгородъ и собирался бѣжать за море, то сами Новгородцы остановили его и рѣшили продолжать борьбу за него собственными средствами; для этого они назначили налогъ на военныя издержки, а именно. „отъ мужа по 4 куны, а отъ старостъ по 10 гривенъ, а отъ бояръ по 18". Конечно они собирали этотъ налогъ не отъ княжескихъ бояръ, на что́ и права не имѣли; сверхъ того Ярославъ прибѣжалъ въ Новгородъ съ 4-мя мужами, а бояре его остались въ Кіевѣ, гдѣ кор. Болеславъ „взялъ имѣнье и бояръ Ярославлихъ" (ibid.). Вообще въ Новгородѣ княжескіе дружинники никогда не могли сдѣлаться мѣстными боярами; впослѣдствіи имъ запрещено было пріобрѣтать недвижимыя имущества на Новгор. территоріи, а между тѣмъ Новгородъ не былъ лишенъ боярскаго класса (въ сенатѣ Новгородскомъ считалось до 300 бояръ); всѣ Новгородскіе бояре суть земскіе бояре. Кромѣ людей, управлявшихъ общинами, въ этотъ классъ вошли и туземные князья (управлявшіе цѣлыми землями), лишенные своихъ владѣній Рюриковичами (въ договорахъ русскихъ съ греками термины: „князья" и „бояре" употребляются какъ одинаковые: „посланіи отъ Игоря... и всякоя княжья.... А великій князь русскій и боляре его да посылаютъ въ Греки"...)..

Бояре-дружинники. Слово „дружина" не означаетъ какого-либо опредѣленнаго класса общества; этимъ терминомъ въ лѣтописяхъ называется иногда весь народъ: кн. Ярославъ, избившій лучшихъ новгородцевъ, но затѣмъ получившій извѣстіе изъ Кіева о пагубныхъ замыслахъ Святополка, собралъ остатокъ Новгородцевъ и сказалъ: „о люба моя дружина, юже вчера избихъ, а нынѣ быша надобѣ" (перв. л. по 1015); иногда такъ называется народное ополченіе, стоящее рядомъ съ дружиною княжескою: когда въ 1043 г. лодьи, на которыхъ плыло русское войско на Византію, были разбиты бурею, то 6000 воиновъ (ополченія) было выброшено на берегъ; корабль же, на которомъ была княжеская дружина, уцѣлѣлъ. Выброшенные воины не захотѣли продолжать путь на Грецію и рѣшились возвратиться въ Русь; но никто „изъ княжей дружины" не соглашался вести ихъ, кромѣ тысяцкаго Вышаты, который сказалъ. „азъ поиду съ ними, аще живъ буду, то съ ними, аще погыну, то съ дружиною". (Лавр. л.). Дружиною называется товарищество, основанное на договорѣ, напр. общество, обязавшееся круговою порукою по уплатѣ виры (Рус. Пр. Кар. 4). Преимущественно дружиною именуется общество, составившееся искусственно; въ народномъ южнорусскомъ говорѣ поговорка „сборъ—дружина" означаетъ собраніе разнокачественныхъ предметовъ. Спеціально дружиною называется *дворъ князя.* „се дружина у тебя отъня и вои", говорили дружинники св. кн. Бориса,

поощряя его занять Кіевскій княжескій столъ (перв. лѣт. 1015 г.). Дворъ состоялъ изъ различныхъ племенныхъ элементовъ: первоначально онъ составлялся по большей части изъ пришлецовъ, какъ чужеземцевъ, такъ и жителей другихъ русскихъ земель, а именно изъ варяговъ, угровъ, торковъ и т. д.: въ 980 г. совѣтникъ кн. Ярополка, отговаривавшій его слѣдовать предательскому плану Блуда, былъ Варяжко, когда же Ярополкъ не послушалъ и поѣхалъ къ Владиміру, то былъ убитъ двумя слугами Владиміра—Варягами. Владиміръ избралъ изъ Варяговъ (съ которыми прибылъ для борьбы съ Ярополкомъ) мужей добрыхъ, смышленныхъ и храбрыхъ и раздалъ имъ города (перв. л. подъ 980 г.). Въ дружинѣ св. кн. Бориса былъ любимый его отрокъ Георгій, родомъ угринъ (мадьяръ); въ дружинѣ Святополка исполнителями убійства надъ Борисомъ были два варага и между остальными—Ляшко. Поваръ св. кн. Глѣба, зарѣзавшій мученика, былъ Торчинъ. Восточные элементы встрѣчаются въ княжескихъ дворахъ и въ довольно позднее время одинъ изъ главныхъ убійцъ кн. Андрея Боголюбск. былъ его ключникъ Ясинъ. Но вообще съ XI вѣка преобладающимъ элементомъ въ княжихъ дворахъ становится туземный—русскій. Столже разнообразны и сословные элементы двора. Вообще члены двора суть *слуги* князя и въ качествѣ слугъ, лица не совсѣмъ полноправныя, ибо служба только тогда не вела къ холопству, когда это именно было оговорено въ договорѣ (Рус. Пр. Кар. 121), что̀ въ дѣйствительности совершалось рѣдко (ibid. 77). Но служба князю, который былъ не только частнымъ лицомъ, но и правителемъ государства, давала возможность слугѣ получать сразу высокое положеніе въ обществѣ: изъ приведеннаго выше примѣра видно что только-что прибывшіе варяги дѣлаются правителями областей. Весь дворъ, по правамъ членовъ его, дѣлится на *дружину старшую и младшую*. Первая состоитъ изъ людей не только свободныхъ, но и занимающихъ высшее положеніе въ государствѣ (думѣ князя, въ военномъ и мѣстномъ управленіи). Общимъ названіемъ ихъ первоначально было—*оныщане*, къ положенію которыхъ приравнивались княжескіе тіуны, подъѣздные и конюшіе (Рус. Пр. Ак. 19, 20 и 21); впослѣдствіи за ними утвердилось названіе *княжихъ мужей* (Р. Пр. Кар. 3); но въ тоже время они именовались и боярами (перв. лѣт. подъ 983, 996 г. и др.); это послѣднее названіе утвердилось окончательно послѣ сліянія земскихъ бояръ съ дружинными.—*Младшая дружина*, состояла изъ лицъ низшей дворовой и государственной службы; древнее общее наименованіе ея гридь (гридница—домъ, комната) замѣнилось другими: „отроки“, „дѣтскіе“, „насынки“. Исполняя во дворѣ низшія службы (ключниковъ, конюховъ, и т. п.), они въ тоже время составляли военный полкъ князя: „имѣю своихъ отроковъ 800, которые могутъ стать противъ половцевъ“, говорилъ Кіев. кн. Святополкъ (Лавр. лѣт. 1093 г.). Всѣ эти лица были или несвободные, или полусвободные, хотя и младшіе члены боярскихъ фамилій, обык-

новенно начинали службу съ тѣхъ же низшихъ дворовыхъ должностей, что́ служило замѣною и школьнаго образованія. Какъ въ физическомъ возрастѣ отрокъ становится постепенно мужемъ, такъ юридически росли права „отроковъ“, пока они не становились „мужами“ (боярами), разумѣется не всѣ. Отсюда и наименялась глав. обр. княжая старшая дружина, слово „огнищанинъ“ въ памятникахъ западно-славянскихъ толкуется, какъ вольноотпущенный. Средствомъ возвышенія изъ младшей дружины въ старшую были: военная служба, и гражданское управленіе волостями; волости менѣе богатыя и важныя иногда поручались низшимъ дружинникамъ. кн. Святославъ Черниговскій говоритъ (жалуясь на кн. Изяслава): „я получилъ Черниговъ съ 7 пустыми городами: Моравскомъ, Любечемъ, Оргощемъ, Всеволожемъ,—и въ тѣхъ сидятъ посари да Половцы, а всю (прочую) волость Черниговскую Изяславъ собою держитъ“ (Ипат. лѣс.).

Кромѣ княжеской дружины были *дружины (дворы) боярскія*, члены которыхъ также вошли въ составъ высшаго класса: при кн. Игорѣ его дружинники завидуютъ большему богатству „отроковъ Свѣнельда“ — боярина (первон. лѣт. 945). При кн. Изяславѣ Кіев. боярынъ Іоаннъ, сынъ котораго постригся въ печерскомъ монастырѣ, былъ обиженъ тѣмъ, что князь не заступился за него и „поимъ отроки многы, иде на святое стадо“, извлекъ сына изъ монастыря (памяти изд Яковлевымъ, стр. XVI). Симонъ Варягъ прибылъ на службу къ Кіевскому князю съ 3000 дворянъ. При Владимірѣ Моном сынъ его Георгій Симоновичъ, управлявшій Суздальскою Землею, рѣшившись оковать гробъ св. Ѳеодосія, послалъ въ Кіевъ съ серебромъ и золотомъ „единаго отъ бояръ своихъ, сущихъ подъ нимъ, именемъ Василія“, который былъ крайне недоволенъ опаснымъ порученіемъ, но „неволею емлется въ путь“ (ibid стр CXV). Владиміръ Мон. совѣщается съ дружиною боярине Ратибора (лѣт. подъ 1095). Въ В Новгородѣ Семенъ Еминъ съ 400 своихъ „ротниковъ“ (связанныхъ съ нимъ ротою—договоромъ) лишаетъ должности посадника и тысяцкаго. „Благоплеменный вельможа“ Кіевскій Радіонъ Несторовичъ, перешелъ на службу къ Московскому князю съ своимъ дворомъ, въ которомъ было до 1700 чел., въ томъ числѣ „княжата“ и дѣти боярскія.

Изъ двухъ элементовъ—дружиннаго (служилаго) и земскаго составляется (съXI в.) одинъ боярскій классъ, когда дружинники, осѣвшись, сдѣлались мѣстными землевладѣльцами, а земскіе бояре чрезъ дворовыя службы, перешли въ классъ княжихъ мужей. Тогда уже уничтожается разница княжихъ бояръ и старѣйшинъ, отдѣльное наименованіе. „старци“ уже не встрѣчается въ XI в. дружинныя наименованія переходятъ и на земскіе классы; такъ въ В Новгородѣ, гдѣ дружинный элементъ имѣлъ наименьшее значеніе въ составѣ боярскаго класса, въ названіяхъ этого послѣдняго до XIII в. уцѣлѣли термины огнищане, гридь (Новг. 4-я л подъ 1234); тоже и въ

Суз. земль (см. ниже). Само собою разумѣется, что княжіе дворы продолжая существовать, приготовляли новые служилые элементы, постепенно вливавшіеся опять въ земское боярство. Слово: „дворяне“ (въ замѣнъ „дружина“ или „гридь“) появляется уже въ XII в.: „Горожане же Боголюбстіи и дворяне разграбиша домъ княжъ“ (Ипат. лѣт. 1175 г.) У насъ не установилось нѣмецкаго различія Dienst-Adel и просто Adel.

Но окончательномъ образованіи этого класса, въ немъ замѣчаются нѣкоторые слѣды *особенности* его отъ прочихъ классовъ: выше приведено мѣсто лѣтописи, въ которомъ перечислены три класса общества съ ясною раздѣленностію; въ 1176 г. Суздальцы (граждане и народъ), оправдываясь предъ кн. Михаиломъ Юрьевичемъ, говорили: „мы, княже, въ полку томъ со Мьстиславомъ (соперникомъ Михаила) не были, но были съ нимъ бояре“ (Лавр. л.) Въ В. Новгородѣ, гдѣ боярскій классъ не имѣлъ преобладающаго значенія, были случаи открытой вражды между боярскою партіею и народомъ „И бысть въ вятшихъ совѣтъ золъ, яко побити меншіе“ (Новг. 1-я л. подъ 1255 г.).

Тѣмъ не менѣе боярство древней Руси не имѣло ни *сословной корпоративности*, ни *сословныхъ привилегій*. Образованію корпоративности мѣшалъ земскій характеръ древнихъ русскихъ государствъ. Каждая община (городъ, волость и даже село) имѣла своихъ бояръ (равно какъ среднихъ и меньшихъ людей); въ Новгородской Землѣ были бояре Водскіе, Рузскіе, Новоторжскіе, Лужскіе, Пшорскіе, Двинскіе (Костомаровъ: „Сѣвернорус. Нар.“ стр. 28) Собственно Новгородскіе бояре распредѣляются по концахъ города, съ которыми дѣлятъ свои интересы. Въ Кіевской Землѣ были свои Вышегородскіе боярцы (Лавр. л. 1015 г.). Впослѣдствіи (въ эпоху литовско-русскую) находимъ „бояръ“ въ селахъ какъ высшій классъ прикрѣпленныхъ крестьянъ. Так. обр. земское распредѣленіе классовъ препятствовало образованію корпоративности. Этому не противорѣчитъ то, что боярами собственно (т. е. такими, достоинство которыхъ было признаваемо въ цѣломъ тогдашнемъ государствѣ—Землѣ) были лишь бояре старшаго города: такъ при борьбѣ пригорода Владиміра съ Ростовомъ, дѣйствія бояръ и Ростовцевъ отождествляются и противопоставляются дѣйствіямъ Владимірцевъ, какъ людей меньшихъ, населенія не боярскаго; въ 1177 г. „привели (себѣ на княженіе) Ростовцы и бояре Мстислава Ростиславича изъ Новагорода. Онъ пріѣхавъ въ Ростовъ, совокупилъ Ростовцевъ и бояръ, гридьбу и пасынковъ и всю дружину; а соперникъ его,—Всеволодъ котораго пригласили Владимірцы, выѣхалъ противъ него съ Владимірцами, дружиною своею и съ тѣми немногими (мѣстными) боярами, которые остались у него. Не желая рѣшать дѣло оружіемъ, Всеволодъ попробовалъ войти въ соглашеніе съ Мстиславомъ, т. е. раздѣлить съ нимъ власть так. обр: „братъ, тебя привела старѣйшая дружина, ты и поѣзжай въ Ростовъ; тебя Ростовцы привели и бояре, а

меня съ братомъ Богъ привелъ и Владимірцы. Но Мстиславъ, послушавъ рѣчи Ростовской и боярской, отказался отъ такой сдѣлки. Въ битвѣ одолѣлъ Всеволодъ; тогда Ростовцевъ и бояръ всѣхъ повязали и села боярскія взяли. Между тѣмъ въ то же время и во Владимірѣ и въ Суздалѣ были свои бояре (см. Лавр. подъ 1177 г.). Изъ этихъ примѣровъ видно, а) что сословное значеніе бояръ опредѣляется значеніемъ общины; б) *все* населеніе старшей общины признается боярскимъ (высшимъ въ отношеніи къ населенію младшихъ городовъ; в) эти послѣдніе, однако, имѣютъ своихъ бояръ.

Образованію сословной корпоративности препятствовали также и *способы вступленія* въ классъ бояръ, практиковавшіеся тогда. Бояриномъ становился тотъ, кто занималъ высшее мѣсто на *службѣ* (княжеской или земской), и пріобрѣталъ б. или м. богатое имущество: когда русскій богатырь—сынъ кожевника побѣдилъ печенѣжскаго богатыря, то кн. Владиміръ Св. „великимъ мужемъ створи того и отца его“ (перв. лѣт. 992 г.). Даже въ Галиціи (странѣ наиболѣе боярской) лучшими боярами были сынъ поповъ и сынъ смердій. Вообще *личныя качества* (при возвышеніи въ обществѣ) преобладали въ древнихъ славянскихъ обществахъ надъ *рожденіемъ и наслѣдственностью*. „Armis potentiores, fide meliores, militia fortiores et divitiis eminentiores,—his urbes et populum ad regendum committas“, увѣщеваетъ старецъ молодаго князя чешскаго (Ireč· „Das Recht in Bohm. und Mahr. II, 31). Рожденіе вліяло на усвоеніе боярства лишь фактически, т. е. сыну боярина было *легче* достигнуть боярства. Отъ этого фамильныхъ прозваній древняя Русь не знала; лѣтопись сообщаетъ намъ лишь имена, иногда отчества бояръ (Добрыня, Иванъ Творимиричъ и др.). Этому не противорѣчитъ существованіе класса *дѣтей боярскихъ*, упоминаемаго въ первый разъ подъ 1259 г. въ В. Новгородѣ, гдѣ они составляли часть народнаго ополченія; дѣти боярскія суть потомки бояръ, не усвоившіе, однако, себѣ боярскаго званія (не бояре); это—наслѣдники измелчавшихъ боярскихъ имуществъ.

При отсутствіи корпоративности, классъ бояръ не могъ пользоваться какими-либо *привилегіями* (исключительными правами). Правда, въ сферѣ личныхъ правъ огнищане (или княжіе мужи) ограждаются двойною вирою при убійствѣ (Рус Пр Ак., 18, 21, Кар. 1 и 3) и двойною продажею „за му́ку“ (ib. Ак. 32, 36 и Кар. 90 и 80); но это относится именно къ *княжимъ* мужамъ и изъясняется ихъ личными отношеніями къ князю, при чемъ князь взыскиваетъ, подъ общимъ названіемъ виры, не только уголовный штрафъ, но и частное вознагражденіе.—Въ сферѣ правъ имущественныхъ, памятники приписываютъ боярамъ право владѣнія *селами* (земельными имуществами), какъ бы принадлежащее имъ по преимуществу; въ лѣтописяхъ всегда рѣчь идетъ только о селахъ боярскихъ и церковныхъ (въ 1156 г. бояре, послѣдовавшіе за кн. Изяславомъ на Волынь, лишились своихъ селъ въ Кіевской Землѣ; въ 1177 г. въ Суздальской Землѣ Владимірцы, побѣ-

цивши Ростовцевъ, забрали „села боярская“ тогда же и тамъже Рязанскій кн. Глѣбъ „села пожже боярскія“). Слѣды отождествленія боярства съ землевладѣніемъ встрѣчаются и въ Рус. Пр.: гдѣ упоминается о сельскомъ населеніи только княжескомъ и боярскомъ (Рус. Пр. Кар. ст. 11). Но другія указанія памятниковъ не оставляютъ сомнѣнія, что *право* землевладѣнія принадлежало не только среднимъ людямъ -горожанамъ (см. Новг. Суд. Гр. ст. 17), но и низшему сельскому классу (см. ниже). Вышеприведенныя свидѣтельства указываютъ только, что *фактически* земледѣльцы принадлежало боярамъ болѣе, чѣмъ лицамъ прочихъ классовъ.

Въ сферѣ правъ наслѣдства боярамъ приписываютъ привилегію передавать наслѣдство дочерямъ, при неимѣніи сыновей (Рус. Пр. Кар. 103 и 104), но такое право простирается не только на бояръ, но и на всѣхъ свободныхъ „людей“, кромѣ смердовъ (см. нет. права наслѣдства).

б) **Горожане** -„люди градскіе“ означаютъ иногда все свободное населеніе (кромѣ бояръ), такъ какъ такое населеніе сосредоточивалось преимущественно въ городахъ (свободныхъ общинахъ). Поэтому они иначе называются „людіи“ и „мужи“. Они не составляютъ цѣльнаго класса, занятаго одной какой-либо профессіей. Въ составѣ ихъ различаются: *гости*, что означало прежде чужестранныхъ торговцевъ. Мнѣніе (Погодина) о томъ, что главная масса населенія свободныхъ городскихъ общинъ составилась изъ пришлецовъ —варяговъ, не можетъ быть принято. при Владимірѣ его наемное войско —варяги требуютъ окупа съ Кіева, какъ города завоеваннаго; въ Новгородѣ граждане избиваютъ варяговъ. Слова Дитмара о томъ, что населеніе Кіева „составилось главнымъ обр. изъ бѣглыхъ рабовъ, стекавшихся сюда со всѣхъ сторонъ, въ особенности изъ проворныхъ Дановъ (норманновъ)“, заключаютъ въ себѣ сильное преувеличеніе. Высшій разрядъ—гости составился несомнѣнно изъ иностранцевъ (см. иноземныя имена пословъ и гостей въ дог. Игоря съ Греками); они, подобно дружинникамъ, состояли въ тѣснѣйшей служебной зависимости отъ князя, который ихъ посылалъ въ посольство и гостьбу (см. Дог. Игоря); но они скоро ассимилировались съ господствующимъ славянскимъ населеніемъ городовъ. Послѣ того они ничѣмъ не отличаются отъ второго разряда—*купцовъ*.

Низшій разрядъ городскихъ обывателей именуется *черными* городскими *людьми*, или *молодшими*.

Всѣ городскіе люди, взятые въ совокупности, отличаются отъ сельскихъ обывателей. они не платятъ дани (см. Уст. гр. Смол. кн. Ростислава, прим. 40). Въ В. Новгородѣ купцы составляли корпораціи—сотни: „А купецъ пойдетъ въ свое сто, а смердъ потянетъ въ свой погугъ (или погостъ)“. Сверхъ того тамъ же была особенная корпорація потомственныхъ („пошлыхъ“) купцовъ: „а не вложится кто въ купечество Иванское (въ корпорацію церкви св. Іоанна), ино то не пошлый купецъ“ (Уст. гр. кн.

Всеволода 1135 г.). Но вообще городскіе обыватели не составляли средняго, или мѣщанскаго класса и вступленіе въ ихъ среду было открыто для всѣхъ свободныхъ лицъ.

в) **Смерды**. Названіе это хотя и употребляется иногда въ обширномъ смыслѣ (обнимая все населеніе кромѣ духовенства и бояръ· см. Рус. Пр. Ак., ст. 31 и 32), но въ тѣсномъ смыслѣ подъ смердами разумѣются сельскіе жители („боярин боярина плѣниша, смердъ — смерда, градъ—града“; купецъ тянетъ къ сотнѣ городской, смердъ — въ погостъ, т е. сельскую общину). Терминъ „сельскіе люди“ встрѣчается лишь въ церк. уставѣ Ярослава (довольно поздней редакціи): за безчестье женъ „городскихъ людей 3 гривны серебра....; а сельскихъ людей за соромъ гривна серебра“. Этотъ терминъ и не могъ быть въ употребленіи въ древнѣйшее время: тогда селомъ называлось только частновладѣльческое имѣніе: „не имѣй себѣ двора близь княжа двора; не держи села близь княжа села; тіунъ бо его яко огнь трепетицею накладенъ, а рядовичи его яко пекры“ (Слово Даніила Заточн. Сл. Рус. Пр. Ак. ст. 22). Древнѣйшее наименованіе сельской общины есть „весь“ и „міръ“.

Классъ сельскихъ людей *состоитъ* изъ людей свободныхъ, прикрѣпленныхъ и несвободныхъ.

Свободные сельскіе обыватели несомнѣнно существуютъ съ древнѣйшихъ временъ. Русская Правда приписываетъ смерду личныя права (за мученіе смерда безъ княжа слова полагается ему за обиду 3 гривны; Ак. ст. 31), права на вещи (Ак. 25) и права наслѣдства (Кар. 103). Тоже подтверждаютъ лѣтописи: „А сего чего не промыслите, говорилъ Владиміръ Мономахъ союзникамъ, оже то начнетъ орати смердъ, и пріѣхавъ половчинъ, ударитъ й стрѣлою, а лошадь его поиметъ, а въ *село его* ѣхавъ, иметъ жену его и дѣти его и все *его имѣніе*“ (лѣт. 1103 г.).

Хотя тѣже памятники (Рус. Пр. и лѣтописи) содержатъ въ себѣ и обратныя указанія на безправное положеніе смердовъ, но такія указанія относятся къ смердамъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, т. е. прикрѣпленнымъ.

Свободное населеніе селъ жило или на общинныхъ земляхъ, или на частновладѣльческихъ. Но при тогдашнемъ смѣшеніи частнаго права съ государственнымъ, положеніе тѣхъ и другихъ уравнивалось: земли общинныя считались государственными и смерды, населявшіе ихъ, были смердами князя. Янъ, воевода Святослава, спрашивалъ о волхвахъ, производившихъ безпорядки въ Ярославской и Бѣлозерской странѣ. „чья еста смерда?“ и потребовалъ ихъ выдачи на томъ основаніи, „яко смерда еста моего князя“ (Лавр. лѣт. подъ 1071 г.).

Свободные смерды, жившіе на земляхъ частновладѣльческихъ, назывались (по Псковской Судной Грамотѣ) *изорниками*, *исполовниками*, или *четниками*, смотря по тому, что занимали: пахатную землю, огородъ или рыб-

ную ловлю: изорникъ (отъ сл. „орать“ — пахать) бралъ полевой участокъ, уплачивая хозяину $^1/_4$ урожая, исполовникъ или огородникъ платилъ $^1/_2$ дохода: кочетникъ или четникъ нанималъ *иедь* (рыболовный участокъ). Срокъ найма одногодичный, именно обычно на Филиппово заговѣнье 14 ноября. (Пск. Суд. Гр. ст. 42). Въ тотъ годъ, когда крестьянинъ отходитъ, онъ уплачиваетъ владѣльцу не $^1/_4$, а $^1/_2$ урожая (ст. 63). Наемщикъ обыкновенно бралъ у хозяина *покрупу*, т. е. вспоможенье деньгами или орудіями производства, а при отказѣ обязанъ былъ ее возвратить (Пск. Суд. Гр. ст. 51 и 76). Крестьянинъ имѣетъ право иска на своемъ землевладѣльцѣ (ст. 75. 87).

Но вообще и положеніе свободныхъ крестьянъ (государственныхъ и частновладѣльческихъ) было далеко отъ гражданскаго полноправія и легко могло перейти въ состояніе прикрѣпленныхъ.

Прикрѣпленіе могло быть или временное или всегдашнее. Временное прикрѣпленіе есть *рядовое закупничество* Рус. Правды, которое образуется изъ долговаго обязательства смерда землевладѣльцу, при немъ смердъ сохраняетъ права личныя (Рус. Прав. Кар. 73), имущественныя и право иска на господина (ibid. 70. 72); но за бѣгство и за преступленіе обращается въ холопа (ibid 70 и 75). Прикрѣпленіе постоянное можетъ образоваться путемъ давности („старые изорники“ Псковск. Суд. Гр., ст. 75). Прикрѣпленный не имѣетъ права иска на господина наравнѣ съ холопомъ (Догов. Новгор. съ Казим. ст. 20); онъ подлежитъ суду своего господина: „половника безъ господаря (хозяина) гвоимъ (княжескимъ) судіямъ не судити“ (ibid. прим. 19). Такіе прикрѣпленные смерды были многочисленны уже въ древнѣйшее время: Рус. Правда древнѣйшая уравниваетъ штрафъ за убійство холопа и смерда (Ак. 23, Кар. 13).

Несвободное сельское населеніе состояло изъ поселенныхъ рабовъ — *челяди*; но институтъ холопства, какъ частный, не принадлежитъ къ предметамъ права государственнаго.

В. Власть.

Общія черты государственнаго устройства всѣхъ русскихъ земель.

1. Происхожденіе и первоначальный характеръ государственной власти. Власть общественная первоначально образуется частнымъ путемъ въ кровныхъ обществахъ. Она сохраняетъ частно-правный характеръ въ теченіи всего перваго періода. Однако сознаніе объ общественныхъ задачахъ власти проявляется съ первыхъ моментовъ исторіи: „Вся Земля наша велика и обилна, а *наряда* въ неи нѣтъ; да поидѣте княжить и *володѣти* нами“, говорили послы Новгородскіе варяжскимъ князьямъ. За властію признаются обязанности: Кіяне послали къ Святославу (въ 969 г.), требуя

ет возвращенія для защиты отъ Печенѣговъ „*отчины* своей", они же требовали отъ Изяслава въ 1067 г продолженія борьбы съ половцами. Изъ этихъ примѣровъ видно, что „володѣніе" имѣетъ двоякую цѣль частный интересъ владѣющихъ и общественный интересъ подданныхъ (оба элемента пока неразличимы въ продолженіи всего перваго періода)

2. **Формы верховной власти** двойственны. Нормальный порядокъ рѣшенія государственныхъ дѣлъ усматривается изъ слѣдующихъ мѣстъ лѣтописи въ 987 г созвалъ Володимеръ бояръ своихъ и старцевъ градскихъ и разсказавъ имъ о томъ, что говорили ему миссіонеры разныхъ религій о преимуществахъ каждой изъ нихъ, „рече. да что ума придасте? Что отвѣщаете? И рѣша *бояре и старци* . . пославъ испытай, како служитъ Богу. И быстъ люба рѣчь *князю* и *всѣмъ людемъ*". Въ 1095 г. „Святополкъ и Володимеръ посласта къ Олгови. глаголюща сица: поиди Кыеву. да порядъ положимъ о Русьстѣй Земли предъ *епископы и предъ игумены, и предъ мужи* отецъ нашихъ, и предъ *людми градскыми*". Так. обр. въ составъ власти входятъ. князь, боярская дума и народное собраніе (вѣче)

а) Княжеская власть.

Происхожденіе княжеской власти доисторическое: она является и въ родовыхъ союзахъ (въ народныхъ свадебныхъ обрядахъ княземъ и княгинею называются новобрачные — родоначальники будущаго рода), и въ общинныхъ (у южныхъ славянъ княземъ называется общинный старшина). Въ земляхъ восточныхъ славянъ княжеская власть существовала до прибытія Рюриковичей: „Кіи княжаше въ родѣ своемъ", т е. въ Землѣ Полянъ „По сихъ братьи (Кія и его братьевъ) держати почаша родъ ихъ княженье въ поляхъ, а Дреговичи—свое (княженье), а Словѣни—свое въ Новѣгородѣ, а другое на Полотѣ". Другіе неоффиціальные титулы власти суть каганъ, царь, самодержецъ. Князь Даніилъ Галицкій въ XIII в. усвоилъ себѣ титулъ короля.

Составъ княжеской власти—*родовой*: власть принадлежитъ не лицу а *цѣлому роду*: „Славяне раздѣляются на разные роды (races), изъ которыхъ одинъ владѣлъ всѣми во времена первобытныя .." (Масуди). „Наша князи добри суть, иже распасли суть Деревьску Землю", говорили Древляне Ольгѣ.

Члены княжескаго рода или *соправительствуютъ безъ раздѣла* власти: примѣромъ изъ миѳическихъ временъ можетъ служить соправительство Кія, Щека и Хорива; а изъ историческихъ Аскольда и Дира. „Азъ есмь роду княжа, и се есть сынъ Рюриковъ", говорилъ Олегъ въ доказательство своихъ правъ и въ опроверженіе правъ Аскольда и Дира на княжескую власть. Договоръ съ греками заключаютъ послы отъ Игоря—Иворъ, отъ сына его Святослава—Вуефастъ, отъ Ольги княгини—Искусеви. Или члены княже-

ского рода *дѣлять между собою власть территориально* (Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ. Святославъ и его дѣти: Ярополкъ, Олегъ и Владиміръ). Этотъ послѣдній порядокъ съ конца X в. взялъ рѣшительный перевѣсъ и создалъ т. н. удѣльную систему (раздѣленіе русскихъ Земель между дѣтьми Владиміра и потомъ Ярослава), но при распредѣленіи князей по цѣлымъ Землямъ единство власти рода княжескаго нарушилось: въ каждой Землѣ явился свой родъ князей-соправителей.

Изъ принадлежности власти цѣлому роду слѣдуетъ, что *опека* и *регентство* не могли имѣть примѣненія въ тогдашнемъ государственномъ правѣ пока продолжается родъ (Олегъ и Ольга). *Лица женскаго пола* также участвуютъ въ общей власти рода (Ольга).

Пріобрѣтеніе, передача и потеря княжеской власти. Пріобрѣтеніе вн. власти лицами совершается одновременно по наслѣдованію и по избранію. *Наслѣдованіе* здѣсь нужно понимать не въ точномъ смыслѣ, наслѣдникъ получаетъ власть не съ момента смерти предшествующаго князя: право на нее онъ пріобрѣтаетъ съ момента рожденія, а дѣйствительное участіе въ ней съ момента совершеннолѣтія (Игорь при Олегѣ. Святославъ при Ольгѣ). Смерть предшественника открываетъ для другаго князя лишь большую степень участія во власти.

Оба титула наслѣдованія —*наслѣдованіе по закону и по завѣщанію* дѣйствуютъ одновременно и въ равной силѣ: „Умершю Рюрикови, предасть княженье свое Олгови, отъ рода ему суща, вѣдавъ ему сынъ свои на руцѣ Игоря: бысть бо дѣтескъ велми". Но впослѣдствіи наслѣдованіе по обычаю (закону) беретъ перевѣсъ надъ волею завѣщателя; завѣщаніе Ярослава (1054 г.) сообразуется съ порядкомъ старшинства его дѣтей. „Се поручаю въ себѣ мѣсто столъ старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу Кіевъ; сего послушайте, якоже послушасте мене, да то вы будетъ въ мене мѣсто; а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду—Переяславль". Между тѣмъ Ярославъ любилъ больше другихъ дѣтей своихъ Всеволода и завѣщалъ ему: „Сыну мой, аще ти подастъ Богъ пріяти власть стола моего (Кіева) по братьи своей, съ правдою, а не съ насильемъ..., да ляжеши, идѣже азъ лягу, у гроба моего, понеже люблю тя паче братьи твоее". (Лав. лѣт. подъ 1093). Завѣщаніе противорѣчащее обычаю не исполняется: Юрій Долгорукій завѣщалъ Суздальскій столъ младшимъ дѣтямъ, а наслѣдовалъ старшій Андрей.

Обычный *порядокъ наслѣдованія столовъ* слѣдовалъ порядку старшинства членовъ рода, по смерти Владиміра св. (1015 г.) самому любимому его сыну Борису говоритъ дружина: „се дружина у тобе отьня и вои: поиди, сяди Кыевѣ на столѣ отни, отъ же рече: не буди ми възняти рукы на брата своего старѣйшаго; аще и отецъ ми умре, го съ ми буди въ отца мѣсто". Въ 1093 г. „Володимеръ (Мономахъ по смерти отца) нача размышляти;

аще сяду на столѣ отца своего, то имамъ рать съ Святополкомъ взяти, яко есть столъ преже отъ отца его былъ". Частое нарушеніе этого порядка въ дѣйствительности не можетъ опровергнуть правомѣрность его.

Избраніе князя народомъ есть или самостоятельный, или *добавочный* способъ передачи власти, а именно князь избирается *при прекращеніи* или неимѣніи *княжескаго рода:* Новгородцы избираютъ варяжскихъ князей въ 862 г.; они же просятъ себѣ князя у Святослава Кіевскаго въ 970; говоря: „если не поидете къ намъ, то найдемъ князя себѣ". Затѣмъ начало избранія дѣйствуетъ *рядомъ* съ началомъ наслѣдованія: власть новаго князя освящается и укрѣпляется *согласіемъ* народа, что было совершенно необходимо при постоянномъ участіи населенія въ государственныхъ дѣлахъ: въ 1015 г. „Святополкъ сѣде Кыевѣ по отци своемъ и съзва Кыяны и нача даяти имъ имѣнье". Обыкновенно начала наслѣдственности и избранія *совпадаютъ* и (до половины XII в.) не вступаютъ въ борьбу между собою. Въ одномъ и томъ же актѣ преемства одинъ могъ видѣть съ полнымъ правомъ наслѣдованіе, а другой—избраніе: когда въ 1132 г. умеръ Мстиславъ В., сынъ Мономаха, и власть его перешла къ брату его Ярополку, то по словамъ одной лѣтописи (Ипат.) это произошло потому, что Мстиславъ „оставилъ княженіе брату своему Ярополку" (т. е. завѣщалъ законному наслѣднику); а по словамъ другой лѣтописи потому, что „людье Кыяне послаша по нь" (Лавр. лѣт.).

Съ полов. XII в. такое мирное совпаденіе двухъ началъ преемства прекращается во всѣхъ Земляхъ; при борьбѣ ихъ *фактически беретъ перевѣсъ начало избранія:* въ 1146 г. Кіевскій князь Всеволодъ Ольговичъ желаетъ передать власть брату своему Игорю и старается пріобрѣсти согласіе Кіевлянъ, но Кіевляне приглашаютъ Изяслава Мстиславича, говоря ему: „ты—нашъ князь, поѣзжай; а у Ольговичей не хочемъ быть въ наслѣдствѣ". Въ 1175 г. Владимірцы, обижаемые своими князьями, говорятъ: „Мы есмы вольная князи пріяли къ собѣ..." (Ипат. лѣт.). Сообразно съ этимъ *случаи избранія* князей становятся во всѣхъ Земляхъ Русскихъ весьма частыми: въ Кіевѣ въ 1146 (Игоря Ольговича и Изяслава Мстиславича), 1150 (того же Изяслава Мстисл.), 1154 (Ростислава Мстисл.), 1169 (Мстислава Изяславича) и т. д. Въ Галичѣ 1202—(кн. Игоровичей), 1208—(Даніила Романовича) и т. д. Въ Землѣ Смоленской 1175 (Мстислава Ростиславича). Въ Землѣ Суздальской 1175 (Ростиславичей), 1176 г. (Михаила и Всеволода Юрьевичей). Въ Землѣ Полоцкой 1151 (Ростислава Глѣбовича), 1158 г. (Рогволода Борисовича).

Но начало избранія не вытѣсняетъ начала наслѣдственности въ принципѣ нигдѣ, кромѣ Новгорода и Пскова.

Князь избираемъ былъ не только всегда *пожизненно* (въ принципѣ), но и *съ дѣтьми*, т. е. избраніе новаго князя каждый разъ являлось какъ-бы

избраніемъ новой династіи съ утвержденіемъ на будущее время наслѣдственнаго преемства престола и признавалось какъ бы явленіемъ случайнымъ, вызваннымъ временною нуждою. „Увѣдавше смерть князю (Андрея Боголюбскаго), Ростовци и Суждальци и Переяславци и вся дружина отъ мала до велика, и съѣхавшася къ городу Володимеру и рѣша: се ся уже тако створило, князь нашъ убіенъ, *а дѣтей у него нѣтуть*, сынокъ его малъ въ Новѣгородѣ, а *братья* его въ Руси; но кого хочемъ послати въ своихъ князѣхъ?... А хочемъ Ростиславичи Мьстислава и Ярополка... А крестьнаго цѣлованья забывше“ т. е. и по смерти Андрея Боголюбскаго не вспомнили своей присяги о выборѣ младшихъ сыновей Юрія Долгорукаго—братьевъ Андрея (Ипат. лѣт. подъ 1175 г.).

Кромѣ наслѣдованія и избранія, нѣтъ другихъ правомѣрныхъ способовъ пріобрѣтенія княжеской власти. *Добываніе стола* и *договоръ между князьями* не могутъ быть признаны таковыми. Добываніе (узурпація силою) нуждается въ оправданіи или правомъ наслѣдства, или правомъ избранія. Въ 1154 г. Черниговскій князь Изяславъ Давыдовичъ захватилъ Кіевъ; противъ него шелъ Юрій Долгорукій и вопросъ о столѣ Кіевскомъ долженъ былъ рѣшиться силою; но Юрій ссылался на свои права наслѣдства: „Мнѣ отчина Кіевъ, а не тебѣ“, а Изяславъ послалъ къ нему съ такими словами: „Я не самъ сѣлъ въ Кіевѣ, посадили меня Кіяне“. При вторичномъ захватѣ Кіева тѣмъ же княземъ, его собственный родичъ даетъ ему такой совѣтъ. „Если будешь за Днѣпромъ, то вся твоя *правда* будетъ“. Договоры между князьями утверждаютъ лишь одинъ изъ вышеуказанныхъ титуловъ преемства: „Кождо да держитъ отчину свою“, рѣшилъ Любечскій съѣздъ князей 1097 г. На съѣздѣ 1196 г. „вси князи выложиша Новгородъ въ свободу; гдѣ имъ любо, туже собѣ князя поимаютъ“.—Если князья договариваются между собою о захватѣ волости третьяго князя безъ всякихъ основаній, то такой договоръ есть лишь одно изъ средствъ незаконной узурпаціи (добыванія): напр. когда двое Ярославичей Святославъ и Всеволодъ договорились отнять Кіевъ у старшаго—Изяслава, то по словамъ лѣтописца, это „въздвиже дьяволъ котору“.

Символами пріобрѣтенія власти было посаженье князя на столѣ народомъ. Сначала это было предъявленіемъ новаго князя народу. Въ 1067 г. Кіевляне „поставили (Всеслава) посредине двора“, гдѣ, вѣроятно, было возвышеніе, родъ трона. Потомъ подобный тронъ устроивался въ „сѣняхъ“—галлереѣ княжескаго дворца. Въ этихъ символахъ выразились оба титула пріобрѣтенія княжеской власти: обыкновенно *люди* сажаютъ князя на *отцовскомъ* столѣ.—Сказаніе о короноваціи Владиміра Мономаха греческимъ епископомъ Неофитомъ, присланнымъ отъ императ. Алексѣя Комнина и о полученіи изъ Византіи регалій (шапки Мономаха, скиперта, діадемы и

креста) сложилось въ нач. XVI в. и не подтверждается нашими древними лѣтописями.

Потеря княжеской власти. Съ избраніемъ князя народомъ соединяется *смѣщеніе князей*, которое обыкновенно предваряется выборомъ другаго князя и имѣетъ видъ насильственнаго переворота (случай 1067 г. въ Кіевѣ при смѣщеніи кн. Изяслава: случай тамъ же 1146 г. при смѣщеніи Игоря Ольговича: случай въ Полоцкѣ 1158 г., когда, желая смѣстить кн. Ростислава, граждане прибѣгаютъ къ заговору и приглашаютъ его на вѣче какъ бы для мирнаго обсужденія дѣлъ; но князя предупредили. „не ѣзди, князь, вѣче на тебя въ городѣ, дружину твою избиваютъ, а тебя хотятъ схватить“). При такихъ способахъ смѣщенія воля народа не всегда приходила къ осуществленію.—Со смѣщеніемъ не соединялось право наказывать князей. Убіеніе Игоря Ольговича въ Кіевѣ есть слѣдствіе бунта и онъ, какъ убитый невинно, причисленъ къ лику святыхъ. Убіеніе князей Игоровичей въ Галичѣ въ 1208 г. совершено мадьярами, по наущенію мятежныхъ бояръ.

Права княжеской власти. Княжеская власть есть *необходимый элементъ* государственнаго устроенства всѣхъ древне-русскихъ Земель. „Почаша сами въ себѣ володѣти, и не бѣ въ нихъ правды, и въста родъ на родъ, бяшеть въ нихъ усобица, и воевати почаша сами на ся. Рѣша сами въ себѣ: „поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву“ (первон. лѣт. подъ 862 г.). Въ этихъ словахъ если и не признавать историческаго факта, то слѣдуетъ признать общее воззрѣніе древнихъ временъ, выраженное лѣтописцемъ. Въ 970 г. пришли въ Кіевъ люди Новгородскіе, прося князя себѣ и говоря. „аще не пойдете къ намъ, то налѣземъ князя собѣ“.—Вообще въ теченіи 400 лѣтняго періода ни одна изъ Русскихъ Земель (кромѣ малоизвѣстной по своему устроенству—Вятки) не устраняла изъ состава верховной власти княжескаго элемента. Княжеская власть необходима для внутренняго наряда (управленія и суда), какъ сила уравновѣшивающая взаимное соперничество составныхъ элементовъ государства, какъ кровныхъ, такъ и территоріальныхъ. Мнѣніе о томъ, что князья опирались на младшіе города въ борьбѣ противъ старшихъ, имѣетъ ту справедливую сторону, что только княжеская власть уравновѣшивала интересы старшихъ и младшихъ городовъ. Такова же роль княжеской власти среди борьбы классовъ и партій: „Всего же паче убогыхъ не забывайте..., и вдовыцю оправдите сами, а не вдавайте сильнымъ погубити человѣка“ (Поучен. Владиміра Моном.). Въ Новгородѣ и Псковѣ смерды находятся въ спеціальной опекѣ князя: въ 1136 г. новгородцы, смѣщая князя Всеволода, въ числѣ обвиненій противъ него, на первомъ мѣстѣ поставили, что онъ не заботился о смердахъ.

Княжеская власть необходима для внѣшней защиты государства. Въ 884 г. „иде Олегъ на Сѣверяне, и победи Сѣверяны и възложи имъ дань легку, и не дасть имъ Козаромъ дани платити, рекъ, азъ имъ противенъ, а вамъ нечему". Въ 968 г. Кіевляне посылали на Думая къ кн. Святославу, говоря „се ида насъ не взяли Печенѣги...: если не пойдешь и не оборонишь насъ, то опять насъ возьмутъ". Въ 1068 г. Кіевляне выступили съ своимъ княземъ Всеславомъ на встрѣчу Болеславу Польскому; но признавъ себя безсильными, Всеславъ ночью тайно отъ Кіева бѣжалъ, тогда люди возвратились въ Кіевъ и на вѣчѣ рѣшили „княжити тако, уимемъ въ Греческую землю". Вообще непослушность княжескому слову или низъ отъ, случая въ 1140 г. Всеволодъ Кіевскій, желая наказать новгородцевъ, не давалъ имъ князя. „Не хощете въ Новгородъ, говорилъ онъ посланнымъ князьямъ: пусть себѣ сѣдятъ на своей волѣ безъ князя, что хотятъ, намъ пускай себѣ ищутъ князя". Новгородцы оставались безъ князя десять мѣсяцевъ. „Но понятиемъ вѣка, казалось невозможнымъ сидѣть безъ князя особенно это было неудобно въ то время: тутъ партіи волнуютъ городъ, тамъ продовольствія не пускали... Новгородцы призвали себѣ изъ Суздальской земли Ростислава Юрьевича" (Костомаровъ: Сѣверорусск. народопр. т. I. стр. 67).—Постоянная борьба всѣхъ Земель противъ своихъ князей означаетъ не борьбу противъ княжеской власти, а стремленіе отыскать наилучшаго князя.

Первоначальная неограниченность княжеской власти возникала изъ прежнихъ родовыхъ основаній власти, а потомъ изъ тожества интересовъ и воли князей и народа, который могъ избрать себѣ наилучшаго князя и смѣстить неугоднаго. Такая патріархальная неограниченность не имѣетъ ничего общаго съ позднѣйшимъ западно-европейскимъ абсолютизмомъ. Уже тогда люди княжіе учили, „яко Богъ даетъ власть, ему же хощетъ, поставляетъ бо царя и князя Вышній..., поне то есть глава земли" (Лавр. подъ 1177 г.). Князю вручается вся полнота верховной власти: „Пріидите володѣть и княжить нами", говорили славянскіе послы варяжскимъ князьямъ. Въ частности:

Въ языческую эпоху князю принадлежала *власть религіозная:* „И нача княжити Володимеръ въ Кіевѣ единъ, и постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна..., и Хърса, Дажьбога, и Стрибога, и Симарьгла и Мокошь.. Володимеръ же посади Добрыню уя своего въ Новѣгородѣ: и пришедъ Добрыня Новугороду, постави кумира надъ рѣкою Волховомъ, и жряху ему людье Новугородьстіи яко богу" (первон. лѣт. подъ 980 г.). — Въ христіанское время князь является покровителемъ церкви, участвуя во всѣхъ главнѣйшихъ дѣйствіяхъ ея: такъ крещеніе Руси совершено по слѣд. распоряженію князя: „аще не обрящется кто рѣщѣ (въ рѣкѣ), богатъ ли, убогъ, или нищь, ли работникъ, противенъ мнѣ да будетъ". Вообще о кре-

щеніи Руси при Владимірѣ Иларіонъ говоритъ. „И не бысть ни единаго же противящася благочестному его повелѣнію: да аще кто и не любовью, но страхомъ повелѣвшаго крещахуся". Князь участвуетъ въ рѣшеніи вопросовъ о внѣшней церковной жизни. въ 1164 г. Леонъ епископъ Суздальскій, началъ учить въ Суздалѣ, что не слѣдуетъ ѣсть мяса въ господскіе праздники, „и бысть тяжа про то велика предъ благовѣрнымъ княземъ Андреемъ." (Лавр. лѣт.). Князю принадлежало право участія въ назначеніи лицъ духовныхъ Владиміръ „помышли создати церьковь Пресв. Богородица... и поручи ю Настасу Корсунянину". Ярославъ „церкви ставляше по градомъ и по мѣстомъ, поставляя попы". „Постави Ярославъ Ларіона митрополитомъ русина въ святѣи Софіи, собравъ епископы" (лѣт. подъ 1051 г.). „Въ лѣто 6655 Изяславъ (Мстиславичъ, князь Кіевскій) постави митрополита Клима, калугера русина, особь съ шестью епископы" (Лавр. лѣт.). Разумѣется, въ такихъ выраженіяхъ надо видѣть лишь сильное *участіе* князя въ дѣйствіяхъ церковныхъ властей (собора).— Князья вліяютъ также на низложеніе церковныхъ сановниковъ: въ 1169 „нечестивый (Ѳедоръ, епископъ Владимірскій) не всхотѣ послушати христолюбиваго князя Андрея Боголюбскаго), веляща ему ити ставитися къ митрополиту къ Кыеву...; (князь) изверже его изъ Землѣ Ростовьскы... Посла же его Андрѣи митрополиту въ Кыевъ, митрополитъ же повелѣ ему языкъ урѣзати" (Лаврент. лѣт.). Въ 1168 г. Черниговскій князь Святославъ, не согласный въ ученіи о постѣ съ своимъ епископомъ Антоніемъ, „изверже и изъ епископьи".— Князья содѣйствуютъ установленію церковныхъ законовъ (церк. уставы Владиміра, Ярослава, Ростислава)..

Князю вручается вся государственная власть *управленія и суда*. Въ 1146 г. Кіевляне, жалуясь на злоупотребленія княжескихъ чиновниковъ, требуютъ отъ князя не уступки судебной власти въ свою пользу, а наоборотъ,— говорятъ: „впередъ, если кому изъ насъ будетъ обида, то ты самъ суди".

Князю принадлежитъ и власть *законодательная* (см. Рус. Пр. надписаніе къ 18 ст. Ак. сп., ст. 21, 42 Ак., ст. 2 и 76 Кар. сп.).

Князь обладаетъ властію *военною* по преимуществу. „Не было тутъ князя" (при борьбѣ Изяслава съ Юріемъ въ 1151 г.), а боярина не всѣ слушаютъ", говоритъ лѣтописецъ.—Кіевскій князь Изяславъ Ярославичъ (1067 г.), не исполнивши требованія народа идти противъ Половцевъ, былъ смѣщенъ, какъ не исполнившій главнаго своего призванія.

Изъ этого послѣдняго примѣра видно, что полнота власти сохраняется лишь до тѣхъ поръ, пока князь находится въ согласіи („одиначествѣ") съ народомъ. Первоначальное сліяніе воли князя и воли народа не могло оставаться вездѣ и неизмѣнно; возможны и противорѣчія между ними. Это привело къ необходимости *опредѣлить* точнѣе власть князя, а въ Новгородѣ къ *ограниченію* этой власти.

Средствомъ для того былъ *рядъ* (договоръ) *съ новымъ княземъ*. Первоначально рядъ есть нечто иное, какъ сознательная форма посаженья на столъ и состоялъ лишь изъ *взаимной присяги* народа и князя не дѣлать другъ другу зла, т. е. ничѣмъ въ частности не ограничивалъ власти князя. Въ договорахъ съ княземъ, внушавшимъ менѣе увѣренности, начали присоединять *частныя условія* (напримъ. касавшіяся перемѣны чиновниковъ предшествующаго князя). въ 1146 г. рядъ съ кіевлянами отъ имени Игоря Ольговича заключалъ братъ его Святославъ. Кіевляне начали обвинять тіуна Всеволодова (предшествовавшаго князя) Ратшу и другаго тіуна Вышгородскаго — Тудора и сказали Святославу, цѣлуи крестъ за своего брата что, если кому изъ насъ будетъ обида, то пусть онъ самъ судитъ. Святославъ отвѣчалъ цѣлую крестъ за брата, что не будетъ вамъ никакого насилія и тіунъ пусть будетъ выбранъ по вашей волѣ. Тогда Святославъ сошелъ съ коня и цѣловалъ на томъ крестъ къ нимъ на вѣчѣ: а Кіевляне всѣ, сошедши съ коней, цѣловали крестъ и за дѣтей своихъ, чтобы не измѣнить Игорю. Затѣмъ и самъ Игорь принесъ присягу въ томъ, что будетъ соблюдать договоръ кіевлянъ съ братомъ его (Ипат. лѣт.) Такіе договоры повторялись съ каждымъ княземъ и содержаніе ихъ видоизмѣнялось по лицу и обстоятельствамъ времени.—Во второй половинѣ XII в. они *вошли въ общій обычай*; когда въ 1154 г., по смерти кіевскаго князя Вячеслава, наслѣдовалъ ему его племянникъ Ростиславъ, который уже и прежде призванъ былъ самими кіевлянами къ соправительству съ дядею, то Ростиславъ хотѣлъ продолжать начатый военный походъ, но мужи его предостерегли: „ты еси еще съ людьми Кіевѣ не утвердилъ; а поѣди лѣпше въ Кіевъ, же съ людьми утвердися" (Ипат. лѣт.). Въ 1175 г. Владимирцы, принявъ кн. Ярополка, весь порядъ (съ нимъ) положили въ церкви Св. Богородицы (Лавр. лѣт.). Въ 1176 году „Михалко (сынъ Юрія Долгорук.) ѣха... Ростову и створи людемъ весь нарядъ, утвердився крестнымъ цѣлованьемъ съ ними" (Лавр. лѣт.). Изъ единообразнаго повторенія такихъ договоровъ, выработывалось и *общее ихъ содержаніе, ограничившее уже существенно* права княжеской власти (что впрочемъ видно лишь изъ новгородскихъ договоровъ).

Кромѣ договора, къ ограниченію власти князя повело существованіе рядомъ съ княжескою властью другихъ формъ ея: боярской думы и вѣча.

б) Боярская Дума.

Понятіе о ней. Боярскою думою называется постоянный совѣтъ лучшихъ людей (бояръ) каждой Земли, рѣшающій (вмѣстѣ съ княземъ) высшіе земскіе вопросы. Такой совѣтъ могъ быть только въ одномъ старшемъ городѣ земли. Совѣты старѣйшинъ были и въ пригородахъ, но они обладали

не политическою, а лишь судебною и административною властію — *Наименование*: „боярская дума“ не встрѣчается въ древнихъ памятникахъ и образовано искусственно на основаніи сходныхъ терминовъ („бояре думающіи“).

Совокупность лицъ, составляющихъ совѣтъ, называется нерѣдко въ лѣтописяхъ *дружиною* (по отношенію къ князю): „Бѣ бо (Владиміръ Св.) любя дружину, и съ ними думая о строѣ земленѣмъ, и о ратехъ и уставѣ земленѣмъ“ (перв. лѣт. подъ 996 г.): Владиміръ Мономахъ поучаетъ дѣтей каждый день ходить утромъ въ церковь, затѣмъ „сѣдше думати съ дружиною, или люди оправливати“ (судить). Но подъ дружиною здѣсь разумѣется лишь старшая дружина, т. е. бояре.

Совѣты старѣйшихъ *существуютъ* во всѣхъ русскихъ земляхъ съ древнѣйшихъ временъ (какъ видно будетъ изъ нижеприводимыхъ фактовъ).

Составъ боярской думы. Мнѣніе о неопредѣленности и случайности состава думы не можетъ быть принято: „Особаго званія совѣтниковъ князя (говоритъ В. И. Сергѣевичъ), въ которое возводились бы служилые люди, входившіе въ составъ думы, не было; дума составлялась всякій разъ вновь по особому приглашенію“. Другіе прибавляютъ: „Можно только сказать, что это дума по такому-то вопросу, по такому-то предложенію князя, потому что можетъ быть въ тотъ же день, по другому вопросу, князь будетъ совѣщаться съ совершенно другими лицами, и будетъ совершенно правъ“ (С. А. Петровскій „О сенатѣ“, стр. 12—15). Напротивъ,—составъ думы былъ очень опредѣленный, именно первоначальный составъ думы (X вѣка) двоякій; въ нее входятъ

1) *Бояре*—высшіе служилые люди. Всякій боярин былъ непремѣннымъ членомъ думы, и именно въ этомъ состояло его боярское отличіе: лѣтопись, разсказывая о потеряхъ, понесенныхъ русскими въ войнѣ половецкой, восклицаетъ: „гдѣ *бояре думающіи*? гдѣ мужи храборьствующіи?“ Князь не могъ, въ замѣнъ бояръ, пригласить для совѣщанія другихъ лицъ—не бояръ. Хотя подобные факты случались, но современники смотрѣли на нихъ, какъ на отступленія отъ правомѣрнаго порядка. Кіевскій князь Всеволодъ Ярославичъ, устарѣвши, „нача любити смыслъ юныхъ, съвѣтъ створя съ ними .. и людемъ не доходити княжее правды, начаша тіуни грабити“ (Лавр. лѣт. подъ 1093). Такіе случаи составляютъ лишь ничтожное исключеніе.

2) *Старцы*, или *старѣйшины* составляютъ вторую половину древнѣйшей думы. Это земскіе бояре. До прибытія варяжскихъ дружинъ изъ нихъ однихъ составлялся совѣтъ старѣйшинъ, какъ можно видѣть изъ разсказа лѣтописи о Землѣ Древлянской при Ольгѣ, гдѣ старѣйшинами града названы лучшіе люди, управлявшіе всею Землею, и изъ разсказа о думѣ въ пригородѣ Кіевской Земли—Бѣлгородѣ при Владиміре Св., гдѣ совѣтъ состоитъ изъ „старѣйшинъ градьскихъ“. Въ послѣдствіи они участвуютъ въ думѣ вмѣстѣ съ боярами-дружинниками. Въ Кіевѣ при Владиміре, когда онъ (983) праздно-

вать ублчный походъ на Ятвяговъ жертвами богамъ ... рѣшили старцы и боляре мечемъ жребии на отрока и дѣвицю: на чего же палетъ того зарѣжемъ богомъ". По поводу вопроса о принятіи новой вѣры Владимиръ „созва бояры своя и старцы градскыя ... И рѣша бояре и старцы, вѣси кыяне, яко своего добра не хулить, но хвалить ... Есть нечистыя вѣры на мьсть ... созва князь бояры своя и старцы. Рече Володимеръ (посланнымъ) скажите пред дружиною". Когда Владимиръ, по совѣту епископовъ, отвергъ виры и сталъ казнить разбойниковъ, то „рѣша епископы и старцы: аще многа осе вира, то на оружи и на коних буди". При Владимірѣ допускаемы были въ совѣтъ иногда старѣйшины и другихъ городовъ (пригородовъ) „съзываше бояры своя и посадникы, старѣйшины по всѣмъ градомъ" (для пировъ и разумѣется для совѣта). Впослѣдствіи такое участіе пригородныхъ старѣйшинъ замѣнено привлеченіемъ въ думу мѣстныхъ правителей (тысяцкихъ). Владиміръ Мономахъ при установленіи новыхъ законовъ о процентахъ созвалъ дружину свою на Берестово: Ратибора тысяцкаго Кіевскаго и Прокопія тысяцкаго Бѣлогородскаго, Станислава тысяцкаго Переяславскаго и т. д.

Въ XI в., по слияніи служилыхъ бояръ съ земскими, въ составъ думы находятся только бояре (въ Новгородѣ исключительно земскіе).

Кромѣ этого постояннаго состава думы, въ ней участвовали (не всегда) высшіе духовные сановники, *епископы и игумены* (главнѣйшихъ монастырей): епископы совѣтуютъ Владимиру Св. „казнить разбойниковъ", они-же вмѣстѣ съ боярами даютъ потомъ противоположный совѣтъ. Въ 1096 г. Святополкъ и Владиміръ приглашали Олега Черниговскаго въ Кіевъ, „хотя положить о Русской землѣ между прочимъ предъ епископами и предъ игуменами. Въ 1159 г., когда умеръ Кіевскій митрополитъ въ Черниговѣ, то „Святославъ князь, сдумавъ съ мужи своими и съ епископомъ", рѣшилъ нарушить его завѣщаніе. Особенно важное значеніе въ совѣтѣ кіевскаго князя занималъ митрополитъ (по тому вліянію, какое онъ могъ проявить на другія русскія земли); напримѣръ, въ 1157 г. „начаша молвить митрополитъ и игумены всѣ (ходатайствуя за Берладника) Юрію, говоря: грѣхъ тебѣ, цѣловавши къ нему крестъ, держать въ такой нуждѣ...; онъ же, послушавъ ихъ, пустилъ" (Ипат. лѣт.).

При общемъ рѣшеніи какого-либо вопроса князьями двухъ или нѣсколькихъ земель, происходили *соединенныя засѣданія* и совѣтовъ ихъ. „Въ лѣто 6611 Богъ вложилъ въ сердце князьямъ русскимъ мысль благую, Святополку и Володимеру, и сошлись думать на Долобьскѣ; и сѣлъ Святополкъ съ своею дружиною, а Володимеръ съ своею въ одномъ шатрѣ. И начали думать".

Съ высшимъ земскимъ совѣтомъ нельзя смѣшивать фактовъ совѣщаній князя временныхъ и случайныхъ, напр. военныхъ совѣтовъ во время

похода, не только съ своими военачальниками, но и съ союзниками и даже варварами.

Число имѣющихъ право участвовать въ думѣ равняется числу бояръ извѣстной земли; *число-же* обыкновеннаго состава думы равняется числу бояръ, находящихся въ данную минуту въ мѣстѣ совѣщанія и нарочно вызванныхъ изъ пригородовъ. Число это вообще не можетъ быть значительно: при изданіи законовъ Русской Правды Ярославичами участвовали 3 совѣтниковъ (см. Ак сп. Р. Пр. ст. 18); при дополненіи ея Владиміромъ Мономахомъ—6 (см. Р. Пр. Кар. 66). Съ теченіемъ времени во многихъ земляхъ число думцевъ возрастало (въ В. Новгородѣ дошло до 300—приблизительно).

Засѣданія совѣта происходили постоянно (каждодневно), какъ видно изъ поученія Мономаха. Въ житіи Ѳеодосія разсказывается, что возвращаясь отъ князя изъ загороднаго дворца его въ Кіевъ раннимъ утромъ, онъ встрѣчалъ по пути бояръ, которые спѣшили изъ Кіева къ князю на совѣтъ. Тамъ-же разсказывается, что когда князь намѣревался посѣтить Ѳеодосія, то „распускалъ всѣхъ бояръ въ домы ихъ“... Само собою разумѣется, что рѣшенія высшихъ земскихъ дѣлъ совершались не каждодневно, а по мѣрѣ возникновенія ихъ.—Обыкновенныя засѣданія происходили во дворцѣ князя; лѣтописецъ разсказываетъ объ одномъ засѣданіи думы во Владимірѣ Волынскомъ такъ: „во едину нощь присла по мя князь Давыдъ. И придохъ къ нему, и сѣдяху около его дружина, и посадивъ мя, рече ми...“ (Лавр. лѣт. подъ 1097).

Права боярской думы. Дума составляетъ *необходимый* составной элементъ власти въ каждой Землѣ. По *отношенію ея къ князю* существуетъ мнѣніе о боярской думѣ, какъ личномъ совѣтѣ князя, который можетъ обратиться къ нему или нѣтъ по произволу; но факты указываютъ на *обязательность* для князя совѣщаній съ боярами,—обязательность, утвердившуюся обычаемъ (который тогда замѣнялъ законъ): въ 1170 г. двое бояръ, отошедшихъ отъ Кіевскаго князя Мстислава къ князю Давиду, оклеветали перваго передъ послѣднимъ, яко-бы онъ намѣренъ лишить князей Давида и Рюрика свободы, зазвавъ ихъ къ себѣ на обѣдъ. Давидъ и Рюрикъ, получивъ дѣйствительно такое приглашеніе, потребовали отъ Мстислава клятвы въ томъ, что онъ не сдѣлаетъ имъ зла. Оскорбленный такимъ подозрѣніемъ, кіевскій князь отдалъ дѣло на разсмотрѣніе своей думы: „яви дружинѣ своей... И рѣша ему дружина его: княже, не лѣпь (неосновательно) ти велита брата крестъ цѣловати; цѣ да будуть злии человѣци, завидяче твоей любви, юже къ братьѣ имѣеши, вложили будуть зло слово... А ты всякъ правъ предъ Богомъ и предъ человѣкы: *тобѣ безъ насъ того нелзѣ было замыслити, ни створити*, а мы всѣ вѣдаемъ твою истиньную любовь къ всей братьѣ“ (Ипат. лѣт.).—Въ 1169 г. кн. Владиміръ Мстиславичъ задумалъ

нарушить клятву къ кіевскому князю Мстиславу и сообщилъ о томъ двумъ боярамъ. „И рекоша къ нему дружина его. о собѣ еси княже, замыслилъ: а не ѣдемъ по тобѣ. мы того не вѣдали. Володимеръ же рече. къзрѣвъ на гѣцкы (младшихъ дворянъ)' а се будуть мои бояре". Рѣшившись осуществить свою мысль вопреки совѣту бояръ. онъ отправился за помощью къ Берендѣямъ. но тѣ „узрѣша и единаго ѣдяша и рѣша ему....' се ѣдинии одинъ и безъ мужи своихъ а насъ прельстивъ.... И начаша въ нь пущати стрѣлы" (ibid.).— Вообще тѣсная связь боярской думы съ княземъ сохранялась вплоть до тѣхъ поръ, пока дума состояла главн. обр. изъ дружинниковъ (дворянъ) князя. переѣзжавшихъ съ нимъ изъ одной Земли въ другую. Съ усиленіемъ въ думѣ земскаго элемента. совѣтъ бояръ получаетъ все большую самостоятельность и становится *ближе къ вѣчу*, чѣмъ къ князю. Въ 1177 г. Всеволодъ кн. Владимірскій, во время борьбы со Мстиславомъ Ростовскимъ. послалъ къ нему предложеніе о мирѣ, на что повидимому и склонялся Мстиславъ. но Ростовцы и бояре сказали ему. „аще ты миръ даси ему, но мы ему не дамы" (Лавр. лѣт.). Земскій элементъ думы съ самого начала стоитъ въ тѣснѣйшей связи съ вѣчемъ (и первоначально замѣняетъ вѣче, какъ увидимъ ниже).—Но возможны также и противорѣчія воли думы и воли вѣча. въ 1067 кіевское вѣче требовало войны съ Половцами, возстало за то на своего князя Изяслава и, явившись ко дворцу, стало препираться съ княземъ. который сидѣлъ „на сѣнехъ съ дружиною своею", раздѣлявшею взгляды Изяслава. Въ Суздальской Землѣ при Юріи и Андреѣ произошло раздвоеніе власти бояр. думы и вѣча. первая осталась въ старшемъ городѣ - Ростовѣ, второе перешло во Владиміръ.

Права думы уясняются *фактами участія думы въ рѣшеніи государственныхъ дѣлъ*. А именно:

Дума участвуетъ въ рѣшеніи *религіозныхъ* вопросовъ (ею при Владимірѣ рѣшено введеніе человѣческихъ жертвъ, вопросъ о посылкѣ для изслѣдованія вѣръ, вопросъ о принятіи христіанства греческаго исповѣданія: народъ говорилъ: „аще бы се не добро было, не бы сего князь *и бояре* пріяли"). Она участвуетъ въ рѣшеніи *законодательныхъ* вопросовъ (см. Рус. Пр. Ак. 18 и Кар. 66): Владиміръ Св. разсуждалъ съ дружиною о „строѣ и уставѣ земленѣмъ"; возстановленіе виръ и отмѣна казни при Владимірѣ совершены по совѣту бояръ. Уставная грамота Всеволода о церковныхъ судахъ дана имъ по совѣту съ владыкою и съ „своею княгинею и съ своими бояры и съ десятью сочкыми и съ старостами". Дума участвуетъ въ рѣшеніи вопросовъ *внутренняго государственнаго устройства*: „порядъ положимъ о Русьстѣй землѣ предъ мужи отецъ нашихъ", говорилъ Владиміръ Моном. Олегу; бояре участвуютъ въ рѣшеніи вопроса о распредѣленіи столовъ между князьями: въ 1100 г. на Увѣтическомъ съѣздѣ при рѣшеніи вопроса о

Давидъ Игоревичъ. „ста Святополкъ съ своею дружиною, а Давыдъ и Олегъ съ своею, розно, кромѣ собѣ". Боярскои думѣ принадлежитъ (вмѣстѣ съ вѣчемъ) право *приглашать князя и рядиться съ нимъ*. въ 1169 г. князь Мстиславъ Изяславичъ взялъ „рять съ братьею, и дружиною и съ Кіяны", въ 1164 г., по смерти черниговскаго князя Святослава, вдова его хотѣла передать черниговскій столъ сыну своему Олегу, „сгадавши съ епископомъ и съ мужи князя своего съ передними и цѣловаша Св. Спаса на гомъ первое цѣлова епископъ Антонъ Св Спаса, и потомъ дружина цѣловаша" (Ипат. лѣт.); въ 1177 г Владимірскій князь Всеволодъ говорилъ своему сопернику Ростовскому князю: „брате! оже ти привели старѣйшая дружина, а поѣди Ростову, тобе Ростовци привели и боляре а мене быть съ братомъ Богъ привелъ и Володимерци" (Лавр. лѣт.). Дума по преимуществу участвуетъ въ рѣшеніи вопросовъ *внѣшней политики*, войны и мира, договоры заключаются отъ имени князя и его „свѣтлыхъ бояръ", „великии князь Игорь, и боляре его и людье вси Русьстіи послана къ великимъ царемъ Гречьскымъ", при заключеніи мира съ Греками въ 945 г., Владиміръ Св. разсуждалъ съ дружиною между прочимъ „о ратѣхъ", въ вышеприведенномъ разсказѣ о Долобскомъ съѣздѣ князей 1103 г вопросъ о походѣ на Половцевъ обсуждается думою, въ 1093 г. Святополкъ князь кіевскій нарушилъ миръ съ Половцами, безъ совѣта съ Кіевскою думою, когда послѣдствія оказались очень печальными для него, то онъ обратился къ совѣту думы, въ которои голоса раздѣлились, но разумная часть думы одержала верхъ и „Святополкъ послушавъ ихъ", послалъ за помощію къ Владиміру Мономаху (Лавр. лѣт.). Думѣ (иногда вмѣстѣ съ вѣчемъ) предоставляется *высшій судъ* надъ князьями и членами ихъ семействъ. судъ надъ Рогнѣдою, женою Владиміра Св. за покушеніе на убиство мужа, произведенъ такъ: Владиміръ „созвалъ бояръ и повѣдалъ имъ. Они же сказали не лишати ея жизни ради дитяти сего, но возстанови отчину ея и дай ей съ сыномъ своимъ" (Лавр. лѣт. подъ 1128 г.). Въ 1097 г. кіевскій кн. Святополкъ, схвативши Василька, „созва бояръ и Кіянъ и повѣда имъ" мнимую вину Василька.

в) Вѣче.

Понятіе о вѣчѣ. Вѣче, какъ органъ государственной власти, есть собраніе полноправныхъ гражданъ старшаго города Земли. *Терминъ* „вѣче" въ памятникахъ примѣняется не къ этому одному предмету. иногда онъ имѣетъ значеніе всякаго сборища или толпы, иногда тайнаго совѣщанія-заговора (въ 1169 г. въ Новгородѣ „начаша вѣче дѣяти въ тайнѣ, но дворомъ на князя своего на Святослава на Ростиславича". Ипат. лѣт.). Мы

должны принимать термин „вѣче“ въ его тѣсномъ историко-юридическомъ смыслѣ.

Происхожденіе и первая эпоха въ исторіи развитія народныхъ собраній. Вѣче такого же доисторическаго происхожденія, какъ и княжеская власть и власть боярской думы. Прокопій (писатель 6-го вѣка) разсказываетъ о славянахъ, что при одномъ выгодномъ для нихъ оборотѣ дѣлъ, они сошлись почти всѣ для обсужденія, „ибо эти народы, Славяне и Анты, не имѣютъ единодержавія, но съ древнѣйшихъ временъ живутъ въ народоправствѣ, счастливые или несчастные случаи созываютъ ихъ въ общее собраніе“. Маврикій сообщаетъ, что въ ихъ собраніяхъ царствуютъ несогласія „cum omnes contrarie inter se sint animati neutiquam alteri velit obsequi“. По нашимъ извѣстіямъ о восточныхъ славянахъ, каждое отдѣльное племя рѣшало свои дѣла: „Съдумавше Поляне, и вдаша (Козарамъ) отъ дыма мечь“. Но въ этой первоначальной формѣ, народное собраніе есть *племенная сходка* и не соотвѣтствуетъ выставленному выше понятію о вѣчѣ. Чисто-племенныя собранія могутъ держаться лишь при кочевомъ бытѣ или крайне-слабой осѣдлости.

Вторая эпоха въ развитіи народныхъ собраній относится къ временамъ историческимъ (IX -X в.), когда вѣче находится въ *переходѣ отъ племеннаго собранія къ городскому;* тогда для рѣшенія дѣлъ сходятся въ старшій городъ лучшіе люди всей Земли и обсуждаютъ земскіе вопросы въ присутствіи гражданъ этого города (поголовное собраніе всѣхъ взрослыхъ жителей Земли, очевидно, уже невозможно). Владиміръ созывалъ въ Кіевъ „боляры своя, и посадникы, старѣшинины по всѣмъ градомъ и люди многы“ (для широтъ и, разумѣется, для совѣщаній). Такая обще—земская дума, совмѣщающая въ себѣ два будущихъ учрежденія —боярскую думу и вѣче, носитъ еще племенное названіе: „Древляне, сдумаше со княземъ своимъ Маломъ“, рѣшили убить Игоря, потомъ „рѣша Деревляне: поймемъ жену его Вольгу за князь свои Малъ“. Активная роль въ такихъ собраніяхъ принадлежитъ лишь боярамъ и старѣшинамъ: „люди“, т. е. простые граждане старшаго города, и тѣ пригорожане, которые были въ данномъ случаѣ въ старшемъ городѣ, присутствуютъ при совѣщаніяхъ, одобряютъ и исполняютъ рѣшенія: въ 983 г. въ Кіевѣ рѣшили принести человѣческую жертву богамъ *старцы и бояре*, но когда Варягъ—отецъ, на сына котораго выпалъ жребій, отказался выдать сына, то посланцы повѣдали о томъ „*людямъ*“, которые во многочисленной толпѣ произвели потомъ дикую расправу надъ Варягомъ христіаниномъ. Въ 987 г. Владиміръ передалъ вопросъ о выборѣ новой вѣры *старцамъ и боярамъ*, которые и рѣшили послать для личнаго ознакомленія съ разными религіями въ сосѣднія стороны; „и бысть люба рѣчь (ихъ) князю и всѣмъ *людемъ*“, которые очевидно присутствуютъ на совѣщаніи. Полное слияніе вѣча съ думою старѣйшинъ представляетъ примѣръ

бѣлгородскаго вѣча при осадѣ Печенѣговъ въ 997 г.: въ городѣ, томимомъ отъ голода, „створиша вѣче“ (это первый случай употребленія такого термина въ лѣтописяхъ) и рѣшили сдаться Печенѣгамъ; но одинъ *старецъ* не былъ на вѣчѣ томъ и спрашивалъ: „что ради вѣче было? И людье повѣдаша ему, яко утро хотятъ ся *людье* передати Печенѣгамъ. Се слышавъ посла по *старѣйшины градьскыя*“, изъ этихъ послѣднихъ составилось новое вѣче, которое рѣшило отложить сдачу города и употребить хитрость. Такъ какъ вѣчевая власть не во всѣхъ земляхъ развивалась одновременно, то въ нѣкоторыхъ изъ нихъ вѣче и въ XII в. имѣетъ почти племенной характеръ: въ 1146 г. Давидовичи черниговскіе (въ борьбѣ съ родичемъ своимъ Ольговичемъ и Юрьемъ Суздальскимъ) „съзваша *Вятичь*“ (Ипат. лѣтопись).

Третья эпоха вѣчевыхъ собраній (XI—XIII) есть эпоха полнаго выдѣленія этой формы власти въ самостоятельную (какъ собраніе простыхъ гражданъ) и полнаго развитія ея правъ. Она совпадаетъ со временемъ окончательнаго установленія власти старшихъ городовъ. Къ вѣчу этой эпохи относятся нижеслѣдующія опредѣленія состава и правъ народныхъ собраній.

Составъ вѣча. Вѣче, какъ власть государственная, состоитъ изъ *гражданъ старшаго города*: классическое мѣсто лѣтописи (Лавр. подъ 1176 г.). „Новгородцы бо изначала, и Смоляне, и Кыяне и Полочане и вся власти, якоже на думу, на вѣча сходятся; на чтоже старѣйшіи сдумаютъ, *на томъ же пригороди* станутъ“, означаетъ не собраніе жителей всей волости (власти), а старшихъ городовъ, какъ видно изъ выраженія: „на томъ же пригороди станутъ“, а равно изъ связи лѣтописнаго разсказа, гдѣ рѣчь идетъ о правѣ старшихъ городовъ давать пригородамъ обязательныя постановленія. Псковская Судная Грамота составлена „всѣмъ Псковомъ на вѣчѣ“; Новгородская—„*всѣми пятью концами*, всѣмъ великимъ Новгородомъ на вѣчѣ“. Предположеніе объ участіи всѣхъ жителей земли противорѣчитъ обширности земель и отдаленности пригородовъ. Тоже подтверждается способомъ (колоколомъ и глашатаями) и временемъ созыва вѣчевыхъ собраній: вѣче составляется или въ тотъ же день, или на другой день послѣ созыва: въ 1148 г. пріѣхалъ въ Новгородъ кіевскій князь и на другой день послалъ на дворъ Ярослава и велѣлъ „съзвонить“ вѣче, „и такъ сошлись на вѣче новгородцы *и плесковичи*“ (очевидно тѣ, которые случайно были въ Новгородѣ).

Участіе пригорожанъ на вѣчѣ старшаго города возможно, но лишь *случайно* и *не необходимо*; такъ въ 1132 г. „была встань великая въ людяхъ (въ Новгородѣ); пришли плесковичи и ладожане къ Новугороду и выгнали князя Всеволода“. Въ 1136 г. новгородцы нарочно пригласили псковичей для суда надъ княземъ, но выгнанный князь утвердился во Псковѣ

(значитъ изъ Пскова приглашена нарочно лишь партія враждебная князю). Если пригородъ начинаетъ брать перевѣсъ надъ старшимъ городомъ (какъ въ Суздальской Землѣ), то на вѣче его сбираются и лучшіе люди старшаго города, не желая окончательно уступить власть пригороду.

Пригородныя вѣча, при нормальномъ теченіи дѣлъ, не имѣютъ политической власти (рѣшая лишь мѣстные вопросы управленія). Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда пригородное вѣче выступаетъ въ политической роли, центръ верховной власти временно переносится въ пригородъ и на такихъ вѣчахъ участвуютъ лучшіе люди старшаго города (случай въ Друцкѣ—пригородѣ Полоцкой Земли въ 1159 г., когда дружане, вмѣстѣ съ полочанами, принимаютъ новаго князя, такъ какъ въ старшемъ городѣ сидитъ и не уступаетъ свою власть прежній, смѣняемый князь).

Вѣче состоитъ изъ *всѣхъ* гражданъ города. Главную массу участниковъ вѣча составляютъ *простые* граждане, „люди". Когда въ 1067 г. кіевскій князь и его дружина (бояре) противились продолженію войны съ Половцами, то „людье Кыевстіи прибѣгоша Кыеву и створиша вѣче на торговищи и рѣша, послався къ князю".... (Лавр. лѣт.). Въ 1147 г. „Кияномъ же всѣмъ сошедшимся отъ мала и до велика къ святѣй Софьи на дворъ" (по призыву князя, для обсужденія дѣла о войнѣ съ Черниговскими князьями). Въ новгородскомъ вѣчѣ участвовали и меньшіе люди, черные, смерды. Въ вѣчевомъ собраніи имѣютъ, однако, право участвовать лишь *полноправные* граждане, т. е. мужи свободные, совершеннолѣтніе и не подчиненные семейной власти: въ 1147 г. Кіевское вѣче отказывается вести войну противъ Юрія Долгорукаго такъ: „не можемъ на Владиміровo племя руки поднять, а на Ольговичей пойдемъ *и съ дѣтьми*"; слѣд., „дѣти", хотя и способные носить оружіе, не участвуютъ въ вѣчѣ. Вѣче, состоя главн. обр. изъ простыхъ гражданъ и выдѣлившись отъ совѣта старѣйшинъ, есть демократическая форма власти, т. е. главная роль при рѣшеніи дѣлъ принадлежитъ простому народу. Однако при нормальномъ порядкѣ, съ вѣчемъ сливается и боярская дума; *бояре* присутствуютъ на вѣчѣ наравнѣ съ прочими гражданами: въ 1147 г. во Владимірѣ Клязменскомъ, при борьбѣ съ княземъ, „вставша бояре и купцы, по малѣ же дній вставша опять людіе вси и бояре".

На вѣчѣ участвуютъ также и *лица духовныя*: на Кіевскомъ вѣчѣ 1147 г. предсѣдательствуетъ митрополитъ.

При обыкновенномъ теченіи дѣлъ, т. е. если вѣче составилось не для борьбы съ княземъ, на немъ присутствуетъ также *князь*: на томъ же кіевскомъ вѣчѣ 1147 г. присутствуетъ князь Владиміръ Мстиславичъ, управлявшій здѣсь за отсутствіемъ брата.

Так. обр. вѣче, не смотря на свой главный (простонародный) составъ, не есть органъ власти одного (низшаго) класса, а поглощаетъ въ себѣ и оба

другихъ элемента власти и есть власть *общеземская*. Эта форма государственной власти создана не во имя борьбы съ двумя остальными (понятіе борьбы чуждо русскому государственному праву), а для единенія („одиначества"), т. е. для рѣшенія земскихъ дѣлъ согласною волею князя, бояръ и народа (см. вышеприведенную формулу приглашенія кн. Олега въ 1096 г. Святополкомъ и Владиміромъ въ Кіевъ для установленія междукняжескихъ отношеній, предъ епископами, боярамм и людьми градскими). Лѣтописи, разсказывая весьма часто о народныхъ собраніяхъ, соединенныхъ съ какимъ-либо переворотомъ, пропускаютъ обыкновенныя мирныя собранія, для рѣшенія текущихъ дѣлъ, а потому не легко возстановить обыкновенные порядки такихъ собраній. Въ частности—

Кто могъ собирать вѣче? Собираетъ вѣче князь, какъ и слѣдовало въ нормальномъ порядкѣ: въ 1146 г. кіевское вѣче созываетъ князь Игорь, въ 1147 г. Изяславъ, а въ другой разъ, по его же распоряженію, братъ его кн. Владиміръ, митрополитъ Климентъ и тысяцкій Лазарь. Въ Новгородѣ въ 1148 г. тотъ же князь велѣлъ звонить вѣче. Въ 1097 г. Святополкъ „созвалъ бояръ и Кіянъ" для рѣшенія дѣла по обвиненію Давидомъ кн. Василька.—Но при несогласіи вѣча съ княземъ и боярскою думою, оно созывалось кѣмъ-либо изъ гражданъ или сходилось само собою: въ 1067 г Кіевляне разбитые Половцами, прибѣжавши въ Кіевъ, сами сошлись на вѣче на торговищи. Иногда народъ, самъ составивши вѣче, посылаетъ пригласить на него князя (вѣче въ Полоцкѣ въ 1158 г.). Но такія собранія составляются лишь тогда, когда готовится или совершается переворотъ.

Способъ созыва практиковался двоякій. чрезъ биричей (глашатаевъ) и чрезъ колоколъ; послѣдній способъ (наболѣе демократическій, призывающій всѣхъ) утвердился въ Новгородѣ.

Имѣя въ лѣтописяхъ разсказы преимущественно объ экстраординарныхъ народныхъ собраніяхъ, мы не можемъ дать опредѣленный отвѣтъ на вопросъ о *срокахъ созыва обыкновеннаго вѣча*. Лишь предположительно можно сказать, что были періодическія собранія во время братчинъ, въ дни церковныхъ мѣстныхъ торжествъ. въ 1158 г. „начаша (Полочане) Ростислава (князя своего) звати лестью у братьщину къ святѣй Богородици къ старѣй, на Петровъ день: княже, поѣди къ намъ, суть ны съ тобою рѣчи". Оказалось, что это было собрано враждебное князю вѣче (Ипат лѣт.).

По мѣрѣ бо́льшаго и бо́льшаго упорядоченія вѣчевыхъ собраній, опредѣлялось и нормальное *мѣсто* ихъ. Такъ въ Кіевѣ вѣче, вступившее въ открытое возстаніе противъ князя въ 1067 г., сошлось на *торговищи*. Но вѣче, дѣйствующее въ единеніи съ княземъ и созванное имъ, собирается *на Ярославомъ дворѣ* (1146 г.), или *на дворѣ св. Софіи* (1147 г.). Точно также въ Новгородѣ законными мѣстами собраній были: *Ярославль дворъ* и у *св. Софіи*. И въ самомъ дѣлѣ, когда князь призывалъ народъ

для совѣщаній, то мѣсто такихъ собраній должно быть близъ княжаго двора. Столь же законнымъ мѣстомъ является и центральная святыня Земли, куда народъ и безъ того собирался періодически въ большіе праздники. Что мѣсто собранія не мало значило для законности ихъ, можно привести въ примѣръ кіевское вѣче 1146 г., когда князь сначала созвалъ всѣхъ Кіянъ *подъ Угорскій*, гдѣ вѣче и согласилось избрать княземъ Игоря, если умретъ его братъ; но когда этотъ послѣдній дѣйствительно умеръ, то для окончательнаго утвержденія избранія новый князь созываетъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ: на первомъ было постановлено лишь предварительное соглашеніе, на второмъ актъ избранія завершенъ. Правда, потомъ Кіяне опять скопились *у Туровой божницы* для требованія дополнительныхъ условій отъ новаго князя: но это было результатомъ неполнаго соглашенія съ княземъ, и самое собраніе поэтому не должно быть признано нормальнымъ.

Способъ обсужденія дѣлъ на вѣчѣ и *постановки рѣшеній* упорядочивался съ теченіемъ времени, но окончательно сформированъ лишь въ Новгородѣ и Псковѣ. Въ 1147 г. когда князь Изяславъ Мстиславичъ, находившійся въ походѣ, узналъ о предательскихъ замыслахъ Черниговскихъ князей, то послалъ въ Кіевъ двухъ мужей своихъ—Добрынку и Радила съ такимъ наказомъ къ своему брату кн. Владиміру: братъ, поѣзжай къ митрополиту и созови всѣхъ Кіевлянъ; пусть эти два мужа скажутъ о предательствѣ Черниговскихъ князей. Когда Кіевляне сошлись всѣ отъ мала до велика на дворъ св. Софьи и *сѣли* (по другой лѣтоп.—„встали“), то кн. Владиміръ сказалъ митрополиту: „вотъ прислалъ братъ мой двухъ мужей—Кіевлянъ, пусть скажутъ братьѣ своей“. И выступили Добрынко и Радило и сказали: „привѣтствовалъ тебя братъ, митрополиту кланялся, привѣтствовалъ Лазаря (тысяцкаго) и всѣхъ Кіевлянъ“. И сказали Кіевляне: „говорите, съ чѣмъ васъ князь прислалъ“. Когда послы передали дѣло, то Кіевляне сказали: „радуемся, что Богъ тебя избавилъ отъ великаго предательства; идемъ за тобою и съ дѣтьми“. Но *одинъ человѣкъ* сказалъ: „за княземъ своимъ мы съ радостью пойдемъ;... но тутъ Игорь—врагъ нашего князя сидитъ въ монастырѣ; убьемъ его и пойдемъ къ Чернигову за своимъ княземъ“. Тщетно кн. Владиміръ, митрополитъ и двое тысяцкихъ противились; пагубное предложеніе увлекло толпу.

При постановкѣ рѣшеній требовалось *единогласіе* („едиными устами“ или „единодушно“); въ дѣйствительности (фактически) подъ единогласіемъ скрывалось подавляющее *большинство;* но въ принципѣ требовалось именно единогласіе (какъ показываетъ аналогія польскаго сейма). При равномъ распредѣленіи партій, происходитъ физическая борьба и повтореніе собраній, пока не достигнутъ соглашенія: въ Новгородѣ въ 1218 г., послѣ битвъ одного конца противъ другихъ, вѣча по одному и тому же вопросу продолжались цѣлую недѣлю, пока не „сошлись братья всѣ единодушно“.

Права вѣча. Вѣче есть *необходимая* составная часть общеземской власти, ибо участіе народа въ государственныхъ дѣлахъ въ древнее время бываетъ самымъ непосредственнымъ и живымъ: „*нравъ* есть первыя чади всея предъ враты граду творити вѣще и суды“ (слов. Восток.). Необходимость вѣчевой формы видна изъ ея *всеобщности*. По приведенному выше принципіальному выраженію лѣтописи, *изначала* Новгородцы, Смольняне, Полочане, Кіевляне и „*вся власти*“ собираются на вѣча, какъ на думу. Согласно съ этимъ лѣтописи сообщаютъ факты вѣчевыхъ собраній во всѣхъ древне-русскихъ Земляхъ: кромѣ приведенныхъ выше и другихъ многочисленныхъ случаевъ народныхъ собраній въ Кіевѣ, Новгородѣ, Псковѣ, Полоцкѣ, въ Землѣ Ростовской, въ лѣтописяхъ упоминаются вѣча въ Землѣ Волынской (1097 г.). Галицкой (1231 г.) и Черниговской. Но вѣче достигло неодинаковаго политическаго значенія во всѣхъ рус. земляхъ.

Права вѣча не могутъ быть ограничиваемы какимъ-нибудь однимъ родомъ дѣлъ (напр. законодательствомъ); они, подобно правамъ князя и думы, простираются на всю сферу высшихъ государственныхъ дѣлъ управленія и суда. Въ сферѣ *законодательства* вѣчу сначала принадлежали меньшія права, чѣмъ князю и думѣ: въ Рус. Правдѣ нѣтъ слѣдовъ вѣчеваго законодательства; но потомъ, именно въ Новгородѣ и Псковѣ, законодательство становится функціею только вѣча (см. во Псков. Судн. Грам. ст. 108 о порядкѣ составленія и отмѣны законовъ). Въ *сферѣ внѣшней политики и въ вопросахъ о войнѣ и мирѣ* вѣчу принадлежатъ наибольшія права съ древнѣйшихъ временъ. Этого требовала фактическая необходимость заручиться согласіемъ населенія для веденія войны: договоръ Игоря съ Греками въ 945 г. заключенъ отъ имени „вел. кн. русскаго, и отъ всякоя княжья, и отъ всѣхъ людій русскія земли“. Въ соблюденіи этого договора клялся весь народъ въ Кіевѣ крещеный и некрещеный. Въ 1015 г. Ярославъ въ Новгородѣ, избивши много гражданъ за своихъ варяговъ, получилъ извѣстіе, требовавшее немедленной войны съ Кіевскимъ княземъ Святополкомъ; тогда, собравъ „остатокъ Новгородцевъ, онъ сказалъ: „о люба моя дружина, юже вчера избихъ, а нынѣ *бѣша надобѣ*....; и рѣша Новгородци: аще, княже братья паша изсѣчена суть, можемъ по тобѣ бороти“. Въ Кіевѣ въ 1147 г. вѣче отказываетъ князю въ согласіи на войну противъ Юрія Долгорукаго и вскорѣ послѣ охотно соглашается воевать противъ черниговскихъ Ольговичей. Въ Новгородѣ князь (Мстиславъ) такъ убѣждаетъ вѣче идти на Чудь: „братья, се обидять ны поганые, а быхомъ, узрѣвше на Богъ и на св. Богородицы помочь, помстили себѣ и освободили быхомъ Новгородскую Землю отъ поганыхъ. И бысть люба рѣчь его всѣмъ мужамъ новгородскимъ“. Князь иногда начинаетъ войну и при несогласіи на нее вѣча (при помощи собственной дружины—двора и охотниковъ изъ населенія); но рѣдко ведетъ ее съ успѣхомъ. Войны съ варварами ведутся

иногда безъ предварительнаго обсужденія на вѣчѣ, но съ молчаливаго согласія народа (вслѣдствіе полной популярности такихъ войнъ).

Въ сферѣ внутренняго *государственнаго устройства* значеніе вѣча одинаково важно. О необходимомъ участіи вѣча въ призваніи и смѣщеніи князей были приведены факты выше (см. въ особенности случай въ Кіевѣ 1154 г., когда боярская дума напоминаетъ новому князю, уже признанному ею, о необходимости „утвердиться съ людьми въ Кіевѣ“). Въ сферѣ *судебной власти* вѣчу первоначально принадлежало право участія во всякомъ судѣ („предъ вратами градскими творить вѣце и суды“); судъ производился княземъ и боярами въ присутствіи народа. И впослѣдствіи вѣче (въ Новгородѣ) судило всякія дѣла, на которыя было обращено его вниманіе: новгородское вѣче 1290 г. судитъ людей, ограбившихъ торгъ. Отмѣна вѣчеваго суда въ Псковской Судной Грамотѣ (ст. 4: „а на вѣчѣ суда не судить ни князю, ни посаднику“) указываетъ на предшествовавшій порядокъ, когда судъ княжескій и посадничій производился на вѣчѣ. По Новгород. Судной Грамотѣ за вѣчемъ оставлена высшая власть, контролирующая дѣйствія спеціальныхъ судебныхъ органовъ (ст. 29). Вѣчу принадлежитъ судъ политическій (надъ князьями и посадниками): въ 1097 г. въ Кіевѣ судъ надъ Галицкими князьями по доносу князя Волынскаго предоставленъ боярамъ и вѣчу. Новгородское вѣче въ 1136 и 1270 г. производитъ формальный судъ надъ своими князьями съ изложеніемъ письменнаго приговора; въ Новгородѣ-же въ 1141 г. производится судъ и казнь посадника Якуна за измѣну всѣмъ вѣчемъ; въ 1209 г. судъ, потокъ и разграбленіе надъ посадникомъ Дмитромъ.

Въ сферѣ управленія вѣче не принимаетъ постояннаго участія въ веденіи текущихъ дѣлъ; но оно участвуетъ въ назначеніи и смѣнѣ чиновниковъ: въ 1146 г. вѣче требуетъ отъ князя смѣны тіуновъ Кіевскаго и Вышегородскаго (которые и смѣняются); на мѣсто ихъ назначаются тіуны по волѣ вѣча („а се вамъ и тіунъ по вашей волн“). Ростовцы (бояре и народъ), говоря въ 1176 г. о своей власти надъ пригородомъ Владиміромъ, угрожаютъ или сжечь непокорный пригородъ или *посадить въ немъ своего посадника*. Въ особенности активное участіе принимаетъ вѣче въ военномъ и финансовомъ управленіи: средства для веденія войны, именно чрезвычайные налоги устанавливаются самимъ народомъ на вѣчѣ: въ 1018 г. въ Новгородѣ, во время борьбы Ярослава съ Святополкомъ Окаяннымъ, вѣче рѣшаетъ: „хочемъ ся и еще бити съ Болеславомъ (польскимъ, союзникомъ Святополка) и съ Святополкомъ. Начаша скотъ (деньги) сбирати отъ мужа по 4 куны, а отъ старостъ по 10 гривенъ, а отъ бояръ по 18 гривенъ; и приведоша Варягы, вдаша имъ скотъ“ (Лавр. лѣт.).

Паденіе и прекращеніе вѣчевыхъ собраній. Независимо отъ татарскаго ига, были внутреннія причины для возвышенія княжеской и боярской власти на счетъ вѣчевой въ нѣкоторыхъ русскихъ земляхъ.

Особенныя черты государственнаго устройства нѣкоторыхъ Русскихъ Земель.

Изложенныя три формы власти (князь, дума и вѣче), не смотря на свое стремленіе къ полному единенію, легко могли придти и въ противорѣчіе другъ къ другу, при чемъ одна изъ нихъ могла, не устраняя вполнѣ другихъ, возвыситься на счетъ двухъ остальныхъ. Это и случилось съ конца XII в. во всѣхъ Русскихъ Земляхъ, такъ что по преобладанію одной изъ трехъ формъ всю тогдашнюю Русь можно раздѣлить на три части: 1) южную и юго-западную, 2) сѣверо-западную и 3) сѣверо-восточную.

1 **Особенности Галицко-Волынскаго государственнаго устройства.** Типомъ группы юго-западныхъ земель служитъ Земля Галицкая; но ея устроиство повторяется и въ Землѣ Волынской, сюда же отчасти примыкаетъ и Кіевская Земля. Здѣсь беретъ преобладаніе боярская власть надъ княземъ и вѣчемъ. Предположительно зародыши такой особенности могли существовать въ Галицкой Землѣ съ древнѣйшихъ временъ, ибо обстоятельствами, содѣйствовавшими образованію ихъ, были природныя и мѣстныя условія этой Земли. Природное богатство почвы по Днѣстру, Сану и Бугу дало могущество классу землевладѣльцевъ, т. е. боярамъ по преимуществу. Но слѣдуетъ признать, что и сосѣдство съ Польшею и Венгріею (странами, въ которыхъ рано развился аристократическій элементъ) имѣло свою долю вліянія на особенный складъ государственнаго устройства Галиціи (хотя бы и безъ прямыхъ заимствованій). Червоная Русь принадлежала нѣкоторое время Польшѣ; затѣмъ не одинъ разъ правили ею мадьяры, члены королевскаго дома съ большимъ дворомъ. Волынь имѣла постоянно то дружественныя, то военныя столкновенія съ Польшею и находилась въ ближайшемъ бытовомъ общеніи съ населеніемъ этой страны. Въ 1149 г. польскій король Болеславъ, вызванный на помощь княземъ Изяславомъ Мстиславичемъ, „пришедъ къ Луцку, и ту пребы три дни; и ту пасаше (препоясывалъ) Болеславъ сыны боярски мечемъ многи“, т. е. посвящалъ ихъ въ рыцарство. Съ конца XII в. въ замѣтной степени проявляются слѣд. особенности Галицкаго устройства.

а) Бояре присвоиваютъ себѣ право *распоряженія княжескимъ столомъ* (приглашеніемъ и смѣщеніемъ князей). Пока правила въ Галиціи династія Ростиславичей, власть боярской думы не могла еще проявиться съ замѣтною силою; но очевидно образовалась уже въ то время. Въ 1188 г. когда княжилъ Володимеръ въ Галицкой Землѣ, и думы не любилъ съ мужами своими, то „увѣ-

давъ Романъ (Волынскій князь), ажъ мужи (бояре) Галичьки не добро живуть съ княземъ своимъ про его насилье.. „слашеть безъ опаса къ мужемъ Галичькимъ, подтыкая ихъ на князя своего. *Онъ быша его выгналъ изъ отчины своея,* а самаго (Романа) быша пріяли на княженіе. Мужи же Галичькыи, пришие съвѣтъ Романовъ, совокупившие полкы своя и утвердившеся крестомъ, и возсташа на князь свои. Онъ же убоявся, понмавъ злато и сребро много .. ѣха во Угры къ королеви. Галичане же послашася по Романа". Но на этотъ разъ Романъ не удержался и выгнанъ Венгерскимъ королемъ, который однако посадилъ здѣсь не прежняго князя, а сына своего Андрея. Недовольные этимъ „Галичькыи мужи послашася къ Ростиславу Берладничичю, зовуще его въ Галичь на княженіе" Но и этотъ князь не отолѣлъ силы мадьярской и погибъ. Между тѣмъ наслѣдственный князь Галицкій Владиміръ, сидѣвшій въ заточеніи въ Венгріи, успѣлъ уити и заинтересовать въ своей судьбѣ германскаго императора и польскаго короля. Тогда „Галичькыи мужи", раскаявшіеся въ томъ, что его прогнали „срѣтоша его съ радостью великою ... а королевича прогнаша изъ земли своея". По прекращеніи прежней династіи боярская власть особенно усиливается при Романѣ и его сынѣ Даніилѣ, не смотря на сильный характеръ и энергію этихъ князей „самодержцевъ всей Русской Замли". Хоти Романъ Великій убивалъ лучшихъ бояръ Галицкихъ, зарывалъ ихъ живыми въ землю, четвертовалъ и разстрѣливалъ, но по смерти его власть боярская обнаружилась съ новою силою дѣти Романа были изгнаны и приглашенъ одинъ изъ черниговско-сѣверскихъ князей (Владимиръ Игоревичъ съ братомъ Романомъ); „Галичькыи бояре послаша по нихъ и посадиша и. въ Галичъ Володимера, а Романа во Звенигородѣ" (1202 г.). Однако бояре не ужились и съ этими своими избранниками. въ 1208 г. „совѣтъ сотворили" (князья) Игоревичи на бояръ Галицкихъ, чтобы избить ихъ, и при случаѣ бояре были избиты убитъ былъ Юрій Витановичъ, Илія Щепановичъ. и иные великіе бояре: убито же ихъ было числомъ 500, а другіе разбѣжались: Владиславъ кормильчицъ бѣжалъ къ Венграмъ, а также Судиславъ и Филиппъ. Бѣглецы призвали на помощь Венгерскаго короля. Подступивъ къ Перемышлю, боярынь Володиславъ такъ говорилъ осажденнымъ Перемышльскимъ боярамъ „братья, чего смущаетеся (не хотите предать князей Игоревичей)? Не они ли избили отцевъ вашихъ и братью вашу? Имущество ваше они разграбили, дочерей вашихъ отдали за рабовъ вашихъ, а имѣньями вашими овладѣли другіе—пришельцы. За нихъ ли хочете душу свою положить?" Игоревичи были взяты въ плѣнъ. „Тогда же бояре Володимерстіи и Галичькыи, и воеводы Угорскыи посадиша князя Даніила на столѣ отца своего—великаго князя Романа во церкви св. Богородица Пресподѣвицѣ Марья". Плѣнныхъ князей Угры хотѣли отвезти къ своему королю: „Галичаномъ же молящимся имъ да быша и повѣсили, мьсти ради; убѣжени же бывше Угре

великими даръми, предани быша на повѣшеніе". Однако и фамилія Романа принуждена была опять бѣжать изъ Галича.

б) Тогда произошелъ здѣсь единственный случай во всей русской исторіи того времени *пріобрѣтенія княжеской власти бояриномъ* (не княжескаго происхожденія); въ 1210 г. „Володиславъ (бояринъ) воѣха въ Галичь, и вокняжися и сѣде на столѣ". Но такой случай остался исключительнымъ и ненормальнымъ въ глазахъ современниковъ: король польскій говорилъ: „не есть лѣпо боярину княжити въ Галичи"; Владиславъ былъ схваченъ и заточенъ, „и въ томъ заточеніи умре, нашелъ зло племени своему и дѣтемъ своимъ, княженія дѣля; вси бо князи не призряху дѣтій его того ради".

в) Подобно этому здѣсь же произошелъ единственный случай *корпоративнаго удаленія всѣхъ бояръ*. Когда правилъ Галичемъ кн. Мстиславъ въ 1226 г., то одинъ изъ бояръ—Жирославъ оклеветалъ князя предъ боярами, якобы онъ хочетъ предать всѣхъ бояръ на избіеніе половецкому хану. „Они же, емше вѣры, отъидоша въ землю Перемышлескую, въ горы Кавокасьскыя, рекше во Угорьскыя, на рѣку Днѣпръ" (?); оттуда начались сношенія чрезъ пословъ между княземъ и боярами; посолъ княжескій наконецъ „приведе бояре вси къ нему".

Однако и послѣ этого миръ между княземъ и боярами былъ лишь наружный; одинъ изъ бояръ говорилъ князю Мстиславу (совѣтуя ему отдать дочь за королевича и передать зятю галицкій столъ); „не можешь бо держати самъ, а бояре не хотятъ тебе". Князь ушелъ.

г) *Для борьбы съ боярскимъ элементомъ народное вѣче было призвано* (кн. Даніиломъ въ 1231 и 1235 г.); но вѣче не могло сломить окончательно власть бояръ: въ 1230 г. „была крамола безбожныхъ бояръ Галицкихъ, совѣтъ сотворили они на убіеніе и преданье землѣ Даніила"; при возникшей по этому поводу открытой войнѣ съ боярами, Даніилъ остался лишь съ 18 вѣрными отроками; тогда, „созвавшу (ему) вѣче и рече имъ: хочете ли быти вѣрни мнѣ, да изыду на враги моѣ? Онѣмъ же кликнувшимъ: вѣрни есмы Богу и тебѣ господину нашему, изыди съ Божьею помощью. Соцкый же Микула рече: господине, не погнѣтши пчелъ, меду не ѣдятъ". Въ 1235 г. Даніилъ воспользовался отсутствіемъ своего соперника князя изъ Галича со всѣми боярыи и подошедъ къ Галичу, послалъ сказать гражданамъ („любяхуть же и гражане"): „о мужи градьстіи, доколѣ хочетѣ терпѣти иноплеменьныхъ князей державу? Ониже воскликнувше рѣша: яко се есть держатель нашъ, Богомъ данный; и пустишася яко дѣти ко отчю, яко пчелы къ матцѣ... Бояре же пришедше падше на ногу его, просяще милости: яко согрѣшихомъ ти, иного князя держахомъ: Онъ же отвѣщавъ рече имъ: милость получисте, паки же сего не створите, да не во горшая впадете".

д) *Бояре въ Галицкой Землѣ владѣютъ пригородами на правахъ княжескихъ*: въ 1219 г. данъ „Звенигородъ" боярину Судиславу. „Бояре Га-

лицкіе Данила княземъ себѣ называли, а сами всю Землю держали: Доброславъ вокняжился (въ 1240 г.) и Судьичъ—поповъ внукъ....: онъ вшедши въ Бакоту все Понизье захватилъ безъ княжаго повелѣнія, а Григорій Васильевичъ Горную страну Перемышльскую. Данилъ же, увѣдавъ о томъ, послалъ Якова стольника своего съ великою жалостью къ Доброславу, говоря къ нимъ, я—князь вашъ, но вы повелѣнія моего не творите, землю грабите; черниговскихъ бояръ я не велѣхъ тебѣ, Доброславъ, приимать, а давать волости галицкимъ" (так. обр. князь самъ признаетъ исключительное право мѣстныхъ бояръ на волости). Князь особенно приказалъ не отдавать никому Коломыи (соляныхъ копей), какъ княжеской регаліи: но оказалось, что Доброславъ уже отдалъ ее боярамъ Лазарю Домажиричу и Ивору Молибожичу „двумъ беззаконникамъ отъ племени смердья". Посолъ князя такъ упрекалъ за это Доброслава: „како можеши безъ повелѣнія княжа отдати ю сима? Яко великіи князи держать сію Коломыю на роздаваніе (содержаніе) оружьникомъ. Онъ же усмѣявся рече: то что могу же глаголати?... Данилъ же скорбяше и моляшеся Богу о отчинѣ своей, яко нечестивымъ симъ держати ю и обладати ею".

Подобное же преобладаніе боярскаго элемента въ Волынской (и отчасти Кіевской) Землѣ можно видѣть изъ нѣкоторыхъ вышеприведенныхъ фактовъ, а также изъ слѣд.: въ 1204 г. Инчварь долженъ былъ уступить гор. Владимиръ Александру только потому, что бояре не любили его: „боаромъ же не любящымъ Инъгваря,... Олександръ прія Володимеръ".

Особенности Галицко-Волынскаго государственнаго устройства отразились на судьбѣ юго-западной Руси въ слѣдующемъ періодѣ (польско-литовскомъ).

Новгородско-Псковское государственное устройство. Въ Сѣверо-Западной Руси беретъ перевѣсъ *вѣчевая форма* власти. Такое государственное устройство утвердилось: въ Новгородѣ, Псковѣ, восточныхъ колоніяхъ Новгородскихъ (Вяткѣ) и въ Полоцкѣ. Сюда же отчасти примыкаетъ и Земля Смоленская.

Существуетъ мнѣніе, что *Новгородское устройство составляетъ исконное исключеніе* изъ общаго строя древне-русскихъ государствъ, и что Новгородскія особенности могутъ быть изъяснены только *заимствованіемъ учрежденій отъ западно-европейскихъ свободныхъ городскихъ общинъ* (особенно ганзейскихъ). Мнѣніе объ исконномъ отличіи Новгородскаго устройства очень древне: еще въ пол. XII в. думали, что Новгородъ получилъ отъ первыхъ князей особыя привилегіи на самоуправленіе; но и тогда уже книжные люди сомнѣвались въ существованіи такихъ привилегій. Лѣтописецъ, разсказавъ, что въ 1169 г. Андрей Боголюбскій посылалъ воевать Новгородскую Землю, но что самъ Новгородъ не былъ взятъ, а на возвратномъ пути досталось много бѣдъ отъ голода суздальцамъ, заключаетъ: „Не

глаголемъ же. прави суть Новгородци. яко изстарва суть свобожени Новгородци прадѣды князь нашихъ; *но аще бы тако было*, велѣли ш имъ предни князи крестъ приступати.... а крестъ честный цѣловавше ко внукомъ ихъ (князей) и къ правнукомъ, то преступати“ (Лавр. лѣт.). Еще въ 1211 г. Всеволодъ III „вда имъ (новгородцамъ) волю всю и *уставы старыхъ князь* его же хотяху новгородци, и рече имъ: кто вы добръ, того любите. а злыхъ казните“. Сами новгородцы постоянно ссылались на грамоты (привилегіи) Ярослава. Но такія привилегіи *не существуютъ* и вѣроятно не существовали вовсе. Псковъ не претендовалъ на исконныя привилегіи, однако имѣлъ одинаковое устройство съ Новгородомъ, а Вятка имѣла еще болѣе свободныя формы устройства, чѣмъ самъ В. Новгородъ. Подобныя же преданія о привилегіяхъ существовали и относительно Полоцка: Нарбутъ (не указывая источника) говоритъ. что князья Полоцкіе Вячеславъ и Давидъ (сыновья Всеслава) дали городу Полоцку вольность, которою этотъ городъ долженъ былъ воспользоваться по смерти ихъ; поэтому Полоцкъ сдѣлался вольнымъ городомъ. а княжество Полоцкое республикою, которая управлялась вѣчемъ и 30-ю старѣйшинами или боярами (Narbutt, III, 1, 266). Такимъ образомъ мнѣніе объ исконности Новгородскихъ порядковъ не можетъ быть принято. Особенности Новгородскаго устройства быть можетъ коренились въ первоначальныхъ мѣстныхъ причинахъ, но проявились *не ранѣе половины XII в.* и не заключаютъ въ себѣ чего-либо чуждаго прочимъ русскимъ Землямъ, онѣ состоятъ въ преобладаніи вѣчевой формы. узаконенномъ и признанномъ всѣми князьями.—Мѣстныя причины, направившія здѣсь обще-русское государственное устройство въ сторону преобладанія вѣча, заключались въ географическомъ положеніи страны и въ сношеніяхъ съ сѣверо-германскими городскими общинами. Страна, занятая Новгородцами и Кривичами, неблагопріятная по скудости почвы для земледѣлія, весьма благопріятна (по богатству торговыхъ путей) для *торговли*. Торговля вызываетъ сосредоточенность населенія въ большихъ городскихъ общинахъ, что и содѣйствуетъ преимущественному развитію вѣчеваго начала (т. е. преобладанію средняго городскаго класса.) Торговля-же приводила новгородцевъ, псковичей и полочанъ въ столкновеніе съ свободными ганзейскими общинами. Не заимствуя отъ нихъ ничего прямо и непосредственно, граждане упомянутыхъ земель не могли не испытывать *косвеннаго вліянія* отъ этихъ послѣднихъ.

Городъ Новгородъ раздѣлялся на двѣ *стороны: Софійскую* на лѣвомъ берегу Волхова и *торговую* на правомъ; въ первой былъ „дѣтинецъ“ (кремль), а въ немъ св. Софія и дворъ архіепископа —хранилище новгородской казны и законовъ. На торговой сторонѣ былъ дворъ Ярославль, торговище съ патрональною церковію св. Іоанна и иноземные дворы. варяжскій, нѣмецкій и готскій. Двѣ стороны, имѣя каждая отдѣльные интересы, нерѣдко враж-

довали между собою и созывали два одновременныхъ вѣча. Весь городъ подраздѣлялся на *5 концовъ*: три на софійской сторонѣ: Неревскій, Людинъ (Гончарскій) и Загородскій, — и два на торговой. Словенскій и Плотницкій: но ни дѣтинецъ, ни Ярославль дворъ не включались въ концы. Самоуправленіе города, а именно управленіе, судъ и укрѣпленіе сдѣлокъ сосредоточивалось въ концахъ, кончанскіе старосты (выборные правители концовъ) были представителями концовъ въ общегосударственномъ управленіи: ихъ печатями скрѣплялись грамоты В. Новгорода: въ переговорахъ съ иноземцами участвовали выборные отъ концовъ. Главное судилище Новгорода состояло изъ выборныхъ отъ концовъ (по 2 боярина и по 2 изъ житыхъ людей). Въ военныхъ походахъ концы выступали отдѣльными полками, каждый подъ своимъ знаменемъ. Подраздѣленія концовъ *-улицы* составляли также самоуправляющіяся общины, имѣя уличанскихъ старость во главѣ. Какъ концы, такъ и улицы обнимали всѣ классы общества, при чемъ сословное устройство вполнѣ поглощалось территоріальнымъ. *Земля* новгородская состояла изъ пригородовъ и волостей; первые пользовались значительною долею самоуправленія, принимали угодныхъ и изгоняли неугодныхъ посадниковъ, присылаемыхъ имъ изъ В. Новгорода. Хотя раздѣленіе Новгородской Земли на пятины есть явленіе позднее, но несомнѣнно, что съ древнѣйшихъ временъ части земли были подѣлены между концами В. Новгорода для ближайшаго управленія ими, во всякомъ случаѣ позднѣйшіе пятины соотвѣтствуютъ древнѣйшимъ „землямъ“ В. Новгорода (Бѣжецкой, Водской, Шелонской, въ древности Ржевской, Деревской, въ древности Яжелбицкой и Обонежской); догадываются (на основаніи устава о мостовыхъ, приписаннаго къ Рус. Пр.), что 1-я зависѣла отъ Славенскаго конца, 2-я отъ Неревскаго, 3-я отъ Загородскаго, 4-я отъ Людина, 5-я отъ Плотницкаго (см. Рус. Достоп. II, стр. 305—306).

Городъ Псковъ имѣлъ *подобное же устройство*: тамъ также былъ дѣтинецъ и торговище; городъ также дѣлился на концы (вѣроятно 6 концовъ), между которыми были подѣлены для управленія части территоріи (по два пригорода на конецъ).

Существенные особенности Новгородскаго устройства слѣд.:

а) Право вѣчеваго самоуправленія (и соотвѣтственное ограниченіе княжеской власти) укрѣпляется формальными письменными договорами (дошедшіе до насъ начинаются съ 1260 г.); такъ какъ ихъ содержаніе весьма сходно, то всѣ они вмѣстѣ составляютъ какъ бы хартію, обезпечивающую самоуправленіе.

б) *Право избранія* князя вѣчемъ *признано всѣми князьями* на съѣздѣ 1196 г.: „вси князи выложиша Новгородъ въ свободу, гдѣ имъ любо, туже собѣ князя поимаютъ“.

в) Въ договорахъ князья обязываются „не замышлять войны безъ Новгородскаго слова“. Участіе народа въ *правѣ объявлять войну и заключать миръ* прак тиковалось и въ прочихъ русскихъ земляхъ, но нигдѣ не обезпечивалось формальнымъ договоромъ. Тоже замѣчаніе относится и ко всѣмъ послѣдующимъ особенностямъ Новгородскаго устройства.

г) *Ограничивается административная власть* князя; *князь не можетъ назначить правителями волостей не-гражданъ* новгородскихъ: „Что волостей всѣхъ новгородскихъ, тогоже, княже, не держати своими (княжими) мужи, но держати мужи новгородскими“. И въ Суздальской Землѣ народъ возмутился, когда князья, пришедшіе съ юга, привели съ собою „русскихъ“ (южно-русскихъ) дѣтскихъ и раздали имъ посадничества. Но нигдѣ это право не было оформлено, кромѣ Новгорода.

Князь не имѣетъ права назначить правителей волостей одною собственною властію, безъ согласія съ посадникомъ новгородскимъ: „А безъ посадника ти, княже, ни волостей роздавати“. И въ другихъ русскихъ земляхъ князья обыкновенно при этомъ сообразовались съ волею народа (см. вышеприведенный фактъ о Кіев. вѣчѣ 1146 г.); но здѣсь князь обязывается къ этому.

Князь не имѣетъ права смѣщать должностныхъ лицъ безъ суда „А безъ вины ти, княже, мужа волости не лишити“. Въ 1218 г. князь Святославъ сказалъ на вѣчѣ: не могу быть съ Твердиславомъ и отнимаю у него посадничество. Новгородцы спросили: „а какая вина его“? „Безъ вины“, отвѣчалъ князь. Тогда Твердиславъ сказалъ: „Я радъ, что на мнѣ нѣтъ никакой вины. А вы, братья, вольны и въ посадничествѣ и въ князьяхъ“. Новгородцы отвѣчали князю: „князь! если Твердиславъ ни въ чемъ не виноватъ, то ты намъ клялся безъ вины не отнимать ни у кого должности...; мы того не допустимъ, чтобы отнято было у него посадничество безъ вины“. Князь уступилъ.

д) Ограничивается *судебная власть* князя: князь не имѣетъ права судить безъ посадника: „А безъ посадника ти, княже, не судити“. Новый князь не можетъ перерѣшить дѣла, уже прежде рѣшенныя: „ни грамотъ не посужати“.

е) Полную особенность Новгородскаго устройства представляетъ *существованіе выборнаго посадника при князѣ*. Прежде посадникъ назначался княземъ, какъ его помощникъ и замѣститель; но съ XII в. онъ становится выборнымъ; думаютъ, что первымъ выборнымъ посадникомъ былъ Мирославъ Гюрятиничъ, избранный вѣчемъ въ 1126 г. Но вѣче овладѣвало правомъ избирать посадника постепенно, не устраняя и потомъ участія въ этомъ дѣлѣ князя. Въ Новгородѣ посадникъ былъ всегда *одинъ* (такъ какъ онъ, замѣняя лицо князя, представляетъ монархическій элементъ власти). Онъ избираемъ былъ сначала пожизненно; но затѣмъ управленіе его сдѣ-

лалось весьма *краткосрочнымъ* (безъ опредѣленія срока). Выборъ посадника, не смотря на демократическую краткосрочность, падалъ обыкновенно на членовъ немногихъ однихъ и тѣхъ же фамилій и иногда переходилъ преемственно отъ отца къ сыну въ нач. XII в. посадничалъ въ Новгородѣ Гюрята Роговичъ; въ 1126—1134 (съ промежутками) его сынъ Мирославъ Гюрятичъ; съ 1137 до 70-хъ годовъ XII вѣка (съ промежутками) Якубъ Мирославичъ; съ 1211 г.—Дмитръ Якуновичъ; съ 1220 г.—Иванко Дмитровичъ. Такимъ образомъ цѣлый вѣкъ одна фамилія стоитъ во главѣ управленія. Кругъ власти посадника почти равняется княжеской власти; ему принадлежитъ инициатива установленія и отмѣны законовъ, судебная власть наравнѣ съ княземъ и преимущественно власть правительственная.—Подобно посаднику и *тысяцкій* сдѣлался выборнымъ правителемъ (въ другихъ русскихъ земляхъ его назначаетъ князь).

ж) Формальному опредѣленію подверглось не только отношеніе князя къ вѣчу, но и самая *внѣшняя сторона вѣчевыхъ собраній*: въ Новгородѣ была вѣчевая „изба“, т. е. канцелярія вѣча, вѣчевые дьяки (секретари), особая печать В. Новгорода.

з) Точно также въ Новгородѣ болѣе опредѣленно сформированъ *составъ боярской думы*. Правительственный совѣтъ (Herren—Rath) весьма обширенъ: по нѣмецкимъ источникамъ въ немъ 300 господъ, а именно: новгородскій владыка, княжескій намѣстникъ, посадникъ, тысяцкій, „старые“ (смѣненные) посадники и тысяцкіе и просто бояре. Члены имѣли отличительные знаки. Совѣтъ засѣдалъ во дворцѣ архіепископа.

Тѣже черты повторяются и въ *Псковскомъ государственномъ устройствѣ* съ нѣкоторыми отмѣнами, а именно здѣсь было два посадника, а не одинъ, что означаетъ большее развитіе демократическихъ началъ: не было тысяцкаго. Князь и вѣче назначали правителей въ провинціи въ двойномъ числѣ (одинъ отъ князя, другой отъ вѣча).

Вятка (древній *Хлыновъ*) есть Новгородская колонія, основанная во 2-й полов. XII в. въ бассейнѣ р. Вятки; здѣсь повторено внутреннее устройство метрополіи: „обычаи Новгородскіе имѣяху“; впрочемъ подробности устройства Вятки мало извѣстны; здѣсь не существовало совсѣмъ княжеской власти.

3. **Особенности государственнаго устройства сѣверо-восточныхъ Земель.** Въ Землѣ Суздальской (и отчасти въ Рязанской и Черниговской, которыя подпали вліянію Суздальской) беретъ перевѣсъ *княжеская власть* съ конца XII в., именно въ эпоху Всеволода III, который въ лѣтописяхъ начинаетъ именоваться великимъ княземъ. Право наслѣдованія становится здѣсь исключительнымъ способомъ преемства княжеской власти: Всеволодъ еще при жизни такъ пріобщилъ своего старшаго сына къ участію во власти: „не токмо Богъ положилъ на тебя старѣйшинъство въ братьѣ твоей, но и въ всей Русской земли: и азъ ти даю старѣйшинъство“. Власть княжеская усили-

вается во внутреннемъ управленіи, лѣтописецъ говоритъ о Всеволодѣ Суздальскомъ, что онъ „украшенъ всѣми добрыми нравы, злыя казня, а добромысленныя милуя, князь бо не туне мечь носитъ, въ месть злодѣемъ, а въ похвалу добро творящимъ“.—Значеніе боярской думы понижается тотъ же Всеволодъ „судилъ судъ истинень и не пищемѣренъ, не обинуяся лица сильныхъ своихъ бояръ, обидящихъ меншихъ и работящихъ сироты и насильe творящихъ“.—Вѣче въ Суздальской Землѣ исчезаетъ во 2-й четверти XIII в. и въ послѣдствіи именемъ вѣча называются здѣсь возстанія и заговоры.—Обстоятельства, вызвавшія на сѣверо-востокѣ усиленіе княжеской власти, заключались въ мѣстныхъ особенностяхъ этой страны, именно уединенности ея отъ центра междукняжескихъ усобицъ, и въ такихъ экономическихъ условіяхъ, которыя препятствовали образованію здѣсь сильнаго боярства и большихъ городскихъ общинъ.

Начала государственнаго объединенія всѣхъ Русскихъ Земель.

Земли перваго періода не были объединены въ одно цѣльное государство, но существовали уже на лицо нѣкоторыя *начала будущаго государственнаго единства*. Противорѣчіе между дѣйствительнымъ раздѣленіемъ Руси и идеальнымъ сознаніемъ ея единства изъясняется тѣмъ, что три элемента государства (территорія, населеніе и власть) развивались не съ одинаковою быстротою и не одновременно.

1. **Національное единство** населенія и сознаніе о немъ (хотя и не совсѣмъ полное) достигло гораздо раньше большей ясности и твердости, чѣмъ единство власти.

Съ точки зрѣнія національной вся Русская земля представлялась уже единымъ цѣлымъ, даже въ глазахъ враждующихъ князей. Ихъ общія предпріятія совершаются во имя этого сознанія: въ 1095 г. князья Святополкъ и Владиміръ Мономахъ звали Черниговскаго кн. Олега въ общій походъ на Половцевъ; когда онъ отказался, то его поступокъ осуждается прочими князьями такъ: „вотъ ты не шелъ съ нами на поганыхъ, которые разорили *землю Русскую*“... На Любечскомъ съѣздѣ 1097 г. побужденіемъ къ соглашенію было слѣд.: „почто губимъ *Русьскую землю*, сами на ся котору дѣюще? А Половцы землю нашу несуть розно и ради суть, оже межю нами рати: да нонѣ отселѣ имемся въ едино сердце и блюдемъ *Русьскыя земли*... Да аще кто отселѣ на кого будетъ..., да будетъ нань крестъ честный и *вся земля Русьская*“. Так. обр. съ національной точки зрѣнія князья называютъ взаимныя войны *междоусобіями* („сами на ся“). Планы Галицкаго кн. Василька (ослѣпленнаго въ Кіевскомъ княжествѣ) были таковы: „на землю Лядскую наступило... и мыщу (за) *Русьскую землю*... Посемъ хо-

тихъ просится у Святополка и у Володимера идти на Половци, да любо налѣзу собѣ славу а любо голову свою сложу *за Русскую землю*". На Уветическомъ съѣздѣ 1100 г. всѣ прочіе князья упрекали Давида Волынскаго такъ „се ти молвять братья, не хочемъ ти дати стола Володимерьского, зане вверглъ еси ножь въ ны, его же се не было въ Русьскѣй земли". Соглашеніе князей на Долобскомъ съѣздѣ 1103 г идти на Половцевъ закончено слѣд. рѣчью Мономаха къ Святополку: „то ты, брате, велико добро створивши *земль Русскый*". Вообще Владиміръ Мономахъ, приводившій князей къ соглашенію во имя національнаго единства Русской земли, славенъ былъ, какъ „добрый страдалецъ *за Русскую землю*". Само населеніе старается прекратить междоусобіе князей во имя общихъ интересовъ Русской земли въ 1097 г., когда наступали на Кіевскаго кн Святополка прочіе князья. Кіевляне умирили князей, пославъ сказать имъ, „молимъ васъ не погубите Русской земли ..., которую стяжали отцы и дѣды ваши, поборая по Русской землѣ". Въ 1130 г. Черниговцы во время нашествія Кіевскаго князя на ихъ кн. Всеволода, говорятъ ему: „ты надѣешься бѣжать къ Половцамъ, а волость свою погубишь; проси мира; мы знаемъ милосердіе Ярополка, ибо онъ бережетъ землю Русскую". Изъ представленныхъ примѣровъ видно, что въ отношеніи къ иноплеменникамъ вся Русская земля является, какъ одно цѣлое, именно благодаря національному единству населенія. А такъ какъ населеніе есть одинъ изъ трехъ элементовъ государства, равный по важности двумъ остальнымъ, то мы должны признать за національнымъ единствомъ значеніе государственное.

2. **И территорія** государства въ свою очередь достигла значительнаго объединенія, нашедши центръ себѣ въ Кіевѣ—„матери градовъ русскихъ". Нѣсколько разъ рѣшеніе общерусскихъ дѣлъ было передаваемо на разсмотрѣніе Кіевскаго вѣча и Кіевской боярской думы, напр. судъ надъ Галицкимъ княземъ Васильковъ, разсмотрѣніе притязаній Черниговскаго кн. Олега. Территоріальное значеніе города Кіева такъ выразилось въ 1095 г.: когда Олегъ послѣ войны принужденъ былъ просить мира, то Святополкъ и Владиміръ дали ему миръ въ такихъ словахъ: „иди къ брату твоему Давиду и приходите въ Кіевъ на столъ отцовъ и дѣдовъ нашихъ, потому что это есть старѣйшій городъ въ Землѣ всей—Кіевъ; тутъ слѣдуетъ съѣзжаться и положить порядъ" (Лавр. лѣт.). Впрочемъ изъ старѣйшинства Кіева не образовалось общеземской власти.

3. **Что касается до государственной власти,** то она заключала въ себѣ менѣе началъ единства, чѣмъ прочіе два элемента.

Каждая изъ указанныхъ формъ власти (князь, дума и вѣче) простирается на каждую землю въ отдѣльности, а не на цѣлую совокупность русскихъ земель. Такой государственной власти, которая бы простиралась на всю Русскую землю, не было. Тѣмъ не менѣе между князьями всѣхъ рус-

ескихъ земель была нѣкоторая постоянная и живая связь. Проявлялась ли она въ какихъ-либо государственныхъ учрежденіяхъ?

а) По теоріи Карамзина и его предшественниковъ общерусскою властію былъ *великій князь* Кіевскій, а потомъ (съ пол. XII в.)—Владимирскій; власть его, вполнѣ единодержавная при Олегѣ и Владимирѣ, хотя и ослабѣла въ періодъ удѣловъ, но въ идеѣ сохранялась. „Ярославъ, говоритъ Карамзинъ, раздѣливъ Россію на княженія, хотѣлъ, чтобы старшій сынъ его, называясь великимъ княземъ, былъ главою отечества и меньшихъ братьевъ, и чтобы удѣльные князья, оставляя право наслѣдства дѣтямъ, всегда зависѣли отъ Кіевскаго, какъ *приспжники* и знаменитые *слуги* его... Одаренные мужествомъ и благоразуміемъ, Мономахъ и Мстиславъ I еще умѣли повелѣвать Россіею, но преемники ихъ лишились сей власти“ (И. Г. Р. т. III, гл. VII). Словомъ, въ идеѣ государство оставалось единодержавнымъ и лишь фактически единодержавіе нарушалось неповиновеніемъ великому князю нѣкоторыхъ слугъ его. Но во-первыхъ, титулъ „великаго князя“ въ описываемую эпоху вовсе не существовалъ; онъ приписывался нѣкоторымъ изъ сильнѣйшихъ князей какъ Кіевскихъ, такъ и другихъ въ литературныхъ памятникахъ (надгробныхъ похвалахъ) подобно тому, какъ уже тогда такихъ князей именовали „царями“ и „самодержцами“. Въ лѣтописяхъ постоянно усвояется титулъ великаго князя однимъ Суздальскимъ князьямъ лишь со времени Всеволода III. Во вторыхъ, Ярославъ отдалъ своимъ дѣтямъ не всю Россію, а Кіевскую и Черниговскую землю съ Переяславскою, въ его распоряженіе не входила земля Полоцкая, имѣвшая отдѣльный родъ княжескій. Въ третьихъ, власть, врученная Ярославомъ старшему сыну, не есть власть государственная, а отеческая; братья не сдѣлались его подданными, или слугами. И впослѣдствіи ни Владиміръ Мономахъ, ни Мстиславъ В., ни Андрей Боголюбскій ничѣмъ не управляли въ другихъ Земляхъ за предѣлами своей—Кіевской, или Суздальской. Если одинъ изъ нихъ желалъ пріобрѣсти что либо въ чужой Землѣ, то дѣлалъ это не иначе, какъ силою (войною), или съ согласія мѣстнаго князя. Далѣе князь Кіевскій (якобы великій) не управляетъ и внѣшними дѣлами цѣлой Россіи, такъ чтобы князья другихъ земель воевали и мирились съ иноземцами лишь по его приказанію и являлись въ общій походъ по призыву вел. князя. Напротивъ, князь каждой земли имѣетъ свои суверенныя права. Итакъ, мысль о великокняжескомъ достоинствѣ, какъ единой государственной власти для цѣлой Россіи, должна быть отвергнута не только de facto, но и въ принципѣ.

б) По теоріи С. М. Соловьева, единою государственною властію для цѣлой Русской земли была *коллективная власть всего княжескаго рода*. владѣлъ частію Русской земли тотъ, или другой князь въ отдѣльности, но не на правахъ личныхъ, а на правахъ члена рода; части Земли (удѣлы)

распредѣлялись между членами рода, по степени близости этихъ послѣднихъ къ старшинству, почему князья, приближаясь къ старшинству, передвигались отъ одного удѣла на другой лучшій. Старѣйшій князь родоначальникъ занималъ старѣйшій столъ Кіевъ. Онъ имѣлъ власть надъ младшими князьями но не государственную, а родовую („въ отца мѣсто"); тѣмъ не менѣе „старшій князь, какъ отецъ имѣлъ обязанность блюсти выгоды цѣлаго рода, думать и гадать о Русской землѣ.... имѣлъ право судить и наказывать младшихъ, раздавать волости... Младшіе князья обязаны были... ходить въ его послушаніи, являться къ нему по первому зову, выступать въ походъ, когда велитъ".

Въ этой теоріи нужно отличать мысль *о единствѣ княжескаго рода*, отъ идеи власти старшаго князя надъ всѣми князьями сородичами. Эта послѣдняя идея столь же мало подтверждается фактами, какъ и мысль о великокняжеской власти.

в) *Единство княжескаго рода и союзъ князей.* Но мысль о единствѣ княжескаго рода имѣетъ дѣйствительное значеніе во времена, ближайшія къ Владиміру и Ярославу мысль о совокупномъ владѣніи цѣлаго рода всею Русскою землею была близка къ осуществленію. Хотя потомъ, благодаря политической раздѣльности русскихъ Земель, княжескій родъ разложился на нѣсколько самостоятельныхъ линій (изъ которыхъ каждая разсматривалась уже какъ самостоятельный родъ: Мономаховичей—Кіевскихъ, Юрьевичей—Суздальскихъ, Ольговичей—Черниговскихъ, Изяславичей—Полоцкихъ, Ростиславичей—Галицкихъ), но для *князей* мысль о единствѣ правъ всего рода на цѣлую Русскую землю осталась руководящею идеею во все теченіе періода удѣловъ. Въ 1195 г. кн. Кіевскій Рюрикъ и его союзники послали мужей своихъ къ Ольговичамъ Черниговскимъ съ такимъ предложеніемъ: цѣлуйте къ намъ крестъ, что вы не будете искать отчины нашей Кіева и Смоленска ни подъ нами, ни подъ нашими дѣтьми, ни подъ всѣмъ нашимъ Владиміровымъ племенемъ; какъ насъ раздѣлилъ дѣдъ нашъ Ярославъ по Днѣпръ, то вамъ нѣтъ дѣла до Кіева". Такое предложеніе клонилось къ полному и окончательному раздѣленію Русской земли на самостоятельныя государства. Ольговичи, посовѣтовавшись, отвѣчали: „какъ мы обѣщались блюсти Кіевъ подъ тобою, такъ въ томъ и стоимъ; но если ты приказываешь намъ отказаться отъ Кіева навсегда, то мы не Угры, не Ляхи, но единаго дѣда внуки: при вашей жизни мы не ищемъ Кіева, послѣ васъ, кому Богъ дастъ" (Ипат. лѣт.).

Единство княжескаго рода и его исключительное право на Русскую землю есть одно изъ самыхъ сильныхъ объединительныхъ началъ того времени. Изъ него произошли слѣд. частныя послѣдствія.

Народъ во всѣхъ земляхъ русскихъ избираетъ князей *только изъ рода Рюриковичей* (избраніе Литовскихъ князей относится къ слѣдующему пе-

ріоду). Если какою-либо Землею овладѣвалъ иноземецъ, то князья стремились со всѣхъ сторонъ для изгнанія его: когда въ 1189 г. Галицкимъ столомъ завладѣли Венгерцы, то Кіевскій кн. Рюрикъ говорилъ князю Святославу: „аже хочешь ити на Галичь, да се азъ съ тобою готовъ: молвяшеть бо и митрополитъ Святославу и Рюрикови: *се иноплеменьницы отъяли отчину вашю;* а лѣпо вы бы потрудитися“ (Ипат. лѣт.).

Князья ищутъ владѣній *только въ Русской землѣ:* кромѣ попытки Святослава Игоревича основаться въ Дунайской Болгаріи, былъ одинъ только случай княженія малоизвѣстнаго Русскаго князя въ чужихъ за-Карпатскихъ странахъ. Родовыя традиціи княжескія сохранили память о единствѣ Русской земли даже послѣ раздѣленія ея на два совершенно независимыхъ государства—Литовское и Московское и внушили Московскимъ великимъ князьямъ раннюю мысль о правахъ ихъ на Полоцкъ, Кіевъ и Волынь (такія широкія притязанія вовсе не соотвѣтствовали средствамъ ихъ первоначальнаго маленькаго княженія).

На единствѣ княжескаго рода и національномъ единствѣ Русской земли основывается *союзъ князей,* постоянно признаваемый въ принципѣ, хотя весьма часто нарушаемый въ дѣйствительности. Союзъ состоитъ изъ *равныхъ другъ другу* членовъ; нарушеніе равенства служитъ нарушеніемъ союза: когда въ 1174 г. Андрей Боголюб. началъ самовластно распредѣлять столы между князьями, то князья признали это нарушеніемъ братскаго союза. Члены союза именуются *братьями.* Союзъ основывается не на договорномъ началѣ; напротивъ, иногда частные договоры двухъ или нѣсколькихъ князей клонятся къ его нарушенію и потому признаются незаконными. Между братьями Ярославичами не было никакого договора объ общемъ союзѣ и неподыскиваніи другъ подъ другомъ столовъ; но когда двое изъ нихъ заключили въ 1073 г. договоръ противъ третьяго (Изяслава Кіевскаго) и выгнали его изъ Кіева, то такой договоръ былъ признанъ современниками за нарушеніе общаго братскаго союза, стоящаго выше частныхъ договоровъ; „въздвиже дьяволъ котору въ братьи сей Ярославичѣхъ“, говоритъ лѣтопись; поступокъ двухъ братьевъ приравненъ лѣтописцемъ къ преступленію Исава (Лавр. лѣт.).

Дѣйствіе союза простирается какъ на *внѣшнія,* такъ и на внутреннія (междукняжескія) отношенія. По отношенію къ иноземнымъ народамъ (въ особенности восточнымъ варварамъ) всѣ русскіе князья составляютъ одно цѣлое (союзъ оборонительный и наступательный; основанный также не на частномъ договорѣ). Въ 1096 г. князья зовутъ Черниговскаго князя Олега въ Кіевъ договориться объ оборонѣ Русской земли „отъ поганыхъ“; Олегъ не пошелъ ни на совѣщаніе, ни на Половцевъ. Тогда прочіе князья послали сказать ему: „если ты ни на поганыхъ не идешь, ни на совѣтъ къ намъ, то значитъ ты мыслишь противъ насъ и хочешь помогать поганымъ“, и

объявили ему войну. Договоры объ общихъ дѣйствіяхъ противъ Половцевъ касаются не установленія союза, а лишь удобствъ времени и мѣста совершенія похода: въ 1170 г. „вложи Богъ въ сердце Мстиславу Изяславичу мысль благу о Русской землѣ (о походѣ на Половцевъ) и созва братью свою и нача думати съ ними и рекъ тако: братья, пожалѣемся о Русской землѣ... И рекоша ему братья вся: Богъ ти, брате, помози въ томъ, оже ти Богъ вложилъ таку мысль въ сердце; а намъ дай Богъ за крестьяне и за Русскую землю головы свои сложити" (Ипат. лѣт.). На Долобскомъ съѣздѣ дружина Кіевскаго князя возражала Владиміру Мономаху на его предложеніе общаго похода на Половцевъ: „не годится весною идти и отрывать крестьянъ отъ работы". Въ 1183 г. князья уже двинулись на Половцевъ, но на дорогѣ встрѣтилъ ихъ Черниговскій князь и сказалъ: „нынѣ, братья, не ходите, но срѣтше время оже дастъ Богъ на лѣто поидемъ; Святославъ же и Рюрикъ (старшіе князья), послушавше его, возвратишася". Въ томъ-же году, при вторичномъ общемъ походѣ, въ которомъ участвовало 13 князей, Черниговскіе князья не участвовали по такой причинѣ: „далече ны есть ити внизъ Дѣпра, не можемъ своеѣ землѣ пусты оставити: но же поидеши на Переяславль, то скупимся съ тобою на Сулѣ" (Ипат. лѣт.). Такіе примѣры не доказываютъ права отдѣльныхъ членовъ союза вступать въ соглашеніе съ варварами противъ русскихъ Земель.

Во *внутреннихъ отношеніяхъ* союзъ князей распредѣляетъ столы между своими членами. На Любечскомъ съѣздѣ постановлено. „Почто губимъ Русьскую Землю, сами на ся котору дѣюще?... кождо да держитъ отчину свою: Святополкъ—Кыевъ Изяславлю, Володимеръ—Всеволожю. Давыдъ и Олегъ и Ярославль—Святославлю; а имъ-же роздалъ Всеволодъ городы Давыду—Володимеръ, Ростиславичема, Перемышль—Володареви, Теребовль—Василькови". Союзъ князей устанавливаетъ отношенія князей и къ такимъ землямъ, которыя не были отчиною какой-либо линіи княж. рода: въ 1196 г. всѣ князья предоставили Новгородцамъ право выбирать себѣ князя гдѣ хотятъ.

Союзъ князей судитъ и наказываетъ своихъ членовъ за преступленія, совершонныя однимъ княземъ надъ другимъ, и за нарушеніе общесоюзнаго мира. Когда Святополкъ Кіевскій схватилъ и выдалъ Давиду Игоревичу кн. Василька, а Давидъ ослѣпилъ его, то Владиміръ Мономахъ, услышавъ о томъ, „ужасеся и всплакавъ, рече: сего не бывало есть въ Русьскѣй земьли, ни при дѣдѣхъ нашихъ, ни при отцихъ нашихъ сякого зла". Затѣмъ онъ послалъ къ Давиду и Олегу Святославичамъ, говоря. „приходите въ Городецъ, чтобы исправить это зло, которое содѣялось въ Русской землѣ и среди насъ—братьевъ; если мы этого не поправимъ, то еще бо́льшее зло встанетъ въ насъ и начнетъ братъ брата закалать и погибнетъ земля Русская, а враги наши Половцы, пришедше, возьмутъ землю

Русскую". Союзъ князей послалъ такой запросъ Святополку: „Зачѣмъ ты сотворилъ такое зло въ Русской землѣ? Зачѣмъ ослѣпилъ брата своего? Если ты узналъ за нимъ какую вину противъ тебя, то *обличилъ бы его предъ нами* и доказавъ обвиненіе („упрѣвъ бы й"), наказалъ бы его. Теперь объяви вину его" Извиненіе Святополка не было признано уважительнымъ, и князья готовились наказать его войною. Но Кіевляне успѣли примирить своего князя съ наступавшими, напомнивъ Владимиру Мономаху, что борьбѣ князей будутъ радоваться поганые, которые возьмутъ землю Русскую, „которую стяжали отцы и дѣды ваши они де прискивали иныхъ земель, поборая по Русской землѣ трудомъ и храбростью; а вы хотите погубить землю Русскую". Но прощеніе Кіевскому князю дано подъ условіемъ наказать главнаго виновника—Давида, который, послѣ долгой войны, дѣйствительно былъ наказанъ, именно союзомъ князей на Увѣтичьскомъ съѣздѣ 1100 года. Здѣсь Давидъ явился не членомъ съѣзда, а подсудимымъ: „Давыдъ Игоревичъ сѣдяше кромѣ (отдѣльно) и не пущаху его къ собѣ, по особь думаху о Давыдѣ". Рѣшеніе съѣзда было таково: „не хочемъ ти дати стола Володимерьского, зане вверглъ еси ножь въ ны, его же не было въ Руьскѣй Земли, да се мы тебе не имемъ (*не лишаемъ свободы*), ни иного ти зла не створимъ, но се ти даемъ. шедъ сяди въ Бужьстѣмъ" (т. е. вмѣсто главнаго стола Владимірскаго, назначили ему маленькій подручный удѣлъ и сверхъ того 400 гривенъ деньгами къ видѣ добавки). Бояре, подущавшіе Давида на ослѣпленіе Василька, были еще раньше повѣшены. Отнятіе волости было единственнымъ наказаніемъ, какое могъ назначить союзъ князей виновному члену-князю. но за нарушеніе междусоюзныхъ постановленій со стороны боярина могла быть назначена ему смертная казнь. въ 1177 г. Святославъ Всеволодовичъ Черниговскій такъ говоритъ Кіевскому князю Роману. „рядъ нашь такъ есть. оже ся князь извинить, то въ волость, а мужь у голову" (преступленія бояръ противъ своего князя, конечно, не подлежали междукняжескому суду). Что такое постановленіе не было лишь частнымъ договоромъ между названными князьями, а соблюдалось всегда безъ особаго договора, это показываетъ вышеприведенный случай наказанія Давида Игоревича и его бояръ.

Союзу князей принадлежитъ право издавать законы, дѣйствіе которыхъ должно простираться не на одну какую либо землю въ частности: Рус. Правда Ярославичей выработана на съѣздѣ трехъ князей-братьевъ; отмѣна мести постановлена съѣздомъ тѣхъ-же князей; новыя постановленія Владиміра Мономаха составлены при участіи посла Черниговскаго князя („Ивапка Чюдиновича—Ольгова мужа"; см. Р. Пр. Кар. 66).

Права и постановленія союза осуществляются преимущественно посредствомъ *княжескихъ съѣздовъ*, или „думы князей". Думы князей не имѣли сроковъ для созыва; съѣзды составлялись по мѣрѣ надобности. Болѣе важ-

ные изъ нихъ указаны въ вышеприведенныхъ цитатахъ, это именно съѣзды князей Ярославичей: съѣздъ Любечскій 1097 г. для установленія порядка, нарушеннаго междоусобіями, возбужденными Черниг. кн. Олегомъ; съѣздъ Городецкій того же 1097 г. для наказанія Кіевскаго кн. Святополка; Уветичскій или Витичевскій 1100 г. — для установленія порядка, нарушеннаго Волынскимъ княземъ, съѣздъ Кіевскій 1170 г. и др. — съѣздъ для рѣшенія общерусскихъ дѣлъ *предполагаетъ* участіе *всѣхъ князей* („братья вся)“), но въ дѣйствительности ни одинъ съѣздъ не имѣлъ фактической полноты, что не лишало думы князей ея общерусскаго значенія. Постановленія думы были обязательны для прочихъ, не участвовавшихъ въ съѣздѣ; неисполненіе ихъ и отказъ отъ участія въ съѣздѣ безъ причины (изъ нежеланія подчиниться его приговору) влекли наказаніе для виновныхъ: въ 1096 г. Олегъ Черниговскій, отказавшійся явиться на Кіевскій съѣздъ, былъ наказанъ союзною экзекуціей князей; сейчасъ было разсказано, какъ въ 1097 г. Давидъ Волынскій, нарушившій постановленія Любечскаго съѣзда, наказанъ Кіевскимъ княземъ по порученію союза князей. Время, въ которое союзъ дѣйствуетъ съ особенною ясностію и силою, есть эпоха Владимира Мономаха.

Ни національное и территоріально единство, ни постоянный союзъ князей ни временные съѣзды ихъ не образовали изъ всей Руси одного цѣльнаго государства; въ этихъ явленіяхъ лежали лишь зачатки будущаго государственнаго единства.

Г. Управленіе.

Государственная власть призвана: 1) управлять, 2) установлять правовыя нормы (законодательствовать) и 3) судить. Въ древнѣйшемъ періодѣ на первый планъ выступаетъ послѣдняя изъ упомянутыхъ трехъ функцій, т. е. судъ; однако и объ первыя уже и тогда входятъ въ задачи государственной власти (особенно военное управленіе).

Управленіе („володѣнье“ въ тѣсномъ смыслѣ слова) по преимуществу отражаетъ въ себѣ частно-правный характеръ власти, но отнюдь не есть частная власть (dominium), какъ по органамъ, такъ и по предметамъ управленія.

1) Органы управленія.

Органы управленія бываютъ. *а*) **Центральные.** По въ древне-Русской землѣ центральные органы не выдѣлились вполнѣ, такъ какъ общеземское управленіе непосредственно ведетъ самъ князь, дума боярская и вѣче (см. выше). Впрочемъ, уже съ X вѣка можно различать въ центральномъ управленіи двѣ системы органовъ: собственно княжескую (*дворовую*) и *земскую*.

Князь въ управленіи (какъ и въ судѣ) замѣняетъ себя *тіунами*, управлявшими отъ его лица. Они назначаемы были изъ дворовыхъ слугъ князя, первоначально несвободныхъ („тіунство" вообще есть наемъ въ услуженіе, который не велъ къ холопству лишь тогда, когда былъ постановленъ о томъ особый договоръ: см. Рус. Правда Кар. 121; но, повидимому, такія условія были рѣдки, а потому тіуны вообще не пользовались полною правоспособностію: см. Рус. Пр. Кар. 77). Тіуновъ назначаетъ князь иногда по согласію съ вѣчемъ: „а вотъ вамъ и тіунъ по вашей волѣ", говоритъ князь Кіевлянамъ въ 1146 г. Но это относится только къ тіунамъ, облеченнымъ судебною властію. Разряды тіуновъ различались по разрядамъ служебныхъ порученій, которыя могъ дать князь; такъ были: *тіунъ огнищный* или *дворскій* (названіе „дворскій" встрѣчается уже во 2-й пол. XII в.); онъ завѣдывалъ дворомъ (отроками) и домашнимъ хозяйствомъ князя; съ половины XII в. онъ назначается уже изъ бояръ и причисляется къ лучшей дружинѣ. Подчиненные ему служители называются *ключниками*: въ 1154 г. „посла (Ростиславъ) мужи отца своего Вячеслава и тіуны и ключники; каза нести имѣніе отца своего передъ ся, и порты, и золото, и серебро" (Ипат. лѣт.). Управленіе дворскаго замѣняло собою всѣ послѣдующіе органы финансоваго управленія. Впрочемъ, были нѣкоторые органы и спеціально-финансоваго управленія; таковы *даньщики* и *мытники*. Особенная вѣтвь княжескаго хозяйства, тогда наиболѣе важная, вызвала должность *тіуна конюшаго* (впослѣдствіи чинъ столь важный въ Московскомъ государствѣ). Есть указанія, что уже въ XIII в. были зародыши администраціи вполнѣ государственной: въ договорѣ Смоленска съ нѣмцами 1229 г. между прочимъ постановлено: „Если *тіунъ* на волокѣ услышитъ, что пришелъ латинскій гость, то онъ долженъ послать людей съ телѣгами перевезти товаръ черезъ волокъ". Въ связи съ должностью тіуновъ стоитъ подчиненная имъ должность *мечниковъ*: въ 1146 г. Кіевляне, вытребовавъ отъ князя смѣны тіуна Ратьши, „бросились дворъ его грабить и на мечники". Вообще въ системѣ органовъ дворового управленія нельзя различить часто-хозяйственные органы отъ государственныхъ.

Система *земскаго управленія* (болѣе древняя, чѣмъ княжеская) построена по численному (математическому) дѣленію общества: какъ цѣлое государство составляло тысячу, а старшіе города и провинціи дѣлились на сотни и десятки, такъ центральнымъ правителемъ былъ *тысяцкій*, а подчиненные ему—*сотскіе* и *десятскіе*. Происхожденіе должности тысяцкаго—доисторическое, можно принять гипотезу о томъ, что тысяцкіе замѣнили прежнихъ племенныхъ князей; иногда тысяцкіе именуются князьями (если управляютъ цѣлою землею безъ князя, напр. Юрій Шимановичъ, управлявшій Суздальскою землею при Мономахѣ); счетъ годовъ лѣтописцы обозначаютъ иногда именами князей и тысяцкихъ. „Въ лѣто 6597 священа

бысть церкви Печерьская... при благородѣмъ князи Всеволодѣ державному Русьскыя земля..., воеводьство держащю Кіевьскыя тысяща Яневи" (Лавр. лѣт.). Первоначально тысяцкіе народные совершенно противопоставлялись тысяцкимъ и посадникамъ княжескимъ, въ то время какъ посадникъ Владимира Св. Добрыня и тысяцкій Путята старались понудить новгородцевъ къ крещенію, тысяцкій новгородскій Угоняй противился тому (Іоак. лѣт.); вѣроятно, что тогда должность тысяцкаго была наслѣдственною. Затѣмъ тысяцкихъ сталъ назначать князь изъ мѣстныхъ бояръ, часто изъ одной и той-же фамиліи преемственно (при Ярославѣ въ Кіевѣ былъ тысяцкимъ Вышата, затѣмъ сынъ его Янъ). „Держи ты тысячу, какъ у брата моего держалъ", говоритъ новый князь Кіев. Игорь въ 1146 г. Ульбу — Кіевскому тысяцкому. Въ Новгородѣ эта должность сдѣлалась выборною. Каковъ-бы ни былъ способъ усвоенія должности тысяцкаго, этотъ сановникъ всегда оставался представителемъ интересовъ народа: въ 1043 г. кн. Ярославъ отправилъ сына своего Владимира въ походъ на Византію; предводителемъ народнаго ополченія былъ тысяцкій Вышата, а княжимъ воеводою (предводителемъ дружины) былъ Иванъ Творимиричъ; когда буря разбила русскіе корабли (кромѣ корабля, на которомъ была кн. дружина) и выбросила воиновъ на берегъ, то народное ополченіе рѣшилось возвратиться въ Русь (сухимъ путемъ), но „не иде съ ними никтоже отъ дружины княжее. И рече Вышата, азъ пойду съ ними; и высѣде изъ корабля къ нимъ рекъ: аще живъ буду, то съ ними, аще погыну, то съ дружиною" (Лавр. лѣт.). Хотя иногда тысяцкій и его сотскіе расходились въ своей дѣятельности съ интересами и волею народа (напр. по смерти кн. Святополка въ 1113 г. до прибытія въ Кіевъ Владиміра Мономаха, народъ бросился грабить дворъ тысяцкаго Путяты и сотскихъ); но это относится къ нѣкоторымъ лицамъ, злоупотреблявшимъ этою должностію. По разсказу Татищева, Кіевскій тысяцкій Улѣбъ въ 1146 году, когда кн. Всеволодъ Ольговичъ старался передать Кіевскій столъ своему брату Игорю, заявилъ, что Кіевляне привержены къ Мономаховичамъ, а не къ Ольговичамъ, и что кн. Изяславъ Мстиславичъ есть сущій и прямой наслѣдникъ. „Симъ отвѣтомъ Всеволодъ весьма озлобился". По Уставной Грам. Новгор. кн. Всеволода церкви св. Іоанна, князь поставилъ отъ житыхъ людей старостъ и отъ черныхъ тысяцкаго. Так. обр. тысяцкій является какъ-бы народнымъ трибуномъ, уравновѣшивающимъ власть княжескую; по этой причинѣ власть тысяцкаго уничтожена князьями восточныхъ земель (въ Москвѣ казнію послѣдняго тысяцкаго въ 1374 г.). Такою ролью тысяцкаго отчасти опредѣляется и его должность. онъ прежде всего есть *предводитель народнаго ополченія*. въ 1195 г. во время войны Смоленскаго кн. Давида съ Черниговскими, княжимъ полкомъ предводительствовалъ князь, а „Смоленскимъ полкомъ"—тысяцкій Михаилъ. Тысяцкій предсѣдательствуетъ на вѣчѣ

въ отсутствіи князя (въ Кіевѣ въ 1147 г. вмѣстѣ съ митрополитомъ). По Уставн. грам. Всеволода тысяцкому поручается „управливати всякая *дѣла торговая*, и гостиная и судъ торговый", вышеприведенный фактъ возстанія Кіевлянъ на тысяцкаго, сотскихъ и „жидовъ" указываетъ на прямое отношеніе тысяцкаго къ торговлѣ. Ему-же и сотскимъ принадлежитъ и *охранительная полиція:* волненіе въ Кіевѣ 1147 г. усмиряетъ тысяцкій. Отъ тысяцкихъ народныхъ надо отличать княжихъ тысяцкихъ—предводителей княжеи дружины (двора) и тысяцкихъ пригородныхъ (см. Р. Пр. Кар. 66), замѣнявшихъ собою посадниковъ.

Подчиненные тысяцкому *сотскіе* и *десятскіе* упоминаются уже во время Владимира Св. на пиры къ Владимиру приходили бояре, гриди, сотскіе, десятскіе и нарочитые мужи. Состоя предводителями частеи ополченія, они оставались постоянными гражданскими правителями частей государства (сотенъ и десятковъ).

Въ земской системѣ органовъ администраціи съ особенною ясностью выдѣляются *государственныя* начала управленія.

б) **Мѣстное управленіе.** Органами мѣстнаго управленія называются тѣ, которые управляли пригородами и волостями. *Составныя части земли* не всегда однородны: пригороды входили въ составъ земли иногда цѣлыми группами; иногда цѣлыя земли. по завоеваніи, дѣлались провинціями другой земли; иногда-же отдѣльныя волости входили въ составъ земли, какъ самостоятельныя провинціи. *Сложныя провинціи* именуются или прежними *племенными* названіями въ 1149 г. упоминаются „вси Дрегвичи", какъ новая провинція Черниговской земли, въ 1147 г. „вси люди Голядь верхъ Поротвѣ" и „волость—Вятичи", какъ провинціи той-же земли. Иногда имъ усвояется названіе *географическое*: „Посемье" (по р. Сейму)—провинція той-же земли. Иногда (но очень рѣдко) такія провинціи именуются *тысячею*: въ 1149 г. упоминается „Сновьская тысяча" (по р. Снову), какъ провинція той-же земли. Чаще встрѣчается наименованіе *полкъ*: полкъ Бѣлгородскій, полкъ Кіевскій („Когда въѣдемъ въ сильный полкъ Кіевскій, то я знаю, что они будутъ биться за меня", говорилъ въ 1150 г. Изяславъ Мстисл., ободряя свою дружину).

Подраздѣленія провинціи, кромѣ нормальнаго наименованія *волость*, именуются еще погостами и вервями.

Погостъ есть терминъ сѣверно-русскій: погосты находимъ въ Новгородской, Псковской, Суздальской и Смоленской земляхъ; въ остальныхъ не встрѣчаемъ. Погостъ есть древнѣйшая зачаточная клѣточка земскаго государства. Уже Ольга устанавливала по р. Мстѣ погосты, но это не означаетъ ихъ первоначальнаго установленія: погосты—произхожденія доисторическаго (какъ мѣста сходбищъ для общественнаго богослуженія и какъ мѣста торговли, возникающей при такихъ сходбищахъ). Словомъ погостъ

называется какъ центральный пунктъ округа; такъ и самый округъ. Что касается до числа погостовъ, то въ Новгородской земль къ XVI в. число это доходило до 419, въ Смоленской землѣ (по Уставн. грам. 1150 г.) перечисляется до 45 погостовъ. Погостъ, обнимая собою цѣлое сельское населеніе, былъ единицею, по которой распредѣлялась дань, а потому погостомъ иногда называется самая дань, и въ этомъ смыслѣ слово погостъ замѣняется словомъ „потугъ“. Вмѣсто термина погостъ, та же единица провинціальнаго дѣленія, какъ въ южныхъ, такъ и въ сѣверныхъ земляхъ называется *вервь*, корень слова общій индоевропейскій (Warf). Тѣ-же единицы соотвѣтствуютъ и наименованія *сотня*, не только въ городскомъ, но и въ провинціальномъ дѣленіи, и *губа*—въ Псковской и Новгородской земляхъ.

Провинціи-*колоніи* („*свободы*“) состоятъ въ менѣе тѣсной связи съ государствомъ. Таковы сѣверныя провинціи Новгородской земли. Терь Пермь, Печора, Югра, Вологда. Примѣромъ неустойчивости связи отдаленныхъ колоніи съ метрополіею можетъ служить Вятка. Въ нихъ, какъ населенныхъ преимущественно инородцами, не могло быть такихъ-же порядковъ внутренняго управленія, какъ въ коренныхъ частяхъ земли. Онѣ были источникомъ богатства для метрополіи, но вмѣстѣ источникомъ смутъ и переворотовъ, со стороны могущественныхъ бояръ—колонистовъ.

Пограничныя провинціи иногда находились *въ совладѣніи* двухъ или нѣсколькихъ государствъ, которыя управляли ими (и пользовались данью) или поочередно, по годамъ, или совмѣстно, дѣля доходы управленія. Такъ Смоленская земля (по Уст. грам. Ростислава) претендовала на старшинную дань въ Суздальско-Залѣсскихъ волостей; Вел. Луки, Ржева и Холмовскій погостъ находились въ совладѣніи В. Новгорода, Литовскаго, а потомъ и Московскаго государствъ.

Органы мѣстнаго управленія двоякіе, одни существуютъ для связи провинціи съ государствомъ—*органы централизаціи*. Это—*посадники*, именуемые иногда и тысяцкими. Назначеніе куда-либо посадника означаетъ присоединеніе мѣстности къ государству: по завоеваніи Волыни при Святополкѣ, назначается изъ Кіева посадникъ въ Луцкъ; Олегъ Черниговскій, захвативъ землю Ростовскую, сажаетъ тамъ своихъ посадниковъ; Мстиславъ Кіевскій, изгнавъ Полоцкихъ князей, назначаетъ въ ихъ землю своихъ посадниковъ. „Взять посадника“ у какого-либо князя значитъ добровольно покориться ему: въ 1147 г. „Куряне послаша (къ сыну Юрія Долгорукаго) и пояша у него посадникъ къ собѣ“. Возвращеніе старшимъ городомъ власти надъ пригородомъ ознаменовывается посылкою туда посадника (Ростовъ и Владиміръ); наоборотъ, достиженіе пригородомъ независимости выражается отказомъ въ принятіи посадника (Псковъ и Новгородъ). Посадники назначались въ каждый пригородъ или изъ подручныхъ (младшихъ) князей, или изъ бояръ: въ 1195 г. „да Всеволодъ Торцькіи (гор. Торчесскъ)

зятю своему Ростиславу, а въ иныи городы посла посадники своя". Хотя подручные князья не назывались прямо посадниками, но власть ихъ одинакова, съ посадничьею. Посадникъ въ пригородѣ обыкновенно былъ одинъ (исключеніе для Псковской земли см. выше). Выборъ посадника совершался не безъ согласія пригорода. Власть посадника имѣетъ смѣшанный частный и государственный характеръ. Частный характеръ замѣтенъ особенно въ правахъ пригородныхъ князей: „печаль была (Всеволоду Яросл. Кіевскому) отъ сыновець своихъ, яко начаша ему стужати, хотя власти, овъ сея, овъ же другоѣ; се же смиривая ихъ, роздаваше волостѣ имъ" (Лавр. лѣт. подъ 1093 г.). На такихъ-же частныхъ правахъ назначались пригороды и пришлымъ членамъ владѣтельныхъ домовъ: въ 1165 г. „прибѣже изъ Царя-города братанъ царевъ Кюръ Андроникъ къ Ярославу у Галичь и прія и Ярославъ съ великою любовью и да ему Ярославъ нѣколико городовъ *на утѣшеніе*" (Ипат. лѣт.). Такой-же характеръ (но въ меньшей степени) имѣла власть посадниковъ—бояръ; она сходна съ Московскою *системою кормленія*, кормленіе состояло въ сборѣ корма натурою (коробейщинѣ), судебныхъ пошлинахъ и княжескихъ экономическихъ доходахъ. Однако, ни власть пригородныхъ князей, ни власть посадниковъ—бояръ отнюдь не есть вполнѣ власть частная, они обязаны заботиться о военной защитѣ провинціи, давать правый судъ. Неугодныхъ посадниковъ пригороды изгоняютъ.

Впрочемъ посадники, преслѣдуя интересы кормленія, мало вмѣшиваются во внутреннее управленіе провинціи. Дѣйствительное мѣстное управленіе находится въ рукахъ *органовъ мѣстнаго самоуправленія*, именно пригороднаго и волостнаго вѣча и выборныхъ чиновниковъ: старостъ, сотскихъ, десятскихъ и добрыхъ людей (Догов. 1229 г. ст. 33). Нѣкоторые изъ первыхъ были избираемы для управленія цѣлою провинціею (Уст. Дв. Гр. вступл.), другіе для подраздѣленій ея (волостей, погостовъ).

2) Предметы управленія.

Государство перваго періода, по задачамъ управленія, совершенно отличается отъ государства послѣдующихъ періодовъ, особенно 3-го (когда оно становится полицейскимъ по преимуществу). Древнѣйшее государство есть по преимуществу военное.

а) Полиція въ собственномъ смыслѣ почти не входитъ въ задачи государства; въ частности относительно *полиціи охранительной*, государство сознавало свои обязанности, но имѣло слишкомъ мало средствъ для ихъ исполненія: въ 1024 г. безпорядокъ въ Ростов. землѣ по поводу голода прекращенъ кн. Ярославомъ (который нарочно поспѣшилъ для того изъ Новгорода) съ большимъ успѣхомъ. Но вотъ другой случай: когда воевода Черниговскаго кн. Святослава Яросл. Янъ (во 2-й пол. XI в.) прибылъ въ

Ростовскую и Бѣлозерскую землю для сбора дани, то заставъ тамъ возмутительные безпорядки, произведенные волхвами опять по поводу голода: они убивали женщинъ, якобы открывая подъ ихъ кожею спрятанный хлѣбъ. Янъ призналъ своею обязанностью прекратить безпорядки, но у него было только 12 отроковъ. Только угрозою Бѣлозерцамъ, что онъ не уѣдетъ отъ нихъ цѣлый годъ (жители обязаны были содержать княжихъ пословъ), онъ заставилъ ихъ выдать волхвовъ и наказалъ ихъ. При перенесеніи мощей Бориса и Глѣба толпа народная достигла такой величины, „яко страшно бяше видѣти народа множество“ и не давала пройти процессіи: Владиміръ Мономахъ приказалъ разбрасывать въ народъ куски цѣнныхъ тканей и деньги и тѣмъ только раздвинулъ народную массу. Въ 1147 г. ни князь, ни тысяцкій не могли защитить кн. Игоря отъ убіенія толпою.

Относительно *полиціи экономической* князья для собственныхъ личныхъ и финансовыхъ цѣлей заботились объ охраненіи торговли (въ которой первоначально сами участвовали), именно охраняли почти ежегодными походами южные торговые пути греческій, соляной и Залозный, когда караваны двигались по степямъ мимо Днѣпровскихъ пороговъ (походы 1168, 1169 и 1170 гг.); воины Новгородцевъ съ Чудью и сѣверныхъ князей съ Волжскими Болгарами имѣли главн. обр. ту-же цѣль. Къ той-же цѣли направлены договоры съ Греками и Нѣмцами, по которымъ русскіе князья обязывались къ принятію различныхъ мѣръ администраціи (паспорты купцамъ, устройство перевозовъ чрезъ волоки и др.; см. Дог. Иг. ст. 2 и Догов. Смол. 1229 г. ст. 23). Къ поддержкѣ внутренней торговли вели заботы по охраненію правильныхъ единицъ вѣса и мѣры (хотя и порученныя церкви по церковн. уставамъ, но подъ высшимъ наблюденіемъ государства) и назначеніе мытниковъ на торги (см. Рус. Пр. Кар. 33). Сюда-же относятся заботы *о путяхъ сообщенія* какъ для торговыхъ, такъ и для военныхъ цѣлей Владиміръ Св., собираясь въ 1014 г. въ походъ противъ своего сына -кн. Новгородскаго, распорядился: „теребите путь, мостите мостъ“; но въ Рус. Правдѣ есть указанія на эту дѣятельность государства, какъ нормальную и постоянную („уроки мостовные“ Ак. ен. ст. 43, Кар. 109); существуетъ при Рус. Пр. и особый „уставъ о мостовыхъ“ (о замощеніи В. Новгорода). Замощеніе производится окрестнымъ населеніемъ, но подъ руководствомъ княж. „мостниковъ“ и „осменниковъ“. Въ 1115 г. Владиміръ Мономахъ устроилъ мостъ чрезъ Днѣпръ у Вышгорода.

Что касается *мѣръ противъ голода* и мѣръ *призрѣнія*, то ихъ принимали князья, какъ частныя лица, изъ побужденій религіозныхъ и моральныхъ. Въ языческую эпоху для этой цѣли уменьшали населеніе, убивая престарѣлыхъ и женщинъ (которыя тѣмъ приносились и въ жертву для умилостивленія карающаго божества). Христіанскіе князья прекращали эту безобразную мѣру, не принимая никакихъ другихъ болѣе раціональныхъ. Въ

лѣтописяхъ отмѣчены какъ голодные годы 1024, 1070, 1127, 1128, 1145, 1161, 1170, 1188. 1214, 1215, 1230, 1231, 1279, 1291, 1297, 1298. Преимущественно страдали голодомъ Новгородская и Ростовская земли. Населеніе иногда поголовно уходило для прокормленія въ чужія страны (въ 1204 г. изъ Ростовской земли „идоша вси людье въ Болгары“), или продавало иноземцамъ жены и дѣтей (1128, 1215 г.). Иногда князья, руководясь личными и финансовыми цѣлями, усиливали тяжесть народной скудости въ свою пользу Святополкъ Изясл. кн. Кіевскій, прекратившій войною съ Галицкими кн. подвозъ соли изъ Галиціи, захотѣлъ воспользоваться дороговизною ея, обративъ продажу ея въ свою монополію (Патер. Печ. въ жит. Прохора). Но большинство князей получаетъ отъ лѣтописцевъ похвалу за *нищелюбіе*, кормленіе нищихъ учреждалось при каждомъ выдающемся событіи и торжествѣ (церковн. празднествѣ, восшествіи на столъ). Владиміръ Св. позволялъ „всякому нищему и убогому“ приходить на княжескій дворъ, а для больныхъ, которые сами не могутъ придти, отправлялъ повозки, нагруженныя хлѣбомъ, мясомъ, рыбою, овощами, медомъ и квасомъ (по Іакову Мниху, это дѣлалось не въ одномъ Кіевѣ, но и „по всей землѣ Русской“). При перенесеніи мощей Бориса и Глѣба князья кормили убогихъ и странныхъ три дни. Владиміръ Мон. училъ дѣтей: „всего же паче убогыхъ не забывайте, по елико могуще по силѣ кормите и придавайте сиротъ“. Кіев. кн. Ростиславъ въ 1154 г. *все имѣніе* своего предшественника кн. Вячеслава роздалъ по церквамъ и нищимъ.

Тѣми же религіозными мотивами объясняются и мѣры *къ развитію народнаго просвѣщенія*. Владиміръ Св. „нача люди на крещенье приводити по всѣмъ градомъ и селомъ; пославъ нача поимати у нарочитое чади дѣти и даяти нача на ученье; матери же чадъ сихъ плакахуся по нихъ.... аки по мертвецѣ“; такимъ образомъ реформированное государство, опередивъ общество, употребляетъ даже насильственныя мѣры для его блага. Ярославъ вмѣнилъ сообщеніе народнаго образованія въ обязанность приходскимъ священникамъ „вели имъ учити люди, понеже тѣмъ есть поручено Богомъ“. Иногда дѣтей раздавали по частнымъ учителямъ, въ житіи Ѳеодосія разсказывается, что онъ былъ отданъ „на ученіе божественныхъ книгъ единому отъ учитель“.

Какъ учрежденія для призрѣнія (богадѣльни, странноприимницы), такъ и для народнаго образованія поручены были государствомъ церкви. Впослѣдствіи государство, стремясь къ секуляризаціи церковныхъ имуществъ, признало, что пожалованіе такихъ имуществъ церкви имѣло единственною цѣлію исполненіе церковью задачъ призрѣнія и образованія. Слѣдов. церковныя учрежденія этого рода должны быть признаны и государственными.

б) Финансовое управленіе.

Первоначально совершенно сливается личный доходъ князя съ финансовыми средствами государства; но и интересы князя во многомъ совпадали съ интересами государства (особенно военная защита): бояре говорили Владимиру Св въ пользу возстановленія вирь. „рать многа: оже вира, то на оружьи и на коняхъ буди“ Гагемейстеръ дѣлаетъ попытку различить ію финансовыхъ средствъ, идущую на частныя нужды князей (именно $^1/_3$ доходовъ), отъ доли, идущей на общественныя потребности ($^2/_3$): Ольга брала $^1/_3$ дани съ Древлянъ на Вышгородъ, $^2/_3$ на Кіевъ: Ярославъ и другіе посадники новгородскіе уплачивали $^2/_3$ въ Кіевъ и $^1/_3$ оставляли себѣ: Мстиславъ Удалой, взявши дань съ Чуди, $^2/_3$ отдалъ новгородцамъ, а $^1/_3$—своимъ дворянамъ Едвали такая догадка можетъ быть принята безусловно. Иногда само общество назначаетъ экстраординарные налоги непосредственно на нужды общественныя, таковъ напр. налогъ, сдѣланный новгородцами въ 1018 г. для войны съ Кіев. княземъ.

Доходы заключались въ *дани, пошлинахъ* и *повинностяхъ*.

Дань и *урокъ*. Дань (прямой налогъ) первоначально происходитъ изъ отношеній побѣдителя къ побѣжденнымъ. „Рекоша Козаре (Полянамъ) платите намъ дань“. „Поча Олегъ воевати Древляны и, примучивъ й, имаше на нихъ дань“ —„Не хощю тяжки дани возложити“, говоритъ Ольга побѣжденнымъ Древлянамъ. Обращаясь въ подать внутреннюю и постоянную, дань получаетъ названіе урока (оброка) или уклада. Ольга до окончательнаго покоренія Древлянъ беретъ съ нихъ дань, а послѣ присоединенія Древлянской Земли къ Кіевской установляетъ тамъ „уставы и уроки“. Новгородскіе посадники ежегодно платили въ Кіевъ „урокъ“ въ 2000 гривенъ. Впрочемъ, такое употребленіе терминовъ не постоянно выдерживается и въ древнѣйшее время: Ольга въ Новгородѣ уставила погосты, дани и оброки. Олегъ заповѣдалъ грекамъ давать „уклады“ на русскіе города. Впослѣдствіи (съ XI в.) терминъ „дань“ окончательно утвердился за внутреннюю податью.

Способъ взиманія дани первоначальный было *полюдье*, какъ бы военные походы, періодически повторяющіяся завоеванія. Константинъ Порфирородный пишетъ о русскихъ князьяхъ. „когда наступитъ ноябрь, князья со всѣми руссами, оставивъ Кіевъ, отправляются на полюдье, такъ называется гира (Γῦρα), въ славянскія земли Вервянъ, Другувитянъ, Кривичей, Сервовъ (Сѣверянъ) и другихъ, платящихъ дань Руси Проведши тамъ зиму, когда вскроется Днѣпръ, возвращаются въ Кіевъ въ апрѣлѣ (De admin. imp., c. IX). Въ 945 г. „иде (Игорь) въ Дерева въ дань... и насильяше имъ и мужи его“. Собравъ дань, онъ говоритъ дружинѣ: „идѣте вы съ данью домови, а язъ възвращюся и похожю еще“ Съ XI в. князья вмѣсто себя, посылаютъ для сбора дани (въ полюдье) спеціальныхъ данщи-

ковъ: „въ то же время (около 1071 г.) приключися притн отъ Святослава дань емлюнци Яневи“ (на Бѣлозеро); но тогда уже полюдье не имѣло вида военнаго похода, такое значеніе оно сохранило въ XII и XIII вв. лишь относительно новопокоренныхъ инородческихъ странъ: въ 1193 г „идоша изъ Новагорода въ Югру ратью“,.. но это было только средствомъ собрать дань (Новг. 1-я лѣт.). Хотя обычай княжескаго полюдья сохраняется и въ XII и XIII вв. (въ 1190 г „великому князю сущу въ Ростовѣ въ полюдьи“ .). но князь объѣзжалъ ради производства суда; при этомъ, однако, князь получалъ подарки, обратившіеся въ постоянный и таксированный доходъ. *полюдье даровьное* и *погородье*. Собственно-же дань доставлялась изъ пригородовъ посадниками, а въ пригороды—самымъ населеніемъ.

Единицами обложенія были: *дымъ* (дворъ) и *рало* (плугъ); но обѣ эти единицы въ сущности означаютъ одно и то-же, именно участокъ земли, обрабатываемый силами одного домохозяина (соха здѣсь не орудіе земледѣлія, а участокъ земли): „Сдумавше Поляне и вдаша (Козарамъ) отъ дыма мечь“. „Козаре имахуть на Поляпехъ, и на Северехъ и *на Вятичихъ*.... по бѣлѣ и вѣверицѣ *отъ дыми* (859 г.)“; между тѣмъ, когда кн. Святославъ пошелъ на Вятичей и сказалъ имъ: кому дань даете? то они сказали. „Козаромъ по шелягу *отъ рала* даемъ“ (стало быть дымъ и рало тождественны). Несомнѣнно, что та-же единица обложенія оставалась и во все историческое теченіе 1-го періода: впослѣдствіи въ Западной Руси господствовала *подымная* подать, а въ Москов. государствѣ—*посошная*. Но распредѣленіе по дымамъ или сохамъ дѣлало само населеніе; *государство-же исчисляло дань по погостамъ*: въ уставныхъ грамотахъ Новгор. кн. Святослава и Смоленскаго Ростислава съ цѣлью опредѣлить десятину церкви, исчисляется дань въ Новгородской и Смоленской земляхъ; въ этой послѣдней всего дани приходилось 3053 гривны; количество дани съ каждаго погоста весьма неодинаково (смотря по величинѣ и богатству погоста) отъ 200 до 2 гривенъ. Данью собственно облагаются лишь тяглые (жители погостовъ) домохозяева; бобыли-же—*изгужники* облагаются особымъ сборомъ „по силѣ, кто что мога“. Въ число дани идетъ особый видъ ея—*передмыръ* (б. м. дань, взимаемая не съ земли, а съ другихъ хозяйственныхъ промысловъ). Въ число дани включается и „полюдье“. Данью не обложены города; съ нихъ взимается только *погородіе (урокъ* и *почестье)*. Дань взималась въ цифрахъ опредѣленныхъ и постоянныхъ. *Поголовной* (подушной) дани до татаръ не было: свидѣтельства о ней нѣкоторыхъ памятниковъ опровергаются другими достовѣрнѣйшими.

Предметы, которыми взималась дань въ древнѣйшее время, были *сырые продукты:* медъ, шкуры пушныхъ звѣрей, зерновой хлѣбъ, ленъ, домашнія животныя: „Ради даемъ и медомъ и скорою“, говорятъ Древляне Ольгѣ. Олегъ началъ брать на Древлянахъ дань „по чернѣ кунѣ“. Въ 1294 году

Волынскій кн. Мстиславъ наказалъ жителей гор. Берестья за измѣну данью „со 100 по 2 лукнѣ меду, по 2 овци, по 15 десятковъ лну, и по 100 хлѣба. а по 5 цебровъ овса, а по 5 цебровъ ржи, а по 20 куровъ“. Впрочемъ, „почестье“ съ городовъ и вездѣ отчасти состояло изъ сырыхъ продуктовъ. Дань собственно уже съ довольно ранняго времени взимается *деньгами* (иностранными). Олегъ бралъ съ Радимичей по щьлягу (шелягу—шиллингу) отъ рала. Собственная денежная единица первоначально состояла также изъ сырыхъ продуктовъ (деньги назывались: „скотъ“, „куны“; „гривна“—единица вѣса металловъ и др. вещей); но съ X вѣка гривна становится денежною единицею.

Пошлины устанавливаются первоначально изъ цѣлей благоустройства, а не финансовыхъ. *Вѣсъ и мѣра* взимаются для покрытія расходовъ при взвѣшиваніи и измѣреніи товаровъ въ интересахъ торговли. По введеніи христіанства они были поручены церкви (см. церковные уставы Владиміра и Всеволода и договоръ Смолен. кн. Мстислава съ Нѣмцами 1229, ст. 41), но потомъ опять взяты въ завѣдываніе государства. *Мытъ* (нѣм. Maut) и *перевозъ* взимается за доставленіе средствъ или помощи со стороны государства при перевозкѣ товаровъ черезъ рѣки и волоки (см. догов. съ Нѣмц. 1229, ст. 35 и 23). *Корчмита*—пошлина съ содержателей корчемъ. *Гостинная дань и торговое*—пошлина за доставленіе (иноземнымъ) купцамъ мѣстъ для склада товаровъ и вообще за устройство рынковъ. *Уголовныя и судебныя пошлины* суть: вира и продажа, помочное, желѣзное и др. Пошлины обыкновенно не исчисляются впередъ („что ся сойдетъ“); но иногда жители откупались отъ уплаты виръ и продажъ общимъ ежегоднымъ взносомъ (см. Уст. Грам. Ростисл. 1150 г.).

Повинности установлены съ древнѣйшихъ временъ преимущественно для цѣлей военнаго управленія; а именно *повозъ*. „Радимичи... платятъ дань Руси и повозъ везутъ (со времени Владиміра Св.) и до сего дне“. Повозъ состоялъ въ доставленіи средствъ передвиженія для военныхъ дружинъ (лодокъ, телѣгъ), для княжескихъ даньщиковъ и гонцовъ; *градодѣланіе*—постройка и поправка укрѣпленій всею волостью (см. Рус. Пр. Кар. 108); *постройка и починка мостовъ* (см. Рус. Пр. Ак. 43, Кар. 109 и 134).

Государственными имуществами могутъ быть признаны тѣ недвижимыя имущества, которыя переходили, при смѣнѣ князей, отъ одного князя къ другому; таковы: дворцы („дворы Ярославли“ въ Кіевѣ и Новгородѣ и др.), загородные замки (Городище въ Новгородѣ, Вышгородъ въ Кіевѣ, Бѣлчицы—въ Полоцкѣ и др.). Въ Новгородѣ, гдѣ князья не могли пріобрѣтать недвижимой собственности, на содержаніе ихъ были отдѣлены особыя земли („пожни“, см. Дог. съ Казим. ст. 17). Право охоты (по крайней мѣрѣ въ особыхъ—заповѣдныхъ лѣсахъ) составляло княжескую привилегію и одну изъ самыхъ важныхъ статей дохода.

в) Военное управленіе.

Военныя силы состояли изъ двора княжескаго (дружины) и дворовъ боярскихъ и изъ народнаго ополченія. *Дружины*, какъ княжескія, такъ и боярскія, были иногда многочисленны: „имѣю своихъ отрокъ 8 сотъ“, говорилъ кн. Святополкъ, намѣреваясь въ 1093 г. отправиться на Половцевъ съ одною своею дружиною. Симонъ варягъ прибылъ на службу къ князю съ 3000 дворянъ. Содержаніе двора доставлялось княземъ (или бояриномъ) непосредственно въ его резиденціи (дворѣ): при дворѣ Владиміра Св. для дружины постоянно „бывало множество мяса, скота, звѣрины, было изобильно всего; когда они разъ подпили, то начали роптать на князя, говоря: горе нашимъ головамъ! мы должны ѣсть деревянными ложками, а не серебряными. Владиміръ велѣлъ выковать серебряныя ложки, сказавъ: серебромъ и золотомъ не найду дружины, а съ дружиною найду серебро и золото“ (Лавр. лѣт.). „Мьстиславъ (Ярославичъ) любяше дружину повелику, имѣнья не щадяше, ни питья, ни яденья не браняше“ (Лавр. 1036 г.). При увеличеніи числа дворовъ дворяне въ мирное время распредѣлялись на прокормъ по пригородамъ и селамъ. въ 1164 г., подущая кн. Святослава захватить Черниговскій столъ, увѣдомляли его: „дружина (прежняго князя) ти по городомъ далече“. Въ другомъ случаѣ (1160 г.) увѣдомляли. „братъ ти Святославъ боленъ, а дружину пустилъ отъ себе прочь“. Нѣтъ сомнѣнія, что уже тогда боярамъ и дворянамъ назначались земельные участки во временное или постоянное владѣніе.

Народное ополченіе составлялось изъ всѣхъ взрослыхъ мужчинъ городскаго и сельскаго населенія: возражая Мономаху, бояре Святополка говорили въ 1103 году, что нельзя воевать весною, отрывая смердовъ отъ пашни. Горожане на вѣчѣ говаривали, что они готовы идти въ походъ и съ дѣтьми. Обыкновенно въ походъ выступало не все населеніе поголовно; но случаи дѣйствительно поголовнаго ополченія были: когда въ 1185 г. въ знаменитомъ походѣ на Половцевъ погибло сѣверское ополченіе, то Половцы говорили: „пойдемъ на Семь (р. Сеймъ), гдѣ ся осталѣ жены и дѣти“. Когда Юрій въ 1215 г. прибѣжалъ съ пораженія въ Липицкой битвѣ въ г. Владиміръ, то тамъ оставались одни старцы и дѣти, женщины и духовные, ибо на эту войну „бяшеть погнано и изъ поселей и до пѣшьца“ (Троицк. лѣт.). Въ этой битвѣ погибло Суздальцевъ 9233 воина. Если вѣче отказываетъ въ созывѣ народнаго ополченія, то князь могъ вызвать охотниковъ: въ 1147 г. Кіевскій князь Изяславъ сказалъ. „а тотъ добръ, кто по мнѣ пойдетъ, и то рекъ, съвокупи множество вои и поиде“ (Ипат. лѣт.). Что касается до *числа* ополченцевъ, то „В. Новгородъ во 2-й половинѣ XII в. могъ выставлять 20 т. войска; области: Новгородская, Ростовская и Рязанская (вмѣстѣ) могли выставить 50 т.“ (Соловьевъ: Ист.

Рос. III, 22). Въ составъ войска постоянно входятъ полки наемныхъ иноземцевъ (Варяговъ), поселенныхъ варваровъ (Черныхъ Клобуковъ) и союзниковъ—Половцевъ. Эти полки иногда превышали численностію ополченіе русскихъ земель: въ 1138 г. Кіевскій князь Ярополкъ повелъ въ Черниговъ между прочимъ 30 т. Берендѣевъ (?); въ 1185 г. у кн. Владиміра Глѣбовича Берендѣевъ было 2100. Вооруженіе и коней ополченіе получаетъ отъ князя: „Оже вира, то на оружьи и на коняхъ буди“, говорили при Владимірѣ Св. „Вдай, княже, оружья и кони, еще бьемся съ ними“ (Половцами), требуютъ Кіевляне отъ своего князя въ 1067 г. Во время похода и для дружины и для ополченія важнѣйшее средство продовольствія (и обогащенія) составляла военная добыча въ непріятельской землѣ и *зажитье* (реквизиціи).

Войско состояло изъ *конниковъ* и *пѣшихъ:* князь говорилъ Кіевлянамъ: „теперь, братія Кіевляне, ступайте за мной къ Чернигову на Ольговичей, собирайтесь всѣ отъ мала до велика, у кого есть конь, тотъ на конѣ, а у кого нѣтъ коня, тотъ на лодьѣ“. Дворы княжескіе обыкновенно были конные; ополченіе же охотнѣе билось въ пѣшемъ строю: Новгородцы и Смоляне въ Липицкой битвѣ объявили, что не хотятъ умирать на коняхъ, но хотятъ биться пѣшими, и сбросивъ съ себя верхнія одежды и сапоги, пустились въ битву босые. Дружина и ополченіе имѣли своихъ отдѣльныхъ предводителей—тысяцкихъ. *Вооруженіе* состояло: изъ броней, шлемовъ и щитовъ, а *оружіемъ* были: копья, стрѣлы, мечи, кіи (палки), сулицы, ножи, рогатины и топоры.

Д. Законодательство.

(источники права).

Источниками права признаются обычай и законъ. Первый періодъ исторіи русск. права есть время господства обычнаго права; законодательная дѣятельность власти, хотя начинается съ древнѣйшихъ временъ и потомъ постепенно расширяется, но далеко еще не можетъ конкурировать съ сферою дѣйствія обычая.

1. Обычное право.

а) Исторія застаетъ восточныхъ славянъ во время полнаго господства у нихъ обычнаго права; древнѣйшіе *термины*, означающіе право вообще, относятся къ обычному праву; таковы: „правда“, „поровъ“, „обычай“, „преданье“, „пошлина“ (то, что „пошло“—общепринято издавна). Такое-же значеніе имѣютъ и термины: „поконъ“ и „законъ“, хотя впослѣдствіи ими

стали обозначать законъ въ собственномъ смыслѣ. Лѣтописецъ говоритъ о древнихъ славянахъ, что они „имѣяхуть *обычаи* своя, и *законы* отець своихъ и *преданья*, кождо свой *норовъ*“, употребляя эти термины какъ тождезначащіе. „Якоже се и при насъ, продолжаетъ лѣтописецъ, нынѣ Половци *законъ* держать отець своихъ—кровь проливати,... ядуще мертвечину“ и т. д. (т. е. изображаетъ обычаи Половцевъ). Между тѣмъ тому-же лѣтописцу извѣстно было различіе между закономъ собственно и обычаемъ: „комуждо языку—овѣмъ *писанъ законъ* есть, другимъ-же *обычаи*“.

б) *Происхожденіе обычнаго права.* Вышеприведенные термины указываютъ и на происхожденіе обычнаго права и на его свойства.

Признавая *автономію* (дѣйствія частнаго лица) за первоисточникъ права вообще, полагаютъ возможнымъ установить слѣд. процессъ образованія обычнаго права: болѣе энергическое лице поступаетъ *какъ ему угодно;* другіе слѣдуютъ ему изъ пассивной *подражательности;* чрезъ установившуюся практику, образуется *привычка* поступать такъ, а не иначе, а затѣмъ *повальный обычай*, изъ котораго наконецъ слагается общее *убѣжденіе* о необходимости всѣмъ дѣйствовать именно такъ, а не иначе. Но так. обр. въ основѣ права былъ-бы положенъ *произволъ*, т. е. отрицаніе права. Приведенная схема опровергается тѣмъ, что обычаи разныхъ народовъ, раздѣленныхъ пространствомъ и временемъ (не имѣвшихъ никакой возможности подражать одинъ другому), сходны, а часто и тождественны.

Первоисточникъ права есть *природа человѣка* (физическая и моральная), подчиненная такимъ-же законамъ, какъ и природа органическая и неорганическая. Право на первой ступени является *чувствомъ* (инстинктомъ); такова месть, защита дѣтей родителями и обратно; таково первоначальное право владѣнія (вообще такой характеръ право сохраняетъ въ семейныхъ и родовыхъ союзахъ). Всѣ поступаютъ одинаково не по силѣ подражанія одному, а одновременно и повсюду, по силѣ дѣйствія одинаковаго чувства; на второй ступени право проникается *сознаніемъ* (въ союзахъ общинныхъ и государственныхъ), превращаясь изъ явленій природы въ дѣйствія воли; то, что́ *есть* (фактъ), превращается въ то, что *должно быть* (право); но законы сознанія и воли у людей также одинаковы, какъ и законы физической природы; сознаніемъ освящаются тѣ-же самыя нормы, которыя были установлены природою; т. обр. личная творческая дѣятельность въ правѣ совершенно сливается съ общественною. Привычка лишь *укрѣпляетъ* дѣйствіе однообразныхъ нормъ, а не создаетъ ихъ. Разнообразіе обычаевъ по племенамъ и націямъ объясняется разными степенями культуры и условіями экономической и общественной жизни.

в) Обычное право *выражается* прежде всего въ *юридическихъ дѣйствіяхъ* (фактахъ): однообразное повтореніе однихъ и тѣхъ-же дѣйствій есть вѣрнѣйшій указатель для *распознаванія* обычнаго права,—но требующій

значительной осторожности, особенно по отношенію къ праву государственному: лѣтописи и другіе однородные источники сообщаютъ съ одинаковою объективностью какъ факты, вытекающіе изъ права, такъ и нарушающіе его; отсюда научные споры о правахъ княжеской власти, правахъ мѣстныхъ князей, правахъ вѣча и думы, правахъ старшихъ городовъ относительно младшихъ и т. д.; но та-же самая объективность русскихъ лѣтописей (спокойствіе и безпристрастіе) облегчаетъ возможность правильныхъ выводовъ изъ фактовъ началъ правомѣрныхъ.—Важнѣйшею формою выраженія обычнаго права служатъ *акты юридическихъ сдѣлокъ и судебные акты*, служащіе преимущественно для распознаванія права гражданскаго и уголовнаго. Въ нихъ дѣйствующія лица стараются совершить дѣйствіе согласно съ правомъ, но не всегда достигаютъ этой цѣли. Отъ перваго періода нашей исторіи дошло весьма немного сдѣлокъ (жалованная грам. кн. Мстислава 1130; купчая Антонія Римлянина 1147, вкладная гр. Варлаама 1192, рядная Тѣшаты 1226—1299 г., духовная кн. Владимира Волынскаго 1287 и духовная Климента XIII в. Сюда впрочемъ могутъ быть отнесены нѣкоторые древнѣйшіе акты Новгородскіе и Псковскіе—XIV в. по своему содержанію).—Обычное право выражается также въ *символахъ* (условныхъ фактахъ, созданныхъ именно для выраженія правомѣрности явленія, „посаженье князя на столѣ“ означаетъ законность пріобрѣтенія власти.—Наконецъ оно можетъ быть выражено въ *словесныхъ формулахъ*,—именно юридическихъ пословицахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя послужили послѣ формою закона, и многія уцѣлѣли до нашихъ дней со временъ древнѣйшихъ; напр „Молодой на битву, а старый—на думу“. „Молодъ князь, молода и дума“. „На одномъ вѣчѣ, да не одни рѣчи“ (требованіе единогласія). „Холопъ—не смердъ, а мужикъ не звѣрь“. „Мужъ крѣпокъ по женѣ, а жена крѣпка по мужу“ (см. Р. Пр. Кар. 120) „Братчина судитъ, какъ судья“ (см. Пск. Судн. Гр. ст. 113). „Легко воровать, какъ семеро норовятъ“—намекъ на седмеричное число послуховъ (см. Рус. Пр. Кар. 15). „Желѣза и змѣя боится“—намекъ на ордаліи. „Въ полѣ—двѣ воли, кому Богъ поможетъ“—о судебн. поединкѣ. „Воръ воруетъ—міръ горюетъ“. „Кишешма, да Рѣшма кутятъ да мутятъ, а Сойдогда убытки платитъ“—о круговой порукѣ при уплатѣ вира и продажъ. „Чей хлѣбъ кушаешь, того и слушаешь“—ограниченіе правоспособности договоромъ личнаго найма. „На чью долю потянетъ поле, то скажетъ Юрьевъ день“—о правѣ перехода крестьянъ въ Юрьевъ день. Многія и другія пословицы, не отмѣченныя такою ясною печатью древности, могутъ быть отнесены къ первымъ временамъ исторіи; напр.: „въ отперты двери лезутъ звѣри“ (см. Рус. Пр. Кар. ст. 38 и 39) Юридическія нормы выражаются въ нихъ не всегда въ положительной, но часто въ отрицательной формѣ (напр. „міръ не судья, были-бы сватовья“). Лучшій сборникъ русскихъ пословицъ (въ томъ числѣ юридическихъ) сдѣланъ В. И. Далемъ.

г) *Свойства обычнаго права.* Согласно съ происхожденіемъ обычнаго права, оно во-перв., обладаетъ двоякою *обязательностію внутреннею и внѣшнею,* т. е. право измѣряется не одною личною совѣстью и сознаніемъ дѣятеля, но и общественнымъ сознаніемъ права. Во-втор., для сообщенія ему внѣшней обязательной силы, ему придается *религіозное значеніе*, т. е. происхожденіе обязательныхъ нормъ возводится къ самому божеству. Русскіе клялись исполнять договоръ, постановленный Олегомъ, „яко Божіе зданіе по закону и по покону языка нашего". Въ третьихъ, обычное право *считалось прирожденнымъ* извѣстному племени или національности („*русская правда*"): отсюда каждый въ странѣ чужой стремился сохранить за собою свои отечественныя права. Въ четверт., какъ право, сохраняемое традиціею, передачею, оно въ высшей степени *консервативно*: ибо измѣненіе его грозило разрушеніемъ самого права; отсюда—поступать по старинѣ „равносильно поступать по праву". „Что старѣе, то правѣе", говоритъ пословица. Но въ пят., какъ право, не выраженное въ твердой (письменной) формѣ, оно способно *разнообразиться* вмѣстѣ съ жизнью: уже древнія племена славянскія „кождо свой нравъ имѣяху". Въ Русскихъ земляхъ, при господствѣ у нихъ территоріальнаго начала надъ племеннымъ, возможность разнообразія усиливается: „Что городъ, то норовъ; что деревня, то обычай" (пословица). Этимъ между прочимъ объясняется *переходъ отъ обычнаго права къ закону,* совершившійся подъ вліяніемъ и при пособіи реценціи чужаго права.

2. Вліяніе и реценція чужаго права.

Спокойная племенная (патріархальная) жизнь славянъ могла долго обходиться тѣмъ неизмѣннымъ запасомъ юридическихъ нормъ, которыя выработаны обычаями съ незапамятныхъ временъ. Но съ X вѣка восточные славяне вовлечены были авантюристическими дружинами варяговъ въ столкновеніе съ отдаленными странами—Византіею и западно-европейскимъ міромъ. Это возмутило прежній спокойный уровень обычнаго права двоякимъ обр.: усилило разнообразіе въ пониманіи юридическихъ нормъ и принудило согласить свои отечественныя нормы съ чужеземными. Отсюда возникли первые пріемы законодательства: *договоры съ иноземцами и реценція чужихъ законовъ.*

а) Договоры съ Греками и съ Нѣмцами.

Весь X-й вѣкъ есть вѣкъ періодическихъ движеній цѣлыхъ массъ восточныхъ славянъ на Византію. Съ Греками было заключено тогда 4 договора: въ 907 г. Олегомъ, въ 911 г. имъ-же, въ 945 г. Игоремъ, въ 971 г. Святославомъ.

Первый договоръ. Въ 907 г. Олегъ пошелъ на грековъ, собравши множество Варягъ, Славянъ (Ильменскихъ), Чуди, Кривичей, Мери, Полянъ, Съверянъ, Древлянъ, Радимичей, Хорватовъ, Дулѣбовъ и Тиверцевъ Стѣснивши самый Константинополь, онъ заставилъ грековъ заплатить единовременный выкупъ по числу воиновъ его и затѣмъ, нѣсколько отступивъ отъ города, заключилъ миръ съ царями Львомъ и Александромъ чрезъ посредство пяти своихъ пословъ. Главные пункты договора заключались 1) въ обязательствѣ грековъ платить дань русскимъ на каждыи изъ старинихъ городовъ, въ которыхъ сидѣли князья—подручники Олега (Кіевъ, Черниговъ, Переяславъ, Полоцкъ, Ростовъ, Любечъ и др.): 2) въ обязательствѣ грековъ давать кормъ тѣмъ русскимъ, которые приходятъ въ Византію, а гостямъ-русскимъ мѣсячное содержаніе. Греки съ своеи стороны прибавили условіе, чтобы русскіе, приходящіе въ Византію, жили въ одномъ пріемѣстьѣ Св. Мамы и чтобы входили въ городъ только одними воротами въ сопровожденіи императорскаго чиновника. Этотъ договоръ сохранился въ нашеи лѣтописи не въ цѣломъ видѣ, а въ лѣтописномъ пересказѣ, съ буквальными, однако, выдержками изъ документа; отсюда составилось предположеніе, что это—не отдѣльный договоръ, а рядъ статей втораго договора—911 г., выхваченныхъ и занесенныхъ лѣтописцемъ ошибочно подъ 907-и годъ. Но отсюда слѣдовало бы, что Олегъ вовсе не воспользовался плодами побѣдоноснаго похода 907 г.,—не заключилъ тогда никакого договора и что дань отъ грековъ потребована не подъ вліяніемъ одержанной побѣды, а 4 года спустя. Статьи договора 907 г. не противорѣчатъ обстоятельствамъ времени, побѣжденные греки согласились на все, что требовалъ Олегъ для руссовъ, только прибавили необходимую оговорку, чтобы эти руссы, приходящіе въ Византію, не разбойничали на улицахъ и въ окрестностяхъ Византіи. Бѣдное содержаніе договора 907 г. казалось, однако, на первыхъ порахъ достаточнымъ (дань и кормъ были для русскихъ главнѣе всего); но въ слѣдующіе года сами греки должны были внушить имъ мысль о необходимости болѣе подробныхъ условій, и въ 911 г. заключенъ *второй договоръ* въ Византіи чрезъ пословъ Олега; онъ дошелъ до насъ въ полномъ видѣ: съ начальною формулою („копія другои грамоты“....), заключительною клятвою и обозначеніемъ даты; никакихъ поврежденій въ срединѣ содержанія грамоты не замѣтно. Этотъ договоръ гораздо богаче перваго юридическимъ содержаніемъ; онъ касается отношеній (уголовныхъ и гражданскихъ) между греками и русскими, находящимися въ Византіи, международныхъ обязательствъ русскихъ возвращать имущество грековъ, потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, взаимнаго выкупа и возвращенія въ отечество рабовъ и плѣнниковъ. — Въ 944 г. миръ былъ нарушенъ русскимъ кн. Игоремъ, который опять пошелъ на Византію со всѣми почти подвластными племенами и союзниками—печенѣгами; но греки не были за-

хвачены въ расплохъ и походъ былъ неудаченъ; тогда въ 945 г. былъ заключенъ новый—*третій договоръ съ греками*, въ который включены статьи договоровъ 907 и 911 г. съ нѣкоторыми измѣненіями не въ пользу русскихъ и съ добавленіями о пограничныхъ странахъ.—Ольга жила съ греками въ мирѣ и сама ѣздила въ Византію; но сынъ ея—Святославъ хотѣлъ совсѣмъ переселиться на Дунай въ Болгарію; въ войнѣ 971 г. онъ былъ побѣжденъ греками и заключилъ (*четвертый*) *договоръ*, дошедшій до насъ также въ полномъ видѣ, но весьма бѣдный содержаніемъ (ограничивается только клятвою Святослава быть въ вѣчномъ мирѣ съ греками).

Договоры (по своей древности и по своему содержанію) имѣютъ чрезвычайную важность для исторіи русскаго права; но прежде (Шлецеромъ) заподозрѣна была ихъ *подлинность*. Однако, важнѣйшія основанія для такого подозрѣнія (мнимые анахронизмы) уже давно основательно разобраны и опровергнуты Кругомъ, Погодинымъ и др.—Договоры были написаны на *греческомъ языкѣ* и тогда-же (въ копіи, назначенной для русскихъ) были переведены на славянскій языкъ весьма неискусно и неправильно; отсюда—темныя мѣста (удачно реставрированныя П. А. Лавровскимъ). Право, выраженное въ договорахъ, *не есть ни право византійское, ни чисто-русское*: оно составлено искусственно договаривающимися сторонами для соглашенія русскаго обычнаго права съ столь отличнымъ отъ него культурнымъ византійскимъ правомъ. Однако *въ договорахъ гораздо больше слѣдовъ русскаго права*, чѣмъ византійскаго (не потому, что русскіе взяли перевѣсъ надъ греками, а потому, что культурному человѣку легче приспособиться къ младенческому состоянію, чѣмъ наоборотъ). Такъ за убійство постановлена смерть, что́ для грековъ означало смертную казнь, а для русскихъ—месть рукою родственниковъ убитаго (см. Дог. Ол. 4; Иг. 13). Конфискація имущества (разграбленіе), въ замѣнъ мести, по договорамъ допускается, но не простирается на имущество жены преступника. За кражу полагается имущественное наказаніе (двойное или тройное возвращеніе цѣны вещи) и сверхъ того воръ долженъ быть наказанъ „по закону греческому и по уставу и закону русскому“. — Постановленія договоровъ обязательны не только для договаривающихся правительствъ, но и для подданныхъ—какъ грековъ, такъ и русскихъ въ Византіи и на территоріи русскаго государства (Дог. Ол. ст. 8).

Поэтому договоры имѣютъ значеніе и для внутренней исторіи источниковъ русскаго права: подъ вліяніемъ народа высшей культуры, русскіе въ первый разъ пробуютъ выразить нормы своего права въ объективной (письменной) формѣ, и притомъ сдѣлать ихъ для себя обязательными по силѣ внѣшняго принужденія и клятвы.

Подобное же значеніе имѣютъ *договоры съ нѣмцами*, хотя и относятся ко времени гораздо болѣе позднему, именно къ XII и XIII в. Съ нѣмцами

заключали договоры западно-русскія земли: Новгородская (важнѣйшіе договоры 1195 и 1270 г.), Смоленская (дог. 1229—30, 1240 г. и др.), Полоцкая (1264, 1265 г. и др.) и Галицкая. Договоры заключаемы были съ Ганзейскими городами, Голландомъ, Ригою, Нѣмецкимъ орденомъ и Швеціею. Въ отличіе отъ договоровъ съ греками, въ нихъ содержаніе юридическихъ нормъ (въ нѣкоторыхъ весьма богатое) почти тождественно съ русскимъ правомъ (благодаря культурной близости обѣихъ договаривающихся сторонъ). Тамъ, гдѣ нѣмецкое право противорѣчитъ русскому, въ договорахъ беретъ перевѣсъ русское (см. дог. 1229 г. ст. 12, 17 и пр.). Потомъ ими большею частью опредѣляется въ равной степени и положеніе нѣмцевъ на территоріи русскихъ государствъ, какъ и положеніе русскихъ на нѣмецкихъ территоріяхъ; а потому договоры имѣютъ значеніе внутренняго дѣйствующаго права.

б) Рецепція Византійскаго права.

Столкновеніе съ иноземцами не ограничилось однимъ косвеннымъ вліяніемъ ихъ на русское право. Въ концѣ X-го в. (988 г.) сношенія съ Византіею привели къ *принятію христіанства*, что произвело совершенный переворотъ во всѣхъ сферахъ правовой жизни; обычное русское право во многомъ прямо противорѣчило ученію христіанской морали и церковнаго права (многоженство, способы и условія совершенія брака, отпущеніе жены, наложничество и пр.); съ христіанствомъ явилась церковь какъ учрежденіе внѣшнее, имѣвшее свои каноническіе законы, во многомъ несогласные съ обычаями русскихъ; наконецъ съ церковію явилось множество лицъ изъ Византіи (духовныхъ и свѣтскихъ), образованныхъ и вліятельныхъ, привыкшихъ къ своему праву и не желавшихъ подчиняться ни лично, ни по имуществу праву русскому. Такой всеобъемлющій переворотъ могъ-бы повести къ полной замѣнѣ мѣстнаго права чужимъ; но благодаря устойчивости русскаго обычнаго права, онъ привелъ только къ необходимому усвоенію церковнаго права и къ частичной и свободной *рецепціи нѣкоторыхъ кодексовъ византійскаго свѣтскаго права*. Что дѣйствительно такіе кодексы были рецепированы съ самаго принятія христіанства, это доказывается тѣмъ, что свѣтскіе кодексы включались въ составъ греческихъ номоканоновъ (и русскихъ кормчихъ), которые, въ своей сферѣ, были обязательны въ полномъ своемъ составѣ. Кормчая принесена къ намъ, по всей вѣроятности, уже въ славянскомъ переводѣ (см. Павлова: „Славяно-русскій номоканонъ“). Ссылки на номоканонъ, какъ на обязательный источникъ права, дѣлаются въ русскихъ законахъ (въ Устав. Ярослава и Всеволода; въ Новгородской Судной грамотѣ: архіепископу „судити судъ свой...., по св. отецъ правилу, по манакапуну). Несомнѣнно, что въ Русской Правдѣ есть

весьма близкія заимствованія изъ свѣтскихъ памятниковъ кормчей. Возможность заимствованія облегчалась тѣмъ, что византійскіе кодексы (особенно иконоборческой эпохи) составлены подъ явнымъ вліяніемъ славянскаго элемента въ самой Византіи Впрочемъ, заимствованіе свѣтскаго византійскаго права совершалось съ нѣкоторою *свободою* и выборомъ кодексовъ. составъ нашихъ кормчихъ не вполнѣ тождественъ съ греч. номоканонами; у насъ составлялись и обращались сборники („Книги законныя“ и „Мѣрила праведныя“), во многомъ отличающіеся отъ кормчихъ. Наиболѣе важные изъ рецепированныхъ кодексовъ суть: 1) *Эклога* Льва Исаврянина и Константина Копронима (739—741 г.), усвоенная въ самостоятельной передѣлкѣ; 2) *Прохиронъ* Василія Македонянина (870—878 г.), называемый въ нашихъ кормчихъ „законами градскими“,—памятникъ богатый содержаніемъ и близкій по духу къ римскому праву; но въ Книгахъ Законныхъ изъ него рецепировались только нѣкоторыя, наиболѣе необходимыя и пригодныя части. Свободное отношеніе къ византійскимъ кодексамъ обнаруживается особенно изъ состава т. н. *Судебника царя Константина* или *Закона суднаго людемъ*, который дошелъ до насъ въ двухъ редакціяхъ (краткой и пространной) въ кормчихъ и мѣрилахъ праведныхъ. Этотъ памятникъ приписанъ Константину какимъ либо переписчикомъ, а въ самомъ дѣлѣ есть выборка разныхъ статей изъ эклоги, новеллъ, закона Моисеева,— выборка, сдѣланная славянскими книжниками-юристами для практической цѣли. Что Законъ судный дѣйствительно имѣлъ практическое значеніе, это доказывается тѣмъ, что онъ въ рукописныхъ кормчихъ иногда излагается въ перемежку съ статьями Русской Правды. Свобода рецепціи проявляется и въ *переработкѣ содержанія* византійскихъ источниковъ (приспособленіи ихъ къ русскому праву), напр., законъ о поддѣлкѣ монеты (которой на Руси еще не чеканили) замѣненъ другимъ. *Сфера дѣйствія* рецепированнаго права простирается въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ на все гражданское общество (право семейное и нѣкоторыя части уголовнаго), и во всѣхъ отношеніяхъ на нѣкоторые классы общества („людеи церковныхъ“). Для указанія предѣловъ непосредственнаго дѣйствія рецепированнаго права возникли церковные уставы нашихъ князей.

3. Уставы.

Переворотъ, произведенный въ русскомъ обществѣ христіанствомъ, кромѣ рецепціи, вызвалъ и самостоятельную законодательную дѣятельность среди русскихъ. Уже Владиміръ Св. далъ нѣсколько уставовъ: онъ, „съ новыми отцы нашими епископы снимаяся часто, совѣщашеся, како въ человѣцѣхъ сихъ новопознавшихъ Господа законъ уставити“ (Никон. лѣт. I. 105). Онъ думалъ и съ дружиною „объ уставѣ земленѣмъ“. Но реформа побуж-

дала его иногда къ принятію законодательныхъ мѣръ преждевременныхъ и неудачныхъ (отмѣна виръ и введеніе смертной казни, по настоянію епископовъ). Во всякомъ случаѣ появился уже *законъ въ формѣ уставовъ* (т. е. отдѣльныхъ постановленій по одному или нѣсколькимъ вопросамъ, б. ч. съ реформаторскимъ содержаніемъ). Уставы издавали потомъ въ большомъ числѣ Ярославъ, его сыновья и послѣдующіе князья (они вошли въ составъ Рус. Правды). Отдѣльные уставы, дошедшіе до насъ, суть *церковные уставы*, приписываемые Владиміру Св., Ярославу, Всеволоду Новгородскому (до 1136 г.), другой—ему-же (ок. 1135 г.). Святославу Новгор. (1137 г.). Ростиславу Смоленскому (1150 г.). Подлинность всѣхъ этихъ уставовъ, особенно двухъ первыхъ, давно заподозрѣна: они, дѣйствительно, дошли до насъ въ такихъ редакціяхъ, которыя не могутъ быть отнесены къ упомянутымъ князьямъ (напр. въ одной ред. устава Владиміра говорится, что онъ принялъ крещеніе отъ Фотія патріарха, который однако умеръ за 80 л. до Владиміра). Редакціи, дошедшія до насъ, разнообразны по объему и содержанію. Тѣмъ не менѣе необходимо предположить, что епископы и первые христіанскіе князья установили закономъ положеніе церкви въ новомъ обществѣ, хотя теперь невозможно возстановить дѣйствительный видъ уставовъ, данныхъ Владиміромъ и Ярославомъ. Первоначальный законъ допускалъ въ себѣ неопредѣленность формы; возможны были дальнѣйшіе добросовѣстныя измѣненія его безъ нарушенія основныхъ началъ и безъ предположенія о подлогѣ. Въ уставахъ назначаются предѣлы святительскаго суда (по предметамъ и лицамъ), назначается содержаніе церкви (десятина); а въ уставѣ Ярослава содержится рядъ уголовныхъ постановленій, имѣющихъ связь съ семейнымъ правомъ и нравственностью.

4. Русская Правда.

Понятіе о ней. Русской Правдой называется рядъ сборниковъ, составленныхъ частными лицами изъ книж. уставовъ, обычнаго права и частію византійскихъ источниковъ.

Происхожденіе ея. Русская Правда не есть кодексъ, данный Ярославомъ и дополненный его сыновьями и Владиміромъ Мономахомъ. Въ пользу мнѣнія о Рус. Правдѣ, какъ кодексѣ Ярослава, служитъ во перв. надписаніе ея: „Уставъ в. кн. Ярослава“; но такое надписаніе существуетъ въ позднихъ спискахъ Правды, заключающихъ въ себѣ не только древнѣйшую Правду, но и уставы позднѣйшіе (Влад. Мономаха); во втор. сказаніе лѣтописи: „Отпусти (Ярославъ) ихъ (новгородцевъ послѣ побѣды надъ Кіев. кн. Святополкомъ) домовъ и давъ имъ Правду и уставъ списавъ, глаголавъ тако: по сей грамотѣ ходите, якоже писахъ вамъ, тако держите“; затѣмъ слѣдуетъ текстъ древнѣйшей Правды. Но Рус. Правда не заключаетъ въ

себѣ никакихъ привилегій для новгородцевъ. Точно также сыновья Ярослава издавали *нѣсколько разъ* отдѣльныя постановленія, но не кодифицировали законовъ (см. Р. Пр. Кар. 2 и 76 и Акад. 21). Надписаніе: „А се уставилъ в. кн. Владимеръ Всеволодичь Мономахъ“ (Кар. 66) относится къ однимъ законамъ о процентахъ, а не ко всей послѣдней половинѣ Правды (см. Кар. 76). Въ пользу предположенія о частномъ составленіи сборниковъ говоритъ во-перв. разнообразіе состава Правды въ разныхъ спискахъ, во-втор. употребленіе 3-го лица въ отношеніи къ законодателю („яко уставилъ Изяславъ“... Ак. 21; „по Ярославѣ совокупившеся сынове его... отложиша убіеніе за голову“, Кар. 2; „в. кн. то Ярославъ Володимеричъ былъ уставилъ убити, но то сынове его по немъ уставиша на куны“—Кар. 76); въ трет. внесеніе въ списки Рус. Правды не законодательнаго матеріала (Кар. 49—65) и иногда смѣшанное изложеніе ея статей съ статьями византійскихъ источниковъ; въ четверт. аналогія, по которой кодификація отдѣльныхъ уставовъ первоначально совершается частными собирателями (вопреки Ланге).

Составъ Рус. Правды. Рус. Правда дошла до насъ во множествѣ рукописей (въ лѣтописяхъ и кормчихъ); древнѣйшая изъ нихъ (синодальная) относится къ XIII в. Въ этихъ спискахъ наименованіе памятника, порядокъ и число статей б. ч. различны. Однако, вообще въ нихъ можно различать три редакціи: краткую (сп. акад.), пространную (сп. синодальный, троицкій, карамз. и др.) и сокращенную изъ пространной (сп. кн. Оболенскаго). Въ первой изложены уставы Ярослава и его сыновей; во второй—Р. Правда, сложившаяся въ XII и XIII в. изъ уставовъ упомянутыхъ князей и послѣдующихъ дополненій. 3-я ред. не имѣетъ никакого значенія. Отсюда въ составѣ Рус. Правды различаютъ *три сборника*: Правду Ярослава, Правду Ярославичей и Правду пространную.

Правда Ярослава составлена не позже времени Ярослава (въ ней не упоминается объ отмѣнѣ мести, совершенной сыновьями Ярослава; ср. также Ак. 16 съ Кар. 76). Она имѣетъ систематическій, а не хронологическій составъ (объ убійствѣ—ст. 1; о ранахъ, увѣчьяхъ и личныхъ оскорбленіяхъ—ст. 2—9; о нарушеніи правъ имущественныхъ—ст. 10—15 и добавочн. ст. 16 и 17). Но не всѣ уставы Ярослава вошли въ нее (см. Ак. 42).

Правда Ярославичей есть сборникъ разновременныхъ уставовъ, данныхъ этими князьями какъ всѣми тремя въ совокупности (см. надпись надъ ст. 18 Ак. сп.), такъ и нѣкоторыми въ отдѣльности (Ак. 21). Составъ этой правды хронологическій: законы измѣненные и исправленные сохраняются рядомъ съ позднѣйшими исправляющими ихъ (см. 20 Ак. и 38 Ак.). Мнѣніе Ланге объ этой Правдѣ, какъ совокупности 4-хъ уставовъ Ярославичей (ст. 18—27; 28—30, 31—40; 41—43), изданныхъ ими въ разные съѣзды, бездоказательно. Сборникъ не обнимаетъ всѣхъ уставовъ Ярослава-

вичей (въ немъ нѣтъ отмѣны мести: см. Кар. 2 и 76); но за то заключаетъ въ себѣ уставы, изданные раньше Ярославичей (Ак. 42). Правда Ярославичей есть сборникъ дополнительныя къ Правдѣ Ярослава: въ немъ нѣтъ важнѣйшихъ постановленій: объ убійствѣ и пр.

Правда пространная имѣетъ двѣ половины. 1-ю законченную, вѣроятно, при Мономахѣ, 2-ю—дополнительную. Первая половина есть систематическій сводъ Правды Ярослава и его сыновей и послѣдующихъ узаконеній; вторая позднѣйшія приписки (XII и м. б. XIII в.), вносимыя въ сборникъ цѣлыми уставами; таковы: уставъ о закупничествѣ (Кар, ст. 70—75), о наслѣствѣ (103—117) и о холопствѣ (119—132). Сюда-же включенъ и уставъ о мостовыхъ (134), приписываемый Ярославу. Мнѣніе Тобина и Ланге о томъ, что вторая половина есть цѣльный уставъ Мономаха, основано на заглавіи 66-й ст. Кар. и не можетъ быть принято, потому что здѣсь есть постановленія и сыновей Ярослава (ст. 76 Кар.). Характеръ пространной Правды болѣе научный: въ немъ сводятся разновременныя постановленія въ одно (ср. Ак. 1, 18 и 21 съ Кар. 1), однородныя постановленія обобщаются (ср. Ак. 20 и 38 съ Кар. 37), уничтожается казуистическая форма законовъ (ср. Ак. 21 съ Кар. 10). Составъ пространной Правды окончательно сложился не позже половины XIII в., такъ какъ она внесена въ кормчую, написанную около 1284 г. („повелѣніемъ кн. Новгор. Дмитрія и стяжаніемъ архіеп. Новгор. Климента").

Источники Рус. Правды. Русская Правда въ главной основѣ своей имѣетъ: *княжескіе уставы;* въ ней упомянуты отдѣльно „урокъ Ярославль" о пошлинахъ въ пользу вирника (Ак. 42), уставъ Изяслава о вирѣ за голову конюшаго (Ак. 21), всѣхъ трехъ Ярославичей уставъ объ отмѣнѣ мести (Кар. 2) и объ отмѣнѣ убіенія раба за оскорбленіе свободнаго человѣка (Кар. 76), уставъ Владиміра Мономаха о процентахъ (Кар. 66). Но тѣмъ-же князьямъ принадлежатъ и другія постановленія, такъ какъ двѣ первыя Правды прямо надписываются именами Ярослава и Ярославичей. Нѣтъ сомнѣнія, что въ Правду вошли постановленія и другихъ князей, неупомянутыхъ въ ней; нѣтъ никакихъ основаній думать, чтобы движеніе законодательства вовсе остановилось на Владимірѣ Мономахѣ. —Княжескіе уставы возникали иногда по частнымъ поводамъ, когда князю приходилось судить кого-либо и дать приговоръ, не имѣющій основаній въ предшествующихъ уставахъ (см. Ак. 21). Так. обр. *судебные приговоры* могутъ быть признаны особымъ источникомъ Рус. Правды. Но судебные приговоры основывались б. ч. на *обычномъ правѣ;* собирая ихъ, составитель собиралъ собственно постановленія обычнаго права (см. Ак. 1). Собиратели несомнѣнно включали въ сборники и выбранныя отдѣльныя постановленія изъ *византійскихъ кодексовъ;* напр. постановленія объ отвѣтственности господина за преступленія его холопа (Кар. 131—132) взяты изъ эклоги: „тати

ваго раба господинъ аще хощетъ имѣти его раба, безтщетно да сотворитъ украденному; не хотяй же имѣти раба того, да отдасть совершенно господину, пострадавшему окраденіе“ (печ. кормч. гл. 49, зач. 16; подобное-же въ прохиронѣ—печ. кормч. гл. 48, гр. 39, ст. 55). Можетъ быть слѣдуетъ признать, что статьи о холопствѣ и наслѣдствѣ составлены подъ сильнымъ *вліяніемъ* византійскихъ источниковъ (сл. Рус. Пр. Кар. 128 съ догов. 1229 г. ст. 12).

Прежде существовавшее мнѣніе (нѣмецкой школы) о томъ, что главное содержаніе Рус. Правды взято изъ *древне-скандинавскихъ* и изъ *древненѣмецкихъ* законовъ, ни на чемъ не основано кромѣ общаго сходства права всѣхъ младенчествующихъ народовъ.

5. Псковская и Новгородская Судныя грамоты.

Рус. Правда есть попытка неоффиціальной кодификаціи законовъ; кодификація законодательная предпринята лишь въ XIV и XV в., именно въ Псковской и Новгородской Судныхъ Грамотахъ; оба эти памятника по времени выходятъ за предѣлы 1-го періода, но по содержанію относятся къ нему.

а) *Псковская Судная Грамота*, по надписанію ея, издана „всѣмъ Псковомъ на вѣчѣ *въ лѣто 6905* (1397), по благословенію поповъ всѣхъ 5 соборовъ“. Но здѣсь содержатся противорѣчивыя указанія, такъ какъ 5-й соборъ установленъ въ Псковѣ лишь въ 1462 г., а потому цифру 6905 обыкновенно считаютъ ошибкою переписчика и предлагаютъ читать 6975 (1467). Къ этому слѣдуетъ добавить, что въ числѣ своихъ источниковъ Пск. Суд. Грамота указываетъ грамоту кн. Константина, но такимъ княземъ можетъ б. признанъ только Конст. Дмитріевичъ, княжившій въ 1407 г. Однако, есть возможность примирить эти противорѣчія слѣд. обр.: Псковскій кодексъ составлялся не въ одинъ разъ: первоначальная его редакція можетъ и должна б. отнесена къ 1397 г.: въ 1395 году отмѣнена была, до тѣхъ поръ дѣйствовавшая во Псковѣ грамота Діонисія; надо было замѣнить ее новымъ законоположеніемъ; въ 1397 г. Псковъ, по договору съ Новгородомъ, достигъ полной независимости, а это должно было отразиться и на его внутреннемъ законодательствѣ, напр. о правахъ суда Новгор. владыки (см. ст. 2). Затѣмъ во 2-й пол. XV в. Псковская Грамота была дополнена на новомъ вѣчѣ, безъ уничтоженія и первой ея части; тогда и заглавіе ея дополнено указаніемъ на Константинову грамоту и на 5-й соборъ. Думаемъ, что въ концѣ XV в. Грамота было дополнена и въ 3-й разъ.

Составъ Псков. Суд. Гр. Доказательства такого постепеннаго происхожденія Грамоты находятся въ ея составѣ, въ которомъ явны слѣды хроно-

логическаго наслоенія содержанія: болѣе ранніе статьи, отмѣненныя или измѣненныя послѣдующими, удержаны однако въ Грамотѣ (ст. ст. 50 и 82). Всю Грамоту можно раздѣлить на 3 части: первая отъ 1 до 76 ст., вторая отъ 77 до 108, третья отъ 109 до конца. Каждая изъ нихъ начинается учредительными законами (о составѣ суда).

Источники Пс. Судн. Грамоты—всѣ указаны въ ея написаніи: она „выписана изъ грамоты в. кн. Александра и грамоты кн. Константина и изъ всѣхъ приписокъ Псковскихъ пошлинъ". Итакъ эти источники, по своему значенію, тѣ же самые, какъ и источники Рус. Пр., а именно: во-перв. *уставы княжескіе;* въ отличіе отъ древнѣйшихъ уставовъ, вошедшихъ въ Рус. Правду. Псковскіе уставы обнимали уже значительную массу узаконеній (были попытками кодексовъ) и изложены въ особыхъ грамотахъ. Первымъ законодателемъ во Псковѣ былъ кн. Александръ, по мнѣнію болѣе правдоподобному—Александръ Невскій (ок. 1242 г.), а не Александръ Мих. Тверской (княжившій во Псковѣ 1327—1337 г.): Московское правительство относится къ грамотѣ Александра съ уваженіемъ, въ которомъ оно конечно отказало-бы своему врагу—Алекс. Тверскому. Грамота Александра была дополнена архіеп. Діонисіемъ (1382 г.); но такое вмѣшательство въ законодательную дѣятельность сторонняго лица вызвало протестъ москов. митрополита (Кипріана), который и отмѣнилъ гр. Діонисія. Затѣмъ кн. Константинъ Дмитріевичъ (1407 и опять 1414 г.)—братъ в. кн. Московскаго Василія Дм. далъ свою грамоту, которая самимъ псковичамъ вскорѣ показалась вредною; по ихъ просьбѣ, митр. Фотій (1416) разрѣшилъ ихъ отъ клятвы признавать эту грамоту за законъ. Не смотря на то, въ нея могли заключаться и пригодныя постановленія, которыя и вошли во 2-ю ред. Въ редакціи, дошедшей до насъ, нельзя указать и отдѣлить эти источники.

Вторымъ источникомъ П. С. Гр. были *Псковскія пошлины*, т. е. обычное право, вѣроятно самый обильный источникъ.

Псковскій законъ черпаетъ все свое содержаніе изъ обычая; онъ отличается отъ обычая только внѣшнею принудительностію (выразившеюся въ наложеніи законодателями на самихъ себя церковной *клятвы*) и въ *письменной формѣ* (подлинникъ узаконеній хранится въ „ларѣ Св. Троицы": „раздрать грмоту" значитъ уничтожить самый законъ). Инициатива закона принадлежитъ посаднику, а принятіе его и отмѣна—вѣчу („господину Пскову"), разумѣется съ участіемъ князя (ст. 108). Публикація закона, при всенародномъ составленіи его на вѣчѣ, не имѣетъ важности.

б) *Новгородская Судная Грамота* дошла до насъ въ отрывкѣ (начальномъ). Она составлена около пол. XV вѣка „всѣми 5-ю концами, всѣмъ государемъ Вел. Новгородомъ на вѣчѣ на Ярославлѣ дворѣ" и потомъ, по завоеваніи Новгорода, в. кн. Иваномъ III, переписана на его имя въ 1471 г. Содержаніе дошедшаго до насъ отрывка все состоитъ изъ уставовъ судо-

устройства и отчасти судопроизводства: но отсюда нельзя заключать, что и все содержаніе Грамоты ограничивалось этимъ (и не касалось матеріальнаго права). Новг. Судн. Гр. не указываетъ своихъ источниковъ; но изъ содержанія ея видно, что она основана на обычномъ правѣ („по старинѣ“ ст. 3). Затѣмъ Грамота черпала изъ прежнихъ вѣчевыхъ постановленій (въ 1385 „бысть цѣлованіе... на вѣчѣ... въ томъ, что не зватися къ митрополиту, а судити владыкѣ Алексѣю въ правду по номоканону, на судъ поняти двѣма истцомъ дву бояриновъ со стороны, также и житьи по два жъ человѣка“: Рост. лѣт.; сл. Нов. Суд. Гр. ст. 1) и изъ договорныхъ грамотъ съ князьями (сл. 2 ст. Новг. Суд. Гр. съ 1 ст. Догов. съ Казим.).

Періодъ второй

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО.

Литература по вопросу о территоріи и населеніи Московскаго государства См. вышеуказанныя соч. Соловьева, Чичерина, Бѣляева, Лешкова, Дмитріева, Пахмана, Градовскаго, Сергѣевича, Загоскина и Хлѣбникова.

М. П. Погодинъ: «Приращеніе Москвы» (Истор.-крит. отрывки.) М. 1846.

И. Д. Бѣляевъ: «Городъ Москва съ его уѣздомъ» (Москвит. 1844, кн. I. V).

Н. В Станкевичъ: «О причинахъ постепен. возвышенія Москвы (Учен. зап. Моск. Унив. № 1—2).

В. Вешняковъ: «О причинахъ возвышенія Москов. княжества». Спб. 1851 г.

С. М. Соловьевъ: «Взглядъ на ист. установленія госуд. порядка въ Россіи». М. 1852.

Н П. Костомаровъ: «Начало единодержавія» (Вѣстн. Евр. 1870, дек.).

П Е Забѣлинъ: «Взглядъ на развитіе Московскаго единодержавія» (Истор. Вѣстн. 1881 г.).

П. В. Полежаевъ: «Московское княжество въ 1-й пол. XIV в.» (Историч. Библіот. 1878, янв., февр. и мартъ).

И. Д. Бѣляевъ: «Жители Московскаго государства, ихъ права и обязанности» (Временникъ Общ. Ист. и Др. Рос. Кн. 1 и 3, 1849).

Ф. Миллеръ: «Извѣстія о дворянахъ россійскихъ, о ихъ начальномъ происхожденіи» и пр. Спб. 1790.

«О началѣ и происхожденіи Россійскаго дворянства» (Отеч. Зап. 1826, № 7).

Порай-Кошицъ: «Очеркъ исторіи дворянъ отъ пол. IX до конца XVIII в.» 1874.

Яблочковъ: «Исторія дворянскаго сословія въ Россіи», 1876.

Бѣловъ: «Объ историческомъ значеніи боярства». 1886 г.

Д. В. Валуевъ: «О мѣстничествѣ» (Симб. Сборн. 1845).

А. Зернинъ: «Судьба мѣстничества, преимущественно при первыхъ двухъ государяхъ династіи Романовыхъ» (Арх. ист.-юр. свѣд. Н. В Калачова, 1859, № 3).

С. М. Соловьевъ: «О мѣстничествѣ» (Моск. Сборн. 1847).

А. Маркевичъ: «О мѣстничествѣ». 1879.

Б.: «О правахъ и обязанностяхъ купечества Россійскаго до нач. XIX в. (Вѣстн. Евр. 1826, № 23 и 1827 г. № 7).

Вас. Болтинъ: «Разсужденіе о происхожденіи купеческаго сословія въ Россіи» М. 1827.

М. М. Михайловъ: «Исторія состоянія городскихъ обывателей въ Россіи съ самыхъ древнихъ временъ до настоящаго времени». М. 1849.

Л. О. Плошинскій: «Городское, или среднее состояніе русскаго народа въ его историческомъ развитіи отъ нач. Руси до новѣйшихъ временъ». Спб. 1852.

С. М. Соловьевъ: «Московскіе купцы» (Современникъ 1858 г. т. LXXI)

А. Пригара: «Опытъ историческаго изслѣдованія состоянія городскихъ обывателей въ восточной Россіи». Ч. I. «Происхожденіе состоянія городскихъ обывателей въ Россіи и организація его при Петрѣ В.» 1868.

С. М. Соловьевъ: «Взглядъ на состояніе духовенства въ древней Руси до полов. XVIII в.» (Чтенія въ общ. ист. и др. Р. 1847, № 6).

Калмыковъ: «Краткое обозрѣніе постепеннаго образованія разныхъ классовъ сельскихъ обывателей въ Россіи» (Арх. ист. и практ. свѣдѣній, Н. В. Калачова, кн. III, 1860).

К. П. Побѣдоносцевъ: «Замѣтки для исторіи крѣпостнаго права въ Россіи» (Русск. Вѣстн. 1858 г. №№ 11, 12 и 16).

К. С. Аксаковъ: «О состояніи крестьянъ въ древней Россіи» (Полн. Собр. Соч. 1861).

М. П. Погодинъ: «Должно-ли считать Бориса Годунова основателемъ крѣпостнаго права?» (Русск. Бесѣда, 1858 г. кн. XII).

Н. И. Костомаровъ—тоже (Ист. Моногр. I).

Соколовскій: «Очерки исторіи сельской общины» (Знаніе, 1877 г. и въ др. журн.).

Ключевскій: «Происхожденіе крѣпостнаго права въ Россіи» (Русск. Мысль, 1885).

J. Engelmann: «Die Leibeigenschaft in Russland. Eine rechthistorische Studie» Dorp. 1884.

Отношеніе къ предыдущему періоду.

Въ XIII в. на востокѣ Европы совершилось два весьма важныхъ событія, которыя должны были во многомъ измѣнить естественный ходъ развитія русскаго государственнаго права; разумѣемъ—нашествіе татарскихъ ордъ съ востока и усиленное движеніе нѣмцевъ съ запада. Отчасти подъ вліяніемъ этихъ событій изъ прежнихъ русскихъ Земель создаются два большихъ государства: Московское и Литовско-Русское, хотя оба—русскія, но во многомъ противоположныя другъ другу. Но еще больше противоположеній можно найти между этими обоими государствами и прежнимъ земскимъ строемъ государства перваго періода. Территоріи новыхъ государствъ,

сравнительно съ прежними землями, громадны. Власть въ Московскомъ государствѣ (а первоначально и въ Литовскомъ) сосредоточивается въ лицѣ великаго князя и становится вполнѣ монархическою и вотчинною; вѣче изчезаетъ; населеніе закрѣпощается; самый терминъ, которымъ нынѣ обозначается на русскомъ языкѣ политическій союзъ, т. е. „государство", слагается только теперь: „а напередъ того не бывало; никотораго великого князя государемъ не зывали, но господиномъ" (Воскр. лѣт. подъ 1477 г.). Наблюдая эти признаки противоположности, нерѣдко приходятъ къ мысли, что Московское государство (а равно и Литовское) не связаны ничѣмъ генетически съ прежнимъ государственнымъ устройствомъ древней Руси; признаютъ эти государства вполнѣ новымъ явленіемъ и происхожденіе ихъ объясняютъ случайными фактами внѣшними (татарскимъ и литовскимъ завоеваніемъ); а если иногда допускаются и внутреннія причины, то столь-же случайныя (практическая ловкость Московскихъ князей и военная талантливость Литовскихъ). Такой анти-историческій взглядъ происходитъ какъ отъ недостаточно внимательнаго анализа явленій перваго періода, такъ и отъ превратнаго пониманія явленій втораго періода. Какъ Московское, такъ и Литовское государство одинаково тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ государственнымъ бытомъ перваго періода. По общему закону историческихъ явленій, территорія государства безостановочно растетъ и расширяется. стремленіе къ основанію единаго государства на національныхъ началахъ замѣчается уже съ древнѣйшихъ временъ (см. выше о началѣ единодержавія до Монголовъ, стр. 17 и сл. и „Начала государств. объединенія" въ земскомъ періодѣ); единство власти, въ зачаточной формѣ, существуетъ уже тогда въ единствѣ княжескаго рода и союзѣ князей (см. тамъ-же). Достаточенъ былъ лишь внѣшній толчекъ для того, чтобы дать этимъ началамъ восторжествовать надъ противоположнымъ явленіемъ земскаго раздробленія территоріи. Что касается до характера госуд. власти, то уже въ первомъ періодѣ (совершенно независимо отъ внѣшнихъ вліяній) въ сѣверо-восточныхъ русскихъ Земляхъ беретъ перевѣсъ княжеская власть; но и вездѣ, кромѣ В. Новгорода, она ничѣмъ не была ограничена въ принципѣ. Не смотря на все это несомнѣнно, что ни движеніе азіатскихъ ордъ, ни обратное движеніе западнаго міра на востокъ не оставалось безъ вліянія на судьбу и характеръ двухъ русскихъ государствъ.

Исходные моменты II-го періода: движеніе нѣмцевъ на востокъ и татарское нашествіе.

Міръ Летто-Славянскій самою географическою природою поставленъ между западомъ Европы и азіатскимъ востокомъ; ему предстояла двойная задача охранять себя съ этихъ двухъ, равно враждебныхъ и чуждыхъ ему сторонъ.

Западная Русь съ XIII в. подвергается литовскому завоеванію и изъ нея образуется большое *государство Литовско-Русское*. Но самое движеніе Литвы на Русь было вызвано усиленнымъ движеніемъ западныхъ народовъ, въ частности нѣмцевъ, на востокъ, на міръ Летто-Славянскій. Это движеніе, начавшееся со временъ Карла В. и нѣсколько остановленное крестовыми походами, вновь усилилось съ конца XII и нач. XIII в. Нѣмцы явились на восточныхъ берегахъ Балтійскаго моря по согласію и по вызову самихъ славянъ въ борьбѣ ихъ съ литовцами: въ 1186 г. основана на З. Двинѣ миссія Мейнгарда съ согласія Полоцкаго князя, преемники Мейнгарда окружили себя рыцарями изъ нѣмецкихъ странъ и начали распространять католичество мечемъ. Въ 1200 г. основана Рига, а въ 1201 г. орденъ Меченосцевъ. Рижскій епископъ оттѣснилъ русскія колоніи (Кукейносъ и Герцикъ) съ низовьевъ Двины и принуждалъ русскихъ князей быть его данниками. Рига и орденъ Меченосцевъ дѣйствовали непосредственно на финское населеніе (Ливь) и лишь отчасти тѣснили къ югу Литовцевъ. Но въ 1225 г. Конрадъ кн. Мазовецкій вызвалъ для борьбы съ Литовцами Тевтонскій (нѣмецкій) орденъ, которому уже нечего было дѣлать въ Палестинѣ. Конрадъ предложилъ рыцарямъ землю Хельмскую (Кульмскую); но орденъ получилъ эту землю изъ рукъ имперр Фридриха II, какъ непосредственный ленъ Германской имперіи; въ 1228 г. рыцари поселились въ новыхъ владѣніяхъ и начали тѣснить Пруссовъ, раздѣленныхъ на 11 областей и безсильныхъ противъ опытности и искусства нѣмцевъ; тщетны были ихъ періодическія возстанія противъ новыхъ господъ; имъ оставалось только или покориться, или бѣжать въ единоплеменную Литву. Рыцари начали занимать и города, непосредственно подчиненные русскимъ князьямъ; но важнѣе всего было то, что Литва, усиленная бѣглецами Пруссами и тѣснимая съ запада, начала сплачиваться въ одно государство, которое стало подвигаться на востокъ на русскія Земли, гдѣ сила противодѣйствія была ослаблена татарскимъ опустошеніемъ. Съ полов. XIII в. Литовскіе князья овладѣваютъ всею прежнею Полоцкою Землею и смѣняютъ здѣсь собою Рюриковичей; въ первой четверти XIV в. они овладѣваютъ Волынскою и Кіевскою (при Гедиминѣ), а потомъ остальными при Ольгердѣ. Витовтъ сообщаетъ государству единодержавный строй Это государство явилось лучшимъ оплотомъ для славянскаго востока отъ нападеній нѣмецкаго ордена; Грюнвальденская битва (1410) при Витовтѣ равняется по своему всемірно-историческому значенію съ Куликовскою на востокѣ. Хотя так. обр. это государство ордену не удалось онѣмечить и сдѣлать вполнѣ католическимъ, но оно во многомъ примкнуло къ западному міру; высшіе слои общества начали принимать католичество, средній—городской классъ усвоилъ себѣ т. н. нѣмецкое право. Примкнувъ къ Польшѣ, въ слѣдствіе опасности отъ того же ордена для самой Польши, (чрезъ личную унію при Ягеллѣ 1386 г., и снова Городельскую

унію 1413 г., и потомъ реальную унію—Люблинскую 1569 г. при Сигизмундѣ Августѣ), оно во многомъ сдѣлалось враждебнымъ для русскихъ историческихъ началъ, проявившихся въ первый періодъ, именно: получило исключительно сословное устройство (съ преобладаніемъ шляхетства).

Движеніе западнаго міра не ограничилось основаніемъ двухъ орденовъ съ ихъ послѣдствіями для судьбы западной Россіи. Какъ орденъ Меченосцевъ, такъ и сѣверныя скандинавскія государства непосредственно начали дѣйствовать и на сѣверную Русь, руководясь міровыми задачами католической политики. Меченосцы захватили земли по Чудское озеро и наконецъ овладѣли самимъ Псковомъ. Король Датскій старался захватить Эстонію. Шведы въ 1240 г. подъ вліяніемъ папскихъ посланій, предприняли общій крестовый походъ противъ русскихъ; борьба съ ними выпала на долю однихъ Новгородцевъ, которые подъ предводительствомъ знаменитаго князя Александра, прозваннаго Невскимъ, поразили шведовъ на Невѣ и тѣмъ на долго обезопасили русскіе предѣлы съ этой стороны. Тотъ же Александръ побѣдилъ нѣмцевъ ордена Меченосцевъ въ 1241 и особенно въ 1242 г. въ знаменитомъ Ледовомъ побоищѣ, на Чудскомъ озерѣ, освободивъ предъ тѣмъ Псковъ. Точно также и Литва, безпокоившая уже непосредственно предѣлы Суздальской Земли, а также Псковской и Новгородской, была отражена тѣмъ же Александромъ въ битвѣ подъ Тропцемъ (1245).

Всѣ эти битвы происходили почти въ тѣ же самые года, когда совершалось съ другой стороны опустошеніе русскихъ предѣловъ полчищами Батыя: Александръ сражался со Шведами на Невѣ въ тотъ моментъ, когда на югѣ Батыи разрушалъ Кіевъ. Для сѣверной Руси (будущаго Московскаго государства) несомнѣнно большее значеніе имѣетъ это обратное движеніе азіатскихъ ордъ. Древняя Русь сама постепенно распространяла свои владѣнія на востокъ. Настала иная пора. Темный переворотъ внутри Азіи выбросилъ въ Европу цѣлыя народонаселенія первой страны, что грозило совершеннымъ подавленіемъ европейской цивилизаціи. Въ 1223 г. всѣ южнорусскіе князья разбиты татарами на р. Калкѣ; въ 1237 татары завоевали и опустошили Землю Рязанскую, въ 1238—Землю Суздальскую и отчасти Новгородскую; въ 1239—Землю Черниговскую; въ 1240 г. Землю Кіевскую, Волынскую и Галицкую. Непосредственному нашествію татаръ не подвергались только сѣверо-западныя Земли: Полоцкая, Смоленская, Псковская и отчасти Новгородская; но предъ ними стоялъ врагъ не менѣе опасный и сильный, уже извѣстный намъ. Первымъ слѣдствіемъ нашествія татаръ было ослабленіе матеріальной силы русскихъ государствъ, именно уменьшеніе числа населенія и экономическихъ средствъ: въ г. Владимірѣ (Волынскомъ) не осталось ни одного живаго человѣка; изъ гор. Берестья нельзя было выйти отъ трупнаго смрада во всей окрестной странѣ; въ Кіевѣ насчитывалось не болѣе 200 домовъ; „по окрестностямъ (Кіева) путеше-

ственники находили безчисленное множество череповъ и костей человѣческихъ, разбросанныхъ по полямъ“ (Соловьевъ, И. Р. III, 211). Въ Переяславлѣ (южномъ) татары перебили половину жителей, а другую отвели въ плѣнъ. На сѣверѣ въ Торжкѣ истребили всѣхъ жителей; въ Козельскѣ перебиты всѣ не только способные носить оружіе, но и жены и дѣти ихъ; подобной участи подверглись и всѣ страны Земли Рязанской и Суздальской. При повторяющихся нашествіяхъ татаръ, жители разбѣгались изъ городовъ и селъ и крылись по лѣсамъ. Вообще татарское опустошеніе привело къ уменьшенію городскаго, „лучшаго“ населенія; жители открытыхъ мѣстъ, селъ не были опасны для завоевателей; сила военной обороны, съ паденіемъ городовъ, пала.—Вторымъ слѣдствіемъ нашествія татаръ было уменьшеніе нравственной энергіи, стойкости въ населеніи. Въ лучшемъ случаѣ населеніе могло отстаивать свои плоды христіанской цивилизаціи путемъ пассивнаго сопротивленія—мученичества. Вѣрнѣйшимъ выходомъ представлялось безусловное подчиненіе тому, кто взялся бы защитить населеніе отъ татаръ мирными, или военными средствами. Такъ югъ и западъ Россіи легко и почти добровольно подчинился Литовскимъ завоевателямъ и тѣмъ равно освободился отъ татарскаго вліянія.

Другимъ выходомъ изъ гнетущей бѣды естественно представлялась тогда необходимость скученія силъ въ большія массы для общей защиты. Разбросанныя и разъединенныя силы русскихъ Земель были легко поражены татарами; за то потомъ всякая попытка свергнуть иго вызывала единодушное подчиненіе мѣстныхъ князей одному вождю; когда Олегъ Рязанскій уклонился отъ общаго похода князей на Куликово поле, то современники покрыли его за то самою позорною репутаціею. Таковы *отрицательныя* стороны татарскаго вліянія, подъ которыми преимущественно образовалось Московское государство. Какъ борьба съ западомъ отразилась на характерѣ Литовскаго государства, такъ борьба съ востокомъ не могла не наложить свою печать на внутреннемъ складѣ Московскаго государства.

Положительныя стороны этого вліянія весьма спорны какъ относительно предметовъ, такъ и относительно способовъ заимствованія монгольскихъ порядковъ.

а) Н. И. Костомаровъ предполагалъ, что самое *единство госуд. территоріи (единодержавіе)* обязано своимъ возникновеніемъ татарской власти; онъ выводитъ этотъ результатъ изъ фактической власти хана надъ русскою землею. Ханъ признаваемъ былъ верховнымъ государемъ, царемъ русской земли, которая составляла одну провинцію его обширнаго царства, а русскіе великіе князья—его подручными провинціальными правителями; так. обр. общія главныя начала монгольскихъ госуд. порядковъ примѣнены и къ Руси, а затѣмъ по освобожденіи, перелиты на русскихъ великихъ князей, унаслѣдовавшихъ власть хановъ. Въ частности вся земля, обладаемая ха-

номъ, считалась его частною собственностью; такъ стали смотрѣть на свое государство и русскіе князья.—Но противъ этой мысли говоритъ то весьма важное обстоятельство, что русская земля не находилась подъ непосредственнымъ управленіемъ монголовъ (что составляетъ ея особенность между всѣми другими улусами монгольскаго ханства); лишь въ началѣ татарскаго ига были назначены баскаки въ разныя княжества, но не столько въ качествѣ правителей, сколько въ роли сборщиковъ податей; вскорѣ и эти чиновники хана исчезаютъ и вся власть опять переходитъ въ руки туземныхъ князей. Далѣе: въ сознаніи населенія власть хана всегда оставалась узурпированною и не признана была правомѣрною. „Который пророкъ пророчьствова, или апостолъ который, или святитель научи сему богостудному и скверному, самому называющуся царю (т. е. татарскому хану) повиноватися тебѣ, великому русьныхъ странъ христіанскому царю (т. е. вел. князю Московскому)? Точію нашего ради съгрѣшенія,... паче же отчаянія... попусти Богъ на прародитель твоихъ и на всю землю нашу окаяннаго Батыя, иже пришедъ разбоійнически въцарися надъ ними, а не царь сый, ни отъ рода царьска“ (изъ послания Вассіана къ в. к. Ивану Вас.).—Кромѣ уплаты дани, единственное непосредственное отношеніе хановъ къ русскому государственному праву состоитъ *въ утвержденіи князей на ихъ княжескихъ столахъ*. Обыкновенно ханы утверждали какъ великимъ, такъ и мѣстнымъ княземъ того, кто имѣлъ на то право по родовымъ или отчиннымъ основаніямъ, указаннымъ въ русскомъ обычномъ государств. правѣ. Рѣшеніемъ хана, не согласнымъ съ обычнымъ порядкомъ распредѣленія столовъ, иногда открыто противилось само населеніе: „въ 1371 году вышелъ изъ Орды кн. Михаило Александровичъ на великое княженіе и восхотѣлъ сѣсть на столѣ во Владимирѣ и *не приняли его*, говоря такъ: „взялъ ты ложью великое княженіе“ (Троицк. лѣт.). Поѣздка въ Орду и утвержденіе со стороны хана означали лишь фактическое укрѣпленіе власти; ѣздили за татарскою помощью теперь точно такъ-же, какъ въ древности—за помощью половецкою. Впрочемъ, такъ какъ само русское государственное право выработало уже издревле власть князя старшаго города надъ князьями мѣстными той-же Земли, съ помощью татаръ усиливается и это явленіе: когда по смерти Ив. Калиты, великое княженіе получилъ сынъ его Семенъ Ивановичъ (Гордый), то „вси князи русскіи подъ рукѣ его даны“. Здѣсь разумѣются собственно князья Суздальской земли. Ниже будетъ указанъ путь образованія единаго государства изъ естественнаго развитія древне-земскихъ началъ.

б) Другіе указываютъ слѣдъ татарскаго вліянія во *внутреннемъ характерѣ власти Московскаго государства*, именно въ закрѣпощеніи всѣхъ классовъ общества (genti adscriptio), что спеціально характеризуетъ монгольское госуд. право; способомъ перехода этого явленія въ русское право считаютъ *прямое заимствованіе письменныхъ законовъ монгольскихъ*. Но

частный характеръ власти государя надъ землею и населеніемъ коренится въ древнѣйшемъ строѣ всякаго общества (во власти домовладыки) и не чуждъ и русскому праву I-го періода. Съ друг. стороны понятіе о вотчинномъ характерѣ власти Московскихъ государей преувеличено. Что касается способа заимствованія, то законы монголовъ: Чингизова Яса, Цааджинъ—Бичикъ и др.) совершенно не были извѣстны на Руси.

в) Наконецъ С. М. Соловьевъ совершенно *отвергаетъ слѣды татарскаго вліянія* въ русскомъ государственномъ правѣ, утверждая, что родовыя основанія госуд. власти одинаковы какъ въ до-монгольскую, такъ и послѣ монгольскую эпоху, и что они путемъ естественнымъ переходятъ въ XIV и XV вв. въ государственныя Но и съ этою мыслію, какъ преувеличеніемъ, согласиться нельзя.

Ни самое Московское государство, ни существенныя его особенности дѣйствительно не созданы татарскимъ завоеваніемъ; между древнею Русью и этимъ государствомъ существуетъ прямая связь преемственности; но 200-лѣтнее иго, отразившись на характерѣ порабощеннаго населенія, сообщило и государству нѣкоторыя частныя черты азіатскаго строя,—черты, которыя уясняются ниже.

Московское государство въ той-же мѣрѣ усвоило чужія восточныя особенности, въ какой Литовско-Русское—чужія западныя.

А. Территорія Московскаго государства.

1) **Элементы, изъ которыхъ составилась территорія Московскаго государства** суть: а) сѣверно-русскія Земли. Суздальская (съ отдѣлившеюся отъ нея Тверскою), Рязанская, Псковская, Новгородская (съ Вятскою и колоніями на финскомъ сѣверовостокѣ) и Смолемская; б) поволжскія, донскія и сибирскія татарскія страны.—Так. обр. слѣдуетъ имѣть въ виду во перв. образованіе единой государственной территоріи *(единодержавія)* изъ сѣверно-русскихъ Земель, во втор. расширеніе территоріи на страны нерусскія. Первое совершилось въ XIV и XV, второе въ XVI и XVII вв.

2) **Начало единодержавія; государственный строй сѣверной Руси въ XIV в.** Зерномъ Московскаго государства послужила Земля Суздальская; въ XIV в. государственное единство простиралось только на одну эту Землю и только одна она именовалась Московскимъ государствомъ; въ XV в. единодержавіе распространилось на прочія сѣв. рус. Земли.

Объединеніе Суздальской Земли. Суздальская Земля была наиболѣе цѣльною изъ всѣхъ русскихъ Земель I-го періода; она сохранила свое единство при Юріѣ Влад. (сынѣ Мономаха), и его дѣтяхъ: Андреѣ Боголюбскомъ и Всеволодѣ III; но въ XIII в. она раздѣлилась на четыре главныхъ

княжества, а именно: *Ростовское*, занимавшее сѣверъ этой Земли (Ярославль, Угличъ, Бѣлоозеро); *Суздальско-Нижегородское*, занимавшее востокъ ея—по низовьямъ Оки и по Волгѣ (въ потомствѣ сына Ал. Невскаго—Андрея); *Московское* въ центрѣ и на югѣ Суздальской Земли (въ потомствѣ сына Невскаго—Даніила) и *Тверское* (въ потомствѣ брата Невскаго—Ярослава). Каждое изъ этихъ княженій стремилось къ полной самостоятельности и нѣкоторыя изъ нихъ именовались великими княженіями. Каждое изъ нихъ претендовало на всѣ внутреннія и внѣшнія суверенныя права: право войны и мира, право высшаго суда и управленія. Но полной самостоятельности и совершеннаго выдѣленія изъ Суздальской Земли достигло лишь вел. княжество Тверское.

Каждое изъ этихъ княжествъ дѣлилось на свои *удѣльныя княжества*, что было неизбѣжно при частномъ (вотчинномъ) наслѣдованіи всѣхъ членовъ княж. рода. Вотчинный взглядъ на княжества былъ естественнымъ послѣдствіемъ торжества принципа наслѣдованія столовъ, съ устраненіемъ уже всякаго участія въ преемствѣ князей со стороны населенія. Народныя вѣча являются только въ видѣ возстанія массъ преимущественно противъ татаръ (мы видѣли, что татарами было истребляемо именно городское населеніе, собиравшееся прежде на вѣча). Высшіе классы населенія оставались еще при прежнихъ своихъ правахъ (право выхода бояръ съ сохраненіемъ отчинъ); и вообще на населеніе вотчинныя права князей еще не простирались; князья имѣли лишь государственныя права суда и управленія, но за то этими послѣдними распоряжались по частнымъ сдѣлкамъ (по завѣщаніямъ, по куплѣ, залогу и т. д.). Владѣнія дробились болѣе и болѣе и сдѣлались черезполосными, такъ что государство должно было, повидимому, изчезнуть въ мелкихъ вотчинахъ. Поворота къ цѣлости государственной (земской) территоріи нельзя было ожидать отъ интересовъ самихъ князей, такъ какъ сильный князь, овладѣвъ большимъ участкомъ, снова дробилъ его между своимъ потомствомъ.

Однако цѣльность Земли Суздальской (равно и другихъ: Рязанской, Тверской) не была разрушена этою дробностію владѣній и вскорѣ возстановлена еще съ большею крѣпостію. *Идея единаго государства сохранялась въ сознаніи о политическомъ единствѣ Земли*; такое сознаніе, выработанное исторіею въ I-мъ періодѣ, и теперь сохранялось какъ въ населеніи, такъ и въ князьяхъ. Измельчаніе княжествъ, обезсиливая ихъ, лишь облегчало ихъ присоединеніе. Упомянутая идея выражалась въ существованіи одного—старшаго, *стольнаго города* и понятія о *власти князя этого города надъ пригородными*,—князя, называемаго теперь великимъ. Въ цѣлой прежней Суздальской Землѣ былъ сначала общій стольный городъ Владиміръ (въ Рязанской—Переяславль, въ Тверской—Тверь). Въ XIV в. въ Суздальской Землѣ совершилось перемѣщеніе такого центра изъ Владиміра въ Москву

по слѣд. причинѣ. Мѣстные князья считали свои наслѣдственныя Земли отчиною, потомственною собственностію и, дѣлаясь великими, не переходили уже на жительство во Владимірь и не уступали своихъ прежнихъ удѣловъ другимъ младшимъ, а старались перенести символы власти старшаго города изъ Владиміра въ свой удѣлъ; такъ при Калитѣ Суздальскій князь Александръ Васильевичъ хотѣлъ перенести старинные символы обще-земской власти въ свой Суздаль, но неудачно: „Сій князь Александръ изъ Володимеря вѣчьный колоколъ св. Богородици возилъ въ Суждаль, и колоколъ не почалъ звонити, якоже былъ во Володимерѣ; и видѣ Александръ, яко съгрубилъ св. Богородици, и повелѣ его паки везьти въ Володимеръ; и поставиша его въ свое мѣсто и паки бысть гласъ, якоже и преже богоугоденъ“. Это, однако, удалось князю Московскому. За велико-княжеское достоинство и за обладаніе городомъ Владиміромъ шла постоянная борьба между упомянутыми мѣстными княжествами: между Тверскимъ и Московскимъ (1304—1328) и между Суздальскимъ и Московскимъ (1359—1364). Борьба кончилась побѣдою Московскаго княжества, въ которомъ цѣлый рядъ князей потомственно обладалъ одинаковыми качествами ловкости, осторожности и практической мудрости (Даніилъ Александровичъ † 1303, Юрій Даніиловичъ † 1325, Иванъ Даніиловичъ Калита † 1341, Симеонъ Ивановичъ Гордый † 1353, Иванъ Ивановичъ † 1359, Дмитрій Ивановичъ Донской † 1389, Василій Дмитріевичъ † 1425). Великое княжество Владиміpское почти постоянно принадлежало этому роду, *съ незначительными* перерывами (въ нач. вѣка и въ малолѣтство Дмитрія *Ивановича*). *Въ теченіи* этого времени всѣ символы великокняж. *власти перешли окончательно* въ Москву, что̀ впрочемъ означало лишь новую побѣду пригорода надъ старшимъ городомъ, подобно тому какъ въ XII в. гор. Владиміръ оттѣснилъ собою Ростовъ и Суздаль. Это передвиженіе для правовой исторіи совершенно безразлично, т. е. все равно, станетъ ли во главѣ будущаго государства Тверской, Суздальскій, или Московскій князь. Во всякомъ случаѣ значеніе старшаго города и соединенное съ нимъ великокняж. достоинство утвердилось за Москвою.

Кто владѣлъ старшимъ городомъ, тотъ былъ и именовался *великимъ княземъ* и имѣлъ нѣкоторыя значительныя права надъ князьями мѣстными (*удѣльными*). Права эти образовались еще въ I-мъ періодѣ и теперь укрѣплены съ помощью татаръ. Когда Семенъ Ив. Гордый былъ утвержденъ въ Ордѣ вел. княземъ, то „вси князи рускіи подъ руцѣ его даны“ (Воскр. лѣт. 1341). О Дмитріѣ Ив. Донскомъ пишется, что онъ „призва вся князи рускіе земли, сущая подъ властію его“ (ibid. подъ 1389 г.). Сношенія иностранныя (съ Ордою) принадлежатъ вел. князю, но не удѣльнымъ, особенно платежъ выхода въ Орду, что̀ служило къ обогащенію великихъ князей и усиленію ихъ военнаго могущества и вліянія; хотя удѣльные князья

и содержатъ свои военныя дружины и нерѣдко вступаютъ въ войну какъ между собою, такъ и съ великими князьями; но это право не признается за ними въ договорахъ и есть возстаніе противъ власти вел. князя. И внутреннія права ихъ суда и управленія подлежатъ ограниченіямъ: въ судебныхъ дѣлахъ иногда апелляція и докладъ идутъ къ вел. князю, а къ удѣльному только тогда, когда онъ—въ Москвѣ (см. Губи. Моск. Запись XV в.); право уголовнаго суда иногда вовсе не принадлежитъ удѣльнымъ. Удѣльные князья болѣе могущественные и имѣвшіе своихъ „подудѣльныхъ", болѣе или менѣе высвобождались фактически изъ подъ такой зависимости; но никогда вполнѣ не отрицали правъ и власти вел. князя.

Такое значеніе князей старшихъ городовъ одинаково, какъ въ Москов. вел. княжествѣ, такъ и въ Рязанской и Тверской земляхъ: въ 1340 г. в. кн. Рязанскій Иванъ Коротополъ встрѣтилъ кн. Пронскаго (удѣльнаго) Александра Мих., который ѣздилъ въ Орду выходъ; вел. князь схватилъ его, ограбилъ и приказалъ потомъ убить въ своемъ стольномъ городѣ. Въ 1412 г. в. кн. Тверской Иванъ Михайловичъ противопоставляетъ притязаніямъ своего удѣльнаго князя Юрія слѣдующ. принципъ: „ярлыкъ царевъ данъ ми есть на всю Землю Тверскую, и самъ Юрій въ ярлыцѣ царемъ данъ ми есть" (П. Собр. Рус. лѣт. XV, 480). Впрочемъ слѣдуетъ замѣтить, что въ другихъ Земляхъ по разнымъ обстоятельствамъ (многочисленности членовъ княж. рода) объединеніе власти совершалось гораздо медленнѣе и съ меньшимъ успѣхомъ, чѣмъ въ Московскомъ.

Московскіе в. князья не только успѣшно укрѣпляли старинную власть в князя надъ удѣльными, но и удачно пользовались ею для увеличенія своего наслѣдственнаго удѣла на счетъ прочихъ княжествъ, что при вотчинныхъ началахъ государства, совершалось б. ч. частными средствами, именно: куплею (такъ *Бѣлоозеро*, *Угличъ и Галицкое княжество* куплены у владѣтельныхъ князей этихъ странъ Иваномъ Калитою); пріобрѣтеніемъ по завѣщанію (такъ *Переяславское княжество* досталось Даніилу Александр. въ 1302 г. по завѣщанію послѣдняго мѣстнаго князя) и наконецъ завладѣніемъ безъ войны. „наста насиловане много, сирѣчь княженіе великое Московское досталось Ивану Даниловичу, купно же и *Ростовское* къ Москвѣ. Увы, увы тогда граду Ростову, *паче-же и княземъ ихъ*, яко отъяся отъ нихъ власть, и имѣніе, и честь и слава и потягнуша въ Москвѣ"... (Пов. о св. Сергіи въ Никон. лѣт. IV, 204). Полное уничтоженіе самостоятельности всѣхъ Ростовскихъ князей относится къ времени в. кн. Вас. Дмитріевича; тѣнь самостоятельности Ярославскихъ князей продолжалась до Ивана III. Въ 1392 г. присоединено обширное *княжество Суздальско-Нижегородское* по ярлыку ханскому: „бояре Московскіе, въѣхавъ въ городъ (Нижній-Новгородъ), ударили въ колокола, собрали жителей, объявили Василія (Дмитріевича) ихъ государемъ. Тщетно Борисъ (кн. Нижегородскій) звалъ къ себѣ дружину

свою". (Кар. II. Г. Р. т. V, 76). Населеніе мѣстныхъ княжествъ находило для себя болѣе выгоднымъ принадлежать одному сильному государству, способному защищать его. Так. обр. *къ концу XIV в. вся прежняя Суздальская Земля*, именуемая теперь Московскимъ великимъ княжествомъ, *соединилась вокругъ Москвы*, чѣмъ, впрочемъ, лишь возстановлено единство ея, бывшее при Юріи Долгорукомъ, Андреѣ Боголюбскомъ и Всеволодѣ.

3. **Отношеніе вел. княжества Московскаго къ прочимъ сѣверно-русскимъ Землямъ** *(сѣверно-русскій союзъ)*. Внѣ Суздальской земли были еще совершенно самостоятельныя вел. княжества Тверское и Рязанское, были еще Новгородъ и Псковъ. На эти земли власть вел. князя Московскаго не простиралась. Однако начавшійся процессъ развитія единодержавія не остановился на предѣлахъ Суздальской Земли, т. е. не ограничился тѣмъ, что было создано еще въ I періодѣ. Но и въ дальнѣйшемъ движеніи единодержавія дѣйствовали начала, возникшія также въ I періодѣ. Рязань, Тверь, Новгородъ, Псковъ и сильнѣйшія княжества самой Суздальской земли (до ихъ присоединенія) не подлежатъ непосредственной власти великаго князя Московскаго; между тѣмъ всѣ эти земли составляютъ уже въ XIV в. одинъ тѣсный и постоянный *союзъ*, который по прежнему опирается на родствѣ правящихъ князей, на княжескихъ съѣздахъ для рѣшенія общихъ дѣлъ (уже при участіи ханскаго посла, который сообщаетъ рѣшеніямъ съѣздовъ внѣшнюю обязательность), на церковномъ единствѣ, но всего больше на единствѣ національномъ.

Признаки дѣйствительнаго существованія такого *союза* можно извлечь (изъ многочисленныхъ договорныхъ грамотъ того времени) слѣдующіе. а) *единство политическихъ интересовъ*. Хотя фактически войны между членами союза не прекращаются, но между ними установленъ постоянный *третейскій судъ* (третьимъ назначается незаинтересованный членъ Союза); если приговоръ третейскаго судьи не исполненъ одною стороною, то противная сторона можетъ привести его въ исполненіе силою, каковой поступокъ уже не считается нарушеніемъ правъ Союза: „а то ему не въ измѣну".—Союзъ имѣетъ оборонительный характеръ противъ иностранныхъ государствъ: Орды, Литвы и нѣмцевъ: при нападеніи татаръ на одного члена Союза другіе обязаны защищать его какъ себя; рѣшеніе наступательной войны противъ татаръ, или уплаты имъ „выхода"—дани должно быть по общей „думѣ" (соглашенію).—б) *Единство дѣйствія гражданскаго и уголовнаго права* во всѣхъ частяхъ Союза. бояринъ, переходящій на службу въ другое княжество, не лишается въ прежнемъ своихъ земельныхъ владѣній (за исключеніемъ бояръ В. Новгорода, что̀ служитъ признакомъ большой госуд. обособленности этого государства). Власти одного княжества обязаны исполнить приговоры судовъ другаго: „Суженое, положеное, даное, поручное ...судъ отъ вѣка"; каждый изъ гражданъ одного государства можетъ пре-

слѣдовать должника или холопа на территоріи другаго государства. „Татя, разбойника и душегубца выдати по исправѣ“. При искахъ гражданъ одного княжества предъ властями другаго устанавливаются одинаковыя вездѣ судебныя пошлины. Для рѣшенія пограничныхъ распрей между гражданами двухъ или нѣсколькихъ государствъ устанавливаются *суды общіе* изъ судей назначенныхъ обѣими сторонами; если общіе судьи, по несогласію, не рѣшатъ дѣла, то оно переносится въ высшую инстанцію, именно къ князю третьяго, незаинтересованнаго государства.—в) Всѣ сѣверно-русскія государства составляютъ *постоянный торговый союзъ*. „а мыта ти держати и пошлины имати по старой пошлинѣ у нашихъ гостей и у торговцевъ; а путь имъ дати чисть“ (см. Догов. гр. в. кн. Дмитрія Ив. Моск. съ в. кн. Мих. Александр. Тверскимъ 1368 г. внѣшней Христ. по ист. рус. пр. вып. II). —Хотя каждое изъ этихъ отношеній можетъ существовать и въ международномъ правѣ, но совокупность ихъ образуетъ такой тѣсный (особенно для тогдашнихъ временъ) союзъ, который приближается уже къ государственному единству.

Въ союзъ включаются всѣ государства сѣверной Руси (Москва, Рязань, Тверь, Новгородъ, Псковъ), такъ что въ частный договоръ между двумя княжествами обыкновенно включаются и всѣ прочія.

Основанія союза тѣ же, какія были указаны въ 1-мъ періодѣ для всѣхъ древне-русскихъ земель (см. стр. 64 и сл.), съ тою разницею, что на болѣе тѣсномъ пространствѣ одной сѣверной Руси начала объединенія проявляются съ большею энергіею. Общаго наименованія для союза, какъ одного государства, еще не подыскано; онъ называется иногда: „наша братья князья“, чѣмъ указывается на старый принципъ единенія Руси—родовое единство князей, которое теперь становится б. ч. фиктивнымъ, т. е. степень зависимости одного князя отъ другаго опредѣляется названіями степеней родства („братъ младшій, сынъ“ и т. д.). Иногда союзъ называется: „вси князи рустіи крестьяньстіи“, въ отличіе отъ государствъ западныхъ (въ томъ числѣ Литвы) и басурманскихъ. Въ этомъ выразилось, что государство сознается прежде всего, какъ *христіанскій* (православный) союзъ. *Церковное единство* предупредило государственное, послужило образцемъ для него и отчасти вызвало его къ жизни. Митрополиты, жившіе въ Москвѣ, ради церковныхъ интересовъ, настаивали на установленіи государ. единства и помогали въ томъ всѣми средствами (церк. клятвою, поученіями, посланіями). Но большею частію союзу усвояется именованіе. „Русская земля“ или „Русь“: „обычай бо поганыхъ, говоритъ лѣтопись (подъ 1319 г.), и до сихъ поръ вмещуще вражду межи братьи князей рускихъ... И бывше прѣ (спору) велицѣ межи ими, и бысть тягота велика въ Руской земли“. Въ 1328 г. сѣлъ на великомъ княженіи кн. Иванъ Даниловичъ, „и бысть тишина велика христіаномъ, по всей Русской земли“. Отъ этого великіе князья Мо-

ковскіе уже въ XIV в. называютъ себя в. кн. русскими или даже „всея Руси“ (со временъ Ив. Калиты), хотя ихъ власть (относительная) простиралась только на одну Суздальскую землю, и лишь отчасти на другія сѣверно-русскія земли. Отсюда слѣдуетъ заключить, что *главнымъ основаніемъ Союза было сознаніе національнаго единства* въ самомъ населеніи; созданіе единаго государства было вызвано національною потребностію. Жители не видѣли иностранца въ другомъ сильнѣйшемъ русскомъ князѣ, который смѣщалъ ихъ мелкаго владѣтеля и въ худшемъ смыслѣ оставались лишь равнодушными (за исключеніемъ высшихъ классовъ Новгорода и Пскова, дорожившихъ своимъ свободнымъ государственнымъ устройствомъ). Это и облегчило переходъ отъ союзнаго государства къ единодержавному въ XV в.

4) **Установленіе единодержавія въ XV в.** Союзная организація государства, не смотря на кажущуюся ея плотность, была очень шатка; между членами союза происходили вѣчныя войны и распри. Къ тому-же уже сначала обнаружилось неравенство силъ мяжду членами Союза: прежняя Суздальская земля (в. княжество Московское) превышала и населенностію и величиною в. княжества Рязанское и Тверское, а также Псковъ. В. Новгородъ страдалъ внутреннею слабостью борьбы партій. Какъ въ мірѣ физическомъ сила притяженія увеличивается по мѣрѣ увеличенія объема тѣла, такъ и въ мірѣ политическомъ; болѣе сильное княжество пріобрѣтало тѣмъ самымъ новыя силы: въ Москву стекались выходцы изъ разоренныхъ земель Кіевской, Черниговской и др. Этимъ воспользовались в. князья Московскіе, руководясь б. ч. личными и династическими интересами, но иногда возвышаясь и до сознанія великихъ общерусскихъ задачъ; таковы были: Василій Дмитріевичъ сынъ Донскаго (1389—1425), который противодѣйствовалъ Витовту расширить предѣлы своего государства на счетъ в. кн. Смоленскаго, Новгорода и Пскова; Василій Васильевичъ Темный (1425—1462), при которомъ возстановлено (силами населенія и духовенства) единодержавіе внутри в. княжества Московскаго, когда оно было нарушено борьбою среди самаго потомства Калиты (дяди его Юрія Дмитріевича и его сыновей); но всѣхъ болѣе дѣло установленія единодержавія принадлежитъ Ивану Вас. III (1462—1505) и сыну его Василію (1505—1533). Въ то время сила двухъ государствъ Московскаго и Литовскаго возросла до того, что прочимъ сѣверно-русскимъ землямъ предстоялъ уже выборъ не между независимостію и подчиненіемъ Москвѣ, а между подчиненіемъ тому или другому изъ названныхъ великихъ государствъ; *В. Новгородъ* давно уже управлялся, вмѣсто самостоятельныхъ князей, намѣстниками того, кто былъ вел. княземъ въ данное время, т. е. въ XIV в. вел. кн. Московскаго, который тѣмъ не менѣе издавна старался присоединить къ своей родовой отчинѣ пограничныя Новгородскія волости: Торжокъ, Бѣжецкій Верхъ и сѣверную Двинскую землю; здѣсь вездѣ боярскій классъ стоялъ за Новгородъ, а чер-

ные люди тянули къ Москвѣ (напр. въ Торжкѣ при Симеонѣ Гордомъ). Не разъ между В. Новгородомъ и Москвою происходила открытая война, но б. ч. Новгородъ откупался деньгами. Въ 1470 г. новгородцы (боярская партія) рѣшились примкнуть къ Литвѣ. Такое отступленіе Новгорода было признано измѣною русскимъ національнымъ и религіознымъ интересамъ; побѣдами 1471 г. при Шелони и въ Двинской землѣ Иванъ III заставилъ В. Новгородъ отказаться отъ союза съ Литвою; но оставилъ еще ему внѣшніе аттрибуты госуд. независимости. Въ 1477 г. и въ 1478 г., при новомъ военномъ походѣ, Иванъ III уничтожилъ политическую независимость Новгорода (вѣче, посадничество) и присоединилъ его къ великому княжеству. —Въ 1489 г. покорена Новгор. колонія *Вятка*.—Подобно Новгороду, и *Тверское в. княжество* хотя колебалось между Москвою и Литвою, но постепенно приводимо было къ покорности в. кн. Московскому. въ 1484 г. послѣдній кн. Тверской Михаилъ Борисовичъ задумалъ прибѣгнуть къ Литовскому в. князю, но Иванъ III предупредилъ его, занялъ Тверь, а мѣстный князь бѣжалъ къ Казиміру.—При Иванѣ III уничтожена и государственная самобытность внутреннихъ удѣловъ въ самомъ в. княжествѣ Московскомъ; власть удѣльныхъ князей равнялась уже власти провинціальныхъ правителей, назначаемыхъ государствомъ.

Сынъ Ивана III—Василій (1505—1533) довершилъ дѣло основанія единодержавія *присоединеніемъ Пскова* (1509) и *Рязанскаго вел. княжества* (1520), и то и другое безъ всякой борьбы; такъ какъ и прежде упомянутыя земли сохраняли лишь тѣнь независимости.

Два русскихъ государства (Московское и Литовское) уже вполнѣ сложившіяся, не могли мирно подѣлить между собою Русскую землю, тѣмъ болѣе, что одно изъ нихъ (Московское) выставило на своемъ знамени объединеніе „всея Руси“. Пограничныя между ними *Земли: Смоленская и Черниговская* были постояннымъ предметомъ раздора. В. кн. Василію Ивановичу удалось отнять Смоленскъ у Литвы (1514) и присоединить къ своему государству. Еще при Иванѣ III Черниговскіе и Сѣверскіе князья (выходцы изъ Суздальской земли) сами перешли къ вел. князю Московскому со своими владѣніями; при Василіи ихъ удѣлы непосредственно присоединены къ государству Московскому. Тогда между Московскимъ и Литовскимъ государствами установилась граница по Днѣпру (приблизительно) и силы обоихъ находились въ равновѣсіи. Но уже при Іоаннѣ Грозномъ начинается между ними борьба за самое бытіе того или другаго государства,—борьба, склонившаяся въ нач. XVII в. къ побѣдѣ Литвы (когда самая Москва была уже во власти Литвы и Польши), а съ половины XVII в.. т. е. со времени Богдана Хмельницкаго и *присоединенія Малороссіи* (1654) къ побѣдѣ Москвы. Окончательно вопросъ о бытіи одного или двухъ русскихъ государствъ рѣшенъ уже въ періодъ имперіи.

5) **Разширеніе территоріи Московскаго государства на востокъ.** Территорія Московскаго государства сложилась окончательно къ половинѣ XVI в. Дальнѣйшее разширеніе ея означаетъ уже не внутренній ростъ государств. организма, а лишь внѣшнее его приращеніе (что, впрочемъ, не осталось безъ вліянія и на внутренній характеръ, введя въ составъ его населенія огромный процентъ азіатскихъ народовъ и давши въ руки Московскихъ государей новыя громадныя силы). Приращеніе совершается на счетъ восточныхъ странъ Татарское иго ослабѣвало постепенно, въ слѣдствіе внутренняго паденія Орды и усиленія Москвы; въ то время, какъ сѣверная Русь сплачивалась въ одно государство, Орда распадалась на разныя царства; важнѣйшія изъ нихъ: Кипчакское (Золотая Орда), Казанское и Крымское. Послѣдній походъ на Москву хана Золотой Орды Ахмата (1480 г.) окончился бѣгствомъ татаръ безъ битвы; платежъ дани татарамъ прекращенъ. Тогда начинается обратное движеніе русскихъ на востокъ по теченію Волги и Дона. Уже при Иванѣ III русскіе совершали нѣсколько походовъ подъ самую Казань, но затѣмъ начали медленно подвигаться къ ней острожками (укрѣпленіями) и подчиненіемъ окрестныхъ инородцевъ (Черемисъ); окончательный ударъ ей нанесенъ былъ Іоанномъ Грознымъ въ 1552 г.; *паденіе Казани* привлекло къ Московскому государству всѣ племена восточной Европы, подчиненныя и неподчиненныя Казанскому хану, въ 1554 г. покорена и (въ 1557 г.) присоединена *Астрахань*; въ 1555 г. начали предлагать свое подданство *Кавказскіе владѣльцы*; въ 1586 г. присоединена *Башкирія* (южно-Уральскія страны). Въ слѣдъ за покореніемъ Казани, началось распространеніе государств границъ на среднемъ и сѣверномъ Уральскомъ хребтѣ и въ Сибири *Пермская земля* покорена была еще Иваномъ III въ 1472 г. Послѣ паденія Казани Сибирскій ханъ самъ прислалъ къ Іоанну IV съ предложеніемъ дани, но подданство его было лишь номинальное; Сибирскіе наѣздники безпокоили на Камѣ русскія колоніи Строгановыхъ, которые вызвали для защиты ихъ отрядъ своевольныхъ Волжскихъ *козаковъ* подъ предводительствомъ Ермака Тимоѳеевича и въ 1581 г. двинули этотъ отрядъ въ наступательный походъ; столица хана—гор. *Сибирь* былъ взятъ (1582). Съ тѣхъ поръ русскія завоеванія и колонизація въ сѣверной Азіи продолжались постепенно въ теченіи всего XVII в., пока не достигли берегевъ Вел. Океана и не перешли въ Америку.

Какъ здѣсь, такъ и *на Дону* частная предпріимчивость отдѣльныхъ лицъ и общинъ (козаковъ) шла всегда впереди государственной. На Дону уже издавна (еще при существованіи в. княж. Рязанскаго) выходцы изъ государства, б. ч. недовольные новымъ государственнымъ строемъ, основывали свободныя козацкія общины, ведя борьбу съ татарами на свой собственный рискъ и наконецъ въ низовьяхъ Дона сплотились въ одну большую землю, которая вступила въ союзъ съ Московскимъ государствомъ.

не терия своей самостоятельности; но въ 1549 г. Донскіе козаки уже именуются подданными и затѣмъ земля ихъ инкорпорирована государствомъ съ незамѣтною постепенностію.

6) **Неполнота принципа единодержавія въ Московскомъ государствѣ.** Съ XVI в. единодержавіе, т. е. недѣлимость государственнаго организма, было уже признано и укрѣплено. Тѣмъ не менѣе до конца существованія Москов. государства начало это не было вполнѣ выдержано. Смутное время показало, что сцѣпленныя части государства еще не вполнѣ срослись и нѣкоторыя изъ нихъ готовы были идти опять врозь: Новгородъ призналъ *своимъ государемъ* Шведскаго королевича; Псковъ примкнулъ къ отдѣльному самозванцу. Но именно смутное время было эпохою, когда государство возсоздано было вновь уже силами самаго населенія и по его собственному почину. Однако въ законодательномъ языкѣ царство Московское представлялось еще суммою разныхъ государствъ: цари избираемы были на „всѣ государства россійскаго царствія“, въ чемъ выразилось понятіе, сходное съ характеромъ Германской имперіи. Нѣкоторымъ провинціямъ оставлены аттрибуты государственной власти; такъ сношенія со Шведами предоставлялись исключительно Новгородскимъ властямъ. Но всего болѣе отступаетъ отъ принципа единодержавія тотъ видъ государственной уніи, на которомъ была присоединена Малороссія (съ сохраненіемъ почти полнаго внутренняго суверенитета).

Б. Населеніе.

1. Этнографическій составъ населенія.

а) Московское государство не есть созданіе политики Московскихъ князей и не есть результатъ внѣшнихъ столкновеній; оно создано въ XIV в. (и потомъ возстановлено въ XVII) силами самого населенія и есть *русское національное государство*. Общерусское національное самосознаніе, установившееся еще въ I-мъ періодѣ, не разрушено, а окрѣпло въ слѣдствіе борьбы съ татарами, всякая же національность, достигшая самосознанія, стремится воплотить себя въ отдѣльный государственный организмъ. Признаки національнаго характера Московскаго государства указаны выше въ наименованіи его „Русью“ и „Русскою землею“. Лѣтопись такъ выражается о государствѣ, управляемомъ Димитріемъ Донскимъ: „внукъ же бысть (Димитрій) събрателя русской земли (Ивана Калиты);... пребысть единъ въ области великаго княженія (достигъ единодержавія), пріемшу ему скипертъ дръжавы рускія земля“ (Воскр. подъ 1389).

б) Фактически это государство обнимало лишь часть (сѣверную) русской націи; но стремилось стать и именовало себя *общерусскимъ*; титулъ

вел. князей Московскихъ „всея Руси“ былъ употребленъ въ первый разъ Иваномъ Калитою; но такой титулъ не употреблялся въ сношеніяхъ съ Литовскимъ государствомъ до Іоанна III, который, объединивъ сѣверную Русь, тотчасъ сдѣлалъ вызовъ бытію Литовскаго государства, пославъ туда грамоту съ титуломъ „Іоаннъ, Божіею милостію, государь всея Руси“, и началъ вступаться за русскіе (религіозные) интересы населенія сосѣдняго государства; съ тѣхъ поръ Москов. в. князья постоянно заявляютъ притязанія на Полоцкъ, Кіевъ и Волынь. Но существованіе другаго—Литовско-русскаго государства производило разладъ между идеею (общерусск. государства) и дѣйствительностію. Такой разладъ сообщаетъ трагическій характеръ борьбѣ этихъ двухъ государствъ и дѣлаетъ оба государства явленіями переходными и временными. Полнаго воплощенія общерусской идеи государство достигаетъ лишь въ періодѣ имперіи.

в) Другое ограниченіе національнаго характера Моск. государства составляетъ огромная *примѣсь въ населеніи* его *инородческаго начала*, въ слѣдствіе разширенія госуд. территоріи на востокъ. Но выше было указано, что это разширеніе совершалось не столько посредствомъ правительственныхъ завоеваній, сколько при помощи *народной колонизаціи*; посредствомъ колонизаціи чужіе этнографическіе элементы не вводятся въ государство какъ инородное тѣло, а ассимилируются національнымъ организмомъ и перерабатываются въ немъ. Движеніе колонизаціи на востокъ началось еще при существованіи прежней Суздальской земли; первымъ ударамъ ея подверглись финскія племена мордвы (Эрзя и Мокша) на средней Волгѣ (при Андреѣ Боголюб. и Всеволодѣ III); въ 1221 г. Юріемъ Всеволодовичемъ основана центральная колонія при устьѣ Оки—Нижній Новгородъ, откуда начались ежегодныя экскурсіи въ земли Мордовскія; съ пол. XIV в. начинается основаніе постоянныхъ русскихъ колоній за Окою. Въ то-же время туда-же шла колонизація изъ Рязанской земли. Въ Мордовскихъ земляхъ, подъ давленіемъ русскихъ и татарскихъ набѣговъ, образовалось нѣсколько мелкихъ княжествъ, частію подъ властью Мордовскихъ князьковъ (Арзамасъ, Ардатовъ и др.), частію—татарскихъ мурзъ (на р. Мокшѣ и Цнѣ, гдѣ владѣли родоначальники кн. Мещерскихъ, уже крещенные, до 1380 г., когда послѣдній князь—Александръ продалъ свое владѣніе Дмитрію Донскому; на р. Сарѣ, въ Елатмѣ, на р. Тешѣ и на Мокшѣ). Многіе изъ владѣтельныхъ князей этихъ княжествъ вошли въ составъ русскаго дворянства; другіе ниспали въ разрядъ крестьянъ. Масса-же прочаго населенія сохраняла свою этнографическую отдѣльность до конца существованія Москов. государства, хотя уже Іоаннъ Грозный раздавалъ Мордву боярамъ для крещенія, отнималъ земли у некрещенныхъ. Болѣе успѣшные результаты имѣло основаніе монастырей (съ миссіонерскими цѣлями) и переселеніе русскихъ въ Мордовскія села и обратно. Однако Мордва и потомъ составляла особую

часть населенія, б. ч. враждебную государству (въ смутное время она разоряла Москву, и поголовно участвовала въ бунтѣ Стеньки Разина). Движеніе колонизаціи въ области Черемисъ и Чувашей началось преимущественно съ покоренія Казани. Сѣверо-востокъ (Пермь и Вотяки) колонизуемъ былъ еще новгородцами. Но прочныя основанія колонизаціи положены съ конца XIV в. миссіонерами (Стефанъ Пермскій) и промышленниками (Строгановыми). Юго-восточныя степи, занятыя кочевыми народами (татарами), колонизуемы были съ бо́льшею легкостью (Донскими, Волжскими и Яицкими козаками). Здѣсь подвижное населеніе очищало свободную территорію для русскихъ поселеній, и не предстояло труда ассимиляціи.—Вообще инородческіе элементы ассимилированы и вошли въ значительномъ объемѣ лишь въ высшій служилый классъ и не остались безъ вліянія въ соціальномъ строѣ государства; неассимилированныя-же сплошныя массы инородцевъ оставались внѣшнимъ придаткомъ, который не обнаруживалъ никакого вліянія на внутренній складъ сѣверно-русскаго государства.

2. Соціальный составъ населенія (классы общества).

Если въ основаніи государства лежитъ главн. обр. національный союзъ, то такое государство не можетъ уже быть союзомъ сословій; люди, сомкнувшіеся въ государство только ради своего національнаго единства, не могутъ раздѣляться на классы, совершенно чуждые другъ другу (какъ то было въ феодальной Западной Европѣ). Далѣе: населеніе однороднаго этнографическаго состава не можетъ допустить такого отчужденія сословій другъ отъ друга, какъ напр. въ Литовско-русскомъ государствѣ (гдѣ высшій классъ усвоилъ польскую національность, города наполнились пришлецами: нѣмцами, армянами, и особенно евреями; сельское населеніе удержало русскую или литовскую національность). Наконецъ, государство безусловно—монархическое (самодержавное), каково было Московское, не допускало развитія сословныхъ правъ въ ущербъ общегосударственнымъ.—Не смотря на великое неравенство состояній, *Московское государство есть государство безсословное.*—Населеніе его раздѣляется на *классы*, которые образовались изъ зародышей, данныхъ въ I-мъ періодѣ, но подъ вліяніемъ новой—самодержавной идеи государства. Различіе ихъ истекало не изъ правъ, а обязанностей въ отношеніи къ государству, именно: одни служатъ государству лично, другіе—уплатою денегъ въ пользу его.

Отсюда два класса населенія въ этомъ государствѣ: *служилый* и *тяглый*, изъ которыхъ каждый подраздѣляется на нѣсколько разрядовъ, которые соединяли оба класса неуловимыми оттѣнками.

а) Служилые люди.

Элементы, изъ которыхъ составился служилый классъ. Люди, призванные къ отправленію военной, придворной и приказной службы, называются людьми служилыми. Этотъ классъ образовался изъ земскихъ бояръ и княжескихъ дружинъ (дворовъ) I-го періода, которые (какъ намъ уже извѣстно) состояли изъ полноправныхъ бояръ и несвободныхъ или полусвободныхъ дворянъ. Тѣ-же классы видимъ и въ XIV в. повсюду сѣверной Руси. *Бояре* были служилымъ классомъ только потому, что ихъ профессіею была высшая (военная и административная) служба; но служба эта не была обязательна для нихъ въ отношеніи къ тому или другому князю, они пользовались правомъ свободнаго перехода и служили по договору. Владѣя вотчинами (независимымъ правомъ собственности), они не утрачивали ихъ при переходѣ къ другому князю. Въ вотчинахъ пользовались многими правами суда и управленія надъ поселенцами; содержали свои дворы (дружины). Они получали отъ князей города и волости въ кормленіе съ судомъ и данью.—Низшій разрядъ свободныхъ землевладѣльцевъ—*дѣти боярскіе*; ихъ важнѣйшее отличіе отъ бояръ состоитъ только въ меньшихъ земельныхъ имуществахъ. Это—обѣднѣвшіе потомки размножившагося боярскаго рода.

Слуги (дворяне). Люди, составлявшіе постоянный дворъ князей, именовались слугами; ихъ положеніе опредѣлялось не землевладѣніемъ, а только службою. Они раздѣлялись на *слугъ вольныхъ* и *слугъ подъ дворскимъ*. Первые были лично свободны и, подобно боярамъ, могли переходить отъ одного князя къ другому (см. Двин. Уст. гр. 1397 года, статья 3. См. также Дог. Москвы съ Тверью 1368 г.: „А кто бояръ и слугъ отъѣхалъ отъ насъ къ тобѣ, или отъ тобѣ къ намъ..., въ ты села намъ и тобѣ не вступатися“); нѣкоторые изъ нихъ владѣли вотчинами, но большая часть не пользовалась прочими правами боярства; они получали или готовое содержаніе при дворѣ, или временное пользованіе земельными участками.

Слуги подъ дворскимъ, или дворяне въ тѣсномъ смыслѣ слова исправляли въ вотчинномъ государствѣ дворовыя (которыя были въ то-же время государственными) должности: казначеевъ, тіуновъ, дьяковъ, посельскихъ, ключниковъ. Отъ нихъ не отличались и слуги, исполнявшіе чисто—экономическія порученія: бортники, садовники, псари, бобровники, бараши. Всѣ они были люди лично несвободные—холопы, доставшіеся князю по куплѣ, или „по винѣ“ (за преступленія), по браку: „А хто моихъ казначеевъ, или тіуновъ, или дьяки прибытокъ мой вѣдали, или посельски, или ключники, или хто холоповъ моихъ купленыхъ..., тѣхъ всѣхъ пущаю на свободу“ (Дух. Вас. Дм. 1406 г. въ Собр. госуд. гр. и догов. I, № 39). „А хто будетъ казначеевъ, и тивуновъ и посельскихъ, или хто будетъ моихъ дьяковъ, что будетъ отъ мене вѣдали прибытокъ ли который, или хто будетъ

у тыхъ женился, гѣ люди не надобни моимъ дѣтемъ, дать семь имъ волю. Также хто будетъ моихъ людии полныхъ, купленыхъ, грамотныхъ, дать семь имъ свободу" (ibid. № 25). Само собою разумѣется, что слуги этого рода не могли пользоваться наравнѣ съ боярами и слугами вольными правомъ перехода: „А бояромъ и слугамъ, кто будетъ не подъ дворскимъ вольнымъ воля. А кто будетъ подъ дворьскимъ, слугъ тѣхъ дѣти мои промежи себе не принимають" (ibid. № 40). Дворы имѣли всѣ владѣтельные князья: по мѣрѣ присоединенія удѣловъ, дворъ вел. князя увеличивался, но эти провинціальные дворы не пользовались одинаковымъ положеніемъ съ старымъ дворомъ Московскихъ князей, отсюда впослѣдствіи образовалось различіе дворянъ Московскихъ и городовыхъ.

Способъ образованія служилаго класса. Изъ представленныхъ, столь различныхъ элементовъ составляется одинъ служилый классъ въ XV в. *чрезъ понижение правъ бояръ* и *постепенное возвышеніе правъ дворянъ.*

Первое (т. е. понижение правъ бояръ) совершалось слѣдующ. путемъ: вмѣстѣ съ уничтоженемъ удѣловъ, сами *удѣльные князья* начали поступать на службу къ вел. князю и входить въ разрядъ боярства: но князья не могли быть уравнены съ боярами относительно свободы вотчиннаго владѣнія князья приходили на службу съ остатками своихъ удѣловъ и сохранили въ нихъ нѣкоторыя прежнія владѣтельныя права. Еще въ XVI в. князья—слуги, потерявшіе владѣтельный характеръ, остаются въ своихъ прежнихъ удѣлахъ: кн. Воротынскіе и Одоевскіе въ концѣ XV в. идутъ на войну съ своими удѣльными полками. Князья Оболенскіе пользуются въ своемъ удѣлѣ полными правами суда: „приставъ в. князя къ нимъ въ Оболенскъ не въѣзжаетъ". Когда въ 1493 г. завоевана Вязьма и кн. Вяземскіе привезены въ Москву, то Іоаннъ III „пожаловалъ ихъ же вотчиною Вязьмою и повелѣлъ имъ себѣ служити". Изъ Тверскихъ кн.—Микулинскіе владѣютъ частію своего удѣла, какъ вотчиною даже въ 1570 г. Изъ кн. Ярославскихъ—кн. Сицкіе, Прозоровскіе, Ухтомскіе и проч., сдѣлавшіеся служилыми еще съ XIV в., остались владѣльцами частными въ своихъ бывшихъ удѣлахъ во втор. пол. XVI в. Отношенія государства къ удѣламъ служилыхъ князей можно видѣть на примѣрѣ Ростовскихъ и Оболенскихъ князей: первые сдѣлались служилыми еще съ нач. XIV в., а между тѣмъ въ 1462 г. вел. князь Василій Васильевичъ, отдавая Ростовъ своей женѣ, пишетъ: „а князи Ростовскіе что вѣдали при мнѣ, ино по тому держатъ и при моей княгинѣ, а княгиня моя у нихъ въ то не вступается". Оболенскіе продали Ивану III за два села и 5 т. рублей право на свое княжество въ случаѣ пресѣченія мужской нисходящей линіи въ ихъ родѣ.—При такомъ сохраненіи служилыми князьями ихъ владѣтельныхъ правъ, государи Московскіе не могли предоставить имъ полныя права распоряженія на ихъ владѣнія, ибо это означало не частную свободу распоряженія имуществами, а распоряженіе государствен-

ными правами по частнымъ сдѣлкамъ. Поэтому право свободнаго перехода съ сохраненіемъ вотчинъ прежде всего было отнято у служилыхъ князей, между тѣмъ какъ бояре еще сохраняли ихъ: въ 1428 году договариваетя вел. кн. Вас. Васил. Темный съ своимъ дядею Юріемъ: „А кто имѣтъ жити нашихъ бояръ и слугъ (въ) твоей отчинѣ, а тебѣ ихъ блюсти какъ своихъ...; а князей, ти, моихъ служебныхъ съ вотчинами... не пріимати“.

Лишь по примѣру князей, *ограничиваются* потомъ *имущественныя права и бояръ;* права эти обусловливаются уже службою; вотчинное право становится условнымъ. Въ 1504 г. Іоаннъ III пишетъ въ своей духовной: „А боярамъ и дѣтемъ боярскимъ Ярославскимъ съ своими вотчинами и съ куплями не отъѣхать отъ моего сына Василія, и кто отъѣдетъ,—и земли ихъ сыну моему; а служать ему, и онъ у нихъ въ ихъ земли не вступается, ни у ихъ женъ, ни у ихъ дѣтей“ (Собр. госуд. гр. и догов. I, 391) Т. е. сначала частныя права (наслѣдованія и др.) еще не сокращались, но, благодаря служилому характеру владѣльцевъ, и частныя права распоряженія вотчинами ограничены до крайности (см. Ук. кн. казн. ст. XIX).

Къ этому повело особенно *сокращеніе личныхъ правъ бояръ и слугъ вольныхъ*. Право личнаго перехода ихъ было сначала ограничено, именно допускался переходъ отъ удѣльныхъ князей къ великому, но не наоборотъ; а затѣмъ было совсѣмъ отнято при Іоаннѣ III; съ уничтоженіемъ удѣловъ оно и не могло имѣть мѣста; оставалось переходить только въ Литву, которая не состояла въ союзѣ съ Русскими княжествами, считалась государствомъ чужимъ и враждебнымъ, а переходъ въ нее—измѣною. Лишеніе права перехода равнялось уже личному кабальному холопству; вел. князья начали брать съ бояръ *крестоцѣловальныя записи* о непереходѣ (первая извѣстная взята съ кн. Холмскаго въ 1474 г.); такія записи совершенно равнялись записямъ на кабальную службу между частными лицами и имѣли тѣ же послѣдствія для закрѣпощенія высшихъ классовъ.—Тогда бояре начали занимать дворовыя должности наравнѣ съ дворянами. при Іоаннѣ IV должность казначея занимаетъ уже бояринъ; бояре начинаютъ получать помѣстья наравнѣ съ дворянами (а не кормленія только).

Въ то-же время совершался обратный процессъ *возвышенія правъ дворянъ* слѣд. способами: съ присоединеніемъ удѣловъ число дворянъ у вел. князя увеличилось чрезмѣрно; главною службою ихъ дѣлается не дворовая, а военная. Содержатся они уже не при дворѣ, а испомѣщаются на земляхъ, составлявшихъ частную собственность князей, на *помѣстномъ правѣ* (т. е. на правѣ временнаго пользованія съ условіемъ службы, подобно какъ въ частныхъ отношеніяхъ—холопы, поселенные на участкахъ, именуемые „задворными“). И это—уже значительное право для лицъ несвободныхъ. Сдѣлавшись помѣщиками, они могутъ и сами пріобрѣтать имущества и передавать ихъ въ наслѣдство, однако право и на эти имущества остается еще

также условлымъ и зависимымъ отъ правъ вел. князя. „А которые дѣти боярскіе (говоритъ в. князь въ своемъ завѣщаніи) служатъ моей княгинѣ, и слуги ее *и вси холопи* ее, и кому будетъ язъ кн. вел. давалъ свои села, или моя княгиня давала имъ свои села, или за кѣмъ будетъ ихъ отчина, или куплп, — и въ тѣхъ своихъ людяхъ во всѣхъ вольна моя княгиня и въ тѣхъ селѣхъ". — Но мѣрѣ увеличенія государства отношенія между вел. князьями и этими слугами ихъ становились все менѣе тѣсными и непосредственными, и имущественныя права ихъ возрастали. - Вмѣстѣ съ тѣмъ возрастали и ихъ личныя права: они (даже полные холопы) получаютъ по нѣкоторой степени право перехода съ потерею лишь земель: „А (кто) тѣхъ бортниковъ, или пашрей не восхочетъ жити на тѣхъ земляхъ, — онъ земли лишенъ, поиди прочь; а сами сыну - князю Ивану не надобъ. На которого грамоты полные будетъ; а земли ихъ сыну - кн. Ивану" (Собр. госуд. гр. и дог. I, 40). Хотя право перехода отняго потомъ у всѣхъ классовъ, но прочія пріобрѣтенныя дворянами личныя права, остались за ними и г. обр. вполнѣ уравнялись съ правами бояръ.

Полное уравненіе бояръ и дворянъ послѣдовало при Іоаннѣ Грозномъ, отъ времени котораго сохранился указъ объ уравненіи службы бояръ, князей, дѣтей боярскихъ и „воиновъ" (дворянъ) по ихъ вотчинамъ, помѣстьямъ и денежному жалованью. Тогда и бояре становятся дворовыми слугами и дворяне землевладѣльцами на равныхъ правахъ.

Составляетъ ли служилый классъ сословіе? Разряды служилыхъ людей. Изъ предыдущаго слѣдуетъ, что служилыми людьми называется классъ населенія, обязанный службою (придворною, военною, гражданскою) и пользующійся за нее частными земельными имуществами на условномъ правѣ. Основаніе для отдѣльнаго бытія этого класса дается не правами его, а обязанностями къ государству. Обязанности эти разнообразны и никакого корпоративнаго единства члены этого класса не имѣютъ. Сколь многоразличны служебныя обязанности, столь-же различны и разряды, на которые дѣлился этотъ классъ. Это: а) *члены боярской думы:* бояре (высшій чинъ, жалуемый царемъ), окольничіе и думные дворяне (т. е. дворяне, введенные въ думу, допущенные къ участію въ ея засѣданіяхъ). б) *Придворные чины* какъ высшіе: спальники, стольники, стрянчіе, такъ и низшіе. в) *Военные люди:* жильцы (гвардія), дворяне Московскіе (непомѣщенные въ Московскомъ уѣздѣ), дворяне городовые (самый многочисленный и центральный разрядъ служилаго класса, давшій имя будущему высшему классу дворянства), дѣти боярскіе (прежде примыкавшіе къ боярскому классу, а съ XVI в. вошедшіе въ самый низшій разрядъ служилыхъ людей). Переходомъ отъ военнаго служилаго класса къ тяглому населенію были разряды *низшихъ службъ*, образовавшіеся съ полов. XVI в.: стрѣльцы, пушкари, козаки, драгуны, воротники, рейтары и солдаты. г) *Лица гражданской службы:* дьяки и подъячіе

(думные дьяки, дьяки приказные, дьяки городовые, площадные и другіе д) Къ служилымъ царскимъ людямъ надо присоединить *дворянъ* и *дѣтей боярскихъ архіерейскихъ* и *знакомцевъ* боярскихъ (военныя дружины бояръ и служилыхъ князей); тѣ и другіе, вмѣстѣ съ частною службою, отправляли и государственную (военную въ походахъ и административную въ вотчинахъ).

Способы вступленія въ высшій классъ и выхода изъ него. Сообразно съ понятіемъ о служиломъ классѣ, основной способъ вступленія въ служилые люди есть *опредѣленіе въ тотъ или другой разрядъ государственной службы* (а не пожалованіе какихъ-либо правъ потомственныхъ или личныхъ). Переводъ лицъ изъ одного разряда въ другой есть возвышеніе чиновниковъ по степенямъ чиновъ и должностей. Опредѣленіе лицъ въ разрядъ военно-служащихъ называлось *верстаніемъ* (запись въ полковые списки и назначеніе жалованья помѣстнаго или денежнаго). Такое поступленіе на службу не принадлежало исключительно какому-либо классу по происхожденію: до пол. XVII в. „верстали (въ дѣти боярскіе) и холоповъ, крестьянъ и посадскихъ людей“ (Яблочковъ, стр. 260). Въ разрядъ лицъ гражданской службы набирались изъ „поповыхъ и дьяконовыхъ дѣтей, торговыхъ людей гостиной и суконной сотенъ изъ черныхъ сотенъ всякихъ посадскихъ людей, изъ пашенныхъ людей и ихъ дѣтей“ (Уст. кн. зем. прик. ст. XXIX). Хотя наборы дворянъ и подъячихъ изъ лицъ неслужилыхъ классовъ были запрещаемы указами 1639 и 1652 гг., но на практикѣ поступленіе такихъ лицъ на службу продолжалось и во второй полов XVII в.; Котошихинъ пишетъ: „А кто изъ нихъ (людей посадскихъ, духовныхъ, боярскихъ слугъ) отпуститъ своего сына на службу въ солдаты, или въ рейтары, или въ приказъ подъячимъ и инымъ царскимъ человѣкомъ, а тѣ ихъ дѣти отъ малыя чести дослужатся повыше и за службу достанутъ себѣ помѣстья и вотчины,—и отъ того пойдетъ дворянскій родъ“. Лишь въ концѣ XVII в. (указ. 1675 и 1678) предписано верстать только сыновей дѣтей боярскихъ, что впрочемъ относится уже къ періоду реформъ (ко времени образованія изъ служилыхъ людей—дворянскаго сословія).—Какъ лица, происшедшія не отъ служилыхъ людей, могли быть верстаны на службу, такъ и сыновья лицъ служилыхъ, не получали никакихъ особыхъ правъ съ момента рожденія; при совершеннолѣтіи (15 л.) они подвергались верстанію наравнѣ съ прочими и только тогда уже принадлежали къ служилому классу. Разумѣется, бо́льшая часть дворянъ и дѣтей боярскихъ верстаны изъ сыновей прежнихъ служилыхъ людей, так. обр. *рожденіе* лишь косвенно вело къ усвоенію званія служилаго человѣка.

Опредѣленіе на службу не имѣетъ ничего общаго ни съ выслугою дворянства, ни съ пожалованіемъ (явленіями періода имперіи).

Одинъ изъ видовъ поступленія на службу составляетъ *запись на службу иностранцевъ и инородцевъ*. Всякій (не торговый) иностранецъ, пріѣзжая служить, записывался въ тотъ или другой разрядъ служилыхъ людей (смотря по почетности его и милости царя), безъ удостовѣренія о дворянскихъ правахъ его въ прежнемъ отечествѣ и безъ условія пріобрѣтенія дворянскихъ имѣній. Большая часть дворянскихъ русскихъ родовъ ведетъ себя (бол. или м. правдоподобно) отъ выходцевъ (потомковъ: Византійскихъ императоровъ—Ангеловъ, Палеологовъ, Кантакузеновъ, Ласкарисовъ, египетскихъ царей (? изъ ногайскихъ князей), потомковъ императора Оттона (Челищевы), итальянскихъ герцоговъ и простыхъ рыцарей нѣмецкихъ, англійскихъ, венгерскихъ, французскихъ и т. п. [1]). Но достовѣрнѣе извѣстно усвоеніе въ служилый классъ простыхъ заграничныхъ выходцевъ и „плѣнниковъ въ государевѣ имени“ (т. е. военноплѣнныхъ, доставшихся на долю государя, между тѣмъ какъ плѣнники, доставшіеся частнымъ лицамъ, поступали въ холопство къ этимъ послѣднимъ (см. ук. 1558 г. въ ук. кн. вѣдом. казн. ст. XIII). Имъ отдѣлялись особыя помѣстья и вотчины въ уѣздахъ („иноземцовскія“); самые „иноземцы“ составляли хотя особый разрядъ служилыхъ людей отъ дворянъ городовыхъ, но совершенно равный этимъ послѣднимъ по правамъ (ук. 1613. 1616, 1630 см. въ ук. кн. Помѣстн. прик.). Нѣтъ сомнѣнія, что именно примѣсь иноземнаго элемента (западнаго) въ служиломъ классѣ заронила въ него стремленіе къ западно-европейской сословной отдѣльности. Что касается до служилыхъ татаръ (мурзъ) и мордвы, то они надѣляемы были помѣстьями и вотчинами преимущественно на восточныхъ окраинахъ, на основаніяхъ, совершенно одинаковыхъ съ дворянами и дѣтьми боярскими. Принявъ христіанство и обрусѣвъ, они дали начало многимъ родамъ русскаго дворянства (см. ук. 1635 г. апр. 30 въ Ук. кн. Пом. прик.).

Выходъ изъ состоянія служилаго человѣка обусловливается подобными же причинами, какъ и вступленіе въ него, а именно оставленіемъ службы. Но дворяне были прикрѣплены къ службѣ ранѣе прикрѣпленія посадскихъ и крестьянъ; а потому дѣйствительно—служащій лишенъ былъ права выхода вовсе: въ Судебникѣ постановлено: „а дѣтей боярскихъ служивыхъ и ихъ дѣтей, которые не служивали, въ холопи не пріимати никому, опричь тѣхъ, которыхъ государь отъ службы отставитъ“ (Суд. цар. ст. 81); но въ 1558 г. было разрѣшено, что сынъ дворянина, которому уже больше 15 л., но онъ службы не служитъ и въ десятню не записанъ (значитъ въ службу не при-

---

[1]) По счету проф. Загоскина было: происходящихъ отъ Рюрика 168 родовъ, другихъ русскаго происхожденія 42, польско-литовскаго происхожденія—223, западно европейскаго —229, татарскаго 120, изъ другихъ восточныхъ народовъ 36, неизвѣстнаго происхожденія —97 родовъ

годился), можетъ давать на себя служилую кабалу частнымъ лицамъ (ук. сент. 1 въ Ук. кн. вѣдом. казн. ст. XII). Въ 1641 г. дворяне подали царю челобитную, что многіе изъ ихъ товарищей, „не хотя государевы службы служити и бѣдности терпѣти“, перешли въ драгуны и въ другія службы, или били челомъ въ холопство во дворы боярамъ и дворянамъ; указомъ 1642 г. марта 9 велѣно всѣхъ такихъ (кромѣ неверстаныхъ) поворотить назадъ въ службу и на будущее время выходъ изъ служилаго состоянія совершенно воспрещенъ.

Права и преимущества лицъ служилаго класса. Въ то самое время, когда боярство сливалось съ дворянствомъ и общій уровень его правъ понижался, въ высшихъ слояхъ боярства зародилась мысль объ аристократическихъ привилегіяхъ въ управленіи государствомъ (въ малолѣтство Грознаго и снова при Ѳедорѣ Іоан. и въ смутное время); эти попытки окончились новымъ приниженіемъ боярства; но и въ нихъ шла рѣчь не о правахъ „дворянскаго сословія“, а о привилегіяхъ олигаргіи немногихъ родовъ, случайно стоявшихъ тогда близь трона. Что же касается до общихъ правъ всѣхъ служилыхъ лицъ, то нѣкоторыя особыя права служилыхъ лицъ принадлежатъ имъ, какъ людямъ, состоящимъ на государственной службѣ, а не какъ членамъ сословія. *Право на охраненіе чести* не одинаково для разныхъ разрядовъ служилыхъ лицъ (Суд. 1550 г. ст. 26; Улож. ц. А. М. X, 90 и сл.); „безчестіе“ (денежный штрафъ за оскорбленіе служилыхъ лицъ) соразмѣряется съ денежнымъ жалованьемъ, или съ величиною доходовъ отъ кормленія, „по книгамъ“ (въ которыхъ изчислялись эти доходы); низшіе разряды служилыхъ лицъ получаютъ безчестья менѣе гостей и торговыхъ людей гостинной сотни (Ул. X, 94—95). Привилегіи *въ уголовномъ правѣ* изъясняются отчасти также служебнымъ положеніемъ дворянъ; сначала господствовало равенство наказаній („дворяномъ... чинить по томужъ, какъ о инымъ воромъ“,—Уст. кн. Разб. прик. ук. ст. 15); но потомъ за непредумышленное убійство крестьяне наказывались кнутомъ, а дѣти боярскіе тюремнымъ заключеніемъ (Уст кн. Разб. прик. ук. 1625 г. февр. 17). Особенно же принципъ неравенства наказаній замѣтенъ въ Улож. (X 133, 135; XXI, 39 и 40. 69—73, 79 и 80; XXII, 10 и 11); но относящіяся сюда постановленія случайны и объясняются каждый разъ особыми мотивами (напр., если помѣщикъ побьетъ *своихъ* крестьянъ—разбойниковъ, не представивши ихъ въ губу, то наказывается лишеніемъ помѣстья, а слуга его за такое же дѣяніе подлежитъ смертной казни; очевидно потому, что помѣщикъ наказывается не за убійство, а за превышеніе предоставленной ему судебной власти надъ крестьянами). Особенныя права *при взысканіяхъ по обязательствамъ—правежъ* состоятъ въ томъ, что за 100 р. долга дворянинъ подвергается правежу (битью предъ приказомъ) два мѣсяца, а лица тяглыя—одинъ (ук. 1557 г., дек. 15); это privilegium

odiosum объясняется тѣмъ, что тяглый человѣкъ затѣмъ выдается головою: а дворянинъ отстаивается только правежемъ; а это въ свою очередь зависитъ отъ того, что служилый человѣкъ обязанъ службою и не можетъ вступить въ частную зависимость. Право выставлять за себя на правежъ своихъ слугъ и холоповъ принадлежитъ всѣмъ рабовладѣльцамъ. Изъ сферы имущественныхъ правъ дворянамъ принадлежитъ *право владѣть вотчинами и помѣстьями;* но право на владѣніе недвижимыми имуществами (на основаніяхъ тяглой службы) принадлежало и лицамъ тяглаго класса; вотчинами владѣли церковныя учрежденія и гости; право помѣстное принадлежитъ исключительно служилымъ людямъ потому, что это есть жалованье за службу, котораго не можетъ получать тотъ, кто не служитъ.—*Право на государственную службу* (какъ было указано выше) есть прикрѣпленіе къ службѣ, отъ котораго многіе изъ дворянъ бѣжали въ частное холопство: но мы видѣли также, что на службу веретаны были не одни дѣти служилыхъ людей, особенно на службу гражданскую (въ дьяки и подьячіе). Въ выборныхъ учрежденіяхъ тяглые люди или засѣдаютъ вмѣстѣ съ дворянами (въ губныхъ), или одни (въ земскихъ). Право быть избраннымъ на земскіе соборы (отъ котораго однако многіе уклонились, о чемъ см. ниже въ гл. о „земскихъ соборахъ") простиралось и на духовныхъ, посадскихъ и крестьянъ (въ Польшѣ и Литвѣ, при дѣйствительно сословномъ строѣ государства, на сеймѣ участвуютъ только шляхтичи и наиболѣе значительные города—in corpore, но не мѣщане). Само собою разумѣется, что высшіе разряды службы и званія (боярское званіе, окольничество и пр.) доставались людямъ болѣе знатнымъ и богатымъ (особенно же—бывшимъ владѣтельнымъ князьямъ) и что каждый членъ такого рода хотѣлъ и сыновей своихъ поставить въ то же званіе, а главное—не занимать мѣста ниже рода равнаго или низшаго; отсюда возникаетъ мѣстничество.

Мѣстничество—есть исключительная принадлежность Москов. госуд. права и не можетъ существовать въ государствахъ, въ которыхъ господствуетъ сословный строй. Оно образовалось не ранѣе конца XV в., т. е. со времени обращенія бояръ въ обязательно-служилыхъ людей. Сущность его состоитъ въ спорѣ боярскихъ родовъ между собою о служебномъ старшинствѣ. *Предметомъ спора* были не самыя мѣста или роды службы, а относительное положеніе на службѣ одного служилаго человѣка передъ другимъ. Причина происхожденія этого явленія заключается въ томъ, что *родовая честь зависитъ отъ служебной*: занятіе низшей должности можетъ понизить навсегда значеніе одного рода передъ другимъ (чего не можетъ быть въ сословіяхъ, въ которыхъ права членовъ не зависятъ отъ службы). Мѣста, о которыхъ споръ, или *разряды* суть степени служебныхъ должностей (классы); такъ въ военной службѣ различались: большой полкъ, правая рука, передовой и сторожевой полки (равные) и лѣвая рука. Въ

административной службѣ по разрядамъ распредѣлялись города—главные въ отношеніи къ пригородамъ; различались также и части города по своей важности (въ Москвѣ: Большой городъ, Китай-городъ, Царевъ-городъ, въ другихъ городахъ—Вышгородъ кремль и земляной городъ), при назначеніи воеводъ и объѣзжихъ головъ. Различались также по важности приказы; здѣсь (какъ и въ городахъ) мѣстничались главные судьи (тамъ главные воеводы) съ товарищами. Тоже и въ посольствахъ. Въ придворной службѣ различались не только роды ея, но и собственно мѣста при встрѣчѣ пословъ, за столомъ царскимъ и пр., здѣсь мѣстничались не только мужчины но и женщины (по службѣ при царицѣ).

Мѣстничавшіе ссылались на *случаи*, т. е. прежнее относительное положеніе ихъ предковъ по службѣ; иногда они указываютъ такіе случаи за предѣлами Москов. государства (на прежней службѣ въ Рязани, Твери, и даже въ Крыму, если то были выходцы изъ татаръ; но послѣднее не принималось въ разсчетъ). Въ числѣ доказательствъ въ мѣстническихъ дѣлахъ представляемы были и родословныя, но не съ цѣлію доказать древность рода вообще и его заслуги государству, а съ цѣлію указать старшинство рода предъ другимъ на лѣстницѣ служебной іерархіи. Разсмотрѣніе мѣстническихъ счетовъ принадлежало боярамъ, а рѣшеніе царю; оно оканчивалось или признаніемъ притязаній, или наказаніемъ для поднявшаго споръ „за безчестіе“ того, противъ кого онъ былъ начатъ (выдача головою; см. примѣч. Татищева къ 55 ст. Суд. ц.).—Что мѣстничество не было проявленіемъ аристократическихъ тенденцій, на это указываетъ то обстоятельство, что мѣстничались между собою не одни родовитыя фамиліи, но и худородные люди (дьяки по приказамъ). Хотя при одномъ случаѣ мѣстничества князя Волконскаго съ бояр. Головинымъ, бояре стали на сторону послѣдняго и сказали, что „за службу государь жалуетъ помѣстьемъ и деньгами, а не отечествомъ“ (Разр. кн. I, 206), но этимъ выразили полное отрицаніе аристократическихъ началъ, ибо кн. Рюриковичъ во всякомъ случаѣ аристократичнѣе боярина изъ простыхъ грековъ—выходцевъ; бояре только хотѣли сказать, что предки Головина *служили* въ высшихъ чинахъ, чѣмъ предки кн. Волконскаго.

Какъ явленіе въ высшей степени вредное для государств. службы, мѣстничество было ограничиваемо царями еще въ XVI в. (см. ук. 1550 въ Ук. кн. вѣд. казн.). Въ XVII в. при частныхъ случаяхъ (особенно военныхъ походовъ) было часто объявляемо: „быть безъ мѣстъ“ (т. е. на данный случай не должны простираться мѣстническіе счеты). Въ 1681 г. предпринята и совершена общая реформа (по поводу новаго военнаго устройства): земскій соборъ (изъ представителей служилаго класса, подъ предсѣдательствомъ кн. В. В. Голицына), рѣшилъ отмѣнить мѣстничество; царь и боярская дума (съ соборомъ духовенства) утвердили это рѣшеніе

12 янв. 1682 г., повелѣвъ прежнія мѣстническія дѣла предать огню (что и исполнено въ печкѣ государевой передней палаты въ присутствіи депутаціи отъ думы и архіереевъ). Но съ уничтоженіемъ мѣстническихъ книгъ, тотчасъ же учреждены въ разрядѣ родословныя. Это означало переходъ отъ служебной іерархіи къ сословному равенству, отъ состоянія служилыхъ людей—въ состояніе „шляхетства“ (подъ сильнымъ вліяніемъ порядковъ Литовско-польскаго государства, съ которымъ во 2-й пол. XVII в. московскіе люди вошли въ ближайшія столкновенія).

б) Тяглые люди.

Какъ основаніемъ для служилаго класса была обязательная служба и частное (зависимое) землевладѣніе, такъ *тяло* (финансовая служба государству) и общинное землевладѣніе даетъ основаніе классу тяглыхъ людей. По этому главному основанію всѣ тяглыя общины—одинаковы: но фактическая разница между большими и торговыми общинами (*посадами*) и меньшими—земледѣльческими (сгруппированными въ *волости*) подало основаніе и для юридическаго различенія посадскихъ людей и крестьянъ. Торговля концентрируется правительственными мѣрами въ однихъ городахъ ради удобства взиманія пошлинъ (см. Уст. Бѣлоз. гр. 1488 г., ст. 8; въ 1539 г. отмѣнены торги во всемъ новоторжскомъ уѣздѣ, кромѣ гор. Торжка).

Посадскіе люди (городское населеніе).

Посадомъ называется поселеніе вокругъ укрѣпленія (города); такъ какъ служилые люди, имѣвшіе жительство или осадные дворы въ „городахъ“, отдѣлились въ особый классъ, то остальное населеніе (не служилое) уже перестало именоваться горожанами; съ XVI в. ему усвоено названіе посадскихъ людей. Посады могли возникать и помимо укрѣпленій, называясь въ такомъ случаѣ *слободами*, а жители—слобожанами (каковое названіе, впрочемъ, поглощалось первымъ общимъ).

Разряды посадскихъ людей. Еще отъ I-го періода осталось раздѣленіе городскаго населенія на *гостей*, простыхъ купцовъ и черныхъ городскихъ людей.—Полуслужилое состояніе гостей, начавшееся съ древнѣйшихъ временъ, укрѣпляется за ними въ Москов. государствѣ. Здѣсь гость есть званіе, *пожалованное* вел. княземъ какому-либо торговцу; уже при Димитріи Донскомъ даваемы были жалов. грамоты на гостинство (Доп. къ ак. ист. I, № 9). Въ 1598 г. царь Борисъ Годуновъ пишетъ: „пожаловали есмя нашея отчины В. Новгорода торговаго человѣка Ивана Онаньина, сына Соскова гостинымъ именемъ, велѣли ему быти въ гостехъ“ (ibid. № 147). Пожалованіе давалось и за сторонніе услуги и именно иностранцамъ (въ 1665- фонъ-Горну „за поимку вора Тимошки Анкуди-

нова"); за устройство государственныхъ займовъ (ibid. IV, 53). Сначала давалось пожалованіе каждому лично; въ 1613 г. выдана общая жалов. грамота классу гостей, но за потерею этою грамотою юридической силы, выдана новая въ 1648 г. (съ прописаніемъ содержанія первой). Сущность пожалованія заключается въ слѣд. *привилегіяхъ*: освобожденіе отъ суда подчиненныхъ властей и подчиненіе только суду царя; освобожденіе отъ общинныхъ податей и повинностей; освобожденіе отъ платежа мыта и мостовщины; право владѣть (до 1666 г.) вотчинами и получать помѣстья и др. Но пожалованіе дается за службу и подъ условіемъ службы. *Служба гостей*—финансовая. завѣдованіе таможнями и кружечными дворами, оцѣнка и распредѣленіе царской казны (мѣховъ, получаемыхъ изъ Сибири). Въ присутственныхъ мѣстахъ, вѣдавшихъ эти отрасли управленія, гости занимали мѣста головъ и дьяковъ. Для отправленія этой службы, всякій торговый человѣкъ, возведенный въ званіе гостя, долженъ былъ переселяться изъ роднаго города въ Москву. Так. обр. лучшіе элементы мѣсныхъ городскихъ общинъ были отвлекаемы на службу. Впрочемъ число гостей, даже въ концѣ существованія Московскаго государства, было ограничено (по свидѣтельству Котошихина въ его время было ихъ только 30 человѣкъ).

Торговые люди гостинной и суконной сотни составляютъ второй разрядъ послѣ гостей. Еще въ XIV и XV вв. послѣ гостей упоминаются обыкновенно „суконники", въ качествѣ богатыхъ, но непривилегированныхъ купцовъ. По Судебн. 1550 г. это званіе (въ числѣ классовъ, между которыми росписана такса за безчестіе) не упоминается. Въ XVII в. изъ богатыхъ торговцевъ, не получившихъ личнаго пожалованія званія гостя, составляются особыя общины („сотни"), отличающіяся съ друг. стор. отъ черныхъ посадскихъ сотенъ. Члены гостинной и суконной сотни сгруппированы только въ Москвѣ, по назначенію правительства и по вызову изъ провинціальныхъ городовъ въ Москву лучшихъ мѣстныхъ торговцевъ. Въ такомъ напр. смыслѣ состоялось распоряженіе въ 1647 г. и вызвало взаимную борьбу черныхъ сотенъ и посадовъ, не желавшихъ лишаться лучшихъ платежныхъ силъ, съ привилегированными сотнями, стремившимися къ увеличенію своего числа и слѣдов. къ облегченію службы. Тогда было рѣшено: возложить отправленіе службъ въ городахъ на мѣстныхъ торговцевъ. Хотя въ Уложеніи опять предписано назначеннымъ въ привилегиров. сотни продать свои имущества въ городахъ, „а самимъ жити на Москвѣ" (Ул. XIX, 34); но въ пол. XVII в. члены гостинной и суконной сотенъ находятся во многихъ городахъ. Служба членовъ этихъ сотенъ состояла въ томъ, что они были товарищами при гостяхъ въ финансовомъ управленіи. Въ награду они получали привилегіи однородныя, но меньшія, чѣмъ гости (не нести общихъ повинностей съ посадскими общинами). Гостиная сотня считалась много почетнѣе суконной.

Посадскіе черные люди. Съ выдѣленіемъ изъ общины гостей и членовъ привилегированныхъ сотенъ въ разрядъ полуслужилыхъ людей, личныя силы городскихъ общинъ ослабѣвали („людишки бѣдные и молотніе отъ того великаго тягла бѣгутъ розно, а которые были у насъ лутшіе люди, и тѣ взяты въ гостиную сотню и суконную", заявляютъ посад. люди въ 1621 г., Ак. ист. V, 92, IV). Собственно городскую общину составляли уже одни простые, или черные посадскіе люди, что̀ приводило общины къ постепенному обѣднѣнію и затѣмъ къ мѣрамъ прикрѣпленія посадскихъ людей. Каждый посадъ составлялъ общину на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и сельскія волости, т. е. на общинномъ землевладѣніи, круговой уплатѣ податей и отправленіи повинностей и на выборномъ управленіи. Городъ Москва, впрочемъ, не составлялъ одной общины, а дѣлился на *сотни* (древнѣйшія общины) и *слободы* (позднѣйшія на окраинахъ города); таковы сотни: Дмитровская, Ордынская, Ростовская, Ржевская, Новгородская, Сретенская, Покровская и Мясницкая; полусотни: Устюжская и Кожевенная; четверть-сотни: Митрополья, Арбатская и Черторская; слободы: Заяузская, Новая Кузнецкая, Екатерининская, Голутвинская и Воронцовская. Во главѣ сотенъ стоятъ сотскіе, во главѣ слободъ и провинц. посадовъ—старосты земскіе. Имущественныя силы общинъ постепенно ослаблялись внѣдреніемъ неподатныхъ классовъ (бѣломѣстцевъ) въ среду городовъ, по распоряженіямъ самого правительства*). Такъ какъ тяглыми имуществами посады владѣли на общинныхъ началахъ, то и самое тягло (податная служба государству) возлагалось не на лица, а на общины: кромѣ уплаты прямыхъ налоговъ (при чемъ за пустыя мѣста платили наличные жители; за несостоятельныхъ—болѣе имущіе), на нихъ возложены выборы головъ и цѣловальниковъ въ кружечные и другіе дворы, съ отвѣтственностью за недоборъ, неисправность и злоупотребленія выборныхъ; далѣе, люди посадскіе не были освобождены и отъ личной службы государству—чрезъ поставку даточныхъ людей въ войска, постройку и поправку город. укрѣпленій и пр. На земскомъ соборѣ 1642 г. тяглые люди заявляли: „А мы сироты твои... нынѣ оскудѣли и обнищали отъ великихъ пожаровъ, и отъ пятинныхъ денегъ, и отъ даточныхъ людей, отъ подводъ..., и отъ поворотныхъ денегъ, и отъ городоваго земляного дѣла, и отъ твоихъ государевыхъ великихъ податей, и отъ многихъ цѣловальничь службъ... съ гостьми и опричь гостей...". Слѣдствіемъ этого было бѣгство посадскихъ людей изъ посадовъ въ села—въ крестьяне и въ частную зависимость (въ кабалу) къ лицамъ богатымъ, что̀ въ свою очередь еще болѣе уменьшало населенность городовъ и отягощало положеніе остальныхъ членовъ посадскихъ общинъ. Постепенное уменьшеніе город.

*) Имущественныя и административныя отношенія город. общинъ будутъ изложены въ своихъ мѣстахъ.

населенія въ XVI и XVII вв. видно изъ слѣд. цифръ: въ 1545 г. въ Муромѣ было: 111 дворовъ жилыхъ, 107 *пустыхъ* и 800 *пустыхъ дворовыхъ мѣстъ*. Въ 1668 г. въ Ярославлѣ было 3468 посад. людей, а черезъ 10 лѣтъ 2862; въ Костромѣ тогда-же 1322, а черезъ 10 л.—1044.

Образованіе отдѣльнаго класса городскихъ обывателей чрезъ прикрѣпленіе. Государство, не имѣя возможности облегчить для посадовъ тягло, должно было прибѣгнуть къ *прикрѣпленію* городскихъ обывателей. Еще въ 1613 г. велѣно возвращать посадскихъ людей, бѣжавшихъ изъ Москвы; въ 1619 г. состоялось постановленіе земскаго собора о томъ, что вообще ушедшіе посадскіе люди должны быть возвращены на прежнія мѣста; затѣмъ тоже подтверждалось частными указами и распоряженіями 1638, 1642 г., съ угрозами наказаній. Но окончательно прикрѣпленіе формулировано въ Уложеніи ц. А. М. (гл. XIX): возвративъ (ст. 1—15) посадамъ отторгнутыя отъ нихъ земли (отъ бѣломѣстцевъ) и другія имущества: лавки, дворы (отъ крестьянъ), Уложеніе (ст. 18 и др.) старается возвратить посадамъ утраченное населеніе изъ поступившихъ въ частный закладъ (кабалу), изъ поступившихъ въ служилые люди (если только они сами, а не отцы ихъ поступили въ стрѣльцы, козаки и солдаты), изъ ушедшихъ вслѣдствіе брака (женщина посадская влечетъ обратно въ посадъ и мужа и дѣтей). Цѣлыя слободы служилыхъ людей, поселенныя около посадовъ и подрывавшія торговлю и промыслы горожанъ, отчасти привлечены къ общему съ посадами тяглу (пушкари, затинщики и пр.),—отчасти къ уплатѣ однихъ таможенныхъ пошлинъ (стрѣльцы, козаки и драгуны).—Впредь выходъ изъ посадовъ запрещается подъ угрозою ссылки въ Сибирь—на Лену. Запрещается также переходъ и изъ одного посада въ другой (по ук. 1658 г. подъ угрозою смертной казни).

Этими мѣрами и здѣсь (какъ и въ служиломъ классѣ) не образовано средняго, или городскаго *сословія*, а лишь классъ прикрѣпленный къ тяглу и мѣсту жительства.

Такой ходъ возникновенія этого класса какъ разъ противоположенъ процессу образованія средняго сословія въ Зап. Европѣ. Тамъ государство, имѣя также въ виду усиленіе собственныхъ финансовыхъ средствъ, надѣялось достигнуть того чрезъ развитіе богатства въ городахъ (промышленности и торговли), а потому снабжало город. общины привилегіями, или укрѣпляло за ними тѣ права, которыя захвачены были самими городами въ средніе вѣка. Это привлекало въ города населеніе изъ селъ, бѣжавшихъ туда отъ крѣпостной зависимости. У насъ наоборотъ населеніе бѣжало изъ городовъ въ частную кабалу. Территорія государства и его потребности росли не въуровень съ населенностію и экономич. средствами, что̀ въ особенности отразились на судьбѣ сельскаго населенія.

Крестьяне (сельское население).

Мы знаемъ уже, что въ I-мъ періодѣ значительная масса сельскаго населенія попала въ состояніе прикрѣпленныхъ путемъ личной экономической зависимости („ролейные закупы", „старые изорники", „смерды") и что другая часть сельскаго населенія образовалась уже тогда изъ поселенныхъ несвободныхъ людей. Въ XIV и XV вв. въ Московскомъ государствѣ дѣлаютъ дальнѣйшие успѣхи *частныя формы зависимости;* въ XVI и XVII — установляется *общее прикрѣпленіе* сельскихъ обывателей.

Состояніе крестьянъ въ XII, XV и XVI вв. Въ XIV в. общее *наименованіе* всѣхъ тяглыхъ людей (обнимавшее и городскихъ обывателей) было *письменные* или *численные люди*, т. е. люди записанные и исчисленные для уплаты податей; въ то же время, по отношенію къ монголамъ — нехристианамъ, общее наименованіе всего населенія *христіане* (крестьяне) спеціализируется (въ XV в.) для обозначенія сельскихъ обывателей (см. Суд. 1-й, ст. 57 „о христьанскомъ отказѣ"). Вообще же права и фактическое положеніе сельскихъ обывателей въ XIV и XV вв. равнялись правамъ и положенію городскихъ обывателей. Однако между городскими и сельскими поселеніями была та разница, что первыя (по общему правилу) не попадали въ частное владѣніе и оставались въ непосредственномъ подчиненіи государству (даже у бывшихъ удѣльныхъ князей великіе князья старались выкупать города). Наоборотъ въ сельскихъ поселеніяхъ развивалась власть частныхъ лицъ и церковныхъ учрежденій: рядомъ съ черными *волостями* были владѣльческія *села* и вотчины: судьба населенія тѣхъ и другихъ была неодинакова, пока наконецъ судьба первыхъ не подчинилась исторической участи вторыхъ.

Населеніе черныхъ волостей. Волостью называется союзъ нѣсколькихъ селъ и деревень (съ однимъ центральнымъ поселеніемъ), имѣющій одно (выборное) управленіе, владѣющій съобща землею *) и находящійся въ круговой зависимости по уплатѣ податей и отправленію повинностей. Имѣя въ виду не права волостей, а права лицъ, составляющихъ волость, находимъ, что они раздѣляются на люди „вытныхъ" и „безвытныхъ". *Вытные люди* — это члены общинъ, владѣющіе податными участками („вытями"). Только они составляютъ полноправныхъ членовъ общинъ (участвуютъ въ выборѣ общинныхъ властей, въ раскладкѣ налоговъ, отвѣчаютъ за исполненіе податныхъ обязанностей). Въ *имущественномъ отношеніи* — они постоянные владѣльцы (но не собственники) своихъ участковъ;

*) Администрація волостей излагается въ гл. объ управленіи, а имущественныя отношенія ихъ въ исторіи гражд. права.

обыкновенно крестьяне становились къ волости въ такія же отношенія, какъ и къ частнымъ землевладѣльцамъ: условіе заключается б. ч. на одинъ годъ, съ подробнымъ описаніемъ получаемыхъ построекъ, съ обязательствомъ починивать ихъ и полученнаго жеребья въ пустѣ не покинуть. Но условіе на одинъ годъ есть лишь форма; обыкновенно на 1-й годъ давалась льгота: а затѣмъ поселенецъ входилъ въ общую круговую поруку по уплатѣ податей (Ак. Юр. № 187) и продолжалъ жить неопредѣленное время; онъ передавалъ свой участокъ по наслѣдству. Поселенцы могутъ даже отчуждать свои участки, но подъ условіемъ, если покупщикъ замѣнитъ продавца и въ тягловомъ отношеніи („а кто будетъ покупитъ земли данные служни или черныхъ людей, а тѣ, кто возможетъ выкупити, — и нѣ выкупять; а не возмогутъ выкупити,—и нѣ потянуть къ чернымъ людямъ; а кто не всхочетъ тянути, и нѣ ся земль съступять, а земли чернымъ людемъ даромъ“ (Догов. Дмитр. Иванов. Донск. съ кн. Влад. Андр. въ Собр. гос. гр. и дог. I, № 33). Иногда участокъ (пустой, необработанной) земли сдается волостью новому поселенцу на условіяхъ простой *аренды*, при чемъ новый поселенецъ уплачиваетъ только оброкъ, но не входитъ въ общія права и обязанности волости: по одной правой грамотѣ времени в. кн. Вас. Ивановича волость предъявляетъ свои права собственности на такой участокъ противъ арендатора, который стремился освоить ее, такъ: „вси (которые) пахали ту землю, у насъ наимывали,... у нашего старосты“, который бралъ наемъ и деньги клалъ всей братьѣ на столецъ (Ак., изд. Ѳедот.-Чехов. I, стр. 31).—Изъ освоенія такихъ участковъ волостной земли и передачи ея по купчимъ возникаетъ частное владѣніе землею членовъ общины, именуемое „вотчиною“; такъ крестьянка закладываетъ „свою вотчину на Куростровѣ деревню Онфимовскую Невейницыну, отца своего оставленье (наслѣдство), дворъ со всѣми хоромы, и дворище и огородецъ и земли орамые горные и луговые, и пожни, и перелоги съ займищи, и съ перевѣсищи, и съ рыбными ловищи и съ лѣтними ухожеи“ (Ак., изд. Ѳед.-Чехов. I, № 91) *); между тѣмъ заложенная деревня входитъ въ Куроостровскую волость, чего не отрицаетъ и владѣлица.—Вообще равенства между членами волости быть не могло; издревле существовалъ классъ богатыхъ („лучшихъ“) людей и классы среднихъ и меньшихъ (неимущихъ) людей. Среди волостей зарождалась своего рода частная собственность (на тягломъ правѣ).—Чернымъ волостнымъ людямъ принадлежатъ полныя права на движимыя вещи.—*Личныя права* ихъ не были ничѣмъ ограничены; правда, обыкновенно чернымъ людямъ не дозволяется переходъ изъ одного удѣла въ другой (наравнѣ съ слугами не-

*) Фактъ относится къ позднему времени (1610); но явленіе—древнее.

вольными: „А которые слуги потягли къ дворьскому при нашихъ отцѣхъ, а чорныи люди къ сотьскому, а тѣхъ намъ не примати, также и тобѣ“: Догов. в. кн. Вас. Дмитр. съ кн. Влад. Андр. 1389 г. въ Собр. гос. грам. и догов. I, № 35: см. также №№ 45, 71, 78, 84). Но иногда и такой переходъ дозволялся: „И бояромъ, и дѣтемъ боярскимъ и слугамъ и христіаномъ межъ насъ волнымъ воля“ (ibid. I. № 127). *Переходъ* изъ одной черной волости въ другую въ одномъ и томъ-же княжествѣ (а по уничтоженіи удѣловъ — въ цѣломъ государствѣ) не подлежитъ ограниченіямъ (Суд. 1-й ст. 57: „а христіаномъ отказыватися изъ волости...“: Суд. 2-й ст. 88 поясняетъ: „изъ волости *въ волость*“, что, конечно разумѣлось и въ 1-мъ Судеб.). Лишь переходъ изъ черныхъ волостей въ частныя вотчины ограничиваемъ былъ съ раннихъ временъ (партикулярными распоряженіями: напр. давая жалов. грамоту Покровскому монастырю. Углицкій князь Андр. Васильевичъ пишетъ: „а тяглыхъ моихъ людей писменныхъ и вытныхъ въ ту слободку не пріимати“; Ак. Арх. Экси. I, № 102).

Безвытные люди— это лица, не входящія въ общину, т. е. не занимающія тяглаго участка, а обрабатывающія земли по частнымъ условіямъ съ отдѣльными членами общины; они именуются иначе „подсусѣдями“, „половниками“, „козаками“ (т. е. батраками). Ихъ личныя права не ограничены ничѣмъ, и, повидимому, превосходятъ права вытныхъ людей, именно они могутъ переходить на частно-владѣльческія вотчины; но фактическое ихъ положеніе, какъ лицъ неимущихъ, ставило ихъ въ тѣсную зависимость отъ хозяина. Въ такомъ же положеніи находились и лица, зависимыя по семейному праву (дѣти при отцахъ, племянники при дядьяхъ и пр.).

Тѣ же обстоятельства, какъ и въ посадахъ, привели и въ волостяхъ къ одинаковымъ послѣдствіямъ; а именно: имущественныя силы волостей ослаблялись отторженіемъ селъ, деревень и пустошей въ руки лицъ обѣленныхъ (служилыхъ людей и церковныхъ учрежденій) по захватамъ и по жалованнымъ грамотамъ самихъ вел. князей; черныя земли хотя и отличались отъ частныхъ имуществъ князей (дворцовыхъ), но состояли въ непосредственномъ распоряженіи вел. князей, какъ государей, которые и начали раздавать ихъ служилымъ лицамъ въ помѣстья и жаловать монастырямъ въ вотчины. Но тягло съ остальныхъ частей волости соотвѣтственно съ этимъ не уменьшалось, а возрастало съ развитіемъ государственныхъ потребностей. Въ слѣдствіе этого населеніе черныхъ волостей бѣжитъ къ частнымъ землевладѣльцамъ (б. ч. на земли церковныхъ учрежденій), гдѣ поселенцы надѣялись найти, хотя временно, льготу отъ трудностей тяглой службы и гдѣ они получаютъ ссуду (подмогу) на обзаведеніе; черная волость не имѣла денегъ для такой цѣли, ибо не вела частнаго хозяйства.

Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ сельскій тяглый человѣкъ могъ достигать такой имущественной состоятельности, что не нуждался въ занятіи ни об-

щиннаго участка, ни участка на землѣ частно-владѣльческой, а владѣлъ, какъ собственникъ, землею на частномъ (тягломъ, а не служиломъ) правѣ. Это такъ наз. *своеземцы*, замѣчаемые въ прежнихъ владѣніяхъ В. Новгорода (на сѣверѣ Россіи). Обыкновенно такія земли составляли результатъ первоначальной разчистки, и владѣльцы ихъ были колонизаторами дикихъ и пустыхъ мѣстъ, не входившихъ ни въ какую волость и ни въ чью вотчину; въ 1524 г. трое Двинянъ нашли за Двиною ключи соляные въ лѣсу черномъ; „а дворы и пашни на тѣхъ мѣстахъ не бывали отъ вѣка; а отъ волости тѣ мѣста за 20 верстъ со всѣхъ сторонъ; угодья къ тѣмъ мѣстамъ не пришли ни отъ которыхъ волостей“; вел. князь пожаловалъ находчиковъ этою землею, съ правомъ созывать новыхъ поселенцевъ (Ак. Арх. Экси. I. № 385). Этотъ видъ тяглой собственности, уцѣлѣвшій только на сѣверѣ, въ остальныхъ мѣстахъ изчезъ безслѣдно; своеземецъ, подавленный тягостью налоговъ, продавалъ свой участокъ служилому владѣльцу, или бросалъ его въ пользу общины. Уцѣлѣло только оброчное владѣніе частными лицами изъ крестьянъ (см. Ак. Юр. № 172).

Населеніе частныхъ вотчинъ. Когда князья осѣдаютъ на мѣстѣ (дѣлаются въ тѣсномъ смыслѣ отчинниками), то это въ высшей степени отражается на успленіи частнаго землевладѣнія. Сами они увеличиваютъ свои недвижимыя имущества примыслами (покупкою) селъ (см. Духовн. Калиты 1328 г. въ Христ. выш. II, стр. 6—7). Существовавшія съ древнѣйшихъ временъ „села боярскія“ увеличиваются въ числѣ вмѣстѣ съ развитіемъ и осѣдлостью (начинающимся прикрѣпленіемъ) служилаго класса по жалованнымъ грамотамъ князей; особенно же расширяются вотчины церковныя (въ слѣдствіе усилившагося религіознаго чувства послѣ ужасовъ татарскаго погрома и расширенія права князей жаловать земли); не изчезло еще и право лучшихъ городскихъ людей (гостей) владѣть вотчинами въ уѣздахъ. Всѣ эти частныя имущества развиваются глав. обр. на счетъ свободныхъ волостныхъ земель.—„Села“ (въ отличіе отъ волостей) населялись въ древности главн. обр. несвободными людьми: холопами, закупами и изгоями (послѣднее особенно на церковныхъ земляхъ, такъ какъ изгои главн. обр. доставались церкви). Но такими людьми обрабатываемы были только незначительные по величинѣ дворовые участки; остальная земля обрабатывалась свободнымъ пришлымъ населеніемъ.

Судьба свободнаго населенія (крестьянъ) была не одинакова, смотря *по изчисленнымъ родамъ частныхъ вотчинъ.* Велико-княжескія (или подклѣтныя, а потомъ дворцовыя) вотчины, а также княжескія (быв. удѣльныхъ кн.) и монастырскія были столь обширны, что составляли уже цѣлыя волости; иногда онѣ и по происхожденію своему были не что иное, какъ черныя волости, обращенныя въ частную собственность (сначала вел. князь овладѣваетъ ими при присоединеніи новыхъ княжествъ, а потомъ отъ вел.

князя часть ихъ поступаетъ или „въ путь" дворцовымъ чиновникамъ, или посредствомъ пожалованія въ вотчину церковнымъ учрежденіямъ). Въ такихъ волостяхъ-вотчинахъ условія быта поселенцевъ остаются почти такими-же, какъ и въ черныхъ волостяхъ (лишь вмѣсто дани уплачивается частный оброкъ): община продолжаетъ функціонировать, избирая свое управленіе и даже распоряжаясь участками земли при сели новымъ поселенцамъ. Вообще же положеніе крестьянъ въ большихъ вотчинахъ-волостяхъ могло быть (и бывало) весьма различно, они могли получать отъ своихъ владѣльцевъ пожалованія цѣлыми деревнями на служебныхъ условіяхъ: въ 1527 г. митрополитъ Даніилъ пожаловалъ изстариннаго своего крестьянина Дементія 4-мя деревнями съ селищами и пустошами, съ озерами, рѣками и пр. съ тѣмъ, чтобы онъ не „обнижилъ ни обоярилъ" и вообще не отчуждалъ этихъ деревень (Ак. Ар. I, 74). Типомъ „вотчины" въ собств. смыслѣ надо считать меньшія, отдѣльныя вотчины частныхъ свѣтскихъ владѣльцевъ (древнія „села"), нерѣдко вторгавшіяся въ середину черныхъ волостей и постепенно разрушавшія ихъ. Къ этому типу потомъ приравнялись и вотчины вообще, а равно и помѣстья.

Отношенія переходящихъ поселенцевъ къ землевладѣльцу опредѣлялись частными условіями между ними и отчасти (со времени Суд. 1-го) закономъ и уставными грамотами церковныхъ властей. *Условія* въ древности, конечно, были словесныя, но съ XVI в. начинаютъ преобладать письменныя (болѣе въ интересахъ землевладѣльцевъ): они называются „порядными", или *„рядными записями"*. Условіе обыкновенно обезпечивается *поручительствомъ* и неустойкою; поручителями являются прежніе крестьяне той вотчины, въ которую входитъ новый поселенецъ, этотъ видъ частной круговой поруки обезпечивалъ владѣльца возможностью за неисправность новаго пришельца уснлить свои права на прежнихъ. Частное поручительство дополнялось (въ уставныхъ грамотахъ церковныхъ учрежденій) общею круговою порукою извѣстной волости-вотчины: „а которыи крестьянинъ выйдетъ изъ тѣхъ селъ за волость, дворъ огноивши,- и тотъ дворъ ставить тѣхъ селъ крестьяномъ, которые останутся въ тѣхъ селѣхъ, своими деньгами, потому чтобы берегли другъ друга, чтобы дворъ не огноенъ былъ" (Устави. грам. патр. Іова 1590 г. Новинскому монастырю). *Неустойка* („зарядъ"), обезпечивающая условіе, обыкновенно была довольно высока (10 рублей въ ряд. 1586—Ак. Юр. № 186; пять руб. въ поручн. 1585—ibid. № 290. 1, что на наши деньги составляетъ 140—70 рублей). Существенныя части „рядной записи" касаются: а) *срока*. Переходы крестьянъ совершались въ разные сроки (сохранились условія, по которымъ крестьянинъ подряжался съ Пасхи и т. д.). Но болѣе общимъ срокомъ въ обычномъ правѣ былъ Юрьевъ день осенній (26 ноября); Судебникъ 1497 г. узаконилъ этотъ срокъ, какъ общій, но нѣсколько расширилъ предѣлы

самого термина (за недѣлю до Юрьева дня и недѣлю спустя послѣ этого дня). Такое постановленіе закона можно считать состоявшимся въ интересахъ обѣихъ сторонъ (какъ крестьянъ, такъ землевладѣльцевъ), для устраненія безпорядковъ при разсчетѣ.—Хотя тѣ же сроки подтверждены и Судебникомъ цар., но на практикѣ и послѣ того допускались и другіе, особенно при переходѣ изъ одной вотчины въ другую того-же владѣльца (на Николинъ день вешній въ рядн. 1590 г. Ак. Юр. № 186; 25 марта въ рядн. 1585, ibid. № 290, I). Въ рядныхъ 2-й половины XVI в. означается только срокъ начала дѣйствія обязательства, и вовсе не обозначается срокъ окончанія его,—какъ бы предполагается, что поселенецъ поряжается жить на вѣчныя времена. И дѣйствительно, хотя порядныя записи возобновляются, но не въ слѣдствіе истеченія срока первыхъ, а въ слѣдствіе занятія крестьяниномъ другаго участка или измѣненія другихъ условій.—б) Другая главная часть рядной касается *пожилаго*, т. е. платы, при выходѣ, за *зданія (дворъ)*, занимаемыя поселенцемъ; въ частныхъ рядныхъ условія, относящіяся сюда, были разнообразны: крестьяне обязывались частію выстраивать новыя зданія („во дворѣ намъ поставити изба новая полутретьи саженн“; рядн. 1582 г. въ Ак. Юр. № 182) и исправлять старыя. Но, вѣроятно, эта часть условій возбуждала наибольшія недоразумѣнія и потому законъ поспѣшилъ прежде всего дать свое опредѣленіе на этотъ счетъ: Суд. 1-й (ст. 57) установилъ общую оцѣнку крестьянскаго двора—въ степной полосѣ въ рубль (Судеб. цар. прибавилъ еще два алтына), а въ лѣсной—въ полтину; законъ предполагаетъ, что пользованіе этимъ имуществомъ въ продолженіи четырехъ лѣтъ равняется полному истребленію двора (зданій); а потому если крестьянинъ, просидѣвшій 4 года, уходилъ, то платилъ по полной оцѣнкѣ двора; проживній меньшее количество времени платилъ по разсчету (за 1 годъ—$^1/_4$ цѣны, за два года $^1/_2$ цѣны, за 3 года $^3/_4$). Изъ приведенной выше Уставной гр. видно, что такія опредѣленія закона казались недостаточными; землевладѣльцы прибѣгали и къ другимъ средствамъ охраненія зданій; но во всякомъ случаѣ могли предъявить къ крестьянину искъ за „пожилое“, будетъ ли цѣло зданіе или нѣтъ. Далѣе, на практикѣ землевладѣльцы не исполняли таксы, предписанной закономъ, и взыскивали за пожилое по 5 и даже по 10 р.—в) Третья часть условій касается *уплаты государ. податей*: „А живучи намъ на той деревни, тягло государьское всякое тянуть съ волостью вмѣстѣ, какъ соху наставимъ“ (рядн. 1576 въ Ак. Юр. № 178). При переходѣ крестьянина являлся вопросъ—кому платить подать съ оставленнаго засѣяннаго участка; Суд. ц. (ст. 88) рѣшаетъ: что если останется у крестьянина (озимый) хлѣбъ въ землѣ, то онъ можетъ (на другое лѣто) сжать его, уплативъ въ пользу владѣльца боранъ и два алтына; но пока рожь его была въ землѣ, онъ долженъ платить царскую подать съ этого—своего прежняго участка, хотя

за это время всѣ отношенія его къ „боярину“ (землевладѣльцу) прекращаются. д) Дальнѣйшія условія касаются *обработки земли*: въ этомъ отношеніи возможны двоякія условія: или крестьянинъ садился *на льготу* на необработанномъ участкѣ, или на готовомъ участкѣ; въ первомъ случаѣ онъ обязывался построить вновь зданія (въ числѣ и размѣрахъ, точно обозначаемыхъ въ условіи), а затѣмъ „пашню роспахать, поля росчистить, городьбу около полей городить и луга росчистить (грам. 1590 г. Ак. Юр. № 186): за это поселенецъ пользовался въ теченіи извѣстнаго количества лѣтъ (2, 4, и болѣе) свободою, какъ отъ уплаты оброка за землю и издѣльныхъ повинностей, такъ и отъ государственныхъ податей. При занятіи обработаннаго участка, крестьянинъ обязывался „пашню пахать и земли не запереложить“ (т. е. не запустить, не оставить необработанной). *Участки*, занимаемые крестьяниномъ были весьма неодинаковы (полвыти, $^1/_4$ выти, $^1/_8$ выти, полуплуть, обжа, $^1/_2$ обжи, $^1/_6$ обжи и т. д.). Выть не есть постоянная мѣра: пространство ея измѣнялось смотря по качеству земли (отъ 2 до 10 десят.). Обжа 10 „четвертямъ“ (т. е. 5 десятинамъ) земли. „Обыкновенный участокъ земли, на который садился крестьянинъ простирался отъ $3^1/_2$ до 5 десят.“ (Хлѣбниковъ. „О вліяніи обш. на орган. госуд.“, стр. 50). Къ каждому участку пахатной земли прибавлялось соотвѣтственное количество сѣнокосовъ (на 5, 10, 20, 40 копенъ сѣна).—д) За занятый участокъ крестьянинъ ежегодно вноситъ арендную плату—*оброкъ*, который обыкновенно уплачивался натурою (хлѣбный оброкъ) или въ видѣ части урожая, или въ опредѣленномъ—условленномъ количествѣ хлѣба съ выти, но иногда переводился на деньги (денежный оброкъ). Законъ не входилъ въ опредѣленіе величины оброка, и рядныя записи предполагаютъ ее извѣстною, такъ какъ оброкъ б. ч. опредѣлялся не для каждаго отдѣльнаго крестьянина въ особенности, но устанавливался надолго для цѣлой вотчины или села. Можно думать, что для цѣлыхъ большихъ частей государства и для значительныхъ періодовъ времени высота оброка была одинаковою; лишь изрѣдка крестьянинъ въ рядной прямо обязывается къ опредѣлен. уплатѣ въ деньгахъ. При опредѣленіи величины оброка для конца XV в. могутъ служить Новгор. писцовыя книги, по которымъ въ имѣніяхъ двора боярскихъ крестьянинъ уплачивалъ 5-ю или 4-ю часть урожая, а если эта часть переводилась на деньги, то $2^1/_2$ до 5 гривенъ (до 70 денегъ) съ обжи (Новг. писц. кн. 1, стр. 415). Четвертая часть уплачивалась и по Псковской суднои грам. изорникамъ. Для половины XVI в. примѣрнымъ показателемъ можетъ служить Устав. грамота крест. Соловецкаго мон. 1561 г.; въ ней съ выти назначается: по 4 четверти ржи, 4 четверти овса, по сыру сухому на Успеньевъ день (или за сыръ деньгами—2 деньги), по 50 яицъ, по хлѣбу и по калачу—на Покровъ (Ак. Арх. I, № 258). По этому примѣру трудно сдѣлать вычисленіе того процента урожая, который слѣдовалъ въ пользу землевла-

дѣльца, ибо дѣло идетъ о мѣстности сѣверной—весьма неплодородной. Для конца XVI в. могутъ б. приведены слѣд. примѣры: въ 1586 г. крестьянинъ садится на $^1/_6$ обжи и обязывается уплачивать оброку по 1 р. въ годъ (А. Ю. № 178). Въ 1590 г.—съ обжи 5-й снопъ (ibid. № 186; тоже—№ 189-и, 1599 года). Въ Славетинскомъ погостѣ при 111 жилыхъ обжахъ, съ 444 крестьянъ получалось оброка 471 р. 11 алтынъ (по 4 р. 21 алт. на обжу или 1 р. 4 алт., на участокъ, приблизительно въ четверть обжи. См. еще уставн. грам. всѣмъ селамъ Кирилло-Бѣлозер. монастыря, 1593 г. въ Ак. Арх. Экси. I, № 357). Хлѣбный или денежный оброкъ (какъ видно изъ предыдущаго) дополнялся поборами въ видѣ хозяйственныхъ продуктовъ (сыръ, яйца, мясо, хлѣбъ печеный, пиво, ленъ, куры и пр.); впрочемъ высшее количество этихъ поборовъ понижало нормальный оброкъ и обратно.—е) Важнѣйшая часть отношеній крестьянъ къ землевладѣльцамъ состоитъ въ *издѣльныхъ (барщинныхъ) повинностяхъ*. Когда и изъ какихъ основаній возникла барщина? Явленіе это несомнѣнно весьма древнее. Ряденый закупъ Рус. Пр. исправлялъ разныя службы на господина. Потомъ мы видѣли, что по Пск. судн. гр. барщинными услугами были обязаны „старые“ изорники. Думаютъ, что барщиной обязывались только серебряники, т. е. крестьяне, получившіе ссуду; слѣд. барщина есть послѣдствіе договора займа (Бѣляевъ: Крест. на Руси, стр. 43). Но личная работа могла также явиться въ видѣ дополненія, или замѣны оброка. Во всякомъ случаѣ уже въ древнѣйшихъ письменныхъ свидѣтельствахъ Московскаго государства находимъ, что *всѣ* крестьяне обязаны были и барщиною: по грамотѣ м. Кипріана Константиновскому монастырю 1391 года крестьяне „церковь наряжали, дворъ тынили, хоромы ставили, пашню пахали на монастырь изгономъ, убирали хлѣбъ и сѣно (на монастырскихъ запашкахъ), прудили пруды, сады оплетали, на неводъ ходили, хлѣбы пекли, пиво варили, ленъ прядли“. Если такъ было въ концѣ XIV в., то нельзя видѣть большаго преувеличенія въ словахъ Герберштейна о нач. XVI в., а именно, что „поселяне работаютъ на своего господина 6 дней въ недѣлю; седьмой-же день предоставленъ имъ на собственную работу“ (Зап. въ пер. Аноним., стр. 85). Суд. цар. говоритъ о барщинѣ, какъ явленіи общемъ и законномъ, позволяя „не дѣлать боярскаго дѣла“ такому крестьянину, который уже перешелъ и лишь хлѣбъ его оставался въ землѣ. По уставн. грам. 1561 г. барщина на земляхъ Соловецк. монастыря состояла въ слѣд.: крестьяне обязаны обрабатывать дворовую землю, при чемъ съ каждой выти надѣла они обязаны были засѣять по четверти ржи и по 2 четверти овса, они обязаны молоть рожь и солодъ для прикащика, слуги и доводчика; возить съ выти по 3 воза дровъ; везти повозъ къ Вологдѣ съ выти по лошади (или за подводу по 4 гривны); поправлять монастырскій дворъ и гумна и ставить новыя хоромы въ замѣнъ обветшавшихъ; барщинная работа на-

чинается отъ восхода солнца, какъ десятскій вѣсть попасть. за неявку на работу платится этимъ 2 деньги (Ак. Арх. Эк. I. № 258). Въ рядныхъ записяхъ конца XVI в. уже обыкновенно пишется: „какіи оброкъ хлѣбной платити сполна, и изъ тое нами монастырьское тяглы, какъ и прочіе крестьяне". Монастыри въ этомъ отношеніи должны были опередить свѣтскихъ владѣльцевъ, которые долго не жили въ своихъ вотчинахъ, и не могли имѣть большихъ собственныхъ хозяйствъ. Съ XVI в. барщина распространяется повсюду.—ж) Самое рѣшительное вліяніе на судьбу крестьянъ обнаруживаютъ условія о *подмогѣ* или *ссудѣ*: крестьянинъ сверхъ всего изложеннаго, обыкновенно беретъ у землевладѣльца при поступленіи ссуду деньгами или вещами, безъ которыхъ не можетъ начать обработки (напр. безъ скота, безъ орудій). Величина ссуды могла б. различною: 2 р., 5 р. и выше, крестьянинъ обязанъ былъ возвратить ее при выходѣ. Такая ссуда называлась „серебро", а крестьяне, получившіе ее, „серебреничками". Для такого крестьянина выходъ становится невозможнымъ фактически, ибо, при изложенныхъ условіяхъ аренды, капитализація платежа или уплаты ссуды, невозможна. Выходъ могъ быть осуществленъ только тогда, когда новый владѣлецъ, къ которому переходитъ крестьянинъ, уплачиваетъ за него прежнему; въ такомъ именно видѣ акты уже съ XV в. и упоминаютъ о переходѣ крестьянъ, не крестьяне „отказываются", а ихъ „*отказываютъ*" новые ихъ владѣльцы. „И вы бъ, пишетъ Бѣлозер. кн. Мих. Андреевичъ въ 1450 г., серебренниковъ, и половниковъ, и слободныхъ людей (Кирилло-Бѣлозер. монастыря) не о Юрьевѣ днѣ не отказывали, а отказывали серебренника и половника о Юрьевѣ днѣ, да и серебро заплатить" (Ак. Арх. Экс. I, № 48). Крестьянинъ, фактически не могшій воспользоваться правомъ перехода долгое время, становился „изстарщинымъ" и терялъ это право навсегда. Къ XVI в. такой разрядъ крестьянъ, фактически прикрѣпленныхъ, сдѣлался самымъ многочисленнымъ; къ нему приравнялось положеніе и всѣхъ прочихъ крестьянъ. Что положеніе „серебренника" имѣетъ нѣкоторое *сходство* съ положеніемъ кабальнаго холопа, на это указываетъ Суд. ц. (ст. 78), называя кабальнаго человѣка серебряникомъ. Но Суд. и. болѣе свободный выходъ предоставляетъ только въ одномъ случаѣ, именно если „крестьянинъ съ пашни продастся кому въ полную въ холопи", тогда и „пожилого съ него нѣтъ" (ст. 88). Очевидно, что фактъ самопродажи крестьянъ въ холопство сдѣлался въ половинѣ XVI в. обычнымъ и что это потребовало въ самомъ законѣ особыхъ опредѣленій. Но изъ этого самаго уже слѣдуетъ, что нельзя смѣшивать развитіе крѣпостнаго (крестьянскаго) состоянія съ развитіемъ холопства (полнаго или кабальнаго). Холопство есть личная зависимость, крестьянство—поземельная. Кабала кончается или жизнію кабальнаго, или жизнію господина; прикрѣпленіе—вѣчно; кабала есть личная служба „во дворѣ", крестьянство—земледѣльческая работа, соединен-

ная съ отправленіемъ государственнаго тягла; и прежде крестьяне не были и не именовались кабальными, хотя зависимость ихъ отъ землевладѣльцевъ была уже частною, но послѣ общаго прикрѣпленія были приняты государствомъ особыя мѣры, чтобы эти состоянія не смѣшивались. Вообще крѣпостное состояніе разрушаетъ холопство. Ни служилые люди, ни посадскіе, ни (впослѣдствіи) крестьяне не могутъ поступать въ холопство, у котораго такимъ образомъ отняты всѣ источники, кромѣ рожденія. Фактъ ограниченія свободы крестьянъ, развиваемый частными мѣрами въ пользу частныхъ лицъ, государство обращаетъ въ общую мѣру въ пользу государ. службы.

Прикрѣпленіе. При обширныхъ правахъ землевладѣльца на перехожаго крестьянина, самое прикрѣпленіе для землевладѣльцевъ вовсе не было, особенно сначала, т. е. до XVI в., мѣрою желательною. Тогда населеніе все было скучено въ тѣсныхъ предѣлахъ верхняго бассейна Волги, предложеніе рабочихъ рукъ превышало запросъ ихъ; землевладѣльцу не было разсчета держать крестьянина, когда онъ всегда могъ найти лучшаго. По свидѣтельству Вассіана Косаго, монастыри въ нач. XVI в., отнявъ все имущество крестьянина за недоимки, *выгоняли* изъ своихъ селъ его съ женою и съ дѣтьми и провожали побоями.—Съ расширеніемъ въ XVI в. госуд. территоріи на востокъ (и вообще съ устраненіемъ опасности отъ татаръ), русская колонизація (какъ сказано выше) двинулась усиленнымъ образ. по Волгѣ, Дону и къ Уральскому хребту; колонизаторами были крестьяне, которые въ степяхъ смыкались въ козацкія общины, свободныя и отъ госуд. тягла и отъ частнаго оброка. Тогда для многихъ землевладѣльцевъ и крестьянъ вопросъ о прикрѣпленіи становится болѣе жизненнымъ. Первые стараются усилить частныя мѣры зависимости крестьянъ всѣми способами: въ 1555 г. жаловались царю черныя общины, что дѣти боярскіе Псковскіе „крестьянъ изъ за себя не выпущаютъ, а поймавъ де ихъ мучатъ и грабятъ, и въ желѣза куютъ, и пожилое съ нихъ емлютъ не по судебнику, рублей по 5 и по 10“ (Доп. къ акт. ист. I, № 56). Къ концу XVI в. усиленіемъ частныхъ обязательствъ прикрѣпленіе установлено повсюду; тогда и законъ является съ своими мѣрами, не санкціонирующими только фактъ, но направляющими его къ другой цѣли.

Уже съ давнихъ временъ (съ пол. XV в.) являются *партикулярныя мѣры законодательства* (въ видѣ жалованныхъ грамотъ въ пользу того или другаго владѣльца) о прикрѣпленіи крестьянъ: въ 1460, 1463 и около 1478 г. даны такія грамоты Троицкому Сергіеву монастырю по разнымъ его вотчинамъ: „также есми игумена съ братьею пожаловалъ: котораго ихъ крестьянина изъ того села и изъ деревень кто къ себѣ откажетъ, а нхъ старожильца, и язъ, князь вел., тѣхъ крестьянъ изъ Присѣкъ, и изъ деревень не велѣлъ выпущати никому“ (Ак. ист. I, № 59). „А которые

люди живутъ въ ихъ селахъ и нынѣче; и язъ, князь вел., не велѣлъ тѣхъ людей пущати прочь". Прикрѣпленіе интересуетъ и непосредственно государство въ томъ отношеніи, чтобы платежныя силы тяглыхъ общинъ не ослабѣвали; въ пол. XVI в. въ уст. земскихъ грамотахъ постановляется (для черныхъ общинъ): „старыхъ имъ своихъ тяглецовъ крестьянъ изъ за монастыреи выводить назадъ безсрочно и безпошлинно" (уст. Важ. грам.: въ Христ. II, стр. 202).

Мѣры Бориса Годунова. Къ концу XVI в., при общемъ фактическомъ прикрѣпленіи, не было надобности издавать законовъ о прикрѣпленіи, *переходи* не было; былъ лишь *вывозъ* крестьянъ. Предстояло не отнимать свободу у крестьянъ, а ограничивать произволъ землевладѣльцевъ. Накопилась масса исковъ о возвращеніи крестьянъ, которые уже именуются „бѣглыми"; тогда *въ 1597 г.* (см. нашей Христ. вып. III; стр. 94) въ царств. Ѳеодора Іоанновича (при управленіи Бориса Годунова) изданъ *общій законъ о давности* такихъ исковъ; давность установлена 5-лѣтняя. Отсюда прежде выводили, что за пять лѣтъ до 1597 г., значитъ въ 1592 г., долженъ былъ появиться общій законъ о прикрѣпленіи, не дошедшій до насъ. Но уже Погодинъ обратилъ вниманіе на то, что по закону 1597 г. запрещается искать о крестьянахъ, „выбѣжавшихъ лѣтъ за 6, за 7 и за 10 и болши"; значитъ крестьяне, ушедшіе и въ 1587 г. и даже въ царств. Грознаго, считались уже бѣглыми. Съ друг. стор. и въ послѣдующее время (1606 г.) устанавливается такая-же 5 лѣтняя давность. Так. обр. Погодинъ заключилъ, что Борисъ Годуновъ и Ѳед. Іоанновичъ не издавали никакихъ общихъ законовъ о прикрѣпленіи (кромѣ ук. 1597 г. о давности). Н. И. Костомаровъ возвратился къ старому мнѣнію (см. его „Историч. мон." I, стр. 393), говоря, что именно въ 1592 г. послѣдовало общее прикрѣпленіе. Этого мнѣнія держатся и И. Д. Бѣляевъ („Кр. на Руси", стр 105) и В. И. Сергѣевичъ („Лекціи и Изслѣд.", стр. 637), относящій предполагаемый указъ къ самому началу царств. Ѳедора Іоан.—Но уже давно проф. Энгельманъ („О давности") старался указать, что мнимый искомый указъ и есть указъ 1597 г. о давности; въ недавнее время (въ своей книгѣ „Die Leibeigenschaft") онъ утверждаетъ ту же мысль съ большею доказательностію, говоря, что не могъ пропасть безслѣдно законъ такой великой важности и столь интересный для тѣхъ самыхъ бояръ и дьяковъ, которые записывали и хранили узаконенія въ Приказахъ.

Не отыскивая мнимо-утраченнаго общаго закона о прикрѣпленіи раньше 1597 г., видимъ, что самый указъ 1597 г. означаетъ, что отношенія между крестьянами и землевладѣльцами государство беретъ подъ свою регламентацію и обращаетъ ее къ своимъ цѣлямъ. Самое назначеніе давности исковъ отстраняетъ отъ крестьянъ состояніе холопства, ибо для исковъ о холопахъ никогда не полагалось никакой давности.

На какую-то общую мѣру, принятую Годуновымъ при ц. Ѳеодорѣ, указываетъ свидѣтельство современника иностранца Шиля, который увѣряетъ, что во времена Бориса землевладѣльцы уже привыкли смотрѣть на своихъ крестьянъ какъ на крѣпостныхъ, и что Борисъ будто-бы намѣревался ввести нѣчто въ родѣ инвентарныхъ постановленій, опредѣливъ *сколько крестьяне обязаны платить и работать* въ пользу землевладѣльца. Это дальнѣйшимъ обр. уясняетъ для насъ тотъ новый путь, по которому хочетъ направить государство экономическій фактъ порабощенія крестьянъ. Въ одномъ изъ послѣдующихъ указовъ, именно 1607 г. мар. 9 (которыи многими признается подложнымъ и извѣстенъ только по изданію Татищева: „Судебникъ“, изд. 1786 г., стр. 240—246), говорится что, „ц. Ѳеодоръ Іоанновичъ, по наговору Бориса Годунова, *не слушая совѣты старѣишихъ бояръ*, выходъ крестьянамъ заказалъ, и у кого колико тогда крестьянъ было, *книги* учинилъ, и послѣ отъ того начался многія вражды, кромолы и тяжи“, затѣмъ содержится постановленіе, что и впредь прикрѣпленіе должно простираться на тѣхъ крестьянъ, которые „*въ книгахъ 101* (1592 или 1593 г.) положены“, чѣмъ указывается и на дату (1592) общихъ мѣръ Бориса. Но подъ этими „книгами“ можно разумѣть лишь писцовыя книги; Борисъ воспретилъ вывозъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ застала опись государства, предпринятая имъ; мѣра эта шла противъ желанія бояръ и не въ ихъ интересахъ. (Указъ 1607 г., вопреки мнѣнію Костомарова, остается сомнительнымъ: въ немъ есть явныя противорѣчія между вступительною частью (мотивомъ) и опредѣлительною; въ немъ смѣшиваются холопы съ крестьянами, чего не дѣлаетъ ни одинъ законъ ни прежде, ни послѣ, въ немъ установляется 15-лѣтняя давность по искамъ о бѣглыхъ крестьянахъ, между тѣмъ какъ установленная въ 1597 г. 5-лѣтняя давность продолжала дѣйствовать и при ц. Михаилѣ Ѳеодоровичѣ; дворянамъ стоило большихъ усилій выхлопотать удвоеніе ея—въ 10-лѣтнюю, что даваемо было сначала нѣкоторымъ владѣльцамъ въ качествѣ привилегіи и наконецъ утверждено общимъ закономъ 1642 г.. см. Ук. книгу зем. прик., въ Христом. вып. III, ст. XXXI, п. 1. Но указъ 1607 г., не будучи закономъ, тѣмъ не менѣе остается историческимъ памятникомъ).—Кромѣ сомнительнаго указа 1607 г., есть несомнѣнныя узаконенія 1601 и 1602 г., указывающія на характеръ начинающагося государственнаго прикрѣпленія; по этимъ указамъ ц. Борисъ временно (на 1 годъ) разрѣшалъ переходъ крестьянъ на Юрьевъ день и недѣлю спустя послѣ Юрьева дня, кромѣ черныхъ земель, вотчинъ дворцовыхъ, церковныхъ и вотчинъ высшихъ служилыхъ лицъ, и за исключеніемъ всего Московскаго уѣзда; каждому изъ вотчинниковъ позволялось вывозить только по 1 или по 2 крестьянина, но не болѣе. Указы этого рода очевидно даны не для облегченія крестьянъ (ибо касались одной части ихъ), а въ интересахъ службы мелкихъ собственниковъ. Очевидно, что мѣры Бо-

рица Годунова состояли въ регулированіи уже установившихся отношеній между крестьянами и землевладѣльцами въ пользу государственной службы: простирались эти мѣры на тѣхъ только крестьянъ, которые уже и безъ того потеряли право перехода, и наконецъ совершались не посредствомъ общихъ узаконеній о прикрѣпленіи, а чрезъ сообщеніе новой силы писцовымъ книгамъ.

Что общаго и окончательнаго закона о прикрѣпленіи дано не было, о томъ свидѣтельствуютъ послѣдующіе факты. Если главная масса была уже и безъ того прикрѣплена, то для остальныхъ (немногихъ) переходъ не былъ еще ничѣмъ воспрещенъ въ 1597 г. въ цар. грамотѣ Введенскому монастырю на Ояти позволяется: „крестьянъ и бобылей на ту вотчину называти“ (Доп. къ ак. ист. I, 141): въ 1614 г. въ цар. грамотѣ воеводамъ въ пользу Іосифова Волоколамскаго монастыря пишется, что если монастырь свѣдаетъ гдѣ своихъ бѣжавшихъ крестьянъ, то воеводы обязаны „обыскивати всякими людьми накрѣпко—*старинные* ли тѣ Іосифовы вотчины крестьяне“.—и въ такомъ только случаѣ возвращать ихъ монастырю. Въ писцовой книгѣ Бѣлевскаго уѣзда 1632 г. показано нѣсколько крестьянъ „ушедшихъ“ (но не бѣжавшихъ) и записанныхъ тутъ же писцовою книгою за новыми владѣльцами (Бѣлев. Вивл. I, 417 и 488). Существуетъ много рядныхъ записей въ крестьянство за время до половины XVII в. (см. Ак Юр. №№ 187, 191, 193, 194, 196—три акта, 290). Потеряли право перехода только старинные крестьяне и крестьяне—домохозяева, записанные въ писцовыя книги, но не дѣти ихъ, племянники и бобыли.

Общій дѣйствительный законъ о прикрѣпленіи есть XI-я глава Уложенія ц. А. М., гдѣ говорится (ст. 3): *„по нынѣшній государевъ указъ государевы заповѣди не было*, что никому за себя крестьянъ не пріимати. А будетъ кто съ сего государева уложенія учнетъ бѣглыхъ крестьянъ и бобылей, и ихъ дѣтей и братью и племянниковъ принимать“, тотъ не только долженъ возвратить ихъ „со всѣми ихъ животы, и съ хлѣбомъ стоячимъ и молоченымъ и съ земленымъ, безъ урочныхъ лѣтъ“, но и уплатить 10 руб. за годъ.—Улож. ц. А. М. не только констатируетъ совершившійся фактъ, но и разширяетъ его: а) укрѣпленіе простирается не на однихъ только старинныхъ крестьянъ, но и на всѣхъ; б) оно простирается не на однихъ тяглецовъ, записанныхъ по писцовымъ книгамъ, но и бобылей, подчиненныхъ членовъ семьи; в) давностные сроки исковъ о бѣглыхъ крестьянахъ уничтожаются. За то государственный характеръ прикрѣпленія выступаетъ уже со всею ясностью. Крестьянинъ не можетъ дать на себя служилую кабалу стороннему человѣку (Улож. XX, 6). Землевладѣлецъ не имѣетъ права (подъ угрозою наказанія) обратить своего крестьянина въ кабальнаго холопа. „А что тотъ ихъ боярин взялъ на нихъ (крестьянахъ) служилые кабалы, и ему за то, что государь укажетъ, для того, что по госу-

дареву указу никому на крестьянъ своихъ и на крестьянскихъ дѣтей кабалъ имать не велѣно“ (Улож. ц. А. М., X, 113). Помѣщикъ не имѣетъ права освободить крестьянина съ помѣстной земли и даже пріобрѣтатели вотчинъ считали себя въ правѣ искать на прежнихъ владѣльцахъ за освобожденіе крестьянъ (Ул. XV, 3). Котошихинъ говоритъ, что у помѣщиковъ, которые разоряли своихъ крестьянъ, имѣніе было отбираемо (Гл. XI, ст. 3).

Значеніе прикрѣпленія и положеніе крестьянъ послѣ прикрѣпленія. Выше была указана сущность разницы между крѣпостнымъ состояніемъ (Horigkeit) и холопствомъ (Leibeigenschaft). Крестьяне прикрѣплены по писцовымъ книгамъ, а не по кабаламъ. Государство обратило частныя мѣры зависимости въ прикрѣпленіе, въ общую государственную мѣру ради цѣлей государства, ради службы ему; оно руководилось не частною пользою землевладѣльцевъ, а своими интересами. Прикрѣпленіе крестьянъ имѣетъ совершенно тотъ же смыслъ, какъ и прикрѣпленіе служилыхъ и посадскихъ людей. „Крестьянинъ не былъ прикрѣпленъ ни къ землѣ, ни къ лицу; онъ былъ, если можно такъ выразиться, прикрѣпленъ къ государству; онъ былъ сдѣланъ государственнымъ работникомъ при посредствѣ помѣщика“ (Хлѣбниковъ: „О вліян. общ. на орг. госуд.“ стр. 273).

По идеѣ государственнаго прикрѣпленія, крестьяне не только могли, но и должны были сохранить всѣ общегражданскія права (личныя и имущественныя). И дѣйствительно въ XVII в. крестьяне еще заключаютъ договоры съ своими землевладѣльцами, сохраняютъ права вещныя (на движимость) и всѣ личныя (кромѣ права избранія мѣстожительства); въ государств. правѣ они граждане полноправные (пользуются избирательнымъ правомъ въ судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ и на земскихъ соборахъ). Однако фактически изъ прикрѣпленія уже въ XVII в. возникло (въ частныхъ вотчинахъ) право помѣщика наказывать крестьянъ, усилилось старое право судебной власти перваго надъ послѣдними; начались отдѣльные случаи (сначала, какъ злоупотребленія) продажи крестьянъ (отдѣльно отъ вотчины).

Но полный переходъ крѣпостнаго состоянія въ новый видъ холопства (основанный на сословномъ началѣ) относится ко временамъ имперіи. Тогда-же, въ Московскомъ государствѣ, все населеніе призвано было служить государству; всякіе интересы лицъ, классовъ и обществъ стояли безконечно ниже интересовъ государства; человѣкъ жилъ гораздо менѣе для себя, семьи и ближайшаго общества, чѣмъ для государства. Только при этомъ крайнемъ напряженіи всѣхъ силъ населенія къ одной цѣли, это государство успѣло вынести свою громадную территорію при незначительности и бѣдности населенія. Это же обстоятельство предрѣшило и формы и характеръ государ. власти.

B. Власть.

Литература: см. вышеуказанныя сочиненія Н. П. Загоскина, В. И. Сергѣевича и Н. П. Хлѣбникова.

Рычковъ: «О титулѣ бѣлаго царя (Ежемѣсячныя сочин. 1763 г. августъ).

Успенскій: «Опытъ повѣствованія о древностяхъ Россійскихъ». Харьк. 1818.

Лакиеръ: «Исторія титула государей Рос. (Журн. мин. нар. просв. 1847, LXI)

«О постановленіи вел. князей Россійскихъ» (Древн. Рос. Вивл. I, февр.)

К. Артемовскій-Гулакъ. Историческій взглядъ на образъ и порядокъ престолонаслѣдія въ Россіи» (Опыт. сочин. студ. Харьк. ун. I, X). 1846.

Каптевъ. «О священномъ вѣнчаніи и помазаніи царей на царство» Спб. 1847.

Сабининъ: «О бармахъ (Историч. Сборн. т. III. 1839).

И. Е. Забѣлинъ: Домашній бытъ русскихъ царей». М. 1872.

В. Ключевскій: «Боярская дума древней Руси». М. 1882

П. В. Павловъ: «О нѣкоторыхъ земскихъ соборахъ XVI и XVII в.» (Отеч. Записки 1859 CXX и CXXIII).

А. П. Щаповъ: «Земскіе соборы XVII в. Соборъ 1642» (Вѣкъ. 1862, № 11).

Онъ-же: «Земскій соборъ 1648—1649 г. и собраніе депутатовъ 1767 г.» (Отеч. Зап. 1862, № 11)

К. С. Аксаковъ: «Краткій историческій очеркъ земскихъ соборовъ» (День 1862, № 13).

Онъ-же: «Земскій соборъ 1642 г.» (День. 1863, № 9).

Б. Н. Чичеринъ: «О народномъ представительствѣ» (кн. III гл. 5: «Земскіе соборы въ Россіи»). Спб. 1866.

П. Д. Бѣляевъ: «Земскіе соборы на Руси». Рѣчь на актѣ 1867.

В. И. Сергѣевичъ: «Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ» (Сборн. госуд. знаній, т. II, 1875 г.).

М. Владимірскій-Будановъ: Критич. замѣтка на предыдущее изслѣдованіе (Кіев. Унив. Изв. 1875 г. окт.).

П. И. Дитятинъ: «Роль челобитій и земскихъ соборовъ въ исторіи права Москов. государства» (Рус. Мысль. 1880 г., т. V).

Онъ-же: «Къ вопросу о земскихъ соборахъ XVII в.» (Русск. Мысль. 1883, XII).

Платоновъ: «Замѣтки по исторіи Московскихъ земскихъ соборовъ» (Журн. мин. нар. пр. 1883, кн. III).

Латкинъ: «Земскіе соборы древней Руси», Спб. 1885.

Онъ-же «Матеріалы для исторіи земскимъ соборовъ XVII в.».

Формы власти. Отличительная черта Московскаго государственнаго права есть торжество въ немъ неограниченной (или *самодержавной*) монархической власти; именно этою чертою оно отличается какъ отъ права

I-го періода, такъ и отъ современнаго ему Литовско-русскаго государства.— Однако и остальныя двѣ формы власти, дѣйствовавшія въ земскомъ періодѣ, не исчезли вполнѣ въ московскую эпоху; онѣ лишь подчинились преобладающему вліянію монархической формы; боярская дума Московская есть непосредственный преемникъ боярской думы древней Руси. Вѣче исчезаетъ въ Московскомъ государствѣ весьма рано; но взамѣнъ его въ XVI в. являются земскіе соборы.

а) Великій князь и царь.

Титулъ. Монархъ въ XIV и XV в. титуловался *великимъ княземъ*, съ XVI в. (окончательно—съ пол. XVI в.) титулуется *царемъ*.—Титулъ: „великій князь“ усвоялся уже въ I-мъ періодѣ старшимъ князьямъ Суздальской Земли; въ XIV и XV вв. онъ усвоется и старшимъ князьямъ прочихъ самостоятельныхъ земель (Рязанской, Тверской, Смоленской, даже Суздальско-Нижегородской и Ярославской). Но съ того времени какъ усилившееся Московское великое княжество начало стремиться къ установленію *единодержавія* на всемъ сѣверѣ Руси,—къ титулу великій князь присоединяется „всея Руси“ (первоначально при Иванѣ Калитѣ,—см. Ак. Арх. Эк. I. № 3 и 4, окончательно при Іоаннѣ III—во всѣхъ внѣшнихъ сношеніяхъ).—Старинный предикатъ, означающій вообще власть (dominium, manus, imperium)—„господинъ“ смѣняется теперь въ отношеніи къ великому князю титуломъ: „*государь*“; хотя оба термина въ сущности означаютъ и власть частную (господинъ въ отношеніи къ холопу см. въ Рус. Правдѣ Кар. ст. 123—124, 127—132; государь—землевладѣлецъ въ отношеніи къ крестьянину—см. Пск. Суд. Грам. ст. 84, 87, 103 и др.); но съ XIV в. названіе „государь“ пріурочивается къ лицу владѣющему по отношенію къ принадлежащимъ ему несвободнымъ людямъ (см. Суд. 1497, ст. 9); слову же „господинъ“ приписывается власть надъ лицами свободными. Усвоеніе термина „государь“ или „господарь“ въ публичномъ правѣ означаетъ развитіе *неограниченной власти*. Новгородцы до покоренія ихъ Іоанномъ III именовали велик. князя господиномъ и долго противились обязанности титуловать его государемъ (это и было поводомъ къ окончательному ихъ покоренію). Бытовое усвоеніе этого титула вел. князьямъ (въ грамотахъ церковныхъ властей) начинается съ пол. XV в. („великій государь земьскій великій князь Василій Васильевичъ“ въ грам. Рост. архіеп. Іоны 1455; см. Ак. Ист. I, № 57; „великій государь русьскій“—въ грам. митр. Іоны 1455—1461,—ibid. № 60). Но какъ прежде „господинъ“, такъ и теперь „государь“ употреблялось лишь въ обращеніи подданныхъ къ князю, а не отъ его собственнаго лица. Въ послѣднемъ смыслѣ оффиціально этотъ титулъ принятъ Іоанномъ III (см. Ак. Ист. I, № 111,

грам. 1500 г. № 383 и др.). - Въ пол. XV в. была принята въ титулѣ формула. „*Божіею милостію*“, въ первый разъ въ сношеніяхъ съ Литовскимъ государствомъ въ дог. грам. Вас. Васильевича Темнаго съ королемъ Казиміромъ: вѣроятно, по примѣру этого государства явилась такая прибавка и въ Москов. титулѣ: на западѣ еще въ нач. XIV в. употребляютъ ее князья Галицко-Волынскіе, напр. Юрій и в. кн. Литовскіе со временъ Гедимина и Ольгерда (см. Даниловича: Skarb. Dypl. I. № 298 и слѣд., 352) Въ Москвѣ въ концѣ XIV в. употребляется въ грамотахъ прибавка: „Божіею милостію и Пречистыя Его Богоматери“ (см. Ак. Арх. Эк. I. 14), не въ видѣ титула, а какъ призываніе имени Божія для укрѣпленія и освященія акта.—Въ актахъ внутренняго управленія такая формула титула встрѣчается съ нач. XVI в. (Ак. Арх. Эк. I. № 383).—Она указываетъ на *источникъ власти*—теократическій, т. е. происхожденіе ея изъ воли Божіей (а не изъ воли подданныхъ). Но такъ какъ всѣ государи присвоивали себѣ подобную же формулу титула, то для означенія, что только власть православныхъ государей истекаетъ изъ воли истиннаго Бога, стали употреблять въ титулѣ со времени Іоанна Грознаго г. и. *богословіе*, т. е. краткое изложеніе православной вѣры.—Всѣ указанныя свойства власти совмѣщены въ титулѣ *царь*, который бытовымъ обр. усвоялся болѣе значительнымъ князьямъ и въ I-мъ періодѣ (въ литературныхъ памятникахъ), а еще чаще въ Московскомъ государствѣ въ XIV в. (особенно съ Куликовской битвы). Это почетное наименованіе обратилось въ титулъ при Іоаннѣ III—въ сношеніяхъ съ Ливоніею и небольшими нѣм государствами (Нам. дипл. снош. I, стр. 87); вскорѣ этотъ титулъ былъ признанъ Герм. императоромъ и Даніею (ibid. стр. 129); при Василіѣ Іоанновичѣ, по свидѣтельству Герберштейна, „царскій титулъ употреблялся въ сношеніяхъ съ Римскимъ императоромъ и папой, съ королями Шведскимъ и Датскимъ, съ магистрами Прусскимъ и Ливонскимъ и, какъ я слышалъ, съ государемъ Турецкимъ“ (перев. Аноним., стр. 29). Для всѣхъ прочихъ внѣшнихъ сношеній и для внутреннихъ актовъ титулъ этотъ принятъ Іоанномъ IV (послѣ вѣнчанія на царство 16 янв. 1547 г.) и утвержденъ грамотою Цареградскаго патріарха 1561 г. Признанію этого титула долѣе всѣхъ государствъ противились Польша и Литва. Терминъ: „царь“ происхожденія византійскаго и есть сокращеніе титула: „цезарь“ (въ Остром евангелія въ молитвѣ Господней читается: „да пріидетъ цесарствіе твое“); такъ титуловались государи у Болгаръ и Сербовъ. Хотя русскіе постоянно титуловали такъ хана татарскаго, но этотъ титулъ дали они ему сами въ ознаменованіе его власти надъ другими государями. Съ титуломъ царя дѣйствительно соединяется *международное значеніе* полной независимости отъ другихъ государствъ и наоборотъ признаніе за царемъ Московскимъ значенія единственнаго истиннаго государя, и нѣкоторыхъ преимущественныхъ правъ надъ прочими

государями. Римское понятіе о всемірной имперіи, усвоенное на западѣ съ Карла В., переносится теперь въ Москву (особенно послѣ паденія Византіи въ 1453 г.) „вся христіанская царства предошла въ конецъ и спадошася во едино царство нашего государя, по пророческимъ книгамъ, т. е. Россійское царство; два убо Рима падоша (Римъ и Византія), а третій стоитъ (Москва), а четвертому не быть“ (посл. старца Филофея).—Подобно титулу царя, и титулъ—„самодержецъ“ сначала усвоялся в. князю отъ лица подданныхъ (въ писаніяхъ духовныхъ лицъ и въ лѣтописяхъ); это переводъ греч. *αὐτοκράτωρ*,—но отъ лица самого царя въ офиціальныхъ актахъ начинаетъ употребляться со времени Лжедимитрія I.

Способы усвоенія и передачи власти. Изъ двухъ способовъ преемства—наслѣдованія и избранія, первый беретъ рѣшительный перевѣсъ въ Суздальской землѣ и потомъ Москов. великомъ княжествѣ (что̀ обнаружило большое вліяніе на успѣхъ единодержавія и характеръ власти). Однако съ конца XVI в. выступаетъ на видный планъ и принципъ избранія.

Наслѣдованіе, какъ исключительное основаніе преемства, господствуетъ въ XIV и XV вв. (*пожалованіе отъ хана* есть лишь утвержденіе правъ наслѣдства и внѣшняя инвеститура, какъ сказано выше). Здѣсь разумѣется наслѣдованіе *по закону* (обычаю) и именное—*родовое* въ порядкѣ старшинства, что̀ соблюдалось строго въ XIII в. и признавалось въ принципѣ въ XIV. Для доказательства прилагается слѣд. таблица преемства вел. княж. достоинства въ XIII в.

Дѣти Всеволода:

Юрій († 1238), Ярославъ († 1247); Святославъ (1248).

Дѣти Ярослава:

Андрей (1252), Александръ Нев. (1263), Ярославъ (1272), Василій (1276).

Дѣти Александра:

Димитрій (1294), Андрей (1304), (Даніилъ † 1303).

Сынъ Ярослава—Михаилъ (1319).

Но въ Москвѣ въ XIV в. фактически (по неимѣнію другихъ сыновей) утверждается преемство *семейное* (отъ отца къ сыну); въ XV в. этотъ послѣдній порядокъ утверждается принципіально и потому вступаетъ въ борьбу съ началомъ родоваго преемства; послѣдняя и рѣшительная борьба дяди (Юрія Димитріевича—сына Донскаго) съ племянникомъ (Василіемъ Темнымъ—сыномъ Васил. Дмитріевича) кончилась побѣдою семейнаго начала. Семейное преемство могло-бы привести снова государство къ полному уничтоженію, если-бы оно получило тотъ видъ, какой свойственъ русскому частному праву наслѣдованія (т. е. раздѣлу наслѣдства поровну между всѣми сыновьями и съ участіемъ дочерей и женъ). Въ государственномъ правѣ утверждается противоположный порядокъ—*единонаслѣдія*. Первоначально (въ концѣ XIV в., со времени Димитрія Донскаго) установляется лишь

преимущественное право наслѣдованія старшаго сына (майорать); ему дается лишь бо́льшій удѣлъ „на старинѣ путь“: затѣмъ къ концу XV-го вѣка и въ 1-ой пол. XVI в. ему одному вручается государственная власть, хотя и прочіе сыновья получаютъ удѣлы съ властію въ нихъ зависимою отъ в. князя (сыновья Вас. Вас. Темнаго, кромѣ старшаго—Ивана III: Юрій, Андрей, Борисъ, Андрей меньшой: а равно и сыновья Ивана III: Юрій, Андрей, Семенъ—всѣ получили удѣлы). Наконецъ во 2-й полов. XVI в. (при Грозномъ) окончательно утверждается право первородства и единонаслѣдіе (см. Ист. Рос. Соловьева IV, 177 и слѣд. статью В. И. Сергѣевича. „Какъ образовалась территорія Моск. государства“ въ журн. „Новь“. 1886 г. кн. 6 и 7)

Наслѣдованіе по закону соединяется въ Москов. госуд. правѣ съ наслѣдованіемъ *по завѣщанію;* оба титула не исключаютъ другъ друга взаимно, а дѣйствуютъ въ совокупности и одновременно (какъ и въ частномъ правѣ). в. кн. Андрей „благослови его (Михаила Ярослав.) на свои столъ, ему-же по старѣйшинству дошелъ бяше степень княженія великаго“ (Воскр. лѣт. 1319 г.). Въ XV в. завѣщательное начало беретъ нѣкоторый перевѣсъ предъ наслѣдованіемъ по закону; именно этотъ способъ преемства даетъ побѣду семейному наслѣдованію предъ родовымъ, принципу первородства и единонаслѣдія предъ удѣльнымъ. „государь нашъ кн. вел. Василей Дмитріевичь великое княженіе далъ своему сыну в. кн. Василью“, говорили Московскіе бояре въ доказательство правъ племянника предъ дядею. Въ началѣ XVI в. завѣщательное право вступило въ конкуренцію и съ принципомъ первородства; Іоаннъ III, когда умеръ его старшій сынъ Иванъ (при жизни отца), слѣдуя порядку первородства, „Божіимъ изволеніемъ *пожаловалъ* и благословилъ великимъ княжествомъ“ внука своего Димитрія (сына упомянутаго сейчасъ Ивана) въ 1498 г., и даже вѣнчалъ его на царство; но затѣмъ (1502) „наложилъ на внука своего опалу... и не велѣлъ нарицати великимъ княземъ“; а „пожаловалъ сына своего (отъ Софьи) Василія, благословилъ и посадилъ на великое княженіе Володимерское и Московское и всея Руси самодержцемъ“ (Воскр. лѣт.).—Чистое примѣненіе завѣщательнаго права къ преемству ни разу не было осуществлено (ибо Ирина, которой завѣщалъ престолъ мужъ ея царь Ѳедоръ Іоанновичъ, отказалась отъ принятія власти).

Какъ при родовомъ наслѣдованіи, такъ и при первородствѣ *начало власти преемника* совпадало не съ моментомъ смерти предшественника, а со временемъ совершеннолѣтія наслѣдника; въ первомъ случаѣ ему назначался удѣлъ, во второмъ онъ призываемъ былъ къ соправительству. Вас. Вас Темный правитъ вмѣстѣ съ сыномъ Иваномъ III и оба именуются великими князьями (въ догов. 1456 г. съ В. Новгородомъ предписывается новгородцамъ „посольство правити обѣма великимъ княземъ и

исправы проспти у обѣихъ"). Іоаннъ III и его сынъ Іоаннъ правятъ вмѣстѣ и титулуются оба великими князьями. Объявляя потомъ наслѣдникомъ Димитрія и вѣнчая его, вел. князь-дѣдъ говоритъ ему: „благословляю (тебя) *при себе и послѣ себе* великимъ княженіемъ". —Хотя Грозный не привлекалъ къ соправительству дѣтей, но и въ XVII в. старинный отголосокъ родоваго усвоенія власти воскресъ снова. царю Алексѣю Мих. соправительствуетъ его сынъ царевичъ Алексѣй (см Доп. къ ак. ист. IV, № 20, 39, 67 и др.). Двоецарствіе Іоанна и Петра Алексѣевичей, хотя возникло по особымъ обстоятельствамъ, но возможно было лишь при привычкѣ смотрѣть на правящую фамилію, какъ на цѣльный органъ соправителей.

Избраніе. Участіе народа въ передачѣ власти (существовавшее въ I-мъ періодѣ рядомъ съ наслѣдованіемъ) не осуществлялось въ XIV и XV вв., когда унаслѣдованная власть укрѣплялась ханскимъ ярлыкомъ. Однако и тогда „посаженье на столъ", хотя и совершалось ханскимъ посломъ, но при участіи духовенства и множества людей, по древнему обряду. По освобожденіи отъ татаръ, непрерывное законное преемство отъ отца къ сыну, съ предварительнымъ участіемъ наслѣдника по власти, не оставляло мѣста проявленію избирательнаго начала. Лишь во время борьбы Вас. Темнаго съ дядею и двоюродными братьми (1425 и сл. годы), побѣда первому доставлена духовенствомъ, боярами и народомъ Москвы, которые не желали Юрія, когда побѣжденный и бѣжавшій вел. князь явился въ Коломну, то „отовсюду начали стекаться къ нему князья, бояре, воеводы, дворяне, слуги, откладываясь отъ Юрія, потому что не привыкли они служить Галицкимъ князьямъ". Съ конца XVI в. избирательное начало опять оживаетъ и не въ качествѣ способа чрезвычайнаго, при пресѣченіи династіи, а въ видѣ способа постояннаго, какъ добавочный титулъ при наслѣдованіи. Въ 1584 г., предъ вступленіемъ Ѳеодора Іоанновича на престолъ, былъ созванъ земскій соборъ, который, по свидѣтельству Горсея, выбралъ его, а по нашимъ лѣтописямъ, „умолилъ его" быть государемъ. Въ 1598 г., по прекращеніи династіи смертію Ѳеодора, Борисъ Годуновъ былъ избранъ сначала народомъ гор. Москвы (по предложенію патріарха), а потомъ земскимъ соборомъ. Сынъ и законный преемникъ Бориса—Ѳеодоръ былъ избранъ думою, и народнымъ вѣчемъ („всенароднымъ множествомъ Рос. государства"). Проходя мимо узурпацію царской власти Лжедимитріемъ I-мъ (1605 г.), освященную будто-бы всенароднымъ избраніемъ (судя по его окружной грамотѣ), знаемъ, что по убіеніи его (1606 г.) дума собрала народъ Москвы звономъ колокола на Красную площадь и съ лобнаго мѣста предложила избрать новаго царя, которымъ избранъ кн. Вас. Ив. Шуйскій. Каждый разъ при такомъ избраніи посредствомъ вѣча, въ грамотахъ объявлялось, что новый царь избранъ „всякими людьми Московскаго государства". Но именно избраніе Шуйскаго не считалось вполнѣ правильнымъ потому, что онъ

„сѣлъ не по выбору всей земли": впослѣдствіи (1610 г.) провинціалы свергли его, однако опять при пособіи народнаго собранія на полѣ за Серпуховскими воротами, съ участіемъ думы и патріарха. Избраніе королевича Владислава состоялось въ думѣ и собраніи (подъ открытымъ небомъ) высшаго служилаго класса. Въ 1613 г. знаменитое избраніе родоначальника Дома Романовыхъ—Михаила состоялось въ полномъ земскомъ соборѣ. — Сынъ и законный преемникъ Михаила—Алексѣй былъ избранъ (1645 г.) также на земскомъ соборѣ. „всякихъ чиновъ люди послѣ смерти прежняго царя на царство обрали сына его нынѣшнего царя" (Когош. I, 6).—По смерти Алексѣя, дума разсуждаетъ, кому быть царемъ—старшему-ли его сыну больному Ѳеодору или малолѣтнему Петру. Но по смерти Ѳеодора, дума сама не осмѣливается рѣшить вопросъ о преемствѣ и опредѣляетъ: „это должно быть рѣшено людьми всѣхъ чиновъ Московскаго государства"; въ дѣйствительности вопросъ рѣшенъ такъ: патріархъ оповѣстилъ съ крыльца народу собраніе на обычномъ мѣстѣ и вышедши туда съ духовенствомъ и думою спросилъ, кому изъ двухъ царевичей быть царемъ? Народъ отвѣчалъ Петру Алексѣевичу. Призваніе къ соправительству Іоанна (1682 г.) въ оффиціальныхъ актахъ также приписано рѣшенію патріарха, духовенства, бояръ, дворянъ, гостей и чернослободцевъ (Полн. собр. зак. № 920). Избраніе каждый разъ укрѣпляется „утвержденною грамотою", т. е. актомъ избранія за подписью избирателей.

Утвержденіе и религіозное освященіе власти. Активное выраженіе воли населенія въ дѣлѣ преемства престола не есть во всякомъ случаѣ основной способъ преемства; необходимая же форма участія населенія въ этомъ актѣ есть *крестное цѣлованіе* (присяга), которое, изъ обоюдной присяги князя и народа въ I-мъ періодѣ, теперь (за исключеніемъ одного случая присяги царя Василія Шуйскаго) переходитъ въ присягу подданныхъ по предписанной формѣ—„подкрестной записи", неодинаковой для разныхъ классовъ—служилыхъ и тяглыхъ; для первыхъ излагались спеціальныя обязанности политическія (членовъ думы) и служебныя, для вторыхъ—общегражданскія. Форма присяги измѣнялась также по тому, наступало ли законное преемство, или избраніе (иногда ненадежное и шаткое); въ послѣднемъ случаѣ подробнѣе перечислялись дѣянія, которыхъ могъ опасаться противъ себя новый государь (это особенно въ формѣ присяги Борису Годунову).

Религіозные обряды несомнѣнно совершались при вступленіи новаго князя уже съ древнихъ временъ; въ началѣ XIV в. въ обрядѣ посаженія на столъ участвуетъ митрополитъ; въ 1319 г. „пріиде благовѣрный кн. Михаилъ (Ярославичъ Тверской) въ Русь (изъ Орды) и посаженъ бысть на столѣ вел. княженія въ Володимери... митрополитомъ Кіевскимъ и в. Руси Максимомъ" (Воскр. лѣт.); посаженье совершалось тогда въ церкви (сна-

чала въ Владимірѣ, потомъ въ Москвѣ—въ Успенскомъ соборѣ). Въ 1498 г. въ первый разъ появляется *вѣнчаніе*, совершенное Іоанномъ III надъ своимъ внукомъ Димитріемъ, т. е. возложеніе „вѣнца“ (короны) и бармъ и (со времени Ѳеодора Іоанновича) вручение скипетра; при Вас. Ив. Шуйскомъ введена новая регалія—держава; при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ—облеченіе въ порфиру и произнесеніе исповѣданія вѣры. Въ церковномъ отношеніи важнѣйшимъ актомъ было возложеніе бармъ (передъ которымъ совершалось „рукоположеніе“, какъ и при посвященіи въ церковный санъ), въ государственномъ—возложеніе вѣнца. Въ XVII в. къ вѣнчанію присоединилось *миропомазаніе*. Обрядъ вѣнчанія совершается не непремѣнно митрополитомъ или патріархомъ; онъ можетъ быть совершенъ и соборомъ іерарховъ и никогда не возбуждалъ у насъ мысли о зависимости свѣтской власти отъ духовной.

Права власти великаго князя и царя. Власть великаго князя и царя именуется въ этомъ періодѣ *самодержавіемъ*, чѣмъ обозначается не только единоличность ея, но и неограниченная полнота правъ. Эта черта власти коренится въ древнемъ стремленіи русскаго народа къ „одиначеству“ съ властію, т. е. въ предположеніи тождества воли верховной съ интересами населенія; въ I-мъ періодѣ лишь Новгородское государственное устройство перешло къ законодательнымъ ограниченіямъ княжеской власти. Въ Московскомъ государствѣ, съ установленіемъ единодержавія, параллельно и постепенно установляется и самодержавіе, замѣтнымъ обр. со времени Димитрія Донскаго, при значительномъ участіи политическихъ ученій духовныхъ писателей (Іосифъ Волоцкій, Вассіанъ). Оно слагается фактически при Іоаннѣ III и его сынѣ Василіи (о которомъ Герберштейнъ пишетъ. „онъ имѣетъ власть какъ надъ свѣтскими, такъ и надъ духовными людьми и свободно распоряжается жизнію и имуществомъ всѣхъ“), а теоретически при Іоаннѣ IV, который писалъ „Россійское самодержавство изначала сами владѣютъ всѣми царствы, а не бояре и вельможи. Какоже и самодержецъ наречется, аще не самъ строитъ“ „Имѣю нужду въ милости Божіей,... наставленія человѣческаго не требую“ (изъ писемъ Грознаго къ кн. Курбскому). Но и тогда самодержавной власти приходилось еще выдерживать борьбу съ остатками старинныхъ притязаній бояръ и удѣльныхъ князей, чѣмъ особенно ознаменовалось царствованіе Іоанна IV (который рѣшился выдѣлить себя изъ „Земли“ въ опричнину),—сына его Ѳеодора, Бориса Годунова (который при вѣнчаніи далъ клятву, удивившую народъ, объ уничтоженіи смертной казни), Василія Шуйскаго (который далъ при воцареніи „запись“, ограничивающую его право по отношенію къ жизни и имуществу подданныхъ; см. Собр. госуд. гр. и догов. II. № 141 и Ак. Арх. Эк. II, 44) и смутное время вообще (см. договоръ продиктованный боярами при избраніи Владислава въ Ак. Арх. Эк. II.,

№ 165). Нормальный порядокъ, свойственный Московскому государству, установился при царствованіи Дома Романовыхъ, когда самодержавная власть указала извѣстную долю участія во власти боярской думѣ и земскимъ соборамъ, какъ необходимую помощь въ дѣлахъ правленія для нея самой. Впрочемъ существо самодержавной власти не выражено было въ законѣ до самаго конца существованія Московскаго государства. На основаніи фактовъ и отдѣльныхъ узаконеній извлекаются слѣд. черты правъ царской власти въ отдѣльности.

По отношенію къ церкви (теократическій характеръ государства).— Исторію отношеній церкви къ государству въ Москов. періодѣ можно разсматривать по 3-мъ эпохамъ: въ XIV в. церковь и государство находятся въ равновѣсіи; церковь помогаетъ образованію государства. Съ пол. XV и въ XVI вв. государство беретъ перевѣсъ надъ церковью. Такъ какъ русская православная церковь (со времени отдѣленія Кіевской митрополіи) совпадала съ границами государства, то всѣ высшіе чины церкви были подданными вел. князя и царя. Тѣсная связь церкви съ государствомъ усилилась особенно съ того времени, когда русскіе митрополиты посвящались уже не въ Царѣградѣ, а въ Москвѣ изъ русскихъ людей. Но съ установленіемъ патріаршества въ Россіи (1589 г.), наступаетъ 3-я эпоха: значеніе церкви начинаетъ не только уравновѣшиваться съ значеніемъ государства, но нѣкоторые патріархи, стремясь къ независимости въ дѣлахъ церкви, считая себя равными по власти съ царями, титулуются „великими государями“ (Филаретъ—при Мих. Ѳеодор., Никонъ—при Алексѣѣ Мих.); тогда обнаруживается обратное вліяніе церкви на дѣла государственныя. Со времени паденія Никона равновѣсіе опять возстановляется.

Беря средніе выводы изъ этихъ эпохъ, можемъ установить, что великому князю и царю принадлежало *право участія въ выборѣ и низложеніи высшаго представителя церкви* (митрополита и патріарха) и мѣстныхъ епископовъ. Когда центръ церковнаго управленія послѣдовалъ за устанавливающимся центромъ государства (митр. Петръ съ 1305 г. б. ч. времени жилъ уже въ Москвѣ, при Калитѣ), старинное *право рекомендаціи* кандидата на митропол. престолъ, принадлежавшее Кіевскому князю, перешло къ вел. кн. Московскому; когда (послѣ преемника св. Петра Ѳеогноста) вел. князь послалъ ставиться въ Царьградъ—Алексѣя, то патріархъ, не дождавшись того, уже посвятилъ въ митрополиты Романа, но не могъ не исполнить и просьбы в. князя Московскаго и вслѣдъ за тѣмъ посвятилъ и Алексѣя. Но тогда въ тои-же мѣрѣ казалась обязательною для патріарха и рекомендація Литовскаго вел. князя (Ольгерда): еще при жизни Алексѣя для западной Руси посвященъ особый митрополитъ Кипріанъ (1376 г.). По смерти Алексѣя в. кн. Московскій хотѣлъ видѣть митрополитомъ своего избран-

ника—Митяя, который умеръ, не доѣхавъ до Царьграда; тогда вел. князь самъ вызвалъ изъ Кіева на Московскую митрополію Кипріана, котораго потомъ самъ-же лишилъ престола. Однако еще тогда патріархъ рѣшался иногда высылать на Русь своихъ избранниковъ, помимо рекомендаціи вел. князей; таковъ былъ Фотій (1409—1431 г.), при которомъ западно-русскіе епископы (подъ вліяніемъ Витовта) поставили для себя особаго митрополита Григорія Цамблака, чѣмъ западно-русская церковь окончательно обособилась отъ восточной (слѣдуя политической судьбѣ русскихъ государствъ). Послѣ Фотія патріархъ поставилъ на Московскую митрополію грека Исидора, который потомъ участвовалъ во Флорентійскомъ соборѣ и принялъ унію съ папствомъ (1440 г.), за что по возвращеніи въ Москву вел. князь низложилъ его и заключилъ подъ стражу, откуда онъ бѣжалъ. Флорентійская унія ослабила прежнюю тѣсную связь русской церкви съ Византіею: въ Москвѣ рѣшились также поставить митрополита (Іону) соборомъ собственныхъ епископовъ; тогда церковь становится въ ближайшую связь съ государствомъ; великій князь (Василій Вас.) выразилъ уже слѣд. общее начало: „старина наша, которая ведется со временъ прародителя нашего Владимира, крестившаго русскую землю, состоитъ въ томъ, что *выборъ митрополита принадлежалъ всегда нашимъ прародителямъ*, в. кн. русскимъ, а теперь принадлежитъ намъ...; кто будетъ намъ любъ, тотъ и будетъ у насъ на всей Руси“ (Ак. Арх. Эксп. I, 80); такой порядокъ утвержденъ и Московскимъ соборомъ русскихъ епископовъ, которые обязались повиноваться тому, кто будетъ поставленъ „по избранію св. Духа..., по повелѣнію господина в. князя... русскаго самодержца, въ соборной церкви св. Богородицы на Москвѣ“ (Ак. ист. I, № 61). Но въ правленіе Василія Темнаго и Іоанна III дѣло еще не доходило до простаго назначенія митрополита волею вел. князя (прибѣгали и къ завѣщательному способу преемства волею предшествующаго митрополита): со времени м. Геронтія (съ 1472 г.) начинается борьба церковныхъ властей съ государственными, еретикъ Зосима былъ избранъ и потомъ низвергнутъ волею в. князя. Въ правленіе в. кн. Василія Іоанновича наступаетъ порядокъ, описанный Герберштейномъ. „нынѣшній государь, обыкновенно призываетъ извѣстныхъ ему (кандидатовъ) и самъ изъ числа ихъ избираетъ одного по своему усмотрѣнію“. Слѣдующіе митрополиты, повидимому, назначены вовсе безъ соборнаго избранія: Варлаамъ—1511, Даніилъ—1522, св. Филиппъ—1566; этотъ послѣдній низложенъ и получилъ мученическій вѣнецъ отъ царя Іоанна Грознаго.

При введеніи патріаршества порядокъ выбора патріарха установился такой: царь избираетъ нѣсколько кандидатовъ и тайно запечатываетъ въ воскъ имена ихъ и пересылаетъ церковному собору для избранія (по жребію); избирающіе іерархи не знаютъ имени избраннаго ими (вынутый во-

своей жребій для вскрытія и объявленія имени отсылается къ царю). — Впрочемъ фактически и выборъ патріарха также б. ч. зависѣлъ рѣшительно отъ воли царя (избраніе Филарета и Никона).

В. князю и царю принадлежитъ далѣе право *инициативы церковнаго законодательства* и участія въ самомъ обсужденіи законовъ: примѣромъ можетъ служить дѣятельность Грознаго на Стоглавомъ соборѣ 1551 г. Въ среднюю эпоху государи вступаютъ непосредственно въ рѣшеніе обрядовыхъ и догматическихъ вопросовъ (дѣйствія правительства относительно ереси жидовствующихъ). По ученію Грознаго главная задача государственной власти есть религіозное воспитаніе подданныхъ. „Вложи съ усердіемъ людей на истину и на свѣтъ наставити, да познаютъ единаго истиннаго Бога и отъ Бога даннаго имъ государя", т. е. власть государственная имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и духовныя цѣли.

По отношенію къ территоріи (вотчинный характеръ государства). Власть великаго князя именуется *вотчинною* (терминъ, введенный въ науку К. Д. Кавелинымъ). Происхожденіе вотчиннаго начала (см. выше стр. 105) объясняется различно: С. М. Соловьевъ выводилъ его изъ наслѣдственности удѣловъ послѣ Андрея Боголюбскаго; К. Д. Кавелинъ—изъ прежней коллективной власти цѣлаго княжескаго рода надъ всею рус. землею; Н. И. Костомаровъ—изъ татарскаго госуд. права, говоря: „верховный владыка завоеватель Руси ханъ, называемый правильно русскими царемъ, раздалъ князьямъ земли въ вотчины". Мы знаемъ уже, что явленіе это естественно объясняется изъ смѣшенія государственныхъ и частныхъ началъ, свойственнаго древнимъ временамъ исторіи всякаго народа.—Изъ этого не слѣдуетъ, что *сущность* вотчиннаго начала состоитъ (какъ думаетъ Б. Н. Чичеринъ) *въ замѣнѣ госуд. права* частнымъ. Время особеннаго господства вотчиннаго начала относится къ XIII—XIV вв., т. е. не совпадаетъ съ полнымъ развитіемъ неограниченной великокняжеской и царской власти (XV, XVI и XVII вв.), что̀ указываетъ на различіе основаній этихъ двухъ явленій. Признаки вотчиннаго начала слѣд.: князья (великіе и удѣльные) отчуждаютъ свои удѣлы по купчимъ и дарственнымъ, завѣщеваютъ ихъ сторонним лицамъ въ цѣломъ и частяхъ. Болѣе характерные изъ этихъ актовъ суть духовныя грам. князей (см. духов. Калиты во II вып. Хрест. по ист. рус. права): въ нихъ князья отказываютъ части территоріи сыновьямъ, вдовымъ княгинямъ, матерямъ и дочерямъ (Семенъ Ив. Гордый отказалъ все свое княжество женѣ своей Маріи); въ завѣщательныя распоряженія о государственной территоріи включаются и выдѣлы частныхъ имуществъ—недвижимыхъ и движимыхъ (в. кн. Иванъ Дан. Калита завѣщаетъ старшему сыну 18 волостей, 9 селъ, 4 золотыхъ цѣпи, 3 золотыхъ пояса, 2 золотыхъ чаши и т. д.). Но вотчинныя права на территорію отличаются отъ правъ на частныя имущества (въ самыхъ духовныхъ гра-

мотахъ того времени) какъ объектомъ этихъ правъ, такъ и сущностью ихъ. Въ первомъ отношеніи „села“ (частныя имущества князей) отдѣляются отъ „волостей“. Владѣніе волостями означало государственное управленіе ими и судъ въ нихъ, вознаграждаемые доходами отъ того и другаго (а не хозяйственное пользованіе ими); отсюда государственныя пошлины именуются волостями,—князья распоряжаются „тамгою и иными волостьми, а также и мыты“. Сущность вотчиннаго начала состоитъ въ *распоряженіи путемъ частныхъ сдѣлокъ государственными правами.*—Отсюда, изъ вотчиннаго начала нельзя выводить право государей Московскихъ на имущество ихъ подданныхъ.

По отношенію къ населенію—власть вел. князя и царя имѣетъ *патріархальный характеръ*, т. е. истекаетъ изъ древнихъ основаній власти домовладыки и отца; общее наименованіе подданныхъ въ отношеніи къ государю (кромѣ служилыхъ, именуемыхъ холопами) есть „сирота“. Отсюда распоряженія свободою, здоровьемъ, жизнью и имуществомъ подданныхъ дѣлаются не ради личныхъ интересовъ государя, а общественныхъ (за преступленія), при чемъ, однако преступленія и наказанія измѣрялись б. ч. личнымъ усмотрѣніемъ государя („что государь укажетъ“). Государю принадлежало право устраивать брачную судьбу своихъ подданныхъ (относительно бояръ—непосредственно; относительно прочаго населенія—эта власть передана намѣстникамъ). Къ концу Москов. государства власть замѣтно измѣняетъ свои основанія, принимая б. и б. полицейскій характеръ.

По отношенію къ самой власти. Царь иногда отрекается отъ власти, поручаетъ ее временно или постоянно другому лицу, раздѣляетъ власть. Іоаннъ IV раздѣлилъ власть на земскую и опричную, назначилъ русскимъ царемъ татарскаго царя Симеона Бекбулатовича (а себѣ оставилъ титулъ Ивана Московскаго), при чемъ всѣ государственные акты, дѣйствительно, исходили отъ имени царя Симеона; отнявъ потомъ власть у этого послѣдняго, онъ сдѣлалъ его вел. княземъ Тверскимъ. Впрочемъ такія дѣйствія совершаемы были только Іоанномъ IV въ эпоху болѣзненнаго напряженія его борьбы за неограниченную власть: изъ сущности-же теократическаго и патріархальнаго началъ не вытекаетъ такихъ правъ; власть есть *обязанность*, возлагаемая Богомъ на его носителя; онъ не можетъ уклониться отъ ея тяготы, какъ бы ни подсильна она ни казалась. Въ смыслѣ обязанности власть понята Московскими государями весьма рано. Когда въ 1319 г. бояре убѣждали вел. князя Мих. Ярославича не ѣздить въ Орду изъ самосохраненія, то онъ отвѣчалъ: „аще азъ гдѣ уклонюся, то вотчина моя вся въ полону будетъ, множество христіянъ избіени будутъ; аще ли послѣ того умрети же ми есть, то лучши ми есть нынѣ положити душю свою за многія души“ (Воскр. лѣт.). Онъ, дѣйствительно, сдѣлался мученикомъ государственныхъ обязанностей власти. Объ этихъ обязанностяхъ напоминала церков-

ная власть во время вѣнчания царя и въ отдѣльныхъ случаяхъ; когда напр. Іоаннъ III хотѣлъ бѣжать предъ Крымскимъ царемъ Ахматомъ, то архіеп. Вассіанъ назвалъ его въ посланіи „бѣгуномъ и предателемъ христіанства".

б) Боярская дума.

Мѣсто боярской думы въ ряду другихъ государств. учрежденій опредѣляется ея отношеніями къ самодержавной власти. Это не есть учрежденіе административное или судебное, т. е. высшія центральныя приказъ. Дума (равно какъ и земскіе соборы) есть вспомогательное учрежденіе при самодержавной власти: эта послѣдняя чрезъ нее осуществляла себя въ частныхъ явленіяхъ государственной жизни.

Главнѣйшіе моменты въ **исторіи боярской думы** *Москов. государства* опредѣляются именно отношеніями ея къ верховной власти. Можно различить три эпохи въ ея исторіи.

1) *Въ первую эпоху*, т. е. въ XIV и XV вв., замѣчается бытовое совпаденіе дѣятельности думы съ дѣйствіями княжеской власти, основанное на единствѣ интересовъ. Возвышеніе Московскаго княжества было вмѣстѣ съ тѣмъ возвышеніемъ могущества и богатства Московскихъ бояръ. Отсюда успѣхи Московскаго единодержавія (кромѣ поддержки духовенства) главнѣйшимъ обр. объясняются содѣйствіемъ бояръ; въ исторіи единодержавія были моменты ослабленія, которыми легко могли воспользоваться другія княжества и уничтожить всѣ плоды предшествующихъ усилій: послѣ Ивана Калиты и Симеона Гордаго княжилъ малоспособный и бездѣятельный Иванъ Ивановичъ; однако дѣло начатое первыми продолжено при немъ боярами (и митр. Алексѣемъ) какъ относительно Орды и другихъ княжествъ, такъ и при усмиреніи внутреннихъ смутъ: Московскій тысяцкій, соперничавшій съ великокняж. властію, былъ убитъ; по слухамъ, убили его бояре, между тѣмъ какъ народъ стоялъ за тысяцкаго и взволновался, такъ что многіе бояре уѣхали на время въ Рязань. По смерти Ивана (1359 г.) наслѣдникъ его Димитрій остался дитятею и разумѣется не ему, а боярамъ (и св. Сергію) принадлежала побѣда надъ соперникомъ его—кн. Суздальскимъ (1361). Димитрій, умирая, далъ такое завѣщаніе дѣтямъ: „бояре своя любите, честь имъ достойную воздавайте противу служенія ихъ, безъ воли ихъ ничтоже не творите" (Воскр. лѣт. 1389 г.). Преемникъ его Василій оставилъ (1425 г.) наслѣдника—Вас. (Темнаго) 10 л. отъ роду; опять дѣло единодержавія спасено боярами (и митр. Фотіемъ); процессъ въ Ордѣ между Московскимъ княземъ и его соперникомъ—дядею выигранъ въ пользу перваго Московскимъ боярином—Всеволожскимъ (1431 г.); затѣмъ по изгнаніи Василія изъ Москвы его соперникомъ, этотъ послѣдній долженъ былъ бѣжать изъ Москвы, пот. что въ Коломну, куда укрылся в. кн. Василій, стали стекаться къ нему князья, бояре, дворяне и слуги изъ Москвы.—

Наоборотъ паденіе другихъ княжествъ объясняется измѣною мѣстныхъ бояръ и переходомъ ихъ въ Москву. Москов. в. князь нарочно тѣснилъ удѣльныхъ бояръ, чтобы принудить ихъ къ переходу къ себѣ.—И по установленіи единодержавія въ первое время полное согласіе дѣятельности бояръ съ дѣйствіями вел. князей продолжалось: при Іоаннѣ III всѣ важнѣйшіе акты государственной дѣятельности совершались по соглашенію съ боярами: женитьбу на Софьѣ Палеологъ Іоаннъ III предпринялъ такъ: „подумавъ о семъ съ митрополитомъ, матерью своею и бояры,... послалъ къ папѣ“ (Воскр. подъ 1469 г.). Предъ походомъ на Новгородъ „князь великій разосла по всю братью свою, и по всѣ епископы земли своея, и по князи и по бояре свои,... и мысливше о томъ не мало, и конечное упованіе положиша на Господа Бога“, т. е. рѣшили войну (ibid. 1471 г.).

2) *Во вторую эпоху*—въ XVI в. происходитъ борьба между самодержавною властію и боярами, начатая со стороны вел. князя и продолженная со стороны бояръ. Установившееся единодержавіе собрало изо всѣхъ княжествъ мѣстныя боярскія силы въ одну Москву; кромѣ того здѣшнее боярство усилилось огромною массою служилыхъ князей, лишенныхъ удѣловъ, которые хотѣли вознаградить потерянную первую роль въ деревнѣ второю въ Римѣ. Съ др. стор. уничтоживъ удѣлы, лишивъ бояръ права переходa и обративъ ихъ въ служилыхъ людей, в. князь не нуждался болѣе въ ихъ содѣйствіи для укрѣпленія своей власти (современники видѣли начало и причину перемѣны въ отношеніяхъ къ боярамъ—въ прибытіи Византійской царевны Софьи и въ ея вліяніи). Но Іоаннъ III еще допускалъ возраженія себѣ въ думѣ, даже любилъ ихъ и награждалъ за нихъ. Его сынъ началъ рѣшать дѣла самъ третей у постели, въ чемъ видѣли тогда нарушеніе обычая (т. е. беззаконіе): „которая земля (писалъ Берсень Максиму Греку) переставливаетъ обычьи свои, и та земля не долго стоитъ, а здѣсь у насъ старые обычаи князь велики перемѣнилъ“ (Ак. Арх. Эк. I, 142). О Василіи Іоанновичѣ тотъ-же Берсень и Герберштейнъ сообщаютъ, что онъ „въстрѣчи противъ себя не любитъ; кто ему въстрѣчю говоритъ, и онъ на того опаляется“. Бояре уже не смѣли ему противорѣчить и когда онъ (1525) обратился къ ихъ совѣту, намѣреваясь произвести разводъ съ женою своею Соломоніею (чтобы жениться на Еленѣ Глинской), то бояре одобрили это за исключеніемъ немногихъ.—При Еленѣ Глинской и въ малолѣтство Грознаго (1533—1546) обстоятельства склонили вѣсы въ пользу бояръ: соперникъ малолѣтняго Іоанна IV—ки. Андрей Іоанновичъ писалъ въ своихъ грамотахъ. „князь великій малъ, а держатъ государство бояре, и намъ у кого служити?“ Для многихъ это показалось достаточною причиною чтобы отъѣхать къ Андрею. Но не смотря на перемѣну обстоятельствъ, бояре еще разъ вынесли на своихъ плечахъ дѣло созданія государства въ малолѣтство царя, разумѣется отмежевывая себѣ львиную долю въ благахъ этого

государства. Однако сказанія оффиціальныхъ, „царственныхъ“ лѣтописей о крайнихъ злоупотребленіяхъ власти боярами и ихъ грабительствахъ въ малолѣтство Грознаго, должны быть признаны небезпристрастными; лишь отдѣльныя лица—временщики (особенно Шуйскіе) терпятъ справедливое порицаніе даже отъ такого крайняго приверженца боярской партіи, каковъ былъ князь Курбскій.—Со времени воцаренія Іоанна (1547), этотъ царь открытъ сознательную борьбу съ боярской партіей сначала мѣрами разумными: приблизивъ къ себѣ людей худородныхъ, обратившись къ совѣту всей земли (зем. собору) и создавши нѣсколько здравыхъ законодательныхъ мѣръ, ограничивающихъ значеніе удѣльныхъ князей и бояръ (см. Христ. по ист. рус. пр., III ук. кн. вѣд. вѣдом. казн. ст. XVIII и XIX), а потомъ мѣрами жестокихъ казней и гоненій (1560—1584), вызванныхъ б. ч. не мнимою измѣною бояръ, а сознательною цѣлью „не держать при себѣ совѣтниковъ умнѣе себя“ (совѣтъ, данный Іоанну Вассіаномъ Топорковымъ въ 1553 г.). Казни направлены были не на однихъ бояръ и князей (въ 1570 г. разрушенъ цѣлый В. Новгородъ и его пятины; разрушеніе продолжалось около 6 недѣль; собрано было 10 тысячъ тѣлъ, кромѣ унесенныхъ Волховомъ); но главною цѣлію ихъ были бояре. Одною изъ мѣръ борьбы было раздѣленіе государства на опричину и земщину; земскія дѣла оставлены въ рукахъ бояръ; даже ратныя дѣла должны были рѣшаться „государемъ, поговоря съ бояры“. Въ опричинѣ Іоаннъ надѣялся осуществить вполнѣ свой новый идеалъ. Но именно здѣсь обнаружилась неосуществимость и непрактичность его идей, въ учрежденіи земщины онъ самъ призналъ себя побѣжденнымъ, отдѣлилъ верховную власть отъ государства и предоставивъ это послѣднее боярамъ. Послѣднимъ средствомъ борьбы его съ боярствомъ была литературная полемика съ кн. Курбскимъ, отъѣхавшимъ въ Литву; по этой полемикѣ мы можемъ сличить и оцѣнить государственныя воззрѣнія двухъ борющихся силъ; несомнѣнно, что „старина“, обычай (т. е. законность) была на сторонѣ Курбскаго; а новина (революціонное начало) на сторонѣ Грознаго. Курбскій отнюдь не стоитъ за возстановленіе удѣльно-княжескаго порядка; онъ, не посягая на верховную власть, доказываетъ только необходимость для царя „совѣта сиглитскаго“, т. е. совѣщаній съ боярскою думою, что̀ съ древнѣйшихъ временъ практиковалось и въ Кіевѣ и въ Москвѣ и что̀ вызывается сущностію и интересами самой монархіи. Идеалъ Грознаго безсодержателенъ: „жаловати сами своихъ холопей вольны, а и казнити вольны есмы“. Ничто не препятствовало Грозному обходиться безъ боярской думы, не прибѣгая къ казнямъ; но онъ самъ нашелъ это неосуществимымъ.

Дѣятельность Грознаго, не достигши цѣли, принесла лишь тотъ результатъ, что отдѣлила интересы бояръ отъ царской власти и заставила бояръ въ свою очередь уже сознательно обезпечить власть за собою на счетъ

власти монархической. Конецъ XVI в. (съ 1584 г.) и нач. XVII и (до 1612 г.) есть время такихъ попытокъ боярства и боярской думы. Котошихинъ сохранилъ слѣд. извѣстіе: „какъ прежніе цари, послѣ царя Ивана Васильевича, обираны на царство, и на нихъ были иманы письма, чтобъ имъ быти не жестокимъ и не опальчивымъ... и мыслити о всякихъ дѣлахъ съ бояры и съ думными людьми собча, а безъ вѣдомости ихъ тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣлати“ (сл. выше запись царя Василія Шуйскаго и грамоту Владислава). По смерти Ѳеодора Іоанновича бояре требовали присяги на имя думы боярской.

3) *Въ третью эпоху* (XVII в.) наступаетъ нормальное отношеніе боярской думы къ власти царя, т. е. нераздѣльность дѣйствій той и другой, безъ взаимныхъ посягательствъ на верховное значеніе послѣдней и вспомогательную роль первой; государь безъ думы и дума безъ государя были одинаково явленіями ненормальными.

Составъ боярской думы измѣнялся по указаннымъ выше эпохамъ.— Сначала въ составѣ ея были только *бояре* въ древнемъ значеніи этого слова, т. е. свободные землевладѣльцы. Но съ превращеніемъ ихъ въ служилыхъ людей послѣдовало между ними различеніе бояръ вообще и бояръ служилыхъ въ точномъ смыслѣ, при нашествіи непріятеля земскіе бояре обязаны садиться въ осаду въ томъ городѣ, гдѣ кто живетъ (гдѣ его вотчина); но бояре *введенные* и *путные* отъ того освобождаются, потому что обязаны быть при своихъ должностяхъ у князя. Высшій классъ служилыхъ именуется „боярами введенными“, т. е. введенными во дворецъ для постоянной помощи вел. князю въ дѣлахъ управленія, они-же получали кормленія, т. е. намѣстничества въ городахъ. Другой низшій разрядъ такихъ-же дворовыхъ слугъ именуется путными боярами или путниками, получившими „путь“—доходъ въ завѣдованіе. Судя по аналогіи западно-русскихъ явленій, эти послѣдніе (путники) должны занимать весьма невидное мѣсто на іерархической лѣстницѣ. Понятно, что совѣтниками князя—членами боярской думы могли быть только первые, т. е. бояре введенные, именуемые иногда „большими“. Это и было переходомъ къ образованію изъ боярства чина (дававшаго потомъ право на засѣданіе въ думѣ).

Второй элементъ, вошедшій въ составъ боярской думы по мѣрѣ уничтоженія удѣловъ, это—*князья*; они сначала дѣлались совѣтниками великаго князя по своему званію князей, не нуждаясь для того въ особомъ назначеніи въ чинъ боярина и, конечно, считая свое званіе выше боярскаго; это преимущество князей было признаваемо великимъ княземъ и при Іоаннѣ III, когда служилыхъ князей было уже множество; самый родовитый Московск. бояринъ Кошкинъ долженъ былъ уступить первенство въ командованіи войсками (во время Ведрошскаго похода) князю Щенятеву. Князья въ XV в. составляли особый разрядъ въ составѣ думы (см. выше: в. кн. Іоаннъ III

созывалъ „князи и бояре свои“). Княжескій элементъ преобладалъ въ думѣ и въ XVI в., составляя бо́льшую половину ея, а иногда и $^2/_3$.—Но въ XVI в. уже далеко не всякій князь попадалъ въ думу: многочисленность служилыхъ князей принудила сдѣлать между ними выборъ и проводить въ думу лишь нѣкоторыхъ чрезъ чинъ боярина. Ни всѣ бояре, ни тѣмъ менѣе князья не могли б. призываемы каждый разъ въ думу; ежедневныя дѣла рѣшалъ вел. кн. лишь съ тѣми немногими, которые постоянно находились при дворѣ. Въ важныхъ случаяхъ созываемы были и бояре, намѣстничавшіе по городамъ, и князья.

Для второй эпохи характеристическою чертою состава думы, кромѣ обращенія званія боярина въ чинъ и возведенія въ этотъ чинъ князей, служитъ опредѣленіе того, какія изъ придворныхъ должностей даютъ право на присутствіе въ думѣ, такою признана должность *окольничаго*, обращенная также въ чинъ. При Іоаннѣ III только бояре и окольничіе имѣли право центральнаго суда и управленія („Судити судъ бояромъ и околничимъ“, Суд. 1497 г., ст. I), и только эти лица и были совѣтниками вел. князя. Впрочемъ впослѣдствіи мы находимъ въ составѣ думы: дворецкаго, казначеевъ и иногда крайчаго, но это не были чины, а только должности.

Съ первой полов. XVI в. великій князь началъ вводить въ думу людей худородныхъ—простыхъ дворянъ, которые и получили титулъ *думныхъ дворянъ*, что̀ опять превратилось въ чинъ. Такъ какъ въ источникахъ встрѣчаются „дѣти боярскіе, которые въ думѣ живутъ“ еще въ 1536 и 1542 годахъ, то слѣдуетъ думать, что подобное расширеніе состава думы было произведено вел. кн. Василіемъ Іоанновичемъ (и притомъ простиралось на дѣтей боярскихъ). Эту мѣру усилилъ и опредѣлилъ Іоаннъ IV во время борьбы своей съ родовитымъ боярствомъ: съ 1572 г. „думные дворяне“ появляются въ спискахъ членовъ думы, какъ особый постоянный разрядъ думныхъ людей.

Ко времени борьбы съ боярскимъ элементомъ относится появленіе въ думѣ и *думныхъ дьяковъ*. При усиленіи письменнаго дѣлопроизводства естественно было ожидать и появленія канцеляріи при думѣ. Думнымъ дьякамъ поручалось завѣдованіе такими текущими дѣлами, которыя не могла вести постоянно дума in corpore,—именно дѣлами посольскими, разрядными, помѣстными и бывшаго Казанскаго царства; эти отрасли ввѣрены дьякамъ, но какъ делегатамъ думы. Поэтому думныхъ дьяковъ въ XVI в. было обыкновенно четыре. Такое положеніе выводило ихъ изъ разряда секретарей; они становились министрами и каждый по своему вѣдомству имѣли право голоса въ засѣданіяхъ думы, хотя членами думы не считались. При Алек. Михайл. число думныхъ дьяковъ дошло до 6, а при Ѳеодорѣ Алексѣев.—до 14.—Такой, исторически сложившійся составъ думы оставался неизмѣннымъ и въ XVII в.

По́лученіе званія думнаго человѣка зависѣло отъ производства кого-либо въ одинъ изъ высшихъ чиновъ волею государя. Но государь въ этомъ случаѣ соображался съ породою жалуемаго. лица высшихъ, преимущественно княжескихъ, фамилій получали прямо званіе боярина, минуя низшіе чины; менѣе знатные начинали съ окольничества; прочіе проходили по низшимъ ступенямъ чиновъ, рѣдко достигая боярства. Лишь въ производствѣ въ думные дворяне и думные дьяки воля государя ничѣмъ не стѣснялась; въ думные дьяки производились изъ дворянъ, гостей и подъячихъ.—Актъ пожалованія въ думный чинъ заключался въ словесномъ объявленіи этого во дворцѣ чрезъ думнаго дьяка въ присутствіи ассистента изъ думныхъ чиновъ равнаго ранга съ жалуемымъ чиномъ (если жалуется боярство, или окольничество).

Число членовъ думы не можетъ быть опредѣлено для первой эпохи, когда еще не установилось возведеніе въ чинъ боярина и, слѣдов., назначеніе въ думу. Съ XVI в. оно становится опредѣленнѣе; со времени в. кн. Василія Іоанновича ведутся уже списки членовъ думы: отъ Іоанна III къ сыну его перешло 13 бояръ, 6 окольничихъ, 1 дворецкій и 1 казначей; самъ Василій оставилъ своему преемнику 20 бояръ, 1 казначея, 1 окольнич. При Іоаннѣ Грозномъ число бояръ понизилось вдвое, за то увеличилась породовитая часть въ составѣ думы: онъ оставилъ сыну 10 бояръ, 1 окольн., 1 крайчаго, 1 казначея и 8 думныхъ дворянъ. Обратное явленіе произошло при Ѳедорѣ Іоанновичѣ, который оставилъ 18 бояръ, 8 окольн. и только 2 думныхъ дворянъ. Далѣе общее число думныхъ людей возрастаетъ съ каждымъ царствованіемъ (за исключеніемъ царств. Мих. Ѳеодоровича) такъ: при Борисѣ Годун. было ихъ 30, въ смутное время 47, при Мих. Ѳед.—19, при Алек. Мих.—59, при Ѳеод. Алексѣев.—167

Въ постоянныхъ засѣданіяхъ думы участвовали далеко не всѣ, имѣвшіе званіе думнаго человѣка, а лишь тѣ, которые были въ то время на лицо въ Москвѣ. Возможно полныя засѣданія думы происходили въ особо важныхъ случаяхъ. въ частности при созывѣ земскихъ соборовъ (которыхъ непремѣнную часть составляла дума).—Иногда къ думѣ присоединялся соборъ духовенства, когда особенно вопросъ касался правъ духовенства (см. ук. кн. вѣдом. казн. ст. I и XIX); иногда же соборъ духовенства призываемъ былъ къ обсужденію госуд. вопросовъ въ отдѣльномъ засѣданіи.

Засѣданія думы происходили въ цар. дворцѣ—„на Верху“ и въ Золотой Палатѣ; во время правленія патр. Филарета Никитича, дума иногда собиралась въ его дворцѣ. По словамъ Котошихина, „бояре, окольничіе и думные и ближніе люди пріѣзжаютъ къ царю челомъ ударить съ утра рано, на всякой день...; также и послѣ обѣда пріѣзжаютъ къ нему въ вечерни по вся дни“ (II, 14). Временемъ засѣданій думы, по свидѣтельству Маржерета, было отъ 1-го часа до 6 часовъ дня (4—9 ч. утра); вечеромъ же бояре

собирались опять ок. 4 часовъ. Не все это время проходило въ засѣданіи; бояре дѣлили съ царемъ всѣ обыденные акты жизни. ходили въ церковь. обѣдали и проч. По свидѣтельству Флетчера, собственно для обсужденія дѣлъ назначены были понедѣльникъ, среда и пятница, но въ случаѣ надобности бояре засѣдали и въ другіе дни. Для выслушанія докладовъ по вѣдомству того или другаго приказа были назначены особые дни и часы.

Предсѣдателемъ думы былъ царь; но въ XVI и XVII вв. такое предсѣдательствованіе часто было лишь номинальное; государь не всегда присутствовалъ; бояре рѣшали безъ него или окончательно, или ихъ рѣшенія были утверждаемы государемъ. Члены распредѣлялись въ думѣ по порядку чиновъ, а каждый чинъ—по мѣстнической лѣстницѣ породы. Уложеніе ц. Ал. Мих. (X, 2) предписываетъ думѣ „всякія дѣла дѣлати вмѣстѣ“; этимъ косвенно утверждается начало единогласія при рѣшеніяхъ. Въ концѣ XVII в. возникаетъ особое отдѣленіе думы для судныхъ дѣлъ.—„Расправная Палата“, состоявшая изъ делегатовъ думы (по нѣсколько членовъ отъ каждаго чина; см. Дворц. Разр. IV, стр. 187, 483 и др.).

Во время выѣзда бояръ съ царемъ изъ Москвы въ походъ, на мѣстѣ оставляется нѣсколько членовъ ея „для вѣданія Москвы“. Въ эту коммиссію думы шли всѣ доклады изъ приказовъ; но окончательно рѣшались ею только дѣла меньшей важности; прочія отсылались къ царю и находившимся при немъ боярамъ.

Права́ боярской думы. Дума есть учрежденіе, не отдѣлимое отъ царской власти; поэтому, подобно правамъ этой послѣдней, права думы не были опредѣляемы закономъ, а держались, какъ фактъ бытовой на обычномъ правѣ. Въ законахъ находимъ лишь косвенное утвержденіе за актами дѣятельности думы значенія актовъ высшей власти. Такъ

Въ отношеніи къ законодательству нормальный процесъ творчества закона указанъ въ Судебникѣ цар. такой: „а которые будутъ дѣла новые, а въ семъ Судебникѣ не написаны, и какъ тѣ дѣла съ государева докладу и со всѣхъ бояръ приговору вершатся,—и тѣ дѣла въ семъ Судебникѣ приписывати“ (ст. 98). Уложеніе 1649 г. законодательными источниками своими признало: государевы указы и боярскіе приговоры. Общая законодательная формула была такова: „государь указалъ и бояре приговорили“.—Это понятіе о законѣ, какъ результатѣ нераздѣльной дѣятельности царя и думы, доказывается всею исторіею законодателтства въ Москов. государствѣ; Судебникъ 1497 г. „уложилъ князь великій съ дѣтми своими и съ бояры“; Суд. царскій изданъ царемъ „съ своею братьею и съ бояры“. Въ царствованіе Грознаго большинство законовъ носитъ обычную формулу: „уложилъ (царь) со всѣми бояры“; такая совмѣстная законодательная дѣятельность царя и думы остается, какъ нормальная, во все остальное время XVI в., за исключеніемъ нѣкоторыхъ законовъ 1557—59 годовъ которые

надписаны только именевъ царя; быть можетъ это объясняется тогдашнею борьбою царя съ боярствомъ Въ послѣдующія времена точно также упоминаются въ качествѣ законовъ царскіе указы безъ боярскихъ приговоровъ (см. Ук кн. хол. прик V—VIII и многія статьи Ук. кн. зем. прик.).—Съ другой стор. есть рядъ законовъ, данныхъ въ формѣ боярскаго приговора безъ царскаго указа: „всѣ бояре на Верху приговорили“ (Ук. кн. вѣдом казн., ст. XXI, см. также Уст. кн. разб. прик , ст. 9, 10, 15, 18, 29, 43, 45, 49, I, II, III и IV; Ук. кн прик. холоп., ст. IV и VI; Ук. кн. пом. прик., ст. III, 4, 6).—Изъ такихъ случаевъ отнюдь нельзя заключать о раздѣльности законодательныхъ правъ царя и думы. Царскіе указы безъ боярскихъ приговоровъ объясняются или случайностію борьбы съ боярствомъ (при Грозномъ), или незначительностію разрѣшаемыхъ вопросовъ, не требовавшихъ коллегіальнаго рѣшенія, или поспѣшностію дѣла. Указъ 1609 г. о холопствѣ данъ царемъ Шуйскимъ безъ бояр. приговора, но въ концѣ акта прибавлено. „и о томъ рекся государь говорить съ боляры“. Боярскіе приговоры безъ цар. указовъ объясняются или полномочіемъ, даннымъ на этотъ случай боярамъ, или отсутствіемъ царя, или междуцарствіемъ. Полнота законодательной власти думы во время междуцарствія всего больше указываетъ на думу, какъ на нормальный и постоянный элементъ законодательной власти, ибо во время междуцарствій дума не получала особыхъ полномочій регенства, а проявляла лишь въ отдѣльности и полнотѣ тѣ права, которыя принадлежали ей и при царяхъ.—Нѣкоторые слѣды дѣйствительныхъ противорѣчій между законодательною властію царя и думы замѣчаются только въ царствованіе Вас. Ив. Шуйскаго (см. Ук. кн. прик. хол., ст V и прим. 32).

Относительно рѣшенія вопросовъ внѣшней политики такая же совмѣстная дѣятельность царя и думы съ конца XVI в. дополнилась еще участіемъ земскихъ соборовъ, которые однако часто ссылались на то, что окончательное рѣшеніе этихъ вопросовъ, по обычаю, принадлежитъ царю и думѣ: „а на то дѣло ратное разсмотрѣніе твоего царскаго величества и твоихъ государевыхъ бояръ и думныхъ людей“, говорили духовныя власти на соборѣ 1642 г.—Необходимое участіе думы въ дѣлахъ этого рода выразилось въ постоянномъ учрежденіи т. н. „Отвѣтной палаты“ при думѣ; дѣльцы посольскаго приказа не могли сами вести переговоры съ иностранными послами; съ послами „въ отвѣтѣхъ (говоритъ Котошихинъ) бываютъ бояре“—два, окольничій одинъ или два, да думный посольскій дьякъ (V, 5).—Согласно съ этимъ фактическое участіе думы въ дѣлахъ внѣшней политики замѣчается постоянно съ древнихъ временъ: въ 1488 г. Іоаннъ III отказался выслушать цесарскихъ пословъ наединѣ безъ бояръ, чего тѣ требовали (Памятн. дипл. снош. I, стр. 1). Въ 1577 и 1578 гг. война за Ливонію рѣшена царемъ „со всѣми боляры“; въ 1586 г.—также война

съ Шведами.—Солидарность дѣйствій царя и думы и по этому вопросу столь-же мало опровергается нѣкоторыми (весьма рѣдкими) случаями раздѣленія дѣйствій царя и думы. при Іоаннѣ III дума послала отъ себя грамоту Литовской радѣ (А. З. Р., I, № 192); но потомъ в. князь объяснилъ, что это онъ самъ „отъ своихъ бояръ написалъ". Подобный-же случай былъ въ 1580 г. (Ак. ист. I, № 206). Во времена междуцарствія и при самомъ началѣ правленія Мих. Ѳеодоровича дума дѣйствительно сносится съ иностранными государствами отъ своего имени (Собр. госуд. грам. и догов. III, № 24)

Относительно суда и администраціи дума является не одною изъ инстанцій, а органомъ верховной власти, указывающей законъ подчиненнымъ органамъ. Судебныя дѣла восходили въ думу по докладу и по апелляціи (ук. 1694 г. въ II. собр. зак., № 1491). Въ томъ и другомъ случаѣ рѣшенія думы имѣютъ силу общаго закона (бо́льшая часть законовъ были даны по частнымъ случаямъ судебной практики, т. е. путемъ казуистическимъ). Дума является собственно судебнымъ органомъ только тогда, когда судитъ въ качествѣ первой инстанціи, а именно—своихъ собственныхъ членовъ по дѣйствіямъ ихъ, какъ суден и правителей въ приказахъ, и по мѣстническимъ счетамъ; лишь иногда поручаются ей наиболѣе важныя дѣла по политическимъ преступленіямъ. Въ сферѣ администраціи думѣ (вмѣстѣ съ царемъ) принадлежало право назначенія центральныхъ и мѣстныхъ правителей (назначеніе и увольненіе городовыхъ воеводъ. суден въ приказахъ и полковыхъ воеводъ). Веденіе текущихъ дѣлъ управленія военнаго и помѣстнаго находилось подъ постояннымъ контролемъ думы, такъ какъ и самые приказы (Разрядной и Помѣстный) первоначально были только коммиссіями думы.

в) Земскіе соборы.

Въ случаяхъ жизни государства, наиболѣе важныхъ, съ пол. XVI до пол. XVII в. дѣятельность боярской думы дополнялась земскими соборами, имѣвшими тоже значеніе при верховной власти (временно), какъ и боярская дума (постоянно). Впрочемъ въ первой пол. XVII в. и соборная дѣятельность является *постоянною*.

Возникновеніе зем. соборовъ. Земскіе соборы стоятъ въ связи съ вѣчемъ какъ по идеѣ (въ смыслѣ участія народа во власти), такъ и на фактѣ (соборы въ XVI и XVII в. нерѣдко замѣняются вѣчемъ царствующ. гор. Москвы), но не состоятъ съ нимъ въ связи исторической послѣдовательности; по составу своему, вѣча и соборы—два явленія противоположныя (см. выше стр. 48—51). Въ исторической послѣдовательности соборы Моск. государства (подобно сеймамъ Литовско-русскаго) стоятъ въ тѣсномъ соот-

ношеніи съ боярскою думою въ ея распространенномъ составѣ. До установленія единодержавія великимъ князьямъ не приходилось созывать для совѣта подданныхъ; въ случаѣ общихъ предпріятій съѣзжались и совѣщались князья (напр. предъ общимъ походомъ противъ Мамая 1388 г.); въ первое время по установленіи единодержавія мѣстное населеніе было представляемо („естественно“) тѣми-же князьями, уже служилыми, но жившими въ своихъ удѣлахъ, а также намѣстниками областей и епископами: „князь великій въ 1471 разосла по всю братью свою и по епископы земли своеа, и по князи и по бояре свои“..., т. е. созвалъ ихъ для обсужденія вопроса о войнѣ съ Новгородомъ. При окончательномъ торжествѣ единодержавія, когда служилые князья уже толпились въ Москвѣ, созывать была некого, кромѣ лицъ духовныхъ. Духовные соборы не только дали форму и имя для будущихъ земскихъ соборовъ, но до нѣкоторой степени замѣняли собою эти послѣдніе. Въ то время, какъ въ Литовско-русскомъ государствѣ собранія князей и пановъ, включивъ въ себя простыхъ дворянъ, незамѣтно перешли въ сеймы (въ половинѣ XVI в.), въ Москов. государствѣ такія собранія признаны не вполнѣ отвѣчающими цѣли; и само населеніе и верховная власть въ XVI в. пришли къ мысли о необходимости присоединить къ боярской думѣ представителей населенія; тогда явился проэктъ неизвѣстнаго лица созвать „вселенскій совѣтъ отъ всѣхъ градовъ и отъ уѣздовъ“; представители должны засѣдать постоянно при царѣ, смѣняясь погодно; цѣль созыва: „да вѣдомо будетъ царю самому про все всегда“ и чтобы „скрѣпити отъ грѣха власти и воеводы, и приказные люди и приближенныхъ своихъ отъ поминка (взяточничества), отъ посула и отъ всякія неправды“. Авторъ проэкта отнюдь не устраняетъ, однако, боярской думы („Бесѣда Валаамскихъ чудотворц.“ см. ст. проф. Павлова въ Прав. Собесѣд. 1863 г., № 1). И въ эпоху зем. соборовъ засѣданія распространенной думы иногда смѣшиваются (иностранцами) съ земскими соборами какъ по названію, такъ и по сущности дѣла; такъ Флетчеръ описываетъ подъ именемъ зем. собора засѣданіе распростр. думы (за что и подвергается незаслуженнымъ упрекамъ отъ нашихъ историковъ).

Исторія земскихъ соборовъ: *первая эпоха (соборы XVI в.).* Іоаннъ IV, принявъ титулъ царя и вѣнчавшись на царство, рѣшился устроить государство, разшатанное боярскими смутами въ его малолѣтство. Это совпаденіе начала царской власти (высшей эпохи самодержавія) съ началомъ земскихъ соборовъ не есть фактъ случайный; но онъ отнюдь не означаетъ, что и наши земскіе соборы (подобно западно-европейскимъ парламентамъ) возникли въ слѣдствіе борьбы сословій, что̀ видно изъ того, что въ 1550 г. царь созвалъ „людей избранныхъ всякаго чина и состоянія“, въ томъ числѣ и высшаго. Онъ произнесъ имъ на площади рѣчь съ Лобнаго мѣста, прося народъ забыть неправды бояръ и обѣщаясь впредь „самъ“ быть судьею и

обороною. Вѣроятно, это было только актомъ открытія собора, который потомъ занимался обсужденіемъ внутреннихъ дѣлъ государства (въ слѣдъ затѣмъ, въ 1550—52 гг., послѣдовалъ рядъ большихъ реформъ и законодательныхъ актовъ). Во всякомъ случаѣ собраніе на площади показываетъ на тѣсную связь первыхъ соборовъ съ вѣчевою формою.

Въ 1566 г. во время войны съ польскимъ кор. Сигизмундомъ Августомъ, когда начались неудачи, предстояло рѣшить вопросъ о томъ, принять-ли (невыгодныя) условія мира, предложенныя Польшею; царь созвалъ соборъ изъ духовенства (32 чел.), боярской думы (29 чел.), дворянъ (196), помѣщиковъ Торопецкихъ и Луцкихъ (9 ч.), какъ жителей пограничной спорной полосы, дьяковъ и приказныхъ (33), Московскихъ гостей и купцовъ (54); къ нимъ присоединены Смольняне (21), опять какъ жители пограничнаго города. Соборъ, очевидно, неполный. въ немъ участвовали только лица, бывшія въ Москвѣ. Всѣ статьи собора единогласно высказались противъ уступокъ Польшѣ и слѣд. за продолженіе войны.—Въ 1584 г. созванъ былъ соборъ избирательный, для рѣшенія вопроса о преемствѣ послѣ Грознаго, такъ какъ многіе хотѣли отстранить Ѳеодора, который и самъ не очень желалъ царствовать; впрочемъ быть можетъ этотъ соборъ былъ созванъ раньше—съ другою цѣлью, именно по вопросу объ уничтоженіи привилегій (тарханъ); онъ состоялъ изъ духовенства, бояръ и дворянъ „отъ всѣхъ градовъ Московскаго государства“. Въ 1598 г. (съ 17 февр.) засѣдалъ соборъ, избравшій Бориса Годунова на царство и состоявшій изъ 457 чел.: духовенства (83), бояр. думы (42), стольниковъ (45), дьяковъ (10), дворянъ и др. служилыхъ (201; изъ нихъ выборныхъ отъ городовъ 34), тяглыхъ людей (36—всѣ изъ гор. Москвы). Собору предшествовала попытка рѣшить вопросъ съ помощію Московскаго вѣча.—Въ 1605 г., при избраніи Ѳедора Борисовича соборъ замѣненъ вѣчемъ; соборъ того-же года, осудившій Шуйскаго и соборъ 1606 г., избравшій этого-же Шуйскаго въ цари, не были земскими соборами, а засѣданіями думы бояр. съ участіемъ (въ рѣшеніи) гражданъ гор. Москвы. Собраніе 1610 г., низвергнувшее ц. Шуйскаго, было не земскій соборъ, а вѣче провинціальныхъ служилыхъ людей, скопившихся въ Москвѣ, съ насильственнымъ участіемъ патріарха и бояръ.

Вторая эпоха (соборы XVII в.) 1-я сессія. При окончаніи смутъ временное правительство пригласило (въ ноябр. 1612 г. выборныхъ отъ всѣхъ частей государства (даже Сибири), „крѣпкихъ и разумныхъ по скольку пригоже“, они съѣхались въ нач. 1613 г.; 7 февр. послѣ долгихъ преній, состоялось избраніе Михаила Ѳеодоровича Романова, который хотя 2 мая въѣхалъ въ Москву, а 11-го коронованъ; но соборъ не былъ распущенъ (существуютъ извѣстія—см. выше свидѣтельство Котошихина,—что Мих. Ѳеодоровичъ далъ „запись“, подобную записи Шуйскаго); соборъ продолжалъ засѣдать и участвовать во всѣхъ важнѣйшихъ государственныхъ актахъ

1613, 1614 и мож. б. 1615 года. Соборъ этотъ, по всей справедливости, можетъ быть названъ „великимъ“ по полнотѣ его, важности совершенныхъ дѣяній и долговременности засѣданій; въ немъ участвовали и представители „уѣздныхъ людей“, т. е. крестьянъ; всѣхъ городовъ, представленныхъ выборными было 39 (по крайней мѣрѣ судя по подписямъ на избирательной грамотѣ царя, гдѣ содержится 255 подписей, но многіе подписались и за другихъ).—*2-я сессія.* Въ 1616 г. созванъ новый соборъ (призывъ данъ въ концѣ 1615 г.) который также засѣдалъ нѣсколько лѣтъ (1616, 1617 и 1618 г.), занимаясь какъ внутренними дѣлами (сборомъ денегъ въ государ. казну, мѣстничествомъ), такъ и внѣшними (о мѣрахъ защиты Москвы отъ нашествія Владислава—въ засѣд. 9 сент. 1618 г.); въ немъ, кромѣ бояръ дворянъ и духовенства, участвовали выборные отъ посадскихъ людей „всѣхъ городовъ“.—*3-я сессія.* Въ 1619 г. находимъ новый соборъ, участвовавшій въ избраніи патріархомъ Филарета Никитича и сдѣлавшій весьма важное распоряженіе о новой описи государства, о прикрѣпленіи посадскихъ людей; онъ-же назначилъ коммиссію для разбора жалобъ на „сильныхъ людей“ и наконецъ рѣшилъ произвести выборы для новой соборной сессіи.—*4-я сессія.* На этотъ соборъ велѣно выбрать въ уѣздахъ изъ духовенства 1 или 2-хъ, изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ и изъ посадскихъ людей по 2 чел.; соборъ созванъ былъ къ 1 окт., а затѣмъ открытіе его отсрочено до 6 дек. Въ 1620 г. этотъ соборъ занимался дѣлами текущаго законодательства (объ утайкѣ помѣстій, о справкѣ ихъ за женихами вдовъ и дѣвицъ: см. ук. кн. пом. прик. III, 8 и 12); а въ 1621 году рѣшилъ важный вопросъ внѣшней политики о заключеніи союза съ шведами, турками и татарами противъ Польши и распорядился о разборѣ служилыхъ людей; въ исполненіе этихъ рѣшеній были посланы отъ собора грамоты въ провинціи для всенароднаго оповѣщенія.—*5-я сессія.* 1622—1632-й годы составляютъ пробѣлъ въ соборной дѣятельности (а мож. б. въ нашихъ свѣдѣніяхъ о соборахъ). Въ 1632 г., по смерти кор. Сигизмунда. III, Московское правительство начало войну съ Польшею; въ то же время мы находимъ и зем. соборъ въ Москвѣ (неизвѣстно когда созванный, но по всей вѣроятности еще до войны и рѣшившій войну); онъ засѣдалъ и въ 1633 и 1634 гг.; главными его актами было вотированіе экстраординарныхъ налоговъ на войну („пятой деньги“), въ слѣдствіе усиленныхъ просьбъ правительства о томъ. *6-я сессія.* 17 дек. 1636 г. были посланы въ города грамоты о призывѣ дворянъ и дѣтей бояр. по 6 чел. отъ уѣзда „для государева и земскаго дѣла“ (въ послѣдствіи на этомъ соборѣ участвовали также и „гости, и торговые и всякіе жилецкіе люди“); въ дек. 1637 г. соборъ рѣшилъ вопросъ о защитѣ отъ Крымскаго хана (который намѣревался напасть на Москов. государство по поводу взятія казаками Азова) и назначилъ средства для этой войны. Быть мож. къ этому же собору относится мнѣніе духовенства о мщеніи

Крымцамъ за оскорбленіе Московскихъ пословъ. Крымскій ханъ, однако, не напалъ и войны не было. За то турки рѣшились отнять у козаковъ взятый ими Азовъ; хотя войско ихъ не успѣло отнять этого города; но Донцы видѣли впереди невозможность удержаться собственными силами и обратились къ Москов. правительству.—Тогда созвана *7-я сессія* 1642 г. (которая, впрочемъ б. мож., засѣдала и раньше; такъ какъ при приближеніи турецкаго посла къ Москвѣ нѣкогда было созывать выборныхъ); на соборѣ не участвовали выборные отъ провинціальныхъ посадовъ; всѣхъ членовъ собора насчитываютъ 195. Ему предложено было: 1) принять-ли Азовъ отъ козаковъ и слѣд. воевать-ли съ турками? 2) гдѣ взять для этого ратныхъ лудей и денегъ? Всѣ чины собора высказались за войну; но всѣ въ то же время заявили о крайнемъ истощеніи государства; правительство не захотѣло эксплоатировать общаго патріотизма и поступило по смыслу (хотя скрытому, но истинному) соборнаго рѣшенія, т. е. отказалось отъ войны. При этомъ чины собора, каждый по своей части, представили вниманію царя множество внутреннихъ неурядицъ и средствъ исправленія ихъ.

Соборы при ц. Алексѣѣ Мих.: по смерти ц. Михаила созванъ соборъ для избранія преемника ему (по два чел. отъ города дворянъ и посадскихъ людей); по свидѣтельству Олеарія, Михаилъ умеръ 12-го іюля, а 13-го уже бояре и народъ привѣтствовали царемъ его сына; если такъ, то новый соборъ созывать было нѣкогда; но по свидѣтельству Котошихина, по смерти Михаила „мало времени минувши.... на царство обрали сына его“, что вѣроятнѣе.—Въ 1646—1647 гг. долженъ былъ засѣдать другой земскій соборъ (если только не продолжался тотъ же избирательный—1645), который рѣшилъ привести законы государства въ общій кодексъ и дополнить ихъ. Во исполненіе этого лѣтомъ 1648 г. царь и дума рѣшили созвать изъ Москов. служилыхъ чиновъ по 2 чел., а также изъ городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ отъ большаго уѣзда—по два, отъ малыхъ городовъ и отъ Новгородскимъ пятинъ по 1, изъ гостей и привилегированныхъ сотенъ—по 2, изъ черныхъ сотенъ и изъ посадовъ по 1,—для обсужденія проэкта Уложенія, составленнаго особою коммиссіею. На подлинникѣ Уложенія подписалось 315 чел., но нѣкоторые члены (по крайней мѣрѣ—25) не подписались на немъ; выборные представляли собою 119 городовъ. Выборные были созваны къ 1 сентября; но нѣкоторые явились раньше и вошли въ составъ коммиссіи, вырабатывавшей проэктъ Уложенія. Общія засѣданія начались съ 3 октября и продолжались въ 1649 г. (вѣроятно) до весны. Соборъ разсмотрѣлъ и утвердилъ проэктъ Уложенія, дополнилъ его новыми узаконеніями (преимущественно касавшимися правъ духовенства и быта посадскихъ людей); поэтому кодексъ 1649 г. правильно носитъ наименованіе *Соборнаго* Уложенія.—Въ 1650 г. состоялся (неполный соборъ) объ

усмиреніи бунта въ Псковѣ.—Въ 1551 г созваны были изъ городовъ (извѣстно о 44-хъ гор.) выборные дворянъ (по 2) и посадскихъ (по 2-же) къ сборному воскресенью по вопросу объ отношеніяхъ къ Польшѣ при возстаніи Богдана Хмѣльницкаго, засѣданія начались съ 19 февраля. Рѣшенія его (кромѣ мнѣнія духовенства) неизвѣстны.—По тому-же вопросу засѣдалъ соборъ 1653 г., изъ дѣятельности котораго сохранилось только торжественное рѣшеніе о принятіи Малороссіи, состоявшееся 1 октября; но онъ несомнѣнно засѣдалъ и раньше („въ прошломъ 161 году говорено на соборехъ", т. е. до 1 сентября 1653 г.).

Упадокъ и прекращеніе созыва зем. соборовъ. Послѣ 1653 года царь Алексѣй до своей смерти 1676 г. не созывалъ соборовъ (коммиссія экспертовъ 1660 г. торговыхъ людей гор. Москвы—о причинахъ дороговизны въ гор. Москвѣ не есть соборъ, какъ равно и другія подобныя коммиссіи 1667, 1672 и 1676 гг.). Причины ослабленія соборной дѣятельности съ пол. XVII в. заключаются въ томъ, что изданіе Уложенія надолго успокоило новые законодательные запросы, и въ томъ, что съ 1654 г. начался рядъ безпрерывныхъ войнъ за Малороссію съ Польшею и Швеціею. При царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ въ 1681—82 гг. созванъ былъ полный и весьма важный соборъ, раздѣленный на двѣ палаты: служилыхъ и тяглыхъ людей (съ участіемъ крестьянъ), по вопросамъ о полной реорганизаціи этихъ двухъ классовъ. Результатомъ дѣятельности собора было уничтоженіе мѣстничества (12 янв. 1682 г.); мож. быть тотъ-же соборъ былъ призванъ къ избранію преемника Ѳеодору. Это былъ послѣдній соборъ (верховный судъ надъ Софьею 1698 г. есть *судъ*, а не соборъ).

Причина прекращенія созыва соборовъ заключается въ реформаторскомъ направленіи дѣятельности правительства, въ которой оно не надѣялось найти сочувствія и поддержки населенія.

Составъ и засѣданія земскаго собора. Земскіе соборы суть учрежденія *представительныя;* этимъ составъ ихъ отличается отъ состава древняго вѣча; поэтому вѣчевыя собранія гор. Москвы (1598, 1605, 1606, 1610 и 1682 гг.) не могутъ б. названы „фиктивными соборами". Но зем. соборъ есть не только представительное собраніе. Подобно тому какъ вѣче, будучи народнымъ элементомъ власти, въ то же время заключало въ себѣ и князя и думу,—земскій соборъ не есть элементъ власти противоположный власти царской и бояр. думы; онъ есть органъ власти общеземской, включающій въ себя царя и думу; это три *части собора—существенныя и органическія*; отсутствіе одной изъ нихъ дѣлаетъ соборъ не неполнымъ, а невозможнымъ. Что касается до участія *царя*, то избирательные соборы не составляютъ въ этомъ отношеніи исключенія: власть царская представляется въ этомъ случаѣ лицомъ, замѣняющимъ государя (патріархомъ или думою—въ качествѣ временнаго правительства). На прочихъ соборахъ царь обыкновенно

присутствуетъ (1618, 1621, 1653 гг.), или замѣняетъ себя лицомъ уполномоченнымъ (1682 г.).—*Боярская дума* есть составная часть собора—столь-же необходимая. въ 1613 г. выборные, съѣхавшись въ Москву, не приступали къ засѣданіямъ, пока не соберутся бояре, разсѣявшіеся изъ Москвы. Но бояр. дума на соборѣ отличается отъ обыкновенной постоянной думы: на соборѣ она является (въ возможно полномъ составѣ), т. ск. верхнею палатою собора, и представляетъ собою не интересы какого-либо класса (бояръ); мнѣнія ея уравновѣшиваются съ мнѣніями всѣхъ прочихъ статей собора (соборъ 1648—49 гг.; рѣшеніе собора 1682 г. внесено потомъ на обсужденіе думы). То же нужно сказать и о *соборѣ духовенства*, который представляетъ на зем. соборахъ не интересы духовенства (какъ сословія), а интересы церкви въ государствѣ.—Третья составная часть собора, или земскій соборъ въ тѣсномъ смыслѣ состоитъ изъ представителей. Представительство мож. б. свободнымъ и естественнымъ (безъ выбора): представителями стрѣльцовъ были ихъ головы и сотники, представителями черныхъ сотенъ и слободъ ихъ старосты и соцкіе. За этими исключеніями всѣ остальные представители были свободные (выборные). На соборѣ были представляемы *классы* и *мѣстности* государства (сословій въ Москов. государствѣ не существовало). Классное начало преобладало въ высшихъ чинахъ государства; такъ высылаемы были особые представители стольниковъ, стряпчихъ, жильцовъ, дьяковъ. Въ остальномъ составѣ преобладаетъ *территоріальное* начало.—Что касается до классовъ представляемыхъ на зем. соборахъ, то это были разные разряды служилыхъ и тяглыхъ людей (кромѣ упомянутыхъ: стрѣльцы, дворяне Московскіе, дворяне и дѣти боярскіе городовые, козаки, мурзы татарскіе, гости и торговые люди, члены черныхъ сотенъ и посадовъ, крестьяне). По двумъ основнымъ классамъ (служилому и тяглому) соборъ раздѣлялся только въ 1682 г., что̀ означало уже наступленіе сословнаго строя въ будущей имперіи О выборѣ представителей духовенства упоминается только на соборѣ 1618 г. Не на всѣхъ соборахъ были представлены всѣ эти классы. Постоянно созываемы были (кромѣ высшихъ классовъ) дворяне и дѣти боярскіе. Посадскіе люди провинціи нерѣдко не созываются; ихъ замѣняютъ торговые и черные люди города Москвы (1598, 1642 и др. гг.). О призывѣ крестьянъ извѣстно только относительно двухъ соборовъ: 1613 и 1682 гг.; но такъ какъ городское тяглое населеніе не вполнѣ отдѣлилось еще отъ сельскаго („Земская Изба“ была общимъ органомъ управленія тяглецовъ уѣзда), то выборные посадкіе представляли и уѣздныхъ людей. Непризваніе того или другаго класса не дѣлаетъ соборъ *неполнымъ*.—Что касается территоріальнаго начала, то государство заботилось, чтобы на соборахъ были представлены, по возможности всѣ части государства; при медленности высылки депутатовъ изъ какой-либо провинціи посылались подтвердительныя грамоты; только самыя отдаленныя

страны (Сибирь; но въ 1613 г. призвана и Сибирь) исключались изъ призыва. Съ XVII в. участвуютъ и Донскія козачьи общины. Судя по дошедшимъ до насъ памятникамъ, въ 1613 г. было представлено 39 уѣздовъ (смутное время помѣшало многимъ явиться на соборъ); въ 1648 г.—119 уѣздовъ. Неприбытіе депутатовъ изъ одного или нѣсколькихъ уѣздовъ не дѣлаетъ соборъ неполнымъ. Вообще терминъ: „неполный соборъ“ не долженъ быть употребляемъ въ исторіи организаціи земскихъ соборовъ. Соборъ можетъ быть только болѣе или менѣе полнымъ, но если собравшіеся чины въ достаточной мѣрѣ представляютъ мысль и волю земли, то онъ—соборъ законный; если-же это сборище незаконное по составу и созыву (1610 г.), то—вовсе не земскій соборъ.

Право созыва зем. соборовъ принадлежитъ царю, или тої власти, которая замѣняла его во время междуцарствія: патріарху и бояр. думѣ (соборы 1598, 1645 гг.), или временному правительству (1613 г.). Впрочемъ и при царѣ *иниціатива созыва* новаго собора могла исходить отъ бояр. думы и предшествующаго зем. собора (1620, 1648 гг.).—*Сроки созыва* не были опредѣлены: до и послѣ Мих. Ѳедоровича соборы созываемы были для рѣшенія возникающихъ вопросовъ; при Мих. Ѳеодоровичѣ (1613—1622 гг.) соборы засѣдали постоянно, время отъ времени обновляясь лишь новыми выборами.

Способъ созыва, для провинцій, былъ таковъ: отъ власти призывающей посылаемы были грамоты на имя мѣстныхъ воеводъ; въ нихъ указывалось обыкновенно число вызываемыхъ, срокъ прибытія ихъ къ Москвѣ, и (рѣдко) цѣль созыва. Грамота должна быть прочитана въ главной мѣстной церкви въ присутствіи избирателей.

Избирательными округами были тогдашніе *уѣзды*, весьма неравные по пространству и населенности; въ избирательномъ отношеніи они дѣлились на большіе и малые; отъ первыхъ требовалось бо́льшее число выборныхъ, чѣмъ отъ вторыхъ, въ Новгородской землѣ избирательнымъ округомъ ея была каждая пятина.

Избирателями (какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ) были, конечно, главы семействъ, домохозяева.

Для *избираемыхъ* не полагается имущественнаго *ценза* (иногда прямо предписывалось выбирать „лучшихъ, среднихъ и молодчихъ людей“—на соб. 1642 г., или изъ лучшихъ и среднихъ“—на соб. 1616 г., а эти разряды различались по имущественной состоятельности). Нравственный цензъ обозначается въ призывныхъ грамотахъ терминами: „крѣпкихъ, разумныхъ, добрыхъ, постоятельныхъ“, знающихъ народныя нужды и тѣсноты и умѣющихъ разсказать о нихъ,—людей, которымъ „государевы и земскіе дѣла за обычай“.

Число выборныхъ б. ч. обозначалось въ призывныхъ грамотахъ, но иногда говорилось въ нихъ—„сколько пригоже", предполагалось желаніе правительства, что чѣмъ больше будетъ выслано, тѣмъ лучше. Высшіе служилые чины (стольники, жильцы и пр.) участвовали на соборахъ въ большомъ числѣ, почти поголовно (соб. 1598 г.); но потомъ и отъ нихъ требовалось выслать по 2 чел. отъ разряда (1648 г.); по столько-же требовалось отъ дворянъ городовыхъ каждаго уѣзда; отъ духов. по 1 или по 2; отъ гостей и привилегированныхъ сотенъ отъ 2 до 5; отъ посадскихъ людей б. ч. по 1 отъ посада (за исключеніемъ 1619 г., когда велѣно выслать по 2; отъ большихъ посадовъ и всегда требовалось по 2). Этими цифрами обозначается не maximum, а minimum требуемыхъ; классы и округи могли высылать и больше этого числа (въ 1648 г. Мценскъ вмѣсто 2 выслалъ 5, Рязань—8). Но обыкновенно города высылали менѣе требуемаго числа.—Общее число всѣхъ членовъ собора колебалось. 450—195 чел. (см. выше).

Способъ выбора. Хотя правительство требовало, чтобы выборы были произведены самимъ населеніемъ, но воеводы, непремѣнно обязанные выслать требуемое число, иногда распоряжались сами, особенно при малочиленности группъ избирателей (нѣкоторые получали за то выговоры, другіе нѣтъ). За избирателями—дворянами воеводы посылали пушкарей и др прислугу въ уѣзды и нерѣдко съ трудомъ собирали ихъ. Избраніе производилось дворянами въ съѣзжей избѣ, тяглыми—въ земской (судя по аналогіи другихъ выборовъ). Хотя каждый классъ естественно избиралъ изъ своей среды; но при маломъ числѣ избирателей можно было послать служилаго вмѣсто тяглаго (соб. 1551 г.), лишь-бы было выполнено требуемое число т. е. уѣздъ былъ представленъ надлежащимъ обр. Избиратели составляли письменный актъ избранія, и давали выборнымъ *инструкціи*—наказы (такъ было предписано въ 1612 г.) и снабжали ихъ содержаніемъ („запасомъ"), Впрочемъ дворяне получали и жалованье отъ казны.—Выборные должны были явиться въ Москвѣ въ особую коммиссію (изъ думныхъ дворянъ и дьяковъ) для повѣрки ихъ полномочій.

Засѣданія собора состояли: 1) изъ акта открытія собора (послѣ торжественнаго богослуженія въ Успенскомъ соборѣ, какъ на соб. 1653 г.) и изъ перваго общаго собранія чиновъ во дворцѣ, гдѣ прочитывалась рѣчь или самимъ царемъ, или отъ его имени думнымъ дьякомъ. Сюда собирались иногда не всѣ депутаты, а избранные изъ ихъ среды (1642 г.). Въ рѣчи излагались поводы созыва собора и ставились вопросы для обсужденія (1642 г.); въ ней-же иногда содержался отчетъ въ дѣйствіяхъ правительства, совершенныхъ по рѣшеніямъ прошлаго собора (1634 г.). Письменные экземпляры рѣчи раздаются потомъ каждой статьѣ собора.

2) Вторая часть соборныхъ засѣданій состоитъ изъ обсужденія предложенныхъ вопросовъ, для чего соборъ дѣлится на свои составныя части:

обыкновенно и чаще всего по *разрядамъ* служилыхъ и тяглыхъ людей, а именно. на бояр. думу, соборъ духовенства, собраніе стольниковъ, московскихъ дворянъ, стрѣльцовъ; собраніе городовыхъ дворянъ, самое многочисленное, подраздѣлялось для удобствъ обсужденія „на статьи“ (4 на соб. 1642 г.). собраніе гостей и депутатовъ торговыхъ людей, черныхъ сотенъ, слободъ и посадовъ (всего 11 статей на соб. 1642 г.).—Иногда соборъ дѣлится по своимъ органич. частямъ на двѣ палаты: бояр. думу и собраніе представителей (1648—9 г.); иногда—на вѣ-же палаты по двумъ главнымъ классамъ служилому и тяглому (1682 г.). Каждая статья разсуждаетъ отдѣльно и подаетъ свое (письменное) мнѣніе, какъ скоро обсужденіе закончено. Каждый членъ собора могъ подать отдѣльное мнѣніе.

3) Сводъ мнѣній и постановка рѣшенія дѣлается во второмъ общемъ собраніи; источники не указываютъ его; но оно необходимо предполагается въ соборахъ избирательныхъ (не только по главному вопросу—избранію, но и по текущимъ дѣламъ, какъ на соб. 1613 г.) и всѣхъ тѣхъ, гдѣ требовалась подпись рѣшеній соборами (напр. подпись Уложенія 1649 г.). Впрочемъ нѣтъ сомнѣнія, что въ соборахъ неизбирательныхъ выводъ рѣшенія принадлежалъ царю съ бояр. думой (соб. 1642, 1682).

Продолжительность соборныхъ сессій не можетъ б. опредѣлена потому, что соборы созываемы были то по одному извѣстному вопросу (1566, 1598, 1642, 1645, 1650, 1651, 1653, 1682 гг.), то для постояннаго обсужденія текущихъ вопросовъ законодательства и политики (1613, 1616, 1620, 1632 гг.); послѣдніе засѣдали приблизительно около 3-хъ лѣтъ каждый.

Права и значеніе земскихъ соборовъ. Права земскихъ соборовъ, подобно правамъ власти царя и бояр. думы, не были установлены и опредѣлены закономъ (грамота при избраніи Владислава не получила силы закона, а запись п. Мих. Ѳеодоровича намъ неизвѣстна); права соборовъ постепенно укрѣплялись *обычаемъ:* уже при Ѳедорѣ Іоанновичѣ бояре отвѣчали посламъ польско-литовскимъ· „это дѣло (заключеніе вѣчнаго мира) великое; государю нашему надобно совѣтоваться о томъ со всею землею: сперва съ митрополитомъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, а потомъ съ боярами и со всѣми думными людьми, со всѣми воеводами и со всею землею“ (Соловьевъ. „Ист. Рос.“ VII, 274), хотя поляки выражали недовѣріе къ такому новому для Москвы обычаю; но они вскорѣ убѣдились въ дѣйствительности его, когда самому Владиславу пришлось утверждать законодательную власть соборовъ и когда его собственное избраніе оказалось несостоявшимся потому, что онъ (подобно Шуйскому) не былъ избранъ всею землею. При осадѣ Смоленска Сигизмундомъ, русскіе послы не хотѣли дать приказъ о сдачѣ города „безъ совѣта со св. патріархомъ, боярами и со всѣми людьми“.

По мѣрѣ укрѣпленія существованія соборовъ обычаемъ, и ихъ государственная роль изъ фактической становилась правомѣрною, изъ б. или м. пассивной—активною, укрѣпляясь волею самихъ государей.—По отношенію правъ соборовъ къ правамъ власти царя и думы нельзя именовать соборы ни совѣщательными, ни законодательными учрежденіями; соборъ есть учрежденіе нераздѣльное съ двумя первыми властями; рѣшенія его или принадлежали только ему съ думою боярскою (соборы избирательные и соборъ 1613 г. въ безгосударное время), или слагались изъ мнѣній собора и думы и воли царя (всѣ эти власти входятъ въ составъ собора; см. выше). Впрочемъ по различнымъ вопросамъ госуд. жизни права собора были неодинаковы; а именно:

1) По вопросу объ *избраніи новаго государя*, хотя право рѣшенія принадлежитъ совмѣстно думѣ и собору, но главное значеніе въ немъ принадлежитъ собору, такъ что избраніе одною думою считается незаконнымъ (избраніе Шуйскаго и Владислава); Борисъ Годуновъ не довольствовался избраніемъ въ думѣ и на Москов. вѣчѣ; при избраніи Шуйскаго народъ заявлялъ, что „слѣдуетъ разослать во всѣ города Московскаго государства грамоты, чтобы изъ всѣхъ городовъ съѣзжались въ Москву выборные люди для царскаго обиранія“. По сверженіи Шуйскаго были разосланы грамоты въ города о высылкѣ депутатовъ для избранія государя (но соборъ не состоялся). Въ самомъ концѣ періода (1682) когда патріархъ предложилъ думѣ вопросъ, кому изъ двухъ царевичей (Іоанну или Петру) быть царемъ, то члены думы отвѣчали: это должно быть рѣшено людьми всѣхъ чиновъ Москов. государства. Соборы избирательные были слѣд.: 1584, 1598, 1613 и 1645 гг.

2) *По дѣламъ внѣшней политики.* Выше приведены слова бояръ польскимъ посламъ при Ѳедорѣ Іоан., и отвѣтъ русскихъ пословъ полякамъ, свидѣтельствующій о томъ, что по мнѣнію думы и населенія важнѣйшія внѣшнія дѣла должны рѣшаться по совѣщанію съ думою и соборомъ Вопросы о войнѣ и мирѣ разрѣшались соборами 1566, 1613, 1618, 1632, 1637, 1642, 1651 и 1653 гг. Изъ нихъ наиболѣе активное значеніе въ данномъ вопросѣ обнаружилось на соборѣ 1637 г., рѣшеніе котораго было опубликовано въ такой формѣ: „Мы, вел. гос., приговорили на соборѣ съ патріархомъ и съ властьми, и съ бояры и со всякими чинми людми... противъ недруга нашего Крымскаго царя стоять со всѣми ратными людми“ (значеніе собора 1642 г. указано выше).

3) *По вопросу о наложеніи новыхъ податей,* тѣсно связанному съ предыдущимъ, обнаруживается наиболѣе активное значеніе соборовъ На соборѣ 1634 г. государь, прося назначить новый экстраординарный налогъ (5-ю деньгу) говорилъ такъ: „И вамъ бы властямъ и всему освященному собору, боярамъ и всѣмъ служилымъ и приказнымъ людямъ, видя такихъ злыхъ враговъ

(Польши) злое умышленіе на Московск государство .., на жалованье ратнымъ людемъ дать денегъ А гостямъ бы и всякимъ тяглымъ людемъ дати съ живоговъ и съ промысловъ своихъ пятую деньгу, чтобъ вашимъ вспоможеньемъ истинная наша непорочная и православная христіанская вѣра и св. Божія церкви отъ такихъ враговъ Божихъ въ цѣлости были... А то ваше нынѣшнее прямое даяніе пріятно будетъ самому Содѣтелю Богу. А государь.. то ваше вспоможенье учинитъ памятно и николи не забытно и впередъ учнетъ жаловати своимъ государскимъ жалованіемъ во всякихъ мѣрахъ". Вопросы о налогахъ разрѣшаемы были соборами 1613—15, 1616—1619, 1632, 1634, 1642 гг.—Зем. соборы въ безгосударное время и въ первую половину царствованія Мих. Ѳедоровича принимали постоянное участіе во многихъ прочихъ частяхъ внутренняго управленія; нѣкоторые-же созываемы были именно для установленія внутренняго порядка (соб. 1650 г.)

4) Въ дѣлѣ *законодательства* собору принадлежитъ такое-же значеніе, какъ и боярской думѣ т. е. законъ (предложенный собору) является результатомъ совокупной воли царя и собора; такой законъ носитъ техническое наименованіе „соборнаго уложенія": „въ государевѣ указѣ и во Уложеньѣ съ собору 128 году написано" (о помѣстьяхъ: Ук. кн пом. прик. III, 12). Отдѣльныя узаконенія издаваемы были соборами временъ Мих Ѳедоровича много разъ (соб. 1613, 1619, 1620 гг.); но главнѣйшая законодательная роль принадлежитъ собору 1648—49 гг., созванному царемъ и думою для того „чтобы царственное и земское дѣло (изданіе общаго кодекса) со всѣми выборными людьми утвердити и на мѣрѣ поставить, чтобы тѣ всѣ великіе дѣла по нынѣшнему его *государеву указу и соборному уложенію* впредь были ничѣмъ нерушимы" (предисл. къ Улож ц. Ал. Мих). Уложеніе 1649 г. было отчасти составлено и все въ цѣломъ разсмотрѣно и утверждено земскимъ соборомъ.

5) Важнѣйшее значеніе соборовъ заключается, однако, не въ изчисленныхъ частныхъ видахъ правительственной и законод. дѣятельности, а въ непосредственномъ сближеніи чрезъ нихъ царской власти съ народомъ: чрезъ нихъ царь имѣлъ полную возможность узнать нужды и желанія народа (иногда вызываемы были выборные именно для того, чтобы „разсказать про неправды и разоренія"; см. выше о созывѣ соб. 1620 г.); съ друг. ст. подданные имѣли вѣрное средство ознакомить съ ними власть. *Право петицій* принадлежало въ Москов. государствѣ и отдѣльнымъ лицамъ и классамъ, но только петиціи соборныя могли имѣть значеніе непререкаемаго голоса всей земли. Не имѣя нужды и возможности раздѣлять свое благо отъ блага подданныхъ, государи только и нуждались въ томъ, чтобы не впасть въ заблужденіе въ распознаваніи этого блага. Въ дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ право соборныхъ петицій является правомъ законодательной инициативы (представленія проэктовъ закона) и правомъ контроля надъ

дѣятельностью правительственныхъ органовъ. Выше было сказано, что реформы Грознаго могутъ б. приписаны заявленіямъ собора 1550 г., что мысль объ изданіи общаго закона (Уложенія) вызвана просьбою зем. собора Соборы постоянно пользовались своимъ правомъ заявленій, даже и тогда, когда вопросъ, предложенный для рѣшенія, повидимому не вызывалъ ихъ; именно въ этомъ отношеніи соборъ 1642 г. долженъ быть признанъ однимъ изъ важнѣйшихъ: на немъ (разсуждая о войнѣ съ Турціею) дворяне въ рѣзкихъ выраженіяхъ указываютъ на беззаконную дѣятельность и обогащеніе дьяковъ, требуютъ уравненія податей и повинностей съ имуществъ бояръ и духовенства, требуютъ контроля надъ расходованіемъ государств. суммъ. Другіе ссылаются на то, что они „разорены пуще Турскихъ и Крымскихъ басурмановъ Моековскою волокитою и отъ неправдъ и отъ неправедныхъ судовъ“. Гости указываютъ на невыносимую тягость податей, на вредъ для государства отъ торговыхъ привилегій иноземцамъ и на то, что „торговые люди обнищали и оскудали до конца отъ твоихъ государевыхъ воеводъ“ (задержанія и насильства въ проѣздахъ) и напоминаютъ, что „при прежнихъ государяхъ въ городахъ вѣдали (выборные) губные старосты, а посадскіе люди судились сами промежъ себя, а воеводъ въ городахъ не было“.—Подобныя заявленія вели къ изданію узаконеній и распоряженій, которыя, хотя даны безъ соборовъ, не по справедливости должны быть приписаны всѣ соборной дѣятельности. Царь издавалъ напр. такія распоряженія: „вѣдомо намъ учинилось, что въ городахъ воеводы и приказные люди... всякимъ людемъ чинятъ насильства и убытки, и продажи великія и посулы и кормы емлютъ многіе“; царь приказываетъ земскимъ людямъ не давать взятокъ воеводамъ, не продавать имъ ничего, кромѣ съѣстнаго, не давать имъ даровой прислуги, не пахать на нихъ пашни и пр. (А. А. Э. III, 115).

Вообще земскіе соборы Москов. государства указываютъ на тотъ-же древній характеръ русскаго госуд. права, который въ 1-мъ періодѣ обозначается терминомъ „одиначества“ всѣхъ формъ власти.

Г. Управленіе.

Литература: см. соч. Чичерина, Лешкова, Дмитріева, Градовскаго, Гагемейстера и гр. Д. А. Толстаго.

Котошихинъ: «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича 1666—67 г.» Гл. VI и VII.

Пановъ: «Московскіе приказы» (Москов Вѣдом. 1855 г., №№ 36, 79—82).

О. Горчаковъ: «Монастырскій приказъ». Спб. 1868.

Н. П. Загоскинъ: «Столы разряднаго приказа». Каз. 1879.

И. Е. Андреевскій: О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ. Спб. 1864.

Е. Осокинъ: «Внутреннія таможенныя пошлины въ Россіи». Казань. 1850.

Онъ-же: «Нѣсколько спорныхъ вопросовъ по исторіи русскаго финансоваго права«. Казань, 1855 (изъ Юрид. Сборн. Мейера).

Онъ-же: «О понятіи промысловаго налога и объ историческомъ его развитіи въ Россіи» Казань. 1856.

Кури: «О прямыхъ налогахъ въ древней Россіи». Казань. 1855 (изъ Юрид. Сборн. Мейера).

К. С. Веселовскій: «Начало и постепенное преобразованіе системы поземельныхъ налоговъ въ Россіи» (Журн. мин. госуд. имущ. 1841. ч. I).

В. А. Незабитовскій: «О податной системѣ въ Московск. государствѣ. (Собран. сочин. Кіевъ. 1884).

И. Д. Бѣляевъ: «О русскомъ войскѣ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и послѣ него до Петра В.» М. 1846.

Устряловъ: «Русское войско предъ Петромъ В.» Спб. 1856.

Brix: «Geschichte der alten Russischen Heeres Einrichtungen von den fruhesten Zeiten bis zu den von Peter d. Gr. gemachten Veranderungen» Berlin 1867.

1) Центральное управленіе.

Исторія его. *Эпоха 1-я* (XIV и перв. пол. XV в.). Земская система органовъ центральн. управленія (см. выше стр. 34) уничтожается въ Москов. государствѣ довольно рано: въ 1374 г. „сент. 17 преставися на Москвѣ послѣдній тысячскій Василей Васильевъ сынъ Протасьевича въ черньцехъ и въ схимѣ“; въ 1375 г. сынъ его бѣжалъ въ Тверь къ кн. Михаилу „со многою лжею и льстивными словесы на христіаньскую пагубу“ (т. е. отъѣхалъ оскорбленный отнятіемъ наслѣдственныхъ правъ на должность тысяцкаго); въ 1379 г. „авг. 1, во вторникъ до обѣда потятъ быстъ (усѣченъ) мечемъ на Кучковѣ поли Иванъ Васильевъ сынъ тысячьского на Москвѣ, повелѣніемъ в. кн. Дмитрія Ивановича“.

Оставались лишь органы вотчиннаго (или *дворцоваго*) управленія. При маломъ объемѣ княжествъ, князь управлялъ *лично* самъ при помощи своихъ прикащиковъ, а именно: тіуновъ (дворскаго), казначеевъ и дьяковъ. Съ усложненіемъ дѣлъ (при разширеніи границъ княжества) въ дворцовомъ управленія различаются уже вѣдомства—*пути:* сокольничій, конюшій, ловчій, стольничій, чашничій и др.—Впрочемъ для дѣлъ судныхъ въ самой Москвѣ были *намѣстники*: одинъ „большой“, и два—„третники“ (назначенные въ слѣдствіе общаго участія потомковъ Калиты въ управленіи гор. Москвою). Существенною чертою управленія этой эпохи служитъ безразличіе органовъ центральнаго и мѣстнаго управленія.

Эпоха 2-я (съ пол. XV до пол XVI в.) составляетъ переходъ отъ личнаго управленія къ организаціи учрежденій, и вмѣстѣ отъ дворцоваго (вотчиннаго) характера ихъ къ государственному. Извѣстному лицу приказывается особое вѣдомство, какъ постоянное. „къ тому его послати, которому люди приказаны вѣдати“ (Суд. 1497 г., ст. 2). Вѣдомства становятся сложными по своему составу. „а на судѣ быти у боярь и окольничихъ дьякомъ“ (ibid. ст. 1).

Эпоха 3-я (съ пол. XVI в. и в. XVII) есть время дѣйствія учрежденій—*приказовъ* (иначе именуемыхъ палатами, избами, дворами). Слово приказъ въ смыслѣ учрежденія встрѣчается въ первый разъ при в. кн. Вас. Іоан. въ 1512 г. (въ грам. Успенскому Влад. монастырю). Но полное образованіе системы приказовъ должно б. отнесено ко времени Іоанна IV и Ѳедора Іоанновича. Изъ личнаго управленія дворецкаго и казначеевъ возникаютъ древнѣйшіе приказы дворцово-финансовые. большаго дворца и большой казны. Затѣмъ древнѣйшими приказами нужно считать изъ военныхъ—разрядъ, изъ судебно-административныхъ—холопій пр., затѣмъ разбойный и помѣстный, изъ вѣдомства иностр. дѣлъ—посольскій; изъ центрально-областныхъ нѣкоторыя четверти и судные прик. Умноженіе и обособленіе приказовъ относится преимущественно ко времени Мих. Ѳеодоровича; попытка къ соединенію однородныхъ органовъ и упрощеніе системы относится ко времени Ѳеодора Алексѣевича (1680—81), что̀ закончено Петромъ В. чрезъ учрежденіе коллегій.

Система органовъ центр. управленія слагалась въ Москов. государствѣ исторически и болѣе имѣетъ общаго съ англійскою, чѣмъ съ теоретическою системою французскою, и съ тою, которая взяла перевѣсъ у насъ со времени Петра В. Историческая система органовъ управленія имѣетъ, однако, большіе недостатки; а именно: во перв., одинъ и тотъ же родъ дѣлъ разсѣевался по множеству приказовъ; такъ судъ принадлежалъ всѣмъ приказамъ надъ лицами, подчиненными каждому изъ нихъ. Собственно судъ и придавалъ государственный характеръ прежнимъ вотчиннымъ учрежденіямъ; отъ этого члены приказовъ (хотя-бы вполнѣ административныхъ) всегда именовались судьями. Въ системѣ приказовъ смѣшивались три основанія для дѣленія органовъ: по роду дѣлъ, по классамъ лицъ и по территоріальнымъ районамъ. А потому подданные нерѣдко вовсе не знали, какому приказу они подвѣдомы по тому или другому дѣлу.—Во втор., въ вѣдомствѣ каждаго отдѣльнаго приказа заключалось множество разнородныхъ функцій: почти каждый приказъ, кромѣ своего спеціальнаго вѣдомства, получалъ, ради содержанія (въ кормленіе), нѣсколько городовъ, которые онъ и вѣдалъ во всѣхъ отношеніяхъ. Примѣръ смѣшенія дѣлъ представляетъ *приказъ тайныхъ дѣлъ* (который, кромѣ тайнаго надзора, вѣдалъ гранатное дѣло, царскую потѣху—соколовъ, ястребовъ и пр.). Какъ этотъ прик., такъ и

челобитный (для пріема прошеній, поданныхъ на имя государя), извѣстный съ 1571 г., мы ставимъ внѣ системы прочихъ приказовъ, какъ зависѣвшіе непосредственно отъ царя. Искусственно систему приказовъ можно представить въ такомъ порядкѣ.

а) *Органы дворцово-финансоваго управленія.* 1) Приказъ большаго *дворца* (въ отличіе отъ удѣльныхъ „дворцовъ"), завѣдывалъ тѣмъ-же, что прежде вѣдалъ дворецкій: содержаніемъ дворца и тѣми людьми и мѣстностями, которые доставляли это содержаніе (таковы дворцовыя села и оброчныя имущества, Московскія ремесленныя слободы, приписанныя къ дворцу для работъ). Но дворецкій (а потомъ и приказъ б дворца) судилъ и тѣхъ привилегированныхъ лицъ, которыя в. князь освобождалъ отъ суда обыкновенныхъ органовъ (преим. духовенство). Прик. б. дворца упоминается съ 1547 г., но слѣды его есть въ 1501 г. Ему подчинены дворы. Кормовой, Хлѣбенный, Житный и Сытенный. Вѣдомство конюшаго перешло въ *приказъ конюшенный* (конюшен. дьяки упомин. съ 1553 г.). Къ собственно дворцовому вѣдомству относятся прик.: *ловчій*, *сокольничій*.—2) Изъ вѣдомства казначея образуется *прик. большой казны*, именно для управленія прямыми доходами государства—податями и людьми податными (неслужилыми гостями и торговыми людьми). Онъ упоминается со времени Іоанна IV. Отъ него зависѣли: денежный (монетный) дворъ и горное вѣдомство. 3) *Пр. большаго прихода* вѣдаетъ косвенные налоги государства (торговыя пошлины, мосты, перевозы и мостовщину). Упоминается съ 1573 г.—4). Впослѣдствіи возникъ *пр. счетныхъ дѣлъ* (упом. съ 1657 г.), т. е. вѣдомство контроля.

б) *Органы военнаго управленія*: 5) въ то время, когда все войско состояло лишь изъ дворянскихъ и народныхъ ополченій, все военное управленіе сосредоточивалось въ *Розрядѣ*, вѣдомство котораго, впрочемъ простиралось и на другія отрасли государ. службы (по назначенію лицъ къ должностямъ), но преимущественно онъ вѣдалъ дворянъ какъ военно-служилый классъ, дѣла по укрѣпленію городовъ и пограничныя мѣстности (сѣвер. Украйны). Розрядные дьяки упоминаются до 1535 г., но самый приказъ извѣстенъ съ этого года.—6) Съ устройствомъ постояннаго войска—стрѣльцовъ (первонач. при Вас. Іоан., окончательно при Грозномъ)—является *Стрѣлецкая изба* (упомин. во времена Іоанна IV; а подъ именемъ стрѣл. прик. съ 1601 г.); затѣмъ приказы: 7) *козачій* (упом. съ 1618 г.) и 8) *рейтарскій* пр. (съ 1651 г.); 9) *иноземскій* (начало котораго относятъ ко врем. Ѳед. Іоанн.) для завѣдыванія служилыми иноземцами; 10 и 11) *оружейный* и *бронный* приказы для завѣдыванія и приготовленія холоднаго оружія (начало ихъ относятъ къ XVI в.) и 12) *пушкарскій* пр. (упом. съ 1582 г.) для завѣдыванія артиллеріею.

в) *Органы судебно-административные*. Хотя всѣ приказы вѣдали (какъ сказано) и судъ надъ лицами имъ подчиненными, но были и такіе, преиму-

щественное значеніе которыхъ заключалось въ судѣ; таковы: 13) *помѣстный* пр. (упомин. дьяки, которымъ приказаны помѣстныя дѣла, съ 1566 г.; названіе Помѣстной избы—съ конца царств. Грознаго); онъ вѣдалъ раздачу и переходъ помѣстій и вотчинъ и тяжебныя дѣла объ этихъ имуществахъ. 14) *Холопій* пр. (извѣстн. съ 1500 г.); онъ вѣдалъ укрѣпленіе и освобожденіе холоповъ и тяжебныя дѣла о холопствѣ. 15) *Разбойный* пр. (извѣстн. съ 1539 г.—съ начала возникновенія губныхъ учрежденій); ему принадлежали уголовно-полицейскія дѣла по искорененію разбоевъ, уголовный судъ, тюрьмы и утвержденіе выборныхъ губныхъ властей. 16) Городъ Москва не имѣлъ общегородскаго органа самоуправленія, который замѣнялся тамъ *земскимъ приказомъ* (иногда двумя), вѣдавшимъ въ судебномъ и полицейскомъ отношеніи тяглое населеніе города. Зем. прик. упоминается съ 1579 г. (см. подробнѣе о вѣдомствахъ приказовъ: холопьяго, земскаго и помѣстнаго въ Христом. по ист. рус. пр. вып. III).

г) *Органы центрально-областнаго управленія.* При присоединеніи удѣловъ къ Москвѣ, ихъ центральныя учрежденія (дворы) переносились въ Москву, сохраняя за собою тотъ же районъ вѣдомства. Такимъ образ. въ Москвѣ возникли учрежденія, мѣстныя по району дѣятельности и центральныя по степени власти, а именно сначала три (т. н. *трети*), а затѣмъ 4, отчего и приказы названы четвертями,—которыхъ къ XVII в. образовалось уже 5 и даже присоединена 6-я (новая); 17) еще по присоединеніи Нижняго Новгорода, въ Москвѣ составилось (вѣроятно) особое управленіе для этой области, которое затѣмъ перешло въ четверть *Нижегородскую* (извѣстн. со врем. Іоанна IV); сюда-же присоединено и управленіе В. Новгородомъ, Пермью и Псковомъ послѣ ихъ завоеванія. 18) Для управленія присоединеннымъ В. Устюгомъ образовано особое вѣдомство, поручаемое сначала дьякамъ и называемое по ихъ именамъ („четверть дьяка Петелина“ и т. д.), а затѣмъ постоянное учрежденіе—*Устюжская четверть* (съ присоединеніемъ къ ея вѣдомству разныхъ городовъ въ другихъ частяхъ государства). Тоже надо сказать о 19—21) четвертяхъ: *Костромской* (упомин. съ 1627 г.), *Галицкой* (упом. съ 1606 г.) и *Владимірской* (упом. съ 1629 г.); послѣдняя вѣдала гор. Владиміръ и вел. кн. Тверское и Рязанское. Къ упомянутымъ четвертямъ присоединена потомъ 22) *новая четверть* (упом. съ 1597 г.), но съ вѣдомствомъ чисто-финансовымъ (по питейному доходу), безъ всякаго областнаго характера. Вѣдомство прочихъ четвертныхъ приказовъ было преимущественно—финансовое, такъ какъ вѣдомство Большаго прихода и Большой казны простиралось собственно на древнее княжество Московское. Но подобно какъ и въ этихъ послѣднихъ приказахъ,—и въ четвертяхъ вѣдомы были судомъ и лица, доставлявшія доходъ государству, т. е. податные классы. 23—26) Четыремъ основнымъ четвертямъ соотвѣтствуютъ четыре *судныхъ приказа: Московскій, Володимірскій, Дмитровскій и Рязанскій.*

Они вѣдали судомъ служилыхъ лицъ („служилые люди судомъ вѣдомы въ судныхъ приказахъ, а посадскіе люди въ четяхъ“: П. С. Зак. № 67; ср. Котоших. VII, 32). Всѣ 4 судн. приказа упоминаются во времена Ѳеодора Іоанн.; но два послѣднихъ исчезаютъ въ XVII в. 27) Завоеваніе Смоленска при Вас. Іоанн. подало поводъ къ возникновенію разряда или прик. *княжества Смоленскаго* (упомин. съ 1564) 28) Завоеваніе Казани вызвало учрежденіе *Казанской избы* или *Казанскаго дворца* для управленія царствами Казанскимъ, Астраханскимъ, понизовыми городами и инородцами Волжскими и южно-уральскими. 29) По завоеваніи Сибири, именно въ 1596—99 гг., управленіе дѣлами ея ввѣрено особому дьяку и образовалась *Сибирская четверть*, затѣмъ переименованная въ *приказъ*. 30) Сношенія съ Малороссіею о присоединеніи ея вызвали особое учрежденіе при посольскомъ прик. (съ 1649 г.), а затѣмъ самостоятельный *Малороссійскій приказъ* (1663).

д) *Органы спеціальныхъ вѣтвей управленія*. 31) Весьма рано для иностранныхъ сношеній при бояр. думѣ образовано вѣдомство посольскаго дьяка, преобразовавшееся потомъ въ *посольскую палату* (упом. съ 1567), затѣмъ въ *приказъ* (съ 1601). Кромѣ своего главнаго вѣдомства, этотъ приказъ вѣдалъ иностранцевъ (неслужилыхъ), нѣкоторыя пограничныя и новоприсоединяемыя страны (Донскихъ козаковъ), почтовое вѣдомство и нѣсколько городовъ, приписанныхъ къ нему для кормленія (Чердынь и пр.). 32). Самое отправленіе почтовой гоньбы подлежало вѣдомству *ямскаго пр.* (упом. съ 1516). 33) *Каменный пр.* (съ царств. Ѳед. Б. Годунова) завѣдовалъ каменными работами и каменщиками въ цѣломъ государствѣ. 34) *Приказъ книгопечатнаго дѣла* (со вр. Грознаго: начало книгопечатанія относится къ 1553 г.) вѣдалъ печатный дворъ. 35) Для управленія медицинскою частію былъ учрежденъ (около 1620 г.) *аптекарскій прик. или палата*. 36) *Печатный пр.* удостовѣрялъ правительственные акты приложеніемъ къ нимъ печати.

е) *Органы государственно-церковнаго управленія*. Кромѣ собственно-церковныхъ приказовъ (патріаршій разрядъ, приказъ церковныхъ дѣлъ, патріаршій дворъ), для суда надъ самими церковными властями былъ учрежденъ земскимъ соборомъ 1648—9 г. 37) *Монастырскій пр.* и дѣла этого рода изъяты изъ вѣдомства большаго дворца.

Общее число приказовъ опредѣляется различно (42—47); но иногда къ органамъ управленія неправильно причисляются хозяйственно-промышленныя заведенія (въ которыхъ, конечно, всегда бываетъ и свое управленіе), напр.: прик. золотаго и серебрянаго дѣла, царская и царицына мастерскія палаты и нѣк. др. Иногда перечисляются временные приказы (скоро исчезавшіе), напр. Литовскій, панскій, Лифляндскій. Иногда на ряду съ главными управленіями перечисляются ихъ вѣтви. По приведенному выше счету мы

принимаемъ 37 самостоятельныхъ приказовъ. кромѣ двухъ, поставленныхъ нами внѣ системы.

Все множественное разнообразіе органовъ управленія начали приводить къ большей простотѣ еще при Алексѣѣ Мих., а особенно при Ѳеод. Алексѣевичѣ. Тогда (1680 г.) соединены приказы рейтарскій и иноземскій; этому же управленію подчинены и прочія военныя дѣла, бывшія въ вѣдомствѣ другихъ приказовъ, что̀, подъ главнымъ надзоромъ Розряда, составляло какъ бы военное министерство. Около того-же времени (1677—1685 гг.) соединены Московскій и Владимірскій судные приказы съ челобитнымъ и холопьимъ въ одно судебное вѣдомство. Въ томъ-же 1680 г. соединены (временно): Новгородская и Галицкая четверти съ Больш. приходомъ, въ одно финансовое вѣдомство. Почти всѣ областные приказы стояли подъ вѣдѣніемъ посольскаго приказа. Но такія соединенія иногда были личными (т. е. нѣсколько приказовъ подчинялись одному лицу), и отдѣльность приказовъ легко возстановлялась опять.

Внутренняя организація приказовъ, подобно системѣ ихъ, складывалась также исторически. Самый приказъ возникалъ изъ личнаго порученія тогда, когда къ одному управляющему придавался дьякъ и заводилась канцелярія. Иногда, при сложности управленія, управляющему придавались товарищи— одинъ или нѣсколько. Отсюда составъ присутствія въ прик. *(судьи)* былъ неодинаковъ: ихъ было 3, 2 или 1. Одинъ изъ нихъ былъ главнымъ судьею, обыкновенно изъ числа членовъ думы, но иногда и стольникъ или дворянинъ; товарищами были б. ч. думные или простые дьяки. Даже въ случаѣ множественности членовъ, присутствіе не составляло коллегіи и дѣла рѣшались не по большинству голосовъ. Важнѣйшая часть приказа есть его канцелярія—*подъячіе*, въ рукахъ которыхъ находилось фактически все управленіе государствомъ и которые крайне злоупотребляли своимъ положеніемъ, благодаря отсутствію высшаго и средняго образованія и недостаточности опредѣленія въ законѣ условій госуд. службы. Канцелярія раздѣлялась на *столы* и *повытья* (сообразно съ родами дѣлъ или вѣтвями управленія).

2) Мѣстное управленіе.

Отношенія центральнаго правительства къ мѣстному, какъ видно изъ существованія областныхъ приказовъ, было неопредѣленно и неясно: какъ въ центральномъ правительствѣ могли быть областныя учрежденія, такъ и въ областяхъ могли быть намѣстники съ судомъ боярскимъ, т. е. съ властію центральнаго правительства.

Исторія Московской провинціи (уѣзда). Уѣздъ Моск. государства *составился* или изъ прежнихъ частей земли—пригородовъ (I-го періода), или изъ цѣлыхъ земель, присоединенныхъ къ новому государству, или изъ завоеван-

ныхъ не-русскихъ царствъ. Отсюда и наименованія провинціи различны: уѣздъ, земля, царство. Первоначальныя условія присоединенія земель оставляли провинціи почти въ ея прежней цѣлости; отсюда неравенство Московскихъ уѣздовъ, изъ которыхъ нѣкоторые заключали въ себѣ одинъ городъ съ пригородомъ; другіе состояли изъ нѣсколькихъ городовъ съ однимъ главнымъ. Но цѣльныя земли потомъ постепенно подвергались разложенію на ихъ составныя части, которыя дѣлались непосредственными провинціями государства; выдѣляемы были болѣе значительныя *волости* въ особое управленіе. Наконецъ создаваемы были и искусственныя единицы: *станы, трети четверти*, которыя, впрочемъ, мало имѣютъ значеніе въ исторіи провинціи.— Къ концу XVI вѣка понятіе уѣзда взяло перевѣсъ надъ единицами болѣе крупными (землями) и болѣе мелкими (волостями); границы уѣздовъ опредѣлены межевщиками (Ак. Өед.-Чех. I, № 83). При первоначальномъ присоединеніи, землямъ оставляема б. нѣкоторая самобытность; такъ въ Новгородской землѣ и послѣ присоединенія, судъ, военная повинность и финансы оставлены были отдѣльные; обыкновенно присоединеннымъ землямъ оставлялось и ихъ обычное право и законы.—Но тотчасъ принимаемы были *мѣры относительно состава населенія* провинцій: именно, высшіе классы стараго населенія выводились, а въ замѣнъ его вводилось новое или изъ центра государства, или изъ новыхъ другихъ провинцій: въ 1479 г. выведено изъ В. Новгорода болѣе 100 семействъ дѣтей бояр. и купцовъ, которые поселены во Владимірѣ, Муромѣ, Нижн. Новгородѣ и др.; вскорѣ еще болѣе 7000 семействъ переселено оттуда же въ Низовую землю; на мѣсто выселенныхъ испомѣщены Московскіе дѣти боярскіе; подобные-же выводы произведены въ 1484, 1487 и въ 1488 гг., когда выведено 7000 житьихъ людей, а въ 1489 г. остальные житьи люди. Въ 1510 г. в. кн. Василій „лутчимъ людемъ (Псковичамъ) велѣлъ ѣхати къ Москвѣ жити". Въ 1489 г. „воеводы в. князя розвели Вятку *всю*" (по другимъ извѣстіямъ—лучшихъ людей); переселенцы испомѣщены въ Боровскѣ, Алексинѣ и пр. Герберштейнъ пишетъ: „для того, чтобы Рязянцы не сдѣлали когда-нибудь возстанія, вел. князь распредѣлилъ значительную ихъ часть по разнымъ колоніямъ; этимъ обезсилено было все княжество". Населеніе восточныхъ царствъ выводимо было въ меньшихъ размѣрахъ; за то внутрь ихъ вводились военныя колоніи.—Составомъ провинціи и ея населенія опредѣляется исторія мѣстнаго управленія.

Исторія мѣстнаго управленія дѣлится на три эпохи: а) время дѣйствія *системы кормленія*, т. е. управленія чрезъ *намѣстниковъ* и *волостелей* (до пол. XVI в.); б) время дѣйствія *самоуправленія* (отъ пол. XVI в. до нач. XVII в.); в) время дѣйствія *приказно-воеводскаго управленія* въ соединеніи съ самоуправленіемъ (XVII в.).

а) *Система кормленія.* По присоединеніи новаго удѣла или княжества, въ замѣнъ прежнихъ князей, назначались намѣстники съ властію, анало-

гичною прежней—княжеской; именно здѣсь видѣнъ тотъ-же вотчинно-государственный характеръ власти. *Назначеніе* намѣстникомъ именуется „пожалованіемъ“ („пожаловалъ есми гор. Володиміромъ“: А. Ист. I, № 110). Такое пожалованіе могли получить въ бывшемъ своемъ удѣлѣ и прежніе мѣстные князья (напр. Ростовскіе). Съ подобною же властію получали провинціи служилые цари татарскіе (въ Каширѣ и Касимовѣ). Въ послѣднихъ случаяхъ (при пожалованіи князей и царей) власть правителя передавалась наслѣдственно. Но и должность простыхъ намѣстниковъ жаловалась нерѣдко преемственно лицамъ одной и той-же фамиліи (примѣромъ можетъ служить кормленіе Мещерою въ родѣ Протасьевыхъ отъ нач. XV до конца XVI в.; см. Ак. Юрид. № 161), но такое преемство власти, не есть, однако, наслѣдственность; пожалованіе каждый разъ зависитъ отъ воли царя.—Въ большей части другихъ случаевъ пожалованіе намѣстничествомъ было *краткосрочное* (до трехъ лѣтъ).—Частный характеръ власти ограничивался далѣе соучастіемъ въ управленіи однимъ городомъ двухъ намѣстниковъ, или въ волости двухъ волостелей (Суд. 1497 г. ст. 65).—*Цѣль назначенія* намѣстника—двоякая: частная—кормленіе и государственная—управленіе (въ 1499 г. одинъ изъ Костромскихъ намѣстниковъ—Захарьинъ жаловался Іоанну III, что на Костромѣ ему съ другимъ—бояриномъ Судимонтомъ „сытому не быть“,—и затѣмъ переведенъ во Владиміръ). Но провинція отдавалась не въ полное частное пользованіе: *кормъ* былъ опредѣленъ таксою въ уставныхъ грамотахъ для каждаго уѣзда и въ книгахъ центральнаго правительства (Суд. цар. 26). Онъ состоялъ изъ: „взъѣзжаго корма“ (при въѣздѣ намѣстника на кормленіе), періодическихъ (натуральныхъ или денежныхъ) поборовъ два или три раза въ году (на Рождество, Пасху и Петровъ день), пошлинъ торговыхъ (съ иногороднихъ купцовъ), судебныхъ пошлинъ и наконецъ—брачныхъ („выводной куницы“). За превышеніе таксы корма намѣстнику угрожаетъ наказаніе.—*Составъ подчиненныхъ органовъ намѣстничьяго управленія* также носитъ частно-государственный характеръ: намѣстникъ отправляетъ судъ чрезъ своихъ холоповъ—*тіуновъ* и *доводчиковъ*, между которыми дѣлитъ станы и деревни уѣзда, но отвѣтственность за дѣятельность ихъ падаетъ на него самого. Число тіуновъ и доводчиковъ равно и срокъ ихъ службы опредѣляется уставными грамотами (см. Бѣлоз. уст. гр. 1488 г., ст. 3 и 5); закономъ опредѣляется, чтобы они при разъѣздахъ по уѣзду не отягощали населенія лишними лошадьми и людьми и долговременными остановками (ibid. 4), чтобы не брали своихъ поборовъ на-мѣстѣ—въ станахъ, а получали въ городѣ изъ рукъ соцкаго.—Не всѣмъ намѣстникамъ представлялась одинаковая *компетенція*: были намѣстники „съ судомъ боярскимъ“ и „безъ боярскаго суда“ (Суд. 1497 г. ст. 38 и 43); первые рѣшали дѣла по холопству (укрѣпленіе и освобожденіе) и уголовныя окончательно, вторые обязаны были отсылать ихъ къ докладу въ

Москву.—На неправильныя дѣйствія намѣстника населенію дается право жалобы в. князю. *Районъ власти* намѣстника простирается не на всѣ составныя части уѣзда. лица обѣленныя (служилые люди, церковныя учрежденія, „слободы“ и дворцовыя вотчины) обыкновенно освобождаются отъ власти намѣстника вполнѣ или частію. Эти т. н. на западѣ иммунитеты, а въ Моск. госуд. *тарханы*, были уничтожены лишь въ XVI в., но далеко не вполнѣ.

Главное значеніе намѣстничьяго управленія заключалось въ приведеніи провинціи въ связь съ государствомъ,—а не во внутреннемъ управленіи провинціи. Для послѣдней цѣли въ каждомъ уѣздѣ была своя *выборная система органовъ самоуправленія*, такая-же, какъ и въ I пер., именно. *соцкіе* и *старосты*; иногда въ провинцію подолгу не назначаемы были намѣстники, между тѣмъ управленіе шло; такъ въ Двинской землѣ 1538—1541 г. не было намѣстниковъ, „а были соцкіе, и жалованныя грамоты и всякіе указы и судебники присыланы на ихъ имя“ (Двин. лѣтоп.). И при наличности намѣстниковъ управленіе налогами и полиціею находится въ рукахъ выборныхъ (см. Двин. грам. 1397 г. ст. 1, въ Уст. Онежской грам. читаемъ. скомороховъ „старосты и волостные люди вышлютъ вонъ“). Они-же участвуютъ въ судѣ вмѣстѣ съ намѣстникомъ: „намѣстникомъ и ихъ тіуномъ безъ соцкихъ и безъ добрыхъ людей не судити судъ“ (А. А. Э. I, 123, сл. Суд. 1497 г. ст. 38 и Суд. цар. ст 62), протоколы суда пишутся земскимъ дьякомъ (Суд. ц. ibid.). Въ подраздѣленіяхъ провинціи были выборные подчиненные органы (пятидесятскіе, десятскіе).

б) *Земское самоуправленіе XVI в.* Въ XVI в. провинціи до нѣкоторой степени срослись уже съ государствомъ; а въ самомъ государствѣ сознается уже потребность чисто-государственнаго управленія. Это привело сначала къ учрежденію спеціальныхъ органовъ самоуправленія рядомъ съ намѣстниками (губныя учрежденія), а потомъ—къ полной отмѣнѣ намѣстничьей власти и къ введенію общаго земскаго самоуправленія (земскія учрежденія).

Губныя учрежденія. Кормленщики, преслѣдуя свои частныя цѣли, не обращали вниманія на благоустройство провинціи, а выборныя власти были стѣснены въ своихъ дѣйствіяхъ присутствіемъ власти намѣстника; тогда количество преступленій, особенно разбоевъ, возросло до крайней степени („сами межъ собя безъ нашего вѣдома обыскивати и имати разбойниковъ не смѣете“, пишетъ вел. князь жителямъ провинцій см. Бѣлозер. губн. грам. 1539 г.). Тогда, по просьбѣ самаго населенія, съ 30-хъ годовъ XVI в. въ каждомъ уѣздѣ устанавливаются выборныя губныя власти для преслѣдованія разбойниковъ и суда надъ ними. *Округами* губными сначала были волости; но затѣмъ въ каждомъ уѣздѣ устанавливается одно губное вѣдомство. Губныя вѣдомства иногда устанавливались въ отдѣльныхъ частныхъ вотчинахъ (напр. Троицкаго монастыря). Губныя власти суть: *губной староста*

(сначала нѣсколько на уѣздъ), избираемый изъ дворянъ или дѣтей боярскихъ грамотныхъ; при немъ *старосты, десятскіе и лучшіе люди*—человѣкъ 5 или 6. Впрочемъ эти послѣдніе уже были и при намѣстничьемъ управленіи; впослѣдствіи они замѣнены *цѣловальниками*; при нихъ—*губной дьякъ*. Всѣ вмѣстѣ эти власти составляютъ одно учрежденіе—*губную избу*.— Для общихъ обысковъ устраиваются періодическіе *съѣзды* всѣхъ классовъ уѣзда: князей, дѣтей боярскихъ, духовныхъ лицъ и крестьянъ. На такихъ съѣздахъ происходятъ и выборы упомянутыхъ властей; а именно: губнаго старосту и дьяка избираютъ всѣ классы; а губныхъ цѣловальниковъ—сошные люди (см. Уст. кн. Разб. Прик. ст. 56—58). Участіе въ избраніи было обязательно для избирателей, ибо они отвѣчали за избранныхъ предъ правительствомъ. Власти избирались сначала безсрочно; но въ XVII в. велѣно перемѣнять цѣловальниковъ погодно (А. А. Э. III, № 210). Компетенція губныхъ властей простирается на уголовную полицію (поимку преступниковъ), судъ надъ разбойниками, а послѣ и надъ татями, убійцами и поджигателями и завѣдываніе тюрьмами.—Впослѣдствіи губныя учрежденія замѣняли собою все областное управленіе.

Земскія учрежденія. Въ XVI в. правительство рѣшилось покончить совсѣмъ съ началомъ кормленія; указъ 1555 г. ц. Іоанна IV говоритъ: „что напередъ сего жаловали есмя бояръ своихъ...—городы и волости давали имъ въ кормленіе,—и намъ отъ крестьянъ челобитья великія и докука была безпрестанная, что намѣстники... чинятъ имъ продажи и убытки великія. И мы, жалуючи крестьянство,.. намѣстниковъ, волостелей и праветчиковъ отъ городовъ и отъ волостей отставили;... велѣли есми во всѣхъ городахъ и волостяхъ учинити старостъ излюбленныхъ, кому межъ крестьянъ управа чинити“ (А. А. Э. I, 242; сл. Важскую уставн. грам. въ Христом. по ист. рус. права, вып. II, стр. 183, прим. 2). Реформа эта приведена была въ исполненіе повсемѣстно, кромѣ нѣкоторыхъ пограничныхъ городовъ, гдѣ намѣстничье управленіе непосредственно перешло въ воеводское; реформа вызвана просьбами самаго населенія. Въ замѣнъ намѣстничьяго корма установленъ оброкъ съ провинцій, получившихъ земскія учрежденія.—*Округи* этихъ учрежденій были разнообразны, именно: и цѣлые уѣзды, но б. ч. волости. Кругъ лицъ, на которыя они простираются, суть тяглые люди, посадскіе и крестьяне (въ земскихъ учрежденіяхъ совмѣщаются и муниципальныя—городскія) и лишь отчасти церковныя учрежденія (служилые люди, какъ мы видѣли, изъяты были и изъ намѣстничьей власти). Отъ этого земскія учрежденія были не вполнѣ пригодны для общаго самоуправленія провинцій. *Власти земскія* суть: *излюбленные головы*, впослѣдствіи повсюду именуемые *старостами* (сначала въ каждомъ округѣ нѣсколько, потомъ—одинъ), *земскій дьякъ* и *лучшіе люди* (цѣловальники въ различномъ числѣ отъ 10 до 2, именуемые также земскими судьями). Для полицейскаго управ-

ленія эти власти пользуются прежними выборными каждой общины. соцкими, пятидесяцкими. Избраніе совершалось на неопредѣленный срокъ; но населеніе всегда могло „перемѣнить“ выборныхъ (Уст. Двин. гр. 1556 г.).—Компетенція земскихъ властей простиралась на всѣ вѣтви управленія (полицейское, финансовое, экономическое) и суда; по дѣламъ уголовнымъ имъ предоставляется окончательное рѣшеніе даже дѣлъ, ведущихъ къ смертной казни.—Въ этомъ послѣднемъ родѣ дѣлъ земскія учрежденія должны были войти въ коллизію съ губными, которая разрѣшалась или тѣмъ, что земскія власти судятъ вмѣстѣ съ губными, или земскія власти вовсе не судятъ губныхъ дѣлъ, или губныя учрежденія перестаютъ дѣйствовать въ тѣхъ округахъ, гдѣ введены земскія учрежденія.

в) *Приказно-воеводское управленіе XVII в.* Въ нѣкоторые (преимущественно пограничные) города еще при намѣстникахъ назначаемы были и *воеводы* съ властію военнаго управленія, а также *дьяки* для управленія финансоваго; они оставались и въ эпоху земскаго самоуправленія. Такъ какъ эти лица вѣдали управленіе на государя, а не ради кормленія, то само населеніе еще при намѣстникахъ просило себѣ права судиться у воеводъ (въ В. Новгородѣ). Но всеобщее введеніе воеводъ въ уѣзды относится къ смутному времени: „при ц. Ѳедорѣ Иван. и при ц. Борисѣ по 113-й годъ (1606 г.)—по Ростригинъ приходъ... воеводъ не было; а были судьи и губные старосты и городовые прикащики“ (Разряд. росп. воеводъ во Врем. общ. ист. и др. 1849 г., кн. 3). Причина введенія воеводъ съ дьяками заключается въ томъ, что смутная эпоха обнаружила необходимость имѣть въ каждомъ городѣ военную власть, и сверхъ того такой органъ управленія, который-бы связывалъ провинцію съ центромъ и простиралъ свою власть на всѣ классы провинціальнаго общества (а не на однихъ тяглыхъ людей). Во время смутъ само населеніе составляло общесословныя собранія и общесословное управленіе и само избирало себѣ воеводу (примѣромъ можетъ служить Устюжна Желѣзнопольская въ 1609 г.).—Цѣль назначенія воеводъ—не кормленіе, а управленіе на государя; хотя воеводы по прежнему просятся „покормиться“, но это означаетъ уже не поборы, а госуд. жалованье; царь писалъ въ 1615 г. въ Бѣжец. Верхъ: „воеводамъ кормовъ не давать, въ томъ самимъ себѣ убытковъ не чинить“.—Воевода назначаемъ былъ государемъ и думою; но иногда само населеніе просило о назначеніи того или другаго лица или о продленіи власти прежняго воеводы.—Власть его была срочная и обыкновенно краткосрочная (1—2 года). Въ уѣздѣ управлялъ не всегда одинъ воевода: въ большихъ городахъ воеводъ бывало одновременно нѣсколько (напр. въ Астрахани 3—4, во Псковѣ 2—3); изъ нихъ одинъ былъ главный; въ меньшихъ городахъ было по одному воеводѣ; но въ томъ и другомъ случаѣ при воеводахъ въ товарищахъ были дьяки, или подъячіе „съ приписью“. Изъ этихъ лицъ составляется учрежденіе—*приказ-*

ная изба, иногда весьма сложная съ раздѣленіемъ на повытья. Но и здѣсь, какъ въ центральныхъ приказахъ, управленіе не было коллегіальнымъ.— Кругъ вѣдомства воеводъ опредѣлялся *наказами*, которые давались каждый разъ, но потомъ обобщены въ общую форму для каждаго города; по наказамъ воеводамъ предоставлялось: произвести ревизію управленія предшественника, вѣдать „городъ"—укрѣпленіе и другія средства обороны; иногда вести иностранныя сношенія (напр. Астрах. воевод.); вѣдать полицію, именно охранять безопасность и благочиніе (пресѣченіе преступленій, мѣры противъ пожара, охраненіе общественной нравственности); наконецъ судить.

Отношеніе власти воеводъ къ самоуправленію. Обѣ формы самоуправленія (губныя учрежденія и земскія) продолжали существовать рядомъ и въ XVII в., при воеводской системѣ управленія. По отношенію къ тѣмъ и другимъ, воеводѣ принадлежитъ право контроля безъ вмѣшательства въ ихъ сферу дѣятельности. Это и соблюдалось въ нач. XVII в. (см. Ак. гор. Шуи, № 16. донесеніе воеводы царю о злоупотребленіяхъ и небрежности губныхъ властей и донесеніе губныхъ властей на воеводу, что „онъ въ губные дѣла вступаетца". Сл. также наказъ 1672 г. Олонецкому воеводѣ „беречь накрѣпко, чтобъ мужики—горланы богатые... середнимъ и молодчимъ людемъ продажи не чинили и лишнихъ поборовъ... не сбирали"—въ Доп. къ Ак. ист. VI, № 56, III, 18, 67; IV, № 140). Но различіе надзора и управленія скоро утратилось: воеводы начали вмѣшиваться въ управленіе губное и земское.

По отношенію къ губнымъ властямъ: воевода дѣлается начальникомъ, а губные старосты его товарищами. Но такъ какъ чрезъ это власть губныхъ старостъ распространялась на всѣ вѣтви управленія, то правительство признавало по временамъ излишнимъ имѣть въ уѣздахъ двѣ однородныхъ власти и колебалось въ выборѣ одной изъ нихъ; такъ въ 1661 г. воеводы были повсюду отмѣнены и все управленіе поручено губнымъ старостамъ; напротивъ въ 1679 г., возвратившись къ воеводскому управленію, отмѣнили совсѣмъ губное. Съ 1684 г. обѣ власти опять сопоставлены, что́ и держалось до Петра В., при которомъ губное управленіе было уничтожено.

По отношенію къ земскимъ учрежденіямъ, воевода сдѣлался начальникомъ въ ихъ полицейской дѣятельности; но въ финансовомъ и экономическомъ управленіи земскія власти были совершенно независимы; воеводамъ запрещалось „въ денежные ихъ сборы и въ мірскіе дѣла вступаться и воли у нихъ въ ихъ мірскомъ окладѣ и въ иныхъ дѣлахъ отъимать.... (выборныхъ) не перемѣнять" (наказъ Чердын. воев. 1677 г. въ Ак. ист. V, № 16).

Городское самоуправленіе. Земскія учрежденія и въ XVII в. были всеуѣздными для тяглаго населенія. Но въ большихъ городахъ управленіе приближалось уже къ муниципальному: въ В. Новгородѣ исходнымъ пунктомъ

самоуправленія были собранія градскихъ людей (общіе сходы въ земской избѣ) для выборовъ и для рѣшенія текущихъ дѣлъ; постоянное управленіе состояло изъ 5 старостъ, выбраннымъ по концамъ города. Во Псковѣ управляла коллегія общегородскихъ старостъ. Но здѣсь была сдѣлана попытка къ установленію собственно муниципальнаго учрежденія, именно въ 1666 г., во время управленія воеводы Ордына-Нащокина; введенное тогда городское устройство весьма сходно съ магдебургскумъ устройствомъ нѣмецкихъ и польскихъ городовъ: общее собраніе гражданъ избираетъ 15 чел.—членовъ земской избы на 3 года; въ дѣйствительномъ управленіи ежегодно чередуются между собою пятеро изъ нихъ. Компетенція выборныхъ простирается на посадскихъ людей и монастырскихъ крестьянъ; низшія уголовныя дѣла разрѣшаются совмѣстно губными и городскими властями, высшія—воеводою. Но впослѣдствіи новый воевода (кн. Хованскій) уничтожилъ это самоуправленіе.

Общинное самоуправленіе. Вообще земское самоуправленіе не исключало отдѣльнаго самоуправленія общинъ, входившихъ въ составъ земства, или не входившихъ. Въ гор. Москвѣ, не имѣвшемъ общеземскаго самоуправленія, каждая сотня и слобода составляла самоуправляющуюся единицу. Тоже должно сказать о волостяхъ уѣздныхъ. Управленіе въ нихъ принадлежало не однимъ избраннымъ соцкимъ и старостамъ, но составляло цѣлое учрежденіе, именуемое *братскій дворъ*, куда собираются сходы членовъ общины—„лучшихъ людей“ весьма часто (б. ч. по воскресеньямъ) не для однихъ выборовъ, но для рѣшенія экономическихъ и даже судебныхъ дѣлъ (см. Забѣлина: „Опыты изуч. рус. древн. и исторіи“, ч. II, 168 и др.).

3) Финансовое управленіе.

Завоеваніе татаръ отразилось съ особенною силою на финансовомъ управленіи Россіи, какъ относительно прямыхъ налоговъ, такъ и пошлинъ.

а) *Прямые налоги—дань.* Съ завоеваніемъ татаръ подать опять превращается въ международную дань. Первоначально завоеватели хотѣли брать десятую часть всего,—въ томъ числѣ людей; но потомъ довольствовались деньгами. Единицею обложенія взята была по азіатскому обычаю—голова, т. е. введена подать *поголовная* (подушная) вмѣсто древней европейской—поимущественной; все населеніе было исчислено (что̀ повторялось приблизительно черезъ 17 л.; второе исчисленіе было въ 1257 г., 3-е въ 1275). „Число“ болѣе всего возмущало тогда русскихъ, какъ печать осквернения варварствомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ способъ взиманія введенъ былъ также азіатскій—откупъ. Возстанія народа (1290 г.) заставили татаръ обратиться къ русскимъ князьямъ и предоставить имъ сборъ дани, послѣ чего постепенно возстановлены національныя основанія податной системы, что̀ окончательно

установилось къ пол. XV в. (в. кн. Вас. Темный пишетъ въ своей духовной, что его наслѣдники должны послать писцовъ въ удѣлы и „обложить данью по сохамъ и по людямъ“). Отъ Іоанна III мы уже имѣемъ одну писцовую книгу (Вотской пятины).

Основаніемъ обложенія служили *писцовыя книги*, т. е. періодическіе кадастры государства, извѣстные со временъ Вас. Вас. Темнаго, но, конечно, производившіеся и раньше (см. А. А. Э. I, стр. 23, годъ 1435—1446). Они состояли: въ описаніи *земель* по количеству и качеству; населенныхъ мѣстъ, гдѣ исчислялись *дворы;* доходности земли *(урожайности);* повинностей въ пользу землевладѣльцевъ и мѣстныхъ властей; наконецъ сравнительной вѣдомости о прибыли или убыли доходовъ по сравненію съ прежнимъ описаніемъ.

Окладною единицею была *соха*, которая не есть поземельная мѣра, а условная единица измѣренія всякихъ имуществъ; въ *посошную подать* входилъ поземельный, подворный и промысловый налогъ. Въ отношеніи къ землѣ, соха включала въ себѣ въ помѣстьяхъ и вотчинахъ хорошей земли 800 четвертей, средней—1000, худой—1200; такое большое количество земли въ сохѣ на этихъ земляхъ объясняется тѣмъ, что помѣстья и вотчины обложены наименьшимъ окладомъ. По мѣстностямъ и по другимъ родамъ имуществъ эти цифры измѣнялись: на черныхъ земляхъ (податныхъ по преимуществу) въ соху включалось самое меньшее количество четвертей (500—600—700); въ монастырскихъ и дворцовыхъ среднее: 600, 750, 900. Въ городахъ соха включала въ себѣ извѣстное число дворовъ (лучшихъ 40, среднихъ 80, молодчихъ—160; въ слободахъ—320, бобыльскихъ 960). Относительно промысловъ, напр. „црѣнъ“ (солеваренная сковорода), „вѣзъ“ (рыболовная перегородка въ рѣкѣ) примѣняются къ сохѣ (смотря по прибыльности).

Основная окладная единица—соха въ XVII в. (1679 г.) замѣнилась другою—*дворомъ* и подать становилась *подворною* (ук. 1679 г. сл. Ак. Ист. V, №№ 38, 39, 48, 49, 77). Но этимъ означалось лишь исчисленіе подати, слѣдующей съ извѣстнаго города, волости или вотчины; разложеніе-же ея по плательщикамъ дѣлалось „смотря по пожиткамъ и по промысламъ“; не смотря на то переходъ отъ посошной подати къ подворной встрѣчалъ противодѣйствіе въ населеніи.

Рядомъ съ указанными, въ XVII в. существовалъ и чисто-*подоходный* налогъ (для податей чрезвычайныхъ); именно „пятая“ или „десятая деньга“ (20%—10%) и 15-я деньга, на особенныя военныя нужды разстроеннаго государства; впослѣдствіи она сдѣлалась постоянною добавочною къ посошной съ торговыхъ людей.

Наконецъ *поголовная* подать существовала лишь для восточныхъ инородцевъ, это—*ясакъ* (Ак. Ар. Э. II, 75 и др.).

Величина и роды податей. Кромѣ общей дани, постепенно возникали новые налоги по мѣрѣ возрастанія госуд. потребностей, а именно: *ямскія деньги* (на содержаніе „ямовъ“—почтъ) по 10 рублей и болѣе на соху (въ XVI в.); *стрѣлецкая* дань (натурою и деньгами); *оброкъ* за отмѣну намѣстничьяго корма; *полоняничныя* деньги и т. п.

Лица, подлежащія обложенію. Податными классами были собственно—тяглые люди (посадскіе люди и черныя волости). Но и имѣнія служилыхъ людей и церковныхъ учрежденій далеко не всѣ были обѣлены. Вполнѣ обѣлены были только самыя лица служилыхъ и духовныхъ людей. Хотя въ древнѣйшее время давалось полное обѣленіе, такъ что обѣленныя имущества не подвергались и описи; но освобожденіе давалось отъ бывшихъ, но не отъ будущихъ налоговъ. Тарханы предположено уничтожить при Іоаннѣ IV; полное уничтоженіе ихъ относится къ 1672 г. Экстраординарные налоги вообще простирались на всѣ классы. Въ 1620—21 г. это распространено и на ямскія деньги и стрѣлецкій сборъ. Вообще крестьянское населеніе и частныхъ вотчинъ и помѣстьевъ признано также податнымъ.

Способъ взиманія податей. Внутренняя раскладка и взиманіе податей производились самими землствами; для этого населеніе избирало *окладчиковъ*, которыхъ задачею было: „обложить и собирать тѣ денги..., чтобы богатые и полные люди передъ бѣдными во лготѣ, а бѣдные передъ богатыми въ тягости не были“. Для этого составляются „окладныя книги“, за подписью земскихъ властей и окладчиковъ (А. И. V, № 48). Для взиманія экстраординарныхъ налоговъ избирались въ городахъ спеціальные окладчики изъ лучшихъ, среднихъ и молодчихъ людей, которые приводимы были къ присягѣ въ соборной церкви; окладчики отбираютъ письменныя показанія у посадскихъ и торговыхъ людей о ихъ движимомъ имуществѣ, о лавкахъ, заводахъ и промыслахъ; при неправильномъ показаніи плательщика, окладчики опредѣляютъ его доходъ сами „по розыску“ (Ак. ист. V, № 23).

б) *Косвенные налоги и пошлины*, возникшія въ I пер. изъ цѣлей благоустройства, именно: *вѣсъ*, *мѣра* и *мытъ*, остаются и въ Московскомъ государствѣ. Но завоеваніе татаръ и здѣсь произвело совершенный переворотъ: наравнѣ съ „числомъ“, столь-же ненавистна была и татарская *тамга*, т. е. торговая и провозная пошлина, имѣющая чисто-фискальное значеніе; изъ нея возникли безчисленные частные виды пошлинъ: *поворотное* (при ввозѣ товаровъ въ гостиный дворъ), *гостиное* (за помѣщеніе ихъ въ этомъ дворѣ), *анбарное* (за помѣщеніе въ закрытомъ хранилищѣ), *порядное* (при покупкѣ товаровъ изъ гостинаго двора вълавки), *отвозъ* (при вывозѣ товаровъ изъ города), *свальное* (при выгрузкѣ соли), *явка* (при объявленіи о прибытіи товара), *подъемное* (при свозкѣ сваленной на берегу соли въ склады), *поплашное* (при продажѣ лѣсу и дровъ); *привязная пошлина* и *роговая* (при продажѣ скота; это „тамга“ въ тѣсномъ смыслѣ); *пятно* при куплѣ-про-

даже лошадей) и мн. др. Торговый уставъ 1653 г. и Уст. Грам. 1654 г., отмѣнивъ всѣ эти пошлины, ввели торговый налогъ по 10 ден. съ руб. съ продавца. Новоторговымъ устав. 1667 г. опредѣлены внѣшнія таможенныя пошлины.

Способъ взиманія пошлинъ, введенный татарами, былъ *откупъ*, постепенно уступавшій потомъ мѣсто взиманію чрезъ выборныхъ людей (таможенныхъ головъ и цѣловальниковъ).

в) *Регаліи.* Единственною регаліею Москов. госуд. надо считать *питейную*. Приготовленіе и продажа пива, меду и вина (водки) принадлежало исключительно правительству; общины и частныя лица получали, въ видѣ милости, право варить для себя питье въ извѣстные дни (праздники, свадьбы и т. п.). Число кабаковъ и мѣсто-нахожденія ихъ было ограничено, а также и количество потребляемаго вина однимъ лицомъ (по 1 чаркѣ). Управленіе этою регаліею ввѣрялось также общинамъ, которыя избирали „вѣрныхъ головъ и цѣловальниковъ“ на кружечные дворы и отвѣчали за недоборъ и злоупотребленія выбранныхъ. Общее управленіе кружечными дворами сосредоточивалось въ приказѣ Новая Четверть.

Количество госуд. доходовъ. Въ концѣ XVI в. по свидѣтельству Флетчера весь доходъ Моск. государства равнялся 1,430,000 р. (прямые налоги 400 т., косвенные болѣе 800 т.). Въ половинѣ XVII в. (по Котошихину) общій доходъ состоялъ изъ 2,229,000 р. (въ томъ числѣ отъ Сибирскихъ мѣховъ 600 т., таможенныхъ доходовъ—500 т., кружечныхъ—100 т., судебныхъ пошлинъ 15 т.).

4) Военное управленіе.

Какъ въ I пер., такъ и въ Москов. государствѣ вначалѣ было только два рода войскъ: народное ополченіе (пѣхота) и служилые люди—дворяне и дѣти боярскіе (конница). Съ полов. XVI в. вводятся разныя системы по стоянныхъ войскъ (различныхъ оружій).

а) *Народное ополченіе и посошная служба.* Въ началѣ періода (въ XIV в.) ополченіе по древнему обычаю собиралось поголовно (въ Мамаевомъ побоищѣ будто-бы участвовало до 400 т. рус. ратниковъ); даже въ XV в. въ отдаленныхъ походахъ (на Казань въ 1470 г.) участвовали „сурожане, суконники, купецкіе люди и всѣ Москвичи, по ихъ силѣ“. Но съ XV в. отправленіе этой повинности приводится къ опредѣленной системѣ,—именно къ *посошной службѣ:* поставка ополченцевъ (какъ и всѣ другія повинности) разложена на сохи (съ духовенства, черныхъ людей, крестьянъ монастырскихъ и церковныхъ и съ вотчинъ и помѣстій такихъ лицъ, которыя сами не могутъ явиться на службу); на мѣстѣ происходитъ „разрубка ратниковъ“; количество ратниковъ съ сохи опредѣляется каждый разъ особо—по мѣрѣ надобности (въ 1480 г.—по коню и по человѣку съ 4-хъ

сохъ; въ 1495 г.—съ 10 сохъ; бобыльскія сохи ставили только пѣхотинцевъ). Иногда вмѣсто сохъ эта повинность распредѣлялась по дворамъ (въ 1545 г. въ Новгородѣ—по 1 коннику съ 3 двор. не тяглыхъ и съ 5 тяглыхъ; съ гостиныхъ—съ каждаго двора по 1-му, съ суконническихъ—съ двухъ—1-го).—Общее число „посохи“ въ цѣломъ государствѣ въ каждомъ случаѣ было весьма различно (въ Полоцкомъ походѣ при Іоаннѣ IV было 80,900 чел. посохи) Сроки службы посошныхъ людей въ XVII в. были опредѣляемы заранѣе—при призывѣ (напр. въ 1633 г.—1 годъ; въ 1637 г.—8 мѣсяцевъ и т. п.).—*Содержаніе ополченія* и вооруженіе доставлялось тѣми-же сошными людьми. Псковичи въ Полоцкій походъ давали по 5 р. конникамъ, а пѣшимъ—по 2; иногда отпускали кормъ натурою (тѣ-же Псковичи въ 1535 г.); каждому пищальнику „сохи“ должны были дать по ружью и по 12 ф. пороху и свинцу (порохъ производили земскіе люди сами), они-же должны были поставить для ополченія опредѣленное количество телѣгъ и лодокъ

б) *Дворянскіе полки.* Значеніе посохи постепенно ослаблялось съ разширеніемъ границъ государства и съ успѣхами военнаго искусства (изобрѣтеніемъ пороха). Поэтому все вниманіе обращено было на прежнія дружины, преобразованныя въ постоянныя дворянскія войска, вознаграждаемыя вмѣсто жалованья землями (помѣстьями): со 100 четверт. земли дворянинъ обязанъ быть самъ на конѣ и съ каждой слѣдующей сотни четвертей ставить конника въ своей свитѣ. Перевѣсъ дворянскихъ полковъ надъ ополченіемъ совершился съ нач. XV в. Еще въ XVI в. иногда числа ратниковъ и дворянъ почти уравновѣшиваются (въ походѣ 1578 г. на Литву было дворянъ 10309, ратниковъ 7580). Флетчеръ насчитываетъ всѣхъ дворянъ, призываемыхъ къ оружію до 80,000. По вычисленію Брикса ко времени Мих. Ѳеодоровича однихъ дѣтей боярскихъ было до 300,000 чел. (изъ нихъ 20 т. составляли гвардію, 65 т. ежегодно охраняли Оку). Дворяне являлись съ собственнымъ вооруженіемъ. Сборъ дворянъ въ походъ совершался повѣстками отъ воеводы, или губнаго старосты, или городскихъ приказчиковъ. Собирались въ главные города воеводства Вмѣсто неявившихся („нѣтчиковъ“) отправляемы были ихъ дѣти и люди, а сами нѣтчики подвергались наказанію. Независимо отъ походовъ періодически производились „смотрины“ (напр. 1652, 1660, 1670, 1675, 1678 г. и т. д.), на которыхъ провѣрялась „людность, конность и оружность“ дворянъ и записывались взрослые сыновья на службу; при 3-хъ сыновьяхъ 1—въ полкъ, 1—въ городовую службу, а 1 оставлялся дома на хозяйствѣ.

в) *Постоянныя войска.* Уже въ XVI, а особенно въ XVII в. обнаружилась недостаточность дворянскихъ полковъ для правильной защиты государства (по отсутствію спеціальнаго военнаго образованія и по трудности созыва),—въ особенности-же для охраненія внутренняго порядка. Преиму-

щественно для этой послѣдней цѣли в. кн. Василій Іоан. учредилъ въ Москвѣ два полка пищальниковъ –конный и пѣшій; Іоаннъ IV умножилъ это число; при немъ новое *постоянное войско* стало именоваться *стрѣльцами;* главнѣйшею задачею его сдѣлалась внутренняя полиція. Это войско поселяемо было слободами вокругъ Москвы и другихъ городовъ и содержимо было на счетъ казны, получая сверхъ того земли на общинномъ правѣ и права торговли; въ него рекрутировались вольные охочіе люди всякаго класса (преимущ. податныхъ). Впослѣдствіи Московскіе стрѣльцы начали произвольно распоряжаться властію и, вмѣсто охраны государства, сдѣлались его язвою (подобно римскимъ преторіанцамъ). Стрѣльцы составляли собственно пѣхоту.—Въ XVII в. возникаютъ другіе спеціальные роды войскъ, а именно: регулярная конница—*рейтары*, образованная по иноземному строю; въ рейтары обязательно опредѣляемы были самые бѣдные дворяне и отчасти даточные люди; постоянная конница не дворянская были *городовые казаки;* тогда-же составлена регулярная пѣхота—*солдаты*, преимущественно изъ тяглыхъ людей. Эти роды войскъ, а также *пушкари* (артиллерія) поселяемы были въ слободахъ вокругъ городовъ, именно украинныхъ. Численность всѣхъ этихъ войскъ постоянно возрастала; такъ *стрѣльцовъ* въ 1578 г.—въ Литов. походѣ было 15,119 (при 10 т. дворянъ и $7^1/_2$ т. ополченія); въ 1634 г. на южныхъ границахъ было ихъ 22 т., и въ то-же время подъ Смоленскомъ 4500. *Козаковъ* при Алексѣѣ Мих. было: 1500—надѣленныхъ землями и 5 т., получающихъ жалованье. *Рейтаровъ* (по счету Брикса) въ концѣ XVII в. было 40 т., *драгунъ*—11,500; *поселенныхъ солдатъ* 3 т., непоселенныхъ 10 т., *Московскихъ выборныхъ* полковъ солдатскаго строя 12 т.

5) Ямское и почтовое управленіе

Изъ другихъ видовъ управленія слѣдуетъ обратить вниманіе на *ямскую повинность и управленіе.* Первоначально снабженіе подводами и проводниками княжескихъ гонцовъ или самихъ князей и ихъ дружинниковъ составляло общую обязанность всего населенія, которая, однако, всею тяжестью падала на тѣ пункты населенія, которые лежали на болѣе проѣзжихъ путяхъ. Эту тяжелую повинность сдѣлали особенно памятною татары, отчего и названіе становъ перешло въ татарское названіе—„ямъ“ (см. въ сборн. Мейера ст. О. Бржозовскаго: „Историческое развитіе русскаго законодательства по почтовой части“). Около пол. XV в. эта повинность приведена въ новый порядокъ, такъ чтобы она ложилась равномѣрнѣе на все населеніе; именно: вмѣсто становъ устраиваются на большихъ путяхъ слободы ямщиковъ, которые обязательно набираются со всего населенія (иногда по 4 чел. съ двухъ сохъ; см. Русск. Историч. Библіот. т. II). Для отдаленныхъ

окраинъ (Сибири) само правительство подбирало охочихъ людей внутри государства. Каждая слобода снабжалась извѣстнымъ количествомъ земли (изъ земель тяглыхъ и пустыхъ помѣстныхъ); въ XVI в. на каждаго ямщика должно было приходиться не менѣе 4-хъ десятинъ. Земля эта могла б. и населенною; въ такомъ случаѣ крестьяне подчинялись слободѣ (какъ лицу коллективному) такъ-же, какъ на помѣстныхъ земляхъ—помѣщику. Дворы должны быть выстроены также волостями. Землею ямщики пользовались на общинномъ правѣ. „пашню пахать и сѣно косить повытно всѣмъ“. Устройство каждой слободы укрѣплялось г. н. „строельною книгою“. Лица, попавшія въ ямщики, передавали свою обязанность и право наслѣдственно; при запустѣніи яма, онъ наполнялся опять посредствомъ новаго набора съ сохъ. Указанное земельное обезпеченіе ямовъ было недостаточно, а потому со всего государства собирались „ямскія деньги“.—Цѣль учрежденія ямовъ—исключительно государственная (а не общественная)—именно препровожденіе правительственныхъ гонцовъ и посланниковъ (но не корреспонденціи). Однако всѣ высшіе классы, будучи служилыми людьми, и духовныя лица постоянно пользовались ямами законно или незаконно (см. Ак. Ист. V, № 25).—Собственно почта (для передачи всякой корреспонденціи) учреждена при ц. Алек. Михайловичѣ 1663—1665 гг., сначала по трактамъ въ Вильну и Ригу; почты содержимы были по подряду иностранцами.

6) Мѣры государства относительно народнаго просвѣщенія.

Московское государство не имѣло особыхъ органовъ для управленія народнымъ образованіемъ, ибо и самое образованіе не признавалось за государственную потребность до конца XVII в Образованіе находилось подъ вѣдомствомъ церкви и низшихъ (приходскихъ) общинъ. Государство лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ побуждало церковь болѣе заботливо относиться къ этой функціи; такъ Стоглавый соборъ „уложилъ по царскому совѣту“ слѣдующее: „въ царствующемъ градѣ Москвѣ и по всѣмъ градамъ протопопомъ и старѣйшимъ священникомъ со всѣми священники и діаконы, коемуждо въ своемъ градѣ, по благословенію святителя, избрати добрыхъ духовныхъ—священниковъ и діаконовъ и діяковъ, женатыхъ и благочестивыхъ, имущихъ въ сердцахъ страхъ Божій, и грамотѣ—честй и пѣти и писати гораздовыхъ; и у тѣхъ священниковъ, и у діяконовъ и діяковъ учинити въ домѣхъ училища, чтобы священницы, и діяконы, и всѣ православные христіяне въ коемждо градѣ давали своихъ дѣтей на ученіе грамотѣ, книжнаго письма и церковнаго пѣнія и чтенія налойнаго“. Подобнаго рода такъ сказать центральныя училища предназначались для спеціальной цѣли приготовленія священниковъ и причетниковъ къ церквамъ: „пришедъ въ возрастъ достойнымъ быти священническому чину“ (Стогл. гл. 26).—Гораздо большее значеніе

имѣетъ *общее элементарное образованіе* сообщавшееся въ каждой (по возможности) приходской общинѣ и начавшееся еще со введенія христіанства (см. выше стр. 78). Здѣсь учителями было приходское духовенство; ученики набирались не только для образованія, но и съ цѣлями призрѣнія. изъ сиротъ и бобылей. Изъ этого комплекта пополнялось приходское духовенство (по выборамъ прихожанъ); отсюда-же выходили дьяки (земскіе и другіе) и подъячіе. Сущность этого образованія заключалась въ обученіи чтенію, письму (въ XVII в. и счисленію), а также и закону Божію (по богослужебнымъ книгамъ); къ этому присоединялось сообщеніе всѣхъ свѣдѣній, которыми располагали тогдашніе грамотѣи. въ тогдашнихъ азбуковникахъ содержатся основные пункты вѣроученія, житія святыхъ, извлеченія изъ твореній св. отцевъ, краткіе словари, основныя начала грамматики, иногда географіи. Другая и главнѣйшая сторона этихъ школъ есть воспитаніе. „паче же всего учениковъ бы своихъ берегли и хранили во всякой чистотѣ“ (Стогл. ibid.).—Что касается до дѣйствительной распространенности этого образованія, то конечно до всеобщей грамотности было далеко (попадались безграмотные люди даже въ боярскомъ классѣ); но за то достойно замѣчанія количество грамотныхъ въ простонародьѣ (какъ нынѣ между раскольниками) и широкая распространенность тогдашнихъ произведеній письменной литературы.

Въ концѣ XVII в. въ Москвѣ учреждаются и проэктируются *училища для средняго и высшаго образованія* (по образцу южно-русскихъ братскихъ училищъ): въ 1649 г.—возникло Андреевское братство, учрежденное Ртищевымъ; затѣмъ патріаршее Чудовское училище; съ 1666 г.—Іоанно-Богословское училище. Въ нихъ производилось „ученіе граматики словенской и греческой, даже до риторики и философіи“. Въ 1682 г. явился проэктъ Московской славяно-греко-латинской академіи (см. по вопросу о народномъ образованіи наше изслѣдов. „Государство и народное образованіе въ Россіи“. Журн. мин. нар. пр. 1874 г.).

Д. Законодательство.

Литература. См. выше соч. С. П. Пахмана. Остальная литература подробно указана въ нашей «Христом. по исторіи рус. права», вып. II и III, подъ каждымъ изъ помѣщенныхъ въ ней памятниковъ.

Общій ходъ исторіи источниковъ права въ Моск. государствѣ хотя и ведетъ къ окончательному торжеству закона надъ обычнымъ правомъ, но указываетъ, что самое законодательство старается лишь узаконить обычай.

Установленіе произвольныхъ нормъ начинается лишь съ конца XVII вѣка. Поэтому мы въ правѣ назвать Московскій періодъ временемъ равновѣсія закона и обычая

1) Жалованныя и уставныя грамоты (XIV—XV в.).

Въ Москов. государствѣ уже съ XIV в. нѣтъ никакихъ слѣдовъ дѣйствія Русской Правды (кромѣ одной—55-й статьи Судебн. 1497 г.) Напротивъ несомнѣнно, что Византійскіе источники получаютъ все бо́льшую примѣнимость, благодаря возрастающему вліянію духовенства и разширенію его имуществъ, но въ свѣтскихъ судахъ они не могли имѣть примѣненія. Извѣстны были въ Москвѣ и мѣстные кодексы—Новгородскій и Псковскій, но, конечно, не имѣли силы закона. Итакъ почти вся юридическая жизнь народа предоставлялась въ продолженіи двухъ столѣтій дѣйствію обычнаго права и частной воли князей, не выраженной въ письменной формѣ закона. Единственными письменными формами закона того времени были: а) жалованныя, б) уставныя грамоты.

а) **Жалованныя грамоты** суть *привилегіи* или частные законы (priva lex). Начало ихъ относится еще къ I періоду; сверхъ того ихъ особенности проникаютъ отчасти въ княжескіе „уставы“ того времени. Но вполнѣ плодородная почва для развитія этой формы закона явилась лишь въ Москов. государствѣ, когда власть сосредоточена была въ лицѣ в. князя, который сталъ единственнымъ источникомъ правовыхъ нормъ. Число жалованныхъ грамотъ того времени весьма велико и виды ихъ разнообразны: уже г. Горбуновъ при своемъ изслѣдованіи. „Льготныя грамоты, жалованныя монастырямъ и церквамъ“ (Арх. историч. и практич. свѣдѣній, 1860 г., I, V и VI) имѣлъ предъ собою до 230 изданныхъ такихъ грамотъ; нынѣ число изданныхъ еще увеличилось и бо́льшая масса остается неизданною (г. Мейчикъ въ своей работѣ: „Грамоты XIV и XV в. Москов. арх. министер. юстиціи“, М. 1883 г.,—указываетъ около 110 грам. того времени). Большая часть ихъ дается монастырямъ и др. церковнымъ учрежденіямъ, меньшая—свѣтскимъ лицамъ. По источнику пожалованія, грамоты должны быть раздѣлены на исходящія отъ вел. князя и исходящія отъ церковныхъ властей и князей служилыхъ; но послѣднія могутъ быть включены въ число законодательныхъ актовъ лишь тогда, когда пожалованіе укрѣплено государств. властію.—Что касается до предметовъ пожалованія, то подъ названіемъ „жалованныхъ грамотъ“ разумѣется три рода совершенно различныхъ актовъ правительственной дѣятельности: это грамоты: 1) *Жалованныя въ тѣсномъ смыслѣ*, т. е. дарственные акты на имущества отъ государства частнымъ лицамъ; они содержатъ въ себѣ пожалованіе недвижимыхъ имуществъ, угодьевъ и промысловъ, или укрѣпляютъ сдѣлки на недвижимыя имущества

между частными лицами, равно между этими послѣдними и княземъ. Такой видъ грамоть, какъ заключающій въ себѣ совершенно частную норму, не имѣетъ никакого значенія въ исторіи источниковъ права, если только пожалованіе не соединяется со льготами, при чемъ этотъ видъ грамотъ сливается съ слѣдующимъ. *Льготныя* (иммунитеты), т. е. содержащія въ себѣ освобожденіе грамотчика отъ общихъ тягостей суда и дани; въ нихъ получившій пожалованіе освобождается отъ суда мѣстныхъ властей (съ подчиненіемъ суду князя), а лица, живущія въ его имѣніи, или вполнѣ подчиняются суду своего землевладѣльца, или только частію (послѣднее гораздо чаще; обыкновенно владѣльцу вручается судъ кромѣ душегубства, разбоя и татьбы съ поличнымъ). Тоже и относительно дани и повинностей въ пользу мѣстныхъ властей, и пошлинъ при проѣздѣ и перевозкѣ товаровъ. По этому послѣднему признаку грамоты этого рода именуются *обыльными*. Грамоты содержащія полное освобожденіе, именуются тарханными. Объ льготы (отъ суда и дани) могутъ быть даны раздѣльно, но б. ч. соединяются вмѣстѣ въ одномъ пожалованіи. Заключая въ себѣ изъятія изъ общихъ нормъ, жалованныя грамоты уясняютъ намъ эти общія нормы лишь отрицательно, т. е. общимъ правомъ должно быть признано то, отъ чего освобождается грамотчикъ. Иммунитеты или привилегіи занимаютъ весьма важное мѣсто въ исторіи общихъ источниковъ права новоевропейскихъ народовъ: при огромномъ количествѣ пожалованій, частный законъ можетъ обратиться въ общій, исключеніе—въ общее правило; так. обр. права лицъ всего высшаго класса общества (который одинъ и пользуется всѣми гражданскими правами) обращаются изъ частныхъ привилегій въ обще-сословное право, а затѣмъ въ въ общій законъ. Въ Москов. государствѣ этого не случилось, во перв. въ слѣдствіе того, что привилегіи не были столь многочисленны и обыкновенны (какъ напр. въ Польшѣ), во втор. потому, что содержаніе привилегій не было однообразно и одинаково полно и, наконецъ, въ трет. твердость привилегій (сохраненіе ихъ въ потомствѣ) ничѣмъ не гарантировалась, хотя иногда въ грамотѣ обозначается, что привилегія дается безъ отнятія; при пожаловании частнымъ лицамъ иногда не указывается, что въ привилегіи участвуютъ и наслѣдники получившаго пожалованіе; каждый новый князь могъ взять пожалеваніе назадъ. Отсюда при перемѣнѣ лица князя и при вступленіи въ наслѣдство получившаго пожалованіе, каждый разъ обращаются съ просьбою о подтвержденіи грамоты. Тоже было сначала и въ иммунитетахъ западной Европы, а также въ Польшѣ и Литвѣ, но тамъ вскорѣ подобное подтвержденіе обратилось въ обязанность новаго государя. У насъ уже Іоаннъ IV уничтожилъ тарханы въ принципѣ (см. выше), а потому изъ грамотчиковъ не успѣло выработаться привилегированное сословіе, а изъ жалованныхъ грамотъ общій законъ. 3) Третій видъ актовъ, именуемыхъ жалованными грамотами, можетъ быть названъ грамотами *охранительными*

(иногда называютъ ихъ *заповѣдными* или *указными*); это акты, утверждающіе *общую законодательную норму* въ примѣненіи къ частному случаю и лицу. Общія нормы не установляются этими грамотами, а лишь подтверждаются и санкціонируются угрозами наказаній за ихъ нарушеніе; самыя-же нормы предполагаются уже существующими или въ силу обычнаго права, или въ силу пожалованія; напр.. каждому гражданину принадлежитъ право иска и назначенія срока явки къ суду противъ разбойниковъ, воровъ и грабителей; но это право спеціально утверждается особою грамотою за извѣстнымъ лицомъ; всякій можетъ защищать свой лѣсъ отъ сторонихъ порубокъ, свой прудъ отъ чужой ловли; но всѣ эти права могутъ быть укрѣплены и укрѣпляются за нѣкоторыми частными лицами. Обычное право требовало отказывать крестьянъ отъ другаго владѣльца въ одинъ срокъ въ году и разумѣется не иначе, какъ при полномъ удовлетвореніи прежняго владѣльца,—но Бѣлозерскій князь укрѣпляетъ это именно за Кирилловымъ монастыремъ.—Какъ акты, не установляющіе норму, а охраняющіе ее, грамоты этого рода мы могли-бы относить не къ законамъ, а (выражаясь нынѣшнимъ терминомъ) къ распоряженіямъ, если-бы нормы права были тогда въ точности опредѣлены и извѣстны; но такъ какъ этого не было, и въ обычаяхъ правовыя нормы колебались, то и охранительныя грамоты имѣютъ значеніе закона; онѣ иногда избираютъ для укрѣпленія одну изъ колеблющихся нормъ (напр.: отказы крестьянъ совершались уже не въ одинъ Юрьевъ день; лѣса и воды могли быть и предметомъ частнаго владѣнія и общаго пользованія, пока не становились заповѣдными). Подобное-же значеніе для источниковъ права имѣютъ и судебные приговоры князей (*правыя грамоты*), какъ укрѣпляющіе по частному случаю общую норму; въ Москов. государствѣ (XIV и XV в.) и законодательная и судебная власть сливались въ одномъ лицѣ вел. князя. Самый важный видъ подобныхъ „заповѣдей“ относится къ воспрещенію беззаконныхъ дѣяній и превышенія власти со стороны намѣстниковъ и ихъ людей Защита государствомъ отъ этихъ послѣднихъ, обращенная ко всему населенію провинціи, составляетъ главное содержаніе другаго рода грамотъ— *Уставныхъ*.

б) **Уставными грамотами** называются акты, опредѣляющіе мѣстное управленіе той или другой области. Къ эпохѣ XIV и XV вв. относится лишь одинъ видъ ихъ, имевно *уставныя грамоты намѣстничьяго управленія*; прочія, т. е. губныя грамоты и уставныя-земскія относятся уже къ эпохѣ Судебниковъ (но по тѣсной связи предмета мы разсмотримъ ихъ тутъ-же). Уставными намѣстничьими грамотами опредѣляются отношенія намѣстника или волостеля къ жителямъ уѣзда или волости, управляемыхъ ими (древнѣйшія и важнѣйшія грамоты этого рода, именно—Двинскую 1397 г. и Бѣлозерскую 1488 г. см. въ нашей Христоматіи вып. I и II; полный указатель ихъ см. въ изслѣдов. проф. Загоскина: „Уставныя гра-

моты XIV и XV в." вып. 1 и 2). Уставн. грамота не есть наказъ, опредѣляющій обязанности правителя, а пожалованіе правъ населенію провинціи однажды навсегда: „вел. кн. Вас. Дмитріевичъ пожаловалъ семь бояръ своихъ Двинскихъ... и всѣхъ своихъ черныхъ людей Двинскіе земли". Въ нихъ безграничная государств. власть, представителемъ которой является намѣстникъ, приводится въ опредѣленныя границы, именно опредѣляется не то, что долженъ дѣлать намѣстникъ, а то, чего онъ не долженъ дѣлать.—Однако уставная грамота отнюдь не есть привилегія; въ ней содержатся не исключенія изъ общихъ нормъ, а мѣстное примѣненіе ихъ; это есть *законъ мѣстный* (но не частный). Существенное *содержаніе* намѣстничьихъ грамотъ совершенно одинаково. въ нихъ опредѣляется кормъ намѣстника, судебныя пошлины и уголовные штрафы въ пользу намѣстника, пошлины за вызовъ къ суду и отъ ареста обвиняемаго въ пользу слугъ намѣстника (его дворянъ); торговыя и свадебныя пошлины; далѣе опредѣляется отношеніе судебной власти намѣстника къ суду центральному: никто не можетъ вызвать провинціала въ Москву помимо мѣстнаго правителя, но на неправый судъ и беззаконныя дѣйствія самаго намѣстника жители имѣютъ право жалобы в. князю; потомъ опредѣляется составъ лицъ намѣстничьяго управленія (тіуновъ, праветчиковъ и доводчиковъ, назначаемыхъ самимъ намѣстникомъ), съ цѣлію оградить населеніе отъ излишнихъ поборовъ и издержекъ на нихъ. Далѣе воспрещаются незаконныя дѣйствія со стороны слугъ намѣстника (очевидно тѣ, которыя были особенно обычны: напр., вторженіе незваными на пиры и братчины). Наконецъ въ уставн. грамотахъ содержатся иногда немногочисленныя нормы матеріальнаго уголовнаго права, но лишь по связи ихъ съ правами намѣстника на уголовный судъ и пошлины.—Сравнивая уставныя грамоты Москов. государства съ земскими грамотами Литовско-русскаго, находимъ, что послѣднія несравненно богаче содержаніемъ, именно въ нихъ опредѣляются всѣ отношенія подданныхъ къ государств. власти, а не отношенія ихъ лишь къ мѣстнымъ правителямъ. Другое важное отличіе уставныхъ грамотъ Моск. государства отъ земскихъ грам. Литовскихъ заключается въ томъ, что первыя (кромѣ одной Двинской 1397 г.) всѣ обращены лишь къ тяглымъ—податнымъ классамъ;—Литовскія—преимущественно къ высшимъ классамъ общества. Тѣмъ не менѣе, какъ въ Литвѣ, такъ и въ Москвѣ изъ мѣстныхъ уставныхъ грамотъ выработался потомъ общій законъ,—именно въ Москвѣ Судебникъ 1497 г.

Губныя грамоты. Съ тѣхъ поръ какъ правительство обратилось къ устройству самоуправленія въ провинціяхъ, появился и новый родъ уставныхъ грамотъ. Грамоты, которыми установляются губныя учрежденія (см. выше стр. 184), именуются губными. Онѣ начинаются съ 30 годовъ XVI в. и продолжаются потомъ до конца XVII в. (не смотря на существовавшій уже

общій законъ—Уставную книгу разбойнаго приказа). Губныя грамоты, хотя и даются по просьбѣ самого населенія, но менѣе имѣютъ характеръ пожалованія, ибо ими возлагается на населеніе обязанность ловить и карать разбойниковъ. Важное отличіе губныхъ грамотъ отъ уставныхъ заключается въ томъ, что губныя обращены ко всему населенію (со включеніемъ служилыхъ классовъ). Содержаніе губныхъ грамотъ, кромѣ учредительной части, гдѣ опредѣляется избраніе, составъ и обязанности губныхъ утрежденій,—касается (болѣе чѣмъ въ уставныхъ грамотахъ) матеріальнаго уголовнаго права. Общія черты ихъ содержанія составили потомъ общій уголовный законъ.

Уставныя земскія грамоты суть грамоты, опредѣляющія мѣстное земское самоуправленіе, какъ оно установлено реформами Грознаго. Онѣ начинаются съ 1552 г. и продолжаются до 2-й четверти XVII в. (важнѣйшія изъ нихъ. Важская грам. 1552 г. и Двинская 1556 г.). Хотя грамоты этого рода имѣютъ болѣе широкія задачи, чѣмъ губныя (такъ какъ земское самоуправленіе гораздо шире губнаго), но значеніе тѣхъ и другихъ среди источниковъ права—одинаково. Вообще земскія грамоты поглощаютъ въ себѣ и отчасти переработываютъ содержаніе какъ уставныхъ намѣстничьихъ, такъ и губныхъ грамотъ, касаясь финансоваго, полицейскаго, уголовнаго и отчасти гражданскаго права съ точки зрѣнія вѣдомства, компетенціи земскихъ учрежденій. Всѣ три рода уставныхъ грамотъ имѣютъ спеціальный *учредительный* характеръ. Внѣ этой черты б. ч. случайныхъ постановленій вся область права подлежала еще дѣйствію обычаевъ. Впрочемъ бѣдность нормъ, содержащихся въ губныхъ и земскихъ грамотахъ, изъясняется уже отчасти существованіемъ въ то время общаго кодекса, въ формѣ Судебниковъ.

2) Судебники и Указныя книги (XVI и 1-я пол. XVII в.).

Судебникъ вел. кн. Іоанна Васильевича 1497 г. Какъ ни однообразно было содержаніе уставныхъ грамотъ въ существенныхъ чертахъ,—между ними были значительныя разницы въ подробностяхъ; центральному правительству приходилось каждый разъ справляться съ этими мѣстными законами. Далѣе, при многочисленныхъ мѣстныхъ законахъ, центральное управленіе и судъ не были опредѣлены никакимъ закономъ. Поэтому, когда въ концѣ XV в. всѣ области сѣверной Руси собрались вокругъ Москвы, то Іоаннъ III рѣшился объединить мѣстные законы въ одинъ общій. Проэктъ такой работы былъ выполненъ дьякомъ Владиміромъ Гусевымъ, а затѣмъ получилъ силу закона въ 1497 г. съ сентября (тогдашняго новаго года), будучи утвержденъ вел. княземъ съ дѣтьми его и боярами. Новый общій законъ самъ не придалъ себѣ никакого названія, но онъ обыкновенно име-

нуется *Судебникомъ* по аналогіи съ Судебникомъ Іоанна IV и по существу своего содержанія. (Этотъ памятникъ, послѣ появленія царскаго Судебника былъ утраченъ и до нынѣшняго столѣтія о немъ знали только по выдержкамъ, въ латинскомъ переводѣ, которыя приложилъ къ своимъ мемуарамъ бар. Герберштейнъ. Лишь въ 1817 г. онъ былъ найденъ и напечатанъ въ 1819 г. Строевымъ и Калайдовичемъ). Судебникъ раздѣленъ на статьи, б. часть которыхъ отдѣлена особыми заглавіями; остальныя—пунктуаціею и совершенно очевидною разницею содержанія *). *Источникъ*, изъ котораго заимствованы постановленія въ Судебникъ, составляютъ *уставныя грамоты* мѣстнаго управленія; это не только основной, но почти единственный источникъ и первой и второй половины памятника, съ тою разницею, что относительно суда центральнаго заимствуется содержаніе уставныхъ грамотъ въ выдержкахъ; а относительно провинціальнаго переписывается почти буквально. Но составитель Судебника имѣлъ также въ рукахъ и *Псковскую Судную грамоту*, изъ которой сдѣлалъ (весьма бѣдныя) заимствованія матеріальнаго гражданскаго права (сл. ст. 9 Суд. съ ст. 7 Пск. С. Грамоты; ст. Суд. 46 съ ст. 46 Пск. С. Гр ; ст. 47 С. съ ст. 47 П. С. Г.; ст. 49 С. съ ст. 21 П. С. Г.; ст. 51 С. съ ст. 22 П. С. Гр., ст. 52 С. съ ст. 36 П. С. Г.; ст. 54 С. съ ст. 40 П. С. Гр.; ст. 58 Суд. съ ст. 105 П. С. Гр.). При этомъ московскій рецепторъ приспособлялъ вѣчевое законодательство къ особенностямъ Низоваго государства; такъ законъ о послушествѣ (ст. 50) получилъ здѣсь, не смотря на внѣшнее сходство, совершенно иной внутренній смыслъ: послушество уже не зависитъ отъ воли послуха; явка въ судъ обязательна для послуха, какъ для простаго свидѣтеля. Затѣмъ московскій рецепторъ сокращалъ узаконенія Пск. Судн. Гр., при чемъ иногда извращался ихъ смыслъ (по ст. 54 всякій наймитъ, безъ различія—будетъ ли то дворный, или для урочнаго дѣла, лишается всей заработной платы, если не дослужитъ срока). Иногда Судебникъ дополняетъ поясненіями текстъ П. Судн. Грам., совершенно излишними для юридическаго псковскаго языка, который былъ непонятенъ въ Москвѣ (см. ст. 9, гдѣ къ техническимъ словамъ: „живота не дати“ прибавленъ плеоназмъ: „казнити его смертною казнію“). Иногда, напротивъ Суд. заимствуетъ буквально изъ Пск. Судн. Гр. постановленія, противорѣчащія другимъ законамъ Моск. государства, которые внесены въ тотъ-же Судебникъ (см. 49 и 52 ст. о послушествѣ). Вообще-же Судебникъ гораздо бѣднѣе Пск. Суд. Гр. по содержанію, юридической концепціи и искусству редакціи.—Далѣе предъ московскимъ законодателемъ была и *Русская Правда*; но онъ взялъ изъ нея (несомнѣнно) лишь одну статью (55—о займѣ, т. е. о взысканіи съ несостоятельнаго). —

*) Въ нашемъ изд. Судебникъ *не раздѣленъ* нами на статьи, а готовыя статьи лишь перенумерованы, что, конечно, не только не измѣняетъ смысла, но и внѣшняго вида памятника.

Благодаря своему одностороннему содержанію (о судопроизводствѣ), Судебникъ почти совсѣмъ не могъ воспользоваться живымъ *обычнымъ правомъ*, кромѣ нѣкоторыхъ единичныхъ понятій уголовнаго права (напр., о различіи вѣдомаго лихаго человѣка отъ простаго преступника) и немногихъ понятій гражданскаго права (ст. 63—о трехлѣтней давности; ст. 61—объ отвѣтственности за потраву сосѣдей, обязанныхъ огораживать поля, ст. 57—о переходѣ крестьянъ въ Юрьевъ день). Нѣкоторыя постановленія, несомнѣнно, должны быть приписаны, какъ новыя, Іоанну III, таковы напр.. запрещеніе отказывать въ правосудіи (ст. 2), законы о взяточничествѣ и лжесвидѣтельствѣ (67) и нѣк. другіе.

Содержаніе и система Судебника опредѣляются отчасти его источниками. Его можно раздѣлить на три части. *первая* (ст. 1—36) о судѣ *центральномъ* (со вставочною частію уголовнаго содержанія); вторая (ст. 37—44) о судѣ *провинціальномъ* (намѣстничьемъ), такъ какъ содержаніе этихъ обѣихъ частей взято изъ уставныхъ грамотъ, то въ той и другой части постановленія иногда буквально повторяются (ср. напр. 8 ст. съ 39 о татьбѣ). *Третья часть* (ст. 46—66 съ добавочными ст. 67—68) содержитъ въ себѣ главн. обр. матеріальное гражданское право (о давности, наслѣдствѣ, договорахъ займа и найма, куплѣ-продажѣ, о переходѣ крестьянъ, о холопствѣ). Изъ такого состава Судебника само собою ясно, что основное содержаніе его есть *процессуальное право*: „уложилъ вел. князь... о судѣ, какъ судити бояромъ и окольничимъ“; так. обр. первая форма общаго закона въ Москов. государствѣ далеко не обнимаетъ всѣхъ правовыхъ нормъ, бывшихъ въ юридическомъ оборотѣ; а потому Судебникъ отнюдь не исключаетъ огромнаго примѣненія въ жизни обычнаго права.

Судебникъ царскій 1550 г. Такая односторонность и недостаточность 1-го Судебника обнаружилась вскорѣ по изданіи его; сынъ Іоанна III—в. кн. Василій дополнилъ законы отца; судебникъ Вас. Іоанновича не дошелъ до насъ; но сынъ Василія Іоаннъ IV, создавая новый Судебникъ, конечно имѣлъ передъ собою законы отца и включилъ ихъ въ свои.—Судебникъ цар. изданъ такъ-же, какъ и 1-й, царемъ съ участіемъ его братьевъ и бояръ. Говоря о земскихъ соборахъ мы выразили предположеніе, что большія реформы 50-хъ годовъ XVI в. могли быть вызваны совѣщаніями съ первымъ зем. соборомъ. Хотя въ томъ-же 1550 г. Судебникъ былъ изготовленъ, но на Стоглавомъ соборѣ 1551 г. (на которомъ присутствовали не одни духовныя лица, но и „братья в. кн., князи, бояре и воини“), царь предложилъ его на разсмотрѣніе и утвержденіе. „прочтиче и разсудите“, говорилъ онъ, ...аще достойно сіе дѣло, на св. соборѣ утвердивъ, подписати на Судебники и на уставной грамотѣ“. Подлинникъ Судебника, подписанный членами собора, долженъ былъ храниться „въ казнѣ“ (гдѣ хранились тогда вообще госуд. акты). Итакъ Судебникъ долженъ былъ получить свою силу только

съ 1551 г. Съ изданіемъ Уложенія ц. А. М., и этотъ Судебникъ подобно 1-му, былъ забытъ и утраченъ; нѣсколько экземпляровъ его открылъ Татищевъ; сличивъ ихъ, онъ собралъ дополнительныя статьи, присоединилъ свои примѣчанія (съ учено-практическимъ направленіемъ) и въ такомъ видѣ сдалъ рукопись въ Академію наукъ; но лишь въ 1768 г. появился въ печати этотъ памятникъ въ Татищевской обработкѣ. Съ тѣхъ поръ Судебникъ былъ издаваемъ нѣсколько разъ.

Основнымъ источникомъ для цар. Судебника послужилъ *1-й Суд.*, съ дополненіями в. кн. Вас. Іоанновича и новыми узаконеніями самого Грознаго. Изъ сличенія обоихъ Судебниковъ оказывается, однако, что цар. Суд. не просто заимствуетъ изъ 1-го, а перерабатываетъ заимствуемое двоякимъ обр.: а) въ Суд. 1-мъ нерѣдко постановленія не имѣютъ второй существенной части (о послѣдствіяхъ нарушенія закона),—которая и придается имъ въ Суд. царскомъ; напр. Суд. 1-й (ст. 2) запрещаетъ судьямъ отказывать въ правосудіи тѣмъ лицамъ, которыя имъ подсудны; но не полагаетъ никакого наказанія за такой отказъ; Суд. цар. (ст. 7) прибавляетъ: „быти отъ государя въ опалѣ“. Суд. 1-й (ст. 1) запрещаетъ судьямъ брать взятки и рѣшать дѣла по пристрастію, но не полагаетъ за то никакого наказанія; Суд. цар. (ст. 3—5) назначаетъ нѣсколько наказаній за разные виды умышленнаго неправосудія. Вообще 1-й Суд. представляетъ собою законъ въ видѣ lex minus perfecta; Суд. цар.—lex perfecta.—б) Судебникъ царскій разчленяетъ постановленія 1-го Судебника, создавая нерѣдко изъ одной его статьи нѣсколько статей; такъ въ приведенномъ сейчасъ примѣрѣ умышленное неправосудіе можетъ б. совершено по винѣ боярина (судьи), дьяка или подъячаго; оно можетъ быть слѣдствіемъ подкупа судьи, подлога или искаженія акта дьякомъ; все это раздѣлено въ цар. Суд. въ отдѣльныя статьи. Впрочемъ гораздо чаще добавленія Судебника цар. вмѣщаются внутрь текста той-же статьи, не создавая новыхъ (напр. ст. 7—15).—Значительную часть ($^1/_3$) Судебника цар. составляютъ *новыя статьи* (всѣхъ съ статьями разъяснительными—32), изъ которыхъ нѣкоторыя могли быть составлены при самомъ изданіи цар. Суд.; но бо́льшая часть ихъ должна быть отнесена на счетъ утраченнаго судеб. Вас. Іоанновича и вообще указовъ, дополнявшихъ 1-й Суд. отъ 1497 г. по 1550. Выдѣлить эти двѣ группы новыхъ статей одну отъ другой довольно трудно; лишь до нѣкоторой степени можно исполнить эту задачу, приписавъ самому Грозному тѣ статьи, въ которыхъ замѣтно направленіе къ сокращенію произвола бояръ и къ усиленію самоуправленія низшихъ классовъ. Можно указать слѣд. цѣльныя группы новыхъ постановленій. 1) статьи 20—26, 28—30 (о нѣкоторыхъ формахъ обвинительнаго процесса и о безчестьѣ), 2) ст. 64, 63, 68—71 и 73 (о намѣстничьемъ судѣ), 3) ст. 77—82, 85 (о холопствѣ, кабалѣ и о правѣ родоваго выкупа); 4) ст. 97—98 (о силѣ дѣйствія и по-

рядкѣ составленія законовъ). Іоанну IV можно приписать постановленія объ уничтоженіи тарханныхъ грамотъ (ст. 43), дополнительныя постановленія объ участіи старосты и цѣловальниковъ въ намѣстничьемъ судѣ (ст. 62. 68, 69, 70).

Сила дѣйствія закона и отношеніе его къ обычному праву въ эпоху Судебниковъ. Вообще-же изъ сравненія содержанія двухъ Судебниковъ оказывается, что законъ въ пространство времени, раздѣляющее ихъ, сдѣлалъ весьма незначительные успѣхи, охвативъ собою немного новыхъ нормъ; и цар. Судебникъ есть памятникъ преимущественно процессуальнаго права; почти все право гражданское стояло еще внѣ сферы опредѣленій закона.— Не смотря на такую бѣдность юридическаго содержанія, Суд. царскій объявилъ законъ всеобъемлющимъ и единственнымъ источникомъ права. „впередъ всякые дѣла судити по сему Судебнику“ (ст. 97); если-же возникнутъ дѣла о предметахъ, не предусмотрѣнныхъ Судебникомъ, то они должны рѣшаться не по обычному праву, а должны быть представляемы для разрѣшенія законодательной власти, которая, по этимъ поводамъ, даетъ новые законы (ст. 98). Едвали такая идеальная всеобъемлющая сила закона тотчасъ-же осуществилась въ практикѣ; многія дѣла и послѣ могли быть разрѣшаемы по установившимся обычаямъ судьями, не восходя къ законодателю.—Въ тѣхъ-же статьяхъ ц. Суд. содержатся опредѣленія о способахъ составленія закона. инициатива закона (кромѣ непосредственной инициативы законодат. власти, что̀ само собою разумѣлось) могла исходить отъ подчиненныхъ властей, представляющихъ къ разрѣшенію новые вопросы, возникающіе на практикѣ. Самое творчество закона принадлежитъ царю и бояр. думѣ въ возможно полномъ составѣ ея („всѣхъ бояръ приговору“). Дѣйствіе закона начинается съ момента его изданія („съ котораго дни уложилъ“), что̀ впрочемъ на практикѣ должно было сводиться къ тому моменту, когда законъ сдѣлался извѣстнымъ для и дданныхъ. О публикаціи закона Судебники молчатъ; они предписываютъ чрезвычайныя мѣры публикаціи лишь для одного постановленія, вошедшаго въ нихъ, именно о воспрещеніи брать посулы и лжесвидѣтельствовать („велѣти прокликати по торгамъ на Москвѣ и во всѣхъ городѣхъ...“); особыя мѣры публикаціи (кромѣ обыкновенной разсылки списковъ закона въ присутственныя мѣста) едвали и нужны были для такого закона, который, содержа въ себѣ процессульныя нормы, обращенъ былъ къ судьямъ и правителямъ, а не къ населенію. Законъ не имѣетъ обратнаго дѣйствія: „которые дѣла прежъ сего Судебника вершены... быти тѣмъ дѣломъ всѣмъ... какъ преже сего вершены...“ (ст. 97, сл. ст. 78).—Общій законъ дѣйствуетъ на пространствѣ всего государства (сл. ст. 99 цар. Суд.) въ противоположность прежнимъ мѣстнымъ законамъ.

Стоглавъ. Подъ именемъ Стоглава разумѣются постановленія церковно-государственнаго собора 1551 г. (раздѣленныя искуственно на 100 главъ

по подражанію Судебнику царскому, имѣющему 100 статей). Посредствомъ этого собора царь думалъ произвести такія-же реформы въ церковномъ управленіи, какія онъ въ то же время проводилъ въ государствѣ; вопросы для обсужденія (письменные), предложилъ собору царь. Постановленія Стоглава и его судьба имѣютъ двоякое значеніе для исторіи свѣтскихъ источниковъ права: во перв. въ немъ содержится много опредѣленій, прямо касающихся свѣтскаго права: семейнаго права (о бракѣ гл. 18—24), гражданскаго (о церковныхъ вотчинахъ—гл. 75, гдѣ соборъ старается защитить церковь отъ начинающихся попытокъ секуляризаціи церк. имуществъ. о договорѣ займа въ отношеніи къ церковн учрежденіямъ—гл. 76) уголовнаго (о лжеприсягѣ гл. 37—38; о нѣкоторыхъ преступленіяхъ противъ вѣры и церкви—гл. 92—94) и наконецъ государств. права (о святительскомъ судѣ—гл. 53—69, гдѣ церковь старается утвердить неприкосновенность церковн. суда и вводить въ организацію его участіе выборнаго элемента духовнаго и земскаго).—Второе значеніе Стоглава касается самой судьбы закона и отношенія его къ обычному праву: побужденіемъ къ законодательству служитъ рознь обычаевъ, совершенно нетерпимая въ сферѣ церковной жизни; царь заявляетъ, что „обычаи въ прежніе времена... поисшатался..., преданія законы порушены, или ослабно дѣло и небрегомо“. Законъ напротивъ стремится установить *вѣчно*-однообразныя нормы; соборъ исполнилъ свою задачу; но впослѣдствіи оказалось, что онъ узаконилъ нѣкоторые такіе обычаи, которые противны ученію или практикѣ древней церкви и за которые потомъ держались и держатся наши раскольники. Поэтому соборъ 1667 г. совершенно отмѣнилъ всѣ постановленія Стоглава. Къ этому подало поводъ и то, что соборъ 1551 г. не выразилъ своихъ постановленій въ твердой общей письменной формѣ (послѣ въ провинціи посылаемы были „наказы“ отъ митрополита о соборныхъ рѣшеніяхъ съ произвольною группировкою и формою ихъ; см. „Наказные списки соборн. уложенія 1551 г.“. изд. Ил. Бѣляевымъ. М. 1863 г.); а потому списки соборныхъ опредѣленій измѣнялись и искажались въ народѣ (Стоглавъ изданъ Казан. академіею въ 1862 г. и въ Петербургѣ 1863 г.). Подтвержденіе нѣкоторыхъ постановленій Стоглава государственнымъ закономъ было дано одною изъ первыхъ дополнительныхъ статей къ Судебнику (см. Ук. кн. вѣдом. каз. ст. II).

Указныя книги приказовъ. Дальнѣйшее уясненіе способовъ возникновенія закона и его свойствъ дается указными книгами приказовъ. *Способъ образованія ихъ* таковъ: недостаточность постановленій цар. Судебника, предвидѣнная имъ самимъ, восполнялась отъ 1550 г. по 1649 г. отдѣльными указами, которые должны быть приписываемы къ Судебнику. Запросы о законѣ (иниціатива) исходили отъ приказовъ (каждаго по своему вѣдомству), при чемъ или представлялось для разрѣшенія самое дѣло, вызвавшее запросъ (судебно-законодат. иниціатива), или по мѣрѣ накопленія такихъ

вопросовъ, изъ нихъ составлялись и представлялись списки (независимо отъ дѣлъ), такъ называемые „статейные списки“ законодательныхъ вопросовъ (собственно—законодательная инициатива). Такіе списки подготовлялись преимущественно въ челобитенномъ приказѣ, куда стекались разнообразныя дѣла по всѣмъ вѣдомствамъ; а потому челобитенный приказъ обратился въ подготовительное законодат. учрежденіе и въ общее хранилище законовъ куда обращались прочіе приказы, желая освѣдомится—нѣтъ-ли уже указа по вопросу, который приказу казался новымъ. Подобную-же роль игралъ иногда и розрядъ (см. ниже объ Уставн кн. разбойн. прик.). Впрочемъ и другіе приказы не лишались права непосредственнаго представленія законод. вопросовъ. Выше была указана иниціатива законовъ со стороны членовъ зем. соборовъ. Допускалась также частная иниціатива гражданъ и цѣлыхъ классовъ общества (см. Ук. кн. зем. прик. ст. XXXI). По разрѣшеніи вопроса законодательною властію, новый законъ обращаемъ былъ въ тотъ приказъ откуда вышелъ запросъ. Законъ могъ б. данъ словесно (см. Ук. кн. вѣдом. казн. ст. XI), могъ быть выраженъ не въ догматической, а въ діалогической формѣ (см. ibid. ст VIII); самому приказу предоставлялось уже привести его въ *письменную догматическую форму*. Однородные указы могли быть даны въ разныя времена; самъ приказъ сводилъ ихъ вмѣстѣ и нерѣдко изъ двухъ создавалъ одну статью (см. Ук. кн. вѣдомст. казнач. ст. XVI); и подписывалъ (сл. ibid. ст. V, 17 и 18) ее къ тому экземпляру Судебника, который былъ у него. Так. обр. въ каждомъ вѣдомствѣ собирались указы одинаковаго содержанія и вмѣстѣ съ ц. Судебникомъ составляли т. ск. спеціальныя уложенія.—Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ и именно указы общаго содержанія разсылались по всѣмъ приказамъ (см. Ук кн. вѣд. казн. ст. VII); въ обыкновенномъ-же порядкѣ, законъ, обращенный въ подлежащій приказъ, не подлежалъ дальнѣйшей *публикаціи*. Результатомъ этого была: а) возможность утраты закона (пожаръ 1626 г. истребилъ всѣ узаконенія о помѣстьяхъ и вотчинахъ въ помѣстномъ прик.); б) повтореніе закона, ибо одинъ приказъ могъ не знать, что требуемый законъ уже данъ и находится въ Ук. книгѣ другаго приказа; отсюда в) справки о законѣ между приказами.

Число и содержаніе указныхъ книгъ. Изложеннымъ путемъ образовались слѣд. спеціальныя уложенія: 1) *Указная книга судныхъ дѣлъ* (или *вѣдомства казначеевъ*, какъ названа она въ нашемъ изданіи, такъ какъ указы, содержащіеся въ ней, обращены къ казначеямъ, вѣдавшимъ судъ гражданскій при Грозномъ; Указныя книги судныхъ приказовъ или утрачены, или не изданы еще); указы ея относятся ко времени Іоанна IV (1550—1582 гг.), за исключеніемъ одного (1588 г.); содержаніе ея составляютъ нормы обвинительнаго процесса, обязательственнаго и отчасти вотчиннаго права. 2) *Указн. кн. прик. холопьяго суда* (1597—1620 г.); въ ней законы о холопствѣ и

прикрѣпленіи крестьянъ.—3) *Ук. кн. земскаго приказа* (1622—1648 г.)—сборникъ узаконеній относящихся къ управленію гор. Москвою (о тяглыхъ городск. имуществахъ, о формахъ обвинительнаго процесса. и полицейскія постановленія по гор. Москвѣ; важнѣйшія изъ статей. X, XIII и XXXI). 4) *Ук. кн. помѣстнаго прик.*, собранная послѣ пожара 1626 г. изъ отрывковъ уцѣлѣвшихъ дѣлъ въ самомъ помѣстн. пр (1587—1624 г.), изъ сообщеній („памятей") изъ другихъ приказовъ о законахъ, подведенныхъ въ рѣшеніяхъ дѣлъ, производившихся въ этихъ приказахъ (1611—1625 г.) и наконецъ изъ новыхъ узаконеній послѣ пожара (1626—1651 г.). Безъ сомнѣнія много узаконеній о помѣстьяхъ и вотчинахъ до 1626 г. совершенно изчезло.—5) *Уставная книга разбойнаго приказа* составляетъ исключеніе изъ прочихъ. въ основаніи ея лежитъ не Судебникъ, а особое уголовное уложеніе, созданное Іоанномъ IV, около 1555 г.; затѣмъ въ смутную эпоху дѣятельность разб. пр. и движеніе уголовнаго законодательства вовсе прекратились; а потому въ 1617 г. составлена новая Уставная книга въ розрядѣ дьякомъ Трет. Корсаковымъ и подъяч. Никит. Посниковымъ изъ прежней Уставн. книги и дополнительныхъ узаконеній къ ней временъ царей Ѳеодора Іоанн. и Бор. Годунова. Затѣмъ къ ней присоединены новые законодательные вопросы безъ отвѣтовъ (отвѣты были получены уже въ Улож. ц. А. М.). Наконецъ, съ 20-хъ годовъ XVI в. (1624—1631 г.) приписаны новые уголовные законы по запросамъ приказа.

Практическая рецепція чужаго права въ эпоху Судебниковъ и Указныхъ книгъ. Изложенное движеніе законодательства не вполнѣ удовлетворяло потребностямъ въ законѣ. Приказные дѣльцы, лишенные живой связи съ народнымъ сознаніемъ обычнаго права, не могли обращаться къ этому послѣднему и потому принуждены были создать сами для себя *субсидіарные источники права* изъ постановленій Литовскаго статута (3-я ред.). Къ этому открытъ путь постояннымъ сближеніемъ съ Литовскимъ государствомъ въ нач. XVII в. Изъ статута дѣлались выписки (изъ раздѣловъ X, XI и XIII) дьяками, переводились (весьма неискусно) на московское нарѣчіе, разчленялись на статьи, приписывались въ Указныя книги (именно Устав. кн. разбойнаго пр.) и несомнѣнно примѣнялись къ практикѣ. Вполѣдствіи всѣ они, въ болѣе искусной редакціи, вошли въ Улож. ц. А. М. (см. прибавл. къ Уст. кн. разб. прик. въ нашемъ изд. Указныхъ книгъ - Христ. по ист. рус. права. вып. III).

3) Уложеніе ц. Алексѣя Михайловича и новоуказныя статьи.

При изложенномъ выше характерѣ движенія законодательства послѣ Судебника ц. (т. е. при разнообразіи и мало-извѣстности законовъ, и при полной отмѣнѣ нормъ обычнаго права), право сдѣлалось трудно распозна-

ваемымъ. что̀ открывало дорогу для правителей и судей къ произволу и притѣсненіемъ управляемыхъ. Въ нач. царствованія Алексѣя Михайловича начались бунты въ Москвѣ, Псковѣ, Новгородѣ и др. городахъ, вызванные между прочимъ указанными обстоятельствами. Это побудило приступить къ новой полной кодификаціи.

Исторія составленія Уложенія. 16 іюля 1648 г. царь и дума вмѣстѣ съ соборомъ духовенства рѣшили согласить между собою всѣ источники дѣйствовавшаго права и, дополнивъ ихъ новыми постановленіями, свести въ одинъ кодексъ. Проэктъ кодекса тогда-же поручено составить коммиссіи изъ бояръ. кн. Н. И. Одоевскаго, кн. Сем. В. Прозоровскаго, окольничаго кн. Ѳ. Ѳ. Волконскаго и дьяковъ Гавр. Леонтьева и Ѳед. Грибоѣдова (послѣдніе были образованнѣйшими людьми своего вѣка). Тогда-же рѣшено было собрать, для разсмотрѣнія и утвержденія этого проэкта, зем. соборъ къ 1 сент. Активное участіе собора въ дѣлѣ составленія и утвержденія Улож. не подлежитъ сомнѣнію (см. выше стр. 167 и 174). Въ частности напр. 30 окт. 1649 г. отъ дворянъ и посадскихъ была представлена челобитная объ уничтоженіи частныхъ боярскихъ и церковныхъ слободъ и пашней вокругъ г. Москвы и др. городовъ, а также о возвращеніи городамъ перешедшихъ къ тѣмъ-же боярамъ и монастырямъ тяглыхъ городскихъ имуществъ внутри городовъ; предложеніе выборныхъ принято и вошло въ XIX гл. Улож. Около того-же времени „выборные отъ всея земли“ просили о возвращеніи назадъ въ казну и о раздачѣ служилымъ лицамъ церковныхъ имуществъ, неправильно пріобрѣтенныхъ церковію послѣ 1580 г., когда всякое новое пріобрѣтеніе было уже ей воспрещено; законъ въ этомъ смыслѣ введенъ въ XVII гл. Улож. (ст. 42). Точно также свѣтскіе выборные, не находя управы на обиды со стороны духовенства, просили подчинить иски на него государ. учрежденіямъ; въ удовлетвореніе этого ходатайства, возникла XIII гл. Улож. (о монастырскомъ прик.). Но главная роль собора состояла въ утвержденіи всего Уложенія. Обсужденіе Уложенія закончено въ слѣд. 1649 г. Подлинный свитокъ Улож., отысканный по приказанію импер. Екатерины II Миллеромъ, хранится нынѣ въ Москвѣ. Уложеніе есть первый изъ русскихъ законовъ, *напечатанный* тотчасъ по утвержденіи его. Оно печатано было въ первый разъ отъ 7 апр. по 20 мая 1649 г.; а затѣмъ когда всѣ экземпляры быстро разошлись, то въ томъ-же 1649 г. Улож. напечатано во 2-й разъ отъ 26 августа по 21 дек. (съ нѣкоторыми измѣненіями и поправками въ редакціи статей). Когда было сдѣлано 3-е изд. Улож. при Ал. Михайловичѣ, неизвѣстно. Съ тѣхъ поръ печатаніе законовъ входитъ необходимымъ условіемъ въ составъ публикаціи законовъ.

Источники Улож. отчасти указаны были законодателемъ при назначеніи редакціонной коммиссіи, отчасти взяты самими редакторами. Это: 1) *Судебникъ ц. и Указныя кн. приказовъ;* первый составляетъ одинъ изъ источ-

никовъ X-й гл. Улож. —„о судѣ“, которая сверхъ того по всей вѣроятности черпала изъ Указныхъ книгъ прик. судныхъ (нынѣ утраченныхъ). Указныя кн. послужили источниками каждая соотвѣтствующей главы Улож.; напр., Ук. кн. зем. прик. частью вошла въ X же гл. Улож., именно тѣми узаконеніями, которыя попали въ нее о гражд. судѣ (ст. X—гл. X-й Ул ст. 109, 112, 116, 117, 118, 261, 262, 264, 151). Уставная кн. разбойнаго прик. почти буквально переписана въ XXI-й гл. Улож.. „о разбойныхъ и татиныхъ дѣлѣхъ“, лишь съ нѣкоторыми дополненіями (ср. Уст. кн. ст. 1—7 съ Ул. XXI, ст. 35—42; Уст. кн. ст. 11—35 съ Ул. XXI, ст. 43—65: Уст. кн. ст. 36—40 съ Ул. XXI, ст. 8—14 и т. д.). Указн. кн. прик. холопьяго суда послужила однимъ изъ источниковъ XX-й гл. Ул. „судъ о холопѣхъ“, которая впрочемъ несравненно обширнѣе нынѣ извѣстной Указн. книги; надо думать что эта книга дошла до насъ далеко не въ полномъ видѣ. Ук. кн. помѣстн. прик. вошла въ XVI и XVII гл. Улож. („о помѣстныхъ земляхъ“ и „о вотчинахъ“).—2) *Источники Улож. греко-римскіе*, взяты изъ кормчей, а именно изъ эклоги, прохирона, новеллъ Юстиніана и правилъ Василія В.; изъ нихъ болѣе обильнымъ источникомъ былъ прохиронъ (для гл. Ул. X, XVII и XXII); новеллы послужили источникомъ I гл. Ул. („о богохульникахъ“). Вообще же заимствованія изъ кормчей немногочисленны и фрагментарны и иногда противорѣчатъ постановленіямъ, взятымъ изъ туземныхъ источниковъ о томъ-же самомъ предметѣ и включеннымъ въ то же Улож. (сл. Ул. XIV гл., ст. 10 съ гл. XI, ст. 27). Многія черты жестокости уголовнаго права проникли въ Ул. изъ кормчей.—3) Обильнѣйшимъ *источникомъ Ул. былъ Литовскій статутъ* 3-й ред. (1588 г.); именно изъ него прямо или косвенно заимствована вся первая часть Ул. (гл. II—IX), касающаяся госуд. права. (Гл. II—IV передѣлываютъ Разд. 1 стат.: „Ображенье маестату“, т. е. оскорбленіе величества, именно гл. I соотвѣт. арт. 3, 5 и 11; гл. III-я Улож. соотвѣтствуетъ 9—10 арт.; гл. IV—арт. 16; гл V—артик. 17. Гл. VII Ул =разд II Лит. стат. „О оборонѣ земской“. Гл. IX-я Ул. передаетъ содержаніе артик 29, 30 разд. I). Затѣмъ почти цѣликомъ заимствована изъ статута (изъ разд. XI) глава XXII-я Улож., въ которой содержится дополненіе туземныхъ уголовныхъ законовъ иноземными. Здѣсь Улож. б. ч. смягчаетъ варварскій духъ уголовнаго права, проникшій въ статутъ изъ саксонскаго зерцала. Въ остальныхъ частяхъ Улож. есть отдѣльныя заимствованія изъ статута, особенно въ гл. X. Путь для заимствованій былъ облегченъ тѣмъ, что уже раньше (какъ сказано) приказные дьяки брали и переводили изъ статута нѣкоторые пригодные артикулы. Способъ заимствованія разнообразенъ; иногда заимствуется содержаніе статута буквально; иногда берется только система и порядокъ предметовъ; иногда заимствуется только предметъ закона, а рѣшеніе дается свое; большею частію Улож. дробитъ одинъ артикулъ, на нѣ-

сколько статей. Заимствованія изъ статута иногда вводятъ Ул. въ погрѣшности противъ системы и даже разума узаконеній. Но вообще статутъ, какъ памятникъ также русскаго права, весьма сходный съ Русскою Правдою, можетъ быть признанъ почти туземнымъ источникомъ Уложенія (см. наше изслѣдованіе: „Уложеніе и Литовскій статутъ“ въ Сборн. госуд. знаній т. IV, 1877 г.).—Не смотря на такое множество заимствованій изъ чужихъ источниковъ, Уложеніе не есть компиляція иноземнаго права, а кодексъ вполнѣ національный, переработавшій чужой матеріалъ по духу старо-Москов. права, чѣмъ онъ совершенно отличается отъ переводныхъ законовъ XVIII в. 4) Что касается до *новыхъ статей* въ Улож., то ихъ, вѣроятно, не много (нѣкоторыя изъ нихъ указаны выше, какъ составленныя по просьбамъ зем. собора); надо думать, что коммиссія (до собора) сама не сочиняла новыхъ узаконеній.

Содержаніе и система Уложенія. Улож. состоитъ изъ XXV главъ, весьма неравныхъ, раздѣленныхъ (въ совокупности) на 967 статей. Система (впрочемъ довольно безпорядочная), усвоенная Уложеніемъ, до нѣкоторой степени копируетъ систему статута. Всѣ главы Улож. могутъ быть раздѣлены на пять группъ: 1) гл. I—IX составляютъ тогдашнее *государственное право*; здѣсь ограждается богопочтеніе (I), личность государя (II) и честь государева двора (III), воспрещается поддѣлка госуд. актовъ (IV), монеты и драгоцѣнныхъ вещей (V), что̀ включено сюда потому, что поддѣлку монетъ статутъ считалъ преступленіемъ противъ величества; здѣсь-же паспортный уставъ (гл. VI) и уставъ военной службы и вмѣстѣ спеціальное военно-уголовное уложеніе (VII), законы о выкупѣ плѣнныхъ (VIII) и наконецъ о мытахъ и путяхъ сообщенія (IX).—2) Гл. X—XV содержатъ *уставъ судоустройства и судопроизводства;* здѣсь (въ гл. X-й) изложено и обязательственное право. 3) Гл. XVI—XX—*вещное право*: вотчинное, помѣстное, тяглое (гл. XIX) и право на холоповъ (XX).—4) Гл. XXI—XXII составляютъ *уголовное уложеніе* (1-я изъ Уст. книги разб. прик., 2-я изъ Литов. стат.), хотя и во всѣ прочія части Улож. вторгается уголовное право по частямъ. 5) Гл. XXIII—XXV составляютъ *добавочную часть* (первыя двѣ о стрѣльцахъ и козакахъ, послѣдняя—уставъ питейный: „о корчмахъ“).

Форма постановленій Улож. отличается ясностью и опредѣленностію, за что̀ такъ хвалила этотъ кодексъ Екатерина II. Этимъ Ул. обязано своему *конкретному* пріему выраженія (но не „казуистическому“, какъ говорятъ нерѣдко).

Значеніе Уложенія. Не смотря на чужіе источники и на новыя статьи свои, Уложеніе есть не болѣе, какъ итогъ ко всему предшествующему законодательству Московскаго государства, *сводъ* его.

Новоуказныя статьи. Какъ ни казалось Уложеніе полнымъ, какъ ни старалось оно вмѣстить въ себѣ всѣ правовыя нормы, но опытъ тотчасъ показалъ, что оно (какъ и вообще какой-бы то ни былъ кодексъ) не можетъ ни обнять всю сумму дѣйствующихъ нормъ, ни остановить дальнѣйшее развитіе юридической жизни народа. Въ самомъ дѣлѣ въ Улож. вовсе нѣтъ многихъ главныхъ частей права (напр., т. н. законовъ основныхъ, законовъ о государств. учрежденіяхъ, какъ центральныхъ, такъ и мѣстныхъ; нѣтъ семейнаго права, общаго наслѣдственнаго права и др.). Во 2-й пол. XVII в. возникаютъ во перв. законы дополняющіе и измѣняющіе Уложеніе (новоуказныя статьи въ точномъ смыслѣ); во втор. законы новые—уставы уже съ реформаторскимъ направленіемъ.

а) *Новоуказными статьями* въ обширномъ смыслѣ называются всѣ законы, изданные послѣ Уложенія; но въ тѣсномъ смыслѣ этимъ названіемъ обозначаются законы, касающіеся предметовъ, уже вошедшихъ въ Улож., но дополняющіе и измѣняющіе постановленія о нихъ этого кодекса. Таковы: 1) *Новоук. статьи о разбойныхъ и убійственныхъ дѣлахъ 1669 г.* (Полн. Собр. Зак. № 441) уголовный кодексъ, превышающій своею полнотою уголовную часть Улож. и существенно дополняющій его; въ немъ уголовный законъ хотя постоянно обращается къ греко-римскимъ источникамъ, но значительно смягчаетъ ту строгость каръ, которая въ Улож. навѣяна была кормчею и статутомъ. 2) *Новоуказныя статьи о помѣстьяхъ 1676 г.* (П. С. З. № 633) и *Новоук. ст. о помѣстьяхъ и вотчинахъ 1677 г.* (П. С. З. № 700) показываютъ, что не всегда законодательство неуклонно идетъ къ усовершенствованію; первый изъ упомянутыхъ законовъ во многомъ безъ нужды отмѣняетъ постановленія Улож.; 2-й—б. ч. возстановляетъ вотчинное право Улож. 3) *Писцовый наказъ 1684 г.* (П. С. З. № 1074) и 4) *Новоуказныя ст. о чернослободскихъ и бѣломѣстцовыхъ дворахъ 1686 г.* (П. С. З. № 1157) дополняютъ вотчинное право Уложенія. Первый составленъ на основаніи прежнихъ наказовъ.

б) *Уставы* представляютъ новую форму закона преимущественно учредительнаго характера; они служатъ уже предвѣстіемъ Петровскихъ регламентовъ. Уставомъ именуется законодательный актъ, установляющій что-либо новое, по теоретическому усмотрѣнію законодателя. Духъ реформы начинаетъ вѣять уже вскорѣ по изданіи Уложенія; таковы уставы финансовые: *Уставная грамота 1654 г.* (П. С. З. № 122, въ которой законодатель заявляетъ, что онъ дѣйствуетъ „на лучшее преуспѣвающе, якоже Богу угодно и намъ“ и старается искоренить „злодѣйство, привзошедшее въ обычаи“; самая форма этого закона имѣетъ характеръ церковнаго поученія. *Новоторговый уставъ 1667 г.* (П. С. З. № 408), хотя изданъ „по всенародному слезному челобитью“, но заключаетъ въ себѣ совершенную реформу

торговаго права и управленія торговымъ классомъ (который превращается въ сословіе) по примѣру „всѣхъ государствъ окрестныхъ“, именно по системѣ меркантилизма. Но вполнѣ реформаторскій духъ и формы принимаетъ наше законодательство со времени царствованія Ѳеодора Алексѣевича, въ 1682 г. задумавъ законъ о призрѣніи „по новымъ европскимъ обычаямъ“.— Съ того времени (въ періодѣ имперіи) законъ идетъ впереди права, создаетъ его, а не слѣдуетъ за нимъ фиксируя его, какъ было въ цѣлый Московскій періодъ.

Періодъ третій.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО ИМПЕРІИ.

Литература См. вышеуказан. сочиненія С. М. Соловьева, В. И. Сергѣевича и С. И. Пахмана.

Гаемейстеръ: «О законахъ Петра I» (Журн. мин. нар. пр. 1836 г. іюль—августъ).

«Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній о сводѣ законовъ». Спб. 1833 и 1837.

Крафтфельдъ: «Взглядъ на финансовую систему и финансовыя учрежденія Петра В.» 1845.

Вицынъ: «Краткій очеркъ управленія въ Россіи отъ Петра В. до изданія общаго учрежденія министерствъ». 1855.

А. В. Романовичъ-Славатинскій: «Историческій очеркъ губернскаго управленія отъ первыхъ преобразованій Петра В. до учрежденія губерній 1775 г.». 1859.

И. Вараднновъ: «Исторія министер. внутр. дѣлъ». Ч. I—III. Спб. 1862.

Лешковъ: «Черты управленія въ Россіи по указамъ XVIII в. 1725—1762 г.» (Русск. Вѣстн. 1863. № 7).

Онъ-же «Раздѣленіе Россіи на губерніи и области по законамъ Петра В. и Екатерины II» (Русск. Вѣсти. 1859, № 22).

Аргамаковъ: «Историческ. обзоръ военныхъ учрежденій Петра I» (Юрид. журн. 1861—62).

Муллювъ: «Заботы объ улучшеніи быта крестьянъ во второй половинѣ XVIII в.» 1859.

Даневскій: «Исторія образованія государственнаго совѣта». 1859.

Н. В. Калачовъ: «Матеріалы для своднаго Улож. 1701 г.» (Архивъ истор. и практ. свѣд. 1860, кн. V).

И. А Поповъ: «Административныя преобразованія Петра В. и первая служба Татищева» (Русск. Вѣст. 1861 г. № 4).

Смирновъ: «Предложенія объ устройствѣ казенныхъ крестьянъ со времени имп. Екатерины II до 1836 г.» (Журн. мин. госуд. имущ. 1862, № 11—12).

Д. В. Полѣновъ: «Матеріалы для исторіи рус. законодательства. Вып. I. Палата объ Уложеніи». Спб. 1865.

Онъ-же: «Историческія свѣдѣнія о Екатерининской коммиссіи для сочиненія проэкта новаго уложенія». Т. I (1869), II (1871), III (1875).

А. Д. Градовскій: «Высшая администрація XVIII в. и генералъ-прокуроры». Спб. 1866.

Дмитріевъ: «Сперанскій...» (Рус. Арх. 1868, 10).

Образцовъ: «Первый годъ синодальнаго управленія» (Журн мин. нар. просв. 1868 г., т. CXL)

А. И. Поповъ: «Предположенія депутатовъ Екатерин. коммиссіи для сочиненія проэкта новаго улож. о наслѣдствѣ» (Заря, 1870, № 1).

А. В. Романовичъ-Славатинскій: «Дворянство въ Россіи отъ нач. XVIII в. до отмѣны крѣпостнаго права». Спб. 1870.

С. А. Петровскій: «О сенатѣ въ царств. Петра В.» М. 1875.

Владимірскій-Будановъ: «Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII в.» Яросл. 1874.

И. И. Дитятинъ: «Устройство и управленіе городовъ Россіи», т. I, 1875; т. II, 1877 г.

Востоковъ: «Св. Синодъ при импер. Петрѣ I (Журн. мин. нар. просв. 1875 №№ 7, 8 и 12).

Барсовъ: «Свѣтскіе фискалы и духовные инквизиторы» (Журн. мин. нар. просв. 1878, № 2).

Мрочекъ-Дроздовскій: «Областное управленіе Россіи въ XVIII в. до учрежденія о губерніяхъ». М. 1876.

А. Ѳ. Бычковъ: «Къ пятидесятилѣтію II отд. собств. Е. И. В. канцеляріи» (Рус. Старина 1876, февр.).

Бланкъ: «Екатерининская коммиссія 1767—69 г.» (Рус. Вѣстн. 1876, № 1 и друг.).

Корсаковъ: «Воцареніе имп. Анны». 1880.

Семевскій: «Крестьяне въ царствовніе имп. Екатерины II». Т. I. Спб. 1881.

В. Поповъ: «О св. Синодѣ и объ установленіяхъ при немъ въ царствованіе Петра В.» Спб. 1881.

П. О. Бобровскій: «Происхожденіе Воинскихъ артикуловъ и изображенія процессовъ по уставу воинскому 1716 г.» Спб. 1881.

Онъ-же: «Артикулъ воинскій съ объясненіями преобразованій въ военномъ устройствѣ и въ военномъ хозяйствѣ по русскимъ и иностраннымъ источникамъ. Вып. 2.» 1886 г.

И. И. Кедровъ: «Духовный регламентъ въ связи съ преобразовательною дѣятельностію Петра Великаго». Моск. 1886.

В. Гольцевъ: «Законодательство и нравы въ Россіи XVIII в.» М. 1886.

И. Е. Андреевскій: «Канцеляріи конфискацій 1729—1780 г.» (Русская Стар. 1881, іюнь).

В. И. Сергѣевичъ: «Отъ куда неудача Екатерининской законодательной коммиссіи?» (Вѣстн. Евр. 1878. № 1).

И. И. Дитятинъ: «Екатерининская коммиссія 1767 г. о сочин. проэкта новаго Улож.» (Юрид. Вѣстн. 1879, №№ 3, 4, 5).

Онъ-же: «Къ исторіи городоваго положенія 1870 г.» (Юрид. Вѣстн. 1885, №№ 1, 2 и 3).

Брикнеръ: «Екатерининская законодательная коммиссія» (Журн. мин. народн. просв. 1881 г. № 8 и слѣд.).

В. И. Латкинъ: «Законодательныя коммиссіи въ Россіи въ XVIII ст. Т. I.» Спб. 1887. *)

Отношеніе къ предыдущему періоду.

Существенныя черты періода имперіи (съ нач. XVIII в.) заключаются въ томъ, что, соединивши въ себѣ постепенно обѣ половины Руси, ставши государствомъ общерусскимъ, имперія старается измѣнить Московскій государственный строй чрезъ усвоеніе западно-европейскихъ и западно-русскихъ формъ, путемъ *реформаторскаго* законодательства, почти всѣ учрежденія Москов. государства уничтожаются и замѣняются новыми; различные классы смыкаются въ сословія, самая верховная власть получаетъ новыя основанія; государство изъ вотчиннаго и патріархальнаго превращается въ полицейское. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что періодъ имперіи не имѣетъ никакой исторической связи съ предшествующимъ; напротивъ при сліяніи двухъ русскихъ государствъ въ одно, преобладающимъ въ немъ остался типъ, выработанный въ Московскій періодъ (именно оно остается единодержавнымъ и самодержавнымъ).

A. Территорія.

Существенное измѣненіе прежней территоріи, повліявшее и на перемѣну внутреннихъ свойствъ государства, составляетъ расширеніе его на западъ. Петръ I, стремясь овладѣть берегами Балтійскаго моря, столкнулся съ Швеціею; борьба за гегемонію на сѣверѣ между двумя государствами (1700—1721 г.) кончилась въ пользу Россіи; тогда присоединены: Лифляндія, Эстляндія, т. н. Ингрія, часть Кареліи (древнее достояніе В. Новгоро-

---

*) Такъ какъ нормы государств. права 3-го періода входятъ б. ч. въ составъ дѣйствующаго права и излагаются въ наукѣ рус. госуд. права, то здѣсь мы ограничиваемся краткимъ изложеніемъ явленій, преимущественно такихъ, которыя уже вышли изъ состава дѣйствующихъ нормъ, именно б. част. не переходимъ за XVIII вѣкъ.

да) и часть Финляндіи. Это ввело Россію непосредственно въ кругъ европейской жизни. Но для внутренней жизни государства гораздо важнѣе возсоединеніе западной Руси съ восточною. Оно началось еще въ XVII в. присоединеніемъ Малороссіи: сначала (въ 1654 г.) всей, т. е. цѣлой юго-западной Россіи; а потомъ только по правый берегъ Днѣпра (по Андрусовскому договору 1667 г.). Остальная часть западной Россіи присоединена при Екатеринѣ II (именно: въ 1772 г. сѣверная и восточная части Бѣлоруссіи, въ 1793—остальная часть Бѣлоруссіи и югозападная Русь, а въ 1795 г. Литва и Курляндія).—Дальнѣйшее движеніе территоріи русской на западъ было лишь слѣдствіемъ двухъ указанныхъ направленій, данныхъ Петромъ и Екатериною, а именно: при Александрѣ I присоединена вся Финляндія (1809 г.) и часть бывшей Польши (Варшав. герцогство) подъ именемъ царства (1815 г.). Относительно всѣхъ этихъ европейскихъ пріобрѣтеній (за исключеніемъ Екатерининскихъ) нужно замѣтить, что присоединяемымъ странамъ даваемы были льготы, или удерживавшія за ними прежнія ихъ учрежденія, или даже создаваемыя для нихъ вновь при самомъ присоединеніи (отчего имперія не получила однако характера *союзнаго государства)*: Малороссія пользовалась самостоятельнымъ (выборнымъ) управленіемъ и судомъ и прежними (Литовскими) законами; право внѣшнихъ сношеній первоначально (при Богданѣ Хмѣльницкомъ по пунктамъ 1654 г.) было вполнѣ ограничено (съ Польшею и Турціею сноситься вовсе запрещено; пословъ прочихъ государствъ принимать, но тотчасъ давать знать въ Москву; этими правами пользовались и Астраханскіе воеводы въ Моск. государствѣ); а въ 1674 г. вовсе отнято. За Лифляндіею и Эстляндіею потомъ и Курляндіею удержаны были особенности ихъ учрежденій въ качествѣ мѣстныхъ; для Финляндіи и Польши созданы самою Россіею особые престолы *великокняжескій и царскій*, съ особенными учрежденіями *государственнаго характера (особенною законодательною властію, высшимъ управленіемъ и особенною военною силою). Но* затѣмъ эти особенности уступали мѣсто общему единодержавному складу государства. Такъ еще при Петрѣ фактически прекратилось избраніе гетмановъ Малороссіи (по смерти Скоропадскаго); хотя при Петрѣ II былъ избранъ вновь гетманъ (Апостолъ), а затѣмъ послѣ новаго перерыва при Елизаветѣ—Разумовскій, но эти гетманы были уже не болѣе, какъ особый видъ губернаторовъ; всѣ важнѣйшіе вопросы управленія разрѣшаемы были центральнымъ правительствомъ, а въ мѣстномъ генеральномъ судѣ участвовали чиновники, назначенные отъ короны. Государственныя права Польши утрачены ею послѣ возстанія въ 1831 г., а мѣстныя особенности послѣ возстанія 1863 г. Съ суверенитетомъ государственнымъ остается теперь Финляндія, и съ особенностями мѣстными—Остзейскій край.

Движеніе территоріи на югъ было продолженіемъ явленій 1-го періода русской исторіи; уже Петръ В. стремился овладѣть берегами Азовскаго и

Чернаго моря (Азовские походы 1695—1696 г.). Продолжателями его въ этомъ направленіи явились, имп. Анна Іоанн. (Бѣлград. миръ 1739 г.) и въ особенности Екатерина II, при которой Кучукъ-Кайнарджійскій миръ 1774 г. предоставилъ Россіи берега Азовскаго моря; въ 1783 г. присоединенъ весь Крымъ; а по Іясскому договору 1791 г. Россія стала наконецъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря до устьевъ Днѣстра: при имп. Александрѣ I по Бухарестскому миру 1812 г. къ Россіи присоединена Бессарабія. Это движеніе на Югъ, не имѣя значенія для внутренняго склада государства, важно для международной роли имперіи: оно дало ей миссію стать на защиту славянскихъ націй и содѣйствовать ихъ государственному возрожденію, что и составляло до сихъ поръ единственное удѣльное значеніе Россійской имперіи въ Европѣ.

Движеніе на востокъ было продолженіемъ явленія Москов. государства: уже Петръ В. (1722 г.) открылъ походъ на Персію чрезъ Кавказъ. При Екатеринѣ II Грузинскіе цари были уже въ фактическомъ подчиненіи Россіи; при Александрѣ I Грузія присоединена окончательно, съ тѣхъ поръ велась постоянная борьба съ горцами Кавказа до царствов. Александра II (1864 г.), при которомъ также послѣдовало завоеваніе средней Азіи (Туркестана—1865 г., Кокана—1876 г.), съ фактич. подчиненіемъ Бухары и Хивы (1873 г.) и расширеніе границъ Сибири до Амура (1858 г.). Это движеніе на востокъ даетъ имперіи господствующую роль въ Азіи, раздѣляемую съ нею тамъ только Англіею. Громадное государство осталось и теперь особымъ міромъ между Европою и Азіею.

Б. Населеніе.

Уже при Петрѣ В. начинается образованіе изъ прежнихъ служилыхъ и тяглыхъ классовъ нѣсколькихъ *сословій* или *состояній*, именно изъ нѣкоторыхъ разрядовъ служилыхъ людей образуется *шляхетское* (*дворянское*), изъ тяглыхъ-городскихъ—*мѣщанское* сословіе, изъ низшихъ разрядовъ служилыхъ лицъ и тяглыхъ людей сельскихъ—состояніе *казенныхъ крестьянъ*, изъ прикрѣпленныхъ и холоповъ крѣпостное состояніе, изъ дѣтей бѣлаго духовенства—*духовное* сословіе.—Исторія образованія сословій дѣлится на двѣ половины. отъ Петра В. до Екатерины, государство. образуя сословія, оставляетъ за ними прежній служилый характеръ; Екатерина хотѣла создать сословія не только по формѣ, но и по духу западныхъ европейскихъ сословій.—Однако это не вполнѣ удалось и тогда, благодаря противорѣчію сословнаго строя древнему Московскому строю и благодаря тому, что моментъ заимствованія нами сословныхъ порядковъ совпалъ съ отмѣною ихъ въ самой западной Европѣ.

1) Шляхетство или дворянство.

а) При первоначальномъ образованіи дворянскаго сословія Петромъ, оно получило *наименованіе царедворцевъ* (до 20-хъ годовъ XVIII в. такъ именовались не придворные чины, а всѣ будущіе шляхтичи; см. напр. ук. 1719 г. мар. 23), потомъ *шляхетства* по примѣру Польши и Литвы. Наименовать его дворянствомъ въ то время нельзя было потому, что въ Московскомъ государствѣ дворянами именовался низшій чинъ служилыхъ людей и такое названіе для боярина было-бы оскорбленіемъ. Наименованіе—шляхетство держалось до Екатерины II, хотя въ частныхъ случаяхъ начиналъ быть употребляемъ титулъ *дворянства*, который окончательно утверждается манифестомъ 1762 г. и актами коммиссіи 1767 г.

б) *Время и способъ образованія* шляхетства не опредѣляется никакимъ точнымъ терминомъ, ибо общаго узаконенія о томъ не было дано; „и только извѣстно, что перемѣна сія послѣдовала по возвращеніи государя изъ перваго его въ чужіе краи путешествія“, говоритъ Миллеръ. Прежніе Московскіе чины были отмѣнены Петромъ указами 1695—1703 г.; но имѣвшіе донашивали ихъ въ первой четверти XVIII в. Положительной мѣрой къ образованію шляхетства нужно считать указъ о единонаслѣдіи 1714 г., которымъ помѣстья присвоены шляхетству на правѣ собственности, т. е. положено основаніе первой и важнѣйшей привилегіи дворянъ владѣть населенными имуществами независимо отъ службы. Вторымъ актомъ образованія дворянскаго сословія былъ манифестъ Петра III 18 февр. 1762 г. объ освобожденіи дворянъ отъ обязательной службы, послѣ чего все, чѣмъ они вознаграждались за службу, обратилось въ ихъ привилегіи. Окончательная организація сословію дана жалованною грамотою Екатерины II, 1785 г.— содержаніе которой основано на петиціяхъ самихъ дворянъ, заявленныхъ ими при воцареніи имп. Анны и въ законодательныхъ коммиссіяхъ Елизаветинской и Екатерининской.

в) *Элементы, изъ которыхъ создано шляхетство*, суть придворно-и военно-служилые разряды Москов. государства, но во перв. не исключительно, а во втор. не всѣ: въ составъ шляхетства вошли дьяки и подъячіе, верстаные прежде помѣстьями и владѣвшіе вотчинами, во вторыхъ архіерейскіе дворяне и дѣти боярскіе, если ихъ дѣды и отцы были въ томъ-же чинѣ (ук. 1721 г. II. С. З. № 3854). Въ дворянство введены члены фамилій малороссійской старшины (генеральной, полковой и сотенной), сначала фактически—посредствомъ владѣнія крестьянами, а потомъ съ 1839 г. законодательнымъ путемъ. Еще въ 1785 г. жалованная грам. была распространена и на Малороссію. Далѣе къ дворянству пріобщены князья и мурзы татарскіе (ук. 1784 г. II. С. З. № 15966); наконецъ грузинскіе и бессарабскіе мѣстные дворяне (1818 г. и 1850 г.). Не вошла въ шляхетство

цѣлая половина древнихъ Московскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, особенно поселенныхъ цѣлыми массами на окраинахъ государства (Сѣверской Украйнѣ и Сибири), гдѣ изъ нихъ образованъ особый классъ *однодворцевъ*, примыкавшій къ состоянію казенныхъ крестьянъ (П. С. З. № 3794). Въ Екатерининской коммиссіи 1767 г. Тамбовскій депутатъ Веденеевъ упоминалъ, что Бѣлгородскій и Сѣвскій разряды, состоявшіе изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, рентаровъ, копейщиковъ и пр. въ 1724 г. были переименованы въ госуд. крестьяне, и ходатайствовалъ о возвращеніи имъ названія дѣтей боярскихъ, но члены новаго сословія отвергли такія притязанія (Сборн. рус. ист. общ. IV, стр. 177; ср. Болтинъ. „Прим. на Леклерка“ II, стр. 434). Въ Сибири, напротивъ, до 2-й пол. XVIII в. по прежнему производили изъ козаковъ въ дѣти боярскіе, а изъ нихъ въ дворяне не путемъ пожалованія отъ верховной власти, а простымъ повышеніемъ по службѣ

г) *Способы пріобрѣтенія шляхетства* (до Екатерины) указываютъ на смѣшанный сословно-служилый характеръ новаго сословія. Первымъ и важнѣйшимъ была—*выслуга*. По „табели о рангахъ“ (П. С. З. № 3890) 1722 г., получившій чинъ не ниже 8 класса, какого-бы онъ происхожденія ни былъ, причисляется „въ вѣчныя времена лучшему старшему дворянству“, т. е. пріобрѣтаетъ потомственное дворянство (съ дѣтьми, рожденными послѣ полученія этого чина, а о рожденныхъ раньше позволялось ходатайствовать). Получившіе чины ниже 8 кл. суть *личные дворяне* (явленіе невозможное въ сословныхъ государствахъ). Въ Елизаветинскомъ уложеніи (неутвержденномъ) было постановлено (ч. III, гл. XXII, п. 5), что выслугою не пріобрѣтаются права потомственнаго дворянства. Подобнымъ же обр. высказалась и Екатерининская коммиссія: въ проэктѣ „о правахъ благородныхъ“ источниками дворянства признаны только рожденіе и пожалованіе. Екатерина открыла дорогу для личнаго дворянства къ потомственному: если дѣдъ, отецъ и сынъ были личными дворянами (Жалов. гр. § 21).—Послѣдующими узаконеніями размѣры дѣйствія выслуги постепенно сокращались: чинъ, дающій дворянство все отодвигался выше (1845 г. и 1856 г.).—Къ выслугѣ относится также пріобрѣтеніе дворянства чрезъ полученіе *ордена* (Жалов. грам. § 92). Къ этимъ двумъ источникамъ, въ которыхъ отражается служилый характеръ сословія, присоединяются два новыхъ, обозначающихъ новый—собственно сословный строй; это—*пожалованіе* (таб. о рангахъ § 16). Къ пожалованію приравненъ и *индигенатъ иностранцевъ* (ibid. § 5), т. е. и здѣсь требуется особый актъ, подтверждающій иностранное дворянство. Самый-же важнѣйшій источникъ дворянства есть *рожденіе*.—Актомъ, укрѣпляющимъ принадлежность къ дворянству, сдѣлалось внесеніе въ т. н. *бархатную книгу*, заведенную еще въ 1682 г.. по уничтоженіи мѣстничества; а съ изданія дворянской грамоты 1785 г.—внесеніе въ мѣстныя (губернскія) дворянскія книги, раздѣленныя на 6 частей по источникамъ дво-

рянства (пожалованіе, военная выслуга, гражданская, индигенатъ. титулъ, давность). Сословіе подчинено особому вѣдомству герольдмейстера (впослѣдствіи въ 1848 г.—департаменту герольдіи) при сенатѣ.

д) *Права и преимущества дворянства (корпораціи) и дворянъ.* Дворянство стало корпораціею, члены которой взаимно равны, хотя фактически аристократія не охотно сближалась съ неимущими провинціальными дворянами, а эти послѣдніе съ завистью взирали на первую.—Всему дворянству, и только ему принадлежатъ: титулъ *благородства*, право имѣть *гербы* (утвержденные табелью о рангахъ и затѣмъ манифестомъ 1762 г.). Важнѣйшее корпоративное право дано законодательствомъ Екатерины (учрежд. о губ. 1775 г. и жал. гр. 1785 г.) и состоитъ въ правѣ составлять *дворянскія общества* и *собранія* (губернскія) и избирать должностныхъ лицъ какъ для спеціально-сословнаго (предводителей и депутатовъ), такъ и для общаго (государственно-мѣстнаго) управленія (почти по всѣмъ отраслямъ администраціи и суда). Какъ общество, дворянство каждой губерніи есть и гражданское юридическое лицо (съ правами имущественными). Къ предметамъ дѣйствій дворянскихъ собраній относится право петицій (принадлежавшее только имъ).

Что касается до *личныхъ* и *имущественныхъ* правъ и обязанностей, то жалованною дворянскою грамотою установлена для дворянъ *свобода отъ тѣлесныхъ наказаній*; но въ замѣнъ этого усилены прочія уголовныя наказанія спеціально для дворянъ за нѣкоторые виды преступленій, „основанямъ дворянскаго достоинства противные“. Дворянамъ были предоставлены многія преимущества на государств. службу. Только дворянамъ было оставлено *право владѣнія землею* населенною, а до Александра I и ненаселенною (съ нѣкоторыми исключеніями для средняго сословія, которыя будутъ указаны). Когда еще крѣпостное право не вполнѣ опредѣлилось, то (по 1-й ревизіи) крѣпостные люди записывались за лицами всѣхъ состояній (посадскими, приказными, попами, крестьянами и пр.; см. ук. 28 февр. 1721 г. и 10 мая и 1 іюня 1722 г.). Но съ 1739 г. опредѣлено, что крестьянами могутъ владѣть только дворяне, церковныя учрежденія и фабрики (П. С. З. № 8836). Дворовыми людьми продолжали владѣть и послѣ этого лица не дворянскаго происхожденія (инстр. рев. 1743 г. § 7).—Дворяне лично были освобождены отъ податей и повинностей.

2) Мѣщанское сословіе.

Первоначальнымъ *наименованіемъ* средняго сословія было *граждане* (Регл. гл. магистр. гл. 7),—затѣмъ *мѣщане* по образцу Польши и Литвы.—Мѣщанское сословіе создано путемъ узаконеній, касающихся управленія городовъ; а именно: регламентомъ глав. магистрата 1719 г., наказомъ

Екатерины II 1767 г. и грамотою на права и выгоды городамъ Рос. имперіи 1785 г. (жалованною грамотою городамъ). До изд. регламента Петръ, учреждая Бурмистерскую Палату, еще не раздѣлялъ посадскихъ людей отъ черныхъ крестьянъ округа. По регламенту объемъ новаго сословія опредѣленъ уже точными границами нѣмецкаго бюргерства „граждане" это „банкиры, знатные купцы, доктора, аптекари, инженеры", которые составляютъ 1-ю гильдію, затѣмъ ремесленники, которые входятъ во 2-ю гильдію и называются „подлыми гражданами", наконецъ прочіе „подные люди", рабочіе „между регулярными гражданами не считаются". По наказу Екатерины (XVI. 380) къ „среднему роду людей" (т. е. горожанамъ) относятся всѣ тѣ, кои не были дворянином, ни хлѣбопашцемъ, упражняются въ художествахъ, въ наукахъ, въ торговлѣ, въ мореплаваніи и въ ремеслахъ". Такое же понятіе о городскомъ сословіи даетъ и жалованная грамота 1785 г (ст 77).—Приведенными узаконеніями опредѣляются *элементы, долженствовавшіе войти въ мѣщанское сословіе*, именно двоякаго рода, одни дѣйствительные, другіе мнимые. Дѣйствительнымъ матеріаломъ новаго сословія послужили а) гости и посадскіе люди, б) крѣпостные люди ихъ (II. С. З № 4812), в) люди низшихъ военныхъ службъ (шпицари, воротники и пр. II. С. З № 4336), г) вольные гулящіе люди (II С З. № 1972). д) Помѣщичьи крестьяне могли только приписываться временно къ посаду съ согласія помѣщика, платя ему оброкъ, крѣпостные крестьяне, по освобожденіи, могли проситься въ сословіе мѣщанъ, но пріемъ ихъ не былъ обязателенъ для города. е) Переходъ казенныхъ крестьянъ въ мѣщане обставленъ извѣстными условіями (см. II. С. З № 15.459). Наконецъ ж) сюда входятъ иностранцы. Къ мнимымъ элементамъ мѣщанства (на самомъ дѣлѣ не вошедшимъ въ него) относятся „кадеты", т. е. младшіе сыновья дворянскихъ фамилій (II. С. З. № 2789, III, I и 15), люди ученыхъ профессій (медицинской, художественной и др.), которые, чрезъ службу, вошли въ кассъ личныхъ дворянъ, а не мѣщанъ —Принадлежность къ сословію закрѣпляется внесеніемъ въ *городскую обывательскую книгу*, раздѣленную подобно дворянской на 6 частей (домовладѣльцы, купцы, ремесленники, иногородные и иностранцы, именитые граждане, въ томъ числѣ ученые, и посадскіе).

Права и обязанности мѣщанъ и мѣщанскаго сословія истекаютъ изъ ихъ сословной исключительности; это во перв. исключительное право *на торговлю и ремесла*. Возбужденный въ 1711 г. вопросъ о правѣ всякаго рода лицъ торговать въ городахъ, не привелъ ни къ какому результату; лишь розничная торговля въ Москвѣ дозволена всѣмъ (II. С. З № 2770). Наказъ Екатерины (гл XIII) полагаетъ, что торговля дворянъ въ городахъ „противна существу самодержавнаго правленія". Наоборотъ, мѣщане должны были отступиться отъ дворянскаго права владѣнія *населенною* и не населенною *землею*. Изъ этого Петромъ В. сдѣлано было изъятіе въ пользу

владѣльцевъ фабрикъ и заводовъ, причемъ крестьяне были приписаны къ заводамъ а не къ лицу владѣльца; но и это право изчезло во 2-й половинѣ XVIII в. Владѣніе *крѣпостными людьми безъ земли* продолжалось за нѣкоторыми лицами городскаго сословія до 1746 г. (П. С. З. № 9267. Сл. Полѣнова: „Истор. свѣдѣнія о Екат. ком." II, 77, 85. 92—95, 98). Лица городскаго состоянія обязаны *жить въ городахъ*, а не въ уѣздахъ, или по крайней мѣрѣ приписываться къ тому или другому городу. За мѣщанскимъ сословіемъ сохраняется *тяглый характеръ*, но купцы не подлежатъ подушной подати и рекрутчинѣ, что̀ и послужило причиною раздѣленія сословія на два класса (за податнымъ классомъ утвердилось собственно названіе мѣщанъ). Первые освобождены отъ *тѣлеснаго наказанія* (П. С. З. № 14275) Корпоративное право сословія состоитъ въ *сословномъ самоуправленіи* каждаго города, чрезъ городскаго голову и думу (представительное учрежденіе). Это самоуправленіе—вполнѣ сословное даже по учрежденіямъ Екатерины II.

3) Состояніе сельскихъ обывателей и крѣпостное право.

Прежніе классы черно-волостныхъ крестьянъ, дворцовыхъ, крестьянъ церковныхъ или экономическихъ (послѣ отобранія церковныхъ имуществъ), наконецъ ясачныхъ инородцевъ сливаются въ состояніе *казенныхъ крестьянъ*; при этомъ „казна" есть частно-правное лицо, а не государственный союзъ. Поэтому зависимость казенныхъ крестьянъ есть также крѣпостное состояніе; разница между государственными и частными крестьянами, столь явная въ послѣдствіи, возникаетъ не изъ права, а изъ фактическаго различія характера владѣльцевъ.

Собственно *крѣпостное состояніе* относится къ частно-владѣльческимъ крестьянамъ. Начало его образованія относится къ XVII в.; но въ періодъ имперіи оно существенно измѣняется,—именно становится частною зависимостью (а не государств. учрежденіемъ) и поглощаетъ въ себѣ прежнее холопство. Единственное отличіе его отъ холопства заключается въ признаніи за крестьянами значенія тяглыхъ людей (обложенныхъ податями). Законовъ, образующихъ это состояніе, дано не было; оно косвеннымъ обр. возникло изъ узаконеній о ревизіяхъ и тѣхъ законовъ, которыми опредѣлилось дворянское сословіе, въ особенности изъ манифеста объ освобожденіи дворянъ отъ обязательной службы 1762 г., послѣ чего крестьяне подчинены владѣльцамъ по личному праву этихъ послѣднихъ. Впрочемъ основаніемъ крѣпостнаго права и въ XVIII в. все еще считалась не личная зависимость, а поземельная.

Элементы, вошедшіе въ составъ крѣпостнаго состоянія: суть а) прикрѣпленные крестьяне; б) холопы полные и кабальные. Прежде всего съ

крестьянами слились задворные холопы (поселенные на земельныхъ участкахъ), а потомъ и дворовые· по ук. 1720 г. велѣно вносить въ перепись всѣхъ *подданныхъ* частныхъ владѣльцевъ (терминъ заимствованный изъ польскаго и западно-русскаго права). Холопство, какъ отдѣльный институтъ, изчезаетъ, хотя наименованіе кабальныхъ людей еще встрѣчается до 1737 г. (П. С. З. № 7438). Съ того времени всѣ источники частной зависимости сливаются въ крѣпостномъ состояніи. По законамъ о ревизіи всѣ, живущіе на землѣ частнаго владѣльца, приписываются ему для вѣчнаго платежа подушныхъ податей, съ чѣмъ и соединялось вѣчное укрѣпленіе. Такъ в) дѣти священно-церковно-служителей, оставшихся за штатомъ, записывались за владѣльцемъ, а при 2-й ревизіи сами обязаны избирать себѣ владѣльца: если въ послѣдствіи кто-либо изъ нихъ (съ согласія владѣльца) будетъ посвященъ въ духовный санъ, то такіе попы и дьяконы не исключались изъ подушнаго оклада и оставались т. ск. полукрѣпостными. Причетники (по ук. 5 и 19 янв. 1720 г.), отставные попы и дьяконы (по ук. 1722 и 1723 г.) подлежатъ записи въ подушный окладъ за мѣстными владѣльцами. Обращеніе лицъ духовнаго происхожденія въ крѣпостное состояніе прекращено Екатериною II. г) Малолѣтніе неизвѣстнаго происхожденія, незаконнорожденные и подкидыши записывались—первые за желающими, вторые—за тѣми, кому подкинуты (инструкц. ревиз. 1743 г. § 16), что продолжалось до указа Екатерины II 1765 г. (П. С. З. № 12430), по которому пріемыши отдаются въ услуженіе до 20 или 30 л. д) Лица свободнаго состоянія („вольные гуляющіе“) какъ тѣ, которые пребывали въ городахъ безъ опредѣленныхъ промысловъ, такъ и всѣ, которыхъ застала ревизія на частныхъ земляхъ, записываются за частными владѣльцами, при чемъ иногда желающіе владѣть ими вызываемы были чрезъ публикацію.

Такъ какъ крѣпостное состояніе поглотило въ себѣ прежнее холопство, то *источниками* пополненія его сдѣлались всѣ прежніе источники холопства, какъ то: *бракъ*, до ук. Екатерины II 1781 г.; *договоръ займа—кабала* въ отношеніи къ инородцамъ, до ук. 1743 г. (П. С. З. № 8792); *купля* инородцевъ и иностранцевъ азіатскаго происхожденія и вымѣнъ ихъ на товары, что поощрялось въ видахъ обращенія въ христіанскую вѣру (и что пресѣчено указомъ Екатерины II 1776 г.); *наемъ въ услуженіе:* по 2 й ревизіи всѣ партикулярно служащіе у кого либо записывались за владѣльцемъ вѣчно, кромѣ иноземцевъ, принявшихъ христ. вѣру; *плѣнъ*: плѣнники раздаваемы были частнымъ лицамъ въ вѣчную крѣпость (ук. 16 апр. 1737 г.), что прекращено Екатериною II (въ ук. 17 окт. 1776 г.); *преступленіе*, именнн *бунтъ* (напр. раздача бѣжавшихъ ногайцевъ въ 1743 г.).—Какъ видно изъ предыдущаго, всѣ новые источники крѣпостнаго состоянія пресѣчены Екатериною В., при которой (сенатск. ук. 1780 г.: П. С. З. № 14294 и 15070) вообще свободному человѣку запрещено записываться въ крѣ-

постное состояніе.—Но за то именно Екатерина болѣе всѣхъ другихъ государей увеличила фактическій объемъ крѣпостнаго состоянія чрезъ *пожалованіе государственныхъ населенныхъ земель частнымъ лицамъ*. Этимъ послѣднимъ путемъ узаконено возникшее фактически вновь крѣпостное право въ Малороссіи (гдѣ оно вполнѣ было уничтожено при Богданѣ Хмѣльницкомъ): здѣсь, впрочемъ, и безъ пожалованія, крѣпостное право вводимо было простыми полицейскими мѣрами о воспрещеніи бродяжничества (перехода отъ одного владѣльца къ другому), ради удобнѣйшаго взысканія податей. Пожалованіе населенныхъ имѣній прекращено имп. Александромъ I въ 1801 г.

Юридическое положеніе крѣпостныхъ. Благодаря смѣшенію въ крѣпостномъ состояніи холопства и прикрѣпленія, въ правахъ владѣльцевъ смѣшиваются прежнія права господъ съ правами землевладѣльцевъ. 1) Крѣпостная зависимость *вѣчна*, вопреки временному характеру стараго кабальнаго холопства и согласно съ характеромъ вотчиннаго права на землю. 2) *Право распоряженія* крѣпостными перешло отъ прежнихъ правъ господина на полныхъ холоповъ: владѣльцы продавали, мѣняли на другіе предметы крѣпостныхъ поштучно (безъ земли и отдѣльно отъ семействъ). Хотя Петръ В. (въ указаніяхъ для коммиссіи при составленіи новаго улож. 1721 г. апр. 15) порицалъ это („шлихетство продаетъ людей, какъ скотовъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится“); но самъ-же онъ разрѣшилъ продажу людей въ рекруты (ук. 29 окт 1720 г.), на чемъ единственно опиралась послѣдующая практика (ибо законъ въ общемъ не разрѣшалъ этого; сл. II С. З. № 13074). Въ проэктѣ Екатерининской коммиссіи о правахъ „третьяго рода жителей“ (ч. 2, ст. 46) было постановлено. „помѣщики не властны ихъ продавать и уступать мужа отъ жены, или жену отъ мужа, также и малолѣтнихъ ихъ дѣтей, коимъ отъ роду не болѣе 7 лѣтъ“. Но проэктъ не былъ утвержденъ и отдѣльная продажа людей продолжалась. Продажа людей отдѣльными головами запрещена только въ 1843 г.—3) *Право хозяйственнаго пользованія* крѣпостными не было ограничено закономъ (вопреки желаніямъ лучшихъ людей того времени, напр. Посошкова: „О скудости и богат.“ гл. VII и самой Екатерины II—наказъ, гл. XII п. 270) до указа 1797 г. (II. С. З. № 17904), по которому число рабочихъ дней въ недѣлѣ на помѣщика ограничено тремя, но законъ этотъ не вошелъ въ практику. Прежнее различіе видовъ труда между холопами (дворовая служба) и крестьянами (земледѣліе) уничтожается: владѣлецъ всегда имѣлъ право перевести крестьянина во дворъ (до зак. 1858 г.). Владѣлецъ имѣлъ право передавать свою власть надъ крѣпостными кому угодно (по арендному контракту на землю и лично по передачѣ отдѣльныхъ крестьянъ во временное пользованіе). Законъ прекращалъ лишь передачу крестьянъ лицамъ, не имѣющимъ права владѣть крѣпостными (ук. 1817 г. П. С. З. № 30040 и 2-е П. С. З. № 27405). Владѣлецъ могъ переселять своихъ крестьянъ съ одной

земли на другую, впрочемъ съ дозволенія начальства камеръ-коллегіи (П. С. З. № 4533), а потомъ земскаго суда (П. С. З. № 15549). Самимъ крестьянамъ не принадлежитъ никакихъ имущественныхъ правъ, всякое имущество ихъ есть имущество владѣльца. Въ выше упомянутомъ проэктѣ Екатерининской коммиссіи (ч. 3-я ст. 48) было постановлено: „все движимое имѣніе принадлежитъ имъ собственно": при взысканіи недоимокъ (въ пользу казны или помѣщика) оцѣнка имущества крестьянъ производится выборными изъ крестьянъ. Но это не вошло въ законъ. 4) *Право устроять брачную судьбу крѣпостныхъ* перешло изъ права господъ на холоповъ, и вмѣшательство закона съ цѣлію ограничить произволъ владѣльцевъ въ этомъ отношеніи (ук. 5 янв. 1724 г., въ П. С. З. № 4406), не имѣло никакихъ благихъ послѣдствій. 5) *Право суда и наказанія* первоначально вовсе не регулировано закономъ; не дозволялось лишь примѣненіе смертной казни. Помѣщикамъ предоставлялось право ссылки крестьянъ въ каторгу на срокъ (ук. 1765 г. П. С. З. № 12311), опредѣленный самимъ владѣльцемъ; это право отмѣнено въ 1807 г. (П. С. З. № 23530). Въ сводъ законовъ отнятого у помѣщиковъ права суда и наказанія лишь по преступленіямъ, ведущимъ къ лишенію правъ состоянія; тѣлесныя наказанія ограничены 40 ударами розогъ или 20 ударами палокъ; а тюремное заключеніе въ сельской тюрьмѣ отъ 1 дня до 2-хъ мѣсяцевъ; впрочемъ владѣльцамъ предоставлено право отсылать виновныхъ въ смирительный домъ отъ 2 нед. до 3 мѣсяцевъ и въ арестант роты отъ 1 до 6 мѣсяц. (т. IX, ст. 1052). Право помѣщиковъ ссылать своихъ крестьянъ на поселеніе не за преступленія, а за пороки и проступки, дано самими законодателями въ видахъ скорѣйшей колонизаціи Сибири (П. С. З. № 11166 и 11216· ук. 1760 г.); хотя эту мѣру отмѣняли и сама Екатерина (въ 1773 г.) и Александръ I (въ 1802 г.), но она вновь возстановлялась. Ссылка регулирована въ 1827 г.—Единственнымъ ограниченіемъ крѣпостныхъ правъ по сравненію съ прежними правами на холоповъ, было запрещеніе *ставить крестьянъ вмѣсто себя на правежъ*.

Выходъ изъ крѣпостнаго состоянія.—Много дверей вело въ это состояніе; но изъ него—ни одной: отдача въ солдаты вела лишь къ временному освобожденію: владѣлецъ могъ требовать отставныхъ солдатъ себѣ обратно (ук. 1764 г. П. С. З. № 12060) Дѣти, рожденныя во время службы отъ солдата-отца, принадлежатъ военному вѣдомству. Доносъ на своихъ владѣльцевъ велъ также къ временному освобожденію: освобожденный обязанъ пріискать себѣ новаго владѣльца въ теченіи одного года. Воля самихъ владѣльцевъ освобождать своихъ крестьянъ была ограничена; личное освобожденіе позволено лишь манифестомъ 1775 г., а освобожденіе съ землею ук. 1801 г. Владѣльцы иногда подъ видомъ освобожденія выгоняли дряхлыхъ и больныхъ, чтобы не платить за нихъ подушныхъ податей (П. С. З. № 15603).

Ограниченія крѣпостнаго права. Крѣпостное право, какъ сказано выше, заключило въ себѣ и рабство на частныхъ основаніяхъ и прикрѣпленіе на государ. началахъ. Поэтому государство имѣло полныя основанія регулировать въ частныхъ случаяхъ власть помѣщика, но обыкновенно не пользовалось этимъ правомъ. Въ началѣ оно за разореніе помѣщикомъ своихъ деревень, отдавало такихъ „непотребныхъ“ подъ начало до исправленія, а имѣніе отдавало родственникамъ (ук. 1697 г., п 7; подобное-же повторено въ ук. о единонаслѣдіи),—дозволяло крестьянамъ приписываться въ посады (безъ освобожденія).—Но послѣ 1762 г. вмѣшательство государства становится все слабѣе: опека за жестокое обращеніе съ крестьянами дѣлается явленіемъ весьма рѣдкимъ.

Эманципаторскія идеи начинаютъ проявляться съ самаго начала крѣпостнаго права; представителемъ ихъ можно считать уже Посошкова. Замѣтнѣе онѣ становятся со временъ Екатерины. Сама Екатерина, какъ частное лицо несомнѣнно была (до 1789 г.) на сторонѣ освобожденія, но какъ государыня поддерживала крѣпостное состояніе и даже развивала его; свидѣтельство о ея эманципаторскихъ наклонностяхъ можно видѣть въ наказѣ (гл. XI и V), въ темѣ, предложенной Вольному экономич. обществу объ имущественныхъ правахъ крестьянъ, въ полемикѣ ея съ Сумароковымъ и въ сказаніяхъ о проэктѣ ея, по которому всѣ рожденные послѣ 1785 г. должны б. свободны. Въ коммиссіи 1767 г. многіе депутаты, особенно депутатъ Козловскаго дворянства—Коробьинъ, стояли за ограниченіе власти помѣщиковъ и признаніе за крестьянами правъ собственности. Ревностнымъ приверженцемъ освобожденія былъ въ нач. царствованія имп. Александръ I, установившій (1803 г.) разрядъ свободныхъ хлѣбопашцевъ и дозволившій помѣщикамъ отпускать крестьянъ съ землею, освободившій (1816—1818 г.) крестьянъ Эстляндіи и Курляндіи. При имп. Николаѣ I было учреждаемо нѣсколько секретныхъ комитетовъ, посвященныхъ крестьянскому вопросу (1826, 1839 г.); послѣдствіемъ обсужденій ихъ были указы 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ (т. е. о личномъ освобожденіи крестьянъ, съ сохраненіемъ за помѣщиками права собственности на землю ; ук. 1843 г.,—запретившій продажу безъ земли; ук. 1848 г. о правѣ крестьянъ покупать землю съ согласія помѣщиковъ.

Дѣйствительное освобожденіе послѣдовало лишь въ великое царствованіе Александра II, 19 февр. 1861 г.

В. Власть.

Царская власть получаетъ новый *титулъ—императорскій*, съ сохраненіемъ и всѣхъ прежнихъ. Этотъ титулъ поднесенъ Петру В. высшими учрежденіями государства при окончаніи великой сѣверной войны въ 1721 г.; войны, которая и вызвала всѣ новыя явленія періода имперіи. Новый титулъ, сходный по существу съ прежнимъ -царскимъ, заключаетъ однако въ себѣ и новый смыслъ: царскій титулъ дѣлалъ нашихъ государей преемниками Византійскихъ цезарей; императорскій—дѣлаетъ ихъ усвоителями подобныхъ-же традицій западно-европейскихъ.

Новыя основанія власти. Петръ В. и теоретически и практически измѣняетъ прежнія патріархально-вотчинныя основанія власти въ государственныя: власть существуетъ въ интересахъ государства и для государства. Теоретически такое ученіе проводилъ въ Москвѣ Юрій Крыжаничъ; затѣмъ тотъ-же взглядъ выраженъ, по порученію Петра, Ѳеофаномъ Прокоповичемъ въ „Правдѣ воли монаршей“ (оффиціальномъ публицистическомъ трактатѣ, написанномъ въ защиту правъ Петра на устраненіе законнаго наслѣдника). Здѣсь основанія власти изложены согласно съ теоріею Гуго-Гроція, т. е. съ теоріею договорнаго происхожденія власти: „согласно всѣ хощемъ, да ты, государь, къ общей нашей пользѣ владѣеши нами вѣчно“; практически Петръ проводилъ ту же мысль, издавъ новую форму присяги 1711 г. (П. С. З. № 2329) на имя государя и государства, затѣмъ проходя службу, наравнѣ съ подданными, съ низшихъ чиновъ, и повелѣвъ въ письмѣ изъ-подъ Прута сенату, что если онъ попадетъ въ плѣнъ, то не исполнять его приказаній, хотя-бы и собственноручныхъ, а если погибнетъ, то выбрать между собою достойнѣйшаго въ наслѣдники.

Переворотъ въ порядкѣ преемства. Согласно съ новыми основаніями власти, Петръ В. полагалъ (и рукою Прокоповича въ „Правдѣ воли монарш.“ выразилъ), что воля царствующаго государя не связана порядкомъ законнаго наслѣдованія; если государь находитъ законнаго наслѣдника не соотвѣтствующимъ благу государства, то можетъ назначить себѣ преемникомъ кого угодно. Практическимъ поводомъ къ тому было желаніе Петра устранить сына своего Алексѣя отъ престола; онъ былъ дѣйствительно устраненъ (впрочемъ чрезъ его собственное отреченіе, хотя и вынужденное) и послѣ бѣгства въ Австрію—судимъ и приговоренъ къ смертной казни. Тогда Петръ утвердилъ *завѣщательное преемство* (ук. 5 февр. 1722 г.), бывшее причиною многихъ смутъ въ 1-й пол. XVIII в.; самъ онъ не успѣлъ назначить себѣ преемника; его супруга—Екатерина I возведена на престолъ лишь по тому основанію, что была коронована Петромъ В., какъ супруга-императрица (первый случай пріобщенія къ коронаціи государынь-супругъ). Сама она оставила завѣщаніе, допустивъ въ немъ субституцію; первымъ

преемникомъ назначенъ законный наслѣдникъ—сынъ царевича Алексѣя Петръ, за бездѣтною смертію котораго престолъ долженъ былъ перейти къ дочери Петра I Аннѣ (Голштинской). Въ дѣйствительности за смертію Петра открылось *избраніе* преемника волею верховнаго тайнаго совѣта, которое пало на дочь царя Іоанна—Анну Курляндскую. Она хотя также назначила завѣщаніемъ преемника въ лицѣ малолѣтняго Іоанна Брауншвейгскаго, но онъ былъ свергнутъ и на престолъ возведена дочь Петра Елизавета, которая объявила своимъ наслѣдникомъ Петра (III), который, однако, свергнутъ его супругою Екатериною II. Екатерина, хотя и признала съ самаго начала царствованія своимъ наслѣдникомъ сына своего Павла, но не отмѣняла закономъ завѣщательнаго порядка (по нѣкоторымъ извѣстіямъ, имѣя въ виду устранить Павла и передать престолъ сыну его—Александру). Имп. Павелъ I поспѣшилъ возстановить *законное преемство* (ук. 5 апр. 1797 г.) и установилъ тотъ порядокъ, который, безъ существенныхъ измѣненій, дѣйствуетъ до нынѣ.

Права власти верховной. Выше изложенное измѣненіе основаній власти привело къ точному законодательному опредѣленію неограниченной самодержавной власти,—именно въ Воинскихъ Артикулахъ Петра В. (въ толкованіи къ арт. 20) читаемъ такъ: „Его Величество есть самовластный монархъ, который никому на свѣтѣ о своихъ дѣлахъ отчетъ дать не долженъ; но силу и власть имѣетъ свои государства и земли, яко христіанскій государь, по своей волѣ и благомыслію управлять“. „Правда воли Монаршей“ учитъ, что хотя власть возникла по договору и для пользы подданныхъ, но народъ разъ навсегда передалъ власть въ руки монарха, безусловно. Екатерина II (Наказъ гл. II) указываетъ на другія основанія для того-же: „Государь есть самодержавный, ибо никакая другая, какъ только соединенная въ его особѣ, власть не можетъ дѣйствовать сходно съ пространствомъ толь великаго государства“ (п. 9—11); „Другая причина та, что лучше повиноваться законамъ подъ однимъ господиномъ, нежели угождать многимъ. Какій предлогъ (цѣль) самодержавнаго правленія? Не тотъ, чтобы у людей отнять естественную ихъ вольность, но чтобы дѣйствія ихъ направити къ полученію самаго большаго ото всѣхъ добра“ (п. 12—16).

Въ 1730 г., когда задумали примѣнить въ преемствѣ принципъ избранія, задумали также ввести ограничительные пункты для власти новоизбранной государыни Анны Іоанновны; именно аристократія—члены верховнаго тайнаго совѣта (гл. обр. кн. Голицынъ) имѣли образцомъ шведское государственное устройство; дворянство—увлекалось правами польскаго шляхетства; но проэктъ олигархіи взялъ перевѣсъ и императрица присягнула на соблюденіи слѣд. кондицій: она, безъ согласія совѣта, не можетъ объявлять войны и заключать мира, налагать новыя подати, казнить дворянъ безъ суда, распоряжаться коронными землями, вступать въ бракъ и изби-

рать себѣ наслѣдника. По прибытіи государыни въ Москву шляхетство хотѣло измѣнить олигархическіе пункты въ свою пользу, но окончательный перевѣсъ взятъ приверженцами неограниченной монархіи; кондиціи были уничтожены.

Гораздо важнѣе этой безплодной попытки тѣ случаи, когда сама верховная власть призывала къ участію въ дѣлахъ правленія представителей населенія, отнюдь не думая ограничивать тѣмъ своихъ самодержавныхъ правъ. Этого не допускалъ Петръ В., но допускали не разъ его преемники по поводу составленія новаго кодекса. Современникъ Петра Посошковъ („О скудости и богатствѣ“) писалъ, что къ составленію „судебной книги“ (уложенія) слѣдуетъ призвать выборныхъ отъ духовенства, дворянства („отъ высокаго чина“) и отъ иныхъ чиновъ: отъ приказныхъ чиновъ, отъ купечества, отъ солдатъ и отъ людей боярскихъ. „Мнится мнѣ (продолжаетъ онъ), что не худо бы выбрать и изъ крестьянъ, кои въ старостахъ и въ сотскихъ бывали, и во всякихъ нуждахъ перебывали и въ разумѣ смысленые. Я видѣлъ, что и въ Мордвѣ разумные люди есть, то какъ въ крестьянахъ не быть людямъ разумнымъ?“ При этомъ Посошковъ оговаривается, что подобнымъ проэктомъ отнюдь не посягаетъ на право самодержавной власти. Мы увидимъ ниже, какъ неудачно осуществлялась эта мысль преемниками Петра I. Наибольшаго вниманія заслуживаетъ *коммиссія для составленія проэкта новаго уложенія*, созванная Екатериною II въ 1767 г. (манифестомъ 14 дек. 1766 г.). Созваны были представители *сословій* (дворянъ, горожанъ, козаковъ и свободныхъ сельскихъ обывателей, но не духовенства), чѣмъ представительство XVIII в. существенно отличается отъ территоріальнаго представительства земскихъ соборовъ. Лишь представительство двухъ городовъ—Москвы и Петербурга было всесословное. Но и въ другихъ городахъ сословное начало не могло быть выдержано, потому что мѣщанскій городъ только что еще создавался: въ городахъ смѣшивалось дворянство, купечество, козаки и крестьяне и притомъ люди разныхъ національностей; всѣ они, вопреки призыву, избирали отдѣльныхъ депутатовъ. Избранные получали *наказы* отъ своихъ избирателей, исполненные самаго разнообразнаго содержанія, отъ высшихъ вопросовъ госуд. управленія до самыхъ мелкихъ мѣстныхъ нуждъ. Всѣхъ депутатовъ явилось: отъ дворянъ 161, горожанъ 208, козаковъ 54, крестьянъ 79, иновѣрцевъ 34; всего 536. Были представлены всѣ части имперіи, не исключая привилегированныхъ, имѣвшихъ свои особенныя узаконенія (Малороссіи, Остзейскаго края). Сверхъ представительства населенія, были и представители (всего 28) учрежденій (сената, синода, коллегій и главныхъ канцелярій). Т. обр. общее число членовъ коммиссіи было 564. Большинство членовъ приходилось на долю город. сословій. *Засѣданія* коммиссіи должны были совершаться по изданному императрицею „обряду управленія коммиссіею“. При открытіи въ коммиссіи предсѣдатель-

ствуетъ генералъ-прокуроръ, а потомъ избранный депутатами—маршалъ. Назначена была частная коммиссія дирекціонная для упорядоченія занятій коммиссіи. Но самая сущность дѣла, т. е. обсужденіе законовъ первоначально совершалась въ общемъ собраніи коммиссіи.—Коммиссія была призвана къ исполненію невозможнаго дѣла: ей предстояло не обсуждать готовый проэктъ новаго кодекса (какъ было въ 1648 г. и какъ бываетъ обыкновенно), а *сочинять проэктъ*, что рѣшительно немыслимо въ 500-тенномъ собраніи. Притомъ-же трудность составленія кодекса въ XVIII в. возрасла неизмѣримо сравнительно съ затрудненіями, предстоявшими законодателямъ XVII в.: теперь законодательныхъ источниковъ накопились новыя тысячи, не приведенныя въ извѣстность и не собранныя какъ нынѣ въ полномъ собраніи законовъ; но что всего важнѣе, законодательство XVIII в. внесло совершенно новыя начала, непримиренныя и несогласимыя съ началами Москов. права. Императрица думала облегчить работы коммиссіи давъ ей въ руководство свой знаменитый „наказъ“; но этимъ только усложнила работы коммиссіи и сдѣлала ихъ еще болѣе невыполнимыми; наказъ не есть проэктъ, ни даже программа кодекса, а общія философскія начала права, заимствованныя изъ Монтескье и Беккаріа, разумѣется не имѣвшія ничего общаго съ фактическимъ состояніемъ Москов. права. Коммиссія должна была также принять во вниманіе частные наказы депутатовъ (числомъ ок. $1^1/_2$ тыс.). Вотъ почему засѣданія общаго собранія были безъ системы и безъ результатовъ. Это не только должно было случиться въ то время, но должно повториться и всегда; предсѣдатель ком.—Бибиковъ совершенно справедливо вицѣлъ невозможность вести дѣла въ такомъ большомъ собраніи; дирекціонная коммиссія поспѣшила выдѣлить частныя коммиссіи для разработки проэктовъ спеціальныхъ уложеній,—именно: вотчинную юстицкую и о родахъ государственныхъ жителей (сословное право); не имѣя общаго плана, коммиссія не могла сдѣлать болѣе раціональное распредѣленіе частныхъ коммиссій. Государыня, сознавая свою ошибку, съ своей стороны поспѣшила дать планъ новаго уложенія (8 апр. 1768 г.: „Начертаніе о приведеніи къ окончанію коммиссіи проэкта новаго уложенія“); сообразно съ главными частями этого плана для разработки права общаго назначено 11 частныхъ коммиссій, а для разработки права особеннаго—4. Эти частныя коммиссіи продолжали долго работать; но „большая коммиссія“, т. е. общее собраніе было распущено 18 декабря 1768 г. по случаю открывшейся войны съ Турціею, впредь до новаго созыва, котораго не воспослѣдовало (упоминанія о коммиссіи какъ существующей de jure, доходятъ до 1780-хъ год.). Работы частныхъ коммиссій еще не всѣ изучены и сличены съ послѣдующими актами законодательства Екатерины.—Итакъ о неудачахъ Екатерининской коммиссіи рѣчи быть не можетъ: нельзя назвать неудачею неисполненіе того, что не можетъ быть исполнено. Дѣйствительное-же значеніе коммиссіи, т. е. выраженіе

народныхъ мнѣній по разнымъ отраслямъ законодательства, ею исполнено — въ наказахъ депутатамъ и рѣчахъ ихъ. Здѣсь, конечно, мы находимъ массу неправильныхъ (по взглядамъ нашего времени) мнѣній, и партіозно-сословныхъ стремленій; но не мало и весьма благородныхъ и цѣнныхъ заявленій.

Имп. Александръ I учредилъ конституціонный образъ правленія въ новоприсоединенныхъ областяхъ—Финляндіи и Польшѣ. Планъ общихъ преобразованій въ этомъ смыслѣ, составленный Сперанскимъ, не былъ приведенъ въ исполненіе и потому для исторіи русскаго государств. права не имѣетъ никакого значенія, за исключеніемъ *Государственнаго совѣта*, установленнаго въ 1810 г. (или правильнѣе преобразованнаго изъ „постояннаго совѣта“, учрежд. въ 1801 г.). Государ. совѣтъ есть установленіе законосовѣщательное; это значеніе его существенно измѣнено реформою 1842 г.

Г. Управленіе.

1) Центральное управленіе.

а) сенатъ и другія высшія учрежденія.

Около 1700 г. Петръ В. уничтожилъ боярскую думу, какъ учрежденіе; но совѣщанія съ боярами продолжались въ т. н. *Ближней канцеляріи* (упом. съ 1704 г.), которая сама по себѣ была не болѣе, какъ личною канцеляріею царя и учрежденіемъ постояннымъ, но съѣзды бояръ въ канцелярію— уже не учрежденіе, постоянно дѣйствующее. Въ послѣдующе года, впредь до учрежденія сената, Петръ, во время отъѣздовъ своихъ изъ столицы, поручалъ веденіе дѣлъ нѣсколькимъ лицамъ (напр. въ 1706 г.), но не довѣрялъ имъ и не полагался на нихъ (въ 1707 г. онъ велѣлъ, чтобы всѣ министры подписывали дѣла, „ибо симъ всякаго дурость явлена будетъ“). Въ 1711 г. 22 февр., объявляя о войнѣ съ Турціею и собираясь уѣхать на театръ войны, далъ подобное-же порученіе нѣсколькимъ лицамъ, назвавъ совокупность ихъ *сенатомъ* (терминъ могъ быть взятъ какъ изъ шведскаго, такъ и изъ польскаго госуд. устройства, безъ заимствованія сущности дѣла). *Сенатъ при Петрѣ В.* прошелъ 3 формы: а) въ годы 1711—1718 какъ регенство, вполнѣ замѣняющее царя во время его отсутствія, сенатъ получилъ широкія полномочія; въ ук. 2 марта 1711 г. сказано: „мы для всегдашнихъ нашихъ въ сихъ войнахъ отлучкахъ, опредѣлили *управительный* сенатъ, которому всякъ и ихъ указамъ да будетъ послушенъ, какъ намъ самому, подъ жестокимъ наказаніемъ или смертію, по винѣ смотря“ (П. С. З. 2328). Инструкція, тогда данная сенату, опредѣляла не постоян-

ный кругъ его вѣдомства, а нѣсколько временныхъ порученій, которыя надо было исполнить немедленно. Однако ни въ одномъ родѣ дѣлъ сенатъ не могъ проявить самостоятельности: существенною задачею его была администрація, но *верховные господа—министры* (управлявшіе войскомъ, флотомъ и иностран. дѣлами) распоряжались сами, обращаясь въ сенатъ „указами“ именемъ царскаго величества, т. е. съ требованіями въ случаѣ надобности. Во всякомъ случаѣ сенату принадлежала тогда вся исполнительная власть. При немъ находятся по два коммиссара отъ губерній „для спроса и принимания указовъ“ (П. С. З. № 2321 и 2339). Сенатъ состоялъ изъ особыхъ, спеціально назначенныхъ членовъ (кн. М. В. Долгорукаго, кн. Волконскаго, Стрѣшнева, Опухтина, Мельницкаго); первоначальный выборъ ихъ былъ очень неудаченъ. б) Въ 1718 г. съ учрежденіемъ коллегій, всѣ административныя функціи сената отходятъ къ коллегіямъ; существованіе сената должно-бы прекратиться; но для объединенія административныхъ мѣръ установлено общее собраніе президентовъ коллегій, и на него перенесено названіе сената; этотъ новый сенатъ является опять не постоянно дѣйствующимъ учрежденіемъ, а временнымъ собраніемъ президентовъ, которое составляется въ случаѣ кто изъ нихъ не можетъ рѣшить дѣла въ коллегіи. Собственное вѣдомство сената, независимо отъ доклада изъ коллегій, состояло въ предметахъ не подлежащихъ ни одной коллегіи; но такъ какъ система коллегій обнимала (и должна была обнимать) всѣ отправленія государственной жизни, то на долю сената не осталось почти ничего (извѣстія о моровой язвѣ, о нападеніи непріятелей, „какихъ припадковъ“); впрочемъ сенатъ баллотируетъ въ высшіе чины. Судебной функціи онъ не имѣетъ (П. С. З. № 3264).— в) Въ 1722 г. Петровскій сенатъ переходитъ въ 3-й фазисъ, въ ук. 12 янв. (П. С. З. № 3877) Петръ самъ осуждаетъ прежнее устройство сената, говоря: „сіе сначала не осмотря учинено“, а именно: президенты коллегій и такъ обременены своими прямыми обязанностями и притомъ не могутъ надзирать сами надъ собою. Сенатъ долженъ былъ получить свой собственный составъ, независимый отъ коллегій, однако далеко не вполнѣ: президенты военной, адмиралтейской, иностранной и бергъ-коллегій остались его членами. Законодательная функція, и прежде не принадлежавшая сенату, теперь прямо воспрещена ему. Непосредственнымъ администрат. органомъ онъ пересталъ быть съ устройствомъ коллегій. Сенату, повидимому, остался только контроль надъ прочими органами администраціи. Ревизіонъ-коллегія (вѣдомство финансоваго контроля) была уничтожена; ея роль передана сенату. Въ отношеніи къ судебнымъ коллегіямъ надзоръ выражался въ томъ, что въ сенатъ могутъ быть поданы какъ частныя, такъ и аппелляціонныя жалобы на коллегіи, для чего учреждена при сенатѣ должность *генералъ-рекетмейстера*. Въ отношеніи-же къ прочимъ коллегіямъ ему могъ-бы принадлежать надзоръ, если-бы въ то-же время не была учреждена особая

охранительная власть, простирающаяся и надъ самимъ сенатомъ. Въ одинъ годъ съ учрежденіемъ сената, установлены *фискалы;* окончательная организація этому учрежденію дана въ 1717 г.: при юстицъ-коллегіи находится оберъ-фискалъ, назначаемый сенатомъ и ему подсудный: при оберъ-фискалѣ 4 помощника, изъ нихъ двое отъ купечества, „дабы могли тайно вѣдать купеческое сословіе"; въ губерніяхъ и провинціяхъ были провинціалъ-фискалы, въ городахъ и „у всякаго дѣла"—фискалы. Самъ сенатъ подлежалъ наблюденію сначала *генералъ-ревизора* (Зотова), затѣмъ (въ 1720 г.) *оберъ-секретаря*, въ 1721 г.—*оберъ-офицеровъ гвардіи*, которые могли арестовать сенаторовъ и по песочнымъ часамъ наблюдали время, назначенное сенату для того или другаго дѣла. Впрочемъ эта мѣра была принята временно, „пока не будетъ выбранъ государственный фискалъ". Въ замѣнъ этого, при новомъ преобразованіи сената въ 1722 г. учреждена *прокуратура* (П. С. З. № 3978 и 3979), которой подчинена и система фискаловъ; это—управленіе надъ управляющими или „полиція надъ администраціею (говоря словами Ѳ. М. Дмитріева). При сенатѣ состоитъ *генералъ-прокуроръ*—„око наше"; онъ наблюдаетъ, чтобы „сенатъ должность свою хранилъ"; онъ имѣетъ власть останавливать своимъ veto всякое рѣшеніе сената; онъ начальствуетъ надъ сенатскою канцеляріею и наблюдаетъ за исполненіемъ рѣшеній сената. И самъ сенатъ и частныя лица (Минихъ) поняли должность генер.-прокурора, какъ начальство надъ сенатомъ и власть вице-императорскую. Генералъ-прокурору подчиняются: оберъ-прокуроръ при сенатѣ (его помощникъ) и прокуроры при коллегіяхъ. Впослѣдствіи прокуратура (исчезнувшая при учрежденіи тайнаго совѣта, но потомъ возстановленная) перешла въ особую, чрезвычайно важную вѣтвь администраціи (министерство юстиціи, финансовъ и внутреннихъ дѣлъ). Съ учрежденіемъ прокуратуры роль сената становится ничтожною.

Сенатъ при существованіи верховнаго тайнаго совѣта и кабинета. Петровскій сенатъ отнюдь не имѣлъ прежняго значенія боярской думы, не былъ учрежденіемъ политическимъ, въ каковомъ учрежденіи геніальный преобразователь Россіи и не нуждался. Но преемники его почувствовали въ немъ нужду. въ 1726 г. учрежденъ *Верховный тайный совѣтъ* (П. С. З. № 4830), противъ чего сенатъ протестовалъ, но напрасно, ибо онъ самъ и прежде политической роли не имѣлъ. Верх. тайному совѣту принадлежало обсужденіе вопросовъ внѣшней политики, законодательства и контроль надъ администраціею и судомъ. Въ 1730 г. верх. тайный совѣтъ уничтоженъ имп. Анною, но въ замѣнъ его явился съ равнымъ значеніемъ *кабинетъ* (1731 г.). Потомъ идетъ непрерывный рядъ подобныхъ-же высшихъ учрежденій подъ другими наименованіями: *конференціи министровъ* (при Елизаветѣ), *император. совѣта* (при Екатеринѣ II), *постояннаго совѣта* (при Александрѣ I), пока этотъ видъ учрежденій не установился въ нынѣшнемъ „государствен-

номъ совѣтѣ". Ясно, что была постоянно сознаваемая потребность высшихъ государ. установленій, которой удовлетворяла прежде дума, но для которой вовсе не созданъ сенатъ (такое значеніе, какъ мы увидимъ сейчасъ, онъ имѣлъ лишь случайно при Елизаветѣ). Сенатъ, при верховн. тайн. совѣтѣ именуемый уже не правительствующимъ, а управительнымъ (какъ въ началѣ и при Петрѣ), становится одною изъ коллегій, непосредственно подчиненныхъ верх. тайн. совѣту; наравнѣ съ нимъ стоятъ коллегіи: военная, адмиралтейская, иностранная и духовная (синодъ); сенату подчинены собственно-гражданскія (судебныя и администр. коллегіи), которыя т. обр. нисходятъ на 3-ю степень госуд. учрежденій (такая система, впрочемъ, слагалась уже и при Петрѣ). Въ царств. имп. Анны, т. е. при существованіи кабинета, сенатъ, однако, получаетъ нѣсколько бо̀льшее значеніе, часто дѣйствуетъ въ смѣшанномъ составѣ съ кабинетомъ и обнимаетъ всѣ вѣтви управленія; онъ раздѣленъ на 5 департаментовъ (духовн. дѣлъ, военныхъ, финансовыхъ, судебныхъ и торгово-промышленныхъ), не разрушавшихъ впрочемъ общей цѣльности сената, пот. что дѣла рѣшались общимъ собраніемъ. Но въ существѣ всѣми дѣлами управлялъ кабинетъ.

Елизаветинскій сенатъ стоитъ на апогеѣ правъ и значенія сената въ цѣлой его исторіи: онъ становится, дѣйствительно, высшимъ политическимъ учрежденіемъ, вѣдающимъ въ то-же время всѣ отрасли госуд. дѣятельности. Такая роль утвердилась за нимъ фактически, именно, какъ объясняетъ Екатерина II, „неприлежаніемъ къ дѣламъ нѣкоторыхъ монхъ предковъ. Сенатъ установленъ для исполненія законовъ, ему предписанныхъ, а онъ часто выдавалъ законы, раздавалъ чины,... деревни, и утѣснялъ прочія судебныя мѣста". Дѣйствительно въ эту эпоху сенату принадлежитъ нѣсколько законодательныхъ актовъ и всѣ коллегіи обратились въ его канцеляріи.

Сенатъ Екатерининскій. Екатерина II, считая необходимымъ отнять у сената его политическое значеніе, обратила его въ *центральное административно-судебное учрежденіе* (ук. 1763 г. П. С. З. № 11,989); онъ разложенъ на 6 самостоятельныхъ департаментовъ (съ правомъ окончательнаго рѣшенія дѣлъ въ каждомъ); изъ нихъ 4 въ Петербургѣ, 2—въ Москвѣ (1-й деп. вѣдаетъ „государственныя внутреннія и политическія дѣла", т. е. финансы, народную экономію и секретныя дѣла, 2-й—судебныя дѣла, 3-й—дѣла привилегированныхъ провинцій Малороссіи и Остзейск. края, 4-й—военныя дѣла, 5-й мѣстно-административныя, 6-й—мѣстно-судебныя дѣла). Въ каждомъ департаментѣ дѣла рѣшаются единогласно; при разногласіи переносятся въ общее собраніе (въ которомъ впослѣдствіи имп. Павелъ въ 1797 г. допустилъ рѣшеніе по большинству голосовъ). Съ учрежденія о губерніяхъ 1775 г., когда прежнія коллегіи закрыты, сенатскіе департаменты должны были обратиться въ коллегіи (коллегіальныя министерства); но военныя коллегіи и коллегія иностранныхъ дѣлъ не только уцѣлѣли, но опять стали въ равное

положеніе съ сенатомъ: въ остальныхъ вѣдомствахъ надъ сенатомъ господствуетъ власть генералъ-прокурора, превратившаяся изъ охранительной власти въ административную.

Сенатъ Александровскій. Въ 1802 г., учреждая министерства, императ. Александръ хотя потребовалъ отъ сената точнаго опредѣленія его правъ, но не найдя его въ отвѣтѣ сената, передалъ управленіе министрамъ, а за сенатомъ оставилъ значеніе *высшей судебной инстанціи*: изъ 9 департамент. одинъ первый остался административнымъ.

Так. обр. въ XVIII и XIX в. подъ именемъ сената разумѣются совершенно различныя учрежденія, послѣдовательно смѣнявшія одно другое.

б) св. синодъ.

Въ 1700 г. умеръ послѣдній патріархъ Адріанъ; высшее управленіе церкви поручено „мѣстоблюстителю патріаршаго престола". Съ установленіемъ сената въ 1711 г., многія дѣла церковнаго управленія вѣдались сенатомъ. Въ 1718 г., съ учрежденіемъ коллегіи, явилась мысль объ установленіи *духовной коллегіи*, которая и учреждена въ 1721 г.; учредительный актъ ея—духовный регламентъ. Первоначально эту коллегію, наравнѣ съ другими, сенатъ хотѣлъ подчинить себѣ. Но духовная коллегія, переименованная въ св. синодъ, старалась достигнуть (въ своей сферѣ) равнаго положенія съ сенатомъ, хотя не всегда съ успѣхомъ. Синодъ сдѣлался постояннымъ помѣстнымъ соборомъ съ значеніемъ прежней патріаршей власти (въ духовномъ отношеніи). Съ другой стороны св. синодъ при Петрѣ былъ органомъ государственнаго управленія вообще духовными дѣлами, поэтому ему подчинены были и иновѣрческія церкви (лютеранская—во всѣхъ отношеніяхъ и католическая) и отчасти нехристіанскія исповѣданія. При синодѣ состоитъ оберъ-прокуроръ, сверхъ того—учрежденіе инквизиціи (протоинквизиторы, провинціальные инквизиторы и инквизиторы); надзору ихъ подлежала и высшая духовная іерархія. При имп. Елизаветѣ права и власть синода утвердились въ томъ видѣ, въ какомъ остаются до-нынѣ.

в) коллегіи.

Учрежденіе коллегій на мѣсто прежнихъ приказовъ задумано Петромъ, по совѣту Лейбница и по примѣру шведскихъ коллегій въ 1711 г.; но лишь 11 декабря 1717 г. назначены президенты въ будущія коллегіи, а затѣмъ совѣтники и ассесоры (П. С. З. № 3128), въ 1718 г. приказано имъ сочинить регламенты каждому для своего вѣдомства „на основаніи шведскаго устава" (П. С. З. № 3197). Съ нач. 1719 г. коллегіи начали дѣйствовать, но еще „старымъ манеромъ"; лишь съ 1720 г., т. с. съ изданія генеральнаго регламента (28 февр.), новое учрежденіе организовано вполнѣ.

Система коллегій не вполнѣ выполнила проэктъ Лейбница; организовано 12 коллегій: военная, морская, иностранная, камеръ-коллегія (для завѣдыванія доходами), штатсъ-контора (для вѣдомства расходовъ), ревизіонъ-коллегія, юстицъ-коллегія (судебная), коммерцъ-коллегія (торговая), мануфактуръ-коллегія и отдѣленная отъ нея бергъ-коллегія; впослѣдствіи учреждены вотчинная коллегія и главный магистратъ. Лейбницъ проэктировалъ еще ученую коллегію, но Петръ лишь имѣлъ въ виду учредить академію наукъ и вручить ей функціи министерства народнаго просвѣщенія. Изъ такого распредѣленія вѣдомствъ очевидно, что финансы и промышленность обращали на себя наибольшее вниманіе законодателя (всего съ главн. магистратомъ—7 коллегій). Почти всѣ эти коллегіи преобразованы изъ прежнихъ приказовъ (за исключеніемъ морскаго вѣдомства, горнаго, мануфактурнаго и торговаго); но затѣмъ оставалось нѣсколько вѣдомствъ, не вошедшихъ въ систему коллегій, а потому для нихъ оставлены прежніе приказы (ямской, аптекарскій, перепменов. въ медицинскую канцелярію, каменный, перепмен. въ канцелярію отъ строеній, разбойный подъ именемъ сыскнаго); уцѣлѣли даже нѣкоторые областные приказы: Сибирскій, Малороссійская коллегія. Так. обр. хотя система приказовъ нѣсколько упрощена въ системѣ коллегій, но остается весьма сложною. Послѣ Петра возникли многіе новые органы центральнаго управленія (канцелярія конфискаціи, коллегія экономіи, камеръ-коллегія Лифляндская и пр.). Съ этой стороны петровскія учрежденія имѣютъ мало преимуществъ предъ прежними.

Вѣдомство коллегій. Каждая коллегія сама выработала для себя спеціальный регламентъ съ обозначаніемъ круга своего вѣдомства; однако этимъ далеко не вполнѣ достигнута точность въ разграниченіи предѣловъ ихъ вѣдомствъ; такъ горному вѣдомству (бергъ-коллегіи) подчинена артиллерія; особенно сталкивались между собою камеръ-коллегія и штатсъ-контора, мануфактуръ-коллегія и бергъ-коллегія и т. д. Кромѣ начала вѣдомствъ, въ коллегіяхъ присутствуетъ и сословное начало (главн. магистратъ) и даже (какъ мы видѣли) территоріальное. Судъ и администрація по прежнему смѣшиваются почти въ каждомъ вѣдомствѣ.

Внутренняя организація коллегій. Коллегіальное начало, т. е. обсужденіе дѣлъ въ многочленномъ собраніи и рѣшеніе по большинству голосовъ, есть черта, наиболѣе отличающая петровскія учрежденія; преимущества его выражены особенно въ духовномъ регламентѣ. „въ коллегіумъ не обрѣтается мѣсто пристрастію“, коллегіальное обсужденіе возбуждаетъ уваженіе къ власти, содѣйствуетъ постоянству направленія и предохраняетъ отъ быстрыхъ перемѣнъ. Наоборотъ противники коллегіальнаго начала полагаютъ, что административныя мѣры выигрываютъ въ быстротѣ при единоличномъ (министер.) началѣ и что лишь судъ требуетъ коллегіальности.—Кромѣ президента и вице-президента, каждая коллегія имѣла по 2 совѣтника и по

2 ассесора; всего 6 членовъ, но изъ нихъ по очереди засѣдала лишь одна половина. При трехъ-членномъ составѣ присутствія, голосъ президента, при разногласіи, рѣшалъ дѣло, а потому коллегіальное начало сводилось на единоличное управленіе; и вообще единоличное начало управленія постоянно фактически брало перевѣсъ и при Петрѣ и потомъ, особенно пугемъ преобладанія прокуратуры и обращенія ея въ административную власть. Начало министерское (и самый терминъ—„министры“) идетъ непрерывно отъ временъ Петра В.

Уничтоженіе коллегій. Екатерина II, установивъ коллегіальное управленіе и судъ въ провинціяхъ (въ 1775 г.), обрекла центральныя коллегіи на уничтоженіе. Онѣ закрыты постепенно въ 1781—1796 гг., кромѣ трехъ „государственныхъ“ коллегій (двухъ военныхъ и иностранной). Имп. Павелъ I возстановилъ было коллегіи, но не надолго.—Однако центръ государства не могъ оставаться безъ органовъ управленія; планъ Екатерины законченъ имп. Александромъ I чрезъ *учрежденіе министерствъ* въ 1802 г., именно 8-ми, и окончательно въ 1811 г.

2) Мѣстное управленіе.

Организація мѣстнаго управленія въ Московскомъ государствѣ остановилась на сопоставленіи правительственныхъ органовъ съ органами самоуправленія безъ точнаго уясненія взаимнаго отношенія тѣхъ и другихъ — Періодъ имперіи (до эпохи Александра II) отличается отъ московскаго періода въ этомъ отношеніи тѣмъ, что законодательство а) старается совмѣстить коронные и выборные элементы управленія въ однихъ и тѣхъ-же органахъ и б) къ самоуправленію призываются не земства, а сословія. Впрочемъ въ этомъ отношеніи весьма разнятся учрежденія Петра I и Екатерины II.

а) **Учрежденія Петра В.** Эпоха 1702—1708 г. есть время попытокъ комбинировать прежніе элементы мѣстнаго управленія: вмѣсто двухъ отдѣльныхъ управленій—губныхъ старостъ и воеводъ, Петръ (ук. 10 мар. 1702 г.) повелѣлъ „вѣдать всякія дѣла съ воеводы *дворянамъ*—тѣхъ городовъ помѣщикамъ и вотчинникамъ, добрымъ и знатнымъ людямъ, по выбору тѣхъ городовъ помѣщиковъ и вотчинниковъ“; въ большихъ городахъ такихъ выборныхъ было по 4 и по 3 челов., а въ малыхъ по 2. Одному воеводѣ безъ выборныхъ дворянъ велѣно никакихъ дѣлъ не дѣлать и указу никакого не чинить (П. С. З. № 1900). Впрочемъ по ук. 1705 г. (П. С. З. № 2018) этихъ засѣдателей изъ дворянъ приказано выбирать самимъ воеводамъ.

Въ 1708 г. произведенъ переворотъ какъ въ дѣленіи, такъ и въ управленіи провинцій; тогда въ первый разъ вся имперія подѣлена искусственно на *8 губерній*, которыя были слишкомъ крупны, чтобы сосредоточить въ

центрѣ каждой изъ нихъ дѣйствительное мѣстное управленіе и слишкомъ неравномѣрны (въ Московской губерніи было 39 гор. Ингерманландской 29, Кіевской 56, Смоленской 14, Архангельской 20, Казанской 71, Азовской 25, Сибирской 30). Новые властолюбивые губернаторы (особенно Меншиковъ) захватывали себѣ собственною властію сосѣднія провинціи. Впрочемъ власть губернаторовъ можно назвать центрально-мѣстною, потому что дѣйствительное управленіе осталось по прежнему въ городахъ, управляемыхъ *оберъ-комендантами* и *комендантами* (т. е. прежними воеводами) Губернское управленіе состояло изъ *губернаторовъ* и *вице-губернаторовъ* и заключалось лишь въ общемъ надзорѣ преимущественно за военно-финансовою функціею управленія.—Земскій элементъ въ мѣстномъ управленіи былъ забытъ при учрежденіи губерній и вновь организованъ лишь черезъ пять лѣтъ (ук. 1713 г. апр. 24), по образцу Лифляндскому: велѣно учинить *ландратовъ* въ большихъ губерніяхъ по 12, въ среднихъ по 10, въ меньшихъ по 8; при оберъ-комендантахъ ихъ было на половину меньше; изъ нихъ составляется коллегіальное учрежденіе подъ предсѣдательствомъ губернатора; сначала они назначались сенатомъ по представленію губернатора, но съ 1714 г. ихъ велѣно избирать дворянамъ. Въ 1715 г. въ уѣздахъ (кромѣ украинныхъ) вовсе были уничтожены коменданты и оберъ-коменданты и замѣнены ландратами, при чемъ уѣздъ раздѣленъ между ними на „доли“ (изъ 5536 дворовъ каждая) и затѣмъ (ук. 1 іюня 1716 г.) велѣно имъ жить постоянно каждому въ своей долѣ, чтобы не отягощать жителей разъѣздами и постоемъ. Так. обр. коллегіальное управленіе разложилось на единоличное (при губернаторахъ впрочемъ оставалось по 2 ландрата, перемѣняющихся поочередно), земскій элементъ перешелъ въ бюрократическій,—а въ мѣстномъ дѣленіи между губерніею и „долею“ не осталось ничего посредствующаго.

Съ эпохою большихъ реформъ 1718—1720 г. въ центральномъ управленіи совпадаютъ подобныя-же реформы въ мѣстномъ управленіи (ук. 29 мая 1719 г. П. С. З. № 3381): число губерній увеличено до 10, губерніи подѣлены на *провинціи*—съ неравнымъ числомъ ихъ въ каждой губ. (напр. въ Петерб.—12, Моск.—9, Нижегор.—3, Астрах. вовсе не дѣлилась на провинціи); всѣхъ ихъ числомъ 47. Провинціи управлялись воеводами или вице-губернаторами. Воеводамъ дана подробная инструкція (П. С. З. № 3294), которою имъ ввѣрена власть полицейская въ обширномъ смыслѣ (въ томъ числѣ заботы о путяхъ сообщенія, о соблюденіи религіозныхъ обрядовъ, объ учрежденіи школъ, надзоръ за помѣщиками, разоряющими своихъ крестьянъ).—Изъ власти губернаторовъ и воеводъ выдѣлены для двухъ функцій самостоятельныя вѣтви управленія; именно: а) для финансовъ *земскіе коммиссары* (существовавшіе и раньше) изъ выборныхъ отъ дворянъ для сбора податей, подъ главнымъ начальствомъ *бухгалтера* или *камерира*,

но и подъ надзоромъ губернаторовъ и воеводъ и подъ отчетностію своихъ избирателей. б) Для судебной функціи установлены сначала единоличные *ландъ-рихтеры*, а потомъ (ук. 8 янв. 1719 г.) коллегіальные *надворные суды*—въ каждой губ. по одному, но дѣйствительно открытые далеко не вездѣ; въ провинціяхъ установлены *земскіе суды* (прежніе ландъ-рихтеры) и *уѣздные суды*—въ городахъ. Здѣсь находимъ замѣчательную для своего времени мысль объ отдѣленіи суда отъ администраціи, хотя далеко не приведенную въ дѣйствительное исполненіе: губернаторы и воеводы, не вмѣшиваясь въ производство суда, могли своимъ протестомъ останавливать исполненіе рѣшеній, но и отвѣчали за неосновательный протестъ.

Съ реакціею 1722 г. въ центральныхъ учрежденіяхъ совпадаетъ такая же реакція и въ мѣстныхъ; судъ вновь соединенъ съ администраціею; въ надворныхъ судахъ предсѣдательствуетъ губернаторъ; въ провинціальныхъ судитъ воевода съ двумя ассесорами. Послѣ Петра начинается сокращеніе учрежденій, число которыхъ казалось неподсильнымъ для экономическихъ средствъ населенія и отяготительнымъ; „вмѣсто того, что прежде къ одному правителю адресоваться имѣли во всѣхъ дѣлахъ своихъ, нынѣ къ 10, а можетъ быть и больше“, говорилъ верх. тайн. совѣтъ въ 1727 г. Однако мѣры 1726 и 1727 г. вовсе не достигали своей цѣли—упрощенія администраціи: назначивъ воеводъ во всѣ тѣ города, гдѣ они были въ московскій періодъ, правительство не уничтожило ни губерній, ни провинцій и т. обр. осталась тройственная іерархія мѣстнаго дѣленія и управленія; но всѣ петровскіе органы коллегіальнаго управленія были уничтожены; лишь при губернаторахъ состояло два товарища и при вице-губернаторахъ—по одному Воеводы назначаемы были (по ук. 1730 г.) на два года; въ 1760 г. сенатъ предписалъ ихъ смѣнять чрезъ пять лѣтъ съ правомъ жителей ходатайствовать о продленіи этого срока. Такъ. обр. установилась совершенно бюрократическая форма управленія, безъ всякаго участія мѣстнаго земскаго элемента, что́ и понятно: обращаясь вмѣсто земства къ дворянству, правительство находило въ провинціяхъ лишь дряхлыхъ и увѣчныхъ, ибо прочіе состояли еще на постоянной обязательной службѣ; городское населеніе имѣло свое сословное управленіе.

б) **Учрежденія Екатерины II.** Изъ всѣхъ законодательныхъ актовъ Екатерины, наибольшую важность и прочность имѣли *учрежденія о губерніяхъ 1775 г.*, что́ и согласно съ сущностью дѣла, потому что по ея воззрѣніямъ всѣ отрасли государственнаго управленія, кромѣ политическихъ, должны заключаться въ провинціяхъ. Мѣстныя учрежденія Екатерины основаны на *самоуправленіи*, но не земскомъ, а исключительно *сословномъ*. Губерніи (уменьшенныя въ объемѣ и увеличенныя въ числѣ; каждая губ. должна была заключать въ себѣ 300,000—400,000 душъ) управляются намѣстниками или генералъ-губернаторами и правителями намѣстничества или губернаторами;

впослѣдствіи намѣстники назначаемы были не на каждую губ., а на нѣсколько и притомъ не повсемѣстно. Губернаторъ управляетъ при помощи *намѣстничьяго правленія*, которое имѣетъ при немъ лишь совѣщательное значеніе. Губернія можетъ быть раздѣлена на провинціи, но по общему правилу дѣлится прямо на *уѣзды* (отъ 20 до 30 тыс. душъ); уѣздомъ управляетъ *земскій исправникъ* или капитанъ, избираемый дворянствомъ уѣзда (за нимъ въ обществѣ долго сохранялось прежнее наименованіе коммиссара) Города управляются *городничими*. Спеціальныя вѣтви управленія суть слѣд.: а) Для казеннаго управленія—*казенная палата* въ губерніи, состоящая изъ *вице-губернатора*, директора экономіи, совѣтника, двухъ ассесоровъ и казначея. б) Для дѣлъ призрѣнія и народнаго образованія—*приказъ общественнаго призрѣнія* в) Для суда установлено нѣсколько коронныхъ и сословныхъ учрежденій; а именно: для цѣлой губерніи коронныя *палаты* гражданскаго и уголовнаго суда (впослѣдствіи имп. Александръ допустилъ и здѣсь выборный элементъ отъ дворянства),—и выборные: верхній земскій судъ (для губ.) и уѣздный и нижній земскій судъ—въ каждомъ уѣздѣ; эти суды для дворянъ и состоятъ изъ выборныхъ членовъ отъ дворянства. Для суда надъ крестьянами учреждаются въ уѣздахъ нижнія расправы и высшая инстанція для нихъ—верхняя расправа въ губерніи. Судъ надъ городскими жителями сосредоточенъ въ *магистратахъ*. Сверхъ того въ каждой губерніи установленъ *совѣстный судъ* изъ выборныхъ отъ всѣхъ трехъ сословій для рѣшенія дѣлъ неформальнымъ порядкомъ. Надзоръ надъ этими органами ввѣряется *прокурорамъ* (надъ администраціею) и *стряпчимъ* (надъ казеннымъ управленіемъ и судомъ).

Эта сложная организація упрощена имп. Павломъ, именно уничтожены высшія инстанціи дворянскихъ и мѣщанскихъ судовъ и верхнія и нижнія расправы крестьянскихъ судовъ; но какъ при этомъ крестьяне оставались-бы безъ своихъ представителей въ чужихъ судахъ, то имп. Александръ I допустилъ выборныхъ отъ крестьянъ въ земскіе суды. Такъ сложилось все мѣстное управленіе, дожившее до реформъ имп. Александра II; въ немъ выборное начало преимуществовало въ судебныхъ органахъ и совершенно отсутствовало въ административныхъ (кромѣ выбора уѣзднаго исправника и сословныхъ учрежденій). Основной порокъ его состоялъ въ исключительно-сословномъ строѣ, въ которомъ, сверхъ того, преобладало одно (дворянское) сословіе.

3) Муниципальное управленіе.

Дворянство, со временъ Петра I, призвано къ участію въ общемъ государственно-мѣстномъ управленіи; крестьянство, попавшее б. ч. въ крѣпостное состояніе, не могло участвовать въ немъ. Новоорганизованное сред-

нее сословіе—мѣщанъ получило, раньше дворянскаго, право на участіе въ муниципальномъ управленіи. И въ этомъ отношеніи различаются: эпоха Петра I и Екатерины II. а) Въ началѣ (1699 г.), какъ сказано, Петръ руководился древне русскимъ понятіемъ о единствѣ города и земли, и потому устроилъ *бурмистерскую палату*, которая, состоя изъ выборныхъ города Москвы, была мѣстнымъ общиннымъ управленіемъ этого города и въ то же время центральнымъ учрежденіемъ для высшаго управленія всѣми городами имперіи; по городамъ устроены *земскія избы* (правильнѣе—оставлены существующія) подъ предсѣдательствомъ земскихъ бурмистровъ: власть ихъ по прежнему простирается на все недворянское, но свободное населеніе округа, т. е. на посадскихъ и черныхъ крестьянъ.—Въ 20-хъ годахъ при общей перестройкѣ государства, эти учрежденія замѣнены *магистратами*, именно *главнымъ магистратомъ* въ Петербургѣ изъ чиновниковъ и городовыми магистратами въ городахъ изъ выборныхъ. Это уже учрежденіе сословно-общинное; компетенція его (сборъ податей, нар. образованіе, призрѣніе и полиціи) простирается только на горожанъ. Такая реформа имѣла громадное вліяніе на судьбу не только городскаго, но и сельскаго населенія, лишивъ это послѣднее самоуправленія.

б) Тѣ же учрежденія развиты Екатериною II въ узаконеніяхъ о созывѣ коммиссіи 1767 г., въ учрежденіи о губерніяхъ и жалов. грамотѣ городамъ 1785 г. Къ магистратамъ, за которыми оставлена судебная функція, присоединены: *городской голова*, первоначально избранный для временной цѣли предсѣдательствованія при выборѣ депутатовъ въ коммиссію уложенія; *дума* раздѣляющаяся на *общую* и *шестигласную*; первая есть представительное собраніе, созываемое въ случаѣ нужды; она составляется изъ выборныхъ отъ каждаго изъ 6 разрядовъ город. обывателей (не въ равномъ числѣ); въ шестигласную думу (постоянно-дѣйствующую управу) избираются члены общею думою. Такъ какъ многія вѣтви городскаго управленія отошли къ общимъ госуд. органамъ управленія, то вѣдомство думы очень съузилось.

Сельское населеніе, не попавшее въ крѣпостное состояніе, по всей вѣроятности сохраняло древне-русскую волостную организацію, которую законъ, однако, игнорировалъ. Лишь при имп. Павлѣ она укрѣплена закономъ: волости казенныхъ крестьянъ (каждая до 300 душъ) управляются выборнымъ *головою*, при которомъ состоитъ волостной писарь; въ отдѣльныхъ поселеніяхъ управляютъ *старосты*.

4) Предметы управленія.

а) Государство XVIII в. есть государство *полицейское* въ самомъ строгомъ смыслѣ слова: оно принимаетъ на себя заботы о многихъ, даже маловажныхъ потребностяхъ жизни подданныхъ, особенно въ сферѣ *эконо-*

мической и бытовой, и регламентируетъ ихъ. Особыми указами предписывалось: изъ какого матеріала строить дома (ук. 1714 г. окт. 9) и печи (инстр. полицейск. канц. 1722 г.), изъ какого дерева приготовлять гробы для покойниковъ, какими орудіями воздѣлывать землю, изъ какихъ матеріаловъ изготовлять обувь (ук. 1715 г. сент. 1), какого покроя должно быть платье (ук. 1713 г. дек. 17 и 1714 г. дек. 29); законъ запрещалъ ношеніе бородъ (вопреки прямому обратному распоряженію закона Московскаго государства), предписывалъ на сколькихъ лошадяхъ ѣздить какому чину; правительство давало обязательные образцы судовъ для судохозяевъ (ук. 1717 г., дек. 31 и др.). Полицейское вмѣшательство въ жизнь частную, ослабленное Екатериною II-ю, вновь съ особенною силою возникло при имп. Павлѣ I, но не надолго.

б) *Народное просвѣщеніе въ XVIII в.* признано одною изъ важныхъ функцій государства, но понято только какъ одно изъ условій государственной службы, а потому получило исключительно профессіональный и притомъ обязательный характеръ; училища, заведенныя правительствомъ, суть или духовныя (семинаріи), или военныя (корпуса), или подъяческія; лицамъ другихъ сословій запрещено отдавать дѣтей въ школы чужой профессіи Эти мѣры имѣли косвенное, но большое вліяніе на происхожденіе сословій и замкнутость ихъ. Для общаго образованія преемниками Петра основаны: Академія наукъ (съ университетомъ и гимназіею) и Московскій университетъ (1755 г.); но до Екатерины II успѣхи общаго образованія были ничтожны. Екатерина въ первый разъ создала особое учрежденіе для вѣдомства просвѣщенія: „Коммиссію училищъ“ и открыла цѣлую систему народныхъ училищъ (уст. 1786 г.) по губерніямъ и уѣздамъ, преобразованныхъ потомъ въ гимназіи и уѣздныя училища. Правильная организація дѣлу народнаго образованія дана лишь при учрежденіи министерства нар. просв. имп. Александромъ I и основаніи имъ университетовъ (уст. 1804 г.) въ Петербургѣ, Казани и Харьковѣ.

в) Еще болѣе значенія для госуд. жизни имѣли *финансовыя мѣры* Петра и его преемниковъ; для финансовыхъ цѣлей со времени Петра установлена періодическая перепись населенія, т. н. *ревизія*, которая существенно отличается отъ московскаго описанія въ писцовыхъ книгахъ: въ послѣднихъ описывалось имущество гражданъ; къ первымъ исчислялось тогдашнее населеніе поголовно. На основаніяхъ, данныхъ ревизіею, установлена *подушная подать*. Нынѣшніе писатели (кн. Васильчикомъ и др.) утверждаютъ, что Петръ I взялъ число душъ лишь для общаго количества податей, но что разкладка и при немъ происходила по имуществу (ссылаясь на реглам. камеръ-коллегіи: „чтобъ межъ великими и нижними, убогими и богатыми по пропорціи надлежащее равенство въ осмотрѣніи имѣть...; бѣдныхъ плачъ привлечетъ гнѣвъ Божій на все государство“); но современники Петра вѣр-

нѣе понимали значеніе введенія подушной подати: Посошковъ писалъ „во счисленіи душевномъ не чаю я проку быть, понеже душа вещь неосязаемая... и цѣны неимущая..., поборъ сей несостоятеленъ“. Имп. Екатерина I, учредивъ особую коммиссію для уменьшенія подушной подати (П. С. З. № 5043), предписываетъ ей рѣшить. „по чему впредь съ крестьянъ и какимъ обр. удобнѣе и сходнѣе съ пользою народною—*съ душъ (ли), такъ какъ нынѣ*. или, по примѣру другихъ государствъ, съ однихъ работниковъ—кромѣ старыхъ и малолѣтнихъ,—или тотъ платежъ съ дворового числа, или съ тяголъ, или съ земли положить“. Однако этотъ вопросъ не былъ разрѣшенъ не только тогда, но и во все послѣдующее теченіе періода. Кромѣ неуравнительности, подать была отяготительна своею высотою и не могла быть понижена въ слѣдствіе напряженія государственныхъ силъ во время великихъ войнъ XVIII в. Недоимки росли и были взыскиваемы (особенно при имп. Аннѣ) мѣрами крайне жестокими; въ 1733 г. былъ учрежденъ особый „доимочный приказъ“, хотя въ 1731 г. и камеръ-коллегіи получила новый регламентъ съ тою-же цѣлію. Вообще введеніе подушной подати и ревизіи произвело въ населеніи такое-же впечатлѣніе, какъ нѣкогда татарское „число“.

г) Подобное же вліяніе имѣло введеніе *рекрутской повинности* при Петрѣ I. Всѣ прежніе разнообразные роды войскъ замѣнены одною *регулярною арміею* по европейскому образцу, въ ней обязаны были состоять пожизненно (или до увѣчья и совершенной дряхлости) какъ всѣ дворяне, такъ и тѣ изъ податнаго населенія, которые попадали по жребію (въ случаѣ особаго распоряженія о призывѣ). Со введеніемъ европейской строгой дисциплины, въ армію введены Петромъ жестокія наказанія (шпицрутены и др.), а также непривычная (иногда весьма стѣснительная) обмундировка и тяжкое обученіе съ терминами новыми и заимствованными въ командѣ. Содержаніе войскъ было неудовлетворительно: по примѣру Швеціи, Петръ I установилъ постоянное квартированіе, что было обременительно какъ для населенія, такъ и для самого войска; недостаточность казеннаго содержанія заставляла солдатъ прибѣгать къ насильственнымъ захватамъ продуктовъ у жителей. Такая тяжкая служба не вознаграждалась ничѣмъ. Отсюда всеобщее уклоненіе отъ рекрутской повинности (на отдачу въ солдаты смотрѣли, какъ на смерть) и постоянные побѣги, вызывавшіе новые указы съ назначеніемъ новыхъ жесточайшихъ наказаній; бѣглые солдаты, не имѣя возможности открыто заняться какимъ-либо честнымъ промысломъ, обыкновенно смыкались въ шайки разбойниковъ. Тяжесть службы особенно усилилась во времена Бироновщины; затѣмъ послѣ облегченій при Екатеринѣ II, вновь проявилась съ большею силою при имп. Павлѣ I. Правильная организація военной повинности дана имп. Александромъ II.

Д. Законодательство.

1) *Единственнымъ источникомъ* права въ XVIII ст. окончательно признанъ *законъ*, который по содержанію своему (въ то время) большею частію былъ противоположенъ прежнему обычному праву, т. е. имѣлъ характеръ вполнѣ реформаторскій. Лишь во 2-й пол. XVIII в. при Екатеринѣ II, старались возвратиться къ примиренію закона съ „народнымъ умствованіемъ“. Наказъ Екатерины рекомендуетъ „воздержаться отъ узаконеній съ общимъ народа умствованіемъ невмѣстныхъ“ (VI, 56), „ибо мы ничего лучше не дѣлаемъ, какъ то, что дѣлаемъ вольно, непринужденно и слѣдуя природной нашей склонности“ (ib. 57). Однако и Екатерина (согласно съ ученіемъ философіи XVIII в.) стремится къ установленію въ народѣ новыхъ правовыхъ понятій посредствомъ лучшихъ законовъ (т. е. считаетъ законъ не выраженіемъ сознанія народа, а только понятій и воли законодателя); по ея словамъ, за отговоркою, что умы еще не приготовлены, „нельзя установить и самаго полезнѣйшаго дѣла“ (ib. 58).

2) Сообразно съ этимъ установляется и **понятіе о законѣ**, *способахъ его возникновенія и силѣ дѣйствія*. Въ періодъ имперіи установилось понятіе о законѣ, какъ о волѣ государя, правильно объявленной. Такъ какъ ни сенатъ, ни другія учрежденія не имѣли уже прежняго законод. значенія думы, то старинная формула: „государь указалъ и бояре приговорили“ исчезла во времена Петра I. Также не удержалась и замѣна ея, установленная въ XIX в. при учрежденіи государ. совѣта: „внявъ мнѣнію госуд. совѣта...“ Хотя Петръ I выразилъ, что „словесные указы никогда отправляемы быть не подлежатъ“; но въ дѣйствительности онъ самъ давалъ и потомъ *словесные указы* при всякихъ обстоятельствахъ, напр. въ 1723 г. въ св. синодѣ былъ записанъ именной ук. слѣд. обр.: „Его имп. вел., будучи въ саду ея величества... государыни императрицы сент. 5 дня, разсуждая о сумасбродныхъ и подъ видомъ изумленія бываемыхъ..., таковыхъ отнынѣ посылать (въ монастыри) отрекъ“, т. е. запретилъ. При имп. Екатеринѣ I словесные указы получили силу закона, лишь-бы они переданы были (объявлены) чрезъ опредѣленное лицо; имп. Петръ III въ 1762 г. указалъ, что такое объявленіе возлагается на сенаторовъ, генералъ-прокурора и президентовъ 3-хъ госуд. коллегій.—По ук. 10 іюля 1721 г. всѣ акты, которые имѣютъ дѣйствительный характеръ законовъ, а именно тѣ, которые изданы въ дополненіе къ регламентамъ и Уложенію, должны быть представляемы въ сенатъ „на апробацію“, хотя-бы эти указы были именные; сенатъ долженъ утвердить ихъ своею подписью, и затѣмъ уже они могутъ б. публикованы. Печатаніе законовъ, какъ постоянное условіе публикаціи, утверждено указомъ 16 мар. 1714 г.: „указы... для всенароднаго объявленія велѣть печатать и продавать всѣмъ“. *Мѣры публикаціи* усиливаются по степени

удаленія закона отъ народнаго сознанія о правѣ: обыкновенно указы прочитываемы были въ церквахъ монастырскихъ и приходскихъ и по ярмарьамъ въ торговые дни, а также были прибиваемы на видныхъ мѣстахъ; законъ вмѣнилъ въ обязанность всѣмъ посѣщать церковь сколько ради богослуженія, столько-же для ознакомленія съ указами; не ходящихъ въ церковь велѣно ловить какъ воровъ и разбойниковъ, почитая ихъ „недобрыми людьми“ (ук. 30 окт. 1718 г.). Иногда повелѣваемо было переписывать бывшихъ въ церкви при слушаніи указа (ук. 23 февр. 1721 г.); нѣкоторые, особенно важные указы (напр. ук. 19 мар. 1719 г. объ искорененіи бѣглыхъ солдатъ) велѣно прочитывать всякій праздникъ въ церквахъ. Иногда одинъ и тотъ-же законъ нарочно повторяли нѣсколько разъ только для того, чтобы сдѣлать его общеизвѣстнымъ (4 дек. 1719 г. и 28 янв. 1720 г.). Правило, что невѣдѣніемъ закона никто не можетъ отговариваться, повторялось при публикаціи почти каждаго новаго закона, пока не выражено было въ общей формулѣ—въ ук. 22 янв. 1722 г., съ примѣненіемъ, впрочемъ, только къ лицамъ, облеченнымъ властію.—Что касается до силы дѣйствія закона, то правило: „законъ *обратнаго дѣйствія* не имѣетъ“ выражено въ ук. о единонаслѣдіи (23 мар. 1714 г.), но тутъ-же сдѣлано и важное исключеніе изъ него: „Сей указъ не на прошедшіе времена, но съ сего 1714 г. дѣйство свое имѣетъ. И хотя въ прошедшія два мѣсяца какіе раздѣлы (имѣній) и сдѣланы, то оные передѣлать по сему указу“ (по объясненію Татищева, многіе, прослышавъ о готовящемся законѣ, совершили много сдѣлокъ вопреки ему). Въ томъ-же 1714 г. (ук. іюня 15), когда были отмѣнены всѣ новоуказныя статьи и указы, противорѣчащіе Уложенію ц. А. М., дозволено было просить о перевершеніи всѣхъ дѣлъ, рѣшенныхъ уже на основаніи этихъ узаконеній.—*Толкованіе закона* (ук. 17 апр. 1722 г.) предоставлено сенату, но лишь въ исключительныхъ случаяхъ (при отсутствіи государя) и лишь въ примѣненіи къ данному дѣлу, а не въ общеобязательной формѣ. Вообще требовалось, чтобы законы имѣли столь *ясную форму*, чтобы не было нужды въ особой интерпретаціи ихъ и чтобы самъ законодатель, гдѣ нужно, присоединялъ отъ себя толкованіе къ закону; такъ поступалъ Петръ В. въ воинскихъ уставахъ и регламентахъ; такъ рекомендуетъ и Екатерина въ Наказѣ (XIX, 448), и указываетъ на возможность для той-же цѣли и присоединенія *мотивовъ къ закону* (ib. 451). Не смотря на то законы XVIII в., часто переводные съ нѣмецкаго и шведскаго, и иногда изданные на двухъ языкахъ, отличались наименьшею ясностію и языкомъ, чуждымъ народному и далеко уступали въ этомъ отношеніи Уложенію ц. А. М., которое Екатерина ставитъ въ образецъ ясности для своей коммиссіи (Наказъ XIX, 457).

3) **Формы закона.** Благодаря новому (реформаторскому) характеру закона, являются новыя его формы. Екатерина II хотѣла установить теоретически три формы законовъ: а) законы въ собств. смыслѣ, т. е. „тѣ

установленія, которыя ни въ какое время не могутъ перемѣняться“ (чего, конечно, въ дѣйствительности не бываетъ и чего въ особенности не встрѣчаемъ въ XVIII в., когда измѣнчивая воля законодателя сдѣлала законъ явленіемъ весьма неустойчивымъ и мѣняла установленныя нормы такъ часто, что сознаніе о правѣ и уваженіе къ закону ослабѣло въ умахъ населенія), б) „временныя учрежденія“ (наказы и уставы), в) „указы“—законы частные (Наказъ, XIX, 444—446). Исторически сложились слѣд. формы:

а) *Уставы.* Подъ именемъ уставовъ разумѣются спеціальныя узаконенія для извѣстнаго вѣдомства или какой либо части матеріальнаго права. Таковы возникшіе при Петрѣ и его ближайшихъ преемникахъ: уставъ воинскій 1716 г., уст. морской 1720 г., уставъ о векселяхъ 1729 г., и явившіеся при Екат. II и Александрѣ I: уставъ благочинія 1782 г. и уставъ о банкротахъ 1800 г.

Воинскій уставъ содержитъ въ себѣ, кромѣ учредительной части, военно-уголовные законы, т. н. *артикулы* (отд. 2) и военно-судный уставъ (отд. 3). Источникомъ этихъ законовъ (по изслѣдованію г. Бобровскаго) послужили военные артикулы Густава-Адольфа 1621—1632 г., по редакціи ихъ 1683 г., сдѣланной при Карлѣ XI. Наши артикулы составляютъ буквальный переводъ шведскихъ, за исключеніемъ немногихъ изъ этихъ послѣднихъ, очевидно непримѣнимыхъ у насъ, напр. „о призваніи и должности военнаго пастора“; изложены они въ томъ-же порядкѣ, какъ и шведскіе. Но въ русскихъ артикулахъ есть и лишніе противъ шведскихъ (въ русскомъ кодексѣ 208 стат., въ шведскомъ только 145). Эти добавочныя статьи русскій компиляторъ бралъ изъ разныхъ источниковъ, какъ то: законовъ имп. Леопольда I, изъ датскихъ Христіана V и французскихъ ордонансовъ и регламентовъ. Источники процесуальной части неизвѣстны. Схема наказаній, присоединенная къ процесамъ, есть буквальный переводъ VII-й гл. датской „инструкціи военнымъ судьямъ“. Кодексъ изданъ (и вошелъ въ П. Собр. З.) на двухъ языкахъ русскомъ и нѣмецкомъ.—Уголовные законы артикуловъ не согласованы съ дѣйствовавшими тогда общими уголовными законами (Улож. и новоук. стат.); съ друг. стор. имъ противорѣчатъ уголовные законы морскаго устава, не смотря на то, что оба устава (особенно воинскій) при самомъ Петрѣ полуличи общее примѣненіе и въ гражд. судахъ; напр. по воин. уставу за лжеприсягу полагается отсѣченіе двухъ пальцевъ, а по морскому—вырѣзаніе ноздрей и вѣчная каторга; за убавку вѣса у монеты по воин. уставу—лишеніе чести, а по морскому—вѣчная ссылка на галеры. Кромѣ того въ переводномъ кодексѣ встрѣчаются законы, совершенно непримѣнимые въ Россіи, такъ по воин. уставу (гл. I, арт. I), если въ войскахъ найдется идолопоклонникъ, то его сжечь; въ шведской арміи идолопоклонниковъ не было; но въ русской арміи обязаны были быть въ большомъ числѣ язычники изъ сѣверныхъ финновъ, сибирскихъ инородцевъ и калмы-

ковъ. Уголовныя наказанія уставовъ (благодаря военному характеру узаконеній) отличаются чрезмѣрною жестокостію.

Для исторіи гражданскаго права важнѣйшее значеніе имѣетъ вексельный уставъ Петра II, изданный (въ П. С. З. № 5410) на нѣм. и рус. языкахъ и составленный (по преданію) однимъ изъ профессоровъ Лейпцигскаго унив., съ буквальнымъ заимствованіемъ изъ тогдашнихъ нѣм. вексельныхъ уставовъ. Законодатель дѣлитъ векселя (по двумъ главамъ устава) на купеческіе и казенные.

б) *Регламенты* и *Учрежденія*—суть учредительные акты для тѣхъ или другихъ вѣтвей управленія. При основаніи коллегій Петромъ I, каждая изъ нихъ получила свой отдѣльный регламентъ, а именно: регл. штатсъ-конторы 13 февр. 1719 г., регл. коммерцъ-кол. 3 марта 1719 г., камеръ-кол. 11 дек. 1719 г., регл. главнаго магистрата 16 февр. 1721 г., генеральный регл. 28 февр. 1720 г. и духовный регл. 25 янв. 1721 г. Послѣдній есть учредительный актъ св. Синода. Духов. регл., составленный Ѳеоф. Прокоповичемъ, наиболѣе замѣчателенъ; онъ, кромѣ главнаго содержанія, заключаетъ въ себѣ: уставъ духовныхъ училищъ, уставъ о церковной проповѣди и церковныя постановленія административнаго и судебнаго характера, а потому онъ замѣнялъ собою сводъ церков. законовъ. Так. обр. регламенты иногда выходили за предѣлы учредительныхъ постановленій и касались матеріальнаго права. Изъ временъ Екатерины II важнѣйшій законъ этого-же рода есть Учрежденіе о губерніяхъ 1775 г.

в) *Указы*—форма законовъ наиболѣе многочисленная и важная; въ нихъ преимущественно отражаются всѣ свойства законодательства XVIII в. (неустойчивость, многочисленность и противорѣчивость законовъ, а равно смѣшеніе распоряженій, иногда весьма незначительныхъ, съ законами). Нѣкоторые изъ нихъ даютъ новыя и существенно-важныя узаконенія уголовнаго или гражд. характера; таковы: напр. ук. 1714 г. о единонаслѣдіи, ук. 1721 г., нояб. 10 и ук. 1781 г. „о судѣ и наказаніи за воровство разныхъ родовъ и о заведеніи рабочихъ домовъ“ (П. С. З. № 15147) и т. п. Сюда же относятся *инструкціи* при ревизіяхъ и т. н. *манифесты*, чрезъ которые совершались важнѣйшія преобразованія въ области государ. права (напр. отмѣна обязательной службы дворянъ, секуляризація церковныхъ имуществъ и т. п.). Вообще указами измѣнено все содержаніе Уложенія ц. Ал. М. и новоук. статей, хотя эти кодексы продолжали считаться дѣйствующими.

г) *Кодификація*. Накопленіе новаго законодательнаго матеріала, измѣняющаго и дополняющаго Уложеніе, уже въ нач. XVIII в. было столь значительно, что вызывало мысль объ изданіи новаго полнаго кодекса; къ этому приступлено съ 1700 г.; но такъ какъ въ то же время слѣдовали постоянно новыя реформаторскія узаконенія, измѣнявшія въ существѣ прежнія нормы права, то попытки кодификаціи не могли достигнуть цѣли; самая жизнь пра-

вовая еще не улеглась въ спокойныя формы, не ассимилировала еще новое со старымъ. Кодификація XVIII в. существенно отличается отъ кодификаціи московской тѣмъ, что въ XVIII в законодатель требовалъ не одного сведенія въ кодексъ туземнаго законод. матеріала, но б. ч. образованія новаго кодекса по образцу западно-европейскихъ.—*Кодификація при Петрѣ I.* 18 февр. 1700 г. (П. С. З. № 1765) велѣно было согласить Улож. съ новоуказными статьями и бояр. приговорами; выработка проэкта кодекса была поручена коммиссіи изъ членовъ бояр. думы и простыхъ стольниковъ (всего 71 чел.), которая именуется *палатою о Уложеніи;* засѣданія палаты продолжались до 1703 г. и ею была составлена полная „Новоуложенная книга", которая, однако, не обнародована и не утверждена. Въ 1714 г. законодатель, отмѣнивъ всѣ новоуказныя статьи и указы, противорѣчащіе Уложенію, повелѣлъ изъ остальныхъ и Уложенія составить новый проэктъ кодекса; канцелярія земскихъ дѣлъ и помѣстный приказъ, которымъ была поручена эта работа, приготовили въ 1718 г. часть „Своднаго уложенія", также не получившаго утвержденія. Въ 1719 г. Петръ принялъ другую систему кодификаціи—заимствованіе цѣликомъ чужихъ кодексовъ: сенату велѣно слушать шведское уложеніе, а изъ своего выбрать только нѣкоторыя постановленія, которыя лучше шведскихъ; для помѣстнаго права приказано заимствовать законы эстляндскіе и лифляндскіе; работу велѣно окончить къ окт. 1720 г. съ угрозами жестокихъ наказаній; но работа, порученная сенатомъ особой коммиссіи изъ нѣмцевъ и русскихъ, продолжалась даже при Екатеринѣ I; тогда велѣно было „быть у сочиненія Уложенія духовнымъ, гражданскимъ, воинскимъ чинамъ и изъ купечества по два человѣка"; но при переводѣ чужаго кодекса народные депутаты мало могли оказать помощи и дѣло кончилось ничѣмъ.—*Кодификація при преемникахъ Петра.* 14 мая 1728 г. велѣно заняться сводомъ отечественныхъ источниковъ права и для этого „выслать къ Москвѣ изъ офицеровъ и изъ дворянъ добрыхъ и знающихъ людей изъ каждой губ. по 5 чел. за выборомъ отъ шляхетства". Выборные не являлись; власти, въ наказаніе за то, брали у нихъ дворовыхъ людей и женъ и сажали подъ караулъ; къ ноябрю собралось 24 чел. (недоставало 16), но и тѣ оказались негодными; велѣно (16 мая 1729 г.) ихъ отпустить домой, а выбрать другихъ лучшихъ—отъ губ. по 2 чел. Дѣло кончилось ничѣмъ. Въ 1730 г. учреждена „уложенная коммиссія", которая закрылась въ 40-хъ годахъ безъ результатовъ. Тогда-же (т. е. въ 1728 г.) учреждены были спеціальныя коммиссіи для составленія особыхъ уложеній Лифляндіи и Малороссіи; послѣдняя, засѣдавшая б. ч. въ Глуховѣ, выработала (изъ статута и др. источниковъ) къ 1744 году полный сводъ („права, по которымъ судится малороссійскій народъ"), который былъ тогда-же представленъ въ сенатъ, но не получилъ утвержденія. Имп. Елизавета, оставивши попытки свода, возвратилась къ мысли составить новые

законы и установила (1754 г.) „коммиссію о сочиненіи Уложенія“, которая была плодотворнѣе; она составила къ 1755 г. части судную и криминальную; но утвержденіе ихъ замедлилось, и работы коммиссіи прекратились до преобразованія ея въ 1759 г., въ 1761 г. велѣно собрать депутатовъ отъ каждой провинціи по 2 отъ дворянъ и по 1 отъ купцовъ для участія въ законодательныхъ работахъ; хотя депутаты, собранные съ трудомъ, не въ полномъ числѣ, б. ч. оказались „стары и хворы“ и ихъ замѣняли новыми; но тѣмъ не менѣе были разсмотрѣны уже 1, 2 и 3 части Уложенія. Коммиссія продолжала существовать и по смерти имп. Елизаветы, при Петрѣ III и Екатеринѣ II до 1767 г. (депутаты распущены еще въ 1763 г.). Изъ результатовъ ея дѣятельности нынѣ напечатаны: „Проэкты уголовнаго Уложенія 1754—1766 г.“ (Спб. 1882 г.) по двумъ текстамъ—первоначальному и коммиссіи 1760 г.—*Кодификація при Екатеринѣ II.* О знаменитой Екатерининской коммиссіи 1767—68 гг., о ея заслугахъ и причинѣ неудачъ было сказано нами выше (см. стр. 229); здѣсь предстоитъ сказать о важнѣйшемъ актѣ, вызванномъ ею,—*наказѣ* Екатерины II. Наказъ не есть законъ, хотя въ послѣдующихъ узаконеніяхъ дѣлаются ссылки на него. Содержаніе его взято императрицею изъ соч. Монтескье „Esprit des lois“ и отчасти Беккаріа; выдержки изъ перваго б. ч. буквальны; но много статей составлено самою императрицею. Наказъ состоитъ изъ 655 ст., раздѣленныхъ на 22 главы; 21 и 22—добавочныя главы. Всѣ они посвящены опредѣленію общихъ свойствъ законодательства (гл. IV. VI и XIX), государства (гл. I, II, III, V), сословій (XV, XVI, XVII), судопроизводства (IX), уголовнаго права (VII, VIII, X, XX), гражд. права (XVIII), народной экономіи (XII, XIII), народ. просвѣщенія (XIV), полиціи (XXI) и финансовъ (XXII). Статьи Наказа имѣютъ научный (философскій) характеръ и по содержанію проникнуты человѣколюбивыми началами; императрица вооружается противъ жестокости наказаній, противъ пытки, противъ расширенія понятія о политическихъ преступленіяхъ. Наказъ встрѣченъ въ Европѣ съ изумленіемъ предъ смѣлостію законодательницы и несомнѣнно имѣлъ вліяніе на духъ законодательства въ Россіи. Въ 1768 г. Екатерина дала коммиссіи программу законовъ. „Начертаніе къ окончанію коммиссіи о составленіи проэкта новаго Уложенія“.—Въ 1796 г. имп. Павелъ назначилъ опять коммиссію для составленія законовъ, которая также не имѣла результатовъ.

Кодификація въ XIX в. и изданіе свода. Им. Александръ I оставилъ коммиссію, какъ *особое учрежденіе* при министерствѣ юстиціи, а съ 1810 г. при госуд. совѣтѣ; главнымъ дѣятелемъ въ ней былъ сначала бар. Розенкампфъ, а съ 1809 г.—Сперанскій. Тогда составленъ былъ проэктъ граждан. уложенія 1809 г. и внесенъ въ госуд. совѣтъ; онъ есть передѣлка французск. code civile какъ по системѣ, такъ и по нѣкоторымъ подробностямъ. Госуд. совѣтъ разсмотрѣлъ и утвердилъ первыя двѣ части проэкта (о лицахъ и

имуществахъ); но въ 1812 г., съ паденіемъ Сперанскаго, когда коммиссія была составлена изъ новыхъ лицъ, то имп было найдено, что слѣдуетъ пересмотрѣть всю работу съ начала, ибо кодексу заимствованному слѣдуетъ во всякомъ случаѣ предпочесть сводъ отечественнаго права. Однако въ 1814 г. внесена въ госуд совѣтъ 3-я часть проэкта гражд. уложенія. Въ то же время разсматривали и проэктъ торговаго уложенія, составленный также по франц. подлиннику. Тогда-же былъ составленъ и проэктъ уголовнаго уложенія.—Съ 1826 г. дѣло кодификаціи передано имп. Николаемъ I опять въ руки Сперанскаго; создано, вмѣсто коммиссіи, новое учрежденіе—*II отд. собст. Ею Величества канцеляріи*. Такъ какъ рѣшено было издать кодексъ не въ видѣ новаго уложенія, а свода, то приступлено къ собранію всѣхъ прежнихъ узаконеній, начиная съ Улож. ц. А. М. Гигантскій трудъ такого собранія отчасти облегченъ былъ тѣмъ, что еще съ 1788 г. издаваемы были разные частные сборники законовъ б. или м. неполные. Полное Собраніе Законовъ, составленное Сперанскимъ, въ свою очередь также не обнимаетъ всѣхъ узаконеній, не смотря на свою громадность. Оно было раздѣлено на двѣ части: 1-е полное собраніе, доведенное до царств. имп. Николая (12 дек. 1825 г.) и 2-е полное собраніе, продолжавшееся съ того времени.—Изъ такого историч. матеріала, но съ сильнымъ вліяніемъ французскаго кодекса (въ гражд. уложеніи, т. е. X т. его), составленъ сводъ законовъ Рос. Имперіи, въ первый разъ изд. въ 1832 г., но начавшій свое дѣйствіе съ 1 янв. 1835 г.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Исторія русскаго уголовнаго права, гражданскаго права и процесса.

Исторія русскаго уголовнаго права.

Литература: См. въ час 1-й «Обзора» соч. Иванишева, Эверса, Рейца, Калачова и В. И. Сергѣевича.

Пл. Васильевъ: «Извлеченіе изъ исторіи уголовнаго законодательства въ Россіи» (Вѣстн. Евр. 1823, № 9).

А. Поповъ: «Русская правда въ отношеніи къ уголовному праву» М. 1841.

E. S. Tobien: «Die Blut-Rache nach dem alten Russischen Rechte verglichen mit der Blut-Rache der Israeliten und Araber, der Griechen und Romer, und Germanen». Dorp. 1840.

Онъ-же: «Взглядъ на основныя начала русскаго уголовнаго законодательства съ древнѣйшихъ временъ до Уложенія о наказаніяхъ 1845» (рѣчь; Журн. мин. нар. пр. 1847, іюнь).

П. В. Калачовъ: «Объ уголовномъ правѣ по судебнику ц. Іоанна Васильев.» (Юрид. записки Рѣдкина, т II, 1842).

Вл. Линовскій: «Изслѣдованіе началъ уголовнаго права, изложенныхъ въ Улож. ц. А. М.». Од. 1847.

Я. И. Барщевъ: «О вліяніи обычая, практики, законодательства и науки на развитіе уголовнаго права, въ особенности русскаго» (рѣчь. М. 1847).

Максимовичъ: «О развитіи идеи преступленія, по смыслу памятниковъ русск. законодательства» (рѣчь). Кіевъ. 1849.

Ф. Дентъ: «О наказаніяхъ, существовавшихъ въ Россіи до ц. Алексѣя Мих.». Спб. 1849.

Пр. Богдановскій: «Развитіе понятій о преступленіи и наказаніи въ русскомъ правѣ до Петра В.». М. 1850.

Власьевъ: «О вмѣненіи по началамъ теоріи и древне-русскаго права». М. 1860.

Лангe: «Изслѣдованіе объ уголовномъ правѣ Русской правды» (Архивъ П. В. Калачова. 1859. №№ 1, 3, 5 и 6 и отдѣльно 1860).

Онъ-же: «О наказаніи и взысканіи за безчестье по древнему русскому праву» (Журн. мин. нар. пр. 1859, № 6).

Чебышевъ-Дмитріевъ: «О преступномъ дѣйствіи по русскому до-петровскому праву». Каз. 1862.

Колоколовскій: «Вмѣненіе смертоубійства по Уложенію ц. Ал. М.» (Арх. ист. и практич. свѣдѣній, изд. Н. В. Калачовымъ. 1859. кн. 3).

Онъ-же: «Очеркъ исторіи развитія преступленій противъ жизни и здоровья. Опытъ изслѣдованія по русскому уголовному праву». М. 1857.

В. Utin: «Ueber die Ehrenverletzung nach russisch. Recht seit d. XVII Jahrhund» Dorp. 1857.

Неклюдовъ (въ перев. учебн. Бернера. 1865).

В. В. Сокольскій: «Beitrag zur Lehre von den Eigentumverletzungen nach dem Уложеніе des Zar. Alex. Mich.» Dorp. 1868.

Онъ-же: «О нарушеніяхъ уставовъ монетныхъ. Историко-юрид. изслѣдованіе». Кіевъ, 1873.

Hube: «Historya prawa karnego ruskiego». 1870.

Ведровъ: «О денежныхъ пеняхъ по Русской Правдѣ». 1877.

Д. Г. Тальбергъ: «Насильственное похищеніе имуществъ по русскому праву (разбои и грабежъ). Историко-догматическое изслѣдованіе». Спб. 1880.

Л. И. Бѣлогрицъ-Котляревскій: «О воровствѣ-кражѣ по русскому праву». Кіевъ. 1880.

М. Липинскій «Къ исторіи уголовнаго права XVIII в.» (Журн. гражд. и уголовн. права 1885 г. кн. X).

Пв. Собестіанскій: «Круговая порука у славянъ по древнимъ памятникамъ ихъ законодательства». Прага. 1886.

Fr. Miklosich: «Die Blutrache bei den Slaven». Wien. 1887.

---

1) **Понятіе объ уголовномъ правѣ** *и его отличительныя черты.* Уголовнымъ правомъ называется право государства карать за преступленія и проступки.— Черты, опредѣляющія понятіе преступленія суть субъективныя и объективныя. Первыя предполагаютъ въ дѣятелѣ присутствіе сознанія и злой воли. Присутствіе сознанія имѣетъ свои степени. возможно временное потемнѣніе сознанія (состояніе аффекта) и б. или м. полная потеря его (душевныя болѣзни). Сверхъ того полнота сознанія развивается въ человѣкѣ вмѣстѣ съ возрастомъ. Подобнымъ-же измѣненіямъ подлежитъ и дѣятельность воли: возможно сознательное нападеніе на чужое право но безъ злой воли; таковы состоянія: крайней необходимости, необходимой обороны и состояніе принужденія. На изложенныхъ чертахъ основывается ученіе о вмѣненіи въ уголовномъ правѣ.—Съ объективной стороны уголовное право отличается отъ другихъ сферъ права не съ такою ясностію. Преступному нападенію могутъ подвергнуться всякія правовыя нормы; но лишь нападеніе на личныя права (не по уполномоченію со стороны государства), т. е. на жизнь, здоровье, честь и свободу лица, всегда относится къ сферѣ уголовной. Что касается до правъ имущественныхъ, то они могутъ быть объектомъ какъ уголовной неправды, такъ и гражданскихъ притязаній; здѣсь

уголовная сфера можетъ быть опредѣлена только указанными субъективными признаками (т. е. если дѣятель сознательно нападаетъ на чужое право). Уголовными карами ограждаются также права непосредственно самого государства и другихъ союзовъ, которые оно поддерживаетъ.—Наказаніе есть возмездіе, налагаемое за преступленіе государственною (судебною) властію; въ то же время преступникъ отвѣчаетъ и предъ частнымъ (потерпѣвшимъ) лицомъ по мѣрѣ нанесенія ему вреда.—По указаннымъ чертамъ понятія о преступленіи и наказаніи различаются свойства уголовнаго права какъ по національностямъ, такъ и по періодамъ развитія уголовнаго права у всякаго народа. Такъ однимъ народамъ болѣе свойственъ объективный взглядъ на преступленіе, т. е. оцѣнка его по мѣрѣ нанесеннаго вреда. У классическихъ и германскихъ народовъ находимъ множество случаевъ суда и наказанія животныхъ и неодушевленныхъ предметовъ за вредъ, нанесенный ими человѣку; у славянскихъ народовъ не встрѣчаемъ вовсе подобныхъ случаевъ; здѣсь весьма рано (сравнительно) преступленіе оцѣнивается по количеству злой воли дѣятеля. Принципомъ наказанія у однихъ народовъ остается воздаяніе зломъ за зло („око за око, зубъ за зубъ“) у другихъ—воздѣйствіе на преступную волю съ цѣлію произвести въ ней реакцію. У однихъ народовъ болѣе и дольше преобладаетъ въ наказаніи интересъ частнаго потерпѣвшаго лица,—у другихъ больше и раньше беретъ перевѣсъ начало государственной кары.

2) **Періоды исторіи уголовнаго права** обыкновенно различаются по свойствамъ наказанія, именно: 1) періодъ мести и частныхъ композицій, 2) періодъ устрашающихъ каръ, 3) періодъ наказаній, основанныхъ на вмѣненіи. Тѣ-же три періода различаются и въ исторіи русскаго уголовнаго права, совпадая съ тремя періодами исторіи государств. права, именно: уголовное право Русской Правды, уголовное право Московскаго государства и уголовное право имперіи. По этимъ эпохамъ измѣняются не только свойства наказанія, но и понятіе о преступленіи.

ПЕРІОДЪ I. УГОЛОВНОЕ ПРАВО ВРЕМЕНЪ РУССКОЙ ПРАВДЫ.

Общая характеристика періода. Время господства мести и денежныхъ выкуповъ обыкновенно считаютъ временемъ отрицанія уголовнаго права, а самую месть и выкупы—явленіями противоположными уголовной карѣ (самоуправствомъ, которое нынѣ само составляетъ дѣяніе преступное). Въ дѣйствительности не такъ: послѣдующее уголовное право развивается генетически изъ мести и выкуповъ, которые должны быть отнесены къ явленіямъ правомѣрнымъ. Лишь въ доисторическое время быть можетъ возмездіе

имѣетъ совершенно животный характеръ (bellum omnium contra omnes) всякое право развивается изъ первоначальныхъ инстинктовъ и природныхъ чувствъ: мстительность свойственна и животнымъ. Но какъ скоро существуютъ союзы семейный, родовой и общинный, личная обида, нанесенная одному члену союза чувствуется всѣмъ союзомъ (отсюда месть семейная, родственная и общинная и право союзовъ получать выкупы). Чѣмъ шире союзъ, чѣмъ дальше онъ отъ непосредственныхъ кровныхъ началъ, тѣмъ больше личное чувство раздраженія успокоивается, переходитъ въ хладнокровное сознаніе неправоты, требующей наказанія. Животное проявленіе инстинкта переходитъ въ человѣческое понятіе о правѣ. Въ союзѣ государственномъ личный элементъ мести не изчезаетъ, но уходитъ на второй планъ. Такъ какъ исторія нашего права застаетъ славянъ въ союзѣ государственномъ (земскомъ), то въ историческое время мы не находимъ уже явленій безграничной мести не только личной, но и родовой и общинной: месть регулирована властію и закономъ; дѣятельность мстителя обращена въ орудіе интересовъ общественныхъ, хотя чувство раздраженія и мстительная жестокость каръ далеко не вполнѣ успокоиваются. Начало личной мстительности переходитъ и на государственную систему наказаній, которая начинаетъ развиваться въ ту-же эпоху. Въ такомъ состояніи находимъ уголовное право въ Русской Правдѣ.—Но и въ эпоху государственной (земской) жизни, уже на глазахъ исторіи уголовное право проходитъ (въ I-й періодъ) нѣсколько ступеней развитія; здѣсь изложимъ: 1) исходный моментъ исторіи нашего уголовнаго права, какъ онъ опредѣляется въ *договорахъ съ греками*. Здѣсь въ соглашеніи права русскаго съ византійскимъ найдемъ яркое доказательство того, что періодъ мести не есть эпоха отрицанія права, если явленія мести можно было согласить съ такимъ чисто карательнымъ уголовнымъ правомъ, каково было византійское. 2) Изложимъ самую систему мести и денежныхъ выкуповъ, какъ она выразилась въ Русской Правдѣ и современныхъ ей памятникахъ. 3) Укажемъ переходъ отъ этой системы къ системѣ уголовныхъ каръ, которая зародилась изъ предыдущей и выразилась въ смѣшанной системѣ вѣчевыхъ законодательствъ: Пск. и Нов. Судн. грам.

1) Уголовное право договоровъ съ греками.

Искусственный характеръ постановленій договоровъ съ греками (именно, компромиссъ между обычнымъ правомъ руссовъ и византійскимъ правомъ) былъ уже указанъ нами въ своемъ мѣстѣ (см. часть I, стр. 88); но тамъ же было сказано, что въ нихъ больше слѣдовъ русскаго права. Это и подтверждается преимущественно уголовными постановленіями договоровъ.— Благодаря вліянію грековъ, въ договорахъ мы встрѣчаемъ общіе термины

для выраженія понятія преступленія, именно: „проказа" (Дог. Олега. ст. 3), „съгрѣшеніе", и понятія о наказаніи, именно: „казнь". „епитимія". Но изъ этого не слѣдуетъ, что эти понятія были навязаны руссамъ византійцами: въ договорахъ ясно видны уголовныя воззрѣнія, свойственныя первобытному народу; въ частности:

а) Относительно *убійства* договоръ Олега (ст. 4) постановляетъ, что убійца долженъ умереть на томъ-же мѣстѣ („идѣже"), гдѣ совершитъ убійство; договоръ Игоря (ст. 13) измѣняетъ и пополняетъ это такъ: „убійцу должны держать родственники („ближніе") убитаго, чтобы потомъ убить его". Здѣсь очевидно византійцы (редактировавшіе договоры) стремились примирить свои понятія о смертной казни за убійство съ русскимъ обычаемъ мести, такъ что для руссовъ сохранилась полная возможность примѣненія мести. Именно: по договору Олега здѣсь разумѣется месть *досудебная*, требующая однако (по аналогіи явленій другихъ народовъ) послѣдующаго оправданія судомъ; иначе даже побѣжденные греки едвали бы согласились предать себя на произволъ руссовъ. Но при Игорѣ греки были побѣдителями и поспѣшили болѣе ограничить произволъ руссовъ, именно потребовали, чтобы месть совершаема была родственниками убитаго *послѣ суда*; это было обусловлено особою статьею (Дог. Иг. ст. 12): руссы не имѣютъ права казнить грека—подданнаго имперіи ни за какое преступленіе, онъ получаетъ наказаніе по приговору судовъ имперіи; т. е. въ случаѣ совершенія убійства грекомъ надъ русскимъ, преступникъ, уличенный судомъ и подлежавшій смертной казни по византійскимъ законамъ, выдается (въ замѣнъ казни) руссамъ—родственникамъ убитаго, которые совершаютъ надъ нимъ кровную месть. (По древне-еврейскому законодательству, „смертоубійство злоумышленное наказывается смертію, что́ совершается родственниками убіеннаго, которые ни въ какомъ случаѣ не имѣютъ права взять отъ убійцы выкупъ". Неволинъ: Энциклоп. II, 188. Слич. Судебникъ Казимира 1468 г., ст. 12).— Обратно, если русскій убьетъ грека, то право суда надъ нимъ принадлежитъ русскимъ; они выдаютъ его (въ случаѣ виновности) грекамъ, которые и совершаютъ надъ нимъ смертную казнь.—Такъ договоры примирили право мести, свойственное руссамъ, съ правомъ смертной казни по византійскимъ законамъ.—Но право мести не было безусловнымъ произволомъ и у самихъ русскихъ, соединеніе ея съ судомъ мы укажемъ ниже и въ національномъ русскомъ правѣ, а потому грекамъ легко было выговорить и другое ограниченіе мести. Именно месть непосредственная, допущенная договоромъ Олега, позволяется только въ моментъ совершенія убійства (delicto flagrante); такой смыслъ имѣетъ выраженіе: „идѣже аще створять убійство". Здѣсь указывается не мѣсто совершенія убійства, а моментъ времени, какъ видно изъ слѣдующихъ затѣмъ словъ статьи договора. „если-же убѣжитъ сотворившій убійство", то наступаетъ двоякое послѣдствіе: въ случаѣ состоя-

тельности убѣжавшаго преступника, взысканіе обращается на его имущество, которое поступаетъ въ пользу родственника убитаго, за исключеніемъ части, слѣдующей женѣ убійцы. Въ случаѣ-же несостоятельности преступника, истцы ждутъ пока онъ не будетъ найденъ, и тогда могутъ убить его. Здѣсь ясна полная уступка со стороны грековъ въ пользу русскихъ обычаевъ (ибо по византійск. законамъ не существовало замѣны казни имущественнымъ выкупомъ); въ пользу греческаго права выговорена только неприкосновенность имущества невинной жены преступника. Случай замѣны мести денежнымъ выкупомъ, указанный здѣсь, т. е. бѣгство преступника, есть именно самый первоначальный поводъ возникновенія композицій у всякаго народа. Представленное здѣсь изъясненіе статей объ убійствѣ одинаково устраняетъ какъ предположеніе о томъ, что въ договорахъ вовсе отмѣнена месть, вопреки обычному праву русскихъ (какъ думаютъ одни), такъ и предположеніе о томъ, что въ нихъ допущено безграничное право мести, вопреки интересамъ грековъ (какъ думаютъ другіе).

б) *Относительно нападенія на здоровье* (нанесенія побоевъ и ранъ) договоръ Олега (ст. 5) и догов. Игоря (ст. 14) постановляютъ что за ударъ мечемъ или другимъ орудіемъ виновный платитъ 5 литръ сер. *по закону русскому*. Дѣйствительно по русскому закону (Русской Правдѣ) за удары и раны полагается денежный штрафъ (различный по различію цѣли нападенія). Хотя Русская Правда допускала рядомъ съ денежными штрафами и месть за преступленія этого рода, но и византійское право конечно позволяло безнаказанный отвѣтъ оскорбленіемъ на оскорбленіе. Въ этой сферѣ уголовнаго права явленія мести дожили даже до нашихъ дней.—Изъ другихъ преступленій противъ личныхъ правъ договоры упоминаютъ о *лишеніи свободы:* „человѣка поработитъ“ (дог. Иг. ст. 9).

в) Относительно преступленій *имущественныхъ* и прежде всего *кражи*, въ догов. Игоря (ст. 6) содержится также ссылка на *законъ русскій*, въ такой формѣ: воръ долженъ не только возвратить украденную вещь, но и уплатить еще столько-же, сколько она стоитъ и (сверхъ того) воръ будетъ наказанъ по закону греческому и по уставу и по закону русскому. Въ догов. Олега (ст. 6) постановлено тройное вознагражденіе потерпѣвшему, но нѣтъ указаній на уголовную кару. Двойное, тройное, или четверное вознагражденіе при воровствѣ-кражѣ находимъ у всѣхъ первобытныхъ народовъ: по древне-римскимъ законамъ „poena manifesti furti quadrupli est“. Въ литовско-русскомъ правѣ установлено также двойное („совитое“) возвращеніе цѣны вещи. Подобное-же находимъ у нашихъ Сибирскихъ инородцевъ („Сборн. обычн. пр. Сибир. инород.“, стр. 152, 227 и др.). Въ Рус. Правдѣ принята не рыночная цѣна вещи, а назначенная законною таксою, и сверхъ того извѣстная сумма въ пользу общественной власти (продажа), иногда совершенно равная частному вознагражденію (см. Акад. сп. Рус. Пр. ст.

30 и Кар. 86). Несомнѣнно, что продажа и урокъ явились въ Рус. Пр. изъ первоначальнаго двойнаго вознагражденія. Что касается до добавочнаго уголовнаго наказанія (по дог. Игоря), то его знаетъ византійское право, полагавшее за воровство болѣзненныя, членовредительныя наказанія и даже смертную казнь (за вторичную кражу). Этого не находимъ въ Рус. Правдѣ, но встрѣчаемъ въ другихъ памятникахъ, современныхъ ей: арабскіе писатели сообщаютъ, что у русскихъ за воровство наказывали висѣлицею; наши лѣтописи XII в. смертную казнь чрезъ повѣшеніе считаютъ спеціальнымъ наказаніемъ для воровъ (князь упрекаетъ галичанъ, что они князей—Игоревичей повѣсили „какъ злодѣевъ“, т. е. воровъ).—Въ своемъ мѣстѣ уяснимъ, какъ согласуется это съ постановленіями Рус. Правды.

Къ постановленіямъ о кражѣ относится также позволеніе убивать противящагося вора на мѣстѣ преступленія (дог. Олега, ст. 6), если-же воръ сдается, то хозяинъ можетъ только связать его (взять). Это согласно съ византійскимъ правомъ (по которому позволялось „убивать въ ночи крадущаго вора, если нельзя было безъ бѣды пощадить его“), но также согласно и съ обычнымъ правомъ русскихъ; ниже будетъ представлено ученіе древнѣйшей Рус. Правды о томъ, что позволяется убивать ночного вора лишь тогда, когда нельзя было его связать, и не позволяется убивать вора бѣгущаго. Ограниченія произвола надъ воромъ постановляютъ также и другія древнія Славянскія законодательства (статутъ Винодольскій). И здѣсь согла шеніе права византійскаго съ русскимъ было возможно и легко.

Изъ другихъ преступленій противъ правъ имущественныхъ договоры (Ол. ст. 7, Игоря ст. 5) отмѣчаютъ явное отнятіе вещи (грабежъ) и дружинное похищеніе (разбой), но назначаютъ за нихъ такое-же наказаніе, какъ и за татьбу. Древнему русскому праву (равно какъ и большей части правъ первобытныхъ народовъ) неизвѣстенъ грабежъ, какъ преступленіе sui generis; но изъ этого не слѣдуетъ, что такое дѣяніе вовсе не считалось преступнымъ и не наказывалось, напротивъ оно только не выдѣлялось въ особый видъ изъ цѣлой массы имущественныхъ преступленій, заключенныхъ подъ общимъ названіемъ татьбы (факты, доказывающіе это, изъ временъ Русской Правды приводятся ниже).

Общее значеніе уголовныхъ постановленій договоровъ съ греками для исторіи русск. уголовнаго права вообще заключается въ томъ, что ими опредѣляется *исходный моментъ* развитія этого права: если право народа столь первобытнаго, каковы были руссы X-го в., легко могло быть согласовано съ правомъ народа такой дряхлой цивилизаціи, каковы были византійцы, то очевидно, что основныя уголовныя понятія тождественны у людей всякихъ ступеней развитія. И младенческіе народы признаютъ, что убивать, наносить побои, красть не позволительно. Уголовное право (какъ и всякое другое) исходитъ изъ общихъ законовъ физической и психической природы чело-

вѣка, а не изъ искусственныхъ воспрещеній закономъ тѣхъ или другихъ дѣяній. Оно не есть явленіе позднѣйшей цивилизаціи, наступившее въ слѣдъ за паденіемъ института мести; напротивъ, оно зарождается вмѣстѣ съ самимъ обществомъ; рукою мстителя дѣйствуетъ (еще не ясно сознанное) чувство права.

2) Уголовное право Русской Правды и современныхъ ей памятниковъ.

Эпоха Рус. Правды обнимаетъ собою время отъ нач. XI в. до конца XIII в. Мы будемъ пользоваться памятниками всей этой эпохи въ совокупности. Хронологическій ростъ уголовныхъ постановленій б. ч. не можетъ быть опредѣленъ; позднѣйшія Правды включаютъ въ себя цѣликомъ древнѣйшія и уясняютъ ихъ. Для болѣе правильнаго уясненія истиннаго смысла уголовныхъ постановленій Рус. Правды, считаемъ необходимымъ предварительно изложить ученіе о преступленіи и уже потомъ перейти къ ученію о наказаніи.

а) Преступленіе.

Терминъ „преступленіе“ хотя и извѣстенъ былъ въ эпоху Рус. Правды (въ переводной литературѣ съ греческаго языка), но самой Рус. Правдѣ неизвѣстенъ, ибо ей чуждо то понятіе о преступленіи, которое выражается этимъ терминомъ, т. е. нарушеніе закона. Терминъ, употребляемый Рус. Правдою, есть *обида*. Въ этомъ иногда видятъ доказательство частно-правнаго взгляда на преступленіе, какъ дѣяніе оцѣниваемое только по количеству вреда, нанесеннаго частному лицу. Мы увидимъ ниже, что разрядъ преступленій, караемыхъ Рус. Правдою, дѣйствительно ограничивается т. н. частными преступленіями, т. е. направленными противъ личныхъ и имущественныхъ правъ частныхъ лицъ. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что оцѣнка преступныхъ дѣяній совершается только съ точки зрѣнія интересовъ лицъ потерпѣвшихъ; напротивъ, штрафъ за „обиду“ платится не въ пользу потерпѣвшаго, а въ пользу общественной власти: такъ за укрывательство бѣглаго раба, виновный, кромѣ возвращенія раба его господину, платитъ 3 гривны уголовной продажи въ пользу князя; древнѣйшая Правда не указываетъ прямо значенія этого штрафа, говоря только: „а три гривнѣ за обиду“ (Акад. 10); но пространная Правда (Кар. 27) уясняетъ это вполнѣ: „а оному платити 3 гривны *продажи*“ (продажею называется уголовный штрафъ въ пользу князя). Даже такая личная обида, какъ позорный ударъ необнаженнымъ мечемъ или рукоятью его, влечетъ за собою общественный штрафъ, а не личный выкупъ: „12 гривенъ продажи за обиду“ (Кар. 19).

Субъектъ преступленія. Благодаря указанной выше этнографической особенности рус. права, уже въ періодѣ мести мы находимъ явственные, хотя

и не совершенные признаки уголовнаго вмѣненія. Преступникомъ можетъ быть только *лицо*, обладающее свободною *волею* и *сознаніемъ*. Злодѣянія, совершаемыя холопами, не считаются преступленіями, и не влекутъ на дѣятеля уголовныхъ взысканій. „если ворами окажутся холопы, которыхъ князь продажею не казнитъ, *потому что они несвободны*, то вдвое платить истцу за обиду“ (Кар. 43); но „если съ ними свободные крали или хоронили (украденныя вещи), то тѣ подлежатъ княжеской продажѣ“ (Кар. 132). Отвѣтственнымъ лицомъ предъ потерпѣвшими является господинъ холопа, который или выкупаетъ холопа, или выдаетъ его лицомъ потерпѣвшему. Исключеніе изъ этого (впрочемъ мнимое) составляетъ ударъ, нанесенный холопомъ свободному мужу, за что, по законамъ Ярослава, оскорбленный могъ убить его; но сыновья Ярослава уставили на куны (установили денежный выкупъ), съ правомъ схватить холопа-оскорбителя и бить его, но не убить (см. Ак. 16, Кар. 76). Во всемъ этомъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ уголовныхъ взысканій (княжей продажи); напротивъ, если господинъ такого холопа укроетъ его у себя (не выдастъ), то платитъ 12 грив. уголовной продажи.— Русская Правда молчитъ о возрастѣ при уголовномъ вмѣненіи; но объ этомъ молчатъ памятники законодательства вплоть до 2-й полов. XVII в. (кромѣ судебника Казимира); отсюда нельзя однако заключать, что уголовныя взысканія примѣнялись одинаково и къ малолѣтнимъ всякаго возраста; напротивъ это именно немыслимо при примѣненіи мести.—При совершеніи правонарушеній всѣми прочими, т. е. лицами дѣеспособными, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ требуется *присутствіе сознанія* неправоты дѣйствія. Такъ въ случаѣ потери вещи или бѣгства холопа, стороннее лицо, нашедшее вещь, или принявшее бѣглеца, если не знаетъ о потерѣ или бѣгствѣ, можетъ добросовѣстно владѣть вещію; но если собственникъ „заповѣдалъ“ о пропажѣ (законъ предполагаетъ, что такая заповѣдь должна сдѣлаться общеизвѣстною въ своемъ міру въ теченіи 3-хъ дней), то всякій, удерживающій у себя чужую вещь, обращается уже въ преступника и подлежитъ уголовному штрафу (Кар. 29 и 27). „Если холопъ бѣжитъ и господинъ его заповѣдаетъ, а кто-либо слышавши, или вѣдая, или зная, дастъ ему хлѣба или путь ему покажетъ, то платитъ за холопа 5 грив.“ (Кар. 123). Здѣсь хотя разумѣется не уголовный штрафъ, а частное вознагражденіе, но обязательство платить его возникаетъ изъ деликта. Точно также для бытія преступленія считается необходимымъ элементомъ *злая воля* дѣятеля, напр.: „кто злонамѣренно (пакощами) зарѣжетъ коня или скотину, то платитъ продажи 12 грив., а за ущербъ хозяину платитъ урока—гривну“ (Кар. 98). Количество злой воли предполагается гораздо большимъ при истребленіи, чѣмъ при татьбѣ тѣхъ-же самыхъ вещей: за кражу скота полагается уголовнаго штрафа только 3 грив., т. е. въ-четверо меньше. Элементъ злой воли съ особенною ясностью выступаетъ при оцѣнкѣ неисполненія граж-

данскихъ обязательствъ: „если кто будетъ взыскивать на другомъ долгъ, а тотъ начнетъ запираться, то въ случаѣ окажется, что онъ злонамѣренно *(обидя)* не возвращалъ ему денегъ, виновный платитъ за обиду 3 гривны“ (Ак. 14). Должникъ, набравшій мошеннически *(поплавши)* чужихъ денегъ и скрывшійся отъ кредиторовъ, разсматривается, какъ воръ (Кар. 133). Вообще въ этомъ отношеніи Рус. Правда различаетъ случайную несостоятельность (если товаръ, взятый въ долгъ, погибнетъ отъ кораблекрушенія, отъ непріятельскихъ войскъ или отъ пожара), несостоятельность возникшую изъ порочности (culpa) должника (пропьется) и несостоятельность злостную (dolus); первый случай разсматривается, какъ дѣяніе невинное („якоже пагуба отъ Бога есть, а не виноватъ“; Кар. 68). Такое распространеніе уголовныхъ понятій на сферу обязательственнаго права подало поводъ Чебышеву—Дмитріеву сказать, что въ Рус. Правдѣ не гражданская неправда покрываетъ собою уголовную, а наоборотъ; но это другая, столь-же ошибочная крайность.—Сознаніе и воля дѣятеля могутъ быть временно парализованы, въ слѣдствіе чего дѣяніе теряетъ свой преступный характеръ; въ первомъ отношеніи является т. н. *состояніе аффекта:* „если кто ударитъ другаго батогомъ..., а оскорбленный, не стерпѣвши того, ткнетъ мечемъ, то вины ему въ томъ нѣтъ“ (Кар. 21). Въ этомъ именно лежитъ первоначальное основаніе права мести. Такого состоянія нельзя смѣшивать съ состояніемъ необходимой обороны: послѣднею предупреждается преступное нападеніе, а въ первомъ карается уже совершенное. Что касается *необходимой обороны*, то это такое состояніе, при которомъ для лица не остается выбора законныхъ средствъ защиты своего права, которому угрожаетъ преступное нападеніе. Выше было упомянуто о правѣ хозяина убить вора на мѣстѣ преступленія. Если такое право дается безусловно, то это не что иное, какъ месть. Во 2-й Рус. Правдѣ (Ярославичей) содержится два постановленія о томъ весьма различныя: по первому (Ак. 20)—„если убьютъ огнищанина или тіуна у клѣти, или у коня, или у скотины, то убить его какъ пса“, т. е. безъ отвѣтственности за то; никакихъ ограничительныхъ условій не поставлено. Напротивъ по другому постановленію той-же Правды (Ак. 38), позволяется убить (всякаго вора) на своемъ дворѣ, или у клѣти, или у хлѣва; но если додержатъ вора до свѣта, то вести его на княжъ дворъ (къ суду); если-же убьютъ вора тогда, когда люди видѣли уже его связаннымъ, то должны платить за него (уголовный штрафъ). Одинъ изъ списковъ Рус. Правды къ этому прибавляетъ, что можно убить вора только на своемъ дворѣ; а если поднимутъ ноги (убитаго) уже за воротами, то платить за него. Пространная Правда (Кар. 37) предоставляетъ право убить вора не только на дворѣ, но и повсюду, съ прочими прежними ограничительными условіями, назначая плату за незаконно убитаго вора въ 12 гривенъ (продажа, а не вира).—Изъ изложенныхъ постановленій видно, что

позволялось убивать ночного вора, но именно такого, который не сдается и не такого, который бѣжитъ. Это совершенно согласно съ тѣмъ, что было постановлено и русскими и греками въ договорѣ Олега и есть не что иное, какъ необходимая оборона (воръ, который въ состояніи сопротивляться аресту, можетъ также унести и захваченныя вещи).—Но въ такомъ случаѣ какъ понять первую изъ приведенныхъ статей—о безусловномъ правѣ убивать вора? Едва-ли можно усматривать здѣсь усиленную строгость закона по отношенію къ лицамъ высшаго состоянія—огнищанамъ и тіунамъ, совершающимъ столь гнусное преступленіе. Но точно также нельзя предположить, что здѣсь мы имѣемъ древнѣйшій законъ, соотвѣтствующій первоначальному безусловному праву убивать вора, а въ послѣдующихъ статьяхъ—ограниченія, обусловленныя новыми успѣхами права и цивилизаціи. Достаточно вспомнить, что тотъ и другой законъ включены въ одну и ту-же Правду Ярославичей и потому могутъ быть раздѣлены только весьма незначительнымъ промежуткомъ времени. Сверхъ того, гораздо раньше, въ договорѣ Олега съ греками, существовали уже указанныя ограниченія для произвола хозяина вещи, а наоборотъ гораздо позже, именно въ договорѣ съ нѣмцами 1229 г. (ст. 32), встрѣчаемся опять съ полнымъ произволомъ надъ воромъ, схваченнымъ на мѣстѣ преступленія: „если русинъ и латинянинъ поймаетъ татя, то надъ тѣмъ ему своя воля—куда его хочетъ, туда и дѣнетъ“.—Остается предположить, что въ 20-й ст. 2-й Правды (и въ договорѣ) подразумѣвались тѣ-же ограничительныя условія при убійствѣ вора, которыя потомъ особо выражены въ законѣ; можно думать, что случай татьбы, совершенной огнищаниномъ, возбудилъ вопросъ, можетъ-ли собственникъ такъ-же поступать съ княжими дружинниками, какъ и съ простыми людьми; законъ поспѣшилъ отвѣтить въ утвердительномъ смыслѣ только на это, не имѣя въ виду разрѣшенія всего вопроса о правѣ обороны.

Виновность преступнаго дѣятеля можетъ значительно измѣниться, если въ одномъ и томъ-же дѣяніи проявилась *совокупность воли нѣсколькихъ дѣятелей:* или одинъ изъ нихъ можетъ подчинить себѣ волю другихъ (главное виновничество, подстрекательство и приказаніе совершить преступленіе лицомъ, имѣющимъ вліяніе или власть); или всѣ дѣятели совершаютъ преступленіе по взаимному уговору—съ равнымъ участіемъ воли каждаго (сообщество); въ первомъ случаѣ главный виновникъ несетъ бо́льшую отвѣтственность, во второмъ всѣ—равную. Рус. Правда знаетъ только преступное сообщество и караетъ каждаго преступника въ равной мѣрѣ: уже во 2-й Правдѣ (Ак. 40) находимъ, что „если 10 человѣкъ украли одну овцу, то каждый платитъ по 60 рѣзанъ продажи“. Правда пространная (Кар. 38) изъясняетъ точнѣе: за кражу скота изъ хлѣва или клѣти, если одинъ кралъ, платитъ 3 гр. 30 кунъ, а если ихъ (воровъ) было много, то всѣмъ платить по 3 грив. и по 30 кунъ (тоже ст. 39). Так. обр. за преступленіе,

совершенное сообществомъ, каждый участникъ карается такъ, какъ-бы онъ одинъ совершилъ его. Если-бы Русская Правда держалась частнаго взгляда на преступленіе, какъ на вредъ, нанесенный только частному лицу, то она должна была-бы назначить долевое вознагражденіе со всѣхъ участниковъ преступленія; сверхъ того штрафъ, здѣсь положенный закономъ, есть уголовный штрафъ, независимый отъ частнаго вознагражденія.—Съ др. стор. Рус. Правда и не возвышаетъ уголовной отвѣтственности при сообществѣ, какъ нынѣ дѣйствующее право; это не опровергается испорченною статьею (Ак. 29) 2-й Правды, по которой если одинъ кралъ, то платитъ гривну и 30 рѣзанъ, а если было 18 воровъ, то по 3 гр. и по 30 рѣзанъ каждый; здѣсь цифры въ текстѣ, очевидно, испорчены.—Не только соучастіе, но и *пособничество* и *прикосновенность* караются наравнѣ съ главнымъ виновничествомъ, что̀ видно изъ слѣд. статьи пространной Правды: если вмѣстѣ съ главнымъ виновникомъ—холопомъ крали или хоронили (плоды преступленія) свободные люди, то они въ продажѣ князю (Кар. 132).—Какъ преступное сознаніе (умышленность) такъ и злая воля (преступная энергія) могутъ имѣть различныя степени, которыя знаетъ Рус. Правда и которыя будутъ указаны при анализѣ отдѣльныхъ видовъ преступленій личныхъ и имущественныхъ.

Преступное дѣйствіе.—Для бытія преступленія необходимо, чтобы преступное сознаніе и воля перешли въ дѣйствіе (произвели измѣненіе въ объектѣ). Но уже Рус. Правда знаетъ и наказываетъ дѣйствіе начатое, но не достигшее цѣли *(покушеніе);* относительно преступленій личныхъ она выражаетъ это съ полною ясностью: „если кто вынетъ мечъ, но не ударитъ, то гривна кунъ“ (Кар. 20); за преступленіе оконченное—ударъ мечемъ—положено 3 грив. продажи (Кар. 25); так. обр. покушеніе наказывается въ три раза слабѣе оконченнаго дѣйствія. Что касается покушенія при преступленіяхъ имущественныхъ, то думаютъ, что оно вообще ненаказуемо по древнимъ законодательствамъ, въ томъ числѣ и по Рус. Правдѣ; но это лишь недоразумѣніе: воръ, схваченный на мѣстѣ преступленія, т. е. не успѣвшій совершить кражи, могъ быть убитъ или схваченъ и представленъ на княжій дворъ для суда и наказанія, несомнѣнно равнаго наказанію за оконченную кражу, ибо здѣсь разумѣется покушеніе, не оконченное не по волѣ дѣятеля. О наказаніи за покушеніе на кражу, остановленное по волѣ преступника, молчатъ древніе законы потому, что такое покушеніе обыкновенно остается непзвѣстнымъ никому. Сообразно съ этимъ наказаніе за покушеніе на грабежъ и самый терминъ „покусится“, встрѣчаемые въ дог. Игоря (ст. 5), не могутъ быть отнесены исключительно на счетъ византійскаго права.—Присутствіе понятія о покушеніи въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго права доказываетъ, что преступное дѣяніе разсматривается въ нихъ не только какъ вредъ, т. е. не исключительно съ точки

зрѣнія *объективной*.—Но, при наличности злой воли различія *результатовъ* преступленія вліяетъ на уголовную оцѣнку дѣянія. ударъ мечемъ можетъ имѣть результатомъ или рану или смерть жертвы; въ первомъ случаѣ штрафъ въ три гривны, во второмъ—вира (Кар. 25).

Объектъ преступленія. Сфера объектовъ по древнему праву очень тѣсная, это права лицъ физическихъ; такъ и опредѣляется она въ Рус. Правдѣ; но практика въ то же время включала въ число объектовъ и права государства и отвлеченныя идеи, защищаемыя государствомъ (религіи. нравственности). Физическое лицо, какъ объектъ преступленія, опредѣляется слѣд. чертами. Человѣкъ, не обладающій достоинствомъ лица. т. е. *холопъ или раба* не можетъ быть объектомъ преступленія: убіеніе раба сторонним лицомъ „безъ вины“ не есть преступленіе убійства, а истребленіе чужой вещи; оно направлено не противъ правъ раба, а противъ правъ хозяина: „за холопа и за рабу виры нѣтъ; но если безъ вины убитъ, то платитъ урокъ хозяину, а князю продажи 12 грив.“ (Кар. 102), т. е. столько-же. сколько за зарѣзаніе копя или скотины. Убіеніе господиномъ собственнаго раба не наказуемо (Уст. Двин. грам. ст. 11).—Точно то же нужно примѣнять и къ лицамъ, *лишеннымъ правъ* за преступленіе (чрезъ потокъ). Но права лицъ съ ограниченной правоспособностью ограждаются уголовнымъ закономъ въ одинаковой мѣрѣ съ свободными; таковы: *закупы*; ихъ честь и здоровье ограждаются отъ произвола самого владѣльца ихъ: „какъ за свободнаго платить, такъ и за закупа“; за покушеніе на свободу ихъ господинъ платитъ уголовной продажи 12 гр. (Кар. 73). Таковы и *иностранцы*, именуемые въ Рус. Пр. „варягами“ (западно-европейцы) и „колбягами“ (восточные инородцы); въ уголовной защитѣ ихъ правъ они даже имѣютъ нѣкоторыя преимущества предъ гражданами (Кар. 26). Договоры съ греками и съ нѣмцами установляютъ полную уголовную равноправность между гражданами и иностранцами: „если убьютъ купчину—нѣмца въ Новѣгородѣ, то за голову 10 грив.“, что̀ равняется 40 гривн. Рус. Пр. (дог. 1195 г. ст. 2). То же относится и къ *иноземцамъ* (т. е. гражданамъ другихъ русскихъ земель); поэтому неправильно мнѣніе (Чебышева-Дмитріева) о томъ, что сфера уголовнаго права исключительно опредѣлялась границами своей земли, и что вообще безродный и никому неизвѣстный человѣкъ не пользовался никакою защитою; оно основано на слѣд. ст. Рус. Правды (Кар. 15): „а на костехъ и по мертвецѣ не платити виры, оже имени не вѣдають, ни знають его“, которая, однако, имѣетъ другой смыслъ, а именно. община не обязана платить виры за скелетъ или трупъ человѣка, неизвѣстно отъ чего погибшаго.—Лица, *имѣющія полную правоспособность*, пользуются уголовною защитою своихъ правъ *не всѣ въ одинаковой степени;* именно въ этомъ отношеніи они различаются—1) *по общественному положенію*. Въ преступленіяхъ личныхъ древнѣйшая Правда не различаетъ обществен-

наго положенія лицъ потерпѣвшихъ (Ак. 1); 2-я Правда ограждаетъ уже двойною вирою жизнь огнищанина, княжаго тіуна, княжаго конюха и подъѣзднаго (Ак. 18 и 21); 3-я Правда обобщаетъ эти классы въ одинъ—привилегированный, подъ именемъ „княжихъ мужей“ (Кар. 3). „если кто убьетъ княжаго мужа, то 80 грив., а если людина, то 40 гр.“; сюда-же относятся тіунъ огнищный и конюшій, хотя упомянутые отдѣльно, не въ числѣ княжихъ мужей (Кар. 10). Въ позднихъ спискахъ Рус. Правды (кн. Оболенскаго) принципъ неравенства выраженъ такъ: „любо розсудити по мужу смотри“. Изъ остальныхъ нападеній на права личныя, неодинаковой карѣ подлежитъ „мýка“ (незаконное истязаніе, пытка) огнищанина, за что полагается 12 грив. продажи,—и смерда, за что 3 гр. (Кар. 89 и 90). Одинъ изъ Смоленскихъ договоровъ съ нѣмцами различаетъ бороду обыкновеннаго человѣка отъ бороды боярина и купеэмца. Въ этомъ отношеніи русское право имѣетъ наружное сходство съ германскими законодательствами и противоположно славянскимъ, не допускающимъ общественныхъ различій въ уголовномъ правѣ; но въ германскихъ законодательствахъ различаются *родовыя* неравенства (по происхожденію), въ русскомъ служебно-общественныя. Возможно предположить даже, что двойная вира за огнищанъ, тіуновъ и пр. есть сумма уголовнаго штрафа и такого-же частнаго вознагражденія, которое получаетъ за своихъ слугъ князь, какъ господинъ ихъ (сл. Обзоръ, Часть I, стр. 32). Въ договорахъ съ нѣмцами двойною вирою ограждаются послы и попы (которые обыкновенно и бывали въ послахъ), т. е. лица общественныхъ положеній, важныхъ въ международномъ отношеніи. Лишь въ позднихъ редакціяхъ церк. устава Ярослава штрафы за преступленія противъ чести, дѣйствительно очень рѣзко различаются по общественнымъ классамъ (большихъ бояръ, меньшихъ бояръ, нарочитыхъ людей, простой чади).—Въ отношеніи къ правамъ имущественнымъ, выше оцѣнивается собственность княжеская, но лишь въ частномъ вознагражденіи, а не въ уголовномъ штрафѣ (Ак. 25, 30).—2) *По полу.* Различіе уголовной защиты правъ женщины отъ защиты правъ мужчины хотятъ видѣть въ слѣд. статьѣ 3-й Правды (Кар. ст. 101): „если кто убьетъ жену, то тѣмъ-же судомъ судить, какъ и мужа; если будетъ виновата (по другимъ спискамъ „виноватъ“), то полвиры—20 грив.“; принимая слово „жена“ въ древнемъ значеніи женщины, находятъ, что жизнь женщины оцѣнивается вдвое меньше жизни мужчины. Другіе полагаютъ, что за убійство женщины полагается вообще такая-же вира, какъ и за убійство мужчины; но если убитая вызвала нападеніе собственною виною, то полвиры. Но за убійство въ „свадѣ“ (вызванное ссорою) таже Правда назначаетъ виру въ 40 грив. (Кар. 4); и вообще было-бы непонятно, почему пониженіе наказанія допущено только тогда, когда рѣчь зашла о женщинѣ, а не вообще, когда убійство вызвано жертвою. Остается думать, что здѣсь рѣчь идетъ о женѣ, какъ супругѣ и убі-

ении ея мужемъ за преступленіе противъ семейныхъ правъ. Аналогія варварскихъ нѣмецкихъ законовъ не даетъ никакихъ руководящихъ указаній, ибо по однимъ изъ нихъ за убійство женщины полагается кара вдвое болѣе тяжкая, чѣмъ за убійство мужчины, по другимъ—равная, по третьимъ вдвое меньшая. Важнѣе для насъ аналогія другихъ славянскихъ законодательствъ и позднѣйшаго русскаго права, по которымъ убійство женщины и мужчины оцѣнивается одинаково.

Классификація преступленій дѣлается въ Рус. Пр. на основаніи объектовъ ихъ; уже древнѣйшая Правда держится въ этомъ случаѣ опредѣленной системы, именно разсматриваетъ сначала преступленія противъ личныхъ правъ: убійство, нападеніе на здоровье и на честь, затѣмъ преступленія имущественныя; того-же порядка держится и 3-я Правда. Ему будемъ слѣдовать и мы.

Преступленія противъ личныхъ правъ: убійство. Преступленія противъ жизни именуются: „убійствомъ“ (Кар. 3, надп.), и „разбоемъ“ (Ак. 19 и Кар. 4); по первымъ терминомъ называется убійство вообще, вторымъ предумышленное (въ уст. Ярослава оно именуется „душегубствомъ“). Различіе *непредумышленнаго и предумышленнаго убійства* не указывается въ древнѣйшей Правдѣ; съ нѣкоторою неясностью говоритъ о томъ 2-я Правда (Ак. 18 и 19); вполнѣ отчетливо различаетъ упомянутыя понятія 3-я Правда (Кар. 4 и 5), именно различаетъ убійство, совершенное въ „свадѣ“—ссорѣ, на виру открыто (въ какомъ случаѣ община-вервь помогаетъ убійцѣ уплачивать виру), и убійство въ разбоѣ, безо всякой свады (когда убійца выдается на потокъ и община лишь въ такомъ случаѣ платитъ за него, если скрываетъ его и не выдаетъ князю). Совершенно подобнымъ обр. различаются оба понятія въ Полицкомъ статутѣ (XVII, 55—56): „гдѣ случится мертвая кровь, то 140 либръ, т. е. когда кто убьетъ другаго въ ссорѣ; а если убьетъ способомъ ассасинскимъ (разбойничьимъ), изъ засады, или по какой корысти, или убивши ограбитъ, то слѣдуетъ vraźda“.

Увѣчье по древнѣйшей Правдѣ относится вполнѣ къ преступленіямъ противъ жизни, именно за него полагается вира (Ак. 5). 3-я Правда смягчаетъ на половину наказаніе, но не выводитъ увѣчья изъ разряда преступленій противъ жизни, назначая за него полувирье. По древнѣйшей Правдѣ увѣчьемъ называлось отнятіе руки или ноги и тогда было понятно, почему оно равнялось убійству: увѣчный (лишенный средствъ защищать себя) умалялся въ своей правоспособности (въ христіанскую эпоху поступалъ подъ опеку церкви), т. е. выходилъ изъ разрядя лицъ: для него наступала т. н. гражданская смерть. По 3-й же Правдѣ понятіе увѣчья распространено на лишеніе глаза и носа; тогда уже не существовало основанія причислять это преступленіе къ убійству. Отнятіе прочихъ членовъ входитъ въ другой—низшій разрядъ преступныхъ дѣйствій, а именно—

Преступленія противъ здоровья, каковы: легкія увѣчья: отнятіе пальца (Ак. 6), нанесеніе раны обнаженнымъ мечемъ (Кар. 25); побои и удары, не имѣющіе отношенія къ оскорбленію чести (Ак. 9). За всѣ эти виды преступныхъ дѣяній, между которыми есть весьма тяжкіе, взыскивается б. ч. средняя продажа (3 грив.).

Преступленія противъ чести. Рус. Правда знаетъ оскорбленіе чести только дѣломъ, а не словомъ, а потому преступленія этого рода по внѣшнему составу сливаются съ преступленіями противъ здоровья. Различіе между тѣми и другими устанавливаются гораздо бо́льшею наказуемостію нѣкоторыхъ дѣяній, несоотвѣтственною величинѣ вреда ихъ; наприм., ударъ мечемъ необнаженнымъ или рукоятью, конечно, наноситъ гораздо менѣе вреда, чѣмъ тяжкая рана мечемъ; между тѣмъ за дѣяніе перваго рода полагается штрафъ вчетверо большій (12 грив.), чѣмъ за второе (Кар. 19). Точно такое же значеніе имѣетъ такой же высокій штрафъ за ударъ батогомъ, жердію, ладонью, чашею или рогомъ (орудіями пира), или тупою стороною меча (Ак. 3, Кар. 21). Наконецъ сюда относится вырываніе *бороды* и *усовъ*, какъ символовъ мужества, особо чтимыхъ многими древними народами (Ак. 7; Кар. 78). Сюда же относится и выбитіе зуба, очевидно совершенное ударомъ по лицу (Кар. 79). Если за отнятіе пальца взыскивалось только 3 грив., то ни чѣмъ инымъ нельзя объяснить штрафъ въ 12 грив. за вырваніе уса, какъ понятіемъ психическаго оскорбленія. Так. образ. психическіе мотивы преобладаютъ въ оцѣнкѣ преступныхъ дѣяній надъ физическимъ вредомъ. Это особенно обнаруживается изъ привилегированнаго положенія *чести женщины;* Рус. Правда не отмѣчаетъ особой тяжести этого преступленія; но современный ей памятникъ (догов. съ нѣмц. 1195 г., ст. 7) назначаетъ за ударъ женщинѣ (замужней или дѣвицѣ) штрафъ равный вирѣ за убійство свободнаго человѣка и столько же частнаго вознагражденія оскорбленной. Въ томъ же договорѣ есть постановленіе о наказуемости такихъ дѣяній противъ чести женщины, которыя не имѣютъ ничего общаго съ преступленіями противъ здоровья: „кто сорветъ у чужой жены головной покровъ, съ того 6 грив. за соромъ“ (ст. 8).—Въ позднихъ редакціяхъ церк. устава Ярослава (ст. 22) появляется оскорбленіе *словомъ*, и именно въ отношеніи къ женщинѣ, при чемъ честь (вопреки Рус. Правдѣ) оцѣнивается уже весьма различно, смотря по обществ. состоянію оскорбленной.

Преступленія противъ свободы извѣстны Рус. Правдѣ въ двухъ видахъ ихъ; это—во перв. продажа свободнаго человѣка: „если господинъ продастъ закупа въ полное холопство, то за обиду 12 грив.“ (Кар. 73). Во втор. лишеніе свободы по лживому обвиненію (Кар. 135); договоръ 1195 г. (ст. 4) объясняетъ, что дѣяніе этого рода каралось какъ оскорбленіе чести: „если свяжутъ мужа безъ вины, то 12 грив. за соромъ“.

Преступленія противъ правъ имущественныхъ. Не всѣ нынѣ извѣстные виды преступныхъ дѣяній этого рода извѣстны Рус. Правдѣ. Именно она упоминаетъ о *разбоѣ*, только какъ о преступленіи противъ жизни, но предумышленное убійство по Рус. Правдѣ есть убійство съ корыстною цѣлью, что́ и приближается къ понятію разбоя въ нашемъ смыслѣ. Въ такомъ значеніи употребляется этотъ терминъ въ бытовыхъ памятникахъ временъ Рус. Правды; такъ въ житіи Ѳеодосія разсказывается, что „нѣкогда были схвачены разбойники отъ людей сторожившихъ *домъ свой*“.—*Грабежъ*, хотя и не выдѣляется въ специальный видъ преступленія, но несомнѣнно наказывается наравнѣ съ татьбою и подъ именемъ татьбы; въ бытовыхъ памятникахъ встрѣчается и самый терминъ съ этимъ значеніемъ. въ Изборникѣ XIII в читаемъ: „что есть мытоимьство? Грѣхъ, срама не имый, грабленіе насильное, то бо есть разбойничества злѣе; разбойникъ бо срамляется крадыи, а сь съ дерзновеніемъ грабитъ“; так. обр. всѣ три термина: разбой, грабежъ и кража употребляются для выраженія одного и того же понятія; но несомнѣнно, что каждый изъ нихъ имѣетъ и свой специальный смыслъ.— Рус. Правда не знаетъ также и термина—*мошенничество;* но имѣетъ въ виду нѣкоторые виды дѣяній этого рода: злостное банкротство (Кар. 133) и торговый обманъ при продажѣ коней (допол. ст. 1); послѣдній случай, впрочемъ, ведетъ лишь къ гражданскому удовлетворенію.

Изъ имущественныхъ преступленій, извѣстныхъ Рус. Правдѣ, первое мѣсто занимаетъ *татьба*. Въ уголовной оцѣнкѣ татьбы по Рус. Правдѣ конкурируютъ и объективный и субъективный взглядъ на преступленіе. тяжесть татьбы опредѣляется *цѣнностью* украденнаго; впрочемъ всѣ предметы раздѣлены только на три категоріи: высшую, за предметы которой взыскивается 12 грив. продажи (холопъ—Кар. 34, бобръ - Кар. 81), среднюю съ продажею въ 3 грив. (рогат. скотъ—Ак. 29 и Кар. 38, пчелы— Кар. 87, охотничьи собаки и птицы—Кар. 93); прочіе предметы включаются въ низшую категорію съ продажею въ 60 кунъ.—Но рядомъ съ этимъ уголовная тяжесть татьбы измѣряется и напряженностью преступной воли, именно такъ: „если кто украдетъ скотъ *въ хлѣвѣ*, то 3 грив. и 30 кунъ; а если кто украдетъ скотъ *на полѣ*, то 60 кунъ“ (Кар. 38—39); т. е. *кража вещей, охраняемыхъ* собственникомъ, карается гораздо тяжелѣе кражи простой, такъ какъ въ 1-мъ случаѣ преступнику предстояло преодолѣть болѣе препятствій для исполненія преступнаго намѣренія. О *рецидивѣ* при кражѣ не упоминаетъ Рус. Правда, но быть можетъ этимъ понятіемъ изъясняется высокая уголовная кара за конокрадство въ 3-й Правдѣ; именно коневый тать выдается князю на потокъ, тогда какъ клѣтный платитъ только 3 гр. (Кар. 31); между тѣмъ цѣнность предметовъ, сохраняемыхъ въ клѣти, можетъ много превышать цѣнность одной лошади. Зарѣзавшій коня злонамѣренно (Кар. 98), т. е. совершившій преступленіе, высшее татьбы (см. ниже)

карается лишь 12 грив. продажею. За простую кражу лошади полагается продажа, а не потокъ (Ак. 29, Кар. 33). Остается думать, что подъ коневымъ татемъ ст. 31-й разумѣется конокрадъ по ремеслу—рецидивистъ.—О *святотатствѣ* лишь упоминается въ церк. уставахъ безъ назначенія опредѣленнаго наказанія.

Истребленіе чужихъ вещей, именно движимыхъ, съ точки зрѣнія матеріальнаго вреда, должно бы оцѣниваться наравнѣ съ татьбою тѣхъ же вещей; однако оно наказывается въ три раза строже (Кар. 98 сл. съ Кар. 38; о *порчѣ* чужихъ вещей см. Ак. 17). *Поджогъ* по Рус. Правдѣ не есть истребленіе огнемъ какихъ бы то ни было вещей; поджогъ борти, наприм., есть преступленіе особаго порядка, наказываемое лишь 3 грив. продажею (Ак. 30); поджогъ въ собств. смыслѣ есть истребленіе огнемъ зданій, караемое потокомъ и разграбленіемъ; такое тѣсное и правильное понятіе не встрѣчается въ другихъ славянскихъ законодательствахъ, по Чешскому праву за поджогъ лѣса—сожженіе (Maj. Carol. XXXV), по серб. (Зак. Душана) за поджогъ сѣна внѣ села—сожженіе. Подъ зданіями Русск. Правда разумѣетъ дворъ и гумно, т. е. какъ зданія, назначенныя для жилища человѣка, такъ и для храненія продуктовъ (Кар. 97).

Незаконное пользованіе чужими вещами карается по Рус. Правдѣ наравнѣ съ татьбою: „кто поѣдетъ на чужомъ конѣ, не спросившись у хозяина, то 3 грив.“ (Ак. 11, Кар. 28). Истребленіе признаковъ частной собственности (знаменій, межъ) называется высшею продажею въ 12 грив. (Кар. 82—83).

Этимъ и оканчивается система преступленій по Рус. Прав., ограничиваясь, какъ сказано дѣяніями, направленными противъ правъ частныхъ лицъ. Дальнѣйшія свѣдѣнія о другихъ видахъ преступныхъ дѣяній извлекаются уже изъ другихъ, частію бытовыхъ, частью законодательныхъ памятниковъ той-же эпохи.

Преступленія противъ правъ государства. Рус. Правда не содержитъ постановленій о преступленіяхъ этого рода частію по обыкновенной неполнотѣ закона въ сравненіи съ сферою дѣйствующаго права, частію же потому, что преступность нѣкоторыхъ дѣяній изъ этого разряда не вполнѣ была сознана. Такъ понятіе о *верховной измѣнѣ* противорѣчило тогдашнему вѣчевому строю русск. земель: борьба населенія или одной части его со своимъ княземъ есть политическая обычная борьба партій, а не преступленіе; одолѣвшая партія могла потомъ принимать репресивныя мѣры, которыя нельзя считать наказаніемъ. Примѣръ возстанія Кіевлянъ на своего князя Изяслава въ 1067 г. и казни, которую потомъ совершилъ этотъ князь, доказываетъ высказанное сейчасъ соображеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и свидѣтельствуетъ, что понятіе о верховной измѣнѣ начало уже складываться: сами кіевляне называютъ свое возстаніе „зломъ“; лѣтописецъ осуждаетъ

князя. что онъ произвелъ казнь безъ суда (Лавр. лѣт.): князь отрубилъ головыи 70 чел., которые выпустили Всеслава, другихъ ослѣпилъ. а „иныхъ безъ вины погубилъ“.—Понятіе объ *оскорбленіи величества* складывается въ особенности въ Суздал. землѣ и выражается лѣтописцемъ по случаю убіенія Андрея Боголюбскаго. Понятіе *земской измѣны* было доступнѣе и легче. но не въ отношеніяхъ между русскими землями: содѣйствіе стороннему князю, добывающему столъ, могло не казаться измѣною. Лишь тайный переѣтъ съ врагами своего князя всегда осуждается (примѣръ Блуда предавшаго Ярополка Владимиру). Въ Новгородѣ и Псковѣ вообще яснѣе и раньше чѣмъ въ другихъ земляхъ развивается понятіе земской измѣны въ 1141 г. казнили въ Новгородѣ Якуна, который бѣжалъ за удалившимся кн. Святославомъ обнаживши его, сверглн съ моста въ Волховъ. Въ отношеніи къ врагамъ инородцамъ земская измѣна вездѣ и для всѣхъ была ясна въ 1194 г. въ Новгородѣ казнили измѣнниковъ, предавшихъ дружину Новгородскую Югрѣ.—Одновременно съ политическими преступленіями уясняются и *преступленія по службѣ*, при чемъ отвѣтственными лицами являются какъ сами князья, такъ и подчиненныя власти. Вообще во всѣхъ земляхъ князь по преступленіямъ по своей должности подлежалъ суду и наказанію союза князей: „рядъ нашъ такъ есть, оже ся князь извинитъ, то въ волость“ (лѣт. Ипат., годъ 1177). Но въ Новгородѣ и Псковѣ, а отчасти и въ другихъ земляхъ, князья подлежали также суду вѣча: въ 1136 г. Новгородцы судили князя Всеволода за неисполненіе имъ обязанностей князя, какъ вождя и правителя. Что касается подчиненныхъ властей, то напр. въ 1209 г. въ Новгородѣ судили и казнили посадника за превышеніе власти (незаконное наложеніе податей). Въ другихъ земляхъ подобныя преслѣдованія высшихъ властей совершались еще въ формѣ народныхъ возстаній особенно при смѣнѣ князя (въ Кіевѣ по смерти Святополка); а это показываетъ, какъ неясно должно было быть въ то время представленіе о *преступленіяхъ граждан противъ порядка управленія*: составленіе мятежныхъ скопищъ было обыкновеннымъ явленіемъ при вѣчевомъ складѣ общества; случай въ Новгородѣ, описанный подъ 1071 г., когда весь народъ сталъ за волхва и лишь князь Глѣбъ съ дружиною за епископа, показываетъ, какъ трудно было причислить подобныя явленія къ обыкновеннымъ преступленіямъ.—Точнѣе были понятія о *прест. противъ судебной власти*, почему только этотъ одинъ родъ государств. преступленій и отмѣченъ Рус. Правдою; такихъ преступленій не могло быть, когда право возстановлялось только самими потерпѣвшими; но во времена Рус. Правды, когда произволъ мстительный былъ совершенно ограниченъ, было постановлено, что за „у́ку“ огнищанина или смерда безъ княжаго слова, полагается продажа (Ак. 31—32; Кар. 89—90; сл. Кар. 135).

Преступленія противъ вѣры могли существовать и въ языческую эпоху (какъ показываетъ казнь въ Кіевѣ варяга-христіанина за отказъ выдать сына на жертву богамъ при Владимирѣ); но нынѣшнее понятіе о нихъ образовалось съ принятія христіанства и формулировано по греко-римскому праву въ церковныхъ уставахъ. Въ уставѣ Владимира отмѣчено два вида ихъ *зелейничество* и *вѣдьство*. Уставъ Всеволода называетъ то же *чародѣяніемъ* и *волхвованіемъ*. Первое имѣетъ сложный объектъ: оно есть знаніе (знахарство) особенныхъ силъ природы (преимущественно „зелій"—травъ) соединенное съ пользованіемъ этими силами во вредъ другимъ (crimen maleficorum), почему зелейничествомъ называлось и отравленіе. Второе—это мнимое знакомство съ міромъ невидимымъ (crimen mathematicorum). Такъ какъ дѣйствія такого рода не только не преслѣдовались языческою религіею, но и возникали отъ нея, то первоначально трудно было преслѣдовать ихъ, какъ преступленія (выше былъ приведенъ случай, когда весь народъ сталъ на сторону волхва). Лишь въ XII и XIII в. господство двоевѣрія ослабѣло и тогда начинается повсемѣстное и частое преслѣдованіе волшебства, напр. въ Новгородѣ въ 1227 г. „сожгли 4 волхвовъ, обвиняя ихъ въ томъ, что они дѣлали потворы, а Богъ вѣдаетъ (правда ли это); ихъ сожгли на Ярославѣ дворѣ".—Другія дѣйствія, воспрещенныя, какъ противныя вѣрѣ и церкви, суть: моленіе въ рощахъ или у воды и подъ овиномъ, ограбленіе труповъ, посѣченіе крестовъ (на могилахъ и на дорогахъ), отрѣзываніе частицъ отъ священныхъ предметовъ (для волхвованія) и введеніе въ церковь собакъ или птицъ.

Преступленія противъ семейнаго права и нравственности возникли также только со времени принятія христіанства и отмѣчены въ тѣхъ же церковныхъ уставахъ. Сюда относятся: а) преступленія противъ христіанскаго строя семьи, подлежащія суду церкви и денежному штрафу въ пользу церковныхъ властей, но съ добавочнымъ уголовнымъ наказаніемъ со стороны князя; таковы: бракъ въ близкихъ степеняхъ родства или свойства (церк. уст. Яросл. ст. 12), двоеженство въ собственномъ смыслѣ, т. е. одновременное сожительство съ двумя женами (ibid. 13) и двоеженство не въ собственномъ смыслѣ, т. е. женитьба на другой безъ правильнаго расторженія перваго брака (ibid. 7); двоемужіе, при которомъ наказанію подлежатъ какъ самая двумужница, такъ и второй мужъ (по сп. Макарія); прелюбодѣяніе со стороны мужа (уст. Яр. ст. 6); самовольное отпущеніе жены мужемъ (разводъ; ibid. ст. 3) и разводъ по согласію супруговъ безъ воли епископа (ibid. 14), при чемъ наказаніе весьма различается смотря по тому, былъ ли бракъ вѣнчаный, или нѣтъ; злоупотребленіе со стороны родителей брачною судьбою дѣтей, т. е. отказъ въ согласіи на бракъ или принужденіе къ нему (ibid. 21); б) общія преступленія, совершаемыя въ семейной сферѣ, которыя подлежатъ суду князя, но вира и продажа дѣлятся между церковною и го-

сударь властями; таковы: убійство и душегубство (непредумышленное и предумышленное убійство), совершаемыя при свадьбѣ или сговорѣ (ibid. ст. 26): поджогъ (ibid. ст. 10; быть можетъ здѣсь разумѣется поджогъ церковныхъ зданій); кража между супругами (со стороны мужа кража конопли, льна, жита, подъ которымъ разумѣются продукты, необходимые на общее содержаніе семьи, и женскихъ одеждъ; ibid. 24—25; в) преступленія противъ нравственности, именно: блудъ въ различныхъ видахъ и степеняхъ; похищеніе дѣвицы, съ тройственнымъ объектомъ, какъ оскорбленіе нравственности, какъ нарушеніе правъ родителей и какъ безчестіе похищенной (ibid. 1); изнасилованіе, особенно квалифицированное (ibid. 5), также съ объектомъ сложнымъ (какъ преступленіе противъ здоровья, чести и нравственности); скотоложство (ibid. 16).

Какъ бы ни были сомнительны редакціи устава Ярослава, но старѣйшія изъ нихъ несомнѣнно относятся къ эпохѣ Рус. Правды, а потому содержаніе ихъ можетъ и должно выражать дѣйствительное состояніе уголовнаго права того времени.

б) Наказаніе.

Такъ какъ наказаніе есть возстановленіе нарушенныхъ преступленіемъ правъ общества, то основной интересъ историческаго изложенія права наказанія есть вопросъ объ общественномъ элементѣ его, объ очищеніи его отъ личной примѣси (начиная почти съ животной реакціи и самозащиты).

Термины общіе для выраженія этого понятія въ законодательныхъ памятникахъ не встрѣчаются, кромѣ слова „казнь“ упомянутаго выше по догов. рус. съ греками. Но въ памятникахъ бытовыхъ употребляются термины: „*наказаніе*“ и „*месть*“ (въ общемъ смыслѣ наказанія). „Месть“ въ обширномъ смыслѣ означаетъ наказаніе вообще: волхвы наказанные Яномъ на Бѣлоозерѣ, приняли „месть отъ Бога“ (лавр. лѣт.); въ Законѣ судномъ людемъ (по изд. Рус. Достопам., гл. 69) сказано: „аще кто бьетъ раба своего жезломъ, ти умреть отъ руку его: судомъ да ся мьстить“. „Местникомъ“ въ догов. Олега (ст. 12) названа сторона въ процессѣ. Местникомъ иногда называется также судья: въ Законѣ судномъ людемъ (того-же изд. 76) говорится, что если низшіе судьи отказываютъ въ правосудіи, то „взидуть къ великому отместнику, его-же постави власть наша“. Юридическій Сборникъ (изд. во II ч. Русскихъ Достопамятностей), начинается такъ: „нища не помиловати яко мѣсть“, что составляетъ переводъ Исхода (XXIII, 3) „нищаго да не помилуеши на судѣ“; поэтому Дубенскій говоритъ: „месть тоже, что судъ, κρισις, lis.“ Филологическій смыслъ слова „наказаніе“ есть „ученіе и исправленіе“: „наказаніе—institutio, poena: наказати —instituere („тыи въспита ме и наказа и наоучи), punire“ (Рѣчникъ Даничича). Въ смыслѣ слова „наказаніе“ (исправленіе) выраженъ основной

взглядъ славянъ на цѣль наказаній, взглядъ, конечно, указывающій на будущее, и мало примѣнимый къ самой эпохѣ Рус. Правды.

Виды наказаній въ историческомъ порядкѣ суть: 1) месть, 2) денежные штрафы, 3) уголовныя кары.

Месть—въ тѣсномъ смыслѣ есть возмездіе за уголовную неправду, совершенное руками потерпѣвшаго. Въ томъ понятіи, какое даетъ о ней Рус. Правда, месть совмѣщаетъ и частный и *общественный* элементы наказанія, что̀ видно изъ нижеслѣдующаго: 1) месть не только *признана*, *но и предписана* закономъ (Рус. Пр Ак. 1, Кар. 1.: „если отсѣчетъ руку, то дѣти искалѣченнаго должны смирить“—Ак 5). Обязательный характеръ мести ясенъ въ особенности въ догов. съ греками, при чемъ договаривающіяся стороны заботятся, чтобы преступникъ не остался безъ наказанія („да умреть;“ „да убіють и̑). 2) Месть *соединяется съ судомъ*, т. е. требуетъ или послѣдующей за местію санкціи суда (какъ обыкновенно и бывало), или предварительнаго рѣшенія суда древнѣйшая Правда требуетъ, чтобы окровавленный или раненый доказалъ на судѣ справедливость обвиненія и только послѣ этого можетъ или мстить, или взять за обиду 3 гривны (Ак. 2). Лѣтопись подъ 1070 г. разсказываетъ, что когда-то раньше (конечно до отмѣны мести) воевода княжій Янъ, схвативъ Ярославскихъ волхвовъ на Бѣлѣозерѣ, осудилъ ихъ за убійство многихъ женщинъ и наказалъ такъ: выдавъ ихъ родственникамъ убитыхъ, сказалъ имъ: „мстите своихъ“; родственники предали осужденныхъ смерти. 3) Законъ опредѣляетъ, *кто имѣетъ право* (и обязанность) *мстить*? А именно: за убійство мстятъ *члены рода* (отецъ и сынъ, братъ, дядя и племянникъ; Ак. 1, Кар. 1); въ 1-й ст. Рус. Правды однако содержится неполное опредѣленіе круга мстителей: не указано право мести за мать, сестру, жену и дочь, несомнѣнно существовавшее, какъ видно изъ приведеннаго сейчасъ лѣтописнаго факта. Но это есть результатъ обыкновеннаго недостатка обобщеній въ древнихъ памятникахъ, которые, вмѣсто того, стараются перечислить частичныя подробности, но всегда неудачно. Право мести за лицъ женскаго пола подразумѣвалось подъ соотвѣтствующими степенями родства муж. пола За увѣчье полагалась месть *членовъ семьи*: „тогда чада смирять“ (Ак. 5). За личное оскорбленіе и побои—*месть личная*: „оже ли *себѣ* не можеть мьстити, то взяти ему за обиду 3 грив.“ (Ак. 2.).—4) Этимъ опредѣляется и то, *за какія преступленія* полагалась месть? Именно: за убійство, увѣчье и нападеніе на здоровье. Что касается убіенія вора, т. е. мнимой мести за татьбу, то мы говорили, что здѣсь самоуправство уже перешло въ состояніе необходимой обороны.—5) *Въ чемъ состояла месть*? Въ каждомъ-ли случаѣ преступникъ отдавался на полный произволъ мстителя? Думать такъ не позволяетъ соединеніе мести съ судомъ и ясное различеніе въ Рус. Правдѣ относительной тяжести преступныхъ дѣяній. За убійство должна была слѣ-

довать смерть; но не за увѣчье („смирять“ не значитъ лишать жизни) и не за личныя оскорбленія; это показываетъ аналогія постановленія о мести холопу ударившему свободнаго мужа; при Ярославѣ было позволено убить его за то, но сыновья Ярослава, отмѣнивъ такой суровый законъ, не вполнѣ уничтожили месть и постановили, что оскорбленный можетъ или связать его или побить, т. е. месть состояла въ лишеніи свободы и тѣлесномъ наказаніи. б) Съ замѣною родовыхъ союзовъ общинными и земскими *месть вымирала* постепенно, ибо въ миценіи участвуетъ уже земская (государств.) власть; несомнѣнно, что и христіанство имѣло сильное вліяніе на ослабленіе мести; случаи замѣны мести выкупомъ по закону (при бѣгствѣ преступника) и по условію съ мстителемъ, дѣлались чаще. Послѣднее не служитъ отрицаніемъ уголовнаго характера мести, ибо прощеніе преступнику (съ условіемъ имущественныхъ взысканій) совершалось при участіи общества, на что указываетъ обрядъ *покоры*, извѣстный не только у западныхъ славянъ, но и у русскихъ (галичанъ, см. Akta grodzkie и zemskie. T. VI, № 40). Уже при Владимирѣ Св. осуществленіе мести было рѣдкимъ явленіемъ; тогда, при рѣшеніи вопроса о наказаніи за разбой, рѣчь шла о выборѣ между казнью и вирою, безъ упоминанія о мести. Хотя месть не изчезла до второй полов. XI в., какъ видно изъ Ярославовой правды и лѣтописныхъ фактовъ, но практическое ослабленіе ея дало возможность князьямъ-Ярославичамъ отмѣнить ее закономъ: „послѣ Ярослава собрались сыновья его и отложили убіеніе за голову, и предписали выкупаться деньгами“ (Кар. 2). примѣненіе мести на Бѣлѣозерѣ, записанное въ лѣтописи подъ 1070 г., не можетъ служить подтвержденіемъ той мысли, будто Ярославичи отмѣнили не месть, а смертную казнь, установленную Владиміромъ; послѣдняя отмѣнена самимъ Владиміромъ; случай на Бѣлѣозерѣ только *записанъ* подъ 1070 г. Не смотря на указанныя ограниченія мести, одно существованіе ея указываетъ на важнѣйшее *значеніе частнаго лица* въ сферѣ уголовнаго права.

Денежныя штрафы. Въ мести сливались нераздѣльно частный и общественный элементы наказанія; какъ скоро месть замѣнена денежными штрафами, то оба элемента тотчасъ выступаютъ въ своей раздѣльности; штрафы дѣлятся на уголовные (въ пользу общественной власти) и частное вознагражденіе потерпѣвшему; именно: за убійство—*вира* (въ пользу князя) и *головничество* (потерпѣвшему); за прочія преступленія *продажа* (князю) и *урокъ* (потерпѣвшему).

Вира и головничество. Слово „вира“, не встрѣчающееся въ другихъ славян. языкахъ, считаютъ заимствованнымъ изъ нѣмецк. языка (Wehrgeld): но корень его находится во множествѣ языковъ (между прочимъ въ финскомъ). Уголовное значеніе виры извѣстно со временъ Владиміра когда онъ, по совѣту епископовъ, началъ было казнить разбойниковъ, то дума представила ему, что это не выгодно, ибо вира даетъ средства для пріобрѣ-

тенія оружія и коней (Лавр. лѣт. 996 г.). По Правдѣ Ярослава вира взимается въ томъ случаѣ если нѣтъ мстителя (Ак. 1); Ярославъ установилъ „урокъ“ (таксу) въ пользу вирника, собиравшаго виры на князя (Ак. 42). Для XII в. уголовное значеніе виры не подлежитъ сомнѣнію: въ Суздальской землѣ княжескіе чиновники притѣсняютъ народъ вирами и продажами. Вира взыскивалась не всегда съ одного преступника, но иногда съ общины—*верви*, къ которой онъ принадлежитъ; въ такомъ случаѣ она называлась *дикою вирою* и взыскивалась въ двухъ случаяхъ: а) если совершено убійство не предумышленное и преступникъ состоитъ съ членами своей общины въ круговой порукѣ; б) если совершено убійство предумышленное, но община не разыскиваетъ убійцы (прикрываетъ его и не выдаетъ). Въ первомъ случаѣ вервь платитъ съ участіемъ самого преступника (въ соотвѣтственной долѣ); во второмъ случаѣ уплата виры разсрочивается на нѣсколько лѣтъ (Кар. 4). Происхожденіе круговой поруки изъясняютъ иногда изъ полицейски-финансовыхъ цѣлей государства, т. е. изъ стремленія князей получать доходъ отъ преступленій во всякомъ случаѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ заставить общины предупреждать преступленія. Но оба эти соображенія могли явиться лишь впослѣдствіи, при значительномъ развитіи государ. власти; первоначально-же круговая порука не есть искусственное государств. учрежденіе, а возникаетъ повсюду какъ изъ имущественной и личной солидарности родовыхъ и территоріальныхъ общинъ, такъ еще болѣе изъ права общинъ выдавать или не выдавать преступниковъ для наказанія. Съ ослабленіемъ значенія частнаго лица (съ уничтоженіемъ мести) возвышается *значеніе общинъ* въ сферѣ уголовнаго права.—Высота виры постоянна: за свободныхъ людей вообще 40 грив., за лицъ привилегированныхъ—80 грив., за жену—20 грив.; столько-же за увѣчье по 3-й Правдѣ. Высота головничества не опредѣляется закономъ; только при изувѣченіи назначается опредѣленное вознагражденіе, именно въ половину противъ уголовнаго штрафа (10 грив.; Кар. 22).

Продажа и урокъ. Уголовное значеніе продажи видно изъ нѣкоторыхъ приведенныхъ фактовъ относительно виры; во 2-й Правдѣ оно вполнѣ ясно напр. изъ слѣд.: „если украдетъ лодью, то за лодью 30 рѣзанъ, а продажи 60 рѣзанъ“ (Ак. 34). 3-я Правда не оставляетъ въ томъ никакого сомнѣнія (см. Кар. 23, 25, 33, 43, 132 и др.). Цифры продажи постоянны; именно: 12 грив. (за убіеніе вора безъ требованія обороны, оскорбленіе чести, лишеніе свободы, за кражу холопа и бобра, за истребленіе коня и скота, за порчу межъ); 3 грив. (и 30 кунъ) за всѣ прочія преступленія, кромѣ самыхъ маловажныхъ, за которыя взыскивалось 60 кунъ или рѣзанъ.—Урокъ таксированъ въ законѣ относительно преступленій личныхъ, наносящихъ физическій вредъ (за зубъ Кар. 79,—за палецъ Кар. 23,—за рану—Кар. 25 по 1 гривнѣ); за преступленія противъ чести Рус. Правда

не даетъ такой таксы; между тѣмъ какъ церкови. уставъ Ярослава содержитъ подробную оцѣнку чести При преступленіяхъ имущественныхъ или возвращается вещь, или цѣна ея, назначенная въ законѣ (Кар. 40, 41, 42).— Денежные штрафы въ опредѣленномъ количествѣ ихъ могли имѣть правильное уголовное значеніе лишь въ періодъ экономическаго равенства. При несостоятельности преступника должна была явиться *замѣна ихъ уголовными наказаніями*, что̀ дѣйствительно и находимъ прямо въ правахъ другихъ народовъ (напр. сербскаго) и въ позднѣйшемъ русскомъ правѣ. Высшій штрафъ, именно вира, уплачиваемая безъ помощи общины, обыкновенно былъ не подъ силу для одного преступника: а потому въ 3-й Правдѣ она и замѣнена уже въ законѣ потокомъ.

Потокъ и разграбленіе. Потокомъ называется лишеніе личныхъ правъ, а разграбленіемъ—лишеніе правъ имущественныхъ; и то и другое составляютъ одно наказаніе, а не два вида наказанія; хотя въ одномъ случаѣ (Кар. 31) упомянутъ одинъ потокъ безъ разграбленія (именно за конокрадство); но въ другомъ случаѣ терминъ: „поточити“ употребленъ въ смыслѣ разграбленія (Кар., 97: за поджогъ изъ разграбленнаго имущества преступника прежде всего удовлетворяется потерпѣвшій, а „въ остальномъ князю поточити“). Потокъ и разграбленіе не только замѣнили виру за предумышленное убійство, но и распространены на конокрадство и поджогъ, а практика распространяла это наказаніе и на политическія преступленія (Новг. 1-я лѣт. подъ 1209 г. ; несомнѣнно, что и за татьбу при несостоятельности слѣдовало тоже.—Первоначально потокъ и разграбленіе имѣли неопредѣленное значеніе. съ лишеннымъ правъ и его семьею можно было сдѣлать что̀ угодно; напр. въ Новгор. въ 1209 г. „Мирошкинъ дворъ и Дмитровъ зажгоша, а животы ихъ поимаша, и села ихъ распродаша и челядь“. Въ 1230 г. тамъ-же „заутра убиша Смѣна Борисовица, и домъ его весь разграбиша, и села, и жену его яша“. Разграбленное имущество иногда дѣлили „по всему городу по 3 гривны“; въ княжествахъ оно поступало князю. При тѣсной солидарности имущественныхъ и личныхъ правъ семьи, естественно страдали жена и дѣти, при чемъ однако могло слѣдовать и предположеніе о ихъ соучастіи въ преступленіи мужа и отца и, по крайней мѣрѣ, о пользованіи плодами его (сл. Суд. Казим. ст. 1 и 5).—Изъ этой неопредѣленной сущности потока развились, уже въ эпоху Рус. Правды всѣ *виды уголовныхъ каръ*.—А именно:

а) Наказанія, обращенныя на свободу. *изгнаніе* и *ссылка;* напр. въ 1024 г. Ярославъ „изымавъ волхвы, расточи“; кн. Мстиславъ въ 1129 г. „поточи князя Полотскіе Царюгороду въ Греки“. *Заключеніе;* напр. въ 1141 г. „заточиша Якуна въ Чюдь съ братомъ, оковавъше и руцѣ къ шыи“. *Обращеніе въ рабство*: въ договорѣ съ нѣмц. 1229 г. (ст. 11) говорится: „если

князь разгнѣвается на своего человѣка и отнимет всѣ—жену и дѣтей въ холопство, то платить напередъ его долги нѣмцамъ".

б) Наказанія, обращенныя на здоровье: *болѣзненныя* и *членовредительныя:* вмѣсто словъ: „на потокъ" въ нѣкоторыхъ спискахъ Рус. Правды стоитъ „на бой", что, по мнѣнію И. В. Калачева, можетъ означать не только побои, но и смертную казнь.

в) *Смертная казнь.* Фактическія указанія на примѣненіе смертной казни относятся къ древнѣйшимъ временамъ; выше было упомянуто свидѣтельство Арабскихъ писателей о томъ, что Руссы казнятъ воровъ чрезъ повѣшеніе. При Владимірѣ Св. временно была введена смертная казнь за разбои. Въ Кіевѣ „розгнѣвася князь (Ростиславъ), повелѣ связати ему (Григорію Чудотворцу) руцѣ и ногѣ и камень на выи его обѣсить и вѣвреци въ воду, и тако потопленъ бысть" (Памятн., изд. Яковлевымъ, стр. CXL). Въ Новгородѣ 1141 г. „Якуна мало не до смерти убиша, обнаживъше яко мати родила и сѣвергоша съ моста; но Богъ избави, прибреде къ берегу *и болѣ его не биша*". Тамъ-же въ 1228 г. „возметеся весь городъ и поидоша *съ вѣця въ оружіи*... на Душильца—на Липиньского старосту тамо послаша грабить, а самого хотѣша повѣсити, въ ускоци къ Ярославу" (Новгор. 1-я лѣт.; стр. 44). Въ 1224 г. тамъ-же сожгли 4-хъ волхвовъ за волшебство (ibid.). Во многихъ изъ этихъ случаевъ можно видѣть расправу разгнѣваннаго народа или князя,—месть за государственныя и религіозныя преступленія, при чемъ непосредственно оскорбленнымъ и мстителемъ является само государство или его представитель—князь (въ такомъ видѣ и зарождается первоначально кара за государственныя преступленія).—Но есть свидѣтельства о назначеніи смертной казни по рѣшенію обыкновеныхъ судовъ: въ житіи Григорія Чудотворца разсказывается, что пришли къ нему трое, изъ которыхъ двое искушали его, ложно говоря о третьемъ: „это другъ нашъ; онъ осужденъ на смерть; просимъ тебя спасти его, дай ему, чѣмъ искупиться отъ смерти" (Памятн., изд. Яковлевымъ, стр. CXXXVIII). Этотъ случай показываетъ, что смертная казнь назначаема была при несостоятельности преступника. Подобный-же случай разсказывается въ житіи Агапита, къ которому привели уже не мнимо, а дѣйствительно—осужденнаго на смерть (ibid. стр. CXXXII). Классическое мѣсто поученія Мономаха имѣетъ двоякій смыслъ: „не убивайте, ни повелѣвайте убити, *иже будетъ повиненъ смерти*"; очевидно суды могли приговаривать къ смерти. Но это-же самое поученіе показываетъ, что смертная казнь противорѣчила національнымъ воззрѣніямъ русскихъ и что послѣдующее чрезмѣрное развитіе ея можетъ быть изъяснено лишь внѣшними вліяніями, прежде и болѣе всего византійскаго права, а потомъ татарскихъ обычаевъ; церковные суды рано начали примѣнять членовредительныя наказанія (см.

въ лѣт. разскалъ о Суздал еписк. Ѳеодоръ и судъ надъ нимъ митрополита) и, вѣроятно, смертную казнь.

Такъ развивались виды наказаній одинъ изъ другаго, въ случаѣ невозможности примѣненія мести, наступали денежные выкупы; въ случаѣ несостоятельности имущественной—наступали уголовныя кары

3) Смѣшанная система Псковской и Новгородской Судныхъ грамотъ.

Изъ соединенія имущественныхъ каръ съ уголовными является смѣшанная система Псковскаго и Новгор. законодательства. Здѣсь смертная казнь введена въ законъ; но болѣзненныя и членовредительныя наказанія еще не узаконены. Смертная казнь полагается за татьбу въ 3-и разъ конокрадство, за татьбу кромскую (или храмскую), за поджогъ и земскую измѣну (II. Суд. Гр. ст. 7—8). Въ одномъ случаѣ упоминается *дыба* (за нарушеніе порядка въ судѣ; II. Суд. Гр. ст. 58). Кромѣ смертной казни и дыбы, единственнымъ наказаніемъ остается *продажа* (вира уцѣлѣла лишь въ значеніи дикой), продажа уже не всегда такспрустся въ законѣ; большое экономическое неравенство вызвало необходимость разнообразить денежные штрафы смотря по состоянію преступника (Новг. Суди. грам. ст. 10).— Отношеніе государственнаго права наказанія къ частному преслѣдованію потерпѣвшаго не вполнѣ уясняется: въ Иск. Судн. Гр. (ст. 52) читаемъ: „А на татіи и на разбойники же, чего истецъ не возметъ, и князю продажи не взяти". Если бы истецъ всегда могъ посредствомъ мировой отклонить всѣ послѣдствія уголовнаго преслѣдованія, то это противорѣчило бы другой ст. (97) того же памятника, по которой продажа въ пользу князя берется и тогда, когда преступленіе совершено надъ отцомъ или братомъ, т. е. когда нѣтъ частныхъ истцовъ.

ПЕРІОДЪ II. УГОЛОВНОЕ ПРАВО МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

Въ Московскомъ государствѣ русское уголовное право вступаетъ въ періодъ устрашающихъ каръ; преступленіе теперь понято, какъ дѣяніе противо-государственное; личный и общинный элементы въ преслѣдованіи преступленія и наказаніи постепенно отстраняются государствомъ. Но государство дѣйствуетъ еще какъ частный мститель, стараясь воздать зломъ за зло, по возможности въ равной, если не въ высшей степени: наказанія принимаютъ вполнѣ уголовный и весьма жестокій характеръ.

Эти общія черты являются, однако, не сразу и не остаются неизмѣнными въ продолженіи 4-хъ вѣковъ; можно указать и здѣсь три момента въ развитіи уголовнаго права: 1) переходную эпоху XIV и XV вв., 2) уголовное

право судебниковъ (XVI в.) и 3) уголовное право Уложенія и Новоуказныхъ статей (XVII в.); въ послѣднюю эпоху именно проясняются всѣ типическія черты московскаго права и потому на нем остановимся подробнѣе.

1) Уголовное право уставныхъ грамотъ (XIV и XV в.).

Въ основныхъ грамотахъ намѣстничьяго управленія излагаются уголовныя постановленія весьма сходныя съ постановленіями Рус. Правды: изъ преступленій отмѣчаются только частныя: душегубство, нанесеніе ранъ, оскорбленіе чести (уже словесное), побои, татьба (и „сводъ“ для отысканія вора) и порча межевыхъ знаковъ (Двин. Уст. Гр. 1397 г. ст. 1—5). Наказанія состоятъ преимущественно въ денежныхъ штрафахъ—„вирѣ“ или „продажѣ“ (ibid. ст. 4, 5, 6), равной частному вознагражденію; о вирѣ упоминается только какъ о дикой (общинной) и именно въ случаѣ неотысканія общиною преступника (ibid. ст. 1). Смертная казнь постановлена лишь за третичную татьбу (ibid. ст. 5).—Но въ Уставн. грамотахъ есть и важное отличіе отъ характера Рус. Правды: въ нихъ находимъ постановленіе о „самосудѣ“, какъ самостоятельномъ преступленіи (ibid ст. 6): „а самосудъ то, кто изымавъ татя съ поличнымъ, да отпуститъ, и себе посулъ возметъ, а намѣстники довѣдаются по заповѣди, ино то самосудъ, а опрочь того самосуда нѣтъ“. Рус. Правда взыскивала за самовольное наказаніе вора, здѣсь содержится запрещеніе самовольнаго освобожденія отъ наказанія, въ чемъ нельзя не видѣть дальнѣйшаго успѣха уголовныхъ понятій, вопреки мнѣнію Б. Н. Чичерина, который полагаетъ, что и въ эту эпоху общество прикрываетъ преступниковъ, а правительство преслѣдуетъ преступленія лишь ради доходовъ (и потому система кормленія намѣстниковъ принесла будто-бы громадную пользу). Запрещеніе самосуда вызвано очевидно не финансовыми цѣлями государства, а сознаніемъ государственнаго вреда преступленій. Запрещеніе мировыхъ по дѣламъ о татьбѣ съ поличнымъ не слѣдуетъ понимать буквально, т. е. въ томъ смыслѣ, что по всѣмъ прочимъ преступленіямъ мировыя оставались позволенными; мы уже знаемъ, что подъ татьбою подразумѣвались и многія другія имущественныя преступленія (разбой, грабежъ). Что касается до убійства, то община обязана была выдать преступника, подъ угрозою уплаты дикой виры. Нѣтъ сомнѣнія, впрочемъ, что такое раннее запрещеніе мировыхъ относилось только къ преступникамъ „вѣдомымъ“, какъ именно говорятъ о томъ послѣдующія узаконенія: Уставная книга разбойнаго приказа редакціи 1566 г. постановляетъ, что если кто начнетъ искъ предъ губными старостами противъ разбойниковъ и „татей вѣдомыхъ“, а затѣмъ предъявитъ старостамъ мировую, то такая мировая не имѣетъ силы, а обвиненныхъ судить *„для земскихъ дѣлъ*, что-бы лихихъ вывести“. Редакція 1617 г. той-же кн. назначила уже уголовное

наказание за такіи мировыя (см. Уст. кн. разб. прик. ст. 41 и Ук. кн. зем. прик. IV). Тоже повторено въ Улож. (XXI. 31) и въ Новоук. ст. 1669 г. По отношенію къ лицамъ, не имѣющимъ репутаціи завѣдомыхъ воровъ и разбойниковъ, мировыя допускались (наприм. мировая 1560 г. между Новинскимъ монаст. и крестьянами Кирилова мон. о непредумышленномъ убійствѣ; 1684 г. между Дровневымъ и Аникѣевымъ объ увѣчьѣ и др.: см. Акты Юридич. № 270, 276 и др.). Во всякомъ случаѣ неполное запрещеніе мировыхъ по уголовнымъ дѣламъ, хотя и составляетъ важную особенность эпохи уставныхъ грамотъ, но указываетъ на продолжающееся значеніе *частнаго лица* въ уголовномъ преслѣдованіи.

2) Уголовное право судебниковъ.

Здѣсь укажемъ только особенности эпохи судебниковъ, отлагая подробности уголовныхъ постановленій ихъ до совмѣстнаго разсмотрѣнія съ постановленіями Уложенія.—Судебникъ царскій объявилъ законъ единственнымъ источникомъ права (Судебникъ ц. ст. 97), а потому нужно было ожидать, что здѣсь установится *понятіе о преступленіи*, какъ нарушеніи закона и получитъ силу принципъ nullum crimen, nulla poena sine lege. Однако въ дѣйствительности въ самомъ законѣ почти вся уголовная сфера была предоставлена народной совѣсти: преступниками собственно признаются *завѣдомые лихіе люди*, а такими людьми признаются, по приговору общества, люди, хотя бы не уличенные ни въ какомъ отдѣльномъ преступномъ дѣяніи: „скажутъ въ обыску про нихъ, что они—лихіе люди, а лиха про нихъ въ обыску именно не скажутъ,—и старостамъ тѣхъ людей по обыску пытати: не скажутъ на себя въ разбоѣ..., и старостамъ тѣхъ людей по обыску посадити въ тюрьму на смерть“ (Бѣлозер. губн. грам. 1571 г.). Судебникъ 1497 г. постановляетъ, что при голословномъ признаніи кого-либо татемъ со стороны 5—6 добрыхъ людей, хотя довода на него въ прежнемъ дѣлѣ не будетъ, у кого кралъ или кому татьбу плачивалъ“,—на томъ взять истцову гибель безъ суда (ст. 12). Такимъ обр. уголовное право судебниковъ (особенно 1-го), постепенно отстраняя частное лицо, оставляетъ почти неприкосновенною роль *общины* въ оцѣнкѣ преступныхъ дѣяній. Преступленіе *лихое (дѣло)*, совершаемое людьми, неопороченными обществомъ, подлежитъ наказанію, но гораздо меньшему. Въ губныхъ учрежденіяхъ предоставлены населенію преслѣдованіе и казнь преступниковъ, какъ право и какъ обязанность его предъ государствомъ. Этимъ, между прочимъ, объясняется полное отсутствіе въ законѣ опредѣленія условій вмѣненія. Само собою разумѣется, что осужденіе людей, не уличенныхъ ни въ какомъ отдѣльномъ фактѣ преступленія, основывается не на *матеріальномъ* вредѣ отъ ихъ дѣяній, а на внутренней оцѣнкѣ ихъ нравственной испорченности. *Кругъ дѣяній наказуе-*

мыхъ, однако, опредѣляется въ законѣ точнѣе и шире, чѣмъ въ уставныхъ грамотахъ и въ Русск. Правдѣ: кромѣ преступленій частныхъ включаются въ этотъ кругъ (и притомъ въ высшій разрядъ) церковная татьба, крамола и нѣсколько видовъ преступленій по службѣ: подлогъ, умышленное неправосудіе, взяточничество, и нѣсколько видовъ преступленій противъ порядка суда и управленія (лжесвидѣтельство, ябедничество). Среди частныхъ преступленій спеціализируются такіе виды ихъ, о которыхъ молчала Русская Правда, именно; мошенничество, грабежъ, подметъ, кража людей, убіеніе господина. Являются новыя условія оцѣнки тяжести преступленій: повтореніе преступлений (при татьбѣ), поличное (также). Оцѣнка преступленія противъ чести соразмѣряется съ общественнымъ состояніемъ потерпѣвшаго. Увѣчье выходитъ изъ ряда преступленій противъ жизни.—Въ числѣ *наказаній* денежные штрафы—„пени“ остаются, но уступаютъ преимущество уголовнымъ, между которыми преобладаетъ смертная казнь (почти за всякое преступленіе, если преступникъ вѣдомый лихой, равно при 1-й рецидивѣ и при поличномъ); здѣсь же въ первый разъ узакониваются: торговая казнь (битье кнутомъ), тюремное заключеніе (б. ч. какъ мѣра охранительная) и порука. Судебники не знаютъ членовредительныхъ наказаній; но въ современныхъ имъ памятникахъ (губныхъ грамотахъ) они есть, а равно—изгнаніе въ формѣ выбитія вонъ изъ Земли (см. губную гр. Кирилова мон. 1549 г.). Права потерпѣвшаго на вознагражденіе съ осужденнаго преступника уступаютъ окончательно праву государства на примѣненіе къ нему наказаній: если преступникъ осужденъ на смерть, а у него не будетъ имущества, чтобы вознаградить потерпѣвшаго, то уже 1-й Суд. запретилъ выдавать его истцу для отработки долга, а велѣлъ казнить его смертію (Суд. 1497 г., ст. 8, 11); Суд. цар. еще усилилъ это преимущество государства предъ потерпѣвшимъ (см. ст. 55).

3) Уголовное право Уложенія.

Такъ какъ уголовное право Уложенія основано на Уст. книгѣ разб. прик. (см. Часть I, стр. 209), то мы относимъ сюда разсмотрѣніе постановленій и этого послѣдняго памятника.

а) Преступленіе.

Субъектъ преступнаго дѣйствія.

Съ конца XVI и въ XVII в. государство окончательно принимаетъ на себя прежнюю роль частныхъ лицъ и общинъ въ преслѣдованіи преступленій, обращая тѣхъ и другія въ свои орудія для означенной цѣли: сосѣди обязаны давать помощь жертвѣ преступленія (Уст. кн. разб. прик. ст. 25);

село и деревня, куда приведетъ слѣдъ, обязаны его отвести, подъ угрозою наказанія (ibid. ст. 26); обыскные люди обязаны указать воровъ и разбойниковъ въ своей общинѣ, если они есть, подъ угрозою битья кнутомъ, если послѣ таковые сыщутся (ibid. 27); сотня, улица, волость, село или вотчина, если, поймавъ разбойника, не представятъ его въ губу (къ суду), подвергаются имущественному взысканію (ibid. 28).

Взявъ на свою обязанность преслѣдованіе и оцѣнку преступныхъ дѣяній, государство должно было въ законѣ опредѣлить условія измѣненія, что́ оно и дѣлаетъ въ Уложеніи и новоук. статьяхъ, хотя крайне несовершеннымъ образомъ.

а) Уголовная отвѣтственность распространена на всѣхъ, въ томъ числѣ на *холоповъ* (Уст. кн. разб. прик. ст. 13); господинъ отвѣчаетъ (отнятіемъ помѣстья) за непредставленіе къ суду своихъ холоповъ и крестьянъ-преступниковъ, даже въ томъ случаѣ, если наложитъ на нихъ наказаніе самъ (ib. и Улож. XXI, 79).

б) Прямаго закона о *возрастѣ* въ уголовномъ правѣ и теперь нѣтъ; но въ Новоук. ст. есть ссылка на постановленіе кормчей, по которому отъ уголовной отвѣтственности освобождаются: отроки до 7 лѣтъ и „бѣсные“, т. е. сумасшедшіе (Новоук. ст. 1669 г. ст. 108). Несовершеннолѣтніе свыше 7 лѣтъ подлежали уголовному преслѣдованію; но за преступленія, подлежавшія смертной казни, подвергались другимъ, смягченнымъ наказаніямъ.

в) *Психическія болѣзни* и неправильное устройство органовъ сознанія также не опредѣляются въ законѣ (кромѣ сейчасъ упомянутаго); практика, хотя и сознавала важность этого условія вмѣненія, но допускала иногда судъ и смягченное наказаніе для лицъ, не имѣющихъ его: „Оска Мосѣевъ пытанъ...; онъ Оска глухъ и нѣмъ, дураковатъ и не въ умѣ“; судья приговорилъ: бить его кнутомъ и освободить на чистую поруку (угол. дѣло 1697 г.).

г) *Степень участія въ дѣяніи сознанія и воли дѣятеля* уясняется въ законѣ болѣе подробными чертами, чѣмъ прежде; такъ имѣющій „нарядныя письма“ (подложные документы), *не вѣдая* того, что они сдѣланы воровски, не подлежитъ наказанію (Ул. IV, 4).—Различіе *умышленнаго и непредумышленнаго* дѣянія выражено ясно въ отношеніи къ убійству: „убійца пытаютъ: которымъ обычаемъ убійство учинилось—умышленьемъ ли, или пьянымъ дѣломъ—неумышленьемъ (въ дракѣ)“, за первое полагается смертная казнь, за второе кнутъ, или тюремное заключеніе (Уст. кн. разб. прик. ук. 1625 г.).—Но неправильный языкъ заимствованныхъ источниковъ иногда вводитъ Улож. ц. Ал. Мих. въ непослѣдовательность; напр.: „А будетъ кто съ похвальбы, или съ пьянства, или умысломъ наскачетъ на лошади на чью жену, и лошадью ея стопчетъ или повалитъ, и тѣмъ ее обезчеститъ, или ея тѣмъ боемъ изувѣчитъ..., велѣть его бить кнутомъ нещадно“ (XXII,

17): если потерпѣвшая отъ того умретъ, то его казнить смертію: но если „такое убиство учинится отъ кого безъ умышленія, потому что лошадь... разнесетъ и удержать ея будетъ не можно, и того въ убиство не ставить и наказанія .. не чинить (Ул. XXII, 17, 18) Здѣсь смѣшаны умышленное дѣяніе съ непредумышленнымъ, а это послѣднее съ *случайностью;* но такіе обмолвки закона не выражаютъ дѣйствительнаго его смысла.—Къ случайности примѣнена также *неосторожность* (ненаказуемая): „будетъ кто, стрѣляючи изъ пищали или изъ лука по звѣрю, по птицѣ, стрѣлою или пулькою убьетъ кого за горою, или за городьбою, или кто какимъ-нибудь обычаемъ убьетъ непарочнымъ дѣломъ, безъ умышленія, и за такое убійство никого смертію не казнить и въ тюрьму не сажать, потому что такое дѣло учинилось грѣшнымъ дѣломъ, безъ умышленія" (Ул. XXII, 20).—Наказуемая неосторожность иногда смѣшивается съ умысломъ, благодаря тои-же неправильной редакціи заимствованныхъ источниковъ: если кто произведетъ лѣсной пожаръ „по недружбѣ", или если такой пожаръ произойдетъ по „небрежности" пастуховъ, раскладывающихъ огонь, то полагается пеня,—которая не взыскивается, если пожаръ произведенъ „безъ хитрости" (Ул. X, 223). Вообще раздѣленіе дѣяній на „умышленныя и безхитростныя" не выражаетъ дѣйствительнаго взгляда на предметъ, изложеннаго моск. законодательствомъ еще въ Уст. кн. разб. прик. Византійскіе источники, съ которыми справлялись тогда постоянно, содержатъ въ себѣ слѣд. точное опредѣленіе: „убиства суть ово вольная (умышленныя), ово невольная (случайныя), ово близъ вольныхъ" (непредумышленныя).

д) Условія *необходимой обороны* изложены слѣд. обр. въ статьяхъ заимствованныхъ изъ литовск. стат. (ст. 19) кто убьетъ другаго обороняя себя, а прежде не былъ въ ссорѣ съ убитымъ, тотъ долженъ немедля извѣстить въ съѣзжей избѣ воеводѣ; здѣсь, принеся присягу, освобождается отъ наказанія. Уложеніе, не повторивъ этого, дало свое опредѣленіе: кто, при нападеніи на его домъ, обороняя себя и свой домъ, убьетъ кого-либо изъ нападающихъ, тотъ долженъ представить побитыхъ къ судьямъ, которые производятъ сыскъ; результатомъ сыска можетъ быть безнаказанность дѣянія (Ул. X. 200). Кромѣ этого основного условія (провѣрки судомъ), при оборонѣ требуется настоятельность опасности, но не требуется соразмѣрность средствъ обороны съ цѣлями нападенія (если кто, въ присутствіи суда, поссорясь съ соперникомъ, начнетъ его *бить*, а тотъ, обороняясь, его *убьетъ*, то не подлежитъ наказанію: Ул. X, 105): допускается убіеніе при оборонѣ какъ жизни, такъ и собственности, позволяется убить вора съ поличнымъ въ своемъ дому и во время погони за нимъ, когда воръ „учнетъ драться" и „изымать себя не дастъ" (Ул. XXI. 88 и 89). Что здѣсь разумѣется не самоуправство, а оборона, доказывается тѣмъ, что если кто, поймавъ вора, станетъ его пытать, то платитъ татю безчестье и увѣчье.

Оборона чужихъ правъ не только дозволяется, но и вмѣняется въ обязанность сосѣдямъ и слугамъ (Улож. XXII, 16, 22), точно также оборона правъ государственныхъ—всѣмъ гражданамъ (кто догонитъ измѣнника и убьетъ его, тотъ получаетъ награду; Ул. II, 15).

е) Къ ученію *о состояніи крайней необходимости* относится постановленіе о безнаказанномъ истребленіи чужихъ животныхъ при защитѣ отъ нихъ (Ул. X, 283), при чемъ какъ признакъ дѣйствительной крайности указывается на то, что животное убито „ручнымъ боемъ, а не изъ ружья".

ж) Соотношеніе воли *нѣсколькихъ дѣятелей* въ одномъ преступленіи излагается гораздо полнѣе, чѣмъ въ памятникахъ 1-го періода. Въ отношеніяхъ интеллектуальнаго виновника (подстрекателя) къ физическому (исполнителю) различается приказаніе господина своему слугѣ, которое не освобождаетъ послѣдняго отъ наказанія, но смягчаетъ его, слуги, произведшіе „нарогательство по наученью господина", подвергаются битью кнутомъ, а слуги, совершившіе это преступленіе „собою, не по чьему наученію", подлежатъ смертной казни (Ул. XXII, 12). Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ исполнитель наказывается или въ равной мѣрѣ съ подстрекателемъ (ib. 7. 26), или въ высшей, хотя бы подстрекатель былъ начальникомъ исполнителя (Ул. X, 12: „которой дьякъ... велитъ судное дѣло подъячему написать не такъ, какъ въ судѣ было..., дьяку учинить за то торговую казнь—бить кнутомъ...; а подъячего казнить—отсѣчь рука"). При сообществѣ („сговоръ и заговоръ") Уложеніе различаетъ главнаго виновника—совершителя преступленія, и его „товарищей": за убійство при наѣздѣ—смертная казнь, „а товарищей его всѣхъ бить кнутомъ" (Ул. X, 198). Въ такихъ преступленіяхъ, которыя могутъ быть совершены по способу раздѣленія труда (поддѣлка монеты), законъ уменьшаетъ наказаніе каждаго сообщника, сравнительно съ тою степенью наказанія, которой подвергался-бы виновникъ, если бы онъ одинъ совершилъ всѣ составные элементы преступленія. *Пособничество*, именно указаніе средствъ для совершенія преступленія („подводъ") и устраненіе препятствій при его совершеніи („поворовка"), наказывается наравнѣ съ совершеніемъ самого преступленія. „указъ имъ чинити такъ-же, какъ разбойникомъ" (Уст. кн. разб. пр. ст. 31; Ул. ц. А. М. XXI, 63).—*Прикосновенность* въ нѣкоторыхъ видахъ своихъ также сравнена по тяжести съ самимъ преступленіемъ; такъ „станъ", т. е. постоянное пристанодержательство, и „пріѣздъ", т. е. доставленіе временнаго убѣжища разбойникамъ, караются наравнѣ съ разбоемъ (Уст. кн. разб. пр. ст. 30); напротивъ „поклажея", т. е. пріемъ на сохраненіе вещей, добытыхъ преступленіемъ, и покупка такихъ вещей ведутъ лишь къ отдачѣ на поруки, или къ тюремному заключенію (ibid. ст. 32 и 34; Улож. XXI, 64). Различные виды укрывательства преступниковъ отъ судебной власти переходятъ уже въ самостоятельныя преступленія (Ул. XXI, 19, 20, 77, 78, 79,

80, 83, 84): „А будетъ кто такихъ воровъ (татей, игроковъ, грабителей), видя гдѣ, не изымаетъ и въ приказъ не приведетъ, а изымать было ихъ мощно, .. и на тѣхъ людехъ имати заповѣди по полтинѣ“ (Ул. XXI. ст. 15). *Недонесеніе* о преступленіи имѣетъ огромное значеніе въ разрядѣ преступленій политическихъ, именно оно наказывается наравнѣ съ самимъ преступленіемъ, если виновными въ немъ оказывались ближайшіе родственники преступника: жена, дѣти, отецъ, мать, братья родные и неродные, дяди и др. (Ул. II, 6 и 9),—законъ, идущій прямо въ разрѣзъ съ психологическими началами уголовнаго права, но объясняемый полицейскими цѣлями, ибо замыслы преступника всего ближе извѣстны его семьѣ и роднѣ.

Преступное дѣйствіе.

Ученіе о степеняхъ осуществленія преступной воли въ дѣйствіи принадлежитъ къ числу наименѣе развитыхъ въ московскомъ правѣ; причина этого по мнѣнію однихъ въ томъ, что законъ, считая и теперь преступленіемъ лишь внѣшній матеріальный вредъ, не могъ признать наказуемости дѣйствій, еще не нанесшихъ никакого вреда (пр. Богдановскій); по мнѣнію другихъ наоборотъ въ томъ, что при субъективномъ взглядѣ на преступленіе, въ понятіи „вѣдомаго лихаго человѣка“ изчезали отдѣльные моменты осуществленія преступной воли (Власьевъ). Во всякомъ случаѣ до Улож. законъ молчалъ о покушеніи; въ Уложеніи (преимущественно относительно преступленій политическихъ) различаются: а) *умыселъ*, б. м. выразившійся въ какихъ либо приготовительныхъ дѣйствіяхъ, ибо для обвиненія въ немъ требуется произвести сыскъ: „кто учнетъ мыслить на государево здоровье злое дѣло..., казнить смертію“ (Ул. II, 1). Умыселъ несвободнаго человѣка на жизнь своего господина наказывается (наравнѣ съ покушеніемъ) отсѣченіемъ руки (Улож. XXII, 8). *Угроза* (относительно поджога) ведетъ къ сыску и затѣмъ отдачѣ виновнаго на поруки; если пожаръ дѣйствительно произойдетъ, то угрозитель подвергается пыткѣ, и въ случаѣ оправданія не получаетъ удовлетворенія за мýку (Ул. X. 202). Угроза въ убійствѣ (*похвальба*) можетъ вести къ непосредственному примѣненію наказанія, именно если виновнымъ оказывается безномѣстный человѣкъ, съ котораго впослѣдствіи нечего будетъ взять; его заключаютъ въ тюрьму; съ помѣстнаго человѣка взыскивается „заповѣдь“ (спеціальное дополненіе наказанія,—угроза, противопоставленная угрозѣ), если онъ дѣйствительно совершитъ преступленіе, хотя-бы и не достигшее цѣли (если ранитъ а не убьетъ). *Покушеніе* отмѣчается въ Ул. относительно преступленій личныхъ и государственныхъ: вынувшій мечъ, но не ранившій, подвергается тюремному заключенію (Ул. III, 5). Въ преступленіяхъ, требующихъ для своего совершенія сложнаго и долговременнаго приготовленія (дѣланія фальшивой монеты), отдѣльные акты приготовленія подлежатъ различнымъ наказаніямъ;

вообще-же покушеніе въ этомъ случаѣ ясно отдѣлено отъ совершенія преступленія: если „деньги дѣлать хотѣли, а не дѣлали", то слѣдуетъ усѣченіе пальцевъ, а если дѣлали, то усѣченіе руки (ук. 1661 г. сент. 18). Преступленіе не удавшееся не отличено отъ покушенія (равно какъ дѣйствіе превысившее намѣреніе дѣятеля сравнено съ совершеніемъ преступленія).

Объектъ и классификація преступныхъ дѣяній.

Понятіе объ объектѣ преступленія въ правѣ Моск. государства, сравнительно съ правомъ Рус. Правды, измѣняется: уголовный законъ ограждаетъ не одни права лицъ физическихъ, но защищаетъ строй, установленный государствомъ, церковію, нравственнымъ ученіемъ и кодексомъ бытовыхъ приличій.—Законодательство того времени не задается мыслію объ основаніяхъ и правильности классификаціи преступныхъ дѣяній; но Уложеніе ц. А. М. даетъ понять свою классификацію тою послѣдовательностью, въ какой оно излагаетъ свои уголовныя постановленія; а именно оно излагаетъ (хотя не безъ отступленій) сначала преступленія противъ религіи (гл. I) и противъ государства (гл. II), потомъ противъ порядка управленія (гл. IV, V, VI, VII, IX) и суда (гл. X, XIV), противъ законовъ о состояніяхъ (XIX), наконецъ противъ правъ лицъ частныхъ (XXI—XXII). Этой классификаціи будемъ держаться и мы.

Преступленія противъ религіи и церкви.

Хотя Московское государство приняло въ значительной степени теократическій характеръ, но, по сравненію его съ современными ему католическими и протестантскими государствами, отличается меньшимъ вмѣшательствомъ въ дѣла вѣры. По крайней мѣрѣ преступленія противъ вѣры, вовсе не упоминаемыя въ судебникахъ, отмѣчаются лишь въ Уложеніи ц. А. М. съ осторожною краткостію.

Богохульство. Такъ какъ государство ограждаетъ лишь христіанское вѣроученіе, то воспрещается хула на святыню христіанскую (Христа, св. Богородицу, св. крестъ и святыхъ); однако это преступленіе могло быть совершено не только христіанами, но и людьми другихъ вѣроисповѣданій („Будетъ кто иновѣрцы какія нибудь вѣры, или и русской человѣкъ возложитъ хулу на Господа..., того сжечь"; I, 1).

Совращеніе (именно въ мусульманскую вѣру,—обрѣзаніе) изъ православія, „насильствомъ" или по согласію—„обманомъ" безразлично, ведетъ совратителя къ смертной казни чрезъ сожженіе (XXII, 24). Законъ умолчалъ о совращеніи въ другія нехристіанскія религіи (буддизмъ, іудейство), конечно, потому, что не предвидѣлъ практической возможности подобныхъ случаевъ; но о совращеніи въ другія христіанскія вѣроисповѣданія онъ

могъ умолчать намѣренно; между тѣмъ практика распространяла примѣненіе этой статьи и на послѣдній родъ дѣяній.—*Вѣроотступничество* не подлежитъ уголовному суду государства; совращенный отдается на судъ церкви (ibid.).

Насильственное обращеніе въ православіе не предусматривается въ кодексахъ, но опредѣляется въ наказахъ воеводамъ (Астраханскимъ 1628 г.): „наказати всякими мѣрами и накрѣпко съ угрозами, чтобы тайно въ неволю не крестили". Въ этомъ выразился остатокъ древней русской вѣротерпимости, которая постепенно ослабѣвала въ Москов. государствѣ, но поддерживалась и тогда существомъ вещей: огромная масса подданныхъ принадлежала къ нехристіанскимъ религіямъ.

Волхвованіе и *чародѣяніе*, на которыя было столько обращено вниманія въ 1-мъ періодѣ, теперь не такъ интересуютъ государство; впрочемъ постановленія Стоглава объ этомъ были подтверждены особымъ указомъ: „къ волхвамъ бы и къ чародѣемъ и къ звѣздочетцамъ волхвовати не ходили", подъ неопредѣленною угрозою царской великой опалы и отвѣтственности предъ духовнымъ судомъ (ук. 1552 г.). Это постановленіе не принято въ Уложеніи ц. А. М. По мѣрѣ удаленія отъ временъ язычества, ослабляется вниманіе къ преступленіямъ этого рода; въ Московскую эпоху практика указываетъ весьма мало случаевъ уголовнаго преслѣдованія волшебства, сравнительно съ современною ей практикою зап. Европы и нашею собственною XVIII ст., что можетъ быть объяснено тѣмъ, что, за ослабленіемъ языческихъ вѣрованій, мысль о волшебствѣ направляется на успѣхи научныхъ знаній и изобрѣтеній, которыхъ у насъ въ то время вовсе не было; но несомнѣнно, что въ этомъ имѣетъ нѣкоторую долю и практическое здравомысліе русскаго права; разсказъ Олеарія о медикѣ Квиринѣ, обвиненномъ въ волшебствѣ за нахожденіе у него скелета, яко-бы двигающагося подъ звуки музыки, но помилованномъ и высланномъ изъ Россіи, доказываетъ вышеприведенныя соображенія

Ереси и расколы также не входятъ въ кругъ предметовъ уголовнаго законодательства (въ Уложеніи); но практика съ XV в. заинтересована ими гораздо болѣе: ереси стригольниковъ и жидовствующихъ подрывали глубокія основы христіанства. Церковная власть (Геннадій Новгородскій и Іосифъ Волоцкій) обвиняла свѣтскую въ послабленіи еретикамъ-жидовствующимъ и указывала на примѣръ испанской инквизиціи; но русскій великій князь (Іоаннъ III) былъ остороженъ и долго не вмѣшивался въ вопросы совѣсти, пока соборъ 1504 г. не вынудилъ его прибѣгнуть къ казнямъ (сожженію, урѣзанію языка, заточенію). Послѣдующія преслѣдованія ересей (мнимыхъ и дѣйствительныхъ) изъясняются иногда сторонними мотивами (заточеніе Максима Грека при Василіѣ Іоан.); наказаніе, постигшее въ 1554 г. еретиковъ Башкина и его товарищей отличается мягкостію (ихъ заточили по

монастырямъ; Косой бѣжалъ).—Самое активное участіе свѣтская власть принимаетъ въ дѣлѣ *раскола* XVII в., очевидно по связи его съ вопросами госуд. характера, фактическое преслѣдованіе раскола узаконено статьями 1685 г., которыми положены: за состояніе въ расколѣ – ссылка, за распространеніе его—смертная казнь, за укрывательство раскольниковъ, передачу писемъ ихъ—кнутъ и ссылка.

Умышленный прерывъ литургіи, за который Улож. (I, 2) полагаетъ смертную казнь, есть не только преступленіе противъ церковнаго благочинія, но можетъ быть и проявленіемъ невѣрующаго фанатизма. Этимъ можно объяснить высоту наказанія, сравнительно съ дѣяніемъ, опредѣляемымъ слѣдующею затѣмъ ст. Ул. (I, 3), именно оскорбленіе священнодѣйствующихъ въ церкви и произведенный этимъ „мятежъ“, т. е. тотъ-же перерывъ богослуженія, карается лишь торговою казнію; въ послѣднемъ преступленіи объектъ сложный (противъ церкви и правъ чести частныхъ лицъ).

Несоблюденіе церковныхъ обрядовъ признано дѣяніемъ наказуемымъ въ отдѣльныхъ указахъ послѣ Улож.: указомъ 1674 г. предписано хожденіе въ церковь, исповѣдь и причащеніе, подъ угрозою наказанія, родъ котораго неопредѣленъ (II. С. З. № 570).

Преступленія противъ нравственности. Въ свѣтскихъ законодательныхъ памятникахъ Московскаго періода открываемъ довольно вѣрный взглядъ на преступленія этого рода: наказуемою безнравственностію признана—общественная, именно, въ эпоху судебниковъ,—азартная игра и общественный развратъ (содержаніе притоновъ его), въ Улож. запрещается сводничество (XXII, 25), но косвенно и блудъ (ib. ст. 26). Еще въ уставныхъ грамотахъ запрещалось скоморошество какъ изъ цѣлей охраненія нравственности, такъ и соблюденія полицейскаго порядка. Въ законахъ, подтверждающихъ церковныя постановленія, кругъ запрещенныхъ дѣяній этого разряда распространялся на божбу, брань непотребными словами (ук. 1552 г.). — Изъ дѣяній безразличныхъ, законъ воспрещалъ, какъ преступныя, бритье и обстриженіе бородъ, подстриженіе усовъ (ib.); а въ наказахъ воеводамъ запрещеніе простиралось на пѣніе народныхъ пѣсенъ, на праздничные обряды и игры, качаніе на качеляхъ и пр. Ничто изъ этого, однако, не попало въ Уложеніе.

Преступленія государственныя.

Что касается до *политическихъ* преступленій, то въ судебникахъ отмѣчаются только два вида ихъ: крамола (верховная измѣна, хотя крамольниками называются иногда и ябедники, см. ук. 1582 г., окт. 9), и земская измѣна (въ формѣ сдачи города непріятелю: Суд. 1-й, ст. 9; Суд. ц. ст. 61). Въ то же время практика, особенно въ эпоху Грознаго, знала и карала всѣ виды дѣяній этого рода. Вообще царствованія Грознаго и Бориса Годунова,

а равно смутное время представляли самую плодородную почву для практическаго развитія ученія о политическихъ преступленіяхъ. Уложеніе довольно точно опредѣляетъ три вида политическихъ преступленій, а именно а) *оскорбленіе величества* дѣломъ (объ оскорбленіи словомъ оно молчитъ). Въ качествѣ объекта этого преступленія признано нетолько лицо государя, но и его „дворъ"—мѣстожительство· общія преступленія и проступки, совершенные на государевомъ дворѣ, подлежатъ бо́льшему наказанію, чѣмъ когда бы они были совершены въ другомъ мѣстѣ (Улож. гл. III). За то Улож. не распространяетъ понятія этого преступленія на другія лица и предметы (напр. поддѣлку монеты), что̀ нерѣдко можно встрѣтить въ законахъ другихъ народовъ. *Верховная измѣна* опредѣляется какъ покушеніе на ниспроверженіе власти (заговоръ и бунтъ), реализованное составленіемъ сообщества и сборомъ вооруженныхъ людей (Ул. II, 2), но здѣсь Уложен. отступаетъ отъ своей осторожности и разумѣетъ какъ нападеніе на верховную власть, такъ и на подчиненные органы управленія (думу воеводъ; II, 20, 21); недонесеніе о замыслѣ такого рода карается смертію (ibid. 18, 19). *Земская измѣна* опредѣляется во перв. какъ передача непріятелю части территоріи, во втор. какъ помощь непріятелю и для этой цѣли сношенія съ нимъ, въ трет. какъ побѣгъ въ непріятельскую землю или армію (Ул. II, 2, VII, 20).—Всѣ указанные три вида иногда Улож. сливаетъ въ одинъ, подъ именемъ „измѣны", что̀ соотвѣтствуетъ римскому понятію „perduellio", перешедшему къ намъ черезъ статутъ, но также соотвѣтствуетъ и состоянію госуд. права въ московскій періодъ, гдѣ государево и земское дѣло совершенно отождествлялись.

Преступленія по службѣ. Въ эпоху кормленія не было почвы для образованія понятія объ этихъ преступленіяхъ; „обида", причиняемая управляемымъ отъ намѣстниковъ, могла возбудить лишь частный искъ первыхъ противъ послѣднихъ (Уст Вѣл. грам. 1488 г. ст. 23). Преступленія этого рода проникаютъ въ законодательство въ эпоху судебниковъ, когда кормленіе превращается вполнѣ въ государ. службу. Изъ нихъ въ особенности правительство и законъ боролись съ *лихоимствомъ*. Посулъ (плата судьѣ или правителю отъ заинтересованныхъ лицъ) были сначала дѣяніемъ дозволеннымъ (Губн. Моск. зап. ст. 4); затѣмъ законъ таксировалъ эту плату и воспрещалъ взиманіе лишка (сверхъ таксы; отсюда и терминъ „лихоимство"); наконецъ вовсе запретилъ посулы (Суд 1497 г. ст. 1). Но такой переходъ частно-правныхъ понятій въ государственныя совершился не легко; по сказанію Герберштейна, въ Москвѣ все правосудіе (въ началѣ XVI вѣка) продажно; тогда господствовало мнѣніе, что человѣкъ, давшій больше, есть человѣкъ болѣе богатый и знатный, а потому ему нужно болѣе вѣрить, чѣмъ бѣдняку (пер. Аноним. стр. 84—85); уличеннаго въ лихоимствѣ подвергали тѣлесному наказанію, навязывая ему при этомъ на шею коше-

лекъ или мягкую рухлядь или соленую рыбу, словомъ ту вещь, которою онъ взялъ взятку. Судебники принимаютъ чрезвычайныя мѣры противъ *подкупа* и взяточничества, приказывая прокликать по торгамъ въ Москвѣ и во всѣхъ городахъ и по всѣмъ волостямъ заповѣдать, чтобы истцы и отвѣтчики не давали посула ни судьѣ, ни приставамъ (Суд. 1 н. 67. Суд. ц. ст. 99). Самое взяточничество наказывалось въ связи съ преступными дѣяніями, проистекшими изъ него (умышленнымъ неправосудіемъ, подлогомъ, выпускомъ преступниковъ; „посулъ возметъ и обвинитъ кого не по суду“: Суд. ц. ст. 3; сл. ст. 4 и 53). Подобнымъ же обр. разсматриваетъ взяточничество и Уложеніе (X, 5—8).—Независимо отъ лихоимства слагается понятіе о слѣд. преступленіяхъ: *умышленное неправосудіе*, въ слѣдствіе мести или дружбы (Суд. 1-н, ст. 1); *отказъ въ правосудіи* (Суд. ц. ст. 7); *медленность суда*—„волокита“; *доставленіе средствъ преступнику уклоняться отъ суда*.—Что касается злоупотребленій *администраціи*, то наказуемость его опредѣляется лишь въ Ул. (X, 150): если „приказные люди учнутъ... людямъ чинить продажи и убытки“, то слѣдуетъ денежное удовлетвореніе истцовъ и пеня.

Преступленія гражданъ противъ порядка управленія. Выше было указано, что „бунтъ“ противъ административныхъ властей сравненъ съ верховною измѣною; въ частности къ этому разряду отнесены нарушенія карантинныхъ постановленій и устава о проѣзжихъ грамотахъ (Ук. 1632 г. и Улож. VI, 4). Но законодательство болѣе интересовалось преступленіями противъ *финансовыхъ правъ* государства. Древнѣйшій видъ ихъ есть *корчемство*, которое впрочемъ сначала разсматривалось болѣе какъ преступленіе противъ нравственности: церковная власть, а за нею и государственная, запрещали его потому, что въ корчмахъ безпрестанно души погибаютъ безъ покаянія и безъ причастія; потому въ уставныхъ грамотахъ оно разсматривалось на ряду съ душегубствомъ, разбоемъ и татьбою. Въ XVII в. (именно въ Улож. гл. XXV) замѣтна уже двойственная точка зрѣнія на это преступленіе, съ преобладаніемъ финансоваго элемента, такъ какъ винная продажа сдѣлалась окончательно регаліею государства. Отвѣтственными лицами признаются „корчемники“ (самовольные продавцы питей), винопроизводители, сбывающіе питье въ незаконныя корчмы, и „питухи“, т. е. потребители въ такихъ корчмахъ; наказаніе постепенно усиливается смотря по повторенію преступленія до 4 разъ (когда наконецъ слѣдовала ссылка въ дальніе города и конфискація имущества).—Въ XVII в., съ установленіемъ запрещенія къ вывозу нѣкоторыхъ товаровъ („заповѣдныхъ“) является понятіе *контрабанды;* такъ запрещенъ былъ вывозъ за рубежъ соли, льну, сала, нефти и друг., подъ угрозою смертной казни (Ук. 1662 и 1681 гг.). Ввозъ нѣкоторыхъ товаровъ запрещался въ цѣляхъ *карантиннаго* огражденія отъ мороваго повѣтрія, при чемъ въ постановленія закона вкрады-

вались суевѣрныя понятія, свойственныя тому времени: въ 1632 г. царь увѣдомлялъ: „писали къ намъ изъ Вязмы воеводы наши: посылали они за рубежъ лазутчиковъ, и тѣ лазутчики пришедъ, сказывали имъ, что въ литовскихъ городѣхъ баба-вѣдунья наговариваетъ на хмѣль, который изъ Литвы возятъ въ наши городы, чтобъ тѣмъ хмѣлемъ въ нашихъ городѣхъ навести на люди моровое повѣтріе“; поэтому царь запрещаетъ ввозъ хмѣля подъ страхомъ смертной казни безъ всякой пощады. Но это уже относится къ преступленіямъ противъ полицейской власти государства, а не финансовыхъ правъ его.—Изъ этихъ послѣднихъ есть важнѣйшая—монетная регалія; а потому *поддѣлка монеты* была тягчайшимъ видомъ преступленій этого разряда. Памятники 1-го періода не знаютъ такого преступленія, ибо монетной регаліи тогда не существовало (орудіями обращены были металлы по вѣсу); можно предположить тогда только особый надзоръ государства за частными производителями денегъ, которые и подвергались наказанію за выпускъ ихъ ниже установленной пробы. Исключительное производство монеты государствомъ устанавливается только въ XVI в., и только съ того времени начинаются практическія преслѣдованія и узаконенія о поддѣлкѣ монеты: при в. кн. Вас. Іоанновичѣ „казнили многихъ людей въ деньгахъ, а казнь была—олово лили въ ротъ, да руки сѣкли“. При Еленѣ карали за поддѣлку и за обрѣзку монеты; Мих. Ѳеодоровичъ смягчилъ было наказаніе, установивъ, вмѣсто залитія горла расплавленнымъ металломъ, вѣчное тюремное заключеніе; но поддѣлка монеты чрезмѣрно увеличилась, и царь въ 1637 г. возстановилъ смертную казнь въ ея прежней формѣ для „пущихъ воровъ“ (главныхъ виновниковъ) и простую для пособниковъ, укрывателей и сбытчиковъ; при Алексѣѣ Мих. пособниковъ карали различно: отсѣченіемъ руки, урѣзаніемъ поздрей. Ученіе Уложенія объ этомъ предметѣ, заимствованное изъ статута, весьма ошибочно; правда оно не смотритъ на поддѣлку монеты съ точки зрѣнія статута (какъ на оскорбленіе величества), но полагаетъ одну казнь—залитіе горла оловомъ, не различая пособничества и укрывательства и ставитъ рядомъ съ этимъ преступленіемъ мошенническую примѣсь въ вещи изъ благородныхъ металловъ мастерами золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ (Ул., V, 1). Въ 1654 и слѣд. годахъ неудачныя финансовыя мѣры правительства (уменьшеніе вѣса серебр. монеты и выпускъ мѣдной въ одинаковой стоимости съ серебряною) вызвали массу преступленій, въ числѣ поддѣлывателей были и высшія правительственныя лица, и казенные денежные мастера, и простые граждане; тогда сразу было захвачено и наказано 22 т. фальшивыхъ монетчиковъ. Это привело къ изданію полнаго и точнаго закона о поддѣлкѣ монеты, 1661 г. Къ преступленіямъ противъ монетной регаліи относятся: выдѣлка монеты, равной по достоинству съ казенною, частными лицами; посеребреніе мѣдной монеты для обмана, и наконецъ выдѣлка монеты низшаго до-

стоинства. Законъ 1661 г. различаетъ между преступниками главныхъ виновниковъ, именно: поддѣлывателей, доставителей металла, сбытчиковъ и пристанодержателей, и во вторыхъ пособниковъ и покушавшихся. Первыхъ онъ караетъ усѣченіемъ лѣвой руки, вторыхъ отсѣченіемъ двухъ пальцевъ на той же рукѣ.

Преступленія противъ судебной власти. Изъ преступленій, вводящихъ судебную власть въ ошибку и ведущихъ къ неправильнымъ рѣшеніямъ, *лжеприсяга*, занимаетъ въ Моск. правѣ высшее мѣсто. Понятіе о ней, какъ преступленіи, не могло образоваться въ 1-й періодъ, когда присягали стороны и ихъ послухи, прибѣгая къ ротѣ, какъ суду Божію—безапелляціонному и не допускающему повѣрки. Въ XVI в., когда послушество обратилось въ простое свидѣтельское показаніе, сдѣлалось возможнымъ принесеніе лживой присяги. Въ постановленіяхъ Стоглава и Улож. она имѣетъ двойственный объектъ, какъ преступленіе противное религіи, и государ. судебной власти; въ Уложеніи эта двойственность выразилась въ противорѣчащихъ постановленіяхъ двухъ главъ кодекса (XIV и X); въ одной изъ нихъ выписываются постановленія кормчей книги (Василія В.), въ которыхъ за лжеприсягу полагаются церковныя эпитиміи („два лѣта да плачется, три лѣта да послушаетъ св. писанія") и импер. Льва (объ урѣзаніи языка); напротивъ, въ другой главѣ, московскій законъ даетъ свое простое опредѣленіе: „бить его кнутомъ по торгамъ, посадить въ тюрьму на годъ" и лишить права псковъ.—*Лжесвидѣтельство* (безъ присяги) признано также дѣяніемъ преступнымъ (Суд. ц. ст. 99); обыскные люди повальнаго обыска, показанія которыхъ уже приравниваются къ свидѣтельскимъ, за лживыя показанія наказываются такъ: выбираются изъ 100 чел. лучшіе люди человѣкъ 5—6 и подвергаются битью кнутомъ; сверхъ того на всѣхъ солгавшихъ возлагается удовлетвореніе того, кто былъ неправо обвиненъ или былъ пытанъ по лживому обыску (указъ 1556 г., ст. 5 и др.).—Къ тому же разряду относится *ябедничество*, которое въ судебникахъ стоитъ въ одной категоріи съ убійствомъ и разбоемъ (Суд. 1-й, ст. 8; Суд. ц.—59—присоединяетъ сюда еще *подписку)*. Субъектами этого преступленія могли быть какъ самые истцы, такъ въ особенности ихъ повѣренные; послѣднее вызвало особый указъ 1582 г. (марта 12), въ которомъ преступники этого разряда раздѣляются на ябедниковъ, крамольниковъ и составщиковъ (т. е. лживыхъ обвинителей въ частныхъ преступленіяхъ, лживыхъ доносчиковъ въ госуд. преступленіяхъ и составителей лживыхъ гражданскихъ исковъ); законъ къ нѣкоторымъ изъ нихъ примѣняетъ тѣ же наказанія, какимъ подвергся-бы ложно-обвиненный ими.

Преступленія гражданскія.

Права всѣхъ частныхъ лицъ пользуются теперь равною защитою уголовнаго закона. Различіе тяжести взысканія по общественному состоянію потерпѣвшихъ удержалось только въ преступленіяхъ противъ чести и связанныхъ съ ними преступленіяхъ противъ здоровья. Личныя права холоповъ и крестьянъ (прикрѣпленныхъ) признаны самостоятельнымъ объектомъ преступленія: самъ господинъ не можетъ убить своего холопа даже въ томъ случаѣ, если холопъ попадется въ разбоѣ (Уставная кн. разбоин. прик. II: Улож. XXII, 79). Убіеніе чужихъ крестьянъ наказывается независимо отъ частнаго вознагражденія.

Преступленія противъ жизни мало по малу выдѣляются отъ преступленій имущественныхъ, именно убійство отъ разбоя; въ Судебникахъ душегубство и разбой являются самостоятельными и раздѣльными преступленіями: „а на кого доведутъ татьбу, или душегубство, или иное какое лихое дѣло, *опричь розбоя*... (Суд. цар. 60). Различіе умышленнаго и непредумышленнаго убійства отмѣчено выше. Въ Уложеніи появляется опредѣленіе квалифицированныхъ видовъ убійства; лишеніе жизни другаго можетъ быть болѣе или менѣе тяжкимъ преступленіемъ, смотря по отношеніямъ, въ которыхъ состоятъ убійца къ жертвѣ; изъ отношеній родства и служебной зависимости римское право создало понятіе „parricidium“, что чрезъ нѣмецкое право перешло въ лит. статутъ, а оттуда въ Уложеніе ц. А. М. Но по литов. статуту изъ этихъ отношеній возникаютъ только болѣе тяжкіе виды убійства, по Уложенію же семейныя отношенія убійцы и жертвы могутъ быть причиною не только возвышенія, но и пониженія наказанія за убійство. Такъ мужеубійство карается самою страшною казнію—зарытіемъ живой въ землю, а женоубійство вовсе не отмѣчается какъ особый видъ (изъ тогдашней практики видно, что оно наказывалось мягче, чѣмъ убіеніе сторонняго человѣка). Отцеубійство карается смертію „безо всякой пощады“, дѣтоубійство—тюремнымъ заключеніемъ на одинъ годъ (но „дѣтоубійство“ въ тѣсномъ смыслѣ т. е. убіеніе матерью незаконнорожденнаго дитяти карается смертію).

Убіеніе господина слугою еще въ Судебникахъ отмѣчается, какъ тягчайшее дѣяніе, наравнѣ съ государственною измѣною; по Уложенію даже покушеніе на такое убійство наказывается отсѣченіемъ руки (XXII, 8—9). Изъ этого видно, что такое возвышеніе и пониженіе тяжести одного и того же преступленія основано не на субъективныхъ мотивахъ, а на стремленіи закона поддержать установленный гражданскій порядокъ (власть родительскую, власть мужа и власть господина).

Преступленія противъ здоровья. Мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, что по Русской Правдѣ разрядъ преступленій противъ здоровья колебался между

преступленіями противъ жизни (причиненіе увѣчья) и преступленіями противъ чести (легкіе побои). Въ московскомъ правѣ *нанесеніе увѣчья* вполнѣ выдѣляется изъ разряда преступленій противъ жизни; но зато въ Судебникахъ (Суд. цар. ст. 25) смѣшивается съ преступленіями противъ чести. Очевидно, что сохраняется еще остатокъ древняго взгляда на увѣчье, какъ на умаленіе личныхъ правъ. Въ свою очередь нанесеніе тяжкихъ побоевъ въ Судебникахъ всегда разсматривается въ связи съ грабежемъ. Такое смѣшеніе преступленій противъ здоровья съ преступленіями противъ правъ собственности изъясняется такъ же, какъ древнее смѣшеніе смертоубійства и разбоя, т. е. два разряда преступныхъ дѣйствій сливаются въ одинъ по единству цѣли преступленія (отнятія имущества); одно является лишь средствомъ другаго. Въ Уложеніи причиненіе увѣчья, нанесеніе ранъ и тяжкихъ побоевъ болѣе изолируются отъ преступленій противъ чести и имуществ енныхъ правъ (Улож. XXII, 10—12), именно безчестіе соединяется съ тяжкими побоями, но не съ увѣчьемъ; побои наказываются независимо отъ предположенія о послѣдовавшемъ грабежѣ.

Низшій видъ преступленій противъ здоровья, *легкіе побои*, не упоминается въ Уложеніи и, по всей вѣроятности, сливается еще съ преступленіями противъ чести.

Но московское право уже знаетъ и чистую форму *преступленій противъ чести*, т. е. оскорбленіе словомъ („а будетъ кто нибудь обезчеститъ непригожимъ словомъ...“ Улож. X, 99). Благо, которое законъ въ этомъ случаѣ защищаетъ, отнюдь не признается благомъ равнымъ для всѣхъ: честь различается, во первыхъ по положенію въ обществѣ, церкви и государствѣ какъ оскорбленнаго, такъ и оскорбителя; Суд. ц. (ст. 26) имѣетъ въ виду лишь общественные классы, но Уложеніе (X, 27—28) перечисляетъ особо не только чины и званія, но и должности, назначая для каждой категоріи особыя нормы возмездія. Во вторыхъ, честь различается по происхожденію (роду); различіе, основанное на этомъ началѣ, примѣнялось въ мѣстническихъ счетахъ; но въ общихъ уголовныхъ кодексахъ его нѣтъ. Честь, какъ *личное* достоинство, не обнаруживается ничѣмъ въ уголовныхъ кодексахъ; но въ судебныхъ актахъ, въ обозначеніи того, какія именно слова считались оскорбительными, можно уловить уже присутствіе и этого понятія; вообще оскорбленіе могло заключаться или въ простой бранн, или въ ненадлежащемъ обозначеніи отчества и фамиліи, или въ названіи „малопороднымъ“, уменьшительными титулами или „неслугою“; но также считалось оскорбительнымъ и названіе мужчины „жонкою“. Не смотря на это послѣднее обстоятельство, *оскорбленіе женщины* признавалось *квалифицированнымъ* (тягчайшимъ) видомъ преступленій противъ чести; за оскорбленіе жены взыскивается штрафъ вдвое противъ оклада мужа; за оскорбленіе дочери-дѣвицы—вчетверо (тогда какъ за оскорбленіе несовершеннолѣтняго

сына—только въ половину). Первоначально изъ оскорбленія не выдѣлялась *клевета*, какъ особый видъ; причина этого въ томъ, что понятіе клеветы поглощалось въ понятіи „ябедничества“; считалось важнымъ не обвиненіе кого-либо въ противозаконныхъ и постыдныхъ дѣяніяхъ передъ обществомъ, а лживое обвиненіе въ томъ передъ судебною властью. Въ Уложеніи понятіе клеветы существуетъ, но только, какъ квалифицированный видъ безчестья, причемъ „безчестье“ (штрафъ) взыскивалось двойное. Въ составѣ этого преступленія заключался не только упрекъ въ постыдныхъ дѣйствіяхъ самого оскорбляемаго, но и упрекъ въ незаконности происхожденія, въ развратной жизни жены и т. д. При этомъ законъ допускалъ повѣрку на судѣ взведенныхъ обвиненій и наказывалъ оскорбителя лишь въ томъ случаѣ, если-бы обвиненіе оказалось лживымъ (Ул. X, 280).

Преступленія противъ правъ имущественныхъ. Мы видѣли выше, что одною изъ особенностей древнѣйшаго уголовнаго права было отсутствіе въ немъ опредѣленій о явномъ отнятіи чужаго имущества; но что въ практикѣ несомнѣнно существуетъ уже понятіе о грабежѣ. Въ московскую эпоху сюда присоединяется еще *разбой*, включаемый уже въ разрядъ преступленій противъ имущественныхъ правъ („будетъ повинится, что онъ разбивалъ впервые, а убійства не учинилъ...“ ук. 1663 г.). Впрочемъ объектъ этого преступленія и теперь остается сложнымъ; въ немъ все еще подразумѣвается и нападеніе на имущество, и нападеніе на жизнь и здоровье, но именно съ цѣлью отнятія имущества. Для полноты состава этого преступленія слѣдуетъ присоединить еще субъективныя черты: обращеніе преступленія въ ремесло и совершеніе его шайкою. Но обѣ послѣднія черты не необходимы для образованія понятія о разбоѣ; такъ понятіе о разбоѣ, какъ о ремеслѣ, парализуется тѣмъ, что послѣ Судебниковъ въ разбоѣ различаются рецидивы (двѣ по Уст. кн. разб. прик., ст. 10; а одна по Улож. XXI, 16—17). Такимъ образомъ по Уставной книгѣ разб. прик. разбой совершенно равняется татьбѣ; по Уложенію лишь нѣсколько выше ея. По указу 1663 г. вторичный разбой опять наказывается не смертію, а отсѣченіемъ обѣихъ ногъ и лѣвой руки (что впрочемъ на дѣлѣ равняется мучительной смертной казни). По новоуказнымъ статьямъ 1669 г. возстановлены узаконенія Уложенія.

Грабежъ, по Судебникамъ (Суд. цар. ст 25), причисляется къ разряду преступленій, наименѣе тяжкихъ; онъ повидимому считается не болѣе, какъ самоуправнымъ отнятіемъ имущества у другаго лица послѣ драки, возникшей по какимъ либо личнымъ или имущественнымъ счетамъ. Затѣмъ взглядъ на него становится строже; онъ уже приближается къ разбою, такъ что въ началѣ XVII в. сами судьи спрашивали иногда законодателя: „тѣ статьи во что ставити въ разбои или въ грабежъ?“ (Уст. кн. разб. прик., 65). Однако и въ Уложеніи грабежомъ называется собственно самоуправство,

напр. самовольныя реквизиціи ратныхъ людей въ походѣ (VII, 22, 30), причемъ законъ назначаетъ или только двойное вознагражденіе потерпѣвшему, или, сверхъ того, наказаніе, не опредѣляя именно какое. Очевидно, что древній снисходительный взглядъ на явное отнятіе имущества еще не изчезъ вполнѣ.

Татьба, т. е. тайное похищеніе чужихъ (движимыхъ) вещей, съ древнѣйшихъ временъ привлекаетъ къ себѣ болѣе и болѣе строгое вниманіе законодателя. Въ первой половинѣ московскаго періода рѣзко различается татьба съ *поличнымъ* и безъ поличнаго, такъ что собственно татьбою въ уголовномъ смыслѣ называется лишь первая (см. Суд. 1497 г., ст. 10, 11, 13). Прежде поличнымъ называлось, когда преступникъ схваченъ на мѣстѣ преступленія; въ такомъ случаѣ раздраженное общество вмѣстѣ съ потерпѣвшимъ или расправлялось съ нимъ на мѣстѣ, или сохраняло въ себѣ болѣе сильное непріязненное чувство, что́ и вліяло на бо́льшую наказуемость. Потомъ, когда поличнымъ уже называются вещи украденныя (и находимыя у похитителя подъ замкомъ), падаетъ и уголовное понятіе о татьбѣ съ поличнымъ, такъ что наконецъ въ Уложеніи вовсе нѣтъ упомянутой разницы (Улож. XXI, 9 и 30). Другое обстоятельство, вліявшее на высшую наказуемость татьбы есть *повтореніе*; именно по Судебникамъ татьба во второй разъ влекла къ смертной казни; по всѣмъ прочимъ памятникамъ уголовнаго законодательства, предшествующимъ и послѣдующимъ, къ смертной казни ведетъ лишь троекратная татьба (Суд. 1-ый ст. 11; Суд. цар. ст. 56; Уст. кн. разб. прик. ст. 37—39; Улож. XXI, 9—12). Въ законахъ повтореніе не отличается отъ *стеченія* преступленій. Кромѣ татьбы понятіе повторенія примѣнено къ разбою и къ ьорчеметву (см. выше); въ послѣднемъ случаѣ ясно говорится не о стеченіи, а о повтореніи. Для характеристики древняго русскаго уголовнаго права достойно замѣчанія, что *цѣнность* украденнаго нисколько не вліяетъ на степень наказуемости татьбы (слѣды такой матеріальной оцѣнки преступленія, находимые въ Русской Правдѣ, теперь исчезаютъ). Въ этомъ отношеніи дѣлается только одно изъятіе, а именно: похищеніе мелкихъ предметовъ для непосредственнаго потребленія (въ садахъ, въ огородахъ) вовсе не подводится подъ понятіе татьбы (и грабежъ такихъ вещей наказывается также снисходительно: Улож. X, 221—222). Но московское право знаетъ и квалифицированные виды татьбы по предметамъ кражи; это именно: *головную татьбу*, т. е. кражу людей—холоповъ (Суд 1-ый 9; Суд. цар. 61), и святотатство—*церковную татьбу* (Суд. 1-ый 9; Суд. цар. 61; Уст. кн. разб. прик, 40; Улож. XXI, 14). Сущность церковной татьбы уясняется лишь въ „соборныхъ статьяхъ“ 1667 г. (П. С. З. № 412) и новоук. статьяхъ 1669 г. Здѣсь святотатствомъ называется кража вещей извнутри алтаря и церкви и именно священныхъ („святыхъ сосудовъ“ и пр.), а не кража всякихъ вещей, находящихся въ

церкви („аще ли кто украдетъ нѣчто, еже Богу не освящено, а поставлено бысть въ церкви сохраненія ради, таковый не святотатецъ именуется, но токмо тать“, говор. статьи 1667 г.), не кража вещей принадлежащихъ церкви, гдѣ-бы онѣ ни находились, и не кража священныхъ предметовъ изъ частныхъ домовъ. Новоук. статьи (ст. 12) различаютъ наказуемость кражи изъ алтаря и кражи изъ церкви, но не различаютъ священныхъ предметовъ отъ несвященныхъ.

Мошенничество, какъ присвоеніе чужихъ вещей посредствомъ обмана, не отмѣчено въ древнѣйшихъ законахъ. Въ Судебникѣ царскомъ (ст. 58) появляется въ первый разъ этотъ терминъ; но неясный смыслъ статьи судебника подаетъ поводъ къ сомнѣнію, что́ разумѣется въ немъ подъ мошенничествомъ, преступленіе-ли, называемое такъ нынѣ, или карманная кража (отъ слова. „мошна“), какъ думаетъ г. Фойницкій. Кажется болѣе вѣроятнымъ признать здѣсь первое, ибо рядомъ съ словомъ: „мошенникъ“ стоитъ въ тои-же статьѣ—„оманщикъ“ (обманщикъ). Уложеніе (XXI, 11) подтверждаетъ это, противопоставляя мошенничество татьбѣ.

Изъ разряда преступленій, направленныхъ къ истребленію чужой вещи, *поджогъ* остается и теперь въ ряду тягчайшихъ; по Судебникамъ (Суд. 1-ый, 9; Суд. цар. 61) это преступленіе на ряду съ немногими другими ведетъ прямо къ смертной казни (безъ другихъ условій, постановленныхъ относительно прочихъ преступленій). По Уложенію назначается за поджогъ весьма тяжкій видъ смертной казни—сожженіе (X, 228). Составъ этого преступленія уясняется не болѣе, чѣмъ въ Русской Правдѣ (гдѣ упомянутъ поджогъ „двора“ и „гумна“): по Уложенію поджогомъ называется именно поджогъ „двора“, ради вражды или разграбленія; въ другихъ статьяхъ того-же кодекса рѣчь идетъ о поджогѣ другихъ вещей (кромѣ зданія), чѣмъ уясняется главное понятіе поджога. Въ частности; поджогъ нивъ или лѣсу вовсе не карается уголовнымъ порядкомъ, а взыскивается лишь частное вознагражденіе (Улож. X, 223—224). Зато Уложеніе знаетъ *квалифицированный видъ поджога*—поджогъ укрѣпленій („города“) съ цѣлью предательства непріятелю (II, 4); впрочемъ въ наказаніи этотъ видъ отличается только тѣмъ, что преступникъ долженъ быть сожженъ „безо всякаго милосердія“.

О порчѣ и истребленіи другихъ вещей (хмѣльника, птичьей привады, бортей, лѣса) Уложеніе (X, 214—220) говоритъ словами литовскаго статута, и потому здѣсь вовсе нельзя уловить характерныхъ свойствъ московскаго права.

б) Наказаніе.

1) Несовершенства опредѣленій московскаго уголовнаго закона о наказаніяхъ.

Въ памятникахъ уголовнаго законодательства XVII в., особенно въ Уложеніи ц. А. М., поражаетъ неопредѣленность назначенія наказаній; иногда за одно и то же преступленіе въ разныхъ частяхъ кодекса полагаются различныя наказанія. Такъ за татьбу вообще (Улож. XXI, 9) полагается наказаніе кнутомъ, урѣзаніе лѣваго уха, тюремное заключеніе на два года, и по отбытіи его ссылка въ украинные города (это разумѣется о татьбѣ въ первый разъ). Но за кражу пчелъ (X, 219) полагается только „жестокое наказаніе—бить кнутомъ". Изъ этой огромной разницы въ наказаніяхъ отнюдь нельзя заключать, что законъ почему-либо считаетъ кражу пчелъ дѣяніемъ менѣе преступнымъ. Это объясняется тѣмъ, что постановленія главы X-ой Уложенія взяты изъ литов. стат., а главы XXI-ой изъ туземныхъ источниковъ. Тѣмъ-же разнообразіемъ источниковъ уголовнаго закона объясняется назначеніе нѣсколькихъ видовъ наказанія безъ обозначенія, какой изъ нихъ долженъ быть примѣняемъ, напр. за лжеприсягу въ главѣ XI, 27—назначается кнутъ на торгахъ три дня, тюрьма на одинъ годъ и лишеніе права искать чего либо по суду; а въ гл. XIV (9 ст.) выписываются каноническія постановленія и законъ императора Льва Философа, по которому за лжеприсягу слѣдуетъ урѣзать языкъ.

Отъ общихъ свойствъ московскаго закона зависитъ, что иногда наказаніе вовсе не опредѣляется по своему виду: „чинить жестокое наказаніе", а какое не указывается, или: „что государь укажетъ" (Улож. X, 12). Весьма часто не опредѣляется степень наказанія; напр. „тюрьма до государева указу". Но, не смотря на такія несовершенства закона, существенныя черты понятія о наказаніяхъ могутъ быть уяснены въ немъ.

2) Принципъ и цѣль наказанія.

Существуетъ мнѣніе, что въ московскую эпоху основною цѣлью наказаній должно быть признано *истребленіе преступниковъ;* иногда, дѣйствительно, въ памятникахъ попадаются выраженія: „чтобы лихихъ вывести". Но согласиться съ этимъ можно было лишь тогда, когда бы за всякое преступленіе полагалась лишь смертная казнь, или вѣчное изгнаніе; однако мы увидимъ, что тогда было множество другихъ разнообразныхъ видовъ наказанія, которыя отнюдь не вели къ указанной цѣли.

Другой принципъ, который указываютъ въ московскомъ уголовномъ правѣ съ большею основательностью, есть *возмездіе* внѣшнее или матері-

альное, т. е. воспроизведеніе въ составѣ наказанія состава преступленія, или лишеніе преступника того блага, котораго онъ лишилъ другаго. Дѣйствительно въ Уложеніи можно найти не одинъ слѣдъ этого принципа; особенно онъ ясно примѣняется къ наказанію за нанесеніе увѣчья („око за око, зубъ за зубъ"). „А будетъ кто... отсѣчетъ руку, или ногу, или носъ или ухо, или губы обрѣжетъ, или глазъ выколетъ,—и за такое его нарругательство самому ему тоже учинить" (Ул. XXII, 10). Тоже слышится и въ наказаніе за смертоубійство: „а кто кого убьетъ съ умышленія.... и такова убійцу *самого* казнити смертію" (XXI, 72). Принципъ матеріальнаго соотвѣтствія наказанія преступленію сверхъ того можно видѣть: въ казни сожженіемъ за поджогъ, въ залитіи горла расплавленнымъ металломъ за подмѣсь простыхъ металловъ въ серебряныя деньги. Тотъ-же принципъ матеріальнаго возмездія проявляется наконецъ въ направленіи казни на тотъ органъ, которымъ совершается преступленіе. за кражу—отсѣченіе руки, за лжеприсягу—урѣзаніе языка. Именно этимъ началомъ внѣшняго возмездія объясняется въ нѣкоторыхъ случаяхъ явное нарушеніе внутренняго соотвѣтствія между тяжестію преступленія и тяжестью наказанія: мы упоминали выше, что дьякъ, приказавшій подъячему составить подложный протоколъ судебнаго дѣла, наказывается кнутомъ и лишеніемъ должности, а подъячій, дѣйствовавшій по приказанію и стало быть несравненно менѣе виновный, подвергается усѣченію руки. Почему? конечно потому, что рука, писавшая лживый протоколъ, принадлежала подъячему. Но и принципъ (матеріальнаго) возмездія не можетъ считаться единственнымъ принципомъ московскаго уголовнаго права; именно, онъ замѣчается въ Уложеніи преимущественно въ постановленіяхъ, заимствованныхъ изъ чужихъ источниковъ, и прилагается далеко не ко всѣмъ видамъ преступныхъ дѣяній.

Съ большею основательностью указываютъ на *устрашеніе*, какъ главную цѣль наказаній въ московскомъ правѣ. Дѣйствительно, въ Уложеніи весьма часто повторяется: „чтобы иным на то смотря не повадно было такъ дѣлать". Принципъ устрашенія можно отыскать только въ одномъ Уложеніи, въ Судебникахъ нельзя открыть слѣдовъ его. Однако и въ Уложеніи онъ примѣняется главнымъ образомъ къ наказаніямъ за такія дѣянія, которыя, будучи сами по себѣ безразличны, сдѣлались преступными лишь въ силу воспрещенія ихъ закономъ; напр. Уложеніе (X, 20), воспрещая подачу жалобы государю помимо низшихъ инстанцій и назначая за то наказаніе, прибавляетъ: „чтобы иным на то смотря..." Населеніе въ прежнее время не только не видѣло въ томъ ничего преступнаго, но полагало, что судъ государя есть лучшій и справедливѣйшій. Подобная-же угрожающая прибавка присоединена къ назначенію наказанія: за проѣздъ въ другое государство безъ паспорта (VI, 4), за употребленіе табаку (XXV, 16). Это начало развивалось въ московскомъ правѣ подъ несомнѣннымъ вліяні-

емъ византійскаго права: въ кормчей (Прохиронъ, грань 39) полагается слѣдующее наказаніе за разбои: „нарочитіи разбойницы на мѣстѣхъ, на нихъ же разбои творяху, повѣшени да будутъ, да видѣнія ради убоятся начинающіи таковая, и да будетъ утѣшеніе сродникомъ убіенныхъ отъ нихъ“. Изъ русскихъ памятниковъ начало устраненія въ первый разъ выражено въ Стоглавѣ („да и прочіи страхъ пріимутъ таковая не творити“).

Принимая во вниманіе пропорціональное отношеніе другъ къ другу видовъ наказанія, мы можемъ въ русскомъ правѣ того періода признать однимъ изъ главныхъ принциповъ наказанія—*охрану общества* отъ повторенія преступленій лихими людьми; на это указываетъ громадное примѣненіе тюремнаго заключенія и уголовнаго поручительства, замѣняющихъ какъ другъ друга, такъ и другіе виды уголовныхъ каръ (см. напр. Суд. цар. 55—56 и др.). Къ указанной цѣли ведетъ прежде всего предположеніе объ *исправленіи* самого *преступника;* государство только тогда прибѣгаетъ къ безповоротнымъ карамъ (смертной казни, пожизненному заключенію), когда общество (чрезъ обыскныхъ людей) признаетъ преступника неисправимымъ („лихуетъ“ его). Такимъ образомъ первоначальное понятіе о наказаніи, выраженное въ самомъ терминѣ („наказать“—научить, исправить), не совсѣмъ изгладилось подъ вліяніемъ новыхъ и чужихъ понятій.

3) Виды наказаній.

Московское право не даетъ *общей схемы* наказаній (какъ и классификаціи преступленій). Однако въ болѣе древнихъ памятникахъ этого періода, близкихъ въ эпохѣ Русской Правды, можно уловить раздѣленіе наказаній, на *пеню и казнь*, т. е. наказанія имущественныя и личныя (Губн. запись, ст. 6; Суд. цар. 25). Въ дальнѣйшемъ движеніи уголовнаго законодательства, имущественныя наказанія постепенно уступаютъ мѣсто личнымъ, а уцѣлѣвшія теряютъ самостоятельность (становятся добавочными къ личнымъ).

Имущественныя наказанія были слѣдующихъ видовъ: продажа, пеня и конфискація. *Продажа,* остатокъ временъ Русской Правды, въ началѣ московскаго періода имѣетъ большое примѣненіе, именно замѣняетъ всѣ наказанія, кромѣ смертной казни; въ началѣ эпохи Судебниковъ продажа замѣняется или дополняется тѣлесными наказаніями; со времени губныхъ учрежденій она соединяется постоянно уже съ тѣлесными наказаніями и изгнаніемъ: „какъ намѣстники... на татѣ продажу свою учинятъ, и вы бъ, старосты губные, тѣхъ татей велѣли бивъ кнутьемъ, да выбити ихъ изъ земли вонъ“ (Губ. Кирилов. грам.). Въ царскомъ Судебникѣ продажа изчезаетъ (ст. 55), замѣняясь тюремнымъ заключеніемъ или порукою. *Пеня* прежде, т. е. въ началѣ московскаго періода, означавшая то же, что и древняя продажа, дѣлается самостоятельнымъ видомъ наказанія по уничтоженіи продажи и при-

мѣняется главнымъ образомъ къ преступленіямъ противъ порядка государственнаго управленія (Суд. цар. 2—4, 8—11, 69; Улож. X, 5 и др.) Одинаковое значеніе съ пенею имѣетъ *заповѣдь*, т. е. денежный штрафъ за проступки противъ полицейскихъ распоряженій правительства (Улож. XXI, 1—2); заповѣдью этотъ штрафъ называется потому, что дѣяніе, наказываемое имъ, само по себѣ безразличное, „заповѣдуется“, запрещается изъ видовъ полицейскихъ или финансовыхъ. Что касается *конфискаціи* („взять на государя“), то она, какъ древнее „разграбленіе“, сопровождаетъ собою смертную казнь; самостоятельно-же не употребляется: „которыхъ разбойниковъ казните, и тѣхъ бы разбойниковъ подворья, животы и статки... отдавали тѣмъ людемъ, которыхъ тѣ разбойники разбивали... А что будетъ у исцовыхъ исковъ останется разбойничьихъ животовъ, вы бъ то все переписали на списокъ, да клали гдѣ будетъ пригоже, да о томъ бы естя отписывали въ Москву“ (Губн. Бѣлозер. гр.). „Которыхъ разбойничьихъ животовъ, за исцовою вытью, останется, и тѣ достальные животы оцѣня продать на государя“ (Уст. кн. разб. пр., ст. 54; Улож. XXI, 26). Но при смертной казни за измѣну (и вообщее по политическимъ преступленіямъ), конфискація наступаетъ лишь въ томъ случаѣ, если законные наслѣдники преступника окажутся виновными въ знаніи и недонесеніи на измѣнника (Улож. II, 7 и 9).

Личныя наказанія всѣхъ разрядовъ (направленныя противъ свободы, жизни, здоровья и чести лица) были извѣстны въ московскую эпоху. Нормальное развитіе ихъ шло слѣдующимъ путемъ:

Одна изъ формъ древняго потока—*изгнаніе*, въ началѣ московскаго періода имѣетъ точно такое-же значеніе, какъ и въ земскую эпоху, т. е. означаетъ изгнаніе изъ той земли, гдѣ жилъ преступникъ (а не изъ цѣлаго государства; см. Губн. Бѣлозер. гр.); но это не годилось уже при новомъ понятіи о государствѣ: одна провинція его изгоняла бы своихъ преступныхъ гражданъ въ другую. Поэтому уже въ XVI в. въ замѣнъ изгнанія является *ссылка*. Въ первый разъ мы находимъ ее въ указѣ 1582 года противъ ябедниковъ, которыхъ велѣно ссылать въ Курскъ и Сѣвскъ. Ссылка въ этихъ случаяхъ соединяется съ тѣлеснымъ наказаніемъ (кнутомъ); на мѣстѣ ссылки преступники записываются въ обязательную службу (въ козаки). Но и въ XVII в. (въ Улож. и послѣдующемъ законодательствѣ до Петра) этотъ видъ наказанія не получилъ надлежащаго развитія. въ Уложеніи оно примѣнено только два раза (за кражу, XXI, 9—10 и за самовольный переходъ изъ городскаго состоянія въ крестьяне или въ холопы: XIX, 13). При этомъ мѣстомъ ссылки были понизовые, украинные города и Сибирь; состояніе ссыльныхъ на мѣстѣ ссылки не было организовано. Слѣдствіемъ этого было чрезмѣрное примѣненіе *тюремнаго заключенія* на счетъ ссылки. Въ болѣе старыхъ памятникахъ московскаго законодательства тюремное заключеніе не

имѣло значенія карательнаго; оно употребляется въ видѣ предупредительной мѣры въ замѣнъ поручительства (когда его нѣтъ), а потому оно и не разнообразится по степенямъ (преступникъ заключается въ тюрьму, пока не найдется порука; въ противномъ случаѣ—на всю жизнь; см. Судебн. цар. ст. 55). Карательное значеніе тюрьмы начинается съ царскаго Судебника (ст. 41) и окончательно утверждается въ Уложеніи (заключеніе татей въ тюрьму на два года, XXI, 9). Но и этотъ видъ наказанія не могъ получить надлежащаго развитія въ Московскомъ государствѣ, потому что устройство и содержаніе тюремъ были крайне несовершенны; то и другое возлагалось на посадскія и уѣздныя общины; цѣловальниковъ и сторожей къ тюрьмамъ выбирали тѣ же общины, исполняя это съ большою небрежностью. Поэтому тюрьмы были немногочисленны и тѣсны; заключенные постоянно уходили цѣлыми толпами („вырѣзывались“) изъ тюремъ; питались они подаяніемъ, ходя артелями по городу и выпрашивая милостыню. Это заставляло правительство предпочитать другія личныя уголовныя кары, какъ болѣе простыя и дешевыя, а именно: *наказанія болѣзненныя*, развившіяся несомнѣнно подъ вліяніемъ татарщины (хотя въ Европѣ онѣ появлялись и безъ всякаго вліянія со стороны востока). Виды ихъ: *батоги*, наказаніе прутьями толщиною въ палецъ, и *кнутъ*, наказаніе которымъ различалось, какъ простое и какъ торговая казнь, т. е. наказаніе, повторямое нѣсколько разъ на торгу во время сборищъ народа (Улож. X, 186—188, XI, 27). Болѣзненныя наказанія являлись первоначально, какъ альтернатива продажи (въ случаѣ несостоятельности) и уже потомъ получили вполнѣ самостоятельное значеніе. Они примѣняются ко всѣмъ преступленіямъ, не влекущимъ за собой смертной казни, въ соединеніи съ другими (тюрьмою, ссылкою, изгнаніемъ).

Наказанія членовредительныя являются, такъ сказать, уменьшенною формою смертной казни, будучи примѣняемы къ тѣмъ-же преступленіямъ, какія повели-бы къ смертной казни при обстоятельствахъ увеличивающихъ вину. Фактически онѣ появляются уже въ земскомъ періодѣ; въ московскомъ правѣ особенно развились подъ вліяніемъ прохирона и литовскаго статута (Улож. III, 5; X, 106 и 109; сличи XXII, 10, прямо взятую изъ литовскаго статута).

Смертная казнь, развитію которой противились лучшіе князья земскаго періода, въ московскую эпоху получила громадное примѣненіе. Впрочемъ до Судебниковъ и въ Судебникахъ она назначалась только за самыя высшія уголовныя дѣла: измѣну, убійство господина рабомъ, крамолу, подметъ, святотатство. Прочія преступленія вели къ ней лишь при предположеніи о неисправимости преступника, т. е. при лиховаиномъ обыскѣ или рецидивѣ. Въ Уложеніи сфера ея примѣненія гораздо обширнѣе: она полагается за богохуленіе и совращеніе, за всѣ политическія преступленія и участіе въ нихъ, за составленіе фальшивыхъ актовъ, дѣланіе фальшивой

монеты, за умышленное убійство, за неумышленное убійство въ нѣкоторыхъ случаяхъ (на государевомъ дворѣ, въ походѣ, въ присутствіи суда), за изнасилованіе женщины, за поджогъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ усложнились и ея формы, изъ которыхъ не всѣ опредѣлены закономъ, а многія практикуются, не будучи установлены въ законѣ. Въ законѣ опредѣляется простая смертная казнь (повѣшеніе и обезглавленіе) и квалифицированныя формы ея (сожженіе, зарытіе живымъ въ землю, залитіе горла металломъ). Въ практикѣ употребляемы были и другія формы, какъ простой (разстрѣляніе отравленіе и утопленіе), такъ и квалифицированной смертной казни (колесованіе, разсѣченіе на части, перетираніе тонкими веревками, посаженіе на колъ, распятіе на крестѣ).

Безспорно, жестокость московскаго уголовнаго права чрезмѣрна; но для правильной оцѣнки его нужно имѣть въ виду сравненіе съ современными нашему Уложенію кодексами западной Европы, напр. каролиною; а сверхъ того нельзя упускать изъ виду, что, по свидѣтельству историческихъ памятниковъ, большая часть смертныхъ приговоровъ не приводилась въ исполненіе, въ силу древняго обычая *печалованія,* одного изъ драгоцѣннѣйшихъ правъ православнаго духовенства, которымъ оно и пользовалось постоянно. Освобожденный отъ смерти по такому ходатайству обыкновенно пожизненно заключаемъ былъ въ монастырь.

Что касается до наказаній, *направленныхъ противъ чести*, то это означаетъ въ московскомъ законѣ лишеніе служебной чести (званія или должности). Въ Уложеніи (X, 5), „отнять честь“—означаетъ лишить за неправосудіе члена Думы его званія. Это наказаніе, очевидно, можетъ быть примѣнено только къ преступленіямъ по должности.

ПЕРІОДЪ III УГОЛОВНОЕ ПРАВО ИМПЕРІИ.

Хотя месть преступнику, совершаемая руками частнаго лица или государства, съ древнѣйшихъ временъ предполагаетъ и сознаніе объ общественномъ вредѣ преступленія; но первою цѣлью ея остается воздать злымъ за зло. Въ послѣднемъ періодѣ исторіи нашего права постепенно уясняется мысль о томъ, что основная цѣль уголовнаго права есть благо общества; раздраженіе противъ преступника смѣняется хладнокровнымъ изысканіемъ средствъ оградить общество отъ вреда; стараются устанавливать наказанія на основаніи тѣхъ условій вмѣненія, которыя могутъ быть приложены къ данному преступленію; наказанія естественно смягчаются, въ кодексахъ появляется терминъ наказаній „исправительныхъ“. Впрочемъ такое направленіе русскаго уголовнаго права становится вполнѣ замѣтнымъ лишь со 2 й пол. XVIII в., особенно со времени изданія Наказа. При Петрѣ и ближайшихъ его преемникахъ находимъ только попытку въ законахъ точнѣе опредѣлить условія вмѣненія.

1) Преступленіе.

Преступнымъ дѣйствіемъ именуется теперь дѣяніе, воспрещенное закономъ, хотя практика XVIII вѣка подвергала наказаніямъ за дѣянія не воспрещенныя см. напр. „Къ исторіи угол. права XVIII в.“ г. Линницкаго, стр. 10), или примѣняла законы по собственному выбору, въ виду ихъ противорѣчія. Но какія именно дѣянія должны быть воспрещаемы подъ угрозою наказаній,—въ первой половинѣ XVIII в. оставалось неопредѣленнымъ. Петръ I, воспрещая постоянно дѣянія безразличныя и невинныя изъ цѣлей полицейскихъ и финансовыхъ, высказалъ въ одномъ указѣ слѣд. мысль: „многіе, якобы оправляя себя говорятъ, что сіе не заказано было, не разсуждая того, что все то, что вредъ и убытокъ государству приключити можетъ, суть преступленія“ (ук. 1714 г. дек. 24); очевидно и законодатель можетъ воспрещать только дѣянія, вредъ которыхъ ясенъ для каждаго изъ подданныхъ. Екатерина II (Наказъ VI, 41—42) говоритъ: „ничего не должно воспрещать законами кромѣ того, что можетъ быти вредно или каждому особенному, или всему обществу; всѣ дѣйствія, ничего такого въ себѣ не заключающія, нимало не подлежатъ законамъ“.

а) Субъектъ преступленія.

Равенство отвѣтственности предъ уголовнымъ закономъ, признанное вообще и теперь, подверглось, однако, изъятіямъ въ сословныхъ учрежденіяхъ Екатерины II. дворяне, освобожденные отъ тѣлеснаго наказанія, подвергаются бо́льшему наказанію за преступленія позорныя (разбой и воровство). *Возрастъ* преступника при уголовномъ вмѣненіи оставался долго неопредѣленнымъ и въ XVIII в.; въ толкованіи къ артик. 195 воин уст., Петръ I далъ слѣд. неопредѣленное положеніе „наказаніе воровства обыкновенно умаляется или весьма ослабляется, ежели.. воръ будетъ *младенецъ*, которыхъ дабы заранѣе отъ сего отучить, могутъ отъ родителей своихъ лозами наказаны быть". При имп. Елизаветѣ въ Сибири 14-лѣтняя дѣвочка убила двухъ дѣвочекъ; не имѣя въ виду закона о возрастѣ, генералъ-прокуроръ предложилъ сенату собрать президентовъ всѣхъ коллегій и сообща рѣшить вопросъ, который и рѣшенъ въ томъ смыслѣ, что несовершеннолѣтними считаются до 17 л. и не подвергаются ссылкѣ, кнуту или смертной казни, а лишь наказанію плетьми и отсылкѣ въ монастыри на 15 лѣтъ (П С. З. № 8601; сл. Соловьева Ист. Рос XXI, 175). Но этимъ не разрѣшенъ вопросъ о возрастѣ полной невмѣняемости, лишь указъ 1765 г. мая 2 далъ болѣе точныя опредѣленія, именно: „по криминальнымъ дѣламъ мужескому и женскому полу совершенный возрастъ считать въ 17 л."; по преступленіямъ, влекущимъ къ смертной казни, или къ кнуту, преступники до 17 л. предоставляются на усмотрѣніе сената, „гдѣ съ ними поступано быть имѣетъ по благоусмотрѣнію и по мѣрѣ ихъ винъ"; по прочимъ преступленіямъ, преступники 15—17 л. могутъ подвергаться наказанію плетьми, отъ 10 до 15 л. только розгами (а не батогами), 10 и менѣе—отдаются для наказанія родителямъ или помѣщику, „не считая тѣ сдѣланныя ими преступленія впредь ни въ какое имъ подозрѣніе". Однако вопросъ о несовершеннолѣтіи и малолѣтствѣ оставался неяснымъ для практики и въ XIX в ; по Учрежденію о губ., 1775 г., судъ по преступленіямъ малолѣтнихъ предоставленъ совѣстному суду; въ 1818 г. Смоленскій совѣстн. судъ отказался разсматривать дѣло о поджогѣ, въ которомъ обвинялся имѣющій уже 15 лѣтъ отъ роду, ссылаясь на мнѣніе консисторіи, что съ 15 лѣтъ начинается уже возрастъ юношескій, тогда какъ по мнѣнію губернатора предѣломъ малолѣтства нужно считать 17 л., съ чѣмъ согласился сенатъ и выразилъ въ особомъ указѣ.

Умопомышательство. Въ томъ же толкованіи къ арт. 195 воин. уст. Петръ I, говоря о кражѣ, даетъ такое же неопредѣленное положеніе объ „умаленіи" или полномъ освобожденіи отъ наказанія, „если кто въ лишеніи ума воровство учинитъ". Практика, подобно московской, умаляла, но не освобождала отъ наказанія въ такихъ случаяхъ.

Законъ XVIII вѣка упоминаетъ о *состояніи аффекта* (раздраженія), какъ обстоятельствѣ уменьшающемъ наказаніе.—Московское право указывало на *опьяненіе*, какъ на признакъ непредумышленности дѣянія (чѣмъ совершенно отстраняется мысль о намѣренномъ приведеніи себя въ опьяненіе для бо́льшей дерзости при совершеніи преступленія); воинскій уставъ Петра I смотритъ (неправильно) на опьяненіе какъ на обстоятельство, отягчающее вину.

Понятіе о различіи *умысла и непредумышленности* въ узаконеніяхъ Петра В. стоитъ ниже опредѣленій этого, данныхъ въ московскомъ правѣ: „кто кого волею и нарочно, безъ нужды и безъ смертнаго страху умертвитъ..., онаго кровь паки отометитъ“ (Ус. XIX, 154); толкованіе Петра къ этому артик. изъяснено коммиссіею 1754—1761 гг. такъ: „надлежитъ вѣдать что то учинено было съ умысла къ убивству“ (гл. 25); вѣроятно, такому пониманію слѣдовала и практика, хотя воинск. уст. (толкованіе къ арт. 158) прямо говоритъ, что непредумышленное убійство карается также смертію: „ежели кто кого съ ненависти толкнетъ, или что съ злости на него броситъ..., отъ чего умретъ, то оный обыкновенной смертной казни подверженъ“. Воинскій уставъ знаетъ наказуемую неосторожность, за которую сверхъ другихъ наказаній полагаетъ церковное покаяніе (см. арт. 179). „Весьма неумышленнымъ и непарочнымъ убійствомъ, у котораго никакой вины не находится“, воин. уставъ (XIX, 159) именуетъ случайность напр. убійство человѣка при стрѣльбѣ войсками въ цѣль, если сама жертва очутится предъ или за цѣлью.

Необходимая оборона излагается въ воинск. уставѣ (XIX, 156) весьма ясно: „кто прямое оборонительное супротивленіе для обороны живота своего учинитъ, и онаго, кто его къ сему принудилъ, убьетъ, оный отъ всякаго наказанія свободенъ“; но въ послѣдующихъ артикулахъ оборона стѣснена различными условіями до невозможности ея примѣненія; требуется: 1) чтобы оборона соотвѣтствовала нападенію: противъ безоружнаго не позволяется дѣйствовать оружіемъ, если силы равны; 2) чтобы опасность уже не миновала (запрещается убивать бѣгущаго оскорбителя); 3) чтобы опасность уже наступила. Несоблюденіе условій обороны влечетъ виновнаго къ наказанію, хотя и не къ смертной казни. Объ оборонѣ имущественныхъ правъ здѣсь умалчивается; въ толкованіи къ артик. 185 говорится: „въ правахъ позволено вора, который въ ночи въ домъ ворвется, безъ страху наказанія, умертвить, ежели его безъ своего опасенія преодолѣть было невозможно; ибо надлежитъ разсудить, что воръ не для единой кражи, но уже и умертвить въ домъ ночью врывается“; т. е. и здѣсь имѣется въ виду лишь оборона жизни.

О состояніи крайней необходимости воин. уставъ говоритъ по поводу кражи (толк. къ арт. 195), слѣд.: наказаніе ослабляется или вовсе отмѣ-

няется, „ежели кто изъ крайней голодной нужды (которую онъ доказать имѣетъ), съѣстное или питейное, или иное что невеликой цѣны украдетъ“.

Стеченіе многихъ дѣятелей въ одномъ преступленіи законодательство Петра I разсматриваетъ съ прежней точки зрѣнія равенства отвѣтственности всѣхъ сообщниковъ („яко убійца самъ, такъ и прочіе имѣютъ быть наказаны, которые подлинно къ смертному убійству помогали или совѣтомъ или дѣломъ вступались; воин. уст. арт. 155); точно также уравнена отвѣтственность интеллектуальнаго и физическаго виновника (ibid. арт. 160); въ случаѣ найма на совершеніе убійства, наемщикъ и наниматель подвергаются высшей, квалифицированной смертной казни (арт. 161). Исполненіе противозаконнаго приказанія начальниковъ подчиненными воспрещается; они должны донести о полученномъ приказаніи высшему начальнику (ук. 1724 г., янв. 20). Екатерина II (Наказъ, ст. 202) рекомендуетъ „положить наказанія не столь великія сообщникамъ..., какъ самимъ настоящимъ исполнителямъ“, за исключеніемъ опять наемныхъ злодѣевъ.

б) Преступное дѣйствіе.

Голый умыслъ (въ преступленіяхъ противъ Величества), по воинскому уставу, наказывается наравнѣ съ совершеніемъ преступленія, причемъ ясно опредѣляется: „хотя въ дѣйство не приведено, но только воля и хотѣніе было“. Практика 1-й пол. XVIII в. широко пользовалась такимъ толкованіемъ.

Покушеніе, не оконченное по сторонннимъ препятствіямъ, воинскій уставъ наказываетъ то какъ преступленіе совершенное, то меньше (артик. 164—толк. о самоубійствѣ, арт. 161—толк. о наемномъ убійствѣ, при чемъ видъ смертной казни смягчается; но по арт. 167—толков.: „начатое изнасильствіе женщины, а не оконченное, наказуется по разсмотрѣнію“, безъ объясненія, почему оно не окончено. По артик. 185—толков. „ежели воръ... поймашъ, или отогнашъ, или помѣшаетъ ему кто, что ничего съ собою не унесъ, шпицрутеномъ и легче наказать надлежитъ“). Екатерина II (Наказъ ст. 201) утверждаетъ, что „законы не могутъ наказывать намѣренія“, но что „нельзя сказать, чтобъ дѣйствіе которымъ начинается преступленіе..., не заслуживало наказанія, хотя меньшаго, нежели какое установлено на преступленіе, самою вещью уже исполненное“.

в) Объектъ и классификація преступленій.

Екатерина II раздѣляетъ (Наказъ, 68—72) преступленія по объектамъ ихъ на 4 группы: 1) преступленія противъ вѣры; 2) противъ нравовъ; 3) противъ тишины и спокойствія и 4) противъ безопасности гражданъ.

Преступленія противъ вѣры. Воин. уставъ крайне неумѣренно заимствуетъ изъ нѣмецкихъ источниковъ суевѣрныя средневѣковыя понятія, безобразившія кодексы того времени: „Ежели кто изъ воинскихъ людей

найдется идолопоклонникъ, чернокнижецъ, ружья заговариватель, суевѣрный и богохулительный чародѣи. оный... гоненіемъ шпицрутенъ наказанъ, или весьма сожженъ имѣетъ быть". Для примѣненія смертной казни законодатель требуетъ, чтобы „онъ своимъ чародѣйствомъ кому вредъ учинилъ, или дѣйствительно съ діаволомъ обязательство имѣетъ" (арт. 1). Введеніе этого преступленія въ кодексъ несомнѣнно подѣйствовало на практику, ибо масса дѣлъ о колдовствѣ XVIII в. несравненно превосходитъ число подобныхъ преслѣдованій въ XVII в. Впрочемъ къ полов. XVIII в. вѣра въ колдовство, очевидно, ослабѣла, такъ что Елизаветин. коммиссія назначила въ проэктѣ смертную казнь за это преступленіе только въ томъ случаѣ, если „чародѣи кореньями, травами и проч. чье здоровье повредятъ"; а за простое „шептанье" назначила плети, или батоги. Богохуленіе воин. уставъ отличаетъ отъ хулы Б. Матери и святыхъ, какъ особаго преступленія (арт. 3—4); но и различаетъ въ этомъ преступленіи злостность и легкомысліе, за послѣднее назначаются лишь шпицрутены (ар. 6; то же Морск. Уст. кн. IV, гл. I, ст. 5). Послѣ Петра было установлено, что богохульникъ отсылается къ духовному суду или для покаянія, если онъ православный, или для обращенія, если иновѣрецъ,—чѣмъ тотъ и другой могутъ избавиться отъ смертной казни (ук. 1738, іюля 4 и проэктъ Елизавет. ком. XVI, 1). Въ вѣроотступничествѣ проэктъ Елизавет. Ком. различаетъ (въ 1-й разъ) переходъ въ другое христіанское исповѣданіе (за что назначается вѣчное заключеніе въ монастырѣ) и принятіе не-христіанской религіи (за что̀ удержано сожженіе). Совращеніе въ расколъ, по указамъ Петра (1722 и 1724 г.), карается вѣчною каторгою и конфискаціею; переходъ въ расколъ православныхъ священниковъ наказывается какъ святотатство, т. е. смертною казнію и возложеніемъ тѣла на колесо (ук. 1722 мая 15 и іюля 16). Затѣмъ въ этомъ разрядѣ преступленій Воин. Арт. различаютъ: божбу и клятву (артик. 7), не присутствіе въ церкви при богослуженіи (арт. 10), прибытіе въ церковь въ пьяномъ видѣ (арт. 11). Екатерина II (Наказъ, гл. XX, Г.), рекомендуя вѣротерпимость (ст. 494—496), замѣчаетъ: „надлежитъ быть очень осторожнымъ въ изслѣдованіи дѣлъ о волшебствѣ и о еретичествѣ... тогда уже гражданинъ всегда будетъ въ опасности, для того что̀ ни поведеніе въ жизни самое лучшее, ни нравы самые непорочные... не могутъ быть защитниками его противу подозрѣній въ сихъ преступленіяхъ"; затѣмъ законодательница иллюстрируетъ свою мысль примѣрами изъ византійской исторіи.

Преступленія противъ нравственности воин. уставъ перечисляетъ въ такомъ же изобиліи (въ первый разъ появляются въ кодексахъ содомія и скотоложство; гл. XX, арт. 165—177) съ назначеніемъ б. ч. жестокихъ наказаній. Исправляя это, Екатерина II (Наказъ ст. 77), рекомендуетъ назначать за эти преступленія „наказанія, зависящія отъ судопроизводства

исправительнаго“ (основанныя на „стыдѣ и безславіи“), которыя по ея мнѣнію достаточны, чтобы „укротить дерзость обоего пола. И воистину сіи вещи не столько основаны на зломъ сердцѣ, какъ на забвеніи и презрѣніи самаго себя“. Но она исключаетъ изъ этого похищеніе и изнасилованіе.

Преступленія государственныя составляли особый предметъ заботливости законодательства 1-й полов. XVIII в. Воинскій уставъ (артик. 2) ввелъ въ прежній кругъ политическихъ преступленій словесное оскорбленіе Величества и осужденіе дѣйствій и намѣреній правящаго государя. Такъ какъ практика того времени чрезмѣрно злоупотребляла этимъ закономъ, относя къ оскорбленію Величества иногда самыя невинныя выраженія, то имп. Екатерина II сочла нужнымъ въ Наказѣ (гл. XX, ст.), посвятить особый отдѣлъ доказательству того, что слова тогда только преступны, когда содержатъ въ себѣ призывъ къ дѣйствіямъ противъ верховной власти и государства (ст. 478, 480): „так. обр. человѣкъ, пришедшій, наприм., на мѣсто народнаго собранія, увѣщевать подданныхъ къ возмущенію, будетъ виновенъ въ оскорбленіи величества“.

Преступленія гражданскія. Въ разрядѣ *преступленій противъ жизни*, въ сферу parricidium вводится—убійство дитяти младенца (безъ поясненія собственнаго, или всякаго) и убійство офицера (нужно разумѣть—солдатомъ), въ толкованіи присоединено: „и жены“ (арт. 163). Едвали судебная практика 1-й пол. XVIII в. строго слѣдовала этому закону въ отнесеніи убійства жены и дѣтей къ разряду тягчайшихъ видовъ убійства: въ проэктѣ Елизаветин. коммиссіи различаются: умышленное убійство законнорожденнаго дитяти (за что полагается вѣчное заключеніе въ монастырѣ), непредумышленное убійство такого же дитяти (за что 1 годъ покаянія), вытравленіе плода (кнутъ и каторга); наконецъ подкинутіе незаконнорожденнаго въ опасномъ мѣстѣ (приравнено къ убійству). Что касается убійства жены, то, по проэкту Елизав. комм., за убіеніе мужемъ жены-прелюбодѣицы на мѣстѣ совершенія преступленія полагается лишь церковное покаяніе. Далѣе воинскій уставъ вводитъ (по образцу нѣмецкихъ источниковъ своихъ) преступленія противъ *собственной* жизни—самоубійство и поединки. При самоубійствѣ наказывается не только покушеніе, но и исполненіе: наказаніе совершается надъ трупомъ самоубійцы (палачъ влечетъ его по улицамъ или по обозу въ безчестное мѣсто); при покушеніи судъ опредѣляетъ причины самоубійства; если причинами были: мученіе, досада или безпамятство, то полагается (для военныхъ людей) безчестное изгнаніе изъ полка (что при обязательности службы едвали когда могло быть примѣнено), а если другія причины (которыя, однако, трудно придумать при самоубійствѣ), то назначается смертная казнь (артик. 164). По проэкту Елизав. ком. въ первомъ случаѣ назначается не наказаніе, а леченіе, во второмъ—наказаніе плетьми, или

тюрьма. Для наказуемости поединковъ можно подыскать и другой объектъ этого преступленія, именно нарушеніе правъ судебной власти. По воин. уст. оба соперника и секунданты подлежатъ повѣшенію, а если одинъ изъ нихъ или оба убиты, то наказаніе исполняется надъ трупами (воин. уст. арт. 139—140); за покушеніе, т. е. вызовъ на дуэль, полагалось лишеніе чести и конфискаціи части имущества. Екатерина II (Наказъ, 234) рекомендуетъ наказать только оскорбителя, подавшаго поводъ къ поединку; въ своемъ ук. 1787 г. она опредѣлила наказаніе не за самый поединокъ, а за тѣ дѣянія, которыя были совершены при немъ (раны, увѣчья, смерть), согласно съ проэктомъ Улож. 1754 г.

Относительно *имущественныхъ преступленій* петровское законодательство заключаетъ въ себѣ важное отличіе отъ предшествующаго русскаго права, вводя въ оцѣнку преступленія (по образцу нѣмецкаго права) *цѣну вещи* (при кражѣ), различая кражу на сумму не свыше 20 р. отъ большой кражи (свыше 20 р.) Къ большой кражѣ отнесены также: кража въ четвертый разъ, кража при наводненіи и пожарѣ, кража изъ военныхъ хранилищъ, кража у своего господина или товарища, кража тѣмъ, кто стоитъ на караулѣ (арт. 191); за малую кражу полагаются различныя наказанія смотря по *повторенію преступленія* (до 3 разъ), за большую—смертная казнь (здѣсь о повтореніи умолчано). Въ Воин. Арт. не отличено *стеченіе* преступленія отъ повторенія. Но въ проэктѣ Елизавет. коммиссіи (на основаніи ук. 1726 г. іюля 18) эти два понятія различены ясно, а именно: за всѣ случаи кражи, если они въ совокупности не превышаютъ 40 р., полагается наказаніе, какъ за воровство въ первый разъ, „ибо и за тѣ первыя кражи наказанія, отчего бы было можно имъ воздержаться, не было“ (XXXIII, 10.). Къ кражѣ приравнены *утайки вещей*, взятыхъ на сохраненіе, (арт. 193), *растрата* казенныхъ денегъ (арт. 194) и *присвоеніе находки* (арт. 195). Относительно *святотатства* законодательство XVIII в. уступаетъ въ достоинствѣ Новоуказнымъ статьямъ, не различая мѣста и предмета кражи особенно-же кражи на малую сумму „изъ убожества“; впрочемъ практика XVIII в. примѣняла обыкновенно къ этому преступленію не Воин. артик., а узаконенія XVII в., и именно статьи о священническомъ и монашескомъ чинѣ 1667 г.—Какъ особенный видъ кражи отмѣчается *казнокрадство*, подъ которымъ разумѣется не только присвоеніе казенныхъ вещей, но и употребленіе казенныхъ денегъ для личныхъ торговыхъ оборотовъ, а также злоупотребленія при подрядахъ; за эти дѣянія полагается смертная казнь чрезъ повѣшеніе (В. Уст. арт. 191, инстр. 1719 февр. 16, Морск. уст. ст. 130; ук. 1720, окт. 3).

Мошенничество и въ XVIII в. не ясно отличено отъ кражи (см. проэк. Елизавет. ком. XXIII, 22). Но изъ этого не слѣдуетъ, что никакой видъ обманнаго присвоенія движимыхъ имуществъ былъ ненаказуемъ до Екате-

рины II; по проэкту Елизавет. коммиссіи, наравнѣ съ *подлогомъ*, наказываются слѣд. виды мошенничества: предъявленіе къ уплатѣ найденнаго или погашеннаго векселя (подъ угрозою наказанія кнутомъ и вѣчной каторги), злостное банкротство (подъ угрозою смертной казни); отказъ отъ своей подписи; употребленіе фальшивыхъ мѣръ и вѣсовъ (указъ 1758 дек. 25). Екатерина не наименовала бы мошенничествомъ обманнаго присвоенія чужихъ вещей, если бы и прежде подъ этимъ терминомъ, между прочимъ, не разумѣлся и этотъ видъ преступленій.—Во всякомъ случаѣ Екатерина II (ук. 1781 г. апр. 3) въ первый разъ вводитъ въ наше законодательство ясное различеніе понятій кражи, мошенничества и *грабежа*.

Воин. уставъ стоитъ ниже Уложенія въ опредѣленіи *поджога*, смѣшивая поджогъ зданій съ истребленіемъ и порчею частей здания и движимыхъ вещей (артик. 178 и 180: „печи или нѣкоторыя дворы сломаетъ, такожъ крестьянскую рухлядь потратитъ“); всѣ эти дѣянія подлежатъ смертной казни чрезъ сожженіе. Проэктъ Елизаветин. коммиссіи различаетъ. а) поджогъ зданій (города, двора, лавки, мельницы, деревни, церкви, завода, гумна и корабля), за что назначаетъ смертную казнь чрезъ сожженіе),—б) поджогъ хлѣба, лѣса и сѣна, за что полагается простая смертная казнь (XXXIX, 1 и 3).

2) Наказаніе.

Цѣль наказанія въ воин. уставѣ указывается (яснѣе чѣмъ въ законахъ XVII в.) съ древней точки зрѣнія—мести: „кто кого убьетъ.... онаго кровь паки отомститъ, и безъ всякой милости, оному голову отсѣчь“; (арт. 154). Отсюда—увеличеніе жестокости наказаній и болѣе широкое примѣненіе высшихъ наказаній къ преступленіямъ низшаго порядка. Екатерина II (въ Наказѣ) въ первый разъ опредѣляетъ ясно другую цѣль наказанія, именно—охраненіе общества отъ преступленій (ст. 144—147); иногда проскользаетъ въ Наказѣ и мысль о томъ, что цѣль наказанія есть „возвратить заблудшіе умы на путь правый“ (ст. 93). Онъ считаетъ наказанія необходимымъ зломъ—„наказаніе дѣйствительно не что иное есть, какъ трудъ и болѣзнь“ (ст. 84), а потому болѣе разсчитываетъ на предупредительныя мѣры, чѣмъ на карательныя (ст. 83), именно рекомендуетъ не запрещать въ законѣ дѣяній безразличныхъ (ст. 242), требуетъ, чтобы законъ не благодѣтельствовалъ однимъ во вредъ другимъ (ст. 243), чтобы „просвѣщеніе распространилося между людьми“ (ст. 245). „Самое надежнѣйшее обузданіе отъ преступленій есть не строгость наказаній, но когда люди подлинно знаютъ, что преступающій законы непремѣнно будетъ наказанъ“ (ст. 222). Отсюда Екатерина выводитъ слѣдствіе относительно мѣры и родовъ наказанія; по ея мнѣнію, наказанія должны быть разсчитаны не на одинъ страхъ; страхъ притупляется по мѣрѣ усиленія жестокости нака-

зани: „въ тѣхъ странахъ, гдѣ кроткія наказанія, сердце гражданъ оными столько же поражается, какъ въ другихъ мѣстахъ жестокими“ (ст. 85): „надлежитъ съ бережливостью употреблять средства естествомъ намъ подаваемыя“ (ст. 87). Если умы уже пріобыкли къ жестокости наказанія, слѣдуетъ поступать „скрытымъ и нечувствительнымъ“ образомъ, т. е. смягчать по возможности наказанія не въ законѣ, но и при ихъ примѣненіи (ст. 93). Вообще „когда бы жестокость наказаній не была уже опровергнута добродѣтелями человѣчества, то бы къ отвращенію оныя довольно было и сего, что она безполезна; и сіе служитъ къ показанію, что она несправедлива“.

Виды наказаній. Въ 1-й пол. XVIII в. по количеству примѣненія за преступленія всѣхъ разрядовъ *смертная казнь* занимаетъ первое мѣсто. Воинскій уставъ ввелъ новые квалифицированные виды ея: колесованіе (за измѣну, отравленіе, отцеубійство, грабежъ), четвертованіе (за оскорбленіе Величества дѣйствіемъ) и арьебузированіе (разстрѣляніе). Имп. Елизавета въ 1753 г. дала указъ о непримѣненіи смертной казни по приговорамъ низшихъ судовъ и представленіи такихъ дѣлъ въ сенатъ. Дѣла эти въ множествѣ накопились въ сенатѣ и преступники, ожидая неизвѣстной участи, сидѣли въ тюрьмахъ; тогда (1754 г.) сенатъ издалъ указъ, имѣющій временное значеніе (впредь до изд. общаго закона), чтобы такихъ преступниковъ по наказаніи кнутомъ и вырваніи ноздрей, ссылать въ Рогервикъ. Коммиссія 1761 г. далъ былъ словесный ук. императрицы не вводить смертную казнь въ будущее уложеніе, которое однако не было издано. Екатерина II въ Наказѣ (ст. 209) ставитъ вопросъ. „смертная казнь полезна-ль и нужна-ли въ обществѣ для сохраненія безопасности и добраго порядка?“ и рѣшаетъ: „при спокойномъ царствованіи законовъ... въ томъ не можетъ быть никакой нужды, чтобы отнимать жизнь у гражданина. Двадцать лѣтъ царствованія имп. Елизаветы Петровны подаютъ отцамъ народовъ примѣръ къ подражанію изящнѣйшій, нежели самыя блистательныя завоеванія“ (ст. 210). Наказъ допускаетъ возможность примѣненія смертной казни „во время безначалія“; этому слѣдовала императрица и на практикѣ: смертная казнь обыкновенно замѣнялась другими наказаніями, кромѣ такихъ волненій, какъ пугачевщина. Имп. Николай I уже закономъ опредѣлилъ примѣненіе смертной казни исключительно къ преступленіямъ политическимъ.

Законодательство Петра умножило прежніе виды *членовредительныхъ* наказаній, назначая ихъ то какъ средство увеличить мученія при смертной казни (напр. за богохуленіе преступнику до казни прожигаютъ языкъ; В. уст. арт. 5), то какъ мѣру, препятствующую побѣгамъ преступниковъ (рваніе ноздрей при ссылкѣ), то какъ наказаніе самостоятельное (отсѣченіе рукъ, суставовъ и пр.). Екатерина II (Наказъ, 96) выразила слѣд. начало: „всѣ наказанія, которыми тѣло человѣческое изуродовать можно, должно отмѣнить“. При ней членовредительныя наказанія и не примѣня-

лись кромѣ рванія ноздрей при ссылкѣ и каторгѣ, что́ наконецъ отмѣнено было имп. Александромъ I.—Точно также примѣненіе *большенныхъ наказаній* увеличено Петромъ I; употреблялись: шпицрутены (нерѣдко оказывавшіеся мучительнымъ видомъ смертной казни) для сухопутныхъ военныхъ и кошки для моряковъ; торговая казнь кнутомъ, которую ставили тогда по тяжести на второе мѣсто послѣ смертной казни; затѣмъ наказаніе плетьми и розгами. Екатерина освободила отъ тѣлесныхъ наказаній дворянъ; вообще-же этотъ видъ наказаній уцѣлѣлъ до общей отмѣны тѣлесныхъ наказаній им. Александромъ II.

Къ древнимъ наказаніямъ, направленнымъ *противъ свободы*, узаконенія Петра присоединили принудительныя работы, или т. н. *каторжныя* (потому что первой формой ихъ были работы на морскихъ судахъ; затѣмъ при ссылкѣ въ Рогервикъ и наконецъ въ сибирскіе заводы). Екатерина II желала упразднить смертную казнь, замѣнивъ ее *вѣчнымъ заключеніемъ*, соединеннымъ съ работою. „смерть злодѣя слабѣе можетъ воздержать беззаконія, нежели долговременный, и непрерывно пребывающій примѣръ человѣка, лишеннаго своея свободы для того, чтобы наградить работою своею, чрезо всю его жизнь продолжающеюся, вредъ имъ сдѣланный обществу“ (Наказъ ст. 212).

Законъ XVIII в. впервые установилъ *лишеніе правъ*, какъ добавочное при другихъ наказаніяхъ; при Петрѣ это называлось „ошельмованіемъ“, послѣ Петра „политическою смертію“, которая сопровождала вѣчную ссылку послѣ наказанія кнутомъ.

Конфискація всего имущества, противъ которой высказывалась Екатерина, отмѣнена ею въ жалов. двор. грамотѣ въ отношеніи къ родовымъ имуществамъ дворянъ, что́ при имп. Александрѣ I распространено на всѣ имущества и сословія.

Изложенная исторія наказаній показываетъ, что кары направленныя противъ жизни, здоровья и имущества преступниковъ, постепенно и въ силу исторической необходимости, отпадали, уступая мѣсто наказаніямъ, направленнымъ на свободу преступника (тюремное заключеніе, ссылка и каторга). Новое отрожденіе старыхъ взглядовъ на преступленіе и усиленіе жестокости наказаній, явившіяся въ Европѣ въ эпоху реакціи нач. XIX в., не коснулись Россіи и не отразились ни въ сводѣ законовъ, ни въ уложеніи о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1845 г.

Исторія русскаго гражданскаго права*).

А.

ЛИЦЕ (СУБЪЕКТЪ ЧАСТНАГО ПРАВА).

1) **Понятіе о лицѣ** *и общіе моменты развитія этого понятія.* Въ основѣ гражд. права лежитъ понятіе *лица* (persona); лицу принадлежитъ власть (dominium) надъ вещами, оно можетъ входить въ соотношеніе съ другими лицами посредствомъ обязательствъ и бытіе его мож. быть продолжено въ безконечность чрезъ право наслѣдства. Понятіе лица, какъ субъекта частнаго права, кажущееся нынѣ столь простымъ, есть продуктъ долговременныхъ и сложныхъ усилій исторіи. Первоначально, при смѣшеніи публичныхъ и частныхъ началъ, лицами владѣющими на частномъ правѣ были союзы общественные. семейный, родовой, общинный и государственный, лицо физическое еще не выдѣляется. Въ частности, въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ отсутствіе понятія о лицѣ видно изъ отсутствія *терминовъ*, его выражающихъ; правда, въ литературныхъ и законодательныхъ памятникахъ съ древнѣйшихъ временъ встрѣчаются переводные термины. „лице"—съ греческ. πρόσοπον, и „особа"—съ латин. persona; но изъ нихъ первый означаетъ не лице въ нашемъ смыслѣ, а напротивъ—отрицаніе достоинства лица, именно одинъ изъ видовъ рабства. по хронографу Эйнама, моравъ Богута, состоявшій на службѣ византійскаго императора, такъ говорилъ посламъ чешскаго короля Владислава II въ 1164 г.: „servus domino bellum illaturus venis, non tamen servus, cui per vim imposita est servitus, sed servus voluntarius, ut vos dicitis, „το λιζιον". Въ русскихъ памятникахъ (Догов. Олега съ гр. ст. 9) лицемъ называется или рабъ-плѣнникъ („взвратять искупленое лице въ свою страну"), или вещь (Рус. Пр. Кар. 29: „свое ему лицемъ

*) Для большей сжатости курса, этотъ отдѣлъ исторіи рус. права излагается не по тремъ общимъ періодамъ, а по отдѣльнымъ частямъ гражданскаго права; періоды развитія будутъ указаны въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ.

взяти“). Неясность понятія о лицѣ физическомъ въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ открывается вполнѣ изъ явленій потока, изгойства и рабства, а также изъ древнихъ формъ семейнаго и вещнаго права (что будетъ изложено въ своихъ мѣстахъ).—Вообще цѣлый 1-й—земскій періодъ (вопреки распространенному мнѣнію) представляетъ эпоху не безграничнаго преобладанія частнаго лица, а напротивъ полнаго подавленія его правами общественныхъ союзовъ. Во 2-мъ пер.—Московскаго государства лице высвобождается (хотя и не вполнѣ) изъ подъ вліянія союзовъ семейнаго, родового и общиннаго, но права́ его подавляются правами государства въ особенности въ сферѣ вещнаго права и права наслѣдованія; напротивъ, въ Литовскомъ государствѣ замѣчается раннее весьма сильное и чрезмѣрное развитіе правъ частнаго лица насчетъ правъ государства (благодаря вліянію права нѣмецкаго, а отчасти—римскаго), отчего всѣ институты частнаго права здѣсь быстро развиваются и спеціализируются. Въ періодъ имперіи—въ общерусскомъ правѣ, особенно со временъ Екатерины II, постепенно указываются и опредѣляются должныя границы дѣятельности и власти лица по отношенію къ правамъ государства (сл. часть I, стр. 6).

Имѣя въ виду такой общій ходъ развитія понятія о лицѣ, мы не должны искать въ древнѣйшемъ правѣ какихъ-либо точныхъ опредѣленій условій правоспособности лица физическаго. Нѣкоторыя изъ нихъ мы найдемъ лишь въ московскомъ правѣ.

2) **Условія правоспособности** опредѣляются или физическими и духовными свойствами лица, или положеніемъ его въ обществѣ.

а) *Полъ*. Древніе законы бо́льшей части народовъ міра полное значеніе гражданскаго лица приписываютъ лицамъ муж. пола, ограничивая правоспособность, или по крайней мѣрѣ дѣеспособность женщинъ во многихъ отношеніяхъ. Существенною отличительною чертою русскаго права (разумѣется—въ цѣломъ его развитіи, а не съ древнѣйшихъ временъ) по справедливости считается возможное приближеніе къ признанію равной правоспособности за мужчиною и женщиною. Это достигается въ исторіи съ слѣд. постепенностію. Какъ извѣстно *въ первоначальныя эпохи* положеніе женщины въ гражданскомъ обществѣ подлежитъ гораздо меньшимъ ограниченіямъ, чѣмъ въ послѣдующіе затѣмъ періоды начинающейся цивилизаціи. И древнеславянскія общества въ язык. эпоху не составляютъ въ этомъ отношеніи исключенія: языческіе браки заключались соглашеніемъ невѣсты съ женихомъ на игрищахъ; выборъ жениха для Полоцкой княжны Рогнѣды между Владиміромъ и Ярополкомъ предоставляется ей самой. Послы для заключенія договора съ греками при Игорѣ отправлены отъ каждаго члена княжескаго семейства, въ томъ числѣ отъ женщинъ, именно: отъ Ольги княгини, отъ Предславы, отъ жены Улѣба. Ольга управляла государствомъ съ полными княжескими правами даже при взросломъ сынѣ и владѣла част-

ными имуществами (с. Ольжичи).—Нѣтъ, однако, сомнѣнія, что въ то же время собственно—гражданскія права женщины терпятъ значительныя ограниченія правами мужа.—Послѣ принятія христіанства къ намъ принесены, вмѣстѣ съ высокимъ ученіемъ самой христіанской религіи, воззрѣнія другаго свойства, именно византійской литературы, проникнутой идеями восточнаго дуализма, по которому два нѣла представляютъ собою два начала—доброе и злое. „Сотворихъ тя, рече, равночьстьну...., не сътрьпѣ свободы, то приими работу; не умѣ власти, то буди убо обладаема и мужа позна(й) и господина, и тъ да господствуетъ ти“, учитъ древній книжникъ („О злыхъ женахъ“, въ Изборн. Святосл.). Послѣдовавшія затѣмъ ограниченія гражданскихъ правъ женщинъ въ законѣ отчасти изъясняются этими наносными воззрѣніями, хотя и безъ того древній бытъ заключалъ въ себѣ самомъ много внутреннихъ основаній для такихъ ограниченій. По Рус. Правдѣ дочери въ классѣ смердовъ не наслѣдуютъ въ имуществѣ отца; жена, вмѣстѣ съ дѣтьми, отдается на потокъ за преступленіе мужа; за убійство жены (мужемъ) платится не полная вира, а полувирье; въ процессуальныхъ дѣйствіяхъ женщина не участвуетъ (послухомъ долженъ быть „мужъ“). Но положеніе женщины, какъ дочери и жены, не даетъ простора для точныхъ наблюденій за вліяніемъ пола на правоспособность, ибо дочь (какъ и сынъ) подлежитъ власти родительской, а жена власти мужа. Дѣло больше уясняется въ положеніи вдовы. Въ древнѣйшія времена вдова, лице эманципированное, подпадала въ силу этого подъ опеку церкви; въ церковныхъ уставахъ вдовы исчисляются въ разрядѣ людей церковныхъ. Въ Псковскомъ и Новгородскомъ законодательствахъ гражданскія права женщины замѣтно возвышаются сравнительно съ эпохою Рус. Правды: имущественныя права мужа и жены вполнѣ уравниваются (П. С. Гр. ст. 88, 89 и 91); женщина призывается къ активному участію во всѣхъ дѣйствіяхъ процесса, даже въ судебныхъ поединкахъ (женщины противъ женщины: ib. ст. 119; въ искахъ противъ мущинъ на поединкѣ женщина замѣняетъ себя наймитомъ: ibid. ст. 36). Вдовы не причисляются къ людямъ церковнымъ (ib. ст. 109). Женщинамъ принадлежатъ права по обязательствамъ, въ частности право входить въ договоръ займа отъ своего лица (ib. ст. 36).— *Въ Москов. государствѣ* также замѣтно постепенное возвышеніе правъ женщины по сравненію съ пер. Рус. Правды, но меньшее, чѣмъ во Псковѣ и Новгородѣ. Именно въ законахъ Московскаго государства уничтожается строгость древняго правила о вдовахъ и въ Судебникахъ именно обозначено, что въ разрядъ церковныхъ людей входятъ только такія вдовы, которыя питаются отъ церкви Божіей: „а которая вдова не отъ церкви Божіи питается, а живетъ своимъ домомъ, то судъ не святительской“ (Суд. I ст. 59; Суд. ц. 91). Какъ главѣ дома, вдовѣ принадлежитъ вся сумма частныхъ правъ, какою могъ владѣть въ то время полноправный мужчина, именно: право собствен-

ности. право входить въ обязательства и полная процессуальная правоспособность; эта послѣдняя обозначена въ Судебникахъ и для женщинъ вообще, гдѣ впрочемъ женщина становится въ одинъ разрядъ съ дитятею, старымъ, больнымъ, увѣчнымъ и лицами духовными. Весь этотъ разрядъ лицъ призывается не только къ веденію исковъ или отвѣту, но даже и къ послушеству, что въ древнѣйшее время было немыслимо. Уложеніе (X, 185), признавая также за вдовою и дѣвицею способность къ процессуальнымъ дѣйствіямъ, признаетъ однако, что эти лица обыкновенно „не умѣютъ“ отвѣчать за себя и потому даетъ имъ отсрочку для высылки въ судъ за себя „родимцовъ“—ихъ естественныхъ представителей. Изъ пользованія нѣкоторыми правами исключаются женщины только въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ, именно обозначенныхъ закономъ; такъ вдовы и дочери князей не могутъ владѣть родовыми княжескими вотчинами, по особому политическому характеру этихъ послѣднихъ.—Дальнѣйшее расширеніе правъ женщины, какъ жены, совершается *въ періодѣ имперіи*, именно относительно права распоряженія имуществомъ и вступленія въ обязательства безъ согласія мужа (о чемъ ниже).

б) Что касается до *возраста*, какъ предѣла наступленія и окончанія правоспособности, то онъ опредѣленъ въ древнемъ законодательствѣ весьма неточно, лишь въ примѣненіи къ нѣкоторымъ частнымъ юридическимъ отношеніямъ. Вообще срокъ наступленія совершеннолѣтія опредѣлялся періодомъ отъ 15 до 20 лѣтъ возраста. Съ наступленіемъ 15 л. кончалось малолѣтство, съ наступленіемъ 20 л. кончалось несовершеннолѣтіе вообще. Первый срокъ былъ болѣе общимъ и признавался обычнымъ правомъ и закономъ съ древнѣйшихъ временъ. Еще патерикъ печерскій извѣщаетъ насъ, что нѣкоторый славный мужъ отъ города Кіева Іоаннъ оставилъ, умирая, своего сына Захарію 5 лѣтъ, подъ опекою своего побратима Сергія, „заповѣдавъ тому, да егда возрастетъ сынъ его, тогда отдасть ему сребро и злато; сія устроивъ не по мнозѣ преставися. Доспѣвъ же Захарія пятнадесяти лѣтъ, восхотѣ взяти сребро и злато свое у Сергія“ (пат. печ. изд. 1666 г. 117. См. Невол. Т. III стр. 396). Рязанскій вел. князь Василій, взятый подъ опеку вел. княземъ В. В. Темнымъ, освобожденъ отъ опеки 15 лѣтъ отъ роду. Хотя въ договорныхъ грамотахъ между князьями XV в. сроки совершеннолѣтія опредѣляются иногда и ранѣе 15 лѣтъ, а именно въ 12 лѣтъ, но это есть срокъ политическаго совершеннолѣтія, который обыкновенно бываетъ короче гражданскаго. „Цѣлуй ко мнѣ крестъ... и за свои дѣти, а исполнится, господине, твоимъ дѣтемъ по 12 лѣтъ, тто, господине, тогды целовати имъ самимъ по нашимъ докончалнымъ грамотамъ“, писалъ Можайскій князь въ своемъ договорѣ съ в. кн. Московскимъ Вас. Вас. (ок. 1447 г. Собр. гос. гр. и д. 1, 738). Однако и политическое совершеннолѣтіе часто опредѣлялось 15-лѣтнимъ возрастомъ: „Нареченъ (в.

кн. Василій) сына своего при своемъ животѣ в. княземъ и приказа его беречи до 15 лѣтъ своимъ боярамъ немногимъ“ (Карамз. VII. прим. 322). Иногда впрочемъ, срокъ и въ этомъ случаѣ возвышался по причинамъ, которыя мы угадать теперь не можемъ. Такъ Грозный отдалъ своего сына Ивана, собираясь умирать, подъ опеку, митрополита Макарія и кн. Василія Андреевича до 20 лѣтъ (Собр. гос. гр. и дог. I, стр. 463).

Нормальный и общій срокъ совершеннолѣтія въ 15 лѣтъ примѣняемъ былъ въ московскую эпоху.

1) Къ правамъ пользованія помѣстьями для лицъ служилаго класса: съ 15 л. дѣти служилыхъ людей верстались помѣстьями. Впрочемъ это право имѣетъ болѣе государственный, чѣмъ частный характеръ, оно означаетъ собственно право вступленія на службу (Доп къ А. И. 1, стр. 94; ел. ук. 1652 г. окт. 20 въ П. С. З. № 86). По Улож. ц. А. М. престарѣлый или увѣчный дворянинъ можетъ посылать за себя на службу своихъ дѣтей, братьевъ и племянниковъ только тогда, когда эти послѣдніе достигли 18 лѣтъ и отнюдь не ниже (Ул. VII, 17). Едвали этотъ срокъ не имѣлъ приложенія только къ замѣщенію отца на службѣ, а не вообще ко вступленію на службу и обладанію помѣстьями; ибо въ томъ же законѣ говорится, что за отца на службу идутъ 18-лѣтніе такіе, которые „ни въ какіе государевы службы не написаны“, слѣдовательно на службу могли поступить лица и не достигшія 18 л.

2) Къ праву дѣвицы владѣть своими прожиточными помѣстьями и сдавать ихъ постороннимъ лицамъ, подъ условіемъ содержанія ихъ и выдачи замужъ. По законамъ Ивана IV дѣвицы могли владѣть прожиточными помѣстьями только до 15 лѣтъ (Доп. къ А. И. I, стр. 89, 108, 115); но впослѣдствіи, когда право обладать ими предоставлено было до выхода замужъ, то 15-лѣтній возрастъ назначенъ для сдачи помѣстій. „А здавати дѣвкамъ свои прожиточныя помѣстья, которая дѣвка будетъ въ возрастѣ 15 лѣтъ. А будетъ дѣвка въ малыхъ лѣтѣхъ, менши 15 лѣтъ,... и дѣвкиныхъ прожиточныхъ помѣстій не справливать“ (Улож. XVI, 11).

3) Къ праву лицъ служилыхъ давать на себя кабалу. Это постановленіе Уложеніемъ ц. А. М. распространено на всѣхъ лицъ, дающихъ на себя кабалу. „А та будетъ на него кабала, по которой взыщутъ, писана въ тѣхъ лѣтѣхъ, какъ ему минуло пятнадцать лѣтъ, и по тѣмъ кабаламъ государь приговорилъ... судъ давати...; а меньше 15 лѣтъ,—и тѣ кабалы государь приговорилъ отставливати“ (Ук. 1559 г. сент. 1. Ук. кн. Казнач. ст. XII. Сл. Ул. XX, 20).

4) За родителями сохраняется право записывать своихъ дѣтей въ кабальное холопство заочно только до 15-лѣтняго возраста этихъ послѣднихъ. Дѣти-же совершеннолѣтнія могутъ быть записаны въ кабальныя книги, только находясь на лицо: „А которые холопы учнутъ кому давать на себя и на дѣтей своихъ служилыя кабалы, а дѣти у нихъ въ тѣ поры будутъ

лѣтъ въ 15, или въ 20 и больше..., и тѣхъ холопьихъ дѣтей въ кабалы и въ кабальныя книги за очи не писать“ (Улож. XX, 110).

5) Родители холопа сохраняютъ за собой право держать при себѣ свободныхъ дѣтей своихъ только до 15 лѣтъ возраста ихъ. По закону Шуйскаго, крестьянинъ, женившись на бѣглой крѣпостной и потому отданный въ холопство, беретъ съ собою дѣтей, рожденныхъ отъ 1-й жены, только до 15 лѣтъ возраста этихъ послѣднихъ (ук. 1607 г., марта 9).

Срокъ въ 20 лѣтъ возраста примѣненъ къ праву принимать крестное цѣлованіе въ судѣ. Лица, которымъ „перемѣнитца нѣкимъ“, могутъ цѣловать крестъ, если имъ нѣтъ еще 20 лѣтъ, но отнюдь не ниже 15 лѣтъ. За малолѣтнихъ цѣлуютъ крестъ ихъ представители: „А возрастомъ бы тѣ люди были, кому цѣловать крестъ, въ 20 л , а менши 20 лѣтъ не цѣловать. а ко кресту такихъ не припускать“ (Улож. XIV, 1). Такой-же двойственный срокъ: 15 и 20 л. назначается для права жалобы на незаконныя дѣйствія опекуновъ и попечителей (промѣнъ помѣстій несовершеннолѣтнихъ на свои). Такое право иска наступаетъ для обиженныхъ въ 15 л. возраста и кончается въ 20 лѣтъ (Ул. XVI, 54).—Впрочемъ отнюдь не слѣдуетъ думать, чтобы лица несовершеннолѣтнія или даже малолѣтнія не пользовались активно никакими гражданскими правами; напротивъ изъ вышеприведенныхъ статей Судебниковъ и Уложенія видно, что они призывались къ личному участію въ процессуальныхъ дѣйствіяхъ и лишь, въ видѣ льготы для нихъ, имъ предоставлялось право выслать родственниковъ и людей своихъ: „А будетъ кто въ какомъ дѣлѣ нибудь приставитъ къ недорослю..., и учнутъ они бити челомъ государю, чтобы за нихъ отвѣчать родимцамъ ихъ на отсрочный срокъ и такимъ недорослямъ... въ исцовыхъ искахъ срокъ давати“ (Улож. X, 185).

Крайній предѣлъ старости, за которымъ оканчивалось бы признаніе за лицемъ правоспособности, не опредѣленъ въ законодательныхъ памятникахъ. Но изъ юридическихъ актовъ убѣждаемся, что совершенная дряхлость отца служила основаніемъ для того, чтобы допустить сына къ совершенію юридическихъ дѣйствій въ замѣнъ его безъ уполномочія.

Въ періодъ имперіи гражданское совершеннолѣтіе опредѣлено указ. о единонаслѣдіи (1714 г., марта 23, п. 4 и 6), а именно: для главныхъ наслѣдниковъ (недвижимыхъ имуществъ) въ 20 лѣтъ, а для наслѣдниковъ движимости двоякій срокъ: для мужчинъ въ 18 л., а для женщинъ—въ 17; впрочемъ и женщина можетъ освободиться отъ опеки и уйти отъ своего родича опекуна только по достиженіи 18 л. (п. 6). Тогда же и брачный возрастъ былъ опредѣленъ для мужчинъ въ 20 л. а для женщинъ въ 17; несовершеннолѣтніе не могутъ вступать ни въ какія гражданскія сдѣлки. Но по Воин. Уст. 1716 („Кратк. изображ. проц. Гл. III, п. 14) достигшіе 15 л. допускаются къ свидѣтельству на судѣ. Установленіе предѣловъ мало

лѣтства (14 л.) и несовершеннолѣтія (17 и 21 г.) принадлежитъ Екатеринѣ II (см. ниже объ опекѣ).

в) *Физическое и умственное здоровье и нравственное состояніе*, какъ условія обладанія частными правами и защиты ихъ, въ древне-русскомъ правѣ опредѣлены были еще менѣе точно. Физическіе недостатки вообще тогда только вліяютъ на правоспособность лица, когда они затрудняютъ или совсѣмъ уничтожаютъ способность активнаго упражненія правъ: таковы слѣпота и глухонѣмота. Так. обр., лица, подверженныя этимъ недостаткамъ, вполнѣ могутъ обладать вещами; но ихъ способность вступать въ обязательства и вести процессуальныя дѣйствія подлежитъ естественнымъ ограниченіямъ. Согласно съ этимъ, Улож. ц. А. М. признаетъ глухонѣмыхъ къ пользованію правами собственности наравнѣ съ лицами здоровыми: „А будетъ послѣ котораго умершаго останутся дѣти глухи и нѣмы, а братья ихъ, или сестры учнутъ обидить ихъ и отцова или матерня имѣнія учнутъ ихъ отлучать, раздѣлити по жеребьямъ всѣмъ поровну, чтобы изъ нихъ никто изобиженъ не былъ“ (Ул. XVII, 15).

Ограниченія правъ такихъ лицъ вступать въ обязательства и вести иски мы находимъ въ памятникахъ того времени лишь въ связи съ предположеніемъ о малоуміи.

Ограниченія, возникающія изъ душевныхъ болѣзней (недостатка или потрясенія умственныхъ способностей), опредѣляются законами 1676 г. (П. С. З. № 683, марта 10, ст. 2 и 23) и 1677 (№ 700, августа 10, ст. 1, ст. 5 и 27) не совсѣмъ одинаково. Первый законъ не допускаетъ никакихъ исковъ противъ сдѣланнаго кѣмъ либо распоряженія имуществомъ на томъ основаніи, что лице дѣйствующее—глупо, глухо-нѣмо. „которые всякихъ чиновъ люди глупы, и глухи, и слѣпы, и нѣмы, и службы не служатъ, а помѣстья свои учнутъ кому поступаться, а матери ихъ, и жены, и дѣти сродники учнутъ челобитьемъ спорить, чтобъ по той ихъ поступкѣ помѣстьи не справливать для ихъ скорби... Вел. Государь указалъ и бояре приговорили: помѣстья свои сдавать всякому вольно“. Второй законъ, оставивъ въ томъ же видѣ постановленіе о сдачѣ помѣстій, иначе рѣшаетъ дѣло относительно мѣны ихъ, а именно: „буде по розыску окажутся плуты, глупы и пьяницы,—и мѣновыхъ помѣстій не росписывать“.

Петръ В. указомъ „о свидѣтельствованіи дураковъ въ сенатѣ“ (1722, апр. 6) ограничилъ семейныя и имущественныя права идіотовъ (ср. ук. 1723 г. дек. 6). То же понятіе (т. е. идіотизмъ) выражается терминомъ „безумные“ въ ук. 1762 апр. 23 (и авг. 6), по которому велѣно отдавать ихъ не въ монастыри, а въ нарочно устроенные домы умалишенныхъ, съ отдачею имѣній въ опеку ихъ наслѣдникамъ. Въ Учрежд. о губ. 1775 года (ст. 389) употребленъ терминъ „съ ума сшедшіе“, чѣмъ обозначается не только идіотизмъ, но и острые случаи душевныхъ болѣзней.

г) *Общественное состояніе.* Различіе правоспособности по общественному состоянію, повидимому, противорѣчитъ общему порядку постепеннаго возвышенія правъ лица съ теченіемъ исторіи; здѣсь замѣчается какъ-бы регрессивный ходъ: незамѣтное въ нач. исторіи, различіе правъ по классамъ общества съ теченіемъ времени постепенно возрастаетъ по мѣрѣ развитія и обособленія классовъ и превращенія ихъ въ сословія (см. въ исторіи уголовнаго права постепенное появленіе различія виръ). Въ 1-мъ періодѣ такія различія гражд. правъ есть, но едва замѣтныя; они развиваются преимущественно въ московскую эпоху и въ періодъ имперіи, продолжаясь во многихъ отношеніяхъ до времени имп. Александра II, т. е. до освобожденія крестьянъ. Но ограниченія гражданскихъ правъ, возникшія изъ сословныхъ отношеній, касались лишь нѣкоторыхъ видовъ этихъ правъ, тѣсно связанныхъ *съ государственнымъ значеніемъ* того или другаго сословія или класса, и потому не имѣютъ никакого значенія въ сферѣ собственно гражданской, такъ служилыя лица вознаграждались вмѣсто денегъ помѣстьями, а потому естественно, что неслужилые не имѣли права владѣть помѣстьями; обратно служилые люди лишались права владѣть городскими имуществами. Служилыя лица не могли давать на себя частной кабалы, чтобы не избѣгать службы. Крестьяне лишены были права измѣнять мѣстожительство, что̀ повело потомъ ихъ къ лишенію всѣхъ прочихъ гражд. правъ. Посадскіе люди также прикрѣплены къ своему посаду. Всѣ эти и подобныя ограниченія частію указаны уже въ ист. госуд. права, частію будутъ указаны въ соотвѣтствующихъ частяхъ исторіи гтажданскаго права.

3) **Ограниченія правоспособности.** Что общественныя условія въ древнѣйшее время вліяли на правоспособность не меньше, а гораздо больше, чѣмъ въ послѣдующія времена, доказательствомъ служатъ ограниченія правоспособности иностранцевъ, изгоевъ и явленіе рабства.

а) Иноземцы и чужеземцы.

Иноземцами въ *древней Руси* назывались жители другихъ русскихъ земель, чужеземцами (теперешніе иностранцы) жители странъ не-русскихъ. *Права иноземцевъ* уясняются въ памятникахъ Новгородскаго права. Ст. 22-я Новгородской Судной грамоты не допускаетъ ихъ къ свидѣтельству на судѣ, а ст. 19 Догов. новгородцевъ съ Казиміромъ запрещаетъ имъ владѣть недвижимою собственностью на новгородской территоріи. Другихъ ограниченій въ памятникахъ не встрѣчается.—Что касается *правъ чужеземцевъ*, или иностранцевъ, то надо сказать, что въ новой Европѣ вообще они не терпятъ столь рѣшительныхъ ограниченій въ правахъ, какъ у восточныхъ и классическихъ народовъ. По греческому, напримѣръ, понятію о геленизмѣ—между греками и не греками, именуемыми общимъ названіемъ—варварами, должна существовать постоянная война до полнаго истребленія варваровъ.

Впрочемъ у грековъ отношенія къ иностранцамъ были нѣсколько мягче, нежели у восточныхъ народовъ, гдѣ всякій иностранецъ, попавшій на чужую территорію, являлся безправною вещью. У грековъ-же иностранцы только не могли пріобрѣтать недвижимой собственности на ихъ территоріи и должны были имѣть опекуна изъ гражданъ. Римское право тоже только путемъ длинныхъ постепенныхъ уступокъ провинціаламъ и иностранцамъ переродилось изъ узкаго строго-національнаго jus civile—въ jus gentium, допустивъ послѣднихъ къ полному участію въ правахъ. Изъ новѣйшихъ Европейскихъ народовъ нѣмцы обнаружили наибольшую строгость по отношенію къ иностранцамъ; до XVI в. у нихъ удерживались слѣдующія постановленія, касающіяся иностранцевъ: 1) Wild-fangiatus—т. е. право каждаго гражданина охотиться за иностранцемъ и въ случаѣ поимки обращать его въ рабство: 2) право береговаго владѣльца на вещи и личность иностранца, потерпѣвшаго у его владѣній кораблекрушеніе и 3) droit d'aubain—право государства наслѣдовать имущество послѣ иностранца. Славянское право въ своихъ отношеніяхъ къ иностранцамъ несравненно мягче. Оно не только надѣляетъ ихъ гражданскими правами, но даже даетъ имъ и привилегіи. Всѣ иностранцы дѣлились у насъ на иностранцевъ—временныхъ гостей и иностранцевъ осѣдлыхъ. *Гости* по общему праву всѣхъ первобытныхъ народовъ временно усвояются семьей, принявшей ихъ. Способы такого усвоенія были различны: самымъ-же обыкновеннымъ и вмѣстѣ простымъ способомъ было прикосновеніе гостя къ семейному очагу, послѣ чего онъ становился освященнымъ членомъ семьи и подъ кровомъ ея считался неприкосновеннымъ. Такимъ образомъ въ основаніи отношеній къ иностранцамъ лежала временная натурализація въ семьѣ. У древнихъ-же славянъ, по свидѣтельству императора Маврикія, гости получали такое временное признаніе правъ не только въ семьѣ, но и въ цѣломъ племени: „если чужеземецъ подвергнется несчастію по винѣ того, кто долженъ охранять его (домохозяинъ), то сосѣди идутъ войною на этого послѣдняго, вмѣняя себѣ въ благочестіе отомстить за иностранца“. Однако даже и въ историческое время такая натурализація была недостаточна. 2-я ст. Догов. Олега съ греками показываетъ, что до заключенія этого договора иностранецъ, потерпѣвшій кораблекрушеніе у береговъ, населенныхъ славянами, подвергался возможности „убіену“, или, по крайней мѣрѣ „біену быти“. Упомянутой 2-й ст. Договора эта возможность для грековъ уничтожена. Кромѣ этого „береговаго права“, другія нѣмецкія постановленія, какъ Wild-fangiatus, или droit d'aubain въ славянскомъ правѣ не имѣли мѣста. Послѣ принятія христіанства иностранцы („сторонники“) отдаются подъ опеку церкви и „гостинницы“ и „страннопріимницы“ считаются церковными учрежденіями.—Съ теченіемъ времени права, предоставлявшіяся иностранцамъ посредствомъ временной натурализаціи, становятся недостаточными. *Договорами* имъ была предоставлена большая сумма правъ, но не

вся полнота ихъ; въ замѣнъ того за ними были укрѣплены ихъ отечественныя права. Въ Договорѣ съ нѣмцами 1229 г. (ст. 16-я) читаемъ. „если латинскіе гости бьются между собою мечемъ или деревяннымъ орудіемъ, то князю (русскому) до того дѣла нѣтъ; они судятся сами между собою". О правахъ ихъ пріобрѣтать недвижимыя имущества нѣтъ и не можетъ быть рѣчи, но ст. 30-ою того-же договора нѣмцамъ предоставлено право пріобрѣтать движимое имущество; они могутъ также вступать въ обязательственныя отношенія съ гражданами и въ такихъ отношеніяхъ пользуются значительными привилегіями. Ст. 69-я Рус. Правды Кар. постановляетъ, чтобы при конкурсномъ взысканіи съ должника, изъ имущества его былъ выплаченъ сперва долгъ кредитору-гостю, если таковой, конечно, существуетъ, и потомъ уже оставшееся имущество дѣлится между „домашними" кредиторами: „отдать прежде всего долгъ гостю, а домашнимъ, что останется". Такими-же привилегіями пользовались нѣмцы и при переходѣ имущества должниковъ ихъ по наслѣдству или въ фискъ. получавшій „статокъ" (наслѣдство) долженъ былъ выплатить долги нѣмцу, если они были на этомъ наслѣдствѣ. Такимъ-же самымъ образомъ при конфискаціи имущества (за преступленія) выплачивались всѣ долги иностранцамъ (Дог. 1229 г. ст. 12-я). Всѣ эти права и привилегіи весьма естественно обусловливаются экономической пассивностью древней Руси, получавшей необходимые товары изъ другихъ странъ при посредствѣ гостей-купцовъ.

Переходную ступень между гостями и осѣдлыми иностранцами составляютъ *гостинные дворы или факторіи*. Это были отдѣльныя замкнутыя общины, которыя иностранцы создавали для того, чтобы, при невозможности пользоваться лично, въ отдѣльности, полными правами гражданина, пользоваться ими въ совокупности—коллективно. Такіе дворы во множествѣ были разсѣяны въ древней Руси. Южная Русь вела торговлю преимущественно съ южной Германіей и потому въ Кіевѣ былъ дворъ Регенсбургскихъ купцовъ. Въ сѣверной Руси—Смоленскѣ, Псковѣ, Полоцкѣ и особенно въ Новгородѣ торговали съ весьма ранняго времени купцы скандинавскіе и преимущественно изъ сѣв. Германіи. Нѣмецкій дворъ въ Новгородѣ упоминается съ XII в., но, несомнѣнно, существовалъ и прежде. Собственно въ Новгородѣ было два двора—нѣмецкій и готскій, но юридически они составляли одно учрежденіе. Населеніе двора мѣнялось два раза въ годъ между зимними и лѣтними гостями. Тѣмъ не менѣе гостинный дворъ, какъ юридическое лице, обладалъ своими постоянными правами по отношенію къ государству, которыми гости отдѣльно внѣ его не пользовались. Важнѣйшимъ изъ такихъ правъ двора по отношенію къ государству было право владѣнія недвижимымъ имуществомъ и при томъ не только внутри его (домами, лавками, церковью), но даже и за его предѣлами, какъ напримѣръ лугами. Внутреннія права и вообще устройство двора были основаны

на принципѣ полной экстерриторіальности: это было какъ-бы государство внутри другаго.

Кромѣ иностранцевъ жившихъ въ факторіяхъ, съ древнихъ временъ извѣстно и частное осѣдлое населеніе городовъ изъ иностранцевъ. Названія „ворота лядскія", „ворота жидовскія" въ Кіевѣ указываютъ на части города, населенныя иностранцами этихъ націй. Особенно силенъ былъ наплывъ западно-европейцевъ въ землю Галицкую и Волынскую въ XIII в., послѣ нашествія татаръ: „идяху день въ день (въ новоотстроенный городъ Холмъ) мастерѣ всяци бѣжаху отъ Татаръ, сѣдельници и лучници и тульници и кузнеци". Они поселялись въ особыхъ частяхъ города и соединялись въ отдѣльныя общины съ внутреннимъ устройствомъ по отечественному образцу, но были подчинены общей системѣ податей и повинностей. Сперва они пользовались только въ высшей степени такими-же правами и привилегіями, какъ и гости, но уже въ 1-й періодъ за ними было признано право пріобрѣтать недвижимую собственность. Впослѣдствіи достигнувъ мало по-малу всѣхъ гражданскихъ правъ и удержавъ въ то же время прежнія привилегіи, они положили основаніе особому классу привилегированныхъ горожанъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ и такимъ образомъ возникло нѣмецкое (магдебурское и др.) право въ мѣстечкахъ и городахъ всей Литвы.

Права иностранцевъ въ Московскомъ государствѣ первоначально ничѣмъ не отличаются отъ правъ ихъ въ 1 періодѣ: иноземные выходцы-дворяне принимаемы были охотно и получали права на службѣ тотчасъ же, безъ всякихъ условій индигената (см. ч. 1-ю, стр. 121). Иностранцы-художники и ремесленники были вызываемы самимъ правительствомъ со времени Іоанна III. Вообще иностранцы осѣдлые тотчасъ же дѣлались подданными государства и слѣд. переставали быть иностранцами и пользовались всѣми личными и имущественными правами. Нѣкоторая нетерпимость къ иностранцамъ-*иновѣрцамъ* замѣчается лишь съ пол. XVI в., а права ихъ опредѣляются закономъ лишь въ XVII в. Въ частности: права *иностранцевъ—городскихъ жителей* опредѣлены указомъ 1643 г. марта 2 (Ук. кн. зем. прик. ст. XXXIV), по иниціативѣ православнаго духовенства, которое жаловалось, что нѣмцы ставятъ свои кирхи („ропаты") близко къ церквамъ, принимаютъ къ себѣ на службу русскихъ людей и скупаютъ дворы у русскихъ. Законодатель установилъ тогда, что нѣмцы не могутъ вновь пріобрѣтать дворы у русскихъ въ Москвѣ: въ Китаѣ-городѣ, Бѣломъ городѣ и за городомъ (пріобрѣтенные остаются за ними); „ропаты", стоящія близъ церквей, велѣно сломать. Вопросъ о правѣ иновѣрцевъ держать русскую прислугу оставленъ безъ отвѣта; по ук патр. Филарета 1628 г. было запрещено держать русскихъ людей только некрещеннымъ иноземцамъ. Улож. ц. А. М. (XIX, 40) дополнило законъ 1643 г. постановленіемъ, что кирки вообще не могутъ существовать внутри гор. Москвы, а лишь за Земля-

нымъ городомъ. Нѣмцы-иновѣрцы сосредоточились въ особой слободѣ за гор. Москвой (II. С. З. № 386). Точно также права *иноземцевъ служилыхъ* равнялись правамъ русскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и терпѣли нѣкоторыя ограниченія лишь права *иновѣрцевъ*; въ XVII в. именно въ 1653 г. (II. С. З. № 103) вотчины и помѣстья неправославныхъ нѣмцевъ были отписаны на государя, „за утѣсненіе крестьянъ въ нашей православной христіанской вѣрѣ“ („многіе безъ отцовъ духовныхъ безъ покаянія помирали, и въ великой постъ... всякой скоромъ съ ними нѣмцы ѣли...“).— Права иностранцевъ въ собств. смыслѣ, т. е. не русскихъ подданныхъ, именно торговыхъ *пришлыхъ людей* опирались на привилегіяхъ, дарованныхъ англичанамъ въ XVI в. (со временъ Грознаго, т. е. съ открытія морскаго пути изъ Архангельска); по правамъ, утвержденнымъ за ними при Михаилѣ Ѳеод., они пользовались безпошлинною торговлею по всему государству, а для производства ея пріобрѣли осѣдлость во всѣхъ городахъ и въ самой Москвѣ. Эти привилегіи потерпѣли существенное ограниченіе лишь въ 1649 г. (II. С. З. № 9), въ слѣдствіе злоупотребленій со стороны самихъ англичанъ; они ввозили тайно табакъ и другіе заповѣдные товары а равно ввозили товары другихъ націй, прикрывая ихъ своимъ флагомъ, закупали и вывозили изъ Москов. государства товары, прибывшіе сюда съ востока, наконецъ завладѣли и внутреннею торговлею (покупая и продавая товары русскимъ внутри государства). Въ числѣ проступковъ англичанъ было выставлено и то, что они „всею землею учинили большое злое дѣло—государя своего Карлуса короля убили до смерти“. Англичане были лишены права жительства въ Москвѣ и имъ позволено торговать только въ Архангельскѣ. Торговыя права иностранцевъ установлены окончательно Новоторгов. уставомъ 1667 (II. С. З. № 408).

Въ періодъ имперіи уничтожаются и тѣ немногія ограниченія, которымъ подлежали иностранцы (иновѣрцы) въ Москов. государствѣ; наоборотъ, со временъ Петра В., иностранцы были привлекаемы на территорію государства особыми льготами, которыя усилились во времена Екатерины II въ отношеніи къ колонистамъ; привилегіи этихъ послѣднихъ во многомъ превышали права гражданъ. Въ періодъ имперіи въ первый разъ опредѣлены условія принятія подданства.

Принятіе подданства иностранцемъ можетъ или тотчасъ же сообщить ему всѣ права гражданства, или иногда (для нѣкоторыхъ категорій лицъ) дать лишь ограниченную правоспособность. Къ послѣдней категоріи относятся *права евреевъ*. Изгнанные въ XIII, XIV и XV вв. изъ многихъ государствъ Зап. Европы (Англіи, Франціи, Испаніи) и преслѣдуемые въ Германіи, евреи постепенно подвигались къ востоку и проникали (какъ сказано выше) въ Польшу и русскія земли. Послѣ возникновенія литовско-русскаго государства, они нашли здѣсь особое покровительство со временъ

Витовта (при полной свободѣ вѣроисповѣданія, они пользовались всѣми гражданскими правами, съ нѣкоторыми привилегіями шляхетства). Въ Московскомъ и Новгородскомъ государствахъ до XVI в. они пользовались правомъ въѣзда; такъ въ Новгородѣ извѣстный Схарія сдѣлался ересеначальникомъ жидовствующихъ. Но съ XVI в. въ Московское государство въѣздъ евреямъ былъ воспрещенъ; Іовій пишетъ о Москвитянахъ: „они не впускаютъ ихъ (евреевъ) въ свои предѣлы". Въ 1550 г. ц. Іоаннъ Грозный далъ такой отвѣтъ польско-литовскому королю: „жидамъ ѣздити въ Россію не пригоже". Московскіе бояре, составляя извѣстную избирательную грамоту для королевича Владислава, включили въ нее слѣд. пунктъ: „жидамъ въ Россійское государство съ торгомъ никоторыми дѣлы не ѣздити" (см. также П. С. З. № 730). По присоединеніи Малороссіи евреямъ запрещенъ въѣздъ въ нее; отмѣна этого запрещенія, послѣдовавшая въ 1729 г., удержалась не долго (П. С. З. №№ 5324, п. 14, 5852, 6610, 6614, 6898, 7869 и 8169). Въ 1743 г. сенатъ представилъ императ. Елизаветѣ о дозволеніи евреямъ въѣзда въ пограничныя мѣста (Малороссію и Остзейскій край); но императрица дала слѣд. резолюцію: „отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли" (П. С. З. № 8840). Екатерина II, по присоединеніи части литовско-русскаго государства съ значительнымъ процентомъ еврейскаго населенія, объявила въ ук. 1786 г., что позволяетъ новымъ подданнымъ пользоваться правами „безъ различія закона (вѣры) и народа". (П. С. З. № 16391); сообразно съ этимъ она въ 1791 и 1794 годахъ дозволила евреямъ селиться въ Малороссіи (въ Черниговской и Новгородъ-Сѣвер. губерніяхъ) и Новороссіи (П. С. З. № 17006, 17224 и 17605). Импер. Александръ I (въ положеніи 1804) распространилъ районъ дозволенной для евреевъ осѣдлости на Астраханскую и Кавказскую губ. и разрѣшилъ пріѣздъ во внутреннія губерніи по дѣламъ торговымъ. Въ то же царствованіе, именно въ 1813 г., состоялось узаконеніе о воспрещеніи евреямъ владѣнія населенными имѣніями (что, какъ извѣстно, предоставлено было только однимъ дворянамъ); а въ 1819 г. воспрещено для нихъ право аренды такихъ имѣній (П. С. З. № 28240, 28501, 30543). Затѣмъ съ 20-хъ годовъ текущаго столѣтія начинается поворотъ къ сокращенію района осѣдлости евреевъ: сначала они лишены права жительства изъ числа городовъ въ Кіевѣ, Николаевѣ и Севастополѣ, а въ селахъ вообще всѣхъ; по Положенію 1835, потеряли право жительства въ Астраханской и Кавказской губ.—При имп. Александрѣ II права евреевъ расширены въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ (ук. 1861 г. нояб. 27).—Рядомъ съ этимъ идутъ усилія законодательства пріурочить главную массу еврейскаго населенія къ сельскому состоянію, обращая ихъ дѣятельность на земледѣльческій трудъ (Полож. 1804 г. п. 14—18; ук. 1829 г. о еврейскихъ колоніяхъ въ Новороссіи, и Общее Полож. 1844); при этомъ колонистамъ были дарованы многія льготы (относительно

отвода земли, путевыхъ издержекъ по переселенію, постройки домовъ и льготы отъ податей и рекрутства); но за то были приняты весьма рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы удержать ихъ въ состояніи земледѣльцевъ: выходъ изъ состоянія колонистовъ до 1837 г. былъ вовсе воспрещенъ, а потомъ дозволенъ съ ограниченіями. Эти мѣры, однако, не увѣнчались успѣхомъ.

b) Изгои.

Взглядъ нашей литературы на происхожденіе изгоевъ двоякій. Калачевъ на основаніи филологическаго происхожденія слова „изгой“ (*изъ* и *гоить*= жить), признаетъ, что изгоемъ назывался тотъ, кто вышелъ изъ родоваго союза. Общинники-же утверждаютъ, что изгоемъ становился вышедшій изъ *общинной* связи, ибо возможность существованія родовыхъ мстителей за убійство изгоя (Рус. Пр. ст. 1) указываетъ на возможность связи его съ родомъ. Чтобы рѣшить какой изъ этихъ взглядовъ и насколько вѣренъ, обратимся къ памятникамъ. *Русская Правда* ставитъ изгоевъ рядомъ съ младшими членами княжеской дружины и ограждаетъ ихъ жизнь вирою, равною вирѣ за голову свободнаго человѣка. *Уставъ о мостовыхъ* разумѣетъ подъ изгоями людей епископскихъ. *Уставная грамота* Всеволода о церковныхъ судахъ называетъ ихъ людьми церковными и указываетъ *трояки источникъ изгойствы*: безграмотность для дѣтей священника, банкротство для купцовъ и освобожденіе отъ рабства для холоповъ. Къ этимъ видамъ изгойства самъ князь прибавляетъ четвертый источникъ его—сиротство для самихъ князей. Ясно, что условіемъ изгойства былъ выходъ вообще изъ своего прежняго состоянія, ибо вполнѣ понятно, что безграмотный сынъ священника, обанкротившійся купецъ или вольноотпущенный холопъ—уже не могли оставаться въ немъ. Сиротство, какъ источникъ изгойства для князей, имѣетъ болѣе тѣсный смыслъ, именно лишеніе наслѣдованія въ удѣлахъ русской земли. На основаніи приведенныхъ-же узаконеній, можно заключить, что изгои или примыкали къ княжескому двору, или принимались подъ опеку церковью. Что касается *правъ* изгоевъ, то они, несомнѣнно, ниже правъ свободныхъ лицъ. Уравненіе виръ за голову изгоя и за голову свободнаго человѣка еще не доказываетъ равенства всѣхъ прочихъ правъ. Члены младшей дружины князя (къ числу которыхъ принадлежали и нѣкоторые изгои), были въ уголовномъ отношеніи сравнены съ свободными лицами, а между тѣмъ они были б. ч. лица несвободныя.

Всѣ прочіе изгои, не входившіе въ составъ младшей дружины князя, составляли обыкновенно крѣпостное населеніе селъ. Ростиславъ Смоленскій своею грамотою 1150 г. передастъ церкви „села съ изгои и землей“. Это происходило оттого, что главнымъ (и типическимъ) источникомъ изгойства былъ либертинатъ. На это указываетъ „изгойство—иманіе“, т. е. увеличе-

ніе платы за освобожденіе сравнительно съ покупною цѣною раба и взиманіе платы за дѣтей холопа при освобожденіи отца, противъ чего вооружалось духовенство въ своихъ поученіяхъ. Вольноотпущенные такъ-же, какъ и въ римскомъ правѣ, не дѣлались въ силу своего отпущенія—вполнѣ свободными, а оставались въ нѣкоторыхъ какъ-бы зависимыхъ, обязательственныхъ отношеніяхъ къ прежнему господину. Кромѣ того весьма часто случалось, что вольно-отпущенный, не имѣя средствъ къ жизни, селился на землѣ своего господина и мало по малу дѣлался его крѣпостнымъ.—Изгои, попадавшіе подъ опеку церкви, поступали или въ крѣпостное состояніе на церковныхъ земляхъ, или въ состояніе городскихъ обязанныхъ церкви ремесленниковъ.

c) Холопы.

Состояніе холопства есть только наибольшее ограниченіе правъ, но не окончательное лишеніе ихъ; холопы обладали нѣкоторыми правами, почему и рѣчь о нихъ должна быть отнесена къ ученію о субъектахъ, а не къ ученію о вещахъ (объектахъ). Даже строжайшее (вообще и въ частности по отношенію къ институту рабства) изъ правъ—право римское не вполнѣ низводитъ рабовъ на степень вещи; славянское-же, отличающееся мягкостью своихъ основныхъ положеній,—тѣмъ болѣе.

Происхожденіе холопства. Факты языка указываютъ, что древнѣйшій первоисточникъ рабства находится въ связи съ семейнымъ правомъ. Слово: „сѣмія“ (по словарю Востокова) означаетъ—рабы, домочадцы. Вмѣсто термина „холопъ“ съ древнѣйшихъ временъ употреблялось слово: „спрота“: такъ ев. Лука (ок. 1036 г.) училъ; „и своимъ спротамъ милостиви будете“. Въ Москов. государствѣ служилые люди въ отношеніи къ государю именовались холопами, а тяглые—спротами. Термины: челядь, (чадь, чадо), рабъ (робя, робенецъ, ребенокъ), холопъ (въ малор. хлопецъ=мальчикъ, сынъ) одинаково примѣняются, какъ къ лицамъ, подчиненнымъ отеческой власти, такъ и къ рабамъ. Вслѣдствіе такой связи института рабства съ семейнымъ правомъ и самый характеръ его обусловливается характеромъ послѣдняго. У народовъ съ суровыми семейными отношеніями и институтъ рабства получаетъ строгій характеръ; напротивъ у народовъ такихъ, у которыхъ отеческая власть менѣе сурова,—и рабы почти приравниваются къ подчиненнымъ членамъ семьи. Къ этимъ послѣднимъ принадлежатъ и славяне.

Источники холопства. Переходя къ уясненію юридическихъ источниковъ холопства, находимъ, что оно могло возникать изъ отношеній—*международныхъ* (т. е. отношеній къ иностранцамъ), *семейныхъ*, *обязательственныхъ* (въ сущности экономическихъ) и *уголовныхъ* (лишенія права за преступленія). Къ этимъ основнымъ источникамъ потомъ присоединяются производные.

Отношенія къ иностранцамъ въ древнія времена могли доставлять рабовъ и независимо отъ войны, т. е. можно было овладѣть личностью иностранца и не въ видѣ военной добычи. У русскихъ въ отношеніи къ азіатскимъ народамъ это сохранялось довольно долго, быть можетъ до XVII в., но въ отношеніи къ европейскимъ народамъ это было предотвращено международными трактатами еще съ X вѣка. Съ того времени источникомъ рабства для иностранцевъ остается только плѣнъ, который въ то время имѣлъ совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ теперь. Цѣлью войны тогда было—обогащеніе различнымъ имуществомъ и челядью, и слѣдовательно попавшій въ плѣнъ иностранецъ (воинъ, или мирный житель—безразлично),—поступалъ въ рабство. Такому понятію о плѣнѣ, какъ объ источникѣ рабства, повидимому противорѣчитъ извѣстіе о славянахъ императ. Маврикія, который говоритъ, что „плѣнники у нихъ остаются не въ вѣчномъ рабствѣ, какъ у другихъ народовъ, но назначается имъ опредѣленное время, по прошествіи котораго предоставляется ихъ произволу,—или остаться у нихъ въ качествѣ свободныхъ, или возвратиться къ своимъ, заплативъ выкупъ". Но это можно объяснить тѣмъ предположеніемъ, что приведенное извѣстіе относится къ пастушескому быту славянъ, когда личность плѣнника не имѣла экономической цѣнности для нихъ, въ силу отсутствія спроса на рабочія силы. При захватѣ въ плѣнъ иностранца побѣдители расчитывали не на трудъ его, а на выкупъ, который они могли получить за освобожденіе его; поэтому при неосуществленіи ихъ разсчетовъ—выгоднѣе было просто выпустить плѣнника на свободу. Доказательствомъ такого отношенія къ плѣнникамъ можетъ служить русское сказаніе о половчинѣ, долго сидѣвшемъ въ оковахъ у своего господина, и потомъ отпущенномъ послѣднимъ подъ честнымъ словомъ, что онъ принесетъ выкупъ. Содержаніе плѣнныхъ въ заключеніи и даже убіеніе ихъ случалось и въ болѣе позднюю — христіанскую эпоху въ XII, XIII и даже XIV в. (въ 1322 г. множество плѣнныхъ нѣмцевъ были повѣшены новгородцами у Выборга), но это были исключенія. Вообще-же характеристическая мягкость славянскаго права имѣла мѣсто и здѣсь (освобожденный плѣнникъ, наприм., не бросался на произволъ судьбы, но получалъ права гражданства, и очень часто опредѣлялся на службу къ князю).

Вообще плѣнъ становится источникомъ рабства съ X вѣка. Но въ этомъ вѣкѣ плѣнные поступали въ рабство не къ частнымъ лицамъ, а къ предводителямъ на войнѣ, т. е. князьямъ, которые и дѣлили ихъ между своими сподвижниками (въ смыслѣ дара): „Ольга (плѣнныхъ Древлянъ) овыхъ избп, а другихъ работѣ предасть мужемъ своимъ". Съ XI в. и частные воины получаютъ непосредственно право на плѣненныхъ ими, какъ на военную добычу („плѣнилъ бояринъ—боярина, гражданинъ—гражданина, смердъ—смерда"). Тѣмъ не менѣе значительная часть плѣнниковъ и тогда отдѣля-

лись въ пользу князя (въ Москов. государ. эта часть называлась „плѣнниками въ государевѣ имени“) и обращалась въ служилыхъ людей (см. „Обзоръ“, Часть I, стр. 121).

Въ вѣчное-ли рабство поступали плѣнные, или-же только въ временное, кабальное? По договорамъ русскихъ съ болѣе цивилизованными народами (особенно греками) плѣнные должны были быть возвращаемы или въ обмѣнъ, или-же за выкупъ, для чего выкупная цѣна плѣнныхъ была таксирована (20 зол. по Дог. Ол., ст. 9, и отъ 10 золотн. до 5 з., смотря по возрасту и качеству по Дог. Игоря, ст. 7). Въ случаѣ несостоятельности плѣннаго и слѣдовательно невыкупа его, можно думать, примѣнялось на Руси правило Закона Суднаго, по которому такіе плѣнники остаются въ работѣ до отработки цѣны выкупа. Этому предположенію, на первый взглядъ, можетъ показаться противорѣчащимъ существованіе въ тотъ-же періодъ права продавать плѣнныхъ. Но это кажущееся противорѣчіе весьма просто разрѣшается тѣмъ-же Закономъ Суднымъ: по его постановленіямъ плѣнникъ продается не въ вѣчное рабство, а только до окончанія отработки выкупа, — продается *право* на остающуюся обработку выкупа, при чемъ отработанная часть его засчитывается и покупщикомъ. Примѣненіемъ въ земскій періодъ правила Закона Суднаго можно объяснить образованіе въ Московскомъ государствѣ постановленія, что при несостоятельности плѣннаго онъ поступаетъ не въ вѣчное, а пожизненное, кабальное холопство (его дѣти освобождаются; см. Указн. книгу вѣд. казначеевъ ст. V, 17, ук. 1558 и 1569 г.г.). Впрочемъ, въ дѣйствительности, большая часть плѣнныхъ, попадавшая въ рабство частныхъ лицъ, послѣ отработка выкуповъ, получала отъ своихъ владѣльцевъ земли и обращалась въ крѣпостныхъ крестьянъ (какъ и обыкновенные вольно-отпущенные), или оставалась въ качествѣ дворовыхъ слугъ. Остальные-же плѣнные, поступая на службу къ князю, получали привилегированное значеніе въ государствѣ.

Вообще плѣнъ, какъ источникъ рабства, все болѣе и болѣе сокращается уже въ XIII, XIV и XV вѣк. Причины этого лежатъ въ томъ, что прежній частный интересъ войны постепенно переходитъ въ политическій, т. е. война обращается въ средство достиженія интересовъ исключительно государственныхъ, напр. пріобрѣтеніе части территоріи и т. д. Этотъ переходъ ознаменовался запрещеніемъ захватывать въ плѣнъ мирныхъ жителей и ихъ имущество (въ первый разъ по договору съ Ляхами—въ 1229 г.).

Семейныя отношенія. Оба рода семейныхъ отношеній, какъ супружескія, такъ и отношеніе родителей и дѣтей, могли служить источникомъ рабства (впрочемъ собственно производнымъ источникомъ, когда уже существовало рабство какъ институтъ, отдѣльный отъ семьи).

Супружескія отношенія. Въ древнѣйшее время бракъ съ несвободнымъ лицемъ влекъ для свободнаго потерю свободы. Но въ Рус. Правдѣ это пра-

вило было существенно ограничено, именно по 120 ст. ея (Карам.) только женившійся на рабѣ безъ договора съ ея господиномъ лишался свободы и поступалъ въ рабство къ ея господину; договоромъ-же такое послѣдствіе можно было устранить. Выходъ въ замужество за холопа всегда, разумѣется, велъ для свободной женщины потерю свободы (хотя памятники объ этомъ не говорятъ).—Въ моськовскомъ правѣ разбираемое вліяніе брака между рабомъ и свободнымъ на правоспособность послѣдняго было опредѣлено повидимому весьма строго и безусловно: Судебникъ постановляетъ: по рабѣ—холопъ, по холопу раба (Суд. цар. ст. 76, Уложеніе XIX, 37 и XX, 31). Изъ этого можно бы заключить, что институтъ рабства идетъ къ усиленію. На самомъ же дѣлѣ это было не такъ. Въ XVII в. упомянутое постановленіе имѣло весьма небольшую возможность примѣненія. Въ это время населеніе всѣхъ классовъ строго прикрѣпляется къ своимъ занятіямъ, службѣ или землѣ. Поэтому служилый мужъ, женившись на рабѣ, не выходитъ изъ своего состоянія и не обращается въ раба, а напротивъ влечетъ свою жену въ свободное-же состояніе (уплативъ „выводъ“ за рабу 50 р. по таксѣ). Равнымъ образомъ посадская женщина, вступивъ въ бѣгахъ въ бракъ съ холопомъ, могла не только сама возвратиться въ посадъ, но и мужа ввести въ городскую общину, безъ всякаго возмездія его господину (ибо послѣдній, давъ согласіе на бракъ, конечно въ силу желанія обратить посадскую женщину въ свою рабу, становился какъ-бы нарушителемъ интересовъ государства, желавшаго увеличить численность посадскаго населенія). Точно также и крестьянка, вышедшая замужъ за холопа своего помѣщика, освобождала его (см. Улож. XIX, 38 и XI, 17, 18).—Такимъ образомъ и этотъ источникъ, благодаря отсутствію поддержки со стороны государства, мало по малу изсякалъ.—Что касается *отношеній родителей и дѣтей*, то здѣсь имѣло мѣсто то общее правило, что рожденный отъ холопа—холопъ. Русская Правда разсматриваетъ „отъ челяди—плодъ“ (Кар. 111), какъ естественное приращеніе имущества господина. Но въ первоначальную эпоху христіанства на Руси, когда рядомъ съ законносупружескими отношеніями допускалось и наложничество, возможно было, что отецъ свободный давалъ жизнь сыну или дочери отъ наложницы; въ такомъ случаѣ становилось неяснымъ, въ какое состояніе долженъ поступать рожденный. Русская Правда разрѣшила этотъ вопросъ (ст. 110 Кар.) такъ. дѣти отъ рабыни до смерти отца не считаются свободными, но послѣ смерти его хотя наслѣдства не получаютъ, но остаются свободными вмѣстѣ съ матерью. Это подтверждается и историческими фактами: Владиміръ Св. былъ сынъ рабыни-ключницы, а между тѣмъ въ своихъ правахъ ничѣмъ не отличается отъ братьевъ, хотя въ общественномъ мнѣніи такое происхожденіе представляло неисправимый порокъ (какъ это видно изъ пріема оказаннаго Владиміру Рогнѣдой). Наконецъ о дѣтяхъ, рожденныхъ до поступленія ихъ родителей въ рабство,

въ памятникахъ земскаго періода никакихъ постановленій нѣтъ. Въ Судебникѣ-же опредѣляется, что дѣти, родившіяся до поступленія ихъ родителей въ рабство, остаются свободными; но несовершеннолѣтнія могли быть записаны отцомъ при поступленіи его въ рабство въ общую кабалу (ц. Суд. ст. 76. Сл. выше стр. 319—320).

Вопросъ о правѣ отца на свободу своихъ дѣтей, относительно древнѣйшаго времени, можно a priori рѣшить утвердительно. Отеческая власть въ то время равнялась власти господина надъ его рабами, слѣдовательно и отецъ могъ распоряжаться своими дѣтьми наравнѣ съ рабами. Въ правѣ Московскаго государства въ этомъ отношеніи является нѣкоторая неясность, которая разрѣшается нами въ исторіи семейственнаго права. Герберштейнъ, вѣроятно по аналогіи съ римскимъ правомъ, утверждаетъ, что въ Москвѣ отецъ могъ продать своего сына три раза, послѣ чего отеческая власть будто-бы прекращалась, но въ нашихъ источникахъ указаній на это нѣтъ.

Отношенія обязательственныя. Говоря вообще, обязательственныя отношенія древняго времени существенно отличаются отъ современныхъ: теперь право одного контрагента (обязывающаго) простирается только на извѣстное дѣйствіе другаго (обязывающагося), тогда-же оно б. ч. простиралось на всю личность послѣдняго (приближаясь къ вещному праву). Между обязательствами, какъ источникомъ рабства, надо различать: обязательства, самое исполненіе которыхъ влечетъ рабство, и обязательства, устанавливающія рабство только при невыполненіи ихъ. Къ числу первыхъ относится личный наемъ, къ числу вторыхъ договоръ займа. Личный наемъ (locatio—conductio operarum, а не operis), т. е. поступленіе въ личное услуженіе, при нѣкоторыхъ условіяхъ ведетъ къ лишенію свободы. По Русской Правдѣ тотъ дѣлается холопомъ, кто приметъ тіунство, или ключь себѣ привяжетъ *безъ договора;* договоромъ-же можно было предупредить это послѣдствіе. Однако изъ другихъ мѣстъ Русской Правды видно, что такіе договоры заключались рѣдко, такъ что тіуны вообще считались людьми несвободными (Кар. ст. 77). Въ Московскомъ государствѣ первоначально удерживались приведенныя постановленія Русской Правды, съ нѣкоторыми лишь измѣненіями, именно по Судебникамъ (Суд. 1-й ст. 66 и Суд. ц. ст. 76) ключничество только въ селахъ сопровождается холопствомъ, въ городахъ-же ключники остаются свободными. Кромѣ того сельское ключничество и тіунство по Суд. цар. ведутъ къ холопству тогда лишь, когда они укрѣплены (письменно) „докладною грамотою“. Съ конца XVI в. личный наемъ, повидимому, все ближе подходитъ къ рабству и въ началѣ XVII в. устанавливается то общее правило, что всякое личное услуженіе ведетъ къ пожизненному (кабальному) холопству, если поступившій на службу пробылъ извѣстное количество времени у одного хозяина. Указъ 1597 г. всякое личное услуженіе, длившееся болѣе полугода, обратилъ въ источникъ кабальнаго

холопства. Ц. Василій Шуйскій въ 1608 г. безъ совѣта и согласія боярской думы отмѣнилъ постановленіе 1597 года и запретилъ выдавать обязательныя кабалы на такихъ вольныхъ слугъ; но въ слѣдующемъ году боярская дума собственною властью отмѣнила этотъ указъ царя и возстановила дѣйствіе закона 1597 г. Уложеніе еще болѣе сократило срокъ свободной службы. давность полугодовая была уменьшена до трехъ мѣсяцевъ. Такой ходъ законодательства указываетъ, повидимому, на стремленіе законодателя—усилить рабство, но надо только припомнить, что полное рабство, сопровождающее личный наемъ по Русской Правдѣ, съ XVII вѣка обращается уже только въ кабальное холопство. Сверхъ того въ XVII в. дворовая служба по договору вошла въ общій обычай и не влекла уже въ рабство (см. ниже о договорѣ личнаго найма); наконецъ въ то время практика допускала службу и безъ договора, но и безъ укрѣпленія въ холопство „вольныхъ гуляющихъ людей“ (см. челобитную одного гуляющаго человѣка въ В. Новгородѣ о томъ, что жилъ онъ у Овцына добровольно, и крѣпости ему на себя никакой не далъ· „Челобит. XVII в.“, изд. Куприяновымъ въ Отеч. Зап. т. CI). Особенно много было такихъ вольныхъ работниковъ при монастыряхъ и архіер. домахъ: „живутъ временно, Бога ради тружаются,.. а иные изъ найма живутъ по году и по два и сколько кто захочетъ; а которые и есть работники устарѣлые, и тѣ живутъ по своимъ волямъ; не хотятъ жить,—и прочь пошелъ, а неволить ихъ не почему“ (ibid.)

Столь-же обильнымъ источникомъ холопства служилъ первоначально *договоръ займа*, который впрочемъ велъ къ нему не прямо, а косвенными путями и особенно своимъ неисполненіемъ. Заемъ въ древнее время обезпечивался обыкновенно личнымъ закладомъ (т. е. закладомъ личности должника кредитору). Такимъ образомъ и устанавливалось временное холопство, именуемое въ земскій періодъ *закупничествомъ*, а въ Московскомъ государствѣ служилою кабалою.

Закупничество продолжалось до отработки долга съ процентами, или до уплаты его, а служилая кабала—до смерти или холопа, или его господина, не переходя къ преемникамъ ни того ни другаго. Права господина на закупа или служилаго холопа отличались отъ правъ на полнаго холопа; они состояли въ правѣ владѣнія и правѣ пользованія имъ наравнѣ съ полнымъ, но безъ права распоряженія, имѣющаго мѣсто въ полномъ рабствѣ. Въ случаѣ продажи закупа его господиномъ, по Русской Правдѣ онъ становился свободнымъ (Кар. 73), а купившій его могъ получить заплоченную цѣну обратно; если-же закупъ былъ перезаложенъ его господиномъ другому, то сдѣлка считалась недѣйствительной, но закупничество продолжалось. Къ полному рабству договоръ займа велъ въ случаѣ нарушенія его со стороны должника или несостоятельности этого послѣдняго. Относительно нарушенія его Русская Правда дѣлаетъ слѣдующія постановленія: если закупъ

бѣжитъ, то „обель“ (полный холопъ, Кар. 70); если-же закупъ не гайкомъ, но явно идетъ къ князю или судьямъ жаловаться на обиды господина, то ему должна быть оказана справедливость, очевидно потому, что въ первомъ случаѣ онъ нарушаетъ свое обязательство, а во второмъ нѣтъ. Въ московскомъ правѣ „бѣглыя грамоты“ являются однимъ изъ источниковъ рабства; но въ самихъ памятникахъ законодательства Московскаго государства нѣтъ соотвѣтствующихъ постановленій о бѣглыхъ кабальныхъ холопахъ. Несостоятельность (банкротство) ведетъ къ полному холопству, хотя и ненепремѣнно. Въ Русской Правдѣ различаются три рода несостоятельности. 1) несостоятельность, происшедшая не по винѣ должника, изъ случайныхъ причинъ (пожара, кораблекрушенія, истребленія имущества непріятелями): въ такомъ случаѣ наступаетъ обязательная разсрочка долга; 2) несостоятельность, возникшая по винѣ должника (пьянства, расточительности): при этомъ предоставляется выбору кредитора—или отсрочить уплату долга, или-же продать должника въ рабство, и 3) несостоятельность мнимая (злостное банкротство), когда должникъ преслѣдуется и наказывается какъ воръ—уголовнымъ порядкомъ (Кар. ст. 68 и 133). Для насъ интересенъ въ настоящее время по своимъ послѣдствіямъ второй родъ несостоятельности—несостоятельность произшедшая по винѣ должника. При *конкурсѣ* нѣсколькихъ кредиторовъ несостоятельный, по Русской Правдѣ, можетъ быть проданъ съ публичнаго торга (Кар. ст. 69: „вести его на торгъ и продати“). Тоже слѣдуетъ разумѣть и при отсутствіи конкурса (ст. 68 говоритъ о несостоятельномъ вообще: „ждутъ-ли ему, продадутъ-ли его—своя имъ воля“). Нужно думать, что продажа въ холопство при одномъ кредиторѣ наступала лишь тогда, когда несостоятельность была *безнадежна вполнѣ*; если-же долгъ могъ быть отработанъ, то несостоятельный былъ выдаваемъ кредитору для отработки долга. Если неясную 122 (Кар.) ст. Русской Правды: „Вдачь—не холопъ, и ни по хлѣбѣ робять, ни по придатцѣ“—перевести: „выданный головой для отработки (выдачь)—не холопъ, равно какъ и работающіе за прокормленіе (во время голода) и за проценты“; то въ этой статьѣ мы получимъ категорическое отрицаніе холопства несостоятельнаго должника, отрабатывающаго свой долгъ. Въ этомъ убѣждаетъ опредѣленіе въ Русской Правдѣ таксы для отработки долга въ продолженіи извѣстнаго срока („года“); именно годичная работа жонки съ дочерью оцѣнивается ею въ 1 гривну (ст. 65). Конечно при такой таксѣ значительный долгъ не могъ быть отработанъ во всю жизнь должника, и, переходя на дѣтей должника, приближалъ его къ состоянію полнаго холопства.—Въ московскомъ правѣ несостоятельность никогда не ведетъ къ холопству, но должникъ выдавался головою кредитору до искупа, при чемъ въ случаѣ невозможности для одного должника отработать долгъ въ такое „закупничество“ поступала и семья его. Вообще-же несостоятельность дебитора къ концу московскаго періода мало по малу

перестаетъ служить источникомъ холопства, какъ полнаго, такъ даже и кабальнаго.

Кромѣ этихъ обязательствъ, влекущихъ холопство, надо указать еще на договоръ купли-продажи, какъ на первоначальный источникъ его, т. е. на самопродажу. Въ Русской Правдѣ на ея существованіе нѣтъ указаній, но изъ того, что Судебниками (Суд. 1-й ст. 76; Суд. ц. ст. 66) она допускается, можно предположить существованіе ея и прежде; вообще-же большаго значенія она не имѣла и къ XVII вѣку совершенно исчезла.

Преступленія ведутъ къ рабству въ трехъ случаяхъ: 1) въ наказаніе за извѣстныя преступленія полагалось полное лишеніе правъ (*потокъ*—лишеніе личныхъ правъ и *разграбленіе*—лишеніе правъ преимущественныхъ); при этомъ могло наступить и лишеніе жизни, но обыкновенно примѣнялось лишеніе свободы: преступникъ дѣлался рабомъ князя (Договоръ Смоленскаго князя съ нѣмцами 1229 г. ст. 11: „если разгнѣвается князь на своего человѣка, и отниметъ все, и жену и дѣтей въ холопство, то напередъ надо уплатить долги его нѣмцу“); 2) Если преступникъ оказывается несостоятельнымъ для уплаты денежныхъ взысканій или штрафовъ за преступленіе, то онъ поступаетъ въ рабство или къ князю или къ потерпѣвшему; 3) для закупа всякое преступленіе вело къ полному холопству: если закупъ, укравши что либо, убѣжитъ, то господинъ его не отвѣчаетъ; но если онъ будетъ пойманъ, то предоставляется выбору господина или уплатить штрафъ и обратить закупа въ полнаго холопа (какъ нарушившаго обязательство), или-же продать его и изъ вырученныхъ денегъ вознаградить потерпѣвшаго, а остальное взять себѣ въ удовлетвореніе нарушеннаго обязательства (Рус. Правда, Кар. ст. 75). Въ московскомъ правѣ преступленія уже не ведутъ къ холопству. Несостоятельный преступникъ въ эпоху Судебниковъ выдавался головою истцу (до искупа), но въ эпоху Уложенія и это было отмѣнено. Рабство за преступленія было почти во всѣхъ случаяхъ замѣнено лишеніемъ жизни.

Изъ производныхъ источниковъ холопства самымъ важнымъ является купля-продажа рабовъ (а не самопродажа, которая принадлежитъ къ первоначальнымъ источникамъ). Сдѣлка купли-продажи, по Русской Правдѣ, считается состоявшеюся, хотя-бы покупщикомъ былъ данъ незначительный задатокъ, но въ присутствіи самого продаваемаго раба (Кар. ст. 119). Этимъ выражается какъ-бы необходимость согласія раба на его продажу, чѣмъ отличаются права на рабовъ отъ вещнаго права.

Виды холопства. Изъ предыдущаго можно было видѣть, что существовало рабство двоякаго рода: временное и вѣчное или иначе *неполное* и *полное*. Рабство перваго рода отличалось отъ втораго не только продолжительностію, но и существомъ правъ господина. Въ эпоху Русской Правды временное холопство опредѣлялось срокомъ дѣйствія обязательства, изъ котораго оно воз-

никло, въ московскомъ-же правѣ оно получило опредѣленность независимо отъ обязательствъ, именно сдѣлалось пожизненнымъ: предѣлъ его обозначался не только смертію холопа, но и смертью его господина. Этотъ видъ рабства сдѣлался особеннымъ (sui generis) и самостоятельнымъ подъ названіемъ служилой кабалы. Онъ возникаетъ уже по особому договору (кабалѣ), независимо отъ договора займа или личнаго найма, хотя прежніе признаки личнаго заклада за долгъ все таки сохраняются.

Права господина на кабальнаго отличались отъ его правъ на полнаго холопа только отсутствіемъ права распоряженія; но кабальное холопство вообще представляло путь весьма скользкій къ полному холопству. Правительство принимало мѣры противъ перехода кабальныхъ холоповъ въ полные, для чего установлена была спеціальная форма укрѣпленія ихъ у постельничаго; было воспрещено брать кабалу на отца и сына вмѣстѣ, а также на брата съ братомъ и дядю съ племянникомъ, чтобы такимъ образомъ фактически кабальное холопство не обращалось въ вѣчное—полное.

Въ XVII в. источники полнаго холопства исчезли почти всѣ.

Укрѣпленіе холопства. Первоначально государство не вмѣшивалось въ отношенія рабства; въ періодъ Русской правды нѣтъ никакихъ слѣдовъ укрѣпленія государственною властью правъ господина на новоприобрѣтеннаго раба: извѣстно только, что пріобрѣтеніе раба посредствомъ купли требовало особаго условія въ формахъ заключенія договора, но это не означало еще вмѣшательства государства. Лишь въ московскомъ правѣ начали устанавливаться особыя формы государственнаго укрѣпленія, въ чемъ выразилось, что государство придаетъ значеніе этому институту и беретъ его подъ свою опеку. Сначала, до 1586 г., укрѣпленіе холопства совершалось или въ Москвѣ (у казначеевъ) или въ провинціяхъ у намѣстниковъ съ судомъ боярскимъ, т. е. такихъ, которымъ ввѣрялась вся полнота центральной власти. Прочіе намѣстники, не обладавшіе правомъ высшаго уголовнаго суда, не могли и укрѣплять холопства. Но, по второму Судебнику, и намѣстники перваго рода не могутъ выдавать правыхъ и „бѣглыхъ“ грамотъ на холопство, а только полныя и докладныя. Въ 1586 и особенно 1597 году выданы закономъ подробныя правила укрѣпленія, какъ для новыхъ будущихъ случаевъ, такъ для возобновленія старыхъ крѣпостей. По этимъ указаніямъ укрѣпленіе должно совершаться въ Москвѣ въ холопьемъ приказѣ, а въ городахъ у приказныхъ людей.

Юридическое положеніе холоповъ *и права господина на холопа.* Относительно *правоспособности* холоповъ, также какъ и относительно правъ на нихъ господина, въ нашихъ памятникахъ замѣчается двойственность. По однимъ источникамъ, опредѣляющимъ юридически положеніе холоповъ, послѣдніе лишены всякой правоспособности; по другимъ-же, говорящимъ о фактическомъ положеніи ихъ, они являются надѣленными нѣкоторыми пра-

вами. Русская правда не допускаетъ для холопа права собственности, и вообще имущественныхъ правъ (кромѣ права собственности на peculium— т. е. на то, что находится всегда на немъ и съ нимъ); по ея постановленіямъ, если рабъ въ бѣгахъ пріобрѣтетъ имущество, то такъ какъ онъ самъ принадлежитъ господину и долги, которые онъ можетъ сдѣлать, падаютъ на господина, то и пріобрѣтенное имущество принадлежитъ господину-же. Холопы не могутъ по закону вступать въ самостоятельныя обязательства: по Русской Правдѣ, если холопъ задолжаетъ, то господинъ обязанъ или уплатить долги, или выдать кредитору самого холопа, если только кредиторъ не зналъ, что онъ имѣетъ дѣло съ холопомъ, въ противномъ случаѣ онъ лишался своихъ денегъ (Рус. Пр. Кар. 127—129). Наконецъ, холопы не допускаются закономъ къ послушеству на судѣ (Р. Пр. Кар. 99), кромѣ нѣкоторыхъ незначительныхъ исключеній. Такова правоспособность рабовъ по опредѣленію закона. Фактически-же они вовсе не были такъ безправны, что̀ мы можемъ видѣть изъ другихъ памятниковъ. Въ договорѣ 1229 г. говорится, что если нѣмецъ дастъ княжему холопу, или другому доброму человѣку деньги въ долгъ, а онъ умретъ не заплативши ихъ, то тотъ, кто получаетъ его наслѣдство, долженъ платить нѣмцу. Здѣсь холопъ уравнивается „доброму человѣку“ и ему приписываются права входить въ обязательства, владѣть имуществомъ и передавать его по наслѣдству. По новгородскому законодательству холопъ обладаетъ и процессуальными правами иска, отвѣта и свидѣтельства (противъ холоповъ-же: Нов. С. Гр. ст. 22).

Быть можетъ въ этихъ случаяхъ разумѣются только „княжіе холопы“, которые дѣйствительно не только равнялись по правамъ съ свободными лицами, но и превосходили ихъ. Сюда же могутъ относиться и дружинники боярскіе (поступленіе во дворъ всегда ограничивало правоспособность слуги; см. Ч.—I стр. 29). Въ Моск. государствѣ невольными слугами бояръ были нерѣдко богатые вотчинники древняго благороднаго происхожденія; по свидѣтельству Аврамія Палицына бояринъ Борисъ Годуновъ и его родственники и клевреты привели къ себѣ въ неволю на службу въ домы свои многихъ не только изъ простыхъ, но и почетнѣйшихъ людей со многими имѣніями, съ селами и вотчинами ихъ. Иногда въ дарственныхъ на землю какому-либо помѣщику даритель обязывалъ этого послѣдняго, „чтобы онъ съ тою деревнею не отдавался въ холопы“ безъ вѣдома собственника (Ак., отн. до юр. быта, № V, 63 и № XVI). Такіе слуги, будучи лично несвободными, продолжали владѣть (на условномъ правѣ) своими вотчинами и сами владѣли холопами; Улож. ц. А. М., упоминаетъ въ числѣ рабовладѣльцевъ между прочимъ „дворовыхъ людей“ (XX, 4). Но въ московскомъ періодѣ многія права распространены (фактически) и на простыхъ холоповъ частныхъ лицъ, особенно того разряда ихъ, который называется *задворными холопами*, т. е. испомѣщенными на земляхъ господина. Они уже по одной необходи-

мости имѣютъ право на движимое имущество („животы“), необходимое при обработкѣ земли; оно послѣ ихъ смерти переходитъ по наслѣдству къ ихъ родственникамъ. Обязательства, заключенныя ими, признаются закономъ (ук. 1624 и 1628 г.г.). Уложеніе ц. Алексѣя Михайловича упоминаетъ о холопахъ, владѣющихъ лавками и дворами въ посадахъ (XIX, 15—16). Законъ 1582 г. говоритъ о холопахъ, какъ истцахъ и ходатаяхъ по дѣламъ, обращающихъ адвокатуру въ свое ремесло. Все это показываетъ, что на практикѣ холопы обладали нѣкоторыми правами и что права ихъ росли съ теченіемъ времени.

Что касается *правъ господина на холопа*, то первоначально они ничѣмъ не были ограничены. Нѣкоторые слѣды ограниченій замѣчаются съ христіанской эпохи, но эти ограниченія болѣе нравственнаго, чѣмъ юридическаго характера. Въ Двинской Уст. Гр.—памятникѣ XIV в. говорится, что „если господарь огрѣшиться, ударитъ своего холопа или рабу и случится смерть, въ томъ намѣстники не судятъ и штрафа не берутъ“ (Уст. Двин. грам. ст. 11). Изъ этого можно вывести или, что убійство холопа считалось грѣхомъ, или-же, что непредумышленное (огрѣшится=ошибется) убійство его не карается штрафомъ. Во второмъ случаѣ спеціальное упоминаніе объ отсутствіи штрафа за непредумышленное убійство холопа заставляетъ думать о существованіи штрафа за намѣренное убійство его. По Уложенію ц. Алексѣя Михайловича господинъ уже не имѣетъ права на жизнь своего холопа: „кому выдадутъ вновь его бѣглаго холопа, то господину приказать накрѣпко, чтобы онъ того бѣглаго своего человѣка до смерти не убилъ и не изувѣчилъ и голодомъ не уморилъ“ (XX. 92).—Еще ранѣе закономъ было опредѣлено право холоповъ требовать отъ своего господина прокормленія во время голода и дано имъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ право иска (напр. рабынѣ-наложницѣ) противъ своего господина. Наконецъ указомъ 1706 г. было установлено, что господинъ обязанъ выдавать замужъ своихъ рабынь, по достиженіи ими 18 лѣтняго возраста, женить холоповъ достигшихъ 20 лѣтъ и овдовѣвшую рабыню вновь выдать замужъ по прошествіи двухъ лѣтъ послѣ смерти ея мужа.

Такимъ образомъ мы видимъ, что права господъ все ограничиваются и рабство получаетъ все болѣе и болѣе мягкій характеръ. Этому смягченію содѣйствовали многія условія, главнѣйшимъ-же образомъ слѣдующія три: 1) Относительная національная мягкость славянскаго права вообще; 2) Болѣе значительнымъ условіемъ было проникновеніе и распространеніе на Руси христіанскаго ученія и его началъ. Подъ вліяніемъ этого ученія, какъ ученія моральнаго (а не политическаго и юридическаго), юридическіе институты, не гармонирующіе съ нимъ, не уничтожаются, не измѣняются юридически, а только получаютъ извѣстный, соотвѣтствующій характеръ. Въ дошедшихъ до насъ поученіяхъ, и вообще въ духовной литературѣ, мы

дѣйствительно видимъ, что церковные учители стремятся всѣми силами ослабить рабство, смягчить отношенія господъ къ холопамъ. Въ силу человѣческаго и религіознаго равенства всѣхъ людей они (еп. Лука, митр Іоаннъ и др.) требовали отъ господъ давать рабамъ достаточное содержаніе, регулировали право наказанія (отъ 6 до 30 ударовъ лозою, по поученію XIII в.; „а больше 30 ранъ не велимъ“), запрещали увеличивать выкупную плату за раба (сравнительно съ покупною), продавать раба-христіанина—не христіанину и вообще совѣтовали относиться къ нимъ почеловѣчески. Іосифъ Волоцкій изобличаетъ тѣхъ, которые „только обременяютъ холоповъ работою и наказываютъ ударами, а одежды и пищи не даютъ, голодомъ морятъ и о душахъ ихъ не заботятся, между тѣмъ какъ мы всѣ одинаковы и по тѣлу и по душѣ“. Особенно ярко выразилось ученіе церкви и обычнаго права о рабахъ въ Домостроѣ, гдѣ они приравниваются къ членамъ семьи. Все это не могло, конечно, не оказать сильнаго вліянія на весь институтъ рабства. 3) Наконецъ послѣдней немаловажной причиной смягченія рабства было измѣненіе государственныхъ интересовъ. Очищаясь отъ началъ частныхъ, государство не находитъ для себя выгоднымъ укрѣплять массы гражданъ за единицами и, усиливая нѣкоторыхъ, ослаблять самого себя. Переставъ дорожить этимъ институтомъ, государство перестало и поддерживать его законодательными мѣрами.

Освобожденіе холоповъ. Освобожденіе холоповъ отъ рабства бываетъ или *по волѣ господина*, или при извѣстныхъ обстоятельствахъ *по требованію закона*. Освобожденіе *по закону*, какъ видно изъ памятниковъ, существовало только въ московскомъ правѣ; въ первомъ же періодѣ исторіи нашей практиковалось одно освобожденіе по волѣ господина. Сперва мотивомъ освобожденія былъ только *выкупъ* за деньги. Нѣтъ однако сомнѣнія, что и тогда были случаи дароваго освобожденія, преимущественно предъ смертію, по духовной господина, случаи особенно умножившіеся съ принятіемъ христіанства—подъ вліяніемъ тѣхъ условій, которыя, какъ указано выше, содѣйствовали смягченію рабства. Впослѣдствіи это перешло въ обычай: нерѣдко по завѣщанію умирающій освобождалъ всѣхъ своихъ рабовъ и, почти по общему обычаю, всякій освобождалъ по крайней мѣрѣ часть ихъ. То же нерѣдко примѣнялось по случаю какого либо торжественнаго событія. Освобожденный получалъ обыкновенно „надѣлокъ“, который въ большинствѣ случаевъ состоялъ изъ коня съ сбруею и платья; но все таки оставался въ домѣ своего господина и въ нѣкоторой зависимости отъ него или его наслѣдниковъ.—Въ Московскомъ государствѣ такой зависимости уже не существовало; законъ требуетъ отъ освобожденнаго обязательнаго выхода изъ дома его господина подъ страхомъ новаго обращенія въ холопство. Господинъ обязанъ при освобожденіи холопа при жизни выдать ему за своей подписью отпускную грамоту; при освобожденіи же по завѣщанію такую грамоту выдавалъ душеприкащикъ.

Эти грамоты укрѣплялись въ приказахъ, а въ городахъ у намѣстниковъ имѣвшихъ право полнаго суда. Освобожденіе *по закону*, какъ уже сказано, встрѣчается только въ памятникахъ московскаго права. Оно слѣдуетъ при извѣстныхъ отношеніяхъ или господина къ рабу, или господина и раба къ государству. Къ первому роду относятся слѣдующіе случаи. 1) Если во время голода господинъ, не желая содержать холоповъ, прогналъ ихъ, то правительство освобождало ихъ (Улож. XX, 41, 42); 2) Освобожденіе наступало также въ томъ случаѣ, если господинъ не выдавалъ замужъ или не женилъ достигшихъ узаконенныхъ лѣтъ рабовъ (дѣв. 18 л. и парень—20 л.), а также не выдавалъ вдову въ новое замужество по прошествіи 2-хъ лѣтъ послѣ смерти ея мужа, и 3) Холопъ, принявшій христіанскую религію, становился свободнымъ, если его господинъ оставался некрещеннымъ (Улож. XX, 71). Изъ отношеній второго рода—освобожденіе возникаетъ въ слѣдующихъ случаяхъ: 4) Если холопъ захваченъ въ плѣнъ и потомъ убѣжалъ или какимъ либо образомъ освободился изъ плѣна, то онъ остается уже свободнымъ (Суд. пер. разумѣетъ только плѣнъ татарскій; Цар. Судебникъ и Уложеніе—всякій). Въ этомъ выразилась полная противоположность воззрѣній новыхъ народовъ античнымъ (гдѣ postliminium имѣла всегда строгій характеръ). Холопы разсматриваются уже какъ граждане, потерпѣвшіе за свое отечество. 5) Наконецъ освобожденіе холопа наступало и *по винѣ* его господина, именно въ случаѣ обвиненія его въ политическомъ преступленіи, какъ напр. въ измѣнническомъ отъѣздѣ въ другое государство (Улож. XX. 33). Въ этомъ надо видѣть послѣдствія прежней полной конфискаціи. Если вмѣстѣ съ господиномъ перебѣжалъ и холопъ, то по возвращеніи послѣдній (по Суд. Цар. 80) не освобождается, развѣ самъ государь дастъ ему вольную грамоту.

Освобожденіе убѣжавшаго холопа *по давности* вовсе не полагалось: бѣжавшаго господинъ могъ отыскивать когда бы то ни было („холопу и робѣ судъ отъ вѣка“); но пріобрѣтеніе бѣжавшимъ нѣкоторыхъ званій тѣмъ самымъ освобождало его; именно—поступленіе въ духовный санъ (Улож. XX, 67); впослѣдствіи въ XVII вѣкѣ, вступленіе холопа въ бракъ съ лицемъ свободнаго состоянія лишало его господина права надъ его личностью.

Кромѣ того существовало фактическое освобожденіе—побѣгъ въ степи, въ козачину. Онъ практиковался въ обширныхъ размѣрахъ, но уже далеко не къ пользѣ государства, что и показываютъ событія начала XVII в.

Конецъ института рабства и новое его возникновеніе. Въ XVI в. на окраинахъ русскаго государства образовались свободныя общины козаковъ—донскихъ и днѣпровскихъ. Въ нихъ выразился протестъ противъ существовавшихъ государственныхъ формъ; при томъ у первыхъ протестующихъ элементовъ было меньше, чѣмъ у вторыхъ, что обусловлено было характеромъ жизни государствъ, въ которыхъ они возникли т. е. Московскаго и

Литовско-Русскаго. До начала XVII вѣка эти общины были полезны для государства, особенно въ борьбѣ съ мусульманами. Но съ теченіемъ времени усилившіеся побѣги холоповъ въ эти общины увеличили и сдѣлали ихъ опасными для государства. Этимъ государство должно-бы было быть побуждено къ рѣшенію вопроса о жизни или смерти института холопства, особенно, когда смутное время показало всѣ невыгоды его послѣдствій. Татищевъ и Новиковъ (Древ. Рос. Вивл. XX, стр. 255) дѣйствительно и указываютъ, что царь Борисъ Годуновъ и Вас. Шуйскій издали законы о вольности холопской, но „сіи, получа свободу, употребили оную во зло“; по мнѣнію Татищева вольность холоповъ и крестьянъ „полезна для государства“, но будто-бы „съ нашею формою монархическаго правленія не согласуетъ“. Въ дѣйствительности же освобожденіе холоповъ не согласуется не съ монархическою властью, а съ аристократическими интересами бояръ. Поэтому мы и думаемъ, что Годуновъ и Шуйскій едва ли могли стремиться къ эмансипаціи, вовсе не соотвѣтствовавшей интересамъ ихъ избирателей; притомъ же они и сами были *бояре*. Поводомъ къ такому извѣстію о Борисѣ могъ послужить дѣйствительно изданный имъ указъ о временномъ позволеніи перехода крестьянамъ (а не холопамъ). Относительно же Шуйскаго извѣстіе это имѣетъ больше основаній, а именно: его указъ о добровольной службѣ и особенно указъ 1609 г. 21 мая, нѣсколько загадочный по своему содержанію, могли быть приняты за эмансипаціонныя узаконенія. Указъ 1609 г. говоритъ: „которые дворяне и дѣти боярскіе и всякіе люди держатъ у себя людей по отцовъ своихъ крѣпостямъ, по кабаламъ и докладнымъ, а отцовъ ихъ не стало, и тѣхъ людей велѣлъ государь, по прежнему своему государеву указу, отпущать на волю, и кому они учнутъ на себя давать служилыя кабалы, тому они и холопы“. Это не могло относиться къ кабальному холопству, ибо о немъ далѣе въ томъ же указѣ есть особый пунктъ; признаніе правъ господъ только на холоповъ, ими самими пріобрѣтенныхъ, и освобожденіе всѣхъ перешедшихъ по наслѣдству могло-бы сильно ослабить холопство. Доказательствомъ дѣйствительнаго примѣненія закона 1609 г. въ указанномъ смыслѣ служатъ акты кабалъ 1610 г., по которымъ человѣкъ даетъ на себя служилую кабалу господину, у котораго онъ и прежде былъ старинным холопомъ: „а въ распросѣ сказалъ: напередъ сего служилъ у него же по старинному въ холопствѣ“ (Пол. Собр. Зак., т. I, стр. 121, примѣч. къ Ул. ц. А. М.). Но во всякомъ случаѣ ни Годуновъ ни Шуйскій не издавали общихъ узаконеній объ отмѣнѣ холопства. Оно уничтожилось путемъ естественнаго вымиранія за истощеніемъ его источниковъ. Къ началу XVIII вѣка его можно считать окончившимъ свое существованіе.

Но въ то же время возникло новое условіе для оживленія и расширенія его. Петръ I при первой ревизіи велѣлъ вносить въ одну категорію крѣ-

постныхъ крестьянъ и холоповъ. Такимъ образомъ оба эти состоянія были соединены въ одно. До нѣкоторой степени холопство потеряло свою прежнюю строгость—что̀ иногда только и признаютъ результатомъ этой мѣры Петра I. Съ другой-же стороны положеніе крестьянъ гораздо больше приближалось къ холопству; послѣднее заразило его своимъ безправіемъ такъ, что въ концѣ XVIII в. оно почти ничѣмъ уже не разнилось отъ прежняго холопства: продажа отдѣльныхъ душъ безъ земли, легкость наказанія за убіеніе крестьянъ, полное лишеніе ихъ имущественныхъ правъ—все это ничѣмъ не отличало положеніе крестьянъ отъ холоповъ.

Эмансипаціонными мѣрами имп. Александра I, Николая и Александра II было уничтожено не только крѣпостное состояніе, но и вмѣстѣ—прежнее рабство. Только съ 1861 года точно опредѣлилось въ нашемъ гражданскомъ правѣ понятіе лица.

Б.

ИСТОРІЯ РУССКАГО СЕМЕЙСТВЕННАГО ПРАВА.

Литература: *Неволинъ*: «Исторія Россійскихъ гражданскихъ законовъ».

Ив. Васильевъ: «О гражданскомъ состояніи женскаго пола въ Россіи» (Вѣстн. Евр. 1826. №№ 18, 19, 21).

Д. Языковъ: «Изысканіе о старинныхъ свадебныхъ обрядахъ» (Библ. для чт. 1835, III).

А. Терещенко: «Бытъ русскаго народа» Спб. 1848.

М. Морошкинъ: «Свадебные обряды древней Руси» (Сынъ Отеч. 1848, 2).

И. Сахаровъ: «Сказанія русскаго народа». (Спб. 1849 г.).

В. Я. Шульгинъ: «О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра В.» 1850.

Крыжановскій: «Вѣнечныя памяти и пошлины». 1859.

А. Добряковъ: «Русская женщина въ домонгольскій періодъ». Спб. 1864.

«О бракѣ въ православной греко-восточной церкви съ древнѣйшихъ временъ» (Кіев. епарх. вѣд. 1865, 16—20).

Алексѣевъ: «Объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ по древнему русскому праву» (Чт. въ общ. ист. и древн. Рос. 1868 кн. 2).

С. М. Шпилевскій: «Семейныя власти у древнихъ славянъ и германцевъ». 1869 г.

И. Ф. Нильскій: «Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ. Ист. очеркъ раскольничьяго ученья о бракѣ». Спб 1869.

А. Щаповъ: «Вліяніе общественнаго міросозерцанія на соціальное положеніе женщины въ Россіи». (Дѣло 1871, 7—8).

Н. Я. Аристовъ: «Судьба русской женщины въ до-Петровское время» (Заря 1871, 3).

К. П. Побѣдоносцевъ: «Курсъ гражд. права, ч. II. Права семейственныя, наслѣдственныя и завѣщательныя». Спб. 1875.

С. С. Шашковъ: «Очеркъ исторіи русской женщины». Спб. 1872.

И. В. Калачевъ: «Юридическіе обычаи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ». (Арх. ист. юрид свѣд. 1859, 2).

П. Чубинскій: «Очеркъ народныхъ юридическихъ обычаевъ и понятій въ Малороссіи» (Зап. И. Геогр. общ. по отд. этнографіи, 1869, 2).

П. С. Ефименко: «Народные юридическіе обычаи Архангельской губерніи». Арх. 1869.

Онъ-же: «Приданое по обычному праву крестьянъ Архангельской губерніи». Спб. 1872.

Г-жа Ефименко: «Народныя юридическія воззрѣнія на бракъ» (Знаніе, 1874, № 1).

А. Смирновъ: «Очерки семейныхъ отношеній по обычному праву русскаго народа». М. 1878.

О. Горчаковъ: «О таинѣ супружества. Происхожденіе, историко-юридическое значеніе и каноническое достоинство 50-й гл. печатной кормчей книги». Спб. 1880.

Дубакинъ: «Вліяніе христіанства на семейный бытъ русскаго общества». 1880.

Д. И. Азаревичъ: «Русскій бракъ» (Журн. гражд. и уголов. права 1880, сент., окт., нояб.).

О. И. Левицкій: «О семейныхъ отношеніяхъ въ юго-западной Руси XVI и XVII в.» (Рус. Стар. 1880, № 11).

А. Загоровскій: «О разводѣ по русскому праву». Харьковъ. 1884.

Reutz: «Versuch einer geschichtlichen Entwickelung der Grundsaetze des Russischen Vormundschaftrechts». Dorp. 1825.

А. Поповъ: «Объ опекѣ въ связи съ общественнымъ бытомъ древней Россіи». (Юрид. зап. Рѣдкина, т. 2, М. 1842 г.).

Онъ-же: «Объ опекѣ и наслѣдствѣ по Русской Правдѣ» (Сборн. истор. свѣд. о Россіи, изд. Д. Валуевымъ, т. I, М. 1845).

Понятіе о семьѣ. Семьею называется сложный союзъ супруговъ между собою и родителей съ дѣтьми. Для бытія семьи (въ теоретическомъ и законодательномъ смыслѣ) достаточенъ одинъ изъ этихъ двухъ союзовъ. семействомъ признаются мужъ и жена, не имѣющіе дѣтей; семейство также можетъ составлять одинъ изъ родителей вмѣстѣ съ дѣтьми. Но въ историческомъ, древне-славянскомъ значеніи для бытія семьи необходимы оба союза; такъ союзъ супруговъ, не имѣющихъ дѣтей, не выполнялъ понятія семьи и безплодіе было причиною расторженія брака. По древнимъ законамъ другихъ славянскихъ народовъ, смерть одного изъ родителей прекращала родительскую власть и дѣти освобождались.

Въ юридическомъ основаніи перваго, т. е. супружескаго, союза лежитъ договорное начало, въ основаніи втораго—кровное начало. Но и въ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми можетъ присутствовать договорное начало, именно стороннее лицо, посредствомъ договора, можетъ получить значеніе и права сына (усыновленіе или сынотвореніе). Въ древне-славянскомъ значеніи семьи договорное начало преобладаетъ надъ кровнымъ, какъ видно изъ самого термина: „семья“, который на древне-русскомъ языкѣ означаетъ

товарищество, основанное на договорѣ, соглашеніи; такъ техническое значеніе слова: „семья“ на языкѣ Московскаго законодательства есть—„стачка“, „заговоръ“; тогда предписывалось „не семьяниться ни съ кѣмъ на Государя“, т. е. не составлять заговоровъ противъ государственной власти; запрещалось на повальныхъ обыскахъ „лгать семьями и заговорами“ (ук. 1556 г. авг. 21; см. ук. кн. вѣд. казначеевъ ст. V, 1). Что здѣсь не имѣются въ виду стачки по семействамъ въ нашемъ смыслѣ, доказывается тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ спискахъ тѣхъ же узаконеній слово „семья“ замѣнено словомъ—„артель“ (ibid. п. 13). Вообще термины семейнаго и договорнаго права смѣшиваются: люди, совершившіе сдѣлку купли-продажи, называютъ другъ друга сватами.

Преобладаніе договорнаго начала въ семейномъ правѣ древне-русскомъ и вообще славянскомъ (задруга) дало весьма важныя и характерныя отличія славянской семьи отъ семьи древне-римской и германской; именно отсюда проистекаетъ непримѣнимость къ слав. семьѣ понятій potestas и manus (mundium), и вообще болѣе мягкія формы славянскаго семейнаго права.

Происхожденіе семьи. По теоріямъ новѣйшихъ европейскихъ писателей семья не есть первоначальный и первый изъ кровныхъ союзовъ; до образованія семейнаго союза, общество жило въ родовомъ и даже племенномъ кровномъ союзѣ, въ которомъ не было индивидуальнаго брака, не только моногамическаго, но и полигамическаго; женщины всего племени составляли достояніе мужчинъ всего племени. Такой союзъ можно наименовать *общеплеменнымъ супружескимъ союзомъ*.—За этою первою ступенью наступаетъ вторая форма въ историческомъ развитіи кровныхъ союзовъ, именно т. н. *материнское право* (Mutterrecht); тогда племя дѣлится уже на отдѣльныя кровныя группы, каждая подъ властію матери, ибо мать всегда извѣстна, а отецъ неизвѣстенъ.—Наконецъ наступаетъ третья форма кровныхъ союзовъ—это индивидуальный бракъ и семья полигамическая, подъ властію отца-патріарха; отсюда форма общества—*патріархальная*. Объясненія происхожденія этой послѣдней формы изъ двухъ предыдущихъ до сихъ поръ даются весьма неудачныя (что̀ служитъ доказательствомъ малоразработанности и малопригодности для науки выводовъ по этому вопросу).

Такъ происхожденіе индивидуальнаго брака изъ родоваго Лёббокъ объясняетъ тѣмъ, что члены племени начали похищать женщинъ отъ чужеродцевъ. Но само это явленіе въ свою очередь требуетъ объясненія, почему не довольствовались женщинами своего племени, а прибѣгали къ похищенію? По мнѣнію Макъ-Леннана это зависѣло отъ обычая убивать новорожденныхъ дѣвочекъ. Но полагаютъ, что это объясненіе недостаточно, что не смотря на дѣтоубійство, направленное на дѣвочекъ, взаимное отношеніе числа мальчиковъ и дѣвочекъ все-таки уравнивалось-бы, по извѣстному статистическому закону, по которому смертность среди мальчиковъ несравненно выше,

чѣмъ среди дѣвочекъ. Поэтому Морганъ даетъ другое объясненіе—именно воспрещеніе браковъ въ близкихъ степеняхъ родства. Но это объясненіе никуда не годится для коммунальнаго брака. Иногда объясняютъ переходъ отъ коммунальнаго брака къ индивидуальному вліяніемъ перехода изъ кочеваго быта къ осѣдлому и водворенія земледѣльческаго труда.—Не отвергая важности изслѣдованій объ общеплеменномъ бракѣ и материнскомъ правѣ, мы должны признать оба эти явленія до-историческими, относящимися къ эпохѣ животнаго состоянія человѣка и во всякомъ случаѣ ко времени до образованія правовыхъ идей. Семейное право, какъ и всякое другое, первоначально развивается изъ животныхъ инстинктовъ, которые превращаются въ человѣческія учрежденія лишь съ того времени, когда они проникаются сознаніемъ и разумною волею; лишь съ этого момента начинается историческая жизнь общества. Что касается древне-славянскихъ племенъ, то отсутствіе у нихъ коммунальнаго брака и материнскаго права въ историческое время не подлежитъ сомнѣнію. Всѣ факты, которые приводятся въ доказательство существованія этихъ явленій у славянъ, имѣютъ другой смыслъ. Такъ Козма Пражскій говоритъ о древнихъ Чехахъ, что у нихъ будто-бы „брачный союзъ длился лишь съ вечера до зари“; но стихотворное сказаніе Козмы есть поэтическій вымыселъ. Нашъ прозаическій и трезвый лѣтописецъ говоритъ, что „брака у нихъ (Древлянъ) не бываше, но умыкиваху у воды дѣвица“; значитъ бракъ былъ, но такой, который вовсе не согласовался съ христіанскими воззрѣніями лѣтописца-монаха, именно бракъ основанный на похищеніи. Подобное-же онъ говоритъ о Радимичахъ, Вятичахъ и Сѣверянахъ, а именно: „браци не бываху въ нихъ, но игрища межи селы; схожахуся на игрища, на плесанье и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены собѣ, съ нею же кто съвѣщашеся“ (лѣт. Лаврент.); здѣсь опять описывается бракъ, основанный на похищеніи. Переяславская лѣтопись, на которую иногда ссылаются особенно, есть произвольная перефразировка первоначальной лѣтописи, сама обличающая позднѣйшія христіанскія воззрѣнія автора; онъ разсказываетъ, что древніе славяне браковъ не возлюбили, но сходились на игрища, гдѣ происходило физическое сближеніе половъ, послѣ чего нѣкоторыхъ изъ женщинъ мужчины брали за себя замужъ, а другихъ „поругавше“, оставляли на посмѣяніе до смерти. Здѣсь есть и прямая рѣчь объ индивидуальномъ бракѣ, но сверхъ того „посмѣяніе“ надъ брошенными женщинами при коммунальномъ бракѣ, невозможно. Еще менѣе историческаго значенія имѣютъ проявленія половыхъ отношеній на народныхъ праздничныхъ сборищахъ въ новѣйшія времена у русскаго народа. Нельзя находить также историческаго свидѣтельства о материнскомъ правѣ у русскихъ въ тѣхъ сказаніяхъ былинъ, въ которыхъ богатыри часто, не упоминая о своемъ отцѣ, говорятъ лишь о матери; въ

тѣхъ-же былинахъ древнѣйшаго извода богатыри обыкновенно именуются и честятся по отчеству.

Вообще хотя семья есть явленіе довольно высокой культуры, добытое путемъ долгаго историческаго процесса, но славяне уже съ незапамятныхъ временъ вышли изъ дикаго досемейнаго состоянія и мало сохранили о немъ воспоминаній.

I. Союзъ супружескій.

Супружескій союзъ возникаетъ изъ брака и предполагаетъ затѣмъ опредѣленныя юридическія—личныя и имущественныя отношенія между мужемъ и женою.

Бракъ.

1) **Формы брака въ языческую эпоху.** Какъ видно изъ исторіи возникновенія семьи, *похищеніе* должно быть признано первою формою индивидуальнаго брака. Это именно указывается нашими лѣтописными сказаніями о Древлянахъ, Радимичахъ, Вятичахъ и Сѣверянахъ; т. образомъ похищеніе было господствующею формою брака у многихъ славян. племенъ предъ принятіемъ христіанства, но не у всѣхъ. Въ обрядовой формѣ похищеніе сохранилось до сихъ поръ въ разныхъ краяхъ славянскаго міра; такъ по свадебному обряду великоруссовъ, поѣзжане жениха, отправляясь за невѣстою приносятъ клятву во взаимной вѣрности такъ, какъ-бы отправлялись въ опасный военный походъ. „ну цалуй же Божіе милосердіе, щобъ стоять другъ за друга, братъ за брата, за единую кровь“ (Этногр. Сб. I, 254). По свидѣтельству Вука Караджича, „въ Сербіи доселѣ похищаютъ дѣвицъ; на отмицу (похищеніе) выходятъ съ оружіемъ какъ на войну; иногда похитители поджидаютъ дѣвушку у стада, или когда она пойдетъ за водою, хватаютъ ее и уводятъ“ („Речникъ“, подъ слов. „отмица“). Но похищеніе можетъ быть или дѣйствительнымъ, или мнимымъ; послѣднее бываетъ тогда когда родители и невѣста согласны на бракъ и до похищенія. Въ такой формѣ совершаются браки и теперь у русскихъ—это свадьбы убѣгомъ или уходомъ; то же самое надо сказать о сербской отмицѣ и римскомъ—*usus*. Практическое основаніе этого есть желаніе избѣжать сложныхъ и дорогихъ формъ религіознаго брака. Быть можетъ дѣйствительное похищеніе господствовало только уже у однихъ Древлянъ; у прочихъ племенъ похищеніе, повидимому, имѣло уже мнимое значеніе: „съ нею-же кто съвѣщашеся“. Съ какого момента возникаетъ бракъ при похищеніи? Если съ момента похищенія, то основаніемъ брака служилъ-бы грубый фактъ насилія. Бракъ при похищеніи (какъ показываетъ рим. терм. usus) возникаетъ съ момента истеченія извѣстной давности, правильнѣе съ момента примиренія обѣихъ сторонъ, соглашенія воли, признанія факта.

Вторымъ способомъ заключенія брака въ языческую эпоху была *покупка*; нѣкоторые изъ русскихъ историковъ не признаютъ ее за первоначальную форму, потому что при ней необходимо предположить весьма сильную отцовскую власть, чего нельзя признать при коммунальномъ бракѣ. Однако продажа могла быть совершена не непремѣнно отцомъ, но и матерью, а также главою рода и родоваго союза. Послѣднее уцѣлѣло и при переходѣ родовыхъ союзовъ въ государственные, такъ что плата (выводная куница) взимаема была или княземъ, или его мѣстными правителями.— Другой способъ происхожденія платы за невѣсту связываетъ ее съ похищеніемъ; именно она явилась, какъ слѣдствіе примиренія жениха-похитителя съ родомъ невѣсты, причемъ первый платилъ второму выкупъ.—Несомнѣнно, что покупка была одной изъ древнѣйшихъ формъ у славянъ. Арабскій писатель Казвини говоритъ о руссахъ: „тотъ, у кого родилось двѣ или три дочери, обогащается, тогда какъ имѣющій двухъ-трехъ сыновей дѣлается бѣднякомъ“. Кромѣ того свидѣтельство о покупкѣ невѣсты, какъ древнѣйшей формѣ брака у славянъ, содержится въ терминахъ брачнаго права; такъ „вѣно“ (обезпеченіе приданаго жены на имѣніи мужа) значитъ собственно *цѣна:* „не пять ли птицъ вѣниться пѣнязема двѣма“, говорится въ древнихъ переводахъ Евангелія. Позднѣйшее вторичное распространеніе ея у сѣверно-руссовъ нужно приписать вліянію татаръ (она и наз. *калымомъ*). О нынѣшней обрядовой формѣ покупки у русскаго народа этнографъ Терещенко свидѣтельствуетъ такъ: „въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно въ гор. Нерехтѣ, покупаютъ невѣсту за деньги. Не только бѣдные, но и богатые поселяне почитаютъ себѣ за безчестіе отдать дочь безденежно; чѣмъ выше цѣна, тѣмъ болѣе чести для невѣсты, о чемъ провозглашается немедленно по деревнѣ. Продажная цѣна называется калымомъ“ („Быть русск. народа“). У другихъ славянъ эта форма изчезла и потому бракъ чрезъ покупку сдѣлался характерною особенностью германскаго брака въ отличіе отъ славянскаго. Эта форма брака состоитъ въ передачѣ (за извѣстн. цѣну) власти отъ родителей или родственниковъ на женщину ея жениху. Но судя по нынѣшнимъ свадебнымъ обрядамъ, простая передача купленной невѣсты уже въ древнія времена развилась въ весьма сложныя формы, очень напоминающія римскую форму брака чрезъ *coemptio*. Она состоитъ изъ договора предварительнаго (запродажной сдѣлки), который въ свою очередь распадается на два акта: „сватовство“, т. е. осморъ предмета сдѣлки (невѣсты) чрезъ постороннихъ, и „рукобитье“, т. е. заключеніе сдѣлки самими сторонами. Стороны, заключающія ее, суть не женихъ и невѣста, а родители жениха или самъ женихъ, и родители невѣсты. Содержаніемъ сдѣлки служатъ условія о величинѣ выкупа и о срокѣ совершенія брака; форма совершенія ея обыкновенно—словесная и символическая (*рукобитье*, *зарученье*, т. е. связываніе рукъ); сюда впослѣдствіи присоединились

нѣкоторыя религіозныя формы („*богомолье*“, „*литки*“ или пропоины, т. е. языческая жертва чрезъ возліяніе). Плата за невѣсту бываетъ и дѣйствительная („*выводъ*“ или „*кладка*“), получаемая отцомъ невѣсты (уже безъ всякаго участія родовой или общественной власти), и обрядовая—„*выкупъ*“, получаемый братомъ невѣсты или подругами ея; но здѣсь также скрывается дѣйствительная продажа, какъ видно изъ слѣдующей свадебной пѣсни.

„Осударь ты мой, ясенъ соколъ, милый братъ,
„Ужъ не кидайкося ты на злато-серебро,
„Ужъ не продавай-ко ты меня въ цузи людзи“.

(Этногр. Сборн. I, 155).

Самый бракъ при покупкѣ состоялъ только въ передачѣ невѣсты жениху. Для понятія о семьѣ весьма важны вопросы, кто имѣетъ право передавать невѣсту и что именно передается—личность-ли невѣсты, или власть надъ нею. Что касается перваго вопроса, то показанія русскаго обычнаго права двоятся: въ западныхъ частяхъ имперіи передаютъ оба родителя; въ восточныхъ—одинъ отецъ; первое совершенно согласно съ двойственною родительскою формою власти у славянъ, второе должно быть изъяснено долговременнымъ вліяніемъ татаръ. Передается не невѣста какъ вещь, а символы власти надъ нею. Въ различіи символовъ выражается разная степень такой власти; такъ у германцевъ такимъ символомъ служитъ мечь, а у русскихъ плеть, т. е. въ послѣднемъ случаѣ передается не право жизни и смерти, а лишь право наказаній.

Уже въ доисторическую эпоху у одного изъ славянскихъ народовъ—именно *Полянъ* появляется 3-я форма брака, основанная на свободномъ соглашеніи и на религіозныхъ обрядахъ, именно *приведеніе*. Сущность ея по лѣтописи состоитъ въ томъ, что не женихъ идетъ въ домъ невѣсты за нею, а ее приводятъ къ нему въ домъ, и въ томъ, что не онъ платитъ за невѣсту, а за нею приносятъ приданое. Первою чертою приведеніе отличается отъ похищенія, второю—отъ покупки. Но по обрядамъ понынѣ уцѣлѣвшимъ можно полнѣе возстановить эту форму: она заключается въ религіозныхъ дѣйствіяхъ. Нынѣшніе свадебные обряды служатъ самымъ вѣрнымъ и самымъ точнымъ историческимъ свидѣтельствомъ о древне-языческой религіозной формѣ брака, такъ какъ въ нихъ съ одной стороны ясно отображаются языческіе религіозные обряды, которые не могли образоваться въ христіанское время, и съ другой стор. замѣчается полное сходство съ римскою формою брака чрезъ *confarreatio*, безъ всякой возможности заимствованія этой послѣдней славянами у древнихъ римлянъ. Какъ извѣстно, важную роль при конфарреаціи играетъ panis farreus, который есть не только символъ общенія имущественныхъ правъ въ бракѣ, но есть жертва богамъ; такую-же роль занимаетъ въ русскихъ свадебныхъ обрядахъ т. н. коровай, который есть священная жертва божеству. Затѣмъ центральнымъ момен-

томъ религіознаго заключенія брака при конфарреаціи было посаженіе брачущихся на кожѣ жертвенныхъ животныхъ: точно то же значеніе имѣетъ у насъ т. н. „сажаніе на посадъ“ на шубѣ. Затѣмъ какъ въ римской конфарреаціи, такъ и у насъ, бракъ освящается молитвою и священными формулами (благословеніемъ) и употребленіемъ символовъ огня и воды. Такимъ образомъ и въ языческую эпоху бракъ возвысился до своего послѣдняго, т. е. религіознаго значенія. Жена водимая уже существенно отличается отъ наложницы; бракъ получаетъ прочность и обязательность не только для жены, но и въ равной степени для мужа. Нѣтъ сомнѣнія, и въ языческую эпоху бракъ предварялся актомъ обрученія и требовалъ для совершенія извѣстныхъ условій. Но изъ языческихъ временъ мы не имѣемъ свидѣтельствъ о нихъ; лишь нѣкоторыя, которыя требовались и требуются обычнымъ правомъ, могутъ быть отнесены ко временамъ язычества. Они будутъ указаны въ своемъ мѣстѣ.

2) **Бракъ въ христіанскую эпоху** установился постепенно въ теченіи столѣтій, представляя смѣшанный результатъ дѣйствія русскаго обычнаго права, византійскихъ свѣтскихъ законовъ и церковнаго права.

Обрученіе. Бракъ предваряется *обрученіемъ*; которое на языкѣ обычнаго права называется *сговоръ* или *своды*. Это есть договоръ между сторонами о будущемъ совершеніи брака. Но взглядъ церковнаго права и русскаго обычнаго права на обрученіе весьма различенъ: церковное право придавало обрученію все болѣе и болѣе самостоятельное значеніе: между родственниками обрученныхъ возникаетъ свойство, препятствующее совершенію брака; обрученіе признано нерасторжимымъ и получаетъ религіозное освященіе въ особомъ обрядѣ. Между тѣмъ по обычному праву этотъ договоръ есть только имущественный; неисполненіе его ведетъ къ уплатѣ неустойки—*заряда*; договоръ облекался уже съ древнихъ временъ (см. рядную Тѣшаты XIII в.) въ формальную письменную сдѣлку—*рядную запись*, совершаемую въ Московскомъ государствѣ крѣпостнымъ порядкомъ; по ней стороны имѣли право иска въ судѣ. По словамъ Котошихина, если отецъ жениха, или самъ женихъ провѣдаетъ послѣ сговора, что невѣста „въ дѣвствѣ своемъ не чиста, или глуха, или нѣма, или увѣчна, и что-нибудь худое за нею провѣдаетъ..., и тоѣ невѣсты за себя не возметъ; и тоѣе невѣсты отецъ или мать бьютъ челомъ патріарху, что онъ по сговору и по заряду тоѣ невѣсты на срокъ не взялъ и взяти не хочетъ...; и по зарядным записямъ на виноватомъ возьмутъ зарядъ...“ То же и въ обратномъ случаѣ—если отецъ невѣсты провѣдаетъ про жениха, что „онъ пьяница, или зернщикъ, или уродливъ“.

Не смотря на то, что по взгляду обычнаго права обрученію придана гораздо меньшая сила, на практикѣ и въ этой формѣ обрученіе вело къ большимъ неудобствамъ: активными сторонами въ договорѣ обрученія явля-

лись родители или опекуны и иногда совершали его въ малолѣтствѣ обручаемыхъ задолго до наступленія брака, и этимъ совершенно устранялось участіе въ дѣлѣ свободнаго произволенія брачущихся. Далѣе хоть уплата заряда освобождала отъ необходимости совершать бракъ, но зарядъ обыкновенно назначался большой и уплата его не всегда была возможна. Относительно церковнаго обрученія еще Византійскіе императоры (Левъ) предвидѣли эти невыгоды и для обрученія назначили тѣ-же условія, какъ и для брака (возрастъ 14 и 12 л.); тогда церковное обрученіе начали совершать вмѣстѣ съ бракомъ. Къ этому-же способу прибѣгли (какъ увидимъ) и у насъ.

Петръ В., реформируя семейное право, имѣлъ предъ собою двойную задачу: во 1-хъ лишить сговоръ имущественно обязательной силы и во 2-хъ отнять у церковнаго обрученія его религіозную обязательность. То и другое совершено указомъ 1702 г. апр. 3 (П. С. З. № 1907), по которому рядныя и сговорныя записи велѣно отставить, и впредь ихъ въ приказѣ крѣпостныхъ дѣлъ не писать; вмѣсто того дозволено писать росписи приданому за руками, т. е. за подписью. Так. обр. удержана одна часть прежняго договора, именно обязательство выдачи приданаго, если бракъ состоится; заряду-же (неустойки) въ этихъ записяхъ никакого писать не велѣно. Такъ изчезла прежняя имущественная обязательность обрученія. Послѣ Петра и послѣдняя черта этой обязательности, именно роспись приданаго отмѣнена обычаемъ. Но это только половина дѣла; оставалось церковное обрученіе съ его обязательностію. На этотъ счетъ тотъ-же указъ продолжаетъ: обрученье должно быть за 6 недѣль до вѣнчанія, „и буде обручатся, а послѣ обрученья женихъ невѣсты взять не похочетъ, или невѣста за жениха замужъ идти не похочетъ же, и въ томъ быть свободѣ по правильному св. отецъ разсужденію“. Такая ссылка на св. отцевъ, какъ мы видѣли выше, совсѣмъ не оправдывается нашею кормчею. въ ней обрученіе имѣетъ почти такую-же силу, какъ и бракъ. По каноническимъ постановленіямъ, причины для расторженія обрученія почти тѣ-же, что и для расторженія брака. Русскій законодатель именно старается уничтожить эту строгость и потому опредѣляетъ: „обрученіе упражнятися можетъ винъ ради сицевыхъ: аще бы женихъ обручилъ себѣ невѣсту сущу неблагообразну или во удеси коемъ пагубну, поврежденну, мняши яко красна есть и благообразна, нескорбна и здрава; по обрученіи-же аще бы увѣдалъ, яко есть безобразна, скорбна, нездрава, можетъ отъ нея быти свободенъ“. Здѣсь основною причиною расторженія является то, что женихъ не хорошо ознакомился съ физическимъ видомъ и здоровьемъ невѣсты; или, говоря проще, ему невѣста не понравилась послѣ обрученія. Это вызвано предшествовавшимъ состояніемъ дѣла, когда обручались совсѣмъ не знакомыя другъ другу лица, а иногда взамѣнъ кривой, хромой, или рябой невѣсты, на смотринахъ подставлялась ея красивая сестра или служанка. Само собою разу-

мѣется, что при этомъ удерживаются и каноническія причины расторженія обрученія. Естественно рождается вопросъ: зачѣмъ-же въ такомъ случаѣ было удерживать обрученіе и еще требовать 6-ти недѣльнаго промежутка между нимъ и бракомъ? Это опять объясняется обстоятельствами эпохи: до обрученія молодые люди могли вовсе не знать другъ друга; послѣ обрученія нравы того времени позволяли бо́льшую свободу обращенія между женихомъ и невѣстою; тогда могли установиться между ними симпатіи или антипатіи. Но этого-же, конечно, можно достигнуть и безъ обрученія: съ перемѣною общественныхъ нравовъ, лица разныхъ половъ могли узнавать другъ друга и не будучи обрученными. О томъ постарался именно самъ Петръ, уничтоживши азіатскую и нѣсколько лицемѣрную раздѣльность половъ въ обществѣ, напр. посредствомъ своихъ знаменитыхъ ассамблей. Послѣ него, въ XVIII в. общество впало въ противоположную крайность, дошло до общественной распущенности; уже нечего было заботиться, что молодые люди до брака могутъ не знать другъ друга въ лицо. Въ 1744 г. сдѣлана была попытка возвратить обрученію его прежнюю каноническую строгость; тогда (П. С. З. № 9088) дѣла о расторженіи обрученія велѣно было представлять чрезъ синодъ на Высочайшее усмотрѣніе. Чрезъ это вновь являлись всѣ прежнія затрудненія изъ отношеній обрученія къ браку: но такой порядокъ удержался не долго: въ 1775 г. существованіе обрученія, какъ отдѣльнаго акта, было уничтожено синодскимъ указомъ (П. С. З. № 14357); съ тѣхъ поръ обрученіе сдѣлалось простымъ церковнымъ обрядомъ, который совершается вмѣстѣ съ самимъ бракомъ, а сговоръ превратился въ семейный обрядъ безъ всякой юридической силы.

Условія совершенія брака.

а) **Возрастъ**. Опредѣленіе его въ законѣ необходимо не только въ виду физическихъ цѣлей брака, но и моральныхъ, т. е. для того, чтобы можно было предположить въ брачущихся ясное сознаніе и свободную волю при рѣшеніи вопроса о бракѣ.

Византійскіе источники колебались въ опредѣленіи возраста: прохиронъ назначаетъ для мужчинъ 14, для женщинъ 12 л.; эклога 15 и 13 л. Сроки эти не исполняемы были на Руси; браки совершаемы были въ возрастѣ гораздо низшемъ: даже мужчины женились имѣя 11 лѣтъ, а женщины выходили замужъ 10 л. По словамъ Олеарія: „это довольно обыкновенно въ Московіи“; примѣры браковъ малолѣтнихъ въ княжескихъ семействахъ многочисленны. Русское каноническое право (Стоглавъ) установило свои сроки, взявши для мужчинъ высшій возрастъ (по эклогѣ) 15 л., а для женщинъ низшій (по прохирону) 12 л. Этотъ законъ при сильной борьбѣ съ обычнымъ правомъ не получилъ всеобщаго признанія не только въ XVII, но и къ концу XVIII в. (что можно между прочимъ видѣть изъ приведеннаго

свидѣтельства Олеарія и изъ случаевъ XVIII в.). Трудно рѣшить какой возрастъ въ XVШ и въ началѣ XIX в. долженъ быть признанъ узаконеннымъ: по ук. о единослѣдіи (см. выше) брачный возрастъ опредѣленъ для мужчинъ въ 20 л., а для женщинъ въ 17. Но въ 1774 г. синодъ предписывалъ духовенству, между прочими обстоятельствами, развѣдывать, „чтобы они возрастъ имѣли, юноши не менѣе 15 л. а дѣвицы 13 л.“ (П. С. З. № 14,229), т. е. синодъ возвращается къ постановленіямъ эклоги. Возрастъ, назначенный стоглавомъ и указомъ 1774 г. въ текущемъ XIX в. признанъ чрезмѣрно низкимъ: въ 1830 г. не церковнымъ, а уже государственнымъ закономъ (указомъ поля 19, даннымъ синоду) установлены новые сроки. „Желая предохранить, говоритъ указъ, вѣрноподданныхъ отъ тѣхъ извѣстныхъ по опыту вредныхъ послѣдствій, кои происходятъ отъ сочетанія браковъ между несовершеннолѣтними и потрясаютъ добрые нравы, признали мы за благо повелѣть, дабы воспрещено было священникамъ отнынѣ впредь вѣнчать браки, если женихъ и невѣста не достигли еще первый 18, а послѣдняя 16 лѣтъ“. Вредныя послѣдствія, которыя здѣсь видитъ законъ, двоякаго рода: физическія и нравственныя; послѣднія состоятъ въ непримѣнимости свободнаго произволенія къ мальчику 12—14 лѣтъ. Но въ томъ-же указѣ сдѣлано изъятіе для природныхъ жителей Закавказскаго края, гдѣ дозволенъ бракъ для мужчинъ въ 15 л., а для женщинъ—въ 13 л., т. е. согласно съ постановленіями эклоги, но не согласно съ древне-русскими каноническими постановленіями.

Что касается до опредѣленія *крайняго старческаго возраста*, за предѣлами котораго запрещается бракъ, то ни въ византійскихъ узаконеніяхъ свѣтскихъ и церковныхъ (кромѣ правила Василія В.), ни въ законахъ древне-русскихъ не находимъ на то никакихъ опредѣленій. Въ инструкціи поповскимъ старостамъ 1697 г. дек. 26 (П. С. З. № 1612) патріарха Адріана между прочимъ призывается писать въ вѣнечной памяти, чтобы попы о женихахъ и невѣстахъ розыскивали, вдовцы мужи и жены не въ престарѣлыхъ-ли лѣтахъ. Но точнаго обозначенія возраста престарѣлости, препятствующаго совершенію брака, указано не было. Да при томъ въ инструкціи почему-то говорится только о *вдовцахъ*. Мы не не имѣемъ также фактовъ для уясненія, какъ справлялась съ этимъ древне-русская практика.

Послѣ Петра, при знакомствѣ съ узаконеніями зап. Европы, являются въ обществѣ запросы и на этотъ счетъ. Петръ повѣнчалъ извѣстнаго Никиту Зотова, имѣвшаго болѣе 70 л. Когда потомъ сынъ Зотова Кононъ поссорился съ мачихою, то писалъ Петру. „ученѣйшіе меня легиславторы во Франціи положили, что человѣкъ, который перешелъ за 70 лѣтъ не можетъ ничѣмъ и ни въ чемъ опредѣлять, и тако женитьба въ лѣтахъ отца нашего весьма не почитается женитьбою, что надлежитъ до наслѣдства. Дай Боже, чтобы сенатъ всѣ сіи права зналъ“. Но желанія Зотова и дру-

гихъ въ его положеніи о введеніи у насъ французскаго легислаторства исполнились не скоро. постановленіе о старческомъ возрастѣ дано было лишь въ 1744 г., но по частному случаю вступленія въ бракъ 82 лѣтъ отъ роду. Синодъ разлучилъ бракъ на слѣд. основаніяхъ. 1) бракъ отъ Бога установленъ для умноженія рода человѣческаго, „чего отъ имѣющаго за 80 л. надѣяться весьма отчаянно“, ибо по словамъ псалмопѣвца человѣкъ можетъ быть въ силахъ только до 80 л., „а множае трудъ и болѣзнь, которые трудъ и болѣзнь клонятъ къ смерти человѣка, а не къ умноженію рода человѣческаго“. 2) Правило 24-е св. Вас. Вел. гласитъ: „аще по 60 лѣтамъ вдовица идетъ замужъ, безъ сообщенія да будетъ, дондеже отступитъ нечистоты“. Получилъ-ли этотъ указъ уже тогда и общее примѣненіе въ смыслѣ запрещенія брака, заключеннаго въ возрастѣ свыше 80 л.—неизвѣстно; но сводъ законовъ, установляя это общее правило, сослался на указъ синода 1744 г. Слѣдовало бы ожидать, что изъ упомянутаго указа будетъ сдѣланъ и другой выводъ: именно крайній старческій возрастъ будетъ установленъ неодинаковый для мужчинъ и женщинъ; ибо правило Василія Великаго, единственное каноническое основаніе, приводимое синодомъ, именно говоритъ о женщинахъ и назначаетъ предѣлъ брачнаго возраста въ 60, а не въ 80 л.; поэтому, если уже не распространять это правило на мужчинъ, то слѣдовало-бы думать, что оно будетъ оставлено для женщинъ.

По вопросу о *пропорціональности лѣтъ* жениха и невѣсты ничего не находимъ въ узаконеніяхъ ни древнихъ, ни новыхъ, ни византійскихъ, ни нашихъ, хотя наше правительство не разъ обращало вниманіе на этотъ вопросъ, а именно: еще въ 1756, 1765 и 1766 годахъ (П. С. З. № 10,676) по дѣламъ, доходящимъ до синода, онъ—синодъ узналъ, что въ Бѣлогородской и Воронежской епархіяхъ между однодворцами есть непотребный обычаи, что они малолѣтнихъ своихъ сыновей, лѣтъ 8, 10 и 12 женятъ и берутъ за нихъ дѣвокъ лѣтъ по 20 и болѣе, съ которыми свекры ихъ многіе впадаютъ въ кровосмѣшеніе, за что нѣсколько изъ нихъ на украинской линіи и къ смерти приговорено“. Въ 1774 г. синодъ узналъ, что нѣкая крестьянка Татьяна Иванова призналась въ Костромской провинціальной канцеляріи, что умышленно удавила мужа своего, малолѣтняго крестьянскаго сына Ивана Гаврилова, которому было тогда 12 лѣтъ. И по другимъ дѣламъ, говоритъ синодъ, такіе же поступки обнаруживаются; поэтому синодъ предписываетъ священно и церковно-служителямъ не вѣнчать, „въ противность св. правилъ, таковыхъ малолѣтнихъ съ возрастными дѣвками“; за нарушеніе этого полагается лишеніе званія священникамъ и церковникамъ, а самый бракъ расторгается. Что собственно было предписано этимъ указомъ синода и какъ поняла его практика—не знаемъ: слѣдовало-ли не вѣнчать браковъ по непропорціональности лѣтъ жениха и невѣсты, или только не вѣнчать браковъ по недостиженіи кѣмъ либо изъ брачущихся

узаконенныхъ лѣтъ? Повидимому практикою усвоена только послѣдняя мысль указа; идея-же о пропорціональности лѣтъ жениха и невѣсты не принесла никакихъ плодовъ въ дальнѣйшихъ узаконеніяхъ. Въ 1775 г. послѣдовалъ новый указъ синода вообще о мѣрахъ къ отвращенію незаконнаго сочетанія браковъ (П. С. 3. № 14356) [1]), гдѣ указывается, что въ жизни не соблюдается ни одно изъ постановленій о бракѣ и между прочимъ вступаютъ въ бракъ „*въ лѣтахъ между собою весьма не сходственныхъ;* женятъ же въ крестьянствѣ малолѣтнихъ ребятъ съ возрастными дѣвками, а сіи малолѣтнихъ своихъ мужей умерщвляютъ, за что нѣкоторыя по гражданскому и къ смертной казни были приговорены". Для предотвращенія этихъ и другихъ злоупотребленій синодъ предписываетъ завести метрическія книги и соблюдать вообще каноническія постановленія, не указывая какія именно. и въ частности никакъ не опредѣляя относительный возрастъ брачущихся.

б) **Правильность сознанія** *(умственное здоровье).* Византійскіе источники не оставили намъ яснаго ученія объ этомъ условіи совершенія брака Правда, въ нихъ, именно въ брачномъ правѣ. нерѣдко упоминается, *о бѣсноваціи*, какъ явленіи, имѣющемъ значеніе для совершенія правильнаго брака; но рѣчь идетъ о бѣсноваціи родителей, какъ обстоятельствѣ уничтожающемъ родительскую власть; можно думать, что это понятіе могло быть примѣняемо и къ брачущимся. Но прямыхъ узаконеній о томъ не находимъ ни въ Византіи, ни у насъ до времени Петра I.

Въ 1722 г. (апр. 6, № 3949) вышелъ такой указъ подъ заглавіемъ: „о свидѣтельствованіи дураковъ въ сенатѣ": „понеже какъ послѣ вышнихъ, такъ и нижнихъ чиновъ людей движимое и недвижимое имѣніе даютъ въ наслѣдіе дѣтямъ ихъ таковымъ дуракамъ, что ни въ какую науку и службу не годятся, а другіе, не смотря на ихъ дурачество, но для богатства отдаютъ за оныхъ дочерей своихъ и свойственницъ замужъ, отъ которыхъ добраго наслѣдія къ государственной пользѣ надѣяться не можно....; того ради повелѣваемъ какъ вышнихъ, такъ и нижнихъ чиновъ людямъ, и ежели у кого въ фамиліи нынѣ есть или впредь будутъ таковые, которые ни въ науку, ни въ службу не годились, и впредь не годятся, отнюдь жениться и замужъ идтить не допускать и вѣнечныхъ памятей не давать". Имущество же ихъ отдается въ опеку родственникамъ, „а ихъ негодныхъ съ тѣхъ деревень кормить". Если же по свидѣтельству (въ сенатѣ) донесеніе не подтвердится, то употреблять ихъ въ службу и науку и жениться въ урочныхъ лѣтахъ позволить. По толкованію госуд. совѣта (1815 г. іюня 18) этотъ указъ о дуракахъ относится къ людямъ, не имѣющимъ здраваго разсудка *отъ рожденія*. При Петрѣ и его ближайшихъ преемникахъ, когда военная служба и профессіональное образованіе были обязательны для дво-

[1]) Этотъ указъ положенъ въ основу постановленій о бракѣ Свода Законовъ.

рянъ, изложенный указъ могъ имѣть примѣненіе именно къ дворянскому сословію: неявка въ школу и на службу оправдывалась только официальнымъ признаніемъ слабоумія въ появившемся. Но по освобожденіи дворянъ отъ службы и въ отношеніи къ прочимъ сословіямъ едва-ли этотъ законъ находилъ себѣ надлежащее примѣненіе. Священникъ, вѣнчающій бракъ, или церковная власть, выдающая вѣнечную память, не были компетентны въ разрѣшеніи этого щекотливаго и труднаго вопроса. Та же трудность остается и нынѣ, когда въ Сводѣ установлено: „запрещается вступать въ бракъ съ безумными и сумасшедшими"; такое запрещеніе можетъ простираться только на тѣхъ, кто признанъ таковымъ по свидѣтельствованію надлежащей власти.

в) **Свободная воля и согласіе родителей.** По ученію византійскихъ кодексовъ требуется при бракѣ непремѣнное участіе воли родителей или опекуновъ: безъ этого условія бракъ можетъ быть совершенъ лишь при слѣд. обстоятельствахъ: если отецъ (или дѣдъ, имѣющій власть) находится не въ здравомъ умѣ („неистовъ"); если онъ находится въ плѣну; если онъ пропалъ безъ вѣсти болѣе чѣмъ за три года предъ тѣмъ (впрочемъ въ послѣднемъ случаѣ бракъ можетъ быть заключенъ и до истеченія этого срока, но съ тѣмъ, что отецъ, возвратившійся до истеченія 3-хъ лѣтъ, можетъ, если захочетъ, расторгнуть бракъ). Во всѣхъ прочихъ случаяхъ не эмансипированныя дѣти вступаютъ въ бракъ не иначе, какъ при дозволеніи родителей. Въ случаѣ безпричиннаго сопротивленія браку дѣтей со стороны отца, обиженный можетъ обратиться къ гражданской власти, которая въ такомъ случаѣ даетъ позволеніе въ замѣнъ отца и выдаетъ *вѣнчо*. По наступленіи эмансипаціи дѣти могутъ вступать въ бракъ безъ позволенія родителей; впрочемъ для эмансипированной дочери такое право наступаетъ лишь по достиженіи ею 25 лѣт. возраста: эклога уничтожаетъ различіе между эмансипированными и не эмансипированными дѣтьми и потому требуетъ дозволенія родителей (уже не одного отца) безъ ограниченія временемъ. Что касается до *брака рабовъ*, то ихъ сожительство не есть бракъ въ юридическомъ смыслѣ, а потому и составляется ихъ господами безъ всякаго участія ихъ свободной воли (Прохир. гр. 34, гл. 2, 4). Требованіе свободной воли для брачущихся заявлено христіанской церковью съ особенною силою. Въ нашей печатной кормчей (гл. 50) находимъ слѣд. опредѣленіе: совершающій бракъ, „вѣсть пріимъ о хотящихъ браку сочетатися, въ первыхъ да увѣсть...—аще своимъ вольнымъ произволеніемъ, а не принужденія ради отъ родителей и сродниковъ или отъ господій своихъ... сочетатися хотятъ".

Въ русскомъ обычномъ правѣ уже для языческой эпохи можно указать на требованіе согласія брачущихся при бракѣ чрезъ *приведеніе*. Когда-ки. Владиміръ хотѣлъ жениться на дочери полоцкаго князя—Рогнѣдѣ, еще не прибѣгая къ насилію и похищенію, то родители невѣсты обратились за

согласіемъ къ нен самой, предоставили ей выборъ между Владиміромъ и Ярополкомъ и получили въ отвѣтъ: „не хочу разувать (это символъ подчиненія мужу) сына рабыни“ (какимъ дѣйствительно былъ Владиміръ). Но болѣе общимъ обычаемъ долго спустя и въ христіанскую эпоху оставалось, что браки составляемы были волею родителей, принуждавшихъ дѣтей или вступать въ бракъ или не вступать въ него; церковь издавна боролась съ этимъ воззрѣніемъ; церковный уставъ Ярослава назначаетъ наказаніе родителямъ въ случаѣ, когда они принуждаютъ дочь къ браку и она что-либо сдѣлаетъ надъ собою. Вмѣстѣ съ этимъ рус. церковь не только допускаетъ, но и требуетъ свободнаго произволенія и для рабовъ. Не смотря на то, и въ Московскомъ государствѣ браки составляемы были не свободнымъ произволеніемъ самихъ брачущихся, а родителями невѣсты и женихомъ или его родителями. „А случится которому боярину и ближнему человѣку женити сына своего, или самому, или брата и племянника женити..., и посылаютъ къ отцу невѣсты, или къ матери или къ брату, говорити друзей своихъ... И тотъ человѣкъ, будетъ хочетъ дочь свою, или иного кого, выдать замужъ, на тѣ рѣчи скажетъ отвѣтъ, что онъ дѣвицу свою выдать замужъ радъ, только подумаетъ о томъ съ женою своею и съ родичами... А дочерѣ, или кому-нибудь о томъ не скажутъ и не вѣдаетъ до замужества своего.“ Когда невѣста жениху по росписи приданаго понравится, и обѣ стороны назначатъ сговоръ, то женихъ пріѣзжаетъ въ домъ родителей невѣсты, пишутъ рядную запись и пируютъ; „а невѣсты ему не покажутъ и невѣста его жениха не видаетъ“ (Котошихинъ). Нѣкоторое отличіе царскихъ свадебъ въ этомъ отношеніи состоитъ въ томъ, что тогда женихъ самъ выбиралъ невѣсту изъ множества дѣвицъ, свезенныхъ со всѣхъ концовъ государства.

Петровскому законодательству предлежала трудная задача примирить двѣ противоположности: охранить свободное произволеніе брачущихся и дать въ то же время мѣсто для участія въ заключеніи брака волѣ родителей. Такую задачу Петръ надѣялся выполнить своимъ узаконеніемъ 1724 г. (янв. 5). „Въ прошломъ 1722 г. (пишетъ онъ сенату), въ бытность нашу въ сенатѣ, предлагали вы намъ пунктъ о принужденныхъ бракахъ, которые бываютъ въ дѣтяхъ за страхъ родителей, а въ рабахъ по принужденію господъ ихъ, безъ произволенія сочетанныхъ,—и требовали на оный рѣшенія: и по оному предложенію повелѣваемъ учинить во всемъ россійскомъ государствѣ такое запрещеніе, дабы отнынѣ родители дѣтей и всякаго званія люди—рабовъ своихъ и рабынь къ брачному сочетанію не принуждали и не брачили подъ опасеніемъ тяжкаго штрафованія“. Но законодатель зналъ, что эта угроза штрафованія останется пустою фразою, обращаясь въ такую замкнутую среду, какъ семья, что провозглашаемый имъ принципъ свободы совершенно противоположенъ началу старорусской семейной власти и потому изобрѣлъ слѣд.

мѣру „а понеже много случается, что и неволею сочетаемые не дерзаютъ во время брака смело спорить, одни за стыдъ, другіе за страхъ, что уже послѣ является отъ несогласнаго тѣхъ неволею сочетанныхъ житія; — того ради въ прилучающихся у знатныхъ персонъ и у шляхетства и прочихъ разночинцовъ бракахъ (кромѣ крестьянства), прежде вѣнчания брачныхъ приводить родителей ихъ обоихъ совокупляющихся персонъ, какъ отцовъ, такъ и матерей, а которые въ живыхъ не имѣютъ плотскихъ родителей, то тѣхъ, которые вмѣсто родителей дѣйствительно вмѣняются, — къ присягѣ въ томъ, что одни не неволею-ль сына женятъ, другіе не неволею-ль замужъ дочь даютъ, также и господа съ рабами не такъ-ли поступаютъ". Присяга приносится чинами первыхъ классовъ въ синодѣ, прочими въ епархіяхъ „при архимандрическои персонѣ", а мелкими разночинцами при знатныхъ священникахъ, для того особливо назначенныхъ. Въ формѣ присяги, приложенной къ этому указу, говорится, что клянущіяся подлежитъ истязанію церковному и политическому, если откроется впослѣдствіи, что онъ прибѣгалъ къ мѣрамъ принужденія. Слугамъ по тому же указу господа должны давать письма, „заруча подъ клятвою суда Божія и присяги своей, что онъ ихъ не неволитъ" (П. С. З. № 4406).

Эта гарантія свободы произволенія не удержалась въ нашемъ законодательствѣ; въ Сводѣ стоитъ голословное требованіе согласія на бракъ со стороны родителей, опекуновъ и попечителей, и о непринужденіи къ браку. Первое требованіе и послѣ изданія Свода возбуждало законодательные вопросы (1836), однако оставлено въ своей силѣ. Нѣкоторое ограниченіе правъ брачущихся со стороны произвола опекуновъ содержится лишь въ мѣстныхъ законахъ (Черн. и Полт. губ.), по которымъ дѣвица, состоящая подъ властію опекуна, можетъ объявить въ судѣ о препятствіи ей къ браку со стороны опекуна, желающаго продлить управленіе ея имѣніемъ. Но это ограниченіе вызвано особенностями опеки по Лит. Ст., по которому опекунъ не только управлялъ, но и владѣлъ имуществомъ и притомъ опека продолжалась не до совершеннолѣтія, но до выхода въ замужество. По уничтоженіи этихъ отличій въ правѣ опекунскомъ для Малороссіи, падаетъ практическое значеніе приведеннаго закона. Впрочемъ по уголовнымъ законамъ постановлено значительное различіе между вступленіемъ въ бракъ безъ дозволенія родителей и съ таковымъ же дѣйствіемъ безъ дозволенія опекуновъ.

г) **Дозволеніе начальства.** Это требованіе, не существовавшее въ византійскомъ правѣ, встрѣчаемъ лишь въ отечественныхъ памятникахъ и въ обычномъ правѣ. Первоначально оно имѣло общее примѣненіе, не только для служилыхъ лицъ, но и для неслужилыхъ, такъ какъ бракъ по русскому праву есть не только личное и семейное дѣло, но и общественное. Служилые люди испрашивали дозволеніе отъ князя (и царя), неслужилые отъ мѣстнаго начальства.

Историческія основанія этого явленія недостаточно уяснены. Эверсъ думаетъ, что оно происходитъ отъ древняго родоваго начала, которое состояло не только во власти родоначальника, но и въ его супружескихъ правахъ (jus primae noctis есть древне-русское „княжее“, по мнѣнію Татищева и Срезневскаго). Неволинъ полагаетъ, что это выродилось изъ обычая приношенія подарковъ начальству при бракѣ.

Въ древнѣйшій періодъ князья активно устраивали браки своихъ слугъ, какъ это видно изъ остатковъ въ правѣ литовско-русскомъ. Формы этого права въ москов. государствѣ суть. *выводная куница*—плата намѣстнику или волостелю, если дѣвица выходитъ за предѣлы общины или земли и *новоженный убрусъ*, когда она выходитъ замужъ въ той же волости. Послѣдній имѣетъ дѣйствительно значеніе только *подарка;* первая есть *выкупъ*, получаемый мѣстною властію за потерю лица въ обществѣ Это сдѣлалось особенно ясно, когда распространилось крѣпостное право; тогда помѣщики видѣли въ выводѣ продажу крѣпостной дѣвки другому владѣльцу. Но само начальство (государст. или мірское) не имѣло уже дѣла съ женихомъ, а требовало платы отъ отца невѣсты, предоставляя этому послѣднему разсчеты съ женихомъ (впрочемъ, иногда взимало и непосредственно съ жениха). Послѣ Петра долго оставалось это право неотмѣненнымъ, вымирая естественною смертію. Иногда воеводы и губернаторы не пользовались имъ, иногда пользовались, пока, наконецъ, въ 1775 г., по поводу мира съ Турціею. Екатерина II въ числѣ разныхъ льготъ установила и слѣд.. „гдѣ въ которой области имперіи нашей состоитъ запрещеніе вступать въ бракъ безъ дозволенія губернаторскаго и градоначальника, и за таковое дозволеніе собирается сборъ или деньгами или скотомъ, чрезъ сіе всемилостиво отрѣшаемъ таковое запрещеніе и сборъ и дозволяемъ всякому роду и поколѣнію людей вступать въ бракъ безъ подобнаго дозволенія и платежа“ (№ 14275). Но за тѣмъ тотчасъ возникли недоразумѣнія. выпускать-ли свободно дѣвицъ и вдовъ изъ казенныхъ селеній въ городское сословіе, или замужъ за крѣпостныхъ. Законодательная власть разрѣшила эти вопросы въ положительномъ смыслѣ (№ 19443 и 26914), съ нѣкоторыми гарантіями правъ выходящей дѣвицы въ послѣднемъ случаѣ.

Со временъ Петра образовалось новое условіе брака, это *дозволеніе на бракъ гражданскимъ и военнымъ чиновникамъ* отъ ихъ начальства. Оно исходитъ уже не изъ права начальства устраивать браки, а изъ обязанности государства опекать своихъ подданныхъ (заботиться о ихъ личномъ благосостояніи) и вмѣстѣ изъ обязанности подчинять личные интересы служебнымъ. Прежде всего (въ 1722 г.) запрещеніе вступать въ бракъ безъ дозволенія начальства сдѣлано для флотскихъ офицеровъ (гардемариновъ. Реглам. Адм. II. С. З. № 3937), подъ штрафомъ 3-хъ годичной каторжной работы (въ 1765 г. это постановленіе дополнено тѣмъ, что гардемарину

вообще до 25 л. не дается разрѣшенія на бракъ); затѣмъ въ 1744 для гвардейцевъ (впрочемъ послѣднее по представленію синода и изъ другихъ основаній); въ 1764 г. для нѣкоторыхъ полковъ, гдѣ уже опредѣленно выражена цѣль этихъ узаконеній: „ибо ежедневная практика показываетъ сколь много добрыхъ молодыхъ офицеровъ отъ причины плотскихъ браковъ въ косность приходятъ" (инстр. нѣк. полка. П. С. 3. № 12289); въ 1766 г. это распространено и на кавалерійскую службу.—Въ послѣдствіи явилось новое основаніе для удержанія въ силѣ этого постановленія; именно опасеніе двоеженствъ (Полн. Собр. 3. № 18521). Въ 1800 г. былъ даже данъ указъ, по которому на каждый бракъ генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ должно быть испрашиваемо высочайшее соизволеніе (№ 19254), но это отмѣнено въ 1808 (№ 22823). Откуда явилось въ Сводѣ запрещеніе браковъ гражданскихъ чиновъ безъ дозволенія начальства—не знаемъ.

д) Единоженство. Бракъ не можетъ быть заключенъ при существованіи другаго предшествующаго. Это правило образовалось только въ христіанскую эпоху; въ языческую эпоху господствовало *многоженство*. Впрочемъ и тогда оно не было безграничнымъ: нашъ первоначальный лѣтописецъ о самыхъ нецивилизованныхъ изъ славянскихъ племенъ, т. е. о Радимичахъ, Вятичахъ и Сѣверянахъ говоритъ: „имяху же *по двѣ* и *по три* жены", что въ его глазахъ, очевидно, составляетъ высшую степень дикости и варварства. Подобно этому Козма Пражскій говоритъ о Чехахъ: „*binas* vel *ternas* conjuges habuere *licuit*" Итакъ три жены для обыкновенныхъ людей считались высшею дозволенною мѣрою многоженства. Князья, особенно такіе какъ Владиміръ, могли превышать эту норму; но и у нихъ число женъ было очень ограничено, при полной неограниченности наложничества. У Владиміра въ язычествѣ было 6 женъ водимыхъ: а наложницъ 800 (300 въ Вышгородѣ, 300 въ Бѣлгородѣ и 200 въ Берестовѣ). По сказанію Ибнъ-даста, „если у покойника (Русса) было *три жены*...", то самая любимая приноситъ себя въ жертву. Сожженіе вдовы (одной) указываетъ на наклонность славянъ къ единоженству, что, повидимому, было уже осуществлено у Полянъ.

Тѣмъ не менѣе и въ христіанскую эпоху слѣды многоженства оставались долго. Въ уставѣ Ярослава ясны слѣды борьбы христіанства съ старыми привычками: церковь боролась какъ съ тѣмъ, что люди произвольно отпускали женъ и потомъ вступали въ бракъ съ другими (это не есть двоеженство въ дѣйств. смыслѣ, а нарушеніе законовъ о правильности развода); такъ и съ двоеженствомъ въ собств. смыслѣ: „если двѣ жены кто водитъ, то епископу 40 грив., а которая подлегла, ту взять въ церковный домъ, а первую держать по закону; если мужъ будетъ дурно обращаться съ нею, то подлежитъ казни" (ст. 13). Преслѣдовалось и многомужіе, но опять въ смыслѣ нарушенія закона о разводѣ: „если жена пойдетъ отъ своего мужа за иного замужъ, то взять ее въ домъ церковный, а новоженя митрополиту

въ продажѣ". Побѣда церкви въ земскую эпоху далек. не была полною. „безъ труда и безъ срама двѣ жены имѣютъ. вопреки вѣрѣ нашей", говоритъ м. Іоаннъ. На то же указываетъ и то обстоятельство, что церковные уставы послѣдующихъ временъ повторяли постановленія устава Ярослава; напр. уст. Смоленскаго князя Ростислава 1150 г., въ числѣ дѣлъ, подлежащихъ епископскому суду, упоминаетъ двоеженство.

Въ московскомъ государствѣ (преимущественно на окраинахъ его) частые случаи двоеженства въ несобств. смыслѣ происходили отъ неустойчивости формъ совершенія и расторженія брака. Во многихъ случаяхъ допускался, какъ увидимъ, бракъ невѣнчанный. Другое обстоятельство, ведшее къ тому-же, это—рабство. Уложеніе, говоря о двоеженствѣ холоповъ, озабочено только тѣмъ, кому должна принадлежать та и другая жена, именно если холопъ сбѣжитъ и женится въ бѣгахъ на другой у другаго боярина, то, если жива его первая жена у прежняго господина, то холопъ возвращается безъ новой второй жены; если же первая жена умерла, то холопъ возвращается съ новою его женою (XX, 84).

Въ XVIII в. относительно двоеженства были разрѣшаемы слѣд. вопросы. *Какой бракъ расторгается при двоеженствѣ?* По правилу основному, при двоеженствѣ первый бракъ признается дѣйствительнымъ, а 2-ой незаконнымъ. Но въ 1723 г. синодъ подвергъ разсмотрѣнію тотъ случай, когда одинъ супругъ произвольно оставляетъ другаго и вступаетъ въ новый бракъ; по рѣшенію синода, въ такомъ случаѣ надо войти въ разсмотрѣніе того, не былъ-ли оставленный супругъ самъ виноватъ въ бѣгствѣ другаго; если такъ, то предписывается первый бракъ развести, а второй оставить въ силѣ. Затѣмъ въ 1741 г. (П. С. З. № 8450) разсмотрѣнъ вопросъ: можетъ-ли человѣкъ вступить въ новый бракъ, если онъ завѣдомо имѣетъ живую жену, но въ другомъ государствѣ (рѣчь идетъ о военноплѣнныхъ). Еще въ московскомъ государствѣ митрополитъ разрѣшилъ князю Бѣльскому вступить въ Москвѣ въ новый бракъ, не смотря на то, что въ Литвѣ осталась у него жена, мотивируя тѣмъ, что гдѣ нѣтъ сожительства, тамъ и брака быть не можетъ. Теперь (1741 г.) сенатъ рѣшилъ въ противоположномъ смыслѣ. Впрочемъ здѣсь основная цѣль была сторонняя, чтобы предупредить насильственное закрѣпощеніе военноплѣнныхъ.

Вопросъ о судьбѣ супруговъ при возстановленіи перваго брака. Случаи двоеженства во множествѣ продолжались и въ XVIII в.: еще въ 1767 г. (П. С. З. № 12935) синодъ свидѣтельствовалъ въ своемъ указѣ, что изъ дѣлъ усмотрѣно, что въ епархіяхъ обыватели многіе отъ живыхъ женъ, а жены отъ живыхъ мужей въ бракъ вступаютъ". Обстоятельства, препятствовавшія утвержденію единоженства, были все тѣ-же—именно крѣпостное право. Возстановляя 1-е браки, законодатель каждый разъ былъ озабоченъ судьбою супруговъ при этомъ. Приведемъ примѣры: отставной поручикъ

Мих. Апухтинъ, женясь на крѣпостной своей дѣвкѣ. Татьянѣ Даниловнѣ, потомъ, не хотя съ нею жить, выдалъ ее въ замужество за Елецкаго купеческаго кузнеца Ивана Маркина. Дѣло это рѣшаемо было нѣсколько разъ, именно въ 1-й разъ въ 1766 г. синодъ согласно съ каноническими постановленіями рѣшилъ бракъ Татьяны съ кузнецомъ расторгнуть, позволивъ кузнецу жениться (предполагается, что кузнецъ не зналъ о 1-мъ бракѣ); Татьяну признать законною женою Апухтина; а для того, чтобы онъ принялъ ее какъ дѣйствительную жену, увѣщевать его и въ случаѣ неудачи увѣщаній, заключить въ монастырь на покаяніе, пока не покается, а между тѣмъ на содержаніе Татьяны, какъ законной его жены, выдавать изъ имѣнія Апухтина. Но когда во второй разъ въ 1770 г. дѣло дошло до синода, то синодъ уже нашелъ вину и въ самой Татьянѣ, именно ту, что она при второмъ бракѣ не объявила о немъ, потому рѣшено быть имъ обоимъ (т. е. и Апухтину) безбрачнымъ, т. е. можно-бы подумать, что и первый бракъ, подобно второму расторгнуть, оба они подвергнуты наказанію архіерейскому за прелюбодѣяніе. Но здѣсь слѣдуетъ видѣть первый и единственный случай установленія у насъ separation du corps, какъ видно изъ нижеслѣдующаго. Въ 1774 г. то же дѣло вновь явилось уже въ сенатѣ: именно Татьяна просила выдать ей и сыну ея отъ Апухтина на пропитаніе изъ имущества 1-го ея мужа указную часть, а равно отдать ей отца ея съ братьями ея, остающимися у Апухтина въ крестьянствѣ. Сенатъ нашелъ, что просьба ея заслуживаетъ вниманія, такъ какъ Апухтинъ отъ сожительства съ нею отрицается, „да и она Татьяна нынѣ къ тому съ нимъ сожитію объявляетъ уже свою опасность“. Однако сенатъ затруднился удовлетворить ея просьбѣ, потому что указной части при живомъ мужѣ выдавать не велѣно; но въ свою очередь сенатъ призналъ ее законною женою Апухтина, а потому повергъ на Высочайшее усмотрѣніе—не уважить-ли исключительныя обстоятельства жалобщицы и не выдать-ли ей 4-ю часть изъ имѣнія мужа. Императрица согласилась (П. С. З. № 14160). Отсюда можно бы вывести слѣд. положенія: при двоеженствѣ 2-й бракъ расторгается; 1-й бракъ, хотя и возстановляется, но супруги разлучаются и жена получаетъ вдовій выдѣлъ изъ имущества мужа.—Но эти начала и въ XVIII в. нельзя считать постоянно дѣйствующими. Въ 1784 г. былъ другой, болѣе простой случай двоеженства; именно Осипъ Ганнибалъ (предокъ Пушкина), будучи женатъ на Маріѣ Пушкиной, женился во 2-й разъ на Устиньѣ Толстой. Дѣло рѣшено верховною властію (указъ данъ сенату, а не синоду) и рѣшено вполнѣ въ духѣ каноновъ: первый бракъ удержанъ въ силѣ, второй—расторгнутъ; Ганнибалъ въ наказаніе посланъ („для покаянія“) на корабляхъ на цѣлую компанію въ Сѣверное море, „дабы онъ службою своею прегрѣшенія свои наградить могъ“. Въ просьбѣ Пушкиной о назначеніи ей указной части отказано; но самъ Ганнибалъ назначилъ часть имѣнія на воспитаніе дочери, рожден-

ной имъ отъ Пушкиной это имѣніе велѣно отдать въ опеку для означенной цѣли.—Очевидно законодательство, признавая 1-й бракъ за расторженнымъ 2-го, каждый разъ затруднено было вопросомъ, какъ урегулировать возстановленный бракъ, зная что ни мужъ, ни жена не вступятъ опять охотно въ сожительство, которое было уже расторгнуто ими, и когда одинъ изъ нихъ имѣетъ уже другаго супруга, конечно, болѣе любимаго.

Вопросъ о судьбѣ дѣтей, рожденныхъ отъ втораго брака. Затѣмъ рождается вопросъ: какова судьба дѣтей при двоеженствѣ или двоемужіи, особенно если одинъ изъ супруговъ былъ признанъ невиновнымъ (вовлеченъ въ бракъ невѣдѣніемъ о прежнемъ бракѣ другаго)? Въ 1788 г. изъ сената поступилъ на высочайшее разсмотрѣніе такой казусъ опять Апухтинъ, будучи женатъ на крѣпостной своей дѣвкѣ, женился при живой женѣ на Маріѣ Бахтеяровой. Бахтеярова вступила въ супружество, не знавъ, что онъ женатъ и полагалась на его увѣреніе, что онъ холостъ. Бракъ этотъ былъ расторгнутъ; но дѣло шло о судьбѣ дѣтей, прижитыхъ отъ Бахтеяровой. Императрица рѣшила. „рожденныхъ отъ нея въ томъ бракѣ, дѣтей допустить къ наслѣдству, званію и достоинству наравнѣ съ прочими его Апухтина дѣтьми, тѣмъ паче что не предъявлено ни отъ кого и никакого опроверженія на то, чтобы они рождены были не въ томъ бракѣ и не отъ него Апухтина, и что вступленіе Апухтина во 2-й бракъ, будучи уже женатымъ на крѣпостной своей дѣвкѣ, не можетъ относиться къ виновности прижитымъ со второю его женою дѣтямъ, а виною состоитъ единственно онъ Апухтинъ, за что и долженствуетъ съ нимъ поступлено быть по законамъ“ (П. С. З. № 16627).

Отъ этого мудраго и человѣколюбиваго начала послѣдующее законодательство уклонилось вполнѣ. Не только было признано, какъ и признается нынѣ, что дѣти, рожденныя во 2-мъ бракѣ при существованіи перваго, суть незаконнорожденныя и потому никакихъ правъ на имущество и состояніе своего отца предъявить не могутъ; но однажды было постановлено, что такія-же невыгодныя послѣдствія наступаютъ для нихъ и при предполагаемомъ двоеженствѣ.

Предполагаемое двоеженство или двоемужіе. Для предупрежденія двоемужія, въ 1812 г. было постановлено, что „солдатская вдова не прежде правомъ вдовства своего можетъ пользоваться, какъ по полученіи отъ инспекторской военной коллегіи экспедиціи паспорта, удостовѣряющаго о смерти мужа ея“, такъ какъ синодъ изъяснилъ, что „вторые браки безъ законнаго удостовѣренія о смерти первыхъ мужей суть противозаконны“. На этихъ основаніяхъ сенатъ въ 1812 г. постановилъ: „на семъ основаніи и съ прижитыми въ таковыхъ вторыхъ бракахъ дѣтьми надлежитъ поступать, какъ о не законнорожденныхъ отъ солдатскихъ женъ установлено“ (П. С. З. № 25140).

c) Условія, возникающія изъ послѣдовательности браковъ одного за другимъ. **Траурный годъ** установленъ византійскими кодексами для вдовъ изъ понятныхъ физіологическихъ причинъ (для различенія отца). Русскія узаконенія въ XVII в. распространили его и на вдовцовъ, конечно изъ чисто моральныхъ основаній.—Нынѣ постановленіе о траурномъ годѣ не удержалось въ нашемъ законодательствѣ.

Повтореніе брака. Бракъ одинмъ лицомъ можетъ быть повторяемъ, по прекращеніи предшествующихъ, лишь опредѣленное число разъ. Ученіе христіанской церкви въ этомъ отношеніи шло въ разрѣзъ съ древне-римскою практикою: церковь вовсе не одобряла повторенія брака. Свѣтское право Византіи въ христіанскую эпоху колебалось, воспрещая то 3-й бракъ, то 4-й и во всякомъ случаѣ съ повтореніемъ брака соединяя разныя невыгоды имущественныя. Церковь, уступая плотскимъ стремленіямъ, не расторгала повторительныхъ браковъ, но преслѣдовала ихъ эпитиміями. Когда христіанское ученіе принесено на Русь, то здѣсь языческое обычное право рѣшало неодинаково вопросъ для вдовца и вдовы. Конечно, для перваго бракъ могъ быть повторенъ неограниченное число разъ; но для вдовы не всегда, или лучше не для всѣхъ вдовъ; главная жена была сожигаема, въ чемъ выразилось, между прочимъ понятіе, что она можетъ быть женою только одного мужа—и здѣсь и на томъ свѣтѣ. Но прочія вдовы могли вступать въ повторительные браки, какъ показываетъ сватовство Ольги и примѣръ Владимира, женившагося на вдовѣ брата. Словомъ, и здѣсь для строгаго ученія церкви почва была весьма неблагопріятна. Однако это не помѣшало и у насъ церкви относиться съ такою-же строгостью къ данному порядку вещей: „на тотъ бракъ не ходи, иже двоеженецъ, или трижженецъ", предписывала церковная власть еще въ 1499 г. Въ слѣд. вѣкахъ церковь сдѣлалась нѣсколько уступчивѣе, хотя лишь 1-й бракъ получалъ вѣнчаніе, а 2-й и 3-й только благословлялся. Въ случаѣ брака первобрачнаго супруга съ второбрачнымъ, первый изъ нихъ вѣнчался, а второму клали вѣнецъ на плечо. Свидѣтельства Герберштейна и Майерберга подтверждаютъ тотъ взглядъ, что церковь лишь первый бракъ признавала таинствомъ, а два остальные она терпѣла, какъ зло, и признавала лишь гражданскія послѣдствія такихъ браковъ. Но жизнь противилась этому строгому ученію, допуская и 5, 6 и 7 й браки (примѣръ Ив. Грознаго), даже до 10, какъ показываетъ примѣръ Вятчанъ. А такъ какъ свѣтскій законъ не регулировалъ этихъ отношеній, то до Улож. царя Ал. Мих. четвертые браки признаваемы были за гражданскизаконные. Лишь съ Уложенія (XVII, 15) и указа 1651 г. 4-й бракъ лишенъ былъ юридической силы, вдова послѣ 4-го брака и ея дѣти не получали наслѣдства послѣ смерти мужа и отца (П. С. З. № 64. Уложеніе запрещаетъ жениться на 4-й женѣ, а указъ 1651 г.—выходить замужъ за 4-го мужа). Что именно со времени изданія Улож. нужно признать это пра-

вило дѣйствующимъ, доказывается указами 1670. 1676 (II, С. З. № 633) и 1677 г. (№ 700), по которымъ тѣ жены, съ которыми мужъ вступилъ въ 4-й бракъ до Улож., могутъ получить прожиточныя помѣстья, а дѣти ихъ— помѣстья и вотчины ихъ отца. Здѣсь не устанавливается какого-либо искусственнаго срока давности, это видно изъ того, что за такими женами и ихъ дѣтьми не только оставляются тѣ помѣстья и вотчины, которыя даны имъ до Улож., но и такія, которыя даны были послѣ воспрещенія 4-го брака въ Уложеніи. По ук. 1676 г. дѣти такихъ вдовъ пользуются правами наслѣдства и отъ боковыхъ родственниковъ своего отца.

По инструкціи стар. попов. патр. Адріана 1697 г., 4-й бракъ признается уже преступленіемъ, супруги разводятся по монастырямъ подъ начало и содержатся въ смиреніи до указу (II. С. З. № 1612).

Въ окраинахъ Россіи и въ частности въ Землѣ войска Донскаго такія постановленія исполнялись и въ XVIII в. не съ достаточною строгостью. Въ 1767 г. (II. С. З. № 12856) св. Тихонъ, еп. Воронеж. довелъ до свѣдѣнія синода о нѣсколькихъ четвертыхъ бракахъ у Донскихъ козаковъ, какъ мужьевъ такъ и женъ: изъ нихъ нѣкоторые въ 4-мъ бракѣ прожили уже 30 лѣтъ, другіе—19 л., и прижили дѣтей. „Да и впредь, прибавляетъ святитель, въ оном войскѣ Донскомъ уповательно таковыхъ-же беззаконныхъ браковъ оказаться можетъ не малое число". Синодъ предписалъ немедленно развесть всѣ такіе браки, назначить церковную епитимію и воспретить вступленіе въ новые браки тѣмъ изъ супруговъ, которые сами вступали въ 4-й бракъ или знали, что вступаютъ въ бракъ съ лицомъ, бывшимъ уже въ бракѣ 3 раза; прочимъ, вступившимъ въ бракъ по невѣдѣнію о четверобрачности другаго супруга, позволить, по разводѣ, вступить въ новые браки. О судьбѣ дѣтей отъ такихъ браковъ ничего не сказано Въ 1814 г. (II. С. З. № 25545) предписано и католическому духовенству при вѣнчаніи смѣшаннымъ браковъ справляться о православномъ, въ какой бракъ онъ вступаетъ.

ж) **Отсутствіе извѣстныхъ степеней родства или свойства.** Исторію этого послѣдняго условія брака здѣсь излагать не будемъ, такъ какъ въ опредѣленіи его свѣтское законодательство не участвовало. Замѣтимъ только, что и въ этой части брачнаго права исторія идетъ тѣмъ-же путемъ отъ безусловной строгости требованій церкви (запрещенія брака до 8-й ст.) къ постепенному пониженію требованій (до 4-й ст. и даже ниже). Смягченіе это въ особенности становится замѣтнымъ по отношенію къ родству духовному.

Формы совершенія брака.

Формы совершенія брака зависятъ отъ различія понятій о самомъ бракѣ; по римскому и византійскому праву бракъ есть договоръ. Такимъ понятіемъ римское право отличило его отъ простаго физическаго сожитія. Поэтому формы его совершенія по визант. источникамъ (прохирону и эклогѣ)

ничѣмъ не отличаются отъ формъ совершенія прочихъ гражданскихъ сдѣлокъ. Бракъ можетъ быть совершаемъ или *письменно*, или *символически*; но символы языческаго брака (coemptio confarreatio) уже отброшены въ христіанскую эпоху визант. права, остался только одинъ—*приведеніе* жены въ домъ мужа—моментъ существенный и неизбѣжный. Что касается до письменной формы совершенія, то чрезъ нее бракъ можетъ быть совершенъ заочно и чрезъ адвоката. Византійскіе кодексы, заключенные въ нашу кормчую, ничего не упоминаютъ о церковномъ вѣнчаніи. Но императ. эдиктъ Льва Философа узаконилъ вѣнчаніе.

Церковь и въ этомъ расходилась съ свѣтскимъ правомъ Византіи, признавая бракъ не договоромъ, а таинствомъ и единственною формою совершенія его *церковное вѣнчаніе*. Впрочемъ можно сомнѣваться, было-ли это требованіе такъ настойчиво проводимо церковію съ самаго начала (въ Византіи и у насъ), какъ впослѣдствіи.

У насъ правила м. Іоанна въ XII в. засвидѣтельствовали, что въ то время, т. е. два вѣка спустя послѣ принятія христіанства, „не бывало на простыхъ людяхъ благословеннаго вѣнчанія, но бояре только и князья вѣнчались“. Какъ-же совершался бракъ у простолюдиновъ? „Простымъ-же людемъ яко именемъ и плескащемъ...“; въ этихъ неясныхъ словахъ памятникъ указываетъ, что браки у простыхъ людей продолжали совершаться при помощи языческихъ обрядовыхъ формъ. Церковь вооружалась именно противъ такихъ языческихъ формъ брака. Митр. Максимъ (1283—1305) писалъ въ своемъ поученіи слѣд.: „да держатся жены отъ св. соборныя и апостольскія церкви, зане жена спасенія ради человѣческаго бысть. Аще же ихъ держите въ блудѣ—безъ благословенія церковнаго, то что ти въ помощь есть? Но и молися и пуди ихъ, аще и стари суть, да вѣнчаются въ церкви“.

Строгія поученія духовенства противъ невѣнчанныхъ браковъ доказываютъ, что въ обычномъ правѣ такіе браки были въ употребленіи не только въ XII и XIII в., но и въ XV и XVI. Именно это находимъ у новгородцевъ, судя по посланію м. Фотія 1410 г. (А. Э. I, 461): „а которыи не по закону живетъ съ женою, безъ благословенія поповска попялися, тѣмъ эпитемія 3 лѣта, какъ блуднику, да паки съвокупити ихъ“. Отсюда видно, что это не было наложничество, а бракъ. Тотъ-же митрополитъ въ общемъ поученіи (Д. А. И. I, 329) опять возвращается къ этому вопросу, изъ чего слѣдуетъ, что такіе браки совершались не въ одномъ В. Новгородѣ. О томъ-же у Вятчанъ свидѣтельствуетъ посланіе къ нимъ м. Іоны, ок. 1456 г. (А. И. I, 498): „многіе христіане у васъ съ женами незаконно въ невѣнчаніи живутъ“. То же о Вотской пятинѣ говоритъ грамота Макарія 1534 г. (Д. А. И. I, 29): „а которые живутъ съ дѣвками и съ женками

по любви снявся, и тѣ бъ отроки съ дѣвицами вѣнчалися. и вдовцы бы со вдовами молитвы имали у васъ, у отцовъ своихъ духовныхъ"

Во всякомъ случаѣ въ Московскомъ государствѣ церковь успѣла наконецъ провести въ жизнь свое ученіе о сущности брака, какъ таинствѣ, и о единственно законной формѣ его совершенія—вѣнчаніи, дѣлая лишь разнообразіе въ этой формѣ для повторительныхъ браковъ, какъ мы видѣли выше: въ послѣднемъ случаѣ вѣнчаніе замѣнялось простымъ благословеніемъ.

Самое совершеніе брака было обставлено въ Московскомъ государствѣ болѣе сложными формами, чѣмъ нынѣ. Власть разрѣшавшая бракъ была тогда власть епархіальнаго архіерея, а не мѣстнаго священника; послѣдній производилъ лишь самый обрядъ и приводилъ въ исполненіе рѣшеніе архіерея. Отъ этого послѣдняго къ первому даваема была т. н. *вѣнечная память*. Вѣнечныя памяти, или „знаменныя грамоты" не были установлены въ греческой церкви, а утвердились обычаемъ въ Россіи; стоглавый соборъ разсуждалъ о нихъ такъ: „о знаменныхъ грамотахъ... въ божественномъ писаніи и въ священныхъ правилѣхъ, ниже въ царскихъ законахъ... не обрѣтохомъ; то гокмо писаніе глаголетъ, земски обычай—неписанный законъ" (Стогл. гл. 46). Получивъ вѣнечную память священникъ долженъ совершить еще нѣсколько дѣйствій чисто юридич. (скажемъ—нотаріальнаго) характера; онъ долженъ сдѣлать извѣстнымъ предполагаемый бракъ своей приходской общинѣ черезъ троекратное *оглашеніе* въ церкви (которое повторяется, если бракъ не былъ совершенъ по прошествіи двухъ мѣсяцевъ) и затѣмъ произвести *обыскъ*, т. е. опросъ брачущихся и свидѣтелей о неимѣніи законныхъ препятствій къ совершенію брака (ст. Ак. Юрид. № 403).

Всѣ эти формы введены въ русской церкви; въ византійскихъ источникахъ о нихъ не упоминается Поэтому естественно ожидать, что онѣ могутъ быть смягчены и дѣйствительно упрощались въ XVIII в. Именно по личному указу имп. Екатерины II въ 1765 г. (П. С. З. № 12433) отмѣненъ сборъ денегъ за вѣнечную память; но затѣмъ синодъ не нашелъ уже резоновъ для самого существованія вѣнечныхъ памятей и отмѣнилъ ихъ; совершеніе брака вполнѣ предоставлено приходскимъ священникамъ. Что касается до основнаго требованія, именно, чтобы бракъ былъ совершаемъ посредствомъ церковнаго вѣнчанія, то оно не только остается въ силѣ, но получаетъ новое подтвержденіе въ XVIII в. Напр. тогда до свѣдѣнія синода дошло, что въ Малороссіи вѣнчаніе и свадьба не совпадаютъ, что первое предваряетъ послѣднее, а затѣмъ повѣнчанные не считаются еще мужемъ и женою; послѣдняя возвращается въ домъ родителей впредь до свадьбы. Въ ук. 1744 г. окт. 18 (№ 9052) читаемъ: „по отправленіи церковномъ брачнаго таинства тогожъ времени разлучився по нѣскольку лѣтъ до называемаго по ихъ обычаю брачнаго веселія, живутъ въ разныхъ домахъ; а нѣкіи изъ нихъ послѣ онаго таинства, къ вѣчному между собою разлученію

поступаютъ". Синодъ осуждаетъ этотъ обычай, который косвенно истекаетъ изъ непризнанія вѣнчанія опредѣляющимъ моментомъ въ бракѣ

Далѣе въ XVIII в. точнѣе опредѣлено правило, что обрядъ вѣнчанія совершается *при личномъ присутствіи брачущихся*. Изъ этого правила сдѣлано въ 1796 г. (П. С. З. № 17505) изъятіе въ пользу особъ Имп. Дома при женитьбахъ ихъ на иностранныхъ принцессахъ и обратно; синодъ сослался на извѣстное уже намъ постановленіе византійскихъ свѣтскихъ законовъ о томъ, что „мужъ въ отсутствіи отъ дому своего можетъ ходатаемъ или посланіемъ писанія, сирѣчь грамотами бракъ сотворити и жену въ домъ свой привести" (Прох. гр. 4, ст. 5). При этомъ требуется только, чтобы въ брачныхъ контрактахъ была обозначена довѣренность брачущихся лицъ присутствовать вмѣсто нихъ при обрядахъ обрученія и бракосочетанія заочно, „потому что, прибавляетъ синодъ, обрученіе и бракосочетаніе, по разуму благочестивой христіанской вѣры, имѣетъ все свое основаніе на взаимномъ сочетавающихся согласіи".

Точнѣе опредѣлено также, что *браки могутъ быть совершаемы только въ церкви* (ук. 1853 г., 2-ое П. С. З. № 27286), за исключеніемъ случаевъ прямой невозможности. Это есть подтвержденіе указа, даннаго еще въ 1769 г. (П. С. З. № 13334), „чтобы священники, мимо церкви, въ часовняхъ никого не вѣнчали; а если-же гдѣ по весьма дальнимъ разстояніямъ церквей, оказалась въ томъ необходимая нужда, оное оставляется на собственное разсмотрѣніе тѣхъ епархій преосвящ. архіереевъ". Тогда-же (1775 г.) уяснено правило, что браки могутъ быть совершаемы только въ своей приходской церкви (П. С. З. № 14356).

Но въ то же время явились обстоятельства, принуждающія къ отступленію отъ основнаго правила о совершеніи брака, т. е. требованія церковнаго вѣнчанія. Явились *смѣшанные браки* лицъ православныхъ съ лицами другихъ христіанскихъ исповѣданій; этого обстоятельства не было въ древней Руси, ибо и браки такіе допускаемы не были. Смѣшанные браки въ 1-й разъ допущены при Петрѣ: въ 1721 г. отъ синода издано особое о томъ „разсужденіе", основанное на св. писаніи, именно, что „сіе православной церкви противности не заключаетъ"; тамъ приведены и примѣры изъ исторіи греческой и славянской, а въ частности примѣры браковъ дочерей русскихъ великихъ князей (что дѣйствительно и бывало часто въ земскую эпоху, когда разладъ между церквами восточною и западною не былъ еще такъ силенъ, но не въ Москвѣ). Однако это обстоятельство не заставило еще отступить отъ требованія церковнаго вѣнчанія; ибо лица другихъ—признанныхъ христіанскихъ исповѣданій, допущены были и въ церковь для совершенія вѣнчанія по обрядамъ православныхъ. Но вотъ въ XVII вѣкѣ возникъ *расколъ;* исповѣданіе раскольниковъ не признано государствомъ: браки ихъ между собою не были признаваемы; поэтому и

требованіе вѣнчанія при такихъ бракахъ не имѣло уже мѣста. Но такъ какъ въ расколъ перешла огромная масса гражданъ, то государство не могло нерегулировать ихъ брачнаго права въ виду большаго значенія брака для многихъ юридическихъ отношеній (преим. правъ наслѣдованія). При Петрѣ, во время наибольшаго разгара расколоученія, вопросъ этотъ былъ самымъ настоятельнымъ. Но какъ относился къ нему Петръ, объ этомъ существуетъ разногласіе въ нашей литературѣ (Вельяминовъ-Зерновъ и Неволинъ). Дѣло въ томъ, что въ 1719 г. Петръ велѣлъ брать съ раскольниковъ, женящихся тайно не у церквей, безъ вѣнечныхъ памятей, по три рубля съ человѣка, съ богатыхъ и больше (П. С. З. № 3340). На этомъ основаніи современники Петра думали, какъ можно думать и нынѣ, что браки между раскольниками, не освященные церковію, утверждались государствомъ со взятіемъ извѣстныхъ пошлинъ. Такое толкованіе, повидимому, правильное. Не даромъ-же между современниками Петра укоренилось мнѣніе, что Петръ и его сподвижникъ Ѳеофанъ лишили бракъ значенія таинства. Однако при томъ-же Петрѣ въ 1722 г. (П. С. З. № 4052) конференція сената и синода постановила, что раскольники не могутъ вѣнчаться у своихъ священниковъ, ясно не придавая такимъ бракамъ и государственно-юридическаго значенія. Такое состояніе дѣлъ продолжалось въ XVIII и въ текущемъ столѣтіи до нашихъ дней. Ясно, что изъ коллизіи двухъ обстоятельствъ: непризнанія за раскольниками свободы вѣроисповѣданія и необходимости регулировать гражданскія послѣдствія брака, былъ единственный выходъ: дозволить имъ совершеніе брака гражданскимъ порядкомъ передъ свѣтскою властію, что, наконецъ, и было разрѣшено имъ указомъ 19 апр. 1874 г.

Другая форма допущенія совершенія законнаго брака, но безъ церковнаго вѣнчанія въ нашемъ законодательствѣ относится къ лицамъ не христіанскаго вѣроисповѣданія. Правда, совершеніе брака у евреевъ, магометанъ и буддистовъ предоставлено ихъ духовнымъ лицамъ—раввинатъ, мулламъ и ламамъ; но гражданскія послѣдствія брака разсматриваются свѣтскимъ судомъ. Еще болѣе: когда изъ двухъ супруговъ-нехристіанъ одинъ принимаетъ православную христіанскую вѣру, то бракъ удерживается въ своей силѣ; тогда церковнаго вѣнчанія, очевидно, совершить нельзя (св. зак. X, 79). Еще въ 1729 г. (П. С. З. № 5400) былъ данъ синодскій указъ: „которые калмыки супружество имѣли до воспріятія св. крещенія, и нынѣ какъ мужи, такъ и жены ихъ крещеніе приняли, тѣмъ бракосочетаваемаго вѣнчанія не чинить, но велѣть имъ жить въ томъ супружествѣ невозбранно“. Здѣсь, повидимому, рѣчь идетъ объ обоихъ супругахъ, обращающихся одновременно въ христіанство. Но въ 1825 г., по поводу вопроса объ обращающихся изъ еврейства, синодъ именно постановилъ, что если одинъ изъ супруговъ остается необращеннымъ, то бракъ не растор-

гается. Для магометанъ существуетъ лишь то ограниченіе, что мужъ иновѣрный долженъ отказаться отъ многоженства и жить съ одною женою—христіанкою.

Прекращеніе и расторженіе брака.

Браки, совершенные съ нарушеніемъ главныхъ, приведенныхъ выше, условій, какъ акты незаконные, не суть браки. Уничтоженіе такихъ союзовъ не можетъ быть названо ни прекращеніемъ, ни расторженіемъ брака. Разводъ такихъ союзовъ тѣмъ въ особенности отличается отъ расторженія брака, что въ послѣднемъ случаѣ всѣ послѣдствія, возникшія при существованіи брака, остаются въ силѣ (напр. дѣти признаются законными); между тѣмъ въ первомъ случаѣ никакихъ законныхъ послѣдствій такой союзъ дать не можетъ. Здѣсь будетъ идти рѣчь лишь о прекращеніи и расторженіи дѣйствительнаго брачнаго союза.

По ученію церкви бракъ прекращается только физическою смертію (и то не вполнѣ, ибо только этимъ можно объяснить сопротивленіе церкви допустить повтореніе брака); расторгается же бракъ единственно вслѣдствіе прелюбодѣянія. Византійское свѣтское право (Юстин. и Прохиронъ), регулируя прежнюю безусловную свободу развода, какая была допускаема древнеримскимъ правомъ, распространили причины расторженія брака, допускаемыя церковію. Причинами расторженія брака были признаны тогда слѣд. обстоятельства: 1) обстоятельства стороннія, но препятствующія осуществленію цѣли брака: а) безвѣстное отсутствіе супруга; именно для находящихся въ плѣну была назначена 3-хъ лѣтняя давность; для прочихъ случаевъ отсутствіе не служитъ причиною прекращенія брака, жена не получая извѣстій отъ отсутствующаго мужа и даже услышавши, что онъ умеръ, должна идти на мѣсто предполагаемой смерти его и удостовѣриться въ ней письменнымъ свидѣтельствомъ. б) Неспособность мужа къ супружескому сожитію (если до брака она не была извѣстна). в) Болѣзнь, въ частности—проказа (заразительная болѣзнь). 2) Обстоятельства, зависящія отъ воли супруговъ, какъ непреступныя (поступленіе въ монашество, даже одного изъ супруговъ), такъ въ особенности преступленія, а именно: а) Прелюбодѣяніе, доказанное судебнымъ порядкомъ, но съ различными опредѣленіями для мужа и жены (прелюбодѣяніе мужа тогда только признается причиною развода, когда оно ведетъ къ разрушенію семейной жизни, т. е. когда оно совершено въ домѣ или когда мужъ заводитъ другую постоянную семью на сторонѣ). б) Дѣйствія жены, указывающія на возможность прелюбодѣянія: если она пьетъ съ посторонними мужчинами, или моется съ ними въ банѣ; если проведетъ ночь (безъ вѣдома мужа) внѣ дома, кромѣ дома своихъ родителей; если она присутствуетъ на конскихъ ристалищахъ, въ спектакляхъ и на охотѣ. в) Другія преступленія, совершаемыя однимъ супругомъ по

отношенію къ другому, какъ то: покушеніе на жизнь, посягательство на цѣломудріе жены, ложное обвиненіе въ судѣ мужемъ жены своей въ прелюбодѣяніи. г) Общія преступленія, не имѣющія связи съ семейнымъ правомъ: необъявленіе другому супругу о заговорѣ противъ государя. Изъ этого видно, что причины расторженія брака, основанныя на преступленіяхъ и порокахъ, не одинаково оцѣниваются по отношенію къ мужу и женѣ. Та же разница къ невыгодѣ жены замѣчается и въ послѣдствіяхъ развода: мужъ во всякомъ случаѣ могъ вступить въ бракъ, жена же, признанная виновною, заключалась въ монастырь, откуда въ теченіи первыхъ двухъ лѣтъ могла быть извлечена волею мужа, въ противномъ случаѣ—оставалась тамъ навсегда.

По ученію древне-русскаго права, *прекращеніе брака* обусловливалось только **физическою смертію.** Въ языческую эпоху господствовало понятіе, что бракъ (съ одною женою) простирается и за предѣлы гроба; на это указываетъ сожженіе вдовы у руссовъ при смерти мужа, такъ подробно описанное арабскими историками. Между прочимъ Массуди разсказываетъ: „если умираетъ мужъ, то сжигаютъ вмѣстѣ съ нимъ и его жену живою; но если жена умираетъ, то мужа не сожигаютъ. Если умершій былъ холостъ, то его женятъ послѣ смерти, и женщины стремятся сами быть сожженными, чтобы войти въ рай“ (сл. Котляревскаго: „О погребальныхъ обычаяхъ“).

Смерть политическая (лишеніе всѣхъ правъ состоянія, потокъ и разграбленіе), а равно и отдача въ рабство не прекращали брака. На потокъ выдавали именно съ женою и съ дѣтьми (см. Рус. Пр. Кар. 5). Согласно съ установившимся воззрѣніемъ на смерть политическую, и въ новой исторіи (послѣ Петра), хотя установился новый взглядъ на дѣло, уцѣлѣли остатки прежняго. Именно Петръ въ 1720 г. (П. С. З. № 3628) позволилъ женамъ сосланныхъ въ вѣчную каторжную работу или выходить замужъ за другихъ, или поступать въ монашество, или оставаться внѣ брачнаго союза. Но здѣсь не указано, должна-ли въ такомъ случаѣ жена испрашивать на то особое разрѣшеніе отъ духовной власти; т. е. иначе неизвѣстно, признана ли здѣсь ссылка за обстоятельство, прекращающее бракъ, или за причину расторженія брака. Но потомъ въ указахъ, издаваемыхъ на основаніи предыдущаго, законодатель усвоилъ опредѣленный взглядъ на это, именно, что вѣчная ссылка ведетъ лишь къ дозволенію подать просьбу оставшемуся супругу о вступленіи въ новый бракъ, и что такое разрѣшеніе даетъ синодъ (ук. 1753), который впрочемъ въ 1767 г. делегировалъ это право епархіальнымъ архіереямъ (П. С. З. №№ 10086, 10101, 12934). Уже въ XIX вѣкѣ это право женъ распространено и на мужей (1804 г. П. С. З. № 21276). Но какая именно ссылка ведетъ къ расторженію брака, или что называется вѣчною ссылкою, оставалось неуясненнымъ до 1808 г., когда по особому запросу синода было разъяснено, что подъ этимъ разумѣется всякая ссылка

на поселеніе. При этомъ, очевидно, имѣлось въ виду болѣе то обстоятельство, что супругъ, помимо воли своей, долженъ уйти на далекое разстояніе отъ мѣстожительства другаго супруга, болѣе, говоримъ, чѣмъ лишеніе правъ состоянія, соединяемое съ ссылкою. Этимъ объясняется, почему весьма поздно, именно въ 1843 г., то же правило распространено на женъ преступниковъ, заключенныхъ въ арестантскія роты. То же еще болѣе открывается изъ того обстоятельства, что въ случаѣ желанія другаго супруга слѣдовать за осужденнымъ на мѣсто ссылки это ему позволяется (1818 г. № 27231) и бракъ въ такомъ случаѣ остается въ своей силѣ, чего, конечно, не могло-бы быть, если-бы опредѣляющимъ моментомъ прекращенія брака было лишеніе правъ (смерть гражданская). Это въ высшей степени утѣшительная черта непослѣдовательности закона, который, хотя и лишаетъ человѣка всѣхъ правъ, но не рѣшается лишить его самаго драгоцѣннаго изъ нихъ. Даже если оба супруга одновременно лишены правъ, бракъ между ними остается въ силѣ.

Поступленіе въ монашество одного супруга было въ древней Руси законною причиною для расторженія брака: „обычай же есть, говоритъ указъ 1772 г., что мужъ съ женою согласіе творятъ, чтобы мужъ въ монаха постригся, а жена-бы свободна была пойти за иного. Сей разводъ простымъ кажется быти правильный...“ (П. С. З. № 4022). Онъ и дѣйствительно правильный съ точки зрѣнія свѣтскаго византійскаго права. До насъ дошли и образцы такихъ условій между супругами изъ древне-русскаго быта. Однако это обстоятельство обратилось къ невыгодѣ слабѣйшей стороны и прикрывало собою односторонее расторженіе брака по другимъ цѣлямъ. По сказанію Котошихина, „мужъ найдя жену несовѣтливою или увѣчною, или самъ постригается, или умышляетъ надъ нею учинить, чтобы она постриглась: бьетъ и мучитъ всячески и вмѣстѣ съ нею не спитъ...“ По свидѣтельству приведеннаго выше указа, супругъ, получившій разводъ отъ другаго, пожелавшаго поступить въ монастырь, получалъ (или выговаривалъ себѣ) право на вступленіе во 2-й бракъ. Но закономъ, впрочемъ довольно позднимъ (ук. патр. Іоакима 1681 г.) это было прямо запрещено: „буде жена отъ мужа пострижется, и мужу ее иные жены не поимать; также и женамъ по постриженіи мужей своихъ не пти замужъ“. Какъ смотрѣла правительственная (церковная) власть на это раньше, сказать трудно; показанія памятниковъ неясны (см. примѣры рѣшеній патріарха 1642 г. по дѣлу Путилова и Иванова въ Рус. Ист. Библ. Т. II).

Петровское законодательство обратило особенное вниманіе на эту причину расторженія брака, преслѣдуя съ большою энергіею вообще поступленіе въ монашество людей здоровыхъ и молодыхъ. Именно тогда было установлено, что а) самовольныя условія о разводѣ для поступленія въ монашество не дозволяются, б) запрещено поступленіе въ монастырь одного

супруга (позволяется вступленіе въ монастырь одновременно обоимъ): в) это позволеніе обусловливается достиженіемъ извѣстнаго возраста (по прибавленію къ Дух. Регл. рѣчь идетъ только о женѣ, которая должна имѣть не менѣе 50—60 л.) и г) положеніемъ дѣтей при малолѣтствѣ и необезпеченности дѣтей вступленіе въ монастырь не позволяется, если даже всѣ вышеуказанныя условія есть на лицо.

Отсутствіе одного супруга *изъ мѣстожительства другаго*—опредѣляется въ нашемъ правѣ иначе чѣмъ въ византійскомъ. 1) Обстоятельство это примѣняется одинаково какъ къ мужу, такъ и къ женѣ; 2) имѣется въ виду не одно безвѣстное отсутствіе, но и всякое, при которомъ является невозможнымъ брачное сожительство (примѣромъ можетъ служить упомянутый выше разводъ Бѣльскаго, по разсказу Герберштейна). Однако и эти постановленія о безвѣстномъ отсутствіи далеко не были руководящими для практики, какъ показываютъ акты того времени. Изъ нихъ слѣдуетъ что хотя супруги не получали развода по отсутствію, но тѣмъ не менѣе оставшійся супругъ свободно заключалъ бракъ съ третьимъ лицомъ, что возвратившійся прежній супругъ въ какое-бы то ни было время могъ предъявить свои права на жену, и что наконецъ именно тогда наступалъ разводъ бол. част. перваго брака, но могло быть, что и втораго. Съ Петра В. въ законѣ формулировано именно безвѣстное отсутствіе, какъ причина расторженія брака (см. ук. 1722 г. № 3963 и ук. 1723 № 4190). Окончательно установлено нынѣ дѣйств. право въ 1810 г. (П. С. З. № 24360). Срокъ отсутствія—общій 5-лѣтній и особенный—10-лѣт. для попавшихъ въ плѣнъ.

Изъ препятствій осуществленію цѣли брака при совмѣстномъ жительствѣ обоихъ супруговъ, русское обычное право знаетъ то, которое было въ виду и у византійскихъ законодателей, т. е. **неспособность мужа къ супружеской жизни**. Но въ русскомъ правѣ и въ этомъ отношеніи не были усвоены ограничительныя условія визант. закона, разводъ и по этой причинѣ требовалъ взаимнаго согласія супруговъ. Бракъ расторгался только тогда, когда самъ неспособный подалъ о томъ заявленіе.

Но кромѣ этого обстоятельства, признаваемаго и нынѣ дѣйствующимъ правомъ, русское обычное право прежнихъ временъ знало другое обстоятельство, равносильное предшествующему, но приписываемое женѣ, именно—*безплодіе* извѣстенъ случай съ в. кн. Вас. Ивановичемъ и его супругою Соломоніею (1525 г. по Герберштейну. Впрочемъ въ этомъ случаѣ наступилъ собственно не разводъ по безплодію, а насильственное поступленіе жены въ монашество, которое уже и привело къ разводу). Это обстоятельство въ новомъ правѣ отнюдь не считается причиною расторженія.

Проказа визант. права у насъ истолкована какъ **болѣзнь** въ обширномъ смыслѣ слова, такъ какъ это обстоятельство состоитъ въ связи съ предыдущимъ. Убѣжденіе, что долговременная и неизлѣчимая болѣзнь есть доста-

точная причина для развода, замѣтно въ обычномъ правѣ съ древнѣйшихъ временъ. Такъ въ уст. Яр. читаемъ: „аже женѣ лихій недугъ болитъ, или слѣпота, или долгая болѣзнь, про то ее не пустити; такоже и женѣ нельзѣ пустити мужа“. Если церк. право воспрещало это, значитъ жизнь подавала къ тому поводы. Примѣръ в. кн. Семена Ивановича (1350 г.) указываетъ, что даже мнимыя болѣзни приводили къ разводу съ правомъ для обоихъ супруговъ вступать въ новые браки. Что такой взглядъ удержался до самаго XVIII в. доказываетъ синодскій указъ 1723 г. (П. С. З. № 4190), гдѣ между прочимъ въ п. 11 читаемъ: „разлучающихся мужа и жену отъ брачнаго союза за болѣзнями отнюдь безъ синодальнаго разсужденія не разводить и не постригать; токмо изслѣдовать о томъ обстоятельно и опасно, посвидѣтельствовавъ болѣзни докторами, присылать доношенія съ письменнымъ свидѣтельствомъ въ синодъ и ожидать синодской резолюціи“. Изъ этого постановленія очевидно, что за причину развода признаваема была всякая болѣзнь (продолжительная и неизлѣчимая), что и въ XVIII в. по этой причинѣ могъ быть данъ разводъ синодомъ, что наконецъ по общему порядку, болѣзнь вела къ постриженію, т. е. и эта причина сводилась къ поступленію въ монашество, хотя въ дѣйствительности болѣзнь, а не поступленіе въ монашество, здѣсь была причиною развода. Неволинъ замѣчаетъ, что это самая неосновательная причина, потому что помощь больному супругу есть одна изъ высочайшихъ обязанностей другаго. Но древнее право, очевидно, допускало эту причину не по волѣ здороваго, а по волѣ больнаго супруга, для котораго семейная жизнь могла быть только тягостію, а успокоеніе въ монастырѣ, служившемъ въ то время больницею, единственнымъ счастливымъ выходомъ. Въ одномъ изъ могилевскихъ актовъ развода для поступленія въ монашество, заявленіе о разводѣ дѣлается не здоровымъ мужемъ, а больною женою, а именно: что она „сдѣлавшись больною, не можетъ жить уже въ супружествѣ и служить мужу, а потому должна удалиться на покуту и хочетъ быть черницею“ (1609 г.). Такая причина несомнѣнно уважительнѣе требованій развода по нѣкоторымъ другимъ причинамъ. Выше приведенный фактъ насильственнаго удаленія мнимобольной жены в. кн. Семеномъ Ивановичемъ есть злоупотребленіе этимъ началомъ.

Нравственныя причины расторженія брака. Изъ нихъ византійское право знаетъ только одно—*прелюбодѣяніе*, такъ какъ всѣ другія порочныя дѣйствія жены, перечисленныя выше, сводятся къ предположенію о прелюбодѣяніи. Русское право отличается въ этомъ отношеніи отъ византійскаго двумя чертами: а) равенствомъ условій для мужа и жены при разводѣ по этой причинѣ. Правда, это достигнуто было не вдругъ. Нечего говорить о временахъ язычества, когда допускаемо было не только многоженство, но и наложничество. Однако, мы видѣли, что и въ христіанскую эпоху не скоро не-

чезло многоженство; наложничество же оставалось въ полной силѣ весьма долго. Въ XII в. вопрошание Кириково свидѣтельствуетъ о томъ весьма наивно, но нѣсколько загадочно: „рѣхъ ему. а аже владыко, се друзіи наложницы водять явѣ и дѣти родять, яко со своею, а друзи съ многыми отай рабами; которое луче?—Се не добро, рече, ни се, ни оно. Рѣхъ: владыко, аже пустити свободна? (вѣроятно: можетъ-ли жена по этой причинѣ расторгнуть бракъ?). Сдѣ, рече, обычаи нѣсть таковъ; а лѣпше много человѣка вьскупити, абы ся и другая потомъ казнила" (можетъ быть: лучше наказать денежнымъ штрафомъ, чтобы и другимъ то было неповадно). Т. е. здѣсь не позволяется расторгать бракъ по открытому прелюбодѣянію мужа. Въ концѣ концовъ, однако устанавливается равенство условій для мужа и жены по отношенію къ этой причинѣ развода. б) *Другое отличіе русскаго права касается послѣдствій расторженія брака по прелюбодѣянію: когда* установлено правило, что это обстоятельство ведетъ къ расторженію брака и при виновности мужа точно также, какъ и при виновности жены, то и запрещеніе новаго брака для виновнаго супруга стало простираться на обоихъ супруговъ. Замѣчательную черту въ этомъ отношеніи въ обычномъ правѣ составляетъ требованіе, чтобы расторженіе брака и по этой причинѣ основано было на взаимномъ согласіи обоихъ супруговъ: изъ актовъ до петровской Руси, видимъ, что если бракъ уже былъ расторгнутъ духовною властію по причинѣ прелюбодѣянія, то супруги иногда продолжали его или потомъ окончательно расторгали по взаимному соглашенію.

Кромѣ указанныхъ выше причинъ, которыя сами по себѣ ведутъ къ расторженію брака, древне-русское право допускало расторженіе по **несогласной жизни супруговъ**, не смотря на то, что оба супруга отличаются вѣрностью, здоровьемъ и проч. Бракъ имѣетъ цѣлію, по выраженію памятниковъ обычнаго права, „совѣтъ", т. е. единеніе идей и чувствъ. Само собою разумѣется, что несогласія супружеской жизни должны проявиться въ фактахъ, опредѣленныхъ дѣйствіяхъ одного или обоихъ супруговъ; самыя же дѣйствія могутъ быть вызваны или экономическою невозможностію поддержанія семейной жизни, или несогласіями между родственниками жены и мужемъ (напр. въ княжескихъ семействахъ, при войнѣ зятя съ тестемъ), или порочностію и даже преступленіями одного изъ супруговъ. Правда, въ актахъ попадаются случаи развода по соглашенію обоихъ супруговъ, ничѣмъ не мотивированные, кромѣ несогласія, „недоброй жизни", но здѣсь очевидно подразумѣваются объективныя фактическія проявленія несогласія (не простое „несходство характеровъ"). Объ этомъ свидѣтельствуетъ памятникъ XII в.: „ожели вельми зло будетъ, яко не мочи мужю держати жены, или жена мужу", если напр. жена найдетъ мужа задолжавшимъ и пьяницею, который начнетъ пропивать ея одежды, то разводъ допускается (слѣдуетъ думать, что здѣсь экономическое разстройство дѣлъ мужа предполагается уже

бывшимъ до брака и неизвѣстнымъ прежде женѣ; а затѣмъ по наступленіи брака оно становится причиною развода лишь тогда, когда является результатомъ порочности мужа). Въ актахъ есть случаи разводовъ, мотивированныхъ просто одною *бѣдностію;* но подъ этимъ, конечно, скрывается несогласіе—естественный результатъ мелкихъ счетовъ, возникающихъ отъ гнетущей нужды. Точно также разводъ по несогласію супружеской жизни мотивируется иногда преступными дѣйствіями одного супруга противъ другаго; напр.: жена подводитъ воровъ къ имуществу мужа; уст. Яр. говоритъ: „если жона ведетъ мужа покрасти клѣть или товаръ....“ Это лишь отчасти напоминаетъ ученіе визант. законовъ о такихъ преступленіяхъ одного супруга противъ другаго, какъ напр. покушеніе на жизнь, которыя могутъ повести къ лишенію правъ, а потому и къ расторженію брака; тѣ преступленія, о которыхъ говоритъ русское право, потому ведутъ къ расторженію, что указываютъ на несогласіе семейной жизни. Въ чистомъ видѣ эта причина, не осложненная ни бѣдностью, ни преступленіями, является въ сказаніяхъ *Котошихина, Майерберга* и въ нѣк. *актахъ*. Котошихинъ разсказываетъ: „и будетъ которая жена бываетъ противна, побои его (мужа) и мученія не терпитъ, жалуется сродичамъ своимъ, что онъ съ нею живетъ не *въ совѣтѣ*, и бьетъ ее и мучитъ всячески,—и тѣ сродичи на того человѣка бьютъ челомъ патріарху, или большимъ властямъ“ (которые послѣ обыска чрезъ домашнихъ и сосѣдей отдаютъ виновнаго въ монастырь на смиреніе на $^1/_2$ года или годъ; если мужъ по возвращеніи въ домъ не исправится, то) „ихъ разведутъ и животы ихъ имъ раздѣлятъ пополамъ, и до семи лѣтъ имъ одному жениться на иной, а другой—за другаго итти замужъ не поволено“ (XIII, 10). Однако этой причины развода нельзя смѣшивать съ произволомъ не только одной стороны, но даже и обоихъ, какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ расторженія брака даже по причинѣ прелюбодѣянія.

Порядокъ совершенія развода въ древней Руси есть или письменный договоръ между супругами, явленный свѣтскому или духовному суду, или односторонній актъ—отпускная со стороны мужа женѣ. Въ Московскомъ государствѣ мало по малу утверждалось правило, что разводъ дается епархіальною властію по жалобѣ одной стороны, или по просьбѣ обѣихъ. Однако и тогда весьма часто разводныя письма утверждалъ мѣстный духовный отецъ—священникъ. Законодательство XVIII в., разрѣшивши совершеніе брака священникамъ, въ дѣлѣ расторженія шло обратнымъ путемъ къ большей и большей строгости требованій. Указомъ 1730 г. запрещено отцамъ духовнымъ прикладывать руки къ самовольнымъ разводнымъ письмамъ, подъ тяжкимъ штрафомъ и наказаніемъ и даже лишеніемъ священства (П. С. З. № 5655). Но въ 1767 г. (П. С. З. № 12935) синодъ опять замѣтилъ, что „распускныя письма, въ противность закона Б. и правилъ св.

отецъ, священно и церковнослужители пишутъ, а другіе, безразсудно утверждая оныя быть правильными, таковыя браки (разведенныхъ) вѣнчаютъ". Поэтому синодъ приказываетъ объявить священно и церковнослужителямъ, „дабы они никому ни подъ какимъ видомъ разводныхъ писемъ не писали, и по оным... мужей отъ живыхъ женъ и женъ отъ живыхъ мужей не вѣнчали; а ежели кто за симъ обязательствомъ въ таковыхъ преступленіяхъ окажется, оные судимы и извержены будутъ отъ своихъ сановъ неотмѣнно, и о томъ ихъ всѣхъ обязать крѣпчайшими подписками". Затѣмъ право давать разводъ предоставлено было епархіальнымъ архіереямъ и лишь въ особыхъ случаяхъ синоду (для поступленія въ монашество и за болѣзнями). Но съ 1805 г. утвердился обратный порядокъ, бракоразводныя дѣла по общему правилу принадлежатъ синоду, по исключенію—епархіальнымъ архіереямъ (по лишенію правъ, по безвѣстному отсутствію).

Независимо отъ этого до начала текущаго вѣка продолжали еще писать условія между супругами о раздѣльномъ жительствѣ; такія условія хотя и не принимаемы были за расторженіе брака, но были условіями *о разлученіи отъ стола и ложа* (separatio quod ad mensam et torum). Въ этомъ смыслѣ гражданскіе суды считали себя въ правѣ принимать ихъ къ явкѣ и укрѣпленію. Такъ поступила гражданская С.-Петербургская палата, принявъ къ совершенію въ 1819 г. запись между отст. пор. Шелковниковымъ и его женою о раздѣльномъ жительствѣ съ обязательствомъ мужа выдавать на содержаніе жены; запись утверждена и сенатомъ. Но св. синодъ нашелъ такую запись противною каноническому праву; съ нимъ согласились мин. дух. дѣлъ, коммиссія составленія законовъ и наконецъ госуд. совѣтъ въ деп. законовъ и въ общемъ собраніи. При этомъ закономъ утверждено правило, что „никакія въ гражданскомъ управленіи мѣста и лица не должны утверждать между супругами обязательствъ и другихъ актовъ, въ коихъ будетъ заключаться условіе жить имъ въ разлученіи". Госуд. совѣтъ распространилъ это правило на всѣ христіанскія исповѣданія, не исключая и тѣхъ, „въ коихъ брачный союзъ принимается за гражданскій актъ". Съ тѣхъ поръ въ дѣйствующемъ правѣ не существуетъ *развода* (separatio), который служилъ субсидіарнымъ средствомъ при невозможности расторгнуть брачный союзъ.

Взаимныя отношенія супруговъ 1) личныя.

Личныя отношенія супруговъ могутъ быть установлены или на рабствѣ одной стороны (именно жены), или на власти и подчиненіи, или, наконецъ, на равенствѣ. На какомъ изъ этихъ основаній построенъ супружескій союзъ у насъ въ древнее время, изслѣдователи не согласились: одни склоняются къ признанію лишь власти мужа, другіе предпочитаютъ видѣть въ супружескихъ отношеніяхъ слѣды рабства жены. С. М. Шпилевскій, говоря

о цѣломъ славянскомъ правѣ, находитъ слѣды рабства именно въ памятникахъ польскихъ и чешскихъ, т. е въ памятникахъ славянскихъ народовъ, наиболѣе культурныхъ. Онъ приводитъ изъ Вислицкаго стат. слѣд.: „mulier autem maritata non habet sui ipsius potestatem propter maritum suum". Для чешскаго права онъ-же беретъ слѣд. мѣсто изъ Викторина Вшегердскаго: „każda żena jest neswobodna, dokudz muże ma, a jest wezen muża swého". Для русскаго права такихъ принципальныхъ выраженій въ законахъ не находится. За то для древнѣйшихъ временъ указывается нѣсколько отдѣльныхъ фактовъ, повидимому, доказывающихъ рабство жены.

Въ исторіи всѣ три указанныя отношенія могутъ быть найдены въ различныя эпохи развитія славянскаго права, съ тѣмъ существеннымъ отличіемъ для русскаго права, что рабство жены исчезаетъ уже въ началѣ исторіи, а власть мужа принимаетъ болѣе мягкій характеръ, чѣмъ у современныхъ другихъ культурныхъ народовъ.

а) **Времена древнѣйшія.** Существенныя черты рабства жены состоятъ въ правѣ мужа на жизнь и въ правѣ на свободу жены. Въ доказательство существованія перваго у древнихъ руссовъ нельзя привести ни одного древнѣйшаго свидѣтельства даже миѳическаго времени (ср. судъ надъ женою кн. Владиміра Рогнѣдою). Въ доказательство права на свободу жены приводится обыкновенно разсказъ лѣтописи о поединкѣ Мстислава съ Редедею Косожскимъ (1024 г.). „Рече Редедя къ Мьстиславу: аще одолѣеши ты, то возмеши имѣнье мое, и жену мою, и дѣти моя и землю мою: аще ли азъ одолѣю, то възму твое все. И рече Мстиславъ. тако буди". Если и признать это не баснословнымъ разсказомъ, во всякомъ случаѣ здѣсь дѣло идетъ объ условіи варвара—Касога съ русскимъ княземъ, также одичавшимъ въ своихъ азіатскихъ владѣніяхъ. Общая ссылка на способы совершенія брака чрезъ покупку и похищеніе, необходимо приводящіе къ рабству, уже ослаблена нами указаніемъ на то, что у восточныхъ славянъ съ древнѣйшихъ временъ имѣетъ мѣсто и бракъ чрезъ приведеніе, и что самое похищеніе есть фиктивное, что, наконецъ, различіе женъ и наложницъ ясно указываетъ на различіе брака и рабства. Затѣмъ въ доказательство права мужа на свободу жены можетъ быть приведенъ случай 1024 г., т. е. разсказъ лѣтописи о голодѣ въ Суздальской землѣ, когда мужи отдавали своихъ женъ челядинамъ для прокормленія; это выраженіе означаетъ, повидимому, что мужья передавали самихъ женъ своимъ рабамъ для прокормленія женъ. Но въ виду голодной смерти человѣкъ дѣйствуетъ не по сознанію права, а подъ давленіемъ крайней необходимости, нарушающей право.

Въ доказательство рабства женъ въ древнѣйшія времена могутъ быть приведены аналогическія, но болѣе рѣшительныя сказанія изъ временъ болѣе позднихъ, именно свидѣтельства о донскихъ козакахъ и Сибирскихъ піонерахъ. О первыхъ Ригельманъ разсказываетъ слѣд.: „если кому жена

была уже не мила и неугодна, или ненадобна ради какихъ-нибудь причинъ,—оныхъ мѣнять, продавать и дарюмъ отдавать (мужъ) могъ, водя по улицамъ, вкругъ крича: кому люба, кому надобна? За продерзости, за чужеложство, и за иныя вины, связавъ руки и ноги, и насыпавши за рубашку полны пазухи песку, и зашивши оную, или съ камнемъ навязавши, въ воду метали и топили, а иногда убивственно мертвили" („Ист. о Донскихъ козак."). Но въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло не съ бракомъ, а рабствомъ; выраженіе Ригельмана, что козаки стали „брать за себя" плѣнницъ-турчанокъ, калмычекъ и пр., принадлежитъ самому Ригельману, а не дѣйствительности исторической; ибо изъ его-же разсказа видно, что то были некрещенныя плѣнницы-наложницы, а не жены. Что касается до сибирскихъ колонизаторовъ, то ихъ сожительницы, которыхъ они закладывали на время и продавали, хотя и названы въ указѣ патр. Филарета женами, но изъ другихъ свидѣтельствъ оказывается, что эти мнимыя жены ими похищены и служатъ имъ вмѣсто женъ и нѣкоторыя также некрещеныя. Во всякомъ случаѣ здѣсь эти явленія разсматривались, не какъ право, а какъ правонарушеніе и преслѣдовались властію; слѣдовательно являются для насъ фактами, а не свидѣтельствомъ о правѣ

Отвергая существованіе рабства жены въ историческое, особенно христіанское время, мы отнюдь не отрицаемъ зависимости жены отъ власти мужа, зависимости гораздо болѣе значительной, чѣмъ въ послѣдующія времена, даже въ Московскомъ государствѣ.

б) **Власть мужа надъ женою въ Московскомъ государствѣ.** Можно подумать, что и въ Московскомъ государствѣ брачное право не ушло далеко отъ состоянія рабства. А именно утверждаютъ, что мужу принадлежало *право распоряжаться личностью жены*, какъ по обычаю, такъ и по закону. Относительно перваго можно привести актъ 1644 г. (Русск. Истор. Библіот. т. II, № 238)—жалобу крестьянъ Кижскаго погоста царю, гдѣ крестьяне, говоря вообще о тяжести податей и повинностей, пишутъ: „платимъ мы всякіе твои государевы доходы, женъ своихъ и дѣтей закладываючи". Что разумѣется здѣсь подъ закладомъ? Думаемъ, что не служилая кабала, а временное услуженіе; ибо въ записяхъ на служилыя кабалы мужъ всегда самъ съ женою и несовершеннолѣтними дѣтьми отдаетъ себя въ кабальное холопство (см. Акты, отн. до юрид. быта, II, стр. 26). Въ смыслѣ служилыхъ кабалъ нельзя истолковать извѣстное мѣсто Уложенія ц. А. М. (XX, 43): „а будетъ кто въ голодное время самъ себя съ женою, или сына или дочь отдастъ въ работу на прокормъ..." Здѣсь та разница отъ обыкновенныхъ служилыхъ кабалъ, что запись имѣетъ срочное значеніе (а не пожизненное). Въ текстѣ Улож. дѣлается различіе между правомъ мужа на жену и правомъ отца на дѣтей; первая идетъ въ услуженіе не иначе,

какъ вмѣстѣ съ мужемъ, вторыя могутъ быть отданы отдѣльно (но только въ услуженіе).

Установленіе общаго мѣстожительства супруговъ и сообщеніе правъ состоянія, какъ извѣстно имѣетъ то значеніе, что жена должна слѣдовать за мужемъ въ его домицилій и раздѣлять съ нимъ его общественное положеніе: это общее правило, имѣющее силу и теперь, въ древнѣйшемъ правѣ могло привести къ ограниченію и полному лишенію свободы жены. Общее мѣстожительство и сообщеніе правъ состоянія для древнѣйшаго времени имѣло весьма невыгодное для жены значеніе, потому что изъ него истекали: выдача на потокъ съ женою и съ дѣтьми и продажа въ рабство за долги и за преступленія мужа. Но это объясняется въ исторіи уголовнаго гражданскаго (обязательственнаго) права Въ московскомъ правѣ оно не имѣетъ уже такой строгости; мѣстожительство можетъ быть даже опредѣлено домициліемъ жены. о томъ свидѣтельствуютъ тѣ акты, которыми опредѣляются имущественныя отношенія супруговъ, въ случаѣ вступленія мужа въ домъ жены. Въ своемъ мѣстѣ мы скажемъ, что мужъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ мѣняется ролью съ женою, приноситъ ей приданое и т. д. Но для обратнаго уравновѣшенія такихъ фактовъ въ московскомъ правѣ можно сослаться на затворничество женъ, причемъ мѣстожительство является заключеніемъ жены, пожизненнымъ лишеніемъ ея свободы властію мужа. Такъ можно подумать судя по сказаніямъ иностранцевъ, напр. Герберштейна и Майерберга (о воспрещеніи женамъ выходить изъ дому, даже въ церковь, о гаремномъ заключеніи ихъ въ домѣ и о закрытыхъ выѣздахъ). Все это можетъ быть отнесено только къ высшимъ классамъ, заразившимся татарскими обычаями, но не къ огромному большинству сельскаго населенія. Обратныя-же свѣдѣнія объ уличной распущенности женщинъ, сообщаемыя тѣми-же писателями, относятся къ городской черни.

Право наказанія жены. Свидѣтельства объ обычномъ правѣ въ этомъ отношеніи далеко не равнаго достоинства; наименьшее значеніе имѣютъ показанія иностранцевъ анекдотическаго характера (каковъ анекдотъ Герберштейна о мужѣ нѣмцѣ и женѣ русской, якобы свидѣтельствующій о привычкѣ женъ русскихъ къ наказаніямъ отъ мужа). Большее достоинство имѣютъ показанія источниковъ туземныхъ, каковъ напр. Домострой, изъ котораго видно, что обычное право стремилось урегулировать право наказаній орудіями ихъ (допуская наказанія болѣзненныя, но не членовредительныя). Это подтверждается и судебными актами (напр. 1640 г.), гдѣ обычное право относительно этого вопроса выражено такъ: „смирять жена своя повины и полюдцки, а не безвѣчьемъ“ (Ак. Юр. стр. 313). Способъ регуляризаціи состоялъ: а) въ брачныхъ контрактахъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ Коллинзъ (Чт. въ об. ист. и др. 1846); б) въ судѣ и в) наконецъ въ возможности расторженія брака по причинѣ жестокости обращенія.

Простиралось ли право наказания до права мужа на *смертную казнь* жены за *преступления*? Такое право, какъ извѣстно, принадлежало мужу по законодательству почти всѣхъ даже культурныхъ народовъ; оно опредѣлено и въ памятникахъ византійскаго права, рецепированныхъ у насъ (Законъ Судномъ людемъ) Прохиронъ и эклога позволяютъ мужу убить соучастника въ прелюбодѣяніи жены безнаказанно; слѣд. такое-же право eo ipso предоставлено и относительно виновной жены. Въ примѣръ того-же права у европейскихъ народовъ можно привести постановленіе Фризовъ, указывающее, что брачный мечь не есть пустой символъ въ рукахъ мужа.

Въ русскихъ памятникахъ и законодательныхъ и бытовыхъ не находимъ этого права. Изъ древнихъ законодат. памятниковъ сошлемся на договоръ русскихъ съ нѣмцами 1229 г., гдѣ находимъ: если русинъ застанетъ латинина со своею женою, то платится 10 гривенъ (ст. 17). Постановленіе это тѣмъ замѣчательнѣе, что оно помѣщено именно въ договорѣ съ нѣмцами, у которыхъ, какъ мы видѣли, господствовало въ этомъ случаѣ право меча. Въ Русской Правдѣ (Кар. 101) находимъ. если кто убьетъ жену, то тѣмъ же судомъ судити, какъ и мужа; если же будетъ виновата, то полъ—виры 20 гр. Статью эту (см. выше стр. 226) можно изъяснить такъ, что за убійство жены (мужемъ) мужъ платилъ полную виру, но если она была убита за вину (разум. прелюбодѣяніе), то наказаніе убійцѣ, хотя и понижается вдвое, однако полагается.

Именно въ такомъ видѣ мы находимъ это право въ москов. государствѣ; хотя въ московскихъ законахъ о томъ ничего не постановлено, но судебные акты показываютъ, что убійство жены безъ вины съ ея стороны, каралось точно такъ же, какъ и убійство постороннаго, т. е. смертію. Если жена убита за незначительное преступленіе общаго характера, напр. кражу, то наказаніе убійцѣ —мужу понижалось, именно. назначались членовредительныя наказанія (случ. 1674 г.). Если жена убита мужемъ за прелюбодѣяніе, то наказаніе убійцѣ назначалось еще менѣе тяжкое, именно кнутъ; напр. въ 1664 г. „Ивашка въ убивствѣ жены своей винился, а убилъ-де жену свою до смерти за то, что она отъ него воровала блудно. Учинено ему наказаніе: бить кнутомъ и отдать на чистыя поруки“ (П. С. З. № 355). Во всякомъ случаѣ и это смягченное наказаніе показываетъ, что убійство жены мужемъ за прелюбодѣяніе есть преступленіе, а не право мужа. Справляясь для аналогіи съ правами другихъ славянскихъ народовъ, находимъ въ нихъ свидѣтельства, что мужья отказываются исполнить рѣшеніе суда (основанное на рецепированномъ правѣ) казнить своихъ женъ за прелюбодѣяніе (сказаніе о Болеславѣ II и житіе Адальберта). Въ виду этого мы должны признать невѣрными разсказы иностранцевъ (Коллинза) о правѣ мужа казнить жену въ московскомъ государствѣ XVII вѣка.

в) **Время послѣ Петра I.** По общему закону исторической жизни (закону переживанія) и въ московскомъ правѣ до самаго конца Москов. государства (замѣны его имперіей) можно еще наблюдать устарѣлые черты древнѣйшаго несвободнаго состоянія жены, между тѣмъ какъ жизнь уже давно ушла впередъ и создавала учрежденія, совершенно противорѣчащія рабству жены. Уже тогда наклонность къ установленію равенства супружескихъ отношеній выразилась какъ въ идеяхъ литературныхъ, такъ и въ учрежденіяхъ. Въ одномъ и томъ же хранилищѣ устной словесности, напр. въ пословицахъ можно найти и слѣды рабства жены и высокія черты гуманнаго и цивилизованнаго права. Уже тогда выражается то же стремленіе и въ законѣ. Не будучи равными между собою во внутреннихъ отношеніяхъ, мужъ и жена пользовались равенствомъ въ своихъ отношеніяхъ къ третьимъ лицамъ -къ дѣтямъ и къ обществу. Правоспособность и дѣеспособность жены ничѣмъ не ограничены (см. Суд. I 52 и 49). Что касается до времени *послѣ Петра*, то наше законодательство богато только опредѣленіями по вопросу о правѣ мѣстожительства жены, именно: о правѣ жены не слѣдовать за мужемъ въ случаѣ ссылки за преступленія; объ обязанности женъ крестьянъ слѣдовать за мужьями при высылкѣ ихъ помѣщиками на поселеніе въ Сибирь (ук 1760, II. С. З. № 11166), объ обязанности жены слѣдовать за мужемъ—иностраннымъ подданнымъ. Относительно же прочихъ правъ личныхъ мы находимъ здѣсь весьма немногое. Собственно ихъ коснулся только уставъ благочинія или полицейскій 1782 г. Здѣсь объ обязанностяхъ мужа выражено слѣдующее общее правило: „мужъ да прилѣпится къ своей женѣ въ согласіи и любви, уважая, защищая и извиняя ея недостатки, облегчая ея немощи, доставляя ей пропитаніе по состоянію и возможности хозяина“. Здѣсь мало можно найти опредѣленныхъ постановленій, кромѣ послѣдняго—обязательства мужа доставлять женѣ пропитаніе по состоянію. Слова уст. благоч. вошли въ X-й томъ св. зак. почти съ буквальной точностію. Вообще личныя отношенія супруговъ съ положительной ихъ стороны неуловимы для законодательства Столь же неполно могутъ быть опредѣлены и отношенія жены къ мужу, т. е. обязанности подчиненія мужу. Въ томъ же уставѣ 1782 г. они выражены такъ. „жена да пребываетъ въ любви, почтеніи и послушаніи къ своему мужу и да оказываетъ ему всякое угожденіе и привязанность, яко хозяйка“. *И это* постановленіе вошло въ Св. Зак., но уже не съ такою точностію, именно въ Сводѣ прибавленъ весьма характерный терминъ—„въ неограниченномъ послушаніи“. Понятіе „неограниченности“ власти было однажды выражено въ нашемъ законодательствѣ до изданія Свода, именно въ одномъ сенатскомъ рѣшеніи 1802 г. (II. С. З. № 20519), тогда возникъ вопросъ объ отношеніи родительской власти къ власти мужа; причемъ сенатъ выразился: „одно лицо двумъ неограниченнымъ властямъ, каковы суть родительская и су-

пружеская, совершенно удовлетворить не въ состояніи, а особливо въ случаѣ могущей быть между изволеніями ихъ противоположности". Но это понятіе, противорѣчащее историческому ходу предшествовавшаго законодательства, высказано сенатомъ мимоходомъ и не должно-бы было входить въ букву закона. Будучи взято въ буквальной точности, оно должно-бы вести къ отказу женѣ въ правѣ иска на мужа по какому-бы то ни было дѣлу, чего наше законодательство не отнимало у жены ни прежде, ни нынѣ. Что послѣ-петровское право шло не назадъ, а поступательно въ дѣлѣ опредѣленія равенства въ отношеніяхъ супруговъ другъ къ другу,—это доказывается характеромъ законодательства этого времени въ опредѣленіи имущественныхъ отношеній супруговъ.

2. Имущественныя отношенія супруговъ.

Имущественныя отношенія супруговъ могутъ быть установлены и дѣйствительно установляются по тремъ началамъ: 1) подчиненія имущества жены праву мужа, 2) общности супружескихъ правъ на имущества обоихъ супруговъ, 3) раздѣльности правъ имущественныхъ каждаго изъ супруговъ. Типическимъ построеніемъ права по первому началу считается древне-римское; типомъ права семейной общности имуществъ можетъ быть признано—нѣмецкое; наконецъ—образцомъ раздѣльности имуществъ супруговъ можетъ быть выставлено славянское право, преимущественно русское. Однако то, что сказано здѣсь о древне-римскомъ, германскомъ и славянскомъ правѣ, нужно принимать не безъ ограниченій; и въ древне-римскомъ правѣ можно наблюдать нѣкоторыя права жены на имущество, и въ нѣмецкомъ—нѣкоторые признаки раздѣльности имущественныхъ правъ супруговъ.

Что-же касается до славянскаго права, то и въ немъ можно отыскать всѣ три указанные типа въ послѣдовательномъ историческомъ развитіи: древнѣйшее время, когда личныя отношенія основаны на зависимости жены, въ имущественныхъ отношеніяхъ нельзя отыскивать ни раздѣльности правъ супруговъ, ни даже общности ихъ; вмѣстѣ съ лицомъ жены и самое имущество ея подчиняется власти мужа. Во второй періодъ до XVIII в. у русскихъ господствуетъ начало общности семейныхъ имуществъ, лишь съ нѣкоторыми исключеніями въ пользу раздѣльности нѣкоторыхъ изъ этихъ имуществъ. Только въ XVIII в. устанавливается закономъ нынѣ дѣйствующее право полной раздѣльности имуществъ супруговъ:

а) **Древнѣйшая эпоха—подчиненія имущества жены власти мужа**—не можетъ быть изслѣдована съ надлежащею точностію по недостатку историческихъ данныхъ. Нѣкоторый свѣтъ проливаютъ только слова лѣтописи о бракѣ у полянъ: „заутра приносятъ по ней, что вдадуче". Это—приданое, которое отдается за невѣстою въ руки и во власть мужа. Впрочемъ, какъ

въ личныхъ отношеніяхъ супруговъ, рабство жены изчезло въ доисторическія времена, такъ и въ имущественныхъ отношеніяхъ нельзя уже отыскивать полнаго поглощенія правъ жены правами мужа. Этимъ отчасти объясняются факты, на которые ссылается Неволинъ, находя и въ ту первобытную эпоху слѣды раздѣльности имуществъ, указывая на примѣръ Ольги, у которой былъ свой городъ (Вышгородъ), свое село—Ольжичи, свои звѣриныя и птичьи ловли. Онъ сослался также на сагу объ Олавѣ, по которой русская княгиня имѣетъ свое отдѣльное войско. Всѣ эти примѣры взяты изъ княжескаго права, а княжеское право, не смотря на смѣшеніе въ немъ публичныхъ началъ съ частными, не можетъ быть признано образцомъ отношеній частныхъ; такъ Вышгородъ называется городомъ Ольги потому, что въ то время—въ малолѣтство Святослава Ольга была единственной представительницей княжеской власти; Вышгородъ же считался княжимъ городомъ по преимуществу для всѣхъ князей, правившихъ Кіевомъ. Извѣстія саги объ Ольгѣ относятся къ періоду вдовства Ольги, а потому ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить для уясненія ея правъ на свои имущества по отношенію къ правамъ мужа. Затѣмъ можно-бы привести въ доказательство раздѣльности имущественныхъ правъ жены и мужа ту статью договора Олега, въ которой говорится о взысканіи съ убійцы, когда онъ скрылся, именно: все имущество убійцы поступаетъ родственникамъ убитаго, за исключеніемъ той части, которая слѣдуетъ по закону женѣ. Но это постановленіе явно составлено подъ вліяніемъ византійскаго права, ибо по русскому праву, даже позднѣйшему, умышленный убійца выдается на потокъ и разграбленіе вмѣстѣ съ женою и дѣтьми.

Однако въ Русской Правдѣ содержится нѣсколько указаній на имущественныя права жены, что̀ и приводится обыкновенно въ доказательство существованія принципа раздѣльности супружескихъ имуществъ уже въ то время (въ XI—XIII в.). Но всѣ указанія Русской Правды на этотъ счетъ заключаются въ той части ея, гдѣ она ведетъ рѣчь о наслѣдствѣ, т. е. заключаютъ въ себѣ указанія на права жены по прекращеніи брака, нисколько не уясняя вопроса объ отношеніяхъ мужа къ имуществу жены при существованіи брака. Такъ какъ постановленія Русской Правды объ этомъ предметѣ будутъ изложены въ исторіи права наслѣдственнаго, то здѣсь достаточно замѣтить, что по смерти мужа жена или остается распорядительницей обще-семейнаго имущества, или получаетъ выдѣлъ наравнѣ съ сыновьями, по распоряженію мужа или по закону. Во всякомъ случаѣ постановленія Русской Правды относятся уже къ довольно поздней христіанской эпохѣ.

Ссылаются также на „вопрошаніе Кириково“ XII в., въ которомъ между причинами развода находимъ и слѣд.: „Ожели вельми зло будетъ, яко не мочи мужю держати жены, или жена—мужа: или долгъ многъ у мужа застанетъ, а порты (одежды) ея грабити начнетъ, или пропиваетъ, или ино

зло...“ Эта ссылка ослабляется тѣмъ, что а) по этому памятнику произвольное распоряженіе со стороны мужа имуществомъ жены относится къ ея одеждамъ; а право на одежду приписывалось и рабамъ. б) рѣчь идетъ о распоряженіи имуществомъ жены для цѣлей порочныхъ и не само по себѣ ведетъ къ разводу, а приводится лишь, какъ приблизительный признакъ полнаго несогласія супружеской жизни, обращеніе имущества жены на удовлетвореніе долговъ мужа не доказываетъ самостоятельности имуществен. правъ жены; в) единственнымъ средствомъ предотвратить расточеніе мужемъ имущества жены признанъ разводъ, чѣмъ косвенно утверждается мысль, что при существованіи брака нѣтъ средствъ гарантировать имущественныя права жены отъ произвола мужа. Подобное же указаніе могли бы имѣть статьи (24 и 25 по нашему изд.) Устава Ярослава о томъ, что мужъ, который уличенъ въ кражѣ конопли, льна, жита, бѣлья и женскихъ одеждъ подлежитъ уголовному наказанію. Здѣсь, дѣйствительно, можно видѣть доказательство правъ жены на вещи, не только принесенныя ею въ видѣ приданаго, но пріобрѣтенныя собственнымъ трудомъ ея во время брака; но нѣкоторыя изъ этихъ имуществъ должны быть признаны не собственными (отдѣльными) имуществами жены, а имуществомъ, предназначеннымъ на общее содержаніе семьи („жито“). Вообще же редакціи устава Ярослава, дошедшія до насъ, могутъ изображать порядки довольно поздняго времени.

И такъ, повторяемъ, для древнѣйшаго времени у насъ нѣтъ средствъ разрѣшить вопросъ объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ съ научной точностію. Лишь предположеніе, но за то наиболѣе вѣроятное, можно сдѣлать такое: имущественныя права жены подчинялись правамъ мужа.

б) **Семейная общность имуществъ** *(XIV—XVII в.)*. Періодъ XIV—XVII в., какъ въ московскомъ такъ и въ литовско-русскомъ правѣ, есть періодъ господства общности семейнаго имущества. Неволинъ признаетъ и для этого времени основнымъ принципомъ раздѣльность имуществъ супруговъ, а признаки общности, именно заключающіеся въ ученіи о приданомъ и о правахъ наслѣдованія супруговъ одного послѣ другаго, считаетъ исключеніемъ. Мы на основаніи точнаго смысла памятниковъ, должны признать наоборотъ: первое исключеніемъ, а второе—общимъ правиломъ.

Общее право супруговъ на вещи простиралось: 1) на имущества, предназначенныя при заключеніи брака на общія цѣли семьи; 2) на имущества, пріобрѣтенныя обоими супругами при существованіи брака.

Имущества, предназначенныя по заключеніи брака на осуществленіе цѣлей семьи, суть: *приданое* со стороны жены и *вѣно* со стороны мужа.

Такъ какъ въ памятникахъ московскаго права не съ достаточною ясностью изложено ученіе объ установленіи общесемейныхъ имуществъ, и въ изъясненіи свидѣтельствъ о томъ можетъ явиться произволъ, то мы приведемъ аналогическія постановленія лит.-русскаго права, но лишь для

уясненія права Москов. государства. По праву статута, которое основано на древнемъ рус обычномъ правѣ, бракъ устанавливаетъ такія имущественныя отношенія: жена приноситъ въ общую семейную массу имуществъ— приданое, приноситъ его *не мужу*, а *семьѣ*. Если цѣль брака,—рожденіе дѣтей достигнута, то имущество, принесенное въ видѣ приданаго, остается навсегда въ распоряженіи семьи, т. е. идетъ въ наслѣдство дѣтямъ, подобно имуществу мужа. Но дѣтей можетъ и не быть и жена можетъ пережить мужа, а между тѣмъ мужъ при жизни можетъ потребить имущество жены. Для предупрежденія этого, мужъ при совершеніи брака или послѣ совершенія его, обезпечиваетъ цѣлость приданаго жены посредствомъ залога на извѣстной части своихъ собственныхъ имуществъ; это называется *вѣномъ* Первоначально не было опредѣлено, на какой именно части его имуществъ можетъ быть дано мужемъ такое обезпеченіе. Но впослѣдствіи злоупотребленія въ пользу жены и во вредъ родственникамъ мужа заставили установить законъ, по которому мужъ можетъ записать вѣно женѣ лишь на третьей части своихъ имуществъ. Актъ установленія такого залога называется вѣновною записью. Сила его такова: по смерти мужа вдова можетъ владѣть записаннымъ ей имуществомъ въ видѣ вѣна до тѣхъ поръ, пока наслѣдники мужа не уплатятъ ей суммы, въ которой дано было это обезпеченіе, и которая, предполагалось, равняется внесенному ею приданому. Затѣмъ, при существованіи брака, и мужъ и жена распоряжаются всякимъ имуществомъ сообща и сдѣлки совершаются всегда отъ имени обоихъ супруговъ.—Слѣды такой общности имуществ. правъ супруговъ остаются и нынѣ въ Сводѣ законовъ—въ мѣстныхъ постановленіяхъ для губерній Черниговской и Полтавской.

Такія же постановленія обычнаго права существовали и въ москов. правѣ древнѣйшемъ—XIV и XV вв.; но затѣмъ приняли здѣсь нѣсколько иную форму.

Первоначально и здѣсь мужья, получая приданое, записывали въ замѣнъ его женамъ недвижимыя имущества, что имѣетъ совершенно одинаковое значеніе съ вѣномъ, хотя такъ и не называется. Но потомъ это вышло изъ употребленія (См. П. С. З. № 34).

Въ XVI и XVII в. имущественныя отношенія супруговъ по московскому праву строятся такъ въ отношеніи *къ приданому*:

Жена приноситъ приданое б. ч. движимое имущество, въ частности одежды, украшенія и деньги; но въ приданое поступали также и недвижимыя вещи, что посило иное спеціальное названіе—„надѣлокъ“. Изъ двухъ супруговъ *не всегда именно жена приноситъ приданое*; иногда эта роль выпадаетъ мужу, когда онъ входитъ въ домъ жены. Въ такомъ случаѣ судьба его имущества совершенно равняется судьбѣ приданаго жены; напримѣръ: „се азъ Марко, Клементьевъ сынъ,... принесъ своего живота (въ

домъ жены), и хлѣба, и платья и денегъ (слѣдуетъ перечень. Ак. Юрид. стр. 394). Иногда по рядной записи исчисляется имущество обоихъ вступающихъ въ бракъ (см. ibid. № 305) съ очевиднымъ намѣреніемъ установленія общности правъ на него. Имущество получаетъ характеръ приданаго по особой сдѣлкѣ—*рядной записи*, въ которой ему составляется точный инвентарь по каждой вещи отдѣльно. На основаніи этой записи происходила впослѣдствіи реституція приданаго.

Родители невѣсты, не заключившіе рядной записи, конечно, не могли быть *принуждены къ выдачѣ приданаго* по закону (хотя случаи заключенія брака безъ рядной составляли рѣдкое исключеніе). Не законъ, а обычай ставилъ выдачу приданаго обязательною для родителей. Но если выдача замужъ производилась не родителями, а братьями или другими родственниками, или казною (когда имущество отца переходило въ государственную собственность), то выдача приданаго становилась обязательною для всѣхъ разрядовъ упомянутыхъ лицъ (Рус. Правда Кар. ст. 103 и 107, ук. 1562 г. о княжескихъ вотчинахъ). Однако и въ этомъ случаѣ законъ не опредѣлялъ, какая часть семейнаго имущества должна идти въ приданое. Можно лишь догадываться, что въ этомъ отношеніи сообразовались съ законами о правахъ наслѣдства. Еще Русская Правда постановляла: „выдадутъ ее (сестру) братья замужъ какъ могутъ“.

Во время существованія брака приданое остается *въ общемъ распоряженіи обоихъ супруговъ*, а не одного изъ нихъ въ частности. Это обозначалось въ рядныхъ записяхъ, наприм.: „се язъ Іовъ Мих. далъ есми дочери своей Настасьи и зятю своему Мине надѣлка“... (Ефименко: „о приданомъ“ стр. 36). Что жена не была единственною собственницею приданаго,—это доказывается фактами отчужденія приданаго мужемъ. Что, однако, мужъ не можетъ считаться собственникомъ приданаго жены (какъ думаетъ Неволинъ),—доказывается сдѣлками, гдѣ мужъ распоряжается приданымъ съ согласія жены (напр. мужъ покупаетъ имѣніе у своей жены, ея зятя и его жены; А. Ю. № 103) и законами, воспрещающими такое отчужденіе безъ согласія жены: новоук ст. 1676 г. запрещаютъ мужьямъ продавать приданыя вотчины своихъ женъ (П. С. З. № 650), ук. 1679 г. воспрещаетъ укрѣплять такіе акты въ помѣст. приказѣ (П. С. З. № 751). Въ частности отношенія къ приданому обоихъ супруговъ таковы: владѣніе—общее; пользованіе нѣкоторыми вещами—раздѣльное; распоряженіе недвижимостію—общее: „и мы съ своею женою поговоря дали есми по любви то село сыну своему Ивану“, говорится въ одномъ актѣ (Ак. Федотова-Чех. № 94).

По прекращеніи брака смертію мужа, когда не осталось дѣтей, наступаетъ право жены на *возстановленіе* ея *приданаго*, а въ случаѣ ея смерти то же право переходитъ къ ея родственникамъ (Пск. Судн. Гр. ст. 91). Средство возстановленія есть преимущество, даруемое требованію прида-

наго предъ всѣми прочими требованіями. При этомъ наблюдались слѣд. правила: вещи потребляемыя (платье и пр.) возвращаются „по душѣ“ (по совѣсти); вещи непотребляемыя возвращаются по рядной записи; имущества, хотя не принадлежащія къ приданому, но связанныя съ нимъ нерасторжимо (напр. холопы и крѣпостные мужа, женившіеся на рабыняхъ жены) возвращаются вмѣстѣ съ приданымъ (Ул. XX, 62). Принадлежности приданой вещи, отнятыя отъ нея во время существованія брака, возстановляются (П. С. З. № 644). Подобныя же правила наблюдаемы были и при расторженіи брака. Послѣ Улож. возникло право мужа на 4-ю часть приданаго умершей жены (на основаніи византійскаго права).

Причины отсутствія вѣна въ москов. правѣ и общность правъ супруговъ на купленныя вотчины. До сихъ поръ шла рѣчь только объ отношеніяхъ супруговъ къ имуществу, принесенному въ семью женою (хотя, какъ сказано, и имущество мужа можетъ получить значеніе приданаго). Каково-же ихъ отношеніе *къ имуществу мужа*? Почему москов. право не допускало записи мужемъ вѣна на его имуществѣ? Первоначально, какъ сказано, и здѣсь былъ обычай записывать женѣ имущество за ея приданое. Но мужъ могъ имѣть троякаго рода имущество: *родовое, жалованное* и *купленное* (рѣчь идетъ о недвижимыхъ имуществахъ). Первое не принадлежало ему на правахъ собственности, потому что право на него ограничивалось правами рода и отчасти государства. Второе, по общему типу, было лишь условнымъ пользованіемъ и владѣніемъ, даннымъ отъ государства, которое всегда могло возвратить этотъ даръ назадъ. Ни тѣмъ, ни другимъ имуществомъ мужъ распоряжаться не могъ; слѣдовательно не могъ записывать и вѣна изъ него своей женѣ. Но третій разрядъ имуществъ—*имѣнія купленыя* болѣе приближается къ нынѣшнему понятію о частной собственности. Здѣсь ничто не препятствовало помѣстить и обезпеченіе приданаго въ видѣ вѣна. Но купленныя имущества считаются общимъ имуществомъ супруговъ до Уложенія ц. Ал. Мих. и въ самомъ Уложеніи. На этомъ основаніи, по смерти мужа, жена ео ipso становится исключительною собственницей ихъ: „купленая вотчина—женѣ его; вольно ей въ той вотчинѣ, какъ похочетъ, нѣтъ до нея никому дѣлу“ (Ул. XVII, 2). Это начало и послѣ Уложенія оставалось нѣкоторое время дѣйствующимъ, хотя уже возбуждало сомнѣнія; именно уже казалось неяснымъ, кому должны принадлежать купленныя вотчины послѣ бездѣтной смерти обоихъ супруговъ, если послѣднею умерла жена: „такія купленныя вотчины давать ея роду родственникамъ, или родственникамъ мужа ея“? спрашивали судьи-практики (П. С. З. № 634, ук. 1676 г.); законъ рѣшилъ: „та вотчина отдать въ родъ мужа ея, а ея сродникамъ не давать“. Въ силу этого наступала бы необходимость для установленія обезпеченія приданаго, по подобію литовско-русскаго права; но тогда уже близилась эпоха господства полной раздѣльности имуществъ супруговъ.

Общность обязательственныхъ правъ супруговъ. Общность имущественныхъ правъ супруговъ съ бо́льшею ясностію проявляется въ отношеніи къ обязательствамъ. На это указываютъ слѣд явленія съ древнихъ временъ несостоятельные должники выдаваемы были кредитору головою до искупа, т. е. до отработки долга, вмѣстѣ съ женою и съ дѣтьми; это продолжалось до конца XVII в.: указомъ 1688 г. (П. С. З. № 1285) велѣно „выдавать мужей съ женами, а женъ съ мужьями“.= Въ древнѣйшія времена то же примѣнялось и къ обязательствамъ, возникающимъ изъ преступленій (выдача на потокъ); но въ XVII в. въ Московскомъ государствѣ это было отмѣнено: „отдавать истцамъ безъ женъ“, говорятъ новоук. ст. 1669 г. (ст. 16 и 22). Равн. обр. жена можетъ избѣжать отвѣтственности по обязательствамъ мужа, возникшимъ въ слѣдствіе порочности его: въ 1673 г. въ В. Новгородѣ жена посадскаго человѣка подаетъ явку, что мужъ ея, пьянствуя, даетъ кабалы на большія суммы; „а она съ дѣтьми про то не вѣдаетъ“ (Челобит., изд. Куприяновымъ въ Отеч. Зап. 1855 г.). По прекращеніи брака смертію мужа, вдова отвѣчаетъ по обязательствамъ мужа не въ качествѣ наслѣдницы, а въ качествѣ жены; это, весьма древнее начало, весьма ясно обозначено въ Псковской Судн. Грамотѣ, которая говоритъ, что жена и дѣти ни въ какомъ случаѣ не могутъ отказаться отъ уплаты за ссуду, полученную покойнымъ мужемъ и отцомъ ихъ (ст. 85), между тѣмъ какъ наслѣдники боковые тогда только отвѣчаютъ за ссуду, полученную наслѣдодателемъ, когда предъявятъ права наслѣдства (ст. 86). Еще въ Уложеніи ц. А. М. можно найти слѣды того же начала; тамъ между прочимъ говорится: „послѣ умершаго долгъ платити женѣ его и дѣтямъ“ (X. 203). Но во 2-й полов. XVII в., подъ вліяніемъ византійскаго права, церковная власть начинаетъ проводить противоположный принципъ, какъ это именно находимъ въ одномъ рѣшеніи патр. Никона 1657 г., іюля 25 (П. С. З. № 210); однако старое начало и до сихъ поръ живетъ въ обычномъ правѣ русск. народа.—Благодаря общему началу солидарной отвѣтственности по обязательствамъ всѣхъ членовъ семьи, не было надобности требовать, чтобы договоры были заключаемы отъ имени всѣхъ членовъ семьи; но тѣмъ не менѣе договоры, именно кабалы, всегда пишутся отъ имени мужа, жены и дѣтей ихъ.

в) **Раздѣльность имуществъ супруговъ** (эпоха XVIII—XIX в.). Уже и въ московскую эпоху оба супруга могли обладать и имуществами, принадлежавшими каждому изъ нихъ въ раздѣльности; таковы изъ имуществъ мужа: родовыя его вотчины и жалованныя; изъ имуществъ жены: вотчины, доставшіяся ей по наслѣдству отъ родственниковъ во время существованія брака, вотчины, купленныя при первомъ бракѣ (если только завѣщаніемъ перваго мужа онѣ не отнимались у нея при вступленіи во 2-й бракъ).

Въ концѣ XVII в. замѣчается явная наклонность къ признанію раздѣльныхъ правъ каждаго супруга на отдѣльныя части обще-семеннаго имущества; именно за мужемъ—исключительнаго права на купленныя вотчины (законъ ц. Ѳеодора Алекс. 1679 г. говоритъ: „а женѣ умершаго до тое вотчины дѣла нѣтъ"), а за женою—исключительнаго права на ея приданое (см. П. С. З. № 675). Въ XVIII в., указъ Петра Вел. о единонаслѣдіи установляетъ (п. 8) точную раздѣльность въ правахъ наслѣдованія дѣтьми въ имѣніяхъ отцовскихъ и материнскихъ; именно отецъ не можетъ сдѣлать кого-либо изъ своихъ дѣтей единонаслѣдникомъ какъ своихъ, такъ и женинныхъ имѣній; равнымъ образомъ и указъ, дополняющій законъ о единонаслѣдіи, т. е. ук. 1716 г. апрѣля 15 (П. С. З. № 3013) выражается между прочимъ такъ: „а ея (жены) недвижимое и движимое съ чѣмъ она шла замужъ за него, или по родству ей данное, по свидѣтельству письменному, при ней да будетъ".

Въ полномъ смыслѣ понятіе объ отдѣльномъ имуществѣ жены окончательно установлено указомъ 1731 г. марта 17 (П. С. З. № 5717) „*собственными* ихъ (женъ) приданымъ имѣніямъ, и что они будучи замужемъ, куплею себѣ или послѣ родственниковъ по наслѣдству присовокупили, быть при нихъ, не зачитая того въ ту указную дачу, что надлежитъ дать (имъ) изъ мужня" (имѣнія, по смерти мужа). Но этимъ узаконеніемъ установлено только право жены на ея имущество по смерти мужа; права ея при существованіи брака не были уяснены долго. Имѣетъ-ли право жена распоряжаться своимъ имуществомъ безъ согласія мужа? Еще въ 1753 г. сенатъ разрѣшалъ этотъ вопросъ по прошенію нѣкоей жены маіора Головнина Аксиньи, которая объясняла: имѣетъ-де она собственное свое движимое и недвижимое имѣніе; въ продажѣ ей онаго никакого запрещенія нѣтъ, а юстицъ-коллегія не пишетъ ей крѣпостей (продажныхъ) отъ ея имени, требуя, чтобы она въ этихъ крѣпостяхъ прописала, что продаетъ съ согласія мужа; а она Головнина съ мужемъ своимъ за несогласіемъ жительства не имѣетъ и того ей написать невозможно. Начались длинныя справки въ законахъ; оказалось, что юстицъ-коллегія уже два раза представляла этотъ вопросъ (въ 1744 и 1752 гг.) на разрѣшеніе сената, но резолюціи не получила. Впрочемъ сенатъ нашелъ, будто этотъ вопросъ ясно разрѣшается указомъ 1715 г. ноября 4, въ которомъ сказано, что дошло до свѣдѣнія сената, что въ Московской губерніи не хотятъ писать купчихъ и закладныхъ отъ имени женскихъ персонъ на недвижимое имѣніе; тогда (въ 1715 г.) сенатъ приказалъ „велѣть записывать въ приказахъ купчія и закладныя отъ женскихъ персонъ на вотчины и помѣстья". Однако напрасно сенатъ считалъ этотъ законъ столь яснымъ. Въ немъ идетъ рѣчь о правѣ „женскихъ персонъ" вообще распоряжаться недвижимыми имуществами, а отнюдь не о правѣ женъ распоряжаться своими имуществами безъ воли мужа. Во всякомъ случаѣ теперь, т. е. въ

1753 г., рѣшеніемъ сената по дѣлу Головинои вопросъ былъ уясненъ и разрѣшенъ окончательно.

Однако полная имущественная независимость жены и по новѣйшему законодательству подлежитъ нѣкоторому ограниченію. Супруги могутъ каждый независимо одинъ отъ другаго *входить въ обязательства* къ сторонним лицамъ; но въ торговомъ состояніи женѣ запрещается давать на себя векселя безъ согласія мужа, „если она сама отъ своего лица не производитъ торговли“. Узаконеніе это взято изъ устава о векселяхъ 1832 года, гдѣ это запрещеніе простирается какъ на женъ, такъ равно и на дѣтей, безъ дозволенія родителей.

Однимъ изъ частныхъ вопросовъ раздѣльности правъ обязательственныхъ между супругами служитъ вопросъ—*о правѣ супруговъ заключать обязательства между собою*. Достойно замѣчанія, что право это допускалось у русскихъ обычаемъ и закономъ съ древнѣйшихъ временъ, а между тѣмъ въ XVIII и XIX вѣкѣ вопросъ о немъ былъ поставленъ и подвергнутъ сомнѣнію; подобный вопросъ разсматривался еще при Екатеринѣ II сенатомъ въ 1763 г. въ присутствіи государыни и рѣшенъ тогда такъ, что продажа имѣній отъ женъ мужьямъ не должна быть допускаема, какъ потому, что на это нѣтъ законнаго дозволенія, такъ и потому, что жена, какъ находящаяся подъ властію мужа, въ дачѣ ему купчей противу воли его спорить не можетъ. Въ 1825 г. комиссія законовъ, разсуждая о томъ-же по другому поводу и обозрѣвъ все законодательство отъ Улож. ц. А. М. до 1763 г., нигдѣ не нашла запрещенія совершать продажи имѣній отъ жены мужу, и нашла также, что ук. 1763 г. данъ по частному дѣлу и не былъ опубликованъ; но и тогда (1825 г.) министръ юстиціи держался другаго мнѣнія. Въ общемъ собраніи сената также не состоялось единогласія, но Государь написалъ. „быть по мнѣнію большинства членовъ“. Такимъ обр. принципъ свободы сдѣлокъ между супругами восторжествовалъ. Въ частности, на вопросъ о правѣ *дареній* между супругами обращено вниманіе законодательной и судебной власти сложнымъ дѣломъ Демидова противъ его жены въ 1779 г. (Демидовъ требовалъ возвращенія ему имѣній, укрѣпленныхъ имъ за женою, такъ какъ она оказалась неблагодарною и распутною); но данный случай не привелъ ни къ какимъ постановленіямъ.

Общимъ результатомъ историческаго изученія вопроса объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ должно быть признано слѣд.: русское право имѣетъ отличительнымъ характеромъ своимъ равенство имущественныхъ правъ обоихъ супруговъ; но это достигается въ немъ не одною раздѣльностію правъ супруговъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но также и общностью права ихъ въ другихъ отношеніяхъ. Полная раздѣльность есть начало мертвое, противорѣчащее древнему справедливому понятію о бракѣ: „nuptiae sunt... consortium omnis vitae, divini et humani juris communicatio“ (Модестинъ).

II. Союзъ родителей и дѣтей.

1) **Составъ семейной власти.** *Двойственность* родительской власти въ русскомъ правѣ не можетъ быть указана ясно въ фактахъ древнѣйшей русской исторіи; но аналогія права другихъ славянскихъ народовъ указываетъ, что это устройство семейной власти явилось у славянъ съ незапамятныхъ временъ; доказательствомъ того служатъ слѣд. явленія: а) дѣти по смерти одного изъ родителей освобождались изъ подъ власти другаго, б) дѣти освобождались изъ подъ власти другаго родителя, если онъ вступалъ въ повторительный бракъ.

Впрочемъ нѣкоторыя (лѣтописныя) указанія есть и для древнѣйшаго русскаго права; таковы слова первоначальной лѣтописи о послушаніи отцу и матери, по поводу разсказа объ отношеніяхъ кн. Святослава къ Ольгѣ.

Въ московскую эпоху уже множествомъ явленій обнаруживается двойственность родительской власти; обоимъ родителямъ принадлежитъ: а) право распоряжаться брачною судьбою дѣтей; б) право отдавать дѣтей въ монастырь. У Котошихина читаемъ „А которые дѣвицы бываютъ увѣчны и стары,—и такихъ дѣвицъ отцы и матери постригаютъ въ монастыряхъ безъ замужества“ (Котош. XII, 13); в) право отдачи дѣтей въ рабство. Судебникъ царскій постановляетъ о правѣ совершеннолѣтнихъ дѣтей записываться въ холопы такъ: „а отцу его и матери у полныя не стояти и изъ холопства не взяти, потому что отецъ его и мати сами въ холопѣхъ“ (Суд. цар. 76); г) право управленія дѣтьми и наказанія дѣтей; Улож. ц. А. М. говоритъ: „быти у отца и матери во всякомъ послушаніи“ (XXII, 5), д) власть матери, не въ качествѣ опекунши, сохраняется ею и во вдовствѣ. Мать вдова можетъ вести за собою своихъ дѣтей въ холопство; напр.: „била челомъ въ службу Татищеву вдова... съ своимъ сыномъ... 11 годъ, да съ другимъ меньшимъ сыномъ... 5 годъ, и кабалу на себя служивую въ трехъ рублехъ велѣла записати (Ак., отн. до юрид. быта, II, стр. 121—122, сл. 117 и Улож. XX, 15). Матери-вдовѣ принадлежатъ и всѣ прочія права родительской власти, напр. выдача дочери замужъ (Ак. Юрид. XI, 392). Въ древнихъ княжескихъ семействахъ Московской династіи княгиня-мать сохраняла право суда въ распряхъ между ея дѣтьми-князьями; такъ князь Владиміръ Андреевичъ пишетъ въ своемъ завѣщаніи: „о чемъ сопрутся (не согласятся) ихъ (князей) бояре,—и нѣ идутъ предъ мою княгиню, и княгиня моя на котораго сына помолвитъ и обвинитъ,—и ты, братъ старѣйшій, князь великій, на томъ то доправи“ (Собр. госуд. гр. и дог. I, 74).

2) **Лица, подчиненныя родительской власти**—суть *дѣти*. По древнѣйшему праву семейная власть простиралась на всю совокупность лицъ, живущихъ въ домѣ (домочадцевъ); лица подчиненныя назывались *чадь*, каковое понятіе обнимало дѣтей, рабовъ, родственниковъ и прислугу, при чемъ отношеніе

всѣхъ этихъ лицъ къ семейной власти не различалось. Но по мѣрѣ того, какъ изъ этого сложнаго союза выяснились отдѣльные институты (холопскій, семейный, личнаго найма), лицами подчиненными по семейному праву остались только дѣти.

Понятіе это обнимаетъ лицъ, рожденныхъ въ бракѣ (или зачатыхъ въ бракѣ); лица, рожденныя извѣстною парою внѣ брака или въ бракѣ, который признанъ незаконнымъ, не подходятъ подъ это понятіе; эти послѣдніе суть натуральные или т. н. *незаконнорожденныя дѣти*. Такое понятіе въ языческую эпоху не имѣло точной опредѣленности, какъ нынѣ, но существовало: Русская Правда различаетъ законныхъ дѣтей отъ рабьихъ. Въ московскомъ правѣ изъ такихъ отношеній возникаетъ союзъ quasi—семейный, именно между матерью (но не отцемъ) и дѣтьми ея; по Улож. ц. А. М., кто прижитъ отъ наложницы до законной жены, или при законной женѣ отца, хотябы отецъ его впослѣдствіи женился на его матери, тотъ къ законнымъ дѣтямъ не причитается, помѣстій и вотчинъ отца не получаетъ. Но отношенія матери и ея незаконнорожденныхъ дѣтей до нѣкоторой степени признаются: она имѣетъ надъ ними законную власть, хотя гораздо слабѣйшую, чѣмъ надъ дѣтьми рожденными въ бракѣ (за убійство матерью дѣтей незаконнорожденныхъ полагается смертная казнь, а не тюремное заключеніе только). Въ Петровскомъ законодательствѣ (Уст. Воин. арт. 176) уже обращено вниманіе на отношеніе незаконнорожденныхъ къ отцу; именно матери и ея дѣтямъ дается право на содержаніе и „плату“ отъ отца, впрочемъ только если незаконная связь была между холостымъ и дѣвицею. Выше приведенъ указъ Екатерины II о раздѣлѣ наслѣдства между дѣтьми, рожденными въ незакон. бракѣ и въ бракѣ законномъ по равнымъ частямъ. Относительно наслѣдованія незаконнорожденныхъ ихъ матери узаконенія новаго времени молчатъ, но косвенно даютъ право предполагать его возможность: ук. 1800 г. марта 6 говоритъ. „о ненаслѣдованіи... въ *родовыхъ* имѣніяхъ послѣ родственниковъ съ отцовской стороны“.

Что касается до искусственнаго *сыновства*, или усыновленія, нѣтъ сомнѣнія, что пріемъ стороннаго въ составъ семьи, на условіяхъ сообщенія правъ сыновнихъ совершался у насъ издревле. Византійское право принесло намъ точныя узаконенія о томъ; между прочимъ этими узаконеніями разрѣшился вопросъ: могутъ-ли быть усыновляемы собственныя (незаконнорожденныя) дѣти посредствомъ гражданскаго акта или посредствомъ послѣдующей женитьбы на ихъ матери,—и рѣшенъ отрицательно. Совершалось усыновленіе посредствомъ особаго акта, исходящаго отъ церковной власти; освящалось оно особымъ церковнымъ обрядомъ—*сыноторенія*. Въ русскомъ обычномъ правѣ усыновленіе совершалось или чрезъ обрядъ фиктивнаго рожденія (если судить по аналогіи обычаевъ, сохранившихся у раскольниковъ при пріемѣ новыхъ адептовъ ихъ ученія), или (въ языческое

время) чрезъ женитьбу на вдовѣ брата (примѣръ—усыновленіе Святополка Владимиромъ), или чрезъ фактическій пріемъ усыновляемаго въ домъ, или чрезъ особый договорный актъ между усыновителемъ и усыновляемымъ: напр.: „принялъ... Сафоновъ въ домъ къ себѣ шурина своего Неѣлова. въ сына своего вмѣсто себѣ, жити вмѣстѣ до вѣку своего, а слушати ему его во всемъ... А пока онъ (усыновитель) живъ,—и ему владѣти всѣми своими крестьяны и людми по свой животъ;... послѣ его живота и по приказу его, весь животъ и крестьяне, и люди, и домъ и слобода—женѣ его (усыновителя) Ѳедорѣ, да шурину его Андрею“ (усыновляемому); актъ относится къ 1631 г. (Ак. Истор. I, 165). Самый обыкновенный и частый случай усыновленія составлялъ и составляетъ пріемъ зятя („примачество“) за неимѣніемъ сыновей.

Что касается до вопроса: всѣми-ли правами дѣтей пользуются усыновленные, то онъ рѣшенъ только новѣйшими узаконеніями. По закону 1815 г. усыновленные личными дворянами, духовными и разночинцами приписываются къ государственнымъ крестьянамъ. По закону 1835 года усыновленные купцами вводятся во всѣ права, роднымъ дѣтямъ принадлежащія (за исключеніемъ, однако, права почетнаго гражданства).

3) **Основанія и сущность семейной власти;** *а) личныя отношенія родителей къ дѣтямъ* Основаніе родительской власти не есть ни частное (dominium), ни государственное (imperium), а *potestas*. Но это понятіе у насъ ближе къ послѣднему, чѣмъ къ первому; титулъ власти у насъ—государь-батюшка, государыня-„матушка“. Право родительской власти состоитъ болѣе въ управленіи и судѣ, чѣмъ въ частной экономической эксплоатаціи силъ дѣтей. Отношенія дѣтей къ родителямъ характеризуются терминомъ *чтеть*, которымъ обозначается внутренняя свободная подчиненность, а не внѣшняя принудительность повиновенія. По русскому обычному праву семейная власть не всегда принадлежитъ родителямъ, а иногда одному изъ дѣтей по выбору или семьи, или общины, у г. Ефименка приведенъ примѣръ семейства, состоящаго изъ отца и трехъ сыновей, въ которомъ домомъ управляетъ младшій сынъ (Сборн. нар. юрид. обыч. Арх. губ. стр. 46).

Но въ историческомъ движеніи власть родительская проходитъ по разнымъ ступенямъ, сначала приближаясь къ частной, а потомъ постепенно отдаляясь отъ нея.

Первое проявленіе рабства есть *право родителей на свободу дѣтей*; о немъ находимъ свидѣтельства не только въ лѣтописныхъ сказаніяхъ о продажѣ дѣтей въ рабство въ голодное время (явленія, вынужденныя голодомъ, не суть явленія правомѣрныя), не только въ недостовѣрныхъ сказаніяхъ Даніила Заточника и Гербершейна, но и въ законодательныхъ кодексахъ Московскаго періода: по Суд. Іоан IV полный и докладной холопъ не можетъ продавать своего сына въ холопы, а равно и чернецъ и черница;

стало быть лица свободныя пользовались этимъ правомъ, которое, впро чемъ, ограничивалось несовершеннолѣтними дѣтьми и тѣмъ условіемъ, что и отецъ и мать поступаютъ вмѣстѣ съ ними въ холопство. Право отдачи дѣтей въ вѣчное холопство исчезло безъ законодательной отмѣны его въ XVI вѣкѣ.

Въ XVII в. его замѣнило лишь право отца и матери *отдавать дѣтей въ кабалу*, съ тѣми-же условіями, какія были указаны для отдачи дѣтей въ полное холопство т. е. съ условіемъ поступленія въ кабалу самихъ отца и матери вмѣстѣ съ ихъ несовершеннолѣтними дѣтьми.

Кабальныя записи прекращаются съ половины XVII в., а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ (безъ законодательной отмѣны) и право родителей укрѣплять дѣтей въ холопство. Въ замѣнъ этого въ Улож. ц. А. М. (XX, 45) является *право на отдачу дѣтей въ услуженіе:* „въ работу на урочные годы“. Но это истекаетъ столько-же изъ правъ родителей на дѣтей, сколько и изъ обязанностей ихъ давать дѣтямъ обученье и заботиться о ихъ прокормленіи. Съ такою незамѣтностію въ исторической послѣдовательности рабскія отношенія дѣтей смѣняются исполненіемъ обязанностей со стороны родителей. разительный примѣръ для исторіи права вообще.

Подобнымъ-же образомъ древнее *право на жизнь дѣтей* переходитъ постепенно въ право наказанія ихъ. Безусловное право на жизнь дѣтей проявляется у большей части первобытныхъ народовъ въ томъ, что новорожденному дитяти жизнь оставляется лишь въ томъ случаѣ, когда даруетъ ее ему отецъ; въ противномъ случаѣ дѣти, особенно-же дѣвочки, были предаваемы смерти. Изъ славянскихъ народовъ такой обычай приписывается однимъ поморянамъ (ср. Grimm's „Rechtsalterthum“. 455). Въ доказательство существованія подобнаго обычая у русскихъ едвали могутъ быть приводимы поздніе сказанія о Донскихъ козакахъ такого рода: „Сказываютъ, что когда стали посягать женъ, то по общему правилу, младенцевъ, родившихся у нихъ, сперва въ воду бросать установлено было, для того чтобы оные отцовъ и матерей для промысловъ ихъ не обременяли. Но потомъ обществомъ-же приговорили, дабы мужескаго пола младенцевъ въ живѣ оставляли, а женскаго роду въ воду метали, что до нѣсколько времени и велося, даже напослѣдокъ (пока наконецъ), когда уже ихъ не мало чрезъ разныхъ пришельцевъ, въ коемъ числѣ и женатые были, набралося, то тѣмъ войско ихъ уже умножилось, а паче изъ жалости отцовъ и матерей, общимъ кругомъ своимъ опредѣлили, чтобы дѣтей и женскаго пола уже болѣе не губили, но воспитывали бъ для общей надобности“ (Ригельманъ: Ист. о Донск. козак., стр. 9). О древнихъ восточныхъ славянахъ мы не имѣемъ подобныхъ извѣстій. Въ XII в., въ „вопрошаніи Кириков.“ даже неумышленное причиненіе смерти—задушеніе дитяти во время сна, признано преступнымъ („убійство есть“, если родители были пьяны). Однако свѣтскій

законъ долго не полагалъ никакого наказанія за дѣтоубійство (хотя несомнѣнно, что практика не оставляла этого преступленія безъ наказанія). Въ первый разъ Улож. ц. А. М. постановило наказаніе, но несравненно легчайшее наказанія за убійство сторонняго человѣка. Въ воин. арт. (163) за дѣтоубійство, равно какъ и за отцеубійство полагается высшая мѣра наказанія—колесованіе (хотя законъ говоритъ неясно: „кто убьетъ... дитя во младенчествѣ“) При этомъ дѣлается толкованіе: „ежели сіе убійство учинится ненарочно, или не въ намѣреніи кого умертвить, яко-бы кто похотѣлъ жену свою или дитя наказать, и оную такъ жестоко побьетъ, что подлинно отъ того умретъ, то правда, что наказаніе легче бываетъ“.

Такимъ образомъ право на жизнь дѣтей сводится къ *праву наказанія*, которое опять уже истекаетъ сколько изъ правъ родителей, столько изъ обязанностей ихъ. Впрочемъ и право наказанія прежде ничѣмъ не ограничивалось. Домострой, этотъ достовѣрнѣйшій памятникъ московскаго обычнаго права, указывая на ограниченность права наказанія жены, свидѣтельствуетъ о неограниченности права наказанія дѣтей: „сына ли имаши, совѣтуетъ онъ, не дошедъ внити въ юности, но сокруши ему ребра. Аще бо жезломъ біеши его, не умретъ, но здоровъ будетъ. Дщерь ли имаши, положи на ней грозу свою“. Этотъ памятникъ обосновываетъ право наказанія обязанностію родителей отвѣчать за поступки дѣтей предъ Богомъ и государствомъ: „аще что (дѣти) сотворятъ,—и отцомъ и матеремъ съ дѣтями отъ Бога—грѣхъ,... а отъ судей продажа и соромота“. Улож. ц. Ал. Мих. не велитъ принимать исковъ отъ дѣтей на родителей (XXII, 6) и наказываетъ первыхъ по одной жалобѣ послѣднихъ безъ производства разслѣдованія (ib. 4—5).

Законодательство XVIII в., въ томъ же Уставѣ благочинія 1782 г., въ которомъ опредѣлены личныя отношенія супруговъ, старалось опредѣлить и личныя отношенія дѣтей къ родителямъ и обратно; но исполнило это съ такою-же неполностью; а именно: родители суть *властелины* надъ своими дѣтьми; природная любовь къ дѣтямъ предписываетъ имъ *долгъ* дать дѣтямъ пропитаніе, одежду и воспитаніе доброе и честное по состоянію“ (П. С. З. № 15379, ст. 41). Здѣсь власть родительская ничѣмъ не ограничена; долгъ, о которомъ упоминается въ законѣ, есть долгъ моральный; изъ него не вытекаютъ никакія исковыя права для дѣтей.—Затѣмъ Екатерининское законодательство, не опредѣляя мѣры домашнихъ взысканій, предоставило право родителямъ заключать дѣтей въ смирительные дома, которые, между прочимъ, для этой цѣли и учреждены (Учрежд. о губ. 1775 г. ст. 391).

Всѣ изложенныя выше права родителей на дѣтей, съ древнѣйшихъ временъ относятся преимущественно къ малолѣтнимъ; съ возрастомъ дѣти фактически становятся полноправными членами семьи.

б) *Имущественныя отношенія родителей и дѣтей.* Семья, какъ субъектъ частнаго права, включаетъ въ себѣ не только обоихъ родителей, но и дѣтей (преимущественно—сыновей); само собою разумѣется что активное упражненіе правъ дѣтей возвышается съ теченіемъ возраста ихъ.— Скудные источники 1-го періода нашей исторіи не даютъ матеріала для уясненія состоянія этого вопроса въ то время; но аналогія древнаго чешскаго и польскаго права не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что у славянъ вообще *общность вещныхъ правъ* родителей и дѣтей существовала уже въ древнія времена: по одному чешскому акту 1203 года, бояре уступаютъ монастырю свои имѣнія „испросивъ напередъ согласіе на это у своихъ женъ, дѣтей и прочихъ наслѣдниковъ"; въ Польшѣ въ 1233 г. нѣкто Сулиславъ продалъ деревню „cum consensu omnium filiorum suorum" (см. Шпилевскаго: „Семейныя власти", стр. 214). Въ правѣ Московскаго государства то же явленіе открывается изъ многочисленныхъ актовъ купли-продажи, въ которыхъ имущества пріобрѣтаются и отчуждаются вмѣстѣ съ дѣтьми; напр. „Се азъ Андрей Нечай Ивановъ .. (съ) своимъ сыномъ Никитою продали есмя Ивану Ѳедорову сыну Межникову... полъ обжи земли..." (Ак Юрид. № 71, XXI и 86). Другой примѣръ: „А заложилъ ему деревню дѣдъ мой Никита и отецъ мой Александръ Кирилловскому игумену (прав. грам. 1511 г. въ Рус. Ист. Библіот., т. II, № 28). Неволинъ придалъ такой формулѣ сдѣлокъ иной смыслъ, а именно, она будто-бы означаетъ не болѣе, какъ „пріобрѣтеніе и отчужденіе имущества въ вѣчное и потомственное владѣніе", т. е. на правѣ полной собственности. Такое толкованіе не согласно съ истиною, ибо для означенной цѣли было-бы полезнѣе упомянуть нарицательно о дѣтяхъ продавца, а не поименовывать нхъ; у продавца и послѣ продажи могли быть другія дѣти. Далѣе дѣти и вообще нисходящіе, по закону, и безъ того не имѣли права выкупа имуществъ, отчужденныхъ отцомъ и дѣдомъ; такой законъ (Суд. 1550 г.) хотя и довольно поздній, но явленіе, формулированное въ немъ, несомнѣнно древнее. Законъ этотъ не означаетъ полнаго имущественнаго безправія дѣтей, а напротивъ предполагаетъ всегдашнюю солидарность воли всѣхъ членовъ семьи. Наконецъ въ сдѣлкахъ упоминаются дѣти не только продавца, но и покупщика; согласно съ толкованіемъ Неволина, это означало-бы лишь пріобрѣтеніе въ потомственную собственность; между тѣмъ послѣ Уложенія ц. А. М., когда вообще личныя права индивидуумовъ начинаютъ выдѣляться изъ подъ правъ союзовъ семейственныхъ, родовыхъ и общинныхъ, было именно постановлено, что вотчины, купленныя отцомъ вмѣстѣ съ дѣтьми, составляютъ общую собственность отца и тѣхъ именно дѣтей, которыя упомянуты въ купчей (П. С. З. № 1020; ук. 1683 г.); тогда-же было особымъ указомъ опредѣлено, что только тогда имущество считается исключительною собственностію отца, когда оно куплено на его только имя, хотя-бы при

немъ были невыдѣленныя дѣти (П. С. З. № 1157, отд. 2, ст. 6). Какая была-бы надобность въ подобныхъ узаконеніяхъ, если-бы до того времени практика не разсматривала всякое имущество, какъ общесемейное, и всякое пріобрѣтеніе (а равно отчужденіе), какъ актъ солидарный для отца и его дѣтей?

Общность имущественныхъ правъ родителей и дѣтей съ особенною силою проявляется въ сферѣ *обязательственнаго права*. Древній обще-славянскій принципъ выраженъ въ Полицкомъ статутѣ такъ: „добро и зло, корысть и тщета, и долги, кому они должны и кто имъ долженъ,—все за одно, пока не раздѣлятся". Подобное начало въ высшей степени примѣнялось и въ древній періодъ русскаго права, когда дѣти отвѣчали даже по обязательствамъ, возникшимъ изъ преступленія ихъ отца (выдача на потокъ съ женою и съ дѣтьми), впослѣдствіи отвѣтственность дѣтей въ этомъ отношеніи ограничивалась (ср. Суд. Казиміра), а въ московскомъ правѣ совсѣмъ отмѣнена. За то отвѣтственность по обязательствамъ, возникающимъ изъ договоровъ, сохранялась до Уложенія ц. А. М. въ полной силѣ: такъ дѣти отвѣчаютъ за долги умершаго отца не въ качествѣ наслѣдниковъ, а въ качествѣ дѣтей (Пск. Судн. Грам. ст. 85 ср. съ 86-ю). Равн. обр. и родители отвѣчаютъ по обязательствамъ неотдѣленныхъ дѣтей: въ 1568 г нѣкто подалъ явку объ убіеніи сына своего въ которой между прочимъ пишетъ: „а въ долгу его чтобы я въ конецъ не загибъ" (Ак. Юрид. № 45). Договоры обыкновенно пишутся отъ имени всѣхъ членовъ семьи, которые находятся между собою какъ-бы въ постоянныхъ корреальныхъ отношеніяхъ: „а кой насъ заимщикъ въ лицѣхъ, на томъ деньги и служба".— Начало семейной общности обязательственныхъ отношеній ослабѣваетъ со времени Улож. ц. А. М. (см. Ул. X, 132, 245), по мѣрѣ развивающейся тогда вообще индивидуализаціи права; но и тогда требовались особые указы, чтобы отстранить въ частныхъ случаяхъ отвѣтственность дѣтей по долгамъ родителей, когда ими не оставлено никакого наслѣдства и когда въ сдѣлкахъ дѣти не участвовали (П. С. З. № 290).

Законодательство со времени Петра В., идя неуклонно по пути выдѣленія имущественныхъ правъ отдѣльныхъ лицъ, особыми указами установило полную раздѣльность правъ родителей и дѣтей; между прочимъ неотдѣленныя дѣти при родителяхъ не имѣютъ никакихъ правъ на имущество этихъ послѣднихъ, между тѣмъ какъ въ практикѣ взрослые сыновья и теперь продолжали распоряжаться семейнымъ имуществомъ (П. С. З. № 5658; ук. 1730 г.) Но за то неотдѣленныя дѣти могутъ свободно распоряжаться своимъ собственнымъ имуществомъ безъ согласія родителей (ук. 1761 г.; П. С. З. № 11272). Такая полная раздѣльность имущественныхъ правъ вступила, однако, въ противорѣчіе съ совершеннымъ личнымъ подчиненіемъ дѣтей родителямъ: тѣмъ-же ук. 1761 г. было вполнѣ воспрещено дѣтямъ, хотя-бы совершеннолѣтнимъ, но не отдѣленнымъ и не имѣющимъ

своего имущества, входить въ какіе бы то ни было обязательства безъ согласія родителей (ул. ук. 1766 г.; П. С. З. № 12593). Но когда вопреки этого закона, сдѣлки такого рода были совершаемы, то онѣ сдѣлались прикрытіемъ обмана, ибо впослѣдствіи и получивши наслѣдство, обязавшіеся отказывались отъ исполненія обязательства, ссылаясь на ук. 1761 г., почему въ текущемъ столѣтіи этотъ законъ былъ отмѣненъ (ук. 1824 г; П. С. З. № 29945).

4) **Прекращеніе родительской власти.** По византійскому праву, власть родительская можетъ прекращаться какъ по волѣ родителей (эманципаціею), такъ и по закону въ слѣдствіе проступковъ отца.—По воззрѣніямъ русскаго обычнаго права, власть родительская не есть юридическое учрежденіе, а фактъ, данный природою и поддерживаемый нравственными началами; поэтому она не можетъ быть ничѣмъ искусственно прекращена до смерти родителей; но власть эта ослабляется постепенно по мѣрѣ возраста дѣтей и дряхлости родителей, такъ что семейная власть, при жизни отца, можетъ совсѣмъ перейти къ сыну. Изъ противоположныхъ началъ византійскаго и русскаго обычнаго права развились историческимъ путемъ слѣд. положенія нашего законодательства.

Во перв., что касается эманципаціи дѣтей въ силу *совершеннолѣтія* ихъ, то на существованіе ея въ русскомъ правѣ какъ будто указываютъ сказанія древнихъ арабскихъ писателей о русскихъ, а также обряды „посаженья на коня“ въ 1-й періодъ нашей исторіи и „постриги“ въ Московскомъ государствѣ. Казвини разсказываетъ: „если у кого-либо родится сынъ, то отецъ заботится о немъ до тѣхъ поръ, пока онъ (сынъ) не достигнетъ совершеннолѣтія; тогда отецъ даетъ ему лукъ и стрѣлы, говоря: ступай и заботься самъ о себѣ. Съ того времени онъ отсылаетъ отъ себя сына и смотритъ на него какъ на чужаго“. Но это, очевидно, перетолкованный обрядъ посаженья на коня, извѣстный изъ отечественныхъ источниковъ. Самый же этотъ обрядъ означаетъ не расторженіе союза родителей и сына, а—объявленіе сына совершеннолѣтнимъ и признаніе за нимъ достоинства полноправнаго члена семьи. Такое же значеніе имѣетъ и обрядъ „постриженія“; впрочемъ онъ давно уже началъ совершаться въ ранней молодости и отнюдь не прекращалъ ни власти отца, ни заботъ его о сынѣ.

Во втор., *преступленія* родителей первоначально не прекращали власти ихъ надъ дѣтьми: отецъ-преступникъ былъ выдаваемъ вмѣстѣ съ дѣтьми на потокъ и на разграбленіе. Въ Московскомъ государствѣ дѣйствовало то же правило при ссылкѣ родителей; велѣно было „ссылать въ Сибирь на пашню съ женами и дѣтьми на вѣчное житье“ (П. С. З. № 772); однако вскорѣ по изданіи этого указа было разъяснено, что слѣдуетъ „ссылать съ дѣтьми; которые дѣти у нихъ будутъ трехъ лѣтъ, а которые дѣти больше трехъ лѣтъ, и тѣхъ не ссылать“ (П. С. З. № 846; ук. 1680 г.); значитъ,

вѣчная ссылка прекращала родительскую власть не только въ отношеніи къ совершеннолѣтнимъ дѣтямъ, но и малолѣтнимъ свыше 3-хъ лѣтъ: лишь младенцы, которыхъ трудно отдать на попеченіе сторонникъ, слѣдовали за своими родителями.—Петровское законодательство сдѣлало еще шагъ дальше, признавъ (въ 1720 г.) вѣчную ссылку въ каторгу, или т. н. политическую смерть, за обстоятельство, совершенно прекращающее родит. власть (П. С. З. № 3628). Отъ самихъ дѣтей уже зависѣло продолжить сыновнюю связь, если они сами пожелаютъ слѣдовать за родителями.

Въ трет., почти такое же значеніе для судьбы родительской власти имѣетъ *поступленіе въ монашество*, которое и въ моск. эпоху не лишало вполнѣ гражданскихъ правъ, въ томъ числѣ и правъ родительскихъ: но существенныя и важнѣйшія права родительской власти терялись и тогда при поступленіи въ монашество; напр. родители-монахи не могли отдавать дѣтей въ холопство (Суд. царск. ст. 76).—Въ новыя времена монашество признано обстоятельствомъ вполнѣ прекращающимъ родительскую власть.

Въ четв., *поступленіе въ холопство* также первоначально не вполнѣ прекращало родительскую власть; несовершеннолѣтнія дѣти, обыкновенно поступавшія въ холопство вмѣстѣ съ родителями, оставались въ подчиненіи этимъ послѣднимъ, хотя фактически права родительской власти ограничивались въ этомъ случаѣ правами господина. Совершеннолѣтнія—свободныя дѣти, само собою разумѣется, освобождались (Суд. цар. 76).

Въ пят., *выдѣлъ сыновей*, *поступленіе ихъ на госуд. службу и замужество дочерей*, ослабляли родительскую власть фактически, но не прекращали ее. Въ новѣйшія времена былъ поставленъ вопросъ о сохраненіи родительской власти надъ замужними дочерьми (о чемъ упомянуто выше); вопросъ о конкурренціи власти родительской и власти мужа рѣшенъ въ пользу послѣдней.

Наконецъ только естественная смерть *обоихъ* родителей совершенно прекращала родительскую власть. Смерть одного изъ родителей переносила всю полноту власти на другаго, оставшагося въ живыхъ.

III. Опека.

По прекращеніи естественной родительской власти, возможно и необходимо установленіе искусственной власти надъ семьею, если въ ней остаются малолѣтніе члены. Это установленіе именуется *опекою*.

Опека по Русской Правдѣ. Условія возникновенія опеки по Русской Правдѣ значительно отличаются отъ современныхъ намъ. По понятіямъ древняго права семья по смерти главы ея можетъ быть поддержана въ своемъ прежнемъ составѣ естественно: или посредствомъ главенства матери, или подъ властію старшаго брата. Но обоихъ этихъ условій можетъ и не

существовать. мать также можетъ умереть, или идти во второй бракъ; между тѣмъ дѣти всѣ могутъ быть малолѣтними. Такимъ образомъ открывается промежутокъ между смертію наслѣдодателя и моментомъ, когда наслѣдники могутъ вступить въ его права. Это промежуточное время и вызываетъ необходимость учрежденія опеки. Изъ сказаннаго видно, что опека учреждается въ двухъ случаяхъ. а) при малолѣтствѣ всѣхъ дѣтей, б) при выходѣ матери замужъ и (разумѣется) смерти ея Оба эти условія Русская Правда выразила такъ: „если будутъ (останутся) у мужа въ дому дѣти малыя, не могущія сами о себѣ печаловаться, а мать ихъ пойдетъ замужъ, то отдаются на руки ближнему“ (Кар. 111).—Отсюда слѣдуютъ такія положенія относительно лицъ, принимающихъ опеку: мать, остающаяся съ дѣтьми, отнюдь не есть опекунша; понятія опеки и материнской власти взаимно исключаютъ другъ друга. Правда, уже и тогда явилась мысль о необходимости особыхъ средствъ обезпеченія дѣтей отъ злоупотребленій со стороны матери, именно постановлено, что если она растеряетъ имущество, и пойдетъ замужъ, то должна возместить растрату (113); но это именно предполагается только на случай выхода матери замужъ. Ни о какой отвѣтственности матери законъ не говоритъ, если она остается при семьѣ главою ея. Во вторыхъ, и въ случаѣ выхода матери во 2-й бракъ она можетъ сохранить нѣкоторое отношеніе къ своей малолѣтней семьѣ, потому что опекуномъ можетъ быть назначенъ *вотчимъ;* можно-бы подумать, что этотъ второй отецъ есть также отецъ, а не опекунъ, но законъ стремится тотчасъ-же устранить подобное предположеніе и настаиваетъ, что вотчимъ не можетъ передѣлывать распоряженій отца, если этотъ послѣдній оставилъ рядъ, и само собою разумѣется, не можетъ самъ сдѣлать произвольнаго ряда.—По общему же правилу опекуномъ назначается (какъ при смерти матери, такъ и при выходѣ ея въ замужество) *ближній*, т. е. родственникъ.—Власть опекунская замѣняетъ власть родительскую, но отличается отъ нея существенно (Р. П. Кар 111); именно власть опекуна точно опредѣлена закономъ со стороны правъ и обязанностей ея: она простирается только до совершеннолѣтія дѣтей („донелѣже возмогутъ“); имущество сдается опекуну при свидѣтеляхъ, съ тѣмъ, чтобы оно (капиталъ) было возвращено дѣтямъ въ цѣлости, прикупъ-же, т. е. приращеніе идетъ въ пользу опекуна за то, что онъ кормилъ и печаловался дѣтьми. За растрату принятаго имущества онъ отвѣчаетъ (платитъ) дѣтямъ. Обязательство это простирается и на опекуна-вотчима. Даже если вотчимъ умретъ, оставивши и сводныхъ и своихъ дѣтей малолѣтними, то при совершеннолѣтіи ихъ, родной сынъ его обязанъ вознаградить своихъ единоутробныхъ братьевъ за растраты, сдѣланныя отцомъ его (115). Существованіе и величина растраты, опредѣляются „людьми“—сторонними, третейскими судьями. Опека установляется общественною властію, какъ это можно видѣть изъ существа ея въ приве-

денныхъ постановленіяхъ. Полагать надо, что здѣсь разумѣется власть общинная, ближайшая къ семейной; но въ классахъ общества, ближе стоящихъ къ князю, можетъ подразумѣваться и власть княжеская. Однако установленіе опеки можетъ быть сдѣлано и умершимъ отцомъ, можетъ входить въ содержаніе „ряда". Въ такомъ случаѣ отецъ можетъ назначить опекуномъ и совершенно стороннее лицо—не родственника; равнымъ образомъ при этомъ устраняется и участіе свидѣтелей при сдачѣ имущества (въ силу неограниченности правъ отца). О подобномъ случаѣ разсказываетъ патерикъ печерскій, говоря, что нѣкогда было два друга (побратима). Іоаннъ и Сергій, и первый, умирая отдалъ второму сына своего Захарію на соблюденіе вмѣстѣ съ имуществомъ его (весьма значительнымъ 1000 грив серебра и 100 грив. злата). Но другъ оказался коварнымъ и обманулъ довѣріе побратима, желая завладѣть имуществомъ малолѣтняго. Затѣмъ слѣдуетъ чудесное открытіе замысла. Очевидно, что здѣсь нѣтъ участія свидѣтелей. Изъ этого-же разсказа узнаемъ, что совершеннолѣтіе, до котораго должна была простираться опека, назначалось въ 15 лѣтъ.

Къ этимъ постановленіямъ Рус. Правды послѣдующее законодательство и юридическіе акты не прибавляютъ ничего существенно новаго: значеніе матери, какъ главы семьи, а не опекунши, удерживается, но нѣсколько ослабляется вліяніемъ родственниковъ мужа.

Въ періодѣ имперіи древнія начала опеки во многомъ измѣняются; по законамъ Петра В., наслѣдникъ главный (при единонаслѣдіи) есть необходимый опекунъ своихъ малолѣтнихъ братьевъ и сестеръ (ук. 1714 г., П. С. З. № 2789, п. 4); но затѣмъ въ инструк. магистратамъ 1724 г. (П. С. З. № 4624, п. 46) предписывается магистратамъ назначать опекуна въ томъ случаѣ, если онъ не былъ назначенъ завѣщаніемъ отца. Послѣднее нужно считать первымъ установленіемъ опеки, какъ особаго государств. учрежденія, съ властію контролирующею дѣятельность опекуновъ (роль, которая въ древности могла принадлежать церкви). Окончательное установленіе такихъ учрежденій принадлежитъ имп. Екатеринѣ II, именно, по Учрежд. о Губ. 1775 г., для дворянъ установляется дворянская опека при уѣздномъ судѣ, а для горожанъ—городовой сирот. судъ при магистратѣ (Учр. о Губ. ст. 209—222 и 292—305; опека надъ малолѣтними изъ казенныхъ крестьянъ поручена въ 1797 г. волостному головѣ; опека надъ лицами духовнаго сословія поручена духовному начальству въ 1817 г.). Тогда въ законѣ опредѣляются качества, требуемыя отъ опекуна; опекуномъ не можетъ быть банкротъ и подсудимый; тогда-же опредѣленъ порядокъ отдачи въ опеку, власть опекуна и прекращеніе опеки: если опекунъ не назначенъ въ завѣщаніи, его назначаютъ двор. опека или сирот. судъ; оставленному имуществу составляется опись съ участіемъ упомянутыхъ правительственныхъ мѣстъ. Обязанность опекуна не ограничивается управ-

леніемъ имѣнія; онъ обязанъ воспитывать опекаемаго надлежащимъ образомъ (при чемъ законъ опредѣляетъ даже качества домашнихъ учителей и прислуги). Опекунъ обязанъ представлять ежегодные отчеты. Вознагражденіе за дѣятельность опекуна таксируется (5% дохода). Послѣ учрежденія о губ. при Екатеринѣ же (въ 1785 г. дек. 22; П. С. З. № 16300) установлено различіе опеки и *попечительства;* опека можетъ быть окончена въ 14 л. возраста опекаемаго, который можетъ просить о назначеніи себѣ попечителя; совершеннолѣтіе и вступленіе въ управленіе имѣніемъ отнесено къ 17 л. возраста его, но съ ограниченіемъ права продажи и залога недвижимыхъ имѣній безъ согласія попечителя до достиженія 21 года, когда оканчивается вполнѣ власть попечителя. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что въ періодъ 14—17 л. несовершеннолѣтній самъ распоряжается имѣніемъ, лишь съ согласія попечителя; въ періодъ 17—21 г. онъ распоряжается самостоятельно во всѣхъ случаяхъ, кромѣ отчужденія недвижимыхъ имѣній, что потомъ измѣнено указомъ 1826 г.

B.

Право наслѣдства.

Литература. См. выше соч. Неволина.

Reutz: «Versuch einer geschichtlichen Entwickelung der Grundsatze des russischen Vormundschaftsrecht». 1821.

«Versuch einer kurzen Darstellung des altesten russischen Erbrechts bis zum Уложеніе» (Dorp. Jahrbucher. 1836).

Н. Рождественскій: «Историческое изложеніе русскаго законодательства о наслѣдствѣ». Спб. 1839 г.

Куницынъ: «О наслѣдственныхъ правахъ лицъ женскаго пола». 1844 г.

Witte: «Ein Blick auf die geschichtliche Entwickelung des alteren russischen Erbrechts bis zum Gesetzbuche des Zaren Alexei Mich.». Dorp. 1848.

І. Губе: «Исторія древняго наслѣдственнаго права у славянъ» (Сборн. историч. и статистич. свѣдѣній о Россіи и народахъ ей единовѣрныхъ и единоплеменныхъ, изд. Д. В. т. I. М. 1845 г.)

А. Поповъ: «Объ опекѣ въ связи съ общественнымъ бытомъ древней Россіи» (Юридич. записки Рѣдкина, т. 2. М. 1842 г.).

Онъ-же: «Объ опекѣ и наслѣдствѣ по Русской Правдѣ» (Сборн. ист. и ст. свѣд., Д. В., т. I, М. 1845 г.).

И. Д. Бѣляевъ: «О наслѣдствѣ безъ завѣщанія». М. 1858 г.

В. Н. Никольскій: «О началахъ наслѣдованія по древнему русскому праву» М. 1859 г.

Онъ-же: «Объ основныхъ моментахъ наслѣдованія». М. 1871.

К. Д. Кавелинъ: «Взглядъ на историческое развитіе русскаго порядка законнаго наслѣдованія» (Современникъ, 1860 г., кн. 2).

П. П. Цитовичъ: «Исходные моменты въ исторіи русскаго права наслѣдованія». Харьковъ. 1870 г.

В. Г. Демченко: «Существо наслѣдства и призваніе къ наслѣдованію по русскому праву», Вып. I, Кіевъ. 1877 г.

Происхожденіе права наслѣдства и періоды его развитія.

Историческимъ основаніемъ права наслѣдства служатъ союзы лицъ, устраиваемыхъ самою природою—семьи и роды. Первоначально всѣ права имущественныя (какъ мы видѣли) принадлежатъ всѣмъ членамъ семьи или рода въ совокупности. Смерть главы семьи или другаго члена ея лишь переставляетъ порядокъ участвующихъ. Образцомъ этого порядка можетъ служить родовое владѣніе Рюриковичей русскою землею.

При полномъ господствѣ такой общности правъ семьи или рода наслѣдственнаго перехода имуществъ существовать не могло, ибо смерть лица не обусловливала перехода правъ. Но исторія застаетъ каждый народъ въ состояніи переходномъ къ правамъ личнымъ; лицо уже отчасти выдѣляется изъ общей родовой массы, хотя далеко не сразу завоевываетъ себѣ положеніе и значеніе. Однако въ *первый періодъ* (у насъ періодъ Русской Правды) первобытныя основанія наслѣдственнаго права остаются ясными, именно въ слѣд. признакахъ: наслѣдуютъ только члены семьи; воля завѣщателя подчинена этому порядку; наслѣдодатель не можетъ завѣщать имущества сторонним лицамъ; если нѣтъ членовъ семьи, то наслѣдство переходитъ къ представителю общественной власти. Таково право наслѣдства въ Рус. Правдѣ.

Затѣмъ во *второй періодъ* съ постепеннымъ освобожденіемъ личности получается возможность оставлять наслѣдство стороннимъ лицамъ, если нѣтъ у наслѣдодателя „своихъ", т. е. нисходящихъ и боковыхъ родственниковъ, хотя права наслѣдниковъ по завѣщанію рѣзко отличаются отъ правъ наслѣдниковъ по закону. Кругъ лицъ, призываемыхъ къ наслѣдованію по закону разширяется, простираясь на ближнее и дальнее родство; ибо вообще сфера вліянія гражданскихъ правъ лица раздвигается съ теченіемъ исторіи, не смотря на новыя стѣснительныя условія, введенныя Московскимъ государствомъ. Таково право наслѣдства во Псковѣ, Новгородѣ и Московскомъ государствѣ.

Третій періодъ исторіи наслѣдственнаго права, т. е. время имперіи открываетъ большія права для наслѣдодателя въ отношеніи ко всѣмъ имуществамъ кромѣ родовыхъ; кругъ призываемыхъ къ наслѣдству по закону простирается уже до безконечности.

ПЕРІОДЪ РУССКОЙ ПРАВДЫ.

Періодъ Рус. Правды обнимаетъ собою не только самую Р. Пр., но и время предшествующее ей. Въ догов. Олега находимъ слѣдующую статью (13): „если кто умретъ (изъ русскихъ въ Греціи), не урядивши своего имѣнія и не имѣетъ своихъ (т. е. нисходящихъ при себѣ въ Греціи), то имущество возвращается къ его милымъ ближикамъ (т. е. родственникамъ) въ

Русь. Если-же онъ (умершій) сдѣлалъ обряженье (завѣщаніе), то имущество получаетъ тотъ, кому онъ записалъ наслѣдовать имѣніе; онъ можетъ получить его отъ русскихъ, торгующихъ (въ Греціи), или другихъ, ходящихъ въ Грецію и „удолжающихъ“. Въ этой статьѣ находятъ: а) различеніе наслѣдованія по закону и наслѣдованія по завѣщанію; б) въ наслѣдованіи по закону различаются „свои“ (sui), т. е. исходящіе. отъ ближиковъ, боковыхъ родственниковъ; о завѣщаніи говорится, какъ о письменномъ актѣ. На этихъ основаніяхъ одни полагаютъ, что въ ст. договора Олега отразилось только византійское право и византійское воззрѣніе на наслѣдство. По мнѣнію другихъ (Эверса) здѣсь нельзя различать ни русское, ни византійское право, а надо признать частное международное право. Но статья имѣетъ въ виду не опредѣленіе порядка наслѣдованія послѣ руссовъ, жившихъ въ Греціи, а возвращеніи такого наслѣдства въ Россію. По праву Рус. Пр., какъ увидимъ, боковымъ родственникамъ не могло переходить имущество наслѣдодателя, ни по завѣщанію, ни по закону; имущество безвѣтнаго переходило къ князю. Но въ Греціи не могли дѣйствовать права русскаго князя; русскіе не хотѣли допустить въ такомъ случаѣ и правъ византі. императора. Отсюда явилось требованіе о непремѣнномъ возвращеніи имущества въ Русь.

Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ признать, что право договора съ греками въ этой его части отнюдь не выражаетъ характерныхъ признаковъ древнѣйшаго русскаго наслѣдственнаго права. Истиннымъ выразителемъ его служитъ Русская Правда.

Рядъ *(наслѣдованіе по завѣщанію).* Выше было сказано, что точное различеніе наслѣдованія по закону и по завѣщанію не можетъ быть приписано временамъ древнѣйшимъ. Въ исторической преемственности нельзя говорить ни о преимущественной древности завѣщательнаго наслѣдованія, ни наоборотъ. Первоначально оба способа наслѣдованія неразличимы, ибо законъ замѣняется обычаемъ, а обычай складывается изъ проявленій воли частныхъ лицъ.

Въ Рус. Пр. по внѣшности различаются завѣщаніе—*„рядъ“* и наслѣдованіе безъ завѣщанія. Но по внутренней сущности того и другаго, между ними нѣтъ существеннаго различія. *„Рядъ“*, или по терминологіи договора Олега—*„обряженіе“*, есть завѣщательное распоряженіе. Но содержаніе этого распоряженія не есть назначеніе наслѣдника (въ чемъ заключается вся сущность римскаго тестамента), а лишь распредѣленіе имущества между готовыми (законными) наслѣдниками. Сообразно съ этимъ находимъ въ Рус. Пр. съ одн. стор. твердое опредѣленіе *ненарушимости* воли завѣщателя: „также есть рядъ, яко же рядилъ“ (Кар. ст. 112); „кому мати всхочетъ, тому дастъ; дасть-ли всѣмъ, и всѣмъ раздѣлять“. Но эта ненарушимая и священная воля простирается только на распредѣленіе имущества. „если кто, умирая, раздѣлитъ домъ дѣтямъ своимъ, на томъ и стояти; если-же умретъ безъ

ряду...", то наступаютъ такія то послѣдствія. И такъ „рядомъ" здѣсь названъ раздѣлъ дома. Да это такъ и естественно предполагать въ первобытныя времена: воля завѣщателя естественно наклоняется въ пользу собственныхъ дѣтей, если они есть. Отсюда въ послѣдующихъ духовныхъ грамотахъ XIV в. завѣщаніе пишется всегда, но всегда имущество завѣщевается въ пользу законныхъ наслѣдниковъ.

Въ уясненіе такого характера завѣщанія могутъ быть приведены черты даже римскаго, изъ древнѣйшихъ его временъ; и у римлянъ первоначально завѣщатель всегда отдавалъ предпочтеніе исходящимъ предъ боковыми и сторонними; далѣе, при назначеніи наслѣдникомъ стороняго, этотъ послѣдній усыновлялся завѣщателю, и самое назначеніе наслѣдника совершалось первоначально въ куріатскихъ комиціяхъ.—Для уясненія первобытнаго завѣщанія можетъ служить и нынѣшнее обычное право (см. Чубинскаго: „Народн. юридич. обычаи", № 117 и др.).

И такъ первоначальное завѣщаніе есть лишь распредѣленіе имущества между законными наслѣдниками. Рус. Правда не даетъ ни малѣйшаго права предполагать, что завѣщатель могъ назначить наслѣдникомъ стороннее лицо ни тогда, когда у него есть дѣти, ни даже тогда, когда у него ихъ нѣтъ. Но изъ перваго дѣлается исключеніе при введеніи христіанства. Въ языческую эпоху, при господствѣ тѣснѣйшей и исключительной семейной связи для наслѣдодателя вовсе не было лицъ близкихъ къ нему за предѣлами семьи. Со введеніемъ-же христіанства общественныя связи расширились; явился разрядъ лицъ, столь-же близкихъ ко всѣмъ, какъ и родные члены семьи,— это отцы духовные, духовенство. Каждый наслѣдодатель, распредѣляя имущество между дѣтьми, включалъ въ число своихъ близкихъ и церковь; отдѣлялъ часть имущества „по душѣ". Такимъ образомъ открылся какъ-бы большій просторъ для субъективной воли. Однако сила обычая тотчасъ взяла перевѣсъ надъ субъективною волею и въ этомъ отношеніи: обычай утвердилъ обязательность этого выдѣла „по душѣ"; такъ что и въ томъ случаѣ, когда кто умираетъ „безъ ряду", то при раздѣлѣ дѣтей, слѣдуетъ выдача части по душѣ: „пакы ли безъ ряду умреть... на самого часть дати по душѣ" (Кар. 105). Принципъ, что завѣщатель не можетъ распорядиться своимъ имуществомъ и тогда, когда у него не останется законныхъ наслѣдниковъ, ослабѣваетъ и отмѣняется уже въ XIII в. До насъ дошла отъ этого вѣка одна духовная, въ которой завѣщатель (новгородецъ Климентъ) отдаетъ свое имущество сторонним лицамъ, „потому что у него не было ни брата, ни сына". По Рус. Пр. въ такомъ случаѣ слѣдовала выморочность и имущество переходило къ князю.

Что касается до формы составленія завѣщанія, то, хотя Рус. Правда ничего опредѣленнаго не постановляетъ, однако даетъ право предполагать, что обычною формою было *словесное* совершеніе завѣщанія; именно, говоря

о правѣ матери завѣщать имущество, Рус. Пр. продолжаетъ: „если же безъ языка умретъ“, то наступаетъ законное наслѣдованіе. Словесная форма вполнѣ согласна съ сущностію „ряда“; рядъ есть распоряженіе имуществомъ съ общаго согласія членовъ семьи. Это не частная воля, которая должна быть извѣстна другимъ со всею точностію, а коллективная воля цѣлой семьи, подъ руководствомъ отца. Впрочемъ отъ временъ Рус. Пр. дошли до насъ и письменные завѣщательные акты, именно (кромѣ упомянутой духовной Климента) духовная Антонія Римл. 1147 г. и два духовныхъ завѣщанія кн. Владиміра Васильковича Волынскаго. И тотъ и другіе изъ этихъ актовъ не выполняютъ, однако, понятія Рус. Пр. о рядѣ; первое есть завѣщаніе монаха, вторые—князя, а у князей родовое начало преобладало надъ семейнымъ. Послѣдніе названы *рукописаніями*, т. е. такимъ терминомъ, который впослѣдствіи спеціально пріуроченъ къ завѣщаніямъ; писаны они, по приказанію князя, писцомъ его Ѳедорцемъ и имѣютъ форму, до сихъ поръ удержавшуюся за актами этого рода, т. е. начинаются словами: „во имя О. и С. и Св. Д.“ Изъ этихъ двухъ грамотъ первая, въ пользу брата его кн. Мстислава есть актъ государственный—передача княжескаго стола; вторая—въ пользу жены завѣщателя имѣетъ значеніе частнаго завѣщательнаго акта; въ немъ князь передаетъ женѣ городъ Кобринъ, три села и монастырь. Замѣчательно, что села завѣщатель называетъ *своими;* а объ одномъ говоритъ прямо, что купилъ его у такого-то за такую-то сумму. Такимъ образомъ для завѣщателя открывается въ первый разъ большій просторъ субъективной воли—въ распоряженіи своими *благоприобрѣтенными* имуществами. Разумѣется гор. Кобринъ не подходитъ подъ это понятіе; но завѣщатель и распоряжается не самымъ городомъ, какъ частнымъ имуществомъ, а лишь доходами съ этого города; очевидно, что пользованіе этими доходами есть выдѣлъ вдовьей части въ пожизненное владѣніе, тогда какъ села завѣщаны въ полную собственность княгини, что и обнаруживается изъ весьма оригинальнаго конца этого завѣщанія: „а княгиня моя, послѣ моей смерти, если захочетъ идти въ черницы, пусть идетъ, если же не захочетъ идти, то какъ ей любо: мнѣ не смотрѣть, вставши изъ гроба, что кто будетъ дѣлать послѣ моей смерти“.

Право дѣлать завѣщаніе приписывается въ Рус. Правдѣ лишь отцу и матери въ отношеніи къ дѣтямъ и мужу на выдѣлъ женѣ, чѣмъ въ высшей степени подтверждается указанное нами понятіе о „рядѣ“ Русской Правды.

Наслѣдованіе по закону *(по обычаю).* Первоначально законъ не вмѣшивался въ порядокъ наслѣдованія; каждый разъ отецъ семейства, по соглашенію съ прочими членами семьи, распредѣлялъ имущество на случай смерти. Постановленія Рус. Правды о наслѣдствѣ явились на тотъ случай, когда кто умретъ безъ ряду. Каждый отецъ распредѣлялъ имущество между своими дѣтьми. Поэтому и законъ, когда не осталось завѣщанія, старается

распредѣлить имущество умершаго такъ, какъ-бы сдѣлалъ это самъ наслѣдодатель, если-бы онъ успѣлъ распорядиться. Такимъ образомъ наслѣдство по закону является не ограниченіемъ воли завѣщателя, а восполненіемъ ея; и то и другое въ существѣ тожественны.

Кругъ лицъ, призываемыхъ къ наслѣдству по закону, есть семья въ самомъ тѣсномъ смыслѣ, т. е. какъ союзъ супружескій, и союзъ родителей и дѣтей. Наслѣдуютъ только дѣти умершаго, а равно въ раздѣлѣ имущества, т. е. въ наслѣдствѣ въ неточномъ смыслѣ, участвуетъ его вдова и церковь. Никто изъ другихъ лицъ (напр. боковыхъ родственниковъ) къ наслѣдству не призывается. Рус. Правда опредѣляетъ общій порядокъ наслѣдованія по закону въ двухъ первыхъ своихъ статьяхъ о наслѣдствѣ (103 и 104 Кар.), здѣсь она различаетъ порядокъ наслѣдованія въ классѣ смердовъ съ одной стороны, и въ классѣ бояръ, боярской дружины и людей—съ другой. Въ первомъ случаѣ наслѣдство переходитъ „дѣтямъ" въ собственномъ смыслѣ, т. е. мужескаго пола; если-же ихъ нѣтъ, а есть дочери, то эти послѣднія, не получая наслѣдства, получаютъ лишь выдѣлъ приданаго. Въ остальныхъ классахъ общества, за неимѣніемъ сыновей, наслѣдуютъ и дочери. Въ первомъ случаѣ при неимѣніи сыновей, во второмъ—сыновей и дочерей, оставшееся имущество становится выморочнымъ и идетъ князю. Таковъ простой и ясный смыслъ статей Рус. Правды.

Но при этомъ возбуждается масса вопросовъ: призываются ли къ наслѣдованію боковые? Почему въ сословіи смердовъ исключаются отъ наслѣдованія дочери? Почему не упоминаются дальнѣйшіе нисходящіе—внуки и т. д.? Всѣ эти вопросы, подсказанные позднѣйшими условіями права наслѣдства, подали поводъ къ различнымъ перетолкованіямъ ясныхъ статей Рус. Правды.

Такъ однимъ изслѣдователямъ (Никольскій) казалось, что необходимо въ эпоху Рус. Пр. распространить кругъ наслѣдующихъ и на боковыхъ. Поэтому они думаютъ, что Рус. Пр. въ упомянутыхъ двухъ статьяхъ изображаетъ не общій порядокъ наслѣдованія, а спеціальный; именно, будтобы общій порядокъ наслѣдованія всѣхъ свободныхъ лицъ призывалъ къ наслѣдованію и боковыхъ родственниковъ; но изъ этого порядка исключаются классъ смердовъ, и классъ бояръ и дружинниковъ. Какъ тотъ, такъ и другой состоятъ изъ лицъ, зависимыхъ отъ князя по личнымъ отношеніямъ. Смерды—это низшій безземельный классъ, преимущественно сельскихъ обывателей, подобный проніямъ сербскимъ и кметамъ вислицкаго статута. Они жили и работали на княжескихъ или (что тоже) общественныхъ земляхъ, владѣя имуществомъ лишь на правахъ пользованія. И въ Польшѣ до вислицкаго статута наслѣдство послѣ кметовъ шло въ пользу князя; но этотъ статутъ призналъ такой обычай несправедливымъ и допустилъ къ наслѣдованію ихъ родственниковъ (consanguineos vel affines).

Въ подобной-же личной зависимости отъ князя находился и классъ, стоявшій на противоположной ступени общественной іерархіи — *бояре*. Сличая наше право съ сербскимъ, Никольскій находитъ большое сходство между положеніемъ нашихъ бояръ и сербскихъ *властелиновъ*, которымъ, по закон. Душана, сербскій царь наслѣдовалъ въ ихъ движимомъ имуществѣ. Изъ нашего изложенія государственнаго права древней Руси видно, что въ этихъ замѣчаніяхъ о положеніи смердовъ есть нѣкоторая доля истины. Дѣйствительно, ихъ особымъ положеніемъ зависимости объясняется privilegium odiosum въ ихъ порядкѣ наслѣдованія не отъ общаго (миниаго) порядка наслѣдованія, а отъ того, который дѣйствительно существовалъ для бояръ и „людей“. По мнѣнію И. И. Цитовича и здѣсь, т. е. въ отношеніи къ смердамъ, нѣтъ никакого исключенія. онъ полагаетъ, что и послѣ смердовъ наслѣдство только тогда идетъ князю, когда, у смердовъ не осталось дѣтей вообще, т. е. какъ мужескаго, такъ и женскаго пола. Но если такъ, то тогда не зачѣмъ было отдѣльно говорить о смердьемъ наслѣдствѣ, въ противоположность боярскому и людскому. Что-же касается до класса бояръ и боярской дружины, то выводъ Никольскаго долженъ быть признанъ совершенно ошибочнымъ; въ эпоху 3-й Рус. Пр., т. е. въ XII—XIII в.в. классъ этотъ долженъ быть признанъ вполнѣ свободнымъ отъ личной зависимости отъ князя. Сверхъ того сама Р. Пр. ясно указываетъ, что порядокъ наслѣдованія, изображенный въ 104-й ст., есть порядокъ общій, а не спеціальный; именно статья эта надписывается (въ Кар. спискѣ). „о боярскомъ наслѣдствѣ и о людскомъ“, т. е. о наслѣдствѣ „людей“,—терминъ, подъ которымъ разумѣются всѣ свободные граждане. Такимъ образомъ несомнѣнно, что Рус. Пр. допускаетъ наслѣдованіе только дѣтей, но исключаетъ отъ наслѣдованія дочерей въ сословіи смердовъ.

Допускается-ли при этомъ наслѣдованіе дальнѣйшихъ нисходящихъ, т. е. внуковъ и т. д.? Хотя Рус. Правда объ этомъ не упоминаетъ, но допустить утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ необходимо, подъ тѣмъ только условіемъ, что внуки живутъ въ нераздѣльной семьѣ съ ихъ дѣдомъ наслѣдодателемъ. Но Рус. Пр., очевидно, имѣетъ въ виду тотъ бытъ, когда каждый женатый сынъ выдѣляется въ особый домъ, основываетъ независимое хозяйство, т. е. имѣетъ въ виду не сложную семью, не родъ, а семью въ тѣсномъ смыслѣ, а потому и не считаетъ нужнымъ упоминать о дальнѣйшихъ нисходящихъ. Такова общая сфера наслѣдованія по Русской Правдѣ.

Опредѣливъ общую сферу права наслѣдства, мы должны ознакомиться въ частности съ отношеніями къ этому праву отдѣльныхъ членовъ семьи.

Наслѣдованіе сыновей. Въ этомъ отношеніи уже въ Рус. Пр. стоитъ твердо отличительный принципъ русскаго права: къ одновременному наслѣдованію призываются *всѣ сыновья*: „пакы-ли безъ ряду умреть, то всѣмъ дѣтемъ“ (105). Напротивъ отличительная черта древне-германскаго права

есть наслѣдованіе одного старшаго сына по крайней мѣрѣ въ главномъ имуществѣ. Принципъ первородства, впрочемъ, не составляетъ особенности только германскаго права, извѣстно его значеніе у восточныхъ народовъ (напр. у евреевъ). Нѣмецкій историкъ Филипсъ весьма основательно объясняетъ господство принципа первородства слѣдующими бытовыми условіями: старшіе братья, способные носить оружіе, исключаютъ младшихъ, не достигшихъ совершеннолѣтія. „Старшій братъ—вмѣсто отца“, какъ говорилось и въ русскомъ княжескомъ родѣ. Но въ рус. правѣ принципъ первородства, взявшій рѣшительное преобладаніе въ государственномъ правѣ, совершенно исчезъ въ порядкѣ частнаго наслѣдованія. Въ позднѣйшее время при Петрѣ В., оба эти начала столкнулись въ указанной рѣзкой противоположности на русской почвѣ.

Способъ наслѣдованія сыновей можетъ быть двоякій: братья по смерти отца, или остаются въ общемъ совладѣніи, или дѣлятъ имущество поровну. Первый случай представляетъ чистый типъ древнѣйшаго наслѣдованія, когда права на имущество не претерпѣваютъ никакого видимаго перехода; старшій замѣняетъ отца. Второй способъ—раздѣлъ имуществъ на равныя части—совершается или вслѣдствіе ряда, даннаго отцомъ, или по взаимному соглашенію братьевъ. Рус. Пр. говоритъ только, что если отецъ умретъ безъ ряду, то домъ всѣмъ дѣтямъ, и не входитъ въ дальнѣйшія и подробнѣйшія объясненія; но изъ этого выраженія самъ собою вытекаетъ порядокъ равнаго раздѣла имущества. Изъ этого сдѣлано одно исключеніе, что отеческій дворъ во всякомъ случаѣ оставляется въ пользу младшаго: „дворъ безъ дѣлу отенъ всякоп меншему сынови“ (Кар. 112). Что означаетъ здѣсь „безъ дѣлу“? То-ли, что дворъ не включается въ раздѣлъ, или замѣняетъ для младшаго сына его законную часть наслѣдства? Слѣдуетъ думать, что онъ входитъ въ составъ слѣдующей младшему части. Объясненіе мотивовъ этого находимъ въ живомъ обычномъ правѣ (см. у Чубинскаго, Нар.-юрид. об. № 118: крестьянинъ завѣщаетъ свой собственный домъ, съ принадлежащею къ нему усадьбою... меньшимъ своимъ сыновьямъ, потому что старшіи имѣетъ свою собственную усадьбу. Иногда обычай Рус. Правды называютъ *минораторомъ*, но напрасно. Мотивъ закона не большее, а вѣрнѣйшее обезпеченіе младшаго, который можетъ остаться малолѣтнимъ и долженъ имѣть готовый кровъ.

Какъ сказано, Рус. Пр. не вмѣшивается въ опредѣленіе наслѣдственныхъ долей сыновей. Но она предвидитъ, что споръ о раздѣлѣ наслѣдства возможенъ; въ такомъ случаѣ она предоставляетъ рѣшеніе волѣ князя, который посылаетъ своего дѣтскаго дѣлить дѣтей (Кар. 117). Между тѣмъ по древнѣйшему уставу церковному (Влад.) споры о наслѣдствѣ вообще подлежатъ рѣшенію церковной власти: „братни ли дѣти тяжются о задници...“ (здѣсь, кажется, слѣдуетъ читать: братія или дѣти...). Это обстоятельство

выставляется, какъ аргументъ противъ подлинности церковныхъ уставовъ. Но извѣстно, что въ древней Руси все право наслѣдства, наравнѣ съ семейственнымъ подлежало вѣдѣнію церкви Противорѣчіе можетъ быть разрѣшено или тѣмъ, что въ Рус. Пр. отразились обычаи древнѣйшіе —дохристіанскіе, или тѣмъ, что, по буквальному смыслу Рус. Правды, князю предоставляется рѣшеніе споровъ (не о наслѣдствѣ, а именно о дѣлежѣ имущества) тогда, когда тяжущіеся сами пожелаютъ обратиться къ суду князя.

Наслѣдованіе дочерей. Въ выше представленной схемѣ круга наслѣдующихъ было показано, что по общему порядку дочери наслѣдуютъ только при неимѣніи сыновей; по спеціальному-же порядку (въ классѣ смердовъ) дочери не наслѣдуютъ и тогда, когда сыновей не осталось. Исключеніе дочерей отъ наслѣдства при сыновьяхъ есть общій принципъ славянскаго и германскаго права. Изъ славянскихъ законовъ, древне мазовецкое право выражается такъ: „ex antiqua consvetudine дочери не наслѣдуютъ въ отеческихъ имѣніяхъ и нѣкоторыхъ другихъ имуществахъ при братьяхъ и ихъ дѣтяхъ: но всегда остаются у нихъ in dote, иначе—na posagu". Древнегерманскія законодательства, дѣлая такія-же постановленія, отчасти указываютъ и на свои мотивы; такъ англо-верпскіе законы отказываютъ дочери въ наслѣдствѣ не только при братьяхъ, но и безъ нихъ, если наслѣдство состоитъ въ недвижимомъ имуществѣ, что и называлось въ собственномъ смыслѣ *hereditas;* къ наслѣдованію-же денегъ и движимости (mancipio) допускаютъ и дочерей, если нѣтъ сыновей. Недвижимое имущество, при неимѣніи сыновей переходитъ не къ дочери, а къ ближайшему родственнику со стороны отца.

Нѣчто подобное было впослѣдствіи и въ нашемъ правѣ, когда напр. въ княжескихъ вотчинахъ не призывались къ наслѣдству дочери; вотчины шли въ казну и были, по волѣ государя, передаваемы родственникамъ умершаго, а дочерямъ выдавалось приданое. Мотивъ этотъ понятенъ: недвижимое имущество обременено служебными обязанностями по отношенію къ государственной власти; обязанности эти (преимущественно военную службу), женщина исполнять не можетъ. Но въ Рус. Пр. такого мотива нѣтъ; имущество, о которомъ она говоритъ вообще въ своихъ статьяхъ о наслѣдствѣ, есть *дворъ, статокъ, добытокъ* (движимость). Здѣсь должна присутствовать другая причина, болѣе общаго характера; эта причина—есть первобытная семейная основа права наслѣдства. Семью продолжаютъ сыновья, а не дочери. Выйдя замужъ, дочь основываетъ другую семью. На этомъ мотивѣ держатся и нынѣшнія права наслѣдованія дочерей, повидимому столь противныя справедливости.

Исключеніе незаконнорожденныхъ. Во всѣхъ предыдущихъ положеніяхъ разумѣется дѣти законнорожденныя. Но во времена Рус. Пр. понятіе это было довольно шатко, такъ какъ не исчезло еще ни многоженство, ни сво-

бода разводовъ Было ясно только различіе женъ отъ *рабынь-наложницъ*. О дѣтяхъ, рожденныхъ отъ этихъ послѣднихъ, Рус. Правда опредѣленно постановляетъ, что наслѣдства имъ нѣтъ; но по смерти отца свобода имъ съ матерью (Кар 110). Въ такихъ случаяхъ, по указанію позднѣйшихъ обычаевъ, слѣдовалъ *надълокъ* освобожденнымъ, состоявшій въ движимыхъ вещахъ.

Таковъ порядокъ наслѣдованія нисходящихъ по общей нормѣ, именно порядокъ наслѣдованія послѣ отца.

Наслѣдство дѣтей послѣ матери. Другой порядокъ наступаетъ, если наслѣдованіе идетъ отъ матери. Во первыхъ смыслъ текста Рус. Правды даетъ понять, что матери принадлежитъ большая свобода въ распоряженіи своимъ имуществомъ, чѣмъ отцу: „а материня часть дѣтямъ ненадобна (т. е. на эту часть дѣти не могутъ заявлять притязаній); но кому мать захочетъ, тому и дастъ“ (Кар. 114). Это постановленіе, относящееся собственно къ завѣщательному праву, указываетъ, однако, на разницу наслѣдства послѣ матери, лежащую въ самомъ существѣ его. И дѣйствительно далѣе Русская Правда такъ опредѣляетъ законный порядокъ наслѣдованія послѣ матери. „если она умретъ безъ языка, то у кого (изъ дѣтей) она жила во дворѣ, у кого умерла и кто ее кормилъ, тому и получать наслѣдство“. Другая статья (116) служитъ разъясненіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ этого постановленія. Какъ сказано, дочери при сыновьяхъ не наслѣдуютъ послѣ отца; послѣ-же матери можетъ-ли наслѣдовать дочь, когда именно дочь, а не сыновья, пріютила мать и кормила ее до смерти? Рус. Правда говоритъ: „мать можетъ отдать все кому угодно изъ сыновей перваго-ли, или втораго мужа, кто только къ ней былъ добръ. Если-же всѣ сыновья ея будутъ непочтительны („лихи“), то можетъ дать дочери, которая ее кормила“. Здѣсь опять Рус. Пр. говоритъ о наслѣдованіи завѣщательномъ, но мы уже знаемъ, что завѣщательный порядокъ совершенно тождественъ съ законнымъ. По сличенію съ предыдущею статьею, ясно, что если мать умретъ безъ языка, то имущество получаетъ тотъ, у кого она жила, хотя-бы то была и дочь.

На чемъ основывается эта разница въ порядкѣ наслѣдованія послѣ матери и отца? На томъ, что мать остается главою и продолжительницею власти въ семьѣ лишь тогда, когда семья остается нераздѣленною. Но если раздѣлъ послѣдовалъ, и вдова получила свой законный выдѣлъ, то она уже не принадлежитъ ни къ какой изъ новыхъ семей. Она можетъ примкнуть, по собственной волѣ и выбору, къ какому-либо изъ дѣтскихъ семействъ, къ которому въ такомъ случаѣ и пріурочивается принесенное ею имущество. Впрочемъ всѣ эти замѣчанія относятся только къ наслѣдованію послѣ матери—*вдовы*. Но если жена умерла при мужѣ, то ея имущество до смерти мужа, хотя-бы онъ вступилъ во второй бракъ, остается въ составѣ общесемейнаго имущества. Лишь послѣ смерти отца дѣти ея наслѣдуютъ ея

часть; но уже наслѣдуютъ *всѣ* дѣти, можетъ быть со включеніемъ и до черей.

Наслѣдованіе восходящихъ. Изъ предыдущаго видно, что порядокъ наслѣдованія идетъ въ порядкѣ естественнаго поступанія поколѣній отъ старшаго къ младшему. Рус. Пр. умалчиваетъ о наслѣдованіи *восходящихъ*, конечно не потому что родительская власть исключала возможность существованія у дѣтей отдѣльнаго имущества. Въ одной семьѣ это, конечно, нужно предположить; но сыновья отдѣленные, безъ сомнѣнія, могли имѣть и имѣли свое независимое право на имущества: имъ могъ наслѣдовать отецъ. Но Рус. Пр. молчитъ и не даетъ никакого права предполагать существованіе такого обратнаго порядка наслѣдованія, именно вслѣдствіе указаннаго выше общаго характера права наслѣдованія, опредѣляемаго сферою семьи.

Наслѣдованіе супруговъ. Въ понятіе семьи входитъ не только союзъ родителей и дѣтей, но и союзъ супружескій. Установляетъ-ли древнее право порядокъ наслѣдованія въ этомъ послѣднемъ союзѣ? Русская Правда содержитъ въ себѣ нѣсколько статей о правѣ жены на оставшееся послѣ мужа имущество. Поэтому можно подумать, какъ и думаютъ обыкновенно, что Рус. Пр. опредѣляетъ права наслѣдства жены послѣ мужа, хотя не устанавливаетъ обратнаго порядка, т. е. наслѣдованія мужа послѣ жены. Если признать вѣрнымъ первое, т. е. что по Рус. Пр. жена наслѣдуетъ мужу, то второе, т. е. ненаслѣдованіе мужа женѣ можно-бы изъяснить тѣмъ, что жена не имѣетъ никакихъ имущественныхъ правъ при мужѣ, а потому и не можетъ оставить никакого наслѣдства.

а) Наслѣдованіе жены. Однако провѣримъ первое: даетъ-ли Рус. Правда женѣ право наслѣдовать послѣ мужа? Въ статьѣ 106-й Рус. Пр. между прочимъ говоритъ: „а наслѣдство ей (женѣ) мужнино не надобѣ“, т. е. она не можетъ имѣть притязаній на наслѣдство послѣ мужа. Думаемъ, что нашъ памятникъ точно различаетъ понятіе наслѣдства отъ выдачъ или выдѣловъ, которые могутъ быть сдѣланы по смерти лица изъ его имущества кому-либо, и отъ другихъ правъ, которыя могутъ лишь казаться правами наслѣдованія. Поэтому тѣ права, которыя Рус. Пр. назначаетъ женѣ, не должны быть признаваемы и именуемы наслѣдствомъ. Что-же именно Рус. Пр. назначаетъ женѣ? Она возвращается къ этому вопросу два раза (ст. 106 и 113) и имѣетъ въ виду два возможныхъ случая: 1) семья, по смерти отца, можетъ остаться нераздѣленною; тогда мать семейства, оставшаяся вдовою, остается главою семьи [1]), даже въ томъ случаѣ, если-бы дѣти не хотѣли держать ее на дворѣ; „если она захочетъ остаться съ дѣтьми, то во всякомъ случаѣ исполнить ея волю, а дѣтямъ воли не давать“. Если

[1]) Изложенныя выше (стр. 317) узаконенія о причисленіи вдовъ къ людямъ церковнымъ, очевидно, относятся къ вдовамъ безпріютнымъ и безсемейнымъ.

семья не противится власти матери, то, очевидно, мать не нуждается ни въ какомъ выдѣлѣ имущества, какъ хозяйка. Доказательствомъ того, что такое отношеніе къ имуществу мужа Р. Пр. допускаетъ для вдовы, служитъ слѣдующее указаніе: „если жена, говорится въ этомъ памятникѣ, обѣщается сидѣть (вдовою) по мужѣ, но растеряетъ имущество и пойдетъ замужъ, то платить ей все дѣтямъ“ (113). Ея безотчетная родительская власть разрушается лишь вторымъ бракомъ ея. Но воспріятіе родительской власти не есть переходъ имущественныхъ правъ въ наслѣдствѣ. 2) Если-же семья дѣлится по смерти отца, то какое положеніе наступаетъ въ этомъ случаѣ для матери? Тогда она получаетъ выдѣлъ изъ имущества мужа: „если жена останется вдовою послѣ мужа, то дать ей часть, взявши ее отъ ея дѣтей“. Часть эта можетъ быть ей назначена ея мужемъ въ завѣщаніи („а что на нее мужъ возложилъ, тому она госпожа“), можетъ быть и выдѣлена при раздѣлѣ дѣтей. Какая часть должна быть выдѣлена по закону, этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ лишь предположительно и по аналогіи съ правами другихъ народовъ,—а именно часть вдовы должна равняться сыновней. Но этотъ выдѣлъ не есть наслѣдство. Единственное право на полученный законный выдѣлъ, предоставляемое вдовѣ, это распоряженіе имъ на случай смерти въ пользу своихъ всѣхъ дѣтей, или одного изъ нихъ. Такой выдѣлъ есть то же, что называлось впослѣдствіи—на *прожитокъ*. Лучшее уясненіе характера этого „прожитка“ заключается въ судьбѣ его въ томъ случаѣ, когда вдова идетъ во 2-й бракъ. Судя по древнѣйшимъ завѣщаніямъ, часть данная на прожитокъ, въ такомъ случаѣ обыкновенно возвращается семьѣ—дѣтямъ (за немногими исключеніями, какъ выше въ духовн. кн. Владиміра). Косвеннымъ образомъ то же можно вывести и изъ самой Русской Правды, именно слѣд. выраженій ея: „аще жена сядетъ по мужи“, т. е. если останется вдовою, „то дать ей часть“; очевидно разумѣется, что если жена не остается вдовою, то и части не получаетъ. 3) Наконецъ приданое, принесенное женою и состоявшее въ распоряженіи мужа, по смерти мужа возвращается ей (на что намекаетъ ст. 106 Кар.); но это, очевидно, не имѣетъ никакого отношенія къ праву наслѣдства.

б) Ненаслѣдованіе мужа. Рус. Пр. указываетъ выдѣлъ женѣ послѣ смерти мужа; но не говоритъ ни о какихъ правахъ мужа на имущество жены по ея смерти. Предположеніе, что мужъ потому не наслѣдуетъ послѣ жены, что жена не имѣетъ никакихъ имущественныхъ правъ по отношенію къ мужу, прямо опровергается текстомъ Рус. Правды. Именно Р. Пр. предвидитъ, что могутъ остаться дѣти отъ двухъ женъ и постановляетъ, что каждый изъ дѣтей наслѣдуетъ въ имуществѣ своей матери. Относительно 2-й жены, оставшейся вдовою, можно еще подумать, что здѣсь рѣчь идетъ объ имуществѣ, выдѣленномъ ей мужемъ „на прожитокъ“; но относительно 1-й, умершей раньше смерти мужа, такое предположеніе невѣроятно. Ясно,

что здѣсь рѣчь идетъ о собственныхъ имуществахъ жены, принесенныхъ ею въ видѣ приданаго, или пріобрѣтенныхъ во время брака. Имущественныя права жены, подчиненныя правамъ мужа при существованіи брака (см. выше объ имущ. отношеніяхъ супруговъ), выдѣляются и спеціализируются при прекращеніи брака смертію того или другаго супруга. И такъ не по этой причинѣ Рус. Правда обходитъ молчаніемъ право мужа наслѣдовать женѣ. Можно-бы предположить для такого умолчанія общую причину, именно неполноту и казуистичность памятника; но Рус. Правда очень полно затрогиваетъ всѣ стороны взаимныхъ отношеній членовъ семьи въ правѣ наслѣдства и два раза говоритъ о правахъ вдовы; такимъ образомъ были всѣ поводы для составителя памятника вспомнить и объ обратныхъ правахъ мужа. Слѣдуетъ заключить, что древнѣйшій законъ потому обходитъ это явленіе, что его не существовало въ дѣйствительности. Такъ оно и есть въ послѣдующемъ правѣ, въ особенности въ правѣ Литовско-русскомъ, что̀ удержалось и до сихъ поръ въ законахъ малороссійскихъ губерній. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что мужъ, по смерти жены, не лишается права владѣнія и пользованія женинымъ имуществомъ, что оно не отбирается у него, какъ это видно изъ приведеннаго выше постановленія о томъ, что по смерти отца единоутробные наслѣдуютъ каждый въ имуществѣ своей матери; стало быть до смерти мужа имущество 1-й жены находилось въ его пользованіи и распоряженіи. Но это пользованіе отнюдь не есть наслѣдство; мужъ лишь продолжаетъ пользованіе. Это обстоятельство окончательно уясняетъ намъ значеніе выдѣла женѣ. О немъ упоминаетъ Рус. Пр. (умалчивая о правѣ пользованія мужа) только потому, что по смерти отца семейства можетъ послѣдовать полный раздѣлъ семьи; а по смерти матери семейства при живомъ отцѣ этого быть не можетъ.

И такъ по древнѣйшему русскому праву *супруги не наслѣдуютъ другъ другу* (что̀ и согласно съ естественною преемственностью наслѣдства въ преемственномъ порядкѣ поколѣній); но тотъ и другой супругъ пользуются пожизненно или всѣмъ имуществомъ семьи, или (жена) частью этого имущества.

Таковы несложныя формы права законнаго наслѣдованія по Рус. Правдѣ, истекающія изъ одного общаго начала и послѣдовательныя во всѣхъ подробностяхъ.

Юридическая сущность наслѣдованія по Русской Правдѣ. Иногда встрѣчается предположеніе, что право наслѣдства есть явленіе искусственное, обязанное происхожденіемъ своимъ закону, ибо-де первоначально вовсе не было понятія о правѣ наслѣдства, какъ переходѣ всѣхъ имущественныхъ правъ умершаго на другія лица; наслѣдствомъ первоначально назывались будто-бы, вещи, оставляемыя умершимъ (безхозяйныя), а *не права*. Но истинный взглядъ на юридическую сущность права наслѣдства замѣтенъ уже въ древнѣйшія

времена русскаго права. Мы упоминали о постановленіи Рус. Правды, по которому наслѣдникъ вотчима обязанъ вознаградить пасынковъ его за растерянное вотчимомъ имущество этихъ послѣднихъ (Кар 115). Въ договорѣ съ нѣмц. 1229 г. опредѣленно постановлено: „если иностранецъ даетъ въ заемъ деньги княж. холопу или иному доброму человѣку, а тотъ умретъ не заплативъ, то кто беретъ его наслѣдство, тотъ платитъ и долгъ нѣмцу“. Ключъ къ изъясненію это самый простой: преемство имущественныхъ правъ сосредоточивается въ семьѣ, которая и заключаетъ обязательства сообща и отвѣчаетъ по нимъ сообща, не смотря на совершающіяся перемѣны въ личномъ составѣ семьи.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ

1. Право наслѣдства (въ XIV и XV в.) въ Новгородѣ и Псковѣ.

Нельзя принять мысль К. Д. Кавелина о томъ, что порядокъ наслѣдованія, изображенный въ Пск. Судн. Грам., есть порядокъ болѣе древній, сравнительно съ порядкомъ, установленнымъ въ Рус. Правдѣ; первый будтобы уцѣлѣлъ въ Новгор. и Псковѣ потому, что эти государства—общины менѣе подверглись потрясенію со стороны варяго-русскаго княж. элемента; въ слѣдствіе этого (будто-бы) въ Новгородѣ и Псковѣ семьи и роды разлагались медленнѣе, чѣмъ въ остальной Россіи. Едва-ли торговый бытъ содѣйствуетъ сохраненію семейной нерасторжимости; напротивъ, сущность наслѣдованія въ Новгордѣ и Псковѣ представляетъ дальнѣйшій фазисъ развитія права наслѣдства сравнительно съ Рус. Правдою.

Наслѣдованіе по завѣщанію. По Псков. Суд. Грамотѣ взаимное отношеніе завѣщательнаго и законнаго наслѣдованія уже не столь тѣсное; между ними является нѣкоторое противоположеніе. Очевидная разница обнаруживается въ самомъ наименованіи того и другаго: второе называется „*отморшина*“, т. е. имущество, оставшееся послѣ умершаго, первое—„*приказное*“, т. е. имущество, переданное кому-либо по приказу другаго (ст. 55). Наслѣдники по закону не имѣютъ особаго титула; наслѣдники по завѣщанію именуются „приказниками“ (ст. 14). Болѣе существенная разница является въ самихъ правахъ наслѣдниковъ по тому или другому титулу. Разница эта состоитъ въ отвѣтственности наслѣдниковъ по обязательствамъ наслѣдодателя, и правѣ ихъ искать на сторонніхъ лицахъ по обязательствамъ этихъ послѣднихъ къ наслѣдодателю. Именно: если кто, не имѣя ни заклада, ни записи (формальнаго акта) станетъ искать на наслѣдникахъ по завѣщанію поклажи или ссуды, а между тѣмъ есть завѣщаніе законно укрѣпленное, то такой искъ не принимается. Равнымъ образомъ и наслѣдники по завѣщанію могутъ искать на сторонніхъ лицахъ лишь въ томъ случаѣ, когда у

нихъ въ рукахъ находится формальный актъ—закладъ или запись, а безъ того искать не могутъ (ст. 14). Напротивъ наслѣдники по закону могутъ искать и безъ заклада и безъ записи, и на нихъ можно искать также (ст. 15). Полное и точное понятіе о наслѣдствѣ даетъ только наслѣдство по закону: наслѣдники этого рода вполнѣ воспринимаютъ имущественную личность наслѣдодателя. Наслѣдники по завѣщанію продолжаютъ ее лишь въ той мѣрѣ, въ какой она опредѣлена самимъ наслѣдодателемъ въ завѣщаніи.

Обращаясь къ наслѣдству по завѣщанію, находимъ слѣд. отличія отъ права Рус. Правды: а) Субъективная воля завѣщателя получаетъ уже бо́льшій просторъ; личность уже не такъ поглощается правами семеннаго союза и государства. Въ силу этого завѣщаніе можетъ сдѣлать всякій членъ семьи; напр. жена при мужѣ можетъ оставить завѣщаніе. „у кого умретъ жена безъ рукописанія, а у ней останется вотчина, то мужъ владѣетъ тою вотчиною до смерти“ (ст. 88). Слѣд. жена посредствомъ завѣщанія можетъ уничтожить это право пользованія мужа и передать вотчину стороннему лицу. Рус. Пр. говоритъ о правѣ вдовы сдѣлать завѣщаніе; здѣсь о правѣ жены. Всякій можетъ посредствомъ рукописанія распорядиться всякимъ родомъ имущества, не стѣсняясь ни родовымъ характеромъ имущества, ни значеніемъ недвижимыхъ имуществъ. Это видно уже изъ приведеннаго примѣра (о завѣщаніи вотчины женою) и еще болѣе открывается изъ слѣд. статьи: „кто дастъ при жизни или передъ смертію самъ своею рукою своему родственнику движимое имущество или вотчину посредствомъ грамотъ на нее, то тому тѣмъ и владѣть, хотя-бы не было рукописанья“ (ст. 100). б) Законъ уже довольно точно опредѣляетъ формы составленія завѣщаній. Мы говорили, что по Рус. Пр. завѣщанія предполагаются словесныя, потому что въ нихъ выражается не субъективная воля завѣщателя, а общій „рядъ“ цѣлой семьи. Требованіе письменныхъ завѣщаній является тогда, когда въ нихъ выражена воля частнаго лица, ничѣмъ не руководящагося кромѣ личнаго усмотрѣнія. Дѣйствительно въ Пск. суд. грам. видимъ, что, по общему правилу, завѣщанія составляются письменно, почему и называются *рукописаніями*. Рукописанье не только должно быть написано, но и скрѣплено, или утверждено. Утвержденіе совершалось посредствомъ положенія его въ ларь (архивъ) св. Троицы—центральной церкви Пскова. Можно подумать, что допускалось и словесное совершеніе завѣщаній, именно въ слѣд. формахъ: завѣщатель долженъ лично передать наслѣднику отказываемую вещь или акты на вотчину; такая передача должна быть совершена въ присутствіи священника или стороннихъ людей. Но это есть предсмертный даръ, а не завѣщаніе и при томъ здѣсь—порядокъ исключительный, какъ это видно изъ оборота рѣчи приведенной статьи: „тому тѣмъ даньемъ и владѣть, хотя бы и рукописанья не было“. Составленіе письменнаго завѣщанія требуется, однако, лишь тогда, когда имущество отказывается сто-

роннему лицу, а не наслѣднику по закону, что видно изъ содержанія приведенной выше статьи (14) о правахъ наслѣдниковъ по завѣщанію, гдѣ именно говорится, что ихъ права обуславливаются тѣмъ, если рукописаніе составлено и положено въ ларь св. Троицы. Наслѣдники-же законные остаются при тѣхъ же правахъ и *боязанностяхъ*, *оставлено-ли въ ихъ пользу* письменное завѣщаніе или нѣтъ. Это-же видно и изъ *постановленія*, только что приведеннаго о томъ, что словесныя *распоряженія могутъ имѣть силу*, если имущество передается родственнику (ст. 100). в) Не смотря на формальную свободу субъективной воли *по закону* въ дѣлѣ распоряженія имуществомъ на случай смерти, въ дѣйствительности *фактически* наслѣдованіе по завѣщанію стоитъ еще въ тѣсной близости къ наслѣдованію по закону. По прежнему воля завѣщателя склоняется слѣдовать указаніямъ порядка законнаго наслѣдованія, или правильнѣе—указаніямъ природы. Для провѣрки фактической стороны завѣщательныхъ распоряженій у насъ есть уцѣлѣвшія духовныя грамоты Новгородскія и Двинскія XIV—XV вв. (эти акты вмѣстѣ съ тѣмъ, помогутъ намъ сдѣлать справку относительно новгородскаго права наслѣдованія, такъ какъ въ новгородскомъ законодательствѣ не сохранилось о немъ ничего).

На основаніи образцовъ новгородскаго завѣщательнаго права мы можемъ составить слѣд. понятіе о формѣ и содержаніи духовныхъ грамотъ того времени: Начальная формула завѣщанія (призываніе св. Троицы) указываетъ на то, что право наслѣдства находилось въ своемъ историческомъ развитіи подъ вліяніемъ церкви. а) Хотя завѣщаніе главнымъ образомъ заключается въ назначеніи главнаго наслѣдника, однако такимъ назначаются обыкновенно лица, имѣющія право наслѣдованія по закону; напр.: „приказываю животъ свой своей матери Онтоньи и сынови своему Ѳедору, отцыну и дѣдину землю и воду“. Такова первая существенная часть завѣщанія. б) Вторая часть завѣщанія состоитъ въ томъ, что завѣщатель опредѣляетъ основанія своихъ правъ на оставляемое имущество. Если рѣчь идетъ о вотчинѣ и дѣдинѣ, то онъ указываетъ, „что то имущество получено имъ по отца своего рукописанію и по володѣнію“, т. е. имущество досталось ему по завѣщательному и вмѣстѣ законному праву отъ отца. Затѣмъ завѣщатель описываетъ составъ имущества, что вызывалось самою сущностью дѣла относительно родовыхъ недвижимыхъ имуществъ. Имущества *родовыя* нѣкогда находились въ общемъ владѣніи цѣлаго рода; но въ послѣдствіи части ихъ постепенно усвояются въ отдѣльное владѣніе семействъ, другія остаются въ нераздѣльномъ владѣніи не только съ братьями наслѣдодателя, но съ дядьями и выше. Поэтому завѣщатель излагаетъ всю сложную исторію первоначальнаго общаго родоваго имущества, даже и въ тѣхъ частяхъ его, которыя уже окончательно отошли въ частную собственность сторонихъ лицъ. Но недвижимыя имущества могутъ быть и *купленыя* или

полученныя по суду; указывая основанія правъ на нихъ, завѣщатель долженъ указать, гдѣ находится купчая грам. или „утягальная". Точно также ему необходимо описать свои права обязательственныя, что ему слѣдовало бы *взять* по жеребьямъ и по грамотамъ, и что ему слѣдовало *дать*. Здѣсь же онъ долженъ упомянуть, чѣмъ обезпечены эти обязательства: оставляетъ-ли онъ наслѣдникамъ „закладъ", или есть порука по должникѣ. Далѣе слѣдуетъ описаніе движимаго имущества; существенная сторона этой части состоитъ изъ распоряженій на счетъ *холоповъ;* по общему обычаю слѣдуетъ освобожденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ. Вся эта 2-я часть духовной (такъ сказать инвентарная) обыкновенно признается главною частію завѣщанія, ибо первая—назначеніе наслѣдника, падающее всегда на законнаго, кажется несущественною и даже излишнею. Но мы уже знаемъ, что завѣщаніями опредѣлялся весь порядокъ наслѣдованія. При утверждающейся свободѣ завѣщательнаго права назначеніе наслѣдника (хотя-бы и законнаго) становилось совершенно неизбѣжнымъ и главнымъ содержаніемъ завѣщанія. Но и вторая фактическая часть завѣщанія лишь намъ теперь кажется только фактическою, для тогдашняго-же права она имѣетъ существенное значеніе.

в) 3-я часть завѣщанія заключается въ назначеніи выдѣловъ; въ числѣ *легатаровъ* первое мѣсто занимаетъ *жена*, которая получаетъ условныя права: „аже всѣдить въ животѣ моемъ, но господарыня животу моему, или пойдеть замужъ, то ей надѣлки 10 рублей; а что принесла порты, и кругу и челядь, и то ей и есть".

г) Случайными частями завѣщанія служатъ: во первыхъ *субституціи*, т. е. перестановка наслѣдственныхъ правъ въ случаѣ наступленія будущихъ событій, напр. жена остается беременною; отъ нея можетъ явиться или сынъ, или дочь. Въ первомъ случаѣ измѣняется опредѣленіе главнаго наслѣдника; во второмъ прибавляется легатаръ; въ первомъ случаѣ обоимъ сыновьямъ имущество пополамъ, во второмъ—сынъ обязанъ выдать сестру по силѣ. Но древнимъ правомъ допускалась и субституція въ собственномъ смыслѣ. Завѣщатель предвидитъ возможность смерти своихъ дѣтей въ малолѣтствѣ; въ такомъ случаѣ онъ не предоставляетъ дальнѣйшую судьбу имущества случаю (за неимѣніемъ порядка преемства точно установленнаго въ законѣ); онъ назначаетъ самъ дальнѣйшаго наслѣдника: передаетъ свое имущество своему боковому родственнику (брату): но братъ—не сынъ; ему обыкновенно завѣщевается только $^1/_2$ имущества; другая-же—*церкви* за душу самого наслѣдодателя, его отца и матери. Основанія допущенія субституціи совершенно ясны: законныя опредѣленія о наслѣдованіи или вовсе не существуютъ, или слѣдуютъ за волею завѣщателей. весь (будущій) порядокъ законаго наслѣдованія и въ боковыхъ линіяхъ предопредѣляется въ завѣщаніяхъ. Но этотъ порядокъ, указанный завѣщательнымъ правомъ, весьма оригиналенъ: половину имущества угасающая семья несетъ съ со-

бою такъ сказать на тотъ свѣтъ (оно достается церкви подъ условіемъ молитвъ о благосостояніи въ будущей жизни), и лишь другая достается роду, что составляетъ дальнѣйшій шагъ сравнительно съ Рус. Пр., когда съ угасаніемъ семьи имущество становится выморочнымъ.—Затѣмъ слѣдуетъ назначеніе *попечителя*, который назначается въ случаѣ малолѣтства главнаго наслѣдника даже и въ томъ случаѣ, когда остается мать наслѣдодателя и его вдова—„господарыня животу его“. Но при этомъ послѣднемъ условіи значеніе этого попечителя не есть значеніе опекуна. Онъ не есть хозяинъ имущества, а лишь покровитель и защитникъ.

д) Наконецъ 4-я и послѣдняя существенная часть духовной состоитъ въ назначеніи *душеприкащиковъ*—исполнителей завѣщанія.

е) Формы правильнаго совершенія завѣщанія требуютъ подписи *послуха*, которымъ былъ обыкновенно отецъ духовный, и въ такомъ случаѣ достаточно было одного послуха. Но кромѣ того требуется подпись *дьяка*, писавшаго завѣщаніе. Явки завѣщанія въ новгородскихъ духовныхъ не видно.

Въ такомъ видѣ дошло до насъ завѣщательное право Пскова и Новгорода. Общій выводъ изъ него таковъ: завѣщаніями опредѣляется весь порядокъ наслѣдованія, какъ собственно завѣщательный, такъ и законный (завѣщанія пишутся всегда, хотя бы наслѣдованіе шло по законному порядку); завѣщатель всегда предпочитаетъ законныхъ наслѣдниковъ сторонникъ.

Отсюда памятники завѣщательнаго права служатъ вмѣстѣ источниками для познанія права законнаго наслѣдованія. Субъективная воля, получившая уже значительный просторъ по закону, не пользуется своимъ произволомъ для измѣненія порядка древняго наслѣдованія, за тѣми немногими исключеніями, которыя сейчасъ будутъ указаны.

Наслѣдованіе по закону. Общій характеръ законнаго наслѣдованія во Псковѣ К. Д. Кавелинъ опредѣляетъ справедливо такъ: „наслѣдство представляетъ нѣчто цѣлое, разсматривается не какъ имущество, а какъ *хозяйство*, которое не дѣлится между лицами, а достается вполнѣ тому или тѣмъ, кто остается послѣ умершаго въ его домѣ, на томъ же корню и завѣдываетъ его домашними дѣлами. Если сынъ отдѣлится отъ отца или матери и не прокормитъ ихъ до смерти, то не наслѣдуетъ послѣ нихъ; кто жилъ съ умершимъ, тотъ наслѣдуетъ, будетъ-ли отецъ, мать, сынъ, братъ, сестра, или кто изъ ближнихъ родственниковъ... Наслѣдуетъ, если можно такъ выразиться *домъ*, а не лицо. На томъ же основаніи жена послѣ мужа владѣетъ его имѣніемъ, а мужъ имѣніемъ жены послѣ ея смерти и до новаго брака, т. е. пока не будетъ основано новое семейство, новое хозяйство. Подобный этому порядокъ наслѣдованія существуетъ отчасти и теперь у велико-русскихъ крестьянъ“. Въ этой картинѣ невѣрно только одно: она приписана

исключительно Пскову, въ противоположность Рус. Правдѣ; между тѣмъ съ полною вѣрностью она прилагается именно къ Рус. Правдѣ: а для Пскова черты ея должны быть уже смягчены. 15 ст. Иск. С. Гр. перечисляетъ законныхъ наслѣдниковъ такъ: отецъ, мать, сынъ, братъ, сестра, или кто ближняго племени. Въ частности наслѣдуютъ:

а) *Нисходящіе-сыновья*, наслѣдующіе всегда вмѣстѣ съ ихъ матерью *(если она остается)*. Это и есть нормальная и постоянная среда законнаго наслѣдованія; но 85 ст. П. С. Г., если у какого-либо господина умретъ его изорникъ (крестьянинъ), находившійся въ записи въ отношеніи къ своему господину относительно уплаты ссуды, и у него останется жена и дѣти, не включенные въ запись, то они тѣмъ не менѣе должны платить ссуду по этой записи и не могутъ ни въ какомъ случаѣ отказаться отъ уплаты ея. Если-же между господиномъ и его крестьяниномъ не было записи, то рѣшать дѣло судомъ по псковскимъ обычаямъ. Такимъ образомъ наслѣдованіе нисходящихъ вмѣстѣ съ матерью отличается по правамъ наслѣдниковъ тѣмъ, что они не могутъ отказаться отъ наслѣдства со всѣми его обязательствами, должны отвѣчать по обязательствамъ наслѣдодателя, хотя-бы сами не участвовали въ обязательствѣ. Наоборотъ, если наслѣдниками остаются братъ или другіе родственники (по ст. 86), то господинъ только тогда можетъ искать съ нихъ покруты, когда они заявятъ желаніе принять наслѣдство.

Выше было указано, что наслѣдуютъ не всѣ сыновья, а лишь тѣ, которые остались въ дому, не вышли въ свое особое хозяйство при жизни отца или матери (ст. 53). Способъ наслѣдованія сыновей остается тотъ-же, что и въ Рус. Правдѣ, т. е. равное участіе въ правахъ для всѣхъ братьевъ. Но Рус. Правда ничего не говоритъ объ оставленіи братьевъ въ совладѣніи, безъ дѣлежа, Иск. Суд. Гр. даетъ на этотъ счетъ нѣсколько постановленій (ст. 94, 95); именно постановляетъ, что управленіе принадлежитъ старшему брату, который платитъ долги отца изъ общаго имущества, а не изъ своей доли. Младшіе не должны „корыстоваться“ (присваивать себѣ въ частное обладаніе) общимъ имуществомъ во вредъ старшаго брата. Говоря о наслѣдствѣ нисходящихъ П. С. Г. не упоминаетъ о дочеряхъ, очевидно преднамѣренно.

Далѣе мы видѣли, что П. С. Гр. въ числѣ наслѣдующихъ называетъ уже *восходящихъ*: отца и мать. Что касается до матери, то способъ ея наслѣдованія можетъ быть уясненъ примѣромъ новгор. духовной грамоты: если послѣ умирающаго въ дому остается не только его жена, но и мать его, то она управляетъ имуществомъ вмѣстѣ со вдовою наслѣдодателя, разумѣется, пока внукъ малолѣтній. Она не управляла при жизни своего взрослаго сына, но вновь вступаетъ въ управленіе при малолѣтнихъ внукахъ. Въ такомъ же смыслѣ можно изъяснить и наслѣдованіе *отца*: пре-

старѣлый отецъ сдастъ управленіе взрослому сыну; но по смерти этого послѣдняго онять вступаетъ въ управленіе. Нѣтъ сомнѣнія, что тоже нужно предполагать и относительно Р. Пр.; но новость Псковскаго законодательства состоитъ въ томъ, что это обстоятельство отмѣчено въ законѣ, что права взрослыхъ сыновей при жизни отца признаны закономъ. Быть можетъ можно предположить тогда наслѣдованіе отца и отдѣленному сыну.

Другая новость Иск. закона состоитъ во включеніи *боковыхъ* въ число законныхъ наслѣдниковъ; именно говорится о братѣ, сестрѣ и другомъ ближнемъ племени; подъ послѣднимъ надо разумѣть племянниковъ. Прежде всего и здѣсь можно видѣть лишь 1-ое упоминаніе въ законѣ объ обычаѣ существовавшемъ изъ вѣка; именно при нераздѣленномъ наслѣдствѣ, братъ конечно наслѣдуетъ брату, а равно и сестра. Но изъ приведенныхъ примѣровъ новгородскихъ духовныхъ и изъ статьи Псков. суд. грам. о наслѣдованіи послѣ изорника, знаемъ, что братья уже могутъ быть призваны къ наслѣдству и не состоя въ нераздѣльномъ владѣніи имуществомъ; боковые могутъ наслѣдовать, за непмѣніемъ нисходящихъ. Такой порядокъ уже составляетъ рѣшительную новость сравнительно съ Рус. Правдою. Мы видѣли, какъ установляется такой порядокъ частною волею завѣщателей. Но наслѣдованіе боковыхъ и теперь по своей юридической сущности рѣшительно отличается отъ наслѣдованія нисходящихъ, какъ указано выше: наслѣдованіе боковыхъ до нѣкоторой степени сходно съ наслѣдованіемъ сторонпихъ по завѣщанію.

Уже изъ приведеннаго выше довольно ясно, что новыя отличительныя черты Псков. законнаго наслѣдованія опредѣляются тѣмъ важнымъ историческимъ переворотомъ, по которому лицо съ своими правами постепенно выдѣляется изъ общей массы правъ семейства. Наиболѣе же это обнаруживается въ *наслѣдованіи супруговъ другъ другу*. Мужъ и жена пользуются пожизненно или до 2-го брака вотчиною того или другаго, лишь тогда, когда не оставлено завѣщанія (88—89). Подобно этому и движимое имущество супруга остается во владѣніи пережившаго лишь до 2-го брака (90). Но особенно интересно слѣд. (91) постановленіе грамоты: „у кого умретъ сынъ, а невѣстка останется и начнетъ искать на свекрѣ или на деверѣ своего приданаго, то эти послѣдніе обязаны возвратить ей платье или украшенія“. Это возстановленіе своихъ правъ на приданое, конечно, не есть наслѣдство. Но интересно, что невѣстка въ сложной семьѣ получаетъ независимыя права по смерти своего мужа, дѣлается лицомъ самостоятельнымъ.

Общій выводъ о наслѣдованіи во Псковѣ и Новгородѣ таковъ: здѣсь право наслѣдованія истекаетъ изъ того же семейнаго начала, какъ и въ Рус. Прав., но дѣлаетъ дальнѣйшій шагъ впередъ вмѣстѣ съ развитіемъ личныхъ правъ на счетъ семейственныхъ, какъ въ большей свободѣ завѣ-

щательнаго права, такъ и въ большей раздѣльности личныхъ правъ въ законномъ наслѣдованіи и въ болѣе широкомъ кругѣ лицъ наслѣдующихъ.

2. Право наслѣдства въ Московскомъ государствѣ.

Московское право долго держалось тѣхъ-же началъ, которыя, вытекая изъ основаній, данныхъ Рус. Правдою, развиты въ Новгородѣ и Псковѣ.

Что касается до *отношенія завѣщательной воли къ закону*, то лишь въ концѣ періода замѣчается признаніе завѣщательной воли единственнымъ основаніемъ перехода правъ въ наслѣдствѣ въ случаяхъ, допущенныхъ закономъ; именно начинаетъ ясно формулироваться отличіе родовыхъ вотчинъ отъ благоприобрѣтенныхъ по отношенію къ наслѣдованію въ нихъ (см. ограниченіе завѣщательнаго права въ отношеніи къ княжескимъ вотчинамъ ук. 1562 г. въ Указн. кн. вѣд. казн. ст. XVIII); полное запрещеніе завѣщать родовыя вотчины дано въ 1679 г. (П. С. З. № 764). Право жены при мужѣ распоряжаться своимъ имуществомъ въ завѣщаніи ограждено требованіемъ, чтобы въ такихъ завѣщаніяхъ мужъ не былъ назначаемъ душеприкащикомъ (см. Ук. кн. вѣдом. казнач. V, 18; о лицахъ, могущихъ дѣлать завѣщаніе см. ibid. ст. XVII). Духовная грамота имѣетъ силу только тогда, когда она или подписана завѣщателемъ собственноручно, или хотя подписана только свидѣтелями, но утверждена при жизни завѣщателя (ibid. ст. XVII). Утвержденіе духовныхъ грамотъ совершалось церковными властями (мѣстными епископами, сл. П. С. З. № 814).

Болѣе новостей, но лишь въ концѣ періода московское право представляетъ относительно *круга лицъ наслѣдующихъ* по закону, именно въ отношеніи къ наслѣдованію дочерей, супруговъ и боковыхъ. На этихъ сторонахъ дѣла мы и остановимся.

Въ отношеніи къ праву наслѣдованія *дочерей* московская эпоха даетъ слѣд. двѣ особенности. Во перв. въ московск. правѣ остается начало, что сыновья исключаютъ дочерей при наслѣдованіи. Весь порядокъ законнаго наслѣдованія въ Судебникахъ изображенъ такъ: „а которой человѣкъ умретъ безъ духовныя грамоты, а не будетъ у него сына, ино статокъ весь и земли дочери; а не будетъ у него дочери, ино взяти ближнему отъ его рода“ (Суд. 1497 г. ст. 60 и Суд. цар. 92). Но въ нач. XVII в. замѣтна была въ практикѣ наклонность призывать и дочерей къ наслѣдованію не только за неимѣніемъ сыновей, но и при нихъ (см. ук. 1628 и 1631 гг. въ Ук. кн. пом. прик. IV, 17 и 26). Лишь въ это время законъ окончательно установилъ: „вотчинѣ сынъ-вотчичъ, а дочь не вотчица, покамѣстъ братья живы“ (сл. Ул. XVII. 2). Не смотря на это выдѣлъ дочерямъ приданаго приближается постепенно къ праву наслѣдства ихъ при братьяхъ на опредѣленную закономъ часть имущества. Это совершается въ слѣд. порядкѣ: сначала

приданое становится частію на прожитокъ, т. е. дается независимо отъ выхода въ замужество; а это можетъ случиться лишь по смерти отца, когда братья приступаютъ къ раздѣлу. Такимъ образомъ право полученія дочерью части на прожитокъ становится уже въ зависимость отъ смерти отца и тѣмъ получаетъ значеніе наслѣдованія. Но законъ первоначально опредѣляетъ часть на прожитокъ дочери по отношенію только къ государственнымъ имуществамъ, бывшимъ во владѣніи отца, т. е. помѣстьямъ. Какъ вдовѣ, такъ и дочери государство назначаетъ пенсію изъ помѣстныхъ окладовъ и назначаетъ ее въ опредѣленныхъ цифрахъ. Пока за помѣстьями сохранялся характеръ временнаго пользованія, выдѣла этой части отнюдь нельзя было назвать наслѣдствомъ, но помѣстья приблизились въ концѣ XVII в. къ вотчинамъ, а часть дочерямъ и вдовѣ, выдаваемая изъ нихъ,—къ части наслѣдства. Когда же помѣстья совершенно слились съ вотчинами, то выдѣлъ такой наслѣдственной части распространенъ и на вотчины. При этомъ нельзя упускать изъ виду и вліянія византійскаго права, все болѣе и болѣе усиливавшагося; а по византійскому праву сыновья и дочери призываются къ наслѣдованію на равныхъ основаніяхъ.

Второе отличіе права наслѣдства въ Московскомъ государствѣ въ отношеніи къ дочерямъ касается наслѣдованія ихъ при отсутствіи братьевъ. Московское право въ этомъ было болѣе неблагопріятно для допущенія такого наслѣдованія, чѣмъ право Рус. Пр. и право В. Новгорода и Пскова: недвижимыя имущества всѣхъ родовъ подлежали государственной служебной повинности. Поэтому можно-бы ожидать здѣсь дальнѣйшаго сокращенія правъ дочерей. И дѣйствительно въ княжескихъ вотчинахъ законъ 1562 г. отнялъ вовсе право наслѣдованія у дочерей. Но въ прочихъ родахъ вотчинъ, права государства вступали въ компромиссъ съ правами частныхъ лицъ: женщины отслуживали посредствомъ найма, и посредствомъ поставки опредѣленнаго количества крестьянъ и людей въ ополченье. На этомъ основаніи даже помѣстья переходили къ женщинамъ, но справлялись не за ними, а за ихъ женихами. Во всякомъ случаѣ наслѣдованіе дочерью при отсутствіи братьевъ основано на фикціи искусственнаго продолженія рода ея отца. Отсюда являлся вопросъ: если по смерти такой наслѣдницы не останется нисходящихъ, то какому роду должно принадлежать это имущество—роду ли ея мужа, или роду отца? Въ концѣ періода, т. е. въ 1680 г. (П. С. З. № 860) было постановлено, что имущество возвращается къ роду отца. Во всемъ этомъ московское право не отступаетъ въ существѣ отъ основныхъ началъ древнѣйшаго русскаго права. Но съ развитіемъ законодательства возникали рядъ за рядомъ вопросы относительно частныхъ и дальнѣйшихъ примѣненій этихъ общихъ началъ, именно вопросы, возникающіе изъ *права представленія*. До послѣдней четверти XVII в. законодательство довольно правильно разрѣшало эти вопросы, твердо держалось указанныхъ общихъ прин-

цинонъ. Приведемъ въ примѣръ два казуса. разрѣшенныхъ въ законѣ, именно 1627 и 1650 гг.; въ первомъ разсматривается случай, когда у наслѣдодателя осталась дочь и дѣти мужескаго и женскаго пола отъ двухъ другихъ дочерей, умершихъ ранѣе отца. Законъ правильно допустилъ трехчленный поколѣнный раздѣлъ. Въ 1650 г. разсмотрѣнъ такой казусъ: у умершаго остались дочери и внуки отъ сыновей; опять вопросъ правильно рѣшенъ въ пользу послѣднихъ. Но съ 1676 г. (съ т. н. новоук. статьи) начинается помраченіе законодательной мысли въ вопросахъ о наслѣдствѣ. Въ 1676 г. предусмотрѣнъ былъ такой казусъ: остается дочь и внучка отъ сына; законъ рѣшилъ равный раздѣлъ между ними, что впрочемъ было исправлено въ 1677 г. Второй казусъ: остается сынъ и внучка отъ другаго сына, законъ (1676 и 1677 гг.) отказываетъ послѣдней въ правѣ наслѣдства. Причины всѣхъ этихъ колебаній заключаются въ предпочтеніи лицъ мужескаго пола женщинамъ и предпочтеніи ближайшей степени—дальнѣйшей.

Подобный указанному перевороту въ правѣ наслѣдованія дочерей послѣдовалъ и переворотъ въ правѣ наслѣдованія супруговъ, говоря точнѣе, въ *правѣ наслѣдованія жены*. Сначала и въ московскомъ правѣ удерживался строго древній принципъ, что супруги не наслѣдуютъ другъ другу. Однако права вдовы на разные роды имуществъ начинаютъ разнообразиться и опредѣляться отдѣльно. (а) Въ отношеніи къ родовымъ вотчинамъ примѣняется со всею строгостію принципъ о ненаслѣдованіи супруговъ. Принципъ этотъ въ Московскомъ государствѣ получилъ еще большую силу, чѣмъ во Псковѣ: пожизненное владѣніе, допущенное во Пск. Суд. Гр., теперь уничтожается, именно закономъ 1627 г.: „до вотчинъ имъ дѣла нѣтъ, опричь купленныхъ вотчинъ“ (Ук. кн. пом. прик. IV, 6; Ул. XVII, 1). Родовыя вотчины передаются нисходящимъ и родственникамъ, а за неимѣніемъ ихъ,— въ казну. Этотъ законъ представляетъ новость, потому что передъ изданіемъ его и въ Московскомъ государствѣ вотчины передавались женамъ въ пожизненное владѣніе. Само собою ясно, что здѣсь разумѣются бездѣтныя вдовы, ибо при дѣтяхъ вдова остается въ домѣ хозяйкою. (б) Въ отношеніи къ выслуженнымъ вотчинамъ обычное право и законъ смотрѣли неодинаково: обычаемъ утверждено было, что выслуженныя вотчины равняются благопріобрѣтеннымъ и слѣд. поступаютъ, по смерти одного супруга во власть другаго. Обычай передавать жалованныя вотчины вдовамъ укрѣпленъ былъ самимъ государствомъ, т. е. жалов. грамотами, въ которыхъ прописывалось часто, что вотчина дается не только мужу, но и женѣ; поэтому, по смерти мужа, вдова пользовалась вотчиною пожизненно; по смерти ея она должна-бы перейти въ казну, но позволено было записывать ее по душѣ мужа и своей; а государство сохраняло право выкупа. Но это пожизненное право превращаемо было жалов. грамотами въ полное право собственности, такъ какъ въ томъ случаѣ, когда вдова не выходила замужъ и

не постригалась, она могла продать вотчину и заложить ее. Мало того, если она выходитъ замужъ, то вотчина, хотя и отбирается на государя, но изъ казны выдаются деньги по душѣ ея мужа, а изъ самой вотчины выдѣляется помѣстье ея новому мужу. Въ практикѣ и эти права казны на выслуженную вотчину нарушались обыкновенно въ пользу вдовы. Но этотъ взглядъ, очевидно, неправильный; выслугой пріобрѣтаются имущества не общими силами супруговъ, какъ купленныя. На нихъ при отсутствіи наслѣдниковъ, имѣетъ наибольшее право государство. Упомянутый выше указъ 1627 г. отказалъ женѣ въ наслѣдованіи выслуженныхъ вотчинъ и придалъ имъ вполнѣ значеніе родовыхъ. Сначала этотъ законъ былъ проведенъ со всею строгостью, такъ что ему придано было обратное дѣйствіе; тѣ вотчины, которыя уже были получены вдовами, и которыми онѣ успѣли распорядиться, были отбираемы или въ пользу родственниковъ мужа, или въ казну; но указами 1631 и 1632 г. это неправильное примѣненіе обратной силы закона было уничтожено. (в) Въ отношеніи къ купленнымъ вотчинамъ дѣйствовало древнѣйшее право: т. е. усвоеніе въ собственность вдовамъ благопріобрѣтенныхъ имуществъ. Указы 1627, 1628 и 1629 года только укрѣпили и опредѣлили давнишній обычай, распространивъ права вдовъ и на вотчины, купленныя изъ казны (сл. Ул. XVII, 2). Но ни прежнее право вдовъ на полученіе выслуженныхъ вотчинъ, ни право ихъ на полученіе купленныхъ вотчинъ, отнюдь не составляютъ права наслѣдованія вдовъ, такъ какъ и при жизни мужа жена была совладѣлицею, соучастницею правъ мужа. (г) По отношенію къ помѣстьямъ: первоначально, при новой отдачѣ помѣстій, принадлежавшихъ умершему, правительство обязывало новаго пріобрѣтателя содержать вдову прежняго. Но такой порядокъ, естественно, соединенъ былъ со многими практическими неудобствами и затрудненіями, а потому помѣстья стали отдавать женамъ и дочерямъ ихъ *на прожитокъ*. Какая часть помѣстья должна идти женѣ на прожитокъ, этого законъ не опредѣлялъ долго; въ XVI в. для каждаго случая слѣдовало особое распоряженіе правительства, и каждый разъ доля назначеннаго помѣстья была неодинакова; она колебалась между $^1/_3$, $^1/_5$ *и* $^1/_7$ частями. Въ 1644 г. правительство рѣшило издать одинъ опредѣленный законъ на этотъ счетъ; однако и въ немъ установлена не одна, а троякая доля вдовьяго прожитка: для вдовъ людей убитыхъ на войнѣ 20%, для вдовъ людей умершихъ въ походѣ 15% (15 четв. со ста),— умершихъ просто на службѣ $^1/_{10}$ (со ста по 10). Такое разнообразіе было неизбѣжно, потому что выдѣлъ помѣстья означалъ не болѣе, какъ нынѣшнюю пенсію и долженъ быть сообразованъ съ заслугами умершаго (Ук. кн. пом. пр. IV, 52; Ул. XVI, 30—33). Впослѣдствіи, при обращеніи помѣстій въ вотчины, когда понятіе пенсіи уступило понятію наслѣдованія, изъ трехъ указанныхъ долей должно было выбрать одну постоянную; изъ нихъ взята *средняя*, т. е. со 100—15, или приблизительно $^1/_7$ часть недвижимаго иму-

щества мужа, что, впрочемъ, окончательно опредѣлилось лишь въ періодъ имперіи. д) По отношенію къ движимымъ имуществамъ никакихъ правилъ первоначально не было установлено законоиъ Московскаго государства, пока патр. Филаретъ, вообще установляя порядки наслѣдованія на основаніи кормчей, примѣнилъ постановленія византійскихъ кодексовъ вполнѣ по отношенію къ движимымъ имуществамъ,—именно постановленія эклоги о бракѣ, заключенномъ безъ письменнаго акта; по этому узаконенію жена получаетъ $^1/_4$ часть мужнина движимаго имущества (Ул. XVII, 1). Такимъ образомъ къ концу московскаго періода воспринятіе однимъ супругомъ имущества другаго умершаго получило характеръ наслѣдованія, но за то лишь въ одной опредѣленной долѣ имущества.

Наслѣдованіе боковыхъ. Выше былъ объясненъ законъ Пск. Суди. Грам., по которому были допущены къ наслѣдованію боковые родственники: и въ Московскомъ государствѣ подобный переворотъ, очевидно, совершился раньше Судебниковъ. Въ какой постепенности совершалось расширеніе круга наслѣдующихъ боковыхъ, уловить трудно; К. Д. *Кавелинъ* пытается опредѣлить это слѣд. образомъ: „Судебникъ в. кн. Ивана Васильевича призываетъ къ наслѣдству не только сыновей и дочерей, но и ближайшихъ боковыхъ родственниковъ, т. е., судя по аналогіи, *родныхъ братьевъ и сестеръ;* а Судебникъ Ив. IV идетъ еще далѣе и включаетъ въ число законныхъ наслѣдниковъ внуковъ (?); съ тѣмъ вмѣстѣ въ кругъ ближайшихъ боковыхъ родственниковъ, призываемыхъ къ наслѣдству, вѣроятно (?) вошли *дяди и тетки*, двоюродные братья и сестры, племянники и племянницы. При дальнѣйшемъ развитіи въ томъ-же направленіи кругъ родственниковъ, призываемыхъ къ наслѣдованію, долженъ былъ все болѣе и болѣе расширяться, а права наслѣдованія в. князя стѣсняться“. Но изъ точныхъ словъ Судебниковъ (совершенно одинаковыхъ въ обоихъ памятникахъ,—см. выше), можно вывести только, что наслѣдованіе боковыхъ тогда, т. е. въ 1-й пол. XVI в. допущено было лишь для *ближняго племени;* а подъ ближнимъ племенемъ разумѣются братья и ихъ исходящіе. Впрочемъ указъ 1562 г. (ук. кн. вѣдом. казн. ст. XVIII) опредѣляетъ понятіе ближняго родства тѣми степенями родства, въ которыхъ позволенъ бракъ (хотя именно говоритъ лишь о братѣ родномъ, двоюродномъ и племянникѣ отъ роднаго брата). Этотъ законъ продолжаетъ: „и ближняго роду... не будетъ, и та вотчина Государя царя и в. князя“. Законъ 1572 г. еще точнѣе опредѣляетъ кругъ наслѣдованія въ боковомъ родствѣ: задавшись вопросомъ: „по которое колѣно отдавать вотчины наслѣдникамъ?“—онъ отвѣчаетъ: „та вотчина—роднымъ братьямъ, и дѣтямъ и внучатамъ“ (отъ братьевъ)... „а далѣ внучать вотчины не отдавати роду...; та вотчина, тотъ жеребей взяти на Государя“; т. е. права наслѣдства не шли дальше 4-й степени родства.

Въ 1650 г. состоялось весьма важное узаконеніе: „а будетъ ближе того рода никто не будетъ... отдавать и дальнимъ того рода родственникамъ“ (П. С. З. № 33). Новоуказными статьями 1676 г. это дальнее родство опредѣляется однако извѣстными степенями: „дядья, и братья двоюродные въ другомъ, въ третьемъ и въ 4-мъ колѣнѣ“. Поэтому напрасно К. Д. Кавелинъ говоритъ: „кругъ родства къ концу XVII стол., кажется, ничѣмъ болѣе не ограничивался“. Безграничное понятіе родства есть явленіе періода имперіи.

Другой вопросъ, касающійся наслѣдованія боковыхъ, есть слѣдующій: *во всякомъ-ли родѣ имуществъ допускался призывъ боковыхъ къ наслѣдованію?* Прежде всего слѣдуетъ исключить движимое имущество, о которомъ нѣтъ упоминанія въ законахъ (можно думать, что за неимѣніемъ нисходящихъ они шли въ церковь); въ нихъ рѣчь идетъ постоянно лишь о вотчинахъ. Но изъ вотчинъ законы имѣютъ въ виду лишь *родовыя*. Относительно *жалованныхъ* вотчинъ въ первоначальномъ узаконеніи (1572 г.) было опредѣлено, что въ наслѣдованіе идетъ только та вотчина, о которой въ жалов. грам. именно сказано, что она дается не одному первому пріобрѣтателю, и его дѣтямъ, но и роду. Впрочемъ при сравненіи жалов. вотчинъ съ родовыми, судьба первыхъ совершенно сравнена съ судьбою послѣднихъ и въ боковомъ наслѣдованіи. Что-же касается купленныхъ вотчинъ, то о наслѣдованіи ихъ боковыми законъ молчитъ до 1676 г. Лишь въ этомъ году состоялось постановленіе о передачѣ купленныхъ вотчинъ, за отсутствіемъ нисходящихъ, въ родъ мужа (вдовы), но съ тѣмъ, чтобы наслѣдники боковые уплачивали черезъ помѣстный прик. въ церкви и монастыри по душѣ умершихъ по полтинѣ за четверть (что почти равняется покупкѣ ихъ). Слѣдовательно и тогда право наслѣдованія боковыхъ въ купленныхъ вотчинахъ нельзя считать полнымъ.

Порядокъ наслѣдованія боковыхъ былъ подобенъ порядку наслѣдованія нисходящихъ, а именно опредѣляется двумя правилами: 1) сестры при братьяхъ не вотчинницы, 2) братья и исходящіе отъ другихъ братьевъ имѣютъ равныя права на наслѣдованіе. Но оба эти начала нарушались постоянно при спутанности понятій о системѣ представленія; наприм. сестры исключаютъ своихъ племянниковъ отъ братьевъ по закону 1676 г., который, впрочемъ, былъ отмѣненъ въ 1677 г. Потомъ по закону 1676 г. братья исключаютъ своихъ племянниковъ; но опять законъ 1677 г. возвратился къ правильному понятію системы представленія.

ПЕРІОДЪ III. ПРАВО НАСЛѢДСТВА ВЪ ПЕРІОДЪ ИМПЕРІИ.

Изложенныя выше начала наслѣдованія въ Московскомъ государствѣ, несомнѣнно нуждались въ упорядоченіи и точнѣйшемъ опредѣленіи въ законѣ.

Но Петръ I и его супруга **указами о единонаслѣдіи** 1714 г. марта 23 (П. С. З. № 2789), указомъ 1716 г. и затѣмъ уже по смерти Петра указомъ 1725 г. (П. С. З. № 4722) разрѣшили вопросы о наслѣдствѣ не на основаніи началъ данныхъ предыдущею исторіею рус. права, а на основаніи примѣровъ западно-европейскаго права (впрочемъ въ нѣмецкомъ правѣ того времени начало майоратства уже уступало мѣсто другимъ порядкамъ наслѣдованія; образцомъ для Петра могло служить только англійское право).

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что предпринятая реформа отнюдь не вытекала изъ аристократическихъ началъ и вообще сословныхъ интересовъ: она простиралась на всѣхъ гражданъ государства и имѣла въ виду не одно наслѣдованіе вотчинъ, но и лавокъ, амбаровъ и т. п., касалось не однихъ дворянъ, но и купцовъ и однодворцевъ. Цѣль реформы есть—казенный интересъ (главный руководительный мотивъ всѣхъ внутреннихъ преобразованій Петра, хотя между прочими мотивами закона выражено и поддержаніе знатныхъ фамилій). Интересы же казенные заключаются въ ожидаемой большей правильности отправленія государственной службы и уплаты податей.

а) По петровскому законодательству, наслѣдователю предоставляются слѣд. *права завѣщательныхъ распоряженій*: отецъ или мать, имѣющіе сыновей, могутъ среди ихъ выбрать одного главнаго наслѣдника (единственнаго для недвижимыхъ имуществъ) *), а имѣющіе только дочерей—одну для наслѣдованія всѣхъ недвижимыхъ имуществъ. Наслѣдователь, не имѣющій нисходящихъ, можетъ назначить, посредствомъ завѣщанія одного для наслѣдства недвижимости изъ своего рода, а движимое имущество можетъ завѣщать и постороннимъ. Всѣ указанныя права принадлежатъ одинаково, какъ отцу, такъ и матери; послѣдняя можетъ распоряжаться въ томъ-же порядкѣ не только своимъ собственнымъ имѣніемъ, но и четвертою частію, доставшеюся ей по наслѣдству отъ мужа. Далѣе всѣ права родительскія на назначеніе наслѣдниковъ переходятъ ко вдовѣ, если мужъ ея умеръ, не оставивши завѣщанія. Отсюда вытекали слѣд. отрицательные выводы: во первыхъ право завѣщательнаго распоряженія въ отношеніи къ предметамъ расширено на всѣ роды вещей (не исключая и родовыхъ вотчинъ); но во вторыхъ завѣщательное право стѣснено относительно лицъ: наслѣдникъ (недважимаго имущества) долженъ быть отысканъ или среди нисходящихъ, или среди родственниковъ. Во всѣхъ этихъ положеніяхъ было существенное и явное противорѣчіе старымъ началамъ наслѣдованія, ибо древнее правило Рус. Правды, примѣняемое тогда лишь ко

*) По дополнительному указу 1730 года (№ 5658) наслѣдодатель можетъ избирать единонаслѣдника не только между своими сыновьями, но и ихъ нисходящими (предпочитая внука сыну).

вдовъ, было распространено и на мужа, разумѣемъ назначеніе одного наслѣдника.

Но въ этомъ реформаторскомъ законодательствѣ есть и другія стѣсненія завѣщательнаго права, не существовавшія раньше; именно съ древнихъ временъ предоставлялось право послѣднему въ родѣ завѣщевать свое имущество посторонимъ лицамъ (см. духовн. Кпмента). Петръ еще въ 1712 г. именно запретилъ это (П. С. З. № 2471); указъ о единонаслѣдіи смягчилъ это узаконеніе только тѣмъ, что послѣдній въ родѣ можетъ назначить наслѣдницею одну изъ женщинъ своего рода, но съ тѣмъ, чтобы мужъ ея принялъ ея родовую фамилію. Такое запрещеніе завѣщательныхъ распоряженій простиралось не только на родовыя, но и на благопріобрѣтенныя имущества. Сообразно съ признаніемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ воли завѣщателя единственнымъ основаніемъ наслѣдованія, слѣдовало и увеличеніе строгости требованій отъ порядка составленія завѣщаній. Еще въ 1700 г. было приказано составлять завѣщанія только крѣпостнымъ порядкомъ (№ 1740). Впослѣдствіи допущены были нѣкоторыя изъятія и лишь въ 1726 г. возстановленъ порядокъ Уложенія (т. е. позволено писать духовныя завѣщанія на дому).

б) Относительно *наслѣдованія по закону* уже изъ приведеннаго видны существенныя отличія новаго порядка—единонаслѣдія. Какъ по завѣщанію, такъ и по закону главнымъ наслѣдникомъ (недвижимыхъ имуществъ) можетъ быть одно только лицо. Такимъ лицомъ (при отсутствіи завѣщанія) долженъ быть старшій сынъ. Но право на майоратъ не переходитъ по праву представленія, если старшій сынъ умеръ раньше отца, то главнымъ наслѣдникомъ становится не его сынъ (внукъ наслѣдователя), а слѣдующій по старшинству сынъ наслѣдователя (по ук. 1725 г.). Если-же нѣтъ сыновей—старшая дочь. Если старшая дочь вышла замужъ до смерти наслѣдователя, то главною наслѣдницею дѣлается старшая изъ дочерей дѣвицъ. Если-же всѣ дочери вышли замужъ, то главною наслѣдницею становится старшая изъ нихъ. Если-же нѣтъ ни сыновей ни дочерей, то одинъ изъ ближнихъ въ родѣ (вѣроятно старшій въ ближайшей степени родства). Если не осталось и родственниковъ, и если то стороннее лицо, которому завѣщано имущество подъ условіемъ женитьбы на одной изъ родственницъ наслѣдователя и принятія его фамиліи, не исполнитъ этого условія, то имѣніе идетъ въ казну. Наслѣдниками неглавными (движимаго имущества) должны быть (поровну) прочіе сыновья наслѣдователя, если главный наслѣдникъ сынъ; или прочія дочери, если главная наслѣдница—дочь; или прочіе ближніе родственники, если главный наслѣдникъ—родственникъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ движимое дѣлилось поровну между неглавными наслѣдниками, если завѣщаніемъ (при отсутствіи нисходящихъ) оно не было передано одному лицу.

Бездѣтная *вдова* получаетъ пожизненное право на все имущество мужа которое, послѣ ея смерти, идетъ въ наслѣдованіе по закону. Въ 1716 г. этотъ порядокъ былъ измѣненъ; право пожизненнаго владѣнія замѣнено полученіемъ въ собственность четвертой части имущества мужа.

Право наслѣдованія *восходящихъ* не было опредѣлено указомъ о единонаслѣдіи; но въ 1725 г. постановлено узаконеніе на счетъ обезпеченія матери послѣ сына, умершаго бездѣтнымъ; ей въ такомъ случаѣ выдается на прожитокъ до смерти, или втораго брака, $^3/_4$ имущества сына (за выдѣломъ $^1/_4$ его вдовѣ); а если онъ вдовы не оставилъ, то все его имущество. Въ замѣнъ этого пожизненнаго права мать можетъ взять въ собственность $^1/_4$ часть имѣнія сына.

Время послѣ отмѣны единонаслѣдія. Результатомъ закона, противорѣчащаго обычному порядку, явилось слѣд.: „родители по равной любви ко всѣмъ своимъ дѣтямъ, употребляли всѣ средства для того, чтобы раздѣлить между ними свое имѣніе по равнымъ частямъ, прибѣгали для того къ подложнымъ продажамъ и закладамъ, обязывали дѣтей великими клятвами, чтобы получившій послѣ нихъ все имѣніе передалъ часть его своимъ братьямъ, изъ-за наслѣдства рождались между дѣтьми и родственниками ссоры, ненависть, смертоубійства“ (Неволинъ. П. С. С. т. V стр. 412). Вотъ причины отмѣны закона о единонаслѣдіи при имп. Аннѣ Іоанновнѣ (1731 г., марта 17. П. С. З. № 5717. См. также ук. 1730, дек. 9 и 23 и 1732 іюля 17).

Указы Анны Іоанновны простирались на случаи наслѣдства по закону; *о наслѣдствѣ-же по завѣщанію* не дали никакихъ указаній. Въ этомъ отношеніи господствовали случайность и казуистичность до 1831-го года (окт. 1), когда издано было „положеніе о духовныхъ завѣщаніяхъ“. Въ указанный промежутокъ времени допускалось фактически распоряженіе благопріобрѣтенными имѣніями; но относительно родовыхъ имѣній постановлялись противорѣчивыя рѣшенія какъ въ общихъ узаконеніяхъ (жалов. грам. дворянству и гор. положенію Екатерины II), такъ и въ отдѣльныхъ указахъ по частнымъ случаямъ. Въ сенат. рѣшеніи 1740 г. (равно и во многихъ другихъ) и двухъ упомянутыхъ грамотахъ Екатерины II распоряженіе родовыми имуществами воспрещается. Но сенатскимъ рѣшеніемъ 1791 г. признана сила указа о единонаслѣдіи 1714 г. въ той его части, по которой бездѣтный можетъ назначить кого угодно изъ своихъ родственниковъ наслѣдникомъ въ родовомъ имѣніи. То-же подтверждено въ 1804 г. Высочайшимъ указомъ (по дѣлу Вердеревскихъ). Но сенатъ и послѣ этого признавалъ недѣйствительными завѣщанія бездѣтныхъ относительно родовыхъ имѣній (1811 г.—по дѣлу Шереметева, 1818 г.—по дѣлу Державина). Во всѣхъ этихъ противорѣчивыхъ рѣшеніяхъ основывались на ук. 1714 г., признавая его неотмѣненнымъ и различно толкуя его смыслъ.

Что касается наслѣдованія по закону, то нѣкоторыя общія правила были уже установлены въ самомъ указѣ имп. Анны Іоанновны; другія выработались постепенно въ теченіи XVIII и нач. XIX вв. А именно:

О наслѣдованіи нисходящихъ было установлено (на основаніяхъ, указанныхъ въ правѣ Московскаго государства), что дочь при братьяхъ ея получаетъ $^1/_{14}$ недвижимыхъ имуществъ и $^1/_3$—движимыхъ. Въ 1815 и 1824 годахъ были разрѣшены, вытекающія отсюда затрудненія: если дочерей останется столько, что за выдѣломъ каждой изъ нихъ узаконенной части, сыновьямъ ничего не остается, или доли ихъ будутъ менѣе дочер нихъ, то въ такихъ случаяхъ велѣно дѣлить имущество пополамъ, отдавая одну половину сыновьямъ, другую дочерямъ. Единонаслѣдіе удержано какъ спеціальный способъ (ук. 1736 г. дек. 31) для военныхъ поселенцевъ, которымъ даны были надѣлы изъ госуд. земель.

О наслѣдованіи супруговъ—Имп. Анна Іоанновна обобщила прежній законъ (Улож. ц. Алек. Мих.) относительно помѣстій, т. е. каждому изъ супруговъ предоставлено наслѣдованіе въ $^1/_7$ части недвижимыхъ и $^1/_4$ изъ движимыхъ въ собственность, что̀ не обусловлено и вступленіемъ во̀ 2-й бракъ. Этотъ выдѣлъ получаетъ полное значеніе права наслѣдованія, такъ что на него распространено и право представленія (невѣсткѣ послѣ свекра). Впрочемъ выдѣлъ обусловленъ *просьбою* о немъ, такъ что наслѣдники супруга, который не просилъ выдѣла, не имѣютъ права отыскивать его. Въ послѣдующее время былъ разрѣшенъ вопросъ: имѣетъ-ли право мужъ распорядиться въ своемъ завѣщаніи благопріобрѣтеннымъ имѣніемъ такъ, чтобы лишить жену ея узаконенной части? Сначала сепарантными указами это воспрещалось; напротивъ въ 1836 г. было разрѣшено въ утвердительномъ смыслѣ.

О наслѣдованіи боковыхъ—постановлено рѣшеніе о томъ, въ какой родъ должны идти благопріобрѣтенныя имѣнія, и именно въ родъ мужа. Вопросъ объ этомъ служитъ еще отголоскомъ древняго права, по которому благопріобрѣтенныя имущества признаваемы были собственностію обоихъ супруговъ. Линія родства распространена въ безконечность.

О наслѣдованіи восходящихъ было установлено, что отецъ и мать (но не дальнѣйшіе) воспринимаютъ опять въ свою полную собственность имущество, данное ими дѣтямъ, послѣ бездѣтной смерти этихъ послѣднихъ и пользуются пожизненно ихъ благопріобрѣтенными имѣніями.

Г.

Вещное право.

Литература. См. выше соч. Неволина.

Тимковскій: «О помѣстьяхъ». Харьковъ, 1811 г.

Ил. Васильевъ: «Историческое извѣстіе о помѣстьяхъ и вотчинахъ въ Россіи» (Вѣстн. Евр 1823 г. № 12).

Ивановъ: «Систематическое обозрѣніе помѣстныхъ правъ и обязанностей». М. 1836 г.

Ѳ. Морошкинъ: «О владѣніи по началамъ россійскаго законодательства». М. 1837 г.

Лакіэръ: «О вотчинахъ и помѣстьяхъ». Спб. 1848 г.

Кранихфельдъ: «Начертаніе россійскаго гражданскаго права въ историческомъ его развитіи». Спб. 1843 г.

Турчиновичъ: «Общественный бытъ славянъ въ древности. О собственности и наслѣдствѣ въ древней Руси». Спб. 1853 г.

И. Д. Бѣлясевъ: «Какъ понимали давность въ разное время и русское общество въ своей жизни и русскіе законы?» М. 1855 г.

Онъ-же: «О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ» (Врем. общ. ист. и др. Рос., XI). 1851 г.

Гладковъ: «О вліяніи общественнаго состоянія частныхъ лицъ на право поземельной ихъ собственности, по началамъ древняго россійскаго законодательства». М. 1855 г.

Станиславскій: «Изслѣдованіе началъ имущественныхъ отношеній въ древнѣйшихъ памятникахъ русскаго законодательства» (въ Юрид. Сборн. Мейера, Каз. 1855 г.).

Д. И. Мейеръ: «Древне-русское право залога» (тамъ-же).

В. Н. Лешковъ: «Общинный бытъ древней Россіи». Спб. 1856 г.

И. Энгельманъ: «О пріобрѣтеніи права собственности на землю». Спб. 1859 г.

Онъ-же: «Die Verjahrung nach Russischen Privatrecht. Dorp. 1867. (русскій перев. Спб. 1868 г.).

Милютинъ: «О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи» (Чтенія въ общ. ист. и др. 1859 г., № 4 и 1860 г., №№ 2 и 3).

В. И. Лешковъ: «Имущественныя и личныя права по указамъ Петра В.» (Русск. Вѣстн. 1861 г., № 12).

Н. Л. Дювернуа: «Источники права и судъ въ древней Россіи». М. 1869 г.

Keussler: «Zur Geschichte des bauerlichen Gemeindebesitzes in Russland». 1876 г.

Соколовскій: «Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи». Спб. 1877 г.

Н. П. Загоскинъ: «О правѣ владѣнія городскими дворами въ Московскомъ государствѣ». Каз. 1877 г.

А. С. Павловъ: «Историческій очеркъ секуляризаціи церковныхъ земель въ Россіи».

В. А. Незабитовскій: «Замѣчанія по вопросу о чиншевомъ владѣніи въ западныхъ губерніяхъ» (Собр. соч. Кіевъ. 1884 г.).

Г. Ф. Блюменфельдъ: «О формахъ землевладѣнія въ древней Руси». Одесса. 1884 г.

Понятіе о вещи и о правѣ на вещь.

Право лица на вещь есть право владѣть, пользоваться и распоряжаться вещію. Высшая и совершеннѣйшая форма вещнаго права есть *право собственности*, т. е. право исключительнаго и полнаго обладанія вещію. Нѣкоторыя составныя части права собственности могутъ быть и выдѣляемы (право пользованія, владѣнія, залога); сверхъ того одному можетъ принадлежать право собственности, другому право на чужую вещь. Нѣсколько лицъ въ совокупности (нераздѣльно) могутъ владѣть одною вещію, тогда образуется право общей собственности.

Вещію въ юридическомъ смыслѣ называется предметъ природы, подлежащій частному обладанію лица. Съ теченіемъ времени кругъ власти человѣка надъ природою расширяется на счетъ предметовъ, которые прежде этой власти не подлежали; тѣмъ не менѣе въ природѣ существуютъ такіе предметы, которые никогда не могутъ подлежать частному обладанію. Понятіе вещнаго права распространяется и на нѣкоторые предметы духовной природы человѣка, если тотъко они реализовались во внѣшнемъ мірѣ (напр. право литературной собственности).

Для историческаго изученія правъ на вещи весьма важно раздѣленіе вещей на движимыя и недвижимыя.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

Движимыя вещи. *Предметомъ* частнаго обладанія человѣка дѣлаются прежде всего движимыя вещи, ибо онѣ могутъ быть отдѣлены отъ прочихъ

вещей, что въ первобытномъ кочевомъ состояніи представляетъ необходимое условіе владѣнія и пользованія. Поэтому въ древнѣйшихъ памятникахъ общее наименованіе вещей есть *имѣніе*, то, что можетъ быть отдѣлено отъ прочихъ вещей (взято въ руки); этимъ словомъ обозначаются именно движимыя вещи: Игорь желалъ взять у древлянъ больше „имѣнія“; русскіе въ византійской имперіи при Игорѣ „имѣнія не мало взяша“. Названіе „вещь“ (или „рѣчь“) хотя и встрѣчается съ древнихъ временъ въ памятникахъ западно-славянскаго законодательства (также въ смыслѣ движимыхъ вещей) и въ переводныхъ русскихъ, но въ русскомъ правѣ оно является поздно. Что именно все имущество нашихъ отдаленныхъ предковъ состояло изъ однихъ движимыхъ вещей, доказывается и другими общими терминами, которыми обозначается имущество вообще; таковы: „скотъ“—наименованіе, обозначавшее деньги и другіе предметы богатства; равнымъ образомъ „збоже“ (собственно зерновой хлѣбъ). Тоже доказывается и лѣтописными указаніями, въ чемъ заключалось имущество самыхъ богатыхъ людей начала 1-го періода; это—вооруженіе, одежды, украшенія, челядь, скотъ и нѣкоторые продукты промысловъ (шкуры, медъ). Древнѣйшая Русская Правда, желая опредѣлить предметы владѣнія защищаемаго закономъ, говоритъ: „если кто возьметъ чужое оружіе, коня или одежду“... (Акад. 12); говоря о поврежденіи чужого имущества, она упоминаетъ о копьѣ, щитѣ, одеждѣ (17). Но сильнѣйшимъ доказательствомъ того, что кругъ вещей въ древнѣйшее время ограничивался движимостями, служитъ то, что древнѣйшая Русская Правда (Ярослава) вовсе не упоминаетъ о владѣніи недвижимымъ имуществомъ (сл. Дог. Ол. ст. 5).

Право собственности на движимыя вещи, съ древнѣйшихъ временъ не было ограничено; собственникъ могъ владѣть, пользоваться и распоряжаться ими до ихъ уничтоженія. Самый древній памятникъ законодательства указываетъ достаточныя гарантіи существовавшія тогда для судебной и даже самоуправной защиты права собственности на такія вещи и для виндикаціи ихъ (Рус. Прав. Ак. ст. 11—14, 20).

Вещи недвижимыя. Полное отсутствіе обладанія недвижимыми вещами возможно, конечно, только въ кочевомъ быту народа (охотничьемъ и пастушескомъ). Лишь только люди осѣдаютъ и переходятъ къ занятію земледѣліемъ, у нихъ является необходимость во первыхъ права на часть земной поверхности для устройства постояннаго (осѣдлаго) жилища—*для дома* и во вторыхъ право на отдѣльный участокъ *земли* для обработки.

а) *Жилище*. Палатка кочевника, когда она не прикрѣплена къ поверхности земли, составляетъ, очевидно, движимое имущество, но когда она прикрѣпляется къ solum, тогда и часть земной поверхности, занимаемая ею, входитъ въ ея составъ, она является уже недвижимою, но не скоро, въ нашемъ правѣ до самаго XVIII в.—*домъ* разсматривается юри-

дически, какъ движимое имущество. Такое правовое опредѣленіе весьма естественно вытекло изъ экономическихъ условій русскаго государства: при малоцѣнности земельныхъ участковъ и, наоборотъ, при значительной цѣнѣ произведенія, въ экономическомъ оборотѣ важенъ былъ готовый обработанный матеріалъ, а не часть поверхности занимаемая домомъ, вслѣдствіе чего послѣдняя и не входила въ понятіе его. Ниже, въ ученіи о правѣ владѣнія дворами въ городахъ, будутъ указаны особенности этого рода вещей, теперь же замѣтимъ, что владѣніе домомъ, во всякомъ случаѣ составляетъ первый переходъ къ праву на недвижимыя вещи.

б) *Земля.* Важнѣйшимъ предметомъ права вещнаго является земля. На глазахъ исторіи образуется и развивается этотъ видъ права собственности, не достигая однако долго той полноты и опредѣленности, которыми отличается право на движимыя вещи. Одна изъ причинъ такой медленности заключается въ самомъ объектѣ этого права: первоначально предметомъ полнаго обладанія могутъ служить только тѣ вещи, которыя способны уничтожаться въ индивидуальныхъ формахъ своихъ (пища, одежда, даже домъ); земля же представляетъ собою вещь, не только не уничтожающуюся отъ обладанія, а напротивъ увеличивающуюся, возрастающую. Развитіе права собственности на землю съ объективной стороны, идетъ въ такомъ порядкѣ: сперва утверждается частное право на *обрабатываемые* участки, между тѣмъ, какъ *луга*—пастбища остаются въ общемъ владѣніи общинъ или родовъ. *Лѣса и воды* принадлежатъ сперва или государству, или же общинамъ и родамъ и позже другихъ видовъ земельныхъ имуществъ становится предметомъ обладанія частныхъ лицъ.

Вообще съ исторической стороны вопросъ о сущности права частныхъ лицъ на вещи недвижимыя, въ начальную эпоху исторіи представляется весьма затруднительнымъ: было ли обладаніе недвижимою вещью первоначально простымъ фактомъ, владѣніемъ (отвлеченный терминъ „собственность“ неизвѣстенъ древнему праву; тогда онъ замѣнялся описательными выраженіями: „въ прокъ“, „на вѣки“ и т. д., чѣмъ обозначалась продолжительность права, а не полнота его), или же это обладаніе явилось сразу со всѣми аттрибутами отвлеченнаго права собственности (и слѣдовательно возможно было сохранить право собственности, переставъ владѣть вещью и пріобрѣсть ее помимо владѣнія)? Если обладаніе вещью является сперва на степени фактическаго владѣнія, то когда и какъ возникаетъ изъ него дѣйствительное право собственности? Откуда появляются ограниченія правъ частныхъ лицъ на землю, были-ли эти ограниченія исконными, или они возникли вслѣдствіе случайныхъ причинъ?

Наша литература даетъ на эти вопросы разнообразные и неустойчивые отвѣты.

Изъ многочисленныхъ мнѣній сюда относящихся, укажемъ на нѣкоторыя. Неволинъ признаетъ существованіе полнаго права собственности для частныхъ лицъ исконнымъ, ведущимъ свое начало съ самыхъ древнихъ временъ, а ограниченія его объясняетъ совершенно случайными политическими обстоятельствами, именно: въ сѣв.-вост. Руси—завоеваніемъ татаръ, а въ западной—Литвы. Б. Н. Чичеринъ относитъ образованіе у князей вотчинныхъ воззрѣній на всю землю ко времени осѣдлости ихъ, т. е. къ XII вѣку, а изъ княжеской собственности изъясняетъ зависимыя права частныхъ лицъ. Подобнымъ же образомъ Лакіеръ ограниченіе правъ на землю выводитъ изъ случайнаго факта—завоеванія, но не татарскаго, а варяжскаго; слѣдовательно право это онъ признаетъ ограниченнымъ уже въ первый періодъ нашей исторіи. Воззрѣніе этихъ писателей можетъ быть названо историко-политическимъ. Гораздо глубже смотритъ на это дѣло Энгельманъ; онъ принимаетъ во вниманіе не случайные факты политической исторіи, а внутренніе фазисы развитія самого права собственности. По его мнѣнію, отношеніе лица къ землѣ было чисто фактическое, т. е. оставалось простымъ владѣніемъ, но за то полнымъ и неограниченнымъ. Однако, какъ всякій фактъ, оно легко могло быть и утрачено при прекращеніи владѣнія; отвлеченнаго права независимо отъ факта еще не было. Явилась необходимость *укрѣпить* владѣніе и тѣмъ обратить его въ право. Такимъ укрѣпленіемъ служатъ жалованныя грамоты князей. Но частныя лица, получившія такія жалованныя грамоты, должны были при этомъ поступиться въ пользу князей извѣстными сторонами права собственности—именно правомъ распоряженія. Такимъ образомъ обладаніе вещью, возвышаясь въ своей прочности, получая юридическое основаніе (т. е. становясь правомъ) сокращается въ своемъ объемѣ. Но это объясненіе неполноты права собственности на землю, очевидно, недостаточно: оно объясняетъ зависимость права только такихъ собственниковъ, которые получили жалованныя грамоты; между тѣмъ, какъ большинство населенія такихъ грамотъ не получало, между тѣмъ его права на землю подлежали еще большимъ ограниченіямъ. К. П. Побѣдоносцевъ сдѣлалъ попытку слить оба эти воззрѣнія въ одно. Очевидно, что вопросъ о сущности древнѣйшаго права собственности можетъ быть удовлетворительно рѣшенъ только въ связи съ точнымъ историческимъ изученіемъ 1) способовъ пріобрѣтенія правъ собственности, 2) различныхъ видовъ правъ на вещи по различію субъектовъ вещнаго права.

Способы пріобрѣтенія права собственности. Способы пріобрѣтенія права собственности развиваются въ историческомъ движеніи такъ: въ древнѣйшій періодъ на первомъ мѣстѣ стоитъ—*овладѣніе* (occupatio); а также другія средства, истекающія изъ владѣнія; во второй—*пожалованіе* (со сто-

роны государства); въ третій господствуютъ производные способы, т. е. договоры между лицами.

1. *Оккупація*. Овладѣніе можетъ простираться только на вещи, никому прежде въ частности не принадлежавшія, какъ недвижимыя, такъ и движимыя. Реальнымъ основаніемъ права служитъ при этомъ трудъ и ловкость: „былъ около града (Кіева) лѣсъ и боръ великій, и ловили они (поляне) звѣрей, ибо были мудры и смыслены“, говоритъ первонач. лѣтопись. Первый оккупаторъ вещи считается собственникомъ вещи даже тогда, когда онъ не можетъ тотчасъ же взять ее въ свое обладаніе, лишь бы вещь была снабжена знакомъ частной принадлежности: по обычному праву сѣверно-русскаго поморья, промышленникъ, убивши звѣря и не будучи въ состояніи перенести его въ свое жилище, втыкаетъ палку и „уже никто посторонній не рѣшится присвоить его“ (Богишичъ: „Pravni obić. u slow.“ стр. 168). По Рус. Правдѣ, звѣрь въ сѣти, пчелы въ борти, обозначенной частнымъ знакомъ, признаются частною собственностію (Кар. ст. 81, 86, 87, 94—96).

Основаніемъ права на землю при овладѣніи (занмкѣ) служитъ *трудъ*, употребляемый для обработки земли. Общины и роды или свободно занимали земли никѣмъ не занятыя, или завоевывали ихъ у иноплеменниковъ и враговъ. Но такая земля въ экономическомъ отношеніи не имѣла никакой цѣны, пока она не обработана; она становилась предметомъ частнаго обладанія, цѣннымъ и достойнымъ защиты, лишь тогда, когда она обработана. Трудъ налагалъ на нее печать частной принадлежности. Такое значеніе обработки подтверждается въ особенности ученіемъ о давности и находкѣ въ древнемъ рус. правѣ. Но между овладѣніемъ движимыми и недвижимыми вещами есть значителеная разница: съ образованіемъ и укрѣпленіемъ государственнаго союза въ русскомъ правѣ довольно рано образуется принципъ несуществованія res nullius на территоріи государства. Государств. право на территорію и частное право на землю разграничиваются не скоро. Частные предприниматели, овладѣвая замлею даже за предѣлами территоріи, обращались за укрѣпленіемъ къ госуд. власти; разширяя такимъ обр. частною дѣятельностію предѣлы государства, оккупаторъ сразу становился въ зависимость отъ государства.

Въ отношеніи къ вещамъ, уже состоявшимъ прежде въ частномъ владѣніи, способомъ пріобрѣтенія могла быть давность (для недвижимыхъ вещей), но не находка (движимыхъ).

2. Институтъ *давности* появляется въ законодательствѣ весьма поздно; именно въ первый разъ въ полов. XV в.—Псков. судной грам. (здѣсь изложимъ его въ цѣломъ историческомъ развитіи); но отсюда не слѣдуетъ, чтобы самое явленіе возникло лишь съ этого времени и что оно измышлено искусственно законодателемъ; законодательство лишь регулируетъ его, точ-

нѣе опредѣляя случайныя условія, зависящія болѣе или менѣе отъ произвола (срокъ владѣнія). Полнѣе изложенъ этотъ институтъ въ Псков. суд. грам., слабѣе въ Судебникахъ и позднѣйшихъ памятникахъ законодательства до Екатерины II. Основанія давности таковы по этимъ памятникамъ: а) *срокъ владѣнія*, какъ условіе случайное и искусственное, *опредѣляется въ Псков.* суд. грам. лишь приблизительно: „кто владѣетъ *4 или 5 лѣтъ*“...; Судебники опредѣлительно назначаютъ трехлѣтній срокъ давности между частными лицами, и двойной—*6-лѣтній* при завладѣніи частнымъ лицомъ государственной земли (въ томъ числѣ и земель черныхъ общинъ). Такое привилегированное удвоеніе срока для государственныхъ земель объясняется или большею твердостію правъ государства на землю, или большею трудностію для органовъ государства замѣтить освоеніе земли. Не смотря на такую опредѣленность законныхъ сроковъ, практика не слѣдовала имъ въ точности: напр. въ 1628 г. одинъ монастырь ищетъ землю на другомъ за девять лѣтъ и получаетъ; въ 1627 г. митрополитъ ищетъ земли на крестьянахъ за 10 лѣтъ и получаетъ (смот Акты, относ. до гражд. распр., издан. проф. Ѳедотовымъ-Чеховскимъ I, №№ 97 и 98). Уложеніе ц. А. М. молчитъ объ общемъ срокѣ давности (установляя ее лишь для выкупа родовыхъ имуществъ· XVII, 13). Установленіе 10-лѣтней давности относится ко времени Екатерины II. б) *Безпрерывность и спокойствіе владѣнія:* „если (говоритъ Иск. суд. грам.) въ тѣ лѣта собственникъ не наступалъ и не судился“. Такое условіе имѣетъ значеніе и относительно срока, ибо перерывъ владѣнія измѣняетъ и срокъ его, а главное, оно указываетъ на присутствіе мысли о томъ, что владѣлецъ признавалъ вещь своею, владѣлъ ею какъ собственникъ (animus domini). в) Третье и важнѣйшее условіе давности по Иск. суд. грам., есть *воздѣйствіе владѣльца на вещь*, или *трудъ*; „если онъ владѣетъ и *стражетъ* тою землею“..., говоритъ Иск. суд. грам. (страда—работа). Между прочимъ признаками владѣнія (землею) законъ полагаетъ. „дворъ и нивы ростради“, т. е. постройки и обработанныя поля. На это же условіе указываетъ и 3-хъ лѣтній срокъ давности, установленной въ Судебникахъ: при трехъ-польномъ хозяйствѣ въ три года обрабатывается весь участокъ. Эти замѣчанія объ основаніяхъ давности отчасти разрѣшаютъ вопросъ: признавало ли древне-русское право *давность пріобрѣтающую*, или только *погашающую?* т. е. пріобрѣталъ ли владѣлецъ права на землю чрезъ давность или только собственникъ терялъ ихъ (утрачивалъ право иска)? Время само по себѣ не способно создавать права; оно можетъ лишь разрушать ихъ; но трудъ есть основаніе болѣе плодотворное; и потому древне-русское право, хотя всегда разсматривало вопросы о давности въ смыслѣ погашенія исковъ, но косвенно признавало и давность пріобрѣтающую.

Давность владѣнія по древне-русскому праву, примѣнялась лишь къ землѣ,—но *не въ отношеніи къ вещамъ движимымъ*: „холопу, робѣ судъ отъ вѣка“, говорилось въ договорныхъ грамотахъ XIV и XV в., и въ послѣдующихъ памятникахъ древне-русскаго права о давности въ отношеніи къ движимымъ вещамъ не упоминается (см. Ук. кн. зем. пр. XXXI, 2). Въ отношеніи къ прочимъ вещамъ (кромѣ холоповъ) это уясняется ученіемъ древняго права о находкѣ.

3) *Находка* есть овладѣніе движимою вещію, принадлежащею прежде другому (въ отличіе отъ овладѣнія вещами, никому прежде не принадлежавшими). Древне-русское право не признавало находку за способъ пріобрѣтенія права собственности, очевидно потому, что для освоенія такой вещи не требуется никакого труда отъ находчика. Въ Рус. Пр. къ ученію о находкѣ должны быть примѣнены статьи о сводѣ (Ак. 12 и 13; Кар. 29, 30), по которымъ находчикъ обязанъ возвратить вещь собственнику, но наказанію за утайку подвергается лишь тогда, когда собственникомъ сдѣлана была закличь о пропажѣ. Подобнымъ же образомъ учитъ о находкѣ и Иск. судн. гр. (ст. 47). Точнѣе изъясняетъ дѣло суд. Казиміра (ст. 23) опредѣляющій древнѣйшее обычное русское право: нашедшій долженъ оповѣстить околицѣ; если собственникъ не отыщется въ теченіи 3-хъ дней, то долженъ отнести найденную вещь на княжескій дворъ „по давнему“, и тамъ получаетъ свой „переемъ“ (плату за находку); утаившій наказывается какъ воръ.—По московскому праву постановлено: „если пригульныя лошади явлены и собственникъ ихъ не находится, то ихъ продавать, а деньги—въ государеву казну (Уст. кн. зем. прик. ст. IX). По Уложенію ц. А. М. находчикъ получаетъ вознагражденіе въ половину цѣны вещи лишь тогда, когда онъ спасъ ее изъ воды или огня (XXI, 91). Такимъ образомъ найденная вещь или возвращается собственнику, или обращается въ пользу государства, а находчикъ получаетъ вознагражденіе особенно тогда, когда употребилъ трудъ на спасеніе вещи отъ истребленія.

Кладъ (или находка вещи, не потерянной собственникомъ, а утратившей собственника) въ древне-русскомъ правѣ не признается собственностію ни находчика, ни владѣльца земли, а долженъ быть представленъ государственной власти, какъ видно изъ разсказа, занесеннаго въ Патерикъ Печер. Инокъ Ѳедоръ нашелъ кладъ въ Варяжской пещерѣ; по его мнѣнію то были „Варяжскіи поклажи“, ибо въ составѣ клада были „съсоуди латинскіи“. Монахъ, чтобы не соблазняться, опять зарылъ кладъ и потомъ забылъ то мѣсто, куда закопалъ. Узнавъ о томъ, кн. Мстиславъ, сынъ кіев. кн. Святополка, призвалъ его и старался выпытать, гдѣ сокровище, сначала ласкою, а потомъ пытками: „повелѣ мучити и крѣпко, яко омочитися и власяницы отъ крови его, и посемъ повелѣ въ дымѣ велицѣ повѣсити и привязати его“. Находчикъ былъ замученъ и кладъ остался неоткрытымъ. Доносъ князю и пытка за

утайку указываютъ, повидимому, на права князя на кладъ (Пам. изд. Яковлевымъ, стр. CLXXII).

Виды вещныхъ правъ. Право собственности въ своемъ историческомъ развитіи у насъ (какъ отчасти было указано выше) нерѣдко представляется въ слѣдующемъ видѣ. въ 1-й періодъ исторіи права собственности были наиболѣе свободны отъ ограниченій со стороны государства; затѣмъ въ московскую эпоху права вещныя въ особенности на землю (вотчины) обременены сильнѣйшими ограниченіями, такъ что всякая собственность сдѣлалась условною, зависящею отъ милости вел. князя и царя; наконецъ послѣ Петра права собственности постепенно высвобождаются. Мы должны сказать, что очищеніе частныхъ правъ отъ подавленія ихъ правами обществъ и государства идетъ въ теченіи исторіи постепенно впередъ, по мѣрѣ высвобожденія вообще правъ частнаго лица (см. выше стр. 315—316).

Недостатокъ историческихъ извѣстій о первобытномъ занятіи земли нашими предками восполняется съ полнымъ правдоподобіемъ аналогіею другихъ первобытныхъ народовъ Она указываетъ, что землю занимаютъ роды и родовыя общины,—эти государства въ миніатюрѣ, земля для нихъ служитъ и территоріею и предметомъ эксплоатаціи общими силами. При разширеніи территоріи элементъ частный постепенно сглаживается, переходя въ государственное понятіе территоріи, но долго не исчезаетъ вполнѣ: „отчиной“ называется долго и частное владѣніе и государственное; само собою разумѣется, что такого полнаго смѣшенія двухъ понятій отнюдь нельзя относить къ XIV или XV в. (какъ напр. дѣлаетъ Б. Н. Чичеринъ). Чѣмъ древнѣе время, тѣмъ права государства на всю его территорію ближе къ правамъ частнымъ: Поляне сидятъ въ одной общинѣ—Кіевѣ и окружающій лѣсъ служитъ для нихъ общимъ мѣстомъ охоты. Слѣды такого состоянія дѣла сохраняются въ историческое время лишь въ измѣненныхъ отголоскахъ. Рус. Правда передаетъ князю право наслѣдства всѣхъ имуществъ послѣ бездѣтно-умершихъ (см. выше). Въ XII в., когда уже давно явилась и частная собственность, слѣды государственнаго права проявляются въ томъ, что оставляющій территорію лишается своихъ частныхъ владѣній. Такъ о Кіевѣ говоритъ въ 1156 г. кн. Изяславъ своимъ боярамъ, бѣжавшимъ за нимъ на Волынь: „вы есте по мнѣ изъ рускыя (Кіевской) земли вышли, своихъ селъ и своихъ жизней лишився“. Достойно замѣчанія, что здѣсь бояре лишились не толтко недвижимыхъ, но и движимыхъ имуществъ. Въ новгородскомъ государствѣ (весьма характерномъ и образцовомъ для этого вопроса, ибо въ немъ онъ не осложняется личными правами князей) до очень поздняго времени сохраняются слѣдующія начала: а) никто не можетъ владѣть на частномъ правѣ внутри новгородской территоріи, не будучи гражданиномъ Новгорода; самимъ князьямъ и ихъ дворянамъ запрещалось пріобрѣтать села на новгородской землѣ (Догов. Новг. съ Казим.

ст. 19). б) Никто не можетъ пріобрѣтать земли вновь на новгородской территоріи безъ пожалованія отъ В. Новгорода (ibid ст. 17), в) Всякій, оставившій новгородское подданство и перешедшій въ другую землю, лишается своихъ имуществъ на новгородской территоріи; и это даже тогда, когда князья вотчинники другихъ земель въ договорахъ между собою выговаривали уже для бояръ право сохранять вотчины при переходѣ (см. Догов. в. кн. Димит. Ивановича съ Твер. княземъ 1368 г. и наше примѣч. 5-е къ нему).

Но право государства, исключавшее всѣ частныя права лицъ, можетъ относиться лишь къ древнѣйшимъ незапамятнымъ временамъ. Впослѣдствіи въ непосредственномъ, собственно—частномъ обладаніи государства остаются лишь нѣкоторыя владѣнія, *государственныя имущества* въ тѣсномъ смыслѣ (см. Часть I, стр. 81).

Размноженіе населенія и выводъ колоній, основаніе новыхъ *общинъ*, должны были раздробить непосредственныя права государства между нимъ и этими послѣдними: въ разсказѣ о мести Ольги находимъ слѣдующее обращеніе княгини къ жителямъ старшаго города—Искоростеня: „вси гради ваши предашася мнѣ и дѣлаютъ нивы своя“ (Лавр. лѣт.). Начало общинной формы землевладѣнія не засвидѣтельствовано въ нашихъ памятникахъ никакими болѣе ясными фактами; но послѣдующія явленія (въ Московскомъ и Литовскомъ государствахъ) въ эпохи весьма близкія къ 1-му періоду указываютъ, что право общиннаго владѣнія должно было возникнуть уже во-времена первоначальныя. Сверхъ того наши предки не могли составлять исключенія изъ всѣхъ до нынѣ изслѣдованныхъ первобытныхъ народовъ (выводы Маурера о древнихъ германцахъ изъ сказаній Тацита и Цезаря кажутся намъ вполнѣ правильными).

Столь же рано выдѣляются и права на землю *родовъ* и частныхъ *лицъ* (правильнѣе *семействъ*) и (съ принятіемъ христіанства) *церкви*. Такъ о частныхъ владѣніяхъ *князей* есть свидѣтельства со временъ Ольги, которой лѣтопись приписываетъ село Ольжичи и особые участки охоты („ловища“). Русская Правда Ярославичей, содержащая уже нѣсколько свидѣтельствъ о правѣ частной собственности, говоритъ преимущественно о княжей собственности: она говоритъ (Ак. ст. 33) о *межахъ* и *перетесахъ* (знакахъ частной собственности на деревьяхъ), о княжемъ старостѣ *сельскомъ и ратайномъ* (ст. 22), о княжей борти (Ак. 30). Въ 1158 г. кн. Андрей (Боголюбскій) далъ церкви Богородицѣ во Владимірѣ много „имѣнья и свободы (слободы) купленныя и съ даньми и села лѣпшая“ (Лавр. лѣт.). Въ 1150 г. Ростиславъ Смоленскій пожаловалъ церкви села, землю, озера, сѣножати, огородъ (ср. выше о завѣщаніи кн. Владиміра Васильковича). Свѣдѣнія о пріобрѣтеніи земель правящими князьями въ частную собственность (за исключеніемъ В. Новгорода) продолжаются до конца XVI в.

О владѣніи землею *боярскими родами* свидѣтельствуетъ уже Русская Правда 3-й редакціи, говоря о сельскихъ боярскихъ рядовичахъ (Кар. 11); затѣмъ въ XII в. лѣтописныя свидѣтельства о томъ идутъ безпрерывно (см. въ лѣт. подъ 1156, 1177, 1208, 1219 и др.), при чемъ званія боярина и землевладѣльца отождествляются, особенно въ землѣ Галицкой.

Наиболѣе полный типъ частной собственности представляютъ *церковныя имущества* (Лавр. лѣт. подъ 1094 г. указываетъ на село, принадлежащее Суздальской церкви св. Димитрія; см. выше ук. грамоты Мстислава и Ростислава; кн. Изяславъ Мстисл. пожаловалъ новгородскому Пантелеймонову монастырю село Витославичъ, „испрошавъ у Новгорода“). Имущества поступали въ церковь чрезъ пожалованіе отъ князя, чрезъ вклады (дарственную) отъ частныхъ лицъ (см. вкладную Варлаама Хутынскаго ок. 1192 г.), чрезъ куплю отъ частныхъ лицъ (см. купчую Антонія Римлянина до 1147 г.), чрезъ заимку пустыхъ мѣстъ (см. нижеук. свидѣтельство о занятіи горы Печерскимъ монастыремъ). Права церкви на недвижимыя имущества отличались наибольшею полнотою и независимостію, что объясняется двумя причинами: а) церковь въ тѣ времена множественности и взаимной борьбы земель, пользовалась т. ск. экстерриторіальностію; ея права не колеблются отъ смѣны князей, ибо она есть учрежденіе одинаково дорогое для всѣхъ ихъ; б) церковныя власти, какъ греки, такъ и русскіе по происхожденію, руководствовались византійскимъ правомъ, и слѣдовательно проникались твердыми и ясными понятіями о частной собственности, вошедшими въ него изъ римскаго права.—Нельзя того-же сказать о всѣхъ прочихъ (кромѣ церковныхъ) имуществахъ частныхъ лицъ: недвижимыя владѣнія ихъ состоятъ въ тѣсной зависимости отъ государства: князья и бояре, изгоняемые или бѣгущіе изъ земли, лишаются въ ней своихъ имуществъ; подчиненныя общины (пригороды и веси) работаютъ не только на себя, но и на государство. Взаимныя отношенія правъ государства, частныхъ лицъ и общинъ, еще не опредѣлились; болѣе точное опредѣленіе находимъ въ Московскомъ государствѣ.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

Права вещныя въ Московскомъ государствѣ, несомнѣнно, возростаютъ интенсивно (развиваются и уясняются), сравнительно съ временемъ предшествующимъ, не смотря на видимое преобладаніе правъ великаго князя надъ частными правами прочихъ лицъ; достаточно вспомнить, что въ правѣ наслѣдства сфера вліянія частнаго лица выходитъ изъ тѣсныхъ предѣловъ семьи и кругъ родоваго наслѣдованія постепенно расширяется; точно также выясняются и выдѣляются права физическихъ лицъ среди подавлявшихъ ихъ правъ родовъ и общинъ. Церковь ставитъ вопросъ о независимости частнаго права собственности принципіально.

Способы пріобрѣтенія права собственности. Кромѣ вышеуказанныхъ, въ Москов. государствѣ основнымъ способомъ является пожалованіе.

Пожалованіе, какъ источникъ права собственности, является съ древнѣйшихъ временъ (а не образуется въ 1-й разъ въ Московскомъ государствѣ); до насъ дошли грамоты жалованныя отъ 1-й пол. XII в. (грам. Мстислава и сына его Всеволода Юрьеву монастырю 1130 г.; уставн. грам. Смол. князя Ростислава 1150 г.); нѣтъ сомнѣнія, что раньше пожалованія совершались и безъ письменныхъ актовъ. Въ княжествахъ XIV—XV вв. и въ Московскомъ государствѣ случаи пожалованія умножаются и потому этотъ способъ представляется типичнымъ для московско-литовскаго періода. Пожалованіе присоединяется, какъ существенное добавочное основаніе, и къ прочимъ способамъ пріобрѣтенія правъ, а именно. а) при овладѣніи вещами никому въ частности не принадлежавшими. Еще при построеніи Печер. монастыря (XI в.) монахи испросили у князя гору, никому не принадлежавшую. В. Новгородъ жалуетъ пустую землю основателямъ Соловецкаго монастыря. Князь жалуетъ монастырю ничьи болота,—„освобождаетъ болота чистити“ (А. Юр. № 5); въ 1564 г. ц. Іоан. Васильевичъ жалуетъ Строгановымъ земли, лежащія по Камѣ—„мѣста пустые, лѣсы черные, рѣчки и озера дикіе“ (Доп. къ А. И. I. стр. 168 и 172). б) Пожалованіе можетъ явиться въ формѣ репрезентаціи: частное лицо поступается добровольно своими имуществами въ пользу князя, чтобы потомъ опять получить ихъ изъ рукъ князя, какъ имущество зависимое, но состоящее подъ могущественною защитою государственной власти; впрочемъ это имѣло мѣсто при подчиненіи удѣльныхъ князей и бояръ великому внязю; такъ Муромскій бояринъ поклонился Московскому вел. князю своею вотчиною и пожалованъ ею опять (А. А. Э. I, 120). Здѣсь смыслъ тотъ-же, какъ и въ тѣхъ фактахъ, когда козаки и Строгановы кланялись царю новыми землицами, ими завоеванными, т. е. присоединеніе новой территоріи. в) Элементъ пожалованія примѣшивается къ частнымъ договорнымъ сдѣлкамъ: на поземельной собственности лежатъ повинности государственной службы; перемѣна лицъ, владѣющихъ ими, интересуетъ государство; поэтому къ в. князю обращаются съ просьбою купить или промѣнять вотчину и князь жалуетъ—позволяетъ. г) Наконецъ жалованіе можетъ быть самостоятельнымъ источникомъ пріобрѣтенія правъ собственности, когда государство даруетъ лицу землю за заслуги; изъ этого возникаетъ особый разрядъ вотчинъ, въ которыхъ прекарный характеръ правъ наиболѣе ясенъ (что будетъ изложено въ своемъ мѣстѣ).

Изъ предыдущаго ясно, что пожалованіе въ своей древнѣйшей основѣ истекаетъ изъ права государства на всю свою территорію, но что оно обостряется и спеціализируется въ Москвѣ, благодаря тому, что права государства усвоены лично правящему государю. Изъ существованія жало-

ванныхъ вотчинъ, какъ особаго типа, слѣдуетъ, что вообще пожалованное не понизило правъ частныхъ лицъ на вещи въ Москов. государствѣ.

Виды вещныхъ правъ спеціализируются въ Москов. государствѣ съ большею раздѣльностью, по мѣрѣ выдѣленія правъ частныхъ лицъ (физическихъ и юридическихъ) отъ правъ государства и общинъ.

1. Дворцовыя вотчины (государственныя имущества).

Государство въ московскомъ періодѣ, сохраняя весьма близкое отношеніе къ частнымъ правамъ всѣхъ прочихъ лицъ, гораздо яснѣе, чѣмъ прежде, выступаетъ и въ роли частнаго собственника имуществъ, ему непосредственно принадлежащихъ,—является уже фискомъ, казною.

Непосредственныя имущества его образуются изъ трехъ источниковъ, совершенно различныхъ; а именно сюда входятъ: а) *земли, никому въ частности не принадлежащія*. Какъ непосредственная власть родовъ и общинъ простирается непосредственно на такія земли, которыя не находятся въ частномъ владѣніи физическихъ лицъ, такъ права государства простираются непосредственно на имущества, незанятыя родами, общинами или лицами. Это остатокъ прежняго права государства на всю территорію. б) Изъ земель, никѣмъ не занятыхъ, могли образоваться и дѣйствительно образовались имущества обработанныя, но тѣмъ не менѣе уже принадлежащія государству. Такія имущества эксплуатировались государствомъ не для извлеченія непосредственнаго экономическаго дохода, а употреблялись для цѣлей обезпеченія государственныхъ учрежденій, къ которымъ и приписывались для пользованія должностныхъ лицъ въ вознагражденіе за службу. Въ В. Новгородѣ изъ такихъ же имуществъ были отдѣляемы земли и на содержаніе князя во время его княженія. Отсюда образовался второй видъ государственныхъ имуществъ—это такъ называемыя *подклѣтныя*, а съ XVI в. *дворцовыя* имущества. в) Третій видъ госуд. имуществъ имѣетъ источникъ уже совсѣмъ иной; большая часть ихъ образовалась изъ *частныхъ имуществъ князей*.

Съ XIV в. многочисленныя свидѣтельства о покупкѣ частныхъ имѣній князьями можно найти главн. обр. въ духовныхъ грамотахъ князей. Такъ было во всѣхъ русскихъ земляхъ, кромѣ Новгорода, который запрещалъ князьямъ пріобрѣтеніе частныхъ имѣній на его территоріи. Въ общую массу великокняжескихъ имуществъ стекались весьма часто и имущества князей удѣльныхъ по присоединеніи ихъ къ Московскому государству; лишь при добровольномъ подчиненіи удѣльныхъ князей, за ними сохранялись частныя права на ихъ личныя имущества. При присоединеніи Новагорода, в. князь требовалъ отъ него выдѣла изъ разныхъ разрядовъ вот-

чинъ извѣстнаго процента въ свою пользу. Въ московскомъ періодѣ этотъ разрядъ имуществъ слился съ предыдущимъ (подклѣтными землями), ибо вслѣдствіе развитія семодержавія, права государства слились съ личными правами государя. Впрочемъ, разница между государственными и личными имуществами князя сохранялась довольно долго: въ древнѣйшихъ духовныхъ и договорныхъ грамотахъ села, купленныя князьями, еще отличаются отъ селъ подклѣтныхъ. Позже *субъектомъ права* на всѣ государств. имущества является уже не в. князь или царь и его родовые наслѣдники, а государство или въ болѣе конкретномъ видѣ—*дворецъ* (тоже, что въ Зап. Европѣ „корона“). Главнѣйшей причиной такого поглощенія прежнихъ правъ князя правами государства—было прекращеніе династіи Калиты и установившаяся затѣмъ избирательная форма престолонаслѣдія, въ силу чего новоизбранный царь наслѣдуетъ дворцовыя имущества, хотя бы онъ происходилъ совсѣмъ изъ другой фамиліи. Сущность *правъ дворца* была совершенно частная, т. е. дворцовыя вотчины совершенно отличались отъ черныхъ земель. Для эксплуатаціи ихъ существовали частные прикащики князя (посельскіе), которые собирали въ пользу князя извѣстный оброкъ (частную ренту). Но съ измѣненіемъ субъекта правъ на дворцовыя имущества, измѣняется отчасти и самая сущность этихъ правъ. Крестьяне дворцовыхъ вотчинъ составили общины, которыя пріобрѣтали все большія и большія права на землю, и будучи въ XVIII в. причислены въ одну категорію съ черными землями, составили вмѣстѣ съ послѣдними сословіе государственныхъ крестьянъ.

2. Церковныя имущества.

Съ государствомъ въ правахъ частныхъ конкурируетъ церковь какъ по объему и содержанію права, такъ и по отношенію къ имуществамъ частныхъ лицъ. *Субъектомъ правъ* на церковныя имущества въ древней Руси нельзя признать ни церковь, какъ цѣльное учрежденіе, ни духовенство, какъ сословіе; каждыми въ одѣльности имуществами владѣли и самостоятельно распоряжались отдѣльныя церковныя учрежденія, а именно: а) *епископіи*: по свидѣтельству Котошихина (XI, 6) за патріархомъ въ XVII в. было больше 7000 дворовъ, за 4-мя митрополитами около 12000 дворовъ, за 10 архіепископами, да за однимъ епископомъ до 16 т. дворовъ крестьянъ; б) *монастыри* (по словамъ Котошихина, за монастырями, перечисленными въ Улож. ц. А. М., въ XVII в. числилось до 80 т. дворовъ, а за прочими до 3000 дворовъ); в) *соборныя и приходскія церкви*, которымъ, впрочемъ, отводилась земля лишь по писцовымъ книгамъ (см. Ак. ист. V, стр. 117).

Способы пріобрѣтенія имуществъ церковію и прекращеніе ихъ. Главнѣйшій способъ пріобрѣтенія имуществъ церковью есть пожалованіе ихъ со стороны государства. Къ этому основному способу пріобрѣтенія имуществъ

церковными учрежденіями примыкаетъ и *заимка* пустыхъ земель, требовавшая непремѣнно также укрѣпленія черезъ пожалованіе со стороны государства. Изъ такого происхожденія церковныхъ имуществъ возникли между прочимъ впослѣдствіи притязанія государства на церковныя имущества и вмѣшательство его въ права церкви.—Другимъ обильнымъ источникомъ церковныхъ имуществъ были *дареніе* и *завѣщаніе* со стороны частныхъ лицъ. Особенно интересно право церкви участвовать въ наслѣдованіи имущества частныхъ лицъ, впослѣдствіи обратившееся въ право усвоенія всѣхъ выморочныхъ имуществъ. Когда образовался этотъ принципъ рѣшить трудно. Въ земскомъ періодѣ мы видимъ только установившееся обычаемъ и укрѣпленное закономъ право церкви на часть наслѣдства при наличности наслѣдниковъ („часть дати по душѣ“, говоритъ Русская Правда). Видимъ также, что сами частныя лица, не имѣя нисходящихъ наслѣдниковъ, передаютъ по завѣщанію свое имущество церковнымъ учрежденіямъ (духовная Климента). Но при отсутствіи завѣщательныхъ распоряженій, выморочныя имущества, по Рус. Правдѣ, идутъ князю. Въ московскомъ періодѣ упомянутое начало мы застаемъ въ полномъ развитіи и до того окрѣпшимъ, что когда церквамъ запрещено было пріобрѣтать вновь недвижимыя имущества, то казна за каждую выморочную вотчину должна была выплачивать деньгами полную ея стоимость избранному по своему усмотрѣнію (если не было завѣщанія) монастырю (Котошихинъ; слич. ук. 1562 г. въ Христ. по ис. рус. права, вып. III и Улож. ц. Ал. Мих. XVII, 45). Подъ выморочнымъ имуществомъ въ данномъ случаѣ разумѣются такія имущества, послѣ собственника которыхъ не осталось его нисходящихъ наслѣдниковъ; наличность боковыхъ наслѣдниковъ не исключаетъ права церкви, и для полученія такихъ имуществъ они также должны были уплатить церкви по оцѣнкѣ стоимости наслѣдства. Кромѣ указанныхъ главныхъ способовъ пріобрѣтенія имуществъ, церковь могла пріобрѣтать ихъ и всѣми другими гражданскими способами наравнѣ съ частными лицами, а именно: *куплею* (напр. митр. Петръ купилъ городъ Алексинъ, см. Ак. Ист. I, № 215), *по залогу:* не смотря на воспрещеніе церковнымъ учрежденіямъ брать ростъ, они пользовались закладною вотчиною за ростъ и по просрочкѣ получали на нее право собственности (см. Ак. Юрид. №№ 233, 234, 236 и др.). Особый способъ пріобрѣтенія имущества для монастырей, это—*вклады*, т. е. такъ ск. обязательное дареніе при вступленіи лица въ монастырь, такъ что иногда населеніе жаловалось на высокую таксу вкладовъ въ ихъ мѣстныхъ монастыряхъ: „которые посадскіе люди и волостные крестьяне въ Успенскій мон. хотятъ постричися, и архимандритъ и старцы вкладу у нихъ просятъ дорого—съ человѣка по 10 рублевъ, и по 15 и по 20, а съ убогова человѣка менши 10 рублевъ не взымутъ“ (А. А. Э. II, № 11).

Указанными способами пріобрѣтенія имуществъ церковь располагала до XVI в. Съ половины этого столѣтія государство начинаетъ постепенно сокращать ихъ. Поводомъ къ тому послужило чрезмѣрное разширеніе церковныхъ имуществъ, занявшихъ цѣлую треть территоріи государства. Первое ограниченіе правъ церкви въ этомъ направленіи сдѣлано было на Стоглавомъ соборѣ; онъ постановилъ, чтобы каждое пріобрѣтеніе произвсдилось съ разрѣшенія и утвержденія государственной власти; затѣмъ соборъ 1572 г. запретилъ большимъ (богатымъ) монастырямъ пріобрѣтать имущества по дарственнымъ; соборъ 1580 г. прекратилъ пріобрѣтенія по купчимъ, закладнымъ и по завѣщаніямъ (А. А. Э. I, № 308). Наконецъ соборъ 1584 г. обобщилъ всѣ эти частичныя ограниченія общею формою (Собр. гос. гр. и дог. I, № 202). Для церкви осталась такимъ образомъ возможность пріобрѣтать имущества только черезъ пожалованія со стороны государства, но этотъ источникъ уже не былъ столь обиленъ какъ прежніе, при общемъ стремленіи государства къ сокращенію церковныхъ имуществъ.

Такія отрицательныя мѣры (не позволявшія церкви разширять свои имущества) переходятъ уже тогда въ положительныя попытки секуляризаціи; стремленіе къ ней проявилось съ XVI в.—въ ученіи Нила Сорскаго и Максима Грека; государство основывало свои права при такомъ отношеніи къ церковнымъ имуществамъ на томъ, что имущества эти были дарованы церкви для исполненія ею извѣстныхъ *государственныхъ задачъ*, а именно для призрѣнія бѣдныхъ, мѣръ противъ голода, распространенія народнаго просвѣщенія. „Церковное богатство—нищимъ богатство, возраста дѣля сиротъ и старости и немощи и въ недугъ впадшимъ прокормленіе..., страннымъ прилежаніе..., вдовамъ пособіе и дѣвицамъ потребы, въ пожарѣ, и въ потопѣ и полоненнымъ искупленіе, въ гладѣ прекормленіе, въ худобѣ умирающимъ... погребеніе. Того ради на потребу церковную имѣнія свои люди давали“ (см. Калачова: „О значеніи кормчей“, стр. 122). Когда же выполненіе всѣхъ этихъ задачъ государство мало по малу принимало непосредственно на себя, то тѣмъ самымъ было уничтожено raison d'être церковныхъ имуществъ. Попытку секуляризаціи сдѣлалъ в. кн. Іоаннъ Вас. въ 1503 г.: „восхотѣ отнимати села у св. церквей и монастырей“ (см. Павлова: „Ист. очеркъ секуляр. церк. земель въ Россіи“, ч. I, стр. 39); попытка отражена анаѳемою: „вси обидящіи Божія церкве и монастыреве, отнимающе отъ нихъ данныя тѣмъ села..., да будутъ прокляти“ (чинъ православія въ нѣкоторыхъ кормчихъ). Нилъ Сорскій, Вассіанъ Патрикѣевъ и Максимъ Грекъ отвергали право только монастырей и только на владѣніе населенными имуществами; противъ этого ученія Іосифъ Волоцкій выставилъ теорію о принадлежности имуществъ не монахамъ, а учрежденіямъ.— Есть извѣстія о попыткахъ ц. Іоанна IV (1550 и 1580 г.), а также Лжедимитрія I совершить секуляризацію церк. имуществъ.

Противъ стремленій государства къ отобранію церковныхъ имуществъ, церковь выставила *принципъ неотчуждаемости* своихъ имуществъ (какъ и въ зап. Европѣ—manus mortua), ссылаясь на то, что этотъ принципъ имѣлъ силу и въ первыя времена церкви въ Византіи. Однако такая мысль не подтверждается дѣйствительнымъ знакомствомъ съ древне-византійскимъ церковнымъ правомъ. Неотчуждаемость церковныхъ имуществъ была выражена лишь VII новеллой Юстиніана (а не церковными постановленіями): „Ne res ecclesiasticae alienentur aut permutentur aut creditoribus in specialem hypothecam dentur". Соборъ русскихъ святителей 1503 г. далъ слѣдующее постановленіе: „святители и монастыри земли держали и нынѣ держатъ, а отдавати ихъ не смѣютъ и не благоволятъ, понеже вся таковая стяжанія церковная—Божія суть, возложена и наречена и дана Богу и не продаема никому же никогда же и въ вѣкъ вѣка".—Въ кон. XVI в. (1580 г.) начало неотчуждаемости обращено въ общій законъ: „елико есть земель..., что до того данная Богови..., изъ митрополіи, изъ епископіи и изъ монастырей не исходитъ" (Ак. А. Э. I, 308). Въ древней русской церкви до Іоанна III принципъ этотъ нигдѣ и ни въ чемъ не проявился; наоборотъ, есть факты совершавшихся сдѣлокъ, по которымъ церковныя имущества были отчуждаемы всѣми способами (см. Ак. Юрид. № 71, XXVI, № 78, № 257; Ак. Ар. эк. III, № 202; Ак., отн. до юридич. быта II, № 156, I—VI и XVI; обыкновенно, впрочемъ, совершались лишь возмездныя сдѣлки отчужденія, особенно мѣна). Тѣмъ не менѣе принципъ неотчуждаемости не былъ произвольно измышленъ отцами церкви русской въ началѣ XVI в. Это ученіе развилось естественно, находя себѣ въ Россіи самую благопріятную почву, ибо и всѣ прочія имущества (родовыя, общинныя) также въ существѣ были не отчуждаемы.—На огромныхъ территоріяхъ церковныхъ имуществъ возможенъ былъ такой-же процессъ образованія условныхъ правъ частныхъ лицъ, какъ и на государственныхъ имуществахъ: церковныя учрежденія раздавали земли своимъ служилымъ людямъ или на правахъ жалованныхъ вотчинъ (безъ права свободнаго отчужденія), или на правахъ помѣстнаго владѣнія. Равн. обр. такъ какъ церкви принадлежали иногда цѣлыя волости, то въ этихъ послѣднихъ, сохранялись и развивались права общиннаго (крестьянскаго) владѣнія съ такими-же отношеніями къ правамъ церкви, въ какихъ стояли черныя волости къ государству.

3. Тяглыя имущества или черныя (общинныя) земли.

а) *Происхожденіе и виды общинъ.* При образованіи частныхъ правъ на землю, родовой характеръ получили только такія имущества, которыя принадлежали болѣе знатнымъ родамъ. Такіе роды, владѣя обыкновенно значительными участками, обрабатывали ихъ не собственными силами. Всѣ

остальные роды, осѣвшись на мѣстѣ, обратились въ *общины* (см. Часть I, стр. 12). Долго сохранялись въ общинахъ слѣды прежняго родоваго единства, но такъ какъ общинная связь была основана преимущественно на единствѣ мѣстожительства, и усвоеніе чужеродцевъ здѣсь было возможно въ болѣе значительныхъ размѣрахъ, то общинная связь опиралась болѣе на тѣсномъ союзѣ общенія правъ поземельнаго владѣнія, чѣмъ на сознаніи родоваго единства.

Общиной въ тѣсномъ смыслѣ называется союзъ домовъ, имѣющихъ общее (выборное) управленіе и общее владѣніе и пользованіе землею. Первое условіе создаетъ черты государственнаго права, уже указанныя (см. Часть I, стр. 127 и 129); здѣсь рѣчь идетъ о вещныхъ право-отношеніяхъ общинъ. *Простая община* въ первомъ періодѣ называлась „*весью*“, въ Московскомъ-же государствѣ—„селомъ“; но общины составляютъ концентрическіе круги: союзъ нѣсколькихъ селъ составлялъ *волость* (терминъ общій обоимъ періодамъ), которая и должна быть признана подлиннымъ *субъектомъ правъ* на землю. Союзъ волостей представляетъ—государство („землю“), которое въ высшемъ смыслѣ и признается верховнымъ субъектомъ, обладающимъ правомъ надъ всею землею. Здѣсь-то всего яснѣе открываются основанія тѣхъ ограниченій правъ частныхъ лицъ, которыя такъ замѣтны къ Московскомъ и первую эпоху Литовско-Русскаго государства. Въ болѣе живомъ и конкретномъ образѣ обширная форма общины—*земія* является въ козацкихъ земляхъ (Донской, Яицкой). Но въ цѣломъ Московскомъ государствѣ это составляетъ лишь исключеніе; точнымъ типомъ общины, какъ субъекта въ частномъ правѣ, остается *волость*.

Совершенно такое-же значеніе имѣютъ простыя общины большаго объема, т. е. *города (посады)*. Частныя права ихъ должны быть разсматриваемы вмѣстѣ съ правами волостей. Нѣкоторые посады, именно самые большіе, дѣлятся на части—меньшія общины, называемыя *сотнями*. Послѣднія въ правахъ посада имѣютъ такое-же участіе, какъ села въ правахъ волостей. Скажемъ сначала о черно-волостныхъ, потомъ о городскихъ имуществахъ.

б) *Черныя волостныя земли.* На сѣверѣ въ XIV и XV в. поземельныя общины существовали повсюду, въ чемъ насъ убѣждаютъ письменные акты тѣхъ временъ; нѣтъ причинъ, которыя вызвали-бы бытіе общинъ именно въ эту эпоху (напротивъ тогда уже существовали условія дѣйствовавшія на нихъ разлагающимъ образомъ); да и вообще ходъ исторіи ведетъ не къ сокращенію правъ отдѣльныхъ лицъ правами обществъ, а къ возвышенію ихъ; соотвѣтственно съ этимъ права общины въ теченіи москов. періода дѣлаются все у́же и у́же, хотя (по общему требованію историческаго прогресса—болѣе сознательнаго уясненія юридическихъ институтовъ) и опредѣленнѣе. Представителями имущественныхъ (какъ и другихъ) правъ

волости были административныя выборныя лица—старосты и сотскіе; но такъ какъ лица эти мѣняются, то постояннымъ выразителемъ имущественныхъ правъ волости была волостная казна, технически называемая „столецъ“; напр. „та земля Оглоблино тянула къ столцу къ Залѣсью... Жилъ на Оглоблинѣ отецъ мой, а потугп тянулъ съ хрестьяны всѣми къ Залѣсью къ столцу“ (Акты, изд. А. А. Ѳедотовымъ-Чеховскимъ, I, № 34).

Имущественныя права общины. Имущественныя права общины возможно разсматривать только начиная съ XV в. (т. е. съ того времени, когда о нихъ существуютъ достаточныя историческія свидѣтельства). Въ XV вѣкѣ община обладаетъ всѣми гражданскими правами; а именно обязательственными, наслѣдственными и вещными.

Предметомъ общинныхъ вещныхъ правъ служатъ преимущественно недвижимыя вещи—*земли*, именуемыя въ Московскомъ государствѣ черными, и *дворы*. Здѣсь слѣдуетъ разсмотрѣть права общины на имущества, находящіяся въ непосредственномъ ея обладаніи, и отношеніе ея къ имуществамъ, отданнымъ частнымъ лицамъ (членамъ) въ пользованіе.

Въ непосредственномъ пользованіи общины находятся *воды*, *лѣса*, *луга*, *выгоны*, *необработанные участки (пустоши)*, а равнымъ образомъ обработанные, но запустѣвшіе. Что касается въ частности лѣсовъ и водъ, то въ ту эпоху они уже не считаются res nullius и въ писцовыхъ книгахъ приписываются къ извѣстной волости, какъ ея собственность. Впрочемъ иногда лѣса и воды приписываются въ общее владѣніе нѣсколькихъ сосѣднихъ волостей; иногда же наоборотъ право на нихъ дробится между селами, составляющими волость („лѣсъ у села и деревень вопче“).—Лугами иногда пользовались безъ раздѣла; косьба производилась общими силами или на деньги общины; скошенная трава дѣлилась числомъ копенъ во тягламъ (Борисовъ: „Акты о раздѣлахъ, промѣнахъ и передѣлахъ земли въ XVII и XVIII в.“ въ Чтен. об. ист. и др. Р. 1860 г., кн. III, смѣсь, стр. 5). Сущность правъ на имущества, состоявшія въ непосредственномъ пользованіи общины, заключается не только въ правѣ владѣнія, но и въ правѣ распоряженія: община (ея представители—староста и общій сходъ) *отдаетъ* въ срочное или безсрочное содержаніе новымъ поселенцамъ участки необработакной, или запустѣвшей земли: „мнѣ тотъ лѣсъ дала волость—староста съ крестьяны и я избу поставилъ“, говоритъ на судѣ 1490 г. одинъ крестьянинъ (см Ак. Юр. № 6). Новый поселенецъ въ своей записи пишетъ: „се азъ Григорій Филимоновъ сынъ далъ есми на себя запись Тавренскаго стану Вахрамѣю Трофимову сыну Воронину (т. е. старостѣ) и всѣмъ крестьяномъ Тавренскія волости, что азъ взялъ у нихъ 12-ю долю обжи пустого съ велика дни Пасхи Хр. 104 году до велика жь дни 105 году .. А покину (участокъ) и жилца не посажю, и на мнѣ взять старостѣ въ міръ рубль денегъ“ (Ак. Юр. № 187). Волость *мѣняетъ* деревни

(пустыя) на другія имущества съ сосѣдними владѣльцами; напр. „деревни промѣняли Масленскіе волости крестьяне Кирилова монастыря старцамъ; а мѣняли старцы и волостные крестьяне, смотря по угодьямъ промежъ себя полюбовно“ (тамъ же № 151). Однако въ идеѣ община имѣла полное право распоряженія только внутри себя самой; право же распоряженія въ смыслѣ отчужденія стороннимъ лицамъ не членамъ общины было ограничено (въ актахъ встрѣчается только мѣна). Напротивъ, права пріобрѣтенія имуществъ для общинъ не были ничѣмъ ограничены; такъ община можетъ принимать въ даръ имущества отъ стороннихъ лицъ и покупать ихъ. Принадлежность права собственности выражается яснѣе всего *въ правѣ иска*. Въ болѣе древнее время община практиковала внѣсудебную защиту своихъ правъ не только по отношенію къ пахотнымъ землямъ, но и по отношенію къ необработаннымъ участкамъ; это послѣднее показываетъ, что она сознавала свое отвлеченное право на землю; въ житіяхъ нѣсколькихъ святыхъ разсказывается, что когда отшельникъ (напр. Димитрій Прилуцкій) поселялся въ дикомъ мѣстѣ, то сосѣдніе крестьяне выгоняли его, боясь захвата и обращенія въ церковныя земли частей общинныхъ земель. Но для насъ, разумѣется, важнѣе судебная защита, которая предоставлялась волости по отношенію ко всѣмъ видамъ ея имуществъ; иски велись всегда отъ ея лица (а не отъ лица казны), причемъ земля черная именовалась „Божья да Государева“.

Отношеніе правъ общины на *обработанныя земли*, находящіяся въ частномъ пользованіи членовъ ея бываетъ двоякаго рода: или волость оставляетъ за собою право распоряженія ими, или же отдаетъ ихъ въ наслѣдственное пользованіе частныхъ лицъ. Въ первомъ случаѣ (но гораздо рѣже), осуществленіемъ правъ волости является періодическій передѣлъ участковъ между членами ея. О существованіи его свидѣтельствуютъ историческіе памятники довольно поздніе, напр. акты Шуи съ конца XVII в. (см. вышецит. соч. Борисова). Изъ нихъ можно заключить, что передѣлы происходили черезъ 10 лѣтніе періоды, совершались цѣлымъ сходомъ участниковъ и скрѣплялись собою записью въ земской избѣ. Перемѣны въ лицахъ, участвующихъ въ общинной землѣ, въ продолженіи періода передѣла, не вліяютъ на него; членъ общины можетъ отчудить свой участокъ, но если участокъ его переходитъ лицу, не принадлежавшему прежде къ общинѣ, а продавецъ самъ выходитъ изъ нея, то всѣ повинности съ этого участка падали на покупщика. Были также общинныя земли и подъ *огородами* (въ городахъ), также будто-бы подлежавшія передѣлу (по словамъ Борисова; но въ изданныхъ имъ актахъ говорится только объ отдачѣ ихъ на оброкъ). Впрочемъ обыкновенно члены общины владѣли участками долгое время безъ передѣла (см. Часть I, стр 130. О владѣніи оброчномъ и частномъ владѣніи на тягломъ правѣ т. н. „своеземцевъ“ см. ibid. стр. 132—

134). Вѣчный владѣлецъ участка общинной земли могъ продать его стороннему лицу—не члену волости. Пріобрѣтеніе участка „бѣломѣстцомъ", т. е. не тяглымъ человѣкомъ могло быть къ ущербу правъ общины, въ силу этого установлено было *право общиннаго выкупа* какъ въ родовыхъ имуществахъ—право родоваго выкупа (см. фактъ XIV в., приведенный на стр. 130).

Разрушеніе общинныхъ правъ правами частныхъ лицъ (членовъ общины) шло гораздо медленнѣе, чѣмъ въ родовыхъ имуществахъ и городскихъ тяглыхъ, чему способствовала и меньшая привлекательность волостныхъ имуществъ по ихъ малоцѣнности; но несомнѣнно, что это разрушеніе шло.

Городскія тяглыя имущества. Если обработанные участки въ сельскихъ общинахъ способны были создать конкурренцію правъ частныхъ лицъ съ правами общины, то тѣмъ болѣе надо ожидать этого въ городскихъ общинахъ, такъ какъ значительная цѣнность городскихъ дворовъ и другихъ однородныхъ имуществъ (лавокъ, анбаровъ и пр.) вызываетъ у частныхъ лицъ большее стремленіе къ освоенію ихъ въ исключительную собственность. Городской житель создаетъ своимъ трудомъ новыя большія цѣнности (постройки), признаніе на которыя правъ за общиною было-бы нарушеніемъ простой справедливости.—Дворовыми мѣстами называются *участки земли*, лежащіе внутри посада, и застроенные или пустые. Такого рода имущества (усадьбы) существуютъ конечно и въ сельскихъ имуществахъ, но тамъ они являются какъ сторонній придатокъ къ землѣ и притомъ, будучи слишкомъ малоцѣнны, они не возбуждали никакихъ особыхъ юридическихъ опредѣленій.

Собственниками городскихъ усадьбъ признаются посады въ уѣздахъ и сотни—внутри гор. Москвы.—Повидимому до начала XVII в. не возникало никакихъ вопросовъ о правѣ посадскихъ общинъ на усадьбы, занятыя частными лицами. Вопросъ о такомъ отношеніи правъ первыхъ и послѣднихъ выдвигается лишь тогда, когда посадская община начинаетъ уже разрушаться подъ вліяніемъ вторгающихся въ нее чуждыхъ элементовъ. Само собою понятно, что права частныхъ лицъ, составляющихъ общину, при отчужденіи городскихъ дворовъ членамъ той же общины не подлежали никакому ограниченію. Но среди посада находится обыкновенно укрѣпленіе („городъ" въ тѣсномъ смыслѣ), заключающее въ себѣ, такъ называемые осадные дворы; часть дворянъ и дѣтей боярскихъ, приписанныхъ къ городу въ качествѣ служилыхъ людей, живетъ временно или постоянно въ этихъ дворахъ, а остальные поселяются въ своихъ помѣстьяхъ; но желая пріобрѣсти себѣ постоянную осѣдлость близъ города, многіе изъ нихъ покупаютъ у посадскихъ людей дворы. Неся же личную службу въ пользу государства, они отказываются отъ службы податной тяглой, возложенной на посадскихъ людей, и просятъ у государственной власти освобожденія отъ нихъ (что и

называлось „обѣленіемъ“). Такимъ образомъ право частныхъ лицъ распоряжаться посадскими имуществами стало весьма чувствительно отзываться на благосостояніи общины. Чтобы хотя нѣсколько ослабить эти послѣдствія, въ обычаѣ установился и здѣсь *выкупъ общиной* отчужденныхъ бѣломѣстцамъ городскихъ имуществъ (аналогичный съ правомъ родоваго выкупа). Но когда и въ этихъ случаяхъ контрагенты сдѣлки стали въ актахъ искусственно помѣчать высокія цѣны (чтобы предотвратить выкупъ), то община обращается съ жалобами къ правительству. Тогда и появляется рядъ отдѣльныхъ узаконеній о правѣ владѣнія городскими имуществами, предварявшихъ и сопровождавшихъ Уложеніе ц. А. М. Первымъ изъ этихъ узаконеній были различены: право частныхъ лицъ на зданія и право города на землю, именно было запрещено продавать, закладывать, отдавать въ приданое и завѣщать участки бѣломѣстцамъ; самими же зданіями владѣлецъ могъ распоряжаться по своему усмотрѣнію (ук. 1621 г.); но такому разграниченію установленному закономъ практика подчинилась не съ разу. Члены общины, пользуясь своимъ правомъ на зданія, продолжаютъ отчуждать дворы, а общинамъ оставалось выкупать ихъ. Тогда въ 1627 г. (Ук. кн. зем. пр. VII) было предположено вовсе вывести бѣломѣстцевъ за черту посадскихъ земель; но эта мѣра, по значительности числа бѣломѣстцевъ, подлежавшихъ ей, какъ видно изъ послѣдующихъ узаконеній, не была приведена въ исполненіе. Въ 1634 г. указомъ (Ук. кн. зем. прик. XXIII) было установлено уголовное наказаніе за отчужденіе городскаго имущества бѣломѣстцу и въ то же время уничтожено право лица на зданія, которыя причисленны къ общиннымъ имуществамъ. Такимъ образомъ частныя лица лишились всѣхъ вещныхъ правъ на дворы кромѣ права потомственнаго пользованія. Къ этому указъ 1642 г. (Ук. кн. зем. пр. XXXIII) присоединилъ распоряженіе о томъ, чтобы при взысканіи съ тяглыхъ людей по личнымъ обязательствамъ дворы продаваемы были съ публичнаго торга только тяглецамъ. Уложеніе обобщило и завершило собою весь первый періодъ законодательства касательно тяглыхъ городскихъ имуществъ, предписавъ бѣломѣстцамъ окончательно выселиться изъ общинныхъ земель. Всѣ вышеприведенныя мѣры не могли конечно не стѣснять имущественнаго оборота для самихъ тяглыхъ людей, почему законодательство, начиная съ 1677 г. начало склоняться къ уступкамъ въ пользу правъ частныхъ лицъ. Указъ этого года разрѣшилъ отчуждать дворы бѣломѣстцамъ, если только они согласятся нести съ нихъ тягло вмѣстѣ съ общинниками (что, впрочемъ, согласно съ прежними—древнѣйшими правами общинъ). Самое важное и наиболѣе обширное узаконеніе объ этомъ предметѣ дано въ 1686 г., это—„Статьи о чернослободскихъ дворахъ“ (П. С. З. № 1157), но, повторяя все предшествующее законодательство, этотъ законъ новаго даетъ только одно, именно онъ опредѣляетъ, что въ случаѣ отчужденія бѣломѣстцами тяглыхъ дворовъ, эти послѣдніе

могутъ быть пріобрѣтаемы только тяглыми людьми, и затѣмъ тотъ же законъ вновь призналъ за частными лицами право собственности на зданія.

Долговременныя усилія законодательства и обычнаго права, поддерживавшія права общинъ отъ разрушительнаго напора правъ частныхъ лицъ, оказались тщетными, когда въ первый годъ XVIII в. (1700 г.) данъ былъ указъ позволившій свободное обращеніе дворовъ между бѣломѣстцами и тяглыми людьми. Всѣ участки внутри города, занятые частными лицами, сдѣлались ихъ собственностью; за городами остались имущества, находившіяся въ общемъ пользованіи всего города: площади, выгоны и т. д. Правда, права частныхъ лицъ до изданія городоваго положенія при Екатеринѣ не были формулированы въ законѣ, но de facto всѣ постановленія положенія существовали и до его изданія. Остаткомъ прежнихъ общинныхъ городскихъ правъ является право города на усвоеніе выморочныхъ имуществъ.—Изложенная исторія законодательства о правахъ городскихъ общинъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, указываетъ на искусственное и довольно позднее созданіе послѣднихъ государствомъ ради фискальныхъ цѣлей, именно ради большей успѣшности поступленія податей и налоговъ подъ круговою порукою общины, а не на исконное—историческое происхожденіе ихъ. Для отраженія этой мысли достаточно припомнить, что всѣ узаконенія по этому предмету издаваемы были по просьбѣ тяглыхъ общинъ и самое первое изъ нихъ рисуетъ общинные порядки уже существующими, направляясь только къ укрѣпленію, а не къ созданію ихъ.

д) *Отношеніе имущественныхъ правъ городскихъ общинъ и волостей къ правамъ государства.* Многіе признаютъ общины, владѣвшія черными землями и дворовыми мѣстами, только владѣльцами ихъ; собственникомъ-же ихъ считаютъ государство и сообразно съ этимъ нерѣдко въ научныхъ изслѣдованіяхъ такія имущества называются „казенными“, „государственными“, иногда „государевыми“ (великокняжескими или царскими). Неволинъ опредѣляетъ ихъ юридическій характеръ такъ: „тяглыя, казенныя имущества, которыя находились въ вѣчномъ владѣніи частныхъ лицъ, обществъ или установленій съ правами пользованія и *распоряженія*, принадлежащаго вотчинникамъ съ обязанностью владѣльцевъ платить въ казну разныя подати и исправлять въ пользу ея повинности“. Этому, повидимому, соотвѣтствуютъ и выраженія древнихъ памятниковъ, въ которыхъ государи именуютъ черныя земли „нашими“, напр.: „А кто учнетъ жити на нашей на черной землѣ сынъ боярской или приказной человѣкъ, ...и тѣ люди... намѣстнику судимы и тягло съ черныхъ деревень ...тянутъ повытно, что на нихъ цѣловальники положатъ“ (1539—1540 г.). „То господине, земля, на которой стоишь, Божія да государя великаго князя Есюпинскія волости“, говоритъ одинъ истецъ. Но гораздо убѣдительнѣе, чѣмъ эти наименованія, могутъ какъ будто подтвердить мысль о принадлежности черныхъ земель государству

нѣкоторыя постановленія законодательства и акты юридическихъ сдѣлокъ. Въ Судебникахъ черныя земли поставлены въ одинаковыя условія съ княжескими селами и помѣстными землями относительно привиллегированной давности (шестилѣтней; см. Суд. 1-й, ст. 63). Акты сохранили нѣсколько случаевъ пожалованія государями черныхъ земель частнымъ лицамъ. Все это, повидимому, противорѣчитъ изложеннымъ выше фактамъ о правахъ общины на черныя земли, а равно и слѣд. фактамъ объ отношеніи государства къ чернымъ волостямъ: уже съ нач. XIV в. въ духовныхъ и договорныхъ грамотахъ, села, принадлежащія князьямъ на частномъ правѣ, совершенно отличаются отъ „волостей", въ которыхъ князю принадлежитъ лишь право суда и дани (см. въ Христ. по ист. рус. права, вып. II, духовную Калиты и наши примѣч. къ ней 4, 6, 7, 8, 9, 10). Когда потомъ (въ XVI в.) частныя имущества князей слились съ государственными въ общемъ наименованіи дворцовыхъ вотчинъ, то черныя земли не смѣшивались съ дворцовыми; послѣдними в. князь управлялъ чрезъ частныхъ прикащиковъ (посельскихъ), первыми чрезъ государственные органы—намѣстниковъ и волостелей. Неволинъ думаетъ уничтожить это противорѣчіе тѣмъ, что изложенныя выше полныя права общинъ на землю считаетъ не общимъ явленіемъ, а исключительнымъ для нѣкоторыхъ общинъ, дарованнымъ имъ вслѣдствіе особаго пожалованія: „нѣкоторыя казенныя земли, отведенныя городскимъ и сельскимъ общинамъ, въ такой мѣрѣ подлежали распоряженію ихъ, что предоставленіе участковъ въ пользованіе и пр. совершенно принадлежало общинѣ". Но нѣтъ нетолько особыхъ привилегій, но и слѣдовъ ихъ на какія-либо исключительныя права въ пользу той или другой общины. Въ однѣхъ и тѣхъ же актахъ можно наблюдать и права общины и права государства, по отношенію къ черной землѣ. Изъ множества жалованныхъ грамотъ, дошедшихъ до насъ, нѣтъ ни одной въ пользу общины. Б. Н. Чичеринъ считаетъ возможнымъ распредѣлить права на одну и ту-же землю государства и частныхъ лицъ и общинъ съ точки зрѣнія гражданскаго права, приписывая государству право собственности, а этимъ послѣднимъ jus in re aliena. Но изложенныя выше права общинъ на распоряженіе черными имуществами, отнюдь не подходятъ подъ понятіе о правѣ на чужую вещь.

Несомѣнно, что при мнимой коллизіи правъ государства и общинъ на черныя земли, собственникомъ на частномъ правѣ должно быть признано въ Москов. правѣ уже не государство, а городскія и сельскія общины. Государство вмѣшивается въ частныя права общинъ (а равно и вотчинниковъ) не какъ частно-правное лицо (фискъ, казна), а какъ политическій союзъ, ради цѣлей государственныхъ (напр., жалуя волостныя земли, оно первоначально жалуетъ въ нихъ лишь „судъ и дань"). Если и замѣчается нѣкоторая большая близость государства къ чернымъ землямъ, чѣмъ къ частнымъ вотчинамъ, то это объясняется особеннымъ характеромъ такого субъ-

екта правъ, какъ общины; въ нихъ самихъ государственный характеръ (административный) смѣшивается съ частно-гражданскимъ.

Послѣдующая судьба правъ общинъ находилась въ зависимости отъ постепеннаго уясненія и возрастанія правъ казны и правъ частныхъ лицъ—членовъ общинъ; общинныя земли перешли или къ казнѣ (въ волостяхъ) или къ частнымъ лицамъ (въ городахъ). Бывшія права собственности сохранились лишь въ общинныхъ формахъ владѣнія на земляхъ казенныхъ и отчасти частно-владѣльческихъ.

4. Вотчины частныхъ лицъ.

а) Родовыя имущества.

Понятіе о родѣ. Древнѣйшій изъ союзовъ, лежащихъ въ основѣ государственнаго и частнаго права, есть родъ. Родомъ называется союзъ лицъ, происходящихъ отъ одного родоначальника (хотя въ послѣдующія эпохи типы рода отчасти уже осложняются ассимиляціею чужеродцевъ). Разростаясь родъ является уже группою лицъ, связанныхъ сколько родствомъ, столько-же и даже преимущественно общностью правъ; именно: по мѣрѣ разростанія рода и удаленія отъ первоначальнаго родоначальника, онъ можетъ распасться на нѣсколько частей, теряющихъ всякую фактически-родственную связь между собою; общее понятіе рода тогда состоитъ изъ нѣсколькихъ концентрическихъ круговъ, а именно: центральный кругъ,—это „ближній родъ“, т. е. союзъ братскихъ семействъ (родъ, происходящій отъ одного отца), затѣмъ идетъ средній родъ—союзъ лицъ, происходящихъ отъ одного дѣда, и наконецъ „дальній родъ“—т. е. союзъ лицъ, происходящихъ отъ одного прадѣда и другихъ дальнѣйшихъ родоначальниковъ, о которыхъ сохраняется память въ родѣ. По этимъ тремъ кругамъ распространяются и права на родовыя имущества (см. выше о переходѣ имуществъ по наслѣдству).

Родовыя имущества. Въ настоящее время родовыми имуществами могутъ быть одни лишь недвижимыя вещи. Движимыя же вообще менѣе допускаютъ совладѣнія, а большая часть ихъ по своей потребляемости неспособна быть предметомъ продолжительнаго (фиктивно-вѣчнаго) обладанія. Въ древнѣйшее-же время при первоначальномъ тѣсномъ сожительствѣ всѣхъ членовъ рода и движимыя вещи были обще-родовыми. Домъ, въ точномъ смыслѣ, также не можетъ быть имуществомъ цѣлаго рода; и дѣйствительно мы видѣли изъ Русской Правды, что кругъ наслѣдованія движимостію и домомъ ограничивается предѣлами семьи (см. выше стр. 410). Но домъ въ обширномъ смыслѣ (дворъ, дворище) можно даже въ позднѣйшее время встрѣтить въ качествѣ объекта права цѣлаго обширнаго рода. У

Хорватовъ задружный родъ („задруга“) въ полномъ своемъ составѣ живетъ въ одномъ дворѣ. Въ Великороссіи (особенно Курской, Тамбовской и Воронежской губ.) встрѣчались дворы, заселенные лицами, связанными родствомъ, въ количествѣ до 60 человѣкъ (слич. „Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа“ Н. И. Костомарова, стр. 40 и сл.).

Истиннымъ и точнымъ предметомъ родоваго владѣнія служитъ земля, обработанная, а также пастбища, луга и лѣса. *Форма* осуществленія правъ рода на родовыя имущества, т. е. форма пользованія ими, на всемъ протяженіи исторіи не одинакова. Первоначальная форма—это общее совладѣніе имуществами рода, т. е. общее для всѣхъ членовъ рода право владѣнія, пользованія и распоряженія. Пока родъ живетъ весь въ одномъ мѣстѣ, такое общее совладѣніе понятно и возможно; славянскія задруги и великорусскія семейныя общины—фактическое тому доказательство. Однако Неволинъ отрицаетъ существованіе у насъ въ древнее время обще-родовыхъ имуществъ (въ личномъ началѣ онъ вообще видитъ отличіе русскаго гражданскаго права) и признаетъ только личную собственность („Ист. Рос. гр. зак., часть 2, стр, 8—9). Между тѣмъ существованіе въ древнее время общаго совладѣнія у насъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, такъ какъ иначе нельзя объяснить слѣды его въ позднѣйшихъ смягченныхъ правахъ рода (а также и общинъ, возникшихъ изъ родовыхъ формъ). Только предположеніемъ родоваго совладѣнія имуществъ можно объяснить отсутствіе родоваго наслѣдованія въ Русской Правдѣ. Но Русская Правда заключаетъ въ себѣ много архаическихъ институтовъ даже для своей собственной эпохи; уже тогда, а еще болѣе въ началѣ московской эпохи, эта форма владѣнія родовыми имуществами уступила мѣсто другой, уцѣлѣвши впрочемъ и потомъ на степени добавочной. Эта вторая позднѣйшая форма (въ XIV—XV в.) наступаетъ при раздѣлѣ родоваго имущества на составныя части; каждое выдѣлившееся колѣно и семейство получаетъ свою спеціальную часть въ пользованіе и владѣніе, но безъ права самостоятельнаго распоряженія, безъ согласія остальныхъ родичей. Кромѣ того нѣкоторыя части родового имущества все еще остаются въ общемъ совладѣніи всего рода (луга, лѣса). Такая форма существовала въ XIV и XV в. особенно на сѣверѣ. Существуетъ довольно значительное количество грамотъ Новгородскихъ, Двинскихъ, Бѣлозерскихъ и др., относящихся къ этому времени и содержащихъ различныя сдѣлки на родовыя имущества; на основаніи этихъ грамотъ (и другихъ памятниковъ) можно сдѣлать слѣдующія заключенія относительно правъ рода на отдѣльныя части его имущества: 1) отдѣльный родичъ можетъ отчуждать свою часть родоваго имущества только съ согласія на то „остальной братіи“; 2) въ случаѣ отчужденія ея безъ такого согласія родичи имѣютъ право иска противъ распорядившагося своею частью сородича, и 3) обыкновенно при каждомъ такомъ отчужденіи въ качествѣ

дѣйствующаго лица при актѣ укрѣпленія является одинъ родичъ, но отъ имени всѣхъ, напр.: „се купи Окинфо и Еванъ и Марке и Ѳедоро у Жирятиничей: у Гашкуя, и у Якова, и у Бориса и Выгната Розуевъ острово; а болѣ Жирятиничемъ не надобѣ у—земли; увѣдаются Гашкуй и Яково и Борисъ сами съ своимъ племенемъ. А стояло у печати Гашкуй отъ всего племени“ (А. Юрид. № 71, I; см. еще факты, подобранные Неволинымъ: Ист. рос. гр. зак. ч. 2-я, стр. 159, прим. 187).

Эта вторая форма отношенія рода къ его имуществамъ вырождается естественно изъ первой путемъ постепеннаго высвобожденія частныхъ правъ отдѣльныхъ членовъ родоваго союза. Прежде, напримѣръ, всякій членъ рода, пріобрѣтая что либо собственными средствами, пріобрѣталъ въ собственность рода, т. е. имущества благопріобрѣтенныя становились родовыми. При значительномъ-же высвобожденіи правъ родичей, это уже прекращается. родовыми имуществами уже не считаются пріобрѣтенныя отдѣльнымъ членомъ, если только это имущество пріобрѣтено не отъ членовъ того-же рода.

Въ XVI в. вторая форма права на родовыя имущества смѣняется позднѣйшей, остатки которой существуютъ еще и въ настоящее время. Эта форма отношенія рода къ родовымъ имуществамъ состоитъ изъ *права родоваго выкупа и права родоваго наслѣдованія*. Непосредственный владѣлецъ могъ уже отчуждать свое имущество, не испрашивая предварительнаго согласія родичей, но за то эти послѣдніе получили право выкупать обратно у пріобрѣтателя-чужеродца отчужденное имущество. Такъ происходитъ *право родоваго выкупа*. Неволинъ (и нѣкоторые другіе) оспариваетъ эту теорію происхожденія права родоваго выкупа. Онъ видитъ въ немъ не остатокъ или результатъ прежняго общаго владѣнія родовыми имуществами, не органически-выросшій въ исторіи институтъ, а мѣру, извнѣ установленную государствомъ для искусственной поддержки знатныхъ фамилій. Къ такой мысли его главнымъ образомъ побудили слѣдующія два обстоятельства: 1) то, что право родоваго выкупа начинаетъ встрѣчаться въ памятникахъ лишь съ XVI вѣка и 2) то, что право родоваго выкупа противорѣчитъ будто-бы родовой собственности. Но очевидно, что эти обстоятельства не могутъ служить основаніемъ для отрицанія приведенной выше теоріи; они скорѣе подтверждаютъ ее. Право родоваго выкупа не могло явиться раньше, т. е. при полномъ господствѣ родоваго быта; тогда вовсе невозможно было отчужденіе имущества безъ согласія родичей. Что-же касается кажущагося противорѣчія права родоваго выкупа—родовой собственности, то слѣдуетъ припомнить, что право выкупа наступаетъ именно въ слѣдствіе паденія непосредственной родовой собственности. Относительно-же самой теоріи Неволина замѣтимъ, что самодержавное Московское государство вообще не склонно было поддерживать аристократическія фамиліи.

Сущность права родоваго выкупа начинаетъ формулироваться въ законодательствѣ съ половины 16 вѣка, именно въ первый разъ она опредѣлена въ царскомъ Судебникѣ (ст. 85), потомъ въ Указной книгѣ помѣстнаго приказа (ст. IV, 8), въ Уложеніи (гл. XVIII, ст. 27—30) и въ новоуказныхъ статьяхъ 1679 г. Для уясненія сущности родоваго права выкупа разсмотримъ слѣдующіе вопросы: на какія сдѣлки оно простиралось; кто могъ пользоваться имъ и какія условія необходимы были для осуществленія этого права. Судебникъ установляетъ дѣйствіе права родоваго выкупа только на *сдѣлки возмездныя:* куплю—продажу, залогъ и мѣну; о безвозмездныхъ же сдѣлкахъ—дареніи, завѣщаніи онъ (такъ же какъ и послѣдующее законодательство) вовсе не упоминаетъ; только Новоуказныя статьи 1679 г. обозначаютъ распространеніе его и на безвозмездныя сдѣлки. Отсюда Неволинъ заключаетъ, что право выкупа до этого узаконенія не простиралось на безвозмездные виды отчужденія, въ чемъ его убѣждаетъ еще и то соображеніе, что мотивами такого рода отчужденій служатъ моральныя побужденія, которыя не могутъ быть переложены на деньги (для выкупа). Но извѣстно, что для выкупа имуществъ, отчужденныхъ посредствомъ возмездныхъ сдѣлокъ, существовала (въ одно время) такса;—она могла примѣняться и при даровомъ отчужденіи; если законъ не упоминалъ о выкупѣ отчужденныхъ безвозмездно имуществъ, то не потому, чтобы такой выкупъ былъ невозможенъ, а потому, что такія сдѣлки практиковались (безъ согласія всѣхъ членовъ рода) рѣдко. У Татищева (Суд. изд. 1786 г., стр. 109) приводится узаконеніе царя Іоанна IV (приписанное въ одномъ спискѣ указныхъ книгъ къ 85 ст. его Судебника), по которому владѣлецъ родовой вотчины можетъ распоряжаться только въ случаѣ бездѣтности, и только половиною ея, какъ по возмезднымъ, такъ и безмезднымъ сдѣлкамъ: „которые князи и бояре и дѣти боярскіе всякого чина люди дѣтей не имѣютъ, а похотятъ свои вотчины продати или заложити, или въ монастырь по душѣ дати, и имъ продати, и заложити и по душѣ отдати вольно всѣ свои *купли.* А не будетъ кому купли, ино изъ вотчинъ до половины, а болѣе половины вотчинъ, мимо отчичь, ни продати, ни заложити, ни по душѣ не отдати. А продастъ кто, или заложитъ, и по душѣ отдастъ болѣе половины, а отчичь будетъ бити челомъ о томъ, и ту лишнюю продажу отдати отчичу“... Изъ завѣщательныхъ распоряженій такими имуществами, дошедшихъ до насъ, видно, что они отказывались обыкновенно (почти всегда) въ пользу родовыхъ-же наслѣдниковъ, чѣмъ очевидно и исключалась возможность примѣненія родоваго выкупа въ случаѣ безвозмездныхъ сдѣлокъ. И такъ мы думаемъ, что право родоваго выкупа простиралось всегда на всякіе виды отчужденія имуществъ. Что касается *субъектовъ права* родоваго выкупа, то ими были всѣ члены рода (кромѣ участвовавшихъ въ сдѣлкѣ) или правильнѣе весь родъ. Фактически выкупъ производится однимъ лицемъ, но являющимся

представителемъ цѣлаго рода; это видно изъ того, что выкупленное имущество остается родовымъ, а не благопріобрѣтеннымъ. Лица, участвовавшія въ сдѣлкѣ (въ качествѣ свидѣтелей), не получаютъ права выкупа, потому что своимъ участіемъ они заявляютъ согласіе на отчужденіе. Нисходящіе продавца также лишаются права выкупа, ибо дѣйствія отца или дѣда ихъ, въ силу солидарности семейныхъ правъ, всегда признавались для нихъ обязательными.

Условія выкупа. Право родоваго выкупа заключаетъ въ себѣ принудительную обязанность покупщика—продать обратно въ извѣстный срокъ и по извѣстной цѣнѣ купленное имъ родовое имущество продавца.

Что касается *срока*, до истеченія котораго право выкупа имѣло силу, то въ болѣе старыя времена, онъ, по всей вѣроятности, вовсе не опредѣлялся: выкупить можно было всегда, если только не исчезла память о томъ, что извѣстное имущество было родовое. Судебникъ Іоанна IV установилъ 40-лѣтнюю давность для выкупа, но изъ юридическихъ актовъ видно, что иски о выкупѣ вчинались и черезъ болѣе продолжительное время, а также встрѣчается, что судьи отказываютъ въ искахъ, начатыхъ раньше истеченія 40-лѣтняго срока. Изъ этого можно заключить, что фактически давность, установленная Судебникомъ, не всегда принималась во вниманіе.

Цѣна, по которой выкупались вотчины, сперва не была опредѣлена закономъ, и обыкновенно выкупъ совершался по той цѣнѣ, по которой совершена сдѣлка продажи. Но когда контрагенты сдѣлокъ, чтобы парализовать право выкупа фактически, стали обозначать въ актахъ чрезвычайно высокую цѣну, тогда явилась потребность таксировать выкупную плату и въ 1621 г. было издано узаконеніе о томъ. Упоминаніе о цѣнѣ выкупа вотчинъ есть и въ Судебникѣ 1550 г., но только относительно однихъ заложенныхъ имуществъ и безъ опредѣленія таксы: „въ мѣру, чего та вотчина стоитъ“ (ст. 85). Царь Алексѣй Михайловичъ отмѣнилъ таксу, узаконенную въ 1621 г., и установилъ выкупъ опять по цѣнѣ обозначенной въ купчихъ (Ул. XVI, 27). Кромѣ *срока*, условіемъ, ограничивавшимъ право родоваго выкупа, была обязанность для выкупающаго—производить выкупъ на собственныя средства. По Судебнику, если продавецъ „доведетъ“, что его родичь „выкупилъ вотчину чужими деньгами и держитъ ее не за собой“, то она возвращается къ отчудившему ее.

Кромѣ родоваго выкупа, другимъ позднѣйшимъ результатомъ бывшаго нѣкогда общеродоваго владѣнія служитъ *право родоваго наслѣдованія*, которое изложено въ своемъ мѣстѣ.

Исторія формъ отношенія рода къ своимъ имуществамъ есть въ то же время и исторія отношенія правъ частныхъ лицъ къ правамъ рода. Мы видѣли уже, какъ отдѣльный членъ рода, совершенно теряющійся въ правахъ рода до-исторической эпохи, мало по малу путемъ постепеннаго выдѣ-

ленія своихъ правъ получаетъ сперва только въ пользованіе часть родовыхъ имуществъ, а въ позднѣйшее время нѣкоторыя права распоряженія ими.

Отношеніе правъ родовыхъ вотчинниковъ къ правамъ государства. Родъ былъ высшею автономною единицею лишь въ доисторическія времена. При соединеніи родовъ (и общинъ) въ государственный (земскій) союзъ,—этотъ послѣдній прикрылъ своими правами и права родовъ, вошедшихъ въ него. Всѣ тѣ требованія, которыя предъявлялъ родъ къ частнымъ лицамъ, составляющимъ его, теперь государство предъявляетъ къ самому роду. Родъ требуетъ, чтобы имущество не было отчуждаемо произвольно родичемъ—чужеродцу; государство запрещаетъ передавать его чужеземцамъ (см. выше).

Въ московскій періодъ возникли новыя ограниченія, обязанныя своимъ происхожденіемъ вліянію служебныхъ повинностей, лежащихъ на вотчинахъ. Особенному ограниченію подлежали тогда *княжескія вотчины*, а именно: князья не имѣли никакихъ правъ распоряженія своими вотчинами безъ согласія государя; дочери ихъ не наслѣдуютъ такихъ вотчинъ, а получаютъ отъ государя приданое; жена получаетъ только часть на прожитокъ. Словомъ къ этимъ имуществамъ вполнѣ прилагаются черты постановленія Рус. Правды объ имуществахъ бояръ и смердовъ. Прочія, т. н. боярскія вотчины (за немногими исключеніями: см. Ук. кн. вѣд. казн. ст. XIX), имѣютъ уже свойства болѣе свободныхъ имуществъ, хотя ограниченія правъ ихъ владѣльцевъ въ XVI и XVII вв. довольно существенны; они истекаютъ частію изъ прежнихъ земскихъ, частію изъ новыхъ служилыхъ отношеній: вотчины могли обращаться только между одноземцами, хотя „земли“ уже сдѣлались провинціями одного государства: „а что во Твери, и въ Торжку, въ Ярославлѣ, на Резани, на Бѣлѣозерѣ и на Романовѣ *изстари* иногородцы вотчины ихъ (вотчинныхъ?) земель не покупывали...; и нынѣ царь и в. кн. приговорилъ... по тому жъ, какъ было изъстари“ (Ук. кн. вѣд. казнач. ст. XVIII; сл. Ул. XVII, 49—50). Вотчины могли обращаться только между лицами одного служилаго класса; въ частности такое ограниченіе постановлено въ законѣ относительно: а) т. н бѣлозерцевъ или козаковъ (т. е. смоленцевъ, которые послѣ взятія Смоленска поляками были испомѣщены на Бѣлоозерѣ; Ук. кн. пом. прик. IV, 36, 44, 61; Улож. XVI, 49—50; П. С. З. № 53; такое ограниченіе продолжалось до 1677: П. С. З. № 700, отд. I, ст. 14), б) относительно иноземцевъ (Ук. кн. пом. прик. IV, 24); в) служилыхъ татаръ и мордвы (ibid. 34).

б) Купленныя вотчины.

Выше мы слѣдили, какъ права частныхъ лицъ, конкурируя съ правами рода, постепенно оттѣсняютъ эти послѣднія (оставивши наконецъ за родичами одно право родоваго выкупа),—какъ частныя права отдѣльныхъ членовъ общины, особенно городской, берутъ наконецъ перевѣсъ надъ пра-

вами цѣлой общины и окончательно утверждаются на участкахъ общинной земли, состоящей во владѣніи частныхъ лицъ. Ниже увидимъ, какъ то же самое явленіе можно наблюдать по отношенію частныхъ лицъ къ помѣстьямъ. Но физическое лицо можетъ независимо и непосредственно пріобрѣтать право на недвижимыя имущества. Оно можетъ пріобрѣтать имущество или экономическими способами, или услугами государству. Изъ перваго образуется понятіе купленныхъ вотчинъ, изъ втораго—выслуженныхъ вотчинъ и помѣстій.

Купленныя вотчины (нынѣ именуемыя благопріобрѣтенными) суть недвижимыя имущества, пріобрѣтенныя частнымъ лицомъ у сторонних ъ (а не у родичей). Хотя и существуетъ мнѣніе, что различіе благопріобрѣтенныхъ и родовыхъ имуществъ въ нынѣшнемъ дѣйствующемъ правѣ установлено лишь Екатериною II-ю (въ дворянской грамотѣ и городовомъ положеніи 1785 г., когда введенъ терминъ „благопріобрѣтенное“), однако Екатерина принадлежитъ лишь точнѣйшее выраженіе древнихъ понятій о томъ же предметѣ. Внутренняя причина различенія имуществъ родовыхъ и благопріобрѣтенныхъ доступна пониманію самыхъ простыхъ людей: первыя получаются независимо отъ труда или достоинствъ пріобрѣтателя; послѣднія требуютъ присутствія этихъ условій. Во первыхъ, что касается *образованія благопріобрѣтенныхъ имуществъ*, то въ Екатерининскихъ узаконеніяхъ сказано, что собственникъ въ отношеніи къ нимъ есть „первый пріобрѣтатель“; древнее же названіе—купленныя вотчины указываетъ, повидимому, только на одинъ способъ пріобрѣтенія—куплю (предположительно вообще возмездные способы); но въ этомъ видна лишь естественная неспособность древняго юридическаго языка къ обобщеніямъ; ни въ одномъ древнемъ свидѣтельствѣ нельзя отыскать указанія, чтобы имущество, пріобрѣтенное посредствомъ дара, или же завѣщанія отъ чужеродцевъ, становилось eo ipso родовымъ. Не во всякомъ случаѣ, однако, имущество, пріобрѣтенное частнымъ лицомъ, становится благопріобрѣтеннымъ; если оно пріобрѣтено, хотя бы и возмезднымъ способомъ, у членовъ своего рода, то не перестаетъ быть родовымъ; равн. образ. имущество, выкупленное у чужеродцевъ, остается родовымъ; наоборотъ имущество проданное чужеродцу, а потомъ купленное (но не на правахъ родоваго выкупа) членомъ прежняго рода, остается благопріобрѣтеннымъ въ рукахъ этого послѣдняго. Всѣ эти черты, точнѣе выраженныя въ узаконеніяхъ имперіи, однако присутствуютъ, и притомъ съ особенною жизненною силою, въ узаконеніяхъ и юридическихъ явленіяхъ древней Руси (см. ук. 1680 г. мар. 10).

Во втор., способъ прекращенія характера благопріобрѣтенности и переходъ такого имущества въ родовое, опредѣляется ясно и точно лишь въ узаконеніяхъ императорскаго періода. Однако реальная почва для такихъ опредѣленій дана до-Петровскою юридическою жизнію. Благопріобрѣтенное

имущество становится родовымъ лишь по переходѣ имущества въ порядкѣ наслѣдованія законнаго или завѣщательнаго (если въ послѣднемъ случаѣ наслѣдникомъ назначенъ наслѣдникъ по закону). Такой принципъ присутствуетъ и въ Улож. ц. А. М и въ послѣдующихъ за нимъ узаконеніяхъ (ук. 1679 г. іюня 19).

Впрочемъ *субъектъ права* на купленную вотчину въ древней Руси существенно отличается отъ субъекта правъ на благопріобрѣтенное имущество по законамъ имперіи. По этимъ послѣднимъ, собственникомъ безраздѣльнымъ и единымъ имущества благопріобрѣтеннаго считается физическое лицо, пріобрѣтшее его. Въ древнемъ правѣ даже и въ эту сферу проникаетъ сложность субъекта правъ; именно купленныя вотчины принадлежатъ вмѣстѣ мужу и женѣ. Общность правъ на такое имущество, не ясная при существованіи брака, является несомнѣнною при прекращеніи брака смертію мужа; въ такомъ случаѣ купленное имущество переходитъ женѣ и принадлежитъ ей независимо отъ правъ рода и дѣтей (см. выше семейное право); это опиралось на томъ предположеніи, что всякое новое пріобрѣтеніе имуществъ совершается на общія средства супруговъ.—Дальнѣйшимъ же подтвержденіемъ такого же взгляда на купленныя имущества можетъ служить и тотъ фактъ, что въ законодательствѣ долго былъ спорнымъ вопросъ о томъ, въ чей родъ должна переходить купленная вотчина по прекращеніи брака бездѣтною смертію обоихъ супруговъ, пока наконецъ вопросъ рѣшенъ въ указѣ 1676 г. въ пользу рода мужа. Такой результатъ не могъ-бы явиться послѣ того, какъ вотчина поступила въ полную собственность жены по смерти мужа и слѣдовательно должна-бы идти въ ея родъ, если бы не присутствовало общаго скрытаго возрѣнія на такія имущества, какъ общія обоимъ супругамъ.

Права лицъ на благопріобрѣтенныя имущества выше правъ на родовыя имущества. Хотя и въ этомъ отношеніи наши историки права иногда приписываютъ установленіе этого различія новому императорскому законодательству, но безъ всякихъ основаній. Именно (какъ говорили мы выше) въ древней Руси позволялось владѣльцу родоваго имущества отчуждать это послѣднее съ ограниченіями и съ правомъ выкупа; между тѣмъ владѣлецъ купленной вотчины могъ распоряжаться ею безъ всякихъ ограниченій. Всѣ одинаково признаютъ, что между родовыми и купленными вотчинами была та разница, что въ отношеніи къ послѣднимъ родственникамъ не принадлежало право выкупа.

в) Жалованныя вотчины.

Физическое лицо можетъ пріобрѣсти имущество своими заслугами государству (смотр. выше). Способъ совершенія пожалованія состоялъ въ выдачѣ *жалованной грамоты* и затѣмъ *отказа* (ввода во владѣніе, со-

вершаемаго мѣстными властями, которыя получивъ отказную грамоту, составляли „отказную книгу“, т. е. самый актъ ввода). До нѣкоторой степени къ пожалованію примѣнялась и купля вотчинъ изъ казны. То и другое сдѣлалось самымъ обильнымъ источникомъ пріобрѣтенія правъ собственности на землю.

Вопросъ *о субъектѣ и его правахъ* на пожалованныя имущества разрѣшался въ разныя эпохи московскаго періода весьма неодинаково. *Общій* и первоначальный принципъ въ этомъ случаѣ *былъ* слѣдующій: *дареніе* не переноситъ полныхъ правъ собственности на одаряемаго; въ правахъ на даръ продолжаетъ участвовать и дарітель. Принципъ этотъ еще съ большею силою примѣняется къ пожалованію отъ государства, которое ограничивало права собственниковъ и въ другихъ болѣе независимыхъ родахъ имущества.

а) Дареніе имѣетъ свое основаніе въ заслугахъ одаряемаго; если-же такихъ заслугъ не было и вотчина добыта обманомъ, то она возвращается назадъ: въ 1611 и 1622 гг. состоялись указы о томъ, что получившіе вотчины за осадное сидѣнье, но не числящіеся въ осадныхъ спискахъ, лишаются этихъ вотчинъ (Ук. кн. пом. прик. III, 3 и Улож. XVII, 17). б) Иногда причиною къ такому повороту правъ вела простая порочность или неблагонадежность одаряемаго: въ 1613 и 1616 г. предписано, что Тушинцы (служившіе прежде самозванцу), а потомъ получившіе вотчины за московское очищеніе (при Пожарскомъ), должны предъявить свои грамоты для записи за ними этихъ земель не въ вотчины, а въ помѣстья (Ук. кн. помѣст. пр. III, 6). в) Но всего болѣе права государства на пожалованныя вотчины проявляются въ тѣхъ правахъ распоряженія, которыя предоставлялись вотчинникамъ. Первоначально (до XVI в.) на этотъ счетъ не было постановлено никакого общаго правила; права вотчинниковъ опредѣлялись каждый разъ содержаніемъ жалованной грамоты и могли быть очень обширны (равнялись правамъ на вотчины купленныя у чужеродцевъ), или ниходили до простаго пожизненнаго пользованія (см. Неволина: Ист. рус. гр. зак. част. 2, § 277). Но не смотря на разнообразіе жалованныхъ грамотъ XVI в. въ нихъ можно уловить и общее начало на этотъ счетъ; именно въ законѣ 1572 г. было постановлено слѣд. принципіальное рѣшеніе вопроса о принадлежности жалованныхъ вотчинъ: если жалованной грамоты нѣтъ въ рукахъ вотчинника (вслѣдствіе потери или неполученія), то по рѣшенію собора 1572 г., въ такомъ случаѣ вотчина по смерти вотчинника отбирается на гостдаря, хотя-бы у вотчинника оставались дѣти (Ук. кн. вѣд. казн. ст. XIX). Въ началѣ XVII в. при сильнѣйшемъ участіи бояръ въ управленіи государствомъ (въ смутное время и въ первые годы правленія Мих. Ѳеод.) права вотчинныя частныхъ лицъ вообще возвышаются и въ частности права на жалованныя вотчины. Тогда открывался вопросъ, къ какому

именно типу частныхъ вотчинъ примкнуть вотчины жалованныя: къ родовымъ или купленнымъ? Такъ какъ выслуженная вотчина принадлежитъ пріобрѣтателю въ слѣдствіе его личныхъ заслугъ и въ пріобрѣтеніи ея онъ ничѣмъ не обязанъ своему роду, то естественно, что практика склонялась ко включенію такихъ вотчинъ въ одну категорію съ купленными; въ такомъ случаѣ жалованная вотчина должна принадлежать семьѣ пріобрѣтателя (и тому роду, который отъ него произойдетъ). Отсюда во первыхъ слѣдуетъ, что самъ пріобрѣтатель и его исходящіе пользуются всѣми правами на вотчину, но не родъ его; и дѣйствительно о родѣ пріобрѣтателя въ узаконеніяхъ того времени умалчивается. указомъ 1620 г. ноября 23 (Ук. кн. пом. прик. III, 13) предписано, чтобы лицамъ, получившимъ вотчины за московское осадное сидѣніе при ц. Василіѣ Ивановичѣ, даны были жалованныя грамоты по новой формѣ, въ которой обозначены всѣ права на жалованную вотчину, а именно: вольны въ тѣхъ вотчинахъ они, дѣти ихъ, внучата и правнуки; они могутъ эти вотчины продать, заложить, отдать въ приданое, завѣщать въ монастырь, а о родовомъ наслѣдованіи ничего не сказано. Во вторыхъ изъ приравненія жалованныхъ вотчинъ къ купленнымъ слѣдовало, что въ правахъ на нихъ имѣютъ такое-же участіе жены пріобрѣтателей, какъ и въ правахъ на купленныя вотчины. Такъ это дѣйствительно и было, какъ на практикѣ, такъ и въ жалованныхъ грамотахъ до 1627 г. Но 1627 годъ составляетъ въ этомъ случаѣ поворотъ въ этомъ году патр. Филаретъ представилъ своему сыну—царю Михаилу Ѳеодоровичу, что прежній порядокъ въ этомъ случаѣ незаконенъ, что послѣ бездѣтной смерти вотчинника, женамъ ихъ слѣдуютъ лишь купленныя вотчины, но отнюдь не выслуженныя и не родовыя, которыя должны идти въ родъ мужа. Тогда состоялось узаконеніе, сравнявшее выслуженныя вотчины съ родовыми; а именно: послѣ бездѣтной смерти вотчинника, жена его не получаетъ выслуженныхъ вотчинъ даже на прожитокъ и даже въ такомъ случаѣ, если у умершаго не осталось помѣстій, изъ которыхъ можно-бы было обезпечить вдову (въ этомъ случаѣ предписано дать ей обезпеченіе изъ сторонихъ помѣстныхъ земель); выслуженная-же вотчина должна идти въ родъ мужа, а за неимѣніемъ рода въ казну. Законъ придалъ себѣ даже обратную силу, предписавъ возвратить уже проданныя женами выслуженныя вотчины, и, справивъ съ нихъ деньги, возвратить покупщикамъ, а земли или въ родъ мужа, или въ казну, впрочемъ только въ такомъ случаѣ, если продавщицы еще живы и вступили во 2-й бракъ; если-же онѣ померли, или постригались, то проданныя ими вотчины остаются за покупщиками (Ук. кн. пом. пр. IV, 6; Ул. ц. А. М. XVII, 1). На основаніи этого узаконенія составлена новая общая форма жалованныхъ грамотъ въ томъ-же 1627 г. Въ ней права на выслуженныя вотчины опредѣлены совершенно одинаково съ правами на родовыя вотчины (т. е. съ правомъ родоваго наслѣдованія

и родоваго выкупа). Это отнюдь не означало расширенія правъ физическихъ лицъ на выслуженныя вотчины. Въ 1679 г. было рѣшено въ законодательномъ порядкѣ, что владѣльцы выслуженныхъ вотчинъ не могутъ отчуждать ихъ безмездными способами (по дарственной и по завѣщанію, мимо своихъ наслѣдниковъ).

Такія положенія о выслуженныхъ вотчинахъ дополняются и иллюстрируются постановленіями о вотчинахъ купленныхъ изъ казны. Въ XVI в., при Грозномъ, такія вотчины могли переходить къ дѣтямъ и дальнѣйшимъ нисходящимъ, но если дѣтей не осталось, то родственники покупщика не наслѣдовали, вотчина возвращалась въ казну; впрочемъ за отобранную вотчину изъ казны выдаваемы были деньги по душѣ умершаго въ монастыри или „племени его“, въ такомъ количествѣ, какое онъ самъ заплатилъ казнѣ Когда послѣ московскаго разоренья возобновлена была продажа казенныхъ пустыхъ земель, то выдача купчихъ была остановлена, такъ какъ покупщики не соглашались пріобрѣтать ихъ на прежнихъ правахъ, а требовали обозначить въ актѣ, что вотчины будутъ принадлежать имъ и ихъ дѣтямъ, съ правомъ продажи, залога, отдачи въ приданое, и съ правомъ передачи въ родовое (боковое) наслѣдованіе. Въ этомъ смыслѣ состоялся указъ 1628 г., когда составлена была и особая форма купчихъ грамотъ на такія вотчины; но въ ней обращено особое вниманіе только на право покупщиковъ отдавать вотчины въ приданое (согласно съ ук. Іоанна IV); о существенныхъ же и болѣе важныхъ правахъ умолчано, а именно о правѣ продажи и залога, что впрочемъ исправлено было въ 1636 г. (Ук. кн. пом. прик. IV, 13 и 39). Права женъ на такія вотчины опредѣлены были лишь Уложеніемъ, именно права эти ниже правъ ихъ на купленныя вотчины у чужеродцевъ. по смерти мужа, вотчина купленная изъ казны, дается женѣ его лишь въ пользованіе до выхода въ замужество, до постриженія, или до смерти (Ул. ц. Л. М., XVII, 8).

5. Помѣстья.

Понятіе о помѣстномъ правѣ. Помѣстьемъ называется жалованье, выдаваемое государствомъ за службу въ видѣ пользованія недвижимыми имуществами. Отсюда въ помѣстномъ правѣ—двѣ стороны: частно-правная и государственная.

О первоначальномъ происхожденіи помѣстнаго права нѣтъ точныхъ историческихъ данныхъ. Распространенное прежде мнѣніе о томъ, что помѣстное право обязано своимъ установленіемъ Іоанну III, а окончательнымъ утвержденіемъ царю Іоанну Грозному, не имѣетъ основаній. *Начало* его необходимо предположить въ земскій періодъ (со времени большей осѣдлости князей). Существованіе помѣстнаго права въ сѣверныхъ княже-

ствахъ съ нач. *XIV вѣка* утверждается свидѣтельствами духовныхъ и договорныхъ грамотъ князей, въ частности духовной Калиты 1328 г. (см. въ нашей Хрестоматіи по ист. рус. пр. вып. II, прим. 12 къ дух. Калиты). Въ XV в. находимъ свидѣтельство о существованіи помѣстнаго права (подъ этимъ собственнымъ его именемъ) въ Литовско-Русскомъ государствѣ (при Казимірѣ IV).

Но помѣстное право до в. кн. *Іоанна III* имѣетъ и *свои особенности* отъ послѣдующаго его характера. А именно въ тѣ времена (XIV—XV вв.) помѣстья даваемы были лишь непосредственнымъ слугамъ князя (дворянамъ), и преимущественно низшимъ (несвободнымъ и полусвободнымъ); высшіе-же служилые люди—бояре получали *кормленія* (Неволинъ хотя и осторожно, но смѣшиваетъ понятія помѣстья и кормленія, что̀ совершенно ошибочно). Во вторыхъ въ то время помѣстья выдѣляются изъ собственныхъ частныхъ имуществъ князей (а потомъ и дворцовыхъ), но не изъ государственныхъ (черныхъ). По этимъ двумъ признакамъ, помѣстное право въ первую эпоху своего существованія въ Московскомъ государствѣ имѣетъ преимущественно частный характеръ.

Въ первый разъ слово „помѣстье“ встрѣчается въ Судебникѣ Іоанна III. Тогда помѣстное право вступаетъ въ новый фазисъ своего развитія. Со времени Іоанна III обѣ указанныя особенности помѣстнаго права изчезаютъ: помѣстья даются всѣмъ служилымъ лицамъ и изъ имуществъ черныхъ и дворцовыхъ безразлично. Помѣстное право проникается государственнымъ характеромъ; источникомъ дохода помѣщиковъ служитъ главнымъ образомъ судъ и дань.

Наконецъ въ XVII в. эта примѣсь госуд. начала опять ослабѣваетъ. Но частно-правное значеніе помѣстій утверждается уже за помѣщиками (а не за государствомъ). Типъ помѣстнаго права, который мы сдѣсь изобразимъ, относится преимущественно къ этой послѣдней эпохѣ (Улож. XVI).

Лица, могущія обладать помѣстьями. Изъ понятія о помѣстномъ правѣ и исторіи его видно, что: а) помѣстьями могутъ владѣть только лица, служащія государству и никто другой; помѣстья, даваемыя отъ государства церковнымъ учрежденіямъ, составляютъ видъ установленія простаго пользованія и сюда не относятся. б) Помѣстья могутъ получать лица всѣхъ родовъ государственной службы: бояре, дворяне, дьяки, подъячіе, придворные служители, гости и иногда лица, служащія по выбору (напр., старосты новгородскіе). Лицу каждаго изъ этихъ классовъ приписывается право на такое количество помѣстной земли, сколько назначено по общему росписанію членамъ этого класса. Такое росписаніе помѣстныхъ окладовъ однако, измѣнялось по мѣстностямъ, по временамъ и по мѣрѣ успѣховъ службы каждаго отдѣльнаго лица. Вообще съ теченіемъ времени помѣстное жалованье увеличивалось для всѣхъ классовъ; нормальные оклады, назначаемые

при верстаніи на службу въ 1621 г., были слѣд.: 1-я статья—300 четвертей земли (въ одномъ полѣ), 2-я—250, 3-я—200, 4-я—150, 5-я—100 четвертей (для дѣтей боярскихъ, которыя уже служили, окладъ увеличивается на одну статью, т. е. по 1-й ст.—350, по 5-й—150 четвертей). Въ полов. XVII в. (по Котошихину) помѣстные оклады соразмѣрялись съ денежными для каждаго разряда служилыхъ людей,—на всякій рубль денежнаго жалованья давалось по 5 четвертей помѣстной земли; по этому расчету тогда получали:

бояре, окольничіе и думные люди	1000	четв.
стольники	500	„
стряпчіе	400	„
дворяне московскіе, городовые и дьяки	400—250	„
дворяне городовые средней и меньшей статьи и дѣти боярскія	250— 30	„

(см. Котош. VII, 8). Къ нормальнымъ окладамъ присоединялись добавочныя раздачи помѣстій, именно: каждый изъ служащихъ въ Москвѣ къ своему окладу получалъ добавочный въ Московскомъ уѣздѣ (Ул. XVI, 1). Затѣмъ, помѣщикамъ украиннымъ въ XVII в. давались добавочные оклады въ степныхъ—украинныхъ мѣстахъ (ради скорѣйшей колонизаціи и защиты южныхъ границъ (см. Ук. кн. пом. пр. IV, 60; Улож. XVI, 40).—Въ число четвертей земли нормальныхъ окладовъ не включаются т. н. угодья (выгоны, сѣнные покосы и лѣсъ), которыя отводятся сверхъ оклада. Если дается земля худая, то она „одобривается“, т. е. прибавляется къ окладу соотвѣтствующая доля четвертей: напр. на 100 четв. средней земли прибавляется еще 25 четв. такой-же (Ул. XVI, 46, 48).—в) Но низшія службы, отправляемыя не лично, а массами, вознаграждаются не помѣстьями, а землями на общинномъ правѣ (стрѣльцы, пушкари, ямщики и проч.). г) Помѣстья получаются при дѣйствительномъ поступленіи на службу, что технически называлось „верстаньемъ“ и обыкновенно наступало при достиженіи сыномъ дворянина 15 лѣтъ.

Объектъ помѣстнаго права есть всякое недвижимое имущество, т. е. не только земли населенныя и не населенныя, но и дворы въ городахъ, т. н. „данные“, а также промыслы охоты и рыболовства. Помѣщику принадлежитъ въ этихъ имуществахъ право хозяйственнаго или экономическаго пользованія, а со времени окончательнаго прикрѣпленія крестьянъ, и право на трудъ крестьянъ въ размѣрахъ, установленныхъ обычнымъ правомъ. Отсюда вводъ во владѣніе помѣстьемъ сопровождается „послушною грамотою“, обращенною къ крестьянамъ. Злоупотребленіе трудомъ крестьянъ предупреждается тѣмъ постановленіемъ, что запустошившій помѣстье, обязанъ нести съ него службу, какъ-бы оно не было пустымъ. Хотя право помѣщиковъ на трудъ крестьянъ, по Котошихину, равнялось праву вотчинниковъ („а свои подати кладутъ они (помѣщики и вотчинники) на крестьянъ своихъ сами,

сколько съ кого что взяти"; XI, 3): но тотъ-же Котошихинъ сообщаетъ слѣд.: когда боярамъ и другимъ чинамъ „даются помѣстья, и вотчины то имъ пишутъ въ жалованныхъ грамотахъ, что имъ крестьянъ отъ сторонніихъ людей и всякихъ обидъ и налогъ оберегати, и стояти, а подати съ нихъ имати по силѣ, съ кого, что мочно взяти, а не черезъ силу, чтобъ тѣмъ мужиковъ своихъ изъ помѣстій и вотчинъ не разогнять и въ нищіе не привесть, и насильствомъ у нихъ скота и животины никакой, и хлѣба всякого и животовъ не имати. А будетъ которой вотчинникъ или помѣщикъ... учнетъ съ нихъ имати поборы великіе, не противъ силы, чѣмъ-бы привести къ нужѣ и бѣдности..., и будетъ на такого вотчинника и помѣщика будетъ челобитье, что онъ надъ ними такъ чинилъ, и сторонніе люди про то вѣдаютъ, и скажутъ по сыску правду, и у такихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ помѣстья ихъ и вотчины, которыя даны будутъ отъ царя, возмутъ назадъ на царя, а что онъ ималъ какихъ поборовъ черезъ силу и грабежемъ, и то на немъ велятъ взять и отдать тѣмъ крестьяномъ, а впредь тому человѣку, кто такъ учинитъ, помѣстья, и вотчины не будутъ даны до вѣку. А будетъ кто учнетъ чинить такимъ же обычаемъ надъ своими вотчинными купленными мужиками..., и у тѣхъ крестьянъ возмутъ безденежно и отдадутъ сродственникомъ его, добрымъ людямъ безденежно-жъ, а не такимъ разорителямъ".

Пользованіе, увеличивающее цѣнность вещи, не воспрещается: распаханныя пустыя части помѣстья оставляются во владѣніи помѣщика, хотя-бы число четвертей помѣстья так. обр. становилось больше, чѣмъ сколько слѣдуетъ ему по классу.—Кромѣ земель въ уѣздахъ, на помѣстномъ правѣ раздаваемы были (какъ сказано) дворы въ городахъ (т. н. „данные") и огороды, которые здѣсь отличались отъ тяглыхъ дворовъ такъ-же, какъ помѣстныя земли отъ черныхъ (Ук. кн. зем. прик. XI и XXXV); владѣльцы ихъ не могли ихъ продавать и закладывать (ibid. ст. XXII); но если владѣлецъ былъ переводимъ на новое мѣсто по распоряженію правительства, то ему дозволялось продать прежній дворъ и данное мѣсто (ibid. XXVI). По благодаря особеннымъ свойствамъ городскихъ имуществъ, здѣсь скорѣе росли права частныхъ лицъ на „данное" имущество: владѣльцы такихъ дворовъ подлежали, наравнѣ съ черными, всѣмъ городскимъ повинностямъ и потому заявляли иногда, что имъ „дворовыя данныя мѣста стали пуще купленыхъ" (ibid.); а потому дозволялся переходъ дворовъ даже по купчимъ, между служилыми людьми одного разряда. Сверхъ того данные дворы даваемы были иногда и людямъ неслужилымъ, для которыхъ эти имущества были уже предметомъ вѣчнаго владѣнія (но не собственности); такіе люди сами обстраивались а потому иногда получали право продавать такіе дворы постороннимъ лицамъ и взамѣнъ ихъ покупать гдѣ угодно, съ условіемъ

обращенія купленнаго двора въ данныя (ibid. № XXVIII). Вообще-же съ частной точки зрѣнія помѣстное право есть только право пользованія.

Возрастаніе вещныхъ правъ лицъ на помѣстья, т. е. переходъ права пользованія въ право собственности составляетъ наиболѣе интересный вопросъ помѣстнаго права. а) *Мѣна* помѣстьями есть древнѣйшее изъ правъ распоряженія, дозволенныхъ помѣщикамъ. До Уложенія дозволялась только мѣна помѣстья на помѣстье (Ук. кн. пом. прик. IV, 24 и 51); послѣ Уложенія и на вотчины; сверхъ того Уложеніе сняло и другія ограниченія мѣны, но за то озаботилось объ установленіи равенства мѣняемыхъ предметовъ (чтобы населенное помѣстье не было промѣнено на пустую вотчину). Мѣна дозволена лишь съ согласія правительства (помѣстья „росписывались" въ помѣстномъ приказѣ; Ул. XVI, 2—7).

б) Развивается *право наслѣдованія* въ помѣстьяхъ, именно въ отношеніи къ сыновьямъ: отецъ при жизни „припускалъ" сыновей къ участію въ пользованіи помѣстьемъ. При отставкѣ отца и при малолѣтствѣ сыновей помѣстья хотя и отбирались, но сдавались на оброкъ ему-же до возраста сыновей, а потомъ шли въ раздачу этимъ послѣднимъ. Такъ. обр. уже со временъ Грознаго утвердился принципъ: отцовскихъ помѣстій не отнимать у сыновей, если они пригодны въ службу (А. А. Э. I, № 225). Начало наслѣдованія въ помѣстьяхъ утверждено въ особенности въ 1611 и 1618 годахъ (см. въ Ук. кн. пом. прик. III, 7—ук. 1618 г. авг. 27, которымъ утвержденъ наслѣдственный переходъ помѣстій не только къ нисходящимъ, но за неимѣніемъ ихъ и къ боковымъ; ср. тамъ-же III, 9, 10 и др.).

Въ отношеніи къ дочерямъ и женѣ подобный переходъ означалъ только пенсію. Сначала это было дѣломъ милости на каждый разъ; потомъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ утвержденъ постоянный размѣръ пенсіи (см. выше право наслѣд.), что обратилось потомъ въ прямое право наслѣдованія. Дочери давалось въ половину меньше, чѣмъ вдовѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ пенсія въ XVI в. давалась до выхода въ замужество и (дочерямъ) до совершеннолѣтія; съ 1615 г.—до смерти. Окончательно съ 1611 г. утвердился принципъ, что у вдовъ и дѣтей помѣстій не отнимать.

в) *Справка, сдача, продажа.* Женщина, имѣя прежніе помѣстье и выходя замужъ, могла справить это помѣстье за женихомъ, который предполагается такой-же служилый человѣкъ и имѣетъ право на помѣстье (Ук. кн. пом. прик. III, 12). Но не всякая изъ нихъ выходитъ замужъ и не всякая способна управляться съ землею съ выгодою для себя, поэтому многія предпочитали передать пользованіе помѣстьями стороннему человѣку, съ тѣмъ, чтобы этотъ послѣдній содержалъ сдатчицу (Ук. кн. пом. пр. IV, 49; Улож. XVI, 12). Къ этому средству прибѣгали и мужчины престарѣлые отставные дворяне. Но выдача содержанія натурою могла стѣснить обѣ стороны, а потому казалось возможнымъ и лучшимъ получать отъ пріемщика деньгами; ничто не мѣшало

получить деньги всѣ разомъ впередъ; такъ образуется сдача помѣстій *за деньги*, равняющаяся продажѣ (но съ продажею не права собственности, а права пользованія. П. С. З. № 633 ст. 28 и № 700 ст. 31).

г) Хотя сдача за деньги фактически уже равнялась *продажѣ*, но законодательство долго колебалось—допустить, или нѣтъ открыто продажу помѣстій. Законъ 1685 г. разрѣшилъ безденежное *отчужденіе половины* помѣстья, но продажу воспретилъ. Однако продажа помѣстья *за долги при несостоятельности*, допущенная указомъ 1678 г., совершенно парализировала дѣйствіе закона 1685 г. (впрочемъ за долги продаются помѣстья не съ публичнаго торгу, а только или истцамъ, или родственникамъ должника).

Такъ бытовымъ образомъ *различіе между помѣстьями и вотчинами исчезило* само собою; законодательное свидѣтельство о сравненіи помѣстій съ вотчинами даетъ указъ о единонаслѣдіи 1714 г.

Хотя всѣ вышеупомянутыя сдѣлки могли быть совершаемы не иначе, какъ съ дозволенія правительства, чрезъ помѣстный приказъ, но и переходъ вотчинъ также утверждался въ томъ-же приказѣ; понятіе „дозволенія“ сливается съ понятіемъ „утвержденія“ (въ слѣд. періодъ старыя формы помѣстнаго права и перешли въ общія формы укрѣпленія сдѣлокъ о недвижимыхъ имуществахъ). Во всякомъ случаѣ активной стороною при всѣхъ упомянутыхъ сдѣлкахъ является частное лицо (пользователь), а не государство (собственникъ).

6. Древне-русское право залога.

Изъ различныхъ формъ сочетанія основныхъ элементовъ права собственности (распоряженія, владѣнія и пользованія) наиболѣе важный видъ представляетъ право залога.

Формы залога: залогъ недвижимости. По мнѣнію, установленному Д. И. Мейеромъ, древне-русское право залога имѣетъ такое же значеніе, какъ древне-римское pactum fiduciae; а именно: залогопринимать получаетъ вещь не только въ свое владѣніе и пользованіе, но и съ правами распоряженія. Залогодатель сохраняетъ лишь надежду, что ему будетъ возвращена вещь, если онъ когда-нибо удовлетворитъ залогопринимателя,—заплатитъ ему. Такъ какъ и купля—продажа совершалась въ древнее время обыкновенно съ правомъ обратнаго выкупа, то между сдѣлками купли-продажи и залога нѣтъ существеннаго различія. Такой взглядъ на древне-русское право залога опирается на акты закладныхъ сдѣлокъ, сохранившіеся до нашего времени (см. напр. Ак. Юр. № 241, 422 и 106 и др.), а равн. обр. на нѣкоторыя узаконенія Московскаго государства и на живое обычное право среди русскихъ крестьянъ.—Несомнѣнно, что подобная форма залога существовала и существуетъ; но а) въ ней не слѣдуетъ усматривать

такихъ преувеличенныхъ правъ залогопринимателя; б) въ древне-русскомъ правѣ существовали рядомъ съ нею другія формы залога, напоминающія не только римское pignus, но приближающіеся къ нынѣшней формѣ залоговаго права.—Что касается до перваго, то залогопринимать получаетъ права владѣнія и пользованія, но не получаетъ правъ собственности на вещь, залогъ всегда отличался отъ купли-продажи, ибо по обыкновенной формѣ актовъ закладная кабала и купчая грамота противополагаются одна другой. „а не будутъ денги на срокъ (пишется въ каждой закладной), и ся кабала—и купчая грамота“; т. е права собственности для кредитора возникаютъ не съ момента начала обязательства, а со времени его неисполненія—просрочки; только тогда закладная превращается въ купчую, а право залога—въ право собственности. Далѣе право пользованія залогопринимателя истекаетъ не изъ залоговыхъ отношеній, а изъ условія о ростѣ, что̀ прямо выражается въ закладныхъ и въ узаконеніи 1558 г., по которому ц. Іоаннъ IV предоставилъ должникамъ разсрочку платежей по закладнымъ на 5 лѣтъ, съ тѣмъ чтобы кредиторы „тое вотчину за ростъ пахали“ (Ук. кн. вѣд. казн. ст. IX). Правда, тотъ же законодатель тогда же запретилъ взиманіе роста при установленной имъ всеобщей разсрочкѣ платежей (см. ibid. ст. VII); но это уничтоженіе роста прямо отнесено имъ къ обязательствамъ личнымъ, и не распространено на займы, обезпеченные залогомъ. Можно согласиться даже, что выраженіе „за ростъ пахати“ обратилось въ формулу, не имѣющую буквальнаго значенія, подобно тому, какъ въ служилыхъ кабалахъ до XVII в. постоянно (по архаической формулѣ) писалось: „за ростъ намъ служити по вся дни“, не смотря на то, что уже Судебникъ Іоанна IV прямо воспретилъ служить за ростъ (ст. 82); подъ этой устарѣвшей формой разумѣлось, что люди просто поступаютъ въ пожизненную кабалу; быть можетъ въ концѣ XVI в. то же означаетъ и вышеприведенная форма закладныхъ.—Но для историческаго изученія закона въ высшей степени важно, что *первоначально* право пользованія на заложенную вещь возникло изъ условій о ростѣ (иначе не откуда было явиться и самой формулѣ); а стало быть въ первоначальномъ и древнѣйшемъ понятіи залога, въ это право не включалось право пользованія.

Рядомъ съ указанной формой залога существовала со временъ довольно раннихъ другая, при которой заложенное имущество не переходитъ ни въ пользованіе, ни во владѣніе кредитора; послѣдній получаетъ лишь въ свои руки *акты на это имущество* и тѣмъ лишаетъ собственника возможности отчуждать вещь или заложить ее другому (Пск. судн. грам. ст. 29 и 104). Такая форма залога несомнѣнно существовала во Псковѣ, гдѣ присутствіе ея мож. быть изъяснено особенностями торговаго быта этого города; но и въ другихъ частяхъ государства существованіе ея открывается изъ такихъ актовъ, въ которыхъ продающій, или закладывающій вотчину обозначаетъ:

„а гдѣ будетъ моя отчина заложена, и мнѣ тѣ крѣпости очищати“, очевидно нельзя было бы продать или вновь заложить вотчину заложенную, если бы она находилась въ рукахъ другаго съ правами полнаго распоряженія. Еще болѣе открывается присутствіе такой формы залогового права изъ такихъ актовъ, въ которыхъ должникъ указываетъ кредитору на свое имущество какъ на *поруку* въ своемъ долгѣ; напр.. „а заложили есми въ сю кабалу въ тѣхъ деньгахъ... дворъ свой. А въ серебрѣ есми и въ ростѣ — съ дворомъ одинъ человѣкъ. кой насъ занимщиковъ въ лицѣхъ; на томъ деньги и ростъ не развычныя (Ак. Юрид. № 243, 1), или: „а въ серебрѣ есми и въ росту подписали порукою дворъ свой“ (ibid. II). Меперъ утверждаетъ, что въ подобныхъ сдѣлкахъ вовсе не установляется залога, а лишь указывается кредитору, что у должниковъ есть имущество, есть съ чего взыскать; но въ такомъ случаѣ должникъ не спеціализировалъ бы имущества, отвѣчающаго по обязательству (не говорилъ бы, что именно это, а не всякое его имущество отвѣчаетъ по обязательству). Наименованіе заложенной вещи „порукою“ совершенно ясно указываетъ на залоговое состояніе ея.

Закладъ движимыхъ вещей окончательно утверждаетъ насъ въ мысли о возможности такой залоговой сдѣлки, при которой права собственности не принадлежатъ залогопринимателю; ибо, не смотря на большую разницу закладa и залога въ древне-русскомъ правѣ, общая сущность института остается тою же. Заложенная движимая вещь (какъ и всегда) переходитъ въ руки кредитора; но кредиторъ не получаетъ права распоряженія ею. залогопринимателъ при выкупѣ обязанъ возвратить вещь такую же, какъ получилъ; закладъ разсматривается въ законѣ на одинаковыхъ основаніяхъ, какъ и поклажа; пріемщикъ освобождается отъ обязанности возвратить вещь только тогда, когда вещь украдена или погибла естественнымъ путемъ (напр. животное умерло) съ уменьшеннымъ вознагражденіемъ залогодателю (Нек. суди грам. ст. 107; Ул. ц. А. М. X, 194 и 197).

Закладъ личный (закупничество), имѣвшій большое примѣненіе въ эпоху Рус. Правды, прекращенъ закономъ ц. Іоанна IV, существенное значеніе его состояло въ томъ, что кредиторъ получалъ т. ск. права владѣнія и пользованія, но никакихъ правъ распоряженія на личность должника.

Прекращеніе залоговыхъ отношеній наступаетъ или при исполненіи обязательства (что технически называлось „выкупъ“) или при несостоятельности должника. Въ послѣднемъ случаѣ заложенная недвижимая вещь переходила въ собственность залогопринимателя, но не eo ipso, а чрезъ запись въ помѣстномъ приказѣ, вводъ и отказъ. Движимая вещь, по ук. Іоанна IV, сохраненному Татищевымъ, подлежала публичной продажѣ при слѣд. условіяхъ: залогопринимателъ не имѣетъ права, при наступленіи срока, продать или сбыть другимъ способомъ заложенную ему вещь, безъ увѣдомленія должника; онъ долженъ послать къ послѣднему мужей двухъ или трехъ,

извѣщая, что если тотъ не заплатитъ долга въ теченіи недѣли или двухъ, то онъ продастъ его закладъ. Если это не приведетъ къ уплатѣ, то залогопринимательдолженъ отнести заложенную вещь къ старостѣ и цѣловальникамъ и продать закладъ при многихъ людяхъ (съ публичнаго торгу), по справедливой цѣнѣ; изъ вырученной суммы кредиторъ получаетъ сумму долга и процентовъ, остатокъ ея возвращается заимодателю. Если же вырученной суммы отъ продажи недостаточно для покрытія долга съ процентами, то остающаяся часть долга взыскивается съ должника (Ук. кн. вѣд. казн. ст. VII, прим. 51; сл. Улож. X, 196).

Другіе виды правъ на чужія вещи (сервитуты), обозначенные въ Уложеніи ц. А. М.. право запруды на рѣкахъ (Ул. X, 238), право угодій на чужой вотчинѣ (ibid. 239—243), сервитуты городскіе (ibid. 277—279). б. ч. заимствованы въ Уложеніе чрезъ литовскій Статутъ изъ римскаго права, а потому и не заключаютъ въ себѣ ничего характернаго для древнерусскаго права.

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

Изъ предшествующаго изложенія исторіи права собственности въ первомъ періодѣ и въ Московскомъ государствѣ, видимъ, что лицо хотя и медленно, но неуклонно идетъ по пути завоеванія себѣ самостоятельности въ сферѣ вещныхъ правъ. Вѣковая работа почти уже завершилась *торжествомъ правъ лица* физическаго, оно получило возможность распоряжаться родовыми имуществами, оно поразило права общинъ въ городахъ и, наконецъ, пріобрѣло существенныя вещныя права по отношенію къ помѣстьямъ, оттѣснивъ права государства.—Но каждое пережитое состояніе права оставляетъ по себѣ *формы*, которыя бываютъ *устойчивѣе самого содержанія* права и способны жить долѣе этого послѣдняго.—Законодательству предстояло снять съ новыхъ явленій права традиціонную оболочку, задерживавшую ихъ дальнѣйшее развитіе, чего не рѣшалось еще сдѣлать Московское законодательство; но это совершено законодательствомъ имперіи, не отличавшимся уваженіемъ къ историческимъ традиціямъ.

Цѣлый періодъ имперіи можетъ быть раздѣленъ въ этомъ отношеніи *на двѣ половины:* отъ Петра до Екатерины II и отъ Екатерины до современнаго состоянія законодательства; въ 1-ю эпоху законъ отвергъ большую часть ограниченій права собственности, унаслѣдованныхъ отъ древнихъ временъ; но за то государство ввело массу *новыхъ ограниченій*, истекающихъ уже не изъ вотчинныхъ правъ государства, а изъ *фискальныхъ и полицейскихъ* цѣлей. Во вторую эпоху уничтожены почти всѣ ограниченія послѣдняго рода, а, главное, право собственности частныхъ лицъ утверждено принципіально.

1. Время отъ Петра 1-го до Екатерины II.

Благодаря возрастанію правъ частныхъ лицъ и уясненію частныхъ правъ самого государства, прежніе *способы пріобрѣтенія правъ собственности*, а именно пожалованіе, выходятъ изъ разряда главныхъ, уступая мѣсто *договорамъ между частными лицами* и этихъ послѣднихъ съ *казною* (по договоры, по своему существу, не относятся къ вещному праву). Изъ владѣльческихъ способовъ удерживается и точнѣе опредѣляется (при Екатеринѣ II) давность.

Обращаясь къ *дальнѣйшему утвержденію правъ лица на вещи* въ различныхъ *разрядахъ имуществъ* въ указанную эпоху, слѣдуетъ главнымъ образомъ имѣть въ виду это явленіе въ сферѣ правъ на недвижимыя вещи. Только теперь всѣ вещи этого разряда обобщаются въ одну категорію и получаютъ въ законѣ наименованіе *недвижимыхъ* вещей, именно въ указѣ Петра I о единонаслѣдіи (1714 г. марта 23): „всѣмъ недвижимыхъ вещей, т. е. родовыхъ, выслуженыхъ и купленыхъ вотчинъ и помѣстій, также и дворовъ, лавокъ не продавать и не закладывать, но обращаться опымъ въ родъ“. Этимъ, во первыхъ, *помѣстья сравнены съ вотчинами* и, хотя для обоихъ видовъ имущества постановлено новое общее ограниченіе, но такое, какое могло быть постановлено только относительно вотчинъ, но не помѣстій (въ ихъ прежнемъ значеніи), т. е. помѣстья признаны окончательно родовою собственностію. Ограниченіе, постановленное Петромъ, не удержалось; имп. Анна, отмѣнивъ законъ о единонаслѣдіи, оставила въ силѣ уравненіе помѣстій съ вотчинами: „повелѣваемъ впредь съ сего нашего указа, какъ помѣстья, такъ и вотчины именовать *ровно одно—недвижимое имущество—вотчина*“; *такимъ образомъ законъ ясно истолковалъ, что новое понятіе* „недвижимое имущество“ *равняется прежнему понятію—„вотчина“. Но и* это послѣднее понятіе имѣло разнообразный смыслъ въ древнемъ—московскомъ правѣ; какія же права распоряженія предоставлены вотчинникамъ на недвижимыя имущества (и въ томъ числѣ на бывшія помѣстья)? Уже законъ о единонаслѣдіи дозволялъ продажу по нуждѣ, отдачу въ приданое и распоряженіе на случай смерти. Но о прочихъ правахъ распоряженія, и вообще о полномъ правѣ собственности на эти имущества законъ молчитъ до Екатерины II. Итакъ въ этой существеннѣйшей области вещныхъ правъ еще не было достигнуто ничего, кромѣ уничтоженія отдѣльнаго помѣстнаго права. Вообще права вотчинниковъ во время Петра I и Анны Іоанновны подведены къ среднему типу родовой вотчины и, если права на помѣстья возвысились, то права на купленныя вотчины (благопріобрѣтенныя имущества) понизились.

Земли лицъ низшихъ службъ, прежде состоявшія въ общинномъ пользованіи такихъ лицъ, подверглись разсортировкѣ при имп. Петрѣ II (въ

1727 г.) и при имп. Елизаветѣ Петровнѣ (по межевой инстр 1754 г.); большая часть такихъ лицъ распредѣлена по другимъ сословіямъ (въ солдаты, въ гражд. службу, въ торговый классъ) и вмѣстѣ съ тѣмъ лишена правъ на пользованіе землею; земли ихъ признаны казенными. Тѣ же изъ упомянутыхъ лицъ, которыя попали въ *государственные крестьяне*, продолжали пользоваться землею, но земля эта окончательно признана казенною. Однако одна часть этихъ лицъ составила новый разрядъ—*однодворцевъ*, за которыми была признана владѣемая ими земля, какъ ихъ собственная, но не на личномъ, а на общинномъ правѣ, съ воспрещеніемъ владѣльцамъ всякихъ правъ распоряженія этими имуществами. Люди выслужившіеся изъ этихъ разрядовъ въ чины офицерскіе, получаютъ участки на частномъ правѣ.

Въ отношеніи правъ *черныхъ сельскихъ общинъ на землю* проведена рѣзкая разграничительная черта между правами казны и частныхъ лицъ. По межевой инструкціи 1754 г. вообще вся сельская земля, не состоящая за кѣмъ-либо изъ служилыхъ лицъ на вотчинномъ и помѣстномъ правѣ, признана казенною. Земли, отмежеванныя вновь *на цѣлыя общества*, считаются казенными, состоящими лишь въ пользованіи общинъ. Частныя лица, прежніе члены общины, которыя успѣли овладѣть участками прежней общинной земли и распорядиться ими посредствомъ продажи или отдачи въ монастыри, не признаны собственниками, сдѣлки ихъ уничтожены и отчужденіе ими земель, хотя бы оно совершено было 100 л. назадъ (т. е. послѣ Уложенія ц. А. М.), не признано законнымъ; земли возвращены въ казну; лишь сдѣлки, совершенныя крестьянами и посадскими одного уѣзда или города между собою, признаны дѣйствительными и слѣдовательно отчасти утверждено закономъ частное землевладѣніе, возникшее на развалинахъ общиннаго. Такимъ образомъ *общинное землевладѣніе*, существовавшее въ особенности на сѣверѣ Россіи, вытѣснено и отсюда частію правами отдѣльныхъ лицъ, а главнымъ образомъ правами казны.

Прежнее право государства, простиравшееся на всякія земли и общинныя и частныя, окончательно спеціализируется. *Казна*, какъ фискъ, является *частнымъ* (юридическимъ) *лицомъ*, наравнѣ съ другими субъектами имущественныхъ правъ.

Въ сферѣ правъ *городской общины* произошелъ обратный переворотъ: здѣсь по разрушеніи общины, беретъ перевѣсъ не право казны, а права частныхъ лицъ. Указъ 1700 г. позволилъ свободное обращеніе дворовъ въ городахъ между бѣломѣстцами и черными людьми, т. е. права послѣднихъ совершенно уравнены съ правами первыхъ.

Нѣчто аналогичное изложенной борьбѣ правъ казны, общинъ и частныхъ лицъ, представляетъ внутренняя судьба *церковныхъ имуществъ*. Церковь выдѣляла своимъ служилымъ людямъ—архіерейскимъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ помѣстья на такомъ-же основаніи, какъ и государство. По

межевой инструкціи 1754 г., такія помѣстья отданы въ собственность потомкамъ тѣхъ, которые получили церковныя помѣстья, если только эти потомки остаются на службѣ церкви.

Но тогда-же возникъ гораздо болѣе существенный переворотъ: вопросъ о *секуляризаціи церковныхъ имуществъ* разрѣшенъ въ пользу государства. Вопросъ этотъ колебался до Екатерины II. съ 1701 г. до учрежденія св. синода (1721 г.), Петръ заявлялъ намѣреніе совершенно отобрать церковныя имущества; но, не приводя этого въ дѣйствительное исполненіе, онъ отдѣлилъ (ук. 1701 г. янв. 31) управленіе церковными имѣніями отъ прочихъ дѣлъ церковнаго управленія, подчинивъ первое государству (*въ монастырскомъ приказѣ*). Это аналогично со взятіемъ у собственника имущества въ опеку; церковнымъ учрежденіямъ выдавалось опредѣленное содержаніе, для чего были отдѣлены опредѣленныя вотчины, а остальныя находились въ непосредственномъ распоряженіи государства (т. н. „за-опредѣленныя вотчины“). Съ учрежденіемъ синода, имущества опять переданы въ полное завѣдываніе церкви, т. е. синода; но это только потому, что синодъ, по мысли Петра, былъ одною изъ государственныхъ коллегій. Затѣмъ (послѣ Петра при имп. Екатеринѣ I въ 1726 (ук. іюля 12) учреждена коллегія экономіи, которой переданы всѣ свѣтскія дѣла церкви, въ томъ числѣ управленіе церковными имуществами, что̀ подтверждено при имп. Аннѣ (ук. 1736 и 1738 гг.); слѣдов. Синодъ лишился своихъ правъ на эти имущества. Но въ 1744 г. при имп. Елизаветѣ синодъ испросилъ уничтоженіе коллегіи экономіи, обѣщаясь употреблять доходы съ церковныхъ имѣній по мысли Петра (на дѣла образованія, призрѣнія и народн. образованія) Однако императрица, не смотря на свое благорасположеніе къ синоду, сама подняла вновь вопросъ въ конференціи (1757 г. сент. 30) о судьбѣ церковныхъ имуществъ, замѣтивъ, что управленіе деревнями и сборъ налоговъ есть суетность, не свойственная монашеству (Арсеній Мацѣевичъ приписывалъ себѣ честь отклоненія имп-цы отъ этой новой попытки секуляризаціи). Но Синодъ остался до нѣкоторой степени самостоятельнымъ органомъ церковнаго управленія; такимъ образомъ церковныя имущества были еще вполнѣ церковными. Только *субъектъ права на нихъ совершенно измѣнился*. прежде владѣли имп церковныя установленія каждое въ отдѣльности (монастыри, епископіи), теперь владѣльцемъ ихъ сдѣлалась церковь, взятая въ совокупности, что̀ облегчило путь къ послѣдующей полной секуляризаціи церковныхъ имуществъ, совершенной при Петрѣ III и Екатеринѣ II. Екатерина II, не смотря на то, что главная причина негодованія на ея предшественника заключалась въ актѣ секуляризаціи, тотчасъ по восшествіи (1762 г. нояб. 29) учредила „духовную коммисію“ по вопросу о церк. имуществахъ изъ трехъ духовныхъ и пяти свѣтскихъ особъ; коммисія выработала основанія секуляризаціи, объявленныя ук. и манифестомъ 25 февр. 1764 г. цѣлію ре-

формы признано „обратить даръ Божій на богоугодныя дѣла. Всѣхъ крестьянъ было отобрано (по тогдашнему счисленію) 910,866 душъ. Реформа сопровождалась возстановленіемъ коллегіи экономіи и изданіемъ акта объ учрежденіи церковныхъ имѣній. Доходы имѣній назначены на содержаніе архіер. домовъ и монастырей (назначеніе содержанія бѣлому духовенству лишь обѣщано), на содержаніе семинарій, церквей и на пенсіи (офицерамъ и пр.).

Новыя ограниченія частныхъ вещныхъ правъ, истекающія изъ полицейскихъ и фискальныхъ цѣлей государства, возникали изъ слѣд. вопросовъ: принадлежитъ-ли собственнику только *право* на поверхность земли, или и *на ея нѣдра?* Вопросъ этотъ не ставился въ до-петровскомъ правѣ: кто хотѣлъ могъ копать и добывать руду или камни безпрепятственно; такимъ образомъ фактически утверждалась мысль о принадлежности частному владѣльцу и нѣдръ земли. Петръ I, заботясь о расширеніи рудокопнаго дѣла, въ указѣ объ учрежденіи бергъ-коллегіи (1719 г.) выразилъ противуположный принципъ: „намъ однимъ, яко монарху, принадлежатъ рудокопные заводы“; хотя въ томъ-же указѣ выражено, что государь „милостиво соизволяетъ употребленіе ихъ (то-есть рудокопныхъ заводовъ) всѣмъ и каждому“, но это обозначало только наилучшій способъ осуществленія казною своего права: добыча металловъ и минераловъ осталась привилегіею казны: нашедшій руду или минералы, обязанъ объявить правительственнымъ чиновникамъ и, если хочетъ устроить заводъ, то просить позволенія на то. Каждый можетъ отыскивать руду и устраивать заводы на чужой землѣ; въ послѣднемъ случаѣ собственникъ обязанъ предоставить предпринимателю участокъ въ 250 саж. въ длину и ширину. Но такъ какъ трудно разграничить право на поверхность земли отъ права на ея нѣдра, то право заводчика и землевладѣльца разграничены такъ: заводчикъ обязанъ собственнику давать 32-ю долю дохода; но казна имѣетъ преимущество: ей заводчикъ уплачиваетъ 10 долю прибыли; кромѣ того добытые металлы продаются заводчиками въ казну, по таксѣ назначенной бергъ-коллегіею, и лишь тогда, когда казна не захочетъ, или не въ состояніи купить, заводчикъ получаетъ право вольной продажи. Всякій, утаившій руду на своей землѣ, или не допускающій устройства завода, подлежитъ или тѣлесному наказанію, или смертной казни и конфискаціи имѣнія.—Ясно, что, по мысли законодателя, частные предприниматели являются лишь промышленными агентами казны, которой принадлежитъ все, находящееся въ нѣдрахъ земли; уплата-же собственнику 32 доли прибыли дѣлается не за добытыя изъ земли сокровища, а за отнятіе пользованія поверхностію участка.

Право собственности на землю предполагаетъ право на всѣ естественныя *произрастанія* земли. Мы видѣли выше, что *лѣса* долго не были объектомъ частнаго вещнаго права, будучи признаваемы общею собственностію общинъ или государства; но мы знаемъ также, что въ московскомъ періодѣ

частныя права собственности на лѣса были уже признаны. Петръ I (ук. 1703 г. и инструкціею вальдмейстерамъ и оберъ-вальдмейстерамъ 1723 г.) ограничилъ права собственниковъ лѣсовъ изъ видовъ государственныхъ (для надобностей флота). Екатерина I смягчила было эти узаконенія; но Анна Іоан. (инстр. 1732 г.) еще усилила строгость Петровскихъ указовъ.— Всѣ лѣса въ извѣстныхъ мѣстностяхъ объявлены заповѣдными; нѣкоторыя породы деревьевъ въ этихъ мѣстностяхъ рубить собственникамъ совершенно воспрещалось. Такими мѣстностями признаны берега рѣкъ Волги, Дона, Днѣпра, Западной-Двины, и ихъ притоковъ, а равно притоковъ Ладожскаго озера и Ильменя, а также и рѣкъ, впадающихъ въ Бѣлое море и Сѣверный океанъ; заповѣдная полоса простиралась по обѣимъ берегамъ рѣкъ на 50 верстъ отъ большихъ рѣкъ и на 20 верстъ отъ малыхъ. Такимъ образомъ собственно всѣ лѣса Европейской Россіи являлись заповѣдными. Запрещенными породами въ нихъ считались: дубъ, кленъ, ильмъ, вязъ и сосна. Лишь нѣкоторыя изъ этихъ породъ въ незрѣлыхъ экземплярахъ и лишь на крайнія нужды позволялось собственнику брать изъ его лѣсу. За срубку-же заповѣдныхъ деревьевъ всѣ, въ томъ числѣ и владѣльцы лѣсовъ, отвѣчали денежными штрафами, кромѣ порубки дуба; за дубъ полагалась смертная казнь. Наказанія эти усиливались или ослаблялись послѣдующими узаконеніями (по инструк. 1732 г. за порубку заповѣдныхъ деревьевъ въ 3 разъ полагалось наказаніе кнутомъ и каторжныя работы на 10 лѣтъ). За то казна получала полное право *пользованія частными лѣсами* вообще (т. е. какъ заповѣдными, такъ и не заповѣдными); а именно: не только казна и ея подрядчики, но и частныя лица для государственныхъ потребностей могли рубить всякія деревья, не платя ничего владѣльцу.

Такимъ образ., говоря вообще, вся лѣсная растительность изъята изъ правъ частнаго владѣнія собственника земли; этотъ послѣдній сохранилъ лишь нѣкоторыя права пользованія.

Права угодій и прежде выдѣлялись иногда изъ права собственности, такъ что нѣкоторыя угодья (борти, рыбныя ловли и пр.) отдаваемы были другимъ лицамъ въ отдѣльное помѣстное владѣніе; но по до-Петровскому праву такое выдѣленіе было исключеніемъ. Петръ (указами 1704 г.) отобралъ всѣ частныя рыбныя ловли въ казну; а пчельники и бортныя ухожья, признавъ также казенными, обложилъ оброкомъ.

Право охоты было отнято у землевладѣльцевъ при Петрѣ только близъ Петербурга и Москвы; впослѣдствіи районъ этотъ относительно ловли нѣкоторыхъ животныхъ расширялся; вообще неопредѣленное выраженіе близъ Москвы впослѣдствіи опредѣлялось нѣсколько разъ указами различно (отъ 10 до 100 верстъ). Запрещеніе простиралось *не на всѣ виды животныхъ*, а именно обозначенные въ законахъ, но иногда возвышалось до запрещенія

ловить и убивать звѣрей и птицъ вообще; особеннымъ же покровительствомъ пользовались: лоси, зайцы и соловьи.

Права *на промышленныя заведенія*, по скольку онѣ существовали до Петра, составляли предметъ неограниченнаго права частной собственности. Петръ I въ 1704 г. объявилъ всѣ частныя мельницы казенными оброчными статьями и положилъ оброкъ въ видѣ уплаты въ казну 4-й части дохода, хотя поправлять ихъ и содержать обязаны были владѣльцы; въ случаѣ утайки доходовъ предписано отдавать мельницы на оброкъ стороннимъ лицамъ, впрочемъ съ уплатою $^3/_4$ оброчной суммы владѣльцамъ. Почти въ такой же степени ограничены права частныхъ лицъ на фабрики и мануфактуры. Истиннымъ хозяиномъ ихъ была мануфактуръ-коллегія; частные предприниматели не только обязаны испрашивать разрѣшеніе на устройство ихъ, но у тѣхъ изъ нихъ, которые запустили бы фабрики, онѣ отбираются въ казну; фабриканты ежегодно обязаны доставлять образцы своихъ издѣлій мануфактуръ коллегіи.

2. Время отъ Екатерины II до свода законовъ.

Рядъ ограничительныхъ условій, которымъ подлежало право собственности (въ особенности на недвижимыя имущества) какъ до Петра I, такъ и при этомъ императорѣ, подалъ поводъ къ мысли, что вообще отвлеченное понятіе о правѣ собственности не существовало у насъ до Екатерины II. Къ этому подавало поводъ и то обстоятельство, что въ древнія эпохи въ языкѣ русскомъ не было *общаго термина* для обозначенія этого понятія, что принадлежность вещи лицу обозначалась титулами ея пріобрѣтенія: „купля“, „отчина“, приданое, „примыселъ“, или нѣкоторыми частными чертами, истекающими изъ вещныхъ правъ; напримѣръ: „вѣчное потомственное владѣніе“. Но подобный общій выводъ лишенъ основательности: право собственности вообще зарождается вмѣстѣ съ обществомъ; вопросъ можетъ существовать только въ отношеніи къ праву собственности на недвижимыя вещи; но и въ отношеніи къ этимъ вещамъ купленныя вотчины уже давно приблизились вполнѣ къ понятію собственности. Ко временамъ Екатерины II въ сознаніи общества уже готовы были представленія о полной собственности и на недвижимыя вещи и въ частности на населенныя земли, особенно когда Петръ III снялъ съ дворянъ обязанность военной службы государству.

Во всякомъ случаѣ Екатеринѣ принадлежитъ слава утвержденія общаго понятія о правѣ собственности въ законодательствѣ; къ этому она пришла не однимъ историческимъ путемъ развитія русскаго права, но главнымъ образомъ на основаніи ученій европейскихъ юристовъ и примѣра сосѣдняго — польскаго государства.

а) Императрица въ первый разъ ввела въ своихъ указахъ терминъ „собственность“; именно въ актахъ учрежденія знаменитой коммисіи для сочиненія проэкта новаго уложенія (въ наказѣ генералъ-прокурору) находимъ слѣдующее опредѣленіе права гражданскаго: „Разсужденіе о взаимности всѣхъ гражданъ между собою составляетъ право гражданское, которое сохраняетъ и въ безопасность приводитъ собственность всякаго гражданина“. По программѣ новаго уложенія, составленной императрицею, „право надъ вещами“ опредѣляется, какъ „право, которое каждый членъ общества гражданскаго имѣетъ надъ имѣніями справедливо пріобрѣтенными“; имѣнія раздѣляются *на движимыя и недвижимыя;* слѣдовательно здѣсь совершенно уравнивается отношеніе владѣльца къ тѣмъ и другимъ. Къ понятію недвижимыхъ имуществъ опредѣлительно отнесены указомъ Петра III (1762 г. апрѣля 20) дворы, заводы и фабрики со всякимъ строеніемъ; при Екатеринѣ (1762 г. октяб.) этотъ вопросъ вновь разсмотрѣнъ и утвержденъ, впрочемъ въ смыслѣ закона Петра III.

Различіе имѣній *благопріобрѣтенныхъ и родовыхъ*, изчезнувшее было при Петрѣ, возникло вновь при Екатеринѣ—вслѣдствіе большихъ правъ распоряженія, предоставленныхъ собственникамъ благопріобрѣтенныхъ имѣній.

Права распоряженія имѣніями опредѣлены въ жалованной грамотѣ дворянству такъ: „благородному свободная власть и воля оставляется, бывъ пріобрѣтателемъ какого имѣнія, благопріобрѣтенное имъ имѣніе дарить или завѣщать, или въ приданое или въ прожитокъ отдать или передать, или продать кому заблагоразсудитъ“. Здѣсь допущены въ отношеніи къ недвижимымъ имуществамъ всѣ способы распоряженія, какіе издревле практиковались въ отношеніи къ движимымъ вещамъ, за исключеніемъ одной *мѣны*, которая не допущена и позднѣйшими узаконеніями, вопреки примѣрамъ до-Петровскаго права. „Наслѣдственнымъ же имѣніемъ (продолжаетъ грамота) да не распоряжаетъ инако, какъ законами предписано“ (ст. 22). Но, такъ какъ въ законахъ прежняго времени не содержалось точнаго обозначенія правъ на родовыя вотчины, то лишь послѣдующія, а не предшествовавшія узаконенія уяснили это отличіе родовыхъ имуществъ.

Изложенное постановленіе о правѣ распоряженія имуществами не составляетъ привилегіи дворянскаго сословія; оно буквально повторено и въ городовомъ положеніи 1785 г. (ст. 88).

Прочность правъ на дворянскія имѣнія утверждается во перв. отмѣною конфискаціи имѣній за преступленія, хотя бы и самыя тяжкія (Жал. дворян. гр. ст. 23; но здѣсь разумѣются и называются лишь имѣнія наслѣдственныя—родовыя, о брагопріобрѣтенныхъ умолчано), во втор. запрещеніемъ отнятія имѣній безъ суда (ст. 24).

б) Утвердивъ так. обр. понятіе о правѣ собственности вообще, Екатерина затѣмъ освободила частныя имущества отъ тѣхъ *ограниченій*, которыя накопились какъ въ до-Петровскую эпоху, такъ и въ особенности при Петрѣ I и ближайшихъ его преемникахъ; однако и Екатерина въ свою очередь удержала и даже болѣе точно опредѣлила нѣкоторыя изъ такихъ ограниченій. Дворянамъ предоставляются права на такія вещи, которыя при новомъ сословномъ строѣ, не могли бы имъ принадлежать и должны бы составлять исключительную собственность лицъ городскаго состоянія, именно: имѣть фабрики и заводы (въ деревняхъ), имѣть дома въ городахъ и въ нихъ производить ремесла, заводить въ своихъ имѣніяхъ мѣстечки и въ нихъ торги и ярмарки.—Но обратно, для лицъ прочихъ сословій не было дозволено владѣть въ собственность землею въ уѣздахъ не только населенною (съ крестьянами), но и не населенною. При Петрѣ I было разрѣшено купцамъ, заводящимъ фабрики или заводы, пріобрѣтать къ нимъ деревни съ крестьянами съ разрѣшенія Бергъ—или Мануфактуръ-коллегіи и съ тѣмъ, что крестьяне составляютъ неотъемленную принадлежность фабрики и могутъ быть отчуждаемы только вмѣстѣ съ этою послѣднею. Петръ III и Екатерина II воспретили новое пріобрѣтеніе крестьянъ купцами къ фабрикамъ.—Относительно ненаселенной земли, лежащей въ уѣздахъ, владѣніе ею воспрещалось для недворянъ уже и раньше, но воспрещеніе это обобщено узаконеніями Екатерины, съ исключеніемъ въ пользу именитыхъ гражданъ, которымъ предоставлено право имѣть загородные сады и дворы. Разрѣшеніе владѣть ненаселенными землями для лицъ всякаго состоянія дано лишь при Александрѣ Первомъ (1801 г. декаб. 12): „признали мы нужнымъ (говоритъ этотъ государь) право пріобрѣтенія всякихъ, подъ разными именами извѣстныхъ земель безъ крестьянъ и владѣнія всѣмъ тѣмъ, что на поверхности и въ нѣдрахъ ихъ находится, распространить на всѣхъ россійскихъ подданныхъ, кромѣ тѣхъ, кои причислены къ помѣщичьимъ владѣніямъ. И вслѣдствіе того предоставляемъ не только купечеству, мѣщанству и всѣмъ городскимъ правомъ пользующимся, но и казеннымъ поселянамъ, къ какому бы они вѣдомству ни принадлежали, равномѣрно и отпущеннымъ на волю отъ помѣщиковъ, пріобрѣтать покупкою земли отъ всѣхъ тѣхъ, кои имѣютъ по законамъ право на продажу“. Въ 1804 г. это право распространено на людей духовнаго состоянія.

Во всемъ остальномъ Екатерина II уничтожила тѣ ограниченія права собственности, которыя установлены Петромъ I изъ цѣлей казенныхъ. А именно: манифестомъ 28 іюня 1782 г. дворянамъ подтверждено „право собственности не только на поверхности земли каждому изъ нихъ принадлежащей, но и въ нѣдрахъ той земли и въ водахъ ему принадлежащихъ на всѣ сокровенные минералы и произрастенія и на всѣ изъ того дѣлаемые металлы“. Это вновь подтверждено жалов. грамот. дворянамъ 1785 г. (ст.

33); такое постановленіе включено въ дворянскую привилегію потому, что по мысли Екатерины, какъ мы видѣли сейчасъ, право на землю принадлежитъ исключительно дворянамъ. Изъ приведеннаго общаго принципа сама законодательница сдѣлала слѣд. частные выводы: каждый можетъ въ своихъ имѣніяхъ разрабатывать ископаемыя богатства; никто не можетъ заниматься этимъ въ чужихъ имѣніяхъ (безъ согласія владѣльца), а равно требовать казенныхъ лѣсовъ къ своимъ заводамъ; добытое составляетъ собственность владѣльца; лишь за золото и серебро онъ обязанъ уплатить въ казну 10 долю.—Ограниченія, постановленныя Петромъ I относительно лѣсовъ, Екатерина II смягчала постепенно, пока наконецъ въ манифестѣ 1782 г. всѣ частные лѣса, въ томъ числѣ и заповѣдные, предоставлены въ полное распоряженіе владѣльцевъ; они могутъ пользоваться въ нихъ всякими родами деревьевъ и обратно никто сторонній, въ томъ числѣ и казна, не можетъ пользоваться лѣсомъ безъ воли владѣльца; сторонніе могутъ пріобрѣтать отъ владѣльца лѣсъ по договору. При этомъ императрица выразила надежду, что владѣльцы сами позаботятся о сохраненіи лѣсовъ для собственной пользы. Въ жалованной грамотѣ дворянству выражено тоже постановленіе такъ: „подтверждается благороднымъ право собственности въ лѣсахъ, растущихъ въ ихъ дачахъ, и свободнаго ихъ употребленія“.

Ограниченія *въ угодьяхъ*, рыбной ловлѣ и пчеловодствѣ уничтожены уже приведенными узаконеніями, которыми предоставлено право полной собственности частнымъ лицамъ на воды и лѣса. Но еще раньше въ 1775 г. императрица отмѣнила сборъ съ рыбныхъ ловель, чѣмъ эти послѣднія естественно перешли въ полную собственность обладателей водъ. Точно также возстановлено и право собственности на мельницы.

Свобода личной собственности, установленная Екатериною въ видѣ привилегій для двухъ сословій, обобщалась постепенно при ея преемникахъ, по мѣрѣ освобожденія прочихъ классовъ общества, и въ частности сельскихъ обывателей, такъ что во времена имп. Александра II Екатерининскій принципъ, переставъ быть привилегіею, сдѣлался общею правовою нормою всего населенія. казенный интересъ, столь замѣтный еще въ первыхъ изданіяхъ свода, смѣнится господствомъ полноправія въ гражданскихъ отношеніяхъ.

Остались и удержаны въ законѣ лишь тѣ ограниченія вещныхъ правъ лица, которыя необходимы для сохраненія свободы имущественныхъ отношеній другихъ лицъ, т. е. *сервитуты*. Въ пользу государства удержано *право экспропріаціи* для государств. потребностей. Новый типъ гражданскихъ правъ, въ особенности-же вещныхъ отношеній ждетъ выраженія въ новомъ гражд. уложеніи.

Общій обзоръ исторіи права собственности на Руси.

Изъ представленныхъ фактовъ исторіи права собственности, въ особенности на землю, слѣдуетъ, что исторія собственности развивается въ соотвѣтствіи съ исторіею гражданскихъ правъ лица: право собственности ростетъ вмѣстѣ съ возрастаніемъ свободы лица и понижается вмѣстѣ съ пониженіемъ ея. И наоборотъ возрастаніе или упадокъ права собственности влечетъ за собою или возвышеніе, или пониженіе личныхъ правъ. При полномъ стѣсненіи лица союзами родовымъ или общиннымъ, т. е. *въ древнѣйшія времена*, почти нѣтъ слѣдовъ права частной собственности, разумѣется поземельной; когда роды и общины сливаются въ государствѣ и стѣсняются имъ, то права частныхъ лицъ (какъ личныя, такъ и имущественныя) высвобождаются изъ прежнихъ узъ; за то на нихъ налагаетъ руку государство: *московскіе государи* считаютъ себя единими верховными собственниками. Но въ государствѣ, сферѣ несравненно обширнѣйшей, права частныхъ лицъ могутъ обращаться и возрастать съ большимъ просторомъ, чѣмъ въ прежнихъ тѣсныхъ союзахъ родовыхъ и общинныхъ.— Наконецъ когда государство—*въ періодѣ имперіи* очищается отъ примѣсей частно-правныхъ, и личныя права гражданъ высвобождаются, то вмѣстѣ съ тѣмъ условныя и ограниченныя вещныя отношенія этихъ послѣднихъ, сложившіяся въ предшествующія эпохи, дорастаютъ до полнаго права собственности, сначала для нѣкоторыхъ классовъ общества, потомъ для всѣхъ. Такъ постепенно одерживается одна изъ величайшихъ побѣдъ исторіею человѣческихъ обществъ.

Д.

Обязательственное право.

Литература. См. выше соч. Неволина.

Капустинъ: «Древне-русское поручительство» (Сборн. Мепера и отдѣльно. Каз. 1855).

Киндяковъ: «Опытъ разработки купчихъ грамотъ, помѣщенныхъ въ актахъ юридическихъ» (ibid.). Каз. 1855.

Д. И. Пихно: «Историческій очеркъ мѣръ гражданскаго взысканія по русскому праву». Кіевъ. 1874

А. Загоровскій: «Историческій очеркъ займа по русскому праву до конца XIII ст.» Кіевъ. 1875.

Д. М. Мейчикъ: «Грамоты XIV и XV вв. Московскаго Архива министерства юстиціи. Ихъ форма, содержаніе и значеніе въ исторіи русскаго права». М. 1883.

Общее ученіе.

1. *Понятіе объ обязательствѣ въ древне русскомъ правѣ.* Истинное понятіе объ обязательствѣ, какъ о правѣ на *дѣйствія* другаго лица, не сразу достигается въ исторіи. Вмѣсто права на дѣйствія лица въ древности практикуется право *на лицо*: изъ обязательствъ постоянно возникаютъ т. ск. вещныя права на обязанное лицо. Такія права возникаютъ б. ч. съ момента заключенія обязательства; такъ при договорѣ займа обыкновенно (кромѣ случаевъ торговыхъ сдѣлокъ) наступаетъ личный закладъ должника вѣрителю (закупничество и служилая кабала); договоръ личнаго найма прямо ведетъ къ установленію полнаго или неполнаго холопства (подробнѣе объ этихъ явленіяхъ см. выше о холопствѣ). Отвѣтственность по обязательствамъ падаетъ только на лицо, а не на имущество его, ибо обязательства имѣютъ вполнѣ личный характеръ,—такъ приражаются лицу, что неотдѣлимы отъ него. Въ силу этого при исполненіи обязательства взысканіе не обращается

на имущество должника, хотя-бы оно у него и было, а на лицо должника; этотъ послѣдній выдается кредитору головою до искупа.

Московская эпоха дѣлаетъ шагъ впередъ въ приближеніи къ истинному понятію объ обязательствахъ. Судебникъ 1550 г. (въ ст. 82) воспрещаетъ, при договорѣ займа, должнику служить у своего вѣрителя за рость: „жити имъ о себѣ, а на деньги рость давати"; этимъ, очевидно, воспрещается личный закладъ при договорѣ займа. Тотъ-же Судебникъ старается ограничить силу договора личнаго найма, какъ источника холопства (см. его ст. 78 и 76). Узаконенія этого времени запрещаютъ выдавать несостоятельнаго должника вѣрителю въ вѣчное рабство; въ 1558 г. приказъ обращался съ вопросомъ къ законодательной власти такого рода: нѣкоторые изъ несостоятельныхъ должниковъ сами просятъ, при выдачѣ ихъ кредитору, дозволить имъ поступить въ полные холопы къ этому послѣднему. Царь не разрѣшилъ этого, а приказалъ выдавать головою только до искупа (т. е. для отработки долга въ опредѣленный закономъ срокъ). Наконецъ въ XVII в. (съ ук. 1626 г. янв. 15 и 1628 г. ноября 17; см. Ук. кн. земск. прик. ст. X, 7 и XIII, 9) разрѣшается обращать взысканіе съ лица на имущества, сначала на дворы и животы, потомъ на вотчины и помѣстья. Потомъ тоже примѣнено и къ посадскимъ людямъ (см. ук. 1643 г., дек. 27; Указн. кн. зем. прик. ст. XXXIII), а именно тѣхъ изъ нихъ, которые стоятъ на правежѣ, а окупиться имъ нечѣмъ, велѣно не отдавать истцамъ головою, а продавать (съ публичнаго торгу) ихъ дворы и лавки. При залоговыхъ сдѣлкахъ имущество заложенное *олицетворяется*, становится „порукою", или корреальнымъ должникомъ (см. выше стр. 476).

Вотъ слѣды новаго взгляда на обязательственныя отношенія. Въ связи съ такимъ взглядомъ на существо обязательства стоитъ рѣшеніе вопроса о переходѣ или непереходѣ обязательствъ по наслѣдству. Если обязательства падаютъ только на лицо обязанное, тѣсно срастаются съ его личностью, то понятно, что и переходъ ихъ по наслѣдству невозможенъ, ибо чисто-личныя права въ наслѣдство не переходятъ. Уложеніе допускаетъ этотъ переходъ только въ наслѣдованіи по закону (между родственниками) и при томъ выражается объ этомъ такъ: „А *похотятъ* истцы по тѣмъ крѣпостямъ (на умершаго) исковъ своихъ искати на женѣ и на дѣтехъ, или на иныхъ роду его, кому животы его и вотчины достанутся...", то это имъ позволяется (X, 245, сл. 132 и 207 и ук. 1676 г. марта 14, ст. 5). Тотъ-же взглядъ замѣчается въ законодательствѣ и послѣ Уложенія ц. А. М.; именно ук. 1676 г. іюня 20 позволяетъ искать по обязательствамъ „на родственникахъ ихъ (умершихъ должниковъ), кому послѣ ихъ даны будутъ помѣстья ихъ и вотчины, и дворы и животы".

Этотъ вопросъ уяснится сейчасъ, когда мы перейдемъ къ разсмотрѣнію лицъ, участвующихъ въ обязательствѣ. Впрочемъ мы знаемъ уже, что

обязанность жены, дѣтей (а отчасти родственниковъ) должника отвѣчать, послѣ его смерти, по его обязательствамъ, основывалась не на правахъ наслѣдства, а на личныхъ отношеніяхъ ихъ въ семьѣ и въ родѣ.

2. Лица, участвующія въ обязательствѣ.

По существу понятія объ обязательствѣ, оно можетъ имѣть силу только между лицами, его заключившими, или въ него вступившими, не простираясь ни на какое третье лицо. Но этотъ принципъ видоизмѣняется въ древне-русскомъ правѣ.

а) **Необходимое участіе третьихъ лицъ въ обязательствѣ.** Понятіе о лицѣ физическомъ неясно еще и въ московскомъ правѣ; подобно вещнымъ правамъ, и обязательственныя права принадлежатъ прежде всего семьѣ; было уже говорено, что супругъ отвѣчаетъ за супруга, отецъ за дѣтей и дѣти за отца не только по смерти обязавшагося, но и при жизни его. Весьма часто въ актахъ договоровъ прямо именуются, какъ обязанные, прочіе члены семьи; если-же этого нѣтъ, то участіе послѣднихъ подразумѣвается; нисходящіе не могутъ выкупать родового имущества, отчужденнаго ихъ отцомъ.

Подобная этому необходимо-корреальная связь возникаетъ въ отношеніяхъ господина къ слугамъ его и крестьянамъ. Вѣритель, при наступленіи срока исполненія обязательства, не имѣя подъ руками главнаго должника, можетъ предъявить искъ къ любому его человѣку, который попадется ему подъ руки, и тотъ обязанъ отвѣчать. На этомъ-же основано узаконеніе о томъ, что, при несостоятельности кредитора-господина, взысканіе производится съ его слугъ и крестьянъ: „кто не учнетъ на правежѣ отстаиваться, а тѣхъ людей посылать въ вотчины и помѣстья, и велѣти правити на людехъ ихъ и на крестьянѣхъ“ (Ук. кн. зем. пр. XIII, 9). На этомъ-же основывается дозволеніе господамъ замѣнять себя людьми и крестьянами на правежѣ. Въ 1628 г. приказъ спрашивалъ царя: городовые дворяне и дѣти боярскіе сами на правежѣ стоять не хотятъ, а ставятъ въ свое мѣсто людей своихъ для волокиты; спрашивается· допускать-ли это? Приказъ не видитъ ничего незаконнаго въ такой подставкѣ вмѣсто обязаннаго лица—другаго; онъ затрудняется только волокитою. Царь не призналъ нужнымъ отмѣнить такую замѣну лицъ (ibid. X, 8). Обратно обязательства слугъ и крестьянъ (по крайней мѣрѣ обязательства, возникшія изъ деликтовъ) въ то-же время падаютъ и на господъ ихъ: „выти (частное вознагражденіе лицу потерпѣвшему отъ преступленія, совершеннаго слугою) имати на дворянехъ и на дѣтехъ боярскихъ и на приказныхъ людехъ, кому кто служитъ“ (Уст. кн. разб. прик., доп. ук. 1625 г.). Такая взаимная солидарность обязательственныхъ отношеній между господиномъ и его слугами, особенно открывается изъ ст. 22 и 23 Цар. Суд., которыя позволяютъ предъявлять искъ къ на-

мѣстнику или волостелю по претензіямъ какъ на нихъ самихъ, такъ и на ихъ слугъ („людей“).

б) **Необходимое вступленіе въ обязательство третьяго лица** (*въ заемъ обязавшагося*). Московское право знаетъ и предвидитъ случаи, когда третье лицо, не участвовавшее въ обязательствѣ, должно по необходимости замѣнить одного изъ участниковъ. Такихъ случаевъ мы находимъ въ немъ два. Первый случай наступаетъ тогда, когда, при судебномъ спорѣ объ исполненіи обязательства, дѣло рѣшено неправо въ слѣдствіе подкупа. Тогда судья или дьякъ, виновные въ неправосудіи, должны уплатить истцовъ искъ. По требованію разумности, слѣдовало-бы въ такомъ случаѣ возстановить дѣло и, по ходу его, присудить къ удовлетворенію одной стороны другою, а лицо, допустившее неправосудіе, наказать. Между тѣмъ московское право удовлетворяетъ неправо обвиненную сторону на счетъ судьи, оставляя совершенно безъ отвѣта вопросъ: какія-же послѣдствія это имѣетъ для стороны неправо-выигравшей искъ (Суд. цар. ст. 3 и 28. Попытку объяснить эту странность см. въ нашемъ прим. 58 къ ц. Суд.). Второй случай необходимой замѣны лица въ обязательствѣ стороннимъ лицомъ есть возложеніе на убійцу, или причинившаго увѣчье обязанности удовлетворить по долгамъ убитаго или изувѣченнаго имъ. Обязательства имѣютъ столь личный характеръ, что отнявшій жизнь тѣмъ самымъ усвоилъ себѣ и обязательства, лежавшія на лицѣ, хотя при этомъ могутъ остаться наслѣдники и имущество, въ которомъ они наслѣдуютъ (Ул. X, 258, Новоук. ст. 1669 г. ст. 70).

в) Кромѣ случаевъ необходимаго вступленія въ обязательство московское право знало **добровольную замѣну лица въ обязательствѣ другимъ.** Изъ актовъ конца XVI в. видно, что кредиторъ могъ, независимо отъ воли должника передать свои права по обязательству всякому стороннему лицу, лишь-бы только это лицо было правоспособно вообще и въ отношеніи къ данному роду обязательствъ въ частности. Мы говоримъ здѣсь о такъ называемыхъ „выданныхъ кабалахъ“, когда кредиторъ передаетъ свое право (кабалу) третьему лицу или въ даръ, или за свой долгъ этому третьему. Въ первомъ случаѣ онъ долженъ вмѣстѣ съ обязательствомъ вручить и „данную“, т. е. совершить новый актъ. Однако, благодаря личному характеру обязательствъ, законодательство долго не признавало такой цессіи законною; по крайней мѣрѣ ук. 1588 г. (Ук. ко. вѣдом. казн. ст. XXI) говоритъ: „по тѣмъ кабаламъ и по памятемъ суда не давати“; но ук. 1628 и 1646 (Ук. кн. Зем. пр. ст. XLII) и Ул. (X, 258), описывая составъ выданной кабалы точно также, признаютъ силу этихъ кабалъ; Ул. отказываетъ имъ въ признаніи только тогда, когда такая кабала не подписана, т. е. актъ передачи не означенъ на ней самой, или когда у предъявителя нѣтъ данной на нее. Затѣмъ такая форма бумагъ на предъявителя сдѣлалась общею и

даже примѣнялась къ закладнымъ. Так. обр. подготовлялись элементы вексельнаго права, которое, однако, явилось лишь въ періодъ имперіи, и установлено закономъ, заимствовавшимъ свое содержаніе изъ нѣмецкихъ источниковъ.

Но должникъ могъ передать свое обязательство только съ согласія кредитора; если тотъ, на кого онъ ассигнуетъ, откажется отъ исполненія обязательства, то кредиторъ всегда сохраняетъ регрессъ къ первому должнику. Цессія отъ должника технически называлась *переводомъ*. Переводъ при неисполненіи обязательства давалъ вѣрителю право на лицо должника.

3. Возникновеніе обязательства.

Обязательственныя отношенія между лицами могутъ возникнуть или въ слѣдствіе обоюдной воли обѣихъ обязывающихся сторонъ, или противъ воли одной изъ сторонъ. Первое отношеніе называется договоромъ, второе—обязательствомъ, возникающимъ изъ вины (преступленія, проступка, неосторожности, неисполненія обязательства договорнаго). Къ гражданскому праву въ точности можетъ относиться только первый родъ обязательствъ; существенныя условія вторыхъ разсматриваются въ уголовномъ правѣ. По этому далѣе мы будемъ говорить объ обязательственномъ правѣ только по отношенію къ договорамъ.

Для возникновенія договора главное и необходимое условіе есть свободная воля и сознаніе договаривающихся сторонъ. Отсюда само собою вытекаетъ, что договоръ, заключенный по принужденію, не имѣетъ никакой силы. Какъ ни просто это требованіе, однако московская практика едва могла сладить съ явленіями противоположными; акты того времени содержатъ въ себѣ частыя жалобы на то, что долговое обязательство или контрактъ купли-продажи вымученъ у контрагента истязаніями, или угрозою истязаній. Разбирать подобныя дѣла было тѣмъ труднѣе, что такіе акты могли появляться въ полной крѣпостной формѣ того времени; обидчикъ могъ стакнуться съ площадными подъячими (тогдашними нотаріусами), взять ихъ къ себѣ въ домъ и туда-же обманомъ зазвать жертву, или вмѣстѣ съ подъячими наѣхать на его домъ и отрѣзать его так. обр. отъ всякихъ сообщеній съ сторонними лицами, которыя могли быть свидѣтелями. Именно такой случай имѣетъ въ виду Улож. (X, 251). Отсюда возникло законодательное требованіе, чтобы о такихъ событіяхъ подаваема была судебной власти явка тотчасъ-же послѣ событія, въ срокъ не свыше недѣли, т. е. споръ о вынужденности обязательства можетъ быть заявленъ лишь въ семи дневный срокъ.

Требованіе свободной воли отъ заключающихъ договоры, не выдержано, однако, вполнѣ и въ самомъ законодательствѣ того времени. Оно само

иногда требуетъ, чтобы договорныя отношенія возникали по необходимости. Такъ при началѣ процесса договоръ поручительства (о явкѣ къ суду) обыкновенно совершался невольно или одною стороною, или обѣими; это тогда, когда судебная власть насильно отдавала на поруки обвиняемаго его родственникамъ или общинникамъ.

Въ другомъ случаѣ договоръ составляется помимо воли одного изъ контрагентовъ. Такъ квартирные хозяева лицъ военныхъ, во время похода, считаются по закону депозитарами ихъ вещей. Хозяинъ долженъ принять вещь на сохраненіе, при выступленіи квартиранта въ походъ. Въ законѣ только содержится намекъ на это (Ул, X, 190). Но процессуальные акты того времени указываютъ, что такой порядокъ дѣла усвоенъ былъ повсюду: Такъ псковичи жалуются, что „ищютъ на нихъ посадскихъ людѣхъ казаки, браняся, поклепомъ, поклажеевъ и поставленья, воровски, рублевъ по 5 и по 10 и болши“ (Русск. Ист. Библ. II, № 177).

Договоръ, заключенный при отсутствіи яснаго сознанія (напр. въ состояніи опьяненія), недѣйствителенъ (Пск. суд. гр. 114). Обязательства, основанныя на обманѣ и ошибкѣ, недѣйствительны. Обманъ возможенъ относительно лица обязывающагося (его тождества и правоспособности), относительно права лица (продажа чужой вещи), относительно предмета обязательства (его тождества и качествъ). Эта сторона обязательственнаго права уясняется въ московскомъ правѣ такъ-же мало, какъ мошенничество въ уголовномъ правѣ. Законодательство того времени заинтересовано всѣми этими понятіями преимущественно по отношенію къ договору купли-продажи и служилой кабалѣ и при томъ преимущественно съ уголовной точки зрѣнія. Купившій вещь, на которую продавецъ не имѣлъ права собственности, подвергается опасности не только потерять вещь, но и быть привлеченнымъ къ суду объ участіи въ кражѣ или утайкѣ (см. Суд. цар. ст. 93—95, Уст. кн. разб. прик. 34—35 и Дополн. ст. къ ней IV—ук. 1628 г.; Улож. XXI, 64—65). Во всѣхъ этихъ узаконеніяхъ постановляется, что покупщикъ долженъ доказать, что онъ не зналъ ничего о порокѣ въ правѣ. Для этого узаконенія требуютъ, чтобы покупщикъ покупалъ вещи съ „порукою“, или даже съ купчею и съ записью ея въ книги. Съ одинаковою строгостью применяются эти постановленія и къ продажѣ чужаго недвижимаго имущества—вотчины (Улож. XVII, 35); но при этомъ Уложеніе впадаетъ въ абсурдъ: оно предполагаетъ, что чужую вотчину можно продать только „по стачкѣ съ тѣмъ, кому онъ ту вотчину продастъ“, а между тѣмъ далѣе говоритъ: „а по купчей, или по закладной деньги на продавцѣ доправя, отдать тому, кому онъ ту чужую вотчину продалъ или заложилъ“, т. е. участнику въ обманѣ даетъ право личнаго иска на другаго своего товарища по мошенничеству.

4. Совершеніе договоровъ.

Уже изъ предыдущихъ замѣчаній видно, какую важность имѣетъ совершеніе договорнаго акта для существа его. Взаимно выраженная воля договаривающихся сторонъ должна оставить внѣшній слѣдъ для убѣжденія сторонннхъ лицъ въ существованіи сдѣлки.

Однако по древней терминологіи, вмѣсто *сдѣлки* (акта соглашенія, выраженнаго на дѣлѣ) было только свѣщаніе (Дог. Ол. 15, Иг. 16), сгода, смлува, сговоръ. *Въ 1-й періодъ* договоры обыкновенно были *словесные* (за исключеніемъ купчи—продажи недвижимыхъ вещей), но съ употребленіемъ уже и тогда *символическихъ* формъ (литки или могарычъ—возліяніе богамъ, рукобитье, или связываніе рукъ—obligatio) и послухомъ (Р. Пр. Ак. 14, Кар. 44). Даже въ Пск. судн. грам. договоръ именуется „смолвою", хотя въ ней уже рѣчь идетъ не только о неформальныхъ письменныхъ договорахъ („доскахъ"), и о формальныхъ („записяхъ"), но и объ укрѣпленіи актовъ (см. ст. 30, 38, 92, 101 и нѣк. др.); заемъ безъ записи и безъ закладa позволяется совершать только до 1 рубля.

Но *въ московскомъ госуд.* прололжалось не малое время словесное совершеніе договора, въ этомъ московское право осталось далеко позади законодательства псковскаго. Еще Суд. Іоанна IV допускалъ иски о договорахъ безъ кабалы (ст. 15) и въ процессѣ позволялъ при этомъ доказательства чрезъ свидѣтелей и поединокъ. Въ практикѣ письменное совершеніе ихъ въ XVI в. дѣлается болѣе общимъ и законъ предписываетъ напр. чиновникамъ, при уплатѣ должникомъ денегъ въ разные сроки, дѣлать отмѣтки объ этихъ уплатахъ на кабалахъ и на записяхъ,—впрочемъ не отвергаетъ еще возможности безкабальныхъ договоровъ (Уст. Важ. грам., Христ. вып. II). Акты, бывшіе тогда въ ходу, были: *кабалы, записи и памяти.*

Письменная форма актовъ хотя въ XVI в. сдѣлалась всеобщею, но еще не была обязательною по закону. Въ первый разъ эта обязательность появилась въ XVII в. Въ 1635 г., іюня 7 данъ былъ царскій указъ, въ которомъ государь говоритъ, что ему вѣдомо учинилось, что многіе ищутъ по договору поклажи и займа безкабально—безъ письменныхъ документовъ. Государь указалъ отказывать въ пріемѣ челобитныхъ по договорамъ займа, поклажи и ссуды, если челобитники не представятъ крѣпостей: кабалъ, записей и памятей (Ук. кн. Зем. пр. ст. XXIV). Тѣмъ, которые до изд. этого закона уже совершили безкабальную сдѣлку, предоставляется право подавать явки и челобитныя о томъ до 1-го сент. того же года (для жителей гор. Москвы), по прошествіи котораго и имъ будетъ отказано въ искѣ. Законъ считалъ это столь важнымъ, что велѣно было публиковать его чрезвычайнымъ обр. чрезъ биричей—въ Китаѣ и Каменномъ городѣ, по ули-

цамъ и переулкамъ. Сверхъ этого узаконенія были изданы специальные законы о формахъ совершенія сдѣлокъ для нѣкоторыхъ классовъ общества, въ особенности: „а прежнихъ государей по указамъ и по уставнымъ грамотамъ съ посадскими людми казакамъ болши рубля ссужатца безъ письма не велѣно“ (Русск Ист. Библіот. II, № 177).—Въ XVII в. строгость исполненія закона о письменной формѣ совершенія сдѣлокъ была, по Котошихину, такова, что „у кого кабалъ нѣтъ, или утеряются, или подерутца, или иная какая шкода учинитца, и въ бескабальныхъ дѣлахъ суда не даетца и вѣрить не велѣно ничему, хотя бъ на какое дѣло дватцать человѣкъ свидѣтелей было, все то ни во что безъ крѣпости“ (VII, 43).

Письменный актъ договора долженъ быть собственноручно подписанъ обязывающимся. За того, кто не умѣетъ грамотѣ, по закону 1629 г. февр. 5 (Ук. кн. Зем. прик. ст. XIII, 7), можетъ подписаться отецъ его духовный, и лишь въ случаѣ невозможности добыть такую подпись (отца духовнаго близко нѣтъ, или съ нимъ вражда), дозволяется рукоприкладство ближнихъ родныхъ, именно: братьевъ родныхъ или племянниковъ. Отсюда слѣдуетъ заключить, что ничье рукоприкладство кромѣ этихъ лицъ, вовсе не допускается; въ частности не упоминается о возможности рукоприкладства нисходящихъ за отцовъ и обратно (ср. Ул. X, 246).

Письменная форма не считается однако вполнѣ достаточною для полной достовѣрности акта. Она переходитъ постепенно въ *крѣпостную*.

Сначала, въ видѣ исключенія, крѣпостная форма примѣняется только къ нѣкоторымъ договорамъ: именно раньше другихъ эта форма обязательно примѣнена къ полнымъ грамотамъ на холопство и служилой кабалѣ, и отпускной грам. (см. Суд. 1-й, ст. 20 и Суд. ц. 66; ук. 1558, 1597, 1606 и 1608). Этому же условію подчинена купля-продажа лошадей. По Суд. царскому (94—96) договоръ этотъ совершается *съ* непремѣннымъ участіемъ общественной власти: покупщикъ обязанъ представить лошадь для наложенія на нее пятна. Въ Москвѣ властію, скрѣпляющею эту сдѣлку, были особые пятенщики, а въ городахъ намѣстники и волостели. Тавро записывается въ книги, нарочно для этой цѣли заведенныя у цѣловальниковъ. Изъ этого общаго постановленія изъятіе дѣлается только для ратныхъ людей во время похода.

Другой случай примѣненія крѣпостной формы, до общаго установленія ея для всѣхъ договоровъ, относится къ куплѣ-продажѣ и залогу недвижимостей. Первое законодательное установленіе крѣпостной формы для актовъ на недвижимость содержится въ законѣ 1558 г., янв. 11 (Ук. кн. казн. ст. IX), но со ссылкою уже на установившійся обычай. Здѣсь еще говорится, что купчія и закладныя записываются *у дьяковъ;* впослѣдствіи это совершалось въ Помѣстномъ Прик. Здѣсь внесеніе въ книги приказовъ имѣло не одну цѣль укрѣпленія актовъ.

Таковы способы совершенія сдѣлокъ до Улож. Въ Уложеніи для всѣхъ родовъ ихъ предписаны слѣд. правила:

Всякіе акты („заемныя кабалы, записи или иныя какія-нибудь крѣпости"), болѣе важные (купчія и закладныя на вотчины и дворы), или совершенные на значительныя суммы, должны быть писаны площадными подъячими (въ Москвѣ или въ провинціальныхъ городахъ), которые вмѣстѣ съ тѣмъ могутъ писаться и послухами на нихъ. Актъ долженъ быть скрѣпленъ свидѣтелями (въ актахъ, самыхъ значительныхъ по цѣнности, 5-ю или 6-ю, а менѣе значительныхъ—2 или 3 мя; меньше двухъ не допускается. Но если актъ написанъ собственноручно, или, по приказанію обязывающагося человѣкомъ его, а имъ самимъ подписанъ, то онъ и безъ участія площадныхъ подъячихъ имѣетъ равную силу. Акты менѣе значительные какъ по роду ихъ, такъ и по цѣнности (заемныя памяти до 10 р., свадебныя записи, отдача въ наемъ угодій) могутъ быть писаны и на дому (не у площадныхъ подъячихъ), и хотя бы на нихъ не было подписи послуховъ, имѣютъ силу, лишь бы были подписаны обязывающимся. Въ селахъ и деревняхъ акты втораго рода (т. е. менѣе значительные) могутъ быть писаны земскими или церковными дьячками другихъ селъ. Если же актъ будетъ написанъ попомъ или дьячкомъ села принадлежащаго вѣрителю, то такіе акты не имѣютъ силы, потому что предполагается, что эти лица находятся въ зависимости отъ вотчинника и могутъ составить или вполнѣ подложный актъ, или отягчить въ немъ условія для должника, помимо воли послѣдняго. Во всѣхъ этихъ случаяхъ рукоприкладство за неграмотнаго дозволяется всѣмъ, „кому они въ томъ вѣрятъ", чѣмъ совершенно разрушаетъ строгость прежнихъ постановленій на этотъ счетъ.

Акты, надлежащимъ образомъ составленные, но подлежащіе сверхъ того укрѣпленію въ приказахъ, при неисполненіи этого послѣдняго, теряютъ силу (Улож. XVII, ст. 39 и др. Ук. кн. пом. прик. IV, 51; Улож. XVI, 6).

Въ періодѣ имперіи сначала (при Петрѣ I) *всѣ* акты подлежали укрѣпленію; мѣстами укрѣпляющими признаны были: Оружейная палата (1701 г.), потомъ московская ратуша (1706) и наконецъ юстицъ-коллегія (съ 1719). Составленіе актовъ ввѣрено было опять подъячимъ Ивановской площади, съ болѣе точнымъ опредѣленіемъ порядка ихъ назначенія и отвѣтственности и подъ наблюденіемъ Приказа Крѣпостныхъ дѣлъ (П. С. З. № 1833 и 1838). Въ городахъ, сначала центральныхъ („разрядахъ"), а потомъ при надворныхъ судахъ позволено было совершать всякіе акты. Въ портовыхъ и болѣе значительныхъ городахъ установлены маклеры изъ купцовъ (П. С. З. № 3708, годъ 1711).—При Екатеринѣ II установилось правило, что крѣпостнымъ порядкомъ должны совершаться лишь акты о переходѣ недвижимой

собственности; отъ крѣпостной формы отдѣлилась *явочная* (для довѣренностей, запродажныхъ, арендныхъ контрактовъ и пр.).

Предметъ обязательства.

Ученіе о предметѣ обязательствъ составляетъ объективный моментъ обязательственнаго права. Разумѣется, родъ обязательства и размѣръ его предоставляются волѣ сторонъ. Но и тогдашній законъ зналъ и преупреждалъ возможность сдѣлокъ о безнравственныхъ дѣйствіяхъ, напр. объ отдачѣ жены въ Сибири въ ссуду „для блуда“. Долгъ по карточной игрѣ признанъ не подлежащимъ удовлетворенію (ук. 1761 г. іюня 15, п. 5). Сверхъ того тогдашній законъ вмѣшивался въ размѣръ обязательства гораздо болѣе, чѣмъ нынѣшній, установляя для нѣкоторыхъ классовъ законныя пахтанія ихъ. Такъ условія о пожиломъ при договорѣ аренды земли крестьянином опредѣлены для всѣхъ случаевъ Судебниками (Суд. 1497 г. ст. 57; Суд. ц. ст. 88). Суд. цар. опредѣляетъ сверхъ того, что посадскіе люди не могутъ искать на другихъ болѣе того, сколько объявлено ими имущества при обложеніи налогами. Требованія крестьянъ повѣряются судомъ слѣдственнымъ порядкомъ (ст. 72—73).—Наконецъ тотъ же Суд. запретилъ заключать служилыя кабалы болѣе, чѣмъ на 15 руб. (ст. 78).

Кромѣ главнаго предмета (dare, facere) всякое обязательство можетъ повлечь за собою рядъ послѣдствій, которыя можно назвать второстепенными или привходящими предметами обязательствъ; это—условія, обезпечивающія исполненіе обязательства.

Условія, обезпечивающія исполненіе обязательствъ, могутъ относиться или къ моменту совершенія договора (какъ поручительство, залогъ), или къ моменту исполненія. Здѣсь мѣсто сказать только о послѣднихъ. Всѣ они состоятъ въ усиленіи или увеличеніи обязанности контрагента, не исполнившаго обязательства въ срокъ.—Важнѣйшее изъ нихъ—неустойка; она можетъ состоять или въ опредѣленной штрафной суммѣ, предусмотрѣнной въ самомъ договорѣ, или въ возмѣщеніи убытковъ, послѣдовавшихъ для кредитора отъ неисполненія должникомъ договора. Въ древней Руси практика охотнѣе прибѣгала къ послѣдней формѣ условія о неустойкѣ. Понятно, какъ она открывала для кредитора возможность разширить свои требованія до произвольныхъ широкихъ границъ; поэтому указомъ 1628 г. нояб. 21 (Ук. кн. зем. прик. ст. XIII, 8), было постановлено: если убытки пишутъ глухо: „будетъ полягутъ деньги по срокѣ,... на заимщикѣхъ убытки всѣ сполна“, то размѣръ этихъ убытковъ опредѣляется особымъ искомъ, а не безспорнымъ производствомъ.—Впрочемъ на практикѣ судъ, по собственному усмотрѣнію, уменьшалъ размѣръ неустойки, даже тогда, когда она условлена въ опредѣленной суммѣ. Такъ крестьяне условились съ монастыремъ объ уступкѣ

спорной земли и обезпечили это неустойкой въ 50 р. Судъ призналъ невозможнымъ дѣйствительно взыскать такую громадную по тогдашнему сумму для бѣдной деревни. „А въ заставѣ по записи въ пятидесять рублехъ Климецкого монастыря служкѣ отказано для того, что деньги *неданые* (условлены не для того, чтобы ихъ въ самомъ дѣлѣ отдавать), погостъ бы отъ того пустъ не былъ“ (Ак. Ѳед.-Чех., I, № 86).

Прекращеніе обязательства.

Договоръ прекращается или исполненіемъ его, или неисполненіемъ въ срокъ, или давностію, или смертію одного изъ контрагентовъ (въ нѣкоторыхъ случаяхъ).

а) **Исполненіе договора**. Срокъ обязательства обыкновенно устанавливается сторонами добровольно въ актахъ обязательства. Только въ рѣкоторыхъ случаяхъ законодательство считало необходимымъ само опредѣлять общій срокъ сдѣлки; такъ относительно крестьянской аренды имуществъ (перехода крестьянъ) въ Пск. суди. грамотѣ и въ Суд. установленъ одинъ общій срокъ въ году. Другихъ ограниченій, наприм. назначенія maximum'а срока для аренды недвижимостей, существующихъ теперь, не находимъ въ древнемъ правѣ.

Иногда вѣритель заинтересованъ въ томъ, чтобы должникъ не исполнилъ въ срокъ обязательства; это именно бываетъ при исполненіи займа, обезпеченнаго залогомъ, когда по уплатѣ для кредитора прекращалось право пользованія заложенною вещью. Уже тогда было установлено, что должникъ, въ случаѣ отказа кредитора принять уплату, можетъ представить уплачиваемыя деньги судьѣ, и отъ этого послѣдняго получаетъ отпись, росписку въ полученіи.

Иногда срокъ исполненія по обязательству отдаляется по распоряженію верховной власти или для извѣстныхъ лицъ въ опредѣленныхъ случаяхъ, или для цѣлаго населенія въ извѣстный періодъ. Это moratorium у насъ называется *полѣтными грамотами*. Разсрочка взысканій съ несчастнаго несостоятельнаго, отмѣченная уже въ Русск. Пр. (Кар. 68), уясняется московскими памятниками во всѣхъ существенныхъ условіяхъ ея. Именно: она дается непремѣнно верховною властію (Суд. ст. 43. „а велитъ государь кому какову грамоту дати ...полѣтную“), но в. князь могъ поручить это дѣйствіе боярамъ („бояринъ, обыскавъ, да велитъ дати тому діаку *великого князя* полѣтную грамоту *съ великого князя печатію*“... Суд. 1497 г. ст. 55).— Moratorium теряетъ силу, какъ скоро изчезаетъ обстоятельство его вызвавшее (потерявшій имущество отъ разбойниковъ и получившій поэтому полѣтную грамому, перестаетъ пользоваться льготою, „какъ своего розбою доищется“. Суд. цар. ст. 90).—При выдачѣ полѣтныхъ грамотъ извѣстному

разряду лицъ въ слѣдствіе общаго несчастія (пожара), несчастныя обстоятельства кредитора не уничтожаютъ привилегіи полѣтной грамоты для должника, находящагося въ такихъ-же обстоятельствахъ (Ук. кн. вѣд. казн. ст. XVI, ук. 1560 г. окт. 15).—Общее moratorium для всего населенія примѣнено было въ Москов. госуд. лишь одинъ разъ въ 1557 г., когда уплата долговъ была разсрочена до 1562 г. (25 дек.); эта мѣра а) простирается только на обязательства, возникшія изъ договора займа и при томъ письменныя; ни ссуда, ни рядныя записи не подлежатъ ей. б) Она простирается только на обязательства заключенныя до установленія moratorium, а не имѣющія возникнуть въ льготныя 5 лѣтъ. в) Уплата производится ежегодно, стало быть въ 5 сроковъ; неисправный должникъ теряетъ всю привилегію moratorium'а. Это же узаконеніе въ янв. слѣд. года примѣнено и къ заимамъ, обезпеченнымъ залогомъ недвижимыхъ имуществъ. Ул. ц. А. М. (X, 203—206) позволяетъ давать разсрочку несчастнымъ несостоятельнымъ до 3-хъ лѣтъ.

б) **Несостоятельность**, по моск. праву, ведетъ, какъ уже замѣчено, къ выдачѣ должника кредитору головою до искупа, т. е. обыкновенно обязательство одного рода (напр. заемъ) переходитъ чрезъ неисполненіе въ обязательство другаго рода (личный наемъ).

в) Относительно **невозможности исполненія** находимъ въ московскомъ правѣ узаконенія, относящіяся къ договору поклажи и залогу, если вещь, отданная на сохраненіе, украдена у депозитара, то онъ совершенно освобождается отъ обязательства (Ул. X, 194). Въ другихъ случаяхъ, когда вещь, находящаяся въ поклажѣ или въ залогѣ, изчезаетъ не въ слѣдствіе кражи ея, депозитаръ или залогопринимать отвѣчаетъ по мѣрѣ участія въ пропажѣ ея вины съ его стороны; но во всякомъ случаѣ вещный искъ замѣняется личнымъ.

г) Что касается до прекращенія обязательствъ **смертію** обязаннаго (физическаго) лица, то въ моск. правѣ установилось, что только обязательства вполнѣ личныя подлежатъ прекращенію въ слѣдствіе смерти, именно служилая кабала.

д) Наконецъ обязательства прекращаются **давностію**. Въ началѣ моск. періода этотъ принципъ вовсе не имѣлъ силы; напротивъ въ договорахъ между князьями постановлялось: „должника .., поручника выдати по исправѣ;... судъ *отъ вѣка*“. Первое узаконеніе о такой давности явилось (или намъ извѣстно) въ указѣ 1588 г., февр. 8 (Ук. кн. вѣд. казн. ст. XXI); оно установило 15-лѣтній срокъ исковъ по договорамъ (разумѣется съ момента исполненія, а не заключенія договора); тотъ же срокъ остается и во всѣхъ послѣдующихъ узаконеніяхъ о томъ же въ моск. періодѣ, а именно въ указахъ 1622 г. (Ук. кн. зем. прик. ст. I) и 1626 г. (ibid. ст. XII) и въ Улож. ц. А. М. (X, 256—257. Неволинъ находитъ какое-то таинственное

соотношеніе между этимъ срокомъ и 15-лѣтнимъ срокомъ совершеннолѣтія). По ук. 1622 г давность простирается только на обязательства, возникшія изъ договора займа (поклажа и обязательства изъ delicta подлежатъ погашенію „отъ московскаго разоренія“). Затѣмъ давность простирается только на „неподписанныя“ кабалы, что изслѣдователями толкуется различно, или въ смыслѣ не подписанныхъ собственноручно должникомъ, и слѣд. не признанныхъ имъ, или въ смыслѣ не явленныхъ ко взысканію —О строгости примѣненія законовъ о давности свидѣтельствуетъ Котошихинъ такъ: „а велѣно всякимъ людемъ долговъ своихъ всякихъ денежныхъ и иныхъ искати по кабаламъ и по записямъ и по инымъ крѣпостямъ въ 15 лѣтъ; а по 15 лѣтехъ, хотя одинъ день переидетъ за лишекъ, всякіе крѣпости поставлены ни во что и суда не дастца“ (VII, 43).

Изъ обзора этихъ узаконеній ясно, что давность по обязательствамъ есть явленіе искусственное, установляемое законодательствомъ; въ обычномъ правѣ слѣдовъ ея нѣтъ.

Система договоровъ.

На основаніи главныхъ предметовъ обязательства (dare, facere) слѣдуетъ установить такую классификацію договоровъ: купля-продажа, залогъ, поклажа, заемъ, наемъ имущества, личный наемъ, довѣренность, товарищества. —Здѣсь отмѣтимъ лишь нѣкоторые изъ нихъ.

Система договоровъ въ древнѣйшее время существенно отличается отъ нынѣ установленной: тогда всѣ роды сдѣлокъ сводились къ немногимъ группамъ ихъ; такъ купля-продажа совершенно сливалась съ мѣною (при отсутствіи денегъ, какъ орудія обращенія цѣнностей). Остаткомъ этого въ московскомъ періодѣ было постоянное прибавленіе въ купчихъ грамотахъ къ цѣнѣ вещи т. н. „пополонка“ въ видѣ какой-либо движимой вещи (коня, одежды и пр.). Договоръ займа сливался съ договоромъ ссуды и найма движимыхъ вещей (по той-же причинѣ). Въ формѣ договора закупничества по Рус. Пр., сливались договоры займа, найма имущества и личнаго найма.

Но уже въ Рус. Пр. можно замѣтить черты раздѣльности понятій о всѣхъ упомянутыхъ договорахъ.

1. Мѣна.

Древнѣйшій изъ договоровъ есть договоръ мѣны имуществъ; онъ можетъ быть совершенъ даже при отсутствіи личныхъ словесныхъ сношеній; лѣтописцы разсказываютъ о молчаливой мѣнѣ товаровъ между русскими и инородцами, не понимавшими языка другъ друга. Не только купля-продажа, но даже и другіе договоры развиваются изъ договора мѣны. Рус. Пр. не

говоритъ объ этомъ договорѣ; но несомнѣнно, что мѣна допускалась издревле не только по отношенію къ движимымъ вещамъ (см. Пск. суди. гр. ст. 114), но и къ землямъ; отъ московскаго періода до насъ дошло не мало мѣновыхъ грамотъ на земли. Ук. о единонаслѣдіи 1714 г. прекратилъ мѣну вмѣстѣ съ прочими способами распоряженія недвижимыми имуществами: впослѣдствіи, при возстановленіи другихъ способовъ, такое дозволеніе не распространено на мѣну изъ фискальныхъ цѣлей (т. е. избѣжанія одной уплаты пошлинъ при двойномъ переходѣ имуществъ).

2. Купля-продажа.

Договоръ продажи *движимыхъ вещей* по Рус. Пр. заключался какъ и теперь простымъ словеснымъ соглашеніемъ и передачею вещи. Но изъ движимыхъ вещей исключались въ этомъ отношеніи *рабы*, продажа которыхъ должна совершаться предъ послухами, въ присутствіи раба (Кар. 119). Быть можетъ уже во времена Русской Правды былъ обычай совершать продажу лошадей при участіи чиновника-питейщика: въ Русской Правдѣ дѣтей Ярослава (Ак. 25) находимъ: „А за княжь конь, иже то и съ *пятномъ*, 3 гривнѣ". Н. В. Калачовъ („Изслѣд." стр. 83) думаетъ, что всякая купля-продажа движимыхъ вещей должна совершаться въ присутствіи двухъ свободныхъ свидѣтелей или мытника (Кар. 33). „Недостатокъ этого условія (говоритъ онъ) рѣшительно уничтожаетъ куплю". Но въ статьѣ Русской Правды, и въ подобныхъ статьяхъ Пск суди. гр. (46—47), а также Судебниковъ (Суд. 1-й ст. 46—47; Суд. Царь. 93) рѣчь идетъ о покупкѣ на торгу старыхъ вещей и указываются средства процессуальной защиты отъ обвиненія въ кражѣ. Если одна сторона введена въ заблужденіе другою, на счетъ качества предмета купли-продажи, то договоръ можетъ быть разрушенъ въ теченіи извѣстнаго срока: „А кто конь купитъ, княжь бояринъ, купечь или сирота, а будетъ въ конѣ червь, или проѣсть, а то пойдетъ къ осподарю, у кого будетъ купилъ, а тому свое серебро взяти опять назадъ за три годы" (Р. Пр. доп. ст. 1; Пск. суди. гр. ст. 118).

Продажа *недвижимости* съ древнихъ временъ требовала написанія купчей грам. (см. купчую Антонія Римлянина), а затѣмъ и докладной формы совершенія акта. Въ отношеніи къ этого рода вещамъ подвергается сомнѣнію основное начало договора купли-продажи. по договору купли-продажи переносится право собственности отъ продавца къ покупщику, за извѣстную плату. Если продавецъ не имѣлъ права собственности на проданную имъ вещь, то договоръ не имѣетъ никакой силы; такъ если человѣкъ продаетъ свою свободу, которая уже ему не принадлежитъ (холопъ), то договоръ разрушается при двоякомъ видѣ послѣдствій: если покупщикъ зналъ, что онъ рабъ, то лишается своихъ денегъ, а если не зналъ, то деньги ему

возвращаются (Рус. Пр. Кар. 129; сл. Иск. судн. грам. ст. 72). Но въ отношеніи къ земельнымъ имуществамъ право собственности далеко не сразу опредѣлилось, какъ исключительное право частныхъ лицъ; даже въ московскомъ періодѣ можно найти видимыя отступленія отъ общаго начала, что продавецъ долженъ имѣть право собственности на продаваемую вещь. Множество лицъ владѣли землею на правѣ вѣчнаго и потомственнаго владѣнія, съ правомъ отчужденія другимъ вещи на томъ-же правѣ. Въ такомъ случаѣ актъ купчей принималъ характеръ и наименованіе *посильной грамоты*, или *отступной*; именно чрезъ подобныя сдѣлки передавались тяглые участки. Но это обстоятельство, имѣющее значеніе для вещнаго права, не существенно для права обязательственнаго: продавецъ договоромъ купли-продажи передаетъ всѣ вещныя права, ему самому принадлежавшія.—Другое исключеніе изъ того-же общаго начала представляетъ продажа вотчины, которою продавецъ владѣлъ на условномъ служебномъ правѣ: такія вотчины онъ могъ отчуждать продажею, но не иначе какъ съ позволенія („доклада“) дѣйствительнаго собственника этихъ имуществъ; въ противномъ случаѣ сдѣлка признается ничтожною (Ак., отн. до юрид. быта, II, стр. 342). Повидимому общее начало о перенесеніи куплею-продажею правъ собственности терпитъ еще третье ограниченіе, а именно: куплею-продажею вообще покупщикъ не пріобрѣтаетъ полныхъ правъ собственности на недвижимую вещь, которая *всегда* могла быть выкуплена продавцомъ (купля-продажа есть будто-бы безсрочный залогъ: см. мнѣніе Энгельмана, изложъ. въ прим. къ 13 ст. Иск. судн. гр.). Быть можетъ въ древнѣйшую эпоху (изъ которой, однако, мы не имѣемъ ясныхъ свидѣтельствъ), недвижимая собственность вообще была неотчуждаемою и подлежала выкупу; но съ XIV в. грамоты „одерноватыя“ (полныя) означаютъ именно полный переходъ права, если ограниченія его не выражены въ самой грамотѣ; лишь по искаженію терминовъ языка иногда въ одной и той-же грамотѣ допускалось и употребленіе означеннаго термина (а также равно-значащихъ: „въ прокъ“, и др.) а вмѣстѣ условіе о выкупѣ. Неясная статья (13) Иск. судн. грам. отнюдь не разрѣшаетъ вопроса (о различіи залога и продажи см. выше стр. 475). Изложенныя выше правила о родовомъ выкупѣ имуществъ доказываютъ, что купля-продажа этого рода вещей не вполнѣ переносила право собственности на покупщика, потому что родовая вотчина не составляла исключительной собственности членовъ рода: право собственности окончательно утверждалось за пріобрѣтателемъ не договоромъ только купли, а истеченіемъ 40-лѣтней давности.

3. Заемъ.

Заемъ по Русской Правдѣ еще близокъ къ найму движимаго имущества; *предметомъ займа* могутъ быть не только деньги, но медъ, жито и

др вещи (Кар. 47, 49—65). При этомъ отличіе договора займа заключается въ томъ, что предметомъ его должна быть такая вещь, которая должна быть возвращена вѣрителю не въ своей индивидуальности, а мѣрою, счетомъ, или вѣсомъ.—Заемъ не въ деньгахъ, а въ продуктахъ (хлѣбѣ) продолжался и въ Московскомъ государствѣ (см. Важ. уст. гр.; Улож. X, 246), съ тѣмъ, однако, отличіемъ, что иногда послѣ просрочки заемщикъ обязывается возвратить капиталъ уже не вещами, а деньгами.

Одну изъ важныхъ частей договора займа составляетъ *ростъ* или *рѣзъ*. Названіе „рѣзъ“ объясняется какъ прибавка, прирѣзка къ металлу; во Псковѣ ростъ именовался „гостинцемъ“; въ московскомъ правѣ ростъ при хлѣбномъ займѣ назывался „наспомъ“ (насопъ). Церковныя правила и у насъ (какъ и на западѣ) осуждали ростъ: въ поученіяхъ рѣзоиманіе считается тяжкимъ порокомъ (Кириллъ Туровскій). Пастыри церкви, вооружаясь противъ рѣзоиманія, ссылались на древнія каноническія постановленія: „Божественными правилми отлученая рѣзоиманія, еже убо о сихъ глаголетъ 44 правило св. Апостолъ“ (Поученіе Фотія псковскому духовенству въ Ак. Истор. I, 47—48). Лица духовнаго званія, занимавшіяся отдачею денегъ въ ростъ, подвергались извержению изъ сана. Но свѣтскіе законы дозволяли взиманіе роста до XVII в Въ эпоху Рус. Пр. высота дозволенныхъ процентовъ была чрезвычайно велика; именно тогда различались проценты годовые, третные и мѣсячные. Только количество первыхъ изъ нихъ точно опредѣлено въ Русской Правдѣ: именно по 10 кунъ на гривну (Кар. 67); въ гривнѣ возникшей послѣ Ярослава—было 50 кунъ (Прозоровскій, стр. 567), слѣдовательно 10 кунъ составляли $^1/_5$ гривны, или 20%. Неволинъ говоритъ, что прямо не запрещалось брать и больше; но изъ 67 ст. Кар. Р. Пр. напротивъ можно заключить, что выше 10 кунъ съ гривны, брать не позволялось. Годичные росты были самые низшіе; третные, а тѣмъ болѣе мѣсячные, далеко превышали ихъ.

Одну изъ причинъ огромной высоты роста находятъ въ общественномъ состояніи тогдашней Россіи, при которомъ не всякій рискнулъ-бы отдать свои деньги въ долгъ, предвидя полную вѣроятность не получить ихъ совсѣмъ; догадываются, что торговлею деньгами у насъ въ XII—XIII в., какъ и на западѣ, занимались евреи. Въ 1113 г. по смерти Святополка „Кіяне пдоша на жиды и разграбиша я“ (Ипат.). Неправильная высота роста принудила общественную власть позаботиться о сокращеніи ея законодательнымъ путемъ. Быть можетъ еще до Владиміра Мономаха былъ ограниченъ мѣсячный ростъ (Р. Пр., Кар. 48); а именно постановлено брать мѣсячные росты только при займахъ на короткіе сроки („за мало дни“); если же заемъ продолжается до года, то мѣсячные рѣзы замѣняются третными. Затѣмъ Владиміръ Мономахъ (какъ видно вынужденный народнымъ озлобленіемъ противъ евреевъ, злоупотреблявшихъ ростовщичествомъ

при Святополкѣ), собравъ дружину, т. е. думу на Берестовѣ изъ представителей (тысяцкихъ) Кіева, Бѣлагорода, Переяслава и Чернигова („Ольгова мужа"), постановилъ ограниченіе и третныхъ процентовъ; а именно: заимодавецъ два раза получившій третной процентъ можетъ требовать возвращенія капитала („истое"), если-же возметъ въ третій разъ, то лишается права требовать капиталъ (Кар. 66); очевидно, что третные проценты превышали цѣну самого капитала. При конкурсномъ взысканіи съ несостоятельнаго должника, тотъ изъ кредиторовъ, который много бралъ процентовъ, не получаетъ ничего изъ капитала (Кар. 69).

Достойно замѣчанія, что въ такомъ торговомъ городѣ, какъ Псковъ, законы о ростѣ гораздо стѣснительнѣе, чѣмъ въ Рус. Пр ; а именно: взысканіе „гостинца" допускается только тогда, когда требованіе уплаты долга предъявлено въ срокъ, а не по истеченіи срока. Если кредиторъ потребуетъ уплаты до срока, то проценты не взыскиваются; но если должникъ предложитъ уплату до срока, то платитъ и проценты по разсчету времени (Пск. суд. гр. ст. 73—74).

Въ Московскомъ государствѣ весьма долго не подвергалась сомнѣнію законность взиманія роста; лишь въ XVI в чрезмѣрная высота роста (20%) заставила законодателя сначала ограничить его, а потомъ (въ XVII в.) совсѣмъ воспретить. Ц. Іоаннъ IV сначала въ уставныхъ грамотахъ (см Важскую уст. гр. въ Христ. по ист рус. пр., вып. III) воспрещаетъ „понедѣльные" росты, а велитъ взыскивать (въ годъ) на 5 шестой по разсчету. Потомъ онъ-же въ упомянутой выше общей полѣтной грамотѣ 1557 г. постановилъ, что въ льготные года капиталъ взыскивается безъ роста, а по обязательствамъ, возникшимъ вновь въ эти года ростъ взыскивается вдвое меньшій обычнаго (10%). По ук. 1626 г. ростъ можетъ быть взыскиваемъ за 5 лѣтъ, когда сойдется истина съ ростомъ (Ук. кн. зем. пр. ст. XII). Наконецъ Уложеніе ц. Ал. М. (X, 255) совершенно воспретило взиманіе роста, вооружившись противъ него съ религіозной точки зрѣнія, что и оставалось въ силѣ (разумѣется, въ законѣ, а не въ практикѣ) до 1754 г. (П. С. З. № 10235); тогда дозволено взиманіе процентовъ въ указной величинѣ ихъ (6%). На практикѣ уже въ XVII в. писались заемныя кабалы съ условіемъ, что „если полягутъ деньги по срокѣ, и намъ давати ростъ, какъ идетъ въ людехъ, по розсчету на 5 шестой", т. е. 20% (Ак., отн. до юрид. быта II, № 125).

Вексельный уставъ 1729 г. (см. выше о законод. въ пер. импер.) ввелъ обращеніе векселей между лицами торговаго званія; но практика распространила ихъ и на лица прочихъ сословій.—Порядокъ совершенія займа былъ окончательно установленъ банкротскимъ указомъ 1800 г. (П. С. № 19692).

4. Поклажа.

Договоръ поклажи имѣлъ особенное значеніе въ древности, когда всеобщее отсутствіе внутренней безопасности заставляло людей при отправленіи въ путешествіе и въ минуты народныхъ волненій, отдавать вещи на сохраненіе въ надежныя руки. „Мужъ нѣкій (говорится къ патерикѣ), хотя отъити въ путь, имый же и луконце мало, полносуще серебра, принесе въ монастырь блаженъ. отца нашего Ѳеодосія и предасть на соблюденіе черницу Конопу, яко ему другу сущу знаему. Таче видѣвъ одинъ отъ братіи, Никола именемъ, уязвленъ бысть отъ бѣса на не и тако украдъ скры"... (Памятники, издан. Яковлевымъ, стр. LXI). Русская Правда, усматривая въ поклажѣ болѣе нравственную услугу, чѣмъ обязательство („благо ему дѣять и хранилъ"—Кар. 46), освобождаетъ договоръ поклажи отъ формальности заключенія его при послухахъ; въ случаѣ, если отдавшій вещи на сохраненіе начнетъ клепать (обвинять) пріемщика въ утайкѣ части ихъ, то пріемщикъ очищается личною присягою; безъ сомнѣнія то же нужно разумѣть и въ томъ случаѣ, если отвѣтчикъ совершенно будетъ отрицать существованіе договора. Впослѣдствіи (во Иск. суди.грам.) договоръ поклажи дозволяется совершать словесно только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, препятствующихъ совершенію сдѣлки, именно въ случаѣ пожара и народнаго волненія, также для пріѣхавшихъ изъ чужой земли и для лицъ, не имѣющихъ постояннаго мѣстожительства. Во всѣхъ прочихъ случаяхъ поклажа должна быть совершена посредствомъ записи (а не „доски") и съ точнымъ перечисленіемъ вещей, отданныхъ на сохраненіе (ст. 16—19). Законами Московскаго государства (ук. 1635 г. въ Ук. кн. зем. прик. ст. XXIV и Улож. X, 189—195) поклажа опредѣляется въ сущности тѣми-же чертами (см. выше стр. 499).

5. Личный наемъ.

Различіе личнаго найма въ услуженіе (locatio-conductio operarum) и для совершенія извѣстнаго дѣла (loc.-cond. operis), нынѣ столь несущественное, въ древности было чрезвычайно важно. *Наемъ въ услуженіе*, по Рус. Пр., только тогда не велъ къ холопству для нанимающагося, когда это было именно выговорено въ договорѣ (Кар. 121); но на практикѣ договоры такого рода заключались рѣдко, а потому личный наемъ признанъ вообще источникомъ холопства (см. выше о холоп.). Хотя Рус. Пр. говоритъ только о тіунствѣ и ключничествѣ, но о прочихъ низшихъ родахъ службы то же разумѣлось само собою.—Во псковскомъ законодательствѣ, наемъ въ услуженіе уже не имѣетъ такихъ послѣдствій; напротивъ законъ даетъ особыя постановленія о правѣ иска на господина при взысканіи заработной платы,—именно: наймитъ можетъ искать заработной платы и не

дослужившим до срока (по разсчету времени); онъ можетъ искать въ „закличъ“ (безъ документовъ и другихъ формальныхъ доказательствъ); но онъ можетъ искать только за одинъ послѣдній годъ службы, хотя-бы и 10 лѣтъ (раньше) служилъ и не получалъ платы (Пск. суд. гр. ст. 39, 40). Напротивъ въ Московскомъ государствѣ личный наемъ, подобно какъ и въ Рус. Пр., ведетъ къ холопству, за исключеніемъ нѣкоторыхъ видовъ службы, обозначенныхъ въ законѣ (Суд. 1-й ст. 66 и Суд. цар. 76; см. о холопствѣ). По Улож. свободное личное услуженіе безъ договора дозволено было только въ теченіи 3-хъ мѣсяцевъ (XX, 16). При договорѣ личный наемъ не имѣетъ этихъ послѣдствій; такіе договоры вошли во всеобщую практику въ XVII в. и въ нѣкоторыхъ случаяхъ именно предписаны закономъ (относительно лицъ, которыя не имѣютъ права владѣть холопами и относительно родителей, отдающихъ дѣтей въ услуженіе). Отъ конца XVII в. сохранились договоры личнаго найма долгосрочные (на 3 года) съ условіями дѣлать все, что „хозяева ни заставятъ“, кражи не чинить, воровъ не подводить, зернью и карты не играть, табаку не тянуть; хозяева выговариваютъ право смирять напитаго всякимъ смиреньемъ. Кромѣ урочной платы, въ концѣ службы выговаривается „надѣлокъ“ въ видѣ движимой вещи (Ак. отн. до юр. б. II, № 162; сл. Ул. XI, 32, XX, 104—105); по Улож. акты договора найма въ услуженіе именуются „житейскими записями“; онѣ не могли быть заключаемы на срокъ болѣе 5 лѣтъ (XX, 116); запись укрѣплялась въ холопьемъ прик. и имѣетъ многія черты временнаго кабальнаго холопства (XX, 43—46).

Что касается до найма на извѣстное дѣло, то законъ не давалъ никакихъ опредѣленій по этому вопросу до Псков. суд. грам.; но практика временъ Рус. Пр. указываетъ, что въ обычномъ правѣ того времени были уже нѣкоторыя точныя опредѣленія на этотъ счетъ; а именно: если заказчикъ, условившись о работѣ, затѣмъ уже не нуждался въ ней, то онъ тѣмъ не менѣе долженъ былъ удовлетворить напитаго по договору (Патер. печ., см. „Памятники“, изд. Яковлевымъ, стр. CLXX); если плата дана третьему лицу для передачи напитому, и не достигла этого послѣдняго, то работникъ сохраняетъ право требованія къ заказчику (ibid. стр. CLXXVIII).

Псков. суд. грамота распространяетъ на этотъ видъ найма приведенныя выше постановленія о дворовомъ наймитѣ, съ тѣмъ различіемъ, что нанявшійся на извѣстное дѣло можетъ искать платы только послѣ полнаго окончанія этого дѣла (ст. 41).

6. Наемъ имущества.

Наемъ движимаго имущества, по Рус. Пр., не вызывалъ никакихъ законодательныхъ опредѣленій. Но изъ условій найма недвижимыхъ вещей

возникали сложныя отношенія закупничества ролейнаго (см. выше), или крестьянской аренды участка земли, съ чѣмъ обыкновенно соединялась отдача въ пользованіе крестьянину разныхъ движимыхъ вещей (коня, плуга, бороны). Благодаря послѣднему обстоятельству, ролейное закупничество соединялось съ наймомъ въ личное услуженіе (Рус. Пр Кар. 71—73) и вело къ временному ограниченію личной свободы.—Совершенно иначе поставлено изорничество въ Псков. суди. грамотѣ (ст. 42—44, 51. 63, 76, 93); изорничество состоитъ изъ главнаго условія о наймѣ земли или воды (для рыболовства) и добавочнаго условія о покрутѣ, которое и здѣсь осложняло договоръ найма имущества личными отношеніями. Сложный составъ условій крестьянской аренды въ Московскомъ государствѣ изложенъ нами въ своемъ мѣстѣ.

Личный характеръ получаетъ и договоръ о наймѣ помѣщенія (квартиры); берущій помѣщеніе въ наемъ технически называется „подсѣдникомъ“; а отдающій помѣщеніе въ отношеніи къ нему „государемъ“ (Пск. судн. гр. ст. 103); личная зависимость перваго отъ послѣдняго изъясняется тѣмъ, что въ древности всякій живущій въ чужомъ домѣ, становился подчиненнымъ членомъ семьи, „захребетникомъ“ (человѣкомъ alieni juris); фактически это изъясняется тѣмъ, что плата за помѣщеніе обыкновенно замѣнялась работою на общую семью.

Въ Московскомъ государствѣ наемъ земли (взятіе въ оброчное содержаніе) имѣетъ уже простой видъ арендаго контракта (Ак., отн. до юр. б. II, № 163; сл. Ул. X, 247—250). Когда тяглыя имущества нельзя было продавать бѣломѣстцамъ, то установилась отдача ихъ въ наемъ въ вѣчное пользованіе (см. Ак., отн. до юр. быта, II, № 164), что собственно сливается съ договоромъ купли-продажи чрезъ посильную грамоту.

Исторія русскаго процесса.

Литература М. Т. Касновскій: «Разсужденіе о судебныхъ поединкахъ» (Труды Общ. ист. и др. Т. 1), 1811.

П. Васильевъ: »Судъ жребіи» (Вѣстникъ Европы 1826 г., № 6, ч. 146).

М. Евгеній: «О разныхъ родахъ присягъ у славянорусовъ» (Тр. и Зап. Общ. ист. и др. Р. III).

И. Ѳ. Калайдовичъ: «Разсужденіе о поединкахъ въ Россіи вообще и въ особенности о судебныхъ» (Русскія Истор. Сборн. I).

А. Куницынъ: «Историческое изображеніе древняго судопроизводства въ Россіи». Спб. 1843 г.

Палюмбецкій: «О системѣ судебныхъ доказательствъ древняго германскаго права, сравнительно съ Русскою Правдою и позднѣйшими русскими законами». Кіевъ 1844 г.

Линовскій: «Опытъ историческихъ розысканій о слѣдственномъ уголовномъ судопроизводствѣ въ Россіи». Одесса. 1849.

К. Д. Кавелинъ. «Основныя начала русскаго судоустройства и гражданскаго судопроизводства отъ Уложенія до Учрежд. о губерніяхъ». М. 1844.

К. А. Неволинъ: «О пространствѣ церковнаго суда« (П. С. Соч. т. VI).

А. И. Поповъ: «Объ устройствѣ уголовныхъ судовъ въ Московскомъ государствѣ» (Журн. Мин. Н. Пр. 1848 г. № 11).

М. М. Михайловъ: «Исторія образованія и развитія системы русскаго гражданскаго судопроизводства до Уложенія 1649 г.« Спб. 1848 г.

Онъ-же: «Русское гражданское судопроизводство отъ Уложенія 1649 г. до изданія Свода законовъ». Спб. 1856 г.

К. Троицкій. «Исторія судебныхъ учрежденій въ Россіи». Спб. 1851 г.

С. П. Пахманъ: «О судебныхъ доказательствахъ по древнему русскому праву, преимущественно гражданскому, въ историческомъ ихъ развитіи». М. 1851 г.

Илья Бѣляевъ: «Поле. Изслѣдованіе о древнихъ судебныхъ поединкахъ» (Москвит. 1855 г. № 13 и 14).

П. Чоглоковъ: «Объ органахъ судебной власти въ Россіи отъ основанія государства до вступленія на престолъ Алексѣя Михайловича» (Юрид. сб. Мешера. Казань 1855 г.).

Ѳ. М. Дмитріевъ: «Исторія судебныхъ инстанцій и гражданскаго апелляціоннаго судопроизводства отъ судебника до учрежденія о губерніяхъ». М. 1859 г.

В. Г. Демченко: «Историческое изслѣдованіе о показаніяхъ свидѣтелей по русскому праву до Петра В.». Кіевъ, 1859 г.

Арсеньевъ: «Судъ по формѣ. Историческое изложеніе причинъ породившихъ судъ по формѣ» (Наше Время 1860 г. № 49).

И. Д. Бѣляевъ: «О судѣ намѣстничьемъ на Руси въ старину» (Юридич. Журн 1861 г., № 7, 8 и 9).

Онъ-же: «О вызовѣ въ судъ по древнимъ законамъ до Уложенія 1649 г.» (Журн. Мин Юст. 1860 г. № 2)

В. Метиславскій: «О поклепной вирѣ, или понятіе объ обвинительномъ процессѣ по Русской Правдѣ» (Юридич Журн. 1861 г. № 5).

Грицько: «Участіе общины въ судѣ по Русской Правдѣ» (Архивъ Н. В. Калачова. 1860—61 г. кн. 5).

О. Горчаковъ: «Монастырскій приказъ».

И Л. Дювернуа: «Источники права и судъ въ древней Россіи» М. 1869.

И. С.: «О церковномъ судоустройствѣ въ древней Россіи» (Чтенія въ О. Ист и д. Р. Р).

Забѣлинъ: «Большой боярринъ въ своемъ вотчинномъ хозяйствѣ» (Вѣсти. Европы 1871 г. кн. 1 и 2).

В. В. Сокольскій: «Главнѣйшіе моменты въ исторіи повальнаго обыска (Университетскія Кіевскія извѣстія 1871 г. № 5 и сл.).

К Г. Стефановскій: «Разграниченіе гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ исторіи русскаго права» (въ Журн. Мин. Н. Просв. 1873 г. февр. мартъ).

Розенкампфъ: «Очеркъ исторіи военно судныхъ учрежденій до кончины Петра В.» 1878 г

Данге И. «Древне-русское уголовное судопроизводство XIV, XV, XVI и пол. XVII в.» Спб. 1884 г.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

Въ ученіе о процессѣ включается указаніе органовъ судебной власти (судоустройства) и дѣйствій какъ этихъ органовъ, такъ и сторонъ въ процессѣ (судопроизводства).

А. Судебныя власти.

Въ древнюю эпоху органы судебной власти могутъ быть или частные или государственные.

Частная власть возстановлять нарушенное право находится въ рукахъ частнаго лица, главы семьи или рода, господина и землевладѣльца.

Частный способъ возстановленія нарушеннаго права руками потерпѣвшаго или истца, т. е. месть въ точномъ смыслѣ (самоуправство) въ историческую эпоху не существуетъ; она входитъ въ различныя комбинаціи съ родовою, общинною и государственною судебною властію, которыя уяснены при изложеніи уголовнаго права.

Судебная власть главы семьи или рода (указанныя при изложеніи семейнаго права) естественно переходитъ во власть судить „челядь“, т. е. рабовъ и изгоевъ. Существованіе у насъ владѣльческаго суда въ XI—XIV вв. не подлежитъ сомнѣнію: „А холопа и половника не судити твоимъ судьямъ безъ господаря“, говоритъ Догов. новгор. 1307 г. Янъ на Бѣлоозерѣ спрашиваетъ о волхвахъ: чьи они смерды, предъ тѣмъ какъ приступить къ суду надъ ними. „Повѣсть о благочестивомъ рабѣ“ разсказываетъ, что одинъ господинъ приказалъ отсѣчь голову своему виновному отроку (сл. Уст. Двин. грам. ст. 11). Жалованныя грамоты частнымъ владѣльцамъ имѣній даются съ *вирами* и *продажами* (см. грамоту Мстислава и Всеволода Юрьевскому монастырю 1130 г.). Приведенные факты указываютъ на *частное происхожденіе* владѣльческаго суда, такъ какъ населеніе частныхъ селъ первоначально состояло изъ холоповъ и изгоевъ. Пожалованіе права суда государственною властію не опровергаетъ этого, ибо жалованными грамотами передаются села съ такимъ-же несвободнымъ населеніемъ. *Компетенція* этого суда не имѣетъ еще никакихъ ограниченій. Что касается до права *вотчиннаго* суда въ собств. смыслѣ, то есть суда надъ свободнымъ населеніемъ частныхъ имѣній, то оно не можетъ быть столь же естественно выводимо изъ власти домовладыки. Источники перваго періода молчатъ о такомъ судѣ. Думаемъ, что онъ могъ образоваться только путемъ пожалованія со стороны государства, которое впослѣдствіи было менѣе щедро въ Москвѣ, чѣмъ въ Литвѣ, гдѣ право суда надъ крестьянами обратилось изъ привилегіи въ общій законъ.

Естественнымъ образомъ возникаетъ *судебная власть общины*, какъ обязанность сосѣдей помогать обиженному (призывъ о помощи къ сосѣдямъ—крикъ есть терминъ, которымъ обозначается у нѣкоторыхъ народовъ исковое прошеніе—„Klage“). Въ эпоху Русск. Правды община обсуждаетъ уголовные иски (Кар. 4 и 5); представители ея „добрые люди“ рѣшаютъ иски, возникающіе изъ договоровъ (Ак. 14). Они-же и выборные чиновники общины (сотскіе и старосты) участвуютъ въ княжескомъ судѣ (Догов. съ Нѣмцами 1229 г., 29, 33). Стремленіе рѣшать споры между общинами судебнымъ процессомъ, а не войною, вызываетъ необходимость государственныхъ органовъ судебной власти.

Государственные (земскіе) органы суть. 1) *князь*. Его судебная власть простирается на всю землю и осуществляется имъ или лично—чрезъ *проѣзжій судъ* (Догов. Новгор. съ Казимиромъ ст. 11), или чрезъ постоянныхъ чиновниковъ (посадниковъ и тіуновъ), дѣйствующихъ постоянно отъ имени князя. Мѣсто суда „княжъ дворъ"—не резиденція только князя, но и тѣ дворы, гдѣ сидѣли въ провинціяхъ княжіе чиновники (Р. Пр., Кар. 37). 2) *Бояре* или судятъ отдѣльно, замѣняя княжій судъ, или постоянно вмѣстѣ съ княземъ (см. выше стр. 48). 3) *Вѣче* обсуждаетъ нарушенія права цѣлой земли (т. е. дѣла о земской измѣнѣ и другихъ государственныхъ преступленіяхъ), но первоначально и всякіе иски (см. выше стр. 55). Иноземнымъ писателямъ казалось, что самое вѣче есть не что иное, какъ сборище народа для суда и казни надъ преступниками. Извѣстный Мѣховскій (въ сочин. De duabus Sarmatiis Asiana et Europiana et de contentis in eis, 1517 г.) такъ описываетъ новгородское вѣче: „Въ Новгородѣ начала было распространяться вредная наклонность къ грабежамъ и разбоямъ. Чтобы искоренить это зло, новгородцы ввели у себя слѣд. обычай: захваченный на дѣлѣ, или обвиняемый въ воровствѣ, либо разбоѣ, представлялся въ преторію („вѣче"), въ которой засѣдало сто сенаторовъ, въ званіи судей, съ длинными, по обычаю страны, бородами. Потомъ ударяли въ вѣчевой колоколъ; по первому его звуку всѣ граждане, а также и сыновья ихъ, стекались въ преторію, имѣя въ каждой рукѣ по камню. Когда вина приведеннаго въ судъ была признана сенаторами и приговоръ произнесенъ, тогда присутствовавшіе граждане бросали принесенные ими камни въ преступника и такимъ образомъ умерщвляли его тутъ-же въ судилищѣ, послѣ чего гурьбою отправлялись въ домъ убитаго и расхищали все его имущество; домъ-же виновнаго продавался впослѣдствіи съ публичнаго торга и деньги, вырученныя отъ продажи, поступали въ казну" (см. „Библіографич. отрывки" въ Отеч. Зап. 1854 г. Декабрь, стр. 145).

Княжескіе и вѣчевые органы суда дѣйствовали первоначально вмѣстѣ; инстанціоннаго порядка нѣтъ. Но въ Новгородѣ и Псковѣ (въ XIV и XV в.) отношеніе *вѣчевыхъ и княжескихъ органовъ суда опредѣляется закономъ точнѣе*. Здѣсь, съ отдѣленіемъ законодательной власти отъ судебной, между различными органами суда установляется закономъ прочное соотношеніе. Существуютъ двѣ формы такихъ соотношеній: одна въ Новгородскомъ судоустройствѣ, другая во Псковскомъ.

Новгородское судоустройство основано на раздѣленіи *подсудности* между княжескими и общинно-вѣчевыми органами суда. *Княжескіе органы*, т. е. самъ князь, его намѣстникъ и тіунъ рѣшаютъ преимущественно уголовные иски. *Общинно-вѣчевые* органы суда суть слѣд.: судъ *посадника* (Новгор. судн. грам. ст. 2) вѣдаетъ преимущественно тяжебныя дѣла о поземельной собственности (ibid. ст. 28). Судъ *тысяцкаго* (Новгор. судн. грам. ст. 4

и Договор. Новгор. съ Казим ст 6) вѣдаетъ преимущественно иски, возникающіе изъ договоровъ, особенно между лицами торговыми. „дѣла торговая, гостиная и судъ горговый“ (уст. гр. кн. Всеволода церкви на Опокахъ). Хотя личное возстановленіе права (самоуправство) воспрещено (Новгор. суди. грам. ст. 6, 7, 10 и 12), но личному элементу дано здѣсь участіе въ государственныхъ органахъ суда: „на судъ поимати двѣма истцомъ по два боярина и по два мужа житейска отъ каждыя страны тяжущейся“ (Никонов. Лѣт. подъ 1384 г. и Новгор. суди. грам. 25).

Эти различные трибуналы поставлены въ *инстанціонныя отношенія* двоякаго рода. *пересудъ и докладъ*. *Пересудъ* или новое разсмотрѣніе дѣла въ высшей инстанціи принадлежитъ органамъ княжескаго суда (Новгор суди. грам. 2 и 3). *Докладъ*, или перенось дѣла самимъ судьею, по неясности закона или факта, дѣлается коллегіи, состоящей изъ представителей общинъ (концовъ города), судей, назначенныхъ сторонами, и княжескихъ чиновниковъ (Новгор. суди. грам. 26).

Псковское судоустройство основано на двойственной организаціи всякаго суда, т. е. всякій трибуналъ состоитъ изъ княжескихъ и общинно-вѣчевыхъ органовъ, а именно: *центральное судилище*—„госпóда“ состоитъ изъ князя, посадника и сотскихъ—представителей общинъ. Хотя и указывается на отдѣльный судъ княжій (Псковск. суди. грам. 1) и посадничій (ст. 3 и 6), но въ дѣйствительности, они судятъ всегда вмѣстѣ (ст. 4; см также правую грамоту Свѣтогорскому монастырю въ Ак. Юр. № 2, по которой судъ происходилъ „предъ господиномъ Псковскимъ, т. е. княземъ, предъ посадниками степенными двумя и предъ соцкими“, о соцкихъ, какъ судьяхъ, см. Псков. суди. грам. 12, 20). Такой же двойственный составъ имѣютъ и служебные органы суда, а именно нераздѣльно дѣйствуютъ: княжій человѣкъ и соцкій (Псков. суди. гр. ст. 18); дьяки княжій и городской (ib. ст 79); подверники отъ князя человѣкъ и ото Пскова человѣкъ (ib. ст. 59)—для наблюденія за порядкомъ въ судѣ, дворяне и подвойские (ст. 81)—для вызова въ судъ. *Провинціальное судоустройство* имѣетъ такой же двойственный характеръ; въ пригородахъ управляютъ и судятъ посадники (Псков. суди. грам. ст. 77) и княжеские намѣстники (послѣдніе съ 1469 г. во всѣхъ пригородахъ Пскова; см. ibid. ст. 5).

II. Судопроизводство.

Общая форма процесса уже съ древнѣйшихъ временъ заключала въ себѣ три стадіи: 1) установленіе сторонъ, 2) производство суда и 3) исполненіе рѣшенія. Но рядомъ съ общею существовали и другія—особенныя формы, въ которыхъ недоставало той или другой изъ указанныхъ частей процесса.

1. *Стороны.*

Обѣ стороны именовались „истцами“ (Р. Пр. Кар. 17; Иск. суд. гр. 62; Новг. суд. гр. 13, 11 и др.), или „супернпками“ „егда бо грядеши съ супьромъ своимъ на пути...“, говорится въ Панд. Антіоха XI в.), или „сутяжниками“ (Иск. суд. гр. ст. 58). Такое одинаковое наименованіе сторонъ указываетъ на отсутствіе процессуальныхъ преимуществъ и для истца, и для отвѣтчика, съ нѣкоторыми, впрочемъ исключеніями для исковъ уголовныхъ (см. Р. Пр Кар. 99). Въ Патерикѣ печер. разсказывается что „Арефа (печер. монахъ, будучи обокраденъ) отъ многія скорби, еже о златѣ, хотя самъ ся погубити и тяжу велику вздвиже на неповинныя, много мучивъ безъ правды“ (Памятн., изд. Яковлевымъ, стр. CXVIII).

Понятіе *о государствѣ какъ истцѣ* (въ дѣлахъ уголовныхъ) еще не существуетъ, слѣдовательно—нѣтъ различія между уголовнымъ и гражданскимъ, слѣдственнымъ и обвинительнымъ процессомъ. Но уже со временъ довольно раннихъ государство помогаетъ частному истцу въ преслѣдованіи обвиняемаго (Р. Пр. Ак. 41, Кар. 125, Новг. суди. гр. 36; Псков. судн. гр. 65, 98 и др.), возлагаетъ преслѣдованіе преступленій на общины (Рус. Пр. Кар. 80) и наконецъ активно участвуетъ въ интересахъ сторонъ, воспрещая потерпѣвшему лицу освобождать преступника отъ наказанія по мировой (Уст. Двин. гр. 6). Есть извѣстія, что уже въ XII в. государственная власть преслѣдовала преступленія даже тогда, когда частный истецъ отказывался отъ иска, и что ближайшая причина этого явленія заключалась въ томъ, что органы власти не хотѣли отказаться отъ слѣдующаго имъ уголовнаго штрафа. „Пришли тати къ св. Григорію Чудотворцу (разсказывается въ Патерикѣ печерскомъ); хозяинъ замѣтилъ ихъ и поймалъ“. „Блаженный же давъ имъ ясти, и отпусти ихъ. И се увѣдавъ градскій властелинъ и повелѣ *мучити* татіе тіи. Стуже си Григорій, яко его ради предани суть, и шедъ дасть книгы (единственное имущество, которое у него было) властелину, татіе же отпусти“ (Памятн., изд. Яковлевымъ, стр. CXXXVII). Но думать, что денежный интересъ былъ единственный, который руководилъ тогда государственною властію въ его уголовно-полицейской дѣятельности, было бы ошибочно (см. выше стр. 277—278).

Сторонами, по общему порядку, во всѣхъ дѣлахъ являются *частныя лица*. Но подъ частными лицами въ древнѣйшее время разумѣются не лица физическія; тогда истцами и отвѣтчиками выступали семья, родъ и община: „на борьбу эту родственники обѣихъ тяжущихся сторонъ приходятъ вооруженными и становятся; тогда соперники вступаютъ въ бой...“ (Ибнъ-Даста).

Въ частности по искамъ, возникающимъ изъ такихъ преступленій, какъ убійство или увѣчье, искалъ весь родъ или вся семья. Впослѣдствіи

явилось ограниченіе этого и было постановлено, кто именно можетъ мстить за отца, сына и брата.

Съ др. стороны отвѣтчиками по преступленіямъ являются опять семья, родъ и община. Семья отдается на потокъ и на разграбленіе за преступленіе главы ея (Кар. 5). Изъ послѣдующихъ законодательныхъ отмѣнъ видно, что первоначально и по преступленіямъ татьбы отвѣчала жена и дѣти преступника (Судебн. Казим ст. 1 и 4). Извѣстенъ обычай дикихъ народовъ обращать месть къ родственникамъ убійцы, если послѣдній скрылся.

По русскому праву первоначальная обязанность общины отвѣчать по искамъ объ убійствѣ не подлежитъ сомнѣнію; изъ нея выродилась позднѣйшая круговаи порука (при которой община является уже не столько отвѣтчикомъ, сколько судьей по преступленіямъ).

Поэтому почти при каждомъ искѣ къ суду являлись съ той и другой стороны цѣлыя толпы родственниковъ и сосѣдей, при чемъ роль главныхъ дѣятелей совершенно скрывалась за дѣйствіями массъ *пособниковъ*. Это удержалось до изд. судныхъ грамотъ; Псков. грамота запрещаетъ ходить на судъ „помочью“, приказывая лѣзть въ судебницу только двумъ сутяжникамъ. Изъ ея словъ можно заключить, что еще въ то время пособники силою лѣзли въ судебню, били подверниковъ. По Новг. судн. грам. стороны приводили съ собою толпы пріятелей (совершали „наводку“) и тѣмъ парализовали дѣйствіе правосудія (Новг. судн. гр. 6, 13). Въ позднѣйшемъ, литовско-русскомъ періодѣ, чѣмъ богаче былъ истецъ или отвѣтчикъ, тѣмъ съ большею свитою являлся онъ на судъ, наводя ужасъ на судей и противника.

Кромѣ семьи, рода и общины, истцами и отвѣтчиками являлись *юридическія лица* въ собств. смыслѣ, обыкновенно въ полномъ составѣ своихъ членовъ—физическихъ лицъ. Это опять открывается изъ запрещенія, постановленнаго Псков. судн. грамотою, чтобы за церковную землю въ судъ помочью сосѣди не ходили, чтобы искалъ и отвѣчалъ одинъ представитель юридич. лица—староста (П. с. гр. 70). Съ постепеннымъ выясненіемъ понятія лица въ частномъ правѣ, опредѣляется и дѣятельность *физическаго лица*, какъ стороны въ процессѣ. Впрочемъ никакихъ условій процессуальной правоспособности физич. лица памятники той эпохи не даютъ. Изъ нихъ можно извлечь только, что эта правоспособность имѣла безграничные предѣлы: могли искать не только *женщины*, какъ замужнія такъ и вдовы (Новг. суд. гр. 16, 17), и *дѣти* (Пск. судн. грам. ст. 21), но даже и *рабы*, какъ можно заключать изъ Новг. судн. гр. (ст. 22).

Обычай и законъ долженъ былъ опредѣлить, всякое ли лицо должно непремѣнно лично являться на судъ, или могло выслать за себя *представителя* („отвѣтчика“, „пособника“)? Думать надобно, что первоначально личное присутствіе сторонъ въ судѣ было общимъ правиломъ, такъ какъ

процессъ долженъ совершаться личными средствами (напр. испыт. огнемъ и водою, клятвою и полемъ) съ помощію семьи и рода. Поэтому Рус. Пр. молчитъ о представительствѣ вовсе. Въ эпоху же Новг. и Пск. судн. грамотъ судебное представительство получило широкое развитіе. Кто могъ имѣть представителей? По Новгор. судн. гр. повѣренныхъ, которые въ нем называются *отвѣтчиками*, могъ имѣть всякій (ст. 15, 19, 32). Напротивъ по Пск. с- гр. право это принадлежитъ только женщинѣ, дитяти, монахамъ и монахинямъ, дряхлымъ старикамъ, глухимъ. Кто могъ быть представителемъ? Прежде всего люди, связанные съ истцомъ или отвѣтчикомъ семейными узами (это остатокъ древняго пособничества); такіе *естественные* представители суть сынъ за мать, мужъ за жену. Новг. судн. гр., говоря объ этомъ, предоставляетъ право выслать за себя сына вдовамъ старѣйшимъ или по крайней мѣрѣ житымъ, т. е. двухъ высшихъ классовъ общества. Но отсюда не слѣдуетъ, что вдовы прочихъ сословій лишены были права высылать за себя дѣтей. Относятся ли къ числу естественныхъ представителей слуги (холопы) и вообще домочадцы истца и отвѣтчика— на это памятники не указываютъ прямо; но порядки послѣдующихъ временъ дѣлаютъ такое предположеніе совершенно вѣроятнымъ.—Кромѣ естественныхъ представителей, можно было выслать всякое стороннее лицо, какъ отвѣтчика, съ слѣд. однимъ исключеніемъ: лица, облеченныя общественною (административною) властію, не могутъ быть частными повѣренными (Пск. с. гр. 68, 69). Это очевидно въ тѣхъ видахъ, чтобы предотвратить невольное давленіе на совѣсть судьи.

Однако несомнѣнно, что право того времени еще неохотно допускало развитіе ремесла повѣренныхъ *наемныхъ*; это видно изъ того, что Пск. судн. грам. воспретила одному и тому же повѣренному вести два дѣла въ одинъ и тотъ же день (ст. 71). Очевидно, что процессъ еще не далеко ушелъ отъ той формы, когда обѣ стороны должны были вести его лично; и теперь много еще оставалось такихъ процессуальныхъ дѣйствій, которыя не могли быть поручены наемнику; такъ, допустивъ наймитовъ къ судеб. поединкамъ, законъ не допускалъ, чтобы можно было нанять за себя цѣловать крестъ (П. с. гр. 36). Естественные представители—не наемники могли, по всей вѣроятности, исполнять всѣ процессуальныя дѣйствія (Нов. с. гр. 19, сл. ст. 16). Это уясняетъ намъ *роль повѣренныхъ на судѣ;* кромѣ уже указанныхъ ограниченій, въ другихъ отношеніяхъ повѣренный замѣняетъ довѣрителя вполнѣ. Такъ срокъ явки къ суду, принятый повѣреннымъ, обязателенъ для довѣрителя, если повѣренный умеръ до наступленія этого срока (Новгор. судн. гр. 32).

Установленіе отношеній сторонъ до суда. Процессуальныя отношенія сторонъ установляются по общему правилу *договоромъ* между ними. Содержаніе этого договора существенно составляли слѣд. вопросы: предметъ

спора, судья, къ которому слѣдуетъ идти за рѣшеніемъ, и срокъ явки къ суду. Впрочемъ второй изъ этихъ трехъ предметовъ входилъ въ договоръ лишь въ древнѣйшее время; на это въ эпоху Р. Пр. есть прямыя указанія: „Русскій не долженъ звать латинянина на судъ другаго князя, кромѣ князя смоленскаго; развѣ если самъ захочетъ, то пусть идетъ“ (Дог. 1229 г. 28); въ позднѣйшее время на это есть лишь намеки, именно въ слѣдующемъ постановленіи Новг. судн. гр.: если стороны взяли срокъ явки къ какому-либо судьѣ, и этотъ судья перемѣнится, то это не освобождаетъ ихъ отъ обязанности явиться въ срокъ къ новому судьѣ (Новг. с. гр. 30).

Въ позднѣйшее время существеннымъ условіемъ договора становится *срокъ*. Важное значеніе этого условія опредѣляется тѣмъ, что сторона, не выполнившая его, т. е. не явившаяся въ условленный срокъ, тѣмъ самымъ теряла искъ; противная сторона получала безсудную грамоту (т. е. приговоръ, состоявшійся безъ суда). Между тѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда условленный срокъ отмѣняется судомъ и переносится на другое время, эти строгія послѣдствія изчезаютъ; къ неявившемуся посылается троекратный вызовъ, послѣ котораго взыскивается штрафъ за неявку, но теряется-ли вмѣстѣ съ тѣмъ искъ, остается еще сомнительнымъ (Новг. с. гр. 31, 39). Форма совершенія этого договора въ первобытныя времена весьма различалась отъ той, которая установилась въ концѣ эпохи. Прежде онъ заключался личными средствами сторонъ, имѣя все сходство съ условіями о пари, или битья объ закладъ. Спорящія стороны, въ присутствіи постороннихъ, бьются объ закладъ, при чемъ дѣйствительно имѣетъ мѣсто и закладъ (т. е. извѣстная вещь—м. б. вещь, о которой именно идетъ споръ, или извѣстное количество денегъ отдается на руки стороннимъ третьимъ лицамъ). Моментъ заключенія сдѣлки опредѣляется или рукобитьемъ („да по руцѣ ему ударити съ истцомъ своимъ“—Новг. судн. гр. 24), или бросаніемъ шапокъ вверхъ, что̀ называлось *выдачкою* (всѣ эти формы мы возстановляемъ изъ позднѣйшихъ памятниковъ западно-русскаго права, въ которомъ сохранились вообще древнѣйшія черты русскаго права).

Въ болѣе позднюю эпоху договоръ совершался при участіи судебной власти, въ которой истецъ обращался за содѣйствіемъ уже по общему правилу. Судебная власть даетъ *дѣтскаго* (Дог. 1229 г. ст. 21), который въ послѣдующихъ памятникахъ называется *приставомъ*. Тѣ изъ приставовъ, которые исправляютъ свои обязанности внутри города, называются *подвойскими* Дѣятельность этихъ лицъ не есть, впрочемъ, государственно-служебная; истецъ долженъ нанять ихъ (ibid.). Для облегченія сторонъ введена постоянная такса за хожденіе и ѣздъ приставовъ: во Псковѣ на 10 верстъ—деньга; въ Новгородѣ эта плата называется *поконь* и была различна, смотря по тому, отъ какого суда шелъ приставъ: если отъ суда *владыки*, то на 100 верстъ 4 гривны, отъ князя—по 5 кунъ, отъ его тіуна по 2 куны (Собр. г. гр. и дог. I, № 1). Если приставы, находящіеся при судѣ, не

соглашаются ѣхать по таксѣ, то истецъ въ правѣ нанять за ту-же плату кого угодно. Приставъ и истецъ получаютъ отъ суда *позывницу* (вызывную грамоту) и обыкновенно самъ истецъ вмѣстѣ съ приставомъ отправляется на мѣсто вызова (Новг. с. гр. 40). По средне-вѣковымъ законамъ и обычаямъ, вызовъ объявленный не въ установленномъ мѣстѣ (домициліи отвѣтчика) и не въ свое время, теряетъ значеніе вызова; практика того времени указываетъ, что отвѣтчики, не успѣвшіе скрыться изъ мѣстожительства, силою выгоняли позовниковъ, или овладѣвали ими, лишая ихъ свободы, а захвативъ истца, тѣмъ самымъ избавлялись отъ необходимости вести процессъ (Новг. с. гр. 40). Это заставило псковское законодательство отмѣнить строгія требованія о вызовѣ въ домициліи: позволялось прочесть позовницу на погостѣ предъ попомъ (и, вѣроятно, собравшимся народомъ), хотя вызываемый при этомъ не присутствовалъ (Пск. с. гр. 25). При такомъ способѣ вызова (т. е. при участіи и по уполномоченію судебной власти) срокъ въ дѣйствительности опредѣляется уже не вполнѣ договоромъ сторонъ; при усложненіи судебной дѣятельности въ большихъ государствахъ, нельзя было суду судить тотчасъ и тогда, когда явились стороны. Поэтому срокъ назначается по условію сторонъ и пристава. Отсюда возможны злоупотребленія: приставы наметывали сроки въ провинціяхъ нарочно въ термины невыгодные для мѣстныхъ жителей, которые, поэтому выхлопатывали себѣ общіе сроки явки для цѣлой провинціи.

Такъ установляются процессуальныя отношенія договоромъ сторонъ. Но въ большой массѣ случаевъ договоръ очевидно не можетъ быть заключенъ между сторонами; таковы почти всѣ обвиненія въ преступленіяхъ, когда отвѣтчику всегда выгодно уклониться отъ суда. Тогда вмѣсто договора истцу позволялось связать отвѣтчика и вести его на княжъ дворъ. Возможныя при этомъ злоупотребленія силы отстранялись законами: если окажется, что человѣкъ связанъ „безъ вины“, то истецъ платитъ большой штрафъ (Р. Пр. Кар. 90, 135; Догов. 1195 г. ст. 4; Дог. 1229 г. ст. 20). Уже въ эпоху Рус. Правды, а тѣмъ болѣе въ эпоху судныхъ грамотъ, *арестъ* могъ быть произведенъ не иначе, какъ по уполномоченію власти. Арестъ всегда могъ быть замѣненъ *порукою*. Развитіе системы поручительства въ древнемъ русскомъ правѣ есть черта, ставящая высоко этотъ процессъ надъ послѣдующимъ, гдѣ развитіе слѣдственныхъ началъ заставило цѣнить свободу человѣка весьма низко.

Особенные виды установленія отношенія сторонъ до суда составляютъ: а) *сводъ*, б) гоненіе *слѣда*.

Сводъ состоитъ въ отысканіи истцомъ надлежащаго отвѣтчика, посредствомъ закличи, свода въ тѣсномъ смыслѣ и присяги. Всякій, у кого пропала вещь, производитъ объявленіе на торгу—*закличь* (Рус. Пр. Кар. 27 и 29). Законъ предполагаетъ, что объявленная заповѣдь должна сдѣ-

латься извѣстною для того города, или того „міра“, гдѣ она сдѣлана, въ продолженіи 3-хъ дней. Если истецъ найдетъ свою вещь по истеченіи 3-хъ дней послѣ закличи, то тотъ, у кого она найдена, признается отвѣтчикомъ, который не только возвращаетъ вещь, но и уплачиваетъ уголовный штрафъ— 3 гривны за обиду. Если-же закличь не была еще сдѣлана, или если собственникъ нашелъ вещь въ рукахъ другаго до истеченія узаконенныхъ 3-хъ дней послѣ закличи, или наконецъ онъ нашелъ ее не въ своемъ градѣ (или „міру“), то начинается сводъ. Человѣкъ, у кого найдена вещь, отнюдь не признается еще отвѣтчикомъ: онъ могъ законнымъ путемъ пріобрѣсти ее отъ третьяго лица, ему извѣстнаго. Вотъ почему законъ, оставляя вещь во владѣніи купившаго ее, обязываетъ его вмѣстѣ съ первоначальнымъ хозяиномъ идти къ тому лицу, у кого первый пріобрѣлъ ее. Если это третье лицо ссылается также на законный способъ пріобрѣтенія вещи, то сводъ продолжается дальше всѣми заинтересованными лицами. Участіе первоначальнаго собственника въ этомъ искѣ подлежитъ, впрочемъ, ограниченіямъ. если сводъ вращается въ одномъ городѣ, то собственникъ идетъ до конца свода, но если цѣпь заинтересованныхъ переходитъ за предѣлы города въ область, подчиненную городу, то истецъ идетъ только до третьяго свода. Это, очевидно, для того, чтобы не затруднять его слишкомъ въ интересахъ добросовѣстныхъ владѣльцевъ. Тогда тотъ, до кого дойдетъ 3-й сводъ въ области, долженъ вручить истцу деньгами цѣну равную вещи, а самъ уже ведетъ сводъ далѣе (Кар. 32). Исключеніе изъ этого составляютъ иски о челядинѣ; истецъ долженъ идти до 3-го свода во всякомъ случаѣ, т. е. даже и тогда, когда сводъ вращается въ одномъ городѣ. Это потому, что при этомъ нѣтъ особенной надобности въ присутствіи хозяина; челядинъ самъ можетъ указывать, какими путями онъ переходилъ отъ одного владѣльца къ другому. Третій пріобрѣтатель челядина долженъ выдать истцу своего раба, а самъ получаетъ украденнаго челядина и ведетъ сводъ дальше (Кар. 34).

Сводъ можетъ окончиться троякимъ образомъ: или послѣдній владѣлецъ не докажетъ, что пріобрѣлъ вещь законнымъ образомъ отъ кого-либо, или, если онъ въ состояніи доказать это, но не знаетъ человѣка, у кого купилъ, или наконецъ сводъ приведетъ къ границамъ государства. Въ первомъ случаѣ послѣдній владѣлецъ признается воромъ и подлежитъ уголовному штрафу и частному взысканію, которое идетъ на удовлетвореніе тѣхъ, кому онъ продалъ краденую вещь (Кар. 30). Во второмъ и третьемъ случаѣ послѣдній владѣлецъ долженъ доказать, что онъ купилъ, а не укралъ вещь. Доказать это можно только присягою двухъ свидѣтелей покупки (Кар. 33). Присяга двухъ свободныхъ мужей можетъ быть замѣнена присягою одного мытника. Послѣдній владѣлецъ лишается своихъ денегъ, заплаченныхъ за вещь; впрочемъ онъ сохраняетъ навсегда за собою право иска, если когда-либо встрѣтитъ лицо, продавшее ему вещь. Тогда опять начинается сводъ

и кончается открытіемъ преступника, который и вознаграждаетъ потерпѣвшаго и уплачиваетъ уголовный штрафъ (Кар. 33, 36). Въ Уст. двин. грам. конецъ свода, кажется, опредѣляется количествомъ сводовъ, именно 10-ю (если ранѣе этого не найденъ настоящій воръ; Уст. двин. гр. 5). По Псков. судн. гр. формы вещныхъ исковъ примѣнены были къ нѣкоторымъ искамъ, возникающимъ изъ обязательствъ, именно къ тѣмъ, которые возникаютъ изъ формальныхъ договоровъ (Пск. судн. гр. 34, 39, 44, 46, 47, 54, 56, 110).

Слѣдъ. Если преступникъ не былъ застигнутъ на мѣстѣ преступленія, то начинается разыскиваніе *слѣдовъ*. Предполагалось, что тамъ, гдѣ лежитъ „лицо“, тамъ скрывается и преступникъ. Отсюда если найдена „голова“— трупъ убитаго, то та вервь, гдѣ лежитъ голова, должна розыскать виновника и выдать; послѣ чего уже обвиняемый не пользуется никакими процессуальными средствами защиты, или сама вервь должна платить дикую виру. Если поличное—украденная вещь найдена въ чьемъ-либо дому, то хозяинъ дома отвѣчаетъ за татьбу; онъ есть предполагаемый воръ.

Затѣмъ понятіе о „лицѣ“ расширяется еще болѣе: лицомъ признается самый *слѣдъ*, оставляемый преступникомъ, или вещію. Разыскивая покражу по „слѣду“, истецъ можетъ всегда потерять эти слѣды; тамъ гдѣ они теряются, тамъ предполагается преступникъ. Это положеніе основано на томъ, что всѣ общины и отдѣльныя поселенія, лежащія на пути слѣда, должны помогать истцу открывать его продолженіе. Если-же какая община не „отсочитъ отъ себя слѣда“, не укажетъ его дальнѣйшаго продолженія, или еще болѣе, отобьется отъ слѣда, т. е. силою отстранитъ истца отъ розысковъ, то законъ предполагаетъ, что здѣсь скрывается воръ (Кар. 88). Если-же слѣдъ потерянъ на большой дорогѣ или въ пустой степи, то всякій искъ оканчивается.

2. *Судъ.*

Судъ есть борьба сторонъ передъ судьею. То, что̀ мы нынѣ называемъ судебными доказательствами, въ то время было средствами сторонъ, судъ лишь регулировалъ и уравнивалъ эти средства. А средства эти, извѣстныя древнему процессу, были слѣд.. послухи, суды божіи и акты.

Послухи и видоки. Въ литературѣ существуетъ двоякое производство названій „послухъ“ и „видокъ“. По первому видокъ есть очевидецъ совершившагося факта, послухъ—человѣкъ свидѣтельствующій по слуху. По второму видокъ и послухъ означаютъ двѣ процессуальныхъ роли, совершенно различныя другъ отъ друга. Видокъ есть простой свидѣтель въ нашемъ смыслѣ слова, а послухъ—пособникъ, на котораго „послался“ истецъ и отвѣтчикъ. Присоединяясь вполнѣ къ этому послѣднему мнѣнію (лучшій представитель котораго—Н. Л. Дювернуа), мы должны только оговориться, что въ памятникахъ церковнаго права появляется уже рано ясное сознаніе

о послушествѣ, какъ свидѣтельствѣ въ нашемъ смыслѣ слова; является уже понятіе *лжесвидѣтельства:* въ правилѣ м. Кирилла (XIII в.) запрещается ставить въ попы того, кто „въ лживѣ послушествѣ былъ будетъ“ (Русск. Дост. I, ст. 114). И въ Рус. Правдѣ уже начинается смѣшеніе видоковъ и послуховъ. и тѣ и другіе одинаково играютъ ту роль, которая приписана *послуху* (доказательство замѣны одного названія другимъ въ одномъ и томъ же случаѣ см. въ Р. Пр. Ак. 2 и 28, Кар. 24).

Число послуховъ. Лучшимъ указаніемъ на различіе послуховъ отъ свидѣтелей въ нашемъ смыслѣ слова есть то, что законъ прямо требуетъ опредѣленнаго числа ихъ въ различныхъ родахъ дѣлъ: для дѣлъ о личныхъ оскорбленіяхъ требуется 2 свидѣтеля или правильнѣе (какъ увидимъ ниже) по два съ каждой стороны (Ак. 9). Вѣроятно столько же требовалось при искахъ о татьбѣ (и всѣхъ равныхъ тому); это можно видѣть изъ того, что при сводѣ послѣдній владѣлецъ вещи обязанъ выставить двухъ послуховъ („*можа*“) въ томъ, что онъ купилъ вещь, а не укралъ ее (Кар. 33). Это число (2) принято было и въ Договорахъ русск. съ нѣмцами (по двое съ каждой стороны: Дог. 1229 г. ст. 13). При искахъ объ убійствѣ обвинитель долженъ выставить 7 послуховъ (Кар. 15). Исключенія изъ этихъ общихъ постановленій приняты были слѣдующія: иностранцы въ первомъ случаѣ могутъ вовсе не выставлять послуховъ (Ак. 9), а во второмъ случаѣ обязаны выставить только двухъ (Кар. 15). Въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было удостовѣрить покупку вещи на торгу у незнакомаго (чтобы отвести отъ себя подозрѣнія въ кражѣ), достаточно было свидѣтельство одного мытника (Кар. 33). Въ искахъ. возникающихъ изъ договоровъ, именно о взысканіи долга, который отрицается должникомъ, требуется свидѣтельство 12 послуховъ (Ак. 14., Догов. 1195 г. ст. 10).

Всѣ эти разнообразныя постановленія упрощаются въ эпоху Псковской и Новгор. грамотъ, когда во всякихъ дѣлахъ, требующихъ послушества, выступаетъ только *одинъ послухъ*, Но нужно имѣть въ виду, что въ эту эпоху образуется уже рѣзко два различныхъ рода свидѣтелей—послухи и простые свидѣтели. Послухомъ долженъ быть всегда одинъ (Новгор. 22, Пск. 27); свидѣтелей же напротивъ можетъ быть нѣсколько въ томъ же самомъ дѣлѣ, въ которомъ именно требуется присутствіе лишь одного послуха (Пск. гр. 27, 55).

Кто обязанъ выставлять послуховъ? Въ эпоху Р. Пр. несомнѣнно каждая сторона могла выставлять послуховъ; это прямо утверждается относительно псковъ о *побояхъ* (Кар. 24). Аналогія историческихъ извѣстій о древнемъ правѣ другихъ славянъ подтверждаетъ, что и при всякихъ другихъ искахъ сторона обвиняемая могла выставлять свидѣтелей противъ свидѣтелей истца. Въ договорахъ съ нѣмцами наконецъ содержится прямое свидѣтельство о томъ для русскаго права (Дог. 1270; см. прим. къ ст. 9. Догов. 1195 г.).

Въ эпоху Иск. и Новг. суд. грам., когда было установлено, что послухъ долженъ быть одинъ, было постановлено вмѣстѣ правиломъ: „послуху на послуха не быть“, т. е. послуха обязанъ выставить только одинъ истецъ. Изъ этого дѣлается только то исключеніе, что если отвѣтчикъ заявитъ, что послухъ истца самъ участвовалъ въ преступленіи (билъ отвѣтчика), то дозволяется и отвѣтчику ссылка на своего послуха; отъ усмотрѣнія суда зависитъ, кого изъ двухъ признать послухомъ: слѣд. для дѣйствія въ процессѣ все—таки остается одинъ послухъ. Напротивъ, свидѣтелей въ собств. смыслѣ могли выставлять обѣ стороны.

Качества, требуемыя отъ послуховъ.—Послухъ долженъ быть *свободный* человѣкъ—„мужъ“; отсюда послушествовать и „мужевать“ было синонимами (Рус. Пр. Кар. 99. ср. 77. Новг. суд. гр. 22). Но изъ этого допускалось прямое исключеніе. а) холопы высшаго рода—именно дворскіе тіуны боярскіе (которые сами вѣдали судъ въ боярскихъ вотчинахъ) и люди полусвободные—закупы могутъ, по требованію необходимости (т. е. за недостаткомъ послуховъ-мужей), быть призваны къ послушеству (Кар. 77). Второе исключеніе состоитъ въ томъ, что холопъ всякаго рода можетъ быть допущенъ къ послушеству въ несобственномъ смыслѣ: т. е. по словамъ холопа можетъ быть начатъ процессъ, но не оконченъ его показаніями; въ самомъ процессѣ холопъ не играетъ роли послуха, не принимаетъ присяги (Кар. 99). Наконецъ, въ Новг. суд. гр. постановляется, что „холопъ на холопа послухъ“ (Новг. с. гр. 22), т. е. въ искахъ противъ холопа послухомъ можетъ быть выставленъ холопъ же.

Второе качество, требуемоеотъ послуха, есть то, что онъ долженъ быть *гражданинъ государства*, а не иноземецъ (Новг. с. гр. 22). Изъ этого начала дѣлается необходимое исключеніе въ искахъ гражданъ съ иноземцами.

Наконецъ изъ понятія о послухѣ, какъ мужѣ, слѣдуетъ, что послухомъ не могла быть женщина. Изъ роли послуховъ на судѣ мы убѣдимся, что это вытекало необходимо изъ духа древняго процесса.

Роль послуха на судѣ. Послухъ а) долженъ стать на судѣ. Неявка его къ суду ведетъ за собою потерю иска для стороны его выставившей (Иск. с. гр. 22); б) долженъ былъ подтвердить словесно все, что говорила сторона, выставившая его. Тождество показаній должно быть буквальное: „слово противу слова“ (Р. П. Кар. 24). Если онъ не договоритъ или переговоритъ, то его послушество теряетъ всякое значеніе (Иск. с.гр. 22). Формализмъ такого требованія изъясняется значеніемъ показанія послуха, какъ высшаго (безусловнаго) доказательства на судѣ, и въ свою очередь указываетъ на то, что послухъ вовсе не есть свидѣтель въ нашемъ смыслѣ слова.

Въ эпоху Р. Пр. если судоговореніе кончилось тѣмъ, что послухи обѣихъ сторонъ показали согласно съ словами тѣхъ, кто ихъ поставилъ, то

послухи должны идти на роту, присягать. Въ эпоху же Новг. и Пск. судн. грам. послухъ долженъ выступать на судебн. поединокъ съ отвѣтчикомъ.

Суды Божіи. Суды Божіи собственно не могутъ быть поставлены въ одинъ разрядъ съ прочими суд. доказательствами; судъ Божій есть судъ совершенно отдѣльный отъ судовъ человѣческихъ. Собственно показаніями послуховъ исчерпываются всѣ обыкновенныя средства суда; отъ сторонъ зависитъ аппеллировать отъ суда человѣческаго къ суду Бога.

Формы суда божія различны; у насъ практиковались слѣд.. жребій, рота, ордаліи и поле.

1. *Жребій.* Древнѣйшій способъ рѣшенія всякихъ сомнительныхъ дѣлъ —жребій уцѣлѣлъ и до сихъ поръ въ практикѣ и признается законодательствомъ, только не въ процессѣ. Внѣпроцессуальное значеніе жребія въ древнѣйшее время было велико и разнообразно.

Что же касается до процессуальнаго значенія, то жребій является или альтернативою роты, или имѣетъ вспомогательное значеніе: имъ рѣшается вопросъ, кому приносить присягу. Первое значеніе жребія подтверждается нѣкоторыми списками Р. Правды, въ которыхъ статья о побояхъ изложена такъ: ... „Оже будетъ Вярягъ или Колобягъ крещенія не имѣя, а будетъ има бои, а видока не будетъ, пти има на роту, а любо на жребій“. Совершенно самостоятельнаго значенія жребій не имѣетъ. Правда, изложенная статья въ нѣкоторыхъ спискахъ читается иначе, именно слѣд. обр.: „аще видока не будетъ, пти имъ (боярину, людину или варягу) на жребій“; но это чтеніе представляетъ явное искаженіе предыдущаго и притомъ сравнительно новое („по ихъ пути платити безчестіе“).—Другое болѣе важное и совершенно несомнѣнное значеніе жребія есть вспомогательное. Оно указывается въ Дог. съ нѣмцами (Дог. 1195 г., ст. 9). Мнѣніе Бѣляева, что здѣсь жребій есть альтернатива свидѣтельскихъ показаній, не можетъ быть принято.

2. *Рота.* Слово рота не вполнѣ соотвѣтствуетъ нынѣшнему понятію присяги (заимствованному изъ Польши); рота по древнимъ толкователямъ означаетъ споръ, битву. Она служила первоначальнымъ источникомъ, изъ котораго развились впослѣдствіи ордаліи и суд. поединки. Мы не можемъ возстановить этого первоначальнаго способа совершенія роты. Въ нашихъ древнѣйшихъ памятникахъ она является въ видѣ клятвы предъ богами, или предъ Богомъ (см. форму ея въ догов. съ Греками при Игорѣ). Въ послѣдующее христ. время она называется крестнымъ цѣлованіемъ.

Въ судебномъ смыслѣ рота имѣетъ двоякое значеніе: самостоятельное и вспомогательное. Рота, имѣющая самостоятельное значеніе, совершается самими тяжущимися, при неимѣніи послуховъ. Когда въ дѣлахъ, возникающихъ изъ преступленія, истецъ или отвѣтчикъ не могъ найти требуемаго количества послуховъ, то дѣло рѣшалось ротою, если цѣна иска была меньше

двухъ гривенъ. Иностранцы, которымъ позволено было не представлять послуховъ по дѣламъ о личныхъ обидахъ, должны были приносить взамѣнъ того присягу. Въ искахъ, возникающихъ изъ договоровъ, которые совершались вовсе безъ свидѣтелей, дѣло рѣшалось ротою; таковы были по Р. Пр.. заемъ между лицами торговаго класса, заемъ съ процентами не свыше 3-хъ гривенъ, поклажа. Въ эпоху Пск. и Новг. суд. гр. присяга признается окончательнымъ способомъ рѣшенія дѣлъ, возникающихъ изъ договоровъ личнаго найма между землевладѣльцемъ и крестьяниномъ (Пск. судн. гр. 41—42, 51), между мастеромъ и ученикомъ (Пск. с. г. 102) и въ искахъ между родственниками-совладѣльцами. Самостоятельное значеніе присяги должно быть признано и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ присяга является альтернативою поля (Пск. судн. грам. 17, 92, 101, 20, 55).

Рота становится вспомогательнымъ средствомъ при свидѣтельскихъ показаніяхъ и при судебн. поединкѣ. Показанія свидѣтелей (послуховъ) въ эпоху Р. Правды всегда оканчиваются ротою (Кар. 33. Дог. 1195 г. ст. 9). При судебн. поединкахъ рота предшествуетъ полю, составляя какъ бы необходимую первую часть этого послѣдняго (Псков. с. г. 36). Причина этого скрывается въ древнѣйшемъ значеніи роты, о которомъ мы говорили; въ послѣдствіи къ этому основанію присоединилось другое: посредствомъ клятвы думали разрушить тѣ чародѣйныя средства, которыя употреблялись тогда предъ поединками для застрахованія себя отъ ранъ, смерти и вообще пораженія. Согласно съ этимъ можно думать, что рота сопровождала или предшествовала также и испытаніямъ водою и желѣзомъ.

Кто приносилъ присягу? По мнѣнію С. П. Пахмана въ Дог. рус. съ греками присяга предоставляется исключительно истцу, а по Р. Пр. и истцу и отвѣтчику. Мы думаемъ, что во всѣхъ случаяхъ присяга принадлежитъ обѣимъ сторонамъ, по самому понятію о ротѣ, какъ борьбѣ сторонъ. Дѣйствительно присягали или обѣ стороны—одна за другою, или право приносить присягу пріобрѣталось одною какою либо стороною по жребію. Первое можно вывести изъ аналогіи съ правомъ прочихъ слав. народовъ, второе изъ несомнѣнныхъ указаній нашихъ памятниковъ (Дог. 1195 г. ст. 9). Хотя во многихъ мѣстахъ Рус. Правды упоминается только о присягѣ одной стороны, или истца, или отвѣтчика, но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что здѣсь-же не подразумѣвается само собою и право присяги для другой стороны. Такъ при искахъ о поклажѣ говорится: „тому ити ротѣ, у кого лежало“ (Кар. 46), т. е. отвѣтчику; наоборотъ въ слѣд. ст. о взысканіи долга не свыше 3-хъ грив.: „ити ему про свои куны ротѣ“ (Кар. 48), т. е. истцу. Пахманъ доказываетъ, что тамъ, гдѣ рота является замѣною ордалій, „истецъ долженъ подтвердить свое показаніе, смотря по цѣнѣ иска или присягою, или другими ордаліями“... (Кар. 17). Но тотъ же ученый при разборѣ другой статьи Рус. Правды, имѣющей одинаковое значеніе, гово-

ритъ, что очистить себя отъ обвиненія долженъ отвѣтчикъ (Кар. 99); въ обоихъ случаяхъ условія были одинаковыя.

Въ эпоху Пск. и Новг. судн. гр. присягали уже не обѣ стороны вмѣстѣ, и не жребіемъ рѣшался выборъ между ними, а слѣд. общимъ правиломъ. отвѣтчику предоставлялось или самому принести присягу, или предоставить присягу истцу (Пск. судн. гр. 92, 101, 20 и др.).

Всегда ли рота имѣла рѣшающее значеніе въ процессѣ? Личная присяга истца или отвѣтчика всегда имѣла рѣшающее значеніе; но присяга свидѣтелей первоначально не всегда имѣла такое значеніе: всегда можно было перейти отъ присяги къ другимъ судамъ божіимъ.

3. *Ордаліи.* Ордаліями въ тѣсномъ смыслѣ называются испытанія истины посредствомъ разрушительныхъ силъ природы, именно посредствомъ огня и воды. У насъ первое извѣстіе о нихъ даетъ простр. Рус. Правда а въ договорахъ съ нѣмцами онѣ упоминаются въ послѣдній разъ. Вообще принято думать, что съ XIII вѣка ордаліи у насъ исчезаютъ; но судебные акты даже XVII в. указываютъ, что еще и въ то время испытаніе водою производилось. *Форма* этихъ испытаній у насъ остается мало извѣстною; извѣстно только, что испытаніе огнемъ производилось чрезъ раскаленное желѣзо (Рус. Пр. Кар. 100; Дог. 1229 г., 14). О формѣ испытаній водою получаемъ свѣдѣніе изъ поученія Серапіона. Серапіонъ, проповѣдникъ XIII вѣка, такъ говоритъ о рѣшеніи тяжбъ водою: „правила божественныя повелѣваютъ многыми послухы осудити на смерть человѣка. Вы же воду послухомъ постависте и глаголите: аще утопати начнеть, неповинна есть, аще ли попловетъ, волхвовь есть. Не можетъ ли дьяволъ, видя ваше маловѣріе, подержати да не погрузится, дабы врещи въ душегубство? Яко оставивше послушьство боготворенаго человѣка, идосте къ бездушну естьству—къ водѣ, пріясте послушьство на прогнѣваньс Божіе“ (Творенія св. отц. годъ I, кн. 5, прибавл. стр. 202). „Предъ испытаніемъ дѣлали заклинанія надъ холодною водою и *освящали* ее; потомъ обвиняемаго бросали въ нее связаннаго; и если онъ погружался на дно, то объявляли невиннымъ; если же всплывалъ на поверхность воды, виновнымъ“ (Москвит. 1855 г. № 13—14 стр. 39—40 въ статьѣ: „Поле“ Ильи Бѣляева). У другихъ народовъ формы были различны: такъ испытанія водою у чеховъ производились слѣд. образ.: истецъ долженъ былъ плыть чрезъ рѣку, а отвѣтчикъ на извѣстномъ разстояніи за нимъ; это повторялось 3 раза; потонувшій терялъ искъ. Но болѣе употребительнымъ является испытаніе горячею водою, чрезъ погруженіе руки въ кипящую воду. По мнѣнію С. П. Пахмана, у насъ было въ обычаѣ только испытаніе холодною водою; такъ думаетъ онъ потому, что у насъ испытаніе водою считалось болѣе легкимъ, чѣмъ испытаніе желѣзомъ.

Испытаніе водою примѣняется въ искахъ менѣе полугривны золота, а испытаніе желѣзомъ въ искахъ болѣе полугривны. Въ какихъ именно

искахъ употреблялись испытанія? Русская Правда указываетъ только на иски объ убійствѣ („писца начнеть *головою* клепати": Кар. 17) и о татьбѣ. Но Русская Правда тутъ же прибавляетъ, что они примѣняются „и въ всѣхъ тяжахъ" поклепныхъ и не имѣютъ лишь примѣненія къ процессу съ поличнымъ; распредѣленіе ордалій по цѣнности исковъ именно указываетъ на иски не объ убійствѣ, въ которыхъ были приняты твердыя цифры виръ. Кромѣ татьбы, сюда относились иски объ истребленіи чужаго имущества, но не иски возникающіе изъ договоровъ (формы совершенія договоровъ опредѣляютъ и способъ рѣшенія споровъ, возникающихъ изъ нихъ, именно послушество; споры же возникающіе изъ такихъ договоровъ, которые позволено было совершать безъ послуховъ, рѣшались присягою).

Какая сторона подлежала испытаніямъ? Думаютъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ подлежалъ испытанію истецъ, въ другихъ отвѣтчикъ; а именно: когда истецъ представилъ какія-либо улики, но недостаточныя для полнаго убѣжденія въ виновности отвѣтчика, то подвергался испытанію отвѣтчикъ (Кар. 100). Если же истецъ не представилъ никакихъ доказательствъ, то испытанію подвергается онъ самъ (таково мнѣніе Пахмана). Мнѣніе, что испытаніямъ подвергались обѣ стороны всякій разъ, высказано еще Дубенскимъ. Рус. Правда (99 и 100 ст. Кар.) различаетъ послѣдствія испытаній, смотря по качеству уликъ, которыя повели къ испытанію: если истецъ ведетъ отвѣтчика къ желѣзу потому, что кто либо изъ свободныхъ людей свидѣтельствуетъ противъ послѣдняго, или потому что видѣли обвиняемаго проходящимъ около мѣста совершенія преступленія, или по другимъ уликамъ („запа нань будетъ"), то онъ (истецъ) не платитъ отвѣтчику за мýку, если отвѣтчикъ выдетъ невредимымъ изъ испытанія. Если же напротивъ истецъ подвергаетъ отвѣтчика испытанію по рѣчамъ холопа, то платитъ оправданному отвѣтчику за муку. Пахманъ находитъ, что „если бы подвергались испытанію и тотъ и другой, то никогда дѣла не могли бы рѣшаться, по свойству самого испытанія желѣзомъ, долженствовавшаго, по обыкновеннымъ законамъ природы, имѣть одни и тѣ-же послѣдствія" (стр. 75—76). Но Рус. Правда предвидитъ однако, что послѣдствія для испытуемаго могутъ быть и благопріятныя („оже не ожжется"). Если бы всякій разъ испытанія имѣли одни и тѣ-же послѣдствія, то употребленіе ихъ было бы совершенною нелѣпостью и не могло бы продержаться и нѣсколькихъ лѣтъ.—Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ смыслъ испытаній и каковы могли быть послѣдствія ихъ? Здѣсь надо имѣть въ виду, что намъ неизвѣстно, когда свидѣтельствовался обжогъ, тотчасъ-ли послѣ испытанія, или спустя нѣкоторое опредѣленное время. По аналогіи древне-польскаго права, слѣдуетъ думать, что дѣло происходило именно въ этомъ послѣднемъ смыслѣ; тогда если испытанія сопровождались долговременными слѣдами (ранами) и страданіями, то человѣкъ признавался виновнымъ. Но не у всякаго могли

оказаться именно эти послѣдствія.—Испытанія имѣли окончательную рѣшающую силу.

4. *Поле* (судебный поединокъ). Всѣ изложенныя выше средства борьбы стоятъ между собою въ тѣсномъ соотношеніи: если есть послухи, то дѣло рѣшается ими; если нѣтъ послуховъ то слѣдуетъ (смотря по цѣнности иска) рота или жребій, испытаніе водою или желѣзомъ. Совершенно внѣ этой лѣстницы стоитъ *поле*. Поле въ нашихъ источникахъ не упоминается до XIII в. (т. е. когда изъ законовъ исчезаютъ ордаліи); но потомъ непрерывно существуетъ до XVII в. Первое упоминаніе о немъ содержится въ Дог. съ нѣмц. 1229 г. (ст. 15 и 16). Здѣсь судебные поединки сопоставлены рядомъ съ ордаліями, но какъ поединки, такъ и ордаліи предоставлены на волю сторонъ. Въ иноземныхъ сказаніяхъ о руссахъ свидѣтельства о поединкахъ восходятъ къ X и XI вѣкамъ; именно арабы—Ибнъ-Даста и Мукаддези говорятъ, что недовольные рѣшеніемъ князя рѣшаютъ споръ своими мечами. Несомнѣнно, что судебные поединки зарождаются въ глубокой древности изъ самихъ свойствъ первоначальнаго процесса (личной борьбы), столь-же древни у насъ, какъ война (международный судъ Божій) и слѣд. отнюдь не заимствованы нами извнѣ. Надобно думать, что судебные поединки, существуя рядомъ съ ордаліями, какъ ихъ замѣна, зависящая отъ произвола сторонъ, къ XIII в. начали вытѣснять собою ордаліи. Доказательство этого мы найдемъ въ томъ, что дѣла, которыя вели къ полю, совершенно тѣ-же самыя, которыя вели къ ордаліямъ.

Существенное *условіе* судебнаго поединка есть равенство сторонъ, которое понималось преимущественно въ смыслѣ физическаго равенства. Отсюда слѣд. положенія: на поединокъ могутъ выходить только мужчина противъ мужчины, женщина противъ женщины, но не мужчина противъ женщины (Пск. судн. гр. 119). Старые, увѣчные, дѣти и монахи не обязаны выходить на поединокъ противъ взрослыхъ и здоровыхъ. Въ обоихъ случаяхъ сторона слабѣйшая можетъ имѣть „наймитовъ“, наемныхъ борцовъ. Но такъ какъ въ такомъ случаѣ равенство положеній нарушалось, то и другая сторона получала право имѣть наймита. Послухъ ни въ какомъ случаѣ не могъ имѣть наймита (Пск. судн. гр. 21). Дальнѣйшее условіе поединка—равенство оружія: у насъ оружіемъ могли быть мечи и дубины („дерево“: Дог. 1229 г. ст. 16). Думать надобно (по соображенію съ послѣдующими порядками), что первое было оружіемъ лицъ высшихъ классовъ, второе—низшихъ. Третье условіе поединка—время и мѣсто его. По Новг. судн. грам. поединокъ можетъ послѣдовать не прежде двухъ недѣль послѣ того, какъ дѣло разсматривалось въ судѣ; если поединокъ въ этотъ срокъ не состоялся, то обвиняется та сторона, которая уклонилась отъ него. Мѣстомъ поединка было нарочно назначенное для того „поле“, осо-

бый театръ битвы за городомъ. При поединкѣ должны были присутствовать чиновники суда.

Въ какихъ дѣлахъ имѣло мѣсто поле? Мы уже сказали, что сфера примѣненія поединка совпадаетъ съ сферою примѣненія ордалій; слѣд. поединки присуждались по искамъ, возникающимъ изъ преступленій (*Пск. суд. гр.* 27). Далѣе поле имѣло *примѣненіе въ тѣхъ искахъ о поземельной собственности*, въ которыхъ право обѣихъ сторонъ утверждается равносильными письменными актами (Пск. судн. гр. 10). Наконецъ поле примѣняется въ искахъ, возникающихъ изъ такихъ договоровъ, которые не требовали формальнаго заключенія сдѣлки (Пск. судн. гр. 92, 101). Во всѣхъ другихъ случаяхъ поле положительно запрещено (Пск. судн. гр. 28).

Кто долженъ выходить на поле? Съ одной стороны отвѣтчикъ, съ другой или послухъ или истецъ. Отвѣтчикъ предъявляетъ вызовъ къ послуху; если послухъ уклонится отъ вызова, то вызывается истецъ (Новг. 35).

Послѣдствія судебныхъ поединковъ тѣ, что побѣдитель во всякомъ случаѣ признается правымъ. На основаніи выраженія Пск. суди. гр.: „на трупу кунъ не имати“ заключали (Энгельманъ), что если поединокъ кончался смертію одного противника, то побѣдитель лишался права на полученіе исковой суммы, потому что съ смертію лица падали и всѣ обязательства, лежавшія на немъ. Но это толкованіе не вѣрно; приведенная фраза Пск. судн. гр. означаетъ слѣд.: прежде побѣдитель овладѣвалъ трупомъ убитаго на полѣ, и требовалъ съ родственниковъ выкупа его; законъ воспрещаетъ это, позволяя побѣдителю взять лишь доспѣхъ съ убитаго (Пск. судн. гр. 37).

Поле возбуждало уже рано противъ себя осуждающую дѣятельность церковной власти: митр. Фотій въ 1410 г. въ грамотѣ къ новгородцамъ приказываетъ: „позванному на поле и потомъ явившемуся къ священнику, не давать св. причащенія и цѣловать крестъ, подобно псу; который же священникъ удостоитъ его божественныхъ таинствъ, то онъ за сіе лишается своего сана. Если кто, вышедъ на поле, убьетъ человѣка и сдѣлается душегубцемъ, по слову Василія В., таковый не входитъ въ церковь 4 года и долженъ быть отлученъ на 18 л. отъ причащенія и вкушенія богородицына хлѣба; убитаго же не предавать землѣ; если же какой священникъ вопреки сему поступитъ, въ такомъ случаѣ лишается священства. Ежели кто вышедъ на поле, сойдетъ не бившись, таковаго должно отлучить на 7 лѣтъ отъ причащенія и всего священнаго“ (Въ Русск. Истор. сборн., т. I).—Вотъ всѣ древнѣйшія средства судебной борьбы. Посредствомъ каждаго изъ нихъ сами стороны рѣшаютъ дѣло.

Акты. Къ концу описываемой эпохи происходитъ переворотъ въ этой системѣ; а именно являются на судѣ письменныя доказательства (акты) въ большей части исковъ, возникающихъ изъ договоровъ, которые прежде рѣшались послухами, и въ тяжбахъ о недвижимомъ имуществѣ. Акты эти или

неформальные—*доски*, или формальные—*записи*. Первые—домашніе акты, вторые укрѣпленные. Укрѣпленіе во Псковѣ происходило чрезъ оставленіе копіи въ ларѣ Св. Троицы. Первые не исключали возможности ни свидѣтельскихъ показаній, ни судовъ божіихъ; вторые рѣшали дѣло безусловно.

3) Приговоръ и его исполненіе.

Процессъ въ древнюю эпоху, какъ начинается, ведется, такъ и оканчивается силами самихъ сторонъ. Рѣшеніе суда въ древнюю эпоху давалось словесное, затѣмъ уже въ концѣ 1-го періода, имѣетъ форму грамоты, или „правой", если судъ состоялся, или „безсудной", если сторона обвинена по неявкѣ. Обвиненный выдается правой сторонѣ для удовлетворенія ея Удовлетвореніе, хотя и постановленное судомъ на основаніи закона, составляетъ, однако, предметъ новыхъ условій между сторонами, „переговоровъ" между ними (Новг. судн. гр. 31). Но если обвиненный не входитъ въ условіе, не удовлетворяетъ оправданнаго, то все государство въ совокупности призывается къ содѣйствію оправданной сторонѣ; Новгор. суди грамота постановляетъ, что если въ теченіи одного мѣсяца обвиненный не удовлетворяетъ судью и противную сторону, то позволяется взять пристава отъ вѣча, и арестовать его въ городѣ или въ селѣ; а если онъ будетъ скрываться отъ приставовъ, то казнить его всѣмъ В. Новгородомъ (ст. 31).

ПЕРІОДЪ МОСКОВСКІЙ.

I. Судебныя власти.

Въ Московскомъ государствѣ органы судебной власти могутъ быть раздѣлены на государственные, сословные и частные.

Государственные органы—*центральные* составляютъ: а) самъ *великій князь и царь*. Въ первую эпоху московскаго періода (до XVI в.) великому князю принадлежитъ судебная власть по преимуществу; всякій судъ можетъ быть произведенъ имъ или непосредственно, или указанъ по докладу отъ судовъ низшихъ. Затѣмъ непосредственная судебная дѣятельность в. князя ограничивается судомъ надъ лицами, получившими привилегію на то, и судомъ надъ высшими служилыми людьми, начиная отъ чина стольника. Въ XVII вѣкѣ уже закономъ было опредѣлено наказаніе за обращеніе къ суду царя помимо низшихъ инстанцій. б) Сначала великій князь всегда судилъ вмѣстѣ съ своими боярами, но уже въ XV вѣкѣ *судебная компетенція боярской думы* становится самостоятельной; судебники отличаютъ судъ великаго князя отъ суда бояръ; дѣла могли переходить отъ этого послѣдняго суда на усмотрѣніе великаго князя и дѣтей его (о судебн. власти боярской думы см. стр. 163). в) *Судебная власть приказовъ*. Всѣ приказы, хотя и чисто административные, обладали и судебной властью, каждый въ сферѣ

своего вѣдомства. Но были и собственно судебные приказы; а именно: для суда надъ служилыми людьми т. н. „Судные приказы" Московскій, Владимірскій, Дмитровскій, Рязанскій и Новгородскій; для суда надъ тяглыми людьми— „Четвертные приказы". Сверхъ того вѣдомство приказовъ Земскаго, Разбойнаго, Холопьяго и Помѣстнаго было преимущественно судебное (см. выше стр. 178—180). *Областная* судебная власть принадлежала провинціальнымъ правителямъ, какъ ихъ главная функція. Такъ *намѣстники* и *волостели* обладали или полною судебною властію, или неполною, чѣмъ и отличались намѣстники съ судомъ боярскимъ отъ намѣстниковъ безъ суда боярскаго: первые могли рѣшать высшія уголовныя дѣла и нѣкоторыя дѣла о холопствѣ окончательно, вторые нѣтъ. Послѣ замѣны намѣстниковъ *губными* и *земскими* учрежденіями (въ XVI в.), уголовно-судебная власть первыхъ постепенно перешла къ губнымъ (сначала по дѣламъ о разбоѣ, а потомъ и по прочимъ преступленіямъ, кромѣ политическихъ); къ земскимъ перешла и гражданская судебная власть (кромѣ дѣлъ вотчинныхъ и помѣстныхъ).

Судебная власть *воеводъ* (въ XVII в.) различается смотря по тому, находятся-ли при нихъ дьяки, или нѣтъ; въ 1-мъ случаѣ они въ гражданскихъ дѣлахъ судятъ иски на всякую сумму (а по Котошихину до 10 т. р.); во 2-мъ—судятъ иски только до 20 р., и не судятъ дѣлъ вотчинныхъ, помѣстныхъ и холопьихъ. Въ уголовныхъ дѣлахъ, только воеводы болѣе или менѣе отдаленныхъ областей могли казнить смертію безъ доклада.

Когда въ XVII в. земскія учрежденія опять разложились почти повсемѣстно на общинныя, то судебная власть первыхъ перешла ко вторымъ съ нѣкоторымъ сокращеніемъ компетенціи, совершенно одинаковой въ *городскихъ* и *волостныхъ* судахъ. О послѣднихъ Котошихинъ пишетъ такъ: „А въ царскихъ черныхъ волостяхъ... учинены судейки, человѣкъ съ 10 (въ каждой волости)—выборные люди, тѣхъ-же волостей крестьяне, и судятся межъ себя по царскимъ грамотамъ и безъ грамотъ, кромѣ уголовныхъ и разбойныхъ дѣлъ" (XI, 1).

Сословные суды. Въ Московскомъ государствѣ, при отсутствіи сословій, характеръ сословнаго суда примѣняется единственно къ *судамъ духовнымъ*. Отъ этого понятія надо отличать суды „церковные", власть которыхъ простиралась по извѣстнымъ родамъ дѣлъ на все населеніе, хотя органы духовнаго и церковнаго суда б. ч. были тѣ-же. Лица, на которыхъ простирается духовно-судебная власть, перечисляются въ древнихъ церковныхъ уставахъ и въ судебникахъ. Сюда относились, кромѣ духовенства, увѣчные, получившіе чудесное исцѣленіе, вдовы, питающіяся отъ церкви Божіей. Центральною судебною властію церкви былъ митрополитъ, а потомъ (съ 1588 г.) патріархъ, окруженный, подобно царю, своими боярами. Впослѣдствіи (XVII в.) организуются учрежденія: „Патріаршій соборъ или Розрядъ", „Тіунская изба" или „Приказъ церковныхъ дѣлъ" (первый можетъ быть

болѣе отнесенъ къ сословнымъ учрежденіямъ, второй къ церковнымъ); но компетенція послѣдняго, кажется, ограничивается предѣлами московской епархіи.

Подобныя-же учрежденія были и въ каждой епархіи при мѣстномъ епископѣ; по постановленію соборовъ (стоглаваго и соб. 1667 г.), при архіереяхъ должны быть два судебныхъ учрежденія (приказа),—одно изъ лицъ духовныхъ, другое—изъ архіерейскихъ бояръ: первое вѣдаетъ церковный судъ, второе—судъ сословно-духовный (т. е. судъ надъ лицами духовными по дѣламъ общимъ). При этомъ главная судебная власть остается въ рукахъ архіереевъ, къ которымъ идетъ докладъ (Стогл. гл. 68). *Мѣстная церковно-духовная судебная власть* распредѣляется по частямъ епархіи—*десятинамъ*, изъ которыхъ въ каждой судъ вѣдалъ *десятильникъ*—лицо свѣтское (должность, образовавшаяся изъ чиновниковъ, посылаемыхъ для сбора десятины); права власти его скопированы съ государственно-намѣстничьяго управленія.— Въ монастыряхъ судебная власть принадлежитъ „черному собору“ и спеціально „судебному старцу“.

Многіе изъ прочихъ классовъ общества подчинялись спеціальной судебной власти; но такъ какъ они не были сословіями, то судебная власть въ нихъ можетъ быть названа *профессіональною*; таковыя были суды головъ стрѣлецкихъ, козачьихъ и мн. др., компетенція которыхъ ограничивалась гражданскими исками и низшими уголовными дѣлами (Ук. кн. зем. прик., ст. III).

Вотчинный судъ. Виды вотчиннаго суда соотвѣтствуютъ разрядамъ владѣльцевъ вотчинъ; а именно: а) *дворцовый* судъ для суда надъ крестьянами дворцовыхъ вотчинъ: центральный органъ его—Большой дворецъ въ Москвѣ; въ селахъ и волостяхъ судили посельскіе и прикащики (Котошихинъ XI, 1). б) Вотчинный судъ монастырей и др. церковныхъ учрежденій вѣдается патріаршимъ дворцомъ въ Москвѣ, мѣстными епископскими дворами въ епархіяхъ и монастырскими судебными властями, а въ селахъ тіунами и прикащиками. в) Судъ свѣтскихъ владѣльцевъ (Котошихинъ XI, 3) въ большихъ вотчинахъ составляетъ также сложное учрежденіе, въ которое входятъ: „приказъ“ при особѣ боярина въ Москвѣ, главные прикащики для цѣлаго ряда вотчинъ одного боярина въ извѣстной мѣстности и „вотчинная съѣзжая изба“, и прикащики въ отдѣльныхъ вотчинахъ. Мѣстные вотчинные судьи получаютъ наказы, во всемъ сходные съ наказами царскимъ воеводамъ; въ нихъ кругъ власти опредѣляется точно. Между этими органами вотчиннаго суда во всѣхъ разрядахъ его существуютъ инстанціонныя отношенія (переносъ дѣлъ по аппелляціи и по докладу).—Предѣлы власти вотчиннаго суда ограничиваются гражданскими исками и рѣшеніемъ низшихъ уголовныхъ дѣлъ, именно, по Котошихину, дворцовый судъ вѣдаетъ кромѣ „уголовныхъ и разбойныхъ, и татинныхъ и пожегныхъ дѣлъ“, вотчинно-церковный судъ—

„кромѣ разбойныхъ и иныхъ великихъ уголовныхъ дѣлъ“, судъ вотчинниковъ свѣтскихъ—„кромѣ разбойныхъ и иныхъ воровскихъ дѣлъ“ (XI, 1—3). Кругъ лицъ, подлежавшихъ вотчинному суду, ограничивается людьми зависящими отъ вотчинника; если иногда прикащики бояръ судятъ и пытаютъ церковныхъ людей (дьячковъ), то это—злоупотребленіе. Въ вотчинахъ были свои тюрьмы и колоды. *Основанія* вотчинно-судебной власти въ Московскомъ государствѣ суть уже не вполнѣ частныя, но частно-государственныя: право суда пріобрѣтается по частнымъ сдѣлкамъ (вмѣстѣ съ пріобрѣтеніемъ вотчинъ), но судъ отправляется въ государственныхъ интересахъ; сначала государство опредѣляетъ въ жалованныхъ грамотахъ предѣлы вотчиннаго суда и самое право суда даетъ только тѣмъ, кому дана грамота; затѣмъ, когда утверждается общая норма этого суда для всѣхъ владѣльцевъ, регулируетъ его, именно участвуетъ въ назначеніи судей: архіерейскіе бояре назначаются съ согласія государя; въ вотчинахъ вводятся губныя и земскія учрежденія (что впрочемъ, при иномъ ходѣ права, могло усилить власть вотчиннаго суда; см. выше стр. 184).

Иногда право частнаго (не вотчиннаго) суда непосредственно исходитъ отъ государства: таковъ напр *судъ откупщиковъ*. Въ одной жалобѣ царю XVII вѣка читаемъ: „Во 133 году откупили мы холопи твои на 134 годъ (1626) въ Нижнемъ Новѣгородѣ у воеводы Ивана Дмитреевича Плещеева да у дьяка Семена Собакина кабацкой и зерновой и картовой и всякой кабацкой судъ (т. е. судъ объ игрѣ въ зернь и въ карты и вообще судъ по дѣламъ, возникающимъ въ кабакахъ)... Но земскій староста Нижняго Новгорода „всякой кабацкой и зерновой и картовой судъ отнялъ и судити намъ холопямъ твоимъ не велѣлъ и Нижегородцовъ и всякихъ пріѣзжихъ людей...“ (челобитная 26-ти нижегород. стрѣльцевъ-откупщиковъ, 1627 г. іюля 9—въ Русск. ист. библ. т. II, № 223).

Участіе населенія въ судѣ. Какъ въ судахъ государственныхъ (провинціальныхъ), такъ и въ сословныхъ и вотчинныхъ, судъ производится при участіи мѣстнаго населенія, именно выборныхъ правителей общинъ—*соцкихъ и старостъ* и *судныхъ мужей* (до XVI в.) или *цѣловальниковъ* (съ XVI в.). Судные мужи это лучшіе или „добрые люди“, представлявшіе населеніе не по выбору, а по положенію своему въ мѣстномъ обществѣ, въ неопредѣленномъ числѣ (Уст. Бѣл. гр. ст. 19; Суд. 1-й, ст. 38). Это остатокъ древняго участія въ судѣ цѣлой общины. Съ пол. XVI в. институтъ судныхъ мужей переходитъ въ учрежденіе цѣловальниковъ, т. е. лицъ, спеціально выбранныхъ для суда и цѣловавшихъ крестъ; число ихъ въ каждой волости и посадѣ не опредѣлено закономъ. Въ вотчинно-церковныхъ судахъ къ составу судныхъ мужей присоединялся мѣстный священникъ (А. А. Э. I, № 258); въ вотчинно-свѣтскихъ судахъ избираются населеніемъ крестьяне „добрые, разумные, правдивые“; на нихъ присылается боярину „выборъ за поповою рукою“.

Въ церковно-сословныхъ судахъ судными мужами были поповскіе старосты и десятскіе священники (Стоглавъ, гл. 68). Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что существованіе судныхъ мужей и цѣловальниковъ не отстранило вполнѣ участія цѣлыхъ общинъ въ дѣлѣ суда: при одномъ случаѣ суда, когда прикащикъ боярина Морозова жестоко пыталъ обвиняемую женщину; то за нее „міромъ вступилися“ и клеветникъ-обвинитель признался „при выборныхъ, при цѣловальникахъ и при всемъ мірѣ“ (Забѣлинъ: „Большой бояринъ“) —Участіе населенія въ судѣ признано необходимымъ—сначала по обычаю, потомъ по закону въ мѣстныхъ грамотахъ (Бѣлоз. уст. гр. ст. 19: „намѣстникомъ и тіуномъ безъ соцковъ и безъ добрыхъ людей не судити судъ“) и Судебникахъ (Суд. 1-й, ст. 38, Суд. ц. 62). Роль судныхъ мужей и цѣловальниковъ опредѣляется слѣд. чертами: они удостовѣряютъ (при докладѣ), что судъ дѣйствительно былъ и именно такой, какъ записано въ судномъ спискѣ (Суд. ц. 62), отстраняютъ взяточничество и пристрастіе на судѣ (Уст. Важск. грам.), опредѣляютъ мѣры пресѣченія средствъ обвиняемому уклоняться отъ суда, т. е. могутъ замѣнить арестъ порукою (Суд. ц. 70 и 72) и, несомнѣнно, участвуютъ въ рѣшеніи вопроса о правѣ, какъ знатоки мѣстнаго обычнаго права.

Инстанціи. Въ началѣ московскаго періода инстанціонныхъ отношеній между органами суда не замѣтно, такъ какъ единый источникъ судебной власти—вел. князь лишь делегировалъ на время свое право суда другимъ лицамъ. Въ XV в., при системѣ кормленія, слагаются двѣ инстанціи: провинціальный судъ намѣстниковъ и волостелей и центральный судъ—бояръ и в. князя. Въ XVII в. можно различать три инстанціи: суды провинціальные, приказы и боярскую думу. Впрочемъ этотъ порядокъ далеко не можетъ быть признанъ правильнымъ; многіе приказы судили въ качествѣ первой инстанціи, напр. земскій пр. для гор. Москвы. Съ друг. стор. губныя и земскія власти, а также воеводы болѣе важныхъ и отдаленныхъ городовъ получали право безаппелляціоннаго суда. Дѣла могли переходить изъ низшихъ въ высшія инстанціи по докладу (Суд. 1-й, ст. 16) и по жалобѣ, что называлось „пересудъ“ (Суд. 1-й, ст. 64 и Суд. ц. ст. 51). Аппелляція каждый разъ являлась жалобою въ умышленномъ неправосудіи и имѣла видъ суда съ судьею, хотя законъ знаетъ уже и возможность добросовѣстнаго неправаго рѣшенія (Суд. ц. 2).

Подсудность. Въ Московскомъ государствѣ господствуетъ подсудность *территоріальная*. Правда, до Судебника лица служилаго класса не подчинялись суду мѣстныхъ воеводъ; но это объясняется не сословнымъ ихъ положеніемъ, а лично-служебною зависимостію ихъ отъ в. князя. Съ устройствомъ земскихъ учрежденій, подсудность земскихъ судовъ ограничивалась тяглыми лицами; но съ возникновеніемъ воеводскаго управленія, за первыми остался только одинъ низшій родъ дѣлъ, а судамъ воеводскимъ подлежали

всѣ остальные виды дѣлъ безъ различія классовъ извѣстной территоріи. Изъ общей территоріальной подсудности исключается духовенство по отношенію къ тому роду дѣлъ, который подлежалъ духовному суду. Въ XVII в. лица разныхъ служебныхъ профессій также освобождались, по нѣкоторымъ дѣламъ, отъ подсудности мѣстной; такъ стрѣльцы въ провинціяхъ подлежали въ гражданскихъ дѣлахъ суду своихъ головъ, но по преступленіямъ низшаго порядка—суду мѣстныхъ воеводъ, а по преступленіямъ высшимъ—суду губныхъ властей. Если и преступникъ и лицо потерпѣвшее оба стрѣльцы, то вмѣстѣ съ воеводою судитъ и голова. *Столкновеніе подсудностей* первоначально вело постоянно къ устройству *общихъ судовъ*, т. е. совокупнаго разбора дѣла судьею истца и судьею отвѣтчика (см. дог. Дим. Дон. съ Твер. кн. 1368 г.; Губн. моск. зап. ст. 5—8). Но впослѣдствіи „судъ вопчей“ остался только для дѣлъ между духовенствомъ и прочими гражданами (Суд. 1-й, ст. 59 и Суд. ц. ст. 91), т. е. удержался при столкновеніи подсудности сословной, а также въ дѣлахъ между жителями разныхъ удѣловъ (Суд. ц. ст. 100). При столкновеніи-же подсудностей территоріальныхъ, явились *суды смѣстные*, при которыхъ судья истца не судитъ вмѣстѣ съ судьею отвѣтчика, а лишь даетъ пристава, который присутствуетъ при судѣ для наблюденія за интересами истца и за исправнымъ полученіемъ пошлинъ, слѣдующихъ судьѣ его (Суд. ц. ст. 30); при этомъ встрѣчные иски разрѣшаетъ тотъ-же судья. Въ эпоху Уложенія вполнѣ устанавливается принципъ о принадлежности права суда судьѣ отвѣтчика.

II. Судопроизводство.

Въ Московскомъ государствѣ единство процесса уже разрушается: образуется различіе между „*судомъ*“ (обвинительнымъ процессомъ и „*розыскомъ*“ (слѣдственнымъ процессомъ).

Исторія постепеннаго образованія различія между судомъ и розыскомъ такова: до Судебниковъ всякій процессъ былъ обвинительнымъ. Со времени возникновенія губныхъ учрежденій изъ общей нормы выдѣляется особый процессъ для дѣлъ разбойныхъ, а потомъ для дѣлъ по убійству и татьбѣ съ поличнымъ. Первоначально это не былъ процессъ, а лишь средства поимки и наказанія вѣдомыхъ лихихъ людей. Но такъ какъ такими людьми начали считать не только схваченныхъ на мѣстѣ преступленія, но и рецидивистовъ и людей облихованныхъ общиною, то пойманныхъ лихихъ людей стали распрашивать—не совершали-ли они прежде преступленій, стали доискиваться мнѣнія общины чрезъ повальный обыскъ. Такимъ образомъ короткая процедура казни вѣдомыхъ лихихъ людей превращается въ процессъ. Къ этому присоединяются распросы пойманныхъ о ихъ сообщникахъ, чѣмъ уже обнаруживается, что государство само преслѣдуетъ лихихъ людей.

Процессъ, составившійся такимъ образомъ, до Уложенія стоитъ рядомъ съ обвинительнымъ и независимо отъ него. Послѣ Уложенія слѣдственныя начала проникаютъ и въ „судъ“, пока наконецъ при Петрѣ всякій процессъ дѣлается розыскомъ.

Границы между „судомъ“ и „розыскомъ“ по московскому праву не совпадаютъ съ границами уголовнаго и гражданскаго судопроизводства по современному праву: всѣ дѣла гражданскія *крѣпостныя* рѣшаются розыскомъ; наоборотъ всѣ дѣла уголовныя, совершаемыя не вѣдомыми лихими людьми, судятся обвинительнымъ процессомъ („бой и грабежъ“).

Судъ (обвинительный процессъ).

Сторонами въ процессѣ могли быть всѣ (монахи, холопы, несовершеннолѣтніе; см. Суд. 1-й, ст. 49, Суд. ц. ст. 17; но сл. Улож. XVI, 23, XVII, 13; о правѣ холоповъ см. Ук. кн. вѣд. казн. ст. XX); не могутъ искать люди, обвиненные въ крамолѣ и „составѣ“ и въ клятвопреступленіи, а также дѣти на родителей (см. Уст. кн. вѣд. казн. ст. XX; Ул. XXII, 6).

Взаимное отношеніе сторонъ до суда (вызовъ) опредѣляется и здѣсь договоромъ; но въ заключеніе договора власть вмѣшивается гораздо рѣшительнѣе, чѣмъ въ древне-русскомъ процессѣ. Отношенія установляются посредствомъ „челобитной“, „приставной памяти“ и „срочной“: первая опредѣляетъ границы спорнаго права, вторая къ какому судьѣ идти (что, впрочемъ, въ московскую эпоху не слѣдуетъ понимать къ строгомъ смыслѣ при общемъ государственномъ распредѣленіи подсудности); третья опредѣляетъ сровъ явки (который также уже болѣе зависитъ не отъ договора сторонъ, а отъ усмотрѣнія судьи, такъ что иногда сроки наметываютъ силою). Въ срединѣ московскаго періода нѣкоторыя мѣстности и классы выхлопатывали себѣ постоянные общіе сроки для вызова въ судъ; напр. крестьяне могли быть вызваны только отъ 1 окт. по 1 апр. (см. ук. 1642 г.). Договорныя отношенія сторонъ постепенно отстранялись государствомъ; такъ вызовъ чрезъ приставную память уступилъ въ эпоху Ул. мѣсто вызову чрезъ „зазывную грамоту“ (Ул. X, 100 и др.); первая удержалась только для Москвы и ея ближайшихъ окрестностей. Различіе послѣдствій вызова чрезъ приставную память и зазывную грамоту состояло въ томъ, что неявившійся къ суду по вызову перваго рода тотчасъ обвинялся безъ суда; напротивъ къ неявившемуся по вызову 2-го рода, но давшему по себѣ поруку, посылались 2-я и 3-я зазывныя грамоты и лишь послѣ этого неявившійся обвиняемъ былъ безъ суда; если же отвѣтчикъ не давался въ поруку, то воевода бралъ его насильно чрезъ пушкарей и затинщиковъ. Кавелинъ отказывается понять эту разницу двухъ способовъ вызова; но основанія ея очевидны: въ первомъ случаѣ неявившійся самъ нарушаетъ договоръ; во второмъ его

личная воля не участвовала (см. выше стр. 256). Лица, на которыхъ возлагалась власть вызова, именовались недѣльщиками и ѣздоками въ Москвѣ и доводчиками въ провинціяхъ (Суд. 1-й ст. 28—36; Суд. ц. ст. 44—50, 53, 54; уст. Бѣл. грам. 3—5, 16, 22). Договоръ скрѣпляется непремѣнно *поручительствомъ*; на поруки можно отдать насильно по распоряженію власти (Ул. X, 117, 140, 229). Необходимыми поручителями были сосѣди и сродники (которые составляли между собою круговую поруку), что, впрочемъ, изчезло въ эпоху Уложенія. Цѣлію поруки первоначально было не только представленіе отвѣтчика къ суду, но и обезпеченіе иска въ случаѣ его неявки; но въ Улож. ц. А. М. осталась только одна первая цѣль (X, 117, 140, 229).

Стороны могли не являться на судъ лично; ихъ замѣняли естественные *представители*—родственники и люди (Ул. X, ст. 108, 109, 149, 156, 157, 185; сл. Ук. кн. зем. прик. V; XIII, 3 и 12); только за неимѣніемъ такихъ допускается свободные представители, которыми б. ч. были холопы (Ук. кн. вѣд. казн. XX) и для которыхъ до 1690 года не требовалась довѣренность. Послѣдствіемъ этого была ничтожность права повѣренныхъ и легкая возможность возстановленія рѣшенныхъ дѣлъ.

На самомъ *судѣ* стороны подаютъ „ставочныя челобитныя“. Послѣдствіемъ неявки въ срокъ для отвѣтчика была выдача „безсудной грамоты“, т. е. утвержденіе права за истцомъ, такъ какъ-бы судъ состоялся; неявка истца вела къ прекращенію иска. Явившіеся не должны были съѣзжать съ мѣста производства суда подъ угрозою тѣхъ-же послѣдствій; въ 1645 г. сдѣлано изъ этого изъятіе для дѣлъ, основанныхъ на крѣпостныхъ актахъ (Ук. кн. зем. прик. ст. X, 1, 3, 4; XIII, 4, 5, 11; XXXVII и XLVII; Улож. X, 108, 109, 118, 149, 185; XVI, 59; XVIII, 22—23; XX, 111, 119).

Отношенія сторонъ къ суду: стороны имѣютъ лишь отрицательное вліяніе на составъ суда (чрезъ *отводъ судей*). Въ эпоху Уложенія пассивная роль судьи въ процессѣ дѣлается все болѣе активною.

Судебныя доказательства: *1) Послушество.* Послушество принимаетъ въ московскомъ процессѣ слѣдующія формы:

а) *Ссылка изъ виноватыхъ*, когда сторона ссылается на одного свидѣтеля съ условіемъ подчиниться обвиненію, если свидѣтель покажетъ противъ сославшагося. Ссылка изъ виноватыхъ имѣла безусловное значеніе для обѣихъ сторонъ въ эпоху Судебниковъ отъ того, что тогда еще существовало поле, на которое могла вызвать послуха противная сторона. Ея всегдашнее второстепенное значеніе есть обвиненіе той стороны, которая на нее сослалась. Безусловное значеніе ссылки, по уничтоженіи поля, признается въ слѣдующихъ случаяхъ: при ссылкѣ одной стороны на отца, или мать другой, при ссылкѣ на нѣсколько лицъ (не менѣе 10) служилыхъ (при искѣ до 50 руб.) и остальныхъ (при искѣ до 20 руб.), если эти лица по-

казываютъ единогласно (Ук. кн. вѣдом. казн. ст. V, 9, Улож. X. 158—159, 160, 176).

б) „*Общая ссылка*“—остатокъ третейскаго рѣшенія споровъ есть ссылка обѣихъ сторонъ на одного и того-же, или на однихъ и тѣхъ-же послуховъ. Однако законъ ограничиваетъ право сторонъ въ выборѣ третьихъ: нельзя ссылаться на людей, слышавшихъ о фактѣ, но не видѣвшихъ его, общею ссылкою не можетъ быть лицо, зависимое отъ одной изъ сторонъ. Значеніе силы показаній общей ссылки ослабляется въ эпоху Уложенія: допускается обвиненіе общей ссылки въ подкупѣ и пристрастіи; допускается отводъ общей ссылки для другаго дѣла, рѣшаемаго въ томъ-же засѣданіи.

в) Свидѣтелями могутъ быть лица совершеннолѣтнія; не могли быть свидѣтелями: жена противъ мужа, дѣти противъ родителей, холопы противъ господъ. Свидѣтель изъ высшихъ классовъ предпочитался свидѣтелю изъ низшихъ: „свидѣтельство одного человѣка изъ благороднаго класса (говоритъ Герберштейнъ) значитъ болѣе, чѣмъ свидѣтельство многихъ людей низкаго состоянія“ (въ пер. Аноним. стр. 84). Явка свидѣтеля обязательна; съ не явившагося безъ уважительной причины взыскивается весь искъ, убытки и пошлины (Суд. ц. ст. 18; Ак. Юрид. № 13).

г) *Повальный обыскъ* въ дѣлахъ судныхъ допускается за неимѣніемъ общей (поименной) ссылки, или ссылки изъ виноватыхъ (см. Ук. кн. вѣд. казн. V, 1, 3—6; Уст. кн. разб. прик. VI; свѣдѣнія о повальномъ обыскѣ излагаются ниже въ исторіи розыска).

2) Суды Божіи, уцѣлѣвшіе въ московскомъ періодѣ, суть слѣдующіе: а) *Поле* въ эпоху Судебниковъ еще общеупотребительно; оно происходитъ между истцомъ и отвѣтчикомъ, послухомъ и стороною и между послухами одной стороны при разнорѣчіи ихъ. Стороны должны имѣть стряпчихъ и поручниковъ, которые, наравнѣ съ сторонними, отклоняются отъ участія въ битвѣ; равенство сторонъ наблюдается только физическое. Наймитство (Суд. ц. 13 и 14) допускается такъ-же, какъ въ Псков. суд. грам. Поле допускается только въ личныхъ искахъ, каковы: бой, заемное дѣло, пожегъ, душегубство, разбой, татьба (Суд. 1 й, 4—7, 68; Суд. цар. 13—14; Ук. кн. вѣд. казнач. V, 15). Поле изчезаетъ незамѣтно въ началѣ XVII вѣка.

б) *Крестное цѣлованіе*, т. е. присяга сторонъ, допускается въ искахъ превышающихъ 1 руб., для лицъ совершеннолѣтнихъ и цѣловавшихъ крестъ не болѣе 2-хъ разъ въ жизни. Вспомогательное значеніе ея при „полѣ“ таково-же, какъ и въ древнемъ процессѣ; она постепенно замѣняетъ „поле“. Право присяги рѣшается жребіемъ (Ук. кн. прик. холоп. суда, ст. X; Указ. кн. зем. прик. X, 6; XIII, 12; XXXI, 4; Улож. XIV). Форма присяги была обставлена особенною торжественностію: присягали сначала въ одной для того назначенной церкви гор. Москвы (Николы Стараго на деревянномъ крестѣ), затѣмъ въ приказахъ, но въ присутствіи дворянъ, цѣловальниковъ

изъ сотенъ и подъячихъ, которые читали при томъ извлеченія изъ правилъ св. отцовъ и градскихъ законовъ о клятвопреступленіи; послѣ ук. 1673 г. (19 дек.) присяга совершалась въ Москвѣ въ Архангельскомъ соборѣ. Приводили къ акту присяги три раза, причемъ въ первые два раза лишь увѣщевали намѣревающагося присягнуть; только въ 3-й разъ допускали къ присягѣ. Не смотря на эту религіозную торжественность присяги, присягающій могъ замѣнить себя естественнымъ (но не наемнымъ) представителемъ (мужъ за жену, сынъ за мать, люди за своихъ господъ).

в) „*Жребій*“, кромѣ вспомогательнаго (указаннаго выше) значенія, въ эпоху Уложенія получаетъ самостоятельное, именно въ дѣлахъ менѣе рубля и въ искахъ на лицахъ духовныхъ.

3) *Письменные акты* только въ эпоху Уложенія и только крѣпостные имѣютъ безусловное значеніе; въ эпоху Уложенія ихъ можно было отвергать только при уголовномъ обвиненіи противной стороны въ насильственномъ исторженіи акта или подлогѣ (Ук. кн. зем. пр. XXIV; Улож. X, 246—247).

Судебное рѣшеніе: сила судебныхъ рѣшеній. Прежде, при отсутствіи письменнаго дѣлопроизводства и личномъ интересѣ судей въ процессѣ, была легкая возможность возстановленія рѣшенныхъ дѣлъ. Возстановленіе дѣлъ было особенно часто при перемѣнѣ лицъ, бывшихъ субъектами спорнаго права (при переходѣ правъ, утвержденныхъ судомъ, по наслѣдству и другимъ путемъ) и при смѣнѣ лицъ, представляющихъ судебную власть (особенно-же при наступленіи новаго царствованія). Судебникъ 2-й косвенно запрещаетъ возстановленіе рѣшенныхъ дѣлъ (въ ст. 97-й).—Уложеніе воспрещаетъ, подъ страхомъ наказанія батогами и уплаты проѣстей и волокитъ, повтореніе иска, если это тотъ-же самый искъ, противъ того-же самаго лица; въ искахъ вещныхъ смѣна физическихъ лицъ—субъектовъ права, напр. епископовъ и игуменовъ въ церковныхъ вотчинахъ, помѣщиковъ и вотчинниковъ—въ частныхъ, не признается обстоятельствомъ, допускающимъ возстановленіе вершеннаго дѣла. Дѣла, рѣшаемыя мировою сдѣлкою, требуютъ „записи“ о томъ, чтобы ихъ вновь не начинать (Ул. X, 154; XV, 1—5). Судебное рѣшеніе уже съ начала Московскаго государства облекалось въ форму „правой грамоты“.

Что касается до *способовъ исполненія судебныхъ рѣшеній*, то всѣ личные иски обращаются на лицо. Отсюда „правежъ“, самая обыкновенная (но не единственная) форма, которая состоитъ въ битьѣ прутьями предъ приказомъ, ежедневно съ 1-го часу дня до окончанія засѣданія. За каждые 100 руб. полагается одинъ мѣсяцъ правежу для всѣхъ, и 2 мѣсяца для служилыхъ (которые не выдаются головою, до ук. 1628 г. янв. 15, когда велѣно было выдавать и ихъ головою до искупу: см. Ук. кн. зем. пр. X, 7). На правежъ могли до 1681 г. быть взяты холопы и крестьяне за господина; послѣ 1681 г. это право осталось только за самыми высшими лицами.

При недѣйствительности этой мѣры слѣдуетъ *выдача головою* обвиненнаго оправданному. Выдаются должники съ малолѣтними ихъ дѣтьми, а по ук. 1688 г., и съ женою: заработная плата мущинамъ таксируется по 5 рублей, женщинамъ по $2^1/_2$, дѣтямъ свыше 10 лѣтъ по 2 рубля въ годъ. При конкурсѣ слѣдуетъ поочередная отработка долга. Со времени Уложенія взысканіе постепенно распространяется на недвижимую собственность: на пустыя вотчины, съ 1656 г. на пустыя помѣстья; а съ 1685 г. на всякія имущества (Суд ц. ст. 55; уставн. Важ. грам.; Ук. кн. зем. прик. X, 7—8; Ук. кн. вѣдом. казн. ст. III, VII и XVI).

Розыскъ.

1) Стороны. Въ розыскѣ истецъ есть государство; это начало развивается съ медленною постепенностью. чрезъ запрещеніе самосуда (Уст. кн. разб. прик. 66, Улож. XXI, 79), возложеніе на общины обязанности отыскивать преступниковъ и большой повальный обыскъ, запрещеніе мировыхъ по уголовнымъ дѣламъ и обязанность частнаго истца продолжать начатый (уголовный) искъ (Уст. кн. разб. прик. ст. 41; Ук. кн. зем. пр. ст. IV). Твердое примѣненіе этого начала къ государственнымъ преступленіямъ совершенно понятно.

Въ розыскѣ отношеніе сторонъ до суда уже не договорное. вмѣсто приставныхъ здѣсь практикуются „записи“ (см. Суд. ц. 75), „зазывныя грамоты“, приказъ арестовать и привести обвиняемаго и „погонныя грамоты“—приказъ мѣстнымъ властямъ и сосѣдямъ поймать обвиняемаго. Одно изъ характерныхъ отличій древне-русскаго права есть широкое развитіе *поручительства* въ замѣнъ *ареста*; обыкновенно поручителями были родственники и члены той же общины (см. Суд. 1-й, ст. 34—36; губн. Бѣл. гр.; Суд. ц. 53; 54, 70; Уст. Важ. грам.; Уст. кн. разб. прик. ст. 4 и V).

Положеніе сторонъ на судѣ. Въ розыскѣ самъ судъ изыскиваетъ доказательства, судоговореніе превращается въ „допросъ“ и „*очную ставку*“; за *сыворъ* съ обвиняемаго истецъ подвергается самъ пыткѣ. Къ этому-же ведетъ „*сыскъ*“ (обзоръ слѣдовъ преступленія на мѣстѣ).

2) Средства розыска суть: а) *поличное*, которое имѣетъ силу лишь тогда, когда вещь вынута у обвиняемаго изъ-за замка (Уст. Бѣлоз. гр. ст. 11; Уст. кн. разб. пр. 21—23; Улож. ц. А. М. XXI, 50—57). Древнее безусловное значеніе поличнаго постепенно падаетъ.

б) *Повальный обыскъ* есть остатокъ стариннаго права общинъ участвовать въ судѣ; мнѣніе, по которому обыскъ возникаетъ изъ *обязанности* общинъ ловить преступниковъ, не можетъ быть принято (Суд. 1-й ст. 12). При возникновеніи розыскнаго процесса (въ губныхъ учрежденіяхъ) обыскъ превращается въ судебное доказательство, превышающее по своей силѣ всѣ другія; въ эпоху Указныхъ книгъ и Улож. онъ дѣлается однимъ изъ

судебныхъ доказательствъ, сила котораго можетъ быть ограничена другими доказательствами (повальный обыскъ въ дѣлахъ судныхъ введенъ по примѣру розыскнаго процесса). Хотя онъ признанъ неотводимымъ, но при противорѣчіи обыска другимъ доказательствамъ, особенно собственному признанію, обыскъ ведетъ къ нерѣшительному приговору (т. е. нейтрализируетъ силу остальныхъ судебныхъ доказательствъ). Вообще сила обыска падаетъ по мѣрѣ обращенія его въ одно изъ судебныхъ доказательствъ (Суд. 2-й, ст. 52, 56). Форма обыска такова, по наказной памяти обыскные люди собираются въ городъ и подаютъ голоса лично. Прежде (до ук. 1588 г.) обыскные люди были высылаемы въ Москву для провѣрки обыска (Ук. кн. вѣд. казн. ст. X и ст. V, 3). Число обыскныхъ людей неопредѣленно: Судебникъ назначалъ 10—15 дѣтей боярскихъ, или 15—20 крестьянъ; Уставныя грам. отъ 50 до 100 человѣкъ. Въ періодъ Указныхъ книгъ и Уложенія различается большой и малый повальный обыскъ. При обыскѣ не должны быть ни стороны, ни ихъ повѣренные. „Порозжіе столбцы"—бланки, при обыскѣ запрещены въ 1691 г. Обыскной списокъ отсылается судьѣ. Показанія большинства рѣшаютъ дѣло; но единогласіе тѣмъ не менѣе требуется (Уст. кн. разб. пр. ст. 7; Улож. ц. А. М. XXI, 42); при раздѣленіи голосовъ на большинство и меньшинство, производится дознаніе—какая сторона солгала; солгавшая наказывалась денежнымъ штрафомъ или кнутомъ; при раздѣленіи на равныя части, обыскъ повторяется (Ук. кн. вѣд. казн. V, 4—5; Уст. кн. разб. пр. VI). Допускаемъ былъ отказъ обыскныхъ людей отъ опредѣленныхъ показаній, т. е. заявленіе ихъ о невѣдѣніи на счетъ лица или факта (Уст. кн. разб. пр. ст. 11). Эти обстоятельства уменьшали свободу и безпристрастіе въ показаніяхъ обыскныхъ людей; а уменьшеніе безпристрастія влекло новыя стѣсненія и уменьшеніе силы показаній повальнаго обыска (Уст. кн. разб. пр. ст. 6, 8—9). Безпристрастію показаній обыскныхъ людей мѣшала и полицейская обязанность общинъ—указывать воровъ и разбойниковъ. Со времени новоук. ст. 1669 г. обыскъ переходитъ въ простое свидѣтельское показаніе.

в) *Собственное признаніе и пытка.* До узаконеній ц. Ѳеодора Іоанновича собственное признаніе не было необходимымъ и послѣднимъ способомъ судебныхъ доказательствъ въ розыскѣ (Уст. кн. разб. пр. ст. 9; ср. ст. 6), хотя вынужденіе собственнаго признанія пыткою началось уже въ первомъ періодѣ (см. выше). Судебникъ 1497 г. предписываетъ недѣльщику пытать татя „безхитростно" (т. е. усердно); цѣлью пытки, впрочемъ, было тогда не столько вынужденіе собственнаго признанія, сколько оговоръ другихъ людей—соучастниковъ преступленія. Суд. ц. усиливаетъ значеніе собственнаго признанія, какъ цѣли пытки (Суд. 1-й ст. 34, Суд. ц. 56). Со временъ ук. ц. Ѳеодора Іоан. пытка дѣлается главнымъ средствомъ розыска

и практикуется въ разнообразныхъ формахъ (преимущественно въ формѣ „дыбы“) до временъ имп. Екатерины II.

4) Приговоръ и его исполненіе. Въ розыскѣ возможны *нерѣшительные* приговоры именно при противорѣчіи доказательствъ, а потомъ всегда при отсутствіи собственнаго сознанія; если нѣтъ собственнаго признанія, но обыскъ „лихуетъ“ обвиняемаго, то этотъ послѣдній, вмѣсто слѣдовавшей ему казни, заключается въ тюрьму пожизненно“ (Уст. кн. разб. прик. 12); если-же на обыскѣ одобрятъ, то обвиняемый дается на чистую поруку съ записью, „что ему впредь не красти и не разбивати“ (Ул. XXI, 29, 36 и др.).

Приговоры по розыскнымъ дѣламъ приводятся въ исполненіе силами самого государства. Въ отношеніи къ уголовнымъ дѣламъ, право государства на наказаніе преступника постепенно торжествуетъ надъ правомъ частныхъ истцовъ (потерпѣвшихъ) на вознагражденіе (см. выше стр. 282).

ПЕРІОДЪ ИМПЕРІИ. *).

Уже въ концѣ московскаго періода слѣдственныя начала въ значительныи степени проникли и въ обвинительный процессъ, а границы розыска (въ тѣсномъ смыслѣ) постепенно разширялись на счетъ формъ общаго процесса. Но до Петра В. вообще надо признать еще состязательныя формы процесса общимъ явленіемъ, а слѣдственныя исключеніемъ. Петру I принадлежитъ обратная постановка дѣла. Ему не нравились сложныя и состязательныя формы суда; ему не нравилась свобода сторонъ въ назначеніи цѣны иска, наемъ повѣренныхъ („нанимаютъ за себя въ судъ... ябедниковъ, воровъ и душепродавцевъ“, говоритъ онъ съ укоризною). Сначала реформаторъ воспользовался готовыми (московскими) формами розыска, предписавъ въ 1697 г.: „суду и очнымъ ставкамъ не быть, а вѣдать всѣ дѣла розыскомъ“ (П. С. З. № 1572). Затѣмъ къ Воинскому уставу 1716 г. было приложено „краткое изображеніе процессовъ“, заимствованное изъ нѣмецкихъ источниковъ; здѣсь нашло себѣ мѣсто полное примѣненіе понятія слѣдственнаго (инквизиціоннаго) процесса. процессъ становится тайнымъ и письменнымъ (вмѣсто судоговоренія установленъ двукратный обмѣнъ бумагъ между сторонами). Повѣренные допускаются только при невозможности для сторонъ лично явиться въ судъ и только по нѣкоторымъ дѣламъ. Важнѣйшимъ недостаткомъ Петровскаго „процесса“ обыкновенно считаютъ введенное имъ ученіе о формальномъ значеніи доказательствъ (т. е. заранѣе установленной оцѣнкѣ ихъ закономъ, а не судьею). Но при исключительномъ господствѣ слѣдственныхъ началъ въ процессѣ,—это скорѣе достоинство, чѣмъ недостатокъ, ибо произволъ, данный судьѣ, былъ столь великъ, что безъ ограниченія его теоріею формальной силы доказательствъ, самое по-

*) О реформахъ Петра В. и Екатерины II въ области судоустройства см. выше 239—240.

нятіе о судѣ утрачивалось-бы,—приговоръ являлся-бы простымъ распоряженіемъ судьи по его усмотрѣнію. Судебныя доказательства, допущенныя „процессами“ суть слѣд.: а) собственное признаніе—„это лучшее свидѣтельство всего свѣта“; благодаря такому ошибочному взгляду процессъ преимущественно направляется къ исторженію собственнаго признанія пыткою, примѣненіе которой еще болѣе возросло сравнительно съ московскимъ періодомъ. б) Свидѣтельскія показанія; здѣсь уже находимъ подробное обозначеніе качествъ свидѣтелей со стороны моральной, пола и общественнаго положенія и отношенія ихъ къ сторонамъ; въ первомъ отношеніи къ свидѣтельству вовсе не допускаются люди опороченные, не только по infamia mediata, но immediata (преступники, явные прелюбодѣи, люди не бывшіе у исповѣди); во второмъ отношеніи сила свидѣтельскихъ показаній выше, смотря по тому, если свидѣтель мужчина (а не женщина), знатный человѣкъ (а не простолюдинъ), духовный (а не свѣтскій) и ученый. Въ третьемъ отношеніи свидѣтельство родственниковъ вовсе не принимается. Число свидѣтелей опредѣляется со стороны минимума; именно показаніе *одного* не считается совершеннымъ доказательствомъ. в) Въ Петровскомъ процессѣ уцѣлѣлъ одинъ изъ видовъ суда Божія, именно—очистительная присяга, къ которой допускается обвиняемый въ томъ случаѣ, когда противъ него не было другихъ достаточныхъ уликъ; впрочемъ законодатель неодобрительно смотритъ на присягу, предпочитая лучше оставить человѣка въ подозрѣніи. г) Наконецъ въ числѣ лучшихъ доказательствъ считались письменные акты (разумѣется въ дѣлахъ гражданскихъ).

Оцѣнка относительной силы доказательствъ выражается въ „процессахъ“ терминами. „совершенное“ доказательство и „несовершенное“; но эти категоріи въ дѣйствительности вовсе не примѣняются къ изчисленнымъ видамъ ихъ. Всякое доказательство принимается за совершенное только при извѣстныхъ условіяхъ: такъ собственное признаніе (лучшее свидѣтельство всего міра) должно быть провѣрено; свидѣтельскія показанія оцѣниваются судомъ по лицамъ свидѣтелей и обстоятельствамъ; даже присяга (остатокъ прежнихъ безусловныхъ средствъ процесса) заподозрѣвается допущеніемъ возможности клятвопреступленія. Остаются однѣ косвенныя улики, совокупности которыхъ воинскій процессъ отказываетъ въ силѣ непреложнаго доказательства.

Законодатель не объяснилъ, къ какого рода судамъ и дѣламъ должно быть примѣняемо „краткое изображеніе процессовъ“. Думать надобно, что по первоначальной его мысли примѣненіе его ограничивается военными судами. Иначе трудно понять, почему черезъ 7 лѣтъ послѣ изд. воин. устава, послѣдовалъ (1723 г.) новый уставъ судопроизводства, озаглавленный: „*О формѣ суда*“ (П. С. З. № 4344). Это есть возстановленіе стараго состязательнаго процесса съ нѣкоторыми (впрочемъ существенными) измѣненіями;

всѣ измѣненія клонятся къ сообщенію судьѣ болѣе активной роли при борьбѣ сторонъ, такъ какъ „на судахъ много даютъ лишняго говорить“; тогда введена форма прошеній по пунктамъ, стѣсненіе сторонъ въ срокахъ явки къ суду.

„Судъ по формѣ“ долженъ былъ имѣть примѣненіе во всѣхъ невоенныхъ судахъ, въ томъ числѣ уголовныхъ. „всѣ суды и розыски имѣютъ по сей формѣ отправляться (говорится въ указѣ), не надлежитъ различать (какъ прежде бывало) одинъ судъ, другой розыскъ, но толкмо одинъ судъ“. Нѣкоторыя постановленія суда по формѣ не примѣняются только къ дѣламъ объ измѣнѣ, „злодѣйствѣ“, оскорбленіи величества и бунтѣ (ст. 5). Въ 1725 г. мая 3 сенатъ истолковалъ, что подъ названіемъ „злодѣйства“ разумѣются преступленія противъ вѣры, убійство, разбой, татьба.—И такъ вообще значеніе суда по формѣ изчезло практика и послѣдующія узаконенія привели къ иному результату. съ одной стороны воинскіе „процессы“ рецепированы для невоенныхъ судовъ,—съ другой найдено было невозможнымъ руководствоваться въ уголовныхъ судахъ „судомъ по формѣ“. Тогда, уже при самомъ Петрѣ I (1724 г.) дѣйствіе „процессовъ“ и „формы суда“ распредѣлено по отношенію ко всѣмъ судамъ имперіи, такъ: послѣдняя должна дѣйствовать при рѣшеніи гражданскихъ дѣлъ („партикулярныхъ“), первые въ дѣлахъ уголовныхъ („доносительскихъ и фискальныхъ“).—Однако такая двойственность формъ процесса (гражданскаго и уголовнаго) не удержалась; какъ узаконенія, такъ и практика рѣшительно наклонялись въ сторону инквизиціоннаго процесса. Екатерина II (ук. 1765 г. іюля 27), предписавъ руководствоваться „формою суда“, тѣмъ не менѣе тутъ-же отмѣнила устное судоговореніе, и ввела письменное производство (для судныхъ коммиссій, учреждаемыхъ на счетъ обвиненныхъ). Замѣчательно, что и депутаты Екатерининской коммиссіи вооружаются противъ состязательнаго процесса, какъ онъ установленъ въ „формѣ суда“; но это и не удивительно, ибо отъ состязательнаго процесса осталась, дѣйствительно, только *форма*, которая лишь усложняла и удлинняла процессъ, между тѣмъ какъ самыя дѣла рѣшались по инквизиціонному усмотрѣнію судей. Распредѣленіе Екатерины II гражданскаго и уголовнаго суда по двумъ палатамъ не привело къ установленію двойственности процесса. „Форма суда“ постепенно забывалась, существуя въ законѣ и въ настоящее время (Св. Зак. т. X, ч. II, ст. 1062—1125), для мѣстностей гдѣ не введены уставы имп. Александра II; но она мало кому извѣстна на практикѣ.

БИБЛІОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ